This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Bd. Nov. 1894.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

1 June — 3 Jul. 1894.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1894.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1894.

Стр.

I.—ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ и университетскій уставъ 1835 года. — III-IV. — Окончаніе.—**А. А. Кочубинскаго** 5

II.—ПЕРЕВАЛЪ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья: I-XX.—**П. Д. Боборыкина** 44

III.—БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ БІОЛОГІИ.—**А. С. Фаминцына** 132

IV.—НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ гр. **А. К. Толстого** 154

V.—ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ И ЕЯ БІОГРАФЫ.—**Влад. Каренина.** 155

VI.—ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ.—I-V.—Перев. **О. Михайловой.** 191

VII.—ЖИЗНЬ И МЕДИЦИНА.—I-III.—**П. М. Альбицкаго** 196

VIII.—ДНИ ИСПЫТАНІЙ.—Jours d'épreuve, par Paul Marguerite.—Изъ быта французской буржуазіи.—XVII-XXIII.—**А. Б—г—** 216

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Современный Фаустъ.—II. Моей незнакомкѣ.—**Вл. Мартова** 250

X.—СЪ УЛИЦЫ.—Разсказъ.—**Ю. Безродной** 255

XI.—ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ. — II. Рядъ новыхъ заимствованій. — **А. Н. Пыпина** 282

XII.—БУДДІЙСКОЕ НАСТРОЕНІЕ ВЪ ПОЭЗІИ.—I-IV.—**Вл. С. Соловьева** . . . 329

XIII.—ХРОНИКА.—Переселенцы въ 1893 году.—**Д. М. Головачева.** 347

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Помолвка Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.—Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Протесты губернаторовъ на постановленія земскихъ собраній. — Что можетъ считаться *явнымъ* нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія? — Новые законы объ училищныхъ совѣтахъ и о фабричной инспекціи.—Учрежденіе комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части 361

XV.—ПО ИСПОЛНЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ на 1893 г.—**О.** 383

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Причины безцѣльныхъ вооруженій.—Двойственность въ международной политикѣ.—Борьба изъ-за военныхъ расходовъ въ разныхъ странахъ.—Положеніе того же вопроса въ Германіи и Италіи. — Сессія германскаго имперскаго сейма. 399

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русскія былины старой и новой записи, п. р. Н. Тихонравова и В. Миллера. — Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. IV. — Сочиненія Петра Хельчицкаго, Ю. Анненкова.—Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи, вып. 1, П. Ферлюдина.—**А. В.**—Новыя книги и брошюры 410

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. G. Brandes. Menschen und Werke. Essays.—II. J. Lemaitre. Myrrha, Vierge et Martyre.—III. P. Gille. La Bataille littéraire. Cinquième série. — **З. В.** 426

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — „Сословіе журналистовъ", какъ объектъ современнаго прожектерства. — Возможна ли и желательна ли его организація? — Отчетъ общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета. — Юбилей А. М. Скабичевскаго и рѣчь В. Д. Спасовича. — Открытіе памятника имп. Александру II въ Гельсингфорсѣ 438

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Спб. Комитета Грамотности 452

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Исторія и теорія статистики, Л. В. Федоровича. — Е. Дюрингъ, Цѣнность жизни, перев. Ю. Антоновскаго. — Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. I и II. — Сельско-хозяйственная статистика Европ. Россіи, А. Фортунатова.—Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность, П. Георгіевскаго. — Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. — Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, вып. 22.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.

Подписка на годъ, первое полугодіе и вторую четверть года въ 1894 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LVIII. — ТОМЪ CCCXLI. — 1/13 МАЯ, 1894.

667-37/2

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1894

~~131.84~~
~~Slav 30.2~~
1894, Jun. 1 – Jul. 3.
PSlav 176.25

(2199)

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ

и

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ УСТАВЪ 1835 ГОДА.

„Уставы сочиняются не для одного лица настоящаго"...
Сперанскій.

Окончаніе.

III *).

Для картины состоянія просвѣщенія — науки — въ университетахъ 30-хъ годовъ считаемъ вполнѣ достаточнымъ задачу нашу ограничить знакомствомъ съ двумя университетами — старѣйшимъ и юнѣйшимъ, московскимъ и петербургскимъ, — оба столичные. По нимъ уже не трудно представить себѣ положеніе дѣла въ глухой провинціи — въ восточной и южной украинѣ, Казани и Харьковѣ. Оставляя болѣе или менѣе въ сторонѣ разныя воспоминанія современниковъ, не всегда точныхъ, мы главнымъ образомъ будемъ основываться на оффиціальныхъ данныхъ изъ эпохи, непосредственно предшествовавшей появленію университетскаго устава 1835 года, и въ первые дни его введенія. Изъ частныхъ воспоминаній воспользуемся немногими.

Въ іюлѣ 1832 года, новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія князя Ливена, который, замѣтимъ мимоходомъ, былъ всею душою поглощенъ мелкими богословскими распрями своихъ лютеран-

*) См. выше: апрѣль, стр. 655.

скихъ единовѣрцевъ въ прибалтійскомъ краѣ, съ дерптскимъ (нынѣ юрьевскимъ) университетомъ во главѣ,—членъ комитета 14-го мая, Уваровъ, получилъ Высочайшее повелѣніе обозрѣть московскій университетъ. Эта министерская ревизія была вызвана сильнымъ неудовольствіемъ высшаго правительства на „буйное расположеніе“ умовъ въ нѣкоторой части молодежи „подъ вліяніемъ постороннихъ лицъ, воспользовавшихся неопытностью и пылкимъ воображеніемъ несчастныхъ жертвъ ихъ коварства“ [1]). Но въ то время личное знакомство со студентами на мѣстѣ привело Уварова къ убѣжденію, что въ своемъ предвзятомъ взглядѣ на молодежь университета былъ неправъ и онъ, и всѣ другіе; что „преждевременныя, рѣзкія заключенія о ней,—откровенно признается Уваровъ,—неосновательны“; совсѣмъ иная, крайне плачевная картина представилась ему, когда онъ познакомился, и столь же близко, съ самими жрецами московской науки, профессорами [2]).

Весь отчетъ по ревизіи построенъ на одной главной мысли, что для Уварова несомнѣнно одно—„упадокъ сего важнаго отечественнаго заведенія, съ слабымъ отголоскомъ прежней своей славы“, а потому вторая часть отчета и названа: „о мѣрахъ возстановленія московскаго университета“. Уже при первомъ посѣщеніи университета, Уваровъ объявилъ свою программу: „я хочу возстановить университетъ, какъ былъ при моемъ тестѣ, гр. Разумовскомъ“ [3]).

[1]) Изъ отчета Уварова. Имѣется въ виду дѣло Сатина, Антоновича и др. отчасти политическаго характера. Антоновичъ—въ 60 и 70-хъ годахъ—попечитель кіевскаго уч. округа. О самомъ дѣлѣ см. въ „Русской Старинѣ“ разныхъ годовъ. Это броженіе умовъ молодежи совпадало съ эпохой польскаго возстанія, что повторялось и позже. Впрочемъ Максимовичъ прямо пишетъ Погодину въ 1831 году о „дурачествахъ Пстрашкевича и другихъ поляковъ, наводящихъ новые поклепы на опальный университетъ нашъ. Говорятъ, до 60 студентовъ взято“. (Барсуковъ, „Погодинъ“, III, 329).

[2]) Свое полное удовольствіе духомъ молодежи, тщательно провѣренное на мѣстѣ, Уваровъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать предъ своимъ покровителемъ, гр. Бенкендорфомъ, шефомъ жандармовъ. „Пока,—писалъ онъ 14-го октября,—я могу съ удовольствіемъ увѣрить васъ, что самое полное спокойствіе не перестаетъ господствовать среди университетской молодежи, и что я могу лишь похвалить тѣ чувства, въ которыхъ я ее оставляю при своемъ отъѣздѣ“ (Р. Архивъ, 1885, I, 367).

[3]) Барсуковъ, „Погодинъ“, IV, 72. — Первое посѣщеніе было 15-го августа, а 9-го онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Объ объявленной программѣ Погодинъ, слышавшій слова ревизора, въ дневникѣ своемъ ехидно замѣчаетъ: „тогда (т.-е. при Разумовскомъ) были только пьяницы и лѣнтяи“. Грозный ревизоръ только еще собирался въ Москву, а одинъ изъ чиновниковъ, другъ Погодина, тогда попавшаго въ ученую передрягу, уже поспѣшилъ снабдить его наставленіемъ, какъ обойти ревизора: „пожалуйста, постарайтесь угодить ему. Поладить весьма легко: бывайте у него только почаще, превозносите его таланты, познанія, глубокія его свѣденія въ греческомъ языкѣ, обладаніе русскимъ словомъ и пр.“ (тамъ же, 70).

Аттестуя съ самой лестной стороны политическую безупречность членовъ университета, ихъ „хорошій духъ и добрыя начала", Уваровъ, вѣрно понимавшій сущность дѣла образованія, а именно, что̀ на первомъ мѣстѣ—пригодность самихъ орудій,—не далъ себя увлечь односторонними пріятными впечатлѣніями отъ кондуитныхъ, такъ сказать, списковъ профессоровъ, *и* съ мужественною, неподкупною откровенностью доносилъ: „Вліяніе добрыхъ началъ и хорошихъ намѣреній тогда только имѣетъ полную силу надъ умами, особенно молодыхъ людей, когда оно сопровождается основательнымъ образованіемъ, счастливымъ выраженіемъ мыслей и запасомъ твердыхъ познаній въ профессорѣ". Имѣя этотъ справедливый критерій, Уваровъ нашелъ „довольно неровное распредѣленіе способностей между преподающими: иные стоятъ на степени желаемаго образованія по своей наукѣ и владѣютъ способностью передавать свои познанія; другіе *отстали* на собственномъ поприщѣ, и сихъ отсталыхъ можно найти какъ между старыми, такъ и между младшими членами". Конечно, послѣднее открытіе—самое непріятное.

Къ первой категоріи Уваровъ могъ отнести всего пятерыхъ: „ветерана Качеповскаго, трудолюбиваго и даже остроумнаго"; краснорѣчиваго Давыдова, „нѣкогда, можетъ быть, легкомысленнаго", но теперь готоваго быть „при хорошемъ направленіи хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства"; астронома Перевощикова, математика Щепкина и оріенталиста Болдырева [1]). Этотъ краткій списокъ пополнялся небольшимъ числомъ (6) „много обѣщающихъ". Сюда вошли: Погодинъ, Максимовичъ, Фишеръ, Альфонскій, Эйнбродтъ и Рихтеръ.

Гораздо интереснѣе признаніе наблюдательнаго и не лишеннаго остроумія Уварова о профессорахъ второй категоріи. „Въ числѣ *отсталыхъ*, большею частью, устарѣвшихъ, замѣтилъ я по медицинскому факультету Мухина и Котельницкаго; въ словесномъ—Ивашковскаго, съ довольно хорошими, но не-

[1]) Еще недавно, въ 1827 году, изъ Москвы доносили въ III Отдѣленіе на сильное распространеніе „якобинизма" въ Москвѣ, и что профессоръ Давыдовъ—„самый отважный якобинецъ". Другими членами „якобинской шайки" были: кн. Вяземскій, Одоевскій, Кирѣевскій, Соболевскій, Титовъ (позже посолъ въ Турціи, недавно умершій) и др. Ср. Колюпанова, „А. И. Кошелевъ", I, 1, стр. 73—74). Самъ „легкомысленный, но съ добрымъ сердцемъ", Погодинъ не избѣжалъ упрека въ либерализмѣ со стороны министра, кн. Ливена, что̀ повергло въ отчаяніе его: „Что̀ за несчастіе! Четыре года читаю лекціи безъ одного слова двусмысленнаго". (Барсуковъ, „Погодинъ", III, 336). Погодинъ какъ разъ тогда мечталъ о статсъ-секретаріатствѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ,—какъ онъ будетъ переписываться съ Гизо, слушать мнѣнія въ государственномъ совѣтѣ и пр. (ib., 333).

своевременными познаніями; латиниста Снегирева, не имѣющаго достаточныхъ познаній; въ нравственно-политическомъ (теперь юридическомъ)—Василевскаго, неспособнаго къ занятію каѳедры, столь важной, политическаго и народнаго права; профессора русскаго законодательства Смирнова, едва-ли обнимающаго предметъ, и нѣсколько адъюнктовъ, отнюдь не обѣщающихъ быть отличными преподающими, и которые лишь по безпечности начальства могли быть допущены къ сему званію. Я не упоминаю здѣсь о прочихъ *заслуженныхъ* профессорахъ".

Изъ этого отзыва ясно, что самый жалкій видъ, съ неспособными профессорами и недостойными адъюнктами, представлялъ юридическій факультетъ, и Уваровъ прямо признавался, что это „совершенный *обломокъ* факультета, въ которомъ все смѣшано, гдѣ юридическія науки не имѣютъ ни одного надежнаго преподавателя, а всѣ политическія, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ, предоставлены адъюнкту". Но любопытно, что Уваровъ не постѣснился и крайней мѣрой—изъ „обломка" сдѣлать нуль—благовидно удалить изъ факультета его единственнаго профессора, Василевскаго.

„Между двумя крайностями" Уваровъ встрѣтилъ еще нѣкоторое количество членовъ средняго достоинства—„безъ отличныхъ способностей и безъ разительныхъ недостатковъ": Надеждина, которымъ онъ былъ особенно недоволенъ за „духъ" его двухъ журналовъ: „Телескопа" и „Молвы",—„не лишеннаго нѣкоторой способности быть со временемъ хорошимъ преподавателемъ" [1]); краснорѣчиваго агронома Павлова (перваго у насъ натуръ-философа), но который справедливо соблазнилъ, и сильно, Уварова своимъ пансіономъ [2]), и др.

---

[1]) По словамъ Снегирева, который именно былъ устраненъ по непригодности изъ университета, Уваровъ, упрекая проф. Цвѣтаева за цензированіе „Телескопа", сказалъ ему: „я такихъ правилъ, что если раздавить, то такъ, чтобы слѣда не осталось. Впрочемъ, не съ тѣмъ принялъ я на себя порученіе отъ Государя, чтобы разить, но чтобы очистить замаранный университетъ" (Снегиревъ и его Дневникъ, Спб. 1871, стр. 114).—Послѣ лекціи Надеждина „О красотѣ", Уваровъ, выходя изъ аудиторіи, замѣтилъ: „я первый разъ вижу, чтобы человѣкъ, который такъ дурно пишетъ, могъ говорить такъ прекрасно" (Н. А. Поповъ, Журн. м. н. пр. 1880 (№ 207, стр. 20). Но онъ усомнился, чтобы слушатели понимали профессора.

[2]) Павловъ издавалъ „Земледѣльческій Журналъ", и цензору его, Двигубскому, Уваровъ тогда же выговаривалъ за направленіе изданія въ такихъ словахъ, по показанію того же Снегирева: „Политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенные, подобно христіанской религіи; у насъ они: самодержавіе и крѣпостное право; зачѣмъ ихъ касаться, когда они, къ счастію Россіи, утверждены сильною и крѣпкою рукою" (Снегиревъ и его Дневникъ, стр. 115).

Въ виду такихъ данныхъ, мы не будемъ удивляться, если заключительный выводъ въ отчетѣ ревизора о наличныхъ силахъ московскаго университета былъ ужасающій. „Изъ сего можно вывести,—писалъ Уваровъ,—сколь несоразмѣрны и несообразны между собою разнородныя части, составляющія публичное преподаваніе въ московскомъ университетѣ; отсюда происходитъ во многихъ какой-то упадокъ духа, какая-то *лѣнь думать и идти впередъ*, какое-то внутреннее несогласіе и неравенство, которыя много содѣйствовали къ разстройству университета и къ недовѣрію общаго мнѣнія“ [1]). Какъ видно, рекомендованная изъ Петербурга система, какимъ образомъ провести ревизора, не помогла. Уваровъ былъ основателенъ и обстоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ, горячо защищалъ интересы русской науки, а если кто и торжествовалъ, такъ одна правда и надежда на лучшее будущее университетовъ.

Наконецъ, представляя отчетъ своего товарища, министръ кн. Ливенъ указывалъ еще на одну язву, общую всѣмъ университетамъ и связанную съ матеріальнымъ положеніемъ профессора—на семейный взглядъ профессоровъ на ихъ службу. „При самомъ вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ,—докладывалъ кн. Ливенъ императору,—нашелъ я, что ввелось въ обычай производить преподавателей своихъ постепенно изъ одной ученой степени въ другую, какъ бы за выслугу лѣтъ, не обращая вниманія, имѣли ли они потребную ученость и достоинства“. *Но долго запущенное не скоро можно поправить*“ [2]).

Ясно, такимъ образомъ, что и самъ московскій университетъ еще въ началѣ 30-хъ годовъ крайне нуждался въ очищеніи, освѣженіи, въ общемъ измѣненіи своихъ патріархальныхъ нравовъ (пансіонеры, кумовство). По старѣйшему университету можно судить объ юнѣйшихъ. Ближайшая надежда на нѣкоторое освѣженіе университетовъ улыбалась изъ Дерпта, гдѣ въ 1828 году комитетомъ 14-го мая былъ открытъ профессорскій институтъ, съ пятилѣтнимъ курсомъ и строгою дрессурою: „можно надѣяться, —продолжалъ свой докладъ кн. Ливенъ, — что оттуда выйдутъ отличные профессора“, а пока—„должны терпѣть“.

Въ виду всѣхъ этихъ, строго провѣренныхъ, оффиціальныхъ данныхъ почти излишне свидѣтельствовать личными воспоминаніями современниковъ о томъ же господствѣ патріархальнаго быта въ жизни университетской науки Москвы. Но для полноты извле-

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. пр., II, 1, № 209.

[2]) Тамъ же, стр. 529.

чемъ два-три слова изъ откровенныхъ и сжатыхъ воспоминаній К. Аксакова, вступившаго въ московскій университетъ какъ разъ въ 1832 году—годъ ревизіи Уварова.

Первый, пропедевтическій, годъ встрѣтилъ умнаго и страстнаго къ наукѣ юношу жалкими хріями, почти элементарнымъ изложеніемъ грамматики классическихъ языковъ и ничтожными лекціями по географіи какого-то Коркунова и по исторіи Гастева.

Второй и послѣдующіе годы на „словестномъ отдѣленіи“ (съ такою ошибкою эта надпись красовалась надъ входомъ въ аудиторію) были лучше; но это „лучше“ обосновывалось почти исключительно преподаваніемъ „ветерана“ Каченовскаго, столь высоко оцѣненнаго Уваровымъ. „Въ наше время,—говоритъ Аксаковъ,—любили, цѣнили и боялись, чуть ли не больше всѣхъ, Каченовскаго. Историческій скептицизмъ его нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ, Бодянскій, съ жаромъ развивали его мысль. Станкевичъ хотя не занимался русской исторіей, но такъ же думалъ“. Этотъ же Станковичъ, будущій духовный вождь извѣстнаго кружка, заложеннаго еще на студенческой скамьѣ, оставляя университетъ, привѣтствовалъ „ветерана“ отъ имени товарищей стихами, наивными, но искренними:

Сквозь строй враговъ онъ насъ провелъ
И прямо вывелъ въ кандидаты.

О конкуррентѣ Каченовскаго, Погодинѣ,—изъ „многообѣщающихъ“, по квалификаціи Уварова,—Аксаковъ вспоминаетъ, что „Богъ знаетъ, какъ умѣлъ Погодинъ, при столькихъ своихъ достоинствахъ, возстановлять противъ себя почти всѣхъ“. Не безъ симпатіи говоритъ Аксаковъ о лекціяхъ Надеждина, пробуждавшихъ мысль, но бѣдныхъ содержаніемъ, съ слѣдами лѣни. Зато классики были изъ рукъ вонъ плохи; это — тѣ „опоздавшіе“, какъ остроумно титуловалъ ихъ Уваровъ: Снегиревъ и особенно Ивашковскій. Лекціи Ивашковскаго, окончившаго курсъ въ университетѣ еще въ прошломъ столѣтіи (1795), были просто неприличны, а самъ онъ былъ всеобщимъ посмѣшищемъ, хотя это не мѣшало ему умѣть передавать по-латыни такія мудреныя слова, какъ „галстухъ“ (въ извѣстномъ его Словарѣ).

Параллельно тому, какъ, говоря словами Уварова, профессоровъ отмѣчала „лѣнь думать и идти впередъ“, — усиленно работала надъ собой, предоставленная себѣ, юная студенческая голова. „Странное дѣло,—вспоминаетъ Аксаковъ,—профессора преподавали плохо, студенты не учились и скорѣе забывали, что знали прежде; но души ихъ, не подавленныя форменностью, были

раскрыты". Согласно съ Уваровымъ, онъ свидѣтельствуетъ, что безпардонный разгулъ—„дикое буйство студенческой жизни миновало" и „замѣнилось стройною свободой мысли". Выраженіемъ этой свободы и былъ историческій кружокъ Станкевича, у котораго собирались каждый день его товарищи: Бодянскій, Строевъ и др. „Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина, ни пирушекъ; будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондёрства, ни либеральничанья". „Въ этомъ кружкѣ выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, большею частью отрицательное. Искусственность россійскаго патріотизма, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности... Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными похвалами" [1]).

Односторонность была естественнымъ явленіемъ среди мыслящей молодежи, послѣ того, какъ на каѳедрѣ она встрѣчала главнымъ образомъ бездарность—„пошлость профессоровъ",—такъ откровенно признается въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Одоевскій [2]), вмѣсто руководства. Это тяжелое явленіе не укрылось, какъ мы видѣли, отъ наблюдательнаго Уварова, подчеркивавшаго въ отчетѣ, что доброе поведеніе профессоровъ недостаточно для университета, когда задача ихъ—вліять наукой на молодые умы,—задача невыполнимая при тѣхъ условіяхъ. Могло ли, наконецъ, чистое чувство не склоняться рѣшительно къ отрицательному направленію при видѣ, какъ ихъ оффиціальные руководители создали среди себя неприличный институтъ пансіонеровъ, который составлялъ язву, публичный скандалъ университетовъ, особенно, въ провинціи, еще долго-долго даже послѣ устава 1835 г.? Напомнимъ ревизію Норова въ началѣ 50-хъ годовъ [3]), и пе-

---

[1]) Газета „День", 1862 г., № 39—42.

[2]) „Русскій Архивъ", 1874, 341. Въ настоящее время трудно и представить себѣ балаганное кривлянье на каѳедрѣ, а между тѣмъ знаменитость своего времени, проф. Сандуковъ, еще въ 1830—31 годахъ, вмѣсто словъ ограничивался мимикой и гримасами: „какъ скорчитъ, бывало, — вспоминаетъ современникъ, — при чтеніи указа рожу, то мы, кромѣ того что смѣялись, понимали, что тутъ есть какая-либо явная нелѣпость" (Тамъ же, 1887, I, 238). Вѣроятно, кое-кто и сожалѣлъ, а „животиковъ не надрывалъ", какъ тотъ авторъ, признаваясь, что „до дѣла намъ не было никакого дѣла".

[3]) О *взяткахъ* при экзаменахъ чиновниковъ см. „Дневникъ" Никитенки (I т., 356). При слабости нравственныхъ началъ въ дѣятельности профессоровъ москов. университета понятна мѣра, на которой остановился Уваровъ послѣ ревизіи и тотчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ — главную надежду по воспитанію студентовъ возложить на инспекцію. 18-го октября 1834 Уваровъ

рейдемъ къ юнѣйшему университету, петербургскому, познакомимся съ его учебными силами той же эпохи.

Не менѣе, если не болѣе энергично, повелъ систему освѣженія, возстановленія науки, Уваровъ и въ Петербургѣ.

Въ апрѣлѣ 1832 года Уваровъ былъ назначенъ товарищемъ министра, а уже подъ 14-мъ мая Никитенко, тогда уже профессоръ петербургскаго университета, занесъ въ Дневникъ: „съ помощью его въ университетѣ приводится въ исполненіе „система очищенія", т.-е. увольненія неспособныхъ профессоровъ. Толмачеву и Боголюбову уже велѣно подать въ отставку. Пальминъ отрѣшенъ". Дѣйствительно, въ немногихъ спеціальныхъ книгахъ найдутся свѣденія о подобныхъ профессорахъ. Далѣе, подъ 6-мъ іюня занесено, что авторъ слышалъ отъ Уварова объ удаленіи Бутырскаго и назначеніи Галича, опальнаго изъ временъ иной чистки — Рунича. Но гдѣ же лежала причина этого моментальнаго и, повидимому, безпричиннаго изгнанія? Уваровъ, со времени образованія комитета 14-го мая, его членъ. Онъ не могъ не помнить роковой аттестаціи петербургскаго университета изъ устъ академика Паррота въ одномъ изъ засѣданій комитета, при чтеніи проекта этого академика объ освѣженіи университетовъ: возлагая полную вѣру на возможность поднятія университета московскаго и провинціальныхъ, Парротъ отказывалъ въ ней одному петербургскому университету. „Петербург-

---

сдѣлалъ представленіе, чтобы „инструкція" инспектору студентовъ москов. университета была общей. Но императоръ, какъ бы въ надеждѣ на скорое общее возвышеніе университетовъ, на новый университетскій уставъ, призналъ желаніе министра нецѣлесообразнымъ и положилъ резолюцію: „Согласенъ на опытъ въ продолженіе одного года". Инструкція устанавливала внѣшнія обязательства студента и особенно касалась казеннокоштныхъ. „Добрая нравственность учащихся юношей, — говорилось въ ней, — есть вѣрнѣйшій, единственный залогъ не только преуспѣянія ихъ въ наукахъ, но и достиженію цѣли правительства въ образованіи ихъ истинными сынами церкви, вѣрными служителями престола и полезными отечеству гражданами... Инспектору поставляется первою и важнѣйшею обязанностію обращать неусыпное вниманіе на религіозное направленіе учащихся въ университетѣ и, противодѣйствуя распространенію между ними вредныхъ началъ, не допускать и самаго равнодушія къ богослуженію, таинству и священнымъ обрядамъ. Онъ долженъ требовать отъ казеннокоштныхъ: 1) чтобы они ежедневно всѣ присутствовали при утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, кои отправлять въ камерахъ съ должнымъ благоговѣніемъ; 2) чтобъ въ воскресные и праздничные дни всѣ, кромѣ иновѣрцевъ, ходили къ обѣднѣ, стояли въ церкви въ назначенномъ имъ отъ инспектора порядкѣ и сохраняли тишину и благочиніе; 3) чтобъ они ежегодно страстную седмицу посвящали говѣнію и пріобщались св. таинъ въ унив. церкви" (§ 5, 6, въ Архивѣ мин. нар. просв. Ср. ниже).

скій онъ находитъ невозможнымъ привести въ цвѣтущее состояніе", —записано въ журналѣ комитета 3-го сентября 1827 года [1]).

Почти поголовный остракизмъ послѣдовалъ при введеніи новаго устава, т.-е. черезъ три года. „13 профессоровъ и адъюнктовъ получили увольненіе, и не знаютъ теперь, куда имъ дѣться", съ ужасомъ замѣчаетъ Никитенко.

17-го іюля 1835 г., въ секретномъ предложеніи петербургскому попечителю, кн. М. А. Дондукову-Корсакову (съ 1-го мая 1833 г.), Уваровъ писалъ: „При предстоящемъ преобразованіи университетовъ встрѣчается одно значительное затрудненіе. Извѣстно, что между господами профессорами находится нѣсколько лицъ безъ заслугъ, но безъ нареканія, *опоздалыхъ на ихъ поприщѣ, мало способныхъ къ преподаванію*, однимъ словомъ, просто доживающихъ срокъ къ полученію пенсіи. Съ другой стороны, изъ числа молодыхъ ученыхъ нашихъ, изъ Берлина прибывшихъ [2]), изъ числа готовящихся къ выпуску студентовъ главнаго педагогическаго института имѣются многіе, которые могли бы съ величайшею пользою занять сіи мѣста, люди, коихъ дарованія будутъ пропадать для общей пользы, если не откроется для нихъ поприще, къ коему они приготовлены. Самое преобразованіе университетовъ осталось бы *предпріятіемъ тщетнымъ*, еслибъ оно не было сопровождаемо и выборомъ *новыхъ орудій*, болѣе способныхъ, болѣе заслуживающихъ довѣренности правительства и уваженія публики. Въ семъ крайнемъ положеніи, дабы согласить, сколько можно, виды справедливаго человѣколюбія съ требованіями службы, я всеподданнѣйше представлялъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству на сей разъ даровать мнѣ всемилостивѣйшее дозволеніе изъ числа университетскихъ и лицейскихъ профессоровъ увольнять съ полною пенсіей и такихъ, кои, не достигнувъ еще 25-лѣтняго срока служенія, выслужили по крайней мѣрѣ $^2/_3$ сего срока. Предположенія сіи удостоились Высочайшаго утвержденія.

„Я,—заключалъ министръ,—вполнѣ увѣренъ, что ваше сіятельство вполнѣ раздѣляете со мною убѣжденіе въ томъ, что отъ благоразумнаго и осторожнаго исполненія сихъ мѣръ должно ожидать весьма важныхъ и благодѣтельныхъ для ввѣреннаго вамъ

---

[1]) Сборникъ постан. по мин. н. пр. II, 1, стр. 96.

[2]) Это были: Рѣдкинъ, М. Куторга, Лунинъ, Порошинъ, Печеринъ, Крюковъ, Чевкинъ. Калмыковъ возвратился еще въ 1834. Подъ 17-мъ іюня Никитенко пишетъ: „Другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ. Въ министерствѣ сильно хлопочутъ объ усиленіи хорошаго состава профессоровъ по всѣмъ русскимъ университетамъ" (I, 359).

университета послѣдствій, и какъ сіи мѣры будутъ первымъ приступомъ къ преобразованію с.-петербургскаго университета и введенію его въ новые штаты, то я покорнѣйше прошу представить мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени ваши по сему предмету подробныя соображенія и заключенія. Излишнимъ почитаю присовокуплять, что сія конфиденціальная бумага должна оставаться въ вашихъ рукахъ безъ всякаго оффиціальнаго хода".

Черезъ четыре дня, 21-го іюля, Уваровъ повторяетъ просьбу, просить попечителя поторопиться сообщеніемъ свѣденій—„какіе изъ профессоровъ могутъ, по способности, свѣденіямъ и усердію остаться въ новомъ составѣ университета, означивъ и каѳедры, на кои надо будетъ опредѣлить новыхъ".

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, вполнѣ сочувствуя высокой цѣли правительства—„возвысить и улучшить составъ университета и дальнѣйшее въ немъ образованіе",—говоря его словами, затребованный роковой списокъ составлялъ медленно, обдуманно. Списокъ помѣченъ 16-мъ августа. Во главѣ его стоялъ самъ ректоръ университета, знаменитый Дегуровъ изъ Клермона: „заслуженный чиновникъ",—пишетъ попечитель,—„способенъ и весьма достоинъ",—отмѣчаетъ онъ же въ извѣстной графѣ формуляра,—но увольняется „по неимѣнію въ виду для него каѳедры ординарнаго профессора". Дѣйствительно, трудно было опредѣлить его спеціальность и раньше [1]). Далѣе слѣдовали: деканъ филологическаго факультета, политико-экономъ и словесникъ Бутырскій; профессоръ астрономіи Вишневскій, въ свое время хорошій работникъ, но теперь одряхлѣлый; отсталый эллинистъ Поповъ и др.; изъ адъюнктовъ: Соколовъ, Брутъ и между прочими Гоголь, „ежели,—прибавляетъ попечитель,—послѣдній не выдержитъ испытаніе на степень доктора философіи для занятія

[1]) Г. Колюпановъ, въ своемъ сочиненіи: „Матеріалы для біографіи А. М. Кошелева", защищая проф. харьковскаго Шада отъ упрека, что онъ былъ не въ ладу съ проф. Дюгуромъ (а тотъ былъ бѣглый католическій монахъ), прямо говоритъ: „Дюгуръ былъ извѣстный доказанный проходимецъ. Онъ былъ въ Казани любимецъ Магницкаго" (I, 2, 299). Невольно припоминаются стихи Пушкина: „Здѣсь зрится и бѣглецъ съ береговъ воинственнаго Дона", т.-е. Севеннъ. Монахъ Шадъ былъ высланъ, а Дюгуръ умеръ сановникомъ, въ Одессѣ, построивъ здѣсь домъ, что теперь г. Мрачка на Херсонской, продолжая дружбу съ пребывавшими и умершими въ Одессѣ же Стурдзою и Магницкимъ. О нечтеніи лекцій Дегуровымъ, о полномъ незнаніи имъ русскаго языка, см. воспоминанія его слушателя, 1830—1833, пок. Фортунатова—Р. Архивъ, 1867, стр. 1701. Его настоящая каѳедра—лектора французскаго языка, чѣмъ онъ и былъ сначала въ петербургскомъ университетѣ. Послѣ Рейха и Балугьянскаго онъ сталъ историкомъ—не читающимъ. Впрочемъ, имѣлъ богатую французскую и англійскую библіотеку, перевезенную въ Одессу.

профессорской должности". Но выполненіе этого условія Гоголемъ попечитель считалъ невозможнымъ: „по мнѣнію моему,—писалъ онъ далѣе,—Гоголь едва-ли можетъ выдержать докторскій экзаменъ", а потому долженъ быть уволенъ изъ университета.

Списокъ былъ принятъ безъ колебанія: всѣ получили пенсіи (Дегуровъ 4 тысячи, хотя попечитель просилъ $4^1/_2$), или единовременныя пособія (Гоголь 800 р., его товарищи-адъюнкты—только по 600) [1]).

Очищеніе окончилось въ интересѣ грядущаго освѣженія. Потребность въ немъ чувствовалась ясно—по отношенію къ обоимъ нашимъ лучшимъ университетамъ. Уставъ 1835 года и отвѣчалъ тому. Его нелегкая задача была—наукѣ возвратить науку чрезъ отстраненіе какъ дѣятелей опоздалыхъ, съ несвоевременными знаніями, коротавшихъ свой вѣкъ на пенсію, такъ и прихотью судьбы очутившихся не на своемъ мѣстѣ и тѣмъ не менѣе легкомысленно упражнявшихся въ чемъ-то на каѳедрѣ,—чрезъ замѣщеніе ихъ новыми, способными орудіями, и въ возможномъ всеоружіи знанія, создать въ университетахъ новую духовную атмосферу, притягательная сила которой воздѣйствовала бы на молодыя поколѣнія сама собою и воспитывала бы ихъ въ уваженіи предъ наукой, предъ нравственнымъ авторитетомъ, имѣла бы силу надъ умами, но помимо всякаго наказа. Иначе, и вся реформа университетовъ — „предпріятіе тщетное", какъ признавался самъ Уваровъ. При такомъ новомъ порядкѣ вещей сама собою упразднялась забота о мѣрахъ возмѣщенія недостающаго авторитета профессоровъ, хотя и добрыхъ нравовъ, внѣшнимъ понужденіемъ; упразднялась, напримѣръ, инспекторская инструкція университетамъ 18-го октября 1834 года, предусмотри-

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв., то же дѣло. О высокомѣрной профессурѣ Гоголя—комическія воспоминанія его товарища Никитенки, I, 354—355. Изъ одного письма Гоголя къ Погодину того времени характеренъ слѣд. отрывокъ: „Весьма недурно,—просить Гоголь,—еслибы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы чрезъ Рѣдкина мнѣ... Мнѣ кажется, что сдѣлано кое-что *необщее* въ Всеобщей Исторіи". (Барсуковъ, „Погодинъ", IV, 234 — 235). Очень просто и наивно! Но современныхъ профессоровъ и Гоголь понималъ вѣрно: „если *я*,—пишетъ онъ Максимовичу въ Кіевъ, куда онъ стремился на ординатуру,—дождусь прочитать планъ мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ *толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты*" (тамъ же, IV, 193). О крайне недостаточномъ знаніи Гоголемъ даже французскаго языка, неумѣньѣ понимать нехитрую французскую рѣчь безъ словаря Рейфа—см. его лексическіе Матеріалы, изданные въ Сборникѣ моск. общ. любителей словесности, 1891.

тельно допущенная лишь въ видѣ опыта на одинъ годъ. Въ самомъ дѣлѣ, какими необыкновенными духовными силами долженъ былъ располагать представитель внѣшняго порядка (а ихъ самъ Уваровъ не находилъ у многихъ профессоровъ), чтобы выполнить вмѣненную ему обязанность—„убѣдить студентовъ въ той истинѣ, что ни въ какомъ европейскомъ государствѣ правительство не дѣлаетъ столь огромныхъ издержекъ по части народнаго просвѣщенія, какъ въ Россіи, что только въ русскихъ университетахъ безмездно и безъ различія гражданскаго состоянія всѣмъ открыты способы обогатить умъ свой полезными свѣденіями, что только въ Россіи успѣхи въ наукахъ, прилежаніе и добрая нравственность награждаются особыми правами и привилегіями и преимущественно открываютъ быстрый ходъ по службѣ“ [1]).

Свой отвѣтъ Уварову, отъ 16-го августа 1835 г., съ роковымъ спискомъ по освѣженію, петербургскій попечитель заключалъ сообщеніемъ, что, несмотря на поголовную очистку, „собственно вакантными каѳедрами остаются: римская словесность и исторія литературы славянскихъ нарѣчій“.

IV.

Въ четырехлѣтнее управленіе министерствомъ Шишкова (по 25-е апрѣля 1828 г.) университетскій вопросъ, несмотря на требованіе быстроты, едва только успѣлъ быть поставленнымъ на очередь. Политика „мирнаго потушенія страстей“ честнаго ветерана прошла въ сокращеніи, а потомъ уничтоженіи Магницкаго и его наукоистребительныхъ вожделѣній, въ реорганизаціи уставовъ цензуры, низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній (ихъ онъ не преминулъ пріобщить къ излюбленному предмету всей своей жизни—къ *словенскому* языку). Но нѣкоторые шаги приготовительнаго характера, иногда довольно смѣлые, выдвинутые ли противъ воли министра, или по его иниціативѣ и съ его одобренія, но каждый разъ въ полномъ единомысліи съ знаменитымъ „сыномъ своихъ дѣлъ“—Сперанскимъ, не могутъ не быть отмѣчены. Сюда относятся: образованіе профессорскаго кадра въ

[1]) Архивъ мин. нар. просв., Объ устройствѣ университетовъ, 1834 г., № 49978, карт. 1592, № 42. Слова рѣзко расходятся съ недавними вожделѣніями эпохи Магницкаго, учившаго, что „низшіе классы общества не имѣютъ нужды въ образованіи, что лучи свѣта, сообщаемые науками, болѣе гибельны, чѣмъ полезны людямъ, которые рождены для одного—повиновенія“.

Дерптѣ, не доведенное до конца учрежденіе каѳедръ славяновѣденія въ университетахъ имперіи, съ приглашеніемъ на нихъ выдающихся ученыхъ изъ западныхъ славянъ, и образованіе „кандидатовъ правовѣденія“ въ Петербургѣ.

Профессорскій институтъ въ Дерптѣ (н. Юрьевѣ) былъ вызванъ проектомъ академика Паррота для образованія свѣжихъ университетскихъ силъ изъ „лучшихъ студентовъ“ нашихъ университетовъ, послѣ того какъ послѣдніе, въ большинствѣ юные, но хилые, готовы были умереть отъ маразма. Въ Высочайшей резолюціи на докладѣ о проектѣ Паррота сказано: „профессора есть достойные, но ихъ немного и *нѣтъ имъ наслѣдниковъ*“. Въ виду этого государь и одобрилъ мысль Паррота. Но самъ Шишковъ, предсѣдатель комитета 14-го мая, былъ рѣзко противъ: въ журналѣ комитета проектъ названъ прямо „незаслуживающимъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія“. Сочувствіе къ себѣ Шишковъ нашелъ только въ Сперанскомъ и Строгановѣ; большинство же членовъ (четыре иностранца и Уваровъ съ Блудовымъ) были за проектъ. Несомнѣнно, въ Шишковѣ говорило оскорбленное національное чувство, и первыя слова Высочайшей резолюціи, вѣроятно, повторяютъ главный аргументъ стараго патріота. Что мысль о *безнаслѣдности* справедливо выражала современное состояніе дряблыхъ нашихъ университетовъ—лучше всего видно изъ того, что на призывъ прислать своихъ кандидатовъ харьковскій университетъ отвѣчалъ неимѣніемъ ни одного. Этотъ замѣчательный отвѣтъ нашелъ себѣ оцѣнку въ словахъ государя: „довольно стыдно харьковскому университету, что ни одного не нашлось на полезную службу, — сказалъ государь, — и польскій университетъ въ Вильнѣ занялъ мѣсто русскаго“ [1]). Мы видѣли, какую полезную службу сослужилъ парротовскій кадръ при введеніи устава 1835 года въ петербургскомъ университетѣ: несмотря на остракизмъ изъ него многихъ профессоровъ, онъ сразу оказался почти полонъ.

Только въ февралѣ 1828 года введенъ былъ въ дѣйствіе проектъ Паррота, а между тѣмъ еще въ январѣ изъ рядовъ патріотической оппозиціи ему, по мысли Сперанскаго и при очевидной поддержкѣ Шишкова, вышелъ новый, такъ сказать, патріотическій проектъ—образованія такого же профессорскаго кадра, но у себя, въ Петербургѣ, и уже не изъ университетскихъ студентовъ, а изъ духовныхъ семинаристовъ. Поучительна судьба ихъ: еще недавно они, убогіе, поставляли обильный контингентъ ре-

[1]) Сборникъ пост. по м. н. пр. II, I, №№ 48, 53 и 63.

крутовъ—шли въ солдаты какъ „изгои“; недавно освободили ихъ отъ торговаго тѣлеснаго наказанія; а теперь они же должны были поставлять иной контингентъ, уже почетный — профессоровъ для университетовъ. 24-го января, государь, „желая утвердить и распространить преподаваніе въ университетахъ россійскаго законовѣденія, соизволилъ признать полезнымъ образовать въ здѣшнемъ университетѣ кандидатовъ правовѣденія“—для занятія юридическихъ каѳедръ въ университетахъ. Духовныя академіи обѣихъ столицъ выбрали для того шесть студентовъ. Слушая теорію въ университетѣ, практически они должны были заниматься подъ руководствомъ извѣстнаго русскаго выходца изъ Венгріи, профессора и бывшаго наставника самого государя, Балугьянскаго, во II-мъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества, а Сперанскому поручалось, „по сношеніи съ министромъ, учредить всѣ подробности“. Знаменитые впослѣдствіи наши юристы—Неволинъ, Крыловъ—вышли изъ этого духовнаго кадра [1]).

Наконецъ, Шишкову улыбнулась честь открытія каѳедры славяновѣденія въ видахъ идеальной полноты историческаго преподаванія въ университетахъ, черезъ внесеніе въ него *средняго* члена—изученіе славянства, для того, чтобы вѣрнѣе „проницать въ бездну временъ минувшихъ“,—говоримъ языкомъ Шишкова. Конечно, своихъ преподавательскихъ силъ не было и не могло быть для новой каѳедры—если и для старыхъ, традиціонныхъ, ихъ не хватало: но пособить этому недостатку Шишковъ нашелся—смѣлымъ приглашеніемъ лучшихъ силъ изъ среды западныхъ славянъ.

Мысль о славянской каѳедрѣ, хотя и въ скромныхъ очертаніяхъ, носилась давно въ правящихъ сферахъ московскаго университета, и здѣсь такая каѳедра открывается въ 1811 году, по мысли попечителя гр. А. Разумовскаго. Любопытно припомнить, какими розовыми надеждами встрѣчена была эта новизна. Въ концѣ 1811 года, „Московскія Вѣдомости“ торжественно встрѣтили появленіе славянской каѳедры въ Москвѣ. „Распоряженіями попечительнаго начальства,—писали онѣ,—московскій университетъ со дня на день приближается къ цѣли, правительствомъ для него предназначенной, и, очевидно, принимаетъ на себя характеръ *русскаго* (курс. подл.) университета. Недоставало ему каѳедры славянскаго языка, необходимаго источника отечественнаго нашего краснорѣчія; сія каѳедра нынѣ учреждена и ожидаемая отъ ней польза несомнительна“ [2]). Но, вмѣсто пользы, новая каѳедра

[1]) Тамъ же, № 57.

[2]) Шевыревъ, Ист. м. унив., 411.

стала предметомъ насмѣшекъ. Правда, авторъ исторіи московскаго университета утверждаетъ, что первый (и единственный) славянскій профессоръ, старецъ Гавриловъ, преподавалъ славянскій языкъ не только теоретически, но и *исторически* [1]); но, по несчастію, исторической науки языка и на Западѣ тогда еще не было, историческій методъ только пробивался наружу, а Гавриловъ велъ преподаваніе своего славянскаго языка наглядно-сравнительно, сопоставляя выраженіе: „юная дѣва трепещетъ“ и его русскій эквивалентъ: „молодая дѣвка дрожитъ“.

Такимъ образомъ, славизмъ на каѳедрѣ, и единственной, былъ забавенъ; но славянская идея, смутное сознаніе о необходимости знакомства, хотя и посредственнаго, съ родомъ-племенемъ, давно пробиралась въ литературу, не безъ участія Шишкова, тогда только президента россійской академіи. Такъ, еще въ 1811 году, трудолюбивый, но малоспособный корреспондентъ митрополита Евгенія, Анастасевичъ, сталъ издавать „Улей“, для ознакомленія съ польскою литературою (переводы изъ Нарушевича, Чарторыжскаго, Чацкаго и др.); помѣстилъ даже „взглядъ на богемскую словесность и на связь между собою отраслей славянскаго языка“. Еще разнообразнѣе славизмъ въ другомъ петербургскомъ журналѣ—въ „Соревнователѣ“ (съ 1818 г.), гдѣ сотрудникомъ былъ и Шишковъ,—наприм., его „Извѣстіе о напечатаніи Краледворской рукописи Ганкою и переводъ ея“ (въ 1820 г.). Тутъ—свѣденія о Герцеговинѣ, Венгріи, о языкѣ давнихъ прусовъ знаменитаго Линде, и т. п. Переводы съ польскаго преобладали.

Старый другъ славянской идеи, Шишковъ, ставъ министромъ и пользуясь личнымъ знакомствомъ съ славянскимъ міромъ своего сотрудника П. И. Кеппена (позже изв. академика), рѣшился провести славизмъ и на университетскую каѳедру, но не гавриловскій, а настоящую славянскую науку, какъ предварительную мѣру освѣженія, поднятія университетовъ. Но несмотря на самыя искреннія симпатіи къ поднятому министромъ вопросу, на самое горячее посредничество его агента Кеппена (дѣло такъ быстро и гладко пошло, что Кеппенъ уже успокоиваетъ, что на первое время лекціи могутъ быть на латинскомъ и даже нѣмецкомъ языкахъ,—лекціи *славянскія*!), предъ выходомъ Шишкова изъ ми-

[1]) Тамъ же, стр. 552.—Гавриловъ еще въ 1777 году объяснялъ въ университетской гимназіи и по-нѣмецки „Видимый свѣтъ“ Коменскаго (тамъ же, стр. 190). Замѣтимъ, что еще въ 1777 г. кн. Репнинъ, почетный членъ вольнаго россійскаго собранія при моск. унив., предложилъ на премію тему: „указать ближайшія и лучшія средства и правила къ усовершенствованію и обогащенію языка, въ особенности россійскаго“ (тамъ же, стр. 203).

нистерства дѣло остановилось на полу-пути; въ комитетѣ 14-го мая послышались голоса:—да стоитъ ли учреждать славянскія каѳедры вообще?—Не помогло и горячее сочувствіе дѣлу Сперанскаго. Наконецъ, Шишковъ удалился — и дѣло кануло совсѣмъ. Одинъ только Кеппенъ утѣшалъ потревоженныхъ ученыхъ славянскихъ, что преемникъ Шишкова, князь Ливенъ, не страшный нѣмецъ, что онъ, Кеппенъ, все хлопочетъ и предъ нимъ о славянской каѳедрѣ, хотя и признается съ болью, что „очень жаль, что Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе добраго дѣла".

Итакъ, при обсужденіи въ комитетѣ 14-го мая славянская каѳедра сочувствія не нашла, а Кеппенъ главное упованіе свое полагалъ именно на „новую организацію школьнаго дѣла, которая теперь въ ходу" [1]). Вѣроятно, голоса такъ же раздѣлились, какъ и при обсужденіи проекта Паррота, но въ обратномъ отношеніи: за славянъ—Шишковъ, Сперанскій и гр. Строгановъ; противъ славянъ — шесть голосовъ, съ Уваровымъ. Мы увидимъ ниже, что и въ самый уставъ 1835 года славянская каѳедра прошла не по почину Уварова.

Съ оставленіемъ поста министра, славянофилъ Шишковъ вышелъ изъ состава комитета 14-го мая; его смѣнилъ тамъ нѣмецкій піэтистъ князь Ливенъ; но тамъ остались единомышленники Шишкова: Сперанскій и гр. Строгановъ, — и Сперанскій явился самымъ вѣрнымъ хранителемъ стараго завѣта славянской идеи и рѣшителемъ судебъ новой организаціи университетовъ въ послѣднюю рѣшительную минуту, при новомъ министрѣ, преемникѣ кн. Ливена, но изъ того же комитета—Уваровѣ: Сперанскій наложилъ на уставъ 1835 года рѣзкую печать своего государственнаго ума—и всего *за немного недѣль до выхода его въ свѣтъ*, хотя самый уставъ вырабатывался годы, имѣлъ сложную исторію, прошелъ различныя перипетіи своего развитія и, повидимому, выработалъ-было уже для себя окончательную форму.

Старый, упрямый Шишковъ, привыкшій съ юныхъ лѣтъ вращаться въ области мысли и ея интересовъ, однимъ уже учрежденіемъ славянской каѳедры вносилъ крупную оригинальную черту въ имѣвшую появиться единообразную организацію русскихъ университетовъ. Въ иномъ положеніи очутился университетскій вопросъ при его преемникѣ, который собственно и открылъ разработку проекта общаго устава для университетовъ.

---

[1]) Изъ его письма. Тамъ же, стр. 271.

Князь Ливенъ не тронулъ духа университетской традиціонной жизни и оставилъ ее обращаться въ колеѣ сложившихся порядковъ и отношеній, приводя лишь все къ „должному единообразію“; но если Шишковъ пытался ввести славянскую струю, то Ливенъ иную—оріентальную, да, сверхъ того, предоставлялъ университетамъ широкія матеріальныя средства—обстоятельство, которое и остановило главнымъ образомъ дальнѣйшій ходъ выработаннаго имъ проекта общаго университетскаго устава въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта, еще въ началѣ 1833 года. Вспомнимъ, только, что въ промежутокъ времени послѣ выхода Шишкова произошла тяжелая война съ Турціей и не менѣе кровавое возстаніе въ Польшѣ, что стоило громадныхъ матеріальныхъ затратъ.

20-го октября 1832 года, кн. Ливенъ представилъ въ государственный совѣтъ проектъ устава и штатовъ для университетовъ петербургскаго, московскаго, харьковскаго и казанскаго, выработанный, наконецъ, комитетомъ 14-го мая. Но уже 13-го мая 1833 года государственный секретарь, на основаніи журнала департамента законовъ, отъ 19-го апрѣля, возвратилъ все это назадъ, только уже не кн. Ливену, а его преемнику—Уварову [1]). Кн. Ливенъ оставилъ министерство именно въ концѣ апрѣля и, вѣроятно, подъ вліяніемъ неудачи своего университетскаго проекта.

Но познакомимся нѣсколько подробнѣе съ ливенскимъ проектомъ 1832 года, облегчившимъ путь къ посту министра другому члену комитета 14-го мая, противнику Шишкова, энергическому, образованному и ловкому Уварову. Сперанскій, учившій Уварова въ свое время русскому языку, въ годы опалы писалъ другу Столыпину о своемъ даровитомъ ученикѣ: „Умъ перваго класса. Это первый ученый человѣкъ въ Россіи изъ русскихъ“ [2]). Но это не помѣшало Сперанскому держать себя самостоятельно въ комитетѣ 14-го мая, какъ мы видѣли выше, и быть наставителемъ для „ума перваго класса“ въ университетскомъ даже вопросѣ, какъ увидимъ ниже.

Общія начала ливенскаго проекта, который, по свидѣтельству тогда же новаго министра предъ императоромъ, былъ результатомъ шестилѣтнихъ „усердныхъ“ трудовъ комитета 14-го мая, а теперь — „едва-ли не тщетныхъ“ (при докладѣ въ ноябрѣ

[1]) Изъ сообщенія Уварова помощнику и д. госуд. секретаря, А. Д. Боровкову, отъ 2-го авг. 1835 г., № 8529, въ Архивѣ мин. нар. просв., Дѣла комитета устр. уч. зав., № 49978, карт. 1592, № 42, листъ 152.

[2]) Изъ Пензы, изъ писемъ отъ 3-го сент. 1817 и 29-го янв. 1818 г.—Русск. Архивъ, 1870, стр. 1145, 1149.

1833 г. объ учрежденіи университета св. Владиміра),—удобнѣе всего обозрѣваются изъ сопоставленія возвращеннаго злополучнаго устава съ будущимъ уставомъ Уварова. Это сравненіе сдѣлано было самимъ Уваровымъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдняго проекта. „Долгомъ почитаю,—писалъ министръ,—всеподданнѣйше донести о главныхъ допущенныхъ измѣненіяхъ противу существующаго нынѣ порядка *и бывшихъ прежде предположеній*.

„1) Въ сихъ проектахъ исключено все, касавшееся до управленія гимназіями и училищами.

„2) Попечитель, какъ главный послѣ министра начальникъ университета, сдѣланъ ближайшимъ хозяиномъ онаго, съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ его власти и обязанностей.

„3) Собственное судопроизводство университетовъ, какъ несовмѣстное съ общимъ порядкомъ государственнаго управленія, по примѣру устава университета св. Владиміра, упразднено, съ предоставленіемъ ректору, какъ предсѣдателю правленія, только обслѣдовать дѣла первоначально и потомъ передавать оныя въ надлежащія судебныя мѣста гражданскаго вѣдомства".

Помимо этого, въ частности, Уваровъ указывалъ, что „предположеніе объ учрежденіи при с.-петербургскомъ университетѣ особаго отдѣленія *восточныхъ* языковъ отложено до времени, ограничиваясь нынѣ только нѣкоторымъ распространеніемъ восточныхъ каѳедръ", зато „распространены и умножены каѳедры сообразно съ ходомъ науки въ послѣднее тридцатилѣтіе". Но славянская каѳедра отсутствовала и въ первоначальной редакціи устава Уварова. Наконецъ, Уваровъ указываетъ, что, въ видахъ экономіи, „при назначеніи окладовъ жалованья профессорамъ и чиновникамъ с.-петербургскаго и московскаго университетовъ принятъ въ руководство существующій нынѣ штатъ дерптскаго, а жалованье симъ же лицамъ казанскаго и харьковскаго университетовъ признано справедливымъ опредѣлить съ штатомъ университета св. Владиміра" [1]).

Если затѣмъ принять во вниманіе признаніе Уварова еще при докладѣ временнаго устава университета св. Владиміра, 8-го ноября 1833 г., что—„полученные мною изъ государственнаго совѣта проекты университетскихъ уставовъ, по внимательномъ ихъ мною разсмотрѣніи, оказались требующими весьма *значительныхъ перемѣнъ* и *исправленій*, дабы могли соотвѣтствовать благотворнымъ видамъ Вашего Величества",—и то, что въ представляе-

[1]) Архивъ мин. н. пр., цит. дѣло, л. 96.

момъ уставѣ—„внесены многія, внушенныя опытомъ, улучшенія", а именно: университетское судопроизводство уничтожено, опредѣлены власть надъ университетомъ попечителя и министра, отдѣлена хозяйственная часть отъ учебной, введена инспекція „не изъ ученыхъ чиновниковъ",—то ясно, что университетскій уставъ кн. Ливена не зналъ всѣхъ этихъ „улучшеній", а признавалъ за университетами—самосудъ, самоуправленіе и ученую инспекцію [1]). Къ этому надо присоединить и управленіе университетами училищъ, т.-е. все осталось *при старинѣ*, кромѣ одного вопроса —предоставленія университетамъ болѣе широкихъ средствъ, какъ это видно изъ „сравнительной вѣдомости издержекъ на четыре университета" по проекту, возвращенному изъ государственнаго совѣта, т.-е. кн. Ливена, и дѣйствовавшему до 1835 года положенію: на с.-петербургскій университетъ полагалось по проекту кн. Ливена 458.950 р., а въ 1835 году расходовалось на него 165.500; на московскій—517.950, въ 1835 г.—438.099 р. 40 к.; на харьковскій — 470.700, въ 1835 г.—134.950; на казанскій — 463.550, въ 1835 г.—205.110 [2]). Итого, кн. Ливенъ требовалъ въ 1832 году на университеты около *двухъ* милліоновъ (1.911.150) рублей, тогда какъ въ 1835 году на содержаніе ихъ не шло и одного милліона (943.659 р. 40 к.), т.-е. требовалъ прибавки около 100%. Надо имѣть въ виду, что весь Высочайше утвержденный нормальный бюджетъ министерства на 1836 годъ составлялъ всего семь милліоновъ.

Изъ приведенныхъ цифръ ясно, что кн. Ливенъ стремился поставить на одну ногу университеты провинціальные съ столичными, уничтожить прежнюю вопіющую несправедливость, какъ, напримѣръ, ту, что харьковскій университетъ получалъ втрое менѣе, чѣмъ московскій; теперь они всѣ въ средствахъ уравнивались, и московскій, по проекту 1832 года, получалъ относительно небольшую надбавку. Большая щедрость для петербургскаго университета объясняется предполагавшимся открытіемъ при немъ факультета восточныхъ языковъ: въ этомъ нововведеніи кн. Ливенъ осуществлялъ давнія мечты Уварова объ академіи Востока; но оно Уваровымъ и было устранено, конечно, въ видахъ экономіи. „Всѣ сокращенія,—писалъ Уваровъ въ докладѣ 1835 года, между прочимъ по случаю освобожденія университетовъ отъ управленія гимназіями и училищами,—доставили возможность уменьшить означенную въ проектахъ, которые представлялъ предмѣстникъ мой,

---

[1]) Сборн. постан. по м. н. просв., стр. 655.

[2]) Архивъ мин. нар. пр., цит. дѣло, л. 96.

общую прибавку для университетовъ петербургскаго, московскаго, харьковскаго и казанскаго на сумму 444.700 р. [1]), такъ что за всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ на ежегодный отпускъ московскому университету 220.700 р., потребуется сверхъ отпускаемыхъ нынѣ на четыре университета суммъ, только 522.790 р. въ годъ" [2]).

Такимъ образомъ, и намѣреніе кн. Ливена матеріально поднять и уравнять университеты оказалось „тщетнымъ". Уваровъ своимъ разсчетомъ жалованья только узаконилъ неравенство и несправедливость, уравнивъ содержаніе профессоровъ однихъ столичныхъ университетовъ съ окладами привилегированнаго университета — дерптскаго: университеты провинціальные, какъ и нынѣ,—какіе-то пасынки.

Итакъ, шесть лѣтъ работъ комитета 14-го мая надъ реорганизаціей университетовъ не подвинули вопроса впередъ. Возвращенный проектъ 1832 года кн. Ливена побудилъ комитетъ къ открытію за-ново работъ надъ нимъ, въ соображеніи экономіи и невозврата къ порядкамъ старины. Новый министръ, несмотря на свою энергію и подготовленность, сразу же почувствовалъ нелегкость своего положенія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія перваго проекта, Уваровъ откровенно писалъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, защищая составленный имъ временный уставъ новаго университета св. Владиміра противъ возраженій Сперанскаго, что „составленіе одного общаго устава для всѣхъ университетовъ имперіи представляетъ *затрудненія столь сильныя, недоумѣнія столь важныя*, что едва-ли рѣшить можно безусловно главный вопросъ" — объ единствѣ требованій. „Возвращенный проектъ общаго устава,—продолжалъ Уваровъ,—доказываетъ несомнѣнно всѣ затрудненія, коими сей вопросъ изобилуетъ" [3]).

Работа началась за-ново. Сознанныя затрудненія заставили теперь комитетъ 14-го мая поступиться своимъ пріемомъ канцелярской тайны и выступить на новый путь: не ограничиваться мнѣніями единственно своихъ членовъ, но съ своими законодательными работами знакомить и наиболѣе компетентную и заинтересованную сторону—самые университеты, требуя отъ нихъ ихъ мнѣній, заключеній, давая такимъ образомъ нѣкоторую огласку своимъ предначертаніямъ.

Наиболѣе сильнымъ стимуломъ къ быстрѣйшему веденію дѣла

[1]) По проекту Ливена 1.911.150, по уставу 1835 г.—1.466.450.

[2]) Архивъ мин. н. пр., цитов. дѣло.

[3]) Сборникъ постан., II, I, 653—54.

было неожиданное рѣшеніе открыть новый провинціальный университетъ въ городѣ, который былъ, какъ то выражено въ указѣ сенату, „первымъ свидѣтелемъ нашей гражданской самобытности“ —въ Кіевѣ. Еще въ маѣ 1833 года правительство свои намѣренія относительно просвѣщенія юго-западнаго края ограничивало однимъ — закрытіемъ польскаго волынскаго лицея въ Кременцѣ и переводомъ его, съ наименованіемъ институтомъ св. Владиміра, въ Кіевъ; но чрезъ немного мѣсяцевъ (8-го ноября) изъявлена была воля императора Николая—переведенный изъ Кременца лицей распространить въ два факультета, усилить въ способахъ къ высшему образованію и въ новомъ своемъ составѣ назвать университетомъ св. Владиміра [1]).

Въ виду спѣшности дѣла [2]), тогда же былъ выработанъ временный уставъ для новаго университета, и несмотря на формальныя возраженія въ комитетѣ Сперанскаго, что проектъ удобнѣе назвать „предварительными правилами образованія университета св. Владиміра“ (быть можетъ, не безъ провидящаго опасенія, чтобы этотъ поспѣшно, на скорую руку сработанный проектъ не стѣснилъ свободы выработки общаго устава), онъ удостоился Высочайшаго одобренія, хотя не безъ колебанія. Разрѣшая издать уставъ, при возможности измѣненій впослѣдствіи, императоръ оговаривался, что „ежели исправленіе прочихъ университетскихъ уставовъ близко къ окончанію, то можно, и даже лучше, издать все въ одно время“ [3]), т.-е. нѣсколько уступалъ Сперанскому.

Уставъ университета св. Владиміра былъ изданъ, а получившія Высочайшее одобреніе его положенія, главнымъ образомъ вызывавшіяся особенными политическими условіями на мѣстѣ—только-что усмиреннымъ возстаніемъ въ Польшѣ,—какъ бы предрѣшали и направленіе выработывавшагося общаго университетскаго устава въ комитетѣ и распространяли чрезвычайныя условія юго-западнаго края на другія области имперіи. Дѣйствительно, самъ Уваровъ, добиваясь одобренія устава университета св. Владиміра, какъ устава, а не „предварительныхъ правилъ“, именно видѣлъ въ немъ желанную точку отправленія для работъ комитета, въ виду „довнанныхъ затрудненій“. Въ своемъ второмъ представленіи по тому же вопросу, оспариваемому Сперанскимъ, Уваровъ докладывалъ: „по размѣру устава университета св. Владиміра прочіе университеты могутъ, съ уваженіемъ однако мѣстныхъ обстоятельствъ, постепенно приводимы быть къ сей формѣ. Такимъ образомъ, представляется,

[1]) Тамъ же, № 272.

[2]) „Начертать *нынѣ же* уставъ“,—повелѣлъ императоръ (тамъ же, стр. 658).

[3]) Тамъ же, стр. 651.

можетъ быть, удобнѣйшій и кратчайшій способъ практически развязать сіе дѣло“ [1]).

Развязка и началась, и пошла скоро. Надобно думать, что узелъ былъ все-таки разрубленъ, а не просто разрѣшенъ.

Въ началѣ 1834 года былъ готовъ новый проектъ устава въ комитетѣ. Его цѣль — привести университеты „въ цвѣтущее состояніе“ (§ 9), почему профессора должны быть на уровнѣ своего положенія. Проектъ въ § 63 дословно повторялъ § 28 устава университета св. Владиміра — объ обязанностяхъ профессоровъ: они должны быть не только образцовыми преподавателями, но, въ извѣстномъ смыслѣ, въ своемъ университетѣ представлять академію наукъ. „Главная должность профессоровъ, говорилось тамъ, заключается въ полномъ, правильномъ и благонамѣренномъ преподаваніи каждымъ своей науки и въ постоянныхъ трудахъ, по своей части, въ должномъ наблюденіи за успѣхами наукъ въ ученомъ свѣтѣ, помимо засѣданій въ совѣтѣ, училищномъ комитетѣ“ и пр. Мы видѣли, какъ возмущали Уварова отсталые, оцѣпенѣвшіе въ своей наукѣ профессора московскаго университета и ихъ, еще менѣе удобные, коллеги въ Петербургѣ, при наличности которыхъ Парротъ даже исключилъ петербургскій университетъ изъ числа исправимыхъ. Но въ то же самое время комитетскимъ проектомъ были приняты мѣры, чтобы требованіе закона не осталось мертвою буквою. Включивъ въ себя § 31 устава университета св. Владиміра, онъ прибавилъ, что „профессора обязаны представлять ежегодно совѣту отчеты о сдѣланныхъ по части каждаго въ теченіе года разными учеными опытахъ, наблюденіяхъ, открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, съ краткимъ означеніемъ достойныхъ примѣчанія изъ вышедшихъ въ сіе время по ихъ предметамъ сочиненій. Отчеты эти, для составленія коихъ предоставляется двугодичный срокъ, должны показывать отношеніе университета къ каждой наукѣ порознь и вообще“ [2]).

И въ вопросѣ о составѣ наукъ на факультетахъ комитетскій проектъ повторялъ уставъ университета св. Владиміра. Такъ, въ первое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣ историко-филологическій) онъ, согласно съ § 33 того устава, помѣщалъ: фи-

[1]) Тамъ же, стр. 656.

[2]) Кіевскій уставъ представлялъ годичный срокъ. Кстати замѣтить, что еще 99-мъ пунктомъ I части семинарскаго устава 1809 г. постановлялось, что „книги учебныя должны держаться на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“. На это еще въ 1813 г. ссылался ректоръ Филаретъ (будущій митрополитъ), недовольный отсталымъ преподаваніемъ въ петербургской семинаріи, въ своемъ отчетѣ („Мнѣнія, отзывы и пр. м. Филарета“, I, 72).

лософію, греческую словесность и древности, римскую словесность и древности, россійскую словесность и Всеобщую и Россійскую Исторію и статистику. О каѳедрѣ славяновѣденія не было и помину.

Оба устава—университета св. Владиміра и проектъ комитета—были препровождены попечителямъ и совѣтамъ четырехъ университетовъ имперіи для тщательнаго разсмотрѣнія и подачи своихъ мнѣній.

Главныя замѣчанія совѣтовъ сводились къ указанію необходимости возможно большаго усиленія учебныхъ средствъ университетовъ: библіотеки, вспомогательныхъ учрежденій, необходимости отпуска особенныхъ суммъ на кабинеты и пр. Совѣты всѣхъ университетовъ соглашались въ принципѣ съ возлагаемыми на членовъ ихъ учеными обязанностями, но указывали на невыполнимость пока всѣхъ тѣхъ требованій. Совѣтъ харьковскаго университета откровенно признавался, что у него нѣтъ никакихъ средствъ для достиженія цѣлей проекта: „чтобы профессоръ могъ, такъ сказать, слѣдить свою науку, для сего нужно дать средства, а именно—должно имѣть при университетѣ библіотеку, въ которой бы находились лучшія и извѣстнѣйшія сочиненія, по каждой отрасли наукъ, *чего при харьковскомъ университетѣ нѣтъ*; отпускать достаточную сумму для ежегоднаго пріобрѣтенія сочиненій и для выписки лучшихъ періодическихъ изданій“. Университетъ былъ безъ библіотеки.

Изъ частныхъ замѣчаній нельзя не отмѣтить справедливое желаніе московскаго университета: „возстановленіе каѳедры философіи и причисленіе ея къ общимъ лекціямъ, которыя обязаны слушать всѣ вступающіе студенты, совѣтъ считаетъ совершенною необходимостію“ [1]).

Въ началѣ лѣта 1834 года затребованныя мнѣнія были на мѣстѣ, и Уваровъ счелъ возможнымъ приступить къ выработкѣ окончательной, какъ онъ надѣялся, редакціи общаго университетскаго устава, именно прежде всего сдѣлать общій сводъ.

„Государь Императоръ, — писалъ онъ собственноручно 8-го іюня директору департамента, кн. Ширинскому-Шихматову, по личному моему докладу 4-го сего мѣсяца, изволилъ одобрить мою мысль о раздѣленіи общаго университетскаго устава на двѣ части: *административную* и *учебную*, сдѣлавъ первую однообразною для всѣхъ университетовъ и предоставляя министерству просвѣщенія соглашать вторую съ мѣстными обстоятельствами и умствен-

[1]) Архивъ м. н. просв., 1834, № 49973, карт. 1592, № 42.

ными потребностями тѣхъ краевъ, гдѣ основаны высшія наши учебныя заведенія. Вслѣдствіе сего, принявъ въ соображеніе всѣ замѣчанія, сдѣланныя попечителями и университетскими совѣтами на проектъ устава университета св. Владиміра, полагаю для исполненія Высочайшей воли продлить сводъ, начатой въ департаментѣ. Сей трудъ будетъ служить основаніемъ, и внести его своевременно въ комитетъ устройства учебныхъ заведеній на дальнѣйшее разсужденіе". Уваровъ заключалъ просьбой принять этотъ сводъ подъ особенное наблюденіе и „по мѣрѣ изготовленія нѣсколькихъ главъ представлять оные на мое усмотрѣніе"

Этотъ сводъ, изготовлявшійся въ департаментѣ отдѣльными партіями, составилъ новую редакцію проекта университетскаго устава комитета 14-го мая, по счету третью—редакцію министерскую. Въ сентябрѣ эта приготовительная работа была оканчиваема, и Уваровъ поспѣшилъ направить ее въ комитетъ 14-го мая. „Составить,—писалъ онъ въ департаментъ, 15-го сентября,—записку, которая должна быть внесена въ комитетъ вмѣстѣ съ проектомъ университетскаго устава. Въ сей запискѣ изложить весь ходъ дѣла съ самаго начала комитета—представленіе прежняго устава въ государственный совѣтъ и взятіе обратно, наконецъ, мысль о необходимости отдѣлить часть административную и полицейскую, которая можетъ быть вездѣ однообразна и постоянна, отъ *ученой* и *учебной*, которая должна соразмѣряться съ мѣстностями. На основаніи сей мысли, о коей я имѣлъ въ свое время счастіе доводить до Высочайшаго свѣденія, составленъ сей новый проектъ, матеріалами къ коему служили также Высочайше одобренный проектъ устава св. Владиміра и мнѣнія прочихъ университетскихъ совѣтовъ" [1]).

Изъ этихъ частныхъ сношеній министра мы видимъ, какое горячее участіе принималъ онъ въ выработкѣ послѣдней редакціи тяжело рождавшагося общаго университетскаго устава, найдя возможность разрѣшить трудную задачу—„должнаго единообразія" и соблюденія мѣстныхъ условій. Каждая глава была предварительно разсмотрѣна имъ съ соображеніемъ всего накопившагося матеріала различнаго характера, различныхъ цѣлей. Онъ не жалѣлъ личнаго труда, чтобы достигнуть только послѣдней цѣли—приготовить условія для „цвѣтущаго состоянія университетовъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ это дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ соблюденіемъ общихъ государственныхъ задачъ, со стороны тѣхъ же университетовъ.

---

[1]) Архивъ м. н. просв.—обѣ бумаги.

Обставивъ свой министерскій проектъ всѣми необходимыми справками, Уваровъ имѣлъ всѣ основанія полагать, что въ высшей инстанціи, комитетѣ 14-го мая, представляемый имъ трудъ не встрѣтитъ никакихъ особенныхъ затрудненій, какихъ-либо замѣчаній по существу, и — ошибся. Его дѣтище нашло рѣзкую оппозицію со стороны того члена комитета, который не разъ уже съ нимъ входилъ въ пререканія, и подверглось столь обстоятельной и серьезной его критикѣ, что министерскій проектъ въ нѣкоторыхъ, но весьма существенныхъ частяхъ, или основныхъ положеніяхъ своихъ, пришлось совсѣмъ передѣлать, не говоря уже о мелкихъ вопросахъ. Этотъ членъ — М. М. Сперанскій — былъ теперь въ апогеѣ своей славы.

„Примѣчанія", т.-е. критика Сперанскаго, были двоякаго рода: общія и подробныя, какъ они названы самимъ авторомъ. Во главѣ первыхъ стоялъ одинъ рѣшительнаго характера пунктъ.

Во всѣхъ проектахъ устава, отъ ливенскаго и до послѣдняго, министерскаго, строго сохранялось одно въ высшей степени важное старое право университетовъ, это—зависимость отъ каждаго изъ нихъ гимназій и всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній соотвѣтствующаго университетскаго учебнаго округа,—короче, завѣдываніе со стороны университетовъ школьнымъ дѣломъ. Это завѣдываніе сосредоточивалось въ особомъ университетскомъ учрежденіи—въ такъ называемомъ „Училищномъ Комитетѣ". Противъ такого порядка вещей повелъ главную аттаку Сперанскій, считая его ненормальнымъ.

„Училищный комитетъ,—писалъ Сперанскій,—полагается исключить изъ устава. Учебные округа должны быть распредѣлены и зависѣть отъ университетовъ въ одномъ только отношеніи—въ снабженіи ихъ учителями и учебными пособіями. Попечитель округа, бывъ вмѣстѣ попечителемъ университета, будетъ содержать сію необходимую связь между училищами и университетомъ. Далѣе сего распространять дѣйствія университетовъ на училища было бы безполезно и даже *вредно*, по слѣдующимъ причинамъ:

„1) Нигдѣ университеты не управляютъ училищами.

„2) Въ Россіи они еще менѣе могутъ управлять училищами, на разстояніи 3, 4 и 6 тысячъ верстъ разсѣянными.

„3) Извѣстно, въ какомъ положеніи найдены наши гимназіи и университетскія училища въ 1826 году послѣ долголѣтняго университетскаго управленія. Опытъ сильнѣе всѣхъ умозрѣній; а что было, то и будетъ по всей вѣроятности, ибо —

„4) Университетъ есть сословіе людей, исключительно посвя-

тившихъ себя наукѣ, обязанныхъ непрестанно слѣдовать за ея движеніемъ подъ страхомъ потерять ее изъ виду, какъ скоро они отъ нея отстанутъ; сословіе людей, кои непрестанно должны углубляться въ свои предметы, непрестанно учиться, чтобы учить съ пользою. Какимъ образомъ люди сего рода, при семъ отвлеченномъ образѣ ихъ бытія, могутъ быть способны къ практическому управленію? Какая польза, чтобъ профессоръ, оставивъ свой кабинетъ, свою библіотеку, свои инструменты, свою лабораторію, всѣ привычки, всѣ интересы его жизни, вдругъ превратясь въ курьера, скакалъ опрометью за тридевять земель, для обозрѣнія училищъ? Что онъ тамъ увидитъ? Нарядный пріемъ, подготовленный экзаменъ, сытный столъ и больше ничего. Что гласятъ всѣ рапорты сихъ обозрѣній? Какіе, чрезъ сколько лѣтъ, принесли они успѣхи? Что усовершили? Что исправили? Между тѣмъ время профессора потеряно; токъ мыслей прерванъ; вмѣсто успокоенія, для поддержанія мысленныхъ силъ его необходимаго, онъ озабоченъ, истощенъ, и все сіе безъ малѣйшей пользы для самаго дѣла.

„5) Засѣданія въ совѣтѣ, засѣданія въ его отдѣленіяхъ, засѣданія въ правленіи составляютъ уже сами по себѣ тяжкую обязанность для профессора и въ особенности для ректора. Если присоединить къ сему еще засѣданія въ училищномъ комитетѣ со всѣми его подробностями и мелочами, то можно было бы спросить: для чего опредѣляются въ нашихъ университетахъ профессоры? Для наукъ ли, или для ревизіи вѣдомостей, рапортовъ и разныхъ канцелярскихъ бумагъ? Жалобы на сіе суть всеобщія.

„Образовать способныхъ учителей, — заключалъ Сперанскій свою рѣзкую критику школьнаго, по его мнѣнію, нестроенія,— составлять, исправлять и усовершать методы ученія, сочинять учебныя книги, снабжать ими училища—вотъ настоящее, единственное дѣло университета; все прочее, до училищъ касающееся, должно быть для него постороннее".

Но, уничтожая традиціонный университетскій порядокъ управленія училищами, какимъ замѣнить его новымъ?—И къ этому вопросу Сперанскій переходитъ тотчасъ же. Предъ нимъ пронеслись новые порядки только-что образованнаго (въ 1833 г.) бѣлорусскаго учебнаго округа: принципъ единоличнаго управленія долженъ быть поставленъ на мѣсто коллегіальнаго. Предъ нами—говоритъ онъ—примѣръ вліянія порядковъ края, находившагося въ особенныхъ условіяхъ.

„Но неужели,—спрашиваетъ критикъ устава,—должно оста-

вить училища безъ высшаго общаго надзора?“ — и, конечно, отвѣчаетъ отрицательно.

„Надзоръ сей, по примѣру бѣлорусскихъ училищъ,—продолжаетъ Сперанскій, — должно ввѣрить попечителю, прибавя къ нему нужное число помощниковъ по пространству округа. Президентство сего надзора состоять будетъ въ слѣдующемъ:

„1) Единство власти и отвѣтственности.

„2) Простота и слѣдовательно достовѣрность управленія.

„3) Возможность обозрѣть большее число училищъ: ибо помощники могутъ обозрѣвать ихъ въ разныхъ направленіяхъ, и лѣтомъ, и зимою.

„Если,—заключалъ Сперанскій,—мысли сіи, на долговременномъ наблюденіи хода губернскихъ и уѣздныхъ училищъ основанныя, приняты будутъ за благо, то надлежитъ:

„1) Въ главѣ о предметахъ совѣта ввести обязанность его образовать учителей, усовершать методы ученія и снабжать училища учебными книгами и пособіями по предложеніямъ попечителя; все же прочее изъ предметовъ его исключить.

„2) Составить особое наставленіе попечителю относительно надзора его по учебному округу.

„3) Для письмоводства по сей части образовать при немъ небольшую канцелярію и снабдить ее простыми и удобными формами“.

Хорошо написанная, хотя и односторонняя, бытовая картинка отвлеченія профессора изъ „отвлеченнаго образа бытія“ и превращенія его въ курьера для того, чтобы увидѣть вездѣ поддѣлку и — сытый столъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ горячая забота въ духѣ самого Уварова о всяческомъ устраненіи препятствій для „цвѣтущаго состоянія“ университетской науки, обусловливаемаго идиллическою жизнью профессоровъ, безъ малѣйшаго нарушенія „тока мыслей“, не могла не остановить вниманіе автора проекта, не поколебать его прежняго взгляда; но онъ надѣялся найти выходъ въ возможности соглашенія обоихъ, столь противоположныхъ, основаній. „Вопросъ объ училищныхъ комитетахъ,—замѣтилъ Уваровъ о критикѣ Сперанскаго, — требуетъ зрѣлаго обсужденія, и можно, вѣроятно, найти средину между двумя предложеніями“.

Что же касается до другихъ „общихъ“ примѣчаній Сперанскаго о планѣ устава, его частяхъ, размѣщеніи ихъ, безъ характера принципіальнаго, то они не нашли возраженій со стороны министра: „Предложенія Михайла Михайловича, — отмѣтилъ на полѣ Уваровъ, — касательно распредѣленія устава, можно всѣ принять“.

Въ „Примѣчаніяхъ подробныхъ“ Сперанскій, какъ строгій стилистъ, подвергаетъ самой мелкой критикѣ языкъ проекта, указывая, что слогъ закона долженъ отличаться простотою, ясностью и точностью, безъ повторенія, „двоесмысленности“. Затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ статьямъ. Онъ недоумѣваетъ, напримѣръ, предъ назначеніемъ прозекторовъ отъ министра: „почему прозекторы удостоены сей чести? Право, присвояемое здѣсь министру, уничтожаетъ и выборъ совѣта, и конкурсъ. Уставы сочиняются не для одного лица настоящаго. Не лучше ли предоставить министру предлагать кандидатовъ совѣту чрезъ попечителя? Дѣйствіе будетъ то же; но не будетъ повода къ укоризнѣ въ самовластіи“ (къ § 38). Справедливо замѣчаетъ увлекшемуся идеаломъ Уварову, что „профессору не можетъ быть ввѣрено наблюденіе за успѣхами науки въ цѣломъ мірѣ (къ § 50). По поводу состава наукъ на юридическомъ факультетѣ осторожно выражаетъ пожеланіе — „не прибавить ли для переду начала общенароднаго законовѣденія (droit des gens)? Можетъ быть, со временемъ представится удобность хотя въ одномъ университетѣ ввести сію науку“. На замѣчаніе Сперанскаго къ § 76, что „четырехъ-лѣтній курсъ не умножитъ ли число профессоровъ до излишества“, Уваровъ отвѣчалъ прямо отрицательно, отмѣтивъ: „не могу принять“. Ту же помѣтку онъ сдѣлалъ и противъ недоумѣнія Сперанскаго: „почему докторъ, извѣстный сочиненіями, или профессоръ, не можетъ вдругъ получить у насъ степени доктора?“ — „Потому,—отвѣтилъ министръ,—что въ Германіи званіе или степень доктора получается слишкомъ легко во всѣхъ университетахъ, что̀, какъ извѣстно, вполнѣ справедливо“.

Отмѣтивъ свое несогласіе относительно публичнаго защищенія диссертацій (§ 99), Сперанскій заканчивалъ свои замѣчанія: „въ заключеніе желательно было бы, чтобъ приложенныя при уставѣ таблицы или, лучше сказать, росписанія предметовъ испытанія просмотрѣны были г. тайн. сов. Балугьянскимъ; юридическое же росписаніе и совсѣмъ должно быть передѣлано. Съ этимъ Уваровъ согласился: „таблицы могутъ быть, какъ и Михайло Михайловичъ думаетъ, изданы особо, сказавъ о семъ въ уставѣ [1])“.

Примѣчанія Сперанскаго имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу министерской редакціи устава. Но они привели быстро къ концу и трудный, столько лѣтъ тянувшійся вопросъ объ общемъ положеніи для университетовъ.

---

[1]) Архивъ м. н. пр., № 49, 973, карт. 1592, № 42, листы 62—90.

Рѣзкія возраженія Сперанскаго противъ профессорскаго управленія гимназіями и училищами округа, какъ „безполезнаго“ для одного дѣла и „вреднаго“ для другого, и рекомендація замѣны его единоличной властью попечителя потребовали отъ Уварова „зрѣлаго обсужденія“. Въ результатѣ его, несмотря на промелькнувшую въ началѣ мысль о возможности примиренія обоихъ пріемовъ, было то, что мысль о примиреніи оставлена, а „приняты за благо“ указанія оппонента: они упрощали механизмъ университетской жизни и манили ручательствомъ единоличнаго, отвѣтственнаго управленія учебнымъ дѣломъ. Уваровъ теперь былъ просто радъ соображеніямъ своего оппонента, какъ рѣдкой находкѣ. Въ маѣ онъ получилъ примѣчанія Сперанскаго, а 25-го іюня уже высочайше утверждено было положеніе объ учебныхъ округахъ, составленное согласно съ ними. „Когда такимъ образомъ, — говоритъ Уваровъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 26-го іюля 1835 г.,—одна важная часть бывшаго университетскаго управленія получила окончательное образованіе, устройство университетовъ ограничивалось уже меньшимъ числомъ вопросовъ, не столь сложныхъ, и представляло болѣе удобности къ рѣшительнымъ заключеніямъ со стороны комитета“.

И Уваровъ, и комитетъ 14-го мая, почувствовали себя сразу легче, и дѣло пошло почти безъ запинки. „Проектъ общаго устава имп. россійскихъ университетовъ,—продолжаетъ въ томъ же докладѣ министръ,—разсмотрѣнъ комитетомъ устройства учебныхъ заведеній въ два засѣданія, 15-го и 21-го тек. мѣсяца, и одобренъ съ нѣкоторыми измѣненіями, предложенными членами и единогласно принятыми комитетомъ“.

Итакъ, въ два засѣданія рѣшенъ вопросъ, тянувшійся почти десятокъ лѣтъ.

Познакомимся теперь съ послѣдней судьбой въ комитетѣ проекта Уварова и Сперанскаго — съ журналами 134 и 135 собраній комитета, 15-го и 21-го іюля. Они и выяснятъ вполнѣ участіе Сперанскаго въ редакціи.

По прочтеніи исторической записки о ходѣ университетскаго вопроса, „приступлено къ подробному разсмотрѣнію редакціи проекта общаго устава университетовъ, *исправленной по замѣчаніямъ члена комитета*, т. *д. т. с. Сперанскаго*. Комитетъ разсмотрѣлъ пять главъ проекта, именно: общія положенія, составъ и предметы факультетовъ, предметы и обязанности совѣта, предметы и обязанности правленія и порядокъ опредѣленія и увольненія лицъ, принадлежащихъ къ университету и главныя ихъ обязанности; при чемъ, по общему согласію предсѣдателя и

присутствовавшихъ членовъ, допущены въ редакціи нѣкоторыя измѣненія".

„При разсужденіи о порядкѣ опредѣленія въ университетъ профессоровъ,—говорится далѣе, въ 3-й статьѣ журнала,—доложено, что статьи 74 и 78 проекта, составленнаго въ министерствѣ нар. просвѣщенія, были изложены слѣд. образомъ:

„74) Никто не можетъ быть избранъ совѣтомъ въ ординарные или экстра-ординарные профессоры и адъюнкты, не имѣя степени доктора или по крайней мѣрѣ магистра того факультета, къ которому принадлежитъ каѳедра.

„78) Профессоры и адъюнкты утверждаются въ сихъ званіяхъ министромъ, которому, впрочемъ, предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать въ профессоры и въ адъюнкты на вакантныя каѳедры людей, отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія".

По содержанію послѣдней статьи членъ комитета Сперанскій замѣтилъ, что право, присвояемое въ ней министру, уничтожаетъ и выборъ университетскаго совѣта, и конкурсъ. Уставы сочиняются не для одного лица настоящаго. Не лучше ли предоставить министру предлагать кандидатовъ совѣту чрезъ попечителя? Дѣйствіе будетъ то же, но не будетъ повода къ укоризнѣ въ самовластіи [1]).

„Г. предсѣдатель и члены комитета: статсъ-секретарь Балугьянскій и генералъ-маіоръ гр. Строгановъ, соглашаясь съ замѣчаніями д. т.-с. Сперанскаго, полагали редакцію статьи 78 измѣнить слѣдующимъ образомъ: „Пофессоры и адъюнкты утверждаются въ сихъ званіяхъ министромъ народнаго просвѣщенія". Но флигель-адъютантъ полковникъ гр. Протасовъ [2]) находилъ съ своей стороны необходимымъ удержать прежнюю редакцію 78-ой статьи проекта устава, т.-е., чтобы, допуская вообще избраніе профессоровъ и адъюнктовъ въ совѣтѣ университета, позволено было министру и по собственному усмотрѣнію назначать въ сіи званія людей достойныхъ, съ соблюденіемъ впрочемъ требуемаго статьею 74 условія — чтобъ они имѣли ученую степень доктора или магистра, о чемъ и представилъ особое мнѣніе. Гг. предсѣдатель и прочіе члены остались при прежнемъ своемъ заключеніи".

Такимъ образомъ, строго-послѣдовательный, Сперанскій не допускалъ никакого отступленія отъ разъ положеннаго въ основу

---

[1]) Ср. выше, въ „Примѣчаніяхъ": почти дословно по такому же случаю.

[2]) Съ мая 1835 г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

университетскихъ порядковъ принципа и, оберегая высшую руководящую власть отъ возможности какой-либо укоризны, съумѣлъ и самого автора 78-й статьи, Уварова, какъ и большинство членовъ, склонить въ пользу своего взгляда. Одинъ только гр. Протасовъ выступилъ на защиту отказавшагося отъ своего мнѣнія Уварова, на защиту начальной редакціи министерскаго проекта, отстаивалъ право министра, но съ существеннымъ ограниченіемъ: при наличности ученой степени, а не просто „дара преподаванія“,—и мнѣніе Протасова удостоилось Высочайшаго одобренія. „Совершенно согласенъ съ гр. Протасовымъ“, начерталъ императоръ, при представленіи выписки изъ журнала и мнѣнія о правѣ назначенія самимъ министромъ профессоровъ, 23 іюля [1]).

Второе собраніе комитета (въ общемъ счетѣ 135), 21 іюля, посвященное подробному разсмотрѣнію остальныхъ четырехъ главъ устава (порядокъ курсовъ, права и преимущества, объ особенныхъ установленіяхъ, учебныя и вспомогательныя пособія и заведенія) не вызвали никакихъ споровъ: „по общему согласію гг. предсѣдателя и членовъ, въ редакціи нѣкоторыхъ статей учинены измѣненія“, сказано въ журналѣ. Одному только отдѣлу проекта дано новое направленіе, но направленіе именно согласное съ мнѣніемъ Сперанскаго, высказаннымъ имъ еще въ „Примѣчаніяхъ“—о пріобрѣтеніи ученыхъ степеней. „По случаю разсужденія о статьяхъ проекта устава, касающихся до порядка испытаній на ученыя степени, комитетъ,—продолжаетъ журналъ, —признаетъ всю важность опредѣленія на сей конецъ твердыхъ и основательныхъ правилъ, положивъ: просить статсъ-секретаря М. А. Балугьянскаго принять на себя трудъ обозрѣть сіе дѣло во всей подробности и представить свое заключеніе, для составленія особаго о томъ положенія, независимо отъ проекта устава университетовъ, въ который войдутъ только общія о производствѣ въ ученыя степени основанія“ [2]).

„Новый проектъ общаго устава импер. россійскихъ университетовъ,—сообщалъ Уваровъ А. Д. Боровкову, заступившему государственнаго секретаря,—съ принадлежащими къ нему штатами, подъ собственнымъ Его Императорскаго Величества руководствомъ, составленъ въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній и въ 26 день іюля удостоенъ Высочайшаго утвержденія“ [3]). 26-го іюля послѣдовалъ и указъ сенату.

---

[1]) Ср. 80 § печ. устава 1835 г.

[2]) Это положеніе было составлено только въ 1842 году. Оно и до сихъ поръ въ дѣйствіи.

[3]) Отъ 2 августа. Это сообщеніе вызвано письмомъ Новосильскаго къ управ-

Комитетъ 14 мая завершилъ свою организаціонную дѣятельность. Главнымъ его дѣломъ былъ общій уставъ для университетовъ, двигавшійся медленно, но обдуманно, съ простою, но твердо выдержанною системою, въ которой нашли для себя мѣсто условія для мирнаго, согласнаго сожитія, и ученая самостоятельность (наслѣдіе старины), и административное наблюденіе.

Мы видѣли, какъ Сперанскій, привыкшій къ стройности и строгости отношеній, безжалостно уничтожилъ училищный комитетъ, съ его практикой вольнаго надзора за школою: для него невозможна была комбинація „серединной" мѣры, на которой было-остановился Уваровъ, чтобы сколько-нибудь отстоять и старину, и свой авторитетъ. Но позже обрадовался и самъ противникъ смѣлой операціи Сперанскаго, которая такъ неожиданно упростила тяжелую реформу университетовъ. Съ большою настойчивостью преслѣдовалъ Сперанскій интересы выдержанности принципа, единство пріемовъ и отвѣтственности. Но поправки Сперанскаго шли дальше одного цѣлесообразнаго нивеллированья. Ему наука международнаго права обязана своей каѳедрой въ нашихъ университетахъ: въ уставѣ 1835 года на юридическомъ факультетѣ, подъ № 7, мы находимъ: „Начала общенароднаго правовѣденія, jus gentium" (въ писанной редакціи по зачеркнутому: „законовѣденія (Droit des gens)".

Наконецъ, и славянская каѳедра, знаменитая своей судьбой въ комитетѣ раньше—„исторія и литература славянскихъ нарѣчій" (подъ № 5, послѣ „россійской словесности и исторіи россійской литературы"), обязана, повидимому, своимъ воскрешеніемъ тому же Сперанскому, единомышленнику въ этомъ отношеніи перваго предсѣдателя комитета 14 мая, Шишкова. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о финансовой сторонѣ устава.

Мы видѣли, какою широкою струей—по отвергнутому проекту кн. Ливена—должны были политься государственныя средства на университеты—цѣлыхъ два милліона изъ скуднаго бюджета министерства. Но, помня урокъ, Уваровъ разсчитывалъ достигнуть своего идеала процвѣтанія университетовъ и съ меньшими затратами. Разсчетъ у него былъ составленъ такъ, что требовалось на полмилліона меньше противъ проекта кн. Ливена и настолько же больше противъ существовавшаго къ 1835 году отпуска (1.466.450).

ляющему департаментомъ, кн. Ширинскому-Шихматову, отъ 31 іюля: „На дняхъ г. министръ говорилъ, что нужно будетъ увѣдомить г. испр. д. государственнаго секретаря о томъ, что проекты общаго устава росс. университетовъ и штатовъ удостоены уже Высоч. утвержденія. Можетъ быть, сіе уже и исполнено по департаменту нар. просвѣщенія, но на всякой случай я считаю невлишнимъ ваше сіятельство объ этомъ увѣдомить".

Но чтобы и при этомъ скромномъ требованіи не встрѣтилось помѣхи, онъ готовъ былъ на всякія уступки.

„По Высочайше утвержденному нормальному бюджету,—заключалъ Уваровъ свой всеподданнѣйшій докладъ съ представленіемъ къ подписанію Его Величеству устава,—сумма, исчисленная на ввѣренное мнѣ министерство, составляетъ на 1836 годъ 7 милл. По соображеніи всѣхъ предстоящихъ въ будущемъ году расходовъ, если даже предположить и преобразованіе вдругъ четырехъ университетовъ по новымъ штатамъ, министерство сіе не выйдетъ изъ предѣловъ предполагаемаго ему назначенія. Но какъ преобразованіе университетовъ можетъ быть произведено не вдругъ, а постепенно, и притомъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, то и не встрѣтится въ семъ отношеніи никакого затрудненія".

Утверждая уставъ, императоръ относительно штатовъ сдѣлалъ оговорку: „спросить согласія министра финансовъ" [1]).

Но, помимо всего, увеличенная сумма на преобразованіе университетовъ не могла быть затребована разомъ уже по тому одному, что хотя, благодаря во-время образованному кадру новыхъ профессоровъ по проектамъ Паррота и Сперанскаго, многія каѳедры были тотчасъ же замѣщены новыми силами, а съ старыми профессорами не церемонились, но уставъ 1835 г. вводилъ въ университетъ и новыя каѳедры, замѣщеніе которыхъ было вопросомъ только будущаго. Мы видѣли, самъ создатель каѳедры международнаго права, Сперанскій, намѣчая ее, съ осторожностью прибавлялъ, что, можетъ быть, только „со временемъ представится удобность хотя въ одномъ университетѣ ввести сію науку". Повидимому, еще болѣе далекая перспектива замѣщенія—„хотя въ одномъ университетѣ" — ожидала другую, вновь введенную уставомъ 1835 года, каѳедру—„исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій". Можно было болѣе всего ожидать, что эта новая каѳедра, выполнявшая, наконецъ, старыя мечты Шишкова, теперь слѣпого уже, но все еще, по прежнему, бодраго и отзывчиваго любителя славянской науки, будетъ мертворожденнымъ дѣтищемъ. Какъ мало понятна была она на первое время даже въ подлежащихъ оффиціальныхъ сферахъ самой столицы, для этого достаточно припомнить тотъ титулъ, которымъ была она окрещена въ донесеніи петербургскаго попечителя министру 16 августа 1835 года: „исторія литературы славянскихъ нарѣчій".

---

[1]) Всѣ данныя—изъ указ. дѣла въ архивѣ м. н. просв., л. 91—152.

Въ Высочайшемъ указѣ объ основаніи московскаго университета императрица Елизавета назвала Шувалова „изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла". Изобрѣтателемъ славянской каѳедры былъ Уваровъ.

Онъ самъ недвусмысленно, повидимому, приписывалъ заслугу открытія славянской каѳедры себѣ. Когда въ 1840 году разсматривался одинъ нѣсколько фантастическій проектъ одного, повидимому, расположеннаго къ Россіи поляка, графа Гуровскаго—при помощи церковно-славянскаго языка, введеннаго въ польскія школы, воспитать поляковъ въ новомъ, русскомъ духѣ,—Уваровъ, поставленный въ затруднительное положеніе Высочайшей резолюціей—о полезности повсюду, а не только въ Польшѣ, предоставленія половины латинскихъ часовъ языку славянскому,—поспѣшилъ указать и на свои по этому дѣлу заслуги, на свою всегда славянскую политику. „Съ самаго вступленія моего въ управленіе министерствомъ, — писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ,—обратилъ я особое попеченіе на введеніе преподаванія славянскихъ языковъ и литературы во всѣхъ университетахъ имперіи, и съ сею цѣлію, при всеподданнѣйшемъ представленіи проекта общаго университетскаго устава, ходатайствовалъ объ учрежденіи особыхъ для того каѳедръ" [1]).

Еслибы это признаніе въ славянофильствѣ принадлежало Шишкову, оно не возбудило бы никакого недоумѣнія. Но мы видѣли, идея Шишкова объ учрежденіи славянской каѳедры въ комитетѣ 14-го мая не успѣла пройти; затѣмъ она была забыта въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и всплываетъ на верхъ только послѣ представленія „Примѣчаній" Сперанскаго, т.-е. *послѣ 10-го мая 1834 года*. Слѣдовательно, воскрешеніе славянской идеи произошло въ небольшой промежутокъ времени между 10-мъ мая и 26-мъ іюля (въ министерскомъ проектѣ устава, разбитомъ Сперанскимъ, ея не было), т.-е. ко времени, которое дѣйствительно можно обозначить, какъ обозначилъ его Уваровъ въ докладѣ о проектѣ гр. Гуровскаго „при самомъ представленіи проекта общаго университетскаго устава".

Если же, затѣмъ, мы примемъ во вниманіе вторую часть того же признанія, въ которомъ Уваровъ, продолжая подчеркивать свою славянскую политику, въ 1840 году свидѣтельствуетъ объ обстоятельствахъ, происходившихъ только черезъ два года, то оно окончательно ставитъ насъ въ недоумѣніе и дозволяетъ отнестись скептически и къ первой части признанія,

[1]) Сборникъ постановл. по м. нар. просв., II, № 13, отъ 10 дек. 1840 года.

насколько мы въ правѣ ее понимать, какъ самоличное свидѣтельство Уварова, что онъ именно и былъ дѣйствительнымъ творцомъ славянской каѳедры, а не только оффиціальнымъ посредникомъ.

„По воспослѣдованіи на сіе (т.-е. на учрежденіе славянской каѳедры) Высочайшаго соизволенія, отправлено было, — продолжаетъ Уваровъ свой защитительный докладъ 10-го декабря 1840 г., — нѣсколько отличныхъ молодыхъ людей за границу, чтобы ознакомиться съ живыми нарѣчіями славянскихъ народовъ, и эта мѣра *увѣнчалась* желаемымъ успѣхомъ: они *возвратились* въ отечество, обогащенные разнородными въ славянской литературѣ свѣденіями, и *заняли* съ честью мѣста профессоровъ“.

Дѣйствительно, „отличные молодые люди“, съ указанною цѣлью, были отправлены за границу: Бодянскій въ 1837 году (онъ былъ піонеромъ новаго дѣла), Прейсъ, положеніемъ комитета министровъ 20-го іюня 1839 года, Срезневскій, тѣмъ же положеніемъ 5-го іюля 1839 года, въ концѣ 1839 года; но „возвратились они въ отечество“ только во второй половинѣ 1842 года. Что же касается четвертаго славянскаго избранника, Григоровича, то онъ уѣхалъ въ славянское путешествіе только въ 1844 году [1]).

Итакъ, въ виду запутаннаго характера доклада 10-го декабря, мы не можемъ понимать его какъ несомнѣнное свидѣтельство того, что виновникомъ славянской каѳедры въ уставѣ 1835 года былъ Уваровъ. Правда, докладъ 10-го декабря редактированъ такъ, что читатель не можетъ не придти къ убѣжденію, что Уваровъ, а не кто иной — истинный виновникъ славянской каѳедры; но эта искусная редакція вынуждалась личными соображеніями Уварова въ виду проекта гр. Гуровскаго.

Въ утомительной исторіи выработки университетскаго устава 1835 года не было ни одного момента, когда бы хотя сколько-

---

[1]) Правда, въ 1839—41 г. преподавалъ славянскіе языки въ петербургскомъ университетѣ М. Касторскій; но онъ былъ историкъ, изъ педагогич. института, практически зналъ сербскій и чешскій языки и на славянскую каѳедру никогда не предназначался. Другой молодой ученый, Иванищевъ, усердно въ 1838 г. занимался славянскими языками въ Прагѣ. О немъ Ганка 19 „іюля“ 1838 г. писалъ Кеппену: „рекомендую вамъ подателя сего письма г. Иванищева, который подъ моимъ руководствомъ научился славянскимъ языкамъ и изучалъ древніе памятники славянскихъ законодательствъ“ (въ нашихъ Матеріалахъ). Но Иванищевъ—извѣстный позже кіевскій юристъ — никогда и не преподавалъ славянскую филологію, хотя симпатіи къ славянскимъ занятіямъ сохранялъ до конца жизни: мы лично имѣли удовольствіе познакомиться съ заслуженнымъ историкомъ въ Прагѣ въ 1869 году и быть свидѣтелемъ этихъ симпатій.

нибудь обнаружились славянскія симпатіи Уварова,—ни тогда, когда онъ былъ только простымъ членомъ комитета 14-го мая, ни тогда, когда онъ сталъ его оффиціальнымъ руководителемъ. Шишковъ, нѣкогда литературный врагъ Уварова, открыто, во всеуслышаніе исповѣдовалъ свои славянскія симпатіи, настойчиво работалъ надъ популяризаціею ихъ въ Россіи, и словомъ, и дѣломъ, имѣя въ рѣшительныя минуты сознательныхъ сотрудниковъ въ Сперанскомъ и графѣ Строгановѣ, въ членахъ комитета 14-го мая, которые не отказывали ему въ своемъ сочувствіи и поддержкѣ, даже и тогда, когда славянскія симпатіи мѣшали Шишкову отнестись спокойнѣе, когда онъ даже и въ такомъ дѣлѣ, разъ оно исходило отъ нѣмца, видѣлъ прежде всего нѣмца. Проектъ Паррота, поддержанный нѣмецкими членами комитета 14-го мая и Уваровымъ, въ глазахъ Шишкова былъ незаслуживающимъ серьезнаго вниманія, и этотъ взглядъ раздѣляли съ нимъ Сперанскій и гр. Строгановъ, и такъ и записали въ протоколъ. Когда же палъ Шишковъ, то съ нимъ палъ и проектъ славянскихъ каѳедръ въ университетахъ: славянской каѳедры нѣтъ ни въ редакціи университетскаго устава 1832 года,—редакціи нѣмецкаго піэтиста кн. Ливена, ни въ редакціи Уварова, какъ той, которая разсылалась на предварительное обсужденіе совѣтовъ университетовъ въ 1834 году, такъ и той, которая вызвала критику Сперанскаго въ маѣ 1835 года, рѣшившую, наконецъ, университетскій вопросъ черезъ два мѣсяца.

Въ апрѣлѣ 1841 года умеръ, наконецъ, Шишковъ, давно уже слѣпой, но все президентъ Россійской Академіи импер. Екатерины II и все до послѣдняго своего издыханія горячій другъ славянъ и горячій этимологъ. Императоръ остановился на мысли о соединеніи осиротѣлой академіи съ академіей наукъ, что и было исполнено въ образованіи II-го отдѣленія академіи, съ обязанностью „пещись объ изученіи славянскихъ нарѣчій и литературы". Но самъ Уваровъ не могъ справиться съ этими самыми славянскими нарѣчіями; въ его проектѣ соединенія обѣихъ академій, императоромъ не принятомъ, въ проектѣ „Соединенныхъ Академій", мы находимъ слѣдующее: въ параллель „нарѣчіямъ польско-чешскимъ" тамъ поставлены—невозможныя—„сербо-словацкія" [1])...

Правда, вмѣненіе заслуги созданія славянской каѳедры Ува-

[1]) Сборникъ постановл. по м. н. проса., II, стр. 258. О неизсякшемъ запасѣ славянскихъ интересовъ у Шишкова и въ послѣдніе годы жизни—см. свидѣтельство Погодина, посѣтившаго старика въ 1839 году: „лишь только дойдетъ рѣчь до славянскаго языка, глаза его засверкаютъ, онъ помолодѣетъ (Барсуковъ, „Погодинъ", V, 207).

рову можетъ опираться еще на томъ соображеніи, что еще въ отчетѣ по ревизіи московскаго университета Уваровъ, какъ на одно изъ дѣятельныхъ средствъ въ борьбѣ съ европейскими идеями, „грозящими намъ опасностью", указывалъ на усиленное изученіе *своего*, своей народности; „въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число умственныхъ плотинъ"; славянская каѳедра усиливаетъ именно отчизновѣденіе, и потому могла быть такъ желанна ему. Но дѣйствительно ли славяновѣденіе могло быть зачислено въ списокъ „умственныхъ плотинъ"?.. Уваровъ хотя и не зналъ славянства, но, какъ крупный умъ, не могъ не понимать, что новая каѳедра открывала къ намъ цѣлый потокъ новыхъ данныхъ, новыхъ мыслей, изъ науки и общественной жизни, и именно по направленію отъ Запада, что она — только новая связь съ Западомъ, а не бастіонъ противъ него. Кто могъ заранѣе сказать, какъ уложатся эти новыя, славянскія идеи въ нашей средѣ? Не явятся ли онѣ съ характеромъ фермента? Не говоря о мечтахъ славянофиловъ Москвы, о времени послѣ 1848 года, вспомнимъ только кіевскую исторію Костомарова и Шевченка. Славянскую каѳедру можно было назвать политической, боевой; но только въ число „умственныхъ плотинъ" она занесена быть не можетъ, какъ заключавшая въ себѣ элементы новые, элементы самосознанія, развитія. Она — не одна археологія, а предметъ жизни, съ содержаніемъ близкимъ, жизненнымъ, пробуждающій вниманіе и держащій его въ напряженіи. И наши политическіе противники тотчасъ же такъ и опредѣлили ее: Пруссія и Австрія съ „непріязненнымъ вниманіемъ", — повторяемъ слова Уварова, — остановились на „покровительствѣ славянскимъ языкамъ" [1]), а затѣмъ завели славянскую каѳедру у себя.

Мы видѣли, что въ смѣломъ дѣлѣ призванія западно-славянскихъ ученыхъ для осуществленія славянскихъ каѳедръ въ университетахъ имперіи, задуманныхъ Шишковымъ, одинъ Сперанскій шелъ объ-руку съ старикомъ: „какъ Шишковъ, такъ и Сперанскій, — извѣщаетъ съ радостью Кеппенъ Ганку (одного изъ призывавшихся славянъ), — находятъ ваши условія умѣренными". То же согласіе было между ними и въ образованіи профессорскихъ кад-

[1]) Любопытный фактъ: въ докладѣ 10 декабря 1840 года, Уваровъ припоминаетъ, что самимъ государемъ было дано лично ему „въ руководство наставленіе, чтобы въ уваженіе непріязненнаго вниманія, обращаемаго сосѣдственными державами на покровительство, оказываемое славянскимъ языкамъ, въ распространеніи обученія симъ предметамъ въ училищахъ Польши поступать съ особенною осторожностью".

ровъ изъ студентовъ и семинаристовъ. Но проектъ славянской каѳедры не прошелъ въ комитетѣ 14-го мая; Шишковъ оставилъ министерство, хотя не оставилъ своихъ заочныхъ славянскихъ друзей, напрасно потревоженныхъ. Ему удалось провести новый проектъ своего сотрудника Кеппена — учрежденія „Славянской Библіотеки“ при своей Россійской Академіи, съ хорошимъ окладомъ для всѣхъ трехъ чешскихъ друзей въ Прагѣ и Новомъ-Садѣ. Новое учрежденіе, на первое время — лабораторія славянскихъ словарей, со временемъ легко могла стать разсадникомъ славяновѣденія. Правда, и эта мысль Шишкова на дѣлѣ не могла осуществиться, благодаря, съ одной стороны, торгашескому духу Ганки — заправилы въ дѣлѣ сношеній между Прагою и Петербургомъ, съ другой — обнаружившейся въ послѣднюю минуту жадности академіи, разныхъ Соколовыхъ. „Приглашеніе, — разсказываетъ самъ Кеппенъ,—состоялось вслѣдствіе моего предположенія, когда дѣло шло о прекращеніи ежегоднаго отпуска значительныхъ суммъ на содержаніе Россійской Академіи. Когда же дальнѣйшій отпускъ суммъ былъ утвержденъ во вниманіе къ новымъ ея предположеніямъ, тогда академія предпочла оставаться при прежнемъ порядкѣ, и вызывавшіеся ученые *остались въ обманѣ*“.

Такимъ образомъ, для Сперанскаго, съ 1831 года уже члена Россійской Академіи Шишкова, славянскіе интересы имѣли не только теоретическое значеніе, но и представляли весь интересъ личнаго знакомства, личнаго участія. Сперанскій былъ не только довѣреннымъ лицомъ Шишкова, но и дѣятельнымъ участникомъ въ его славянскихъ затѣяхъ, *единственный* славянскій спеціалистъ въ комитетѣ 14-го мая.

Наконецъ, нельзя не остановиться на послѣдней стадіи въ исторіи работъ надъ уставомъ 1835 года, на моментѣ формальномъ.

Въ проектѣ, выработанномъ въ департаментѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ Уварова, въ 1834 году, славянской каѳедры не было. Она появилась въ послѣдней редакціи, утвержденной комитетомъ въ засѣданіи 15-го іюля. Но въ какомъ видѣ вступила эта редакція въ комитетъ? Прямой отвѣтъ даетъ журналъ засѣданія комитета: „приступлено къ подробному разсмотрѣнію редакціи проекта, *исправленной по замѣчаніямъ члена комитета*, д. т. с. *Сперанскаго*“. Какъ видно далѣе изъ словъ журнала, разсмотрѣніе, за исключеніемъ одного вопроса, не сопровождалось преніями, дѣло ограничилось немногими стилистическими „измѣненіями“. Слѣдовательно, славянская каѳедра попала въ

текстъ устава 1835 года не въ самомъ засѣданіи 15-го іюля: текстъ былъ вполнѣ готовъ, но именно выправленный по замѣчаніямъ Сперанскаго, которыя были доставлены Уварову 10-го мая. Слѣдовательно, славянская каѳедра попала въ текстъ устава при выправкѣ его, послѣ 10-го мая. Но въ самыхъ „Примѣчаніяхъ“ Сперанскаго о ней не упоминается: остается поэтому думать, что Уваровъ принялъ ее въ текстъ, въ періодъ его послѣдняго исправленія, по устному, дополнительному указанію того же радикальнаго критика своего проекта — Сперанскаго.

Ал. Кочубинскій.

Одесса.

ПЕРЕВАЛЪ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Ψυχῆς γὰρ ἐστιν οὐδὲν τιμιώτερον [1]).
Эврипидъ.

I.

Паровозъ курьерскаго поѣзда съ воемъ сигнала входилъ подъ своды николаевскаго дебаркадера въ Москвѣ.

Въ отдѣльномъ купѣ сидѣлъ Захаръ Лукьяновичъ—въ ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ. Онъ былъ не одинъ. Противъ него возбужденно сталъ у окна и вглядывался, вправо и влѣво, иностранецъ—въ короткомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ женскаго покроя. И шапка на немъ сидѣла какъ-то странно, съ наушниками, завернутыми кверху.

Тщедушный и сухой въ лицѣ, онъ смотрѣлъ южаниномъ. Подстриженная на щекахъ бородка, монокль, усы щеткой кверху —выдавали въ немъ француза. На видъ ему было подъ-сорокъ.

Разглядѣть онъ могъ мало сквозь полузамерзлое стекло.

— Il fait bigrement froid!—картавя, пропѣлъ онъ и обернулся къ Кумачеву, послѣ чего сталъ доставать свои дорожныя вещи.

---

*) См. выше: апрѣль, стр. 508.

[1]) Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе души.

Кумачевъ уже снялъ мѣшокъ—несессеръ—онъ лежалъ около него, на диванѣ—и взглянулъ на француза; его жидкая фигура въ высокихъ мѣховыхъ калошахъ вызвала на его красивыя губы усмѣшку снисходительнаго превосходства.

Этого „француэика" онъ подцѣпилъ въ Петербургѣ на одномъ патріотическомъ обѣдѣ, гдѣ тотъ произносилъ трескучую здравицу во имя „la grande alliance des deux nations-soeurs".

Фамилія его была—Moucillac и произносилась по-парижски: *Мусійякъ*. Захаръ Лукьяновичъ прозвалъ его про себя: „мусьякъ", и остался очень доволенъ такой остротой. На томъ обѣдѣ онъ самъ говорилъ небольшой привѣтственный спичъ, въ отвѣтъ на рѣчь француза, и показалъ, какъ онъ ловко и даже остроумно владѣетъ французскимъ языкомъ; разумѣется, безъ всякаго излишняго модничанья по части разныхъ „копюршйковъ" жаргона и произношенія.

Ему отрекомендовали Мусильяка какъ корреспондента нѣсколькихъ журналовъ, пріѣхавшаго съ цѣлью „изучить настроеніе русскаго общества въ интересахъ великаго подъема чувствъ". Онъ самъ себя выдавалъ и за представителя „Лиги". Но дѣловые люди шепнули Захару Лукьяновичу, что этотъ Мусильякъ явился нащупать почву насчетъ одной концессіи, желаетъ войти въ сношенія съ нѣкоторыми московскими воротилами.

„Жидкій вы народъ", — говорили сановитые глаза Захара Лукьяновича, продолжая оглядывать спину и ноги француза.— „Дружбу-то вашу мы достаточно раскусили, но—честь честью— мы брыкаться не желаемъ. Вы намъ: „цыпъ-цыпъ!"—и мы вамъ такимъ же манеромъ. Нѣмцы пускай, денно и нощно, пережёвываютъ, что противъ нихъ у насъ здоровенный договоръ, подъ семью печатями и съ сотней статей. Они васъ, пожалуй, и теперь поколотятъ, если дѣло дойдетъ до драки, а мы подумаемъ и поглядимъ—какъ-то вы будете себя вести. Въ такомъ размѣрѣ мы вамъ и аттенцію окажемъ".

— Nous y voilà!—вскрикнулъ Мусильякъ и застегнулъ первую верхнюю пуговицу пальто съ чудной дамской пелеринкой, не мало забавлявшей, всю дорогу, Захара Лукьяновича.

— Nous y voilà!—повторилъ Кумачевъ и самъ поднялся.

Француза онъ обласкалъ, предложилъ сѣсть въ свое отдѣльное купѐ-салонъ, позвалъ и обѣдать—на послѣ-завтра. За обѣдомъ онъ его кое-кому покажетъ. Того хлѣбомъ не корми, дай только ему пустить свои рацеи о „grand patriote moscovite du Strastnoï boulevard" и „l'antique Kremlin — ce pandemonium des gloires ineffables de la sainte Russie". Пожалуй, онъ сведетъ его

и на могилу „du grand citoyen“. Тотъ уже заговаривалъ о вѣнкѣ, и гдѣ его купить по сходной цѣнѣ.

Два артельщика вбѣжали разомъ съ двухъ сторонъ и, толкаясь, начали забирать вещи.

— Slavianski Bazar!—жалобно выговаривалъ французъ, остановившій за рукавъ полушубка своего артельщика.

Кумачевъ объяснилъ ему, что за „этимъ господиномъ“ пріѣдетъ переводчикъ изъ „Славянскаго Базара“.

На платформѣ они пожали другъ другу руки. Французъ приподнялъ свою шапку съ наушниками и обнажилъ лысый черепъ съ жидкой косицей волосъ по срединѣ.

Въ эту минуту онъ показался Кумачеву такимъ „милымъ“ —онъ нарочно употребилъ, про себя, мужицкое слово,—что его забрало сомнѣніе: полно, настоящій ли онъ журналистъ. И послала ли его какая-нибудь компанія „маклачить“ насчетъ концессіи и привлеченія капиталовъ? Вдругъ, какъ онъ окажется просто „voyageur en vins de Champagne“, помѣщающій вино плохенькой новой фирмы, со скидкою тридцати процентовъ номинальной цѣны и съ кредитомъ отъ одной макарьевской ярмарки до другой?

Ѣхали они съ Ниной, года два назадъ, изъ-за границы, по осени. Съ ними въ одномъ вагонѣ сидѣлъ французъ—не этому чета—изящный, бравый, видный, рѣчистый, съ какимъ барскимъ тономъ!.. Примешь за герцога Рогана или Монморанси. И что же! Когда, послѣ Пскова, они разговорились—и оказался онъ—„voyageur“, промышляющій продажей „en gros“ бутылочныхъ этикетокъ. Захару Лукьяновичу всучилъ-таки пачку ярлыковъ—черные съ золотыми буквами...

Кумачевъ оглянулся на станціи. Онъ искалъ кого-то глазами. Его камердинеръ подбѣжалъ къ нему.

— Барыни не видать,—вполголоса доложилъ онъ.

— Знаю!

Захару Лукьяновичу показались непріятными эти слова камердинера, хотя онъ не требовалъ и не ожидалъ того, что Нина выѣдетъ къ нему на встрѣчу.

Морозъ стоялъ градусовъ за двадцать. Съ какой стати будетъ она студиться?

Вспомнилось ему, однако, что не дальше какъ въ прошломъ году Нина сама выѣхала его встрѣтить, и морозъ былъ никакъ не меньше сегодняшняго.

Писемъ онъ ей изъ Петербурга не писалъ, зато посылалъ большія телеграммы. Въ нихъ онъ—не называя именъ, въ видѣ

прозрачныхъ намековъ и по-французски—сообщалъ о своихъ успѣхахъ. „Предстательство“, котораго онъ былъ ходатаемъ, во всѣхъ частяхъ уважено. Самъ управляющій вѣдомствомъ благодарилъ его. Къ Пасхѣ, навѣрно, повѣсятъ ему крестъ на шею. И въ другомъ вѣдомствѣ ему дали понять, что представленіе о его наградѣ—въ видѣ званія, такъ давно желаемаго Ниной,—будетъ взято въ „серьезное вниманіе“.

И она даже на это почему-то ничѣмъ особеннымъ не откликнулась. Въ послѣдней ея депешѣ стояло только: „Mercі. Heureuse. Les mioches vont bien“.

Будь это въ прошломъ году, она навѣрно бы прилетѣла на дебаркадеръ.

— Иванъ Кузьмичъ!..—доложилъ опять камердинеръ.

Къ нему торопливо подходилъ Кострицынъ.

— Извините, Захаръ Лукьяновичъ! Чуть, было, не опоздалъ!

— Спасибо! Зачѣмъ безпокоились въ такую стужу!

— Антонина Борисовна просила меня встрѣтить васъ. Она немножко утомлена.

— Что такое?—тревожно спросилъ Кумачевъ.

— Ничего. Она второй день сидитъ дома. Кажется, раздраженіе горла.

Кострицынъ присочинилъ это отъ себя. Въ нездоровье Нины онъ не вѣрилъ.

— Она на ногахъ,—успокоительно добавилъ онъ.—Я сюда пріѣхалъ въ вашихъ саняхъ. А отсюда возьму извозчика.

Кумачевъ еще разъ пожалъ ему руку.

— Все у насъ благополучно?—спросилъ онъ хозяйскимъ тономъ.

— По мануфактурамъ и въ амбарѣ все,—отвѣтилъ коротко Кострицынъ.

И этотъ отвѣтъ почему-то показался Кумачеву уклончивымъ.

„А дома?“—спросилъ онъ про себя.

И не желая останавливаться дальше на этихъ разспросахъ, онъ бодро подозвалъ камердинера.

— Ты повезешь вещи. Я на одиночкѣ... Иванъ Кузьмичъ,—повернулся онъ къ Кострицыну:—сегодня я буду въ амбарѣ. И послѣ-завтра прошу откушать... Знаете, попараднѣе... Увидите Лыжина—и его просите! Онъ не въ отъѣздѣ ли?

— Нѣтъ, здѣсь въ Москвѣ. Передамъ... Мое почтеніе!

Кострицынъ простился съ нимъ на ступеняхъ широкой лѣстницы пассажирскаго подъѣзда. Артельщикъ закричалъ его кучера и подалъ ему маленькій сакъ, гдѣ у него были бумаги и деньги.

Сѣрый рысакъ вылетѣлъ изъ воротъ вокзала и помчалъ Захара Лукьяновича по площади и дальше по Уланскому переулку, переполненному легковыми извозчиками и ломовиками. Съ обѣихъ сторонъ пестрѣли передъ нимъ, убѣгая взадъ, вывѣски питейныхъ и трактировъ, и неслись запахи постнаго дня.

Всегда онъ возвращался въ Москву съ радостнымъ чувствомъ и любилъ самую ея грязь, азіатское неустройство и безшабашность ея уличныхъ нравовъ.

Сегодня этого чувства—почти дѣтскаго—не было въ немъ. Морозный вѣтеръ дулъ ему въ уши и глаза. Онъ ушелъ въ воротникъ.

Входя къ себѣ въ сѣни, онъ сейчасъ же спросилъ:

— Какъ барыня?

— Слава Богу... Онѣ тамъ, на лѣстницѣ.

Онъ поднялъ голову и увидалъ Нину на площадкѣ второго этажа въ короткой плюшевой мантилькѣ.

— Zacchi! Bonjour!—крикнула она ему оттуда и указала на свое горло, какъ бы говоря: „внизъ, въ сѣни, я боюсь".

И отъ этого оклика на Захара Лукьяновича повѣяло холодкомъ.

II.

Въ столовой—полной свѣта и пряныхъ испареній ѣды—дѣлалось душно. Приближалась минута спичей.

Захаръ Лукьяновичъ оглянулъ весь столъ. Сидѣло четырнадцать человѣкъ. Онъ успокоительно улыбнулся.

И онъ, и Нина смертельно боялись числа *тринадцать*, и оба скрывали это. Когда—передъ пріѣздомъ француза—половина гостей была уже въ сборѣ, вдругъ оказалось, что столъ накрытъ на тринадцать особъ. Оба они всполошились. Какъ быть? Совѣстно сказать Кострицыну, какъ своему человѣку: „вы не будете обѣдать". Самому хозяину не садиться—также неловко. Нина выручила: она позвала англичанку, обѣдавшую всегда съ дѣтьми, и приказала ей одѣться въ самое нарядное платье. И опять вышло тринадцать: князь Иларіонъ все еще не возвращался изъ своей поѣздки за городъ. Англичанкѣ велѣли тогда остаться съ дѣтьми.

Противъ хозяина былъ посаженъ французъ, между двумя дамами—Ниной и Верховцевой. По правую руку, рядомъ съ Ниной, сидѣлъ генералъ Кишкетовъ, а слѣва, около Nanon—дядя Кумачева, Лука Гордѣичъ Курмышевъ, только-что пріѣхавшій

изъ „чужихъ краевъ“—какъ онъ привыкъ, по старинному, выражаться. Его ростъ, бритое лицо, сѣдая подстриженная голова, сдержанно-пріятная усмѣшка, pince-nez и умѣнье носить фракъ дѣлали его похожимъ на породистаго стараго барина. И Нина его жаловала. Не будь онъ „Лука Гордѣичъ“—никто бы не призналъ въ немъ купца, пожалуй еще менѣе, чѣмъ въ его племянникѣ.

Остальные гости были тѣ же, что и на обѣдѣ, когда Лыжина въ первый разъ пригласили „откушать“. Недоставало только петербургскаго чиновника и Орѣхова.

Всѣ мужчины надѣли бѣлые галстухи, и большинство—фраки. Самъ хозяинъ и Ковригинъ—„le pique-assiette“—были въ смокингахъ.

Французикъ—даже въ бѣломъ жилетѣ, по парижской модѣ—безъ умолку болталъ съ дамами, и его маленькое лицо, съ сѣро-бронзовымъ оттѣнкомъ кожи, безпрестанно подергивалъ чуть замѣтный тикъ, особенно когда онъ вставлялъ свой монокль. Захару Лукьяновичу не очень нравилось то, какъ этотъ „мусьякъ“ держитъ себя съ его женой и ея пріятельницей. Онъ со второго блюда сталъ слишкомъ близко къ нимъ наклоняться и глядѣлъ на нихъ, прищуривая одинъ глазъ, другимъ—слишкомъ уже какъ-то „подло“.

Нина сіяла и блескомъ своей наружности, и брилліантами. Она перекидывалась съ Nanon частыми взрывами смѣха—и тогда французъ пускалъ визгливую ноту, отъ удовольствія закидывался назадъ и начиналъ качать головой.

„Считаютъ себя самой галантерейной націей,—думалъ Кумачевъ:—а воспитанія никакого. Самомнительные парикмахеры!“

Сердиться онъ не хотѣлъ, хотя его сегодня съ утра что-то точно покалывало. Вчера, въ часъ пріема жены, онъ нашелъ у нея барона Гольца. Чрезвычайно ему не понравился этотъ офицеръ, и почему—онъ не могъ себѣ отдать отчета. Нина вела себя съ нимъ обыкновенно, даже суховато, что показалось ему страннымъ. Когда тотъ ушелъ, и онъ спросилъ Нину: желаетъ она пригласить его обѣдать „на француза“—она отвѣтила, поведя губами: „особенной надобности нѣтъ“. И это опять показалось ему страннымъ.

На остальныхъ гостей Захаръ Лукьяновичъ глядѣлъ свысока, кромѣ генерала Кишкетова—пригласить его просила Нина. И сегодня она съ нимъ очень любезна и то-и-дѣло обращается къ нему. У нея, вѣроятно, какіе-нибудь виды на него. Человѣкъ онъ вліятельный, значится „въ запасѣ“, но всѣ говорятъ,

что онъ—на дѣйствительной службѣ, и на такой, что съ нимъ ухо востро держи.

Пріѣхалъ и онъ въ штатскомъ, хотя имѣетъ право быть и въ формѣ. Это онъ дѣлаетъ чтобы молодиться. Густыя эполеты старятъ, а для вида были бы нелишними пара эполетъ и владимірскій крестъ на шеѣ. Французику внушено: какая птица „son excellence le général de Kichkétoff". Онъ—когда его представляли—изогнулся колесомъ: кланяться сановникамъ они всѣ мастера, даромъ что республиканцы.

Свою здравицу Захаръ Лукьяновичъ на бумажкѣ не писалъ. Онъ въ себѣ увѣренъ. Ему приводилось говорить по-французски на большихъ парадныхъ обѣдахъ, и послѣ его спичи—записанные „газетчиками"—ходили по всей Москвѣ. Дома онъ подавно будетъ превосходно владѣть собою.

Мужчины оцѣнятъ его умѣлость и знаніе языка. Изъ нихъ только Кострицынъ не можетъ вполнѣ свободно объясняться по-французски, да, кажется, и ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Этотъ фактъ Захаръ Лукьяновичъ смаковалъ съ особымъ удовольствіемъ. Умственное превосходство своего бывшаго учителя онъ любилъ тонкимъ образомъ посократить. И никто изъ остальныхъ, даже постоянно французившій Ковригинъ не въ состояніи импровизовать спичъ, какъ онъ: ни генералъ, ни Верховцевъ, ни Лыжинъ, ни его дядя Курмышевъ, ни докторъ Шахматовъ. Можетъ быть, Эсауловъ... Онъ рѣчистъ—съ женщинами. Но это не одно и то же.

Захаръ Лукьяновичъ слегка постучалъ въ свой бокалъ, когда шампанское, передъ блюдомъ овощей, было розлито.

Всѣ притихли. Послѣдній замолчалъ французъ, и его вопросъ: —Monsieur va parler?—раздался среди общей тишины.

Поднимаясь, Захаръ Лукьяновичъ привѣтствовалъ заѣзжаго „друга Россіи" наклоненіемъ головы и жестомъ лѣвой руки и, не возвышая голоса, мягкимъ, очень пріятнымъ звукомъ, началъ:

— Mesdames et messieurs!

Французъ разсудилъ положить локти на столъ и податься впередъ такъ, какъ будто онъ зналъ, что хозяинъ будетъ говорить исключительно ему.

Сразу Захаръ Лукьяновичъ взялъ полу-шутливый тонъ. Онъ указалъ на трескучіе морозы, которые не пугаютъ друзей его родины—проникать въ нее, не въ качествѣ хищныхъ завоевателей—какъ было въ двѣнадцатомъ году—а со словами сочувствія и удивленія ея могуществу, съ увѣренностью, что русское гостепріимство согрѣетъ и развеселитъ ихъ душу. И онъ пожe-

лалъ, чтобы морозы эти постояли еще подольше. Холодъ вызоветъ подъемъ духа. И путникъ, являющійся съ далекаго запада, попавъ въ вихрь нашего веселья и жизни, не захочетъ разстаться съ поэзіей русской зимы. Онъ еще сильнѣе почувствуетъ—какія сердца бьются подъ снѣжнымъ пологомъ. Если эти сердца съумѣть привлечь къ себѣ—никакой врагъ не опасенъ!

Заключительный возгласъ Захара Лукьяновича прозвучалъ такъ:

— Je bois à la santé du français venu à Moscou en ami convaincu et fidèle!

Всѣ захлопали; даже Лыжинъ, который шепнулъ Кострицыну:

— Ученичокъ твой молодцомъ!

Съ мѣстъ, однако, никто не вставалъ, чтобы чокаться съ французомъ. Чокнулись съ нимъ только дамы.

Генералъ Кишкетовъ сдѣлалъ ручкой хозяину. Шахматовъ, сидѣвшій рядомъ съ Кумачевымъ, шепнулъ ему:

— Прекрасно! Пускай знаетъ нашихъ. И безъ излишней сладости!

Эсауловъ кисло улыбался. Ему непріятенъ былъ успѣхъ „купчишки". Говорить послѣ него онъ не станетъ. Но и онъ почувствовалъ себя облегченнымъ. Ожидалъ онъ расшаркиванья передъ французомъ и нашелъ, что Захаръ Лукьяновичъ справился со своимъ спичемъ весьма не глупо.

Бросивъ салфетку, Мусильякъ весь нервно подернулся, взялся одной рукой за бокалъ, а другую запустилъ за вырѣзъ жилета.

— Mon ami Koumatchèff,—началъ онъ; Захара Лукьяновича кольнуло это вступленіе: „Какой я его ami?" подумалъ онъ сейчасъ же.—Mon excellent ami,—повторилъ Мусильякъ,—me confond de paroles cordiales que les russes seuls sont capables de proférer dans les épanchements de leur généreuse nature slave!..

— Замолола мельница!—шепнулъ Кострицынъ Лыжину.

— Oui, mes amis!—заливался Мусильякъ.—Sous ses neiges profondes et vivifiantes—votre antique capitale cache des richesses inouies! Elle n'est pas seule—cette renversante Moscou! D'autres villes rivalisent avec elle de prosperité et de trésors, pudiquement enfouis sous la virginale hermine de leurs steppes!.. Parlez-moi de ces soeurs puinée de votre sainte cité! Parlez-moi de Toulá, parlez-moi de Kalouga!..

— Что онъ, калужскаго тѣста, что-ли, захотѣлъ?—не удержался Кострицынъ и поглядѣлъ на Кумачева.

Тотъ сидѣлъ съ опущенными глазами; на губахъ его скользила усмѣшка.

— Parlez-moi de Novgorode la Petite, cette perle du commerce russe!

— Это еще что?—спросилъ и Лыжинъ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ Эсаулова.

— Такъ они, почему-то, до сихъ поръ зовутъ Нижній и въ своихъ учебникахъ.

— Parlez-moi de cette foire miraculeuse, où—des confins des Indes roulent par le majestueux Volga des caravanes pleines de produits rares—éclos parmi les peuplades, aspirant à la protection tutélaire et civilisatrice de votre noble pays—vaste comme le monde!

— Не закрыть ли клапанъ? — спросилъ опять Кострицынъ и сдержалъ себя. Онъ почувствовалъ, что и патронъ его что-то конфузится отъ спича заѣзжаго „друга Россіи".

— Puissé-je,—вскрикнулъ французъ и поднялся на цыпочкахъ:—en portant ce toast à la fraternité des deux peuples—au milieu de cette superbe ville ou reposent les cendres du grand patriote moscovite—puissé-je évoquer les plus glorieux souvenirs de ma chère patrie—gages suprêmes de sa réhabilitation imminente!

Первыя захлопали дамы, за ними Кумачевъ. На этотъ разъ онъ пошелъ чокнуться съ французомъ.

— Здоровье и хозяевъ могъ бы провозгласить!—выговорилъ довольно громко Шахматовъ, когда Захаръ Лукьяновичъ чокался съ французомъ.

— Имъ главное—свой реваншъ взять,—съ тихой улыбкой выговорилъ дядя Захара Лукьяновича, Курмышевъ.

Генералъ, желая дать урокъ французу въ вѣжливости, всталъ и провозгласилъ:

— La santé de nos chers hôtes, qui représentent ici, si largement, l'hospitalité russe!

Мужчины повскакали съ мѣстъ, и всѣмъ стало гораздо веселѣе отъ того, что француза проучили.

III.

Послѣ обѣда, въ кабинетѣ Нины, дамы посадили Мусильяка опять между собою, у столика, гдѣ стоялъ подносъ съ кофе и ликерами. Хозяйка разрѣшила ему курить. Изъ мужчинъ оставались только генералъ и Ковригинъ.

Щеки Нины порозовѣли, глаза блестѣли, шея и руки выстав-

ляли свою матовую бѣлизну, выступая изъ густого колера цвѣтного атласа. Рядомъ съ ней Nanon казалась дурнушкой. Она выпила лишній бокалъ шампанскаго и сидѣла съ пылающими щеками, слишкомъ много смѣялась и уже позволяла французу маленькія вольности, отъ которыхъ онъ еще воздерживался, обращаясь къ Нинѣ.

Мусильякъ—съ ногой вздернутой на другую, въ черныхъ чулкахъ и открытыхъ башмакахъ—развалился на диванѣ и, пуская колечки дыма, поворачивалъ голову то вправо, то влѣво, склоняясь къ плечу дамы.

— La Gorousskà,—лепеталъ онъ, отуманенный двумя рюмками ликера:—la Gorousskà,—такъ онъ произносилъ фамилію одной графини, извѣстной всему Парижу,—elle a des goûts à part...

И, наклонившись къ уху Нины, онъ шепнулъ ей что-то.

— Dites, dites-moi! Monsieur Moucillac! De grâce!

Nanon потянулась къ нему ухомъ.

— Et bien, elle est pour...

И онъ досказалъ ей также на ухо, и такъ близко, точно хотѣлъ укусить ей кончикъ уха.

Nanon взвизгнула.

— Pas possible!

Ни она, ни Нина, не нашли этого сообщенія непристойнымъ.

— C'est si bien porté! — выговорилъ французъ и повелъ бровью, подъ которой у него утвержденъ былъ моноклъ.

И генералъ—сидя немного поодаль—смотрѣлъ на нихъ въ свой моноклъ. Онъ еще съ обѣда сердился на Мусильяка и на обѣихъ дамъ, которыя только имъ и занимались. „Французишка“ —онъ такъ мысленно называлъ его—казался ему нахаломъ, и если не проходимцемъ, то какимъ-то мелкимъ газетнымъ „щелкоперомъ“, который выдаетъ себя за патріота, посланнаго съ разными серьезными цѣлями.

То, что онъ сейчасъ началъ болтать о скандальныхъ нравахъ этой графини—Кишкетовъ отлично зналъ; былъ и съ графиней знакомъ. Онъ—какъ истый любитель женщинъ—удилъ въ Парижѣ рыбу въ самыхъ мутныхъ водахъ, но въ обществѣ держался всегда особаго изысканно-игриваго или тонко двусмысленнаго тона.

Генералъ наклонился къ сидѣвшему около него Ковригину и сказалъ ему вполголоса, по-русски:

— Какія пакости говоритъ этотъ фертикъ!

— У нихъ тамъ это—первый разговоръ.

Кишкетовъ зналъ давнымъ-давно, какая за Ковригинымъ

установилась репутація и здѣсь, и за-границей. Мало ли что! Никто не имѣетъ права допытываться—какія тайныя слабости и даже пороки имѣетъ „порядочный“ человѣкъ и „дворянинъ“. Другое дѣло—вести разговоръ на подобныя скандальныя темы!

Оба они—проживая подолгу во Франціи—относились къ ней или свысока, или просто презрительно. Презирали и такихъ вотъ Мусильяковъ, и все, что въ ней самаго цѣннаго: ея исторію, учрежденія, свободу, мысль, науку—все это они оба и съ ними сотни такихъ же „знатныхъ иностранцевъ“, бѣгающихъ по Парижу и Ривьерѣ, считали опаснымъ и вреднымъ безначаліемъ и безпутствомъ. Они прекрасно понимали, что между теперешней Франціей и тѣмъ, что они собою представляютъ, не можетъ быть никакой прочной дружбы. Но если „французишки“ сами лѣзутъ и прыгаютъ передъ ними на заднихъ лапахъ—пускай ихъ! Такъ пріятнѣе, чѣмъ было двадцать пять лѣтъ назадъ и больше, когда весь Парижъ бѣгалъ смотрѣть на пьесу „Les cosaques“, и имя русскаго было синонимомъ варвара и безсердечнаго хищника. Пускай ихъ! Отъ этого „чихнётся“ нѣмцу; а нѣмца мы терпѣть не можемъ и обязаны показывать ему, во всякое время, кулакъ и прямо, и косвенно.

Дамамъ до всего этого мало дѣла. Французъ принесъ съ собою воздухъ забавнаго и смѣлаго безпутства. Вѣдь онѣ не могутъ же ѣздить въ нѣкоторыя мѣста, куда проникаютъ только мужчины, а тутъ одинъ такой парижанинъ сразу опускаетъ васъ на самое дно тайныхъ нравовъ свѣта.

Нина, оставивъ Nanon „врать“ съ Мусильякомъ, присѣла къ мужчинамъ.

— Il est du dernier bateau! — выговорила она, довольная тѣмъ, что употребила самое настоящее парижское словечко.

— Даже слишкомъ!—брезгливо и по-русски отозвался Ковригинъ, лѣниво качая ногой.

— Женщинамъ такое вранье—коврижки!—выговорилъ, поведя своими алыми глазами, Кишкетовъ.

— Полноте! Не ворчите, господа! Надо ихъ брать, какъ они есть. Они только и цѣнятъ въ женщинѣ то, что въ ней есть самаго лучшаго.

— А мы не цѣнимъ, Антонина Борисовна? — возразилъ Кишкетовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, русскіе мужчины n'aiment pas la galanterie pour elle-même. И даже всякій такой французъ,—продолжала Нина, понизивъ голосъ,—если онъ въ кого влюбится, какъ слѣдуетъ, гораздо опаснѣе русскаго, который умнѣе и красивѣе его.

— Почему же это?—спросилъ Ковригинъ.

— Потому что у него упорство есть, хитрость, уловки.

— Est-ce que madame a essayé de tout cela?—тонко улыбаясь, спросилъ генералъ.

— Eh bien, oui!—такъ же смѣло и даже задорно отвѣтила Нина.—J'ai une fois passé par cela à Biarritz. И я васъ увѣряю, что это хорошая школа. Послѣ того... никакой русскій не опасенъ.

Кишкетовъ поглядѣлъ на нее съ особеннымъ выраженіемъ. Нина не сконфузилась.

Она его поняла сейчасъ же.

„Ты ничего не знаешь,—говорили ея ликующіе глаза.—Ровно ничего, хотя, быть можетъ, подозрѣваешь кое-что. Я тебя не боюсь, ни тебя, ни того, что про тебя разсказываютъ. Ты мнѣ окажешь всякую услугу, когда ты мнѣ понадобишься—стоитъ только приласкать тебя, и ты, воображая себя еще молодымъ, будешь надѣяться.

Ей было въ эту минуту особенно весело. Она ничего не боялась и тѣшила себя тѣмъ, что свою „линію“—какъ иногда выражался еще Захаръ Лукьяновичъ—повела такъ ловко.

Обѣдать она не пригласила Гольца. И Nanon—даромъ что считаетъ себя „ужасно“ опытной—дала себя провести. Она сдѣлала ей упрекъ за Гольца, тогда какъ это было по уговору съ нимъ. И Nanon тоже ничего не знаетъ. Гольцъ неспособенъ проговориться. Онъ не фатъ. Nanon, можетъ быть, думаетъ, что у нихъ начался флёртъ. Но какой? Нынче флёртъ—значитъ простое ухаживаніе.

Наканунѣ пріѣзда мужа она—уже съ болью въ горлѣ—не утерпѣла и заѣхала во второй разъ въ отель. И свиданіе не ограничилось уже разговоромъ въ коридорѣ. Входя къ нему, она сказала:

— Vous voyez bien, que je ne vous crains pas!

Что между ними было—никто никогда не узнаетъ. Но она ему все-таки не отдастся такъ, какъ онъ, быть можетъ, воображаетъ.

Ничего болѣе сладкаго и задорно-молодого не испытала еще Нина, какъ это охотницкое чувство опасности и игры высшаго любовнаго спорта, съ постояннымъ и подмывающимъ сознаніемъ своего ума и своей ловкости.

Изъ курильной стали подходить мужчины. Первымъ явился Эсауловъ и подсѣлъ къ нимъ.

— Французъ въ своей сферѣ,—брезгливо сказалъ онъ, уязвленный тѣмъ, что за обѣдомъ Nanon ни разу не обратилась къ нему.

Нина пригласила его съ задней мыслью—какъ онъ будетъ бѣситься, если французъ овладѣетъ разговоромъ съ дамами.

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ!—небрежно сказала ему Нина, указавъ головой въ ихъ сторону. — Подойдите, Nanon нынче d'une verve endiablée! Не уступайте ее французу.

Всѣ они нисколько не церемонились съ иностранцемъ и, какъ это всегда бываетъ, говорили, точно нарочно, на своемъ языкѣ, что вездѣ за границей было бы крайне невѣжливымъ.

Точно и хозяйка, и ея гости, кромѣ Nanon, продолжавшей взвизгивать отъ пикантностей француза, хотѣли показать ему: „Чего тебѣ еще?—Накормили, сказали спичъ, напоили до отвалу, а церемониться съ тобой не стоитъ: ты все-таки—куаффёръ".

Будь тутъ самъ Захаръ Лукьяновичъ—онъ бы держалъ себя гораздо „корректнѣе"—слово, которое особенно любилъ употреблять Эсауловъ.

Тихо вошли и Лыжинъ съ Кострицынымъ. Они оставили Кумачева въ курильной, вмѣстѣ съ Верховцевымъ, сильно поналегшимъ на ликеры, Курмышевымъ и Шахматовымъ.

Вѣрный своимъ правиламъ, Захаръ Лукьяновичъ появлялся всегда позднѣе гостей на половину своей жены.

Нина кивнула издали Лыжину и указала на столикъ съ ликерами.

— Хотите?—кивнула она ему.

Онъ отказался и сѣлъ рядомъ съ Кострицынымъ у двери. Оба они, не обмѣниваясь своими мыслями, думали почти одно и то же.

Своимъ принципаломъ были оба довольны. Его на мякинѣ не проведешь. Спичъ свой онъ произносилъ не этому „шмерцу", а для себя, какъ сынъ своей земли, умѣющій показать, что ни предъ кѣмъ ни онъ, ни такіе же патріоты, какъ онъ, прыгать не намѣрены. Но и французъ — не будь его смѣшноватаго паѳоса—сказалъ спичъ, гдѣ все было, какъ и быть слѣдуетъ, вплоть до возгласа: „Parlez-moi de Kalouga!" Почемъ онъ знаетъ—какой это городъ! Имя звонкое—вотъ онъ и всунулъ его въ свой цицероновскій періодъ. И „chère patrie" свою онъ высоко ставитъ, и „fraternité" ему нужна съ „sainte Russie"—и нужна на самый существенный ладъ, только онъ—какъ и всѣ его компатріоты—великій мастеръ морочить и себя, и другихъ. А теперь онъ вретъ съ барынями, какъ ему и полагается.

И оба пріятеля, благодушно усмѣхнувшись, поглядѣли въ его сторону.

IV.

Въ курильной Кумачевъ, Шахматовъ и Верховцевъ разсѣлись на длинномъ турецкомъ диванѣ; только дядя Захара Лукьяновича сидѣлъ въ креслѣ и маленькими глотками допивалъ ликеръ.

Онъ разспрашивалъ племянника о поѣздкѣ. Лука Гордѣичъ говорилъ ему „ты“, а тотъ ему „вы“ — по-купечески. Но „Захарушкой“ Курмышевъ давно уже не звалъ его—даже съ глазу на глазъ, что̀ Захаръ Лукьяновичъ очень цѣнилъ.

— Стало, во всѣхъ частяхъ можно тебя поздравить съ полнымъ успѣхомъ?—спросилъ Курмышевъ своимъ мягкимъ, барскимъ тономъ.

— Дяденька! Улита ѣдетъ—скоро ли будетъ?..

— Мы этихъ питерскихъ чинушей знаемъ!—вскричалъ Верховцевъ голосомъ человѣка, довольно-таки подвыпившаго.—Они на словахъ золотыя горы посулятъ, а потомъ—и шишъ!

Ему давно обѣщали почетное мѣсто по благотворительнымъ заведеніямъ—и до сихъ поръ водили.

— Значитъ, тамъ господа министерскіе умники раскусили,— замѣтилъ Шахматовъ,— что Москва всей русской землѣ голова, и ея ходатайства никогда зря не бываютъ.

— Господа фабриканты—всѣ канючатъ!—перебилъ Верховцевъ, находившій, что съ купцомъ слишкомъ носятся.

— Почему же?—спросилъ Кумачевъ и выпрямился.

— Да ужъ нечего, милѣйшій Захаръ Лукьяновичъ! О чемъ ни попросите—вамъ сейчасъ:—на̀ тебѣ, батюшка, только не канючь!

— Ими теперь столько сотенъ тысячъ народа живетъ,—сказалъ Курмышевъ, съ тихой усмѣшкой.

— Вѣдь и господамъ дворянамъ оказываютъ всякую поддержку,—продолжалъ Кумачевъ.—Если выходитъ мало толку — чья же вина, Платонъ Николаевичъ, чья же вина?

Онъ похлопалъ его по жирному колѣну.

Верховцевъ мотнулъ головой и крикнулъ:

— Толкуйте! Поднимать нашего брата спохватились, когда уже ничего исправить нельзя, когда положеніе цѣлаго сословія— въ корень подорвано.

— Пожалуй и такъ,—отозвался Шахматовъ, дававшій всегда понять, что онъ—изъ столбовыхъ дворянъ родомъ.

— Ну, да что тутъ Лазаря пѣть! — пьянѣющимъ голосомъ

протянулъ Верховцевъ.—Вы лучше скажите мнѣ,—обратился онъ къ Кумачеву:—что Петербургъ, веселится? При васъ не было никакого костюмированнаго бала, въ Собраніи, съ француженками?

— Былъ, да я всего на полчаса заглянулъ туда.

— Были красивыя женщины?

Верховцевъ пододвинулся къ Кумачеву, ёрзая по дивану.

— Одна актриса изъ Михайловскаго. Фамилію забылъ... И лицомъ—красотка, и бюстъ—мое почтеніе!

— Слышалъ я, слышалъ. Еще фамилія какая-то точно итальянская. Что-жъ, аллегри, что-ли, продавала?

— Какъ водится.

— И на много васъ наказала?

— Нѣтъ. Я выпилъ одинъ бокалъ шампанскаго.

— Прижимисты, батенька!

Верховцевъ отдалъ Кумачеву его безцеремонный жестъ — потрепалъ его по плечу—и Захаръ Лукьяновичъ это понялъ.

— Вы вѣдь, батюшка, съ хитрецой,—продолжалъ Верховцевъ, раскидываясь по дивану:—небось въ Петербургъ съ собой жену не взяли; а одинъ слетали и, поди, тамъ охулки на руку не положили. Бѣдная Антонина Борисовна здѣсь въ одиночествѣ обрѣталась.

— Это ея добрая воля была,—отвѣтилъ Кумачевъ, начиная чувствовать раздраженіе отъ тона Верховцева.

— Разсказывайте, добрѣйшій!

— Антонинѣ Борисовнѣ все вѣдь нездоровилось?—спросилъ Шахматовъ, ни къ кому не поворачивая головы..

— Она къ намъ не показывалась ни разу,—вставилъ Верховцевъ.—По такимъ морозамъ, разумѣется, благоразумнѣе сидѣть дома.

— Неосторожна она немножко,—выговорилъ Курмышевъ и поставилъ рюмку на столикъ.—Я ее видѣлъ дня три назадъ, въ какой морозъ.

— Гдѣ?—спросилъ Кумачевъ и быстро обернулъ голову въ сторону дяди.

— Да она, должно быть, дѣлала визитъ какой-нибудь пріѣзжей барынѣ. Показалось мнѣ, что сани ея отъѣхали отъ гостинницы „Дрезденъ".

— Кто же бы тамъ остановился? — спросилъ Верховцевъ и, что-то сообразивъ,—неловко замолчалъ.

Это не укрылось отъ Захара Лукьяновича. Ему тоже пришло на память, что въ „Дрезденѣ" стоялъ баронъ Гольцъ.

Нѣсколько секундъ онъ испыталъ ощущеніе — точно у него въ головѣ что-то вспыхнуло—какая-то спичка.

Лицо его и безъ того было возбуждено отъ ѣды, произнесенія спича, вина и ликера; но его ударило въ краску,—что онъ самъ тотчасъ же замѣтилъ.

— Нина выѣзжала и простудилась немного, какъ разъ наканунѣ моего пріѣзда,—выговорилъ онъ тономъ, въ которомъ ему самому слышалось усиліе не выдать себя.

И вслѣдъ за тѣмъ онъ всталъ съ дивана, прошелся по курильной и, приблизившись къ Курмышеву, сказалъ ему шутливо:

— Вы что же не пожурили Нину за неблагоразуміе?

— Да я издали видѣлъ сани. Самъ я поворачивалъ въ Столешниковъ переулокъ, а сани Антонины Борисовны ѣхали черезъ площадь на Тверскую... И мнѣ показалось, что отъ „Дрездена".

„И зачѣмъ я опять объ этомъ заговорилъ?"—далъ на себя мысленный окрикъ Захаръ Лукьяновичъ и, отряхнувшись, громко сказалъ:

— Господа! Пора и къ дамамъ, если вамъ не угодно еще пройтись по ликерамъ.

Чего съ нимъ никогда не бывало—онъ пошелъ впередъ всѣхъ, и когда подошелъ къ дверямъ комнаты Нины, то остановился въ портьерѣ и кинулъ взглядъ на жену — точно онъ хотѣлъ узнать сразу: обманываетъ она его или нѣтъ.

Подозрѣніе вошло въ него клиномъ и такъ быстро! Это его выбило изъ колеи и показало ему, что увѣренности въ своемъ супружескомъ счастьѣ и спокойствіи въ немъ не жило.

Онъ никогда не ревновалъ ее; ему это показалось бы слишкомъ низменнымъ, недостойнымъ — прежде всего — его самого. Довольно того, что она была его жена. Бывало, перебирая въ памяти классическія изреченія, которыхъ всего больше получилъ онъ отъ Кострицына, онъ любилъ про себя повторять: „Жена кесаря не можетъ быть даже подозрѣваема".

Онъ зналъ однако и то, что излишнее благодушіе и довѣрчивость и на кесаря налагали печать неизгладимаго срама. Императоръ Маркъ-Аврелій былъ мудрецъ и праведникъ—и слишкомъ вѣрилъ въ добродѣтель своей Фаустины. Ему докладывали во-время о ея шашняхъ, а онъ все медлилъ и повторялъ: „одно изъ двухъ—или она оклеветана, или виновна". Такъ вѣдь онъ былъ „блаженненькій", чудакъ, стоикъ. Да, должно быть, и кровь-то въ немъ текла молочная, даромъ что онъ былъ коренной римлянинъ.

Въ кабинетѣ Нины уже не было ни Лыжина, ни Кострицына.

Французъ хоть и слишкомъ себя развязно велъ, но вспомнилъ, что послѣ обѣда нельзя засиживаться до позднихъ часовъ, если нѣтъ въ домѣ въ этотъ день того, что въ Парижѣ называется: „réception ouverte“.

Что потомъ говорилось и долго ли сидѣли остальные гости—Захаръ Лукьяновичъ не помнилъ. Даже и то, что онъ самъ говорилъ—скользило по немъ. Душой онъ ни въ чемъ какъ бы не участвовалъ; но наружный видъ оставался тотъ же, и лицо привѣтливо, по-хозяйски, улыбалось.

Ушли всѣ. Сталъ собираться и Лука Гордѣичъ Курмышевъ.

— Дяденька! Вы бы минуточку посидѣли... Чайку желтенькаго не пожелаете? Вы вѣдь любитель.

Курмышевъ былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ племянника.

Нина скрылась на время въ уборную и, вернувшись, легла съ ногами подъ балдахинъ.

— Ты, Нина,—заговорилъ мягко и глухо Кумачевъ, ходя по комнатѣ: — очень ужъ рискуешь, разъѣзжая съ простуженнымъ горломъ по морозу.

— Какія разъѣзжанья?—откликнулась утомленно Нина.—Я дома сижу—ты знаешь.

— А какъ же дяденька видѣлъ тебя наканунѣ моего пріѣзда?

— Гдѣ?

Нина измѣнила позу.

— Ты отъ гостинницы „Дрезденъ“ отъѣзжала днемъ. Вотъ и поймалась. Ха, ха!

Онъ засмѣялся съ усиліемъ.

— У кого же ты была? Съ визитомъ, что-ли?

Не сразу отвѣтила Нина и, проведя ладонью руки по волосамъ, выговорила небрежно и вяло:

— Что-то не помню. Я могла подниматься отъ Столешникова.

Вышло молчаніе.

„Она была у него“,—подумалъ Кумачевъ и весь захолодѣлъ.

V.

Раньше обыкновеннаго Захаръ Лукьяновичъ приказалъ заложить лошадь и допивалъ чай, ходя медленно по кабинету. Онъ смотрѣлъ, опустивъ низко голову, на разводы восточнаго ковра, и сигара лѣниво дымилась въ его лѣвой рукѣ.

Что-то онъ долженъ былъ сдѣлать и не находилъ, что именно.

И вчера на ночь, и сегодня утромъ, у него не вышло того разговора, который онъ страстно желалъ начать съ женой.

Желалъ и боялся.

Допрашивать ее—онъ не станетъ. У него хватило бы голоса и тона начать допросъ. Въ немъ течетъ крестьянская кровь. Дѣдъ его былъ въ домѣ — „Иванъ Грозный". Да и отецъ, хоть и мягкаго обхожденія, позволялъ своей женѣ Раисѣ Гордѣевнѣ читать книжки и вводить, на фабрикахъ, „всякую филантропію", потому что былъ въ нее влюбленъ, но еслибъ онъ ее заподозрилъ—и онъ показалъ бы себя.

Разбудить звѣря можно и въ немъ; только онъ самъ не хочетъ ничего ни звѣрскаго, ни глупаго. Всякаго скандала онъ бѣгаетъ, какъ чумы. Особенно въ своемъ домѣ, въ той супружеской „святая святыхъ", куда онъ никого не пускаетъ.

Посовѣтоваться ему не съ кѣмъ. У него нѣтъ друга. И къ матери онъ не обратится. Къ ней меньше, чѣмъ къ кому-либо. Она вѣдь до сихъ поръ, внутренно, не одобряетъ его выбора. И невѣстка съ ней дѣйствительно суха. Что-жъ онъ поѣдетъ изливаться къ ней... Да и въ чемъ?

Просить совѣта — какъ ему изловить жену? Это „подлость", да и никакой нѣтъ серьезной улики. Прямой—не было; но косвенныхъ какъ-то сразу, въ полсутокъ, накопилось нѣсколько.

Съ утра онъ ихъ перебираетъ. Офицеръ, самъ по себѣ, не подалъ ему повода даже спросить себя: опасенъ ли такой красивый „верзило", или нѣтъ? Слишкомъ ужъ онъ былъ увѣренъ и въ женѣ, и въ самомъ себѣ. Ничего онъ не подмѣтилъ и въ Нинѣ, въ тѣ разы, когда находилъ Гольца у нея съ визитомъ. Но вчера она смутилась—это несомнѣнно, хотя и довольно ловко прикрыла это. Въ гостинницѣ „Дрезденъ" стоитъ Гольцъ. Онъ ему отдавалъ визитъ до поѣздки въ Петербургъ и не засталъ.

Вчера, когда они ложились, Нина, сколько онъ помнитъ, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ они обвѣнчаны, стала жаловаться, что у нея разболѣлась голова. Свѣчу она на своемъ столикѣ потушила тотчасъ же и притворилась спящей, когда онъ ее окликнулъ. Доказать онъ себѣ не можетъ, что это было притворство; а все-таки онъ увѣренъ въ томъ. И сегодня утромъ она еще спала, когда онъ вставалъ. Это бывало и прежде, только почти всегда она на минуту проснется и приласкаетъ его.

Вотъ уже больше двухъ недѣль, какъ Нина—не мѣняя съ нимъ тона—въ сущности избѣгаетъ его. Только сегодня это ему совершенно ясно.

Конечно, лучше всего бросить всякую тревогу и забыть.

Легко сказать! Душа — „не пиджакъ“, не перемѣнишь въ одну минуту. Нужно, что-нибудь такое надъ собой сдѣлать—какую-нибудь „душевную диверсію“... Онъ вспомнилъ выраженіе Ивана Кузьмича.

Къ нему онъ тоже не обратится. До этого онъ себя не допуститъ. Какъ бы ни жутко ему приходилось—онъ обязанъ все взять на себя. Если ужъ не пройдетъ сегодня-завтра, надо будетъ уѣхать, что-ли, на фабрику.

Это слишкомъ прѣсно. Думскія дѣла постоянно его занимаютъ; но поглотить заново и безъ остатка—не могутъ. Дѣла даже прибавилось. Онъ теперь предсѣдатель одной изъ самыхъ важныхъ коммиссій. Вечера будутъ у него уходить на это. И днемъ надо во многихъ мѣстахъ побывать.

Недостаточно этого.

Вспомнилось ему, что до женитьбы его начала вдругъ забирать крупная игра. Онъ тогда испугался, найдя въ себѣ игрецкую жилку.

Послѣ того и пить можно начать, тоже для „диверсіи“?

Захаръ Лукьяновичъ подошелъ къ камину, бросилъ въ пламя окурокъ сигары, весь выпрямился и потеръ руки.

„Одно малодушіе!“ —мысленно вскричалъ онъ и позвонилъ.

— Готова лошадь? —строго спросилъ онъ камердинера.

— Готова-съ.

— Я дома завтракать не буду. Доложить барынѣ.

Къ Нинѣ онъ не разсудилъ заходить. Она и вообще не любитъ, когда ее въ уборной или спальной застаютъ еще неодѣтой.

Войдя въ переднюю, Захаръ Лукьяновичъ встрепенулся и громко спросилъ швейцара, подававшаго ему шинель съ бобрами:

— Это что такое?

Въ одномъ изъ угловъ возвышалось буро-сѣдое, огромное медвѣжье чучело, отдѣланное въ видѣ мебели, для сѣней, на которую можно положить плэдъ или пальто. Животное поставлено было на всѣ четыре лапы и въ полуоткрытой пасти держало японскій подносикъ—вѣроятно для визитныхъ карточекъ или для щетки.

— Откуда это?

Кумачевъ быстро подошелъ къ чучелѣ и ударилъ его по спинѣ.

— Принесли... отъ барона Гольца,—доложилъ швейцаръ.

— Кому?

— Барынѣ, оффиціантъ докладывалъ. Онѣ сказали: „Хорошо, поставьте внизу".

Все сразу опять забурлило въ головѣ и груди Захара Лукьяновича.

Первыя нѣсколько секундъ у него совсѣмъ вылетѣло изъ памяти, что Нина, уже давно, говорила ему про подарокъ барона: медвѣдицу, убитую имъ на охотѣ съ Верховцевымъ.

Кажется, онъ сказалъ ей тогда:

— Что-жъ? Они оба охотники. А Верховцевъ—мужъ твоей подруги. Отчего же не принять?

И она еще замѣтила на это:

— Только не ставить чучелу на заднія лапы. Это такъ банально.

И съ этимъ онъ согласился.

— А барыня видѣла?—спросилъ онъ, подавляя опять тревогу.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ за швейцара камердинеръ, стоявшій тутъ.—Антонина Борисовна изъ столовой идутъ.

Кумачеву хотѣлось спросить у швейцара: „было письмо къ барынѣ?" Онъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и окликнулъ:

— Нина!

Она дѣйствительно шла по площадкѣ, уже одѣтая къ выѣзду. Это его тоже удивило—въ такой часъ.

— Ты видѣла медвѣдя отъ барона Гольца?—спросилъ Кумачевъ, подходя къ ней.

Руки ея онъ не поцѣловалъ, какъ дѣлалъ это всегда по утрамъ.

— Нѣтъ,—протянула Нина лѣниво и небрежно, очень похоже на то, какъ она вчера начала говорить по уходѣ гостей.

— Съ какой стати ему тамъ торчать?

Въ возгласѣ его слышно было раздраженіе.

— Comment est-il?—остановила его Нина.—Sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?

— На четырехъ лапахъ. И что-то нескладно: не то диванъ, не то вѣшалку изъ него сдѣлали.

— Поставимъ къ дѣтямъ. Они будутъ очень рады.

— Что же это ты такъ рано въ туалетѣ?

Онъ оглянулъ ее всю, избѣгая останавливаться взглядомъ на ея глазахъ.

— Мнѣ надо на воздухъ. У меня опять високъ разбаливается. Я тотчасъ послѣ завтрака выѣду.

— А-а!—протянулъ онъ и, уходя, сказалъ, съ первой ступени лѣстницы:—я завтракать дома не буду и ѣду сейчасъ.

Все обошлось тихо. Онъ боялся выходки, могъ себя выдать по поводу этого подарка. Собою она владѣетъ „дьявольски“, если только есть между ними что-нибудь. У какой, впрочемъ, „бабы“ отъ природы нѣтъ искусства морочить мужчину? Въ лжи и притворствѣ онѣ могутъ доходить до высокаго мастерства: дѣвчонки, а не то что такія опытныя и владѣющія собою женщины, какъ его жена.

Но между ними что-то „покачнулось“. Для этого ему не надо никакихъ уликъ. Никогда еще не встрѣчались они утромъ такъ сухо. Она, правда, частенько бывала „съ холодкомъ“, но всегда пошутитъ или скажетъ ему что-нибудь пріятное... Въ мигрень ея онъ тоже не вѣритъ.

„Куда она поѣдетъ?“ неотвязно думалъ Захаръ Лукьяновичъ, уже въ саняхъ. Спросить ее онъ воздержался. Онъ зналъ давно, съ первыхъ дней супружества, что она этого не любила, и сама никогда не безпокоила его подобными вопросами.

Кучеръ, ѣздившій съ нимъ на одиночкѣ, былъ не тотъ, съ которымъ выѣзжала барыня. Если она попадала въ гостинницу „Дрезденъ“ уже не одинъ разъ, знаетъ ли старшій кучеръ, что тамъ стоитъ офицеръ?

Вопросъ выскочилъ въ мозгу Захара Лукьяновича и сталъ дразнить его.

И опять онъ весь захолодѣлъ, какъ вчера вечеромъ. Жена, Антонина Борисовна, первая красавица по Москвѣ, урожденная княжна Жеребьева-Зарайская — слишкомъ дорога для него. Лишиться ея!..

Его начало душить не то отъ волненія, не то отъ сильнаго мороза.

Въ амбарѣ—на его половинѣ—Кумачева встрѣтилъ старшій приказчикъ и подалъ нѣсколько писемъ.

— А вотъ это, Захаръ Лукьяновичъ,—сказалъ онъ другимъ тономъ:—рано утромъ принесъ посыльный и оставилъ. Отвѣта не требовалъ и самъ сейчасъ же удалился.

Пакетъ былъ большого формата.

Кумачевъ вскрылъ его и, взглянувъ на то, что въ немъ лежало, быстро прошелъ въ кабинетъ, гдѣ онъ всегда работалъ одинъ.

Онъ даже захлопнулъ изнутри задвижку.

Изъ конверта вынулъ онъ маленькій батистовый платокъ, съ кружевомъ и монограммой. Духи онъ сейчасъ же узналъ, поглядѣлъ на шифръ—и въ немъ переплетались между собою буквы А. и К. — Антонина Кумачева... И ея духи — японскій *кориандръ*.

Въ вискахъ у него задергало и пальцы вздрагивали.

Къ конторкѣ присѣлъ онъ въ неловкой позѣ и не сразу высвободилъ почтовый листъ изъ конверта, только на половину разодраннаго.

Дамскій платокъ лежалъ тутъ же, на конторкѣ.

„Да что же это я?—пристыдилъ себя Захаръ Лукьяновичъ. —Чего же проще? Обронила гдѣ-нибудь—и прислали".

Но почему же сюда, а не въ домъ, и не прямо ей?

Пальцы продолжали вздрагивать, когда онъ пробѣгалъ глазами по строчкамъ. Письмо было анонимное.

„Примите этотъ платокъ, — писалъ авторъ письма, тонкимъ почеркомъ, видоизмѣненнымъ,—какъ классическую улику, вызвавшую въ Отелло взрывъ трагической ревности. Но венеціанскій мавръ впалъ въ ловушку, подставленную ему не женой. Вы же, почтеннѣйшій супругъ, сопричислены всѣми московскими рогоносцами къ ихъ ордену — на основаніи положительныхъ фактовъ. Прилагаемое вещественное доказательство подобрано было въ коридорѣ отеля „Дрезденъ", куда супруга ваша пріѣзжала, въ ваше отсутствіе, утѣшать себя въ объятіяхъ красавца офицера, имя котораго вы, конечно, знаете".

Голова закружилась у Захара Лукьяновича, и онъ, вскочивъ, побѣжалъ къ столику, гдѣ стоялъ графинъ съ водой.

VI.

Метель крутила, снѣгъ больно хлесталъ въ глаза и вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, когда Захаръ Лукьяновичъ, на сильныхъ рысяхъ, ѣхалъ по дорогѣ къ Ваганькову кладбищу.

Направо и налѣво пестрѣли, сквозь снѣговую пелену, мелкія обывательскія постройки. По шоссе не было почти никакого движенія. Время похоронъ уже прошло.

На кладбищѣ онъ приказалъ сторожу повести его къ фамильному склепу „рода Кумачевыхъ". Одинъ зимою онъ могъ запутаться. Заупокойную обѣдню онъ слушалъ каждый годъ; годовщина кончины его отца приходилась весной, въ началѣ мая.

Сторожъ повелъ его по тропинкамъ, занесеннымъ рыхлой крупой. Кумачевъ шелъ въ шинели и бобровой шапкѣ; лицо его морщилось отъ ударовъ метели, но полу-закрытые глаза смотрѣли грустно и сосредоточенно.

Выпала же такая погода какъ разъ для посѣщенія кладбища!.. Но что онъ разъ рѣшилъ, то исполнитъ. Завтра, быть

можетъ, закрутитъ такая же метель и цѣлить въ противника, гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, будетъ не очень-то удобно... Не откладывать же дуэли!

Надъ склепомъ Кумачевыхъ возвышается мавзолей въ видѣ часовни, въ индѣйскомъ стилѣ съ витыми колоннами и главой, поднимающейся по срединѣ многограннаго основанія. Все изъ тесоваго камня, который успѣлъ уже потемнѣть. Мавзолей этотъ соорудилъ онъ — вопреки желанію матери — и онъ же настоялъ на золотой надписи по мраморной доскѣ: „Усыпальница рода Кумачевыхъ“.

Сторожъ остался на дорожкѣ, а Захаръ Лукьяновичъ спустился внизъ, въ склепъ, гдѣ горѣла неугасимая лампада. Внутреннія стѣны были окрашены въ темно-красный, античный колеръ. Въ нишахъ стояло нѣсколько памятниковъ: тутъ лежали его дѣдъ, отецъ, бабка, рано умершій дядя съ отцовской стороны и его сестренка — „младенецъ Клавдія“, шести мѣсяцевъ.

Онъ уже давно назначилъ мѣсто себѣ, рядомъ съ отцомъ. По другую сторону оставалось еще нѣсколько незанятыхъ впадинъ.

Вотъ сюда его, быть можетъ, положатъ черезъ три дня, если „калегвардъ“ попадетъ въ него, какъ въ ту медвѣдицу, изъ которой сдѣлалъ чучело для поднесенія въ даръ Антонинѣ Борисовнѣ.

Передъ памятникомъ отца изъ чернаго мрамора Захаръ Лукьяновичъ, безъ шапки, преклонилъ колѣни и долго молился. Въ душѣ его задрожала смутная надежда на то, что его—такого почтительнаго сына—Господь „осѣнитъ своей десницей“.

И поднимаясь изъ склепа, онъ подумалъ, что хорошо было бы, завтра же, въ часъ дуэли, отслужить панихиду по отцѣ и дѣдѣ—только надо сдѣлать это безъ огласки и не въ кладбищенской церкви.

Пока сторожъ коченѣющими отъ сиверки руками запиралъ огромнымъ ключомъ замокъ съ металлической фигурной отдѣлкой, Захаръ Лукьяновичъ поднялъ голову — онъ стоялъ уже внѣ бронзовой рѣшетки—и смотрѣлъ снизу вверхъ на мавзолей „рода Кумачевыхъ“.

Если суждено ему остаться въ живыхъ и прожить долгій вѣкъ —къ этому мавзолею двинется когда-нибудь Москва, провожая своего головy. И фонари зажгутъ среди бѣлаго дня, и безчисленныя депутаціи будутъ слѣдовать за катафалкомъ, утопающимъ въ вѣнкахъ.

Сюда же принесутъ—когда придетъ ея часъ — и жену его. Судить ее и публично отвергать, еслибъ она и оказалась „без-

условно виновной" — онъ не будетъ. Въ семействѣ Кумачевыхъ не должно быть развода. Дѣтямъ онъ сохранитъ мать. Пускай она сама казнится сознаніемъ того, что потеряла любовь и уваженіе мужа. Раздѣлять съ ней „брачное ложе"—такимъ именно выраженіемъ подумалъ онъ—онъ не будетъ; но и въ разгулъ не ударится, не унизитъ себя до этого. Пускай всѣ тѣ „дворянчики", кто считаетъ его выскочкой, возьмутъ примѣръ съ его чувствъ, съ его нервосортнаго джентльменства.

Ему стало легче отъ такихъ возвышающихъ душу мыслей, и на возвратномъ пути онъ не испытывалъ никакого щемленія въ груди.

Кучеру онъ сказалъ, садясь въ сани:

— Къ Раисѣ Гордѣевнѣ!

Съ матерью Захаръ Лукьяновичъ видѣлся послѣ того дня, когда у нихъ вышла размолвка изъ-за учительницы Суревичъ, всего одинъ разъ. Конечно, изъ-за жены, ослѣпленный любовью къ ней, онъ держалъ себя съ матерью слишкомъ сухо и даже и по внѣшности — не такъ, какъ бы слѣдовало. Положимъ, Раиса Гордѣевна постоянно показывала ему, что онъ „ретроградныхъ" понятій. Все-таки надо было настоять на томъ, чтобы Антонина Борисовна—хоть разъ въ двѣ недѣли—аккуратно навѣщала его мать и приглашала ее, когда у нихъ бывали гости, по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ.

Останутся сироты — кому же поручить ихъ, какъ не матери съ дядей? Не пройдетъ года—и госпожа Кумачева можетъ очутиться „баронессой Гольцъ".

Сегодня онъ написалъ завѣщаніе, гдѣ выражаетъ свою волю. Если его жена выйдетъ замужъ за того, съ кѣмъ онъ завтра будетъ драться, или вообще своимъ поведеніемъ вызоветъ, со стороны его матери и дяди, серьезныя нареканія — онъ поручаетъ имъ дѣтей до истеченія срока ихъ малолѣтства.

Раиса Гордѣевна была дома—на то онъ разсчитывалъ. Она ласково удивилась его визиту и стала ему предлагать чаю съ ромомъ — согрѣться. Она была все такая же моложавая, съ утра аккуратно одѣтая. Сынъ засталъ ее — какъ всегда — съ книгой журнала въ рукахъ.

Зная своего „Захарушку", она сейчасъ же сообразила, что ему отъ нея что-нибудь нужно экстренное; иначе онъ не прикатилъ бы къ ней въ такую погоду. Но Захаръ Лукьяновичъ не сразу заговорилъ о цѣли своего посѣщенія. Главную цѣль—проститься съ нею — онъ отъ нея скрылъ. Она не должна ничего знать, какъ не будетъ знать о дуэли и жена, вплоть до той минуты,

когда ей подадутъ письмо, гдѣ онъ ее предупреждалъ, что можетъ вернуться съ дуэли смертельно раненымъ.

На ея вопросы о женѣ, ея здоровьѣ, выѣздахъ, дѣтяхъ—Захаръ Лукьяновичъ отвѣчалъ, стараясь выдержать веселый тонъ.

Онъ самъ заговорилъ о своемъ новомъ инспекторѣ Лыжинѣ, о которомъ Раиса Гордѣевна была наслышана, какъ о человѣкѣ „передовыхъ идей".

— Вы видите, маменька,—сказалъ онъ еще шутливѣе,—я выборъ сдѣлалъ точно по вашему указанію. Юрій Петровичъ, положимъ, отъ прежнихъ своихъ увлеченій отказался, но все же онъ человѣкъ гуманный и, кажется, съ народническимъ пошибомъ. Пускай! Мы не боимся и его контроля. Онъ самъ—по возвращеніи изъ своего перваго объѣзда—расхваливалъ мнѣ содержаніе рабочихъ и все, что для нихъ было сдѣлано, благодаря вашему настоянію; я этого никогда не отрицалъ и готовъ и теперь, и на предбудущее время улучшать ихъ бытъ, только бы они оставались благодарными и подчинялись дисциплинѣ, безъ которой—одинъ шагъ до бунтовъ, погромовъ и полной анархіи.

— Ну, что-жъ, я душевно рада, Захарушка,—отвѣтила Раиса Гордѣевна и пристально взглянула на него.

„Должно быть, у него что-нибудь вышло съ жёнушкой,——вдругъ подумала она, наведенная на эту мысль материнскимъ инстинктомъ.—Что-то онъ ужъ очень мягокъ и лицо у него съ небывалымъ выраженіемъ".

— Маменька!—началъ Кумачевъ, подсѣвъ къ ней и взявъ за руку, чего не дѣлалъ уже нѣсколько лѣтъ, такъ что она даже покраснѣла.—У меня къ вамъ просьба.

„Вотъ вотъ,—досказала она про себя, обрадованная, что онъ къ ней обратился.

— Видите, завтра у меня одно очень важное дѣло для меня рѣшается—какое, позвольте умолчать до времени.

— Я не любопытна, ты знаешь.

— Все узнаете, только позднѣе. И вотъ, хочется мнѣ заупокойную обѣдню заказать. Въ вашемъ приходѣ батюшка живъ. Не возьмете ли на себя заказать? Я самъ не могу попасть. А если завтра погода будетъ хорошая—вы за меня помолитесь.

Онъ взглянулъ на нее такими глазами, какъ бывало въ дѣтствѣ. Раиса Гордѣевна наклонилась и горячо поцѣловала его въ голову.

— Изволь... Спасибо, милый мой!

Ее считали „вольнодумкой"; но она и въ себѣ, и въ немъ поддерживала всегда „вѣру отцовъ".

— И больше ничего? — добавила она, когда онъ поднялся.

Встала и она.

Захаръ Лукьяновичъ, не выпуская ея руки изъ своей, нагнулся и поцѣловалъ два раза.

— Вы бы меня благословили, маменька, — сказалъ онъ, и голосъ его перехватило волненіе.

— Да ты что-то отъ меня скрываешь, Захарушка?—строже спросила Раиса Гордѣевна.

— Дѣло-то очень ужъ рѣзкое, маменька.

— Ну, Господь тебя благословитъ!

Онъ ее обманывалъ, но иначе не могъ поступить. Зачѣмъ же причинять волненіе раньше срока? Дуэль — дѣло глупое. Можетъ, и не онъ останется на мѣстѣ, раненый или убитый. А кто-нибудь да останется—онъ самъ потребовалъ стрѣляться „до крови".

Раиса Гордѣевна проводила его въ переднюю и еще разъ взяла за голову и поцѣловала.

— Спасибо!—сказала она ему, и потрепала по плечу.

Еще легче стало ему на пути домой. Тамъ ему предстоялъ разговоръ съ княземъ. Тотъ вчера только вернулся, и, уѣзжая, онъ предупредилъ его. Не можетъ старикъ отказать ему. Князь—представитель ея рода. Пускай же присутствуетъ при дуэли и убѣдится, какъ все обойдется благородно со стороны мужа его племянницы. Онъ былъ буршъ — въ Германіи. Да и вобще не трусливаго десятка. Кромѣ врага, съ его стороны будутъ два свидѣтеля. Это ему напомнило, что на его свадьбѣ было по шести шаферовъ съ каждой стороны.

Подъѣзжая къ дому, Захаръ Лукьяновичъ спросилъ себя: все ли сдѣлано? Кажется, все. Лыжина, Кострицына и дядю Курмышева онъ уже попросилъ быть у него завтра къ двѣнадцати и подождать его—живого или мертваго.

VII.

Не было еще девяти, когда Нина проснулась.

Наканунѣ, мужъ ея, уѣзжая послѣ обѣда, сказалъ ей, что онъ вернется очень поздно, и не хочетъ ее безпокоить, почему и переночуетъ въ кабинетѣ.

Она ничего не возразила, избѣгая всякихъ разговоровъ, которые могутъ повести къ разспросамъ. Уже нѣсколько дней, какъ она чувствуетъ себя точно въ тюрьмѣ, передъ допросомъ, хотя

никто ее не запиралъ. Послѣ обѣда съ французомъ она стала держаться на-сторожѣ. Старикъ Курмышевъ, проговорившись, почти выдалъ ее. Мужъ еще не подозрѣвалъ ее вечеромъ; но на другой день, когда онъ вернулся къ обѣду, все какъ-то улыбался и говорилъ мало. Вечеромъ онъ поѣхалъ въ Охотничій клубъ, что̀ ее удивило — онъ тамъ бывалъ раза два въ годъ— просидѣлъ очень долго, домой попалъ, когда она уже спала, и ночевалъ у себя въ кабинетѣ.

Въ тотъ же день она послала депешу Гольцу:

„Il a des soupçons! Peut-être sait-il tout".

„Что̀ же это tout?"—спрашивала она себя, ходя по амфиладѣ комнатъ.

Она не принадлежала Гольцу. Въ помыслахъ—можетъ быть. Еслибъ онъ самъ пылко и смѣло увлекъ ее—она бы пошла за нимъ.

Разумѣется, не „такъ". Не какъ жена, убѣжавшая отъ мужа.

Въ теченіе той недѣли, когда она видѣлась съ Гольцемъ каждый день—у себя, у Верховцевыхъ или у него—у нея было довольно времени все обдумать. Ея мужъ милліонеръ и будетъ все богаче. Онъ добьется большихъ чиновъ и даже званія, дающаго ходъ всюду. Но купца не превратишь въ родового дворянина. Гольцъ—баронъ; онъ въ такомъ полку, что можетъ сдѣлать всякую карьеру. Состояніе у него порядочное; а у нея самой—ничего нѣтъ, и жить они не будутъ и на одну пятую въ той роскоши, какая у нея въ домѣ.

Но будь они оба одинаково молоды, хороши, умны, родовиты, блестящи, лично и по ихъ положенію въ обществѣ—все-таки она выбрала бы того, кто впервые заронилъ въ нее искру.

Даже теперь, когда ей такъ не по себѣ—она живетъ сильнѣе, чѣмъ жила когда-либо. Она ничего не боится, кромѣ одного: грубо и глупо обмануться не въ своемъ чувствѣ, а въ человѣкѣ. Не испугалась бы она никакого рѣшительнаго разговора, первая бы пошла къ Захару Лукьяновичу и сказала ему:

„Лгать я не буду. До сихъ поръ я была вамъ вѣрна и вышла за васъ по доброй волѣ. Вы меня любили, я васъ уважала. Теперь я полюбила—и не васъ. Благодарю за прошлое и прошу васъ дать мнѣ свободу".

И ей казалось, что она—будь на мѣстѣ мужа — поступила бы самымъ благороднымъ образомъ, не стала бы поднимать никакой исторіи. Конечно, онъ долженъ былъ бы обезпечить ее. У него—милліоны; а у нея—ничего, кромѣ брилліантовъ и тряпокъ, да и тѣ всѣ куплены на его же деньги.

Все у нея готово, только нѣтъ главнаго—увѣренности, что,

получивъ свободу отъ мужа, она сейчасъ же поведетъ къ алтарю своего возлюбленнаго.

Вѣрный инстинктъ подсказывалъ ей, что такой мужчина, какъ баронъ, не пойдетъ на бракъ, да еще съ разводомъ — если не будетъ доведенъ до него страстью, наскочившей на отказъ: сдѣлаться его любовницей—какъ первая попавшаяся барынька, ищущая интриги.

Она ему достаточно показала, что *такой* побѣды онъ не добьется. Но ей это стоило большой борьбы съ самой собою— во второй разъ, какъ она была у него.

Второй визитъ въ отель—все испортилъ. Во-первыхъ — это было крайне рискованно, и она поймалась — передъ мужемъ... А главное, она выдала свою слабость. Всякій мужчина, на мѣстѣ Гольца,—сдѣлаетъ такой выводъ: „во второй разъ явилась и еле устояла, а въ третій—ты моя, и я тебя не пощажу!“

Третьяго дня мужъ пригласилъ обѣдать купца Спѣшанова, съ наружностью цыгана-дирижёра, игрока съ очень дурной репутаціей, красавца, получившаго разными темными путями большой капиталъ отъ старой жены, скоропостижно умершей. И Захаръ Лукьяновичъ, какъ бы съ умысломъ, разсказывалъ про сильную игру ихъ въ Охотничьемъ клубѣ. Точно всѣмъ этимъ мужъ хотѣлъ показать ей, что онъ желаетъ мѣнять свои привычки, водить пріятельство съ кѣмъ ему угодно, играть въ большую игру, возвращаться въ четыре часа утра и позднѣе.

Она никакихъ замѣчаній ему не дѣлала. Ей было впору— выиграть время. Въ тотъ же день, утромъ, ея камеристка пришла ей сказать, что она не досчитывается одного изъ ея платковъ. Она не обратила на это вниманія. Передъ обѣдомъ Захаръ Лукьяновичъ вдругъ спрашиваетъ ее:

— Это твой платокъ, Нина?

И показываетъ ей уже скомканный платокъ, обшитый кружевомъ.

Ее пронизала мысль: „А если я выронила его тамъ, въ отелѣ? И кто-нибудь меня выдалъ?“

— Мой, — отвѣтила она смѣло.

Въ глазахъ мужа она прочла вопросъ, отозвавшійся въ ея груди холодомъ.

Такъ, спроста, онъ не спросилъ бы ее. И ничего не прибавилъ онъ, отдалъ ей. Выдержать роль до конца и осадить его вопросомъ: гдѣ онъ его нашелъ?—у нея не хватило силъ.

Гдѣ?.. Дома или тамъ? Тамъ — немыслимо, потому что онъ былъ въ Петербургѣ. Но она-то могла обронить его... Каме-

ристку она допросила, и та рѣшительно заявила, что платокъ былъ съ платьемъ, которое она надѣвала въ тотъ день.

Такая улика не шуточная. А выхода она не видала еще. Гольцъ не ѣхалъ; она сама его предупреждала объ этомъ. Nanon простудилась и не выѣзжаетъ; да она и не хочетъ открываться ей. Изъ мужчинъ только одному Лыжину она могла бы довѣриться. И то — кто его знаетъ. Вдругъ вломится въ амбицію, скажетъ: „мои принципы не позволяютъ мнѣ играть роль приспѣшника въ обманѣ мужа, котораго я считаю честнымъ человѣкомъ".

Сегодня она просто не знаетъ — какъ ей быть. Ѣхать къ Гольцу—нечего и думать. Вызвать его сюда—значитъ, навязываться ему, точно клянчить, какъ милости, чтобы онъ поддержалъ ее. Въ чемъ? Вѣдь исторіи у нея никакой не было съ мужемъ. Такъ зачѣмъ же „нарываться на скандалъ"? — способенъ онъ выразиться по-офицерски.

Безпомощность давила ее, совершенно такое чувство, точно она арестантъ, въ одиночной тюрьмѣ, котораго поведутъ, черезъ полчаса, къ допросу; и онъ не знаетъ, кто изъ его сообщниковъ выдастъ его, и кто будетъ говорить за-одно съ нимъ.

Плохая примѣта и то, что Захаръ Лукьяновичъ опять былъ въ клубѣ и вернулся поздно—однако не очень, около двухъ, и она еще не спала. Къ ней онъ не пришелъ.

Дядя ея пріѣхалъ третьяго дня, но видимо избѣгаетъ быть съ нею съ глазу на глазъ. Вчера Захаръ Лукьяновичъ сидѣлъ у него въ сумерки; а сегодня оба они уѣхали рано.

Ей объ этомъ доложила горничная.

Опять заходила она вдоль амфилады парадныхъ комнатъ. Была въ дѣтской, сдѣлала—невпопадъ—замѣчаніе англичанкѣ; та обидѣлась. Дѣтей даже не поцѣловала хорошенько. И такъ они ей показались чужды и „не нужны", въ теперешнемъ ея положеніи. Только „лишнее осложненіе" — скажетъ ей баронъ, если дѣло дойдетъ до развода.

Во второй гостиной, идя къ двери на верхнюю площадку, Нина увидала, что кто-то поднимается изъ сѣней. Дежурный оффиціантъ не стоялъ еще на своемъ мѣстѣ.

— Раиса Гордѣевна! — удивленно окликнула она свекровь.

Своей обычной легкой поступью поднималась Кумачева. Она пріѣхала не одна. За ней всходилъ, нѣсколькими ступенями ниже, братъ ея Лука Гордѣичъ.

Въ рукопожатіи Раисы Гордѣевны Нинѣ было что-то осо-

бенное. Пальцы у той вздрагивали, она силилась улыбнуться; но глаза были красны и въ лицѣ блѣдность.

Курмышевъ, получивъ письмо племянника, сильно перетрусилъ и не могъ не предупредить сестру. Съ ней сдѣлался обморокъ—сегодня утромъ, и сейчасъ она сама вызвалась ѣхать къ невѣсткѣ; что она уже не застанетъ сына — она знала.

— Откуда вы?—спросила Нина и пристально оглянула свекровь.—Лука Гордѣичъ, здравствуйте!

Она ихъ провела во вторую гостиную и усадила церемонно.

Выдавать тайну сына Раиса Гордѣевна не смѣла: такъ ее просилъ и братъ. Если сына привезутъ убитаго, ея обязанность—быть при вдовѣ. О причинахъ дуэли она ничего не знала; братъ клялся ей, что и самъ ничего не знаетъ и не догадывается. Племянникъ не назвалъ даже имени своего противника.

Сердце подсказывало Раисѣ Гордѣевнѣ, что поводъ — „жёнушка“. Но и та, видимо, ничего не знаетъ.

— Мы съ братомъ съѣхались, — заговорила она медленно, точно взвѣшивая каждое слово.—И ему, и мнѣ надо было повидать Захарушку. Да онъ сегодня раньше обыкновеннаго выѣхалъ.

— Да, очень рано.

— Не на фабрику ли?—спросилъ Лука Гордѣичъ, добросовѣстно исполнявшій роль свою, скрѣпя сердце—въ племянникѣ цѣнилъ онъ почтительность.

— И не знаю куда, — сказала Нина.

„Они что-то скрываютъ, — вслѣдъ затѣмъ подумала она. — Или къ чему-то хотятъ меня подготовить“.

Мысль о самоубійствѣ мужа промелькнула въ ея мозгу. Она вспыхнула. Ей стало больно. Самоубійство! Изъ-за нея? Она не хочетъ этого. Еслибъ оно было такъ—стало, онъ страстно любилъ ее. Разумѣется, любилъ, и всегда любилъ и преклонялся. Развѣ въ этомъ есть какое-нибудь сомнѣніе?

Напряженные ея нервы услыхали внизу, въ сѣняхъ, что кто-то говоритъ съ швейцаромъ.

Она тотчасъ же позвонила.

— Кто пріѣхалъ? — спросила она лакея.

Лицо Раисы Гордѣевны все потемнѣло. Это ее озарило: тутъ дѣло идетъ о жизни или смерти.

— Иванъ Кузьмичъ и господинъ Лыжинъ, — доложилъ лакей.—Они прошли въ кабинетъ, Захара Лукьяновича дожидаются.

„Дожидаются!—повторила Нина про себя.—Что же это значитъ, наконецъ?“

Слѣдующія пять минутъ прошли въ безсвязномъ разговорѣ. Она уже не прислушивалась. Ей хотѣлось бы крикнуть имъ:

„Оставьте меня одну. Уйдите!“

И вдругъ на порогѣ показался Захаръ Лукьяновичъ — и за нимъ князь и купецъ Спѣшановъ. Всѣ трое шумно разговаривали еще съ лѣстницы.

— Ты здѣсь? — крикнулъ Кумачевъ, и глаза его весело и злобно блеснули. — И маменька! И дяденька!.. Очень радъ... Нина, у насъ за завтракомъ много гостей будетъ. Князь, Спѣшановъ—Кононъ Титычъ. А снизу подойдутъ Лыжинъ и Кострицынъ.

Не подходя къ ней къ первой, онъ поцѣловалъ руку у матери. Раиса Гордѣевна охватила его голову и поцѣловала.

„Была дуэль—и цѣлъ онъ!—пронизало Нину.—А Гольцъ?“

Она сидѣла, прикованная къ креслу.

VIII.

— Готова карета? — спросила въ третій разъ Нина, ходя большими шагами по уборной.

—Сію минуту узнаю-съ.

Горничная убѣжала.

Нина совсѣмъ уже одѣлась къ выѣзду. На головѣ—шапочка съ бобровой оторочкой и пуховый платокъ; въ горлѣ у ней все еще стрекочетъ отъ простуды.

Не могла она дольше ждать.

Завтракъ прошелъ для нея какъ что-то отвратительное. Она догадывалась, что мужъ пріѣхалъ съ дуэли, что князь и игрокъ Спѣшановъ были его секундантами, что Раиса Гордѣевна и ея братъ прискакали, зная про дуэль. Понимали, въ чемъ дѣло, и Лыжинъ съ Кострицынымъ, пріѣхавшіе почти въ одно время.

Она—точно скованная—не могла предложить вопроса: откуда пріѣхалъ мужъ. Всѣ сидѣвшіе съ ней за столомъ были въ стачкѣ противъ нея — каждый по своему. И всѣ знали или предполагали, что поводомъ дуэли—она, и поводомъ, разумѣется, не шуточнымъ. Грудь свою не станетъ подставлять мужъ, да еще человѣкъ, какъ Кумачевъ, изъ такого слоя общества, гдѣ вмѣсто дуэли пускаютъ въ ходъ кулаки, или вымещаютъ свою обиду не на обидчикѣ, когда онъ выше своимъ положеніемъ, а на „самой“, на „супружницѣ“, глядя по тому, какой „стихъ“ напа-

детъ: въ видѣ побоевъ, ругательствъ или запиранія въ чуланъ, или другой какой экзекуціи.

Разговоръ даже оживился къ концу. Игрокъ началъ разсказывать анекдоты изъ Охотничьяго клуба, между прочимъ, какъ компанія засидѣлась въ баккара до восьми часовъ утра, и когда явился директоръ оштрафовать ихъ, то офицеръ въ синемъ сюртукѣ и въ густыхъ эполетахъ очутился за портьерой, при общемъ хохотѣ.

Никто ей не говорилъ ничего неловкаго. Дядя Кумачева пускалъ даже любезности. Лыжинъ нѣсколько разъ взглядывалъ на нее какъ будто съ сочувствіемъ. И Раиса Гордѣевна—вся исполненная материнской радости, что сынъ спасся отъ смерти—была особенно привѣтлива, даже „медоточива".

И она не смѣла спросить, до самаго конца, о другомъ человѣкѣ, кто изъ-за нея подставлялъ себя подъ пулю. Вѣдь онъ принялъ же вызовъ, и безъ колебаній, если это случилось такъ быстро, что она и не взвидѣлась. Она бы полетѣла сейчасъ къ нему. Не суевѣрное предчувствіе, не „бабьи" нервы подсказывали ей, что Гольцъ—если не убитъ, то серьезно раненъ. Такой человѣкъ, какъ Захаръ Лукьяновичъ, ужъ если самъ вызвалъ,—а вызовъ, конечно, послалъ онъ,—то не ограничится обмѣномъ пуль, какъ въ Парижѣ, на дуэляхъ журналистовъ и депутатовъ. Онъ будетъ драться—„до крови".

Взглядывала она на мужа, и новое чувство, въ видѣ нервныхъ вздрагиваній, начало шевелиться въ ней. „Дворянящійся купчина" сидѣлъ противъ нея, бравый, съ открытымъ и энергичнымъ лицомъ, красивый, очень барственный—и такъ удивительно владѣлъ собою. Онъ шелъ почти на вѣрную смерть—Гольцъ такой чудесный стрѣлокъ!—и ни однимъ нервнымъ движеніемъ или словомъ не выдалъ себя передъ нею. Можетъ быть, до него дошло, что баронъ говорилъ о ней въ публикѣ непочтительно. Это невѣроятно, но что-нибудь въ такомъ родѣ. Онъ могъ просто погорячиться, принять слова самодовольнаго офицера за обиду. И этого было достаточно, чтобы вызвать его на пистолетахъ.

А убѣдился онъ, что она его обманываетъ, что Гольцъ—ея любовникъ или близокъ къ тому—тѣмъ больше. Много ли дворянъ, самыхъ растительованныхъ поведутъ себя съ подобной выдержкой? Негодовать на него, презрительно и злобно относиться—она не могла. Онъ внушалъ ей неизвѣданное еще ею уваженіе и страхъ.

Ей вспомнилась—какъ-то сразу—дуэль Пушкина. Тотъ тоже

приревновалъ къ офицеру. И жена ничего не знала до того момента, когда его—смертельно раненаго—привезли домой. Она любила когда-то читать и говорить объ этой дуэли. Поэта считала она самымъ несноснымъ ревнивцемъ и знала, что въ тогдашнемъ свѣтѣ всѣ жалѣли его жену. И та была только заподозрѣна... Можетъ быть, у ней уже началось сближеніе съ французомъ, но связи не было—это теперь несомнѣнно извѣстно.

„Вѣдь французъ служилъ въ такомъ же полку, гдѣ носятъ кирассы“,—подумала она.

Насилу кончился этотъ ужасный для нея завтракъ.

Захаръ Лукьяновичъ—какъ ни въ чемъ не бывало—простился со всѣми — „cavalièrement“—сдѣлавъ общій поклонъ рукой и уѣхалъ въ амбаръ; за нимъ и Кострицынъ. Лыжина она не рѣшилась удержать. Раиса Гордѣевна и „дяденька“ тоже скрылись, видимо уклоняясь отъ всякаго объясненія, чему она была рада.

Одна Nanon Верховцева могла ей все раскрыть теперь, послѣ дуэли. Застать ее она должна: та не выѣзжаетъ. Онѣ не видались больше недѣли.

— Nanon! De grâce. Qu'est-ce qu'il-y-a?

Нина обняла ее и не выдержала—разрыдалась.

Верховцева не выѣзжала, но была на ногахъ, и Нина застала ее въ гостиной, тоже въ безпокойствѣ.

И въ первыхъ же словахъ пріятельницы зазвучало почти недовольство и что-то еще новое.

— Ты отъ меня все скрывала!—сказала ей Nanon, съ тревожнымъ и недобрымъ лицомъ; она увела ее къ себѣ въ спальню:—скрывала отъ меня!—повторила она съ такимъ же недобрымъ смѣхомъ.

— Что? Что такое?

— Постыдись! — крикнула Nanon. — Ты такъ понимаешь дружбу?!

Тутъ Нина, вся красная, едва справившись со слезами, встала и, въ тонъ пріятельницѣ, кинула ей вопросъ:

— Ты, можетъ быть, думаешь, что я въ связи съ нимъ? Это ложь!

Nanon засмѣялась.

— Ты не смѣешь мнѣ не вѣрить!—крикнула Нина внѣ себя.

Въ эту минуту она ненавидѣла эту „бабёнку“, которая обидѣлась отъ того, что ей не дали играть роль наперсницы и не нуждались въ ея услугахъ.

— Такъ изъ-за чего же вышла дуэль?—возразила Nanon, не смягчая своего голоса:—и Гольцъ, можетъ быть, въ эту минуту умираетъ?

— Онъ раненъ?

— Вотъ это мило!

Nanon всплеснула руками.

— Это безподобно! За нее онъ принялъ дуэль и такъ благородно—даже мужу не сказалъ ничего до послѣдней минуты, а она спрашиваетъ—раненъ ли онъ? Платонъ скрывалъ отъ меня вчера. Онъ былъ увѣренъ, что на барьерѣ останется не Антоша, а мужъ твой. И первая же пуля—они стрѣлялись до серьезной раны—попала Антошѣ... сюда!—Nanon показала на бедро, ближе къ животу.—Платонъ заѣхалъ ко мнѣ на минуту, совсѣмъ убитый, и поскакалъ въ клинику, на Дѣвичье Поле, къ профессорамъ. Докторъ, бывшій при нихъ, не берется одинъ дѣлать операцію.

— Онъ опасенъ?

Нина схватила Верховцеву за руки и прижалась къ ней.

— Nanon, душечка! Не будь со мной такой жёсткой! Я ничего не знала... Клянусь тебѣ!

И порывисто, но не путаясь въ словахъ, она разсказала ей все, что было у ней въ домѣ.

— Я ничего, ничего не знала... Я только вчера утромъ послала Гольцу депешу о подозрѣніяхъ мужа.

— Ты видишь—стало, у васъ было что-нибудь?

— Не то, что ты думаешь!—стремительно крикнула она.—Ну да, онъ меня захватилъ. Я первая показала ему это... Я была у него.

— Тѣмъ болѣе его жаль!—возразила Nanon.—Тѣмъ болѣе! Ты съ нимъ пококетничала—и онъ долженъ за это умирать въ ужасныхъ мученіяхъ. Чего же еще нужно было для мужа, какъ твой, съ такимъ желѣзнымъ характеромъ? Ты была въ отелѣ, и тебя видѣли. И это было поводомъ вызова; такъ допускаетъ и самъ Антоша, такъ объясняетъ и Платонъ. Милая моя, если ужъ ѣздить къ мужчинѣ въ гостинницу, днемъ, чтобы вся Москва объ этомъ знала, то не очень-то благородно только водить мужчину и потомъ хвалиться тѣмъ, что ты ему еще не отдалась!

Все это было сказано по-французски, но слова и ихъ звуки такъ и били Нину прямо по лицу. Она сидѣла въ напряженной позѣ, съ остатками слезъ на лицѣ, которое утеряло свою величавость и красивую нарядность.

— Я поѣду къ нему!—растерянно выговорила она и встала.

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь! И тебя не примутъ. Зачѣмъ?

Волновать его? Когда у него и теперь температура, можетъ быть, выше сорока. Ты пойми, если задѣты внутренности—воспаленіе и конецъ.

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? Это жестоко! Это...

Нина хотѣла сказать: глупо! Ея горделивая и властная натура воспрянула. Что бы она ни надѣлала, она и въ отвѣтѣ, и не такой бабёнкѣ, какъ Nanon, играть передъ ней роль судьи и обличителя.

— C'est bon! Je sais ce que j'ai à faire!

И она солгала: вотъ этого-то она не знала, и не могла знать. До объясненія съ Гольцемъ, если онъ выздоровѣетъ, она не могла ни вызывать объясненія съ мужемъ, ни отвѣчать ему умно и выгодно для себя, когда онъ самъ заговоритъ.

— Это Платонъ!—перебила ее Верховцева, услыхавъ мужскіе шаги.

Она отворила дверь въ гостиную и крикнула:

— Tonton! Viens ici! Nina est chez moi.

Верховцевъ, съ разстроеннымъ и сразу опавшимъ лицомъ, все еще въ двубортномъ сюртукѣ секунданта—какъ былъ съ ранняго утра—вошелъ быстро и, не поклонившись Нинѣ, сказалъ:

— Пулю вынули.

Обернувшись къ Нинѣ, онъ суховато проговорилъ:

— Здравствуйте, Нина. Вотъ у насъ какое дѣло!

И онъ былъ противъ нея, и онъ способенъ сейчасъ же дерзить ей и вымещать на ней и обиду—за что?—и бѣду товарища, котораго онъ баловалъ и считалъ во всѣхъ статьяхъ молодцомъ.

— Онъ опасенъ?—вырвалось у Нины.

— Пулю вынули. На одну десятую сантиметра она была отъ брюшины. Да-съ,—раскатисто и вѣско выпалилъ онъ:—отвратительный ударъ! И, кажется, вашъ благовѣрный, Нина, умышленно мѣтилъ ему въ животъ. Самый коммерсантскій прицѣлъ!

Нинѣ захотѣлось заставить его замолчать какимъ-нибудь окрикомъ. Но она не смогла. Ея положеніе было черезъ-чуръ жалкое въ собственныхъ глазахъ.

— Къ нему нельзя?—неопредѣленнымъ звукомъ спросила она.

— Вамъ? Нѣтъ, барынька! Извините-съ! У него температура тридцать девять, а къ ночи, навѣрно, и за сорокъ перейдетъ. И безъ того онъ какъ куръ во щи попался!

„Барынька!"—рѣзнуло Нину по ушамъ. Она близка была къ припадку.

IX.

Въ спальнѣ, узкой комнатѣ, гдѣ шторы единственнаго окна были спущены, по воздуху расходился запахъ іодоформа.

Гольцъ, укрытый фланелевымъ одѣяломъ выше тальи и въ вязаной фуфайкѣ, лежалъ съ полу-закрытыми глазами.

Онъ не спалъ. Ему было гораздо лучше. Температура опустилась почти до нормальной. Вчера доктора позволили посидѣть въ креслѣ и почитать газету.

Кромѣ Верховцева и Nanon, къ нему никого не принимали. Много карточекъ лежало въ первой комнатѣ, въ вазочкѣ, на столѣ. Его дуэль очень быстро разнеслась по городу, и это было ему непріятно.

Конечно, теперь разсказываютъ, что мужъ „накрылъ“ ихъ съ Ниной и выставляютъ его какъ охотника за чужими женами. И это ему особенно непріятно. Его роль была во всемъ этомъ дѣлѣ—страдательная.

„Что-жъ тутъ дѣлать,—часто повторялъ онъ про себя:—если бабы лѣзутъ?“

Нина очень соблазнительная женщина, но грѣшныхъ мыслей онъ не имѣлъ на нее. Она его поцѣловала—первая. А развѣ это пойдешь звонить по Москвѣ, или сдѣлаешь объявленіе въ газетахъ, вотъ какъ печатаютъ разныя оправданія и уничтоженія довѣренностей? И такъ уже довольно было грязи въ газетахъ, по поводу попытки самоубійства Липы Угловой. и раньше еще—изъ-за ея злосчастныхъ дебютовъ „Карменъ“. Отъ нея все и пошло.

Онъ на нее не сердится. Ему даже ее жаль. Можетъ, она теперь опасно больна: ядъ—не то, что пуля... И онъ былъ опасно раненъ; такъ вѣдь то же могло случиться и на охотѣ.

Вспоминается ему огромная, буро-сивая медвѣдица, когда она шла на него, съ ревомъ, на заднихъ ногахъ. Сдѣлай двѣ осѣчки—и содрала бы кожу съ черепа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы всадить ей въ грудь ножъ. Еще вопросъ: какъ такая „мадамъ“ облапитъ. Если скоро и высоко подъ мышки, такъ и ножа не смогъ бы выхватить.

Пожалуй и про дуэль были уже замѣтки въ газетахъ. Платонъ Верховцевъ обѣщалъ ему, въ день дуэли, объѣхать редакціи и попросить ничего не печатать. Но развѣ нынѣшнихъ „милашекъ“ удержишь: ему пришло на память слово Липы. Даже

и фамилія пасквилянта, котораго онъ не хотѣлъ ни бить, ни вызывать, отчетливо представилась ему: „Спондѣевъ“.

Когда они учили въ корпусѣ русское стихосложеніе, то онъ зубрилъ, что̀ такое „спондей“; теперь не могъ бы отвѣтить, изъ скольких̀ долгихъ и коротких̀ онъ состоитъ. Вотъ этакій „спондей“ и начнетъ опять, въ ближайшемъ воскресномъ фельетонѣ, вышивать по канвѣ, никого не называя, въ видѣ разсказа, и все будетъ прозрачно.

За кого стоитъ публика: за мужа или за него, „похитителя“.

Гольцъ тихо усмѣхнулся. Какой же онъ похититель? Давно уже онъ тяготится своей холостой жизнью, хотя ему всего двадцать шесть лѣтъ. Вѣроятно, здѣсь бы и нашелъ невѣсту, не случись этих̀ двух̀ исторій.

Насчетъ своего чувства къ Нинѣ онъ рѣшилъ еще въ тотъ день, когда она къ нему во второй разъ пріѣхала и сидѣла вонъ въ той комнатѣ. Они много цѣловались. Какъ же иначе? И ему понравилась такая смѣлость, нужды нѣтъ, что онъ сказалъ ей: „это слишкомъ рискованно“.

Будь онъ безумно въ нее влюбленъ или притягивай она его хоть такъ, какъ онъ ее—развѣ она ушла бы отъ него, не отдавшись ему? Никогда! Этого быть не можетъ. Онъ довелъ бы все до развязки, и еслибъ они поймались—сталъ бы первый требовать развода.

О разводѣ ему и на мысль не приходило. Что у нея была задняя мысль—довести его до предложенія—онъ смутно сознавалъ. Вотъ это-то его и охлаждало. Ему казалось, что у Нины больше игра какая-то съ нимъ, чѣмъ беззавѣтная страсть.

Въ городѣ могутъ теперь ему сочувствовать; раненъ, опасно, раздуютъ опасность, поди уже приговорили его къ смерти. Еслибъ не жалѣли, столько бы народу не „загнуло“ карточекъ. А мужъ, его степенство, господинъ Кумачевъ велъ себя „лихо“, только злобно. Онъ хотѣлъ его уложить, потому что жена для него все: княжна, красавица, съ тономъ—тянетъ его вверхъ.

Второй секундантъ—Гольцъ нашелъ здѣсь товарища по корпусу, въ штабѣ округа, изъ академіи—тотъ всякую штуку знаетъ и говорилъ ему:

— Тебя этотъ купчина вызвалъ—въ родѣ какъ Пушкинъ Дантеса—по однимъ подозрѣніямъ. Вѣроятно, и онъ получилъ анонимное письмо.

Его секунданты настаивали, чтобы стрѣлять разъ, но покончили на томъ, что стрѣлять будетъ каждый когда хочетъ, отъ мѣста, гдѣ их̀ установили, до барьера. И на дистанціи Кумачевъ

настаивалъ на „сурьезной“. Первый выстрѣлъ мѣтилъ ему прямо въ грудь и попалъ въ бедро, прежде чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ.

Дуэли—такой серьезной—у него еще не бывало, и ощущеніе, когда на васъ, какъ на звѣря, наводятъ дуло, „почище“, чѣмъ поджидать хотя бы и разъяренную медвѣдицу.

Много онъ ломалъ себѣ голову—кто ихъ выдалъ съ Ниной. Видѣли ее въ отелѣ и донесли. Отговариваться послѣ письма Кумачева нельзя было: въ немъ прямо говорилось, что у него есть „фактическое доказательство“. Можетъ, сама призналась. Женщины всѣ „шалыя“ — даже и такія „павы“, какъ Нина. Крикнутъ на нихъ—онѣ и разболтаютъ все.

Его безпокоила мысль, что Нина можетъ считать его „пошлякомъ“. Она тамъ мучится, а онъ, хотя бы на словахъ, черезъ Nanon, могъ передать что-нибудь. Сегодня силъ достало бы и написать нѣсколько словъ.

Мужъ и жена Верховцевы прямо запретили ему давать о себѣ хоть признакъ жизни. Nanon говорила, что мужъ никакого скандала не сдѣлалъ, ведетъ себя джентльменски и до сихъ поръ у нихъ съ женой никакого объясненія не вышло. Къ нему Нина порывалась, но Верховцева ей запретила.

Надо ждать и—когда дѣло выяснится—поступить, какъ приказываетъ долгъ дворянина и офицера — въ „первомъ“ полку. Мужъ можетъ ее и выгнать. У нея нѣтъ никакихъ средствъ. Тогда онъ увидитъ. Лгать онъ себѣ не желаетъ. Все отдать за любовь этой женщины—такого чувства въ немъ нѣтъ. И если онъ поддался ея порывамъ—а кто бы на его мѣстѣ устоялъ?—за то и наказанъ достаточно.

Профессора, вынимавшаго пулю, онъ сейчасъ же спросилъ:

— Буду ѣздить верхомъ?

Тотъ отвѣтилъ уклончиво:

— Во всякомъ случаѣ, баронъ, не раньше, какъ черезъ три-четыре мѣсяца.

А вдругъ сведетъ жилу и будешь хромъ; а хромыхъ ни въ пѣхотѣ, ни въ кавалеріи не полагается, не то что уже въ ихъ полку. Довольно и того, что приходится брать долгосрочный отпускъ, а то такъ и перечисляться въ запасъ.

И все это—изъ-за двухъ „бабёнокъ“.

Сидѣлка, съ наручной перевязью сестры милосердія, тихо постучалась.

— Войдите!—откликнулся Гольцъ и, раскрывъ глаза, поправилъ одѣяло, выпрямилъ спину и легъ повыше.

Ею онъ очень доволенъ, только находитъ, что она слишкомъ уже „шикарна“. Звали ее Надежда Адольфовна—дочь нѣмца, но по матери православная.

— Антонъ Ѳедоровичъ,—доложила сестра, просовывая свою голову блондинки, въ бѣломъ уборѣ.—Я не знаю... Швейцаръ пустилъ... Дама желаетъ васъ видѣть.

— Какая?—сдерживая волненіе, спросилъ Гольцъ.

— Молодая... Красивая такая,—прибавила она шопотомъ.—Очень проситъ.

„Нина!“ рѣшилъ онъ, и имъ овладѣло еще большее волненіе; даже руки вздрагивали.

— Профессоръ не позволилъ посторонникъ посѣщеній,—мягко напомнила сестра.

— Знаю... На одну минуту можно... Поднимите, пожалуйста, стору, на половину.

Неторопливо, разсчитаннымъ движеніемъ, сестра подняла стору и, выходя, спросила:

— Больше вамъ ничего не угодно?

— Благодарствуйте... Извините—скажите, что я приму въ постели.

По лицу сестры прошлась легкая тѣнь. Она что-то сообразила. Войдя въ первую комнату, она такъ же тихо сказала:

— Баронъ просятъ васъ на минуту. Много говорить имъ опасно.

И, пропустивъ гостью, она затворила плотно дверь спальни и черезъ минуту, взявъ свое ручное шитье, выскользнула беззвучно въ коридоръ, гдѣ и осталась.

— Липа!

Голосъ Гольца вздрогнулъ и замеръ.

Липа стояла у дверей, въ шапочкѣ и башлыкѣ, и простомъ, ненарядномъ платьѣ.

— Извините,—проговорила она.—Я на минутку... Только я съ холода... Морозъ большой. У дверей я и сяду.

Онъ глядѣлъ на нее вбокъ, очень пристально, пріятно смущенный ея появленіемъ. Мысль — какъ бы она не выстрѣлила въ него или не пустила въ лицо кислотой — ему не пришла. Счеты ихъ покончены. Онъ не вѣрилъ въ то, что она изъ любви и ревности хотѣла покончить съ собою. Ихъ связь шла „на нѣтъ“. И въ сущности, она—„добрый малый“.

Липа похудѣла, и ея лицо было совсѣмъ не прежнимъ, гораздо строже и красивѣе. Какою она была теперь—она ему нравилась

больше Нины, и что-то у него зашевелилось въ груди товарищеское, близкое. Двухлѣтняя связь сказывалась.

— Спасибо,—выговорилъ онъ, сдѣлавъ ей привѣтствіе лѣвой рукой.

— Въ городѣ говорятъ...

— Что я смертельно раненъ, небось? — добавилъ онъ за нее.—Нѣтъ, мнѣ лучше. Я скоро встану, только буду ли годенъ въ строй—это еще неизвѣстно.

Они избѣгали употреблять мѣстоименіе.

— Спасибо, — повторилъ онъ. — Чтожъ... если я виноватъ передъ...

— Какіе счеты! — перебила Липа. — Каждому своя слеза солона.

— Какъ?—веселѣе переспросилъ Гольцъ.

— Такая есть поговорка: каждому своя слеза солона. Прежней артистки Днѣпровской во мнѣ нѣтъ. Все выгорѣло. Я ликвидирую, Антонъ Ѳедоровичъ.

Ему захотѣлось сказать ей:

„Называй меня Антошей“, но чувство, скорѣе стыдливое, чѣмъ уклончивое, удержало его.

— Какъ такъ?

— Ликвидирую... Вотъ я и пришла... Если нужно—я бы подежурила здѣсь.

Онъ могъ бы подумать: „Э! Ты на меня опять закидываешь сѣти“—и не подумалъ этого.

Она хотя и „шалая“, но слишкомъ прямая натура, чтобы пускать въ ходъ такой „аллюръ“,—выразился онъ про себя по-кавалерійски.

— Только, пожалуйста, вы, Антонъ Ѳедоровичъ, позвольте мнѣ распорядиться одной вещью, какъ я надумала.

— Съ какой же стати...

Онъ не договорилъ.

— Хуторъ, который вы мнѣ подарили... я бы хотѣла отдать на одно хорошее дѣло.

— Онъ ваша собственность...

— Нѣтъ, ужъ позвольте...

Липа встала и, сдѣлавъ шагъ впередъ, протянула руки—очень милымъ, просительнымъ жестомъ.

— Пожалуйста... Только на что же жить?

— Проживу.

„Вотъ она какая!—подумалъ онъ.—Не хочетъ ничѣмъ пользоваться, разъ между нами все покончено“.

— Липа!.. Мы вѣдь не враги?—онъ протянулъ ей руку.— Что жъ намъ такъ сухо... на вы? Ты—славная... Поди сюда, сядь... сядь на кровать. Ничего... теперь отъ тебя холодомъ не вѣетъ, да у меня и нѣтъ уже лихорадки.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я уйду. Если тебѣ скучно будетъ... вечеромъ почитать... пока я здѣсь. Лучше за больнымъ походить, чѣмъ на сценѣ, передъ разными уродами, выкрикивать изъ „Медеи"

Гольцъ взялъ ее за кончики пальцевъ и притянулъ къ себѣ.

Что-то скрипнуло. Въ дверяхъ стояла Нина.

X.

Краска бросилась въ лицо Кумачевой.

Хуже этого ничего не могло выйти.

Опять ея глупая неосторожность! Ее еще сильнѣе потянуло видѣть Гольца. Она не послушалась Верховцевыхъ. Въ коридорѣ она никого не встрѣтила. Войдя въ первую комнату, она услыхала разговоръ, но подумала, что это съ сидѣлкой.

Липа быстро встала съ края постели и протянула руку Гольцу.

— Поправляйтесь!.. По вечерамъ скучно будетъ—дайте мнѣ знать. Я приду—почитаю.

Тонъ ея былъ совсѣмъ простой. Она нисколько не стѣснялась и, проходя мимо Нины, спокойно посмотрѣла на нее.

— C'est elle?..

Вопросъ Нины прозвучалъ рѣзко, почти злобно, когда они остались вдвоемъ.

Гольцъ—не особенно смущенный—медлилъ отвѣтомъ.

— Вы ее знаете?—спросилъ онъ, обернувшись къ ней всѣмъ лицомъ, и тихо усмѣхнулся.

Они были еще на „вы". И это „вы" сдѣлало сейчасъ разговоръ неловкимъ, съ первыхъ словъ. Развѣ такъ слѣдовало свидѣться? Въ ней всякій порывъ сразу упалъ. Онъ казался скорѣе недовольнымъ ея внезапнымъ появленіемъ.

Нина услыхала, какъ тихо отворили дверь изъ коридора—вдругъ это посторонній мужчина? Зачѣмъ она будетъ себя аффишировать, если онъ опять сошелся „avec cette fille",—выговорила она про себя, вся съёжившись.

— Это сестра,—успокоилъ онъ ее.

Они еще не подали другъ другу руки.

— Хорошо... Я уйду туда.

Не могла же она объясняться съ нимъ, запершись въ спальной. Довольно и того, что выйдетъ отсюда, отъ молодого мужчины, лежащаго въ одной фуфайкѣ.

— Сестра!—позвалъ Гольцъ въ дверь, оставленную Ниной полуотворенной.—Вы хотѣли сходить куда-то... Мнѣ теперь совсѣмъ хорошо.

Сестра поняла, что имъ нужно остаться однимъ.

— И пожалуйста скажите швейцару, чтобы никого ко мнѣ не пускать.

„Ça, c'est archibête!“—подумала Нина, отходя къ окну, куда стояла спиной.

Она прибѣжала пѣшкомъ—оставила свои сани у Голофтѣевской галереи, со стороны Неглинной, и вышла на Петровку, а оттуда Столешниковымъ переулкомъ—сюда... Никого изъ знакомыхъ она не встрѣтила. Но вѣдь и въ послѣдній разъ, какъ была здѣсь, она тоже думала, что ея „escapade“ пройдетъ ей даромъ; а ее видѣли. Не одинъ Лука Гордѣичъ проболтался. Теперь она увѣрена, что мужу прямо донесли или написали анонимное письмо.

Сестра удалилась, а Нина все еще стояла лицомъ къ окну, не зная, какъ ей быть... Бѣжать къ нему, схватить его за голову, покрыть поцѣлуями, расплакаться отъ радости—все это и было бы такъ, еслибъ не встрѣча съ той „госпожей“.

— Вы тамъ?—ослабшимъ голосомъ спросилъ Гольцъ.

Нина сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, нерѣшительно, и остановилась по срединѣ комнаты.

— Вы слабы... вамъ запрещено говорить?

— Ничего... Пожалуйста!

Въ этомъ „пожалуйста“ тоже не было никакой безумной радости.

Кто ихъ знаетъ! Можетъ быть, они заново сошлись. Та, узнавъ о его дуэли, прилетѣла сюда—и онъ растаялъ. У мужчинъ тщеславіе всегда сильнѣе чувства. Только чтобы изъ-за нихъ безумствовали. Вѣдь она уже отравлялась и увѣрила его, конечно, что изъ бѣшеной страсти къ нему. Иначе какъ же бы она очутилась здѣсь?

Въ груди Нины сжало, точно комокъ какой. Она не могла стряхнуть съ себя всѣхъ этихъ обидныхъ вопросовъ. Свое поведеніе показалось ей такимъ жалкимъ и нелѣпымъ. Впору хоть бѣжать отсюда, безъ оглядки.

Куда? Домой? Тамъ ей еще хуже. Мужъ продолжаетъ разы-

грывать роль все въ томъ же тонѣ, точно ничего не случилось, и восхищенъ, должно быть, побѣдой надъ „калегвардомъ", собственнымъ характеромъ и умомъ. И онъ даетъ чувствовать слишкомъ ясно, что царству Антонины Борисовны пришелъ конецъ: онъ сталъ совсѣмъ по другому жить и распоряжаться тѣмъ, что, до сихъ поръ, зависѣло отъ нея, приглашать своихъ родственниковъ и разныхъ „купчишекъ" изъ клуба, играть по большой, проводить вечера неизвѣстно гдѣ. Вотъ уже который день онъ ночуетъ у себя въ кабинетѣ.

— Пожалуйста!— повторилъ Гольцъ.

Она проникла въ спальню.

— Извините, — заговорилъ Гольцъ все такимъ же слабымъ голосомъ,—за непріятную встрѣчу.

Его слова сочла она безтактными. Теперь она еще менѣе способна кинуться къ нему, или хоть шутливо приласкать его словомъ, жестомъ.

Обоимъ было до нельзя неловко. Оба чувствовали что-то жесткое и недоброе, и ни у одного недоставало смѣлости показать, что, въ ту минуту, происходило въ немъ.

— Я такъ мучилась!—начала Нина, подходя поближе къ кровати.

Гольцъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Поцѣлуй этотъ не согрѣлъ ее что-то. Она нагнулась и приложилась губами къ его головѣ. Отъ всей постели и отъ его тѣла шелъ лекарственный запахъ, ей непріятный. Въ своей вязаной фуфайкѣ у него былъ солдатскій видъ.

Но все-таки имъ стало ловчѣе.

Нина сѣла на стулъ. Цѣловать его въ губы ей совсѣмъ не хотѣлось.

— Et voilà!—вырвалось у ней со вздохомъ.—C'est du progrès!

Тонъ былъ раздраженный, а не тронутый.

— Oui,—отвѣтилъ онъ мягче, и вялая усмѣшка прошлась по его поблѣднѣвшимъ губамъ.

Ей хотѣлось, прежде всего, знать: какъ мужъ вызвалъ его, имѣлъ ли онъ доказательство ихъ близости. Но ей стало немного стыдно. Что же его допрашивать? Вѣроятно, онъ столько же знаетъ, сколько и она сама. Не будетъ же она допытываться — не началъ ли онъ самъ болтать про свою побѣду?

— Et la demoiselle? — выговорила Нина, жестомъ правой руки показывая на дверь, куда ушла Липа.

Онъ пожалъ плечами.

Оправдываться онъ не сталъ. И что же ему оправдываться?

Липа его тронула. Какого-нибудь „фортеля“ онъ въ ея поведеніи не видитъ. А если и есть, то онъ не изъ такихъ, которыхъ можно вертѣть, какъ угодно... Его безпокоило въ эту минуту одно: положеніе Нины въ домѣ. Если она скажетъ ему въ упоръ: „мнѣ оставаться женой Кумачева нельзя“—онъ обязанъ такъ или иначе устроить ея судьбу.

— Берегитесь,—начала Нина, но совсѣмъ не о томъ, что его безпокоило.—Эта особа можетъ опять впутать васъ въ исторію... Отъ нея надо избавиться. Вы добры... Она, конечно, явилась показать чистоту своихъ чувствъ, ха, ха?

— Напрасно,— остановилъ онъ ее и щелкнулъ языкомъ.— Никакой опасности тутъ нѣтъ.

На губахъ у него былъ вопросъ:

„Вы лучше мнѣ скажите—какъ у васъ въ домѣ?“

— Ну да, ну да,—раздражалась Нина.—Всѣ мужчины таковы. Тщеславіе ослѣпляетъ ихъ.

— О васъ, а не обо мнѣ поговоримъ,—остановилъ онъ ее жестомъ руки.

Говорить дѣлалось ему трудно, и она этого не замѣчала.

— Что-жъ обо мнѣ?

Какъ бы она крикнула ему: „Развѣ вы такъ должны вести себя со мною?“

Нужды нѣтъ, что онъ еще боленъ. Однимъ словомъ онъ могъ бы показать ей, что сейчасъ готовъ назвать ее своей женой. Развѣ она не приноситъ ему жертву? Что же такого „особеннаго“ представляетъ онъ изъ себя? Такихъ бароновъ—сотни, а кавалерійскихъ поручиковъ—тысячи. Состоянія у него, навѣрно, нѣтъ и на одну пятую того, что есть у Захара Лукьяновича. Ея мужъ—въ почетѣ, добьется всего, будетъ головой, будетъ губернаторомъ, можетъ быть, министромъ. Нынче все это возможно! Она царила въ своихъ чертогахъ, беззаботная, обожаемая мужемъ, мать милыхъ дѣтей, первая въ Москвѣ по красотѣ, изяществу и богатству.

— Однако,—медленно продолжалъ Гольцъ:—какъ же онъ—вашъ благовѣрный?

„Благовѣрный!“—повторила Нина про себя, и это пошловатое офицерское слово кольнуло ее.

— Мой благовѣрный,—отвѣтила она полу-шутливо,—какой-то сфинксъ.

— Сфинксъ?—переспросилъ, оживляясь, Гольцъ.

— Да. Что въ немъ происходитъ, какъ онъ думаетъ держать себя дальше—я не знаю. Ни одного вопроса, ни одного

намека. Cela devient assommant!—вырвалось у нея съ рѣзкимъ жестомъ правой руки.

— Тонкій человѣкъ!

— Mais, à coup sûr, il prépare quelque chose.

— Еще бы!—подтвердилъ Гольцъ по-русски.

Вдругъ онъ поморщился и сжалъ руки. Неосторожнымъ движеніемъ онъ разверединлъ рану.

— Vous souffrez?

Гольцъ ничего не отвѣтилъ Нинѣ и закусилъ губы, чтобы не застонать.

— Я ухожу!.. Но какъ же васъ оставить одного? Сестры нѣтъ.

Ему настолько было больно, что онъ даже не протянулъ ей руку.

Нина немного постояла у кровати и видя, что онъ лежитъ съ закрытыми глазами, беззвучно вышла изъ спальни.

Черезъ четверть часа, въ саняхъ, проѣзжая по площади Большого театра, она думала объ одномъ: чѣмъ бы ни разрѣшилась ея „исторія“—сейчасъ надо устранить эту Днѣпровскую, „cette fille rouée et astucieuse“. Не застань она ее у Гольца—развѣ свиданіе было бы такое?

Но какъ же устранить ее? Не стрѣлять же въ нее изъ револьвера или захватить и запереть куда-нибудь? Она уже думала о ней и раньше. Надо обратиться къ генералу Кишкетову. Онъ дастъ дѣльный совѣтъ, или самъ сдѣлаетъ такъ, что Днѣпровскую вышлютъ изъ города. Не даромъ же у него репутація человѣка съ огромными связями по этой части.

И тогда уже надо будетъ самой рѣшить: кого выбирать себѣ въ мужья.

„А вдругъ,—подумала она, и ей стало холодно въ груди:—вдругъ Захаръ Лукьяновичъ первый распорядится ея судьбой и... выгонитъ изъ дому, отниметъ дѣтей, какъ у „развратной“ матери, и броситъ ей подачку въ нѣсколько тысченокъ?“ Прежде чѣмъ она ротъ откроетъ для оправданія, онъ скажетъ ей: „вы изволили быть въ нумерѣ у офицера — можете и совсѣмъ поселиться тамъ“. Какъ бы онъ прежде ни любилъ ее, такой человѣкъ ничего не проститъ.

XI.

Липа прощалась со своими „спасительницами“—такъ она называла, кромѣ Лели и Кати, Иду и Елену.

Акридина уѣзжала въ Петербургъ на недѣлю. Ида хотѣла

подождать ее въ Москвѣ, не переселяться въ деревню. Обѣ ласково болтали съ Липой, у дверей. Имъ не хотѣлось уходить. Особенно Елена была бойка и весела.

Липа догадывалась—почему Акридина такая веселая. По намекамъ Кострицына—онъ сталъ у нея бывать очень часто—она кое-что знала про любовь „ученой женщины", какъ она еще, не безъ иронiи, называла ее. И должно быть у нихъ дѣло идетъ на ладъ; можетъ, скоро и свадьба будетъ.

Съ Еленой она чувствовала себя немного стѣсненной, какъ будто та ее до себя только допускала—не то, что Ида. Къ Идѣ она привязывалась съ каждымъ днемъ. Ей было то жаль ее чрезвычайно, точно Ида себя „заживо похоронила", то она считала ее счастливицей именно потому, что въ ней перегорѣло все въ душѣ, и „подлецы мужчины" не имѣютъ для нея никакой привлекательной силы.

Сейчасъ она все имъ разсказывала „по душамъ": и про свое твердое рѣшенiе съ театромъ проститься, ѣхать въ провинцiю, хуторъ отдать на „хорошее дѣло", самой жить уроками пѣнiя или „чѣмъ придется".

Ида спросила ее:

— А вдругъ увлечетесь... и пойдете въ пропаганду, вернетесь къ старому?

Про это „старое" она же вспоминала въ долгiе вечера, когда Ида сидѣла около ея кровати съ работой или книгой.

— Не знаю! Если заберетъ какое дѣло,—отвѣтила она,—лучше пострадать, чѣмъ такъ только мамонѣ служить.

— Позволите васъ проводить?—спросила Липа Акридину, выходя въ коридоръ вслѣдъ за нею.

— Благодарю... Только не нужно. Холодно. Я и ей не позволяю,—прибавила она, указавъ головой на Иду.

Липа поняла: значитъ, будетъ *онъ*. А можетъ, не хочетъ, чтобы видѣли, какъ актерка съ „исторiей" ее провожаетъ. Это немножко кольнуло Липу, но она тотчасъ же дала на себя окрикъ: „А кто же ты была?! Ну, и терпи!"

Не успѣла она вернуться къ себѣ, какъ вошелъ Кострицынъ.

Она не удивилась. Знакомы они не больше десяти дней, а точно давнишнiе прiятели. Сразу онъ ей не очень понравился своимъ тономъ и складомъ разговоровъ. И пошли у нихъ споры—нескончаемые. Уходя отъ нея, онъ каждый разъ смягчался и даже просилъ извиненiя за свое упорство и „дикiя мнѣнiя".

Ему она любила выкладывать все, что у ней на душѣ. Сначала онъ пытался уговаривать ее не бросать искусства. Теперь

пересталъ, умолялъ только объ одномъ—когда уѣдетъ туда, на Волгу—воздерживаться отъ близкаго знакомства съ разнымъ „нелегальнымъ народомъ". И онъ зналъ отъ нея, что у нея есть кое-какое прошедшее, отъ котораго она скрывалась за границу, съ чужимъ паспортомъ.

Вчера она ему разсказала и про свой визитъ Гольцу. Кострицына это передернуло замѣтно, и онъ сталъ-было не то что возмущаться, а жалѣть. Но и тутъ она его разомъ успокоила—весь ея тонъ показывалъ, что „Антошка" больше для нея не опасенъ. Все-таки Кострицынъ взялъ съ нея слово, что вечеромъ она къ нему читать не поѣдетъ.

Про свою встрѣчу съ дамой—она сообразила, что это Кумачева—Липа умолчала, не считая себя въ правѣ быть нескромной.

Онъ заѣзжалъ къ ней передъ обѣдомъ и всегда извинялся, что безпокоитъ.

На этотъ разъ извиненія не было.

Онъ подалъ ей неразрѣзанную книжку толстаго петербургскаго журнала.

— Только-что получили... Захватилъ у Карбасникова,—сказалъ Кострицынъ.—Продолженіе романа.

— А, вотъ это отлично! Хотите, сегодня будемъ читать вслухъ? Я за дѣвочками своими пошлю. У нихъ вечеръ свободный.

Кострицынъ чуть-чуть поморщился.

— Да онѣ васъ развѣ стѣсняютъ?—серьезнѣе спросила Липа.

— Онѣ—очень милыя,—заговорилъ Кострицынъ кротко, совсѣмъ не своимъ обычнымъ тономъ, — только, право, лучше будетъ... Имъ серьезное чтеніе не то что въ тягость, а все-таки: хи, хи, да ха, ха!..

— Ну, какъ хотите.

Слишкомъ выходило ясно, что онъ желаетъ быть съ глазу на глазъ. Но она не хотѣла разбирать его чувства къ ней. Никакого кокетства она въ себѣ не допускала и въ обращеніи съ нимъ держалась такого же точно тона, какъ съ Лелей или Катей.

Кострицынъ сѣлъ на свое любимое мѣсто, около изголовья кушетки, куда Липа прилегла.

Послѣ ея „случая" она сдѣлалась гораздо слабѣе на ноги.

— Сейчасъ прощалась съ Акридиной. Ѣдетъ въ Петербургъ... Очень веселая.

Кострицынъ подмигнулъ съ лукавой усмѣшкой.

— Питаетъ надежды на побѣду?

— Не знаю... Вы, Иванъ Кузьмичъ, покумить, я вижу, любите?

— Посплетничать, другими словами?

— Да... Есть грѣшокъ?

— Болтать лишнее—склоненъ, это точно. И, кажется, у меня, такого отчаяннаго классика, должна быть всегда на памяти притча...

— Вотъ и притчами говорить—тоже есть замашка.

— Ха, ха! Дорогая Олимпіада Дмитріевна... Вѣдь притча-то прямо для меня, изъ миѳологіи. Про Тантала, конечно, слыхали?

— Муки Тантала?

— Вотъ-вотъ! А за что онъ былъ Юпитеромъ такъ ехидно наказанъ?..

— Почемъ же я знаю?.. Меня этакимъ глупостямъ не обучали.

— Глупости? Не скажите! Иксіонъ и Танталъ были допущены за небесную трапезу. Они оба тамъ и урѣзали нектара и стали болтать всякія непутёвыя вещи. Вотъ отецъ-то боговъ оттуда ихъ обоихъ и вышвырнулъ вверхъ тормашками?..

Липа тихо засмѣялась.

— Какой вы молодой, Кострицынъ!—выговорила она вдумчиво.—Гораздо моложе меня. Даромъ, что суесловите и выдаете себя за человѣка, который подо все подпускаетъ подковырку.

— Подковырку!.. Хе, хе!

Имъ обоимъ дѣлалось очень весело.

Кострицынъ наклонился къ изголовью кушетки и началъ говорить тише звукомъ:

— Сплетникъ я—это точно. И если вы меня исправите, я вамъ въ ножки поклонюсь. Однако позвольте покумить, какъ вы выражаетесь, Олимпіада Дмитріевна. Тутъ я—въ вашемъ интересѣ.

— Что еще такое?—откликнулась Липа, безъ тревоги, скорѣе лѣнивымъ тономъ.

— А вотъ что. Супруга моего принципала, Захара Лукьяновича...

— Знаете, Иванъ Кузьмичъ,—перебила его Липа:—мнѣ не нравится, что вы его такъ называете, хотя бы и въ шутку. Точно онъ въ самомъ дѣлѣ баринъ вашъ...

— Позвольте... — Кострицынъ замѣтно покраснѣлъ. — Такъ вотъ Антонина Борисовна вдругъ произвела ко мнѣ подходъ на вашъ счетъ.

— Что ей отъ меня нужно?

Липа сдвинула брови.

— Да вы развѣ ничего не знаете?—съ удареніемъ выговорилъ онъ и поглядѣлъ на нее.

— Это насчетъ Гольца... Что изъ-за нея дуэль была?

— Я этого не сказалъ.

— Вотъ это нехорошо, Кострицынъ... Это уклончивость.

— Ей-Богу нѣтъ, Олимпіада Дмитріевна,—голосъ его просительно дрогнулъ.—Клянусь вамъ, нѣтъ, а просто порядочность. Я болтунъ, но я не сплетникъ, особливо въ такихъ дѣлахъ... Эта женщина—безъ сердца. Она не даромъ разспрашивала о васъ... Съ тѣмъ же подъѣзжала она и къ Лыжину. Ради Бога... не вышло ли чего у васъ, я умоляю васъ не скрывать отъ меня!

Липа была тронута—въ первый разъ—тономъ его словъ.

— Такъ и быть, я вамъ скажу. А не говорила тоже—вы поймете почему. У Гольца она при мнѣ вошла къ нему прямо въ спальню.

— Она?

— Да, теперь я въ этомъ увѣрена.

— Те-те-те... Мнѣ все понятно. Берегитесь, голубушка. Теперь ей надо кашу съ муженькомъ расхлебывать, а онъ выказываетъ себя въ этой исторіи съ такимъ характерцомъ, что — ой-ой. И у ней могли явиться комбинаціи.

— Не боюсь я ее. Да и что ей со мною дѣлать?

— Однако она васъ нашла у него тоже въ спальнѣ,—выговорилъ Кострицынъ, скользя по словамъ.—Этой причины слишкомъ достаточно.

По лицу Липы пошли тѣни.

— Разумѣется... если она злющая. Да пустяки!.. Черезъ недѣлю меня здѣсь не будетъ.

Кострицынъ замигалъ и спросилъ быстро и нетвердыми нотами:

— Вы серьезно уѣзжаете?

— Серьезно, голубчикъ, серьезно.

— Пока что, а я васъ долженъ былъ предупредить.

— Спасибо!

Она протянула ему руку. Кострицынъ взялъ и, въ первый разъ, поцѣловалъ.

— Знаете, Иванъ Кузьмичъ, все это—тамъ гдѣ-то, вдали... И госпожа Днѣпровская для меня—точно покойница.

Кострицынъ ничего не промолвилъ и сидѣлъ, не выпуская ея руки.

Въ дверь постучали.

— Войдите! — крикнула Липа и отняла руку, но не поспѣшно, безъ всякаго смущенія.

Второй швейцаръ, путаясь, какъ всегда, въ длиннѣйшей ливреѣ и стоя въ портьерѣ перегородки, доложилъ:

— Желаетъ васъ видѣть, Олимпіада Дмитріевна, по дѣлу... генералъ...

Онъ запнулся.

— Кто?—переспросила Липа.

— Какъ фамилія?—добавилъ тревожнѣе Кострицынъ и всталъ.

— Они назвали... Кажется, Мушкетовъ.

— Такого не знаю!

Кострицынъ сказалъ это въ сторону Липы.

— По дѣлу-съ,—повторилъ швейцаръ.

— Примите, голубушка!—Кострицынъ подошелъ къ ней поближе и договорилъ шопотомъ:—и помягче будьте... Мало ли кто это можетъ быть. Я удалюсь, мѣшать не буду.

— Съ какой стати! У меня никакихъ тайныхъ дѣлъ нѣтъ.

И, поднявшись, Липа сказала швейцару:

— Просите!

XII.

— Я сію минуту, Иванъ Кузьмичъ.

Липа пошла въ спальню накинуть на себя короткую мантилью и немножко поправить волосы.

Кострицынъ прошелся мелкими шажками, потирая руки, что у него означало душевное волненіе. Онъ боялся чего-то за Липу. Кто этотъ генералъ? Можетъ быть, ее припутали къ дуэли Гольца и хотятъ прижать? Онъ долженъ былъ сознаться, что „по нынѣшнимъ временамъ—это возможно“—и даже не нашелъ, что слова: „нынѣшнія времена“, умственно имъ выговоренныя, были въ противорѣчіи съ складомъ его идей.

Гость вошелъ очень тихо.

„Вотъ кто!“ — воскликнулъ про себя Кострицынъ, воззрившись въ генерала.

— Мое почтеніе!—сказалъ онъ первый.

Генералъ могъ надѣть свою форму, но онъ хотѣлъ и сегодня казаться молодымъ. Онъ только воткнулъ въ петлицу сюртука, плотно облегавшаго его сухощавую фигуру, красную розетку французскаго ордена.

— A!.. Monsieur...

Онъ искалъ фамилію.

— Кострицынъ—къ услугамъ вашего превосходительства.

Это было сказано съ улыбочкой. Генерала онъ не долюбливалъ—безотчетно, хотя и не допытывался никогда—на чемъ основывается репутація, заставлявшая въ обществѣ бояться его.

„Дѣло—дрянь,—подумалъ онъ, и спросилъ себя вслѣдъ затѣмъ: —оставаться или уходить?“

— Олимпіада Дмитріевна сейчасъ выйдетъ.

— Благодарствуйте.

Генералъ поклонился ему вѣжливо, но руки не подалъ. Не дожидаясь приглашенія, онъ сѣлъ у стола, вынулъ изъ жилетнаго кармана гребенку и поправилъ волосы на вискахъ.

Монокль неизмѣнно торчалъ у него въ глазной впадинѣ.

— Извините...

Липа—на порогѣ спальни—не договорила. Она сейчасъ же узнала генерала, и быстро-быстро ей все припомнилось изъ того времени, когда она знавала Кишкетова, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ провинціи.

Ей ударило въ виски. Она зачуяла серьезную опасность. На Кострицына она не глядѣла, боясь выдать себя.

— Генералъ Кишкетовъ.

Онъ приподнялся и протянулъ ей руку.

— Очень рада,—глухо промолвила Липа, и ей хотѣлось крикнуть: „Ступайте вонъ!.. Я знаю—что вы за человѣкъ!“

Она сѣла на край кушетки.

— У васъ есть до меня дѣло?—суше и тверже выговорила Липа.

— Оно подождетъ,—усмѣхнулся генералъ тонкимъ и безкровнымъ ртомъ.

Кострицынъ чувствовалъ, что между ними что-то есть затаенное, и не хотѣлъ проникать въ это. Ему слѣдовало уйти изъ простого приличія. Своимъ присутствіемъ онъ только мѣшаетъ Липѣ. Въ концѣ концовъ, если этотъ молодящійся женолюбъ съ чѣмъ-нибудь „подъѣдетъ“, она съумѣетъ его „спустить“.

Онъ сталъ прощаться, и Липа его не удерживала, только сказала:

— До свиданія!

И дѣйствительно, при немъ ей было вдвое тяжелѣе. Она могла себя выдать. Генералъ могъ заговорить какъ старый знакомый, и Кострицынъ счелъ бы ее за притворщицу, за пошлую актерку, у которой въ каждомъ городѣ были, подходя, интриги.

Кишкетовъ, по уходѣ Кострицына, нагнулъ голову нѣсколько вбокъ и поглядѣлъ на нее.

— Вы, кажется, меня не сразу узнали? А я сохранилъ

очень живое воспоминаніе о госпожѣ Угловой. Вѣдь это ваша настоящая фамилія?

— Да, я по театру Днѣпровская.

— Знаю, знаю.

Съ кресла Кишкетовъ поднялся и пересѣлъ на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ, около кушетки, Кострицынъ.

— Вы меня... Олимпіада Дмитріевна... вѣдь такъ васъ зовутъ?

— Такъ.

Липѣ зажгло въ груди. Но она поглядѣла на Кишкетова быстро и смѣло.

Этимъ взглядомъ она ему показала, что знаетъ, *кто* онъ и *чего* отъ него ждать.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ онъ, разставляя слова,—вы не очень рады возобновленію нашего знакомства? И напрасно!

Короткій смѣхъ прервалъ его рѣчь.

— Напрасно!—повторилъ онъ.—Я не позволилъ бы себѣ явиться къ вамъ такъ, съ улицы, еслибъ не желаніе оказать вамъ услугу.

— Какую же?—все такъ же сухо спросила она.

Ей очень трудно дѣлалось сдерживать себя, и еще труднѣе взять любезный тонъ. Этотъ человѣкъ былъ для нея невыносимъ. Разъ она уже бѣжала изъ того губернскаго города, гдѣ онъ съ ней познакомился и гдѣ онъ проживалъ, на выборахъ. Ея прошлое ему извѣстно, и онъ—еще тогда—хотѣлъ поиграть на немъ.

— Только я прошу одного,—продолжалъ Кишкетовъ:—полной откровенности.

„Съ какой это стати?“—чуть не крикнула она.

Опустивъ голову, она сжала ротъ и ждала—что онъ выпуститъ, какую предательскую гадость.

— Васъ можетъ постичь нѣчто весьма непріятное.

— Меня?—спросила она и повела плечами.

— Позвольте мнѣ досказать... Исторія дуэли одного пріѣзжаго гвардейца разнеслась по городу... Есть особы, принимающія въ немъ особое участіе, и онѣ будутъ хлопотать о томъ, чтобы васъ потревожили. Ваше пребываніе въ Москвѣ кажется имъ вреднымъ для этого молодого человѣка...

— И еще что?—уже рѣзче прервала Липа.

— Не задолго до этой дуэли и здѣсь была тоже исторія—Кишкетовъ оглянулъ комнату.—Я не желаю, какъ французы выражаются, surprendre votre religion, но газетныя шавки все достаточно разгласили или дѣлали прозрачные намеки. Вы, надѣюсь, этого отрицать не будете.

— Это мое личное дѣло.

— Знаю-съ. Но одно къ одному.—Васъ, повторяю, могутъ побезпокоить.

— Выслать, что-ли? Пускай!

— Позвольте... Извѣстно вотъ, напримѣръ,—кому надлежитъ вѣдать, все извѣстно, — что вы проживаете съ ненадлежащимъ видомъ?

— Вздоръ! У меня законный видъ.

— Вамъ такъ только кажется... Вы живете по аттестату консерваторіи... И это—попущеніе полиціи. Надо имѣть настоящій обще-дворянскій видъ.

„Какъ же вы-то все это знаете?“—хотѣла она презрительно кинуть ему въ лицо.

— Положимъ, это не очень важно. Но если васъ обезпокоятъ—Кишкетовъ все замедлялъ свою рѣчь—могутъ добраться до нѣкоторыхъ подробностей вашего прошлаго.

„Такъ и есть! Вотъ куда ты мѣтишь, гадина!“—вскричала про себя Липа и замѣтно поблѣднѣла.

Кишкетовъ протянулъ руку. Она своей не давала.

— Милая моя!—еще тише звукомъ заговорилъ онъ. — Въ вашемъ прошломъ есть кое-какіе счеты уже не съ простымъ городскимъ надзоромъ.

„Если ты его сейчасъ оборвешь — онъ предательски отомститъ! Зачѣмъ глупо попадать въ ловушку? Передъ тобой—еще цѣлая жизнь для того же самаго дѣла, на которое ты когда-то пошла съ такой вѣрой. Перехитрить его надо, а не брыкаться!“

Все это мгновенно пронеслось въ ея головѣ.

— Мнѣ нечего больше дѣлать въ Москвѣ,—довольно сдержанно выговорила Липа.—Я никому не хочу досаждать своимъ присутствіемъ и никому, увѣряю васъ, не опасна... ни тому офицеру, ни тѣмъ, кто дрожитъ надъ нимъ.

— Бѣжать въ эту минуту была бы огромная ошибка. Вы мнѣ не довѣряете—это ясно. Когда-то мы встрѣтились. Я былъ вашимъ искреннимъ поклонникомъ. Но—насильно милъ не будешь,—съ мягкой усмѣшкой добавилъ онъ.—Зла я не помню... когда дѣло идетъ о женщинахъ. О! мужчины—другое дѣло! Случаю угодно было поставить меня опять на вашемъ пути. Я совсѣмъ собрался уѣзжать за границу, и на цѣлые полгода; но для васъ я останусь, сколько нужно будетъ. И мой совѣтъ былъ бы, если васъ ничего особенно не придерживаетъ въ лю-

безномъ отечествѣ, отправиться на югъ... напримѣръ, на Ривьеру... Вы должны поправиться послѣ того, что съ вами было.

„Дьяволъ!.. Съ тобой на Средиземное море! И за свою протекцію ты потребуешь вознагражденія“, — задыхаясь, думала Липа.

Будь это мѣсяцъ назадъ, она, и зная, что онъ можетъ „нагадить“ ей,—разнесла бы его и выгнала вонъ. Тогда она была увѣрена въ себѣ, въ силѣ обаянія красивой женщины, опереточной пѣвицы, съ репутаціей легкой особы. Она бы нашла защитниковъ и противъ такого генерала.

Теперь она безпомощна. Она покончила съ своимъ актерствомъ. Ни къ какому старому сановнику она не поѣдетъ и не позволитъ трепать себя по щекѣ и приговаривать:

— „Мы васъ въ обиду не дадимъ, душечка“.

— Напротивъ,—закончилъ свои доводы Кишкетовъ: — вамъ скрываться такъ порывисто не слѣдуетъ. Мы найдемъ средство отвести отъ васъ все непріятное. А черезъ недѣлю, другую выправимъ вамъ такой видъ, по которому вы можете получить и заграничный паспортъ.

На нее нашелъ точно какой столбнякъ. Она все блѣднѣла и блѣднѣла.

Генералъ замѣтилъ это и всталъ.

— Вамъ, я вижу, не по себѣ! Не пугайтесь ничего. Позвольте охранять васъ.

Онъ нагнулся, взялъ ея руки и медленно поцѣловалъ два раза. Мурашки гадливости пошли по всему тѣлу Липы.

— Не дальше, какъ завтра—въ это же время—я заверну къ вамъ.

Она даже не сказала ему ничего на прощанье.

XIII.

Лыжину попался дрянной ванька и тащилъ его шагомъ въ гору, черезъ Кузнецкій, на Мясницкую.

Вчера ночью—онъ только-что легъ—его разбудилъ телеграфистъ, поднявшійся къ нему самъ, для полученія на чай.

Телеграмма пришла отъ Кострицына.

„Умоляю быть у меня завтра утромъ. Нашу знакомую надо спасать отъ козней ея соперницы“.

Онъ понялъ сразу, что дѣло шло о Днѣпровской и Кумачевой.

Сходя внизъ, онъ хотѣлъ постучаться у Липы, но было еще слишкомъ рано для нея—въ исходѣ девятаго.

Догадывался онъ, что Антонина Борисовна пустила какую-нибудь интригу противъ той, которую считала, вѣроятно, причиной исторіи, разразившейся надъ нею.

Не дальше, какъ вчера, она начала съ нимъ разговоръ, гдѣ стала его слегка допрашивать о Липѣ и ея жизни. Онъ не поддавался и, оставаясь съ ней любезнымъ, далъ ей понять, что наушника она въ немъ не найдетъ.

Между мужемъ и женой онъ не желалъ играть никакой роли. Насколько онъ зналъ исторію — ему поведеніе „самого" казалось слишкомъ ужъ „купецкимъ". Нина давала ему понять, что съ Гольцемъ она не въ „связи, что все сводилось къ простому флёрту".

Она сильно посмякла, и ему стало ее вчера жаль, въ первый разъ, какъ женщину, очутившуюся въ совершенномъ одиночествѣ. Князь—ея родной дядя—видимо уклонялся отъ роли посредника и примирителя, что̀ удивляло Лыжина. Идеалистъ-гегельянецъ долженъ былъ бы показать возвышенность своихъ воззрѣній. Князя по цѣлымъ днямъ не было дома. Да еслибъ онъ и пожелалъ поговорить съ Ниной о ея „положеніи" — сама Нина считала его ни къ чему негоднымъ и во всякомъ случаѣ имѣла поводъ быть недовольной: вѣдь онъ согласился пойти въ секунданты Кумачева, не предупредилъ ее наканунѣ и пропадалъ передъ тѣмъ на нѣсколько дней—стало, велъ себя скорѣе какъ врагъ, чѣмъ какъ другъ.

Подъѣзжая къ квартирѣ Кострицына—онъ ѣхалъ къ нему въ первый разъ—Лыжинъ чувствовалъ, что придется дѣйствовать противъ Нины, и ему дѣлалось неловко,—и не отъ того вовсе, что у него слабость, похожая на увлеченіе. Разойдись она съ Кумачевымъ и выйди замужъ за Гольца, даже убѣги она съ нимъ, онъ бы нашелъ, что такъ оно все-таки выходитъ симпатичнѣе: по крайней мѣрѣ хоть увлеклась, полюбила и не продаетъ себя, безъ любви, въ формѣ законнаго брака съ милліонщикомъ.

Депеша Кострицына давала ему понять, какъ „взвинченъ" милѣйшій Иванъ Кузьмичъ. Должно быть и для его натуры скептика, разлагающаго все своей діалектикой, наступилъ кризисъ. Тутъ сильно пахло увлеченіемъ... Кто его знаетъ! быть можетъ, и настоящей страстью.

Мудреный адресъ далъ Кострицынъ въ депешѣ: „Кривое Колѣно, домъ Полуектова". Онъ никогда ему не писалъ по городской почтѣ, ни депеши къ нему не посылалъ.

О *Кривомъ Колѣнѣ* Лыжинъ что-то помнилъ; но гдѣ оно—доподлинно не зналъ. Извозчикъ началъ путать и пришлось обратиться къ городовому. Нашлось и Кривое Колѣно.

Кострицынъ жилъ во дворѣ большого дома, во флигелькѣ, гдѣ занималъ нижній этажъ, изъ четырехъ комнатъ. Это была—квартира. Онъ держалъ старую женщину; она ему и готовила.

— Пожалуйте, батюшка!—впуская, сказала она Лыжину.—Иванъ Кузьмичъ васъ ждутъ.

Кострицынъ выбѣжалъ къ нему въ маленькую зальцу съ обѣденнымъ столомъ и повелъ его въ кабинетъ, весь уставленный шкафами, съ небогатой отдѣлкой рабочей комнаты учителя.

— Голубчикъ! Спасибо!

Онъ обнялъ Лыжина и усадилъ на клеенчатый диванъ. На немъ—распахнутымъ—сидѣлъ сѣрый драповый халатъ. Видно было, что онъ еще не умывался.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ полу-шутливо Лыжинъ. Лицо пріятеля поразило его: оно потемнѣло, глаза были красны и тревожно бѣгали.

— Я бы прилетѣлъ къ тебѣ, друже; но ты живешь въ меблировкѣ... У тебя изъ спальни дверь хоть и заколочена...

— Да что мы... заговорщики, что-ли?—перебилъ Лыжинъ, не желая впадать въ тревожный тонъ пріятеля.

— Да, заговорщики!—вскричалъ Кострицынъ и вскочилъ.—Олимпіаду Дмитріевну надо сегодня же увезти и скрыть.

— Отъ кого?

— Дай досказать.

Онъ опять присѣлъ, взялъ Лыжина за обѣ руки и прерывающимся голосомъ началъ ему передавать то, что узналъ отъ нея вчера. Отъ нея онъ поднимался къ Лыжину, но не засталъ его дома и боялся оставить письмо.

— Ты понимаешь?—спросилъ онъ и вздрогнулъ весь.—Ты понимаешь—чѣмъ это пахнетъ? Тотъ сикофантъ въ запасѣ—онъ говорилъ про Кишкетова — прямо ей поставилъ дилемму: или, дескать, вы меня осчастливите, или очутитесь кое-гдѣ, ибо въ моихъ рукахъ документики изъ вашего прошлаго, и на этотъ разъ вы не улизнете безнаказанно за границу, какъ было это пять лѣтъ назадъ.

— Пять лѣтъ... этакая старина!

— Давности въ такихъ дѣлахъ, милый другъ Юрій Петровичъ, нѣтъ! Такой злобный сатиръ способенъ на всякую гнусность. Онъ можетъ въ коварствѣ и бездушіи превзойти самого Одиссея, предательски ослѣпившаго одноглазаго Циклопа

пылающимъ деревяннымъ коломъ, напоивъ его предварительно зельемъ.

— Ахъ, классикъ, классикъ!

Лыжинъ разсмѣялся.

— Не до шутокъ тутъ, другъ Юрій Петровичъ. Я сейчасъ подумалъ: у Лыжина, навѣрно, найдется такая засада. Онъ знаетъ всякихъ женщинъ... Къ Лидіи Павловнѣ въ усадьбу хорошо бы, но и тамъ есть урядникъ... У меня одно мужское знакомство, холостежь... студенты, учительки...

И, перебивая себя, онъ опять схватилъ Лыжина за обѣ руки и закричалъ:

— Нѣтъ, какова наша великолѣпная Антонина Борисовна? Это—гетэра послѣдней формаціи! Ея дѣло! Генералъ—ея посланецъ, ея ангелъ! А?! Ниже такой гнусности ничего быть не можетъ!

И онъ забѣгалъ по кабинету.

Лыжинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Погоди, однако, Иванъ Кузьмичъ,—остановилъ онъ Кострицына.—Ты разыгрываешь роль спасителя; но для тебя—онъ протянулъ это слово — такіе прокурорскіе обвинительные возгласы по крайней мѣрѣ непослѣдовательны.

— Это почему?

Кострицынъ остановился и строго посмотрѣлъ на него.

— Какъ почему? Освѣти всю эту бабью исторію твоей философіей. Вѣдь ты, братецъ, проповѣдуешь, что цѣль жизни человѣка на землѣ—личность, ея расцвѣтъ, успѣхъ, наслажденіе и ничего больше.

— Развѣ есть теперь время! Побойся Бога!

— Те, те, те! Есть, братъ, всегда время глядѣть чорту въ глаза и быть выше того, что ты самъ считаешь рабствомъ и кислятиной, т.-е. признанія разныхъ выдохшихся видовъ жертвы, благородства, гуманности, милосердія. Нина Борисовна желаетъ устранить соперницу — чего же проще? Она боится, что Липа Днѣпровская отниметъ у нея опять того, въ кого она влюбилась. Она и пустила въ ходъ интригу. И по своему тысячу разъ права! Да и почему мы ей должны менѣе сочувствовать? Хочетъ ли она помириться съ мужемъ или, разведясь съ нимъ, выйти за Гольца—она въ полномъ правѣ достигать счастья всѣми способами.

— Но не подлостью! Не такимъ предательскимъ подвохомъ! Подсылать сикофанта, который вымогаетъ: или будь его любовницей, или держи ухо востро!

Въ Лыжинѣ, начавшемъ съ шутки, разросталось желаніе поддѣть Кострицына, показать ему—какъ жизнь сверху внизъ пере-

ворачиваетъ голыя выкладки разсудка или расходившагося протеста.

— Подлость?—иронически повторилъ онъ.—Нѣтъ, ужъ ты бы объ этомъ помолчалъ, Иванъ Кузьмичъ! А твои герои — Цезарь Борджіа и Иванъ Грозный? Они,—ты скажешь,—только благородно боролись со своими врагами? Ты обмолвился... Сократъ. Ха, ха!

Кострицынъ, блѣдный, съ взъерошенными волосами, подбѣжалъ къ дивану.

— Но развѣ ихъ можно поставить на одну доску?

— Кого? Борджіа и Грознаго?

— Нѣтъ, этихъ двухъ женщинъ? Въ одной вмѣсто души одинъ инстинктъ татуировки, какъ у какой-нибудь фиджійки... А въ Олимпіадѣ Дмитріевнѣ...

— Что-жъ въ ней-то?—спокойно спросилъ Лыжинъ.—Добрая барынька, но—между нами—безъ царя въ головѣ. Пѣвицей она не будетъ.

— Ей на сцену надо, въ драму! Въ ней всѣ данныя.

— Иванъ Кузьмичъ! Достопочтенный другъ мой! Да васъ никакъ захлеснулъ нѣкоторый божокъ съ колчаномъ? Вы бы такъ и сказали.

— Грѣхъ, братъ, брызгать струей сарказма! Грѣхъ! — еще горячѣе заговорилъ Кострицынъ, и, опустивши одно колѣно, онъ сталъ трясти Лыжина и повторять: — Для меня, во имя нашей дружбы, выручи! Рабомъ твоимъ буду, въ кабалу пойду!

— Стало, теоріи по боку?

— Оставь теоріи! Тутъ борьба—и мы, становясь на сторону прекрасной женской личности, — только помогаемъ ея расцвѣту. Пускай предательницу покараетъ ея сожитель—Захаръ Лукьяновичъ! Ей одного довольно! Да шутъ съ ними! Съ ихъ степенствами! Голубчикъ, Юрій Петровичъ! Выручай!

Кострицынъ началъ его цѣловать и прослезился.

XIV.

Послѣ пряного обѣда и кофе, князь Иларіонъ, уйдя въ глубокое кресло, сидѣлъ съ полузакрытыми глазами въ углу второй гостиной дома Кумачевыхъ.

Вдали отъ него, за столикомъ, допивая свои ликеры, развалились на диванѣ и въ двухъ низкихъ кресельцахъ похожій на Донъ-Карлоса Орѣховъ и двое молодыхъ людей: одинъ въ студенческомъ сюртукѣ съ бѣлой подкладкой, другой—въ смокингѣ.

Между ними сквозило сходство — оба были несомнѣнно купеческой породы; только студентъ ниже ростомъ и толще въ корпусѣ; штатскій посолиднѣе и волосы у него уже рѣдѣли на лбу.

Князь не дремалъ. Онъ думалъ на цѣлый рядъ непріятныхъ для него тэмъ. Въ ушахъ его, оставшихся очень чуткими, гудѣлъ разговоръ у столика.

Надо ему убираться во-свояси!

За послѣднія двѣ недѣли онъ чувствовалъ себя безъ всякой душевной „амплитуды". Не легко было встрѣтить вездѣ — и у молодыхъ людей, въ родѣ Кострицына и его пріятелей студентовъ, и у младшаго сверстника—Цыбашева—такое отрицательное отношеніе къ тому, что онъ унесетъ въ могилу, какъ высшую мудрость.

И, рядомъ съ этимъ, здѣсь, въ домѣ родной племянницы — онъ очутился въ роли, которая кажется ему если не „подлой", то довольно-таки двойственной.

А между тѣмъ никакой двойственности онъ себѣ не позволилъ, съ той минуты, когда увидалъ, какъ Нина обняла, въ дверяхъ гостиной, барона Гольца. Онъ уѣхалъ, на цѣлыхъ три дня, не желая вмѣшиваться — не по уклончивости, а въ силу всѣхъ своихъ правилъ и нравственныхъ навыковъ.

Если это страсть—хоть онъ и абсолютно противъ развода,— навязывать онъ ничего не можетъ. Пользоваться авторитетомъ старшаго родного — тоже не въ его правилахъ. Во всю свою жизнь онъ признавалъ и освящалъ „абсолютную свободу духа".

Онъ ждалъ, что все это можетъ разрѣшиться по закону антиноміи: тезисъ, антитезисъ, синтезисъ. И противорѣчіе будетъ „снято". Можетъ быть, оно и теперь идетъ такъ между супругами.

Мужъ Нины обратился къ нему умно и съ достоинствомъ, не жаловался на невѣрную жену, а сказалъ, — приглашая его быть свидѣтелемъ дуэли, — что поручаетъ ему племянницу, на случай своей смерти. Всякое насиліе, кровь, война или дуэль — еще признаки варварской культуры; но принципіально нельзя ихъ отрицать, когда они проявляютъ собою, хоть и въ дисгармонической формѣ, подъемъ самыхъ благородныхъ свойствъ возмущенной души... Мужъ защищаетъ честь свою, своей подруги, своего очага, имени дѣтей своихъ.

Онъ надѣялся, что тотчасъ послѣ дуэли Нина сама чистосердечно во всемъ повинится мужу. Что-то непохоже на настоящее примиреніе. Снаружи все прилично; но „огонь супружескаго очага" готовъ померкнуть. Оба выдерживаютъ характеръ. И поведеніе мужа гораздо достойнѣе — для него самого, по крайней мѣрѣ.

Мужъ,—видимо,—хочетъ довести ее до того, что она почувствуетъ его характеръ и права.

Служить между ними посредникомъ онъ можетъ тогда только, если кто-нибудь изъ нихъ обратится къ нему. Разъ душа Нины до сихъ поръ „омрачена“ чувственнымъ влеченіемъ къ другому мужчинѣ—зачѣмъ помогать чисто внѣшнему сближенію, до тѣхъ поръ, пока правда супружескаго союза—во „временномъ омраченіи“?

Однако продолжать жить у нихъ некрасиво. Онъ сегодня, за обѣдомъ, самъ себѣ сталъ гадокъ.

Кумачевъ держится теперь какъ истый купецъ, показывающій своей „супружницѣ“, что она для него больше не царица, какой еще недавно была. И въ гостиной, и въ столовой, и у себя въ кабинетѣ онъ—полный хозяинъ. Сегодня на обѣдъ пригласилъ онъ, кромѣ Эсаулова — да и тотъ съ нимъ любезнѣе, чѣмъ съ Ниной—своихъ двухъ кузинъ съ ихъ сыновьями. Обѣ всѣмъ извѣстны по Москвѣ своей широкой жизнью. Одни ихъ имена и отчества—чего стоятъ въ фешенебельномъ салонѣ Нины: Меланья и Соломонида Давыдовны. Игрокъ Спѣшановъ засѣлъ съ Захаромъ Лукьяновичемъ внизу въ тысячный „безикъ“, тотчасъ послѣ обѣда. Теперь Нина у себя должна занимать обѣихъ купчихъ. Какъ она ни виновата—онъ не былъ увѣренъ, отдалась ли она барону — все-таки ея положеніе дѣлается унизительно: точно ее въ домѣ только терпятъ.

Она вѣдь дочь его покойнаго брата, и онъ обязанъ ее направить, освѣтить ей то „распутье“, на которомъ она очутилась.

Князю дѣлалось все жутче.

Чтобы уйти немного отъ своихъ мыслей, онъ сталъ прислушиваться къ разговору.

Толстенькій краснощекій студентъ былъ сынъ Меланьи Давыдовны Бизяевой; штатскій—сынъ ея сестры, Соломониды Давыдовны Пересоловой. По пуговицамъ студента князь, сидѣвшій съ нимъ рядомъ за обѣдомъ, узналъ въ немъ мѣстнаго лицеиста. Судя по разговору, и его родственникъ вышелъ изъ того же заведенія.

Орѣховъ—при полномъ безденежьѣ—не пошелъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ непремѣнно бы увлекся игрой; а на мѣлокъ играть стыдился. Онъ оживленно разговаривалъ съ молодыми людьми.

До слуха князя, все еще сидѣвшаго въ своемъ углу, съ полузакрытыми глазами,—стали доходить обрывки фразъ и восклицанія. Всѣ трое собесѣдниковъ были любители спорта.

Жирный и раскатистый голосъ студента Бизяева преобладалъ.

— Нѣтъ, братъ,—возражалъ онъ Пересолову.—Только и можно положиться, что на Воронкова. Это—настоящій тренёръ.

— Какъ сказать!—скептически откликнулся Орѣховъ.

— Вы переберите только лошадей. Первымъ дѣломъ: Кряжъ — Быстрый... Или опять Услада, Фарсёръ, Работа, Бережливая, Первыня...

„Господи! — вдругъ воскликнулъ про себя князь:—неужели это студентъ? Да еще, быть можетъ, словесникъ, который обязанъ знать—когда надъ горизонтомъ мышленія взошла звѣзда великаго берлинскаго учителя, разрѣшившаго задачу бытія".

— Первыня твоя,—перебилъ Пересоловъ,—точно, хорошо принимаетъ: только на послѣдней четвертушкѣ всегда у ней пренепріятный перехватъ. А помнишь, послѣ Крещенья она шла совсѣмъ тупо, съ плохимъ сбоемъ и на одну возжу залегла.

— Никогда не залегла!—задорно и звукомъ настоящаго заводчика крикнулъ студентъ.—Никогда не залегла! Она вѣрнѣе ходомъ твоего прославленнаго Укёра.

— Укоръ—лошадь съ пространнымъ ходомъ,—мягко замѣтилъ Орѣховъ и щелкнулъ языкомъ.—Да и чистота кровей какая!

„Чистота кровей"—повторилъ князь, раскрылъ глаза и повернулся въ ихъ сторону.

— Да, вопросъ сочетанія кровей—это цѣлая теорія,—выговорилъ важно Пересоловъ. Возьми ты хоть Башкиренка.

— Ну и что-жъ?—наскочилъ на него студентъ.

— Какъ что? Высокій поставъ! Правда, длина рычаговъ нѣсколько мала. Но какая грандіозная линія верха!

Разомъ всѣ трое заспорили.

И чувствовалось, что для нихъ это только и есть настоящая жизнь. Самыя имена лошадей произносились ими любовно, особенно женскія: Лада, Молнія, Работа, Зарѣза, Наина...

Студентъ—въ жару спора—отрѣзалъ своему кузену:

— Да что ты, Кузя, толкуешь! Я самъ на ней проигралъ до трехъ тысячъ... А ты—со своими глупостями. Я тебѣ говорю: плохой сбой, никуда негодный.

И, обращаясь къ Орѣхову, онъ продолжалъ:

— Развѣ вы не помните?.. Мы еще съ вами стояли у барьера. Я вамъ говорю: „смотрите, она разодолжитъ всѣхъ, кто за нее держалъ; лошадь разлаживается". Ходъ тупой, тупой, тупой!—вскрикнулъ онъ и повернулся на каблукѣ.

— Ну, нѣтъ! Можетъ, тамъ, въ перебѣжкѣ и въ перехватѣ—я не спорю. Случается, залегаетъ на одну возжу. Но какой поставъ! Какой поставъ! Верхняя линія—просто влюбиться можно.

Смутно изъ того времени, когда и ему достался конскій заводъ, припоминалъ князь охотничьи термины. Нѣкоторые совсѣмъ забылъ.

Въ ухо ему, то-и-дѣло, врывались слова и возгласы: „заѣздъ", „перебѣжка", „удружилъ", „какъ оконченный: былъ оставленъ", „проминка".

Онъ вспомнилъ недавній вечеръ съ диспутомъ, на Садовой. Тамъ были тоже студенты. Тѣмъ онъ изливалъ свою душу, хотя, быть можетъ, и всуе...

Споръ вдругъ сразу пресѣкся; точно они предавались спорту только до извѣстной минуты.

Говорили уже о какой-то „грандіозной" свадьбѣ. Князь понялъ, что вѣнчался студентъ, товарищъ Бизяева.

— По скольку шаферовъ?—спросилъ Орѣховъ.

— По шести штукъ съ каждой стороны.

— А цвѣтовъ на сколько?

— Тысячи на двѣ.

— Ну, и самъ Прокустовъ провозгласилъ многолѣтіе.

— Чтò ему за это отвалили?

— Три радужныя! Я думалъ,—воскликнулъ студентъ:—или утроба его лопнетъ, или университетская церковь рухнетъ.

Всѣ громко разсмѣялись.

Черезъ пять минутъ разговоръ перешелъ на университетъ. У обоихъ—и у студента, и у его родственника, вышедшаго изъ одного заведенія,—сейчасъ же зазвучала какая-то особенная нота, когда они заговорили о своихъ товарищахъ „простецахъ", не учившихся тамъ, гдѣ они имѣютъ счастье учиться или окончили курсъ.

Бизяевъ былъ словесникъ и сталъ прохаживаться въ шутливо-злобномъ тонѣ насчетъ нѣкоторыхъ профессоровъ.

— И ты на „семинаріи" ходишь, Митя?—спросилъ его Пересоловъ.

— Рефератъ, братъ, намедни соорудилъ. Знаешь, меня взорвало! Тѣ, лохмàтые, важничаютъ! Точно будто мы тоже не умѣемъ вычитать, чтò нужно, въ первоисточникахъ? Вотъ я и предложилъ господину либеральному защитнику прогресса тэмку насчетъ связи между процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ и сильнымъ кулакомъ. Эпоху Перикла взялъ. И эпиграфъ выбралъ изъ Платона. Помнишь?—спросилъ онъ звукомъ бывалаго гимназиста:—мы еще зубрили въ синтаксисѣ изреченіе: *Тòнъ какòнъ аэй дэй колядзейнъ гйна амэйнонъ?*

— Ловко!—взвизгнулъ Кузя Пересоловъ.

— Что же эта тарабарщина значитъ?—смѣшливо окликнулъ Орѣховъ.

— „Нужна всегда лупка для исправленія гнуснеца!“—перевелъ, по своему, студентъ.

Опять всѣ закатились смѣхомъ.

„Периклъ... Платонъ...—смущенно повторялъ про себя князь.—Платонъ — великій предшественникъ моего учителя! Жеребецъ Ферсёръ! Кобыла Лада! Вопросъ сочетанія лошадиныхъ кровей!“

XV.

Насилу поднялись объ купчихи—кузины Захара Лукьяновича.

Бизяева—еще очень моложавая, маленькаго роста брюнетка, съ измятымъ румянымъ лицомъ и блестящими глазами—за обѣдомъ пила много и громко, шепеляво говорила, точно она дѣйствительно „у своихъ“. Туалетъ на ней сидѣлъ ловко, очень богатый, много бриллiантовъ. Это кольнуло Нину, въ первый разъ, еще за обѣдомъ.

Сестра ея — Соломонида Давыдовна Пересолова — постарше лѣтами, худая, вся въ кружевахъ свѣтлаго платья, носила лорнетъ на дворянскій ладъ. Она считалась страстной вагнеристкой.

Нина проводила ихъ до дверей гостиной.

— Митя! Митя!—окликнула Бизяева сына студента.—Пора, пора! Засиживаться не полагается.

Говоръ у нея былъ совсѣмъ „рядскій“. Она точно сыпала горохъ низкимъ, бабьимъ голосомъ, отъ котораго Нину все время поводило, и за обѣдомъ, и у себя.

— Все у братцевъ споры, — чопорно замѣтила Пересолова, отличавшаяся тонкостью обращенія.—Навѣрно о лошадяхъ. Мой Кузя считаетъ себя знатокомъ, а ничего-то не понимаетъ.

Кузены были уже одни — Орѣховъ не утерпѣлъ, спустился поглядѣть игру, и опять тѣ заспорили о „кровяхъ“ какого-то „Батыя“.

— Маменька — обратился дурачливо Кузя къ Нинѣ — все изъ меня вагнериста желаютъ соорудить, а для меня это горше, чѣмъ отбывать воинскую повинность.

Нина стояла захолодѣлая, усталая, съ поблекшими глазами, и на ея лицѣ было написано: „Господи! Когда всѣ эти уроды уберутся?“

Они убрались, наконецъ, и въ ея кабинетѣ остался одинъ

Эсауловъ. Дяди она не замѣтила въ темноватомъ углу второй гостиной, когда провожала своихъ „кузинъ“.

Ее душило отъ всего этого разночинскаго родства, отъ разговоровъ, смѣха, тона, отъ сознанія своей жалкой, унизительной роли. Захаръ Лукьяновичъ продолжалъ вести свою „линію“ и держать себя какъ хозяинъ дома, не желающій нимало стѣсняться тѣмъ, что его супруга—„рожденная“ княжна Жеребьева-Зарайская.

Эсауловъ сталъ съ ней прощаться

— Вы, кажется, совсѣмъ разомлѣли отъ всего этого... монда,— выговорилъ онъ брезгливо, и его некрасивые глаза точно договорили остальное: „ты, молъ, милая, попрыгаешь, попрыгаешь, да и возьмешься за умъ—меня выберешь въ постоянные друзья; я тебя не впутаю въ скандальную исторію“.

— Vous savez,—вскричала она и зло на него поглядѣла:— vous êtes infecte... ma parole d'honneur!

Онъ пожалъ плечами и проговорилъ, отвѣшивая преувеличенный поклонъ на французскій манеръ:

— Madame a ses nerfs!

Нина готова была броситься на расшитыя подушки дивана съ балдахиномъ и разрыдаться.

Такъ дальше идти нельзя! Лучше сбѣжать внизъ, забрать дѣтей и увезти ихъ туда, въ „Дрезденъ“, гдѣ живетъ ея „цáца“ —этотъ глупый и деревянный баронъ—и потребовать отъ него— нужды нѣтъ, что онъ боленъ—высказаться такъ или иначе.

И тотчасъ же все безуміе такого поступка представилось ей.

Идти на новый срамъ?! Видно, мало того, что она пережила около его кровати? Довольно и того, что та актриса на всю Москву чернитъ ее. Ну, ее вышлютъ изъ города—генералъ Кишкетовъ взялся за это дѣло,—но что она выиграетъ?

Не сидѣлось ей. Она пошла разбитой походкой, съ опущенной головой.

Во второй гостиной кто-то громко дышалъ. Она разглядѣла князя; онъ задремалъ, вытянувъ по ковру огромныя ноги. Голова его покоилась на низкой спинкѣ обширнаго кресла.

Злость ее разобрала на эту „старую лису“. Гоститъ у нея и, зная, каково ей теперь, поддѣлывается къ „купчишкамъ“. Былъ секундантомъ у мужа и теперь играетъ роль наемнаго генерала на купеческихъ свадьбахъ. Захаръ Лукьяновичъ всѣмъ показываетъ: „вотъ-де, родной дядя моей провинившейся жёнушки мою руку держитъ и ко мнѣ—съ полнымъ уваженіемъ.

Нина подошла къ креслу и окликнула строго:

— Mon oncle!

— Что, что такое?—пробормоталъ онъ съ просонья.

— Vous faites un somme?

— Pardon, ma chère.

Князю было непріятно, что его застали спящимъ: признаковъ дряхлости онъ не хотѣлъ показывать никогда и нигдѣ.

Нина присѣла къ нему.

— Послушайте, дядя,—заговорила она по-русски, что у ней выходило въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе прибѣгаютъ къ иностранному языку:—такъ дальше это идти не можетъ.

— Что такое, мой другъ?

— Неужели вы считаете меня идіоткой? Вамъ все извѣстно, и вы держитесь въ сторонѣ, точно будто меня тутъ нѣтъ... меня, вашей племянницы. Вы—человѣкъ съ такими высокими идеями и чувствами!..

— Ты о чемъ?—спросилъ князь и выпрямился. — О томъ, что вышло?

Онъ затруднился продолжать.

— Какъ будто вы не знаете... когда я убѣждена, что вы были его секундантомъ.

Нина кивнула головой по направленію двери на площадку.

— Былъ,—густымъ басомъ пустилъ князь.

— А я вамъ чужая?

— Нѣтъ, мой другъ! Но я не могу и вмѣшиваться. Ты должна это понять.

— Вы могли,—заговорила стремительно Нина и приблизила къ нему свой стулъ,—вы могли предупредить эту глупую дуэль. Вы, какъ князь Жеребьевъ, мой дядя, должны были просто пугнуть Захара Лукьяновича, потребовать у него доказательствъ, что онъ имѣетъ поводъ защищать свою честь... ха, ха! И онъ бы потерпѣлъ фіаско. Потому что ничего нѣтъ, слышите вы, ничего нѣтъ!

Князь медленно повелъ глазами, глядя на нее вбокъ.

— Ничего нѣтъ?—повторилъ онъ и тряхнулъ слегка своей серебристой гривой.

— Puis que je vous le dis!—крикнула Нина.

— Есть, мой другъ, такая заповѣдь: „не свидѣтельствуй ложно“.

И, наклонившись къ ней ниже, онъ выговорилъ вполголоса:

— Ce que j'ai vu de mes progres yeux, ce n'était pas un mirage, je pense?

Головой онъ указалъ на дверь—и Нина безъ словъ поняла, что онъ видѣлъ, какъ она прильнула къ груди Гольца.

— Par conséquent!—тихо вымолвилъ князь и правой рукой выразительно провелъ по воздуху.

Но она не смутилась.

— C'était un simple flirt...

— Какъ ты сказала? Flirt? Да, вы теперь такъ зовете любовь въ-сухую, по-американски?.. Милая моя!.. Въ нашихъ мѣстахъ дѣвки до замужства живутъ на волѣ... На посидѣлки ходятъ съ парнями... И нравы у нихъ весьма свободные. Народъ смотритъ на это по своему. Случится, что дѣвица и понесетъ плодъ. На нее это не ложится пятномъ. Берутъ и съ приплодомъ.

„Quel viel idiot!"—выбранилась Нина про себя.

— Я это къ тому говорю тебѣ, Нина, что въ дѣвицахъ законно пользоваться свободой выбора. Извини меня... Вышла ты замужъ уже подлѣточкомъ, по доброй волѣ. Мужъ твой—молодецъ, натура цѣльная. Въ дворянскомъ быту немного найдешь такихъ. И я радовался. Нужды нѣтъ, что я—Жеребьевъ-Зарайскій. Я вѣрилъ тому, что ты своей породой, красотой, образованіемъ и женскимъ изяществомъ внесешь высшую идею въ такой союзъ. А вышло совсѣмъ не такъ.

— Мнѣ нужна ваша поддержка, — остановила его Нина и чуть не добавила: „а не пустыя нравоученія".

— Какъ говоритъ тебѣ твое сердце, такъ и поступай! Виновата ты серьезно—ты понимаешь какъ—или только въ видѣ флёрта—по твоей модной номенклатурѣ—исходъ одинъ: полная искренность. Неужели это такъ трудно? Чего же ты ждешь? Развѣ твой мужъ долженъ просить у тебя прощенія?

— А то нѣтъ?—живо спросила Нина и поднялась со стула. —И такая азіатская хитрость! Все подъ шумокъ! Осрамить жену на весь городъ!

— Погоди, милая!—князь поднялъ тонъ.—Никто насъ не можетъ осрамить, если мы сами вѣрны тому, что для насъ свѣтъ и правда, въ чемъ идея нашего бытія.—Онъ сдѣлалъ жестъ указательнымъ пальцемъ.—Но въ томъ-то и видно духовное вырожденіе нашего сословія — въ этомъ всеобщемъ паденіи всякаго основоначала. Печально и больно видѣть, что и нашъ родъ—вмѣсто выполненія своей, завѣщанной Богомъ, задачи: вести народъ къ просвѣтленію ума и воли—все глубже и глубже погружается въ тину себялюбивой косности.

— Довольно, дядя! — не вытерпѣла Нина. — Я не того отъ васъ жду.

— Чего же тебѣ угодно? Хочешь ты, чтобы я предстательствовалъ за тебя передъ твоимъ мужемъ?

— Онъ мнѣ ни слова до сихъ поръ не говоритъ. Изводитъ своимъ молчаніемъ.

— Тѣмъ паче! Да и то, другъ мой, не по уклончивости старика я бы не взялъ на себя роли примирителя. Женщина сама должна все просвѣтлять силою своей любви и духовнаго благообразія. Желаю, чтобы и то, и другое въ тебѣ проявилось... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я вижу, что зажился у васъ. Мнѣ пора домой. Можетъ быть, мы съ тобой въ послѣдній разъ видимся, такъ утѣшь меня передъ отъѣздомъ.

Князь протянулъ къ ней руки. Нина не бросилась къ нему на шею. Она отошла къ одному изъ диванovъ и сѣла въ напряженной позѣ.

„Красота — сіяющее добро!“ — повторялъ князь, сходя съ лѣстницы и съ горечью думая, какъ въ его племянницѣ и то, и другое враждуютъ между собою. Онъ считалъ, вмѣстѣ со многими, слова эти за подлинное изреченіе Платона, и еще болѣе огорчился бы, еслибы узналъ, что великій идеалистъ врядъ ли когда произносилъ ихъ.

XVI.

Вечеромъ того же дня, когда Лыжинъ былъ вызванъ къ Кострицыну, часу въ седьмомъ онъ доѣхалъ до Цвѣтного бульвара и повернулъ въ переулокъ, шедшій въ гору.

Онъ всматривался внимательно въ деревянные домики по лѣвую руку. Вотъ и садикъ, и домъ, и антресоль въ шесть оконъ по фасаду, съ крутой, старинной крышей.

Снѣгъ высоко залегъ передъ воротами. Видно было, что давнымъ-давно никто не въѣзжалъ во дворъ. Къ калиткѣ протянулась чуть замѣтная тропа.

Переступивъ черезъ досчатую перекладину калитки, Лыжинъ поднялся на крылечко—все въ снѣгу. Изъ оконъ передней виднѣлся свѣтъ.

Онъ позвонилъ и довольно долго ждалъ.

Отворила горничная и въ темнотѣ узенькихъ сѣней Лыжинъ не могъ ее разглядѣть.

— Наталья Николаевна у себя?

Горничная не сразу отвѣтила.

— Мнѣ очень нужно,—выговорилъ Лыжинъ, запахиваясь въ ергакъ: онъ его опять надѣлъ, отправляясь въ „экспедицію“.

— Сію минуту... Какъ о васъ доложить?

— Лыжинъ, Юрій Петровичъ.

Горничная побѣжала, оставивъ дверь незапертой. На дворѣ стоялъ порядочный морозъ, и Лыжинъ защищалъ лицо воротникомъ ергака.

Больше двухъ лѣтъ не бывалъ онъ здѣсь, у Натальи Николаевны Шатилиной. Онъ зналъ ее еще дѣвушкой. Одно время она ему нравилась, когда осталась сиротой, вотъ въ этомъ наслѣдственномъ домикѣ, съ капитальцемъ — на полной свободѣ. Только тогда она казалась ему еще слишкомъ юной. Уѣзжалъ онъ надолго изъ Москвы, и когда вернулся—нашелъ ее уже замужемъ и матерью двухъ дѣтей. Мужъ оказался изъ кавалерійскихъ офицеровъ, бросившихъ службу — красивый, щеголеватый. Тогда она еще увлекалась его глазами и пріятнымъ характеромъ. Онъ пустился въ какія-то мелкія аферы на ея деньги, много выѣзжалъ, покучивалъ, игралъ, что до нея начало уже доходить.

Въ послѣдній разъ Лыжинъ нашелъ Шатилину одну. Мужъ уѣхалъ на нижегородскую ярмарку, будто бы какъ агентъ какой-то фирмы. Въ ея тонѣ уже сквозило приближеніе той минуты, когда она проснется—увидитъ, съ кѣмъ она связала свою судьбу. Домъ былъ заложенъ, капиталъ на половину ушелъ на платежи его старыхъ холостыхъ долговъ. Лыжину стало ее до боли жаль; но онъ воздержался отъ роли утѣшителя. И опять упустилъ ее изъ виду.

— Пожалуйте!—пропѣла горничная, явившаяся уже со свѣчей въ рукѣ.

Пришлось сильно обивать свои боты, войдя въ тѣсную переднюю, гдѣ все было по старому, только вѣшалка стояла пустая.

— Наталья Николаевна сейчасъ придутъ... Въ гостиную пожалуйте.

И горничная торопливо и неумѣло начала зажигать лампу.

Лыжинъ сейчасъ же почувствовалъ, что въ комнатахъ холодно. Отдѣлка гостиной когда-то была хороша: мебель, много растеній; стоялъ рояль, этажерка съ вещицами. Теперь одинъ уголъ напоминалъ прежнее время, да и въ немъ матерія на диванѣ и креслахъ выгорѣла. Рояль исчезъ, также и растенія. Ковра тоже не было. Все смотрѣло точно наканунѣ переѣзда.

— Юрій Петровичъ? Вы ли это?

Они пожимали другъ другу руки по срединѣ комнаты.

Лыжинъ оглядывалъ ее, улыбаясь.

Все то же милое лицо съ голубыми глазами, правда, уже не

съ такой прозрачной кожей и нѣжнымъ румянцемъ, прядь каштановыхъ волосъ, не поддающаяся щеткѣ, брови нервно приподнимаются, какъ и прежде, тонкій носъ, родимое пятнышко около лѣваго уха и бѣлая шея съ округленнымъ подбородкомъ.

Въ бюстѣ она пополнѣла. На ней была накинута вязаная темная косынка. Ни прическа, ни туалетъ, не показывали прежнихъ привычекъ, когда она жила барыней.

— Позвольте васъ оглядѣть,—сказалъ Лыжинъ, не выпуская ея руки.

— Что на меня смотрѣть!.. Я уже старуха!

— Присядемъ къ лампѣ; я тогда и скажу, правда ли это.

— Нѣтъ, здѣсь ужасная стужа. Пойдемте въ столовую — я васъ и чаемъ угощу. Пройдемте передней. Тѣ комнаты, — она указала на дверь,—стоятъ пустыя, и я ихъ не топлю. Сплю наверху, съ дѣтьми.

Все это она сказала ему, точно онъ уже знаетъ, какъ она теперь живетъ.

Спросить о мужѣ онъ затруднился, что-то подозрѣвая.

Въ столовой—небольшой четырехугольной комнатѣ съ буфетомъ—висячая лампа давала сильный свѣтъ.

— Вотъ сюда, Юрій Петровичъ! Груша, давай поскорѣе самоваръ!

— Забылъ я васъ, это точно, Наталья Николаевна, — началъ Лыжинъ.—Но видите, вспомнилъ—и когда? Когда къ вамъ пришлось обратиться, къ вашей хорошей душѣ.

Въ глазахъ ея промелькнула тревога.

— Помочь, кому?.. — спросила она. — Только не деньгами, голубчикъ... не деньгами. Я вѣдь теперь...

И она добавила жестомъ.

— Да вы, я вижу,—продолжала Шатилина, заваривая чай: —ничего не знаете обо мнѣ?

— Каюсь. Ничего!—кротко и полу-шутливо вымолвилъ Лыжинъ.

— Вѣдь я вотъ уже годъ какъ соломенная вдова.

— Какъ такъ?

Знакомымъ Лыжину движеніемъ одна ея бровь поднялась и губы сложились въ двойственную усмѣшку.

— Такъ! Мой мужъ уѣхалъ... искать счастья. Куда — я не знаю. Кажется, въ Среднюю Азію. Онъ уже больше полугода ничего не пишетъ.

Черезъ десять минутъ Лыжинъ зналъ повѣсть ея супружества. Она говорила безъ раздраженія, въ грустномъ тонѣ. Ей было со-

вѣстно, до сихъ поръ, за человѣка, увлекшаго ее—такую умную, чуткую, хорошо учившуюся, начитанную, съ прекрасными задатками.

Безпутство мужа сразу обнажилось передъ нею: долги, любовницы, исторіи въ клубахъ и съ разными темными личностями. Домъ пришлось перезаложить, изъ капитала все ушло на уплату по векселямъ.

— И вотъ я осталась одна съ дѣтьми, безъ копѣйки, только съ долгами. Воспитали барышней меня, хотя и съ идеями, милый Юрій Петровичъ. Туда-сюда! Какая же можетъ быть поддержка, если не искать ее въ чемъ-нибудь темномъ? Что-жъ! Я не растерялась. Стала учиться... ремеслу... да! И вотъ я хозяйка цѣлаго заведенія... Хотите, покажу? У меня восемь мастерицъ, тамъ во флигелѣ. Цѣлые дни я или надзираю, или ѣзжу по заказчикамъ работы, по магазинамъ и по поставщикамъ товара, который намъ нуженъ. Тяжело, но кусокъ хлѣба есть... Только домъ меня сокрушаетъ. Платить проценты слишкомъ тяжко. Продать его необходимо.

— А дѣти ваши? — спросилъ Лыжинъ, тронутый ея разсказомъ.

— Они тамъ—наверху. Оба больны. Боюсь — не корь ли... Ничего! Они у меня хорошія дѣти, хоть и великіе шалуны.

— И заведеніе у васъ... цѣлое?

— Вы точно не довѣряете. Хотите взглянуть? Вамъ будетъ забавно.

— Почему же забавно? Вы—молодецъ!

— Знаете, Лыжинъ, мнѣ казалось всегда, что я — великая демократка. А какъ стала я возиться съ рабочимъ людомъ — со всѣми этими Ѳенями и Парашами—и убѣдилась, что мы ихъ, въ сущности, за людей не считаемъ, даже и самые либеральные изъ насъ. Такъ хотите пойти?

— Пойдемте!

— Накиньте шубу!.. Мы можемъ пройти черезъ парадное крыльцо.

Ночь стояла звѣздная и морозный вѣтеръ ударилъ въ лицо Лыжина. Наталья Николаевна выбѣжала первая на крыльцо, какъ была, даже не накинувъ на себя платка.

— Голубушка! Какъ же вы это? — почти испуганно вскричалъ Лыжинъ, остановивъ ее за руки.

— А что? Я такъ по десяти разъ на дню бѣгаю.

— Даже безъ калошъ?

— Какія тутъ калоши!

Въ тѣсномъ флигелѣ, въ трехъ комнатахъ помѣщалась мастерская.

Спертый воздухъ обдалъ Лыжина, когда онъ, нагибаясь, вошелъ въ первую комнату. Тутъ же стояли и кровати работницъ. Двѣ дѣвочки-подростки, въ свѣтѣ дешевой висячей лампы, сидѣли за работой, у стола. Въ средней комнатѣ—побольше—еще пять-шесть дѣвушекъ, производя на своихъ машинахъ несмолкаемый шумъ.

Лыжинъ остановился у дверей, немного смущенный.

— Вотъ,—обратилась Шатилина къ дѣвушкамъ,—на работу вашу хотятъ взглянуть.

Всѣ были молодыя; одна только съ поблекшимъ лицомъ и красными глазами — уже подъ сорокъ лѣтъ. Ситцевыя блузы, подержанныя кофточки, двѣ-три смѣшныхъ прически съ лохматыми головами и руки, руки съ красными и нечистоплотными пальцами—замелькали передъ нимъ. Онъ подошелъ къ одной изъ работницъ и спросилъ, сколько она штукъ фуфаекъ сработаетъ въ день.

Остальныя переглянулись между собою и смѣшливо взглядывали потомъ на него.

Наталья Николаевна въ третьей комнатѣ кому-то сдѣлала выговоръ дѣловымъ, но мягкимъ тономъ.

Когда они вернулись въ столовую, Лыжинъ присѣлъ опять къ самовару.

— Въ васъ много истиннаго мужества. Можетъ быть, и другого рода смѣлость найдется.

— Какая, голубчикъ?

Онъ ей въ двухъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Спрятать надо эту особу?

— Да!

— У меня можно бы, но ей буквально негдѣ спать; развѣ въ гостиной на диванѣ. Остальныя комнаты у меня пустыя, мебель вся продана... Постойте!.. Нашла!

Она возбужденно прошлась по столовой.

— Нашли?

— Къ моей пріятельницѣ — женщинѣ-врачу. Туда... въ тѣ края, гдѣ Дѣвичье Поле. Она найдетъ и сдѣлаетъ. Особенно—у такого генерала вырвать изъ когтей!.. Спасибо, Юрій Петровичъ, что вспомнили обо мнѣ.

Лыжинъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку.

XVII.

Молодой смѣхъ раздавался по аллеѣ, среди полной вечерней тишины. Блѣдный матовый свѣтъ изъ-за облака лежалъ на нетронутой пеленѣ снѣга, вправо и влѣво отъ дороги.

Это было въ окрестностяхъ Дѣвичьяго Поля, за Зубовскимъ бульваромъ.

На облучкѣ сидѣлъ, спиной къ лошади, студентъ Шипилинъ, молодецки заломивъ старую фуражку назадъ, и еле держался на отвѣсѣ.

Въ саняхъ жались одна къ другой Божеярина и Мухина, въ башлыкахъ и шапочкахъ.

Разговоръ у нихъ шелъ со взрывами смѣха. Всѣмъ троимъ было „нестерпимо" весело. Они вчера перевозили въ эти края Липу, ночью, на четырехъ парныхъ извозчикахъ, взятыхъ у Нѣмецкаго Клуба.

Она выписалась—въ своей „меблировкѣ"—въ отъѣздъ, по курской дорогѣ, и теперь она въ безопасномъ мѣстѣ — у женщины-врача, по фамиліи Грунтъ, пріятельницы Натальи Николаевны Шатилиной. Лыжинъ, Кострицынъ и Воденягинъ составляли охрану; Шипилинъ ѣхалъ впереди съ Божеяриной.

Сегодня у нихъ тамъ вечеринка. Все свой народъ. Кажется, и Шатилина будетъ; они всѣ разомъ очень ее полюбили.

Грунтъ занимала нижній этажъ особняка, совсѣмъ на пустырѣ. Наверху—ясли, устроенныя по ея же мысли. Наверху Липа и будетъ, въ особой комнатѣ, спать, послѣ того какъ дѣтей всѣхъ заберутъ, подъ вечеръ.

Дѣвочки везли на новоселье пирогъ отъ Филиппова и держали обѣ круглую картонку въ салфеткѣ. И вчера, и сегодня ихъ и студента подмывало особое чувство чего-то тайнаго и немножко опаснаго—для себя и для того, кого они „спасали". Ихъ всѣхъ одинаково возмущала и „гнусность" генерала. Божеярина, какъ болѣе смѣлая, строгая, уже нѣсколько разъ повторила вчера и сегодня:

— Ну, достался бы мнѣ такой генералъ,—я бы ему показала!

Онѣ знали, что Шипилинъ—бывалый, испытанный человѣкъ.

Мухина наивно разспрашивала его—когда они очутились въ „пустынныхъ" мѣстахъ—про его сидѣнье въ Бутыркахъ.

— Лихіе дни были,—говорилъ студентъ.

— Хоть еще посидѣть?—полу-насмѣшливо подсказала Божеярина.

— Пожалуй! Хоть въ ту же пору!

Обѣимъ онъ все сильнѣе нравился. У Кати—влюбчивой и наивной—всегда былъ романъ съ какимъ-нибудь товарищемъ ученикомъ, даже по два разомъ—одинъ „восходящій", другой „нисходящій". Леля держала себя строго съ мужчинами и считала себя выше ихъ, по уму и таланту. Такимъ студентомъ можетъ увлечься и она, но не раньше, чѣмъ будетъ на сценѣ и составитъ себѣ имя. Тогда и онъ кончитъ курсъ. Кандидату нечего важничать передъ настоящей артисткой съ репутаціей. А пока она къ нему благоволила съ оттѣнкомъ шутки, способна была пройтись слегка и насчетъ его умѣнья выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ.

Но сегодня они составляли дружескій союзъ, охваченные симпатіей къ Олимпіадѣ Дмитріевнѣ.

— Стойте!—крикнула Катя Мухина.—Мы никакъ проѣхали переулокъ.

Шипилинъ бойко оглянулся.

— Нѣтъ! Такъ! Такъ! Второй поворотъ вправо и третій домъ! —приказалъ онъ извозчику.

Онъ нарочно остановилъ за два дома до того особняка, гдѣ „хоронили" Липу. Во всѣхъ этихъ пріемахъ видно было бывалаго вожака, охотника до всего тайнаго и запретнаго.

Катя понесла картонъ въ салфеткѣ; Леля шла позади.

Проникнули они на крылечко гуськомъ. Дверь стояла отпертой. Они уже знали, что дверь направо ведетъ въ квартиру женщины-врача.

Отворила имъ очень опрятная, молодая горничная, одѣтая сидѣлкой.

Въ столовой—просторной комнатѣ, съ окнами на дворъ—было уже нѣсколько человѣкъ.

Липа разливала чай, за хозяйку — не старую еще даму, въ черномъ шолковомъ платьѣ, сѣдую, съ брошкой и въ часахъ; лицо у нея было задумчиво-спокойное, съ остатками красоты. Она смотрѣла нѣмкой.

Кромѣ троихъ охранителей, ѣхавшихъ вчера въ аррьергардѣ, когда перевозили Липу—Воденягина, Кострицына и Лыжина—по срединѣ помѣщалась еще женщина лѣтъ за тридцать, некрасивая, по провинціальному одѣтая, въ коротких волосахъ, плечистая, съ огромными черными глазами и умнымъ выраженіемъ

энергическаго загорѣлаго лица. На ней небрежно сидѣла суконная кофточка. Она курила.

Пирогъ произвелъ впечатлѣніе. Катя тутъ же принялась его рѣзать.

Пріѣздъ новой компаніи прервалъ горячій разговоръ.

Студентъ и дѣвицы представились брюнеткѣ въ короткихъ волосахъ, а она широкимъ жестомъ головы привѣтствовала ихъ и сказала:

— Прошу любить да жаловать. А про васъ уже слышала. Такой молодежи бы побольше по нынѣшнему доблестному времени.

Кострицынъ обратился къ Шипилину и сказалъ:

— Вотъ судьба-то! Къ madame Грунтъ пріѣхала тоже погостить ея подруга, когда-то, по медицинскимъ курсамъ. И какъ бы вы думали—кто?

Шипилинъ пожалъ плечами.

— Не отгадаю, Иванъ Кузьмичъ.

— Не томите!—въ голосъ крикнули дѣвицы.

— Родная сестра господина Спондѣева... Римма Семеновна Петлина. И вотъ сейчасъ Римма Семеновна говорила намъ о братцѣ въ такомъ тонѣ, что и вамъ будетъ пріятно.

Леля и Катя навалились грудью на столъ и всѣ ушли въ слухъ. Липа ласкала ихъ взглядомъ; она похожа была на именинницу.

Воденягинъ приблизилъ голову къ Петлиной и спросилъ:

— И съ юности у братца были такія же наклонности?

— Всегда былъ—лѣнивъ и подловатъ!—воскликнула она.—Мнѣ тяжело такъ говорить; но я отъ него, еще съ прошлаго года, отреклась. Покойный батюшка былъ человѣкъ гуманный и терпимый. Его огорчалъ Ипполитка—я его всегда такъ звала. Вы вѣдь всѣ знаете, что это его настоящая фамилія Спондѣевъ, а не псевдонимъ. Батюшка—тогда пошла на это мода—отдалъ его не въ духовное училище, а въ гимназію. И шутя любилъ повторять: „фамилію-то нашу малограмотно пишутъ съ „ѣ"; а слѣдовало бы съ „е", отъ греческаго слова...

— Спондэ!—весело и громко подсказалъ Кострицынъ.

— Именно. Онъ, бывало, говоритъ: „дѣти, вы должны быть обязательству своему крѣпки и хвалить Творца, ибо это слово значитъ двояко: мирный договоръ и возліяніе богамъ". И вотъ такой возліятель вышелъ изъ моего братца! Не елея и вина, а вонючихъ чернилъ! Съ Олимпіадой Дмитріевной гаже уже нельзя поступить,—строго выговорила Петлина.—Но что онъ въ прошломъ году сдѣлалъ? Этому имени нѣтъ! Вы всѣ господа помните,

какъ Борисъ Петровичъ—она назвала имя извѣстнаго писателя—заболѣлъ и очутился въ большой крайности... Что бы вы думали? Братецъ мой все разузналъ, и въ первой же своей хроникѣ изволилъ въ пошлѣйшемъ тонѣ не то жалѣть, не то издѣваться надъ нимъ, его болѣзнью и бѣдностью. Я тогда въ Москву пріѣзжала. Разлетѣлся онъ ко мнѣ въ красномъ галстухѣ, съ капульчикомъ на лбу. Подношу ему нумеръ его мерзкой газетишки и спрашиваю: „Ты?“ — „Я“,—говоритъ—и нахально глядитъ въ оба. „Вонъ!—крикнула я ему.—Сейчасъ вонъ! Чтобы духу твоего не было!“ Такъ какъ бы вы думали—что онъ? Въ дверяхъ надѣлъ цилиндръ и, хихикая, говоритъ: „Тебя надо въ клинику Шарко свезти. Вѣдь это—моя профессія“. И удивительное дѣло—какъ онъ всю эту сцену не изобразилъ на другой же день!

— Такъ, такъ,—выговорилъ Воденягинъ, гладя бороду.—Совершенно этакимъ же манеромъ и мнѣ отвѣчалъ.

— Богъ съ нимъ! — откликнулась Липа.—Все это было и быльемъ поросло.

Хозяйка квартиры медленно оглядѣла все общество и спокойно вымолвила:

— Есть низости, которыя и возмущать не могутъ.

— Нѣтъ, я съ тобой не согласна! — воскликнула Петлина, быстро обернувшись къ ней.—Развѣ можно мириться съ тѣмъ, что теперь вездѣ расползается, точно масляное пятно?

Лыжинъ и Кострицынъ уже знали отъ Липы, что Петлина ушла отъ своего мужа, получившаго въ уѣздѣ мѣсто по „новымъ должностямъ“. Она не кончила на медицинскихъ курсахъ, захваченная, немного лѣтъ назадъ, эпидеміею, на которую послана была въ отрядѣ. Тѣмъ временемъ курсы закрыли, она вышла замужъ и осталась въ провинціи.

— Господа!—вдругъ вся вспыхнувъ, заговорила Петлина, и ея огромные глаза засыпали искры.—Когда мой супругъ началъ давать волю рукамъ и кричать каждый день: „пришелъ и на нашу улицу праздникъ“, я сказала себѣ: потерплю мѣсяцъ, два, полгода, и если это все такъ пойдетъ—брошу его. Дѣтей, къ счастью, нѣтъ... На старости лѣтъ пойду по чужимъ людямъ, но жить на иждивеніи такого господина—избави Боже! Въ эти полгода онъ совсѣмъ озвирѣлъ. И знаете, какой лозунгъ у такихъ господъ? Вотъ какой: „Бей на отмашь чумазаго! Выворачивай ему скулы! Конецъ паршивой гуманности! Сокрушай выю простеца!“

Она, отъ нервности, даже расхохоталась.

Лыжинъ поглядѣлъ на Кострицына. Тотъ сидѣлъ съ низко опущенной головой, и на него обращена была усмѣшка Воденягина. Молодежь вся замерла.

XVIII.

Позвонили въ сѣняхъ.

Всѣ вдругъ смолкли. Дѣвицы подняли голову. Шипилинъ отошелъ къ двери.

— Кого Богъ несетъ?—спросила Петлина, закуривая новую папиросу.

— За мной, можетъ быть?—спокойно выговорила хозяйка и поднялась.

Черезъ минуту вошла Шатилина.

Всѣ облегченно вздохнули.

— Милая!—встрѣтила ее радостно Липа и обняла.

— Потянуло васъ повидать, только-что управилась съ моими дѣвицами и работой.

— А какъ дѣти?—спросила Грунтъ.—Извините, я сегодня не могла заѣхать.

— Лучше. У Саши еще есть жарокъ; а Коля игралъ цѣлый день на коврѣ.

Шатилина сѣла около Лыжина въ уголкѣ, и ея блестящіе умные глаза ласково поглядывали на него.

Она была застѣнчива, и даже такой кружокъ немного стѣснялъ ее, въ первыя минуты. Лыжинъ это вспомнилъ и завелъ съ ней особый разговоръ, вполголоса, подъ шумъ бесѣды, которая пошла все такой же широкой и шумной волной. Петлина была неистощима въ разсказахъ о томъ, что̀ теперь дѣлается по деревнямъ, гдѣ царствуютъ такіе „на́большіе“, какъ ея супругъ.

— Смотрите, — сказала Шатилина Лыжину, указывая на столъ.—Вотъ вамъ три женщины... Грунтъ, Олимпіада Дмитріевна и я, многогрѣшная, и всѣ три—обломки одного и того же крушенія.

— И та также?—спросилъ шопотомъ Лыжинъ, указавъ головой на хозяйку квартиры.

— И она. Вы не знаете ея исторіи?

— Нѣтъ.

— Она пошла учиться медицинѣ изъ барышенъ... была дочь петербургскаго сановника. Много потратилась она на эту борьбу.

Вы видите, какая она еще красивая. А тогда — подавно... Кончила курсъ. Влюбился въ нее офицеръ. И она не устояла. Жили хорошо. Она его любила честно, искренно. Но, разумѣется, съ каждымъ годомъ разница развитія давала себя знать. Офицеръ былъ нервная натура, не глупъ, самолюбивъ. Засѣло ему въ голову, что жена должна его презирать... Взялъ, да и застрѣлился. И застрѣлился-то гдѣ? На гауптвахтѣ, когда стоялъ въ караулѣ.

— Кто же знаетъ, что именно отъ этого? — спросилъ Лыжинъ.

— Никто не знаетъ доподлинно; но она такъ объяснила. А люди добавили. Офицеры его полка устроили демонстрацію противъ нея. Какъ бы вы думали? Не хотѣли даже тѣло отвезти къ ней на квартиру, а отъ себя похоронили. На, молъ, полюбуйся! Ты довела своего мужа до самоубійства!

— Быть не можетъ!

— Такъ было, Юрій Петровичъ. Насилу уладили дѣло. Можете сами вообразить, что она въ тѣ дни и послѣ смерти пережила. Видите — лицо еще молодое, а волосы сѣдые. И посѣдѣла въ одну ночь.

Лыжинъ долго глядѣлъ на красивую, внушительную голову женщины-врача.

— Ничего! — бодрящимъ звукомъ вымолвилъ онъ и протянулъ Шатилиной руку. — Ничего, другъ мой! Жизнь свое возьметъ. И вы — я убѣжденъ въ этомъ — попадете опять на торную дорогу и будете прежней, жизнерадостной Натальей Николаевной.

— Мужъ не вернется. Да я и не желаю... ни для себя, ни для дѣтей. Такъ, бобылемъ, не проживешь.

— Полюбите... Только теперь уже выборъ будетъ другой.

— Охъ! — Шатилина махнула рукой. — Развѣ мы можемъ выбирать? У насъ вѣдь голова совсѣмъ не такая, какъ у васъ, господа, и вы всѣ обманываетесь. Никто изъ васъ не знаетъ женской натуры, никто.

Невольно взглядъ Лыжина упалъ на бѣлокурую голову Кострицына.

„И этотъ, — подумалъ онъ, — въ согласіи съ тѣмъ, что сейчасъ сказала Шатилина, и этотъ, при всей своей книжной мудрости, не знаетъ совсѣмъ женщинъ и вдается въ сладкій обманъ".

Кострицынъ, сквозь папиросный дымъ, посматривалъ на Липу влюбленными глазами и тихо улыбался. Онъ совсѣмъ не слыхалъ, о чемъ горячо заспорили студентъ съ Воденягинымъ.

Лыжинъ самъ чувствовалъ себя молодо и тепло, охваченный воздухомъ взаимной поддержки всего этого кружка. Опять передъ

нимъ были члены точно тайнаго сообщества, какъ тогда—въ поздній вечеръ, проведенный у Липы. Онъ уже не ёжился отъ присутствія Воденягина. Обличительныя рѣчи Петлиной его не коробили. Ему забавно и весело было видѣть, какъ его „амбарный Сократъ" вдругъ захваченъ жизнью, влюбленъ—и не шуточно, готовъ изъ-за Липы идти одинъ-на-одинъ на кого угодно.

И ему не хотѣлось вспоминать при этомъ, что онъ помогъ припрятать Липу отъ происковъ—кого же? Вѣдь Кишкетовъ былъ подосланъ Ниной, а Нина считаетъ его „своимъ человѣкомъ"; онъ долженъ будетъ встрѣчаться съ нею каждую недѣлю, быть любезнымъ, отвѣчать ей въ пріятельскомъ тонѣ, если она начнетъ съ нимъ откровенничать.

— Здѣсь ей будетъ совсѣмъ хорошо,—сказала ему Шатилина, наклоняясь къ нему.—А переждемъ время, тогда она можетъ и ѣхать.

Лыжинъ кивнулъ слегка головой.

И точно подслушавъ ихъ разговоръ, Воденягинъ всталъ—закурить папиросу о пламя лампы—и вдругъ заговорилъ другимъ тономъ:

— Позвольте, господа, мы теперь здѣсь въ полномъ сборѣ. Вчера мнѣ ночью не спалось, и я началъ воображать себѣ, что я—этотъ милашка, генералъ Кишкетовъ.

— Ха, ха!—разсмѣялась молодежь.

— Подождите. Оно забавно, быть можетъ. Я вѣдь про него давно наслышанъ... Хотя и не имѣлъ удовольствія встрѣчаться съ нимъ въ тѣхъ сферахъ, которыя достаточно изучилъ.

Шатилина и Лыжинъ стали прислушиваться.

— Ну, и что же?—спросила Липа, поднявъ глаза на Воденягина.

— Если такой индивидъ сталъ дѣлать посулы съ пристрастіемъ—значитъ, у него, кромѣ обычныхъ способовъ воздѣйствія, есть и еще что-нибудь.

— Что же?—крикнулъ Кострицынъ, и Лыжинъ замѣтилъ, что глаза его тревожно забѣгали.

— Положимъ, онъ могъ бы посодѣйствовать тому, что Олимпіаду Дмитріевну попросили бы удалиться изъ Москвы.

— Этого ему мало,—выговорила Липа, и ея брови сейчасъ же сдвинулись.

— Разумѣется,—подхватилъ Воденягинъ. — Онъ слишкомъ травленый волкъ. У него есть навѣрно особый камень за пазухой.

— Есть,—выговорила Липа.

— Какой же именно?—стремительно спросилъ Кострицынъ,

пододвинувшись къ ней.—Ваше прошлое... изъ петербургской эпохи? Это мы знаемъ.

— Можетъ быть, и документъ есть какой-нибудь,—добавила Петлина.

— Быть можетъ,—глухо выговорила Липа.

— Но почему же у него именно въ рукахъ?—съ недовѣріемъ спросилъ Шипилинъ и отошелъ къ двери, гдѣ сталъ спиной, взявшись за ручку.

— Это, голубчикъ, безразлично: почему, — возразилъ Кострицынъ.

— Именно,—подтвердилъ Воденягинъ.—*Почему*—нельзя задавать въ научномъ мышленіи, а—*какимъ образомъ*. Да и этотъ второй вопросъ насъ не касается. Надо, какъ въ задачахъ, такъ ставить дѣло: у него есть искомый иксъ—и надо его добыть.

— Необходимо!—крикнулъ Кострицынъ и нервно заходилъ въ углу.

— Какъ же узнать—есть ли у него въ рукахъ что-нибудь фактическое?—такъ же горячо откликнулась Петлина.

— Въ этомъ-то и состоитъ задача—выждать психологическій моментъ и произнести дискуръ съ глазу на глазъ съ этимъ индивидомъ—такъ, чтобы истина всплыла.

— Какъ же? Съ ножомъ къ горлу?—сухо и отчетливо вымолвила Липа.

Всѣ смолкли секундъ на пять.

Лыжинъ поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ столу.

— Зачѣмъ такъ натягивать струну?—заговорилъ онъ, упирая обѣими ладонями въ столъ.—Олимпіада Дмитріевна поживетъ здѣсь, сколько ей нужно будетъ. И поѣдетъ въ провинцію, куда она уже собиралась.

— Погоди, другъ,—прервалъ его Кострицынъ.—Развѣ такой человѣкъ не способенъ и тамъ ее преслѣдовать? Олимпіада Дмитріевна?—окликнулъ онъ ее, приходя все въ бо́льшее волненіе.—Вѣдь у него тамъ и имѣніе есть?

— Какъ же,—отвѣтила Липа.—И заводъ. Потому-то онъ и попалъ туда, зимой, на выборы, когда мы познакомились. О, такой человѣкъ на всякую гнусность способенъ!

— Вотъ видите, господа,—началъ опять Воденягинъ, тономъ учителя, доказывающаго теорему.—Тѣмъ паче! Стало, моя постановка задачи правильна: надо дѣйствовать такъ, какъ будто иксъ несомнѣнно находится въ числѣ величинъ уравненія.

Петлина подбѣжала къ Липѣ.

— Васъ только понапрасну пугаютъ. Утро вечера мудренѣе.

Мы васъ не выдадимъ. Хоть цѣлый годъ можете изъ одного убѣжища въ другое переходить.

Она посмотрѣла на стѣнные часы.

— А теперь пора и разойтись. Вѣдь со двора-то виденъ свѣтъ, а въ этомъ домѣ ложатся рано.

Всѣ стали собираться. Кострицынъ отвелъ Лыжина въ уголъ и сказалъ ему на ухо:

— Вѣдь Воденягинъ-то правду говоритъ.

— Одно дѣло—говорить; другое дѣло—дѣйствовать.

— Такой способенъ и дѣйствовать, даромъ что онъ самъ—на особомъ положеніи.

И, выходя на крыльцо, минутъ пять спустя, онъ какъ бы не своимъ голосомъ сказалъ пріятелю:

— Я знаю—что знаю!

XIX.

Въ кабинетѣ Захара Лукьяновича уже темнѣло. Онъ еще не звонилъ—зажигать лампы.

Качаясь въ креслѣ, онъ курилъ въ сумеркахъ. Газета лежала на полу, брошенная имъ.

До обѣда ему нечего было дѣлать—читать не хотѣлось, идти наверхъ—также. Предстоялъ обѣдъ съ глазу на глазъ съ Ниной.

Вчера князь простился съ ними. Онъ его удерживалъ всячески, но старикъ все повторялъ: „пора мнѣ въ сугробы, пора!“

Съ самой дуэли, князь ни разу не началъ съ нимъ говорить по этому поводу. Захаръ Лукьяновичъ еще тогда смутно догадывался, что дядя уже что-то такое зналъ про увлеченіе племянницы. Быть можетъ, засталъ ихъ въ тѣ часы, когда мужъ такъ беззаботно и увѣренно разъѣзжалъ по своимъ дѣламъ, охраняя свободу пріемовъ своей жены.

Какая глупость и фанаберія!

Припоминалась ему не одинъ разъ исторія женитьбы Наполеона I на Маріи-Луизѣ Австрійской.

И онъ былъ „случайный человѣкъ“ и только во второй своей женѣ имѣлъ кровную принцессу, дочь римскаго цезаря, а раньше на всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ, смотрѣлъ сверху внизъ, даже и на Жозефину, послѣ того, какъ попалъ въ императоры.

То, что для того была Марія-Луиза, то для него—княжна Жеребьева-Зарайская. Вѣдь старшая-то линія имѣетъ титулъ свѣтлости. Вѣдь австрійскую-то принцессу выдали за всесильнаго

властелина—все равно, что обѣднѣвшая княжна попала за купца-милліонщика. Самъ папаша навязалъ ее, чувствуя, что иначе придетъ совсѣмъ „капутъ“.

И какъ же повелъ себя Наполеонъ? Вотъ это—голова, вотъ это человѣкъ, понимающій женщину! Положимъ, онъ былъ уже немолодъ, однако только-что передъ тѣмъ имѣлъ любовную связь съ польской графиней и прижилъ отъ нея ребенка... Стало, въ себѣ могъ быть увѣренъ.

Однако, какъ же онъ повелъ себя? Сталъ держать жену въ почетномъ заключеніи. Ни единой минуты безъ надзора. Дать аудіенцію мужчинѣ—съ глазу на глазъ—нечего и думать. Безсмѣнно четыре дежурныхъ дамы—„les dames rouges“—по двѣ у наружныхъ и внутреннихъ дверей, днемъ и ночью. Бриллiантовъ, тряпокъ на милліоны, собаки, птицы, спектакли, музыка, прогулки—чего твоя душа проситъ,—только ни шагу по своей волѣ.

Тотъ зналъ женщинъ. Онѣ ему отдавались всѣ—безъ исключенія. Камердинеръ водилъ къ нему въ рабочую комнату герцогинь и маркизъ—и онъ обращался съ ними, какъ съ проститутками. Зато и былъ трезвыхъ взглядовъ на бракъ и супружескую невѣрность.

Небось Захаръ Лукьяновичъ помнитъ — пожалуй, на иной вкусъ, и циническое—замѣчаніе его, сдѣланное въ государственномъ совѣтѣ, когда обсуждался вопросъ о проступкахъ противъ брачнаго союза.

„Messieurs,—сказалъ онъ во всеуслышаніе, какъ истинный мудрецъ-практикъ:—l'adultère—c'est une question de canapé“.

Развѣ это не поразительная истина?

Теперь Захаръ Лукьяновичъ позналъ ее. И ему, по нѣскольку разъ на дню, представлялся великолѣпный диванъ Нины, подъ балдахиномъ, съ его безчисленными, расшитыми шолкомъ и золотомъ, подушками и валиками...

Князь такъ и уѣхалъ. Съ племянницей простился суховато—это было замѣтно. Она—тоже. Между ними было, вѣроятно, объясненіе, только врядъ ли она взяла во вниманіе, что онъ могъ ей сказать.

Захаръ Лукьяновичъ предложилъ ему, въ видѣ скромнаго намека, издать которое-нибудь изъ его сочиненій; старикъ поблагодарилъ его тронутымъ голосомъ, но прибавилъ:

— Нѣтъ! Мой голосъ покажется голосомъ изъ подземелья. Завѣщаю рукопись въ Публичную Библіотеку.

И вотъ теперь онъ одинъ—совсѣмъ одинъ въ домѣ. Все

тотъ же вопросъ стоитъ передъ нимъ: дошло ли между ними до настоящей связи или нѣтъ?"

Отвѣтить: „дошло"—онъ не можетъ; но ему отъ этого не легче. Она ѣздила къ нему въ отель—это несомнѣнно, хотя въ немъ, въ „калегвардѣ", врядъ ли была настоящая влюбленность. Что-то онъ ни гу-гу! Другой бы, въ такомъ „разѣ"—или самъ, или черезъ пріятеля—сталъ бы требовать:

„Вы, молъ, сами жену свою ославили на всю Москву, такъ не угодно ли вамъ дать ей разводъ".

Однако—ничего! И она молчитъ. Ни единымъ звукомъ не выдаетъ себя: точно будто она до сихъ поръ ничего не слыхала.

Только ей не удастся его пересилить. Шалитъ!

Ославилъ ли онъ ее на всю Москву? Иначе онъ поступить не могъ. У него кровь въ жилахъ, и кровь не хуже сортомъ, чѣмъ у барона. Ему и то пріятно уже, что въ городѣ, не въ однихъ купеческихъ домахъ, а въ самыхъ старыхъ дворянскихъ—поведеніе его одобряютъ и во всемъ винятъ ее. Даже ея ближайшіе пріятели—Napon съ мужемъ—видимо отступились отъ нея.

А все-таки черезъ часъ надо будетъ идти наверхъ. Сегодня никто у нихъ изъ постороннихъ не обѣдаетъ.

Вошелъ дежурный оффиціантъ.

— Иванъ Кузьмичъ!—доложилъ онъ.

— Проси.

Приходъ Кострицына его обрадовалъ. Можно будетъ оставить его обѣдать.

Встрѣтилъ онъ его особенно ласково и, спросивъ слегка—что въ амбарѣ, куда онъ сегодня не ѣздилъ, предложилъ сигару.

— Можетъ, пройдете къ женѣ до обѣда? Вы вѣдь никуда не отозваны?

— Никуда, Захаръ Лукьяновичъ.

Кострицынъ сѣлъ бокомъ, въ неловкой позѣ. Лицо его было плохо видно Кумачеву: тотъ сидѣлъ спиной къ свѣту лампы, зажженной лакеемъ въ углу.

— Вы ее найдете у себя. Она что-то все хохлится.

„Хитришь ты, братъ, со мной напрасно,—перебилъ его Кострицынъ, про себя:—насадила она тебѣ рога, и этого никакая дуэль не смоетъ".

Будь онъ менѣе поглощенъ какимъ-то „своимъ дѣломъ"—онъ способенъ бы былъ сказать ему:

„Захаръ Лукьяновичъ, выгоните ее, отнимите дѣтей и дайте ей разводъ. Кромѣ горя и сраму, она вамъ ничего не доставитъ. Сами виноваты! Слишкомъ преклонялись!"

Кумачевъ игралъ ему „въ руку“. Онъ пріѣхалъ собственно не къ нему, а къ Антонинѣ Борисовнѣ, и всю дорогу, въ саняхъ, перебиралъ въ головѣ—какой предлогъ выдумать этому посѣщенію. Захаръ Лукьяновичъ оказался дома, и онъ зашелъ къ нему, смутно сознавая, что такъ будетъ ловчѣе.

Теперь онъ увѣреннѣе отправится къ Нинѣ. Мужу тяжко идти туда. Онъ и обѣдать-то его пригласилъ, чтобы не оставаться вдвоемъ.

Полчаса прошло для него незамѣтно въ кабинетѣ Антонины Борисовны.

Въ первый разъ онъ могъ поклясться—въ первый разъ въ жизни онъ надѣлъ на себя личину, и это придало ему гораздо больше свободы въ разговорѣ съ нею. Онъ ее и презираетъ, и ненавидитъ—и пришелъ съ тайной цѣлью заставить ее проговориться. И это ни на минуту не омрачило его разсудка, а напротивъ, дѣлало блестящѣе и забавнѣе.

Нина часто смѣялась и даже сказала ему:

— Да какой вы веселый, Иванъ Кузьмичъ! И сколько знаете смѣшныхъ вещей!

Какъ-то само собою, безъ всякихъ хитросплетеній, повелъ онъ разговоръ и въ сторону генерала.

Она, видимо, обрадовалась тому, что пришелъ къ ней человѣкъ, сочувствующій ей.

И черезъ пять минутъ она сама проболталась.

— Эту мамзель,—дурачливо сказала она:—попросятъ оставить Москву.

Стало быть, генералъ еще у нея не былъ, или утаиваетъ отъ нея то, что Липа скрылась.

Это наполнило его злобнымъ чувствомъ, которое онъ не хотѣлъ подавлять. Съ такой женщиной надо самому вооружиться коварствомъ хищнаго звѣря.

Скажи ему Лыжинъ: „Да ты, братъ, что твой Цезарь Борджіа“—онъ бы не затруднился отвѣтить: „Всякій человѣкъ долженъ побывать въ Борджіахъ; иначе онъ—презрѣнный рабъ слюняйской морали“.

— Антонина Борисовна,—заговорилъ онъ мягко и вполголоса, наклоняясь къ дивану:—можетъ быть, вамъ угодно что-нибудь передать генералу? Письмо... или на словахъ... Я къ вашимъ услугамъ.

— Благодарствуйте!

Она такъ была возбуждена этимъ разговоромъ, что забыла

все. Вѣдь она могла легко сообразить: не познакомилъ ли Лыжинъ и его съ этой мамзелью?

Но и тогда свою личину онъ еще бы плотнѣе надвинулъ на лицо и лицедѣйствовалъ бы такъ же развязно.

— Это идея!—продолжала она.—Онъ что-то молчитъ. Письма не нужно... просто на словахъ... Вы вѣдь обѣдаете у насъ?

— Какже.

— Ну, такъ мы еще поговоримъ на свободѣ. Захаръ Лукьяновичъ поѣдетъ въ клубъ. Онъ вѣдь нынче ударился въ карты.

Послѣ обѣда онъ узнаетъ все, что̀ ему нужно. Навѣрно, Кишкетовъ если не прямо, то намеками далъ ей почувствовать, есть ли въ его рукахъ что-нибудь фактическое по той исторіи, изъ-за которой Липа должна была когда-то скрыться за границу.

„Оба вы съ генераломъ,—думалъ Кострицынъ про себя:—одного поля ягода. Вамъ нечего стѣсняться другъ съ другомъ“.

И онъ страстно сталъ ждать того, что̀ онъ еще „выудитъ“ у Нины.

XX.

Изъ квартиры Иды выносили сундуки и коробки.

Она—въ шубѣ и съ дорожной сумкой черезъ плечо—стояла посредѝнѣ гостиной и прощалась съ Лыжинымъ.

— Значитъ, не вернетесь сюда, голубушка?—спросилъ онъ, не выпуская ея руки.

— Нѣтъ.

— А для Елены Константиновны?.. Вѣдь она должна быть на дняхъ.

— Я знаю.

И, наклонившись, Ида сказала вполголоса:

— Безъ меня ей будетъ свободнѣе. Въ этомъ помѣщеніи она можетъ оставаться еще двѣ недѣли.

— Такъ вы надѣетесь на вожделѣнный исходъ?

И онъ шутливымъ жестомъ показалъ, какъ возлагаютъ на голову вѣнецъ.

— Можетъ быть,—грустно выговорила Ида, но глаза ея блеснули доброй улыбкой.—Вы ее не дразните.

— Съ какой стати?—возразилъ Лыжинъ.—Только въ такомъ бракѣ врядъ ли будетъ толкъ. Его она не передѣлаетъ; да и самой нельзя передѣлать себя на его фасонъ. Вдобавокъ, она будетъ адски ревновать его.

— Есть грѣшокъ,—сказала Ида по-русски.

— Тянетъ васъ развѣ такъ ужъ очень къ себѣ?

— Да, Юрій, тянетъ. Здѣсь все пойдетъ и безъ меня. Вы скучать не будете. У васъ большое дѣло. Липу Углову спасаетъ цѣлое общество.

Она не договорила и, поведя на особый ладъ глазами, спросила вполголоса:

— Votre ami... le philosophe... Je crois, qu'il a un béguin sérieux pour elle?

Лыжинъ кивнулъ головой.

— Сдается и мнѣ.

— Il n'y a pas de philosophe qui tienne contre cette maudite passion,—выговорила она мягко.

— Такъ вы рѣшительно не позволяете проводить себя?

— Нѣтъ, Юрій, не надо. Ко мнѣ пріѣдете скоро?

— Непремѣнно. Я сдѣлаю крюкъ съ ближайшей мануфактуры.

— Vous savez, la belle fermière vous attend.

— Кто такая?

— Анисья Прохоровна, дочь моей арендаторши. Она о васъ мечтаетъ. Et vous, ami?

Оба тихо разсмѣялись и стали прощаться.

— Все готово, Лидія Павловна,—доложила Евгенія, укутанная ковровымъ платкомъ.

Лыжинъ сошелъ внизъ и усадилъ Иду въ карету.

Шелъ третій часъ. Она брала почтовый поѣздъ.

Медленно поднимался къ себѣ Лыжинъ. Отъѣздъ Иды оставлялъ его въ гораздо бо́льшемъ одиночествѣ, нежели онъ думалъ. Въ домѣ Кумачевыхъ онъ рѣшительно склонялся на сторону „самого". Нину ему не было жаль, и ея поведеніе съ Липой набрасывало на нее некрасивую тѣнь.

Кострицынъ куда-то уходилъ—уходилъ въ страсть, и врядъ ли онъ, при всей своей діалектикѣ, останется вѣренъ дому Кумачевыхъ. Онъ слишкомъ взвинченъ противъ Нины. Ему невыносимо видѣть ее. Развѣ объяснится объ этомъ съ мужемъ, благо тотъ уже не состоитъ къ супругѣ своей въ прежнихъ отношеніяхъ.

У себя, въ кабинетѣ, Лыжинъ—за послѣдніе два мѣсяца—впервые почувствовалъ пустоту. Ѣхать ему по дѣлу—некуда... Спѣшныхъ занятій—нѣтъ, дѣлать визиты—не хочется.

Онъ прилегъ съ книгой на диванъ, и въ головѣ его—лица и фигуры Иды, Липы Угловой, Кострицына, студента, Воденягина, четы Кумачевыхъ, стали переплетаться. Читалъ онъ вяло, и его вѣки стали полегоньку слипаться.

— Дома?—раздался въ дверяхъ окликъ, возбужденный, очень громкій.

Лыжинъ сталъ приподниматься и спустилъ съ дивана ноги.

— Иванъ Кузьмичъ!

Кострицынъ болѣе вбѣжалъ, чѣмъ вошелъ, блѣднѣе обыкновеннаго, съ блестящими глазами; брови его безпрестанно поднимались и производили крупныя морщины. Волосы на лбу и вискахъ растрепались.

Такого Кострицына Лыжинъ никогда не видалъ.

— Я отъ него!..—вскричалъ онъ и, точно послѣ тяжелой работы, опустился въ кресло.

— Отъ кого?

— Отъ Кишветова. Имѣлъ съ нимъ коллоквій... одинъ-на-одинъ.

Онъ вскинулъ правой рукой.

— Нѣтъ, дружище, не воображалъ я, что во мнѣ сидитъ такой—какъ бы тебѣ сказать—конспираторъ, что-ли, умѣющій, коли нужно, надѣвать личину и производить психическое давленіе.

Лыжинъ подсѣлъ къ нему и положилъ руку на его колѣно.

— Сократъ! Перестань говорить притчами. Я еще третьяго дня подумалъ, что ты что-то задумываешь такое. Конспираторъ... Неужели,—голосъ Лыжина упалъ:—ты съ нимъ покончилъ?

— Ха, ха! Ты думаешь, бацъ, бацъ?.. Нѣтъ, братъ, до этого не дошло, но...

— Могло дойти?

— Не знаю... Такіе гнуснецы—трусы. Имъ шкура ихъ слишкомъ дорога. Они вѣдь сладострастники и будутъ предаваться своему сатиріазису до тѣхъ поръ, пока на нихъ Броунъ-Секаровскія впрыскиванія дѣйствуютъ.

— Значитъ, ты попугалъ его.

— *Ecs, сэръ*!..—вскричалъ Кострицынъ и не выдержалъ, вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— И какъ я, другъ Юрій Петровичъ, ловко повелъ себя. Живетъ онъ въ меблированной квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ. У него лакей, изъ бывшихъ деньщиковъ. Я вхожу, сейчасъ ему бумажку въ руку и говорю: сбѣгайте мнѣ за папиросами въ лавку. Генералъ меня ждетъ. Доложите: отъ госпожи Кумачевой... А остальное ты можешь легко возстановить посредствомъ ассоціаціи идей. Вошелъ, произвелъ давленіе съ помощью нѣкотораго инструмента,—Кострицынъ ударилъ себя по карману пиджака:—и вотъ они здѣсь...

Онъ ткнулъ пальцемъ въ грудь, гдѣ внутренній карманъ.

— Кто они?

— Нѣкоторые документики. Ха, ха!

Въ его смѣхѣ дрожали почти истеричныя ноты.

— Насчетъ Олимпіады Дмитріевны?

— *Есъ, сэръ*! И знаешь, друже,—Кострицынъ опять опустился въ кресло:—когда я сегодня отправлялся къ нему, развернулъ я „Мысли Марка Аврелія". Я этого замороженнаго аскета не больно долюбливаю, но читаю, есть хорошія мысли и отличныя выраженія. А тутъ развернулъ, знаешь, по атавизму суевѣрія—оно во всѣхъ насъ копошится,—и вотъ на какое изреченіе напалъ я. Изволь въ переводѣ и довольно точномъ: „Нравственное совершенство состоитъ въ томъ, чтобы проводить каждый день такъ, какъ бы онъ былъ послѣднимъ, безъ тревоги, безъ нерадѣнія, безъ притворства". И вотъ такой день былъ для меня сегодняшній. Онъ могъ быть и послѣднимъ—случись у генерала подъ рукой такой же инструментъ; онъ могъ бы уложить меня на мѣстѣ. Но не уложилъ, а я его заставилъ сдѣлать то, что мнѣ угодно было. И такая удача, что и лакей-то замѣшкался съ покупкой папиросъ, и когда я уходилъ, то его еще не было въ прихожей. Что, ловко твой амбарный Сократъ обработалъ все?

— Однако,—Лыжинъ опять положилъ ему руку на колѣно: —онъ можетъ тебѣ серьезно нагадить.

— Пущай! Я ничего не боюсь. Я живу, Юрій Петровичъ, всѣми фибрами трепещу, какъ никогда не жилъ и не трепеталъ... Личность моя поднялась на сто локтей. Я не презрѣнный кандидатишка, а что твой Магометъ, дерзающій вообразить себя пророкомъ и идти на завоеваніе всего міра. Ужъ если пошло на цитаты—вотъ тебѣ подлинное изреченіе изъ Корана; я его помню наизусть: „будь снисходителенъ, приказывай доброе и избѣгай невѣждъ". А я его такъ передѣлалъ: „будь жестокъ, приказывай гнуснецамъ и казни предателей". Ха, ха!

Смѣхъ его не сразу остановился. Лыжинъ съ безпокойствомъ оглянулъ его.

— Послушай, Кострицынъ... Не перепустилъ ли ты мѣры? Такія экспедиціи приличны были бы Воденягину и людямъ его покроя.

— А я чѣмъ хуже?—закричалъ Кострицынъ и выпрямился.— Ты помнишь... третьяго дня... Онъ былъ на волоскѣ отъ того, чтобы продѣлать то, что я продѣлалъ. А что ему эта женщина? Изъ одного принципа. Развѣ я могъ допустить постороннему человѣку пойти на это?.. Когда во мнѣ каждая жилка трепетала!..

— Иванъ Кузьмичъ! Да ты безумно влюбленъ въ нее!

Кострицынъ замигалъ, и лицо его все передернуло.

— Ну да, люблю! Люблю!—крикнулъ онъ.—И если говорю тебѣ: никогда не любилъ еще—то не лгу! Люблю!—повторилъ онъ протяжно и страстно... И положу на нее свою душу. И сдѣлаю изъ нея великую артистку! И подниму ея женскую личность до высшей грани!

— И люби!—грустно и тепло промолвилъ Лыжинъ, опустивъ голову.

Оба смолкли.

П. Боборыкинъ.

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ БІОЛОГІИ

I.

Среди многочисленныхъ отраслей естествознанія зародилась въ послѣднее время новая наука — *біологія*, наука о жизни, обнимающая собою проявленіе жизни на земной поверхности во всемъ ея разнообразіи: животныя, со включеніемъ человѣка, и растенія, до самыхъ простѣйшихъ включительно, составляютъ область ея разысканій.

Что такое жизнь? Какимъ образомъ проявилась она на земной поверхности? Какими путями произошли сложные организмы, какъ животныя, такъ и растенія, изъ простѣйшихъ? Какъ возникли въ высшей степени разнообразныя и нерѣдко до-нѣльзя сложныя приспособленія живыхъ существъ къ окружающимъ ихъ условіямъ, и соотвѣтственно послѣднимъ и распредѣленіе растеній и животныхъ на землѣ?—Вотъ вопросы, обнимающіе область современной біологіи.

Для разрѣшенія ихъ необходимо прежде всего по возможности точное и полное знакомство со строеніемъ живыхъ существъ, ихъ развитіемъ и главнѣйшими физіологическими отправленіями. Сравнительная анатомія и физіологія служатъ поэтому ближайшими пособіями при разрѣшеніи біологическихъ вопросовъ.

Кромѣ того, для выясненія приспособленій животныхъ и растеній къ окружающимъ ихъ условіямъ и распредѣленія ихъ на земной поверхности требуется болѣе близкое знакомство какъ съ

составомъ, такъ и съ измѣненіемъ среды (атмосферы, воды и почвы), къ которой пріуроченъ изслѣдуемый организмъ.

Вышеприведенные вопросы еще очень далеки отъ удовлетворительнаго разрѣшенія. На первый изъ нихъ: что такое жизнь?— можно отвѣтить лишь перечисленіемъ наиболѣе общихъ особенностей и характерныхъ отличій живыхъ существъ отъ окружающей ихъ такъ называемой мертвой природы. Неотъемлемые и отличительные ихъ признаки представляютъ: опредѣленная организація и связанные съ нею ростъ, на счетъ принятой извнѣ пищи, размноженіе, дыханіе, движеніе и, какъ увидимъ ниже, психическіе процессы. Въ непосредственной связи съ поименованными отправленіями находимъ мы во всякомъ организмѣ, не исключая и простѣйшихъ, разнообразныя приспособленія къ окружающей средѣ, при чемъ съ осложненіемъ строенія части организма спеціализируются, каждая для опредѣленной функціи, или, другими словами, вырабатываются органы. *Способность вырабатывать органы и совершенствовать отправленія специфическихъ ихъ функцій на пользу организма должно считать поэтому наиболѣе типичною и отличительною чертою живыхъ существъ.*

Положеніе это, конечно, не можетъ притязать на опредѣленіе, что такое жизнь,—и мнѣ представляется, что сходное съ нимъ опредѣленіе жизни, данное Спенсеромъ [1]), какъ „безпрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ отношеніямъ внѣшнимъ", не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Съ прекращеніемъ этого приспособленія неминуемо должна прекратиться сама жизнь; но приспособленіе это доставляетъ лишь возможность жизни, совершенно не разъясняя самой ея сути.

Разслѣдованія животнаго и растительнаго царства раскрыли уже неимовѣрное разнообразіе формъ живыхъ существъ и продолжаютъ знакомить насъ и по настоящее время съ новыми, своеобразными ихъ типами. Обладая лишь ограниченнымъ, для каждой породы болѣе или менѣе опредѣленнымъ, срокомъ жизни, поколѣнія отжившія смѣняются новыми, которыя въ свою очередь уступаютъ мѣсто болѣе молодымъ. Каждое недѣлимое, совершивъ опредѣленный циклъ развитія, сходитъ со сцены; происшедшія отъ этого новыя недѣлимыя пробѣгаютъ тотъ же циклъ развитія сызнова, обнаруживая со своими родичами, за исключеніемъ только несущественныхъ, едва замѣтныхъ отличій, полнѣйшее сходство какъ въ строеніи, такъ и въ развитіи. И сколько ни слѣдили

[1]) Спенсеръ, Философія Спенсера въ сокращенномъ изданіи Коллинса; въ русскомъ переводѣ, стр. 56.

до сихъ поръ за рядами послѣдовательныхъ поколѣній, постоянно получались лишь недѣлимыя той же породы. Замкнутость каждаго организма въ опредѣленномъ циклѣ развитія составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ эмпирическихъ результатовъ біологическихъ изслѣдованій.

Опираясь на эти данныя, возникло и господствовало, вплоть до появленія изслѣдованій Дарвина, ученіе о постоянствѣ и неизмѣняемости органическихъ формъ. Исходною точкою послужилъ Дарвину общеизвѣстный фактъ, что нѣтъ двухъ недѣлимыхъ вполнѣ тождественныхъ между собою. Эти обыкновенно едва замѣтныя отличія не обращали, однако, на себя вниманія ученыхъ. Только при болѣе рѣзкомъ ихъ проявленіи и передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, сличаемыя формы характеризовали какъ *разновидности*, т.-е. какъ варіаціи, происшедшія изъ одной первоначальной формы, или какъ *самостоятельные виды*, если по совокупности имѣющихся данныхъ генетическая связь между ними представлялась неправдоподобной. Дарвинъ первый указалъ на чрезвычайно важное значеніе индивидуальныхъ особенностей въ виду возможности не только закрѣплять, но и по произволу вызывать ихъ появленіе съ возростающею силою въ ряду послѣдовательныхъ поколѣній, если прибѣгнуть къ своеобразному пріему, уже много лѣтъ практикуемому съ тою же цѣлью въ садоводствѣ, огородничествѣ и скотоводствѣ. Дарвинъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда, на то, чтобы собрать и по возможности провѣрить добытыя практиками данныя и полученные ими результаты, на основаніи которыхъ онъ съ полною увѣренностью могъ, въ противоположность господствовавшему мнѣнію, утверждать, что какъ животные, такъ и растительные организмы въ извѣстной степени поддаются измѣненіямъ, или другими словами—*пластичны*. Намѣченный результатъ достигается при этомъ сравнительно простымъ путемъ: недѣлимыхъ, обладающихъ желаемою особенностью, хотя бы въ зачаточной, только для привычнаго глаза замѣтной формѣ, уединяютъ отъ остальныхъ и скрещиваютъ между собою. Изъ полученнаго приплода отбираютъ вновь недѣлимыхъ съ искомымъ признакомъ, наиболѣе выраженнымъ, и подвергаютъ подобному же уходу. Съ ихъ приплодомъ, а также и послѣдующимъ рядомъ поколѣній, поступаютъ такъ же. Всѣ наиболѣе поразительныя породы рогатаго скота и другихъ прирученныхъ животныхъ, а равно и воздѣлываемыхъ растеній, получены этимъ способомъ, который Дарвинъ назвалъ *искусственнымъ отборомъ*. Однимъ изъ главныхъ условій успѣха является возможно тщательное уединеніе отобранныхъ недѣлимыхъ.

Основанный на подобномъ же принципѣ, происходитъ по Дарвину въ окружающей насъ природѣ *отборъ естественный*, отличающійся отъ искусственнаго слѣдующими, однако, особенностями: во-первыхъ, онъ производится въ грандіозномъ размѣрѣ и притомъ повсемѣстно и безпрерывно въ продолженіе многихъ тысячъ вѣковъ, со времени появленія живыхъ существъ на землѣ; во-вторыхъ, главнѣйшимъ стимуломъ его оказывается чрезмѣрно быстрое размноженіе животныхъ и растеній, между тѣмъ какъ лишь самая незначительная часть ихъ имѣетъ возможность вырости и произвесть новое поколѣніе. Вслѣдствіе этого происходитъ между живыми существами безпрерывная и ожесточенная борьба за существованіе, и только сравнительно очень немногія изъ наиболѣе приспособленныхъ къ даннымъ условіямъ имѣютъ шансы выйти побѣдителями изъ этой борьбы. Всѣ же остальныя, какъ и при искусственномъ отборѣ, устраняются, такъ какъ, не будучи въ состояніи выдержать непосильную для нихъ повсемѣстную и безпрерывную борьбу, они гибнутъ, уступая мѣсто наиболѣе приспособленнымъ. Руководящимъ и регулирующимъ началомъ происходящихъ подъ вліяніемъ естественнаго отбора измѣненій является, слѣдовательно, исключительно принципъ полезности ихъ для организма. Организмы, видоизмѣняясь въ этомъ направленіи постепенно во всѣхъ своихъ частяхъ, достигаютъ со временемъ возможно бо́льшаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ и затѣмъ остаются неизмѣнными, пока не измѣнятся послѣднія и не вызовутъ въ нихъ вновь соотвѣтствующаго переустройства.

За Дарвиномъ имѣется, слѣдовательно, великая заслуга; ему удалось разъяснить, на основаніи немногихъ простыхъ основныхъ началъ, цѣлый рядъ интереснѣйшихъ особенностей строенія и физіологическихъ функцій живыхъ существъ, при посредствѣ которыхъ они заселили и воздухъ, и почву, и воды, въ странахъ съ различнѣйшими климатами, приспособившись въ каждомъ частномъ случаѣ возможно наилучшимъ образомъ къ мѣстнымъ условіямъ. Благодаря безсмертнымъ трудамъ Дарвина, намъ стали понятны возникновеніе и постепенное развитіе дивной гармоніи, установившейся въ настоящее время между живыми существами и окружающей ихъ природой.

Разработка этого вопроса составляетъ главную тему многочисленныхъ работъ Дарвина; ей посвящены ихъ наилучшія страницы.

Преклоняясь передъ геніальными твореніями Дарвина, я, тѣмъ не менѣе, осмѣливаюсь утверждать, что значеніе работъ его было

неправильно преувеличено его сторонниками по отношенію къ теоріи эволюціи организмовъ. Онъ несомнѣнно чрезвычайно содѣйствовалъ ея распространенію и замѣнѣ ею прежней гипотезы спеціальнаго творенія каждой изъ безчисленныхъ органическихъ формъ; но и при признаніи преимущества теоріи эволюціи нельзя не сознаться, что ближайшія причины происхожденія высшихъ формъ изъ низшихъ ни мало не выяснены Дарвиномъ и по прежнему остаются неразрѣшенною загадкою. Поставленная на видъ Дарвиномъ пластичность организмовъ и приспособленіе ихъ къ внѣшнимъ условіямъ не имѣютъ ничего общаго съ эволюціей организмовъ. Между многочисленными, приведенными Дарвиномъ, примѣрами пластичности среди прирученныхъ животныхъ и растеній нѣтъ ни одного, сопровождаемаго осложненіемъ организаціи, и всѣ они представляютъ лишь сравнительно незначительныя уклоненія отъ формы первоначальной. Не приведено Дарвиномъ ни одного достаточно обоснованнаго примѣра эволюціи и подъ вліяніемъ естественнаго отбора, такъ что ни одинъ изъ описанныхъ этимъ ученымъ организмовъ не вышелъ изъ своей обыденной рамки и не покинулъ замкнутаго своего цикла развитія. Вообще ни одному натуралисту не удалось и до настоящаго времени ни разу наблюдать, ни въ животномъ, ни въ растительномъ царствѣ, превращенія низшей формы въ высшую. Особенно удобные, по краткости цикла развитія, простѣйшіе организмы продолжаютъ обнаруживать сходную, полную неподвижность. Подтвержденіемъ этому служатъ всѣ наиболѣе точныя наблюденія и опыты надъ водорослями, грибами и бактеріями. Несмотря на многократныя попытки вызвать въ нихъ осложненіе организаціи, получался до сихъ поръ лишь отрицательный результатъ. Циклъ развитія каждой формы и здѣсь оказался строго замкнутымъ; обнаруженная же въ нѣкоторыхъ случаяхъ пластичность не влекла и здѣсь за собою осложненія въ организаціи.

Для нагляднаго выясненія различія между измѣненіями въ организаціи животныхъ и растеній, указанныхъ Дарвиномъ, и эволюціонными, я позволю себѣ изобразить ихъ графически на прилагаемыхъ рисункахъ. Въ обоихъ рисункахъ на перпендикулярахъ, возставленныхъ изъ точекъ *а*, *б*, *в* линіи *АБ* изображены положенія, занимаемыя нѣсколькими организмами въ системѣ кружками, нанесенными на разстояніяхъ отъ линіи *АБ* пропорціональныхъ степени сложности строенія разсматриваемыхъ организмовъ. Чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ выше мѣсто, занимаемое соотвѣтственнымъ ему кружкомъ на перпендикулярѣ. Поэтому, еслибы удалось прослѣдить превращеніе низшей формы въ

высшую, т.-е. его эволюцію, то на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 1-й) результатъ этотъ выразился бы удлиненіемъ кружка наблюдаемаго организма вверхъ до высоты, занимаемой формою, въ которую онъ превратился (рис. 1-й, *а*, *б*). Въ томъ же случаѣ, когда наблюдаемая форма оказалась бы сама происшедшею изъ формы болѣе простой, пришлось бы выразить результатъ опыта удлиненіемъ кружка и къ низу (рис. 1-й, *в*).

Рис. 1-ый.

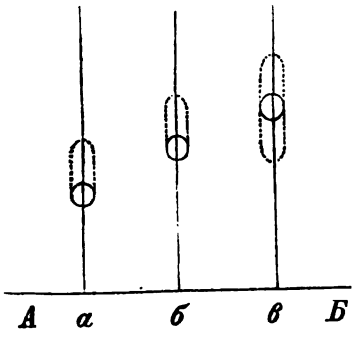
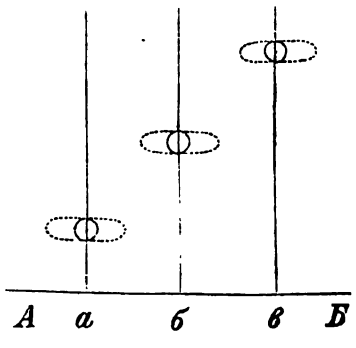


Рис. 2-ой.



Совсѣмъ иначе въ этой схемѣ изобразится пластичность организмовъ, разработанная Дарвиномъ: въ виду того, что она происходитъ безъ осложненія или упрощенія строенія, ее удобнѣе всего сдѣлать наглядною, удлинивъ соотвѣтствующіе кружки въ *горизонтальномъ* направленіи (рис. 2-й, *а*, *б*, *в*).

Изслѣдованія Дарвина служатъ лишь энергичнымъ стимуломъ для строго научной разработки вопроса объ *эволюціи*. Рѣшеніе его принадлежитъ всецѣло будущему и составляетъ *одну изъ настоятельнѣйшихъ и ближайшихъ задачъ біологіи*.

Выше было выставлено на видъ, что въ настоящее время не имѣется ни одного непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ низшихъ формъ въ высшія. Но отрицательный результатъ въ опытныхъ наукахъ не имѣетъ абсолютнаго значенія, такъ какъ остается неопровергнутой возможность, при иной постановкѣ опыта или наблюденія, добиться искомаго результата. Согласно съ этимъ и въ настоящемъ случаѣ отсутствіе положительныхъ фактовъ въ пользу превращенія низшихъ организмовъ въ высшіе не можетъ служить доказательствомъ, что эволюція не происходила и не происходитъ въ настоящее время. Поэтому не удивительно, что, несмотря на полное отсутствіе надежныхъ фактическихъ данныхъ, въ основѣ современныхъ біологическихъ разысканій мы находимъ допущеніе, у многихъ изслѣдователей—даже убѣжденіе,

что всѣ организмы животные и растительные произошли изъ простѣйшихъ (Protozoa) путемъ постепенной эволюціи. За недостаткомъ доказательствъ непосредственныхъ довольствуются косвенными, изъ совокупности которыхъ вышеприведенное допущеніе эволюціи представляется весьма вѣроятнымъ.

Наиболѣе существенныя изъ нихъ, основанныя на одинаковомъ элементарномъ строеніи всѣхъ живыхъ существъ и на сходствѣ важнѣйшихъ физіологическихъ отправленій формулируются въ настоящее время слѣдующимъ образомъ:

1) Всѣ организмы безъ исключенія (животныя и растенія) представляютъ одинаковое элементарное строеніе: они построены изъ сходныхъ элементарныхъ органовъ — *клѣтокъ*; простѣйшіе изъ одной клѣтки, болѣе сложные — изъ конгломерата клѣтокъ.

2) Всякій организмъ, какихъ бы размѣровъ и сложности онъ ни достигалъ, зачинается *одною* клѣткою и происходитъ путемъ ея размноженія и разростанія.

3) Каждый органъ многоклѣтнаго организма есть или клѣтка, или же закладывается въ видѣ группы мелкихъ клѣтокъ, которыя, размножаясь, путемъ постепенной дифференцировки преобразуются въ ткани и органы болѣе или менѣе сложнаго строенія.

4) Поразительное сходство въ строеніи клѣтокъ въ молодомъ ихъ возрастѣ у растеній и животныхъ, одинаковость ихъ химическаго состава и способовъ размноженія, кромѣ того доходящее нерѣдко до тождества сходство въ основныхъ физіологическихъ отправленіяхъ растеній и животныхъ, каковы, напр., построеніе тканей изъ заранѣе выработанныхъ органическихъ соединеній, процессъ дыханія и въ особенности сходный до мельчайшихъ подробностей процессъ полового размноженія указываютъ на вѣроятность генетическаго родства всѣхъ живыхъ существъ и единства происхожденія изъ группъ простѣйшихъ (Protozoa).

До выясненія процесса эволюціи останется совершенно недоступнымъ пониманію нашему ходъ развитія отдѣльныхъ недѣлимыхъ, какъ животнаго, такъ и растительнаго царства. Придется ограничиваться, какъ это до сихъ поръ дѣлается, лишь описаніемъ измѣненія ихъ формы и строенія. По общепринятому и въ высокой степени вѣроятному предположенію, высшія формы, являясь продуктами постепенной метаморфозы и сочетанія низшихъ, представляютъ въ своемъ развитіи отраженіе всего ряда измѣненій, предшествовавшихъ ихъ появленію; изъ чего ясно слѣдуетъ, что только по ознакомленіи съ процессомъ эволюціи (филогенезисомъ) изучаемой формы сдѣлается доступнымъ разъясненію и пробѣгаемый отдѣльнымъ недѣлимымъ циклъ развитія (онтогенезисъ).

Присоединяясь къ допущенію эволюціи, я и буду придерживаться этой теоріи въ нижеслѣдующихъ разсужденіяхъ.

Второй ближайшей задачей біологіи представляется мнѣ изслѣдованіе возникновенія и развитія *органовъ*, прежде всего у одноклѣтныхъ организмовъ, затѣмъ уже и многоклѣтныхъ, и притомъ съ точки зрѣнія отличной отъ настоящей. Послѣдняя станетъ понятной, если только-что приведенныя четыре положенія будутъ формулированы нѣсколько иначе. Сложились они, какъ извѣстно всякому біологу, подъ вліяніемъ классическихъ работъ Шванa, указавшаго впервые на сходство въ элементарномъ строеніи животныхъ и растеній. Но уже въ 1861 году Брюке указалъ въ своей статьѣ: Die Elementarorganismen—на непригодность схемы клѣтки, данной Шваномъ; затѣмъ (на стр. 406) онъ прибавляетъ, что: „слово *клѣтка* столь тѣсно сроднилось съ вышеприведенной схемой, что онъ предложилъ бы его совершенно изъять изъ употребленія, еслибы съ нимъ не было связано воспоминаніе о славномъ періодѣ гистологіи". Въ этой же статьѣ Брюке называетъ *элементарнымъ организмомъ* то, что до него называли и до настоящаго времени продолжаютъ называть клѣткою. „Мы должны,—пишетъ Брюке, стр. 386,—признать въ каждой новой клѣткѣ, кромѣ молекулярной структуры органическихъ соединеній, изъ которыхъ она построена, еще другое и притомъ болѣе сложное строеніе, которое назовемъ *организаціей*". „Подобно тому какъ въ сложныхъ организмахъ различныя отправленія присущи различнымъ частямъ ихъ—органамъ и системамъ (кровеносной, дыхательной, пищеварительной и пр.), такъ и по отношенію клѣтки нельзя себѣ представить ничего иного и слѣдуетъ признать, что и здѣсь различныя дѣйствія совершаются частями клѣтки различнаго строенія. „Мы должны разсматривать клѣтку какъ тѣло маленькаго животнаго и никогда не должны терять изъ виду аналогіи между нею и мельчайшими животными формами" [1] (стр. 387).

Не отрицая въ статьѣ Брюке нѣкоторыхъ крупныхъ недосмотровъ, я совершенно присоединяюсь къ его предложенію замѣнить слово: клѣтка, названіемъ — элементарный организмъ. Съ перваго взгляда это предложеніе можетъ показаться маловажнымъ; по моему же мнѣнію, эта повидимому несущественная замѣна (поправка) одного слова другимъ поможетъ сразу освѣтить съ новой точки зрѣнія вышеприведенные результаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

[1] E. Brücke, Die Elementarorganismen. Sitzungsb. d. Naturw. Classe d. Kais. Akad. d. Wissenschaften, B. XLIV, Abth. 2, p. 381—406.

ближайшія задачи біологіи. Въ самомъ дѣлѣ, произведя указанную поправку мы получимъ вмѣсто прежнихъ слѣдующія положенія: 1) всѣ организмы распадаются на двѣ группы: а) простые (такъ называемые одноклѣтные)—*элементарные*, и б) составленные изъ конгломерата простыхъ, т.-е. образованія колоніальныя—*организмы-колоніи*; въ послѣднихъ элементарные организмы теряютъ въ бо́льшей или мѣньшей степени свою индивидуальность и видоизмѣняются, сообразно интересамъ колоніи, въ составъ которой они входятъ, при чемъ измѣненія, которымъ они подвергаются, обусловливаются главнымъ образомъ положеніемъ ихъ въ колоніи. При своемъ развитіи колоніи строятъ органы, посредствомъ которыхъ колонія приспособляется къ внѣшней средѣ, употребляя нерѣдко на построеніе органа тысячи элементарныхъ организмовъ. Всѣ имѣющіяся эмбріологическія изслѣдованія и работы по исторіи развитія животныхъ и растеній сводятся поэтому почти исключительно къ выясненію и описанію развитія сборныхъ, колоніальныхъ существъ, оставляя совершенно въ сторонѣ организмы простые (элементарные).

Между тѣмъ въ основѣ біологическихъ разысканій уже потому должно быть положено возможно болѣе обстоятельное и совершенное знакомство съ жизнью элементарныхъ организмовъ, что организмы колоніальные представляютъ образованія производныя и, слѣдовательно, несравненно болѣе сложныя.

Съ біологической точки зрѣнія мнѣ представляется поэтому наиболѣе раціональнымъ распредѣленіе живыхъ существъ въ двѣ группы: а) одноклѣтные (элементарные организмы) и б) многоклѣтные (организмы-колоніи). Несоотвѣтствіе этихъ двухъ группъ по объему не можетъ служить препятствіемъ ихъ установкѣ. Допуская, что организмы-колоніи произошли изъ организмовъ первой группы и, развиваясь по различнымъ типамъ и при разнообразнѣйшихъ условіяхъ, произвели несмѣтное множество новыхъ и болѣе или менѣе сложныхъ формъ, мы должны признать, что небольшое число элементарныхъ организмовъ сравнительно съ безконечнымъ разнообразіемъ организмовъ-колоній представляется совершенно естественнымъ и понятнымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, цѣлый рядъ переходныхъ формъ связываетъ элементарные организмы съ наиболѣе сложными организмами колоніи. Наиболѣе простые организмы-колоніи еще столь близки по совокупности остальныхъ признаковъ къ организмамъ элементарнымъ, что входятъ въ составъ тѣхъ же семействъ. Въ нихъ хотя и обнаруживается уже нѣкоторое подчиненіе отдѣльнаго недѣлимаго колоніи, но лишь въ самой простой, такъ сказать, легкой формѣ.

Наглядным примѣромъ можетъ служить Volvox globator, водоросль, представляющая построенный изъ прозрачной слизи шаръ, подъ поверхностью котораго расположены отдѣльныя недѣлимыя. Подчиненіе ихъ колоніи сказывается, во-первыхъ, въ ихъ оріентировкѣ; они обращены передними концами къ наружи и выставляютъ каждое по двѣ рѣснички; во-вторыхъ, передвиженіе колоніи требуетъ совокупнаго усилія, участія всѣхъ недѣлимыхъ, сказывающагося въ одновременномъ движеніи ихъ рѣсничекъ. При этомъ, однако, всѣ недѣлимыя совершенно одинаковы и настолько самостоятельны, что и по выдѣленіи изъ колоніи продолжаютъ расти и размножаться.

По мѣрѣ осложненія въ строеніи организма-колоніи, составляющіе его элементарные организмы являются болѣе и болѣе подчиненными и нерѣдко видоизмѣняются или даже атрофируются до неузнаваемости.

Органы организма-колоніи представляютъ, слѣдовательно, сравнительно съ органами элементарнаго организма, образованія высшаго порядка; тѣмъ не менѣе организмы-колоніи во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности вполнѣ обусловлены жизненными началами, заложенными въ элементарныхъ организмахъ, изъ которыхъ они построены, и въ состояніи воспроизвесть лишь въ большей сложности и разнообразіи жизнедѣятельность, свойственную послѣднимъ. На этомъ основаніи и было мною высказано выше, что прежде всего необходимо для біолога возможно обстоятельное разслѣдованіе элементарныхъ организмовъ.

Въ составъ этой группы входятъ организмы весьма различнаго строенія съ цѣлымъ рядомъ переходныхъ формъ отъ простѣйшихъ до рѣсничныхъ инфузорій включительно. Въ данномъ случаѣ особенный интересъ представляетъ рѣшеніе вопроса — до какой степени можетъ достигнуть уже въ элементарномъ организмѣ дифференцировка на органы, и насколько проявляются уже въ элементарныхъ организмахъ наиболѣе характерные аттрибуты жизни высшихъ животныхъ и человѣка — физіологическія функціи (питаніе, дыханіе, ростъ и размноженіе) и психическіе акты?

Въ рѣчи, произнесенной на одномъ изъ общихъ собраній восьмого съѣзда естествоиспытателей и врачей (въ Петербургѣ), я собралъ по возможности интересныя данныя касательно сложной организаціи рѣсничныхъ инфузорій и проявляемыхъ ими психическихъ актовъ. Разнообразныя рѣснички, служащія для ихъ произвольныхъ движеній, присутствіе рта, нерѣдко съ глоткою, снабженнаго сложнымъ аппаратомъ для перетиранія и измельчанія пищи, присутствіе опредѣленнаго отверстія для отброса извер-

женій, сократительныя волоконца, соотвѣтствующія мускуламъ высшихъ животныхъ, ритмически-пульсирующія вакуоли и другія болѣе мелкія особенности строенія—свидѣтельствуютъ, я полагаю, достаточно ясно о высокой организаціи рѣсничныхъ инфузорій. Снабженныя этими органами инфузоріи ростутъ на счетъ принятой пищи, дышатъ, движутся и размножаются, частью дѣленіемъ, частью половымъ путемъ; имъ присущи и психическіе акты.

Къ сожалѣнію, предметъ этотъ мало интересовалъ до сихъ поръ ученыхъ, и этимъ объясняется сравнительно малое число имѣющихся наблюденій; но, къ счастью, и эти немногія наблюденія вполнѣ доказательны. Среди инфузорій встрѣчаются хищныя формы — *инфузоріи-охотники*, которыя гоняются за живою добычею: однѣ приводятъ преслѣдуемое животное въ неподвижное состояніе, поражая его градомъ маленькихъ острыхъ иглообразныхъ тѣлецъ—трихоцистъ; другія, настигнувъ добычу, или проглатываютъ ее цѣликомъ, или откусываютъ болѣе или менѣе значительную часть ея тѣла; третьи прокалываютъ добычу и питаются вытекающимъ изъ нея содержимымъ. Преслѣдуя добычу, они совершаютъ цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ движеній, чтобы овладѣть ею, т.-е. проявляютъ несомнѣнно при этомъ психическую дѣятельность; равнымъ образомъ, ускоренное и разнообразное движеніе преслѣдуемой добычи свидѣтельствуетъ о психической жизни послѣдней. Не типичные ли это волевые акты? Весьма любопытны въ данномъ отношеніи и указанія на временное возбужденіе, подмѣченное у нѣкоторыхъ инфузорій (Paramaecium) передъ конъюгаціей, соотвѣтствующей половому акту высшихъ организмовъ. Конъюгаціи предшествуетъ рѣзко бросающееся въ глаза ускоренное движеніе и собираніе инфузорій кучками; эти явленія настолько характерны, что, руководствуясь ими, удается предсказать наступленіе конъюгаціи. Не будетъ ли большою натяжкою объясненіе этихъ проявленій жизни въ инфузоріяхъ чисто механическими процессами? Не гораздо ли логичнѣе и естественнѣе, допуская теорію эволюціи, признать въ элементарныхъ организмахъ основу жизни общую съ жизнью происшедшихъ изъ нихъ высшихъ организмовъ-колоній?

Изъ всего этого мы въ правѣ заключить, что элементарные организмы обладаютъ типичными органами, и что, при изученіи вопроса о возникновеніи и развитіи органовъ вообще, необходимо избрать матеріаломъ для изслѣдованія элементарные организмы. Не имѣя, однако, возможности проникнуть, въ настоящее время, ни въ детали строенія тѣла элементарныхъ организмовъ, ни въ тайны совершающихся въ немъ процессовъ, мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу вновь съ мучительною загадкою касательно строенія

и развитія органовъ болѣе сложныхъ животныхъ и растеній, которая, казалось, начинала выясняться изслѣдованіями Швана; открытое имъ сходное элементарное строеніе изъ болѣе простыхъ единицъ-клѣтокъ возбудило надежду, посредствомъ разложенія сложнаго объекта изслѣдованія на болѣе простые элементы, какими представлялись по тогдашнему описанію клѣтки, приблизиться къ рѣшенію развитія отдѣльныхъ органовъ и всего организма. Передъ нами предстала въ элементарныхъ организмахъ группа формъ съ обособленными органами, при отсутствіи клѣточнаго строенія. Органъ, а не клѣтка, долженъ быть признанъ первичнымъ продуктомъ дифференцировки организма. Классическія изслѣдованія Швана сохранили и по сіе время въ полной мѣрѣ свое высокое значеніе по отношенію къ единству строенія растеній и животныхъ. Результаты же ихъ, какъ выше было показано, сводятся къ тому, что сложные организмы и ихъ органы построены изъ организмовъ элементарныхъ, снабженныхъ уже своими специфическими органами. Поэтому въ вопросѣ о развитіи органовъ вообще всего раціональнѣе начать съ изслѣдованія органовъ элементарныхъ организмовъ и затѣмъ уже перейти къ сложнѣйшимъ органамъ организмовъ-колоній. *Изученіе органовъ элементарныхъ организмовъ представляетъ, слѣдовательно, также одну изъ ближайшихъ задачъ біологіи.*

Перехожу теперь къ выясненію *послѣдней* изъ затрогиваемыхъ мною *ближайшихъ задачъ біологіи* — къ сближенію и возможно полному сліянію ея съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, отраслями наукъ, занимающихся разслѣдованіемъ психической (духовной) жизни живыхъ существъ, преимущественно съ психологіей. Въ тѣсномъ сближеніи біологіи съ послѣдней чувствуется настоятельная необходимость. Сліянію этому въ значительной степени благопріятствуетъ направленіе современной психологіи; по пріемамъ и постановкѣ вопросовъ разслѣдованія она очень близко подходитъ къ методу естественныхъ наукъ, при посредствѣ которыхъ получены уже многіе блестящіе результаты. Основанные на строго научнымъ образомъ устроенныхъ опытахъ и наблюденіяхъ и по возможности независимые отъ субъективнаго взгляда автора, результаты, этимъ способомъ полученные, обладаютъ цѣннымъ качествомъ: они являются *обязательными* для всякаго здравомыслящаго человѣка. Возможность примѣненія строго научнаго метода къ улучшенію психическихъ явленій, неразрывно связанныхъ съ жизнью живыхъ существъ, обязываетъ біологовъ расширить рамку своихъ изслѣдованій и стараться возстановить порванную связь между разысканіями природы и духа, утрата которой въ одина-

ковой степени вредно отразилась на ходѣ развитія этихъ двухъ областей человѣческаго знанія.

До настоящаго времени исключительно міръ внѣшній привлекалъ къ себѣ вниманіе натуралистовъ, между тѣмъ какъ явленія духовной жизни: сознаніе, мысли, чувства и воля, всецѣло оставались предметомъ наукъ философскихъ. Натуралисты или совершенно оставляли ихъ въ сторонѣ, или же, истолковывая духовныя явленія какъ наисложнѣйшія изъ явленій природы, предоставляли изученіе ихъ будущимъ поколѣніямъ, не находя возможнымъ приступить къ ихъ разслѣдованію, пока не выяснятся болѣе простые, легче доступные разысканію предметы.

Игнорированіе проявленія духовной жизни въ природѣ при объясненіи ея явленій, въ особенности въ области біологіи, представляется мнѣ въ настоящее время невозможнымъ, и я убѣжденъ, что въ недалекомъ будущемъ оно перейдетъ въ число пережитыхъ человѣчествомъ заблужденій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мыслимо въ біологическихъ работахъ миновать разъясненія высшихъ проявленій жизни человѣка и животныхъ, ихъ сознательной жизни и неразрывно связанныхъ съ нею волевыхъ актовъ? Развѣ не представляется одною изъ любопытнѣйшихъ задачъ въ этой области изученіе духовной жизни въ организмахъ болѣе простой организаціи, до элементарныхъ организмовъ включительно? При этомъ сама собою напрашивается мысль, что еслибы удалось убѣдиться въ присутствіи психическихъ актовъ у простѣйшихъ, изъ которыхъ произошли посредствомъ эволюціи и животныя и растенія, то не окажется ли психическое начало въ извѣстной степени присущимъ и въ растеніяхъ, и нельзя ли предположить, что при его посредствѣ образовались и въ нихъ многочисленныя и разнообразныя приспособленія къ окружающимъ условіямъ?

Тщетно было бы искать не только разъясненія, но даже и обсужденія этихъ вопросовъ въ ученыхъ трактатахъ біологовъ. Изъ современныхъ натуралистовъ только Гекель сдѣлалъ попытку, допустивъ сознаніе въ атомахъ, одухотворить природу и изъ совокупнаго дѣйствія этихъ элементарныхъ сознаній объяснить сложныя явленія духовной жизни животныхъ и человѣка. Къ сожалѣнію, однако, болѣе детальныхъ и обоснованныхъ разысканій касательно намѣченныхъ мною вопросовъ у него не имѣется. Философы въ этомъ отношеніи опередили натуралистовъ: у Шопенгауэра, Фехнера, Спенсера, Гартмана и Вундта, мнѣ удалось заимствовать очень много интересныхъ данныхъ по этому вопросу.

Наиболѣе правильнымъ и раціональнымъ пріемомъ при изслѣ-

дованіи ряда явленій совершенно справедливо считается изученіе ихъ въ прогрессивномъ порядкѣ, отъ наиболѣе простыхъ къ самымъ сложнымъ; въ изслѣдованіи же явленій жизни духовной пріемъ этотъ оказывается однако непригоднымъ, вслѣдствіе слѣдующаго соображенія: изъ явленій духовной жизни, наблюдаемыхъ въ природѣ, нашему непосредственному наблюденію и разслѣдованію являются самыми доступными тѣ, которыя происходятъ въ насъ самихъ; ими мы живемъ; при посредствѣ ихъ чувствуемъ и мыслимъ; ихъ каждый изъ насъ ощущаетъ въ себѣ непрестанно. Поэтому, несмотря на необычайную сложность, духовныя проявленія нашей жизни, знакомыя намъ изъ повседневнаго личнаго опыта, представляютъ наиболѣе пригодную исходную точку для разысканій въ области психическихъ явленій. Этимъ объясняется, почему изслѣдователямъ этихъ явленій въ природѣ—философамъ—человѣкъ служилъ почти исключительно предметомъ изученія.

Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ и характерныхъ признаковъ психическихъ процессовъ являются волевые акты. Изслѣдованія нашей внутренней духовной жизни обнаружили, что исходною точкою волевыхъ актовъ служатъ ощущенія внутренняго происхожденія, или возникающія какъ непосредственныя слѣдствія раздраженія нашихъ органовъ чувствъ внѣшними дѣятелями. Ощущенія порождаютъ: 1) представленія, сопровождаемыя чувствомъ удовольствія или недовольства; 2) стремленіе организма реагировать на полученное раздраженіе сообразно съ возбужденнымъ чувствомъ, и 3) вызванные этимъ стремленіемъ или желаніемъ волевые акты. Дѣйствія, производимыя съ опредѣленною цѣлью, могутъ, слѣдовательно, служить вѣрнымъ признакомъ и проявленія духовной причины.

II.

Не будучи спеціалистомъ-психологомъ, я лишь настолько коснусь явленій духовной жизни, насколько мнѣ это представляется возможнымъ, не теряя твердой почвы подъ ногами. Поэтому и оставлю совершенно въ сторонѣ разсужденія о природѣ проявляющагося въ жизни организмовъ духовнаго начала и связанныхъ съ нимъ вопросовъ о сущности сознанія, о чувствахъ и свободѣ воли, которыхъ и психологи послѣдняго времени касаются лишь весьма осторожно. Говоря о явленіяхъ духовныхъ и матеріальныхъ, я сообразно выше сказанному буду пользоваться слѣдующимъ, до нѣкоторой степени искусственнымъ, но для моей цѣли,

съ надлежащими ограниченіями, вполнѣ пригоднымъ критеріемъ: всякій актъ или дѣйствіе, производимые организмомъ съ явною преднамѣренною цѣлью, вслѣдствіе ли воздѣйствія міра внѣшняго или побужденія внутренняго, я, согласно общепринятому обычаю, буду называть *духовными* (психическими); всякое же явленіе, въ которомъ этотъ признакъ отсутствуетъ, я буду, въ противоположность духовнымъ, относить къ *матеріальнымъ*. Руководствуясь этимъ критеріемъ, конечно можно надѣяться лишь расширить область духовныхъ явленій въ природѣ, вполнѣ сознавая, что они могутъ оказаться со временемъ и за указанными мною предѣлами, оставаясь пока скрытыми по недоступности ихъ разслѣдованія.

Проявленіе духовной жизни, насколько намъ извѣстно, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ матеріальнымъ субстратомъ совершенно своеобразнаго строенія, называемаго *организованнымъ*; самостоятельно же, безъ него она нигдѣ не обнаруживается. Едва замѣтная въ новорожденномъ недѣлимомъ духовная жизнь развивается параллельно развитію организма, достигаетъ полнаго расцвѣта въ зрѣломъ возрастѣ недѣлимаго, а затѣмъ, по мѣрѣ разрушенія организма въ старости, ослабѣваетъ и со смертью его прекращается; остается лишь бездушное тѣло, ничѣмъ не отличающееся отъ окружающей мертвой природы.

Наибольшей интенсивности и развитія достигаетъ духовная жизнь въ человѣкѣ, а затѣмъ въ животныхъ, слабѣя по мѣрѣ упрощенія ихъ организаціи; тѣмъ не менѣе однако, какъ мы видѣли, она присуща и простѣйшимъ организмамъ. Вышеописанные пріемы преслѣдованія и ловли добычи инфузоріями-охотниками представляютъ несомнѣнные цѣлесообразные акты, немыслимые безъ сознанія инфузоріей не только близости добычи, но и направленія ея быстрыхъ передвиженій.

Къ числу цѣлесообразныхъ движеній рѣсничныхъ инфузорій относятся и слѣдующія, наблюденныя Энгельманомъ: рѣсничныя инфузоріи (Stentor, Bursaria и Paramaecium) симбіотически соединенныя съ зелеными водорослями, передвигаются по направленію падающаго свѣта лишь въ томъ случаѣ, если передвиженіе это является необходимымъ для поддержанія ихъ жизни—или, формулируя положеніе точнѣе, тогда, когда начинаетъ ощущаться инфузоріями недостатокъ кислорода. Переходя въ мѣсто болѣе освѣщенное, онѣ восполняютъ недостатокъ кислорода окружающей среды кислородомъ, который выдѣляется на свѣтѣ заключенными въ нихъ зелеными водорослями. При пропусканіи струи кислорода въ жидкость, инфузоріи эти переходятъ даже изъ свѣтлой части сосуда въ темную. Вслѣдствіе этого понятно, что въ водѣ, бога-

той кислородомъ, они и при одностороннемъ освѣщеніи остаются неподвижными, но немедленно передвигаются по направленію свѣта, если задержать доступъ къ нимъ кислорода. Причиною передвиженія къ свѣту вышеназванныхъ зеленыхъ инфузорій является чувство недовольства или вѣрнѣе безпокойства, вызванное недостаткомъ кислорода, подобно тому, какъ импульсомъ погони за добычею инфузорій-охотниковъ — ощущеніе, сходное съ голодомъ, сопровождаемое подобнымъ же ощущеніемъ. Въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно, связующимъ звеномъ раздраженія организма и послѣдующей реакціи его—является совершенно чуждое (по современному представленію) механическому воззрѣнію психическое начало, хорошо знакомое каждому изъ насъ изъ повседневнаго опыта. Приводимый здѣсь мною взглядъ на психическую жизнь рѣсничныхъ инфузорій не соотвѣтствуетъ общепринятому. Наиболѣе крупный авторитетъ по изслѣдованію простѣйшихъ организмовъ—Бючли [1]) допускаетъ, что въ „инфузоріи, какъ вообще въ живой субстанціи (lebende Substanz), нельзя отрицать неяснаго ощущенія (dumpfes Empfinden) внутреннихъ состояній и измѣненій ихъ внѣшними раздраженіями, а равно и вызванныхъ этими причинами реакцій (организма). Но „чрезвычайно сложное строеніе центральныхъ нервныхъ органовъ у Metazoa (организмы-колонія), которымъ все-таки часто обусловлено лишь слабое самосознаніе, исключаетъ, по мнѣнію Бючли, мысль о возможности подобныхъ процессовъ въ простой клѣткѣ Protozoa. Соображенія эти на мой взглядъ однако не совсѣмъ правильны. Рѣшающимъ моментомъ при опредѣленіи, имѣемъ ли мы передъ собою сознательный волевой актъ, или нѣтъ, долженъ быть признанъ исключительно характеръ наблюдаемаго акта, совершенно независимо отъ строенія организма, его производящаго. Погоня за добычею неизмѣнно сохраняетъ характеръ сознательнаго волевого акта, независимо отъ того, производитъ ли ее человѣкъ, или хищное животное изъ высшихъ, или наконецъ инфузорія, и если только фактъ погони и употребляемые при этомъ разнообразные пріемы установлены надежнымъ образомъ, какъ то установлено относительно рѣсничныхъ инфузорій, то остается, по моему мнѣнію, лишь признать за послѣдними сознательные волевые акты, и какъ дальнѣйшее неизбѣжное слѣдствіе допустить, въ противоположность господствующему мнѣнію, проявленіе сознательныхъ волевыхъ актовъ въ организмахъ элементарныхъ, вполнѣ лишенныхъ обособленной нервной системы.

[1]) Bütschli, Protozoa, Abth. III, p. 1787—1788.

Кромѣ этихъ инфузорій, многіе изъ элементарныхъ зеленыхъ организмовъ обнаруживаютъ, какъ извѣстно, геліотропическія движенія; совершенно подобное проявляютъ и зооспоры водорослей. Импульсъ передвиженія въ зависимости отъ свѣта, по всему вѣроятію, такой же, какъ у зеленыхъ инфузорій; въ пользу этого предположенія говорятъ слѣдующіе факты: элементарные зеленые организмы и зооспоры также нуждаются въ свѣтѣ; только при содѣйствіи его они могутъ жить и развиваться; оставленные въ темнотѣ—погибаютъ. Въ затемненномъ сосудѣ они разбѣгаются въ разныя стороны; при одностороннемъ же освѣщеніи, они собираются обыкновенно зеленой полоской у стѣнки сосуда, со стороны окна. Передвиженіе, слѣдовательно, совершается съ цѣлью отыскать свѣтъ, наиболѣе для нихъ пригодный, обыкновенно средней напряженности; достигнувъ освѣщеннаго мѣста, они начинаютъ ассимилировать пищу, разлагая при этомъ углекислоту съ выдѣленіемъ кислорода, ростутъ и размножаются.

Принявъ психическое начало за импульсъ геліотропическихъ движеній, нельзя не признать его и за исходную точку обнаруживаемыхъ подъ вліяніемъ другихъ внѣшнихъ дѣятелей передвиженій (гео-, термо-, трофо-, гальвано-тропизмъ и др.).

Имѣя далѣе въ виду, что изъ группы простѣйшихъ организмовъ, въ которыхъ мы признали психическую жизнь, выработались путемъ постепеннаго осложненія, кромѣ животныхъ, и растенія, и что послѣднія суть лишь колоніи изъ организмовъ элементарныхъ, а слѣдовательно могутъ представлять только развитіе качествъ, свойственныхъ послѣднимъ,—приходится и во всѣхъ растеніяхъ предположить психическое начало.

Натуралисту предстоитъ впредь считаться съ психическимъ началомъ и присущимъ организмамъ чувствомъ довольства и неудовольствія; разслѣдованіе сути и его происхожденія тѣмъ интереснѣе, что, по мнѣнію многихъ психологовъ, оно находится въ тѣснѣйшей связи со степенью пользы или вреда для организма отъ испытуемаго имъ раздраженія; все благопріятствующее жизни организма возбуждаетъ чувство удовольствія, все же вредное и угрожающее—чувство недовольства.

Введеніе подобной духовной причины несомнѣнно отстраняетъ на долгое время возможность выясненія многихъ проявленій жизни, которыя, по общему мнѣнію, казались легко объяснимыми механическимъ путемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ невозможнымъ возобновленіе дѣтски наивныхъ воззрѣній на процессы жизни (*Ферворнъ*) и направитъ вниманіе естествоиспытателей на не менѣе любопытные факты и явленія изъ жизни духовной. Мнѣ пред-

ставляются попытки объяснить жизненныя отправленія механическимъ путемъ столь же безплодными, каковыми были попытки объяснить молнію и громъ до открытія электричества; только овладѣвъ электрическими явленіями, удалось постичь происхожденіе молніи.

Немногихъ приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какое важное значеніе въ толкованіи біологическихъ явленій можно ожидать отъ сліянія біологіи съ психологіей, которая, по опредѣленію одного изъ извѣстныхъ современныхъ психологовъ, „есть часть біологіи“. Особенно интересными являются въ этомъ отношеніи психологія животныхъ и лишь въ недавнее время возникшая физіологическая психологія, занимающаяся исключительно разслѣдованіемъ процессовъ въ организмѣ, стоящихъ на рубежѣ явленій матеріальныхъ, съ одной стороны, и духовныхъ — съ другой.

III.

Перехожу теперь къ другому, сродному съ разсмотрѣннымъ вопросу: не отражается ли духовная жизнь на строеніи организма и не запечатлѣваетъ ли она на немъ слѣды своего на него воздѣйствія, видоизмѣняя строеніе его частей и, можетъ быть, и ихъ форму? Наблюденія, взятыя изъ вседневной жизни, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Всякому извѣстно, что, смотря по желанію, человѣкъ можетъ сдѣлаться, напр., виртуозомъ, приспособивъ пальцы къ чрезвычайно быстрымъ, ритмическимъ движеніямъ; или пѣвцомъ, приспособивъ голосовой аппаратъ къ воспроизведенію по желанію мелодичныхъ звуковъ; гимнастомъ, приспособивъ тѣло къ акробатическимъ движеніямъ; результаты эти достижимы, какъ всякій знаетъ, не иначе, какъ при посредствѣ измѣненій въ строеніи и свойствахъ упражняемыхъ органовъ. Въ продолженіе жизни индивидуума результаты получаются еще сравнительно небольшіе; если же представить себѣ, что потребность въ опредѣленныхъ упражненіяхъ продолжается въ теченіе жизни многихъ поколѣній, то результатъ получится уже несравненно болѣе осязательный. Особенно крупные результаты измѣненія строенія и формы организма, подъ вліяніемъ присущихъ организму желаній или, другими словами, его духовной жизни, слѣдуетъ ожидать у животныхъ, такъ какъ отъ степени приспособленія ихъ организма къ окружающимъ условіямъ зависитъ исходъ ихъ борьбы за существованіе.

Человѣкъ находится въ нѣсколько иныхъ условіяхъ. По вѣр-

ному замѣчанію Уэллеса, одно изъ характернѣйшихъ отличій человѣка отъ животныхъ заключается въ томъ, что онъ для приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ не нуждается въ измѣненіи своей организаціи; онъ не поставленъ, подобно животнымъ, въ необходимость вырабатывать на своемъ тѣлѣ шубу, чтобы провесть зиму въ холодномъ климатѣ; человѣкъ окружаетъ свое тѣло одеждой, живетъ въ теплыхъ домахъ, умѣетъ защитить себя и отъ непомѣрной жары, и прожить, если понадобится, въ необитаемыхъ и пустынныхъ странахъ, запасшись достаточнымъ количествомъ пищи. Отсутствіемъ необходимости прибѣгать къ измѣненію своей организаціи естественнымъ образомъ объясняются малые слѣды воздѣйствія духовной стороны его на организацію тѣла.

Тѣмъ не менѣе, достигаемая чрезъ упражненіе человѣкомъ механизація сознательныхъ отправленій чрезвычайно способствуетъ развитію его духовной дѣятельности; по мѣрѣ упражненія желаемое дѣйствіе достигается легче и легче, при постепенно уменьшающемся содѣйствіи сознанія, и совершается наконецъ механически, безсознательно; оказывается достаточнымъ только пожелать его произвесть, и оно немедленно производится. Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ примѣровъ представляется постепенный навыкъ въ чтеніи; въ началѣ учащійся все вниманіе свое устремляетъ на отдѣльныя буквы; нѣсколько времени спустя, начинаетъ читать по слогамъ, затѣмъ переходитъ къ чтенію словъ и наконецъ читаетъ уже цѣлыя мысли, разбирая книгу, не останавливаясь на словахъ и тѣмъ болѣе—на отдѣльныхъ буквахъ. Въ то же время, однако, каждая буква доходитъ до нашего сознанія; въ этомъ убѣждаетъ насъ фактъ, что даже при весьма быстромъ чтеніи замѣчаются опечатки, перевернутыя буквы и другіе недосмотры въ печатаніи.

Наглядный примѣръ механизаціи движеній, достигнутыхъ упражненіемъ, можно наблюдать на виртуозахъ, которые настолько владѣютъ механизмомъ игры, что въ состояніи разговаривать, разыгрывая трудно исполнимыя музыкальныя произведенія. Совершенно безсознательно передвигаемъ мы ноги и тѣло во время ходьбы, соразмѣряя, однако, и видоизмѣняя движенія соотвѣтственно рельефу почвы, по которой идемъ. Подобной механизаціей психическихъ процессовъ необычайно облегчается и ускоряется развитіе нашей мыслительной способности.

Всѣ эти результаты достигаются только подъ условіемъ измѣненій, вызываемыхъ въ нашемъ организмѣ посредствомъ неустаннаго и продолжительнаго упражненія и притомъ путями для насъ

совершенно невѣдомыми; мы добиваемся желаемаго, принуждая себя производить повторительныя движенія въ извѣстномъ направленіи.

Къ совершенно подобнымъ пріемамъ прибѣгаютъ и животныя для совершенствованія отправленій своего тѣла. Извѣстные каждому изъ повседневнаго наблюденія факты не требуютъ дальнѣйшаго выясненія; интересными примѣрами служатъ игры молодыхъ котятъ и щенковъ, а также первыя упражненія въ полетѣ птицъ, напр.—ласточекъ, въ чемъ онѣ быстро достигаютъ совершенства.

Мы видимъ, слѣдовательно, что какъ у человѣка, такъ и у животныхъ психическое начало вліяетъ на организацію, измѣняя ее въ опредѣленномъ смыслѣ, а съ другой стороны вызванное въ организмѣ измѣненіе отражается на ходѣ психическихъ процессовъ и обусловленныхъ имъ волевыхъ актовъ. Взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ родовъ явленій, матеріальныхъ и духовныхъ, вырабатывается какъ форма, такъ и строеніе организма и составляющихъ его органовъ. Здѣсь происходитъ, слѣдовательно, нѣчто похожее на то, что бываетъ при стремленіи человѣка достигнуть намѣченной цѣли посредствомъ прибора или машины: изобрѣтается прежде всего приборъ, дающій возможность, хотя и въ очень неудовлетворительномъ видѣ, осуществить задуманное. Ближайшею задачею является совершенствованіе прибора посредствомъ цѣлесообразныхъ въ немъ измѣненій; улучшенный приборъ, въ свою очередь, облегчаетъ достиженіе желаемаго; результаты получаются болѣе удовлетворительные, и при этомъ выясняются дальнѣйшія желательныя измѣненія въ приборѣ или машинѣ. Общій ходъ прогресса въ достиженіи намѣченной цѣли состоитъ, слѣдовательно, въ поперемѣнномъ совершенствованіи прибора, или машины, съ одной стороны, и результатовъ—съ другой.

Поэтому мнѣ представляется стремленіе объяснить строеніе и развитіе организма и его органовъ механическимъ путемъ, столь же нелогичнымъ и неправильнымъ, какъ попытки объяснить на этомъ основаніи форму стула, стола, картины и другихъ произведеній человѣка, въ образованіи которыхъ участвовала *и его духовная* сторона.

На основаніи сказаннаго, ближайшія задачи біологіи сводятся къ слѣдующимъ:

1) Выяснить строго научными пріемами вопросъ объ эволюціи.

2) Изслѣдовать строеніе, развитіе и воспроизведеніе органовъ элементарныхъ организмовъ.

3) Стремиться въ сліянію біологіи съ психологіею для изученія по мѣрѣ возможности духовныхъ явленій въ природѣ.

Неоднократно приходилось мнѣ упоминать о психическомъ или духовномъ началѣ и духовныхъ явленіяхъ, противопоставляя ихъ явленіямъ матеріальнымъ. Для различенія ихъ я воспользовался хотя и характернымъ, но совершенно искусственнымъ признакомъ, не касающимся сути явленій духовныхъ. Меня въ правѣ спросить: въ чемъ же суть послѣднихъ, и какое я признаю соотношеніе между духомъ и такъ называемою мертвою природою? Я отвѣчу на это слѣдующимъ сравненіемъ: для простого, необразованнаго человѣка нѣтъ контраста большаго, какъ небо и земля. Земля для него центръ міра; вокругъ нея вращаются и солнце, и луна, и необъятный, усѣянный звѣздами сводъ небесный, и не можетъ быть ничего общаго, по его мнѣнію, между землею, на которой человѣкъ обреченъ влачить жизнь, полную горя, болѣзней и всякихъ лишеній, и сводомъ небеснымъ, въ которомъ царитъ безмятежное и величественное спокойствіе, проникающее и въ душу человѣка при созерцаніи красотъ звѣзднаго неба. Прошло не болѣе четырехъ вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ это мнѣніе было общепринятымъ. Тѣмъ не менѣе со времени безсмертныхъ трудовъ Коперника старыя воззрѣнія смѣнились новыми: земля оказалась небольшою звѣздочкой, освѣщаемой солнцемъ и несущейся съ неимовѣрною скоростью вмѣстѣ съ солнцемъ, подобно остальнымъ небеснымъ свѣтиламъ, по безграничному звѣздному міру, а мы—„гражданами неба“, какъ выражается Сперо въ „Уранiи“ Фламмаріона.

Не меньшимъ контрастомъ, чѣмъ небо и земля въ прошломъ, представляется въ настоящее время мыслящему человѣку противоположность между духомъ и окружающей насъ природой. Дуализмъ этотъ не удалось устранить ни одному изъ величайшихъ мыслителей ни прошедшаго, ни настоящаго времени, хотя основною цѣлью любой философской системы является стремленіе замѣнить этотъ дуализмъ однимъ общимъ началомъ. Придерживаясь строго естественно-историческаго метода, сослужившаго уже славную службу человѣчеству, мнѣ не представляется въ настоящемъ случаѣ другого исхода, какъ допустить временно этотъ дуализмъ, не отрицая, однако, возможности желаемаго сліянія во единое духа и природы—въ будущемъ.

---

[1]) Фламмаріонъ, „Уранія“, стр. 76.

Исходя изъ этого положенія, предстоитъ натуралистамъ не замыкаться впредь въ изученіи явленій матеріальныхъ, но распространить опыты и наблюденія на проявленіе духа какъ въ нашей внутренней жизни, такъ и въ природѣ насъ окружающей, подготовляя надежный фактическій матеріалъ для грядущихъ поколѣній,—въ надеждѣ, что появится среди нихъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ мощный геній, которому подъ силу будетъ рѣшеніе этого вопроса, представляющагося намъ неприступнымъ. На очереди стоятъ теперь другіе вопросы, болѣе скромныя, подготовительныя работы. Займемся же ими, въ надеждѣ, что онѣ послужатъ грядущему Копернику надежнымъ матеріаломъ—для синтеза природы и духа.

А. Фаминцынъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
Гр. А. К. ТОЛСТОГО.

Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца:
Какъ, юнаго взваливъ на плечи онъ тельца,
Чтобъ силу крѣпкихъ мышцъ умножить постепенно,
Вкругъ городской стѣны носилъ его, согбенный,
И ежедневно трудъ свой повторялъ, пока
Телецъ тотъ не дорось до тучнаго быка.

Въ дни юности моей, съ судьбой въ отважномъ спорѣ,
Я, какъ Милонъ, взвалилъ себѣ на плечи горе,
Не замѣчая самъ, что ноша тяжела;
Но съ каждымъ днемъ она невидимо росла...
И вотъ подъ ней глава моя ужъ посѣдѣла,—
А тягость все ростетъ безъ мѣры и предѣла.

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ

и

ЕЯ БІОГРАФЫ *)

Въ 1844 и 1845 годахъ, Жюль Гетцель, писавшій подъ псевдонимомъ П. Ж. Сталя, издалъ курьёзный литературный сборникъ: „Le Diable à Paris“. Всѣ лучшія тогдашнія художественныя и литературныя силы участвовали въ немъ. Вмѣсто вступленія къ сборнику, иллюстрированному Гаварни, Добиньи, Франсе, Берталемъ и др., служитъ длинная статья Lavallée: „Histoire de Paris“, а въ самомъ сборникѣ мы находимъ длинный рядъ повѣстей, разсказовъ, этюдовъ и статей, подписанныхъ такими именами, какъ Жоржъ-Зандъ, Бальзакъ, Альфредъ де-Мюссé, Теофиль Готьé, Шарль Нодьé, Фредерикъ Сульé, Октавъ Фёльé, Леонъ Гозланъ, Фредерикъ Берá, Альфонсъ Карръ, Мерѝ, Жераръ де-Нервалъ, Арсенъ Гуссé и мн. др. Но что̀ значило странное заглавіе сборника? Въ юмористической формѣ, Сталь, перу котораго принадлежитъ предисловіе и весь связующій отдѣльныя статьи текстъ, разсказываетъ слѣдующее: „Сатана, соскучившись въ аду, пустился путешествовать по всему подвластному ему царству, посѣтилъ всѣ свои владѣнія, лишь не успѣлъ посѣтить землй, и только-что вернувшись, задумался, какъ бы пособить этому горю; вдругъ въ дверяхъ ада послышался страшный шумъ. Оказалось, что это явилась новая толпа грѣшниковъ. „Откуда именно?“ — „Всѣ изъ Парижа“. Обрадовавшись,

*) Глава изъ приготовляемой книги о Жоржъ-Зандъ. — *Авт.*

что если не о всей землѣ, то хоть о небольшомъ уголкѣ ея онъ можетъ получить свѣденія, Сатана принялся разспрашивать грѣшниковъ, что это такое Парижъ? — и былъ пораженъ совершеннымъ противорѣчіемъ отвѣтовъ: въ то время, когда одни увѣряли, что это лучшее мѣсто въ мірѣ, другіе жаловались и всячески бранили Парижъ. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ отвѣтовъ этихъ Сатана могъ вывести только то заключеніе, что Парижъ—мѣсто весьма интересное. Но какъ же получить о немъ вѣрныя свѣденія? Очень просто. Сатана немедленно отряжаетъ своего секретаря и лейбъ-адъютанта, маленькаго чертенка Фламмеша, и приказываетъ ему какъ можно скорѣе и какъ можно подробнѣе все разузнать и донести ему, Сатанѣ, что это за городъ Парижъ. Фламмешъ, въ видѣ фланёра, появляется на парижскихъ бульварахъ, но, едва очутившись тамъ, влюбляется. Очевидно, ничего серьезнаго и толковаго онъ писать не можетъ, —развѣ только одни billets-doux. Бѣдный чортъ въ отчаяніи. Что ему дѣлать?! Вдругъ ему приходитъ въ голову блестящая мысль: а пусть за него поработаютъ люди! И вотъ онъ приглашаетъ всѣхъ художниковъ, писателей, мыслителей и поэтовъ написать и нарисовать для его почтоваго ящика (tiroir du diable) кто что можетъ. И дѣйствительно, на Фламмеша такъ и посыпались рукописи и рисунки. Ему оставалось лишь просматривать, перечитывать и пересылать въ адъ все то, что художники и писатели несутъ и тащатъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Фламмешъ въ восторгѣ, и, успокоившись окончательно, онъ пишетъ всеподданнѣйшій докладъ Сатанѣ и бросаетъ его въ пространство со словами: „va au diable!“ (ступай къ чорту!). Докладъ этотъ и приложенъ къ книгѣ въ видѣ подлиннаго рукописнаго рапорта; вмѣсто орнамента онъ окруженъ цѣлой гирляндой чертенятъ съ ихъ аттрибутами и съ грѣшниками. Начинается докладъ этотъ словами: „Sire! Nous avions tort de faire fi des hommes; ces pygmées sont des géants et à côté de leurs femmes ces géants ne sont eux-mêmes que des pygmées...“ [1]) и т. д., и т. д.

Думалъ ли Сталь дѣйствительно, что единственная, подписанная женскимъ именемъ, статья его сборника выше всѣхъ остальныхъ, написанныхъ для него мужчинами-писателями, или это говоритъ влюбленный Фламмешъ просто изъ любезности къ дамамъ вообще—трудно рѣшить. Но вышло такъ, что „Coup d'oeil général sur Paris“ — страстная и мрачная филиппика Жоржъ-

[1]) „Ваше величество, мы напрасно гнушались людьми; эти пигмеи—гиганты; но рядомъ съ своими женщинами эти гиганты—сами пигмеи“...

Зандъ противъ счастья горсти богатыхъ и знатныхъ при всеобщей бѣдности и несчастьѣ остальной массы народа, противъ эксплоатаціи этой массы единичными богачами, противъ капитализма вообще, противъ искусственной городской жизни, сословной вражды и всякой нетерпимости, съ горячимъ призывомъ къ равенству, братству и любви и съ не менѣе горячею надеждою на лучшее будущее—эти нѣсколько страничекъ, стоющія лучшихъ ея романовъ по проникающему ихъ глубокому чувству, являются головою выше всей книги—и остроумной болтовни Сталя, и поразительно блестящаго, но холодновато-добродушнаго скептицизма бальзаковской „Philosophie de la vie conjugale“ [1]), и граціозной „Mimi Pinson“, Мюссé, и всего остального... „Coup d'oeil général sur Paris“ стоитъ во главѣ сборника, и, можетъ быть, это—опять place aux dames! Но, оставивъ въ сторонѣ всякія галантности, на то же первое мѣсто мы поставили бы эту статью и по ея внутреннему достоинству. Своимъ серьёзнымъ тономъ она до того отличается отъ веселой, остроумной манеры остальныхъ писателей, что самъ Сталь нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣчто въ родѣ „перехода къ очереднымъ дѣламъ“—отъ нея къ остальнымъ беззаботно-веселымъ и безобиднымъ, а подчасъ и ѣдко-остроумнымъ (какъ очерки Бальзака) статьямъ. Невольно, читая ее, припоминаешь слова Гейне о Жоржъ-Зандъ: „Sie ist überhaupt eine der unwitzigsten Französinnen, die ich kenne“ [2]). И въ данномъ случаѣ эта Unwitzigkeit, это *неостроуміе*, прямо служитъ къ ея чести. Не до остроумія ей было. Въ эту минуту передъ ея умственнымъ взоромъ стояли серьёзнѣйшія задачи человѣчества и нашего вѣка — и о нихъ она не забывала ни на минуту. Когда Сталь настойчиво попросилъ ее участвовать въ сборникѣ — она не могла отказаться. „Tu m'as fait promettre, honnête Flammèche, de te dire mon mot sur Paris; et comme un diable candide et bénin que tu es, tu as insisté au point de rendre tout refus impossible. Prends garde de te répentir de ta politesse, car, en vérité, tu ne pourrais t'adresser plus mal“ etc. [3]) Итакъ, Жоржъ-Зандъ согласилась, но она все-таки осталась вѣрна себѣ

---

[1]) Чаще называется: „Les petites misères de la vie conjugale“.

[2]) Französische Zustände. Lutetia. S. 300. XI Band. H. Heine's sämmtlicher Werke. Hamburg, 1874.

[3]) „Ты заставилъ меня, честный Фламмешъ, пообѣщать тебѣ и мое „слово“ о Парижѣ, и, какъ безхитростный и добродушный чортъ, ты такъ настаивалъ, что отказаться было невозможно. Смотри, какъ бы тебѣ не пришлось раскаяться въ своей любезности, ибо, право, ты не могъ сдѣлать хуже, обратившись ко мнѣ“...

и дала глубоко прочувствованныя страницы. Въ нихъ слышится духовная дочь Ж.-Ж. Руссо.

Говоря о художественныхъ и матеріальныхъ наслажденіяхъ и красотѣ цивилизованой жизни, о праздникахъ, роскоши, произведеніяхъ искусства, и также о томъ, что есть люди, называющіе себя *свѣтомъ* (le monde), она восклицаетъ: „Да, человѣчество имѣетъ право на эти богатства, на эти удовольствія, на это нравственное и матеріальное удовлетвореніе. Но *все человѣчество*, слышите, весь людской міръ (le monde humain), всѣ, *весь свѣтъ* (tout le monde) долженъ пользоваться плодами своего труда и своего генія, а вовсе не только вашъ маленькій свѣтъ, который можно пересчитать поголовно и посемейно (par maisons). Это не вашъ свѣтъ бездѣльниковъ и безполезныхъ, эгоистовъ и гордецовъ, важныхъ и робкихъ, патриціевъ и банкировъ, выскочекъ и безнравственныхъ; это даже не вашъ міръ художниковъ, продавшихся успѣху, спекуляціи, скептицизму или ужасному равнодушію къ добру и злу. Ибо пока будутъ бѣдняки у вашихъ дверей; рабочіе безъ радостей и безъ обезпеченія; семейства, умирающія съ голоду и холоду въ отвратительныхъ логовищахъ; дома разврата, тюрьмы, больницы, на которыя вы иногда жертвуете подаяніе, но куда не рѣшаетесь входить,—до того онѣ отличаются отъ вашихъ роскошныхъ жилищъ; нищіе, которымъ вы бросаете сантимъ, но до отвратительной одежды которыхъ вы боялись бы коснуться; пока будетъ этотъ возмутительный контрастъ ужасающей нищеты, происходящей отъ вашей безумной роскоши, и милліоны существъ, жертвъ слѣпого эгоизма горсти богачей,—до тѣхъ поръ ваши праздники будутъ ужасать самого Сатану, и вашъ *свѣтъ* будетъ адомъ, который ничѣмъ не будетъ уступать аду поэтовъ и фанатиковъ“...

Далѣе, указавъ на разныя палліативныя мѣры противъ зла, которыми мало поможешь, и обращаясь опять къ Фламмешу, Жоржъ-Зандъ говоритъ: „Но, спросишь ты, развѣ нужно разрушить дома и запереть дворцы? развѣ нужно, чтобы мраморы и бассейны заросли терніемъ и крапивой? или нужно, чтобы красота облеклась во власяницу покаянія, чтобъ художники отправились на поклоненіе святымъ мѣстамъ, чтобы искусства погибли для того, чтобы вновь возродиться для новаго вдохновенія, чтобъ общество разсыпалось прахомъ, съ тѣмъ чтобы возстать какъ новый Іерусалимъ святыхъ и пророковъ? Все это посовѣтовать было бы совершенно безполезно, бѣсенокъ, и еще безполезнѣе было бы это предпринять безъ пониманія и безъ опредѣленной науки. Внезапный, новый порывъ милостыни вѣрующихъ (de l'aumône catholique) не помогъ бы такъ же, какъ не помогли бы и прак-

тическія попытки сдѣлокъ между эксплуататорами и производителями, которыя намъ нынѣче указываются мнимыми великими умами нашего вѣка. Милостыня, какъ и сдѣлка, только служитъ къ тому, чтобы отвергнуть священный и неискоренимый (imprescriptible) принципъ равенства. Это грубыя и мелочныя изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ лишь успокоиваютъ собственную совѣсть, поддерживая въ то же время униженіе и безнравственность человѣческую, эксплуатацію человѣка человѣкомъ. Ученіе извращено этими попытками; нужна новая наука, новое знаніе"... Изобразивъ рѣзкими чертами скуку, пустоту, безумную роскошь и развращенность нравовъ любого свѣтскаго собранія, Жоржъ-Зандъ, какъ средневѣковой авторъ „Danse macabre'a", говоритъ: „И мнѣ показалось, что точно въ какомъ-то подземельѣ подъ ногами танцующихъ я увидѣла въ перемежку трупы богачей, застрѣлившихся послѣ разоренія, и трупы бѣдняковъ, умершихъ съ голоду, въ то время какъ они трудились, чтобы увеселять этихъ безумныхъ богачей". И такъ же мрачно и окончаніе этой страстной импровизаціи:

„И я возвратился въ мою тихую и темную комнату и спросилъ себя: зачѣмъ, подобно столькимъ другимъ безумнымъ художникамъ, которые думаютъ, что разъ они съумѣли, благодаря извѣстному вкусу и изобрѣтательности, скромно украсить свое жилище, — что они этимъ самымъ обезпечиваютъ себѣ мирное размышленіе, легкій и пріятный трудъ и поэтическій колоритъ своимъ грёзамъ,—зачѣмъ и я постарался замкнуться отъ всякаго шума и окружить себя (placer sous mes yeux) кое-какими предметами искусства, образами красоты или залогами дружбы? И я отвѣтилъ себѣ, что, значитъ, я не стою больше, чѣмъ многіе другіе, и что гораздо легче говорить дурно о другихъ, чѣмъ поступать самому хорошо. И я почувствовалъ такое отвращеніе къ самому себѣ, при мысли, что у многихъ едва есть соломенный тюфякъ, чтобы согрѣться въ пустой и ледяной комнатѣ,—что мнѣ захотѣлось уйти изъ своего дома и болѣе никогда въ него не возвращаться. И еслибъ, какъ во времена Христа, были бѣдняки, приготовленные къ воспріятію Его ученія, я бы пошелъ къ нимъ бесѣдовать и молиться съ ними на мостовой (sur le pavé du bon Dieu). Но вѣдь бѣдняковъ даже и на улицѣ нѣтъ: вы запретили просить милостыню. И неимущій просить милостыню ночью съ ножемъ въ рукѣ. Да и вообще мое отчаяніе было бы лишь безумнымъ поступкомъ: у меня не было бы ни довольно золота, чтобы уменьшить страданія физическія, ни довольно знанія, чтобы распространить евангельское ученіе. Потому что если спасеніе

души и тѣла не идутъ бокъ-о-бокъ—можно впасть въ ужасающія заблужденія. Я это хорошо понималъ, и я былъ печаленъ, вознося къ небу свой безполезный—въ этомъ я признаюсь, Сатана,—протестъ; но ты напрасно бы пришелъ за мною, чтобы указать мнѣ съ высоты земныя царства и сказать мнѣ: „Все это твое, если ты поклонишься мнѣ". Я бы отвѣтилъ тебѣ: „Твое царство прейдетъ, искуситель, а твои *земныя царства* такъ безобразны, что не нужно уже и добродѣтели, чтобы презирать ихъ"...

Этотъ этюдъ, написанный въ 1844 г., въ разгаръ литературной дѣятельности Жоржъ-Зандъ, когда и талантъ, и слава ея достигли своей наивысшей точки, замѣчательно характеристиченъ для великой писательницы. Жоржъ-Зандъ особенно отличаетъ, въ теченіе всего сорокапятилѣтняго писательства ея, какъ во всѣхъ ея романахъ и повѣстяхъ, такъ и во всѣхъ статьяхъ и этюдахъ, — страстное увлеченіе всѣми самыми высшими идеалами человѣчества, убѣжденная проповѣдь этихъ идеаловъ и ярко выраженная субъективность писанія. Жоржъ-Зандъ никогда не была представительницей олимпійскаго безстрастія и такъ называемаго чистаго искусства. Страстная, увлекающаяся, часто не знающая предѣла въ своихъ увлеченіяхъ, умѣвшая горячо любить и ненавидѣть, и лишь къ концу своей жизни примирившая эту любовь къ доброму и ненависть ко всему эгоистическому и лживому въ еще болѣе всеобъемлющей любви къ человѣчеству,—Жоржъ-Зандъ, съ первой своей строчки и до послѣдней, всѣ эти черты вносила и въ свое писаніе.

Въ этихъ чертахъ ея человѣческаго характера, въ связи съ ея чисто артистическимъ темпераментомъ, должно находить ключъ къ пониманію какъ всей ея личной жизни, такъ и неразрывно съ нею связанной ея литературной исторіи. Ниже намъ не разъ придется указывать на то, какъ всѣ біографы и критики Жоржъ-Зандъ, намѣренно или ненамѣренно пропуская иныя черты ея характера и факты ея біографіи, тѣмъ самымъ разрываютъ внутреннюю связь ея идей и поступковъ, безъ которой очень многія событія ея личной и литературной исторіи какъ бы висятъ на воздухѣ и совершенно необъяснимы. Случаевъ такихъ пропусковъ и недомолвокъ въ біографіяхъ Жоржъ-Зандъ намъ придется приводить множество. Между тѣмъ у Ж.-Зандъ, болѣе чѣмъ у какого-либо другого писателя, литературная дѣятельность и личная жизнь тѣсно связаны и подчинены вліянію идей (или даже вѣрнѣе—*развитію одной идеи*), а потому нельзя пропустить ни одного факта въ этой жизни,—не упустивъ тотчасъ нити послѣ-

довательнаго развитія самихъ идей и весьма существенныхъ моментовъ для пониманія ея произведеній.

Въ теоріи и по убѣжденію Жоржъ-Зандъ является противникомъ принципа: „искусство для искусства"; по натурѣ и на дѣлѣ—противникомъ объективности и спокойствія. Наконецъ, это истинно поэтическая натура, огненная душа. Отсюда всѣ ея громадныя достоинства и значительные недостатки; отсюда всѣ тѣ отличительныя черты ея, какъ писателя, которыя при жизни ея современникамъ, а въ наше время нашимъ современникамъ, писателямъ и читателямъ, мѣшали и мѣшаютъ относиться къ Жоржъ-Зандъ безпристрастно и спокойно. И критики, и читатели рѣзко распадаются на ея поклонниковъ и враговъ. Равнодушныхъ вовсе нѣтъ, или это тѣ, кто не читалъ ее, а знаетъ о ней больше по наслышкѣ. Еще Юліанъ Шмидтъ [1]) совершенно справедливо замѣтилъ, что, „встрѣтивъ страстныхъ поклонниковъ и озлобленныхъ хулителей (bittere Tadler), Жоржъ-Зандъ рѣдко находила нелицепріятную оцѣнку. Кто ею восхищается, — беретъ ее со всѣми ея недостатками и часто видитъ именно въ нихъ величайшія добродѣтели; а кто вообще не одобряетъ ея манеры (ihre Art und Weise), тотъ ужъ не видитъ въ ней ничего хорошаго".

Карò [2]), написавшій свой этюдъ о Жоржъ-Зандъ черезъ цѣлыя 30 лѣтъ послѣ Шмидта, говоритъ, что былое страстное отношеніе къ Жоржъ-Зандъ—яростное негодованіе, крики злобы и ненависти, и не менѣе бурные восторги, цѣлые хоры похвалъ и ликованія, встрѣчавшіе нѣкогда почти каждый романъ Жоржъ-Зандъ,—теперь затихли, умолкли и даже забылись. Теперь большинство публики даже не читаетъ Жоржъ-Зандъ... „On ne lit plus George Sand, nous dit-on",—этими словами начинаетъ онъ свой этюдъ, но вслѣдъ за тѣмъ выражаетъ и увѣренность, что теперь, когда настало время настоящей критической и исторической оцѣнки великой писательницы, пересмотра всѣхъ ея произведеній въ ихъ совокупности (de toute son œuvre), когда потому настала и новая эра въ литературной ея исторіи—эра справедливости и безпристрастія, — теперь пробудится и новый интересъ къ ней, а потому Карò, и въ началѣ, и въ концѣ своего этюда, высказываетъ убѣжденіе, что ее вновь будутъ читать. Самый тотъ фактъ, что Жоржъ-Зандъ возбуждала такія противоположныя чувства и страсти, вражду и любовь, такія волненія, такой приливъ симпатій и антипатій — этотъ фактъ

[1]) Julian Schmidt, „Geschichte der franz. Literatur seit der Revolution von 1789". 2 B-de. Leipzig, 1858, II, S. 505.

[2]) Les grands écrivains français. George Sand, par E. Caro. Paris, 1887.

самъ по себѣ, по мнѣнію Карò, является доказательствомъ того, какой великой писательницей была Жоржъ-Зандъ.

Вліяніе Жоржъ-Зандъ и на европейское, и на русское общество 30-хъ и 40-хъ годовъ было громадное. „Говорили: *въкъ Жоржъ-Зандъ*, какъ говорили: *въкъ Байрона*“. И какъ ея личность и произведенія, такъ и это вліяніе нашло себѣ оцѣнку, выразившуюся въ двухъ діаметрально противоположныхъ мнѣніяхъ. Гейне, склонный видѣть въ Жоржъ-Зандъ и „демона-искусителя, и ангела-хранителя“ тогдашней молодежи, стоитъ какъ разъ на границѣ этихъ двухъ взглядовъ. По его мнѣнію, ея произведенія, „которыя пожаромъ разлились по всему свѣту, освѣтили не одну темницу, лишенную всякаго утѣшенія, но зато они же сожгли губительнымъ огнемъ и много тихихъ храмовъ невинности“ [1]). Вотъ эти-то двѣ половины его фразы приходится подѣлить между двумя лагерями. Для однихъ, Жоржъ-Зандъ именно „освѣтительница темницъ“, великій писатель, воспитательница человѣчества нашихъ дней въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, вдохновенный пророкъ лучшаго будущаго, геній, святая. Для другихъ она предметъ ужаса и отвращенія; какъ женщина — это мать всѣхъ пороковъ, какъ писатель—проповѣдница чудовищныхъ идей и чуть ли не разврата, вносительница смуты въ чистыя сердца, „сожигательница храмовъ невинности“, отчаянная безбожница, нигилистка и революціонерка. Есть и другая категорія враговъ Жоржъ-Зандъ,—по большей части представителей крайняго реализма или, наоборотъ, поборниковъ „чистаго искусства“. Эти оставляютъ въ покоѣ личную жизнь Жоржъ-Зандъ и вліяніе ея на читателей, но зато ея произведенія для нихъ не что иное, какъ напыщенность, сантиментальная реторика, überwundener Standpunkt, что-то устарѣлое, полу-дѣтское, отжившее, о чемъ и говорить не стоитъ. Шатобріанъ и Золя, Неттеманъ [2]) и Мазадъ, отчасти Тэнъ, цѣлыя плеяды нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ критиковъ, съ Юліаномъ Шмидтомъ во главѣ, а въ особенности біографы Мюссé, Шопена и Листа, — говорятъ исключительно о „сожженіи храмовъ невинности“; они обвиняютъ Жоржъ-Зандъ въ самомъ пагубномъ вліяніи на молодежь, особенно на женщинъ во всевозможныхъ личныхъ и литературныхъ преступленіяхъ, развратившихъ цѣлыя поколѣнія, и возлагаютъ на великую писательницу отвѣтственность чуть ли не за всѣ совершавшіеся въ тѣ времена побѣги женъ, разводы, всѣ скан-

[1]) Lutetia; S. 298.

[2]) „Histoire de la littérature française sous le gouvernement de Juillet“, par Alfred Nettement. Paris. 1854.

дали и возмущенія, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, до событій 1848 года включительно. Несмотря на увѣренія Карò, отголоски всего этого слышатся и до сихъ поръ. Не далѣе какъ прошлымъ лѣтомъ въ одной изъ парижскихъ газетъ была напечатана бесѣда католическаго публициста Симона Бубэ съ какимъ-то „выдающимся духовнымъ лицомъ, занимающимъ постъ въ одномъ изъ обучающихъ монашескихъ орденовъ". Это лицо „обязанное по своему положенію прочитывать всѣ произведенія Золà" и выражающее о нихъ свое мнѣніе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ тò легко можно себѣ представить, — все же въ концѣ концовъ „утверждаетъ, что г. Золà менѣе безнравственъ, чѣмъ Жоржъ-Зандъ": Жоржъ-Зандъ украшаетъ порокъ. Вотъ какъ упорно держится такое обвиненіе. Въ то время какъ большинство нынѣшней публики почему-то при имени Жоржъ-Зандъ непремѣнно воображаетъ что-то приторно-идеальное, слащавое, — на ряду съ этимъ упорно держится прежнее мнѣніе: — „это проповѣдница разврата". И чтò всего удивительнѣе — даже у самихъ доброжелательныхъ біографовъ Жоржъ-Зандъ новѣйшаго времени, у названнаго уже нами Карò и у д'Оссонвиля [1]), замѣтенъ какой-то тайный страхъ, какъ только приходится имъ говорить о вліяніи Жоржъ-Зандъ на женщинъ и даже на молодежь вообще.

У насъ въ Россіи были на лицо тѣ же враждующіе между собой два лагеря. И въ лагерѣ враговъ Жоржъ-Зандъ были тѣ же страхи и тѣ же обвиненія. Сенковскій и Булгаринъ не знали, какъ очернить Жоржъ-Зандъ, какую бы клевету распустить про нее, какъ запугать читателей, чтобъ только они не читали, не слушали того, чтò говорила эта ужасная, безнравственная и безбожная писательница. „Сенковскій и Булгаринъ, — разсказываетъ Достоевскій въ своей превосходной, горячей статьѣ, написанной тотчасъ послѣ смерти Жоржъ-Зандъ [2]), — предостерегали публику еще до появленія ея романовъ на русскомъ языкѣ. Особенно пугали русскихъ дамъ тѣмъ, что она ходитъ въ панталонахъ, хотѣли испугать развратомъ, сдѣлать смѣшной. Сенковскій, самъ же и собиравшійся переводить Жоржъ-Зандъ въ своемъ журналѣ „Библіотека для Чтенія", началъ называть ее печатно „госпожей Егоромъ Зандомъ", и, кажется, серьезно остался доволенъ своимъ остроуміемъ. Впослѣдствіи въ 1848 г. Булгаринъ

[1]) Vicomte d'Haussonville, авторъ „Etudes biographiques et littéraires": George-Sand. Paris, 1879.

[2]) Дневникъ Писателя, 1876 г., іюнь: I—Смерть Жоржъ-Зандъ; II—Нѣсколько словъ о Жоржъ-Зандъ.

печаталъ о ней въ „Сѣверной Пчелѣ“, что она ежедневно пьянствуетъ съ Пьеромъ Леру у заставы и участвуетъ въ аѳинскихъ вечерахъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ у разбойника и министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллена. Я это самъ читалъ и очень хорошо помню. Но тогда, въ 1848 г., Жоржъ-Зандъ была у насъ уже извѣстна, и Булгарину никто не вѣрилъ“.

Но, съ другой стороны, десятки голосовъ, и писателей, и просто изъ публики, говорятъ намъ также о поразительномъ, но уже не развращающемъ, а о благотворномъ, животворящемъ, возвышающемъ вліяніи Жоржъ-Зандъ на общество того времени и на нихъ лично. Ея имя связываютъ съ лучшими стремленіями той эпохи; объ ея воспитательномъ значеніи для двухъ, трехъ поколѣній говорятъ въ тонѣ восторженныхъ диѳирамбовъ. Что такое значило имя Жоржъ-Зандъ въ концѣ 40-хъ годовъ и съ какимъ благоговѣніемъ относились къ нему благодарные почитатели, къ какой бы національности они ни принадлежали, — это намъ рисуетъ слѣдующій эпизодъ, переданный намъ г. Эдмономъ Плошю и имъ же болѣе подробно и чрезвычайно живописно разсказанный въ его интересной книжкѣ: „Le tour du monde en 120 jours — въ главѣ: „Un naufrage aux îles du Cap-Vert“.

Г. Плошю (Edmond Plauchut) — теперь одинъ изъ редакторовъ „Temps“ и одинъ изъ ближайшихъ друзей Жоржъ-Зандъ въ послѣднія 15 лѣтъ ея жизни, — въ тѣ годы былъ знакомъ съ великой писательницей лишь письменно. Когда вспыхнула революція 48-го года, а ему было всего 18 лѣтъ, онъ поѣхалъ къ себѣ на родину, въ одну изъ провинцій центральной Франціи, и сталъ тамъ издавать газету. Тогда много возникло такихъ мѣстныхъ изданій. Жоржъ-Зандъ прислала въ эту газету отчетъ о сочиненіи В. Бори: „Travailleurs et propriétaires“ [1]), Плошю написалъ по этому поводу письмо Жоржъ-Зандъ. Завязалась переписка, и юноша обмѣнялся нѣсколькими письмами съ знаменитой писательницей, не воображавшей, что ея корреспондентъ 18-ти-лѣтній мальчикъ. Но вотъ произошла контръ-революція, выступилъ на сцену Наполеонъ III. Плошю, какъ и многіе другіе, долженъ былъ бѣжать. Онъ рѣшилъ отправиться въ кругосвѣтное путешествіе и сѣлъ въ Бельгіи на корабль „*Рубенсъ*“. Корабль потерпѣлъ крушеніе у береговъ Боа-Виста, одного изъ острововъ Зеленаго Мыса. Капитанъ, 16 матросовъ и единственный пассажиръ „Рубенса“, Плошю, спаслись, но положеніе ихъ

[1]) Статья Жоржъ-Зандъ объ этой книгѣ вошла въ полное собраніе ея сочиненій, изд. Леви, въ томъ „Souvenirs de 1848“.

оказалось ужаснымъ. Плошю спасся въ одномъ бѣльѣ и какимъ-то чудомъ, впопыхахъ, вмѣсто всего иного, захватилъ ящичекъ, заключавшій письма нѣсколькихъ друзей и знаменитостей, въ томъ числѣ и письма Жоржъ-Зандъ. Едва одѣтые, голодные, раненные и расшибленные о прибрежные камни, съ помощью знаковъ они кое-какъ объяснились съ прибѣжавшими на берегъ двумя-тремя туземцами, которые, какъ потомъ оказалось, были обрадованы тѣмъ, что у ихъ острова разбилось судно: почти единственный ихъ доходъ составляетъ добыча, выбрасываемая на берегъ моремъ. Эти негры и метисы показали, что самый городокъ Боа-Виста лежитъ на противоположномъ берегу острова. Измученные путники потащились туда, черезъ весь пустынный островокъ, покрытый солончаками и болотами. Въ Боа-Виста ихъ не ожидало ничего хорошаго. Самъ городокъ оказался почти разрушеннымъ циклономъ, пронесшимся надъ нимъ незадолго до того, жители имѣли видъ живыхъ мертвецовъ отъ постоянно свирѣпствующихъ на островѣ лихорадокъ, уносящихъ ежедневно десятки жертвъ, а самое главное—оказалось, что корабли, опасаясь рифовъ Боа-Виста, почти никогда сюда не заходятъ. Нѣсколько дней прожили несчастные въ тщетной надеждѣ, что авось все-таки покажется дымокъ или парусъ на горизонтѣ, и въ вѣчномъ страхѣ заболѣть злокачественной лихорадкой. Наконецъ, отчаявшись, капитанъ „Рубенса“ рѣшился на шлюпкѣ, предложенной ему однимъ изъ болѣе достаточныхъ жителей, съѣздить на большой островъ *Порто-Прайа* за помощью или хоть затѣмъ, чтобъ дать знать о себѣ и своихъ несчастныхъ спутникахъ тамошнему французскому консулу и черезъ него имѣть возможность вернуться въ Европу. Однако, по недовѣрію или почему-либо иному, матросы капитана не пустили. Тогда онъ упросилъ Плошю быть добрымъ товарищемъ по несчастью и поѣхать на Порто-Прайа. Съ разными опасностями и трудностями Плошю,—вмѣстѣ съ нѣсколькими умирающими отъ лихорадки, собравшими послѣднія силы, чтобы бѣжать съ зараженнаго островка, — добрался до Порто-Прайа и явился нимому французскому консулу, г. Оливейра. Оказалось, что Оливейра вовсе не французскій консулъ; онъ встрѣтилъ Плошю грубо, отказался сдѣлать для него что бы то ни было и даже не пріютилъ его у себя. Въ концѣ разговора Оливейра пообѣщалъ однако *завтра* переговорить съ какимъ-то знатнымъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, только-что вернувшимся изъ Европы, и съ нимъ вмѣстѣ „*посмотрѣть*“, что можно сдѣлать. Гостинница, куда Оливейра послалъ Плошю, оказалась чѣмъ-то до того грязнымъ, что даже находившійся въ безвыходномъ положеніи Плошю

не рѣшился переночевать въ ней и провелъ ночь на паперти церкви. Придя на утро къ Оливейрѣ, онъ, къ счастью, вмѣсто его самого, встрѣтилъ пріѣзжаго изъ Европы, г. *Франсиско Кардоццо де-Мелло*, оказавшагося молодымъ образованнымъ португальцемъ, отлично говорящимъ по-французски. Де-Мелло, съ симпатіей и добротой выслушавшій разсказъ Плошю, выразилъ все-таки сомнѣніе, удастся ли что-нибудь сдѣлать для оставшихся на Боа-Виста капитана и матросовъ, и, наконецъ, спросилъ Плошю, неужели онъ не спасъ ничего цѣннаго, неужели у него не осталось ничего изъ вещей? — „Ничего, кромѣ ящичка, гдѣ нѣсколько писемъ Кавеньяка, Э. Сю, Жоржъ-Зандъ“... — „Какъ, у васъ есть письма Жоржъ-Зандъ?“... Эти два магическія слова все разомъ измѣнили для Плошю. Даже не дождавшись возвращенія Оливейры, де-Мелло увелъ Плошю къ себѣ, одѣлъ его, помѣстилъ отлично, весь свой домъ предоставилъ въ его полное распоряженіе, познакомилъ съ матерью и тетками, относился къ нему какъ къ старому другу и, въ концѣ концовъ, и ему, и остальнымъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе помогъ добраться до Лиссабона, а оттуда вернуться на родину.

Оказалось, что отецъ де-Мелло, старый португальскій республиканецъ, умершій незадолго передъ тѣмъ на Порто-Прайа въ изгнаніи, боготворилъ Жоржъ-Зандъ; онъ передалъ и сыну безграничное уваженіе и любовь къ великой писательницѣ, а сочиненія ея завѣщалъ ему, какъ драгоцѣннѣйшую часть своей библіотеки. Принявъ такое участіе въ человѣкѣ, лишь переписывавшемся съ Жоржъ-Зандъ, де-Мелло, по его словамъ, старался почтить память отца [1]). Вотъ что значило имя Жоржъ-Зандъ въ тѣ годы!

Начиная съ половины 30-хъ годовъ, со всѣхъ концовъ Европы, изъ Англіи и Германіи, изъ самой Франціи и изъ далекой Россіи, стекались поклонники таланта Жоржъ-Зандъ къ ней за совѣтомъ, за помощью и просто изъ благоговѣйной благодарности, заставлявшей ихъ предпринимать паломничества въ Парижъ или Ноганъ, какъ въ прошломъ столѣтіи всѣ стремились въ Ферней и Женеву. Великую писательницу засыпали письмами, ее осаждали просьбами. Въ половинѣ 30-хъ годовъ вся сенъ-симонистская община Парижа („la famille de Paris“) прислала ей

[1]) Вернувшись во Францію, Плошю тотчасъ написалъ Жоржъ-Зандъ о томъ, какую службу сослужили ему ея письма и ея имя. Она отвѣтила ему полнымъ доброты, сердечнымъ письмомъ, и съ этого времени переписка ихъ сдѣлалась еще болѣе дружеской. Но познакомился Плошю съ Жоржъ-Зандъ лишь черезъ 10 лѣтъ, въ 1861 г.

цѣлую коллекцію подарковъ,—но и 35 лѣтъ спустя, въ годину бѣдствія, когда изъ Парижа взлетѣли два шара, чтобы осажденный городъ могъ снестись съ временнымъ правительствомъ, засѣдавшимъ въ Ліонѣ, — одинъ шаръ окрестили именемъ „*Армана Барбеса*“, а другой—именемъ его знаменитаго друга по 1848 г., именемъ „*Жоржъ-Зандъ*“. Въ половинѣ нашего вѣка мало было именъ болѣе любимыхъ, болѣе популярныхъ, чѣмъ имя Жоржъ-Зандъ.

Ничто такъ не доказываетъ преобладанія господства извѣстныхъ идей и вкусовъ въ данное время, какъ то, что они становятся вдругъ модными и обязательными даже для тѣхъ, кому въ сущности ни до какихъ идей дѣла нѣтъ, кто рядится въ нихъ какъ въ своего рода „чайльдъ-гарольдовъ плащъ“ или... въ красный фракъ, — все дѣло во времени. Сама Жоржъ-Зандъ это очень остроумно отмѣтила въ одной изъ главъ „M-lle la Quintinie“. Въ 30-хъ годахъ, по ея словамъ, всѣ рядились въ міровую скорбь и разочарованіе; теперь (въ 60-хъ годахъ) во Франціи молодежъ рядится въ равнодушіе ко всему и насмѣшливый дилеттантизмъ. Жоржъ-Зандъ, какъ всякій истинный талантъ, не избѣгла этихъ уродливыхъ и смѣшныхъ проявленій *моды*. Отсюда понятно и то, что съ именемъ ея связывалось одно время столько всякаго и вздору, и даже некрасивыхъ поступковъ, теорій и болтовни, продѣлываемыхъ или разглашаемыхъ мнимыми „жоржъ-зандистами“ и „жоржъ-зандистками“, какъ въ наше время постоянно слышишь о разныхъ дикихъ и нелѣпыхъ выходкахъ такъ называемыхъ „толстовцевъ“. Въ 40-хъ годахъ у насъ одной изъ принадлежностей развитого человѣка было „увлеченіе“ идеями Жоржъ-Зандъ. И это можно прослѣдить даже въ нѣкоторыхъ сатирическихъ произведеніяхъ той эпохи. Кто не помнитъ полнаго тонкаго юмора и ѣдкой насмѣшки стихотворенія Плещеева: „*Мой знакомый*“? Вотъ какъ рисуетъ поэтъ этого вездѣ встрѣчающагося „знакомаго“, въ началѣ, *до* превращенія его изъ quasi-свободомыслящаго въ яраго консерватора:

И былъ онъ ярый либералъ,
Всѣ слабости людей
Онъ энергически каралъ,
Хоть не писалъ статей.
. . . . . .
И Жоржемъ Зандомъ, и Леру
Былъ страстно увлеченъ;
Мужей онъ поучалъ добру,
Развить старался женъ, и т. д. и т. д.

Но если подобные господа *рядились* въ это „увлеченіе“ ради моды, то лучшая часть нашего общества, интеллигенція въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова, и во главѣ ея вся плеяда нашихъ великихъ писателей 40-хъ годовъ, дѣйствительно воспитывалась на произведеніяхъ Жоржъ-Зандъ, жила ими; Жоржъ-Зандъ помогала имъ уяснять себѣ самые важные вопросы нашего вѣка; она указала многимъ новые пути, другихъ укрѣпляла на уже избранномъ, другимъ помогала понять свое истинное призваніе,—почти для всѣхъ была тою предразсвѣтною звѣздою, которая среди мрака тѣхъ тяжелыхъ годовъ указывала путь къ свѣту и солнцу, отъ неволи къ волѣ, отъ мелкихъ личныхъ интересовъ къ гуманнымъ и широкимъ интересамъ общественнымъ. И за то съ какою восторженною благодарностью отзываются о ней ея тогдашніе *читатели*; всякій изъ нихъ такъ или иначе говоритъ намъ, что для него значила Жоржъ-Зандъ, и каждый изъ *писателей* оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ или произведеніяхъ нѣсколько страницъ или строкъ, полныхъ глубокой любви и признательности этому великому духу.

Говорятъ, что „Жоржъ-Зандъ играла видную роль въ числѣ вліяній, заставившихъ Бѣлинскаго краснѣть при воспоминаніи о статьѣ „Бородинская годовщина“... „Вліяніе Жоржъ-Зандъ являлось поправкой крайнему увлеченію односторонне-понятымъ гегеліанствомъ и тѣми выводами, къ которымъ привелъ неполно-истолкованный афоризмъ германскаго философа: что дѣйствительно, то разумно“... Въ самомъ дѣлѣ, если въ статьяхъ Бѣлинскаго перваго и особенно второго періода мы постоянно встрѣчаемъ несочувственные отзывы о романахъ Жоржъ-Зандъ, точно также какъ и недоброжелательные отзывы о Бальзакѣ [1]), то въ концѣ своей дѣятельности Бѣлинскій говоритъ уже совсѣмъ иначе о французской писательницѣ, и, надо полагать, на ней онъ могъ убѣдиться, насколько узокъ былъ его прежній взглядъ, не видѣвшій иного искусства, какъ „для искусства“. Въ статьѣ: *„Рѣчь о критикѣ“, А. В. Никитенко, 1842 г.“*, онъ уже говоритъ: „Жоржъ-Зандъ, это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были начала ея, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными, но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого произведенія ея глу-

[1]) Какъ извѣстно, Бѣлинскій тогда возставалъ и противъ всего французскаго, и противъ Шиллера, какъ поэта тенденціознаго и не объективнаго. Объ этомъ см. книгу А. Н. Пыпина, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, и „Воспоминанія“ Панаева.

боко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и ростетъ. Такіе таланты замѣчательны еще какъ характеры нравственные и энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіей къ человѣчеству и любовью къ нему".

О томъ, что значила Жоржъ-Зандъ въ исторіи развитія Салтыкова-Щедрина,—мы находимъ цѣнныя указанія у самого сатирика. Въ IV главѣ „*За-Рубежемъ*" [1]) Салтыковъ разсказываетъ слѣдующее: „...Я въ то время только-что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризованіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и *въ особенности Жоржъ-Зандъ*. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ" находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное—все это оттуда".

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сельскіе романы Григоровича и „Записки Охотника" Тургенева, сыгравшіе такую великую роль въ нашей исторіи, обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію Жоржъ-Зандъ. Объ этомъ уже много разъ было говорено [2]) въ нашей печати. Д. В. Григоровичъ самъ впрочемъ упоминаетъ объ этомъ въ своихъ „*Воспоминаніяхъ*". Если въ первомъ произведеніи Тургенева—драматической поэмѣ *Стеніо*—лишь заглавіе напоминаетъ о „*Леліи*", зато въ *Рудинѣ* весь характеръ героя прямо навѣянъ „*Орасомъ*". Если отбросить національныя и сословныя особенности, кладущія свой отпечатокъ на Дмитрія Рудина и на Ораса,—передъ нами окажется одно и то же лицо, тотъ же типъ благороднаго фразёра, увлекающаго другихъ и самого себя своей мнимой горячностью и пылкими рѣчами и неспособнаго ни на какое настоящее дѣло, ни на какое цѣльное чувство, энтузіаста à froid, пассующаго передъ людьми не столь блестящими, но живущими полной жизнью, передъ простыми сердцами, могущими беззавѣтно любить и своихъ ближнихъ, и тѣ идеи, которымъ они преданы вполнѣ,—передъ людьми, у которыхъ воля, умъ и чувство не идутъ

[1]) VIII томъ Полнаго собранія соч. 1892, стр. 442.

[2]) Между прочимъ и г. Скабичевскимъ въ его статьяхъ о „Жоржъ-Зандъ" въ „От. Зап." 1881.

вразбродъ. И если Дмитрій Рудинъ *договаривается* до баррикадъ и умираетъ на нихъ въ 1848-мъ году, а Орасъ благоразумно увертывается отъ участія въ дѣлѣ Сенъ-Мери въ 1832 г., если вообще Рудинъ гораздо симпатичнѣе, безкорыстнѣе и жальче своего прообраза, то причину этого слѣдуетъ искать именно въ указанныхъ нами расовыхъ и сословныхъ чертахъ, вѣрно и ярко нарисованныхъ Жоржъ-Зандъ и Тургеневымъ. Рудинъ—русскій баринъ, дилеттантъ мышленія, человѣкъ независимый, свободный по своему положенію и средствамъ и притомъ истинно-русская, славянская, немного безалаберная и широкая натура. Орасъ—французскій мелкій буржуа, человѣкъ практическій, добивающійся положенія въ обществѣ, и если въ началѣ и обманывающійся самъ относительно своего увлеченія разными высокими идеями,—зато съ теченіемъ времени отлично научающійся пользоваться проповѣдью ихъ—ради самыхъ практическихъ цѣлей.

Сознавалъ ли Тургеневъ это отраженіе „Ораса“ на одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, или оно произошло безсознательно для самого автора—рѣшить трудно. Важно то, что Тургеневъ самъ не разъ свидѣтельствовалъ о томъ, какую роль играла Жоржъ-Зандъ въ его духовномъ развитіи. Тургеневъ часто вспоминалъ о томъ удивленіи, которое она нѣкогда возбуждала въ немъ. Относится это къ его молодымъ годамъ, какъ то явствуетъ изъ его письма къ Дружинину, отъ 30-го октября 1856 г.: „Вы говорите, что я не могъ остановиться на Жоржъ-Зандъ; разумѣется, я не могъ остановиться на ней, — также какъ, напр., на Шиллерѣ; но вотъ какая разница между нами: для васъ это направленіе—заблужденіе, которое слѣдуетъ искоренить; для меня оно—неполная истина, которая всегда найдетъ (и должна найти) послѣдователей въ томъ возрастѣ человѣческой жизни, когда полная истина еще недоступна. Вы думаете, что пора уже возводить стѣны зданія; я полагаю, что еще предстоитъ рыть фундаментъ“. Очевидно, что въ жизни Тургенева Жоржъ-Зандъ и сыграла роль такого кладчика и строителя фундамента, и потому-то, черезъ 20 лѣтъ послѣ этого письма къ Дружинину, Тургеневъ въ позднѣйшей своей перепискѣ говорилъ: „Повѣрьте мнѣ: *Жоржъ-Зандъ одна изъ нашихъ святыхъ*,—вы, конечно, поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ“. И эти удивительныя слова онъ написалъ тогда, когда зналъ великую писательницу не по однимъ ея сочиненіямъ, но и лично. „На мою долю,—говоритъ онъ,—выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ-Зандъ—пожалуйста не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ

дѣйствительно долженъ почесть себя счастливымъ... Когда лѣтъ восемь тому назадъ я впервые сблизился съ Жоржъ-Зандъ... я ужъ не поклонялся ей, но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни и не сдѣлаться ея поклонникомъ въ другомъ, быть можетъ лучшемъ, смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ, которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участьемъ... И надо всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое..."

Самыя горячія, самыя характерныя и прочувствованныя слова, слова, дышащія благодарностью души, умѣвшей оцѣнить другую душу, сказалъ о Жоржъ-Зандъ безспорно Достоевскій. Мы уже упоминали выше о двухъ его статьяхъ, посвященныхъ памяти только-что скончавшейся тогда романистки, въ іюньской тетради „Дневника Писателя" 1876.

„Появленіе Жоржъ-Зандъ въ литературѣ,—говоритъ Достоевскій,—совпадаетъ съ годами моей первой юности, и я очень радъ теперь, что это такъ ужъ давно было, потому что теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, можно говорить почти вполнѣ откровенно. Надо замѣтить, что тогда только это и было позволено,—т.-е. романы, остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи, было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли да и откуда бы могли научиться: и Меттерних не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали „ужасныя вещи" (напр. проскочилъ весь Бѣлинскій)... Но зато какъ бы взамѣнъ тому, подъ конецъ особенно, чтобъ не ошибиться, стали запрещать почти все сплошь, такъ что кончалось, какъ извѣстно, транспарантами. Но романы, все-таки дозволялись и съ начала, и въ срединѣ, и даже въ самомъ концѣ, и вотъ тутъ-то и именно на Жоржъ-Зандъ оберегатели дали тогда большого маху... И что же вышло: то, что вторгнулось къ намъ тогда въ формѣ романа, не только послужило точно также дѣлу, но можетъ быть было, напротивъ, еще самой „опасной" формой по тогдашнему времени, потому что на Рабо то [1]) можетъ быть и не нашлось бы тогда столько охот-

[1]) Намекъ на стихотв. Давыдова:

„Томы Пьера и Рабо
Онъ на память знаетъ...

которое Достоевскій выше приводитъ. Очевидно, рѣчь идетъ о Reybaud.

никовъ, а на Жоржъ-Зандъ нашлось ихъ тысячами [1]). Здѣсь надо замѣтить, что и у насъ, несмотря ни на какихъ Липранди и Магницкихъ, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей. Точь-въ-точь тоже произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ самаго начала тридцатыхъ годовъ у насъ весьма скоро получилось понятіе. Были уже извѣстны имена многихъ ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хотя отчасти, хоть чуть-чуть извѣстно стало и то, куда клонитъ все это движеніе. И вотъ, особенно страстно это движеніе проявлялось въ искусствѣ, въ романѣ, а главнѣйше — у Жоржъ-Зандъ... Появилась же она на русскомъ языкѣ примѣрно въ половинѣ тридцатыхъ годовъ; жаль, что не помню и не знаю, когда и какое первое произведеніе ея было у насъ переведено; но тѣмъ удивительнѣе должно было быть впечатлѣніе. Я думаю такъ же, какъ и меня, еще юношу, всѣхъ поразила тогда эта цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго, сдержаннаго тона разсказа... Мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать, когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть „Ускокъ“ — одно изъ прелестнѣйшихъ первоначальныхъ ея произведеній. Я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что Жоржъ-Зандъ, по крайней мѣрѣ по моимъ воспоминаніямъ судя, заняла у насъ сряду чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей, тогда вдругъ проявившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ... я говорю все это не съ точки зрѣнія какой-нибудь критической оцѣнки, а просто-на-просто припоминаю о вкусѣ тогдашней массы русскихъ писателей, о непосредственномъ, произведенномъ на нихъ впечатлѣніи. Главное то, что читатель съумѣлъ извлечь даже изъ романовъ все то, отъ чего его такъ тогда оберегали. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ даже массѣ читателей было хоть отчасти извѣстно, что Жоржъ-Зандъ одна изъ самыхъ яркихъ, строгихъ и правильныхъ представительницъ того разряда тогдашнихъ западныхъ новыхъ людей, явившихся и начавшихъ прямымъ отрицаніемъ тѣхъ „положительныхъ“ пріобрѣтеній, которыми закончила свою дѣятель-

[1]) Романы Жоржъ-Зандъ играли у насъ совершенно ту же роль, какую они сыграли и въ Германіи. Ср. съ тѣмъ, что говоритъ объ этомъ Юліанъ Шмидтъ, на стр. 546—7 тома II своей „Исторіи Литературы“.

ность кровавая французская (а вѣрнѣе, европейская) революція конца прошлаго столѣтія... вдругъ возникло новое слово и раздались новыя надежды; явились люди, прямо возглашавшіе, что дѣло остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политической смѣной побѣдителей, что дѣло надобно продолжать, что обновленіе человѣчества должно быть радикальное, соціальное. О, конечно, явилось рядомъ съ этими возгласами и множество самыхъ пагубныхъ и самыхъ уродливыхъ заключеній, но главное было въ томъ, что засвѣтилась опять надежда и опять начала возрождаться вѣра. Исторія этого движенія извѣстна, — оно продолжается до сихъ поръ и, кажется, вовсе не намѣрено останавливаться. Я вовсе не намѣренъ говорить ни за, ни противъ него, но я лишь желалъ обозначить настоящее мѣсто Жоржъ-Зандъ въ этомъ движеніи. Ея мѣсто надо искать въ самомъ началѣ его. Тогда, встрѣчая ее, въ Европѣ говорили, что она проповѣдуетъ новое положеніе женщины и пророчествуетъ о „правахъ свободной жены“ (выраженіе про нее Сенковскаго), но это несовсѣмъ было вѣрно, ибо она проповѣдовала вовсе не объ одной только женщинѣ и не изобрѣтала никакой „свободной жены“. Жоржъ-Зандъ принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщины“.

Указавъ на то, что, какъ женщина, Жоржъ-Зандъ, правда, любила больше „выставлять *героинь*, а не *героевъ*“, и что это должно бы было вызвать къ ней особую симпатію женщинъ всего міра, особое ихъ горе, по поводу ея смерти, — Достоевскій называетъ ее одною „*изъ самыхъ высшихъ и прекрасныхъ представительницъ*“ женщинъ, и кромѣ того женщиной почти „*небывалой по силѣ ума и таланта, именемъ, ставшимъ историческимъ, именемъ, которому не суждено забыться и исчезнуть среди европейскаго человѣчества*“. Затѣмъ, разобравъ главные типы дѣвушекъ и женщинъ въ такъ называемыхъ *венеціанскихъ* повѣстяхъ и первыхъ романахъ Жоржъ-Зандъ и указавъ на „необыкновенную красоту“ этихъ нравственныхъ образовъ и на то, что „лишь въ великой и прекрасной душѣ могли явиться такіе типы и такіе запросы“, Достоевскій заключаетъ:

„Такіе ли образы могли возмутить общество, возбудить сомнѣнія и страхи? Напротивъ, самые строгіе отцы и матери стали позволять въ своихъ семействахъ чтеніе Жоржъ-Зандъ и только удивлялись: „что же это такъ всѣ объ ней говорили?“ Но тутъ-то и раздались предостерегающіе голоса, что „вотъ въ этой-то гордости женскаго запроса, въ этой-то непримиримости цѣло-

мудрія съ порокомъ, въ этомъ-то отказѣ отъ всякихъ уступокъ пороку, въ этомъ-то безстрастіи, съ которымъ невинность воздвигается на борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ, и заключается ядъ, будущій ядъ женскаго протеста, женской эмансипаціи". Что же! можетъ быть про ядъ говорили справедливо; дѣйствительно, зарождался ядъ, но что онъ шелъ истребить, что отъ этого яда должно было погибнуть и что спастись, — вотъ что тотчасъ же составило вопросъ и долго не разрѣшалось.

„Теперь давно уже эти вопросы разрѣшены (кажется, такъ). Надо кстати замѣтить, что къ половинѣ сороковыхъ годовъ слава Жоржъ-Зандъ и вѣра въ силу ея генія стояли такъ высоко, что мы, современники ея, всѣ ждали отъ нея чего-то несравненно-большаго въ будущемъ, неслыханнаго еще новаго слова, даже чего-нибудь разрѣшающаго и уже окончательнаго. Надежды эти не осуществились...

„Жоржъ-Зандъ не мыслитель, но это одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь и именно потому, что сама въ душѣ своей способна была воздвигнуть идеалъ. Сохраненіе этой вѣры до конца обыкновенно составляетъ удѣлъ всѣхъ высокихъ душъ, всѣхъ истинныхъ человѣколюбцевъ. Жоржъ-Зандъ умерла деисткой, твердо вѣря въ Бога и въ безсмертную жизнь свою, но объ ней мало сказать этого: она сверхъ того была, можетъ быть, и всѣхъ болѣе христіанкой изъ всѣхъ своихъ сверстниковъ —французскихъ писателей, хотя формально и не исповѣдовала Христа... *Жоржъ-Зандъ была, можетъ быть, одною изъ самыхъ полныхъ исповѣдницъ Христовыхъ, сама не зная о томъ.* Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости. Она вѣрила въ личность человѣческую безусловно (даже до безсмертія ея), возвышала и раздвигала представленіе о ней всю жизнь свою—въ каждомъ своемъ произведеніи, и тѣмъ самымъ совпадала и мыслію и чувствомъ своимъ съ одной изъ самыхъ основныхъ идей христіанства, т.-е. съ признаніемъ человѣческой личности и свободы ея (а стало быть и ея отвѣтственности). Отсюда и признаніе долга, и строгіе нравственные запросы на это, и совершенное признаніе отвѣтственности человѣческой. И, можетъ быть, не было мыслителя и писателя во Франціи въ ея время, въ такой силѣ понимавшаго, что „не единымъ хлѣбомъ бываетъ живъ человѣкъ". Что же до

гордости ея запросовъ и протеста, то, повторяю это опять, эта гордость никогда не исключала милосердія, прощенія обиды, даже безграничнаго терпѣнія, основаннаго на состраданіи къ самому обидчику; напротивъ, въ произведеніяхъ своихъ Жоржъ-Зандъ не разъ прельщалась красотою этихъ истинъ и не разъ воплощала типы самаго искренняго прощенія и любви"...

Послѣ приведенныхъ строкъ, вполнѣ понятнымъ становится то, что Достоевскій написалъ въ своей первой статьѣ: „Смерть Жоржъ-Зандъ", подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вѣсти о ея кончинѣ:

..„Лишь прочтя о ней, понялъ, что значило въ моей жизни это имя,—сколько взялъ этотъ поэтъ въ свое время моихъ восторговъ, поклоненій и сколько далъ мнѣ когда-то радостей, счастья! Я смѣло ставлю каждое изъ этихъ словъ, потому что все это было буквально. Это одна изъ нашихъ (т.-е. *нашихъ*) современницъ вполнѣ—идеалистка тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Это одно изъ тѣхъ именъ нашего могучаго, самонадѣяннаго и въ то же время больного столѣтія, полнаго самыхъ невыясненныхъ идеаловъ и самыхъ неразрѣшимыхъ желаній — именъ, которыя, возникнувъ тамъ, у себя, въ „странѣ святыхъ чудесъ", переманѝли отъ насъ, изъ нашей вѣчно-создающейся Россіи, слишкомъ много думъ, любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогихъ убѣжденій. Но не жаловаться намъ надо на это: вознося такія имена и преклоняясь предъ ними, русскіе служили и служатъ прямому своему назначенію. Пусть не удивляются этимъ словамъ моимъ и особенно въ отношеніи къ Жоржъ-Зандъ, о которой до сихъ поръ могутъ быть споры и которую наполовину, если не на всѣ девять-десятыхъ, у насъ успѣли уже забыть; *но свое дѣло она все-таки у насъ сдѣлала въ свое время*, и кому же собраться помянуть ее на могилѣ, какъ не намъ, ея современникамъ со всего міра? У насъ, русскихъ, двѣ родины: наша Русь и Европа... Многое, очень многое изъ того, что мы взяли изъ Европы и пересадили къ себѣ, мы не скопировали только... а привили къ нашему организму, въ нашу плоть и кровь; иное же пережили и даже выстрадали *самостоятельно*, точь-въ-точь, какъ тѣ, тамъ на Западѣ, для которыхъ все это было свое, родное. Европейцы этому ни за что не повѣрятъ; они насъ не знаютъ, да и пока тѣмъ лучше. Тѣмъ непримѣтнѣе и спокойнѣе совершится необходимый процессъ, который впослѣдствіи удивитъ весь міръ. Вотъ этотъ-то процессъ всего яснѣе и осязательнѣе можно выслѣдить отчасти и на отношеніи нашемъ къ литературамъ другихъ народовъ. Ихніе поэты намъ, по крайней мѣрѣ большинству развитыхъ людей нашихъ, точно такъ же

родные, какъ и имъ, тамъ у себя—на Западѣ. Я утверждаю и повторяю, что всякій европейскій поэтъ, мыслитель, филантропъ, кромѣ земли своей, изъ всего міра наиболѣе и наироднѣе бываетъ понятъ и принятъ всегда въ Россіи... Это русское отношеніе къ всемірной литературѣ есть явленіе почти не повторявшееся въ другихъ народахъ въ такой степени, во всю всемірную исторію... О, конечно, многіе улыбнутся, можетъ быть, прочтя выше о томъ значеніи, которое я придаю Жоржъ-Зандъ, но смѣющіеся будутъ неправы.

...„*Все то, что въ явленіи этого поэта составляло „новое слово“, все, что было „всечеловѣческаго“—все это тотчасъ же въ свое время отозвалось у насъ*, въ нашей Россіи, *сильнымъ и глубокимъ впечатлѣніемъ*, не миновало насъ и тѣмъ доказало, что *всякій поэтъ—новаторъ Европы*, всякій, прошедшій тамъ съ новою мыслью и съ новою силою, *не можетъ миновать русской мысли, не стать почти русскою силой*“...

И при жизни, и послѣ смерти Жоржъ-Зандъ появились десятки, чуть не сотни біографій, статей, мемуаровъ, этюдовъ и замѣтокъ, посвященныхъ этой писательницѣ, но можно рѣшительно сказать, что полной біографіи и въ то же время критической работы о Жоржъ-Зандъ не существуетъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Лучшей, то-есть наиболѣе *точной* и страдающей наименьшими пропусками и невѣрностями, слѣдуетъ признать англійскую, сжатую и краткую, біографію, написанную Бертой Томасъ въ собраніи „Замѣчательныя женщины“, издаваемомъ Ингрэмомъ [1]). Но, *во-первыхъ*, она имѣетъ въ виду исключительно англійскихъ читателей; *во-вторыхъ*, черезъчуръ ужъ стѣснена размѣрами изданія, для котораго написана; *въ-третьихъ*—критическая сторона въ ней почти совершенно отсутствуетъ. Тѣмъ не менѣе, всѣхъ, кто не будучи знакомымъ съ біографіей великой писательницы, хотѣлъ бы вкратцѣ, но на основаніи точныхъ и провѣренныхъ документовъ, ознакомиться съ исторіей этой замѣчательной жизни и духа,—всѣхъ такихъ читателей можно отсылать къ біографіи миссъ Томасъ. Они изъ нея узнаютъ почти все главное, не наткнутся ни на какую нелѣпую побасенку изъ тѣхъ, что такъ часто повторяются всѣми почти безъ исключенія біографами Жоржъ-Зандъ, и получатъ до-

---

[1]) Eminent Women Series, edit. by John H. Ingram. George-Sand, by Miss Bertha Thomas.

вольно вѣрную оцѣнку ея личности. На бо́льшее авторъ и не претендуетъ, но, повторяемъ, это, кажется, единственный трудъ, изъ цѣлаго рода томовъ, перечтенныхъ нами, который и оставляетъ по себѣ впечатлѣніе вполнѣ добросовѣстнаго, и пріятно поражаетъ своей фактичностью и точностью. Всѣ недостатки его зависятъ оттого, что миссъ Томасъ пользовалась лишь напечатанными уже источниками, и оттого, что она писала для чопорной англійской публики и *только для нея*, оставляя въ сторонѣ значеніе Жоржъ-Зандъ какъ писателя общеевропейскаго, да и вообще оставляя въ сторонѣ критическую сторону подобнаго труда.

Что же касается остальныхъ біографій и статей о Жоржъ-Зандъ и по поводу Жоржъ-Зандъ, то замѣтимъ, что рѣшительно всѣ біографіи Жоржъ-Зандъ, начиная съ Вальша (1837) и Ломени (1840) и до статьи Фагэ (1893 г.),—всѣ переполнены неточностями и ошибками, а факты и годы приводятся безъ надлежащей провѣрки. Не говоря уже о совершенно невѣрныхъ свѣденіяхъ о происхожденіи и родителяхъ Жоржъ-Зандъ и постоянномъ смѣшеніи, кто изъ нихъ былъ по рожденію аристократомъ, кто плебеемъ,—даже годы и мѣсяцы рожденія и смерти самой Жоржъ-Зандъ показываются невѣрно. Самое *имя* ея приводится часто невѣрно,—какъ еще сама она вѣрно замѣтила въ письмѣ своемъ къ самому легковѣсному изъ біографовъ, какіе когда-либо только существовали, къ пресловутому Э. де-Миркуру, рядъ біографій котораго Линдау справедливо называетъ „mehr berüchtigt, als berühmt“. Это письмо, напечатанное въ „Presse“ и „Mousquetaire“ при жизни Жоржъ-Зандъ и перепечатанное въ брошюрѣ Миркура: „Ламеннэ“,—вошло послѣ ея смерти въ ея *корреспонденцію* (III томъ, CCCIX). И дѣйствительно, Ломени [1]) называетъ ее: „Marie-Aurore“; Миркуръ: — „Amantine-Aurore“; Фагэ [2])—„Lucile-Aurore“, тогда какъ полное имя ея было: „Amantine-Lucile-Aurore“, а Marie-Aurore“ была ея бабка. Не говоримъ уже о другихъ ошибкахъ; почти всѣхъ ихъ легко было бы избѣжать, хотя бы въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя вышли послѣ 1854 г., т.-е. послѣ выхода въ свѣтъ „Histoire de ma vie“.

Когда въ статьяхъ и біографіяхъ самой Жоржъ-Зандъ и въ жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей, бывшихъ съ нею въ дружескихъ или иныхъ отношеніяхъ,—когда въ нихъ болѣе или менѣе пространно передается исторія ея жизни, то всѣ, какъ авторы монографа-

[1]) Loménie, „Galerie des contemporains illustres, par un homme de rien“. Bruxelles, 1847.

[2]) Emile Faguet. Dix-neuvième siècle. Etudes littéraires. George-Sand. Paris, 1893.

фій и статей, такъ и исторіи литературы, буквально ограничиваются тѣмъ, что просто пересказываютъ своими словами „Histoire de ma vie“ до того пункта, до котораго сама Жоржъ-Зандъ ее довела, т.-е. до половины сороковыхъ годовъ, а затѣмъ о послѣднихъ чуть не 30-ти годахъ ея жизни говорятъ на двухъ-трехъ страничкахъ, рисующихъ ея жизнь въ Ноганѣ и почерпнутыхъ изъ ея извѣстнаго письма къ Юльбаху,—письма, приложеннаго Кальманомъ Леви въ видѣ эпилога къ послѣднему тому той же „Histoire de ma vie“. Это уже совсѣмъ легкій способъ писанія біографіи и—прибавимъ—способъ весьма рискованный. Кромѣ упомянутой уже миссъ Томасъ и біографа Шопена, тоже англичанина—*Фр. Никса* (Nieks), пользующихся ея *„Корреспонденціей“* и другими напечатанными источниками—(и то Никсъ дѣлаетъ это лишь въ предѣлахъ своей спеціальной цѣли), — всѣ другіе авторы: и Каро, и д'Оссонвиль, и Фагэ, и Нетгеманъ, и Шмидтъ, и Крейсигъ, и всѣ русскіе біографы Жоржъ-Зандъ,—всѣ, за самыми рѣдкими исключеніями, оставляютъ безъ вниманія все, что можно было почерпнуть хотя бы изъ біографій и переписки Бальзака, Сентъ-Бёва, Делакруа, Шопена, Листа, Ламеннэ, и т. д., и т. д.,—зато всѣ повторяютъ одинъ и тотъ же пересказъ съ кое-какими варіантами, такъ что когда читаешь эти сочиненія одно за другимъ, то въ концѣ концовъ знаешь заранѣе, какое мѣсто изъ „Historie de ma vie“ и послѣ котораго будутъ цитировать. Это вполнѣ законно и неизбѣжно, пожалуй, до 1822 г. включительно, то-есть относительно дѣтства и отрочества Жоржъ-Зандъ и исторіи ея семейства *до* ея рожденія—того матеріала, который она какъ бы заранѣе приготовила для своихъ будущихъ біографовъ, пожелавшихъ бы разъяснить на ея особѣ теорію наслѣдственности и тѣмъ самымъ объяснить ея характеръ и натуру. Но начиная съ 1822 г.,—когда Аврора Дюпенъ вышла замужъ за Казиміра Дюдевана,—и по 1831, когда она его покинула и переселилась въ Парижъ, — имѣется уже масса и писемъ самой Жоржъ-Зандъ, и всевозможныхъ другихъ извѣстныхъ и мало извѣстныхъ документовъ, которые раскрываютъ и освѣщаютъ очень многое изъ того, о чемъ вовсе не говорится въ „Histoire de ma vie“, или говорится вскользь. Что же касается послѣдней части „Histoire“—времени съ 1831 и почти по 1847 годъ,—этихъ бурныхъ лѣтъ, полныхъ событій и лицъ, работы и увлеченій, этихъ *„годовъ ученія и странствій“*, самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ интересныхъ въ жизни Жоржъ-Зандъ, то для нихъ „Histoire de ma vie“ можетъ служить

развѣ лишь нѣкоторой аріадниной нитью, но никакъ не основаніемъ настоящей біографической работы.

Мы должны указать еще на то, что расположенные къ Жоржъ-Зандъ писатели, біографы—друзья, особенно ея благовоспитанные и любезные соотечественники, вѣроятно въ силу этой самой благовоспитанности, а миссъ Томасъ изъ соображеній англійскаго cant — дѣлаютъ одну громадную ошибку, дающую оружіе въ руки враговъ Жоржъ-Зандъ: всѣ они старательно обходятъ молчаніемъ такія общеизвѣстныя вещи, какъ отношенія Жоржъ-Зандъ къ Жюлю Сандо, Альфреду де-Мюссе, Мишелю де-Буржъ и Фредерику Шопену. Иногда кто-нибудь изъ нихъ позволитъ себѣ почтительный и туманный намекъ, или отдѣлается какой-нибудь ловкой фразой, которая понятна читателю, знающему, въ чемъ дѣло, но совершенно темна для того, кто незнакомъ съ интимной исторіей и сплетнями тѣхъ временъ.

Зато враги и хулители Жоржъ-Зандъ, всѣ консервативные и добропорядочные критики, и всѣ вздорные фельетонисты, и всѣ біографы Мюссе и Шопена, не стѣсняясь и пользуясь именно тѣмъ, что фактически ихъ никто не опровергаетъ и никто объ извѣстныхъ фактахъ ясно и точно не говоритъ,—чего-чего они не разсказываютъ, какихъ возмутительно-грубыхъ сплетенъ или подозрительно-смутныхъ слуховъ они не приводятъ, чего не наговариваютъ на Жоржъ-Зандъ! Но для Жоржъ-Зандъ давно настало время исторіи, скоро двадцать лѣтъ, какъ она умерла, и смѣло можно говорить обо всѣхъ тѣхъ событіяхъ, которымъ минуло уже полсотни лѣтъ. Откровенный разсказъ и прямое, открытое признаніе фактовъ, о которыхъ до сихъ поръ таинственно шептали,—скорѣе помогутъ смыть съ имени Жоржъ-Зандъ тѣ грязныя сплетни и намеки, которыми полны біографіи Мюссе и другихъ ея современниковъ. Лучшимъ подтвержденіемъ того можетъ служить то обстоятельство, что вышедшая нынѣче монографія *Арведа Барина*, *„Альфредъ де-Мюссе“* [1]), — первая изъ его біографій, въ которой извѣстная венеціанская поѣздка описывается не на основаніи беллетристическихъ произведеній или памфлетовъ, а на основаніи подлинной корреспонденціи Мюссе и Жоржъ-Зандъ,—эта біографія столько же благопріятна для памяти всѣми любимаго поэта, какъ и для памяти Жоржъ-Зандъ, и производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ правдивымъ тономъ, чего никакъ нельзя сказать ни объ обѣихъ

[1]) Les écrivains français. „Alf. de Musset“ par Arvède Barine. Paris, 1893.

біографіяхъ брата Мюссе [1]), ни о книгѣ *Поля Линдау* [2]), ни о легковѣсной книжкѣ *виконтессы де-Жанзе* [3]),—вообще ни объ одной біографіи Мюссе.

Обращаясь въ частности опять къ біографамъ Мюссе и Шопена, мы находимъ у нихъ поразительное единодушіе въ желаніи во что бы то ни стало очернить и обвинить Жоржъ-Зандъ, и поразительное разногласіе въ толкованіи однихъ и тѣхъ же событій и чертъ.

И какъ всегда, когда люди слишкомъ увлекаются злобой и ненавистью,—они часто впадаютъ въ самыя комическія противорѣчія и другъ съ другомъ, и сами съ собою. Это мы видимъ не только у ортодоксальной легитимистки виконтессы де-Жанзе или фельетоннаго враля Миркура, но даже у такихъ солидныхъ писателей, какъ Поль Линдау и Фридрихъ Никсъ.

Еще въ предисловіи къ первому изданію своего сочиненія Линдау сообщаетъ, что по неимѣнію хорошаго труда объ Альфредѣ де-Мюссе (тогда „Біографія", написанная Полемъ де-Мюссе, еще не вышла) и по недостаточности свѣденій, сообщаемыхъ въ „Notice biographique", онъ долженъ былъ обратиться за свѣденіями прямо къ брату Мюссе, который помогъ ему разъяснить неясное въ „Notice" и далъ возможность узнать жизнь А. де-Мюссе настолько подробно, насколько это необходимо для пониманія его поэтической дѣятельности,—а потому ему, Полю де-Мюссе, и воздается хвала и благодарность прежде всѣхъ другихъ, содѣйствовавшихъ написанію книги Линдау. Въ предисловіи ко второму изданію Линдау сообщаетъ, что въ письмѣ отъ 3-го ноября 1876 г. Поль де-Мюссе объявляетъ о предстоящемъ выходѣ давно ожидаемой біографіи брата, „ибо незадолго до того та особа, относительно которой болѣе всего приходилось быть осторожнымъ, покинула міръ живыхъ". Въ высшей степени непріятно поражаетъ, что тотъ самый Поль Мюссе, который при жизни Жоржъ-Зандъ не постѣснился въ формѣ романа [4]) изложить самыя тяжкія и постыдныя обвиненія противъ нея, привести quasi-подлинныя ея письма и разсказать подробности венеціанской исторіи съ возмутительными и совершенно неправдо-

[1]) Paul de Musset: a) Notice abrégée sur la vie d'Alf. Musset. Gr. édition in 4° et in 8° des oeuvres compl. de A. de Musset; b) Biographie de A. de Musset. Paris, 1875.

[2]) Paul Lindau. „A. de Musset", III Ausgabe. Berlin, 1879.

[3]) Vicomtesse de Janzé. „Etude et récits sur A. de Musset". Paris, 1891.

[4]) „Lui et Elle".

подобными подробностями, долженствовавшими доказать точность его свѣденій о ней, — что этотъ же Поль Мюссе ждетъ смерти Жоржъ-Зандъ, чтобы выступить съ біографіей брата, то-есть, такъ сказать, пользуется невозможностью для Жоржъ-Зандъ изъ могилы отвѣтить на обвиненія, еслибъ они были. Съ другой стороны, въ высшей степени непріятенъ и некрасивъ тотъ фактъ, что и въ самой „*Біографіи*“, и въ „Notice“, Поль Мюссе какъ бы нарочно сохраняетъ молчаливую „порядочность“ и тайну относительно всей исторіи и ограничивается лишь намеками, и даже имени Жоржъ-Зандъ не называетъ, а вездѣ выражается въ родѣ слѣдующаго: „une dame“, „une personne“, „une personne qui devait jouer un rôle“ и т. д. Тогда какъ именно отъ *біографіи* Альфреда де-Мюссе, сочиненія, которое должно быть исторически-точнымъ и по возможности безпристрастнымъ, мы въ правѣ ожидать *фактовъ, именъ и разъясненій*, а не малопонятныхъ и туманныхъ разсказовъ, не свѣтскихъ сплетенъ, не таинственныхъ намековъ на „une personne“ и еще болѣе таинственныхъ угрозъ—уже почти никому непонятныхъ.—А послѣ всего этого, вдругъ, съ многозначительнымъ видомъ, раскрывается фамилія венеціанскаго доктора: „Рецептъ былъ подписанъ „Pagello“ (курсивомъ)—и этотъ докторъ Pagello въ такомъ-то году „еще живъ и практикуетъ въ „Belluno“, т.-е. другими словами; „Не думайте, что докторъ изъ „Lui et Elle“—миѳъ, онъ существуетъ, а какую роль онъ играетъ въ біографіи Мюссе—догадайтесь сами“. Читатель согласится, что всего этого или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Надо было вновь и безъ прежняго желанія „отомстить и раздавить“ противника [1]) — вновь разсказать всю исторію трезво и точно,—или же ничего не говорить: а эта quasi-порядочность и умѣренность является въ сущности *великой непорядочностью*—говорить объ умершей намеками, и грязными намеками, и не приводить ни одного факта въ подтвержденіе своихъ словъ. Одно могло быть извиненіе у Поля Мюссе—это то, что родные и друзья Жоржъ-Зандъ потребовали у него молчанія: ему будто бы угрожали какими-то разоблаченіями, на что онъ грозно восклицаетъ: „J'ai un dossier plein d'autographes!“ Но въ такомъ случаѣ, повторяемъ, опять-таки порядочнѣе было бы совсѣмъ обойти молчаніемъ весь эпизодъ, или же сказать *всю правду*, не боясь того, что и противная сторона скажетъ *всю правду*. Но это-то и устрашило Поля Мюссе. Г. Мо-

[1]) Подлинное выраженіе Поля Мюссе изъ финала „Lui et Elle“, гдѣ объясняется цѣль написанія этого памфлета.

рисъ Зандъ намѣревался напечатать имѣвшіяся у него въ рукахъ письма Мюссе и не напечаталъ ихъ [1]) только потому, что ему пригрозили напечатаніемъ писемъ матери. Мы вполнѣ понимаемъ чувства Мориса Занда—нынѣ уже умершаго—и его желаніе оберечь память матери отъ могущихъ выйти разоблаченій, но въ то же время очень жалѣемъ, что онъ такъ поступилъ, ибо изо всего этого несомнѣнно слѣдующее: если для родныхъ Жоржъ-Зандъ нежелательно обнародованіе ея писемъ, то для родныхъ Мюссе нежелательно обнародованіе его писемъ,—или, вѣрнѣе, для тѣхъ и другихъ можетъ быть только желательнымъ разоблаченіе показаній обѣихъ сторонъ; истина можетъ только выиграть отъ сопоставленія этихъ разныхъ фактическихъ документовъ. Въ упомянутой книгѣ Барѝна они приведены лишь отрывками,—вслѣдствіе запрещенія семейства Мюссе, хотя они находятся въ семействѣ Жоржъ-Зандъ—и все-таки пролили совсѣмъ новый свѣтъ на этотъ эпизодъ. Послѣ книги Барѝна, мы знаемъ, что Поль Мюссе не только „*умышленно замаскировываетъ факты въ своей „Біографіи*“, но и старается „*запутать читателя*“ относительно того, къ кому относятся всѣ четыре „Nuits“ (на это указывалъ и самъ Линдау), руководясь въ своемъ „*искаженіи истины двумя причинами: во-первыхъ, своей ненавистью къ Жоржъ-Зандъ, вліяніе которой онъ желалъ бы „уменьшить*“, и, во-вторыхъ, указаннымъ сейчасъ „желаніемъ“, которое Барѝнъ почему-то называетъ „*законнымъ желаніемъ запутать читателя въ толпѣ свѣтскихъ женщинъ, компрометтированныхъ его братомъ.* „Декабрьская ночь“ говорила слишкомъ много въ пользу героини для того, чтобы столь *яростный защитникъ* (un justicier de cette âpreté) могъ рѣшиться закрѣпить ее за Жоржъ-Зандъ“. Оказывается, что Поль Мюссе даже подлинныя письма брата напечаталъ въ искаженномъ видѣ. Барѝнъ лукаво замѣчаетъ (стр. 157—158), что „въ то время вѣроятно иначе понимали обязанности издателя. Поль Мюссе *не ограничился однѣми урѣзками.* Онъ постарался облагородить стиль, слишкомъ небрежный по его мнѣнію. *А при случаѣ онъ искусственно измѣнялъ* (il arrangeait) *немножко и смыслъ*“.—„*Есть страницы прямо заново написанныя*“ (entièrement récrites“). Точно также оказывается, что и пресловутая переписка Мюссе съ m-me Жоберъ, которую онъ называлъ своей „крестной“,—что и эта переписка, часто служившая документомъ для біографическихъ

[1]) Къ сожалѣнію, если вѣрить Арведу Баринъ,—а мы не имѣемъ никакого основанія ему не вѣрить, тѣмъ болѣе, что его слова подтверждаются документами,—корреспонденція Жоржъ-Зандъ напечатана тоже съ пропусками.

работъ о Мюссе,—весьма *не подлинна*. „Письма, приводимыя въ воспоминаніяхъ m-me Jaubert“,—говоритъ опять Барѝнъ,—не только урѣзаны, но иногда и передѣланы; отрывки, взятые изъ писемъ, помѣченныхъ разными числами, были соединены, чтобы составить одно письмо“ (95 стр.). На стр. 154, Барѝнъ указываетъ, что, „именно вслѣдствіе достовѣрности основной фабулы „Confession d'un enfant du siècle“, Поль Мюссе постарался отрицать за нею всякое автобіографическое достоинство. Ему не нравилось, чтобъ братъ его рыцарски бралъ всю вину на себя“. На стр. 40, Барѝнъ очень вѣрно опять-таки указываетъ, что *Біографія*, написанная братомъ, очень цѣнна для свѣденій о первыхъ годахъ жизни Мюссе, но что *„ею пользоваться надо съ большою осторожностью*. Вездѣ въ ней встрѣчаются неточности и недосмотры, *а начиная съ извѣстнаго момента, который мы укажемъ*“,—т.-е. со времени знакомства съ Жоржъ-Зандъ,—*„эти неточности становятся умышленными и сознательными, съ цѣлью сбить съ толку читателя*“.

Теперь читателю ясно, какую цѣну надо придавать всѣмъ свѣденіямъ, которыя можно получить изъ сочиненій Поля Мюссе и вообще отъ него. Вдвойнѣ жалко, что Линдау на первомъ планѣ, какъ мы видѣли, ставитъ именно эти свѣденія. Даже въ судебной практикѣ свидѣтельство родныхъ принимается лишь весьма осторожно на вѣру; иногда, дабы не вводить родственниковъ въ грѣхъ ложныхъ показаній,—ихъ вовсе отводятъ, часто освобождаютъ отъ присяги. Тѣмъ болѣе надо быть осторожнымъ со свидѣтельствомъ родственниковъ, желающихъ обѣлить память покойнаго дорогого человѣка передъ судомъ исторіи. И потому, какъ ни старается Линдау быть безпристрастнымъ судьей, выслушивающимъ пристрастныя показанія брата Мюссе, какъ ни завѣряетъ читателя, что его мнѣніе, при допускаемой имъ объективной невѣрности, есть субъективно-безпристрастное,—мы явно видимъ, что на всю жизнь Мюссе и его сочиненія онъ смотритъ сквозь призму Поля де-Мюссе. Если онъ гдѣ и отступаетъ отъ взглядовъ этого послѣдняго, то опять лишь съ цѣлью большаго обвиненія Жоржъ-Зандъ. Поль де Мюссе въ обѣихъ своихъ біографіяхъ, какъ мы видѣли, во что бы то ни стало старался „уменьшить“ роль Жоржъ-Зандъ въ исторіи Альфреда де-Мюссе; съ этою цѣлью онъ преувеличиваетъ и роль m-me Коле́, и Полины Гарсія, и Рашели, и княгини Бельжойозо, и m-me Калерджи, и той маленькой модистки, которая послужила прототипомъ „Берне́ретѣ“, и т. д., и т. д. Линдау всю книгу свою хочетъ сдѣлать доказательствомъ той мысли, что въ жизни Мюссе была одна

любовь—Жоржъ-Зандъ—и эта любовь, отравивъ ему жизнь измѣной и ложью, — сгубила его; словами: „eine an ihm verübte Lüge hat ihn zu Grunde gerichtet"—онъ даже и заканчиваетъ свою книгу о Мюссе. Очевидно, пользуясь свѣденіями, полученными отъ Поля Мюссе, Линдау кромѣ того все подгоняетъ къ этой своей идеѣ—и потому, наоборотъ, старается всѣ позднѣйшія увлеченія и чувства Мюссе умалить, представить все въ такомъ видѣ, что, „любя другихъ", Мюссе будто „не забывалъ про взглядъ ея очей". Замѣтимъ при этомъ, что все свое объясненіе поступковъ и характера Жоржъ-Зандъ Линдау строитъ на томъ, что она была натура по преимуществу холодная (?), вѣчно-резонирующая и рефлектирующая, неспособная ни на какое горячее, непосредственное, сердечное чувство (при совершенной безнравственности, разумѣется,—иначе біографы Мюссе не могутъ говорить о Жоржъ-Зандъ!). И вотъ тутъ-то, для доказательства этого тезиса и, какъ мы видимъ, не имѣя для всей венеціанской исторіи почти никакихъ фактическихъ данныхъ изъ сочиненій, могущихъ хотя бы отчасти претендовать на нѣкоторую историчность, — Линдау прибѣгаетъ къ пріему весьма рискованному,—впрочемъ, и *до* него, и *послѣ* него употребляемому постоянно разными біографами,—онъ цитируетъ въ качествѣ *источниковъ* такія беллетристическія и полу-беллетристическія сочиненія, какъ: „Elle et Lui", „Lui et Elle", „Lui", Луизы Коле́ (о которомъ рѣшительно всѣ единодушно отзываются, какъ о сочиненіи, не заслуживающемъ ни малѣйшаго довѣрія по своей „пустой болтовнѣ" и „завѣдомой неправдивости") и „Lettres d'un voyageur", —отчасти же „Confession d'un enfant du siècle".

Но если такіе пріемы поражаютъ насъ непріятно въ первый разъ у Линдау, то они просто дѣлаются оскорбительными, когда мы встрѣчаемъ повтореніе тѣхъ же произвольныхъ цитатъ изъ разныхъ сочиненій, составленныхъ въ нѣчто цѣлое,—встрѣчаемъ его въ другой книгѣ—у *Фрид. Никса* [1]). Просто удивительно, что этотъ серьезный писатель, лучшій изъ біографовъ Шопена, съумѣвшій, вообще говоря, добросовѣстно отнестись къ біографіи Жоржъ-Зандъ, отлично критически разбирающій причины, по которымъ такіе два несходные характера, какъ Жоржъ-Зандъ и Мюссе, не могли понимать другъ друга, и отчего ихъ связь была такъ непродолжительна,—этотъ самый Никсъ, чуть дѣло доходитъ до объясненія тѣхъ же причинъ непрочности отношеній Жоржъ-

[1]) Fr. Nieks, „F. Chopin als Mensch und Musiker", übers. von D. W. Langhans. Leipzig, 1890.

Зандъ и Шопена,—вдругъ точно теряетъ свою проницательность, становится завѣдомо-пристрастнымъ, мелочнымъ и придирчивымъ,—и опять мы у него наталкиваемся на противорѣчія. Въ противоположность Линдау, онъ строитъ все свое объясненіе характера Жоржъ-Зандъ на одной фразѣ изъ „Histoire de ma vie", изъ которой слѣдуетъ, что Жоржъ-Зандъ была натура увлекающаяся до безумія, рабыня своихъ страстей, что она никогда не могла держать себя въ уздѣ, разсуждать и дѣлать что должно, а дѣлала лишь то, что ей въ данный моментъ хотѣлось. Но чуть рѣчь доходитъ до того, что надо доказать *ложивость* и *резонерство* (?) Жоржъ-Зандъ—все это объясненіе забывается,—и опять на сценѣ вся страница изъ Линдау, знаменитая цитата, составленная изъ кусочковъ, съ обвиненіемъ Жоржъ-Зандъ въ томъ, что она и холодна, и рефлектируетъ, и лэди Тартюфъ. Въ книгѣ Никса такимъ образомъ это является уже разсказомъ изъ четвертыхъ рукъ,—но это его не смущаетъ.

Отмѣтимъ еще одну черту. Въ своемъ пересказѣ біографіи Жоржъ-Зандъ Никсъ руководствуется „Histoire de ma vie" и „Correspondance", и повидимому вѣритъ этимъ двумъ сочиненіямъ. Но едва дѣло доходитъ до поѣздки съ Шопеномъ на Майорку — вдругъ Никсъ начинаетъ увѣрять, что отъ писемъ и воспоминаній Жоржъ-Зандъ вѣетъ сплошной ложью и фальшью, и начинаетъ на каждомъ шагу сыпать замѣчаніями, долженствующими вселить въ читателя полное недовѣріе ко всякому ея слову, хотя эти замѣчанія иногда совершенно ни на чемъ не основаны (см. томъ II, стр. 42, 44, 47, 48, 49, 83), или же становится мелочно-придирчивымъ и пристрастнымъ. Когда Шопенъ перепутываетъ дни и числа, opus своихъ сочиненій, или сумму, за которую онъ ихъ продалъ, это—„забвеніе" и „понятная разсѣянность", или т. п. Но если у Жоржъ-Зандъ въ письмѣ съ Майорки сказано, что за рояль, присланный Шопену въ *Пальма де Майорка*, на таможнѣ взяли 300 фр., а въ „Un hiver à Majorque",—воспоминаніяхъ, написанныхъ по памяти,—что взяли 400 фр.,—то это очевидно происходитъ отъ ея вѣчнаго желанія прикрашивать и преувеличивать! Кажется, что до Никса ни одинъ критикъ, при всей враждебности къ Жоржъ-Зандъ, не заподозрилъ ее въ любви къ деньгамъ, не принялъ буквально ея словъ въ „Histoire", что одною изъ причинъ ея отъѣзда въ Парижъ было желаніе именно имѣть побольше денегъ, и не говорилъ, что о дурномъ обращеніи съ нею мужа и обо всѣхъ прочихъ ея обвиненіяхъ противъ него было на судѣ приплетено только для вида, а что и въ дѣлѣ развода играли роль опять

тѣ же деньги. Наоборотъ, друзья и враги Жоржъ-Зандъ сходятся въ томъ, что экономностью, бережливостью, умѣньемъ вести дѣла и вообще *серьезнымъ* отношеніемъ къ „презрѣнному металлу“ Жоржъ-Зандъ настолько мало отличалась, что вѣчно попадалась въ просакъ, сорила деньгами, помогала кому только могла, раздавала направо и налѣво. Это признаютъ всѣ, и сама она, и этотъ самый Никсъ. Весьма понятно, что такая плохая экономка могла легко забыть *точную* цифру суммы, которую съ нихъ потребовала балеарская таможня и, какъ истая торговка, спустила потомъ цѣну ровно вдвое. Но этотъ послѣдній фактъ очевидно ясно и ярко запечатлѣлся въ памяти Жоржъ-Зандъ, всегда ясно запоминавшей все типичное, характерное и особенное по части мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, но совершенно безпечной относительно цифръ и денегъ. Весьма немудрено, что она могла забыть, потребовали съ нихъ 600 или 700 фр., но помнила ясно тотъ фактъ, что запросили безумную сумму и уступили вдвое.

Еще одинъ вопросъ, который мы уже затронули по поводу сочиненія Линдау:—возможно ли пользоваться художественными произведеніями какъ настоящими историческими документами для біографической работы? Мы считаемъ абсолютно-невозможнымъ принимать за точныя данныя тѣ черты, факты и объясненія какихъ-либо явленій въ произведеніи писателя, которые хотя несомнѣнно были навѣяны лично пережитыми подобными же фактами, разговорами и событіями, но несомнѣнно подверглись химическому процессу творчества, посредствомъ котораго изъ извѣстныхъ автору (а иногда и читателю) составныхъ элементовъ, получается вещество сложное и совершенно новое, обладающее уже совсѣмъ иными свойствами, чѣмъ тѣ ингредіенты, изъ которыхъ оно составилось. О томъ, какимъ необыкновеннымъ превращеніямъ подвергается иногда какой-нибудь подобный основной элементъ въ послѣдовательной работѣ *претворенія* въ душѣ писателя,—намъ разсказываетъ чрезвычайно характерный фактъ извѣстный критикъ Брандесъ въ своей лекціи *„О литературной критикѣ“*, читанной въ Петербургѣ въ 1887 г. [1]). Замѣчательный датскій писатель Сёренъ Кіеркегаардъ, будучи женихомъ, пришелъ къ заключенію, что бракъ этотъ состояться не можетъ, но для того, чтобы не слишкомъ огорчить невѣсту своимъ отказомъ, рѣшился прибѣгнуть къ „благочестивому обману“. „Онъ началъ мучить свою невѣсту, надоѣ-

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1887 г., октябрь—ноябрь: „Четыре лекціи Георга Брандеса“.

дать ей, съ цѣлью сдѣлать себя ненавистнымъ, и тѣмъ облегчить ей непріятность разрыва. Кромѣ того, онъ старался представить себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, чтобы прослыть вообще за легкомысленнаго негодяя, въ увѣренности, что осужденіе его со стороны всего общества облегчитъ молодой дѣвушкѣ размолвку— и въ то же время дѣлалъ все возможное къ утвержденію ея въ религіозной вѣрѣ съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ подкрѣпить ея силы къ перенесенію горя". Впослѣдствіи этотъ эпизодъ послужилъ основнымъ мотивомъ цѣлаго ряда произведеній, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Такъ у него вездѣ: въ „Донъ-Жуанѣ" и въ „Антигонѣ", наконецъ въ „Авраамѣ и Исаакѣ"— постоянно является одинъ и тотъ же мотивъ, одно любимое лицо: человѣкъ любящій, владѣющій какою-либо тайною и страждущій оттого, что другое лицо этого не знаетъ и никто не знаетъ,— и потому прибѣгающій къ „благочестивому обману", чтобы не нанести непоправимаго удара этому другому, любимому лицу. Такова Антигона, обманывающая того, кого любитъ, и страждущая, — и наоборотъ Эльвира, покидаемая Донъ-Жуаномъ, обманывающимъ ее, и таковъ Авраамъ, который притворяется ненавидящимъ Исаака, дабы тотъ не усомнился въ благости Бога. Вездѣ основной мотивъ тотъ же, а образы, въ которые онъ послѣдовательно воплотился, не имѣютъ между собою ничего общаго.

Между тѣмъ есть лица, которыя всегда ищутъ въ каждомъ романѣ, повѣсти или драмѣ: „съ кого написанъ NN?" или: „кого представили подъ видомъ X?" Такіе читатели идутъ иногда дальше: они будутъ утверждать, что лично отъ автора слыхали, что „онъ только оттого могъ написать „Крейцерову сонату", что въ самомъ дѣлѣ пережилъ самъ всѣ чувства Позднышева", а что Наташу Ростову онъ не могъ бы и вовсе написать, еслибъ о каждой чертѣ не совѣтовался со знакомыми барышнями (съ коихъ онъ ее и писалъ, какъ долженъ понять проницательный слушатель) и каждую такую строчку не давалъ имъ на поправку. Такіе читатели тогда лишь остановятся, если ихъ спросить: „Ну, а „Холстомѣра" какъ же онъ написалъ? Совѣтовался съ какою-либо знакомой лошадкой или самъ испыталъ чувства лошади? Или, какъ же Шекспиръ могъ написать Отелло и Гамлета, сцену тѣней въ „Макбетѣ" или ночной монологъ лэди Макбетъ? Неужели это тоже все въ самомъ дѣлѣ испытано сэромъ Вилліамомъ?.. Но вѣдь это самое ошибочное представленіе о творчествѣ — будто авторъ все долженъ самъ „пережить". Конечно, хорошо „переживаніе" авторомъ разныхъ чувствъ и мыслей своихъ героевъ,

и страницы „пережитыя“ отличаются часто наибольшею яркостью и силою, настолько захватывающею читателя, что для этого существуетъ и терминъ: „это согрѣто субъективнымъ чувствомъ“, „чисто-субъективная теплота“ и т. д. Но надо всегда помнить, что даже такая горячая субъективная страница все-таки побывала въ горнилѣ творчества и подверглась дѣйствію большаго или мѣньшаго писательскаго труда. Сама Жоржъ-Зандъ не разъ говорила о томъ, что правду жизненную вовсе нельзя списывать фотографически ради полученія правды художественной. Такъ, напр., въ XV главѣ II-й части „Histoire de ma vie“, разсказывая о томъ, какъ изящный прелатъ де-Бомонъ—ея дядя—послужилъ тѣмъ зародышемъ, изъ котораго впослѣдствіи выросъ типичнѣйшій и характернѣйшій каноникъ въ „Консюэло“, вовсе не похожій на свой прототипъ,—Жоржъ-Зандъ разъясняетъ очень доказательно, какъ лицо романа, для того, чтобы выйти яркимъ и типичнымъ, отнюдь не должно походить на *одно* какое-нибудь дѣйствительно существующее лицо, а на *множество* людей, и что никогда портретъ, списанный прямо съ натуры, не будетъ *художественно-правдивъ*; какъ *типъ* онъ будетъ непонятенъ и полонъ противорѣчій и мелкихъ, сбивчивыхъ чертъ. То же самое повторяетъ Жоржъ-Зандъ въ послѣднемъ томѣ „Histoire“ по поводу сходства князя Кароля изъ „Лукреціи Флоріани“ и Шопена. Настоящей житейской правды не должно искать тамъ, гдѣ закономъ должна быть правда художественная. Нечего отыскивать настоящихъ чертъ и лицъ въ созданіяхъ искусства. Тѣмъ болѣе „*легко было бы написать біографію романиста, перенося вымыслы его розсказней въ дѣйствительное его существованіе* (жизнь). *На это не требуется и большого воображенія*“ (les frais d'imagination ne sont pas grands) [1]). Совершенно ту же мысль мы встрѣчаемъ не разъ и у Тургенева въ его „Воспоминаніяхъ“ и въ разсказахъ и письмахъ по поводу „Отцовъ и Дѣтей“ и „Наканунѣ“. Если мы сопоставимъ эти мнѣнія Тургенева и Жоржъ-Зандъ съ только-что приведеннымъ эпизодомъ изъ жизни Кіеркегаарда, то мы будемъ весьма близки къ рѣшенію вопроса о томъ, какъ, съ одной стороны, въ объективнѣйшихъ произведеніяхъ литературы сказывается невидимый чисто-субъективный, пережитый мотивъ,—и наоборотъ, насколько осторожно приходится пользоваться произведеніями писателя какъ матеріаломъ для его біографіи. Методъ этотъ очень распространенъ теперь и, повторяемъ, методъ совершенно рискованный. И чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ даръ

[1]) „Histoire de ma vie“, t. 1, первая глава.

претворенія дѣйствительности въ поэтическіе или отвлеченные образы въ немъ сильнѣе, тѣмъ легче біографу ошибиться и сбиться. И это относится какъ до произведеній художественной литературы, такъ и до всѣхъ мемуаровъ, воспоминаній и исторій, написанныхъ après coup. Тутъ, конечно, приходится дѣлать большія различія. Конечно, читая воспоминанія Глинки, всякій читатель почувствуетъ, что все въ нихъ правдиво и случилось именно такъ, какъ описано. А сколько каждый изъ насъ читалъ на своемъ вѣку „Мемуаровъ“ и „Записокъ“, гдѣ послѣ каждой строчки приходилось скептически восклицать иное.

Но вопросъ очень усложняется, разъ эти „воспоминанія“ написаны лицомъ, обладающимъ литературнымъ талантомъ, а тѣмъ болѣе, если касаются не лицъ и событій, коихъ авторъ былъ свидѣтелемъ, а событій и фактовъ собственной его жизни. Тутъ самый правдивый человѣкъ кое о чемъ и промолчитъ, о другомъ не доскажетъ или освѣтитъ все по своему. И въ этомъ отношеніи исключеній нѣтъ, и чѣмъ человѣкъ геніальнѣе, тѣмъ труднѣе отдѣлить такія прикрасы отъ голой истины, даже если эти прикрасы являются въ видѣ цинизма Жанъ-Жака. Поэтому мы мало вѣримъ въ чьи-либо талантливые мемуары, а вѣримъ лишь въ подлинные дневники (сходясь тутъ въ теоріи съ мнѣніемъ Никса, но совершенно не такъ понимая примѣненіе этой теоріи, какъ онъ). Еще болѣе вѣримъ мы въ письма (разумѣется, не въ такія, какъ пишутъ нынѣче почти всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди, знающіе, что непремѣнно эти ихъ письма появятся со временемъ въ „Русской Старинѣ“, или „Revue des deux Mondes“ и потому пишущіе ихъ, такъ сказать, „для потомства“)—нѣтъ, мы говоримъ о простыхъ, частныхъ письмахъ. Если сопоставить такія письма, написанныя разными лицами, то получится очень вѣрное понятіе о данной личности, гораздо болѣе вѣрное во всякомъ случаѣ, чѣмъ то, что „выводится“ изъ разныхъ чисто литературныхъ произведеній, или записокъ, съ самаго начала предназначенныхъ для печати.

Мемуары важны въ другомъ отношеніи, но зато тутъ приходится біографу очень тонко разбирать, что относится до *того* времени, что написано позднѣе или приподнесено подъ прикрасою того или другого измѣнившагося міровоззрѣнія. Но если „Записки“ или „Исторія жизни“ написаны прямо съ цѣлью проведенія извѣстной идеи, какъ „Записки импер. Екатерины“, или „Histoire de ma vie“, Жоржъ-Зандъ (которая, кстати сказать, въ иныхъ мѣстахъ умными обходами кое-какихъ эпизодовъ или умѣніемъ совершенно просто разсказать вовсе не простыя вещи—

поразительно напоминала собою не разъ автобіографію августѣйшаго друга энциклопедистовъ)—тогда всѣ событія разсматриваются уже не какъ случайныя, а какъ составляющія нѣчто неразрывное, цѣлое. Въ первомъ случаѣ задачей было—объяснить и оправдать *событія*; во второмъ—представить въ видѣ непрерывной нити *развитіе духа*, внѣшняя жизнь котораго прошла среди самыхъ необычайныхъ событій и фактовъ. И тамъ, и тутъ, вслѣдствіе этого являются нѣкоторыя натяжки, но и тамъ и тутъ, какъ общая идея, такъ и главныя черты согласны съ истиной. Не въ волѣ обоихъ авторовъ было уничтожить многое, что произошло въ ихъ жизни; авторы сдѣлали то, что могли и должны были сдѣлать—какъ женщины, ибо онѣ все-таки не могли и не должны были забыть, что онѣ—женщины, а потому и покорились женской добродѣтели—объ иномъ скромно умолчали. Отсюда, разумѣется, происходятъ кое-какія неточности или прямо невѣрности въ изложеніи: важное является незначительнымъ; мелкое принимаетъ видъ чего-то крупнаго; смутное или темное освѣщается яркимъ свѣтомъ сіяющаго блескомъ ума и рядомъ стоящаго факта, кричащее и слишкомъ рѣзкое отступаетъ въ тѣнь остроумно-безцвѣтныхъ или глубокомысленно-темныхъ общихъ замѣчаній. Приходится читать между строками. Но общее—особенно въ „Histoire de ma vie"—общее все вѣрно основной идеѣ. И потому, если мы хотимъ почерпнуть истину изъ этой автобіографіи,—мы должны, отбросивъ мелочи, именно слѣдить за развитіемъ одной общей идеи, и тогда мы будемъ стоять на вѣрной дорогѣ и не заблудимся ни въ туманѣ неясностей, ни въ лѣсу противорѣчій.

Влад. Каренинъ.

ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ́

I.—РУЧЕЙ.

Близь озера, смѣло и звонко
Журчащій у влажныхъ камней,
Въ травѣ пробѣгаетъ сторонкой,
Пробившись на волю, ручей.

Онъ шепчетъ:—Какъ тѣсно мнѣ было
Въ безрадостныхъ нѣдрахъ земли,
Гдѣ солнце во тьмѣ не свѣтило
И гдѣ берега̀ не цвѣли!

А здѣсь и древесные своды,
И куполъ небесъ голубой—
Мои серебристыя воды
Весь день отражаютъ собой.

Кто знаетъ? Въ теченьѣ далекомъ,
Разлившись свободной волной,
Быть можетъ, я стану потокомъ,
Могучей и вольной рѣкой?

И скоро, быть можетъ, я стану—
Томившійся въ нѣдрахъ земли—
На лонѣ своемъ океану
Большіе носить корабли!—

Такъ шепчетъ въ тѣнистой дубравѣ,
Журча у высокихъ камней,
Отважно стремящійся къ славѣ,
Наивный и юный ручей.

Но еле добившись свободы,
Онъ гибнетъ, не ставши рѣкой:
Сосѣдняго озера водЫ
Его поглощаютъ собой...

II.—ОЖИДАНІЕ ВЕСНЫ.

Пока—рабы холодной прозы—
Лишь ею мы удручены,
Апрѣль, смѣющійся сквозь слезы
Готовитъ намъ возвратъ весны.

Пока мы всѣ, спѣша безъ толку,
Свершаемъ столько лишнихъ дѣлъ—
Для маргаритокъ втихомолку
Наряды сдѣлать онъ успѣлъ.

Въ ночи, невидимъ и неслышенъ,
Предвѣстникъ солнца и тепла,
Идетъ онъ въ садъ—верхушки вишенъ
Спѣша напудрить до-бѣла...

Весны волшебницы законы
Предупреждая, онъ чуть свѣтъ
Шнуруетъ алыхъ розъ бутоны
Въ свѣтло-зеленый ихъ корсетъ.

Природа нѣжится въ постели,
А онъ, бродя среди лѣсовъ,
Дроздамъ насвистываетъ трели
И сыплетъ пригоршни цвѣтовъ...

Въ травѣ, гдѣ ключъ журчитъ игриво,
Фіалокъ синихъ лепестки
Онъ разсыпаетъ прихотливо,—
И колокольчиковъ звонки.

И по долинамъ разстилая
Узоръ цвѣточнаго ковра,
Подходитъ онъ къ порогу мая
И говоритъ ему:—Пора!

III.

Ты сердцемъ живешь, дорогая,
Страдая, надѣясь, любя,—
Но злобствуетъ свѣтъ, утверждая,
Что сердца и нѣтъ у тебя.

На очи твои набѣгая,
Въ нихъ слезы порою блестятъ,
Но свѣтъ говоритъ, дорогая,
Что сухъ и бездушенъ твой взглядъ.

Пѣвца вдохновеньямъ внимая,
Волнуешься ты, но толпа
Рѣшила давно, дорогая,
Что ты безнадежно тупа.

Не вѣрь ей. Лишь стоитъ поэта
Покинуть тебѣ, разлюбя,—
Найдутся, по мнѣнію свѣта,
И сердце, и умъ у тебя...

IV.—ИЗЪ ИСПАНСКАГО АЛЬБОМА.

1.—Карменъ.

Карменъ—худа. Она—гитана
И солнцемъ юга сожжена;
Змѣею падая вдоль стана,
Коса ея какъ смоль черна.

Но въ блескѣ глазъ ея—побѣда,
Предъ ней никто-бъ не устоялъ;
И самъ епископъ изъ Толедо
Предъ ней колѣна преклонялъ.

По вечерамъ въ тѣни алькова
Своей распущенной косой
Она, какъ складками покрова,
Вся закрывается порой.

Когда глаза ея темнѣютъ,
Суля восторги безъ конца,
И, словно кровь, уста алѣютъ
На смуглой блѣдности лица—

По прихоти природы странной,
Въ своей чарующей красѣ,
Предъ этою смуглой гитаной—
Красавицы блѣднѣютъ всѣ.

Она для женщинъ безобразна,
Но изъ мужчинъ—ни младъ, ни старъ
Не избѣжалъ еще соблазна
Ея непобѣдимыхъ чаръ.

2.—Новіо.

—Дитя съ осанкою царицы,
Ко мнѣ—я чувствовалъ не разъ—
Пылали злобою зарницы
Твоихъ обычно кротвихъ глазъ.

И все-жъ въ ночи передъ балкономъ
Твоимъ упорно я стою,
И съ гнѣвомъ въ сердцѣ оскорбленномъ
Я о любви моей пою.

Здѣсь мѣста нѣтъ другимъ гитарамъ!
Пообѣщался напередъ
Я наградить ножа ударомъ
Того, кто первый запоетъ.

Въ ножнахъ соскучилась наваха,
Пылаетъ мужество въ груди,—
Эй, кабаллеро, кто безъ страха
И безъ упрека—выходи!

Пускай выходятъ на расправу
По одиночкѣ иль толпой!
Всѣхъ вызываю я во славу
Тебя, любовь моя, на бой!

Побьюсь я съ цѣлою дружиной,
Готовъ я вызвать сатану,—
Пусть только я передъ кончиной
Въ твоихъ объятьяхъ отдохну!

V.—ГРЕЧЕСКАЯ ДѢВУШКА.

Беззавѣтною страстью порыва
Ты пугаешь меня, мой поэтъ;
Вѣдь любовь молодая стыдлива,
Какъ весенняго утра разсвѣтъ.

Видишь гордицу эту, мой милый?
Какъ она, я пугаюсь легко,
И голубкою я бѣлокрылой
Отъ тебя улечу далеко.

Но останься на мигъ безъ движенья,
Не упорствуй въ ненужной борьбѣ,—
И слетитъ, позабывъ опасенья,
Добровольно голубка къ тебѣ...

О. Михайлова.

1894 г.

ЖИЗНЬ

и

МЕДИЦИНА

„Всякому теперь кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ должности другого, и только не можетъ сдѣлать его въ своей должности! Это—причина всѣхъ золъ".

Гоголь.

I [1]).

Чѣмъ дальше идетъ развитіе медицинской науки, чѣмъ больше накопляется наблюденій относительно жизни вообще и жизни человѣческой въ частности, чѣмъ ярче освѣщаются эти наблюденія философской мыслью и критикой опыта,—тѣмъ яснѣе обрисовывается тотъ путь, который можетъ приблизить насъ къ завѣтной цѣли медицинскихъ стремленій—къ уменьшенію числа страданій человѣка и увеличенію продолжительности жизни его. И по мѣрѣ того, какъ обрисовывается этотъ путь, все яснѣе и яснѣе становится, что одни врачи, безъ постоянной и самой живой, дѣятельной помощи общества, достигнуть этой завѣтной цѣли не могутъ. Давно было извѣстно, что для жизни необходимъ рядъ внѣшнихъ условій; но до сравнительно недавняго времени мы даже не подозрѣвали, какъ велика требовательность организма;

---

[1]) Читано въ извлеченіи на актѣ военно-медицинской академіи, въ прошедшемъ году.

при какихъ строго опредѣленныхъ и притомъ постоянныхъ условіяхъ онъ можетъ жить и хорошо себя чувствовать. Давно было извѣстно, что среди окружающихъ насъ условій есть такія, которыя могутъ повредить жизни организма, но до сравнительно недавняго времени мы опять-таки даже и не подозрѣвали, что въ природѣ нѣтъ ничего безусловно полезнаго организму, что любымъ веществомъ можно погубить его: можно отравить водой, которая ему такъ очевидно нужна; можно отравить тѣмъ кислородомъ, которымъ мы дышемъ, и безъ котораго не можемъ прожить и нѣсколькихъ минутъ. Покуда мы не знали этого, мы удивлялись, отъ чего это мы часто хвораемъ и преждевременно умираемъ, а узнавши, что жизнь наша протекаетъ среди такихъ непрерывныхъ затрудненій и опасностей, мы начинаемъ удивляться уже другому: мы начинаемъ удивляться, какъ это только мы можемъ жить, какъ не страдаемъ и не погибаемъ еще чаще. И дѣйствительно, тутъ есть чему подивиться. Оказывается, что живемъ мы благодаря изумительной силѣ организма, благодаря его поразительному умѣнью брать, отвоевывать отъ окружающей среды все, что ему необходимо, и благодаря огромной способности его избѣгать вредныхъ вліяній и защищаться отъ нихъ.

Словомъ, чѣмъ больше мы знакомимся съ жизнью организма, тѣмъ больше убѣждаемся, что эта жизнь есть непрерывная и часто—напряженная борьба.

Возьмемъ, напримѣръ, температуру. Организмъ человѣка можетъ чувствовать себя хорошо лишь въ томъ случаѣ, если его температура равна приблизительно 36—37,5° Ц. Температура выше или ниже этой уже несовмѣстима съ благосостояніемъ организма, а между тѣмъ человѣкъ живетъ и подъ экваторомъ и чуть не подъ полюсами. Спрашивается, какъ же онъ живетъ?—Ему несомнѣнно помогаютъ одежда и жилища; но никакая одежда, никакія жилища не могутъ совершенно защитить отъ вліянія такихъ ужасныхъ температуръ, какъ 50—60° мороза и 50—60° жары; а между тѣмъ, возьмемъ ли мы эскимоса, или негра, у того и другого температура одинакова: 36—37,5°.

Но зачѣмъ такъ далеко ходить за примѣрами,—возьмемъ нашъ средній климатъ, даже наши комнаты: здѣсь развѣ безъ борьбы дается организму постоянство его температуры? Стоитъ только припомнить тотъ хорошо извѣстный фактъ, что для преждевременно родившихся младенцевъ, у которыхъ центры и приборы, завѣдывающіе выработкой и отдачей тепла, мало развиты, наши комнаты съ ихъ обычной температурой убійственны,—чтобы понять, что и намъ постоянство нашей температуры далеко не

дается одними нашими домами и нашей одеждой, что и нашъ организмъ встрѣчается съ массой затрудненій по части температуры, и если выходитъ изъ нихъ, то главнымъ образомъ своими силами; наши дома и наша одежда лишь помогаютъ ему.

Возьмемъ условія дыханія. Организму не только необходимъ тотъ кислородъ, который онъ получаетъ изъ воздуха, но необходимъ непремѣнно въ извѣстныхъ количествахъ; организмъ чрезвычайно чувствителенъ къ малѣйшему недостатку кислорода и страдаетъ отъ этого недостатка, а въ то же время люди живутъ и, повидимому, одинаково хорошо себя чувствуютъ, какъ на берегу моря, въ воздухѣ густомъ, содержащемъ много кислорода, такъ и на высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ сильно разрѣженъ и содержитъ по вѣсу кислорода нерѣдко вдвое меньше, чѣмъ воздухъ низменностей. Какъ же происходитъ это? Быть можетъ, организмъ привыкаетъ довольствоваться мѣньшимъ количествомъ кислорода? Ничуть не бывало: опыты и наблюденія показываютъ, что организмъ не поступается своими требованіями, а умѣетъ отвоевать себѣ необходимое, и изъ воздуха, разрѣженнаго вдвое, онъ ухитряется взять себѣ все то количество кислорода, какое ему необходимо.

Возьмемъ явленія питанія. И здѣсь требовательность организма огромная. И до сихъ поръ очень распространено мнѣніе объ особенной, исключительной важности бѣлковъ въ пищѣ. Это мнѣніе страдаетъ большой крайностью. Оно зиждется больше на экономическихъ, чѣмъ научныхъ соображеніяхъ. Организмъ нашъ этихъ соображеній не признаетъ. Для него нѣтъ ни болѣе дорогихъ, ни менѣе дорогихъ, ни болѣе важныхъ, ни менѣе важныхъ веществъ. Все, въ чемъ нуждается онъ, ему важно и дорого. Ему несомнѣнно нужны бѣлки, но нужны также и жиры, и крахмалистыя вещества, и вода, и соли. Если изъ пищи исключить бѣлки, организмъ погибаетъ, проживши всего раза въ два-три больше, чѣмъ при полномъ лишеніи пищи; но посмотрите, что выходитъ, если организму давать сколько угодно бѣлковъ, воду, и по возможности лишить всѣхъ другихъ составныхъ частей пищи, если, напримѣръ, кормить сильно вываренным мясомъ безъ прибавки бульона, т.-е. пищей, въ которой огромное количество бѣлковъ, но очень мало солей: организмъ погибаетъ при этой пищѣ даже скорѣе, чѣмъ при полномъ лишеніи пищи. Одни бѣлки, значитъ, не только не полезны, не нужны организму,— они вредны ему.

Съ другой стороны, возьмемъ такія составныя части пищи, о которыхъ обыкновенно люди не заботятся и не говорятъ. Возьмемъ

желѣзо. Во всемъ организмѣ его находится всего какой-нибудь золотникъ, два. Но попробуйте не дать организму этихъ ничтожныхъ количествъ желѣза или отнять ихъ у него,—онъ неминуемо и быстро погибнетъ. Стоитъ только сказать, что безъ желѣза немыслима жизнь и дѣятельность крови, чтобы понять это.

Если мы попробуемъ отнять у пищи фосфоръ—то же самое: при наличности въ ней всего остального—гибель организма, что̀ опять-таки понятно, ибо фосфоръ входитъ въ составъ чуть ли не всѣхъ тканей, а между прочимъ и въ составъ мозга.

И то же самое можно сказать относительно любого вещества, входящаго въ составъ организма.

Едва-ли нужно разъяснять, что наша пища, измѣнчивая, непостоянная, можетъ не содержать то однихъ, то другихъ веществъ, необходимыхъ организму, а изъ этого прямо уже вытекаетъ, что организмъ очень часто долженъ страдать отъ недостаточнаго или неудовлетворительнаго питанія. Да, онъ и страдаетъ, и даже погибаетъ, но онъ несомнѣнно страдалъ бы и погибалъ бы отъ этого неизмѣримо чаще, еслибы не умѣлъ отстранять отъ себя массу тѣхъ опасностей, которыми можетъ грозить неудовлетворительная въ количественномъ или качественномъ отношеніи пища. Организмъ не живетъ непосредственно на счетъ той пищи, которую онъ принимаетъ: онъ живетъ на счетъ запасовъ, сдѣланныхъ изъ прежде принятой пищи. Вновь принимаемая пища служитъ лишь для пополненія запасовъ, а запасы свои организмъ составляетъ такъ, что въ нихъ онъ находитъ все ему необходимое, и потому до извѣстной степени не зависитъ отъ измѣнчивости и постоянства пищи. По тому же самому онъ можетъ жить даже вовсе безъ пищи, пока не израсходуетъ всѣхъ своихъ запасовъ. Но питаніе при помощи запасовъ—не единственное орудіе самозащиты организма въ борьбѣ съ непостоянствомъ и недостаткомъ пищи.

Когда-то принято было думать, что организмъ не можетъ приготовить себѣ самому ни одной изъ составныхъ частей своей пищи,—что и бѣлки, и жиры, и крахмалъ доставляются ему исключительно внѣшнимъ міромъ. На самомъ дѣлѣ оказалось далеко не такъ, и мы теперь уже знаемъ навѣрное, что организмъ можетъ приготовлять извѣстныя части пищи въ себѣ самомъ, лишь бы былъ подходящій матеріалъ. Изъ бѣлковъ, напримѣръ, онъ приготовляетъ жиръ; изъ бѣлковъ же можетъ вырабатывать и даже непрерывно вырабатываетъ необходимый ему сахаръ и т. д. Важность этой способности понятна безъ разъясненій.

Принято думать и до сихъ поръ, что продукты обмѣна, или

вещества, разъ сослужившія организму службу, подлежатъ удаленію изъ него и только удаленію; что ни при какихъ условіяхъ организмъ не пользуется и не можетъ вновь пользоваться этими веществами, не можетъ вновь дѣлать ихъ элементомъ созиданія, пищей своей; между тѣмъ позднѣйшія изслѣдованія не оставляютъ сомнѣнія, что взглядъ этотъ ошибоченъ. Организмъ можетъ возвращать и задерживать вещества, которыя находились уже на пути къ выдѣленію изъ него, и въ случаѣ нужды дѣлаетъ это. Онъ несомнѣнно дѣлаетъ это съ фосфоромъ, онъ дѣлаетъ это съ желѣзомъ, онъ, повидимому, можетъ это дѣлать даже съ азотистыми продуктами обмѣна. Мы покуда и приблизительно оцѣнить не можемъ эту способность организма, способность нѣсколько разъ пускать въ оборотъ одно и то же вещество; но и теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что, благодаря этой способности, организмъ избѣгаетъ очень многихъ опасностей, связанныхъ съ недостаткомъ и непостоянствомъ нашей пищи.

Но и это не все: въ случаѣ крайности, организмъ можетъ брать необходимыя вещества отъ органовъ менѣе важныхъ, чтобы спасти болѣе важные для жизни. Относящіеся сюда факты поучительны въ высшей степени; напримѣръ, организмъ умираетъ отъ голода, онъ потерялъ около 40% своего прежняго вѣса. Можно было бы подумать, что большинство органовъ и тканей потеряли въ своемъ вѣсѣ одинаково,—ничуть не бывало: нѣкоторые органы почти исчезли начисто, потеряли 70—80—90%, другіе потеряли 40%, а мозгъ не измѣнился въ вѣсѣ. Страдая отъ голода, организмъ изо всѣхъ силъ заботился, чтобы этотъ важнѣйшій органъ не страдалъ, получалъ все ему необходимое. Посмотрите органы животнаго, погибшаго отъ лишенія питья (сухояденіе): многіе органы замѣтно изсушены, мозгъ—нисколько.

Надѣюсь, этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что жизнь здороваго организма не протекаетъ такъ легко, такъ невозмутимо спокойно, какъ это намъ можетъ казаться, что эта жизнь—безпрерывная борьба.

За избыткомъ силы организмъ долгое время легко совершаетъ эту борьбу, не чувствуя ея, но она не обходится ему даромъ. На нее-то постепенно, незамѣтно, но неизбѣжно, уходитъ та непостижимая для насъ энергія или сила, которая вмѣстѣ съ зародышемъ передается отъ родителей къ дѣтямъ. И часто употребляемыя про человѣка выраженія, что его сокрушила жизненная борьба, что онъ изнемогъ въ этой борьбѣ, склонился подъ тяжестью лѣтъ,—эти чудныя, поэтическія выраженія полны глубокаго научнаго значенія и примѣнимы не къ однимъ героямъ.

Но немногимъ людямъ выпадаетъ такая счастливая доля, что ихъ жизненная борьба протекаетъ относительно легко, ровно, почти незамѣтно, при чемъ человѣкъ безболѣзненно доживаетъ до своего предѣльнаго возраста. Громадному большинству не разъ въ жизни приходится подвергаться такимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ, такимъ затрудненіямъ и опасностямъ, изъ которыхъ удается выходить лишь путемъ крайняго напряженія силъ, путемъ особыхъ, экстренныхъ пріемовъ, пріемовъ борьбы, которые сопровождаются страданіемъ организма и нерѣдко оставляютъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды,—словомъ, путемъ болѣзней.

Да и жизнь больного организма—тоже борьба. Чѣмъ глубже изучаемъ мы различнаго рода заболѣванія, чѣмъ больше провѣряемъ свои предположенія опытами надъ животными, тѣмъ больше убѣждаемся въ этомъ. Мы видимъ, что многія изъ тѣхъ явленій въ жизни больного организма, которыя до самаго недавняго времени считались торжествомъ болѣзни, проявленіемъ слабости организма, что эти явленія суть не что иное, какъ проявленіе силы организма, выраженіе усиленной и нерѣдко самоотверженной дѣятельности органовъ и тканей,—дѣятельности своеобразной и исключительной, вызванной исключительными обстоятельствами. Мы ошибались, думая иначе. Я опять поясню свою мысль примѣрами.

Если мы видимъ человѣка, окоченѣвшаго отъ холода, обезсиленнаго до послѣдней степени или окровавленнаго, израненнаго, съ искаженнымъ видомъ, мы конечно будемъ правы, если скажемъ, что этотъ человѣкъ слабѣе рядомъ стоящаго съ нимъ цвѣтущаго человѣка; но это будетъ лишь первое впечатлѣніе, вѣрное только въ извѣстномъ смыслѣ, и можетъ быть только до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, что̀ привело перваго человѣка въ такому состоянію. Если для насъ выяснится, что этотъ человѣкъ переплылъ широкую и бурную рѣку, гдѣ и рядомъ стоящій, цвѣтущій, и почти всякій другой неминуемо утонулъ бы; или если мы узнаемъ, что онъ долгое время сражался съ сильнымъ и опаснымъ врагомъ, что надъ нимъ висѣла почти неотвратимая опасность, и онъ все-таки избѣжалъ ея; если къ тому же мы узнаемъ, что этотъ окоченѣвшій отъ холода, окровавленный человѣкъ цѣною своихъ ранъ и страданій спасъ другихъ, вмѣстѣ съ которыми онъ попалъ въ опасность; если, наконецъ, откроется, что онъ самъ бросился въ опасность для того, чтобы спасти другихъ,—то у насъ неизбѣжно возникнетъ болѣе глубокое отношеніе къ этому случаю и должна будетъ явиться мысль о рѣдкой силѣ и ловкости этого человѣка, о его героизмѣ, до-

ходящемъ до самоотверженія. И человѣка, котораго мы недавно считали жалкимъ и слабымъ, мы отнесемъ къ разряду тѣхъ могучихъ людей, которые составляютъ красу, гордость и силу общества.

Въ жизни организма такихъ явленій гораздо больше, чѣмъ мы привыкли думать. Мы видимъ, человѣка укусила ядовитая змѣя, другой порѣзался ножомъ, зараженнымъ, напр., трупнымъ ядомъ, и видимъ, что лимфатическія железы, лежащія на пути яда въ организмъ, напухли, болятъ, онѣ рѣзко измѣнены; нѣкоторыя изъ нихъ подвергаются нагноенію, разрушаются, погибаютъ навсегда. Явленіе на первый взглядъ очень прискорбное,—хотѣлось бы, чтобы не было этихъ болей, опухолей, нагноенія, хотѣлось бы устранить эти явленія, помѣшать ихъ развитію. И вотъ мы видимъ снова укусы ядовитой змѣи, порѣзы ядовитымъ ножомъ. Ни болей, ни опухоли, къ нашему удовольствію, нѣтъ, но—что это? —у больного какая-то зловѣщая апатія, сонливость, у него сильная, все больше и больше возростающая слабость, онъ теряетъ сознаніе, онъ тяжело и неправильно дышетъ и т. д.—несомнѣнно онъ тяжко и опасно боленъ; онъ, наконецъ, погибаетъ, погибаетъ отъ укуса той же змѣи, отъ пораненія тѣмъ же ножомъ, отъ которыхъ другіе отдѣлались лишь временнымъ опуханіемъ железъ, болью въ нихъ и частью нагноеніемъ.

Что значитъ это явленіе? Въ настоящее время мы уже не затрудняемся въ его оцѣнкѣ. Мы не будемъ особенно жалѣть лимфатическихъ железъ у человѣка, зараженнаго тѣмъ или другимъ ядомъ; мы не будемъ истолковывать измѣненія въ железахъ, какъ доказательство ихъ слабости и слабости всего организма. Для насъ ясно, что эти железы — бойцы, самоотверженные защитники организма, какъ тотъ герой, про котораго была рѣчь,—что цѣною страданія, ослабленія, иногда гибели лимфатическихъ железъ спасаются другіе органы и иногда цѣлый организмъ.

Человѣкъ заболѣлъ заразной болѣзнью, у него опухли печень, селезенка; онѣ сдѣлались болѣзненными, привлекаютъ вниманіе врача, требуютъ его помощи. И долгое время мы старались помочь этому горю,—уменьшить печень, сократить селезенку. Но вотъ для насъ все больше и больше выясняется, что одно изъ важнѣйшихъ отправленій печени заключается въ томъ, чтобы захватывать различныя вредныя организму вещества и превращать ихъ въ безвредныя. Что такъ именно поступаетъ печень съ различными вредными веществами, проникающими въ желудочно-кишечный каналъ или возникающими въ немъ, это не подлежитъ

сомнѣнію, т.-е. не подлежитъ сомнѣнію, что мы гораздо чаще отравлялись бы, еслибы яды, поступающіе въ желудочно-кишечный каналъ или возникающіе въ немъ, не задерживались печенью и не превращались бы въ безвредныя соединенія. Точно также печень относится ко многимъ ядамъ, угрожающимъ организму и не со стороны желудочно-кишечнаго канала. Если мы будемъ вводить въ кровь животнаго ядъ, то получается огромная разница въ зависимости отъ того, введемъ ли мы его прямо въ общій потокъ крови, или въ такіе сосуды, изъ которыхъ, прежде чѣмъ вылиться въ главный потокъ крови и разнестись по всему тѣлу, онъ пройдетъ черезъ печень: ядъ, пройдя черезъ печень, дѣлается далеко уже не такимъ сильнымъ и не такимъ опаснымъ. Есть опыты, доказывающіе, что одинъ и тотъ же организмъ переноситъ гораздо бо́льшія дозы яда, если печень здорова, и погибаетъ отъ гораздо мѣньшихъ, если передъ отравленіемъ печень умышленно разстроена, сдѣлана больной.

Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что печень усиленно борется съ различнаго рода ядами, какъ проникающими извнѣ, такъ и возникающими въ самомъ организмѣ. Эта борьба совершается ежедневно, ежечасно. Со многими ядами печень справляется такъ легко, что мы даже не замѣчаемъ этой ея дѣятельности; но если на долю печени выпадетъ борьба непривычная, усиленная, она не обходится ей такъ дешево, и мы часто, въ случаяхъ отравленій, видимъ этотъ органъ измѣненнымъ, увеличеннымъ, болѣзненнымъ. Нужно ли разъяснять, что эта болѣзненность и увеличеніе объема стоятъ или должны стоять въ связи съ той усиленной, экстренной работой печени, благодаря которой организмъ въ бо́льшей или мѣньшей мѣрѣ избѣгаетъ опасности, и что эта увеличенная и болѣзненная печень, можетъ быть, находится на высотѣ своей задачи?

То же самое съ полной увѣренностью можно сказать и про увеличенную и болѣзненную селезенку.

Можно привести цѣлый рядъ наблюденій и соображеній, доказывающихъ, что кашель, рвота, поносъ, нагноеніе и т. п. болѣзненныя явленія, даже такія, какъ жаръ и наблюдаемыя при болѣзняхъ произвольныя потери крови или ея частей, т.-е. явленія, которыя почти всегда считались и теперь большею частью считаются выраженіемъ только слабости организма, только несчастьемъ его,—что всѣ эти явленія, по сущности своей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, благодѣтельны и должны быть разсматриваемы какъ выраженіе цѣлительной силы природы, какъ пріемы самозащиты организма, какъ энергическое стремленіе его

отстоять свое здоровье и жизнь, освободиться отъ вредоноснаго и смертоноснаго начала.

И это стремленіе во что бы то ни было отстаивать здоровье и жизнь организма наблюдается не въ отдѣльныхъ только какихъ-нибудь органахъ и тканяхъ, — имъ проникнутъ весь организмъ, всѣ его жизнепроявленія, начиная съ верховной, всеобъемлющей и всеобъединяющей дѣятельности нервной системы и кончая дѣятельностью каждой изъ такъ называемыхъ клѣточекъ, которыя образуютъ всѣ наши органы и ткани, тѣхъ мельчайшихъ клѣточекъ, милліарды которыхъ нужны для того, чтобы составился самый маленькій кусочекъ нашего тѣла

II.

Еще совсѣмъ недавно такія выраженія, какъ „стремленіе клѣточекъ“ или „способность клѣточекъ постоять за себя“ звучали крайне противонаучно, если этимъ выраженіямъ придавался ихъ прямой смыслъ. По господствовавшимъ физико-химическимъ воззрѣніямъ на жизнь, всѣ явленія, совершающіяся въ клѣткахъ, — дыханіе, питаніе, ростъ и т. д.—суть явленія чисто физико-химическія, это—явленія осмоса, диффузіи, фильтраціи, сродства и т. д. Клѣточка представляетъ изъ себя лишь микроскопическій физико-химическій приборъ, въ которомъ эти явленія сосредоточиваются и обнаруживаются. Если ходъ явленій, совершающихся въ клѣточкѣ, и зависитъ отъ нея существеннымъ образомъ, то зависимость эта опредѣляется лишь тѣмъ, что въ клѣточкѣ, какъ въ сложномъ приборѣ, со множествомъ отверстій, клапановъ, трубокъ, перепонокъ и т. д., могутъ быть даны то тѣ, то другія условія для обнаруженія осмотическихъ, диффузіонныхъ и другихъ явленій. Но... именно—какъ въ приборѣ. Какъ бездушный и мертвый приборъ, сама клѣточка совершенно не можетъ измѣнять этихъ присущихъ ей условій и, слѣдовательно, не можетъ сколько-нибудь дѣятельно вліять на силу и характеръ совершающихся въ ней самой явленій. Отдѣльныя клѣточки въ общемъ ходѣ жизни организма принимаютъ (согласно упомянутому воззрѣнію) приблизительно такое же участіе, какое, напр., принимаютъ въ ходѣ затѣйливыхъ часовъ отдѣльныя части сложнаго часового механизма. Съ этихъ точекъ зрѣнія, при обсужденіи жизненныхъ явленій здороваго и больного организма, можно было думать и говорить о большей или мѣньшей цѣлости и исправности клѣточекъ, о большей или мѣньшей ихъ прочности, сопро-

тительности вреднымъ вліяніямъ и т. д.; но все это въ такомъ лишь только смыслѣ, въ какомъ то же самое можно думать о частяхъ сложнаго физико-химическаго прибора или о частяхъ сложнаго часового механизма. Говорить же о какихъ бы то ни было стремленіяхъ, о какихъ бы то ни было проявленіяхъ самодѣятельности представлялось по меньшей мѣрѣ наивностью.

Но вотъ у насъ все больше и больше накопляется наблюденій, доказывающихъ, что подобныя воззрѣнія черезъ-чуръ упрощали жизненныя явленія, и далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Прежде всего, мы знаемъ теперь, что каждая клѣточка, даже и такая, которая не стоитъ въ прямой связи съ нервной системой и въ себѣ самой не заключаетъ ничего напоминающаго эту систему,—что каждая клѣточка обладаетъ чувствительностью (температурной, химической, осязательной). Мы видимъ далѣе, что многія клѣточки обладаютъ то большею, то мѣньшею способностью къ движенію. Мы убѣждаемся, что, руководясь своей чувствительностью, клѣточка, независимо отъ очевидныхъ и прямыхъ условій осмоса, диффузіи, фильтраціи, сродства и т. д., съ удивительнымъ умѣньемъ и настойчивостью выбираетъ изъ окружающей ее среды лишь то, что необходимо ей, и отстраняетъ все лишнее и ненужное. Мало того, мы видимъ, что клѣточка борется съ вредоноснымъ началомъ, то отстраняясь отъ него, то, наоборотъ, приближаясь къ нему и стараясь либо отбросить, либо, захвативши, уничтожить, превратить въ безвредное. Словомъ, мы видимъ, что клѣточки, несмотря на ничтожность размѣровъ своихъ, обладаютъ тѣми же самыми свойствами, которыя считались отличительной чертой сложныхъ и самостоятельныхъ организмовъ. Но и это не все: всѣ дѣйствія клѣточекъ, даже наиболѣе свободныхъ и самостоятельныхъ, наименѣе зависимыхъ отъ бдительнаго и властнаго надзора нервной системы, до очевидности ясно направлены прежде всего къ пользѣ организма, какъ цѣлаго. Это — своего рода чувство гражданственности, долга—и притомъ чувство глубокое, стоящее выше личныхъ интересовъ.

Вотъ въ какомъ видѣ постепенно обрисовывается передъ нами клѣточка, та самая клѣточка, которую вскорѣ послѣ ея открытія весьма удачно назвали „элементарнымъ организмомъ“, но у которой потомъ, по малому знакомству съ ней и въ угоду механическимъ воззрѣніямъ на жизнь, отняли-было всѣ свойства живого организма, которую сдѣлали-было ареной для случайной игры физико-химическихъ явленій. Факты, обрисовывающіе „жизненныя свойства“ клѣтокъ, по истинѣ изумительны, и открытіе ихъ составляетъ несомнѣнно высшее достояніе современныхъ біо-

логическихъ наукъ. Едва-ли надо прибавлять и пояснять, что при своемъ жгучемъ практическомъ значеніи, явленія эти полны глубочайшаго философскаго интереса. Я съ особеннымъ удовольствіемъ остановился бы на нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, но ради этого мнѣ пришлось бы черезъ-чуръ отклониться отъ своей прямой задачи. Я повторю только, что знакомство съ жизнью клѣточекъ, входящихъ въ составъ нашего тѣла, во-очію убѣждаетъ насъ, что во всемъ организмѣ разлита жажда жизни и весь онъ проникнутъ стремленіемъ во что бы то ни стало удовлетворить эту жажду, выполнить предначертанный планъ развитія и прожить столько, сколько возможно по особенностямъ его организаціи, и что силы его очень велики.

И что же мы видимъ? Удается ли организму осуществить это свое основное стремленіе, и живетъ ли человѣкъ столько, сколько суждено ему по особенностямъ его организаціи? Увы! далеко нѣтъ. Есть основанія думать, что человѣкъ могъ бы жить въ среднемъ около 100 лѣтъ, а между тѣмъ статистика показываетъ, что средняя продолжительность его жизни едва достигаетъ 30 лѣтъ. Явленіе въ высшей степени печальное! Отыскать причины этого печальнаго явленія и помочь горю составляетъ задачу практической медицины.

И было время, когда врачи искренно вѣрили, что медицина одна можетъ достигнуть этого, что раньше или позже она овладѣетъ искусствомъ избавлять людей отъ всякихъ страданій и отъ преждевременной гибели. Мысль о томъ, что въ мірѣ живетъ высшая справедливость, подсказывала людямъ, что вмѣстѣ съ рядомъ золъ въ природѣ существуютъ и средства для ихъ исправленія. Съ незапамятныхъ временъ возникла и постепенно укоренилась увѣренность, что средства противъ болѣзней природа вложила въ различнаго рода травы, коренья и т. д.; что задача медицины состоитъ въ отысканіи и примѣненіи этихъ средствъ, и что эти розыски постепенно приведутъ къ тому, что люди будутъ обладать полнымъ запасомъ средствъ отъ всякихъ болѣзней. Эта увѣренность отъ врачей перешла въ общество и, къ сожалѣнію, черезъ-чуръ прочно укоренилась въ немъ. Громадному большинству людей, не обладающихъ спеціальными медицинскими познаніями, аптеки и до сихъ поръ представляются чуть ли не синонимомъ медицины и во всякомъ случаѣ вмѣстилищемъ и хранилищемъ всего наиболѣе цѣннаго и благодѣтельнаго, что только добыто и познано медицинской наукой. Между тѣмъ врачи постепенно перестаютъ думать такъ. Что въ числѣ лекарственныхъ веществъ есть много способныхъ облегчать человѣческія страданія,

есть нѣсколько даже такихъ, которыми нѣкоторыя болѣзни почти всегда и навѣрнякa вылечиваются, что эти лекарства составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе человѣчества,—врачи, конечно, лучше, чѣмъ кто-нибудь, знаютъ это. Врачамъ яснѣе, чѣмъ кому бы то ни было видно, какую громадную помощь медицина можетъ приносить и приноситъ человѣчеству въ массѣ заболѣваній, допускающихъ хирургическое леченіе. Но въ то же время врачамъ давно уже становилось яснымъ, что одними медикаментами и инструментами нельзя увеличить благоденствія и долголѣтія людского въ такой мѣрѣ, какъ это хотѣлось бы.

Стараясь отыскать причины преждевременной гибели громаднаго большинства людей, врачи убѣдились, что множество людей преждевременно погибаетъ, благодаря печальной наслѣдственности, иначе говоря—благодаря тому, что отъ родителей своихъ унаслѣдовали малый запасъ силъ, необходимыхъ для жизненной борьбы.

Далѣе, наблюденія показали, что силы организма развиваются и крѣпнутъ отъ упражненія. Тѣ органы, которые не работаютъ, и способности, которыя не упражняются, неизбѣжно ослабѣваютъ; и потому чрезмѣрныя стремленія оградить организмъ отъ такихъ вредныхъ вліяній, отъ которыхъ начисто невозможно уберечься, могутъ повести и часто ведутъ людей къ гибели, къ печальнымъ послѣдствіямъ. Стараясь, напр., поддержать около человѣка равномѣрную температуру, попросту говоря, усиленно оберегая отъ простуды, мы можемъ довести его до того, что онъ начнетъ простуживаться, переходя изъ комнаты въ комнату. Чрезмѣрно стараясь облегчить дѣятельность органовъ пищеваренія, мы можемъ довести ихъ до того, что они начнутъ страдать отъ такой пищи, которая для большинства людей является хорошею, вполнѣ удобоваримою. Однимъ словомъ, опыты и наблюденія показываютъ, что заботы объ организмѣ и пользованіе благами природы не должны быть чрезмѣрными; что изнѣженность и роскошь подвергаютъ людей большимъ опасностямъ и служатъ причиною ихъ болѣзней и преждевременной гибели.

На основаніи тѣхъ же наблюденій оказалось, однако, что если люди могутъ слабѣть и, слѣдовательно, страдать и преждевременно погибать отъ избытка свѣта и тепла, мышечнаго и умственнаго покоя, отъ избытка пищи, вообще отъ избытка такъ называемыхъ благъ житейскихъ,—то подобныя страданія представляютъ все-таки ничтожное меньшинство; громадное же большинство ихъ происходитъ отъ совершенно противоположныхъ причинъ: отъ недостатка пищи и неудовлетворительнаго ея состава, отъ недостатка свѣта, тепла, чистаго воздуха, отъ чрез-

мѣрной дѣятельности, мышечной, умственной и т. д. Правда, и тягостныя условія существованія не всегда быстро сокрушаютъ силы человѣка. Мы встрѣчаемся съ поразительными доказательствами выносливости: люди могутъ не только сносно чувствовать себя, но даже совершать тяжелый физическій трудъ въ такомъ воздухѣ, попадая въ который свѣжій человѣкъ падаетъ въ обморокъ. Люди живутъ и сносно чувствуютъ себя, питаясь такой недоброкачественной пищей, отъ которой непривычные люди отвернулись бы съ отвращеніемъ, а еслибы вынуждены были питаться ею, то неминуемо подверглись бы тяжелымъ заболѣваніямъ. Пріученные нуждой, люди могутъ выполнять такія продолжительныя и тяжелыя физическія или умственныя работы, что непривычный человѣкъ выбился бы изъ силъ и заболѣлъ бы, не справившись и съ дробной частью такой работы. Вынужденные бороться съ колебаніями температуры, люди доходятъ до того, что почти безъ одежды могутъ подолгу оставаться въ такой температурѣ, гдѣ изнѣженный человѣкъ буквально замерзъ бы, и т. д. Несомнѣнно, выносливость изумительная; но крайне ошибочно было бы думать, что выносливость эта обходится организму дешево; ошибочно было бы смѣшивать эту выносливость къ отдѣльнымъ вреднымъ вліяніямъ—съ силой организма, его жизнеспособностью вообще. Наблюденія показываютъ совершенно противоположное, и тамъ, гдѣ темно, сыро, и холодно, и душно, гдѣ непосильный трудъ и неудовлетворительное или недостаточное питаніе—тамъ, гдѣ мы видимъ только-что приведенные примѣры поразительной выносливости организма,—тамъ масса всевозможныхъ заболѣваній, тамъ преждевременно гибнетъ наибольшее число жизней. Это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, удостовѣренный безчисленными наблюденіями. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ больше организмъ будетъ тратить силъ на удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей, тѣмъ меньше у него будетъ оставаться силъ на борьбу съ различными неожиданными и экстренными затрудненіями.

III.

Спрашивается теперь: что же, послѣ всего этого, могутъ сдѣлать одни врачи, безъ содѣйствія общества?! Можно ли ждать, чтобы когда-нибудь найдены были такія средства, которыя способны были вознаградить организмъ за недостатокъ основныхъ жизненныхъ условій? Все, что мы до сихъ поръ знаемъ, заставляетъ отвѣчать на этотъ вопросъ совершенно отрицательно. Даже зна-

менитыя современныя попытки застраховать людей отъ массы заболѣваній прививками—не могутъ и не должны внушать намъ такихъ преувеличенныхъ надеждъ. Пусть со временемъ мы будемъ прививать не только оспу, но и тифъ, и холеру, и дифтеритъ, и воспаленіе легкихъ, и всѣ заразныя болѣзни. Это будетъ, можетъ быть, очень большимъ научнымъ торжествомъ, но это не будетъ еще гарантіей счастія и благоденствія людей. Этимъ еще не достигнется завѣтная цѣль медицинскихъ стремленій.

Пусть все будетъ привито организму, но пусть отнимутъ у него кислородъ — онъ погибнетъ въ минуты; пусть все привито организму, но лишите его пищи, даже какой-нибудь составной части ея, питья, подвергните его непосильной борьбѣ съ температурой, непосильному труду—безъ всякихъ микробовъ въ немъ возникнутъ такія явленія, что онъ неминуемо и преждевременно погибнетъ. Можно даже опасаться, что, несмотря на прививки, мы все-таки будемъ гибнуть и отъ микробовъ. Жизнь этихъ мельчайшихъ существъ, проникновенію которыхъ въ тѣло человѣка и вредному ихъ дѣйствію, по господствующимъ нынѣ медицинскимъ воззрѣніямъ, приписываются чуть ли не всѣ наши болѣзни,—жизнь этихъ мельчайшихъ существъ далеко еще не изучена; но теперь уже для насъ ясно, во-первыхъ, что микробы на землѣ буквально вездѣсущи и неисчислимы, и что поэтому думать о полномъ и окончательномъ истребленіи ихъ по меньшей мѣрѣ столь же наивно, какъ думать, напр., о полномъ уничтоженіи на землѣ всякой растительности. Во-вторыхъ, выяснилось, что микробы имѣютъ огромное значеніе въ экономіи природы—служатъ орудіемъ, при помощи котораго природа исключаетъ изъ своихъ списковъ все маложизненное и безжизненное, уничтожая его и разлагая на составныя части, которыя дѣлаются достояніемъ другихъ, сильныхъ, сначала растительныхъ, а потомъ и животныхъ организмовъ. Есть мысль—и мысль не лишенная основанія, что болѣзнетворные микробы не созданы таковыми, что они сдѣлались болѣзнетворными лишь тогда, когда сложные организмы и въ томъ числѣ человѣческій, различными вольными и невольными отступленіями отъ требованій природы, ослабили себя. Есть основанія думать, что современные бичи человѣчества, какъ напр. сифилисъ, чахотка, особенно преслѣдуютъ и губятъ насъ не потому, что тѣ микробы, которымъ эти болѣзни приписываются, особенно злы, ядовиты и распространены около насъ, а именно потому, что мы, извѣстными преобладающими отступленіями отъ законовъ природы и требованій организма, сдѣлали себя особенно слабыми и уязвимыми въ

извѣстныхъ пунктахъ. Есть указанія на то, что нѣкоторыя болѣзни какъ бы исчезли съ лица земли; другія, прежде часто появлявшіяся, теперь рѣдки; третьи, тоже относящіяся къ разряду заразныхъ, на нашихъ глазахъ измѣняютъ свой характеръ почти до неузнаваемости. И эти явленія легче всего и вѣрнѣе всего объясняются не тѣмъ, что одни микробы исчезаютъ, другіе измѣняютъ свой характеръ, а тѣмъ, что мы, люди, измѣняемся и дѣлаемся доступными то для однихъ, то для другихъ микробовъ, и то—болѣе, то—менѣе.

Стоитъ вспомнить, напр., такой фактъ: микробовъ, производящихъ гніеніе, всюду множество; они окружаютъ насъ, вдыхаются съ воздухомъ, принимаются съ пищей и питьемъ, милліардами могутъ считаться въ нашемъ желудно-кишечномъ каналѣ, они даже могутъ быть введены въ кровь, въ ткани—и организмъ не испытаетъ ни малѣйшаго вреда. Но какой организмъ? Сильный, жизнеспособный. Если же организмъ ослабленъ въ какой-нибудь части своей или весь—эти невиннѣйшіе микроорганизмы могутъ сдѣлаться бичемъ его. И напр., та же самая собака, которая перенесла легко или даже просто не чувствовала, когда ей, здоровой и сильной, вводили гнилостныхъ микробовъ прямо въ кровь, истощенная голодомъ, часто дѣлается жертвой этихъ микробовъ: даже безъ всякихъ искусственныхъ введеній ихъ, у нея мертвѣютъ и загниваютъ то одна, то другая часть тѣла. Кромѣ того, мы знаемъ, что въ организмѣ, безъ всякаго участія микробовъ, могутъ вырабатываться ядовитыя вещества. Они, по господствующимъ воззрѣніямъ, возникаютъ даже при нормальныхъ условіяхъ жизни и дѣятельности организма, а при нарушеніи нормальныхъ условій жизни эти ядовитыя вещества могутъ возникать и возникаютъ въ такихъ количествахъ, что организмъ погибаетъ отъ самоотравленія.

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пока будутъ существовать нарушенія основныхъ требованій и законовъ природы, за орудіемъ возмездія въ рукахъ природы дѣло не станетъ.

Я говорю все это, конечно, не для того, чтобы подрывать всякое значеніе прививокъ и надеждъ, которыя возлагаются на нихъ. Мнѣ хочется только сказать, что, надѣясь на прививки, на лекарства, на развитіе медицинскихъ наукъ вообще, не слѣдуетъ забывать, что намъ извѣстенъ уже путь къ увеличенію здоровья и счастья на землѣ, путь, можетъ быть, длинный и трудный, но безусловно-вѣрный, и научный, и испытанный: это—забота о самомъ

человѣкѣ, безъ всякой думы о какомъ бы то ни было микробѣ, забота о томъ, чтобы сила людей не надрывалась отъ недостатка основныхъ жизненныхъ условій. Сильный организмъ съумѣетъ постоять за себя при выгодныхъ условіяхъ, даже въ борьбѣ съ тѣми же микробами. Возьмемъ, напр., минувшую эпидемію. По господствующему ученію, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что во время холерной эпидеміи ядъ, или зараза, попадаетъ во всѣхъ людей, жителей зараженной мѣстности, или въ громадное большинство ихъ,—а умираетъ лишь меньшинство, громадное же большинство остается живо и здорово, или отдѣлывается различными незначительными и скоропроходящими желудочно-кишечными разстройствами. Такъ было во всѣ эпидеміи; такъ было и въ минувшую. Если громадное большинство людей, несмотря на заразу, не заболѣваетъ, то очевидно, что эти люди не воспріимчивы, что они уже располагаютъ той дивной и спасительной силой, которой мы ищемъ для организма, и которую надѣемся найти въ видѣ прививокъ запятыхъ и холерныхъ анти-токсиновъ. Откуда же взяли они это дивное оружіе противъ грознаго врага; что спасло ихъ отъ холеры, и чего недоставало другимъ; что погубило этихъ несчастныхъ? Всякому, кто былъ очевидцемъ эпидеміи, стоитъ только вспомнить происходившее на его глазахъ,—всякому, не видавшему бѣды своими глазами, стоитъ спросить другихъ, почитать отчеты, посмотрѣть списки погибшихъ, справиться относительно ихъ общественнаго положенія и матеріальнаго состоянія, —и всякому станетъ ясно, въ чемъ заключалось счастье и сила однихъ, и гдѣ таилась причина гибели другихъ. Да, за ничтожными исключеніями, которыя не подрываютъ правила, погибали люди обездоленные судьбой; тѣ же, которые имѣли хоть какую-нибудь возможность быть разборчивыми въ пищѣ, которымъ можно было избѣжать непосильныхъ трудовъ и рѣзкихъ колебаній температуры, тѣ, которые не предавались вреднымъ излишествамъ, у которыхъ хватало настолько и развитія, и досуга, чтобы прислушиваться къ различнымъ противохолернымъ совѣтамъ и наставленіямъ, для которыхъ эти совѣты не звучали сплошь ѣдкой насмѣшкой, — громадное большинство ихъ оказалось невоспріимчивымъ къ заразѣ.

Не ясно ли, что мы уже знаемъ средство, которымъ можно побѣдить холерную эпидемію?!

Вспомнимъ наше другое недавнее бѣдствіе — голодъ. „Бѣда не приходитъ одна“, говоритъ народная мудрость. Вмѣстѣ съ голодомъ пришелъ въ несчастныя мѣстности и сыпной голодный

тифъ. Усиліями и щедростью правительства и общества голодъ былъ прекращенъ—прекратился самъ собою и тифъ. Не ясно ли и здѣсь, что у насъ есть уже средство противъ этой болѣзни—и средство вѣрное, надежное? И то же самое можно сказать про всѣ тѣ болѣзни, которыя являются главными бичами человѣчества. Не отъ всякой болѣзни такъ легко защитить, какъ отъ голоднаго или сыпного тифа, и не вездѣ нужны однѣ и тѣ же мѣры; борьба съ нѣкоторыми болѣзнями требуетъ мѣръ сложныхъ и проведенныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; но каковы бы ни были особенности этихъ мѣръ въ отдѣльныхъ случаяхъ (опредѣлить эти особенности — дѣло науки и опыта), ихъ главный, основной характеръ вездѣ одинъ и тотъ же: эти мѣры должны быть проникнуты заботой объ обездоленномъ человѣкѣ, заботой, понимаемой въ самомъ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова.

Не ясно ли, что медицинѣ и врачамъ на этомъ поприщѣ можетъ принадлежать лишь нѣкоторое, относительное значеніе; что всѣ важнѣйшіе чисто медицинскіе вопросы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, сталкиваются и самымъ тѣснымъ образомъ переплетаются со множествомъ общественныхъ, экономическихъ и другихъ вовсе не медицинскихъ вопросовъ!

Не ясно ли, что такія начинанія, какъ заботы правительства и общества о пропитаніи голодающихъ, объ обсѣмененіи полей; законы, облегчающіе военную службу, фабричную работу; распоряженія, предупреждающія чрезмѣрное утомленіе нервной системы учащихся,—что всѣ эти и имъ подобныя мѣропріятія не только въ высшей степени гуманны, но и въ высшей степени научны въ медицинскомъ смыслѣ; что отъ такихъ и имъ подобныхъ мѣропріятій мы можемъ ждать неизмѣримо большаго и несравненно болѣе надежнаго вліянія, въ смыслѣ охраненія здоровья и жизни людей, чѣмъ отъ пособій чисто медицинскаго характера.

Но что самое главное, къ чему я клонилъ всю рѣчь свою, и что хотѣлъ бы особенно оттѣнить, это—то, что каждый изъ насъ можетъ принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ тѣмъ величайшимъ зломъ, которому подобнаго нѣтъ, и которое заключается въ томъ, что люди пользуются едва-едва третьей частью своего высшаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго сокровища—жизни.

Для участія въ этой борьбѣ нѣтъ надобности непремѣнно обладать спеціальнымъ медицинскимъ образованіемъ, нѣтъ надобности непремѣнно располагать обширной властью и большими матеріальными средствами.

Конечно, обширная власть, глубокое образованіе, крупное

богатство, дают больше простора всевозможным благим начинаниям, а в том числе и тем, которыя направлены к охранению здоровья и жизни людей; но думать, что без этих условий человеку не остается ничего более, как быть критиком и судьей чужих действий; что самому ему суждены лишь „благие порывы"; или что возможная без этих условий борьба с величайшим из несчастий людских может быть лишь столь ничтожною по своим последствиям, что не стоит и начинать ее,—думать так было бы одним из самых печальных и самых вредных заблуждений. К несчастию, это заблуждение чрезвычайно распространено среди нас; мы решительно свились с ним и не замечаем его, или даже оправдываем. Весьма склонные к неопределенной „гражданской скорби", к какой-то, если можно так выразиться, чисто „академической" грусти о человеке вообще,—мы с удивительной легкостью и с замечательным постоянством забываем, что жизнь и человек—не одни слова; что нет человека „вообще"; что это—отвлеченное понятие; что вместе или порознь живут и страдают лишь отдельные люди; что самое великое по обширности горе создается массой отдельных, единичных несчастий, и что именно эти единичныя несчастия прежде всего и действительно существуют, мучат и губят людей. Весьма склонные к строгой оценке чужих действий, мы как будто вовсе не видим или даже не хотим видеть, что эти единичныя несчастия людей, несчастия повсеместныя, ежечасныя, открывают полный простор для плодотворной деятельности всем и каждому. В самом деле, ужели нужна непременно большая власть, большия средства, обширное специальное образование для того, чтобы деликатно ознакомиться с наиболее вопиющей нуждой, хотя бы, например, только одного, беднейшаго из своих соседей, и сколько-нибудь помочь ему? Нет, для этого нужно прежде всего доброе сердце,—оно и поможет увидать чужое горе, и подскажет то, что нужно делать. Или, может быть, и в самом деле подобная деятельность не будет борьбой со злом; может быть, она будет лишь жалким или, как некоторые думают, даже вредным палліативом?

Чтобы определеннее ответить на этот вопрос, я опять возьму пример, имеющий отношение к „злобе" наших дней. Во время холерных эпидемий всегда находится большее или меньшее число таких людей, которые ничем особенным не обращают на себя внимания других, которые считаются и сами себя считают здоровыми, но надъ которыми висит страшная опасность,

жизнь которыхъ держится на волоскѣ; ихъ ослабленный организмъ еле-еле отстаиваетъ себя отъ аттакующаго его смертоноснаго вліянія. Для такихъ людей самыя ничтожныя на видъ обстоятельства могутъ быть во истину роковыми: лишній часъ тяжелаго труда, лишняя забота, лишняя простуда, лишнее вліяніе дурной пищи и т. п.—и кое-какъ державшійся организмъ катится къ гибели. Такъ бываетъ во время не только холерныхъ, но и во время другихъ эпидемій—и безъ всякихъ эпидемій. Это —то неустойчивое равновѣсіе, для нарушенія котораго достаточно любого, даже самаго ничтожнаго толчка. Если такъ часто и столь немногое нужно для того, чтобы погубить человѣка, то не ясно ли, что столь же часто и столь же немногое нужно и для того, чтобы на большій или меньшій срокъ отвратить отъ него ужасную опасность, спасти жизнь его? Ужели и это будетъ мелочью, не соотвѣтствующей нашему достоинству,—ничтожнымъ, вреднымъ палліативомъ?

Но пусть малозначительная на видъ помощь нуждающемуся человѣку лишь въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ имѣть такое громадное послѣдствіе, какъ спасеніе погибающаго; пусть въ большинствѣ случаевъ малыя усилія и дѣла будутъ имѣть и послѣдствія малыя,—не забудемъ, что изъ маленькихъ камней создаются величественныя зданія, изъ мелкихъ ручьевъ образуются могучія рѣки, что слабые въ отдѣльности люди, проникаясь однимъ общимъ желаніемъ, соединяясь въ своихъ стремленіяхъ и усиліяхъ, и составляютъ именно ту чудную силу, которой не страшны никакія преграды, которая одна способна побѣждать непобѣдимыхъ враговъ и рѣшать величайшія историческія задачи.

Да, еслибы каждый изъ насъ ясно сознавалъ и помнилъ, что громадное большинство страданій людскихъ и преждевременныхъ смертей зависитъ отъ того, что люди по невѣденію или—что чаще—горькой судьбѣ, вынуждены затрачивать массу силы своей и ослабѣвать въ борьбѣ съ такими вредными вліяніями, которыя вполнѣ устранимы, и еслибы каждый изъ насъ не только сознавалъ и помнилъ это, но и по мѣрѣ силъ своихъ помогалъ тѣмъ, кто нуждается въ помощи,—то было бы найдено одно изъ тѣхъ могущественныхъ, почти универсальныхъ цѣлебныхъ средствъ, которыхъ люди ищутъ съ тѣхъ поръ, какъ возникли страданія людскія, и ищутъ напрасно, потому что стараются найти эти средства вовсе не тамъ, гдѣ ихъ слѣдуетъ искать.

Медицина вытекла изъ любви и состраданія къ ближнимъ. Это несомнѣнно. Несомнѣнно также и то, что если ей суждено

когда-нибудь достигнуть своихъ высшихъ цѣлей, уменьшить до возможнаго предѣла число страданій на землѣ и увеличить до возможнаго предѣла долголѣтіе людей,—то она достигнетъ этого лишь при помощи тѣхъ же лучшихъ движеній души человѣческой, при помощи состраданія и христіанской любви къ ближнимъ,—любви живой, дѣятельной, руководимой знаніемъ.

П. Альбицкій.

ДНИ ИСПЫТАНІЙ

— Jours d'épreuve, par Paul Marguerite *).

Изъ быта французской буржуазіи.

XVII *).

Жизнь молодыхъ супруговъ постепенно вошла въ свою колею, и г-жа де-Мерси скромно отъ нея отстранилась, но предварительно взяла съ Туанетты слово, что она воспользуется предложенными ею 1.000 франковъ,—опять-таки, взятыхъ изъ ея личнаго капитала. Туанетта приняла отъ свекрови эту жертву: вѣдь надо же было расплатиться съ докторомъ и съ акушеркой!..

Тутъ-то узналъ Андрэ, что отъ 10.000 фр., которые выдѣлила ему мать, уже не осталось ни сантима, и что ужъ болѣе 2.000 фр. потратила она сама на нихъ же — на своихъ дѣтей! Спокойно, безъ похвальбы говорила она о своемъ самоотверженіи; но нужда, тѣмъ не менѣе, была не за горами, а за плечами.

— Боже мой!—шептала она порой про себя.—Лишь бы у нихъ теперь-то подольше не было дѣтей!..

Вполнѣ понятное, но невыполнимое желаніе! Можетъ ли быть, чтобы у молодыхъ, здоровыхъ и любящихъ супруговъ не было дѣтей? Или имъ вовсе не любить другъ друга, или разойтись,—жить, какъ чужимъ, у себя, подъ общею кровлей?

Когда мать однажды высказала ему такое желаніе, Андрэ вскинулъ на нее своими большими ясными глазами, и въ сердцѣ его

*) См. выше: апрѣль, 684 стр.

шевельнулось непріятное чувство, какъ будто они оба затѣвали что-то дурное. Онъ смутился и, краснѣя, проговорилъ:

— Нѣтъ, видишь ли... тутъ ужъ ничего не подѣлаешь!

Г-жа де-Мерси хотѣла что-то возразить, но смолчала, чувствуя, что это вопросъ слишкомъ щекотливый.

Опасенія ея, однако, вскорѣ оправдались: первому ребенку шелъ четвертый мѣсяцъ, когда Туанетта стала ожидать второго. Молодые супруги задумались надъ предстоявшими имъ новыми заботами и рѣшились заранѣе принять нѣкоторыя благоразумныя мѣры. Признавъ необходимымъ сократить расходы, Туанетта не позволила мужу нести на себѣ всѣ хлопоты по вопросу о перемѣнѣ квартиры и т. п. Она сама выходила съ нимъ, послѣ службы, всѣ самые людные и дешевые участки Парижа, спорила съ домохозяевами, торговалась. Въ концѣ концовъ, ихъ выборъ остановился на маленькомъ помѣщеніи, въ тихомъ кварталѣ Бастиліи, гдѣ дома шли только по одной сторонѣ улицы; по другой помѣщались дровяные и другіе склады. Цѣлыми днями мальчишки играли въ бабки посреди дороги, въ то время, какъ трудовая жизнь такъ и кипѣла въ этомъ большомъ домѣ, сверху до низу населенномъ мастеровыми. Это было непріятно Туанеттѣ; но Андрэ ужъ довольно настрадался за прежнее время, благодаря своей, такъ сказать, вылощенной нищетѣ, и ему было легче вообразить себя среди трудолюбивыхъ и бѣдныхъ тружениковъ, гдѣ онъ не будетъ считать свою бѣдность позоромъ. И, наконецъ, кого можетъ остановить такое сосѣдство? Кромѣ матери, никто у нихъ не бываетъ, а она, къ сожалѣнію, не сегодня уже убѣдилась и старалась убѣдить сына въ необходимости, во что бы то ни стало, сократить расходы.

Квартира была свободна и можно было сразу приняться за переѣздъ. Общій видъ ея былъ довольно невзраченъ, но, дѣлать нечего, за неимѣніемъ средствъ, приходилось мириться даже съ гадкими грязными обоями, которыми и занялся Андрэ. Онъ порылся въ сундукахъ у матери, которая охотно предоставила въ его распоряженіе такія сокровища старины, какъ, напримѣръ, старомодныя платья, шолковыя и другія матеріи. Съ помощью ихъ Андрэ просто натворилъ чудесъ: появились красиво подхваченныя портьеры, драпировки и стѣнныя украшенія, отъ которыхъ Туанетта пришла въ восторгъ и которыя весьма скрасили непригляднось угрюмыхъ стѣнъ. Одна только г-жа Уфлонъ была недовольна предстоявшей перемѣной. Чаще обыкновеннаго била она тарелки и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ поднимала черепки, какъ будто у нея въ шкафу было не вѣсть сколько запасныхъ

приборовъ! Каждый день она получала письма отъ сына и чаще обыкновеннаго заговаривала о томъ блаженномъ времени, когда она жила барыней: эта тема казалась у нея неистощимой.

Однажды вечеромъ, за день до окончательной переѣздки, Туанетта хлопотала вмѣстѣ съ мужемъ надъ послѣдними, уже завязанными ящиками и сундуками, когда раздался сильный звонокъ и въ прихожую вошла г-жа Уфлонъ, въ своей турецкой шали, съ большой рыжей муфтой.

— Простите за безпокойство,—съ достоинствомъ проговорила она, усаживаясь на стулъ, котораго ей не предлагали. Пріятно улыбаясь, будто пришла съ визитомъ, она сказала:

— Сынъ мой назначенъ помощникомъ начальника станціи, и я завтра же уѣзжаю къ нему. Очень жаль, что намъ такъ скоро приходится разстаться, но, надѣюсь, между намъ и впредь сохранятся тѣ же добрыя отношенія, какъ и до сихъ поръ. Я всегда буду добромъ поминать васъ,—и старушка чопорно присѣла.

Важной поступью поплыла она въ столовую, а изъ нея въ кухню, гдѣ разоблачилась и, въ своемъ обыденномъ, простомъ нарядѣ, спокойно принялась щипать дичь. За ужиномъ она еще соблаговолила сама служить у стола, но, въ знакъ прощанья, прехладнокровно разбила большой, хорошій салатникъ.

Къ сожалѣнію, перевозка, перемѣна прислуги и всего образа жизни повліяли въ худшему на характеръ Туанетты. Съ первымъ же ребенкомъ у нея пропала ея прежняя дѣтская прелесть. По мѣрѣ того, какъ средства становились ограниченнѣе, а жизнь—суровѣе, ея будничная колея раздражительно дѣйствовала на молодую женщину. Затаенная злоба на лишенія, на ограниченность интересовъ, нерѣдко вырывалась у нея наружу; она становилась ворчливѣе, придирчивѣе, будто ей въ тягость были жертвы, приносимыя своему мужу и ребенку.

Было пасмурное октябрьское утро, когда супруги проснулись въ своей новой, тѣсной квартирѣ.

Едва открывъ глаза, Туанетта почувствовала, что она не въ духѣ, сама не зная, на кого и почему. Ей нездоровилось, и это еще болѣе побуждало ее ко всему придираться. Угрюмо одѣвался Андрэ и сперва терпѣливо отмалчивался. Наконецъ, онъ передернулъ плечами и просилъ жену насколько возможно мириться съ положеніемъ, которое, въ сущности, еще далеко не такъ худо, какъ кажется: милліоны людей живутъ и уживаются въ гораздо менѣе отрадной обстановкѣ. Туанетта и сама понимала всю справедливость этихъ замѣчаній, и это еще болѣе сердило ее.

— Вдобавокъ, еще сиди безъ прислуги! — ворчала она внѣ себя. (Прислугу только-что прогнали за негодностью.)—Ну, ужъ какъ угодно, а я не пойду на рынокъ съ корзинкой, какъ какая-нибудь кухарка! Пусть идетъ со мной хоть кормилица: ей даже полезно прогуляться.

— Велика важность корзинка!—возразилъ Андрэ.—Да здѣсь въ домѣ всѣ хозяйки сами ходятъ за провизіей; это дѣло обычное, никто и не подумаетъ обратить на тебя вниманіе. Мы вѣдь не въ Шатолюсѣ!

Эта легкая насмѣшка пришлась довольно некстати и не достигла своей цѣли. Туанетта вспомнила, что дома она не занималась хозяйствомъ, не бѣгала по лавкамъ (на это вѣдь есть кухарки!), одѣвалась въ будни по-праздничному и только, въ видѣ удовольствія, разгуливала по саду или по большому, чистому двору. Ей стало жаль тихой, беззаботной провинціальной жизни.

— Ну, пожалуй, бери съ собой мамку,—согласился Андрэ, всегда уступавшій женѣ въ мелочахъ.—Но кто жъ останется съ ребенкомъ?

— Можешь и самъ за нимъ присмотрѣть!—смѣло проговорила Туанетта и... ушла.

Сначала озадаченный супругъ нервно походилъ по комнатѣ и его хмурый лобъ не предвѣщалъ ничего добраго; но, подойдя къ колыбели малютки, онъ поддался совсѣмъ инымъ думамъ и чувствамъ.

Крошка лежала такая бѣленькая, такая свѣженькая; губки ея алѣли, какъ лепестки едва распустившагося цвѣтка; ручки, какъ и на яву, такъ мило шевелились, что отецъ невольно на нее загляделся. Лучъ солнца игралъ на спокойномъ и довольномъ личикѣ;—отецъ заботливо спустилъ занавѣску, чтобы свѣтъ не безпокоилъ малютку Марту, и, вернувшись къ колыбели, сѣлъ у нея въ ногахъ. Грустно ему было смотрѣть на безпечную, счастливую крошку:

„Бѣдняжка! — думалъ онъ. — Что-то тебя ожидаетъ въ будущемъ, какія испытанія, какія невзгоды суждены тебѣ на твоемъ жизненномъ пути? Будешь ли ты счастлива и за кого выйдешь замужъ?..“

Заботливому отцу почудилось, что онъ ясно представляетъ себѣ трудовую, безотрадную жизнь, которая грозитъ его милой малюткѣ въ будущемъ. Ему представилось, какъ Марта будетъ подрастать, какъ ея платьица и юбочки будутъ все становиться тѣснѣе и короче, живо напоминая о необходимости замѣнить ихъ новыми и о невозможности истратить требуемыя на это деньги.

Мысль о томъ, что скоро явится еще ребенокъ, обезпокоила, опечалила его. Очень его нужно!.. Но что жъ подѣлаешь? Развѣ жена не дорога ему, какъ и въ первый день замужства? Развѣ они не молоды, не любятъ другъ друга?..

Эти мысли были и горьки, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадны. Андрэ увлекся своими мечтами о дѣтяхъ, о ихъ будущихъ достоинствахъ и недостаткахъ.

„Въ кого-то они пойдутъ, въ мать или въ меня? — думалъ онъ.—Если въ нее,—они будутъ живого, легкомысленнаго, раздражительнаго темперамента. Если въ меня — они будутъ спокойнѣе, но зато впечатлительнѣе, выносливѣе...“

Причину всѣхъ своихъ общихъ съ женою недостатковъ Андрэ искалъ не въ себѣ, а въ своей бѣдности, въ грозной необходимости лишеній. Онъ видѣлъ, что Туанетта не чувствуетъ себя счастливой; но, опять-таки, не задумываясь, взваливалъ всю вину въ этомъ на нужду, которая никому не сладка.

— Конечно, всему виною наша бѣдность!.. Каждая мелочь, каждый пустякъ намъ ее напоминаетъ. Стоитъ мнѣ истратить на себя какой-нибудь франкъ, Туанетта ужъ непремѣнно замѣтитъ. То же можно сказать и про нее: я также спуску ей не даю... А между тѣмъ можно вѣдь и въ бѣдности жить счастливо. Ухитряются же Крессаны чувствовать себя счастливыми!..

Марта зашевелилась въ постелькѣ и, просыпаясь, сладко потянулась своимъ пухленькимъ бѣлымъ тѣльцемъ. Андрэ испугался, что она можетъ расплакаться, а онъ не съумѣетъ ее утѣшить. Но малютка улыбнулась отцу; онъ наклонился надъ нею, смѣялся ей самъ и ее заставлялъ смѣяться. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ чистосердечно поддался дѣтскому веселью и хоть на короткое время позабылъ свою грусть и нищету...

Кто-то заскрипѣлъ ручкой у дверей, и на порогѣ показалась Туанетта, раскраснѣвшаяся, возбужденная. За нею шла кормилица, тоже сильно не въ духѣ.

— Посмотри, какъ Марта мнѣ мило смѣется!—обратился Андрэ къ женѣ.

Туанетта и бровью не повела,—прошла мимо малютки, надутая: ее отчасти мучила ревность къ ребенку.

— Да что съ тобой?—допрашивалъ Андрэ, идя за женой въ сосѣднюю комнату. Но жена молчала.

— Да полно же! Скажи мнѣ толкомъ, дружокъ: что съ тобой?

— А то, что никогда больше не пойду я на рынокъ одна,

безъ прислуги! Мамка не хочетъ нести провизію, громко ворчитъ... Всѣ смотрятъ... а я Богъ вѣсть на что похожа!

Андрэ не сталъ возражать противъ обиды, нанесенной ея самолюбію, но все-таки высказалъ категорически свое рѣшеніе:

— Держать прислугу намъ не по средствамъ: намъ негдѣ ее помѣстить, нечѣмъ кормить. Не лучше ли, пока, ограничиться приходящей,—въ родѣ поденщицы,—для черной работы?..

Жена поспѣшно перебила его:

— Ужъ не воображаете ли вы, что я сама стану стряпать?.. Ну, ужъ нѣтъ-съ, извините!

— Да кто жъ тебѣ объ этомъ говоритъ? Ты можешь нанять женщину, которая вела бы все твое хозяйство...

— Теперь ужъ поздно! Завтра придетъ изъ мясной прислуга, которую мнѣ рекомендуетъ самъ хозяинъ.

— Велика важность! Скажешь ей, что она не нужна,—вотъ и все!.. И, наконецъ, — продолжалъ онъ ровнымъ, но твердымъ голосомъ:—прежде, чѣмъ рѣшать что бы то ни было, могла бы ты со мной посовѣтоваться. Все равно, мнѣ нечѣмъ платить прислугѣ!..

Туанетта хотѣла возразить, возмутиться, но встрѣтила твердый взглядъ мужа и опустила глаза.

„Вѣдь вотъ какая она эгоистка!—думалъ Андрэ, прислонивъ свою горѣвшую голову къ холодной оконной рамѣ.—Впрочемъ, она еще такъ молода, избалована... Это пройдетъ, сгладится постепенно“.

Но, несмотря на это самоутѣшеніе, весь день у него было тяжело на душѣ.

Прислугу взяли приходящую, и первое время она очень не ладила съ кормилицей, такъ-что въ маленькой, тѣсной квартиркѣ просто стономъ стоялъ ихъ шумъ и раздоры. Однако, мало-помалу, онѣ уходились и даже настолько принялись другъ другу сочувствовать, что съ удовольствіемъ шушукались, уговариваясь, какъ бы побольше воспользоваться своимъ положеніемъ въ домѣ, какъ добиться прибавки къ жалованью? Элиза была пренесносная, тощая, желчная женщина. Крайне словоохотливая, когда бывала въ духѣ, она передавала барынѣ всѣ домашнія сплетни: знала, что напротивъ живутъ жиды, у которыхъ на дняхъ родился ребенокъ, а въ боковомъ флигелѣ—чахоточная итальянка, которая ужъ давно не живетъ съ мужемъ. Всю эту болтовню Туанетта передавала мужу, но тотъ относился къ ней совершенно безучастно, удивляясь только, что образованная женщина можетъ на-

ходить удовольствіе въ такихъ вздорахъ. Но Туанетта не унималась.

— А знаешь, вѣдь по воскресеньямъ къ намъ на дворъ заходятъ странствующіе музыканты-итальянцы; она каждый разъ выглядываетъ изъ окна и бросаетъ имъ по золотому,—говорила она мужу.

— А знаешь, вѣдь она умерла,—сообщила она ему однажды: —и все свое состояніе завѣщала бѣднякамъ-музыкантамъ; но мужъ ея запретилъ дворнику говорить имъ, что она умерла, а не то вѣдь они могутъ потребовать свои деньги...

— Что за нелѣпость!—не выдержалъ, наконецъ, Андрэ.—И какъ это тебѣ охота повторять всякія бредни!

— Ну да, ты ничему не вѣришь!—ворчала Туанетта и пожимала плечами: эти бредни ее развлекали, и она поощряла ихъ. Всѣ ея интересы сосредоточивались на томъ, чтобы Элиза не злилась,—а когда она злилась, то никакихъ новостей отъ нея нельзя было дождаться и мамкѣ она просто житья не давала. Чтобы задобрить ее, Туанетта дарила ей какую-нибудь бездѣлушку, и та на время умиротворялась; но зато кормилица начинала рвать и метать изъ зависти къ пріятельницѣ, и барынѣ приходилось возиться съ нею. Въ такихъ мелочахъ проходило время Туанетты, и немудрено, что эти хозяйственныя дрязги сдѣлали ее болѣе мелочной, испортили ей характеръ. Впрочемъ Андрэ возлагалъ большія надежды на будущаго ребенка, который, вмѣстѣ съ подростающей Мартой, долженъ былъ всецѣло овладѣть вниманіемъ матери. Правда, Туанетта не любила хозяйничать, не любила чинить и штопать: ей больше нравились изящныя работы. Но въ этомъ Андрэ еще не видѣлъ грѣха; это даже льстило его самолюбію,—ему было пріятно видѣть въ женѣ врожденный вкусъ и любовь ко всему изящному.

Между тѣмъ взаимныя отношенія свекрови съ невѣсткой стали какъ будто лучше,—но именно только *какъ будто*. Въ глубинѣ души у каждой изъ нихъ накипѣло немало горечи, которая просилась наружу и невольно прорывалась то въ слабомъ дрожаніи губъ, то въ мимолетной складкѣ бровей. Г-жа де-Мерси замѣтно притворялась спокойной и довольной, и Туанетта не могла не замѣчать усилій свекрови поддерживать разговоръ, не касаясь щекотливыхъ вопросовъ. Кажущееся равнодушіе г-жи де-Мерси вовсе, однако, не значило, чтобы она примирилась съ существующимъ порядкомъ вещей: ее болѣе, чѣмъ когда-либо тревожило грозное будущее и неумѣнье молодыхъ супруговъ заранѣе къ нему примѣниться. Но она видѣла, что всѣ ея совѣты и уговоры

не приведутъ ни къ чему, кромѣ обоюдныхъ непріятностей, и потому молчала. Молчалъ и Андрэ.

Какъ ни тяжело ему было скрытое недовольство обѣихъ женщинъ, онъ до того уставалъ нравственно и физически, что просто изъ малодушія, въ свою очередь, дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, зная, вдобавокъ, что его вмѣшательство не поможетъ. Онъ избѣгалъ оставаться съ матерью наединѣ и невольно приходилъ къ убѣжденію, что семья совсѣмъ имъ завладѣла. Если ему случалось запоздать домой со службы, жена попрекала его, разспрашивала его, что онъ дѣлалъ столько времени, гдѣ былъ, кого видѣлъ? Ея ревнивое желаніе все знать, во всемъ быть главою, тревожило его, и онъ хотѣлъ бы ему противодѣйствовать, но не рѣшался, несмотря на то, что сознавалъ свою слабость. Но дѣйствительно ли это была слабость?—вотъ вопросъ. Какой молодой и любящій мужъ не сталъ бы уступать женѣ, особенно первое время, когда Андрэ былъ съ женой еще болѣе деликатенъ, нѣженъ и терпѣливъ? Однако это не мѣшало ему прежде говорить ей прямо, смѣло правду въ глаза; а теперь (онъ самъ это чувствовалъ) въ его выносливости, въ его терпѣніи была совсѣмъ иная подкладка, и эта подкладка была—жажда отдыха и хоть кажущагося, да покоя! Но что же предпринять? Какъ добиться желаемаго? Оставалось только выжидать тѣхъ житейскихъ толчковъ, которые иногда способны совершенно переродить такого человѣка, какъ Туанетта. И Андрэ рѣшилъ держаться выжидательнаго положенія.

Между тѣмъ Туанетта и не подозрѣвала томленій мужа и, смотря по настроенію и по погодѣ, то скучала и придиралась, то ласкалась къ нему или, лѣниво грѣясь въ креслѣ у камина, слѣдила глазами за милыми играми малютки Марты, которая, какъ кошечка, каталась клубочкомъ по мягкому ковру.

XVIII.

— Ты, ужъ что-то давно не видалась съ женою Крессана?—полу-вопросительно замѣтилъ однажды Андрэ.

— Да; пожалуй давно,—согласилась Туанетта.

— Не заглянешь ли ты къ нимъ на дняхъ?

— Не знаю.

— Зайди къ нимъ, пожалуйста! Сама знаешь, какіе они прекрасные люди, какъ горячо расположены къ намъ обоимъ.

Имъ я обязанъ своей женитьбой: можешь же ты допустить, что я за это могу быть благодаренъ? — улыбаясь, заключилъ онъ.

— Твоей женитьбой? Да вѣдь ее устроилъ Сильвестръ, а не его жена... Наконецъ, она гораздо старше меня.

— Тѣмъ лучше: она можетъ быть тебѣ только полезна своими совѣтами и житейскимъ опытомъ.

— Благодарю: я ни въ комъ не нуждаюсь! — былъ сухой отвѣтъ.

Андрэ, недовольный, взялся за газету и въ душѣ обвинялъ жену въ недостаткѣ сердечной теплоты,—жену, которую тутъ же самъ мысленно призналъ доброй и любящей.

На другой день Туанетта была у Крессановъ. Ее подкупила чистосердечная ласка и простота обращенія хозяйки дома; она отъ души смѣялась и болтала. Затѣмъ, повозившись съ бутузомъ-Томомъ, повела его покупать большого паяца.

Вечеромъ она сказала Андрэ:

— Я была у Крессановъ, — но уклонилась отъ поцѣлуя, подавая мужу конвертъ съ черной каймою.—Вотъ, отъ Дамуровъ! Кто это у него: жена или дочь?

Андрэ въ волненіи распечаталъ письмо.

— Что... жена?

— Да!—отвѣтилъ онъ, растроганный горемъ своего доброжелателя и друга. Затѣмъ, помолчавъ немного, тихо проговорилъ:—Завтра, въ одиннадцать часовъ надо быть на погребеніи. Если смерть уноситъ близкаго человѣка, намъ кажется, что она даже насъ самихъ задѣваетъ своимъ зловѣщимъ крыломъ, и становится какъ-то жутко на сердцѣ.

Андрэ мало зналъ покойную, но ему было жаль отъ всей души ея дочь и особенно мужа. Ему вспомнилось, что за послѣднее время онъ рѣдко бывалъ у него, и раскаяніе подсказало ему мысль: ужъ не обидѣлся ли на это бѣдный Дамуръ, и не нарочно ли прислана оффиціальная карточка, вмѣсто простого, но болѣе задушевнаго письма? Между тѣмъ Туанетта уже отвѣчала ему, хоть онъ и не задавалъ ей вопроса:

— Я не могу ѣхать!

— Это еще почему?

— У меня нѣтъ траурной шляпки.

— Но...—возразилъ-было Андрэ, удивленный, что въ эту минуту она могла думать о такихъ пустякахъ.—Но вѣдь найдется же у тебя какая-нибудь темная шляпка?

— О, это ужъ совсѣмъ не годится!—воскликнула она. На утро у нея оказался мигрень. Андрэ поѣхалъ одинъ.

На выносѣ было много народу. Даже прохожіе останавливались, снимали шапки, крестились. У гроба, надъ которымъ струилось блѣдное пламя свѣчей, стоялъ Дамуръ, понуря голову, съ опухшими отъ слезъ глазами. Онъ, молча, отвѣчалъ своему молодому другу крѣпкимъ рукопожатіемъ; оба не могли найти подходящихъ словъ, но, взглянувъ другъ на друга, почувствовали, что слова—лишнія. Дамуръ взялъ Андрэ за рукавъ и, напирая плечомъ на тѣсную толпу гостей, повелъ Андрэ въ комнаты, впередъ. Тамъ, въ сторонѣ, сидѣла Жермена въ глубокомъ траурѣ и рыдала, прижимаясь къ груди какой-то дородной родственницы. Вокругъ нея и по угламъ толпились группы женщинъ. Замѣтивъ Андрэ, Жермена слегка кивнула ему головою, всхлипнула еще жалче и скрыла лицо въ объятіяхъ своей тетушки. Уходя, Андрэ окинулъ глазами все окружающее и на всѣхъ лицахъ прочиталъ скорѣе скуку и равнодушіе, нежели сочувствіе горю осиротѣвшей семьи.

— Вы одни?—спросилъ Дамуръ, снова подходя къ нему.—Надѣюсь, что г-жа де-Мерси...

— О, пустяки!—поспѣшилъ перебить его Андрэ и, конфузясь самъ своей лжи, прибавилъ:—Просто мигрень...

— А!—какъ-то разсѣянно сказалъ Дамуръ и безъ перерыва, слѣдуя теченію своей мысли, прибавилъ:—Въ два дня, въ два дня, голубчикъ, ее какъ не бывало! И моя бѣдная дѣвочка осиротѣла!

Въ воображеніи Андрэ тотчасъ же встала Жермена съ фигуркой и личикомъ хорошенькой куколки, несмотря на траурное платье и длинный черный крепъ; но онъ тотчасъ же упрекнулъ себя за это неумѣстное сравненіе, хотъ и не могъ бы прибрать другого.

Церемоніймейстеръ, въ шолковыхъ чулкахъ, съ клякомъ и съ плащомъ, перекинутымъ черезъ плечо, отвѣсилъ глубокій поклонъ и торжественно произнесъ:

— Господа! Если прикажете?..

Въ эту минуту кто-то хлопнулъ Андрэ по плечу.

Онъ оглянулся и увидалъ позади рослаго малаго съ нахальнымъ выраженіемъ глазъ и улыбки.

— Здравствуй, Мерси! Ну что, какъ живется?—раздался его громкій голосъ.

Андрэ не сразу узналъ своего кузена де-Брюль, котораго давно уже потерялъ изъ виду; но протянулъ ему руку и сказалъ:

— А!.. Здравствуй.

Замедляя шагъ, они пропустили народъ впередъ и пошли рядомъ, негромко перекидываясь двумя-тремя фразами.

— Ты все тотъ же, нисколько не измѣнился! — говорилъ Де-Брюль.—Я прямо изъ Нью-Іорка. Ну, а ты какъ?

Въ двухъ словахъ Андрэ объяснилъ ему, что онъ женатъ.

— А, такъ ты женатъ? Надѣюсь, что ты представишь меня г-жѣ де-Мерси.

Андрэ эта просьба была не по сердцу, но онъ сказалъ, что очень радъ, непремѣнно!..

— Помнишь,—говорилъ де-Брюль,—какъ мы съ тобой вмѣстѣ сидѣли на школьной скамьѣ?..

Еще бы не помнить?! Андрэ, какъ сейчасъ видѣлъ своего кузена еще подросткомъ,—буяномъ и задирашкой. Что ни рекреація, то ему непремѣнно было мученье отъ обидчика-кузена, который не стѣсняясь помыкалъ имъ. Въ отпускъ Гіацинтъ ходилъ къ де-Мерси, и тамъ любимѣйшимъ его занятіемъ было дразнить добрую и кроткую Люси, бить и ломать, что подъ руку ни попало. Отецъ его былъ вдовецъ и что называется, жилъ во всю. Избалованный, не знавшій счета деньгамъ, сынъ то проживался въ пухъ и прахъ, то получалъ какое-нибудь маленькое наслѣдство и уѣзжалъ путешествовать. Такая безпорядочная жизнь сдѣлала изъ него своего рода авантюриста, не злобствующаго, но и не особенно расположеннаго къ добру или злу. Все это Андрэ припомнилъ и сообразилъ въ то время, какъ де-Брюль говорилъ ему о себѣ.

— Теперь,—заключилъ онъ,—я усталъ, мнѣ все надоѣло, я хочу пожить тихо, на покоѣ; я чувствую, что ужасно состарился. Взгляни на меня!

Андрэ взглянулъ и нашелъ, что кузенъ не только не старъ, но даже смотритъ замѣчательно бодрымъ и молодымъ, особенно въ сравненіи съ его собственной усталой, раньше времени понившей фигурой. Кузенъ былъ молодецъ хоть куда: живой, проницательный взглядъ, черные, какъ смоль, волосы и бодрая осанка говорили въ пользу его прекрасно сохранившейся молодости. А между тѣмъ вѣдь онъ, Андрэ, былъ моложе его: ему шелъ всего двадцать-седьмой годъ. Въ церкви говорить было неудобно; но по дорогѣ къ кладбищу де-Брюль принялся такъ горячо (хоть, можетъ быть, и не особенно искренно) разспрашивать кузена о его житьѣ-бытьѣ, что Андрэ разсказалъ ему всю, какъ есть, свою скудную, трудовую жизнь, изъ гордости не желая скрывать ея настоящихъ сторонъ.

Де-Брюль слушалъ не то свысока, не то удивленно, и только порой покусывалъ себѣ губы подъ хорошенькими черными усиками.

— А что, ты надолго въ Парижъ? — проговорилъ Андрэ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія. Его стѣсняло, что кузенъ сразу сталъ съ нимъ „на-ты“, и его собственное „*ты*“ звучало такъ же оффиціально, какъ еслибы онъ сказалъ „*вы*“ мало знакомому человѣку.

Гіацинтъ передернулъ плечами, въ знакъ полнаго невѣденія, и прибавилъ:

— Пойду теперь навѣстить твою мать... Будь здоровъ!

— Прощай!

И они разстались.

Дня черезъ два г-жа де-Мерси зашла провѣдать сына съ невѣсткой и заговорила о племянничкѣ, который произвелъ на нее самое пріятное впечатлѣніе.

— Я просто была поражена, до того онъ измѣнился къ лучшему. Прежняго шалопая въ немъ нѣтъ и слѣда; онъ держится такъ прилично, такъ мило! Я даже готова позвать его къ себѣ обѣдать, ну... хоть во вторникъ. И вы бы, дѣтки, пришли ко мнѣ поскучать.

— Что жъ, пожалуй! — согласилась Туанетта, и это очень порадовало старушку, которая продолжала говорить о прежнихъ шалостяхъ и продѣлкахъ „шалопая“.

Вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, Туанетта сидѣла этотъ разъ на мѣстѣ и слушала воспоминанія свекрови—что польстило послѣдней, и она разсталась съ дѣтьми, очень довольная своимъ посѣщеніемъ.

Какъ ни отговаривалъ жену Андрэ, она принарядилась: затянулась въ корсетъ, надѣла платье, которое ее душило и, благодаря своему гладкому переду, еще замѣтнѣе обрисовывало ея пепящную фигуру. Проходя мимо перчаточнаго магазина, она зашла туда, объявивъ мужу категорически, что перчатки ей необходимы, и купила пару на пять пуговицъ,—что обошлось несравненно дороже, чѣмъ въ „Bon Marché“.

Къ матери они пришли задолго до обѣда. Столовая была уже освѣщена, и Одилія торжественно и озабоченно похаживала вокругъ стола, оглядывая зоркимъ окомъ его необычное убранство.

Гость явился гораздо позднѣе, — аккуратно въ назначенный часъ. Расшаркавшись передъ дамами, онъ подошелъ къ ручкѣ хозяйки дома и отдалъ церемонный поклонъ Туанеттѣ. Съ перваго же взгляда де-Брюль замѣтилъ ненормальность формъ молодой женщины; улыбка его не измѣнилась, но выраженіе глазъ

стало равнодушнымъ. Мысленно произнеся должную оцѣнку всей обстановкѣ, скромно-убранному столу и строгой простотѣ наряда любезной тетушки, племянникъ былъ внимателенъ лишь изъ вѣжливости, бесѣдовалъ съ напускною небрежностью. За обѣдомъ онъ говорилъ много и не безъ остроумія; разсказывалъ о своихъ недавнихъ приключеніяхъ въ Америкѣ. Несмотря на это, Андрэ съ матерью чувствовали какую-то необъяснимую неловкость. Туанетта, какъ женщина болѣе молодая и менѣе проницательная, принимала на свой счетъ словоохотливость новаго кузена; ей льстило его вниманіе. Ее смущалъ его взглядъ, такой пытливый и проницательный, что, казалось, онъ видѣлъ ее всю, всю насквозь.

Андрэ ревниво слѣдилъ за нею, а она опускала глаза, стараясь принять равнодушный видъ. Послѣ обѣда де-Брюль соблаговолилъ пропѣть двѣ-три пѣсенки, которыя онъ запомнилъ въ бытность свою въ Азіи. Унылые, расплывчатые звуки ихъ своеобразнаго напѣва унесли мысли Туанетты далеко-далеко, въ призрачную, пеструю даль, изъ которой прибылъ молодой и недурной собою пѣвецъ. Ему, вѣрно, приходилось испытывать немало любовныхъ приключеній, влюбляться самому и быть любимымъ?.. Она была еще подъ обаяніемъ музыки и грёзъ, когда молодой человѣкъ всталъ изъ-за рояля, взялся за шляпу и распрощался съ любезными родственниками.

Подавая ему руку, Туанетта замѣтила на себѣ такой холодный взглядъ, что ей стало жутко, и все ея увлеченіе пропало безслѣдно. Очевидно, прелестный кузенъ и не думалъ прельщаться ею, а видѣлъ въ ней только заурядную, небогатую женщину, неинтересную, какъ и всѣ вообще въ „интересномъ“ положеніи.

Черезъ недѣлю де-Брюль былъ уже въ Лондонѣ, и Туанетта впослѣдствіи вспоминала о его существованіи лишь для того, чтобы почувствовать ту же неловкость, какую она ощутила и тогда, когда онъ смотрѣлъ на нее своими проницательными, нахальными глазами.

Андрэ и вовсе не вспоминалъ о кузенѣ.

XIX.

Объ одномъ онъ не могъ забыть: его тревожилъ январь мѣсяцъ, когда въ министерствѣ обыкновенно состоятся повышенія и производства. Повысятъ ли его, прибавятъ-ли жалованья?

Но не онъ одинъ мучился этимъ вопросомъ: въ министерствѣ между чиновниками только и было разговору. На словахъ всѣ

кипятились, негодовали, предвидя несправедливости высшаго начальства, но въ результатѣ терпѣли и, такъ сказать, ждали у моря погоды.

— Еще-бы! разсуждалъ Андрэ самъ съ собою. Стоитъ только кому возмутиться — и смѣльчака въ министерствѣ какъ ни бывало! А вѣдь всѣ мы (не исключая и холостыхъ)—люди семейные: у кого на рукахъ жена, дѣти; у кого—мать и сестры. Надо служить, надо дорожить обезпеченнымъ кускомъ хлѣба, какъ бы онъ ни былъ малъ. Но жизнь дорога: мыслимо ли обходиться франками, которые получаешь за свою тяжелую службу?

— Тяжелую?—перебивалъ его Крессанъ, когда Андрэ случалось подумать вслухъ.—Да развѣ *„такая“* бываетъ тяжелая служба? Нѣтъ, голубчикъ, вы говорите, что начальство передъ вами неправо; что оно напрасно считаетъ, что всѣ чиновники дармоѣды. А по-моему, глядя со стороны, такъ мы и въ самомъ дѣлѣ мало дѣлаемъ: сами-жъ вы плакались на недостатокъ работы...

— Ну, да, конечно!—горячился Андрэ.—Я знаю, вы мнѣ сейчасъ скажете, что всѣ чиновники лѣнтяи, и что та работа, которую они дѣлаютъ, слишкомъ хорошо оплачивается ихъ скуднымъ жалованьемъ. А между тѣмъ, припомните-ка, что я самъ вамъ говорилъ еще недавно: дайте мнѣ вдвое больше работы, но и вдвое больше денегъ!.. Ну, скажите на милость: есть ли физическая возможность содержать семью на несчастные сто-шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ?

— Кто-жъ вамъ велѣлъ жениться?

— Что-жъ, по вашему, это справедливое, нравственное воззрѣніе? А холостяка, вы думаете, не загложетъ тоска цѣлый божій день корпѣть надъ счетами и перепиской? Хоть бы повышеніе какое дали, хоть бы какая-нибудь перемѣна къ лучшему! Такъ нѣтъ же! Сиди себѣ да жди трехгодичныхъ сроковъ. Если, напримѣръ, меня этотъ разъ обойдутъ очередью, — значитъ, я застрялъ на своемъ мѣстѣ еще на пять лѣтъ.

Крессанъ, посмѣиваясь, слушалъ возраженія своего молодого друга, но привелъ ему не особенно вѣскіе доводы:

— Лѣтъ десять тому назадъ я и самъ разсуждалъ такъ же точно; но теперь я ужъ пообтерпѣлся и молчу. Повѣрьте мнѣ: благодарите Бога и за то, что положеніе ваше не мѣняется къ худшему. Какъ вамъ извѣстно, это мой девизъ!

Грустно задумавшись, Андрэ побрелъ домой, но тревожныя думы, все-таки, не оставляли его до того времени, когда опредѣлились награды и повышенія. Но увы! Въ спискѣ вычеркнутыхъ однимъ изъ первыхъ стояло имя де-Мерси.

Впрочемъ, хоть и то было утѣшеніе, что онъ пострадалъ, да не одинъ. Мало кого осчастливили отличіемъ: большинство осталось на прежнемъ положеніи. Однако Андрэ казалось, что ему это тяжелѣе, чѣмъ другимъ: у него была такая настоятельная нужда въ прибавкѣ! Крессану тоже не повезло, но онъ относился къ этой бѣдѣ болѣе философски. Впрочемъ и онъ, кажется, мечталъ о повышеніи, надѣялся на него: иначе почему же у него былъ такой понурый видъ, почему онъ дышалъ тяжелѣе обыкновеннаго, несмотря на свою обычную добродушную улыбку?..

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Какъ-то разъ, въ воскресенье, Дамуръ завтракалъ съ дочерью у своего молодого друга.

Теперь, когда они оба были въ глубокомъ траурѣ, печальные, похудѣвшіе, рѣзкое различіе между Жерменой и ея отцомъ было еще замѣтнѣе. Она — крохотная и изящная; онъ — плотный и грубо сложенный,—это были такіе контрасты, подъ какими, при всемъ своемъ желаніи, никто не могъ бы найти и тѣни семейнаго сходства. Дамуръ медленно, будто съ неимовѣрнымъ трудомъ, снялъ перчатки и принялся за осмотръ квартиры. Скользнувъ взоромъ по стѣнамъ миніатюрнаго кабинета, онъ замѣтилъ большой портретъ отца Андрэ.

— А!... Какъ похожъ! — замѣтилъ Дамуръ и съ усиліемъ всталъ съ кресла, чтобы подойти поближе.

При его еще не старомъ возрастѣ грустно было видѣть такія старческія движенія, такую сутуловатую спину.

Туанетта спѣшила подавать завтракъ.

— Что это? Устрицы!—съ неопредѣленной улыбкой сказалъ Дамуръ:—вы насъ слишкомъ балуете! — Онъ сѣлъ за столъ и кушалъ съ большимъ аппетитомъ, несмотря на то, что нѣсколько разъ повторилъ:

— Я совсѣмъ ѣсть не хочу, право же, не хочу!

Жермена, по обыкновенію, кушала какъ птичка.

Глядя на нее, Андрэ невольно подумалъ:

„Еслибъ она была моей женой, все бы окружающее принадлежало ей, вмѣстѣ со мною. Она бы сидѣла здѣсь, въ траурѣ, и грустила... Конечно, Жермена совсѣмъ не то, что мнѣ нравилось въ „*моей*“ женѣ; но правы ли мы съ Туанеттой, что поженились? Не ошиблись ли мы взаимно?.. Грустно и подумать объ этомъ!“

— Да, мой другъ (говорилъ между тѣмъ адвокатъ), мы ѣдемъ въ концѣ этого мѣсяца: Жерменѣ нужно развлечься. Мы побываемъ въ Алжирѣ... Еслибъ я раньше послушался совѣта докто-

ровъ, которые гнали насъ туда, можетъ быть, это продлило бы вѣку... (голосъ его сдавило) моей покойной женѣ. Да! Намъ обоимъ было бы теперь полезно прокатиться,—и онъ взглянулъ на дочь, у которой глаза были полны слезъ.

— У мамы есть тамъ небольшое помѣстье,—сказалъ Андрэ:—не заглянете ли вы туда?

— О, непремѣнно!

— Положимъ, это небольшой клочокъ земли, но мнѣ все-таки почему-то сдается, что онъ могъ бы давать больше дохода, чѣмъ мы получаемъ отъ арендаторовъ. Вдобавокъ, намъ нѣтъ возможности ихъ провѣрить. Вы, какъ человѣкъ сердечный и опытный, сразу увидите, въ чемъ его достоинства и недостатки, и этимъ крайне обяжете меня, а главное—маму.

— Съ радостью!—горячо проговорилъ Дамуръ, и оба умолкли.

Вдругъ подъ окномъ раздались звуки музыки.

— А! Это итальянцы!—оживилась Туанетта.—Хотите посмотрѣть? У нихъ есть обезьянка!

Жермена отошла съ Туанеттой къ окошку.

Андрэ предложилъ Дамуру сигару.

— Благодарю, я больше не курю!—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ это такъ,—не курите? Да вы день и ночь, бывало, курили!

— Бывало... но не теперь. Теперь это невозможно: Жермена всегда со мною, а она... Ну, словомъ, я окончательно отдѣлался отъ этой дурной привычки.

Андрэ невольно умилился душою при видѣ этого пожилого человѣка, который изъ любви къ дочери разстался съ привычками всей своей жизни.

За стѣной слышались голоса женщинъ.

Дамуръ вскинулъ глазами на своего молодого друга и взглянулъ по направленію къ дверямъ въ сосѣднюю комнату, будто желая о чемъ-то спросить, но промолчалъ.

Послѣ нѣкотораго смущеннаго молчанья адвокатъ, наконецъ, рѣшился проговорить:

— Г-жа де-Мерси прелестна; вы, вѣроятно, вполнѣ съ нею счастливы.

Андрэ молча улыбнулся утвердительно, какъ бы соглашаясь съ гостемъ только изъ вѣжливости.

— И ваша маленькая квартирка такъ мило, такъ уютно обставлена!—Дамуръ запнулся, не зная, какъ дальше быть, и безпокойно зашевелился на стулѣ.

Андрэ не приходилъ къ нему на помощь и только продолжалъ молча улыбаться.

Дамуръ покраснѣлъ и, путаясь въ словахъ, быстро заговорилъ:

— Надѣюсь, вы совершенно довольны и счастливы?.. Никакія заботы васъ не тревожатъ?.. Вы знаете, я вашъ старый другъ... Ну, словомъ, если когда-нибудь случится... Еслибы вамъ нужны были деньги (тутъ онъ покраснѣлъ еще больше)... У меня онѣ есть!—почти грубо заключилъ онъ.

— Другъ мой!..—воскликнулъ Андрэ, смущенный.

— Не за что, не за что! Благодарность тутъ неумѣстна. Всю жизнь я былъ другомъ вашего отца и вашимъ, и если вы только меня уважаете... если когда вамъ понадобится... не обращайтесь ни къ кому, кромѣ меня!..

— Спасибо, сердечное спасибо! Но право же...

— Знаю, знаю... а все-таки, мало ли что можетъ случиться: политическій переворотъ, перемѣна министерства...—поспѣшилъ подхватить адвокатъ, чтобы не дать замѣтить молодому человѣку, что онъ догадывается о его стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

— О, нѣтъ! Чего жъ мнѣ бояться?

— Ну да! Ну да, конечно! А все-таки, вспомните обо мнѣ, не забывайте меня,—вотъ что я хотѣлъ сказать! Я только, можетъ быть, не такъ выразился, то-есть не такъ деликатно... Дайте мнѣ вашу руку!

Молча, серьезно, друзья пожали другъ другу руки.

Черезъ нѣсколько дней Дамуры уже отплыли въ Алжиръ.

— Вотъ они и уѣхали!—сказалъ Андрэ женѣ.—Теперь они уже вышли въ открытое море, а завтра завидятъ на горизонтѣ прибрежную полосу Алжира. Какая это, должно быть, чудная страна! Отецъ отзывался о ней съ такимъ восторгомъ! Тамъ море синѣе безбрежнаго неба. Тамъ зимою тепло, какъ лѣтомъ. Днемъ такъ жарко, что всѣ спятъ и отдыхаютъ, а вечеромъ выходятъ подышать теплымъ, ароматнымъ воздухомъ. Бананы и ананасы зрѣютъ на солнцѣ и не требуютъ никакого ухода. Сами туземцы-арабы красивы и живописны въ своихъ яркихъ нарядахъ...—Замѣтивъ, что слишкомъ поддался своему краснорѣчію, Андрэ вдругъ умолкъ и задумался: вѣрно, не одни только воспоминанія шевельнулись въ немъ, а также и любовь, стремленіе къ чему-то волшебному, неизвѣданному.

Туанетта разсѣянно слушала его.

— А знаешь, что говорилъ, бывало, отецъ, когда дѣла его уже пошли плохо (долги его одолѣли!)?—„Уѣдемъ-ка мы въ

Алжиръ, поселимся у себя на фермѣ и сдѣлаемся настоящими земледѣльцами, — *крестьянами-аристократами*!.." —И, знаешь ли, мнѣ не разъ приходило это на умъ... О, еслибъ я только умѣлъ хоть отличить рожь отъ овса! Если бы мы могли рѣшиться уѣхать туда, гдѣ жизнь такъ проста и здорова,—право, это было бы съ нашей стороны далеко не такъ глупо!

— А я такъ просто не могу себѣ представить тебя крестьяниномъ, а себя—крестьянкой,—сухо сказала Туанетта, и ея голосъ, который иногда рѣзко прерывалъ его мечты, разрушилъ ихъ и на этотъ разъ.

Андрэ свернулъ разговоръ на другое.

XX.

У Туанетты было мало знакомыхъ. Андрэ былъ для нея же очень разборчивъ, и, кромѣ г-жи де-Мерси, жена его видалась съ двумя-тремя молодыми дамами, мужья которыхъ когда-то встрѣчались съ нимъ въ обществѣ. Со своей свекровью Туанетта была не особенно откровенна, но съ пріятельницами тоже была немного словоохотливѣе. Молодые супруги рѣдко ходили въ гости и рѣдко когда принимали у себя, за-просто, на чашку чая.

Между женщинами, какъ и между мужчинами, не было у нихъ въ знакомствѣ никого интереснаго, выдающагося, и единственнымъ, въ чемъ Андрэ находилъ себѣ развлеченіе и отраду, было чтеніе. Но и оно, подчасъ, заставляло его пожалѣть, что онъ не художникъ, не музыкантъ, и потому не можетъ иначе наполнить свой досугъ, а между тѣмъ онъ увлекался чтеніемъ съ такою страстью, что порой зачитывался чуть не до разсвѣта. Его душевный міръ принадлежалъ всецѣло матери, женѣ и дѣтямъ, но для духовнаго—пищи было мало: его не могли удовлетворить краткіе біографическіе, судебные и театральные очерки,—главное, что̀ его интересовало въ газетахъ.

— А! У насъ новый министръ!—замѣтилъ онъ какъ-то разъ.

— Ну, что жъ такое? Не все ли равно, лишь бы тебѣ дали прибавку жалованья,—сказала Туанетта.

— На этотъ счетъ, душа моя, вѣроятнѣе всего придется отложить попеченіе. Мы, чиновники, въ глазахъ министра—ничто: онъ насъ не знаетъ, не имѣетъ до насъ никакого дѣла.

— Ну, а что̀ такое изъ себя представляетъ этотъ новый?

Андрэ пожалъ плечами.

— Почемъ я знаю? Единственное, что могу тебѣ сказать, это—какъ смотритъ его кучеръ: тощій, сухой, какъ палка, и важный, сосредоточенный, какъ патеръ.

— Какой ты смѣшной!—улыбаясь, проговорила Туанетта, такимъ тономъ, какъ еслибы сказала:

— Какой ты глупый!

А между тѣмъ въ департаментахъ министерства не сразу замѣтили перемѣну министра: все шло по прежнему, по заведенному издавна порядку. Но вдругъ пронесся слухъ, что грозятъ крупныя отставки, сокращеніе штатовъ... Ужасъ объялъ весь чиновничій міръ, и гроза не замедлила разразиться.

Въ коридорахъ раздавались взрывы негодованія служащихъ, оставшихся безъ хлѣба; негодовалъ и Андрэ, и даже старикъ Малюрюсъ. Оставшись одни, они оба переглянулись, и послѣдній закашлялъ своимъ нервнымъ кашлемъ, съ трудомъ переводя духъ между не столько сильными, сколько раздражительными приступами кашля; Андрэ, молча, укладывался передъ долгой, безсрочной разлукой, когда къ нему зашелъ Крессанъ, весь въ пылу самаго горячаго негодованія. Увидя Малюрюса, онъ удержался отъ словъ и только взглянулъ на Андрэ, блѣднаго какъ полотно, какъ смерть.

Молча прибралъ Андрэ свои бумаги, молча снялъ съ вѣшалки пальто и молча же надѣлъ его въ рукава. Старикъ и Крессанъ не сводили съ него глазъ, но не рѣшались заговорить. Окинувъ неопредѣленнымъ, тупымъ взоромъ непригляднную обстановку комнаты, гдѣ, по обыкновенію, пахло пылью, старыми бумагами и тлѣли въ каминѣ неизмѣнныя головешки неуклюжихъ дровъ,— Андрэ пожалъ руку старику и вышелъ вмѣстѣ съ Крессаномъ. Подъ гнетомъ неожиданнаго удара оба молчали, и Андрэ пошелъ домой, какъ приговоренный къ смерти. А идти домой все-таки было надо, все-таки надо сказать женѣ:

— Я больше не на службѣ!..

Проходя подъ воротами, онъ вздрогнулъ и отскочилъ въ сторону: мимо него проѣхалъ министръ. Высшее начальство и подчиненный обмѣнялись взглядомъ, ничего не выражавшимъ: они не знали другъ друга.

Андрэ не смѣлъ показаться на глаза женѣ: его мучило самолюбіе; ему было обидно подумать, что онъ самъ урѣзалъ себя въ необходимомъ, благодаря своему глупому нежеланію просить, хлопотать о повышеніи. И что же изъ этого вышло? Какая кому польза отъ того, что онъ смирнёшенько, добросовѣстнѣйшимъ

образомъ работалъ столько лѣтъ, и что теперь его лишили и этого, крайне ограниченнаго заработка?

Была ли тому причиной его слабохарактерность, или ему не хотѣлось отягощать своими невзгодами молодое сердце, еще не обтерпѣвшееся въ буряхъ жизни,—но только онъ зашелъ прежде къ матери и разсказалъ ей все безъ утайки.

Она не заохала, не заплакала, несмотря на то, что, бывало, часто охала изъ-за пустяковъ, безъ особой причины.

— Пойди, Андрэ, пойди къ женѣ! Не думай объ этомъ: все обойдется!..—проговорила она и умолкла, не зная, что бы еще сказать ему утѣшительнаго, боясь выдать свое волненіе.

Они обнялись и разстались.

Андрэ пошелъ домой. Его мучило сомнѣнье: какъ-то приметъ жена это новое испытаніе? Что она почувствуетъ, что скажетъ? Вотъ та минута, когда онъ ясно видитъ, какая важная отвѣтственность лежитъ на отцѣ семейства, который является главой и зачатком своего мелочного, но дорогого его сердцу, домашняго мірка, созданнаго имъ же самимъ, по его собственной, доброй волѣ. Добрая, любящая жена, слабенькая малютка, прислуга, мебель и вся обстановка, съ которой всѣ они свыклись, — что съ ними будетъ?.. Шагая по грязи, Андрэ не могъ отдѣлаться отъ мыслей—такихъ же сѣренькихъ и безотрадныхъ, какъ мутное, сѣренькое небо.

Подходя къ дому, онъ прибавилъ шагу и твердой поступью взошелъ на лѣстницу. Туанетта поджидала его и съ перваго же взгляда замѣтила, что онъ особенно блѣденъ, раздраженъ и опечаленъ. Посмотрѣвъ ему прямо въ глаза, она стремительно обняла его:

— Что случилось? Какая еще бѣда стряслась?

— Мнѣ отказали отъ мѣста, такъ, безъ всякой причины...

— О!..—воскликнула она, ошеломленная неожиданнымъ ударомъ.

Андрэ высвободился изъ ея объятій и съ досадой швырнулъ на стулъ свою шляпу.—Что жъ это будетъ? Не понимаетъ она, что-ли, въ чемъ дѣло? Пойдутъ сейчасъ слезы, укоры, рыданья...

Но Туанетта не отставала отъ него. Еще крѣпче прижимая мужа къ груди, она, казалось, хотѣла оградить его, какъ ребенка, отъ еще бо́льшихъ, страшнѣйшихъ ударовъ судьбы.

— Андрэ!—вырвалось у нея изъ глубины души.—Не грусти! Не поддавайся горю!.. Все это пустяки... не бѣда!..—И, нѣжно цѣлуя мужа, подвела его къ креслу и усадила. Затѣмъ убѣжала въ дѣтскую и вернулась съ Мартой на рукахъ.

— Поцѣлуй насъ, папочка, приласкай! Папочка, милый, не

печалься, взгляни на свою крошку!..—и на колѣняхъ у него очутилась малютка Марта, протянувшая къ отцу ручонки, подъ нѣжный лепетъ матери.

Андрэ посмотрѣлъ на нихъ обѣихъ, невольно прижалъ къ сердцу ребенка и, опустивъ голову на плечо къ женѣ, тихо заплакалъ.

Потомъ онъ не разъ вспоминалъ объ этой минутѣ, которая доставила ему безграничную отраду; она доказала ему, какъ горячо, преданно и довѣрчиво любила его жена. Во время неизбѣжныхъ въ каждомъ семействѣ невзгодъ и непріятностей, Андрэ всегда приходила на память та вѣра, та любовь, съ какой отнеслась къ нему жена въ эту ужасную минуту, и за это онъ многое ей простилъ, со многимъ примирился, любя ее и цѣня ея добрыя чувства.

Весь этотъ вечеръ они протосковали, не зная, за что приняться, чѣмъ бы убить время. Тихо сидѣли они, понуривъ голову и лишь изрѣдка перебрасываясь безцѣльными фразами. Огонь замиралъ въ каминѣ и красно-синеватое пламя порой пробѣгало по головешкамъ. Съ улицы до нихъ долеталъ глухой стукъ колесъ и уличный гамъ. Жутко было сидѣть безъ дѣла съ тоскою въ душѣ, и Андрэ съ Туанеттой предпочли лечь спать; но имъ не спалось.

— Попробуемъ уснуть!—сказала Туанетта, но сонъ не давался, какъ кладъ, несмотря на то, что оба прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы заснуть скорѣе.

Они закрывали глаза, стараясь обмануть другъ друга, но ихъ выдавало тяжелое, прерывистое дыханіе, которое бываетъ только у людей бодрствующихъ. Обоихъ мучилъ одинъ и тотъ же неизбѣжный, безотрадный вопросъ:

— Какъ быть?.. Что съ нами будетъ?

XXI.

На слѣдующій же день Андрэ отправился искать мѣста. Поиски его длились больше недѣли, но не привели ни къ чему.

Итакъ, образованному, развитому человѣку предоставлялось умереть съ голоду на мостовой, за неимѣніемъ возможности заработать кусокъ хлѣба!.. Эта мысль подавляла Андрэ своей безъисходностью.

Туанетта мысленно рѣшила:

— Кормилицу держать слишкомъ дорого. Марта здорова, ростетъ хорошо,—можно ее и отнять отъ груди.

Сказано—сдѣлано. Малютка перенесла благополучно эту рѣзкую въ своей жизни перемѣну, но мамка взбѣсилась, что ей отказали, несмотря на то, что г-жа Ролленъ въ тотъ же день доставила ей хорошее мѣсто.

Всю ночь Туанетта не смыкала глазъ, прислушиваясь къ дыханію дочки, вскакивая и бросаясь къ ней при малѣйшемъ шорохѣ. Для нея, на случай безпокойства, было наготовѣ теплое молочко; уже на вторую ночь оно не понадобилось, такъ какъ дѣвочка скоро привыкла къ новымъ порядкамъ. Зато, едва вошло все въ свою колею, какъ у Марты пошли зубы: не успѣла миновать одна тревога, ужъ подоспѣла другая.

Однажды, недѣли двѣ спустя, Туанетта сказала мужу:

— На что намъ эта Элиза? Развѣ мы не съумѣемъ обойтись безъ нея!

Элизу отпустили, и дѣйствительно, съ грѣхомъ пополамъ, стали обходиться безъ нея.

Какъ-то подъ вечеръ кто-то сильно дернулъ звонокъ. Хозяева были такъ утомлены, что не сразу рѣшились отворить гостю. Это оказался Крессанъ, улыбавшійся, какъ всегда, но какъ будто чѣмъ-то смущенный. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій онъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Не можете ли вы сдѣлать мнѣ большое одолженіе?

— Конечно могу! Съ удовольствіемъ! — не безъ удивленья отвѣчалъ Андрэ.

— Мнѣ все нездоровится, уроки меня просто замучили: вы знаете, у меня ихъ всегда много. А между тѣмъ со всѣми заразъ мнѣ не справиться и потерять-то ихъ не охота. Такъ, вотъ, я...—и Крессанъ замялся.—Я придумалъ просить васъ, не возьметесь ли вы временно помочь мнѣ, взять на себя часть уроковъ?

— Меня не проведете!—сказалъ Андрэ, вставая и подходя къ Крессану.—Спасибо!.. Я согласенъ! — и онъ горячо пожалъ другу руку.

Его до глубины души поразило, что одолженіе, которое ему оказывалъ Крессанъ, вовсе не тяготило его, какъ будто и чувствовать признательность къ хорошему человѣку никому не въ тягость. Благодаря одному изъ товарищей, Андрэ досталъ кое-какія занятія въ библіотекѣ: все же, хоть шестьдесятъ франковъ прибавилось къ бюджету.

Г-жа де-Мерси тоже принесла свою долю жертвъ, и даже не малую. Она любила Парижъ и считала жизнь возможною

только въ столицѣ;—и вдругъ, не взирая ни на какія увѣщанія сына и невѣстки, бросила свою квартиру и поселилась за городомъ, въ деревенскомъ домишкѣ.

— Видишь ли,—говорила она сыну,—такъ гораздо удобнѣе. Средства мои истощаются; вамъ предстоятъ еще траты на доктора, на акушерку, на мамку, а я ужъ больше не въ силахъ вамъ помочь. Какъ только родится ребенокъ, отдайте его мнѣ: здѣсь будетъ гораздо удобнѣе и дешевле его вскормить. Я по нѣскольку разъ въ день буду навѣщать его, и вамъ никакихъ не будетъ съ нимъ хлопотъ.

— Но, мама, неужели ты здѣсь поселишься на всю жизнь?

— Нѣтъ, дитя, не на всю. Когда я уже буду вамъ больше не нужна, я найму себѣ помѣщеніе въ монастырѣ, и увѣрена, что вы не захотите отнять у меня этихъ послѣднихъ крохъ.

Андрэ настолько зналъ свою мать, что не принялъ этихъ словъ за укоръ; но совѣсть нашептывала ему, что онъ и его женитьба—причина лишеній, которыя приходится его матери терпѣть на старости лѣтъ,—и ему стало невыразимо больно за нее.

„Или я неправъ, что женился? Или, просто, бѣднякамъ не слѣдъ обзаводиться семьею?..—думалось ему. — Не лучше ли было бы прожить и умереть холостымъ, не оставивъ по себѣ потомства, — дать угаснуть (но угаснуть съ честью!) древнему, славному роду де-Мерси?“

Еслибы у него было меньше дѣла, Андрэ могъ бы дать волю этимъ мрачнымъ мыслямъ, но дѣла у него было по горло,—думать ему было некогда. Кромѣ уроковъ и библіотеки, Андрэ было и дома не мало хлопотъ: онъ помогалъ женѣ ухаживать за ребенкомъ, мести полъ, мыть посуду.

Какъ ни были влюблены молодые супруги, ихъ любовь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пропала, лишенная своихъ пріятныхъ, поэтичныхъ сторонъ, которыя погрязли въ тинѣ нужды, съ грубою, черною работой. Они чувствовали себя униженными, опозоренными сравнительно съ тѣмъ, какъ жили прежде, когда были еще похожи на господъ.

Андрэ считалъ за униженіе и уроки, заставлявшіе его бѣгать по городу за незначительную плату. Однако, при мысли о томъ, что и этихъ грошей Кressанъ лишилъ себя ради него, Андрэ умилялся душою и чувствовалъ къ нему глубокую благодарность. Случалось, что между нимъ и женою водворялось какое-то особое молчанье, полное горечи и чувства самолюбія. Ни тотъ, ни другой не роптали вслухъ на судьбу: каждый несъ на плечахъ свою долю невзгодъ, но про себя только и думалъ, только и жа-

лѣтъ, что о страданіяхъ другого. Андрэ мучился тѣмъ, что у Туанетты руки краснѣли и грубѣли, какъ у мужички; Туанеттѣ невыразимо тяжело было видѣть, какъ мужъ утомлялся, какъ на лбу у него обозначались глубокія складки, а глаза все глубже впадали.

Г-жа Крессанъ, набожная отъ природы, ужъ не разъ молилась за нихъ, ставила свѣчи: для нея вѣра была глубокимъ утѣшеніемъ въ житейскихъ превратностяхъ, и она не понимала Туанетты, которая холодно относилась къ церковнымъ обрядамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Туанетта со времени замужства была довольно небрежна къ дѣламъ вѣры: рѣдко бывала въ церкви, давно не говѣла. Ее часто отвлекали отъ этого хозяйственныя работы, и лишь иногда, выйдя съ мужемъ немножко пройтись, она охотно соглашалась на его предложеніе:

— Не хочешь ли зайти?

Андрэ разсматривалъ живописныя окна храма, а она опускалась на колѣни передъ образомъ и торопливо крестилась, шепча молитву. Мало-по-малу эти посѣщенія становились все рѣже и рѣже, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились. Андрэ иногда задавался вопросомъ: не повліяютъ ли тяжелыя невзгоды на духовный міръ жены, не возбудятъ ли въ ней болѣе глубокихъ религіозныхъ чувствъ? Но этого не случилось, и это отчасти удивило его. Въ чемъ же, спрашивается, будетъ Туанетта искать себѣ поддержку? Какія убѣжденія послужатъ ей опорой на пути долга и истины? Его удивляла безучастность молодой женщины къ такимъ серьезнымъ и необходимымъ въ жизни вопросамъ.

Какъ ни ужасно было для г-жи де-Мерси одиночество, особенно въ ея лѣта, она поселилась въ окрестностяхъ Парижа, въ деревушкѣ Шартретъ, красиво раскинувшейся надъ берегомъ Сены и надъ долиною Буа-ле-Руа. Силою самоотверженія она отрѣшилась отъ своихъ привычекъ и недостатковъ, готова была на какія угодно жертвы. Не мало на ея долю пришлось испытаній: старый другъ ея, аббатъ Люрель, уѣхалъ, а г-жа д'Эраль, разбитая параличомъ, доживала свой вѣкъ въ помѣстьѣ. Всѣхъ друзей, всѣхъ привязанностей она лишилась: самая главная изъ нихъ—Андрэ уже принадлежалъ не ей, матери, а другой женщинѣ, и эта другая не любила ее.

Во время первой встрѣчи съ невѣсткой, въ г-жѣ де-Мерси загорѣлась надежда на добрыя отношенія, на дружбу съ нею, но скоро эта надежда угасла, и все свое упованіе бѣдная, отжившая свой вѣкъ, бабушка возложила на внучку. Но едва стала подростать малютка, едва стала она узнавать знакомыя

лица, какъ Туанетта и ее стала ревновать къ старушкѣ. Недовѣрчиво, боязливо, поглядывала на нее молодая мать, когда та брала на руки ребенка и невольно обижала ее своими страстными порывами. Какъ безумная, бросалась она тогда къ своей крошкѣ-дочуркѣ, подбрасывала ее на воздухъ, забавляла, кружилась. Это огорчало бѣдную старушку, которой было невыразимо больно, что ее не понимаютъ, не довѣряютъ ей. День ото дня она худѣла, дряхлѣла: ее мучила тревога за сына, за его матеріальное положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ее поддерживала надежда на то, что второй ребенокъ (можетъ быть, мальчикъ) будетъ принадлежать ей всецѣло, по крайней мѣрѣ годъ или полтора. Во всякое время дня и ночи она можетъ взглянуть на него, можетъ наслаждаться его улыбками, его первыми сознательными движеніями,—утѣшать его, заботиться о немъ!..

Подошелъ девятый мѣсяцъ, и Туанетта благополучно разрѣшилась отъ бремени.

По обыкновенію, г-жа Ролленъ не спѣшила объявить родителямъ, кого имъ Богъ далъ: сына или дочь. Видя, что она что-то долго возится съ ребенкомъ, бабушка съ отцомъ приготовились къ тому, что это, должно быть, опять дѣвочка, какъ вдругъ раздался ея ровный голосъ:

— Мальчикъ!

На лицѣ Туанетты мелькнула гордая улыбка; Андрэ нервно мялъ себѣ пальцы; г-жа де-Мерси облегченно вздохнула, и ея грустныя черты озарились запоздалой надеждой.

Сынъ и наслѣдникъ Андрэ, Жанъ-Жакъ де-Мерси, былъ замѣчательно крохотнымъ, тщедушнымъ созданьицемъ и, барахтаясь въ широкихъ пеленкахъ, сердито, визгливо кричалъ.

Марта проснулась и, плача, отворачивалась отъ брата, котораго ей поднесли, чтобы она его поцѣловала: малютка боялась его и въ ужасѣ прижималась къ отцу. Ее успокоили, уложили въ постельку, и она заснула.

Заснулъ и новорожденный на рукахъ у бабушки; на слѣдующій же день должна была пріѣхать изъ деревни кормилица, заранѣе нанятая г-жей де-Мерси.

На высокую, полную, статную молодую женщину было просто пріятно смотрѣть. Ея полнота, свѣжесть, румяныя щеки и бѣлая, пышная грудь невольно расположили всѣхъ въ ея пользу. Г-жа де-Мерси имѣла полное право ею гордиться.

На третій день бабушка уѣхала, увозя съ собой мамку и ребенка. Всѣмъ было тяжело разставаться; но и тутъ старушка проявила особую бодрость духа.

Оставшись съ сыномъ наединѣ, она сказала, подавая ему деньги:

— На тебѣ, Андрэ: вотъ на акушерку, на лекарства и ни сантима тебѣ самому, бѣдный мой!.. Не унывай!..

И они простились.

XXII.

Когда Туанетта оправилась настолько, что можно было разсчитать прислугу, взятую на время, жизнь ея пошла прежнимъ, обычнымъ порядкомъ, но показалась теперь еще тяжелѣе, безотраднѣе.

Изъ чувства деликатности, Крессанъ избѣгалъ часто видѣться съ Андрэ, изъ боязни, что тотъ станетъ сводить съ нимъ счеты и захочетъ заставить его подѣлить пополамъ плату за уроки. Онъ былъ у нихъ только на крестинахъ, и то потому только, что его просили окрестить новорожденнаго: эта просьба растрогала его и пришлась ему по душѣ. Затѣмъ онъ снова исчезъ и не показывалъ глазъ до 1-го марта, когда случилось нѣчто такое, чего Туанетта всю свою жизнь не могла позабыть.

Она была дома одна; Андрэ былъ на урокѣ. На лицѣ Крессана отражалось такое таинственное и отрадное смущеніе, что молодая женщина и сама взволновалась.

— Вы, кажется, съ доброй вѣсточкой?—спросила она.

— Добрая она, нѣтъ-ли—это будетъ зависѣть отъ Андрэ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Хотѣли бы вы, чтобы онъ снова поступилъ въ министерство?

— Да вѣдь...— Туанетта покраснѣла. — Говорите же, въ чемъ дѣло?—попросила она.

— Видите ли, крутыя мѣры, принятыя министромъ, возбудили сильный протестъ. Благодаря вліянію нѣкоторыхъ сенаторовъ и депутатовъ, уже немало чиновниковъ водворено на прежнихъ мѣстахъ. Министерству былъ порученъ тщательный разборъ служебной дѣятельности пострадавшихъ чиновниковъ. Служба Андрэ такъ безупречна, что ему возвратили и мѣсто, и связанное съ нимъ содержаніе. Вотъ и копія съ приказа.

— А!.. — задумчиво протянула Туанетта: эта запоздалая справедливость еще сильнѣе давала ей чувствовать прошлую обиду. Андрэ было нелегко перенести неожиданный ударъ: тогда вѣдь никому и въ умъ не пришло освѣдомиться, есть ли у него

кусокъ хлѣба? Впрочемъ, кажется, сильные и сытые никогда объ этомъ не задумываются...

Она помолчала и проговорила:

— Посовѣтуйте мнѣ, какъ быть?

— По-моему, все зависитъ отъ Андрэ; но только мой вамъ совѣтъ не вынуждать его согласія. И самолюбіе, и другія его сердечныя чувства одинаково пострадали, и потому я не обвиню его, если онъ дастъ имъ волю и отвѣтитъ отказомъ. Это шагъ довольно рискованный въ матеріальномъ отношеніи; съ другой стороны, если для самолюбія его нѣсколько щекотливо вернуться опять туда же, откуда его выключили, зато вѣрный заработокъ будетъ ужъ вполнѣ обезпеченъ.

— Ну, однако! — воскликнула Туанетта: — а если новому министру вздумается...

— Ничего ему не вздумается, повѣрьте! Такія раціональныя мѣры противъ произвола одного изъ министровъ благодѣтельно, умиротворяющимъ образомъ подѣйствуютъ на остальныхъ, и теперь мы будемъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо сидѣть на мѣстахъ... Простите, мнѣ некогда: надо бѣжать!..

— Постойте, подождите Андрэ!

— Нѣтъ, нѣтъ: оно даже лучше, если вы сами ему объ этомъ скажете!—признался Кресанъ, и молодая женщина вполнѣ оцѣнила его деликатность.

— Если позволите, я осмѣлюсь дать вамъ добрый совѣтъ: предоставьте мужу самому рѣшить этотъ вопросъ. Пусть, рѣшая его, онъ ни о комъ не заботится, кромѣ себя и своей семьи; такъ ему и скажите!..— и, сконфуженный, что затронулъ такой щекотливый вопросъ, какъ его отношенія къ другу, Кресанъ поспѣшилъ убраться во-свояси.

Когда Андрэ вернулся, жена не сразу сообщила ему свою новость.

— Безъ тебя приходили...

— А! Кто жъ такой?

— Отгадай!.. Ну, такъ и быть, скажу: Кресанъ!

— Что это ему вздумалось?

— Онъ хотѣлъ тебѣ кое-что показать.

И Туанетта робко протянула къ мужу бумагу, которую Андрэ пробѣжалъ глазами, сложилъ и молча положилъ въ карманъ. Туанеттѣ показалось, что видъ у него былъ какой-то странный, будто пристыженный; чтобы скрыть свое смущеніе, онъ пошелъ раздѣваться и мыться, что-то насвистывая. Впрочемъ, обѣдъ нѣсколько развлекъ его, а затѣмъ онъ принялся возиться съ Мар-

той. Она прыгала, валялась по полу и хохотала чистымъ серебристымъ смѣхомъ, когда отецъ наклонялся, стоя передъ ней на колѣняхъ, и щекоталъ ей шейку и ножки.

Туанетта пріотворила дверь и заглянула въ щелку. Отецъ усаживалъ малютку на стулъ, и по его сосредоточенному лицу Туанетта догадалась, что нечего и требовать, чтобы онъ вслухъ сталъ обсуждать интересный для нихъ обоихъ, важный вопросъ.

Ночью Андрэ спалъ безпокойно; на утро всталъ, тщательно вычистилъ себѣ платье и сапоги и попросилъ, чтобы завтракъ былъ готовъ раньше обыкновеннаго.

— Да ты куда?—съ живостью спросила жена.

— На службу!—былъ спокойный отвѣтъ. Это наружное спокойствіе растрогало и озадачило молодую женщину: столько въ немъ было смиренія и покорности судьбѣ.

Не даромъ давались ему житейскія испытанія!

Вошелъ онъ въ министерство черезъ главный подъѣздъ и вѣжливо, но холодно раскланялся съ начальствомъ, пожалъ руку неизмѣнному Малюрюсу. Впрочемъ нѣтъ,—его даже удивило, до чего старикъ измѣнился: спина его гнулась вдвое больше прежняго, глаза потускнѣли, платье поистрепалось. Кашель—и тотъ дребезжалъ, какъ разбитый. Андрэ спросилъ себѣ работы.

— Чего вамъ угодно? Работы?.. Извольте-съ, ее у насъ таки-довольно найдется. Ужъ я ли не былъ заваленъ работой, пока васъ не было!—и въ голосѣ старика слышался укоръ, какъ будто Андрэ ради удовольствія не ходилъ на службу.

„Ну,—подумалъ Андрэ,—значитъ, все по старому!“—и ретиво принялся за дѣло, чувствуя себя счастливымъ, что можетъ теперь съ благодарностью возвратить Кressану уроки, которые тотъ удѣлилъ ему изъ числа своихъ.

Жизнь маленькой семьи вошла въ свою обычную, однообразную колею. Не взирая на то, что Андрэ дали прибавку жалованья въ 300 фр. въ годъ, они продолжали обходиться безъ прислуги, и только по утрамъ приходила на два часа старушка для черной работы. Какъ ни была велика ихъ нужда, молодые супруги (по желанію Туанетты) справили третью годовщину своей свадьбы семейнымъ обѣдомъ, на которомъ были также и близкіе друзья. Но на слѣдующій же день имъ стало жаль непроизводительно потраченныхъ денегъ—дѣло обычное для тѣхъ, кто живетъ въ бѣдности и принужденъ разсчитывать каждый франкъ.

О министерскихъ порядкахъ ни мужъ, ни жена не любили вспоминать и только молча старались съ ними мириться. Прошло полгода, и Андрэ совершенно втянулся въ свою прежнюю чинов-

ничью жизнь, съ тою только разницею, что она его тяготила несравненно меньше прежняго или даже и вовсе перестала тяготить. Темная, пыльная каморка и мрачная стѣна, ужъ не сегодня раздражавшая его, были теперь для него безразличны. Андрэ съ удовольствіемъ дѣлилъ свое свободное время между дочерью и книгами, въ которыхъ искалъ себѣ духовную поддержку. Испытавъ на себѣ еще болѣе безвыходное положеніе, онъ охотнѣе переносилъ тяготу своей чиновничьей лямки; меньше скучалъ и озлоблялся, сидя передъ своимъ грязнымъ конторскимъ столомъ, въ душной комнатѣ, — тѣмъ болѣе, что его товарищъ по ежедневному заключенію былъ не изъ безпокойныхъ. Тотъ, какъ и прежде, могъ по цѣлымъ часамъ сидѣть неподвижно, будто застывъ въ своей обычной позѣ, уткнувши носъ въ безконечные счеты. Порой, когда у него подъ самымъ ухомъ раздавался трескъ электрическаго звонка, Малюрюсъ будто вдругъ вскакивалъ спросонья и какъ-то особенно боязливо и поспѣшно принимался шевелить губами, какъ бы желая что-то сказать, выразить свои внезапныя мысли и чувства.

Какъ-то разъ, сидя въ докучной тиши своей конторы, Андрэ въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: что за человѣкъ его сослуживецъ, какого рода невзгоды обратили его въ безмолвнаго, безцвѣтнаго автомата,—какъ вдругъ затрещалъ звонокъ. Андрэ ожидалъ, что Малюрюсъ, по обыкновенію, встрепенется и, беззвучно шевеля губами, пойдетъ на зовъ, но Малюрюсъ не шелохнулся.

Звонокъ упорно и рѣзко трещалъ. Старикъ не обращалъ на него вниманія.

— Малюрюсъ! Звонятъ!—окликнулъ его Андрэ.

Все то же молчаніе.

— Малюрюсъ! Спите вы, что-ли?—крикнулъ онъ еще громче, подошелъ къ старику и тронулъ его за рукавъ.

Рука соскользнула со стола, и Малюрюсъ стукнулся головой объ столъ, но не очнулся. Андрэ поблѣднѣлъ: ему стало жутко при мысли, что это обморокъ, но онъ все-таки подхватилъ старика подъ-мышки, приподнялъ его. Все тѣло его безжизненно отяжелѣло; руки болтались какъ плети, голова повисла съ разинутымъ ртомъ, съ грустными, неподвижными глазами, въ которыхъ отражалась смерть.

Андрэ закричалъ, позвалъ на помощь.

Черезъ день тѣло бѣднаго старика было предано землѣ. На похороны его никто не явился, несмотря на объявленіе въ газетахъ; очевидно, Малюрюсъ былъ человѣкъ безъ роду, безъ племени.

Съ его смертью каморка, гдѣ они вмѣстѣ сидѣли, стала для Андрэ невыносима; мысль, что къ нему посадятъ другого, чужого, также была для него непріятна. Онъ попросилъ, чтобы его перевели въ другое помѣщеніе, и когда его желаніе осуществилось, порадовался, что хоть стѣна-то у него тамъ не будетъ передъ носомъ. Здѣсь онъ, по собственному своему желанію, очутился въ полномъ одиночествѣ, и это, на первыхъ порахъ, было ему даже большой отрадой; но впослѣдствіи сдѣлалось чуть не пыткой.

Гигіеническія условія и этой клѣтки были также не блестящи: зимой въ ней было душно,—лѣтомъ и весной всякіе тяжелые запахи врывались въ открытое окно. Тѣснота была такая, что столъ и стулъ заполняли почти всю комнату.

Однако Андрэ ко всѣмъ этимъ неудобствамъ старался по возможности примѣняться, какъ человѣкъ, знающій, что ему придется еще многіе годы имѣть съ ними дѣло.

XXIII.

Разъ въ мѣсяцъ отецъ и мать ѣздили въ Шартретъ навѣщать своего крошку—Жака. Особенно врѣзалось въ памяти Андрэ одно изъ такихъ посѣщеній.

Это было весною.

Андрэ, на этотъ разъ, былъ одинъ и тихо шелъ отъ станціи, по большой дорогѣ, залитой яркимъ весеннимъ солнцемъ. Въ ночь выпалъ дождь, и утренній воздухъ былъ пропитанъ пріятною влагой; отъ земли подымался своеобразный, но не дурной запахъ. Подъ свѣжей, еще блѣдно-зеленой листвою рѣзко чернѣли толстые стволы обновленныхъ деревъ. Золотистымъ кружевомъ выдѣлялись на лазурномъ фонѣ весенняго утренняго неба молодые сочные листья. Въ канавкахъ, глухо журча, бѣжала вода, будто спѣша куда-то. На мосту, перекинутомъ черезъ Сену, Андрэ остановился и невольно заглядѣлся на ея красивое теченье. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно было ровнѣе, прозрачнѣе, виднѣлись водоросли и чистый, золотистый песокъ. Рыбы, сверкая чешуею, разрѣзали блестящее пространство воды и исчезали въ темной глубинѣ. Свѣжій вѣтерокъ рябилъ гладкую поверхность и разбивалъ ее на мелкія, отливавшія серебромъ чешуйки. Надъ вершинами лѣса курился тонкій голубоватый паръ, и звону башенныхъ часовъ вторилъ, разносясь въ тихомъ воздухѣ, отдаленный звонъ церковныхъ колоколовъ.

Андрэ шелъ вдоль берега и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя чистый, ароматный воздухъ. Душа его воспринимала впечатлѣнія, въ которыхъ онъ забывалъ всю горечь невзгодъ и будничной жизни. Взоры невольно стремились въ просторъ полей, покрытыхъ богатыми всходами. Куда ни оглянись, повсюду природа какъ бы разсыпала надежды на щедрые дары.

Вскорѣ на пригоркѣ показались небольшіе бѣлые домики и домишки. Вотъ они стали красивѣе, крупнѣе. Андрэ взобрался на пригорокъ и остановился у одного изъ нихъ.

Въ маленькомъ палисадникѣ, съ небольшой лопаточкой въ рукѣ, работала женщина, съ кружевной косынкой на головѣ. Въ этой женщинѣ, усердно вырывавшей сорныя травы, Андрэ узналъ свою мать. Ему были видны только ея сѣдые волосы и часть блѣднаго изможденнаго лица. На видъ она казалась такой спокойной, такой примирившейся съ ударами судьбы, что жалость овладѣла имъ: ему стало и стыдно, и больно. Какъ она постарѣла! Ну, что если она умретъ? Что, если скоро наступитъ день, когда ему придется переживать ея кончину? Бѣдная, бѣдная!..

Невыразимая боязнь и тревога сжали ему сердце, и у него вырвался отчаянный крикъ:

— Мама!..

Она оглянулась, вздрогнула.

— Ты!.. Ты!..—повторила она, полная удивленья и радости, что видитъ сына.—Здоровъ? Да?.. А Марта?.. А... жена?.. Да войди же, дружочекъ!

Въ кухнѣ его встрѣтила старушка Одилія и улыбнулась ему.

— Ахъ, Боже мой! Будетъ ли у насъ чѣмъ накормить его?—безпокоилась г-жа де-Мерси.

— Еще бы! Всего найдется!—самодовольно сказала та и занялась приготовленіемъ завтрака.

Внизу была комната матери. Окна выходили въ поле; вдали, за рѣкой, виднѣлся лѣсъ. На этотъ разъ Андрэ какъ-то особенно бросились въ глаза скудость и безотрадная простота всей обстановки. Передъ каминомъ — незатѣйливый экранъ; вдоль одной изъ стѣнъ—простая желѣзная кровать; вдоль другой — простой письменный столъ и на немъ—чернильница, двѣ-три тетради и нѣсколько любимыхъ книгъ г-жи де-Мерси—вотъ и вся меблировка ея спальни. Простой бѣлый полъ бросался въ глаза своей чистотою, но среди деревенской мебели не было ни одной изъ тѣхъ изящныхъ и старинныхъ вещей, которыми такъ любила окружать себя г-жа де-Мерси въ Парижѣ: уѣзжая оттуда, она тамъ ихъ и оставила, считая, что въ складѣ онѣ будутъ цѣлѣе.

Завтракъ прошелъ хорошо и весело, потому что мать и сынъ оба избѣгали касаться вопросовъ, которые ихъ огорчали. Г-жа де-Мерси была счастлива, что сидитъ съ сыномъ вдвоемъ, какъ бывало прежде, въ далекіе дни его юности или холостой жизни. Заговорили о Жакѣ, и она, увлекаясь наслажденіемъ говорить о немъ, воскликнула въ восторгѣ:

— Вотъ самъ увидишь! Его принесутъ ко мнѣ послѣ завтрака. Еслибъ ты зналъ, какъ онъ милъ, какъ знаетъ меня, какъ лепечетъ мнѣ: „Бб... ба! Бб... ба!“ Нѣтъ, какъ тебѣ покажется? Это въ его-то время!

Андрэ улыбался, довольный тѣмъ, что его сынъ возбуждаетъ восторгъ. „Сынъ!.. Сынъ!..“ Это куда важнѣе и пріятнѣе для слуха, чѣмъ „дочка“! Сынъ, конечно, оправдаетъ всѣ возложенныя на него надежды, съ честью поддержитъ славный родъ де-Мерси... Бѣдное, крохотное, еще безпомощное созданье!..

— И какой онъ силачъ! Какой настойчивый и своевольный! По-неволѣ приходится плясать по его дудкѣ!—восторгалась бабушка, и отецъ ей улыбался: онъ гордился, что у его сына уже есть своя воля!

— А знаешь, пойдемъ-ка мы сами къ нему!—въ нетерпѣніи предложила г-жа де-Мерси и прочла то же желаніе въ глазахъ сына.

Они вышли на улицу.

Повсюду была тишина. У воротъ на солнышкѣ грѣлись собаки и сладко дремали сѣрыя кошки, безразлично относясь къ прохожимъ. Деревня вся будто вымерла, и только у калитки одного изъ домишекъ сидѣлъ дряхлый старикъ, не шевельнувшійся, когда г-жа де-Мерси прошла мимо него и вышла во дворъ. Тамъ было все-таки больше жизни. Близь навозной кучи, въ грязной, большой лужѣ плескались утки; куры, кудахча, поклевывали валявшіяся кое-гдѣ хлѣбныя зерна; цыплята похаживали вокругъ нихъ, а пѣтухи, ощетинясь, лѣзли другъ къ другу, силясь ухватиться за самый гребень, но пока побѣда еще колебалась и лишь перья мелькали въ лѣтнемъ воздухѣ, безжалостно вырванныя противникомъ то у того, то у другого.

Въ дверяхъ невысокаго домика показалась фигура старушки, которая рукой заслоняла глаза отъ солнца. Это была мать кормилицы. Господа поклонились ей, и она провела гостей въ низкую, довольно темную комнату, въ которой громко стучалъ тяжелый маятникъ старинныхъ часовъ съ гирями. Явилась кормилица со своимъ питомцемъ на рукахъ.

Жакъ только-что проснулся, смѣялся и не заплакалъ, когда

отецъ взялъ его къ себѣ на колѣни. Крестьянки заахали, удивляясь его сходству съ отцомъ, который тщетно старался найти что-либо общее въ неопредѣленныхъ чертахъ малютки-сына въ своихъ собственныхъ. Имъ предложили пройти въ садъ. Тамъ, въ перемежку, росли кусты розъ, капуста и фруктовыя деревья. Розы еще не распустились, но персиковыя и абрикосовыя деревья были въ полномъ цвѣту и красовались своими бѣлоснѣжными и розовыми цвѣтами, которыми игралъ вѣтерокъ, осыпая ими Андрэ и ребенка. Г-жа де-Мерси молча сидѣла съ ними рядомъ. Мамка снимала бѣлье, развѣшенное на изгороди.

Жакъ громко заплакалъ, и она подбѣжала къ нему, дала ему грудь.

Ребенокъ жадно прильнулъ къ ея полной, здоровой груди и усердно, съ веселымъ видомъ, громко глоталъ молоко, струившееся ему прямо въ ротикъ. Грудка его высоко и мѣрно подымалась.

— Вишь, какъ онъ славно пьетъ!—замѣтила кормилица, довольно улыбаясь.

— Да, славно пьетъ!—подхватила и г-жа де-Мерси.

— Славно пьетъ!—повторилъ за нею Андрэ, не сводя съ малютки довольнаго и счастливаго взгляда.

Время не шло, а летѣло. Отецъ простился съ крошкою-сыномъ и пошелъ съ матерью домой. Старики чего-то зашевелились.

— Иди впередъ: я тебя догоню!—сказала г-жа де-Мерси.

Андрэ вышелъ на улицу и подождалъ ее.

— Ну, въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ.

— Да такъ, ничего...—отвѣчала мать, но въ продолженіе всего пути до дому была менѣе разговорчива, чѣмъ обыкновенно. У нея изъ ума не выходили назойливыя требованія крестьянъ, которые не смѣли ничего домогаться сверхъ условленной платы, но всячески старались получить подачку въ видѣ хлѣба или иныхъ припасовъ.

Опять Андрэ очутился въ маленькой спальнѣ матери, и опять сердце у него больно сжалось при видѣ скудной обстановки, въ которой ей приходилось доживать свой вѣкъ. Жгучая тревога охватила его при мысли о тѣхъ лишеніяхъ, которыя ей пришлось вытерпѣть изъ любви къ нему, и о томъ, что онъ можетъ скоро ея лишиться, ничѣмъ не заплативъ ей за ея безграничное самоотверженіе. Нѣтъ, что бы ни дѣлалъ онъ для нея, все это будетъ лишь крупица, въ сравненіи съ ея добровольными жертвами: онъ это хорошо понималъ и чувствовалъ.

Ему страшно было, какъ бы она не угадала его мысли, и онъ смотрѣлъ въ сторону, въ окно.

„Но если не ей, такъ дѣтямъ [illegible] дна
я ей обязанъ,—думалъ онъ дальш
намъ отплачивать прямо тому, кому
будетъ, пожалуй, цѣльнѣе и, главное,
ней больше нуждается. Правила долга
даются изъ рода въ родъ, и они помогу
должное".

Эта мысль успокоила его и нѣсколько
Да и сама мать развѣ не смирилась пере
даетъ примѣръ и ему, и внукамъ.

— Прощай, мама, пора!—сказалъ онъ в

— Постой, я пойду провожу тебя немног

И г-жа де-Мерси вышла вмѣстѣ съ сыномъ [illegible]ьшую дорогу, надъ которой, въ небѣ, барашками плыли бѣлесоватыя облака. Какъ ни тихо шли они оба, а г-жа де-Мерси скоро устала и остановилась у перекрестка.

Они простились, но долго еще оглядывался Андрэ на одинокую фигуру матери, каждый разъ махавшей ему рукою въ знакъ прощанья. Перейдя черезъ мостъ, онъ потерялъ ее изъ виду и, уже больше не оглядываясь, торопливо пошелъ впередъ.

А. Б—г—.

отецъ взял
его с
д

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СОВРЕМЕННЫЙ ФАУСТЪ.

Фарсъ.

Лабораторія. Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ. Фаустъ сидитъ на грудѣ книгъ—предъ нимъ ихъ цѣлая пирамида. Изъ затхлаго фоліанта вылѣзаетъ Мефистофель и отряхивается.

Мефистофель.

Ну, здравствуй, пріятель!.. Все такъ же хандришь
И ноешь все такъ же безъ толку?
И, словно влюбленный мечтатель, глядишь
На пыльную книжную полку?
Иль ты поумнѣть въ эти годы успѣлъ
И въ голосъ толпѣ лицемѣришь,
Что время отнынѣ настало для дѣлъ,
Что фразамъ ты больше не вѣришь?
Но книжному червю остаться безъ книгъ
Едва-ли по вкусу придется...

Фаустъ въ нетерпѣніи барабанитъ пальцами по фоліанту.

Мефистофель.

Ну, полно... Давно я, пріятель, постигъ,
Что книжникамъ плохо живется.
Слыхалъ я, что людямъ земля отдана,
А небо осталося ваше,—

Да что же въ томъ толку? Пуста вѣдь до дна
Сія исполинская чаша...
И кто надъ землей опрокинулъ ее—
Про это и мнѣ не извѣстно...
Однако плохое пришло вамъ житье
И роль ваша вовсе не лестна.
Вѣдь нектаромъ жизни, любви и мечты
Досыта себя услаждаютъ
Тираны, рабы, палачи и шуты,
А васъ и глотнуть не пускаютъ!..
Положимъ, не даромъ судьба имъ даетъ
Напиткомъ боговъ упиваться,—
Старушечьи счеты слѣпая ведетъ
Старательно, надо сознаться...
Но все-же, по рангамъ судя и чинамъ,
И льготы даетъ, и отсрочки
(Стенографъ по нынѣшнимъ, другъ, временамъ,
Конечно, поставитъ здѣсь точки)...
О вашемъ несчастьѣ я первый узналъ
Отъ милаго Генриха Гейне.
Въ тотъ день, какъ онъ умную сказку слагалъ
Про глупость людскую, на Рейнѣ:
„Французамъ и русскимъ земля отойдетъ,
Британцамъ достанется море“...
—„А кто же о небѣ заботу возьметъ
И прочемъ мечтательномъ вздорѣ?“
Прервалъ я его, а онъ сталъ хохотать
Такъ дѣтски, такъ чистосердечно:
„Стыдись, Мефистофель, какъ могъ ты не знать!—
Ученые нѣмцы, конечно!..
И если по прежнему станутъ мудрить
Милѣйшіе Михели наши,—
Имъ только придется владѣльцами быть
Небесъ опрокинутой чаши“...

Фаустъ.

Не знаю, зачѣмъ ты явился сюда?
Дразнить меня? Право, напрасно;
Иной я отнынѣ, иной навсегда;
И ложь твоя мнѣ не опасна.
Не надо мнѣ жизни, не надо любви,
Блаженныхъ мечтаній не надо,

Другую овцу въ свою петлю лови
Среди безпастушнаго стада...
Постыло сомнѣнье правдивое мнѣ,
Какъ лживая вѣра когда-то.
Я нынѣче отступникъ, отступникъ вдвойнѣ,—
Не вѣрю, ни гордо, ни свято...
Не вѣрю ни въ царство ума и мечты,
Ни въ царство любви и свободы,—
Я сдѣлался лишнимъ отнынѣ, какъ ты,
Въ наивномъ концертѣ природы.

Мефистофель.

И ergo—лисицы и волки пускай
Отнынѣ стада охраняютъ?
Кому же не любо,—ну, тотъ умирай...
А овцы жить смирно желаютъ?..
Мудрѣйшая ты изъ мудрѣйшихъ овецъ,
Ты, право, мнѣ нынѣче по вкусу...
Но только скажи по душѣ, наконецъ—
Съ чего же ты празднуешь трусу?

Фаустъ.

Усталость и скука...

Мефистофель.

Сочувствую, другъ...

Фаустъ.

Скорѣе бы, что-ли... Не надо...

Мефистофель.

Однако, марать артистическихъ рукъ
Ни каплею крови, ни яда,—
Согласенъ?..

Фаустъ.

Ахъ, брось этотъ вздоръ!
Къ чему эти плоскія шутки?
Дай мнѣ позабыть этотъ вѣчный позоръ...

Мефистофель.

Да что ты? Не въ здравомъ разсудкѣ?
Ты просишь помочь умереть поскорѣй,—
Не въ службу понятно, а въ дружбу?—
Къ чему же? Другіе охотно, ей, ей,
Свершатъ это нынѣче и въ службу.
А можетъ быть, самъ ты умрешь кое-какъ,

Примѣрно, какъ путникъ въ пустынѣ?
Я, видишь ли, другъ мой, ужаснѣйшій врагъ
И пытокъ, и казней отнынѣ:
Такой на землѣ дураковъ урожай,
Что умныхъ едва даже сыщешь,
И цѣлыми днями, какъ ты ни гадай,
За ними безъ устали рыщешь...
Итакъ, до свиданья! А съ жизнью опять
Справляйся-ка ты поскорѣе,—
Жить глупо, конечно, но зря умирать—
И самъ ты вѣдь знаешь—глупѣе...

Исчезаетъ.

Фаустъ, улыбаясь, насвистываетъ марсельезу и оборачивается къ окну, воображая, что свѣтаетъ... Ничуть не бывало...

Молчаніе.

ФАУСТЪ.

Нѣтъ, шутъ этотъ старый давно надоѣлъ
И съ правдой, и съ глупостью старой.
Хотѣлъ бы я только его увидать
Въ пылу мірового пожара...
Хотѣлъ бы взглянуть, засмѣется ли онъ,
Иль я засмѣюсь, умирая...
Онъ жилъ только мною, я жилъ для любви,
И сердце, и мозгъ мой сжигая...
Съ насмѣшкой глядѣлъ я безъ страха назадъ,
Съ улыбкой впередъ я стремился,
И даже и ей, всемогущей любви,
Я гордой душой не молился..
Меня такъ воздушный влечетъ поцѣлуй,
Влекутъ такъ волшебныя ласки
Твои, моя будущность! Стану ли я
Дослушивать старыя сказки!..
А впрочемъ, онъ правъ, надо все то ковать,
Что всѣмъ и сподручно, и ковко...

МЕФИСТОФЕЛЬ—*съ усмѣшкой, выглядывая изъ фоліанта.*

Сего даже я не могу отрицать,—
По истинѣ, сказано ловко...

Занимается сѣрая будничная заря.

II.

МОЕЙ НЕЗНАКОМКѢ.

„Le coeur a ses raisons que la raison ne comprend pas".

Pascal.

Покуда жизнь съ своей нарядной ложью
И суетой ребяческихъ утѣхъ
Не привлекла тебя еще къ подножью
Молоха страсти—бога всѣхъ;
Пока она, красавица-блудница,
Тебя какъ другъ еще не обняла,
Пока она, рабыня и царица,
Тебя на пыльный путь не увлекла;
Пока еще къ отравѣ наслажденья
Не прикоснулись дѣтскія уста,—
Ты хороша, какъ призракъ вдохновенья,
Ты хороша, какъ первая мечта!
Ты хороша, какъ дивное ваянье,
Какъ чистый перлъ передразсвѣтныхъ росъ—
Тебѣ еще безвѣстно обаянье
И смѣха твоего, и слезъ...

Но предъ тобой не въ силахъ я склониться,
Мнѣ жалокъ твой высокій пьедесталъ,
И мнѣ смѣшно у ногъ твоихъ молиться,
Когда въ боговъ я вѣру потерялъ.
И все-жъ, не скрою, я хотѣлъ бы страстно
Тебя въ грозу и въ бурю увидать—
Какъ падшій ангелъ будешь ты прекрасна,
И я готовъ у ногъ твоихъ рыдать...

Вл. Мартовъ.

СЪ УЛИЦЫ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Барыня познакомилась съ Анюткой на улицѣ.

Собственно знакомство это было заведено не потому, чтобы личность Анютки представляла сама по себѣ какой-либо интересъ, — это сдѣлано было исключительно для назиданія двухъ другихъ назойливыхъ нищенокъ, которыя уже давно пріобрѣли возмутительную привычку бѣжать по обѣимъ сторонамъ барыни и кричать, какъ ей казалось, чуть ли не съ насмѣшкой:

— Подай копѣечку, мы ись хотимъ!..

При чемъ это „ись“ онѣ растягивали прямо на-зло, отлично понимая, какъ барыню сердитъ ихъ приставанье.

Дѣвчонки эти были извѣстны чуть ли не всему городу. Онѣ постоянно кочевали съ одного мѣста на другое, съ базара на паперть, съ площади на улицу; появлялись на похоронахъ, на свадьбахъ, на крестинахъ, съ веселой улыбкой, съ радостью во взорѣ, онѣ просили у всѣхъ „копѣечку“; когда имъ подавали, — бѣжали поскорѣе къ другимъ; когда прогоняли — спѣшили уѣти, сохраняя при этомъ обычное хорошее расположеніе духа.

Но, очевидно, имъ наскучилъ этотъ кочевой образъ жизни, и теперь онѣ какъ бы рѣшили арендовать кварталъ, гдѣ жила барыня, и каждый разъ, какъ она выходила изъ дому, пускались бѣжать въ-припрыжку по обѣимъ ея сторонамъ, требуя копѣечку.

Первые дни барыня удовлетворяла эти требованія, и тогда поведеніе дѣвочекъ было не только прилично, но получило впослѣдствіи даже нѣкоторый оттѣнокъ деликатности: онѣ начали просить не каждый день, а черезъ установленные промежутки, соблюдая какую-то справедливость, ими самими выдуманную, имъ только понятную.

Случалось, одна изъ нихъ забывала эти таинственныя правила и иногда начинала бѣжать за барыней не въ урочное время, —тогда другая непремѣнно останавливала ее за рукавъ ситцевой кацавейки и серьезно говорила:

— Оставь! она вчерась подавала...

И обѣ бѣжали прочь—къ другой, уже намѣченной жертвѣ.

Барыню сперва занимало это знакомство; но съ теченіемъ времени обоюдныя хорошія отношенія начали обостряться различными недоразумѣніями. Во-первыхъ, дѣвчонки ужъ слишкомъ часто вертѣлись на улицѣ,—это было скучно. Затѣмъ, онѣ всегда имѣли такой веселый видъ, на лицахъ ихъ горѣлъ такой яркій румянецъ... потомъ, онѣ такъ часто хохотали, повидимому, безъ всякой причины,—да и какая же можетъ быть причина у двухъ бездомныхъ нищенокъ хохотать во все горло посреди тротуара, мѣшая свободному движенію публики? Наконецъ, надо было всегда имѣть готовыя мелкія деньги, потому что въ урочное время дѣвчонки не допускали барыню пройти мимо безъ контрибуціи.

Однажды, когда дѣвчонки особенно громко хохотали, барыня не только не подала имъ обычной „копѣечки", но еще сдѣлала выговоръ за неприличное поведеніе, обозвала ихъ „бездѣльницами" и приказала, чтобы онѣ никогда больше не смѣли подходить къ ней,—чтобы никогда больше не смѣли, иначе она придумаетъ уже, какъ отучить ихъ отъ этого!

Дѣвчонки изумленно молчали; барыня величественно прошла мимо, вполнѣ увѣренная, что отношенія ихъ покончены навѣки.

Однако, барыня успокоилась не надолго. Вскорѣ пришлось ей убѣдиться, что борьба, которую она считала покончennой, только начинается, и неизвѣстно еще, на чьей сторонѣ будетъ побѣда; дѣвчонки не тронулись увѣщаніями барыни; наоборотъ, онѣ приставали теперь чаще; но въ обращеніи ихъ съ нею исчезла вся былая деликатность. Теперь онѣ бѣжали за барыней неотступно каждый день и, сохраняя невозмутимую веселость, кричали:

— Дай копѣечку, мы ись хотимъ!

Барыня молча краснѣла, сердилась, ускоряла шаги; но усko-

ряли шаги и дѣвчонки; замедляла—онѣ дѣлали то же; останавливалась—онѣ также стояли около, повторяя:

— Дай копѣечку, мы ись хотимъ!

— Вы бы уже у десяти человѣкъ могли попросить за это время!—говорила барыня, придавая своему голосу тонъ напускного добродушія.

Но дѣвчонки стояли, весело и открыто глядя ей въ глаза.

Тогда барыня не выдерживала характера.

— Да идите же вы впередъ или назадъ! — кричала она, разражаясь гнѣвомъ: — я не хочу идти съ вами рядомъ! Слышите, не хочу! не хочу!

— Дай копѣечку!.. А не хочешь дать копѣечки—дай „рябчика"!—отвѣчала ей на это очень весело старшая рыжая дѣвчонка съ румяными щеками, между тѣмъ какъ другая, поменьше, зачѣмъ-то прятала свое лицо за спину подруги.

И обѣ продолжали стоять.

Барыня не знала, что̀ значитъ: „рябчикъ", и рѣшительно терялась.

Въ одну изъ такихъ критическихъ минутъ она увидала оборванную Анютку въ куцой кофтѣ, рукава которой хватали ей только до локтей, въ дырявомъ платочкѣ на головѣ, въ огромныхъ истоптанныхъ валенкахъ. Анютка держала въ рукахъ какую-то грязную бумагу и, смиренно озираясь по сторонамъ, брела впередъ, куда глаза глядятъ, очевидно, также отыскивая себѣ случайное пропитаніе... Но это была робкая дѣвочка съ убитымъ взглядомъ, съ мокрыми ногами, дрожавшая въ своей куцой кофтѣ, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ уже легла тѣнь преждевременной старости, на которомъ бѣдность написала свое имя,—однимъ словомъ, такая дѣвочка, какою должна быть всякая истинная нищенка, совершенная противоположность этимъ двумъ „бездѣльницамъ".

Не замѣчая устремленнаго на нее сочувственнаго взгляда барыни, Анютка подошла къ маленькой деревянной лавчонкѣ, гдѣ продавались бублики, запустила руку подъ кофту, вытянула оттуда маленькій серебряный крестикъ и, протягивая его лавочнику, сказала:

— Ради Христа, дай мнѣ за него пятачокъ; какъ наберу денегъ, выкуплю...

Лавочникъ, съ круглымъ, деревяннымъ лицомъ и сонными глазами, кинулъ на Анютку небрежный взглядъ.

— Иди туда! — сказалъ онъ, указывая толстымъ, несгибающимся пальцемъ на лавочку сосѣда: —я подъ залогъ ничего не беру.

Анютка повернулась въ указанномъ направленіи; но въ это время къ ней подошла барыня, сопровождаемая своей свитой.

— Подойди сюда, дѣвочка! — сказала она съ преувеличенной мягкостью въ голосѣ:—не бойся... Зачѣмъ это продаешь ты свой крестъ?

— Я не продаю! — испуганно оправдывалась Анютка: — я какъ наберу, то выкуплю... только теперь мнѣ очень деньги нужны... я еще сегодня только семишникъ насобирала...

— Семишникъ? — недовѣрчиво протянула рыжая дѣвчонка, сознававшая себя въ этомъ дѣлѣ самымъ свѣдущимъ экспертомъ:—послѣ полудня да только съ семишникомъ? Ай, не жалобишься ли ты, дѣвка?

— Вотъ-те Христосъ!—возразила Анютка.

— Спрячь крестъ... да ты не бойся!—ласково сказала барыня, которой было пріятно видѣть робость Анютки послѣ безшабашнаго обращенія двухъ „бездѣльницъ": — поди поближе... Что это ты держишь еще въ рукахъ?

Анютка протянула засаленную четвертушку бумаги со штемпелемъ благотворительнаго учрежденія „Братскій союзъ".

Барыня стала читать бумагу, между тѣмъ какъ двѣ назойливыя дѣвчонки не сводили съ нея глазъ, горѣвшихъ жгучимъ любопытствомъ.

— Твой отецъ сломалъ себѣ ногу?—спросила она, возвращая Анюткѣ бумагу.

— Сломалъ еще на Рождество,—отвѣчала дѣвочка:—онъ съ веревки упалъ.

— Съ веревки? — спросила рыжая дѣвчонка: — что же онъ вѣшался у тебя? Иль какъ?

— Да отстанете ли вы отъ меня! — крикнула барыня, безнадежно озираясь кругомъ.—Я вотъ городового позову.

Угроза имѣла магическое дѣйствіе: назойливыя особы мгновенно отскочили на разстояніе сажени; но когда барыня вынула изъ кармана портмонé, снова приблизились, сосредоточивъ на немъ все свое вниманіе.

Барыня достала оттуда два двугривенныхъ и торжественно вручила ихъ Анюткѣ.

— Два рябчика! Два рябчика! — закричали дѣвчонки, при чемъ въ голосѣ ихъ звучало только изумленіе, а вовсе не черная зависть.

Анютка, лицо которой покрылось внезапно красными пятнами восторга, поспѣшно прятала въ уголокъ платка добычу; ба-

рыня прослѣдовала дальше, а дѣвчонки бѣжали за нею, повторяя обычнымъ радостнымъ голосомъ:

— Подай копѣечку, мы ись хотимъ!

Барыня молча подвигалась къ посту, на которомъ обыкновенно находился блюститель порядка. Дѣвчонки, предчувствуя засаду, круто повернули въ сторону.

Барыня оглянулась и, увидавъ себя свободной, поманила Анютку, съ которой желала познакомиться поближе.

— Какъ же это твой отецъ сломалъ себѣ ногу, разскажи мнѣ?—спросила она дѣвочку.

— Онъ танцовалъ по веревкѣ... въ тіатерѣ, на Рождество... да голова у него кругомъ пошла, онъ и свалился сверху...

— Что-жъ, онъ въ больницѣ лежитъ?

— Докторъ говоритъ, ногу надо отрѣзать, а папаня, вишь, не хочетъ... Отъ страху онъ изъ больницы выписался, а нога все болитъ да все болитъ! Кабы вы слыхали, какъ онъ ночью стонетъ! Кабы вы около лежали,—ни за что вамъ не заснуть!—вотъ какъ онъ стонетъ! А вчера весь день ничего не ѣлъ, я мало собирала... только чернаго хлѣба купила, а онъ чернаго хлѣба не можетъ ѣсь, ужъ я ему всегда калачика притащу... А какъ вчера не притащила — онъ плакать началъ. Говоритъ: лучше ужъ безъ ноги сидѣть или помирать... говоритъ, хуже нѣтъ, какъ ѣсь нечего... и все плачетъ...

— Отчего же ты не работаешь? Вѣдь ты уже большая, могла бы помогать отцу... Вѣдь нищенствовать стыдно, да и заработаешь этимъ немного.

— Я, барынька, работала раньше, я коробочки для спичекъ дѣлала, и хорошо заработывала: шеснадцать копѣекъ за тысячу штукъ получала... Мнѣ, дай Богъ здоровья, „Братскій союзъ“ купилъ хорошую машинку... только теперь папаня слышать не можетъ, какъ она стучитъ,—вотъ я и перестала брать коробочки

— Это странно, почему же твой отецъ не можетъ привыкнуть къ стуку,—строго замѣтила барыня:—этимъ капризомъ онъ отрываетъ тебя отъ честнаго труда и пріучаетъ нищенствовать?.. Странно!

— У него голова больно ослабѣла... такъ ослабѣла, что иной разъ онъ долго безъ всякихъ чувствъ въ постели лежитъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—сказала барыня, перемѣняя разговоръ.—Отчего же ты не обратишься еще разъ въ „Братскій союзъ“ за помощью?

— „Братскій союзъ“ боленъ...

— Какъ?

— „Братскій союзъ“ боленъ, къ нему теперь никого не пускаютъ.

— Ты хочешь, вѣроятно, сказать, что больна госпожа Ѳадеева?

Анютка молчала, глядя большими, свѣтлыми, потухшими глазами на собесѣдницу.

— Ну, пока прощай!—сказала барыня.—Заходи ко мнѣ какъ-нибудь; я тебѣ старую свою кофту подарю, она побольше будетъ, а то въ этой тебѣ холодно. Вотъ мой домъ, видишь? Сѣрый, двухъ-этажный, я наверху живу.

Анютка поклонилась барынѣ чуть не въ ноги, и новыя знакомыя разстались.

II.

Анютка хорошо запомнила сѣрый двухъ-этажный домъ и высокую ласковую барыню, а мечта о большой кофтѣ, которая, конечно, свободно будетъ застегиваться на груди и вѣроятно имѣетъ длинные теплые рукава, даже тревожила ее во снѣ, какъ заманчивая греза.

Анюткѣ очень хотѣлось поскорѣе воспользоваться приглашеніемъ, но, просвѣщенная опытомъ, она соблюла срокъ, требуемый приличіемъ во взаимныхъ отношеніяхъ дающаго и принимающаго, и только черезъ нѣсколько дней появилась на кухнѣ, гдѣ была встрѣчена прекрасно.

Тактичное поведеніе Анютки было оцѣнено по достоинству въ сѣромъ двухъ-этажномъ домѣ. Кухарка сказала по этому поводу, что она „знаетъ честь“, горничная напоила ее чаемъ, а барыня назвала ее „деликатной дѣвочкой“ и подарила не только большую теплую кофту съ длинными рукавами, но еще юбку, головной платокъ и совершенно новыя валенки.

Анютка истово кланялась барынѣ въ ноги, барыня отступала, стыдила Анютку, говорила, что кланяться никому не слѣдуетъ, развѣ только одному Богу, но Анютка продолжала кланяться, и всѣ разстались вполнѣ довольные другъ другомъ.

Барыня весело принялась за прерванныя занятія, а сытая Анютка франтихой возвращалась домой и снова пара „рябчиковъ“ звенѣла въ ея карманѣ вмѣстѣ съ мелочью, которую ей удалось собрать утромъ.

Потомъ барыня забыла объ Анюткѣ.

Изрѣдка приходила она на кухню погрѣться, попить чайку; но горничная не докладывала господамъ объ этихъ посѣщеніяхъ. Иногда сама барыня случайно встрѣчала дѣвочку на лѣстницѣ или на улицѣ и давала ей всегда что-нибудь.

Сначала Анютка строго соблюдала приличіе промежутковъ въ нѣсколько дней между посѣщеніями; даже на улицѣ, встрѣчаясь съ барыней, она привѣтствовала ее только ласковой улыбкой, не протягивая первая руки за подаяніемъ, но затѣмъ, послѣ нѣкотораго времени, она постепенно измѣнила свое поведеніе, и однажды поступила даже совершенно безтактно: она сообщила на кухнѣ, что у мамани нѣтъ дровъ, совсѣмъ нѣту, и они сидятъ уже второй день въ нетопленной квартирѣ.

Горничная переглянулась съ кухаркой, но обѣ ничего не отвѣтили.

— А барыня дома?—робко спросила Анютка.

— Что-жъ, ты просить у ней хочешь?—сухо замѣтила ей горничная:—вѣдь и такъ сколько она вамъ даетъ! На шею сѣсть понравилось? Отчего у другихъ не просишь?

— Я вѣдь прошу, да не даютъ...

— А здѣсь напала на такихъ, которые даютъ, такъ все и будешь просить?

Анютка остереглась отвѣтить, но именно такое поведеніе представлялось ей совершенно естественнымъ.

На счастіе, барыня зашла въ кухню самостоятельно. Анютка разсказала ей о томъ, что у мамани нѣтъ дровъ, тѣми же словами, которыми разсказывала раньше. Слова были рѣже, но голосъ звучалъ фальшиво, какъ-то ужъ профессіонально жалобно, потому что теперь Анютка думала не о дровахъ, а объ упрекахъ горничной, и боялась услышать ихъ также отъ барыни. Но барыня не дѣлала никакихъ упрековъ.

Конечно, заявленіе Анютки пришлось ей немножко не по сердцу, она даже сама не понимала, почему? Вѣдь не денегъ же ей жаль,—какіе пустяки! Если дѣвочкѣ нужны дрова, то почему же ей не попросить ихъ?

Подумавъ мгновеніе, барыня почувствовала себя немножко виноватой, съумѣла скрыть промелькнувшее неудовольствіе и сверхъ мѣры удовлетворила желаніе Анютки.

Послѣ этого Анютка нѣкоторое время ходила грѣться, не предъявляя никакихъ требованій, и въ кухнѣ къ ней относились довольно милостиво, но однажды снова не вытерпѣла и попросила „чаю-сахару“ для папани.

— Іёнъ больной, все горяченькаго просить,—поспѣшно по-

яснила она, какъ бы опасаясь получить вмѣсто „чаю-сахару“ однѣ сухія укоризны.

Однако опасенія ея оказались напрасными—барыня вынесла чай и сахаръ, не говоря ни слова, зато горничная съ кухаркой нѣсколько начали коситься при появленіяхъ Анютки, которая, въ свою очередь, стала имъ кланяться въ ноги еще ниже, чѣмъ самой барынѣ.

Затѣмъ Анютка неожиданно прекратила свои посѣщенія, и сѣрый двухъ-этажный домъ не видалъ ее болѣе мѣсяца. За это время забыла о ней не только барыня, но и горничная съ кухаркой. Забыли до того, что когда она однажды вновь появилась на порогѣ, сильно исхудавшая, блѣдная, вытянувшаяся, то ее даже не узнали въ первую минуту.

— Съ нами крестная сила!—воскликнула кухарка:—ты ли это, Анютка?

— Я,—сказала Анютка, и устало опустилась на скамейку.

— Гдѣ это ты пропадала? что съ тобою?—продолжала допрашивать кухарка.

— Была... такъ...—отвѣтила Анютка, переводя дыханіе.

— Такъ! Это утки только такаютъ, а человѣкъ говорить долженъ! Можетъ, чаю хочешь?

Конечно, Анютка хотѣла чаю. Напившись и обогрѣвшись, она сказала сама, не дожидаясь вопросовъ:

— Сперва въ часть забрали... какъ тамъ ночь просидѣла, больно спугалась: крикъ, да драка, да пьяные—ой! ой!.. а потомъ свезли въ больницу...

— Да за что же тебя въ часть взяли?

— За милостыню... Никто ничего не подаетъ, а всѣ въ часть сажаютъ,—мрачно пояснила Анютка:—отъ части и заболѣла.

— Чѣмъ же ты была больна?..

— Говорю, отъ части... спугалась. Да братецъ, Петька, все потомъ меня ругалъ „каторжной“... говоритъ, кто въ части сидѣлъ, тотъ навсегда каторжный; я еще больше спугалась и заболѣла, а маманя въ больницу свезла... Папаня не хотѣлъ, потому что онъ мнѣ родной, а маманя—чужая... вотъ и свезла.

— Какъ такъ—чужая?

— Такъ. Она Петина маманя, а не моя.

— Тебѣ, значитъ, мачиха?

— А кто ее знаетъ!

Горничная, тронутая разсказомъ, доложила барынѣ.

Барыня вышла на кухню, снова разспросила Анютку, пожалѣла ее, постояла надъ нею и въ заключеніе дала денегъ.

Но этотъ успѣхъ какъ-то не пошелъ впрокъ Анюткѣ. Она начала дѣйствовать очертя голову, явно упускала изъ виду промежутокъ нѣсколькихъ дней, требуемый приличіемъ, ѣла слишкомъ жадно, а когда не ѣла, то во всѣ глаза смотрѣла на съѣдобное,—однимъ словомъ, „стала нахальничать“, какъ выражалась кухарка. Нѣсколько разъ горничная говорила ядовитости Анюткѣ; но та или не понимала ихъ, или притворялась непонимающей и только молча глядѣла впередъ своими большими испуганными глазами.

Барыня подавала часто, но теперь ужъ очень рѣдко звенѣлъ въ карманѣ Анютки свѣтленькій „рябчикъ“, а о томъ счастливомъ времени, когда тамъ бывало по два,—она и думать забыла.

— Развѣ ты одна просишь?—толковала ей кухарка:—развѣ на васъ всѣхъ напасешься? развѣ всѣхъ накормишь?

Барыня ничего не говорила, но теперь, при встрѣчахъ, взглядъ ея пріобрѣталъ скучающую неопредѣленность и небрежно скользилъ по грязному платку, которымъ была закутана голова Анютки; хорошо еще, что рука барыни по прежнему опускалась въ карманъ для подачекъ, хотя подачки эти становились все менѣе щедрыми.

Однажды барыня, протягивая Анюткѣ пятакъ, сухо сказала:

— Зачѣмъ ты, дѣвочка, такъ долго сидишь на кухнѣ? Обогрѣлась, поѣла, ну и ступай... Лучше бы матери чѣмъ-нибудь помогала, а то сидишь здѣсь, ничего не дѣлая...

Анютка испуганно встала и вышла. Однако эти слова барыни она не съумѣла принять какъ предостереженіе и, благодаря своему безтактному послѣдующему поведенію, ускорила кризисъ, который, впрочемъ, рано или поздно былъ неминуемъ.

Однажды горничная вошла въ комнату и сказала раздраженнымъ голосомъ:

— Тамъ опять Анютка пришла и не уходитъ,—хочетъ васъ видѣть...

Барыня была въ дурномъ расположеніи духа еще съ утра, и худшаго момента для переговоровъ Анютка не могла бы и выбрать.

— Ахъ, Боже мой, чего ей надо!—сердито откликнулась барыня:—вѣдь она и вчера была, и позавчера... теперь она положительно каждый день ходить начала!

— Сказать по совѣсти,—отвѣчала горничная,—развѣ эти люди стыдъ знаютъ? Вѣдь кабы это хорошіе были, а то—комедіанты, по ярмаркамъ танцовали! Чѣмъ больше имъ давать, тѣмъ больше они тянуть изъ васъ станутъ.

Очень не хотѣлось барынѣ видѣть Анютку; но она подумала, что потомъ ей будетъ стыдно, если она откажется выйти, и вышла.

— Что тебѣ надо, милая?—спросила барыня, голосомъ, не предвѣщавшимъ особеннаго успѣха.

— Съ квартиры гонютъ... вчера хозяйка всѣ вещи, всю одёжу позабирала, говоритъ, чтобы платили, или уѣзжайте,— бормотала Анютка, глядя въ уголъ печки своими большими испуганными глазами:—а папаня лежитъ на постели... если уходить намъ, то его куда дѣвать? Іёнъ не встанетъ.

Барынѣ сдѣлалось ужасно скучно.

— Вы бы какъ-нибудь иначе, милая, устроились,—заговорила она, также глядя въ сторону, на другой уголъ печки.— Что же я могу сдѣлать? Ну, я тебѣ дамъ сегодня заплатишь за квартиру, а черезъ мѣсяцъ ты опять придешь разсказывать, что васъ гонятъ? Этакъ—силъ не хватитъ! Вѣдь я сама не богатая; у меня баринъ вонъ до четырехъ часовъ сидитъ, чтобы на житье денегъ заработать. Посуди сама, что мнѣ съ вами дѣлать?

Анютка молчала и только перевела глаза съ печки на свои дырявыя валенки.

— Вѣдь васъ шесть душъ,—раздражаясь, продолжала барыня:—неужели ты думаешь, что я въ силахъ васъ всѣхъ содержать?

Анютка молчала.

— Хотя бы твоя мать на мѣсто поступила!

— Она чижолая, а чижолую на мѣсто не берутъ... Она говоритъ, лучше на масляную въ тіатерѣ плясать,—тогда заработаетъ.

— Какъ же она будетъ плясать тяжелой, что ты врешь!— замѣтила кухарка.

— Будетъ,—отвѣтила Анютка.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—воскликнула барыня, безпомощно оглядываясь.

— Ты бы сама служила,—сказала горничная:—вонъ какая дылда выросла.

— Я и хотѣла бы, да маманя говоритъ, чтобы служить, одёжа нужна; а Петька говоритъ, что я каторжная, а каторжныхъ, говоритъ, люди не берутъ къ себѣ въ домъ.

Въ кухнѣ даже никто этому не засмѣялся; а барыня только удивилась тому, чтобы большая, почти четырнадцатилѣтняя дѣвочка, могла говорить такія глупости!

Нетерпѣливо пожавъ плечами, она вынесла Анюткѣ требуе-

мыя деньги. Анютка осторожно завязала ихъ въ уголъ головного платка и, дѣловито запахнувъ свою кофту, опустилась на колѣни. Но барыня сегодня не стыдила ее, не поднимала, не говорила никакихъ увѣщаній, а тотчасъ же вышла изъ кухни, брезгливо отстранившись.

Анютка вскорѣ удалилась. Лицо ея вовсе не стало веселѣе отъ полученныхъ денегъ, что̀ подало поводъ горничной обозвать ее „неблагодарной“.

Немного времени спустя, барыня снова пришла на кухню и сказала:

— Право, не знаю, что̀ дѣлать съ этой дѣвчонкой? Вѣдь если она будетъ постоянно просить...

— И будетъ!—увѣренно отвѣчала кухарка:—эти ужъ какъ повадятся, такъ не отстанутъ, что̀ съ ихъ возьмешь?

— Эхъ, говорить только не хочется!—сказала горничная:—вѣдь она ужъ давно болтаетъ, что ихъ гонятъ съ квартиры...

— И мнѣ сколько разъ говорила,—прибавила кухарка, явно разсчитывая, что показаніе это усугубитъ вину подсудимой:—этакъ они и всѣ жалобиться пойдутъ, а развѣ со всѣмъ міромъ управишься... Гнать ее, вотъ и все.

— Ну, какъ же гнать?—возразила барыня:—гнать совѣстно... Вѣдь она постоянно ходитъ сама голодная, а у насъ всегда на столѣ и мясо, и птица... Она видитъ и, можетъ быть, думаетъ, что я скупая...

— Думаетъ? Чего ей думать! Деньги есть—вотъ тебѣ и мясо, и птица! Слава Богу, уже не малый ребенокъ, пора понимать.

Барыня вышла.

Происшествіе это случилось двадцатаго числа.

Баринъ пришелъ домой со службы веселый, съ деньгами, привезъ конфектъ и пирожныхъ; далъ денегъ на расходы, подарилъ на театръ, на булавки; но барыня все была какъ-то невесела. Мысли такія обыкновенныя приходили ей въ голову, что даже стыдно было говорить ихъ вслухъ. Неужели же сказать, что конфекты невкусны потому, что была Анютка, и развести по этому поводу канитель?

Стыдно и скучно!

Но все-таки барыня разговоръ начала:

— Сегодня была опять здѣсь эта дѣвчонка,—сказала она небрежно:—просто наказаніе! Что̀ съ ней дѣлать, не знаю! Ходитъ и ходитъ... Онѣ говорятъ: прогнать... но вѣдь совѣстно. Сегодня денегъ просила—говоритъ: съ квартиры гонятъ.

— Она ужъ это цѣлый мѣсяцъ говоритъ,—повторила горничная, подавая жаркое, и повторила съ тѣмъ же выраженіемъ отягчающаго для подсудимой вину обстоятельства, какъ и кухарка.

— Ну, конечно, если они не платятъ цѣлый мѣсяцъ, то ихъ, значитъ, и гонятъ цѣлый мѣсяцъ,—что же тутъ удивительнаго?—сказалъ баринъ, пожимая плечами.

— Конечно, такъ,—возразила барыня,—но если она и другой разъ придетъ, что мнѣ дѣлать?

— Дай и другой разъ, вотъ и все.

— Но это же невыносимо! Она все будетъ ходить, все просить, привыкнетъ эксплуатировать...

— Ходи сама къ ней, если не хочешь, чтобы она къ тебѣ ходила...

Барыня хотѣла еще возражать, но ей было непріятно дѣлать это въ присутствіи горничной; потому она только насупилась, и обѣдъ окончился въ полномъ молчаніи.

Послѣ обѣда барыня сердито оттолкнула отъ себя коробку съ конфектами; тогда баринъ придвинулъ ее къ себѣ и сталъ быстро уплетать ихъ одна за другою. Барыня встала, сердито отодвинувъ стулъ. Баринъ засмѣялся, догналъ барыню въ дверяхъ и ласково посадилъ ее на диванъ рядомъ съ собою.

Барыня заплакала.

— Ахъ, глупое дитя!—сказалъ баринъ:—если это тебя разстроиваетъ до того, что ты стыдишься даже ѣсть конфекты, то сдѣлай рѣшительный шагъ, который тебѣ вернетъ спокойствіе.

— Отстань отъ меня!—сказала барыня.

— Серьезно, поѣзжай сейчасъ же къ этой дѣвочкѣ, заплати еще впередъ за мѣсяцъ за ихъ квартиру, дай имъ на дрова, на хлѣбъ, на мясо, дай столько, сколько надо, и пріѣзжай назадъ... Тогда, можетъ быть, и конфекты покажутся тебѣ вкуснѣе.

— Вотъ ты насмѣхаешься, а я на зло поѣду! И поѣду! И поѣду!—воскликнула барыня.

— Да я не насмѣхаюсь, а говорю серьезно...

— Вотъ же на зло сейчасъ поѣду, сію минуту!—упрямо повторила барыня, топая ножкой.—Вотъ тогда посмотримъ!

Баринъ улыбался.

— Марья, подайте мнѣ теплыя ботинки, а потомъ сходите за извозчикомъ!

Черезъ минуту барыня была готова, сѣла въ сани и оттуда, ласково улыбаясь, кивала барину, который глядѣлъ на нее изъ окошка гостиной.

III.

Долго пришлось тащиться извозчику.

Сперва взбирался онъ на гору, потомъ началъ спускаться внизъ, по дорогѣ, извивавшейся между двумя оврагами, крутыми, засыпанными снѣгомъ. Было очень страшно ѣхать. Разъ сани накренились такъ, что барыня вскочила на ноги и отъ страха крѣпко обняла извозчика за шею.

Наконецъ, доѣхали до такого мѣста, гдѣ исчезала всякая санная дорога. Лошадь остановилась, барыня вышла, потому что надо было дальше идти пѣшкомъ.

Приходилось спускаться все внизъ и внизъ, къ безпорядочно раскинутому озеру крышъ, узенькихъ проулочковъ, заборовъ прямыхъ, покосившихся, полу-разрушенныхъ, за которыми изрѣдка попадались граціозныя группы деревьевъ съ обнаженными вѣтвями. Здѣсь все казалось какъ-то меньше, чѣмъ въ городѣ,—и улицы, и дома, и заборы. Если же изрѣдка попадалось большое дерево, то оно производило впечатлѣніе гиганта, а когда встрѣчался человѣкъ обыкновеннаго роста, барыня принимала его за великана.

Однако на всемъ этомъ заброшенномъ мѣстѣ лежала теперь печать красоты и кроткой поэзіи. Дома, заборы, улица,—все было опушено чистой пеленой сверкающаго инея; деревья, укутанныя серебряными иглами, стояли, поднявъ къ небу обнаженныя вѣтви, такъ тихо, точно боялись лишиться своего убора, а съ горныхъ высотъ тихонько спускалась въ этотъ оврагъ безвѣтренная морозная ночь, и прощальные лучи заходящаго солнца сыпали алмазы на тонкія иглы инея.

Все здѣсь дышало такой мирной красотою, что барыня даже остановилась около крошечной покосившейся избушки, убранной въ серебро инея, съ соломой, пересыпанной брилліантами, и теперь ей даже захотѣлось сидѣть у этого подслѣповатаго окошка и смотрѣть, какъ зеленое пузырчатое стекло отражаетъ радугу заката.

Но вдругъ гдѣ-то стукнула дверь, и, сверкая, посыпались серебряныя звѣзды инея съ деревьевъ, съ крышъ, съ заборовъ на землю... Затѣмъ грубыя ругательства нарушили тишину вечера.

Барыня оглянулась: это вылетѣлъ изъ кабака пьяный мастеровой. Онъ шелъ шатаясь, отбиваясь отъ городового, падая, ругая, проклиная все на свѣтѣ; а сзади его тащились три жен-

щины, тащились молча, скрывая свои избитыя лица съ плачущими глазами.

Барыня испуганно убѣжала въ переулокъ. Тамъ она встрѣтила нѣсколько мальчишекъ, которые катались съ горы на доскахъ, замѣнявшихъ имъ саночки.

На вопросъ барыни, здѣсь ли живетъ Анютка, одинъ указалъ куда-то вдаль, высоко поднимая палецъ; другой остановился и моргая рѣсницами, на которыхъ также лежало серебро инея, спросилъ у товарищей:

— Ай, братцы, показать ей?..

Но, не встрѣтивъ у нихъ сочувствія, сталъ взбираться на гору, прилаживая доску.

Барыня пошла дальше, минуя кучи золы, кучи навозу, проходя мимо ямокъ, выкопанныхъ въ снѣгу, куда хозяйки сваливали отбросы и гдѣ теперь суетились вороны.

Барыня шла до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не уткнулась въ стѣну, съ узенькой тропинкой, протоптанной среди снѣга. Барыня мужественно начала подниматься по этой тропинкѣ, но на половинѣ пути остановилась, изнеможенная: вверхъ взобраться она не могла, сойти внизъ—боялась.

— Давай руку, что-ли!—услышала барыня надъ собою добродушный голосъ и, поднявъ вверхъ глаза, увидала старичка съ клюкой и сумою, который сочувственно глядѣлъ на нее.—Или, лучшь, хватайсь за палку, я потяну...

При посредствѣ клюки, барынѣ удалось взобраться на верхъ довольно благополучно.

— Анютку-те ищешь? Рабята сказывали, да ты не той дорогой пошла,—продолжалъ старикъ, обращаясь съ ней какъ со старой знакомой:—вонъ живетъ Анютка.

Старикъ указалъ на ворота, гдѣ виднѣлась полу-аршинная бѣлая вывѣска, на которой была изображена черная рука съ угрожающимъ жестомъ, указывавшая на черный сапогъ—очевидную эмблему починки, а внизу стояло лаконическое слово: „въ-ходъ!“

Барыня поблагодарила провожатаго и пошла къ дому; но когда она уже подходила къ избушкѣ, тепло закутанной навозомъ, съ двумя окошечками, выглядывавшими изъ-подъ растрепанной крыши, за ней раздался голосъ старика, но какой-то оффиціальный, дѣланный и вовсе не похожій на прежній:

— Пожалуйте, милостивица, хворенькому на пропитаніе, во имя Отца-Сына-Духа Святого—аминь!

Барыня подала; старикъ, вздохнувъ изъ приличія, побрелъ своей дорогой.

У воротъ барыня встрѣтилась съ женщиной, несущей ведро съ водою, которая оказалась хозяйкой дома, псаломщицей Вѣнценосцевой.

— Вамъ Анютку? Родителей? Да, да, здѣсь живутъ! Комедіанты? Такъ, такъ; только они не въ домѣ, а во флигелѣ... вонъ тамъ.

Флигель представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ трехъ-угольной палатки, вымазанной глиной, съ соломенной крышей, надвинутой на остріе треугольника, подобно головкѣ гриба.

Хозяйка поставила ведра на крыльцо дома и принялась стучать въ окошко, которое изнутри облѣпилось женскими и дѣтскими головами.

— Анютка вѣдь у меня играетъ съ ребятами... я ее, ради Христа, часто держу у себя... Анютка! Анютка, выди-кась, проводи барыню!

Изъ дверей хозяйскаго дома выбѣжала Анютка, полу-раздѣтая, веселая, сіяющая, еще не остывшая отъ жаркаго увлеченія игры съ дѣтьми.

Увидѣвъ барыню, она подобралась, сдѣлала постное лицо и степеннымъ шагомъ повела ее къ родителямъ.

У порога барыня остановилась, вынула изъ портмонé деньги, сунулу ихъ за перчатку и тогда ужъ послѣдовала за Анюткой.

Прежде всего барыня увидала пылающее жерло печки, около котораго суетилась высокая женщина съ правильными чертами лица, съ узкими, но загрубѣлыми руками. Тутъ же, на табуретѣ, близко придвинутомъ къ огню, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ одиннадцами и, при свѣтѣ пляшущихъ бликовъ пламени, читалъ какую-то книжку. Около него, на уголкѣ табурета, примостился черный котъ и, мурлыкая пѣсенку, потиралъ бархатную спину объ руку хозяина.

Въ глубинѣ помѣщенія виднѣлись нары съ лежащимъ на нихъ человѣкомъ, съ силуэтами двухъ дѣтей, сидѣвшихъ около; нѣсколько табуретовъ, столъ, да еще какой-то скарбъ, развѣшенный по стѣнамъ.

— Здравствуйте!—сказала барыня.

— Здравствуйте!—отвѣчала хозяйка, поставивъ ухватъ въ уголъ.

— Мое почтенье-съ!—откликнулся издали мужчина.

Мальчикъ всталъ съ табурета, столкнувъ кота, и поклонился вѣжливо, граціозно, такъ, какъ кланяются только хорошо воспи-

танныя дѣти, живущія въ чистыхъ помѣщеніяхъ, посреди хорошей обстановки, а не въ подобныхъ лачугахъ.

Затѣмъ онъ сѣлъ опять, и котъ снова вскочилъ за нимъ на свое мѣсто.

— Принеси лампу отъ хозяйки!—сказала женщина Анюткѣ.

Анютка выбѣжала изъ комнаты и вскорѣ появилась съ горящей лампой.

Теперь барыня увидала, что на нарахъ лежитъ еще не старый мужчина, атлетическаго тѣлосложенія, съ живописнымъ лицомъ, украшеннымъ черной кудрявой бородой и такими же широкими бровями, отъ которыхъ его бѣлый выпуклый лобъ казался еще блѣднѣе.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ пяти и дѣвочка поменьше. Дѣти походили на восковыя фигурки со своими безкровными лицами и прозрачными желтыми ушами. Мальчикъ не глядѣлъ на барыню: въ это время онъ вынималъ изо рта кусокъ разжеванной булки, клалъ ее въ оловянную ложечку и уже съ этой ложечки кормилъ сестрицу, которая, щурясь отъ свѣта, пожирала глазами незнакомую особу.

Но больше всѣхъ заинтересовалъ барыню старшій мальчикъ. Лицо его отличалось изысканностью очертаній; темные глаза, опушенные длинными рѣсницами, глядѣли отчужденно, застѣнчиво; красиво очерченныя губы выражали не-дѣтскую заботу.

Барыня чувствовала себя здѣсь неловко.

— Что это вы читаете?—спросила она мальчика и положила ему руку на плечо.

Тотъ не отстранился, хотя видно было, что хотѣлъ сдѣлать это, но взглянулъ на барыню такими проницательными, взрослыми глазами, что она, вспыхнувъ, сама отстранилась.

— Такъ, пустяки,—отвѣтилъ онъ застѣнчиво.

— Прошу покорно присѣсть,—сказала хозяйка, прерывая неловкое молчаніе.

Барыня прошла къ столу, на которомъ лежали совершенно необыкновенные предметы: зеленая тарлатановая юбка и красный корсажъ бумажнаго атласа.

Женщина прибрала эти вещи, пододвинула гостьѣ табуретъ и сказала въ поясненіе:

— Это мнѣ хозяинъ балагана велѣлъ поправить къ масляной... надо расшить, чтобы по фигурѣ было... тогда и незамѣтно станетъ мое положеніе...

— Но неужели же вы...—начала барыня дрогнувшимъ голосомъ и умолкла.

— О, это пустяки!—отвѣчала женщина, стараясь говорить весело.

Мальчикъ, закусивъ губу, вглядывался въ глубину пылающихъ головешекъ.

— Я васъ нашла, право, какимъ-то чудомъ,—сказала барыня, стараясь быть развязной:—я даже адреса не знала... Анюта говорила, что въ оврагѣ; вотъ я наудачу и поѣхала...

— Тутъ всѣ другъ друга знаютъ,—съ улыбкой отвѣтила хозяйка.

— Ма-ма!—закричала вдругъ дѣвочка и, смѣясь, протянула прозрачныя ручонки.

Мать посадила ее къ себѣ на колѣни.

— Что это дѣти ваши такія блѣдныя?—спросила барыня:—точно восковыя.

— Свѣта божьяго не видятъ-съ!—неожиданно раздался голосъ атлетическаго мужчины.

Барыня слегка вздрогнула, но тотчасъ же повернулась къ нарамъ, желая поддержать разговоръ.

— Отчего же?—сказала она:—вы боитесь, что они простудятся? Или они вообще слабыя?

— Такъ-съ... Изъ этого подвала они уже давно не выходятъ-съ.

— Но почему же?

На это никто ничего не отвѣтилъ, и только ужъ послѣ продолжительнаго молчанія раздался откуда-то голосъ невидимой Анютки:

— У ихъ никакой одёжи нѣту...

Затѣмъ всѣ опять умолкли.

Наконецъ барыня встала, красная, съ дрожащими губами. Она взяла хозяйку за руку и, отведя ее за уголъ печки, чтобы не видалъ старшій мальчикъ, прошептала:

— Вотъ... деньги... Пока немного, вы справьте что̀ нужно... Потомъ я еще привезу... и не надо вамъ плясать въ балаганѣ... ради Бога, не надо!

Она подала женщинѣ кредитки, уже приготовляясь, въ глубинѣ души, защищаться противъ ея благодарности, но приготовилась совершенно напрасно. Женщина смущенно повертѣла деньги въ рукахъ, потомъ положила ихъ на табуретку и прерывистымъ голосомъ пробормотала только нѣсколько непонятныхъ, едва слышныхъ словъ.

— Пока, до свиданія,—сказала барыня:—вы мнѣ позволите заходить къ вамъ изрѣдка?

Женщина молча поклонилась; но теперь быстро, нервно заговорилъ мужчина.

— Сударыня, я, было, не хотѣлъ безпокоить васъ собою, потому что, вижу, вы и такъ очень добры къ моему семейству, къ Анютѣ. Но не выдержалъ-съ! Не выдержалъ-съ! И теперь уже буду просить васъ о себѣ... Сударыня, походатайствуйте, чтобы меня помѣстили въ больницу! Я здѣсь задыхаюсь, я не привыкъ къ такому мраку, къ грязи, къ духотѣ! Я жилъ на свѣжемъ воздухѣ. Я бы и поправился на свѣжемъ воздухѣ.' А здѣсь—невозможно! Это яма! Яма! Яма! Помилуйте, я человѣкъ здоровый, я игралъ за атлетовъ на сценѣ, я пятипудовыя гири, въ случаѣ надобности, могу ворочать,—и вдругъ меня заточили въ подвалъ! Вѣдь я свѣта не вижу ни днемъ, ни ночью,—у насъ лампы нѣтъ, только одна печка-съ! И печку нарочно топимъ вечеромъ, чтобы хоть немножко на огонь посмотрѣть. У меня еще къ тому же стали дѣлаться головокруженія, и несмотря на все это... выписали изъ больницы!

— Но мнѣ Анюта говорила, что вамъ предлагали дѣлать операцію?

— Рѣзать-съ? Нѣтъ-съ!—отвѣчалъ онъ, нервно размахивая рукою:—нѣтъ, не отдамъ я своей ноги на поруганіе... Что это такое? И гдѣ это видано—у акробата рѣзать ногу? Имъ собакъ своихъ кормить стало нечѣмъ, такъ они хотятъ пустить ихъ на дешевый кормъ, на человѣческое мясо? Но я не желаю! Но для меня это слишкомъ дорого-съ! Дорого-съ! Я самъ хочу пользоваться собственной ногой... Вѣдь бѣднымъ свои ноги такъ же нужны, какъ и богатымъ... пожалуй, еще нужнѣе-съ!

— Полно ужъ!—вполголоса сказала женщина, и атлетическій мужчина послушно умолкнулъ.

— Я попрошу доктора, чтобы онъ положилъ васъ въ больницу,—сказала барыня:—только не знаю, удастся ли мнѣ уговорить его отказаться отъ операціи.

— Прошу-съ! Покорнѣйше прошу-съ похлопотать!—настоятельно-сердито повторялъ больной, пока, наконецъ, не закашлялся.

Старшій мальчикъ подалъ отцу воды. Младшій, освобожденный на время отъ обязанностей няньки, теперь смотрѣлъ на барыню; но и въ его глазахъ кромѣ любопытства также замѣчалось безсознательное отчужденіе.

— Ну, теперь я пойду, а то вонъ уже какъ стемнѣло,—сказала барыня, поднимаясь съ табурета:—до свиданья, я скоро опять къ вамъ заѣду.

— Счастливаго пути-съ!—отвѣчалъ мужчина.

Мальчикъ снова отвѣсилъ гостьѣ изысканно вѣжливый поклонъ. Хозяйка отворила ей дверь и тихо сказала:

— Благодарю васъ, очень, очень вамъ благодарна.

Анютка выскочила изъ темнаго угла и подошла къ столу, чтобы унести лампу.

— Оставь!—крикнулъ отецъ съ негодованіемъ.

— Хозяйка сказала взять, какъ уйдетъ барыня,—настаивала Анютка.

— Оставь!—яростно повторилъ отецъ, и Анюта безъ лампы выскочила на дворъ.

Заглянувъ случайно въ низенькое окошечко, барыня увидала, что атлетическій мужчина сидитъ на кровати, чуть ли не подпирая потолка головою, и, вытянувъ впередъ больную ногу, говоритъ что-то, яростно жестикулируя. Увидѣла она также старшаго мальчика, который уже примостился у стола около лампы и, заткнувъ уши, пожиралъ глазами раскрытую книгу.

— Проведи меня теперь къ хозяйкѣ! — сказала барыня Анюткѣ.

— Въ домъ идите, вотъ сюда, а потомъ сюда!—заботливо указывала дорогу Анютка. Сперва она открыла дверь, ведущую въ игрушечныя сѣни, затѣмъ дверь такой же игрушечной передней и, наконецъ, уже ввела барыню въ кухню, за которой находилась чистая горница.

Въ чистой горницѣ сидѣло четыре женщины. Одна изъ нихъ держала на рукахъ крошечнаго младенца; другая, стоя возлѣ на колѣняхъ, примѣряла ему сѣренькій пуховый чепчикъ; остальныя стояли около, внимательно наблюдая. Младенецъ вздрагивалъ отъ восторга всѣмъ тѣломъ и смѣялся беззубымъ ртомъ. Смѣялись также и женщины.

— Здравствуйте!—сказала барыня, выходя изъ темной кухни въ полосу свѣта.

— Здравствуйте,—отвѣтило ей четыре голоса.

— Скажите, пожалуйста, какъ вамъ не жаль...—начала барыня, но вдругъ, запнувшись, обратилась къ Анюткѣ:—Которая же изъ нихъ хозяйка? я теперь не могу узнать.

Но прежде чѣмъ Анютка подняла палецъ, чтобы указать на хозяйку, одна изъ женщинъ медленно подошла и величественно сказала:

— Я хозяйка, развѣ не узнаете?

— Я принесла вамъ деньги за квартиру, вотъ получите еще за мѣсяцъ,—сказала барыня:—и прошу васъ, не выгоняйте ихъ

въ другой разъ, если они во-время не заплатятъ... Вѣдь это безчеловѣчно...

Барыня хотѣла еще говорить, но хозяйка не дала ей кончить. Съ видомъ оскорбленной королевы она медленно подступила къ гостьѣ и переспросила съ саркастическою улыбкой:

— Это я ихъ выгоняла изъ квартиры? Да? Кто? Я? Я ихъ выгоняю?—тутъ она сдѣлала небольшую паузу, вслѣдъ за которой многозначительно прибавила:—никогда я еще никого не выгоняла,—хоть ихъ всѣхъ спросите.

И плавнымъ жестомъ лѣвой руки она указала на другихъ женщинъ.

— Это тебѣ, Митревна, за твое доброе такая отместка,—сказала одна, покачивая головой.

— И гдѣ только такіе клеветники родятся!—воскликнула другая.

— Да еслибы кто и пожелалъ выгнать этихъ доносителей, то нельзя: развѣ онъ можетъ нанять себѣ что-нибудь другое?—сказала третья.

Барыня вовсе упала духомъ и сердито оглянулась на Анютку.

— Зачѣмъ же ты мнѣ сказала?—спросила она съ негодованіемъ.

Анютка молчала, тупо глядя барынѣ въ самые зрачки глазъ, и даже не моргая при этомъ.

— Зачѣмъ же ты мнѣ соврала?—повторяла барыня:—какъ тебѣ не стыдно!

Анютка молчала, и было совершенно неизвѣстно, стыдилась ли она своего поступка, или нѣтъ.

Между тѣмъ поведеніе хозяйки начало рѣзко измѣняться, и отъ величаваго спокойствія перешло постепенно въ состояніе нервнаго аффекта. Она ходила по комнатѣ, качала головой, размахивала руками и все говорила презрительно медленнымъ фальцетомъ:

— Это что же? Да это какъ же? Да этакъ всякій будетъ приходить ко мнѣ въ собственный домъ и порочить? А я буду всю эту ересь-ерунду обѣими ушами слушать, да молчать? Но я не позволю! Ни слова, ни полу-слова, не дозволю сказать про себя дурного.

— Я, право, не виновата,—оправдывалась барыня:—кто-жъ могъ предполагать, что она такая лгунья. Еще разсказала, что вы у нея забрали платье!..

Тутъ барыня внезапно остановилась, такъ какъ вдругъ сообразила, что совершаетъ предательство; но и сказаннаго было

довольно. Хозяйка всплеснула руками и разразилась театральнымъ хохотомъ.

— Я у тебя платье забрала?—воскликнула она, подходя къ Анюткѣ.—Можетъ, еще что? Ужъ говори, не утаивай передъ покровительницей,—она пожалѣетъ! Можетъ, я все добро твое къ себѣ позабирала? Такъ ищи, бери назадъ поскорѣе свое имѣніе!

Анютка молчала и теперь смотрѣла, не сводя глазъ, будто очарованная, съ разъяреннаго лица хозяйки.

Тутъ началъ кричать младенецъ, перепуганный суматохой; женщины засуетились возлѣ него, еще больше пугая его своимъ участіемъ; а барыня, окончательно уничтоженная, смиренно говорила:

— Простите меня! увѣряю васъ, мнѣ очень жаль, я вѣдь не хотѣла васъ обидѣть.

— Полно ужъ, Митревна, чего тамъ! — сказала одна изъ женщинъ, качая что есть силы люльку съ всхлипывающимъ ребенкомъ:—Довольно... А то какъ купоросъ купоросится.

— Конечно, я успокоюсь! если порядочная дама и говоритъ, чтобы я извинила,—милостиво согласилась хозяйка,—но только я себѣ представить не могу, зачѣмъ понадобилось ей порочить мое имя? И... ахъ! ахъ! Этакъ сразу вы мнѣ объявили... а голова у меня слабая, къ словамъ отзывчивая... чуть что—сейчасъ круженіе дѣлается, и темно въ глазахъ, и все прочее.

— Ужъ извините меня,—повторяла барыня,—да и Анютку простите; я, право, не знаю, зачѣмъ она мнѣ лгала.

— Да ужъ, вѣрно, придется простить, — отвѣчала хозяйка, изнеможенно опускаясь на деревянный стулъ: — сердца у меня ни на кого нѣтъ, совсѣмъ-таки нѣтъ никогда сердцовъ! А, правду сказать, и дѣвчонка-то ужъ больно уважительная да ласковая... И чего ты такъ нагрѣшила, а?

Анютка молчала.

— Поклонись, глупая, попроси прощенія! — посовѣтовала одна изъ женщинъ.

Анютка начала отбивать одинъ за другимъ поклоны; но дѣлала это такъ равнодушно, съ такимъ деревяннымъ лицомъ, будто это былъ не живой человѣкъ, а машинка, заведенная на извѣстное количество времени.

— Хорошо,—говорила ей въ это время хозяйка:—на первый разъ я тебя прощу, но ужъ на второй разъ... не ожидай... Вотъ теперь ты у меня цѣлые вечера съ ребятами играешь въ теплѣ, а тогда ужъ я и на порогъ тебя не пущу.

Анютка все кланялась.

— И дура-то какая! Пришла бы ко мнѣ, посовѣтовалась бы: — „вотъ, молъ, такъ и такъ, можно ли госпожѣ такъ объ васъ объявить?“ Ну, я бы дала свое соизволеніе, и теперь тебя бы покрыла... Да брось ужъ ты кланяться! — прибавила она и засмѣялась.

Анютка повиновалась; но лицо ея сохранило прежнее деревянное выраженіе.

— Вотъ ты говоришь, что я ваше имѣніе забрала, — уже шутливо сказала хозяйка, послѣ нѣкотораго молчанія, а сама взяла лампу: — а назадъ не вернула... Почему такое? У насъ кухня оттого стоитъ темная.

— Папаня не велѣлъ,—отвѣтила Анютка хриплымъ голосомъ.

— Пожалуйста, прошу васъ, оставьте имъ лампу,—сказала барыня.—Этотъ старшій мальчикъ такъ любитъ читать, что даже передъ печкой сидитъ съ книгой.

— Петька-то? — хозяйка неожиданно расхохоталась: — его родители, вишь, вѣрно въ енералы хотѣли вытянуть! Мы его „фелмаршаломъ“ все дразнимъ, такой онъ гордый... А чего гордиться-то? Что въ школѣ хорошей раньше учился,—вотъ и все! Теперь, какъ обѣдняли, да оттуда взяли, онъ и осовѣлъ вовсе, даже на родителевъ смотрѣть не хочетъ.

— Бѣдный мальчикъ!

— Бѣдный? Ну, нѣтъ! Просто балованный,—не хочетъ настоящимъ понятіямъ учиться! Просто баловень,—не желаетъ сообразить, что нищему не пристало съ благородными учиться! А родители, вмѣсто того, чтобы его уму-разуму наставить, сидятъ надъ нимъ, да подчасъ и плачутъ.

— Гдѣ же онъ раньше учился?

— Въ городѣ гдѣ-то; говорятъ, лучшій ученикъ былъ; а теперь посудите сами — изъ оврага въ городъ тащиться—однихъ сапоговъ сколько износишь, а у нихъ сапоги на всѣхъ одна пара, общая, значитъ... Вотъ онъ этого ничего въ резонтъ не принимаетъ, фордыбачитъ, а мать въ ёмъ души не чаетъ.

Барыня уже больше не выражала состраданія къ гордому Петькѣ и поспѣшила откланяться.

— Вы бы посидѣли, чайку напились бы,—упрашивала гостепріимная хозяйка.

Барыня, поблагодаривъ, рѣшительно отказалась отъ угощенія и вышла, сопровождаемая полу-раздѣтой Анюткой.

— Ну, теперь скажи мнѣ, зачѣмъ ты соврала? — спросила барыня, останавливаясь посреди игрушечной передней.

Анютка продолжала хранить молчаніе.

— Я вѣдь не стану тебя бранить, только мнѣ хочется знать, зачѣмъ ты соврала?—допрашивала барыня вовсе не сердито, такъ какъ она себя чувствовала также виноватой передъ Анюткой.

Но послѣдняя упорно молчала.

— Почему ты не призналась мнѣ, когда шла къ хозяйкѣ?—продолжала барыня; но и на это отвѣта не получила.

Нетерпѣливо пожавъ плечами, она вышла за ворота и съ наслажденіемъ вдохнула въ себя свѣжій морозный воздухъ.

Уже совершенно стемнѣло.

Голубыя косыя тѣни потянулись отъ маленькихъ домиковъ черезъ улицу, оттѣняя еще больше бѣлизну снѣга; гдѣ-то сбоку выплывала на небо полная луна, тихо выглядывая изъ-за деревьевъ, какъ бы разубранныхъ кисеею; заборы и крыши переливались алмазной пылью; въ воздухѣ рѣяло чье-то серебристое дыханіе, а вдали, далеко вдали, мелькали тусклыя звѣзды городскихъ фонарей.

Барыня шла впередъ; и этотъ убогій оврагъ казался ей теперь гигантской хрустальной чашей, переполненной—не горемъ и нуждою, какъ то было въ дѣйствительности, — а сказочнымъ спокойствіемъ, радостью отдыха и благосклонными призраками, которые тихо слетали съ неба, неся съ собою благую вѣсть облегченія.

Барыня шла, дышала и мечтала, какъ вдругъ замѣтила около своей тѣни другую, бѣжавшую рядомъ.

Испуганно оглянувшись, барыня увидала Анютку, которая бѣжала за ней въ припрыжку въ одной оборванной ситцевой юбчонкѣ и бумазейной кофтѣ.

— Зачѣмъ ты идешь за мной? — съ удивленіемъ спросила барыня.

— Проводить, — пробормотала Анютка.

— Ступай домой, вѣдь ты простудишься,—приказала барыня.

Анютка мгновенно повиновалась.

IV.

Пріѣхавъ домой, барыня сейчасъ же разсказала о проступкѣ Анютки.

— Представьте, Анютку вовсе никто не выгонялъ изъ квартиры, она все налгала! Мнѣ было такъ неловко, ея хозяйка такъ разобидѣлась.

— Вотъ мерзкая дѣвчонка!—сказала кухарка:—выпороть бы

ее за это надо... Ужъ не даромъ я чуяла что-то неладное, все время чуяла, только ужъ говорить не хотѣлось... Такая попрошайка! Я вамъ, барыня, не признавалась, а она и меня разъ подъ грѣхъ подвела, ужъ простите ради Христа!

— Что такое?

— Разъ не было васъ дома, а она явилась, да начала упрашивать, чтобы я ей дровъ дала; говоритъ, сидятъ въ нетопленномъ домѣ... Я сжалилась и полѣнъ десятокъ ей подарила; а она вотъ какъ насъ благодаритъ, безсовѣстная!

— Но какъ же она ихъ дотащила до оврага!

— Какъ! Очень просто, завязала веревкой и понесла... Вотъ нѣжности! Она бы и больше потащила, только бы дали.

— Вотъ вы, барыня, все сюда разныхъ прощалыгъ приводите, — сказала съ упрекомъ горничная,—а у меня иногда сердце въ пятки уйдетъ, какъ они у насъ тутъ сидятъ... ну, думаю, какъ — не къ мѣсту будь сказано — они насъ тутъ обворуютъ еще!

— Глупости,—сказала барыня, чувствуя себя нѣсколько виноватой.

— Вамъ все глупости! А ужъ эту Анютку, какъ хотите, я теперь и на порогъ не пущу.

— Она и сама, навѣрно, не придетъ къ намъ больше, — возразила барыня.

Но предсказаніе это не исполнилось; на слѣдующій же день въ кухнѣ опять появилась обвиняемая.

— Безстыдница, попла вонъ отсюда! — привѣтствовала ее кухарка: — такую заварила кашу, наврала, насплетничала и еще ходитъ.

— Глаза безстыжіе, потому и ходитъ,—отозвалась горничная.

— Меня папаня прислалъ проститься, — отвѣчала Анютка, тономъ, показывающимъ, что сама бы она ужъ во всякомъ случаѣ сюда не явилась.

— Какъ проститься? развѣ ты куда-нибудь ѣдешь?

— Нѣтъ. Просить барыню, чтобы онѣ простили. Говоритъ, если сегодня не простятъ, то еще бить буду.

— Значитъ, онъ уже тебя билъ?

— Билъ;—Анютка закусила губу и покачала головой:—какъ барыня уѣхала, хозяйка къ намъ пришла жалобиться, зачѣмъ я такъ нехорошо сдѣлала. Они говорятъ, что какъ они вдовы, и что какъ они еще съ мужемъ прожили двадцать лѣтъ безпорочно въ духосошественскомъ приходѣ, то теперь я не смѣю на нихъ взводить напраслину.

— И справедливо,—подтвердила кухарка.

— Папаня тоже такъ сказалъ, — продолжала Анютка какимъ-то безпристрастнымъ тономъ:—какъ хозяйка ушла, онъ велѣлъ мнѣ стать около кровати и ремешкомъ билъ.

— А ты бы убѣжала!

— Какъ убѣжать, когда ему за мной нельзя погнаться? — объяснила Анютка:—вѣдь у него нога больная.

Кухарка расхохоталась.

— Вотъ дура-то! такъ тебѣ же лучше: не была бы бита!

— Нѣтъ,—качая головой, возразила съ убѣжденіемъ Анютка: —больному развѣ можно перечить? Это грѣхъ.

— Все равно, не отецъ,—мать бы прибила.

— Маманя не бьетъ. Она говоритъ: „не моя дочь, какая мнѣ забота?“ Она и Петьку не бьетъ, только Лизку иногда потреплетъ.

Кухарка пошла доложить въ горницы про Анютку и, помирая со смѣху, разсказала тамъ ея разговоръ съ ней.

Увидѣвъ барыню, Анютка, по обыкновенію, подобрала полы кофты и пала на колѣни; но сдѣлала она это сегодня лѣниво, безъ малѣйшаго воодушевленія.

— Прошу прощенія, — бормотала она, стукаясь лбомъ объ полъ:—прошу прощенія.

Барынѣ тоже было скучно. Она устало велѣла Анюткѣ подняться, и когда та исполнила приказаніе, сказала:

— Ну, теперь признайся, зачѣмъ ты мнѣ вчера наврала?

— Хозяйка говоритъ, что я за васъ Богу должна молить, а я на...—тутъ Анютка какъ-то захлебнулась, глубоко вздохнула и потомъ только окончила: —врала...

— Хорошо, хорошо... Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, почему ты, когда мы шли къ хозяйкѣ, не разсказала мнѣ этого по дорогѣ?

— Да развѣ же я знала, что вы станете имъ жалобиться?— вырвалось у Анютки; и въ этомъ отвѣтѣ прозвучалъ такой рѣзкій, такой нетерпѣливый крикъ страданія, онъ такъ противорѣчилъ тѣмъ заученымъ словамъ, которыя обвиняемая бормотала раньше, что сердце барыни вдругъ сразу раскрылось, откликнулось и переполнилось состраданіемъ.

— Ну, мое милое, мое бѣдное дитя, Господь съ тобою, не печалься!—сказала она, кладя свою бѣлую руку на грязный платокъ, покрывавшій голову Анютки, и въ это время сама чуть не заплакала.

Но тутъ случилось совершенно непредвидѣнное обстоятельство. Анютка вдругъ упала снова на колѣни, обхватила ноги ба-

рыни обѣими руками, прижалась къ ней головой и закричала и зарыдала какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ.

Барыня наклонилась къ ней, ласково трясла за плечи, цѣловала въ голову; но не могла ни утѣшить Анютки, ни освободить свои ноги отъ ея объятій.

Анютка продолжала кричать, хотя уже не такъ громко, какъ прежде, и что-то причитывать...

Да, да! она соврала, она обманула свою добрую барыню, и неправда, что̀ говоритъ хозяйка, будто это маманя научила ее соврать,—неправда. Она сама все придумала,—маманя даже не знала ничего! Да, она соврала; но что̀ же ей было дѣлать? Подаютъ рѣдко, а въ участокъ уже два раза таскали! Маманя посылаетъ просить, говоритъ: иначе и не ѣшь, — а городовой въ участокъ тащитъ... А ужъ какъ страшно въ участкѣ, ужасъ! Она очень боится участка, и такая дура, что ее постоянно ловятъ... другихъ дѣвчонокъ не хватаютъ, а ее хватаютъ! А придешь домой, Петька ее каторжной ругаетъ; а развѣ она виновата, что ее посылаютъ просить? Петька и гордый оттого, что въ училищѣ учился и книжки читаетъ; а еслибы его посылали милостыню просить, онъ бы тоже просилъ! А теперь сидитъ дома и ругаетъ ее нищенкой... И никто ее не жалѣетъ, потому что папаня больной, а маманя—чужая...

— Но, милая дѣвочка, — говорила барыня, цѣлуя голову Анютки,—почему же ты мнѣ всего не разсказала раньше? Вѣдь я бы тебя тогда пожалѣла.

— А какъ разсказать? Развѣ угодишь, какъ съ господами лучше? Вотъ я тогда просила на дрова и чаю-сахару, а они всѣ смѣются, говорятъ: „безстыдница“, „попрошайка“... У меня вѣдь тоже совѣсть, чай, есть... И вы, барыня, тоже начали подавать молча...

— Такъ что-жъ такое, что молча?—возразила барыня, которой этотъ упрекъ попалъ въ самое сердце.

— Что-жъ... ужъ я вижу... Вотъ я и придумала сразу много попросить... думала, если такъ сказать—мнѣ дадутъ, и я немножко не буду ходить по людямъ... отдохну, а потомъ опять стану просить... Маманя говоритъ, я лѣнивая... И вовсе я не лѣнивая; а только участка боюсь: тамъ все такіе пьяные, да страшные, дерутся, ругаются... ужъ лучше бы въ больницу сажали; тамъ хоть тихо и никто не дерется...

— Ну, полно ужъ, полно! — говорила кухарка, притворно сердитымъ голосомъ:—довольно плакать; повинилась, простили и довольно. Барыня не сердится, садись ужъ, чего тамъ... Ну, не

плачь, не плачь! Хочешь чаю? съ калачикомъ? А калачикъ во какой румяный да тепленькой?..

Анютка перестала причитывать; но грудь ея еще вздымалась отъ жгучихъ рыданій.

— Ну, полно ужъ, — повторяла кухарка, очищая у стола мѣсто:—садись, налью чаю, чаю со сливочками и въ накладку...

Анютка утерла глаза концомъ головного платка и сѣла на лавку.

Кухарка подала ей кружку чаю съ ломтемъ бѣлаго хлѣба.

Анютка, еще дрожа отъ рыданій, мѣшала чай ложечкой, а барыня продолжала стоять около этой грѣшницы, чувствуя себя предъ нею глубоко виноватой.

Ю. Безродная.

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ

II.—Рядъ новыхъ заимствованій *).

До сихъ поръ мы встрѣчались съ памятниками, приходившими главнымъ образомъ, почти исключительно, изъ византійскаго источника черезъ посредство южно-славянской письменности. Это было какъ бы прямымъ продолженіемъ того книжнаго преданія, которое съ первой поры нашего христіанства приносило къ намъ обширные запасы южно-славянской, преимущественно болгарской письменности. Эта послѣдняя переживала за тѣ первые вѣка разныя эпохи расцвѣта и упадка: первый подъемъ болгарской литературы временъ царей Бориса и Симеона принесъ и къ намъ цѣлую массу старо-славянскихъ памятниковъ, въ которыхъ были уже и зачатки повѣсти; затѣмъ XII вѣкъ былъ, повидимому, эпохой появленія „Александріи“ и цѣлаго ряда другихъ произведеній, бросившихъ у насъ прочный корень, дожившихъ въ рукописяхъ до самой половины XVIII вѣка и столь любимыхъ, что съ ними освоивалось даже народно-поэтическое сказаніе, которое воспользовалось ихъ матеріаломъ въ кругу своего самостоятельнаго творчества. Рядомъ съ повѣстью совершался обильный притокъ легендарныхъ и апокрифическихъ сказаній, глубоко проникшихъ въ народныя представленія, и между прочимъ отголоски богомильскаго преданія. Повидимому, особенная эпоха южно-славянскихъ вліяній настала въ XIV—XV вѣкѣ: послѣднія вспышки политической силы южно-славянскихъ царствъ сопровождались оживленной литературной дѣятельностью, а затѣмъ послѣ турецкихъ погромовъ это оживленіе еще нѣкоторое

*) См. выше: апрѣль, стр. 738.

время продолжалось какъ попытка поддержать народную особность, испытавшую страшное политическое потрясеніе. И въ это самое время съ нашей стороны возникаетъ потребность литературнаго обновленія, когда съ видимо возроставшимъ упадкомъ татарскаго ига и подъемомъ народнаго чувства являются литературные запросы, удовлетворенія которыхъ искали по старому обычаю на югѣ: отсюда эта новая полоса южно-славянскихъ вліяній болгарскихъ и сербскихъ, которыя между прочимъ выразились непосредственнымъ призывомъ южно-славянскихъ іерарховъ и книжниковъ въ Россію, на юго-западѣ и въ Москвѣ. Съ этими южно-славянскими вліяніями XIV—XV вѣка связано также появленіе тѣхъ произведеній въ области легенды и повѣсти, родиной которыхъ была Боснія и сѣверная Далмація, гдѣ южно-славянская письменность сближалась съ западными латино-романскими вліяніями: здѣсь былъ источникъ сербской „Александріи“, Троянской притчи, сказанія объ индѣйскомъ царствѣ и, можетъ быть, еще другихъ подобныхъ памятниковъ.

Въ концѣ концовъ этотъ южно-славянскій источникъ изсякъ. Политическое паденіе отразилось, наконецъ, полнымъ упадкомъ южно-славянской письменности: она перестаетъ производить сама и доставлять намъ новые запасы литературнаго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой русской письменности можно наблюдать новое теченіе и новое направленіе книжныхъ запросовъ. Приблизительно съ XVI вѣка жизнь русскаго государства, сбросившаго съ себя гнетъ татарскаго ига, стремится установить свое самостоятельное бытіе, и параллельно съ тѣмъ, какъ все болѣе явственно сказывается стремленіе на западъ, желаніе округлить границу московскаго государства возвращеніемъ старыхъ русскихъ земель отъ великаго княжества литовскаго и Польши, завязать сношенія съ западными землями, привлечь оттуда ученыхъ и промышленныхъ людей, въ старой нашей письменности все сильнѣе распространяется вліяніе западной, именно повѣствовательной литературы. При отсутствіи школы, а потому крайнемъ недостаткѣ образованія, а также при скудости международныхъ сношеній трудно было бы предположить прямыя книжныя связи съ литературой западной: дѣйствительно, ихъ почти и не было, переводъ съ латинскаго или нѣмецкаго бывалъ большою рѣдкостью; но какъ прежде съ византійскою повѣстью нашлось подспорье въ посредничествѣ южно-славянскомъ, такъ и теперь съ повѣстью западной — въ посредничествѣ западно-русскомъ и польскомъ. Здѣсь были постоянныя отношенія — политическія, церковныя, торговыя, которыми облегчались и отношенія книжныя. Юго-

западная Русь вовлекалась въ ту литературно-общественную жизнь, какою жила Польша: здѣсь отражалось въ той или другой мѣрѣ то сильное умственное движеніе, какое создано было на западѣ событіями эпохи возрожденія и реформаціи; религіозная борьба подняла значеніе школы и распространяла латинскую ученость; начало XVI вѣка отмѣчено знаменитымъ трудомъ „доктора" Франциска Скорины—переводомъ Библіи на „русскій", т.-е. западно-русскій языкъ; во второй половинѣ этого вѣка князь Курбскій, „отъѣхавши" изъ Москвы, очутился въ самомъ разгарѣ этой возбужденной западно-русской жизни, самъ сталъ учиться и соединилъ въ себѣ черты московскаго книжника и западно-русскаго борца за православіе; въ концѣ этого вѣка явилась знаменитая Острожская Библія.

Въ самой Москвѣ, какъ дальше увидимъ, письменность представляетъ своеобразное оживленіе, и отголоски западно-русскаго движенія сказались между прочимъ въ новомъ распространеніи повѣсти. Мы уже замѣчали раньше, что иногда переходъ западно-русской книги въ Москву, въ русскую письменность, совершался какъ бы самъ собою: западно-русская книга, обыкновенно переведенная или переложенная съ польскаго, въ своей бѣлорусской одеждѣ была сама по себѣ довольно понятна, особенно болѣе начитанному книжнику; при перепискѣ—единственномъ способѣ пріобрѣтенія и распространенія литературнаго произведенія—бѣлорусскія черты естественно сглаживались какъ въ грамматическихъ формахъ, такъ и въ выборѣ словъ; при второй переписи это повторялось опять, и наконецъ изложеніе получало совершенно русскій складъ. Переводъ съ польскаго для людей нѣсколько знакомыхъ съ языкомъ также не представлялъ особыхъ трудностей, а въ нѣсколько мудреномъ случаѣ старые книжники не задумывались оставлять польскія слова цѣликомъ: вѣроятно изъ этой поры въ первый разъ идутъ тѣ заимствованія съ польскаго, какія есть въ русскомъ языкѣ.

Этотъ западный путь, которымъ шли и готовые памятники, и латинскія и польскія книги, переводимыя потомъ въ самой Москвѣ, составляетъ отличительную черту второго періода и второго слоя нашей старой повѣсти. Этимъ путемъ по большей части приходили уже другого рода памятники: не архаическіе и византійскіе, а въ особенности западные — рыцарскіе романы, сборники повѣстей, то поучительныхъ, то шутливыхъ, дѣйствіе которыхъ совершалось уже на почвѣ обыкновеннаго быта и которыя, быть можетъ, послужили поводомъ къ начаткамъ русской бытовой повѣсти въ концѣ XVII-го вѣка. Но на первый разъ

источникомъ, изъ котораго пришелъ первый образчикъ рыцарскаго романа, была опять письменность сербская: путь, которымъ онъ шелъ къ намъ черезъ западную Русь, остается, однако, до сихъ поръ мало выясненъ.

Однимъ изъ старѣйшихъ, если не самымъ старымъ образчикомъ рыцарскаго романа въ нашей письменности XVI—XVII вѣка былъ знаменитый Бова Королевичъ, представляющій собою пересказъ сказочно-рыцарскаго романа, извѣстнаго въ концѣ среднихъ вѣковъ въ разныхъ литературахъ западной Европы и, между прочимъ, въ Италіи: одна итальянская форма романа послужила ближайшимъ подлинникомъ нашего Бовы (Buovo d'Antona). Догадки объ этомъ его происхожденіи дѣлались давно; потомъ была ближе указана та группа западныхъ романовъ, въ томъ числѣ итальянскаго, къ которымъ примыкаетъ наша исторія; но обстоятельное объясненіе ея состава и ближайшаго итальянскаго подлинника стало возможнымъ только въ послѣднее время, когда была изучена старая познанская рукопись конца XVI-го вѣка, представляющая сборникъ повѣстей и въ числѣ ихъ Бову [1]).

Познанская рукопись, пока единственная въ своемъ родѣ, представляетъ собраніе нѣсколькихъ повѣстей подъ общимъ заглавіемъ: „Починаеться повесть о витязяхъ съ книгъ сербъскихъ, а звлаща [2]) о славномъ рыцэры Трысчане, о Анцалоте [3]) и о Бове и о иншыхъ многихъ витезехъ добрыхъ", а за ними слѣдуетъ еще исторія объ Аттилѣ, переведенная съ польскаго. Такимъ образомъ здѣсь ясно указывается происхожденіе Бовы (и Тристана) изъ „сербскихъ книгъ", и достовѣрность указанія подтверждается слѣдами сербскаго подлинника въ бѣлорусскомъ текстѣ. Сербскіе пересказы остаются до сихъ поръ неизвѣстны или не найдены; они, очевидно, были переведены съ итальянскаго, такъ какъ въ переводѣ (и въ его ошибкахъ) остались слѣды итальянскаго языка. Въ Тристанѣ и Бовѣ встрѣчаются также и

---

[1]) Прежнія свѣденія см. въ моемъ „Очеркѣ", 1857, стр. 244—249.

– Веселовскій, „Изъ исторіи романа и повѣсти". II, Спб. 1888, стр. 229—305 подробное изслѣдованіе редакцій повѣсти въ сравненіи съ русскимъ текстомъ; и въ приложеніяхъ, стр. 129—172 бѣлорусскій текстъ познанской рукописи, и стр. 237—262 новый варіантъ русскаго пересказа. Ранѣе, его же замѣтка въ „Archiv für slavische Philologie", т. VIII, IX.

— Изученіе познанской рукописи со стороны языка сдѣлано берлинскимъ профессоромъ Брюкнеромъ: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyńskischen Bibliothek in Posen, въ „Архивѣ" Ягича, т. IX.

[2]) Именно, особенно.

[3]) Т.-е. Тристанѣ и Ланцелотѣ.

полонизмы, которые объясняются, безъ сомнѣнія, средой и книжными привычками западно-русскаго переводчика. Присутствіе западныхъ рыцарскихъ романовъ въ сербской (или сербо-хорватской) письменности относится къ тѣмъ же литературнымъ условіямъ Босніи и сѣверной Далмаціи, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Если еще гораздо ранѣе, приблизительно въ XIV вѣкѣ, произошла здѣсь своеобразная сербская редакція „Александріи", то и впослѣдствіи это литературное движеніе продолжалось въ сосѣдствѣ Далмаціи, наполненной итальянскими элементами, и въ особенности направлялось въ область поэзіи, между прочимъ героической и рыцарской, какъ уже въ XVI вѣкѣ появляются любопытныя записи сербскаго народнаго эпоса. Какимъ путемъ сербская книга попала въ западную Русь, остается по обычаю необъясненнымъ. Есть данныя, что въ XVI—XVII вѣкѣ сербскіе пѣвцы героическихъ пѣсенъ заходили въ Польшу [1]); могла зайти и книга съ героическими приключеніями.

Исторія сюжета, отъ котораго происходитъ наше сказаніе о Бовѣ Королевичѣ, подробно изложена Веселовскимъ [2]). Эта исторія начинается старо-французской Chanson de geste (Bueves d'Hanstone), текстъ которой остается пока неизданнымъ; происхожденіе этой пѣсни относятъ къ XIII, даже XII вѣку; прозаическая передѣлка ея, которая стала народной книгой, напечатана была въ Парижѣ въ 1502. Первоначальное мѣсто дѣйствія романа было, какъ полагаютъ, гдѣ-нибудь на границѣ Франціи и Германіи; впослѣдствіи исторія была пріурочена къ Англіи, вѣроятно англо-норманскими пѣвцами. Затѣмъ французская редакція послужила источникомъ скандинавской Bevers-saga, отъ которой идутъ другія скандинавскія редакціи, какъ изъ старо-англійской поэмы произошла англійская народная книга. Французская поэма съ другой стороны была занесена въ Италію, гдѣ цѣлый рядъ ея пересказовъ въ стихахъ и въ прозѣ изъ различныхъ мѣстностей Италіи восходитъ еще ко второй половинѣ XIII-го вѣка; съ конца XV-го вѣка поэма имѣла уже множество изданій. Была, наконецъ, нидерландская народная книга и переводъ еврейскій.

„Особая популярность, — говоритъ Веселовскій, — досталась на долю Бовѣ на Руси, гдѣ, судя по спискамъ XVII-го вѣка и упоминанію въ 1693 году потѣшной книги, въ лицахъ, о Бовѣ

[1]) Ср. Ягича, „Историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣснях славянскихъ народовъ"; русскій переводъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ", Кіевъ, 1878, стр. 246.

[2]) Впрочемъ, она остается еще не совсѣмъ полной, такъ какъ не всѣ старые тексты изданы.

королевичѣ въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича, „сказаніе“ или „гисторія“, „слово“ о Бовѣ объявилось довольно рано. Подъ „сказаніемъ“ или „гисторіей“ я разумѣю ту извѣстную форму повѣсти, которая легла въ основу нашихъ лубочныхъ передѣлокъ, обнароднѣла до степени другихъ русскихъ сказокъ, къ героямъ которыхъ присосѣживаетъ и своихъ, иноземныхъ... Лукоперъ и Полканъ встрѣчаются въ сказкѣ объ „Иванѣ богатырѣ крестьянскомъ сынѣ“—только въ лубкахъ, но Полканъ попалъ и въ стихъ объ Аникѣ-воинѣ въ числѣ богатырей, скошенныхъ смертью, Чудище *Полканище*, *Полканъ Полкановичъ* въ народныя сказки объ Ильѣ, гдѣ онъ замѣнилъ былиннаго Идолища; кое-гдѣ встрѣчаются имена *Додона* и (Василисы) *Кирбитьевны*, тогда какъ въ бѣлорусской вертепной драмѣ Максимьянъ оказывается царящимъ въ городѣ *Антонѣ*, гдѣ Аникавоинъ защищаетъ его отъ нападеній „Змѣя-Улана“ и „Арапа“. Собственно въ былины не проникъ, если не ошибаемся, ни одинъ изъ героевъ захожей итальянской повѣсти: всѣ они опоздали своимъ пріѣздомъ на Русь“.

Какъ мы сказали, сербскій подлинникъ бѣлорусскаго перевода до сихъ поръ не встрѣчался. Сербская повѣсть была взята съ итальянскаго, и изъ многочисленныхъ итальянскихъ варіантовъ этой исторіи наиболѣе близка къ познанскому тексту венеціанская поэма; не видно, чтобы исторія пользовалась у сербовъ особою популярностью, но это было бы и безразлично для объясненія особаго успѣха Бовы въ нашей письменности. „Повѣсть почему-то понравилась,—замѣчаетъ Веселовскій,—пошла въ оборотъ; объясненіе лежитъ въ случайностяхъ народнаго вкуса, или въ томъ, что̀ намъ представляется случайностью“ [1]).

Сличивъ подробно познанскій текстъ съ венеціанской редакціей, нашъ изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что за нѣсколькими разницами (гдѣ, между прочимъ, познанскій текстъ сходится съ другою итальянскою редакціей) эта венеціанская редакція всего ближе подходитъ къ подлиннику сербскаго перевода. Переводъ сдѣланъ очень близко; кое-что не понято или понято своеобразно: эпитетъ жены Гвидона—meltris, т.-е. meretrix, понятъ, какъ собственное имя и отсюда въ позднѣйшихъ русскихъ текстахъ явилась Милитриса; castello, т.-е. замокъ, превратился въ городъ Костелъ; chiarenza, названіе меча Оливера, а потомъ Бовы, превратился въ „гляренцыя“ и „гляденцыя“, откуда произошелъ знаменитый мечъ-кладенецъ, какъ имя нари-

[1]) Стр. 246.

цательное; королевна Друзіана названа сначала Дружнена, а въ позднѣйшей нашей сказкѣ Дружневна; наконецъ, итальянскій Pulican обратился въ богатыря Полкана, Ричардъ въ Личарду и т. д.

Та исторія о Бовѣ королевичѣ, какую мы знаемъ по старымъ рукописямъ (съ XVII вѣка), издавна распространялась въ лубочныхъ изданіяхъ, какъ „полная сказка“ и сокращенная. Рукописи еще не вполнѣ опредѣлены, но въ нихъ отмѣчаютъ уже двѣ нѣсколько различныя редакціи; обѣ въ разныхъ случаяхъ довольно близки къ познанскому тексту, но не составляютъ его повторенія. Подлинникъ великорусскихъ редакцій былъ близокъ къ познанскому тексту, но не тождественъ съ нимъ; по заключенію г. Веселовскаго, это былъ также сербскій текстъ, слѣды котораго указываются сербизмами старыхъ русскихъ списковъ [1]). Такимъ образомъ Бова явился у насъ въ двухъ переводахъ съ сербскаго, съ двухъ довольно близкихъ итальянскихъ редакцій, при чемъ одинъ переводъ (познанскій) не распространился, оставшись въ западно-русской рукописи, а другой (въ разныхъ, по крайней мѣрѣ двухъ, варіаціяхъ) широко разошелся въ великорусскихъ рукописяхъ и сталъ наконецъ народной сказкой. Старыя рукописи даютъ возможность наблюдать процессъ этого перехода. Итальянскій герцогъ Opio превращается въ посадскаго мужика Орла, средневѣковый замокъ—въ земскую избу; при посольствахъ, посолъ всякій разъ кладетъ на столъ грамоту; въ текстъ романа попадаютъ былинныя выраженія, сказочные пріемы повтореній, соблюденіе эпической справедливости, по которой враги и измѣнники должны быть непремѣнно наказаны [2]) и т. д.

Первой повѣстью въ познанскомъ сборникѣ поставленъ, какъ мы видѣли, Тристанъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ сюжетовъ средневѣковой поэзіи, повторенный съ половины XII вѣка во множествѣ поэмъ и прозаическихъ романовъ. Первообразъ западно-русскаго Тристана, по изслѣдованіямъ г. Веселовскаго, восходитъ къ группѣ французскихъ прозаическихъ романовъ; эти романы перешли въ итальянскіе переводы и обработки, и отсюда явилась сербская (опять, повидимому, далматинская) редакція, послужив-

[1]) Напр.: „юнокъ“, „клобукъ“, „лугъ“ въ значеніи bosco, замѣненный „лѣсомъ“ лишь тамъ, гдѣ это было необходимо по смыслу; имя „Милитрисы“ вмѣсто познанской „Меретрисъ“.

[2]) Веселовскій, стр. 302; ср. далѣе предположенія о далматинскомъ происхожденіи сербскаго Бовы, и замѣчанія о мѣстномъ далматинскомъ преданіи: одна башня въ Зарѣ называется torre di Buovo d'Antona.

шая для западно-русскаго пересказа [1]). Настоящій оригиналъ сербо-бѣлорусской редакціи не отыскался въ извѣстныхъ текстахъ: всего ближе подходитъ она къ старо-итальянскому переводу, а также къ старопечатному французскому роману, но въ концѣ познанскій текстъ отклоняется отъ того и другого, отчасти представляя новыя подробности, отчасти производя впечатлѣніе чего-то скомканнаго, сокращеннаго. „Едва ли подобное изложеніе принадлежало искомому итальянскому роману; выборъ остается между сербскимъ переводчикомъ-пересказчикомъ и его бѣлорусскимъ собратомъ. Послѣдній могъ сократить и измѣнить въ указанномъ направленіи сербскій подлинникъ, но могъ и сохранить измѣненія, уже совершившіяся въ послѣднемъ. Еслибы второе предположеніе оказалось болѣе вѣроятнымъ,... то въ искомомъ сербскомъ текстѣ мы должны были бы признать не только переводъ, но и элементъ самостоятельной передѣлки, обнаруживающейся, между прочимъ, въ особой роли, какая дается Тристану. Во французскомъ романѣ, какъ и у Полидори (въ итальянскомъ переводѣ), главнымъ героемъ является Тристанъ, Ланцелотъ выступаетъ во второй роли, и лишь за ними другіе рыцари и противники Круглаго Стола. Сербская книга также обѣщаетъ говорить о „Трысчане“, о „Анцалоте“, но первый сознательно господствуетъ надъ всѣмъ дѣйствіемъ, Анцалотъ является у него болѣе „въ товарищахъ“, и согласно съ этимъ отсутствуютъ многіе эпизоды о послѣднемъ, посвященные ему въ текстѣ Полидори“.

Послѣ подробнаго разбора бѣлорусскаго текста сравнительно съ различными западными редакціями, Веселовскій не находилъ возможности опредѣлить, гдѣ былъ источникъ особенностей познанской редакціи — въ ея сербскомъ подлинникѣ или уже въ итальянскомъ оригиналѣ; онъ ограничивается только нѣсколькими замѣчаніями. „Разбирая составъ русской повѣсти, мы замѣтили его двойственность: первыя $^3/_4$ ея содержанія представились намъ довольно близкимъ переводомъ какого-то, вѣроятно, итальянскаго романа; послѣдняя, по отношенію къ своему плану, не усмотрима ни въ одномъ изъ извѣстныхъ западныхъ оригиналовъ и, особливо къ концу, обнаруживаетъ пріемы спѣшнаго, сокращающаго пересказа“. Эта двойственность сопровождается и двойственностью нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, которыя пишутся различно въ первой части повѣсти и во второй. Такимъ образомъ у состави-

[1]) Веселовскій, тамъ же, стр. 132—228, и текстъ романа въ приложеніяхъ, стр. 1—127.

теля сербской повѣсти было подъ руками или два итальянскихъ оригинала, или два перевода, которые онъ и соединилъ. При этомъ нѣкоторыхъ подробностей онъ не нашелъ въ своихъ источникахъ; онъ говоритъ, напр., о Галецѣ: „не слыхали есмо о немъ жадное [1]) повѣсти"; о смерти Тристана: „потуль о немъ писано"; нѣкоторыя подробности взяты изъ источниковъ, которые пока не опредѣлены. Вторая часть отличается и большею свободой стилистической обработки, напр. здѣсь больше народныхъ красокъ, хотя во всемъ разсказѣ видно стремленіе осербить итальянскій романъ. Въ языкѣ господствуютъ тѣ же фонетическія особенности въ передачѣ иностранныхъ именъ, какія мы видѣли въ сербской „Александріи" и Троянской притчѣ, возникшихъ на той же почвѣ: Тристанъ называется Трысчанъ, Изольда (Isotta)—Ижота [2]) и т. д.

Но Тристанъ не распространился среди русскихъ читателей: до сихъ поръ онъ извѣстенъ въ единственной рукописи и остался только памятникомъ направленія литературныхъ вкусовъ и указаніемъ на одну сторону старыхъ литературныхъ связей.

Всѣ эти произведенія, идущія съ западно-славянскаго юга и отмѣченныя латино-романскимъ вліяніемъ, г. Веселовскій объединяетъ какъ славяно-романскую повѣсть. Она вносила въ старую письменность извѣстное романское вліяніе. Примѣръ этого вліянія западной романтики на востокъ мы видѣли въ сербской „Александріи". „Это воздѣйствіе сказывалось переводами, подражаніями и передѣлками древнихъ сюжетовъ, въ которыхъ сантиментализмъ и реализмъ поздняго греческаго романа причудливо смѣшивались съ полу-понятыми мотивами рыцарства, греческіе витязи являлись паладинами, и строгія очертанія древнихъ типовъ смягчались въ полусвѣтѣ романтизма. Къ подобному пониманію стараго эпоса приводило уже спеціально греческое развитіе: оно переставило центры эпическаго интереса, выдвинуло на первый планъ легенду о Парисѣ, создало образъ влюбленнаго Ахилла, заставивъ его тосковать по Поликсенѣ, увлечься красавицей Еленой, которую онъ видитъ на стѣнахъ Трои и съ которой Ѳетида сводитъ его въ волшебномъ сновидѣніи. Припомнимъ прелестную фантасмагорію Филостратова Героика: Ахиллъ и Елена, никогда не видавшіе другъ друга при жизни, влюбляются взаимно въ царствѣ тѣней; и вотъ, по просьбѣ Ѳетиды, Нептунъ

[1]) Т.-е. никакой.

[2]) Веселовскій, тамъ же, стр. 136—137, 224 и др.

создаетъ на Черномъ морѣ, изъ ила Ѳермодонта, Борисѳена и Истра, островъ Leuké, гдѣ влюбленныя тѣни живутъ въ идеальной связи, въ лунныя ночи водятъ хороводы по цвѣтущему лугу, а съ береговой стоянки робко прислушивается къ ихъ чуднымъ пѣснямъ морякъ, не осмѣливающійся проникнуть внутрь острова.

„Къ этому романтическому теченію примкнула, не достигая его поэзіи, струя западно-рыцарскаго романа: Ахиллъ явился любовникомъ, банально вздыхающимъ по Поликсенѣ (Roman de Troie; Diégesis Achilléos). Образъ Александра въ греко-сербской повѣсти о немъ принадлежитъ тому же направленію мысли; отличіе этого памятника отъ другихъ „славяно-романскихъ“ лишь во внѣшней лингвистической формѣ, въ которой онъ объявился славянамъ, тогда какъ романъ о Тристанѣ и пѣсня о Бовѣ пришли къ нимъ изъ Италіи, и латинскій же или романскій подлинникъ слѣдуетъ предположить для древне-славянской притчи о Троѣ“.

Славяно-романскія повѣсти имѣютъ тотъ особый историческій интересъ, что, распространяясь по славянскому міру, онѣ въ той или другой мѣрѣ разносили слѣды западнаго рыцарскаго міросозерцанія, хотя часто неясные и искаженные. „Какой отпечатокъ западнаго быта и рыцарскаго уклада сохранили онѣ въ своихъ далеко разошедшихся отраженіяхъ? Дѣло идетъ не о вліяніи одной культурной среды на другую, а о контрастѣ, въ которомъ должны были очутиться идеалы, воспитанные извѣстными отношеніями общества, въ литературѣ, отвѣчавшей другимъ жизненнымъ спросамъ“. Понятно, что быть рыцарства, о которомъ разсказывали первоисточники нашихъ повѣстей, былъ непонятенъ въ славянской средѣ, не знавшей рыцарства: поэтому въ передачѣ является много недоразумѣній, происходившихъ отъ невозможности выразить по-славянски и внѣшнія формы этого быта, и его внутреннее содержаніе, рыцарскіе нравы и рыцарскіе идеалы. Не все, однако, было непонятно: многія черты рыцарства совпадали съ народнымъ эпическимъ богатырствомъ и юначествомъ; быть можетъ, и рыцарски понимаемая любовь находила нѣкоторое объясненіе въ лирическихъ мотивахъ народной пѣсни.

„Рыцарскій обиходъ,—говоритъ г. Веселовскій,—усвоивался внѣшнимъ образомъ; многое показываетъ, что иныя его черты были неясны и понимались въ половину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его ко-

нюшій, „оправца“. Бой идетъ сначала на коняхъ: противники такъ стремительно наскакиваютъ другъ на друга, что еслибы не добрая сброя, они пали бы мертвыми, а ихъ копья разлетаются въ щепы. Упавъ съ конями на землю, они тотчасъ же вскакиваютъ на ноги и продолжаютъ биться мечами, иногда расходясь, чтобы отдохнуть, опершись на щитъ“.

Такъ и въ былинѣ описывается бой Ильи Муромца съ сыномъ: они разъѣхались на копья вострыя, и копья сгибались въ ихъ рукахъ и разсыпались въ черенья ножевыя; разъѣхались на боевыя палицы, и палицы отломились по маковкамъ; разъѣхались на сабли вострыя, и сабли погибались и зазубрились о кольчужныя латы.

„Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ воителя сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ его руки, еще славнѣе — сразить его. Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычаи могли идти на встрѣчу народному юначеству, какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага... Но едва ли вразумителенъ былъ символизмъ другихъ рыцарскихъ обрядовъ, напр. опоясываніе мечомъ, и смутными могли слагаться представленія о „ѣзжалыхъ“ рыцаряхъ (chevaliers errants), ищущихъ „фортуны“, о дѣвушкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невещественнымъ порученіемъ.

„Таково усвоеніе внѣшняго обихода рыцарства; посмотримъ, какъ усвоялся его идеалъ. Онъ, по существу, западный; главныя требованія отъ рыцаря — это *доброть* и *дворность*. Доброть, несомнѣнно, переводъ proesse; дворность — дословно — courtoisie, нерѣдко въ соединеніи: рыцарство и дворность, дворность и преспечность (въ „Тристанѣ“). Славянская притча о Троѣ выражаетъ понятіе дворности словами: *честь*, *почтеніе въ дворѣ*, *дворщина*, honneur et courtoisie, тогда какъ *дворбой*, *службой* (въ „Троянскихъ Дѣяніяхъ“ и въ „Тристанѣ“) обозначались отношенія, въ которыя вступалъ юный витязь, являясь ко двору какого-нибудь именитаго властителя, чтобы обучиться рыцарскому дѣлу и служенію дамамъ, „добрымъ госпождамъ“ — belles dames. Въ этихъ отношеніяхъ развивалась и еще одна существенная сторона рыцарскаго идеала: культъ любви, понятіе милости, какъ всесильнаго чувства, самоопредѣляющагося, не подлежащаго другимъ нравственнымъ критеріямъ“.

Но въ этомъ вопросѣ разнорѣчіе рыцарскихъ повѣстей съ туземными представленіями было особенно рѣзко. Наша старая пись-

менность, подъ вліяніемъ аскетическихъ ученій, относилась крайне враждебно къ женщинѣ; съ первыхъ нашихъ памятниковъ мы читаемъ уже суровыя осужденія, настоящія проклятія, которыя собрались, наконецъ, въ особыхъ „словахъ о злыхъ женахъ“, „поученіяхъ отца къ сыну“ и т. п. Женщина искони—орудіе грѣха; по самой природѣ она зла и коварна; она — угожденіе дьяволу; изъ-за нея Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, изъ-за нея погибло много сильныхъ, славныхъ и даже мудрыхъ людей, и т. д. Аскетическая мораль едва допускала бракъ, какъ средство противъ наитій. Восточныя повѣсти, въ родѣ „Синагрипа“, „Варлаама и Іоасафа“ и др., поддерживали эту точку зрѣнія исторіями и нравоученіями о злобѣ и коварствѣ женщины, и это становилось ходячею моралью, которой отвѣчало и фактическое безправіе женщины въ домашнемъ быту. Та же аскетическая вражда къ женщинѣ проповѣдовалась и въ средневѣковой западной литературѣ: ея суровыя изобличенія женской „злобы“ нерѣдко буквально совпадаютъ съ нашими памятниками. Суровый бытовой обычай господствовалъ даже въ высшихъ классахъ самого просвѣщеннаго Дубровника, гдѣ было гнѣздо новаго расцвѣта сербо-хорватской литературы. Славяно-романскія повѣсти также давали поддержку привычнымъ понятіямъ въ изображеніяхъ преступныхъ и коварныхъ женщинъ,—но здѣсь являлось уже нѣчто новое.

Въ средневѣковой западной литературѣ въ противность враждебному аскетическому взгляду возникло извѣстное идеалистическое отношеніе къ женщинѣ, которое выразилось въ рыцарской поэзіи, а также и въ обычаѣ. Аскетическая нравственность осталась въ одномъ кругѣ понятій, въ то время какъ въ другомъ пріобрѣтали господство рыцарскіе идеалы. Они нашли мѣсто и въ этихъ славяно-романскихъ повѣстяхъ, хотя остались недоразвитыми, представляя простодушное противорѣчіе съ привычными книжными взглядами, потому что въ жизни не произошло поворота, который могъ бы утвердить и узаконить эти отголоски рыцарскихъ воззрѣній: два представленія стояли рядомъ и когда впослѣдствіи въ дальнѣйшихъ переработкахъ рыцарскаго сюжета все больше проникали народныя черты, этотъ рыцарскій идеализмъ замѣнялся простодушнымъ, но порядочно грубымъ реализмомъ... Въ славяно-романскихъ повѣстяхъ, какъ напр. въ ихъ старѣйшемъ образчикѣ, Троянской притчѣ, мы уже встрѣчаемъ это отраженіе рыцарскаго поклоненія женщинѣ, хотя славянскій пересказчикъ видимо не вполнѣ его уразумѣвалъ. Здѣсь цѣлый рядъ изображеній любви, преданной и страстной, дѣйствующей стихійно. Поликсена въ Троянской притчѣ не хочетъ пережить

любимаго ею Ахилла, какъ Роксана, въ „Александріи", не хочетъ пережить Александра; цѣлая троянская исторія была построена на красотѣ Елены и любви Париса; Александръ пишетъ своей матери, что до тѣхъ поръ, пока его сердце не обуяла любовь къ женщинѣ, ему никогда не приходила на мысль мать и домашніе —только любовь смягчила его сердце. Всего сильнѣе идеализированнымъ является это изображеніе любви въ „Тристанѣ": она была здѣсь слѣдствіемъ волшебнаго зелья, выпитаго Тристаномъ и и Изоттой по ошибкѣ,—но дѣйствіе зелья было неотразимо.

Въ славянской и русской письменности эти элементы рыцарской поэзіи приняты были только внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ: едва ли понятые вполнѣ съ самаго начала, они остались неразвитыми и не оставили въ нашей письменности никакого слѣда. Наша повѣсть все еще гораздо больше смотритъ на эти исторіи какъ на рядъ богатырскихъ и курьёзныхъ приключеній, мало или совсѣмъ не чувствуя новый тонъ настроенія, для котораго часто она не находила и словъ. „Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній, — замѣчаетъ г. Веселовскій: — ихъ заслуга въ починѣ, не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей" [1]). Эти мотивы повторяются потомъ въ переводной повѣсти XVII и начала XVIII вѣка, но до извѣстной степени бросили корень въ нашей литературѣ только гораздо позднѣе въ томъ видоизмѣненіи, какое идеализація женщины получила въ псевдо-классической и сентиментальной школѣ.

Третья повѣсть, помѣщенная въ познанскомъ сборникѣ, называется „Исторыя о Атыли, короли угорскомъ". Она давно упомянута была Снегиревымъ [2]); текстъ ея, съ изслѣдованіемъ объ ея источникахъ, даны въ той же книгѣ Веселовскаго [3]). Какъ извѣстно, Аттила надолго оставилъ о себѣ память не столько въ западно-европейской исторіи, сколько въ легендѣ и сагѣ, при чемъ его личность характеризовалась весьма различно. „Для латинскаго запада, — говоритъ Веселовскій, — Аттила былъ главнымъ образомъ разрушитель; тѣ народности, которыя, какъ готы, слѣдовали за нимъ въ его побѣдоносныхъ набѣгахъ, болѣе какъ союзники,

[1]) Веселовскій, тамъ же, стр. 3—5, 15 и др. Мы останавливались подробнѣе на изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго о славяно-романской повѣсти въ „Вѣстникѣ Европы", 1888, декабрь.

[2]) Въ статьѣ о лубочныхъ картинкахъ, въ Валуевскомъ „Сборникѣ", М. 1845, неизвѣстно, на какомъ основаніи; можетъ быть, по слуху о познанской рукописи, виднной Водянскимъ.

[3]) Стр. 307—350; текстъ въ приложеніяхъ, стр. 173—286.

тѣмъ какъ побѣжденные, сохранили о немъ память, какъ о могучемъ и славномъ властителѣ, впервые объединившемъ и обрушившемъ на христіанскій западъ соединенныя силы степныхъ и германскихъ ордъ. Такъ сложились два эпическихъ теченія, латинско-христіанское и гуннско-германское или ближе гуннско-готское; ни то, ни другое не дошло въ своемъ развитіи до организаціи пѣсеннаго цикла и цѣльности поэмы, но оба пережили обычные въ жизни эпоса процессы детеріораціи и осложненія, не считающагося съ хронологіей". Въ этихъ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ Аттила является и въ позднѣйшихъ эпическихъ сказаніяхъ, какъ напр. о Нибелунгахъ, о Теодорихѣ готскомъ, Вальтерѣ Аквитанскомъ; между прочимъ онъ занялъ свое легендарное мѣсто въ венгерскихъ сказаніяхъ. Для венгровъ Аттила былъ національный герой, конечно книжный и легендарный, потому что не было никакихъ настоящихъ основаній связать его съ судьбами мадьярскаго народа. Объ Аттилѣ много разсказываютъ старыя венгерскія лѣтописи, а затѣмъ его дѣянія давно находили и спеціальныхъ историковъ, которые хотѣли дать критическій разсказъ, насколько подобный разсказъ былъ по силамъ тогдашней литературѣ. Однимъ изъ такихъ ученыхъ историковъ былъ примасъ Венгріи, Николай Олай, латинская книга котораго вышла въ 1568 году. Сочиненіе Олая было переведено на польскій языкъ Кипріаномъ Базиликомъ и напечатано въ Краковѣ въ 1574: это и былъ подлинникъ бѣлорусскаго перевода.

Съ тѣхъ поръ польскія книги стали обычнымъ источникомъ, изъ котораго приходила къ намъ западно-европейская повѣсть. Прежде чѣмъ перейти къ произведеніямъ, которыя дошли къ намъ этимъ путемъ, отмѣтимъ еще путь чешскій, хотя онъ до сихъ поръ выясненъ мало.

Такова, во-первыхъ, исторія о чешскомъ королевичѣ Брунцвикѣ. Первоначальнымъ источникомъ ея полагается нѣмецкое сказаніе о Рейнфритѣ брауншвейгскомъ XIII-го вѣка, или же одинъ изъ источниковъ ея видѣли въ нѣмецкой поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ XII-го вѣка, и т. п.; одинъ изъ издателей русскаго текста, г. Петровскій, связывалъ исторію Брунцвика (гдѣ идетъ рѣчь о происхожденіи чешскаго герба) съ чешскими отношеніями, которыя отразились также въ патріотическомъ настроеніи этой исторіи. Въ ней мало собственно рыцарскаго содержанія; основа ея заключается въ разсказѣ о необычайныхъ приключеніяхъ чешскаго королевича, гдѣ совмѣщенъ цѣлый рядъ чудесъ, о какихъ разска-

зывала средневѣковая литература: онъ видитъ удивительныя земли, борется со всякими чудовищами и т. п. Подобный матеріалъ доставляла уже „Александрія“, Меѳодій Патарскій, сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ (почему между прочимъ исторія могла имѣть интересъ для русскихъ книжниковъ), а у чеховъ также Марко-Поло и знаменитое нѣкогда путешествіе Мандевиля, чешскій переводъ котораго былъ въ числѣ первыхъ печатныхъ чешскихъ книгъ. Оставшись по смерти отца королемъ чешскимъ, Брунцвикъ жаждалъ прославиться рыцарскими дѣяніями, бросилъ молодую жену и пустился на семь лѣтъ въ море съ избранными спутниками. Долго они плавали безъ всякихъ приключеній, наконецъ настигла ихъ жестокая буря и корабль былъ увлеченъ къ магнитной горѣ, притягивавшей къ себѣ всѣ корабли, приближавшіеся къ ней на пятнадцать миль. Путники успѣли спастись на берегъ, но запасы ихъ истощились, а кругомъ видны были остатки разбитыхъ кораблей и человѣческія кости; внутрь горы было трудно проникнуть, потому что островъ былъ населенъ чудными и страшными существами. Странники пробыли тамъ три года, наконецъ ихъ осталось только двое — Брунцвикъ и старый рыцарь, его дядька. Но спасся одинъ королевичъ; мудрый дядька зашилъ его въ конскую шкуру, обмазалъ ее кровью и положилъ на горѣ; черезъ десять дней прилетѣла птица „ногъ“ [1]), схватила зашитаго въ кожу Брунцвика и унесла въ далекія страны, куда человѣкъ можетъ дойти только въ три года. Королевичъ убилъ птенцовъ ногa, которымъ отдала его чудовищная птица, и отправился на новыя приключенія: ходя по горамъ и отыскивая какихъ-нибудь признаковъ человѣческаго жилья, онъ услышалъ страшный „зукъ“—это левъ бился съ дракономъ-василискомъ. Брунцвикъ помогъ льву убить десятиглаваго василиска, и съ тѣхъ поръ благородный левъ сталъ его вѣрнымъ спутникомъ. Вмѣстѣ они отправились черезъ море—Брунцвикъ на плоту, а левъ вплавь—къ городу, который Брунцвикъ увидѣлъ съ высокаго дерева; на дорогѣ попалась имъ карбункуловая гора и Брунцвикъ отломилъ себѣ большой самоцвѣтный камень. Но, прибывши въ завидѣнный городъ, Брунцвикъ ужаснулся, увидѣвъ царя Алимбруса съ глазами впереди и назади, окруженнаго чудовищными людьми. Алимбрусъ спросилъ его, пришелъ ли онъ своею волею или неволею, и обѣщалъ пропустить его черезъ желѣзныя врата въ его царство, если онъ освободитъ дочь Алимбруса отъ ужаснаго василиска. Королевичъ сѣлъ въ корабль и отправился въ непріятель-

[1]) Или „нагай“, обычное старое названіе для грифа.

свое царство: у городскихъ воротъ онъ встрѣтилъ морскихъ чудовищъ и съ помощью льва убилъ ихъ; такимъ же образомъ прошелъ онъ вторыя и третьи ворота, наконецъ проникъ въ городъ, гдѣ увидѣлъ необыкновенныя богатства. Во дворцѣ встрѣтила его красавица Африка, находившаяся въ неволѣ у жестокаго василиска; вскорѣ явился и самъ царь-василискъ, окруженный цѣлою толпою гадовъ, чудовищъ и морскихъ „привидѣній“; сама Африка отъ полудня до вечера, а то и цѣлую ночь „обвязана змѣиными хвостами“ (собственно говоря, вѣроятно, превращалась въ змѣю) и василискъ цѣлыми часами покоился на ея лонѣ для своего „потѣшенія“. Долго шла битва съ змѣемъ; наконецъ Брунцвикъ побѣдилъ и, излечивши раны кореньями, принесенными львомъ, отвезъ Африку къ отцу. Въ награду за освобожденіе Брунцвикъ долженъ былъ на ней жениться и получилъ громадныя богатства, но онъ не могъ забыть отечества и нетерпѣливо ждалъ случая освободиться изъ неволи. Счастье еще разъ послужило ему: онъ успѣлъ достать „мечъ-кладенецъ“, который тому служитъ, кого любитъ, и убиваетъ въ одинъ разъ столько, сколько его владѣтель захочетъ. Испытавъ его свойство надъ сильными звѣрями, Брунцвикъ истребилъ чудовищное царство Алимбруса и поплылъ со львомъ на родину. По дорогѣ представлялись новыя приключенія и опасности, но мечъ-кладенецъ всегда спасалъ его. Наконецъ королевичъ прибылъ въ стольному городу Прагѣ въ то самое время, когда молодая жена его, по истеченіи урочнаго времени, снова по принужденію отца выходила замужъ. Она узнала однако въ пріѣзжемъ рыцарѣ Брунцвика и онъ вступилъ въ свои права, задалъ великій пиръ на вельможъ, бояръ и рыцарей и всѣхъ дарилъ своими богатствами. Повѣсть кончается [1]) такимъ образомъ: „Брунсвикъ же повелѣ во всѣхъ странахъ проповѣдать побѣды своя,—о всякихъ вещахъ кралевскихъ лва писать со единыя страны, а съ другія страны писать орла, на красной земли [2]). И такъ Брунсвикъ поживе во своемъ кралевскомъ величествѣ тридцать пять лѣтъ... и въ доброй старости скончася и погребенъ бысть честно. Мечь же тотъ по смерти Брунсвиковѣ не имѣя силы и бысть яко протчіи; левъ же по смерти Брунсвиковѣ велми нача тужити и тосковати по Брунсвикѣ и съ тоя... великія тоски и жалости нача рыти землю, надъ очію его яко струи слезы текуще, и приде левъ на гробъ Брунсвику и въ

[1]) Въ Погодинскомъ сборникѣ XVIII вѣка, № 1774.

[2]) Дѣло идетъ о гербѣ; орелъ былъ гербомъ его предшественника.

жалости велми воскричалъ и паде на землю мертвъ, и тако скончася Брунсвикъ и левъ“ [1]).

Исторія о Брунцвикѣ у чеховъ пользовалась большой популярностью и была въ 1565 напечатана; впослѣдствіи изданія нѣсколько разъ были повторены; извѣстны и болѣе старыя рукописи, съ довольно значительными варіантами. Происхожденіе русскаго перевода не ясно: нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось, что переводъ могъ быть сдѣланъ съ польскаго; но кромѣ того, что въ старой польской литературѣ исторія Брунцвика до сихъ поръ не была найдена и, быть можетъ, совсѣмъ не существовала, ближайшія сличенія русскаго текста съ чешскимъ, сдѣланныя г. Петровскимъ и Поливкой (буквальная близость, а иногда и непониманіе именно чешскихъ словъ), не оставляютъ сомнѣнія, что переводъ сдѣланъ былъ съ чешскаго оригинала. Другое недоумѣніе возникало относительно времени перевода, и г. Петровскій полагалъ, что онъ могъ быть сдѣланъ или съ изданія 1565 года (если вѣрно опредѣленіе двухъ рукописей русскаго Брунцвика XVII-мъ вѣкомъ), или же съ перепечатки начала XVIII в. [2]); вѣроятнѣе другое предположеніе, что переводъ сдѣланъ былъ около половины XVII-го вѣка, потому, между прочимъ, что русскій текстъ представляетъ особенныя сходства именно со старыми чешскими рукописями [3]).

Гораздо менѣе ясна другая исторія — о Василіи королевичѣ Златовласомъ чешскія земли, впервые изданная только недавно. „Брунцвикъ“ представляетъ уже не мало чисто сказочныхъ элементовъ, а именно, кромѣ чудесъ, вычитанныхъ въ книгахъ или сочиненныхъ по ихъ образцу, нѣсколько мотивовъ, принадлежащихъ спеціально сказкѣ, какъ, напр., освобожденіе королевны отъ змѣя, нахожденіе чудеснаго меча, необычайныя побоища, скрываніе своего имени при возвращеніи. Исторія королевича Василія уже совсѣмъ сказочная. Изданная недавно по новѣйшему

[1]) Въ моемъ „Очеркѣ“, 1857, стр. 223—227.

— Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ. Сообщилъ М. Петровскій (введеніе и текстъ повѣсти по рукописи, писанной двумя почерками средины и конца XVIII вѣка). Спб. 1888 („Памятники“ Общества люб. древн. письменности, LXXV).

— Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře. Podává Dr. Jiří Polívka. V Praze, 1892 (Rozpravy чешской академіи въ Прагѣ),—введеніе и изданіе сводныхъ текстовъ двухъ главныхъ редакцій повѣсти, параллельно съ варіантами отдѣльныхъ рукописей и въ сличеніи съ чешскимъ текстомъ.

[2]) Г. Петровскій полагалъ, что въ XVII столѣтіи чешскихъ изданій не было; но г. Поливка указываетъ изданіе 1691 года.

[3]) Изданіе 1565 года, извѣстное по упоминаніямъ, до сихъ поръ найдено не было.

тексту въ рукописи XVIII вѣка, она, по мнѣнію издателя, пришла къ намъ черезъ Польшу, но принадлежитъ собственно чешской литературѣ, какъ самъ герой, подобно Брунцвику, есть чешскій королевичъ. „Повѣсть, — говоритъ ея издатель, — отличаясь бойкостью изложенія, носитъ на себѣ слѣды еще эпическаго творчества: три раза напаиваютъ героя, три раза онъ даритъ провожатыхъ, три раза посылаютъ пословъ, три раза разсказывается одинъ и тотъ же сонъ, тридцать молодцовъ провожаютъ героя, безпрестанно попадаются эпическія повторенія и пр. Самый сюжетъ отысканія невѣсты одинъ изъ излюбленнѣйшихъ въ народномъ эпосѣ вообще. То же можно сказать и о волшебной флейтѣ, подъ которую всѣ танцуютъ. Вслѣдствіе этого и повѣсть, будучи близкой и по вымыслу, и по пріемамъ къ складу русской народной фантазіи, легко могла воспринять чисто русскіе обороты рѣчи и цѣлую русскую пословицу. Само нравоученіе, съ коего повѣсть начинается, носитъ на себѣ оттѣнокъ народнаго юмора“.

Исторія разсказываетъ, что у чешскаго короля Мечислава [1]) былъ сынъ Василій, „зѣло добродѣтеленъ и прекрасенъ зѣло, а власы у него аки злато сіяютъ“. Когда пришло время женить его, стали разузнавать о невѣстахъ, и по разсказамъ гостя, т.-е. купца, Василія, королевичъ возъимѣлъ желаніе взять французскую королевну Полиместру; отецъ остерегалъ его, что „французское королевство велико и славно, и честно и богато“, а ихъ королевство убого, и что сватовство не будетъ принято и навлечетъ имъ только посмѣяніе. Такъ и случилось. Французскій король разгнѣвался на посланіе о сватовствѣ, а королевна разбила въ куски чашу, посланную въ подарокъ, и такъ сказала: „не тертъ-де не калачъ, не мятъ не ремень, не тотъ сапогъ не въ ту ногу обутъ, садится лычко къ ремешку лицомъ; понять-де (взять) хочетъ смердовъ (рабій) сынъ кралевскую дщерь“. Послы вернулись посрамленные, но королевичъ рѣшился отомстить королю и королевнѣ и все-таки ее взять. Помянутый гость Василій снаряжаетъ корабль, нагружаетъ его драгоцѣнными вещами и беретъ съ собой 30 „сенаторскихъ и рыцарскихъ“ отроковъ, подъ видомъ матросовъ, въ числѣ ихъ и королевича, и плыветъ изъ чешской земли во Францію (!). Тамъ гость Василій идетъ къ королю на поклонъ съ дарами, а тѣмъ временемъ королевичъ сталъ играть въ гусли, и такъ хорошо, что всѣ въ городѣ и на королевскомъ дворѣ начали плясать. Король пожелалъ слушать эту игру у себя во дворцѣ и, наконецъ, упросилъ гостя продать ему этого

[1]) Потомъ въ той же исторіи онъ называется Мстиславъ, Станиславъ.

отрока; гость назначилъ за него такую цѣну: „поставь его на златомъ коврѣ и осыпь его всего съ головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цѣна“. Король согласился, и для отрока вблизи дворца выстроенъ былъ черезъ улицу особый домъ; отрокъ (также Василій) великолѣпно украсилъ его и свою опочивальню устроилъ „изъ стеколъ зеркальныхъ“ и „мостъ“ (полъ) изъ такихъ же стеколъ, а кровать лучше королевской кровати. Гостю Василію королевичъ велѣлъ оставаться на кораблѣ и ждать до урочнаго времени.

Королевна съ первой встрѣчи нашла, что у нихъ въ королевствѣ нѣтъ такого „умнаго и прекраснаго молодца“ и стала „суминѣваться“, т.-е. подозрѣвать, что онъ не простого рода. Она зазвала его въ свои палаты играть, а потомъ стала угощать его и поить, чтобы онъ проговорился о своемъ родѣ; онъ тайкомъ выливалъ вино, притворился пьянымъ, и одна изъ „доброродныхъ дѣвицъ“ королевны, по его просьбѣ, снесла къ нему въ домъ его гусли,—самъ онъ боялся, что ихъ уронитъ и разобьетъ. Этой дѣвицѣ королевичъ показалъ свой великолѣпный домъ и подарилъ дорогой перстень; королевна взяла у нея этотъ перстень себѣ, а дѣвицѣ дала двадцать червонцевъ. И въ другой разъ случилось тоже, и королевичъ подарилъ другой дѣвицѣ золотую цѣпь. Обѣ разсказывали съ удивленіемъ о богатствѣ, которое видѣли. Наконецъ, случилось, что сама королевна, которая стала смотрѣть на молодца „зѣло прытко“, однажды переодѣла одну изъ дѣвицъ въ свое „королевское“ платье, а сама одѣла простое и, послѣ угощенья, согласилась снести гусли въ домъ королевича. Залучивши ее къ себѣ, королевичъ исполнилъ, наконецъ, свое мщеніе: сначала принялъ ее съ честью, угощалъ, потомъ завелъ въ свою опочивальню, взялъ „плеть-нагайку“ и сталъ бить королевну „по бѣлому тѣлу“, приговаривая ея собственными словами: „не тертъ не калачъ, не мятъ не ремень“ и пр.; королевна поняла, что это королевичъ Златовласый, взмолилась ему, но онъ до конца совершилъ надъ ней свою волю,—сказавъ, что сдѣлалъ все это за посмѣхъ ея, но что онъ ее возьметъ. Затѣмъ онъ подарилъ ей золотой вѣнокъ съ дорогими каменьями и велѣлъ „честно“ проводить ее до дому. Королевна, конечно, ничего не сказала дома, а королевичъ уплылъ на своемъ кораблѣ въ чешскую землю, оставивъ королю письмо съ изложеніемъ всего, что онъ сдѣлалъ надъ королевной. Кончилось все тѣмъ, что король французскій самъ послалъ посольство къ королевичу съ просьбой жениться на его дочери — „и бысть бракъ честенъ и радость велія во

граф Франціи"; а по смерти король завѣщалъ королевство своему зятю.

Сказка,—гдѣ мы опустили еще нѣкоторыя подробности,—въ полной формѣ. Г. Веселовскій указываетъ къ ней длинный рядъ параллелей въ сказкахъ народныхъ о разборчивой дѣвушкѣ и въ литературныхъ пересказахъ. Точнаго подлинника нашей исторіи, впрочемъ, не встрѣтилось, и происхожденіе ея остается неясно [1]).

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ старой повѣсти, пришедшихъ изъ польскаго источника, были знаменитыя „Римскія Дѣи" или „Дѣянія" (Gesta Romanorum), одна изъ популярнѣйшихъ книгъ средневѣковой Европы. „Дѣянія" были богатымъ запасомъ, откуда черпали проповѣдники и моралисты, литература новеллъ и такіе писатели, какъ Боккаччіо и Шекспиръ,—потому что здѣсь собрано было множество анекдотически-бытовыхъ или мнимо-историческихъ занимательныхъ и поучительныхъ разсказовъ, принадлежащихъ и классическому міру, и восточной поэзіи, и западно-европейской литературѣ среднихъ вѣковъ. Происхожденіе этого сборника давно занимало ученыхъ, какъ еще въ первой половинѣ XVII вѣка писалъ объ этомъ нѣмецкій протестантскій богословъ Саломонъ Глассъ; въ началѣ нынѣшняго столѣтія вопросъ особливо подвинутъ былъ въ упомянутой книгѣ Доплопа [2]) и вызвалъ потомъ цѣлый рядъ изслѣдованій и изданій англійскихъ, французскихъ и особливо нѣмецкихъ [3]). Извѣстный историкъ англійской поэзіи Вартонъ при-

---

[1]) Въ первыхъ строкахъ нельзя, однако, не обратить вниманіе на одно слово: „бысть въ древнія времена въ нѣмецкихъ *режихъ* въ чешской землѣ" и пр.; это слово едва-ли можетъ быть объяснено иначе какъ чешскимъ říše.

— Первое упоминаніе этой сказки (одно заглавіе) у Снегирева, въ Валуевскомъ „Сборникѣ", М. 1845.

— Бычковъ, Описаніе слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки. Спб. 1882, стр. 272 (№ LVII, Погод. № 1603).

— Повѣсть о Василіи Златовласомъ, королевичѣ чешской земли. Сообщеніе И. А. Шляпкина. Спб. 1882. „Памятники" Общества люб. древней письменности.

— Веселовскій, Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Спб. 1883 („Записки" акад. наукъ, т. XLV), стр. 62—80.

[2]) History of Fiction, 1814.

[3]) Укажемъ главнѣйшія:

— Англійскія изданія: Gesta Romanorum translated, by Rev. Ch. Swan. Lond. 1824, 2 vol.; изданіе старыхъ англійскихъ текстовъ, Маддена (для Роксбургскаго Общества, не поступавшее въ продажу, 1838) и The early english versions, reedited by S. I. H. Herrtage. Lond. 1879.

писывалъ составленіе „Дѣяній“ ученому бенедиктинцу Берхорію (Berchorius, Bercheur, ум. 1362); другіе, какъ Грессе и Моне, считаютъ авторомъ ихъ монаха Гелинанда (Helinandus, ум. 1227) и вообще относятъ составленіе сборника къ XIII—XIV столѣтію. Вопросъ о точномъ опредѣленіи лица и времени затруднялся тѣмъ, что хотя какой-нибудь монахъ и составилъ подобный сборникъ повѣстей и легендъ, но впослѣдствіи онъ чрезвычайно измѣнился отъ вставокъ, сокращеній и интерполяцій: не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся другъ отъ друга, и притомъ не одними варіантами текста, но и выборомъ статей, такъ что древнюю англійскую редакцію „Дѣяній“ иные принимаютъ за совершенно особенное произведеніе. Средневѣковая латынь „Дѣяній“ могла бы указать своими варваризмами отечество составителя, но и здѣсь представляется много затрудненій, такъ какъ въ позднѣйшихъ, извѣстныхъ теперь, текстахъ, кромѣ общихъ ошибокъ противъ языка, одинаково встрѣчаются и германизмы, и англицизмы, и галлицизмы. Очевидно, что всѣ эти признаки могли явиться только отъ послѣдовательнаго вліянія каждой національности; основной текстъ могъ раздробиться на нѣсколько несходныхъ редакцій отъ того, что въ одно и то же время переходилъ къ разнымъ читателямъ и подъ перомъ новыхъ передѣлывателей получалъ особенную форму. Эстерлей приходилъ къ заключенію, что сборникъ составился въ XIII вѣкѣ; нашъ изслѣдователь, г. Пташицкій, нашелъ въ одной латинской рукописи Львовскаго университета, XV вѣка, введеніе къ Gesta, до сихъ поръ не встрѣчавшееся, гдѣ временемъ составленія сборника показанъ 1261 годъ; такимъ образомъ опредѣляется время по крайней мѣрѣ той редакціи, которая заключается въ этой рукописи: надо замѣтить кромѣ того, что „Дѣянія“ носятъ здѣсь заглавіе Gesta Romanorum minora и въ самомъ текстѣ упоминаются Gesta majora [1]). Въ концѣ концовъ и этимъ не указано первое начало

— Французское: Le Violier des histoires romaines, ancienne traduction française des Gesta Romanorum. Nouvelle édition, revue et annotée par M. G. Brunet (Bibl. Elzevirienne). Paris, 1858.

— Нѣмецкія: Gesta R., das ist der Römer Tat. Herausg. von Ad. Keller. Quedl. und Leipzig, 1841 (старый нѣмецкій переводъ по рукописи XV вѣка); Das älteste Märchen und Legendenbuch des christlichen Mittelalters oder die Gesta R., von Dr. Grässe. Dresd. und. Leipz. 1842, 3-е изд. Leipz. 1850 (новый нѣмецкій переводъ по разнымъ латинскимъ редакціямъ); Gesta R., von H. Oesterley. Berlin, 1872.

[1]) „Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. Исторія изъ римскихъ дѣяній (Gesta Romanorum)“, С. Л. Пташицкаго, въ „Историческомъ Обозрѣніи“, изданіи Истор. Общ. при Спб. Университетѣ. т. VI, Спб. 1893, стр. 157—197.

сборника. По всей вѣроятности онъ составлялся мало-по-малу, удовлетворяя потребности занимательнаго и вмѣстѣ наставительнаго чтенія. Старѣйшій сборникъ подобнаго рода составленъ былъ въ XI вѣкѣ испанскимъ монахомъ, крещенымъ евреемъ, Петромъ Альфонсомъ, подъ названіемъ Disciplina Clericalis: этотъ сборникъ, какъ потомъ другіе подобные, долженъ былъ служить къ поученію клириковъ; содержаніе сборника переходило въ проповѣдь, которая на западѣ давно стала пользоваться легендарнымъ и анекдотически-бытовымъ „примѣромъ“ (нѣмецкіе bispel, которымъ соотвѣтствуютъ наши польско-русскіе „приклады“), а затѣмъ и въ простое чтеніе мірянъ. Изъ Disciplina пятнадцать разсказовъ вошло цѣликомъ въ Gesta Romanorum. „Разъ рукопись Петра попалась въ руки монаховъ [1]),—говоритъ г. Пташицкій, — они изъ нея выписывали, что̀ казалось подходящимъ, а къ этому добавляли и изъ другихъ источниковъ другіе разсказы. Такихъ бродячихъ разсказовъ, не вѣдающихъ отечества, въ то время была уже масса. Они прицѣплялись къ одному общему ко̀му и, катясь подобно лавинѣ, образовали тотъ безъименный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать ни того, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того, кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію. Въ такихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ стихійная сила, она ими управляетъ и ихъ образуетъ. Такія личности, какъ Голькотъ, Vincentius Bellovacensis, авторъ Dialogus creaturarum, Berchorius, брали уже готовый матеріалъ и иногда уже систематизированный. Брали его съ полнымъ сознаніемъ права имъ пользоваться, какъ вещью, составляющею общее достояніе, а не чье-либо частное. Поэтому-то въ такихъ произведеніяхъ, какъ Gesta Romanorum, нельзя даже доискиваться того, *кто* его составилъ, и слѣдуетъ ограничить изслѣдованіе вопросомъ, ка̀къ онъ составился... Около небольшого сборника группировались подходящіе разсказы, въ которыхъ ни текстъ, ни даже замкнутый циклъ не стѣсняли каждаго новаго переписчика“. Дѣйствительно, изъ полутораста разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ списковъ [2]) нельзя было найти даже двухъ, сходныхъ по группировкѣ разсказовъ и по ихъ изложенію.

Обилію рукописей отвѣчаетъ и обиліе печатныхъ изданій. Первыя изданія латинскаго текста выходили въ Утрехтѣ и въ Кёльнѣ; третье изданіе вышло также въ Кёльнѣ около 1473 г.

[1]) Правильнѣе, не однихъ монаховъ, а вообще любознательныхъ книжниковъ.

[2]) Эстерлей насчиталъ 138 списковъ англо-латинской и нѣмецко-латинской группы; г. Пташицкій могъ прибавить еще 12.

(181 глава) и послужило прототипомъ позднѣйшихъ перепечатокъ, а также разныхъ переводовъ. По первымъ тремъ изданіямъ, составляющимъ величайшую библіографическую рѣдкость, Эстерлей сдѣлалъ свое изданіе латинскаго текста. До половины XVI вѣка Грессе насчитывалъ почти пятьдесятъ изданій латинскаго текста—такъ велика была популярность книги; распространялись также и переводы [1]).

Заглавіе могло отвѣчать содержанію сборника вѣроятно только въ его первыхъ редакціяхъ; быть можетъ, даже и тогда имя главнаго народа служило также приманкой для читателя; впослѣдствіи это заглавіе уже далеко не отвѣчало содержанію, потому что, кромѣ исторій, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ римлянамъ, здѣсь вставлено очень много или сочиненныхъ разсказовъ, которымъ иногда приданы римскія имена, или легендъ, анекдотовъ и народныхъ сказокъ того времени. Компилятивный характеръ „Дѣяній“ легко видѣть изъ цитатъ и ссылокъ этого сборника на другія книги; кромѣ древнихъ римскихъ писателей здѣсь указываются и писатели средневѣковые; встрѣчаются даже ссылки на самыя Gesta: legitur in Gestis Romanorum, — подъ которыми понимаютъ, впрочемъ, не другое произведеніе этого имени, но вообще римскую или древнюю исторію. Далѣе, въ „Дѣянія“ вошло много восточныхъ сказокъ и апологовъ изъ болѣе древняго сборника Петра Альфонса, изъ латинской редакціи Калилы-ва-Димны и другихъ источниковъ; составитель ихъ воспользовался и латинскими хрониками, вставилъ притчи Варлаама, современные разсказы и т. п. Во всемъ этомъ отражаются однако понятія и нравы средневѣковой эпохи, которая видна и черезъ классическую обстановку: латинская одежда не скрываетъ и того оригинальнаго смѣшенія восточной фантазіи съ поэзіею европейской, какое произошло въ иныхъ повѣстяхъ „Дѣяній Римскихъ“.

Русскій переводъ, судя по языку и по другимъ указаніямъ, относится ко второй половинѣ XVII вѣка и сдѣланъ съ польскаго. Въ нашихъ рукописяхъ не однажды указывается, что „исторія изъ Римскихъ Дѣяній“—„новопреведена и списана съ книжицы *печатной* польскаго языка на русскій“, или: „преведена ново и списана з *друкованой* съ полской книжицѣ и языка на рускомъ“; въ одной рукописи прямо указано самое польское изданіе: „Исторіи розмаитыя, сирѣчь повѣсти избранныя, съ тол-

[1]) Напр. французскій: Le violier des histoires romaines; нѣмецкій: Das Buch Gesta Romanorum der Römer von den Geschichten, или: Die alten Römer; Sittliche Historien und Zuchtgleichnissen der alten Römer, и пр.

кованіемъ надлежащимъ... Печатаны въ Краковѣ, въ типографіи пана Войтеха Секѣльновича, типографа его королевскаго величества полскаго, въ лѣто отъ Христова рожденія 1663 году. Нынѣ же милостію великаго Бога съ полскаго языка на словенскій преведены въ лѣто 7199 (=1691) году".

Въ Польшѣ „Римскія Дѣянія" (латинскія) извѣстны были по крайней мѣрѣ съ XV-го вѣка, отъ котораго сохранились латинскія рукописи; рукописи польскаго перевода не существуютъ, но печатаніе перевода началось въ Польшѣ въ половинѣ XVI-го вѣка (первое упоминаніе въ 1553 году) и продолжалось до конца XVIII-го; изданія, однако, чрезвычайно рѣдки, при чемъ перваго изданія нашему библіографу не удалось найти, какъ не нашлось, повидимому, и того изданія 1663 года, которое названо въ старомъ русскомъ переводѣ. Польскій сборникъ представляетъ составъ, отличный отъ всѣхъ западно-европейскихъ сборниковъ и заключаетъ 39 разсказовъ, выбранныхъ, повидимому, изъ печатнаго латинскаго изданія. Въ русскомъ переводѣ мы находимъ то же число и тотъ же выборъ повѣстей, что въ польскихъ изданіяхъ, только расположенныхъ въ другомъ порядкѣ [1]).

Сравнивая разные списки „Дѣяній", можно придти къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Варіанты ихъ касаются не отдѣльныхъ фразъ и словъ, но цѣлаго характера изложенія, такъ что въ однихъ спискахъ болѣе замѣтно вліяніе польскаго подлинника, въ другихъ господствуетъ обыкновенный книжный языкъ XVII-го столѣтія, соблюдаемый довольно правильно. Слово „новопреведенный", какъ называются постоянно повѣсти изъ „Римскихъ Дѣяній", можетъ, впрочемъ, не показывать вторичности перевода, потому что означало у старинныхъ грамотеевъ *недавно* переведенный. Ни имя переводчика, ни время не опредѣлены, по обыкновенію, и здѣсь; 1691 годъ могъ означать передѣлку стараго перевода. Первоначальный характеръ языка вообще долго держался, такъ что списки весьма поздніе сохраняютъ много польскихъ словъ перваго подлинника; потому совершенное почти исчезновеніе ихъ можно объяснять полнымъ исправленіемъ стараго перевода [2]).

---

[1]) Ср. списокъ главъ польской книги у Пташицкаго и перечисленіе главъ русскаго перевода въ моемъ „Очеркѣ", 1857, стр. 185—194.

[2]) Нѣсколько „прикладовъ" изъ Римскихъ Дѣяній помѣщено въ приложеніяхъ къ „Очерку", 1857, стр. 338—344.

Цѣлое изданіе сдѣлано Обществомъ любителей древней письменности: „Римскія дѣянія (Gesta Romanorum)". Спб. 1877—1878; выпускъ второй и послѣдній, Спб. 1878. № V, XXXIII, съ предисловіемъ, оглавленіями сравнительно съ латинскимъ

Наши „Дѣянія“, какъ и другія повѣсти, зашедшія къ намъ въ XVII столѣтіи, представляютъ мало національныхъ примѣненій, но при всемъ томъ были читаны охотно, потому что удовлетворяли и благочестивой настроенности нашихъ предковъ, и любви къ занимательному чтенію. „Римскія Дѣянія“ отличаются тою же непосредственной наивностью, какая нравится въ старинныхъ французскихъ фабльо, и вмѣстѣ добродушнымъ желаніемъ „поучать“. Нѣкоторые разсказы, напр., въ Disciplina Clericalis, были бы на своемъ мѣстѣ только въ Декамеронѣ; „Дѣянія“ нѣсколько строже въ этомъ отношеніи, но и ихъ средства поученія не всегда безукоризненны.

Нѣкоторыя повѣсти, занесенныя въ Gesta Romanorum, извѣстны были у насъ и по другимъ редакціямъ и появились, вѣроятно, раньше русскихъ „Дѣяній“. Не говоря о жизнеописаніяхъ Евстафія, Алексѣя Божія человѣка и даже Григорія папы римскаго, которыя легко могли имѣть у насъ византійское происхожденіе, и другіе разсказы могли имѣть иное и болѣе раннее начало. Таковы „Притча о нѣкоемъ вельможѣ“, „Повѣсть о царѣ Агеѣ, како пострада гордости ради“, представляющая близкій варіантъ приклада о цесарѣ Іовиніанѣ [1]), повѣсть о пустынникѣ, „Прикладъ дивнаго устроенія нѣкоего благотворца и праведнаго судіи“ [2]) и др.

Ко второй половинѣ XVII вѣка относится переводъ другого, гораздо болѣе обширнаго собранія назидательныхъ повѣстей, получившаго у насъ обширное распространеніе, такъ что полные списки, или извлеченія, или отдѣльныя повѣсти его находятся неизбѣжно въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ каждомъ значительномъ рукописномъ собраніи. Это—„Великое Зерцало“, котораго названіе объясняется его внѣшнею величиною: число повѣстей, въ немъ помѣщенныхъ, въ нашихъ редакціяхъ простирается до девятисотъ и книга представляетъ огромный фоліантъ; польскія изданія XVII-го вѣка, откуда идетъ наше Зерцало, являются фоліантами до полутора тысячъ страницъ. Если „Римскія Дѣянія“ были въ полной мѣрѣ созданіемъ среднихъ вѣковъ со всей ихъ непосред-

---

подлинникомъ и указателемъ. Предисловіе крайне запутано и, между прочимъ, представляетъ два совсѣмъ различные отзыва о самомъ памятникѣ (стр. XV, XXII).

[1]) Объ этой повѣсти ср. въ моемъ „Очеркѣ“, 1857, стр. 196—197; Веселовскаго, Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб. 1879, стр. 106 и далѣе, стр. 147—150 (текстъ XVII вѣка).

[2]) Въ „Очеркѣ“, 1857, стр. 197—198.

ственностью, то „Великое Зерцало“ было позднимъ книжнымъ развитіемъ средневѣкового преданія въ ту пору, когда эта старая непосредственность была уже поколеблена реформой; но самый складъ сборника исходилъ изъ тѣхъ же образцовъ средневѣковой поучительной литературы, примѣры которыхъ мы упоминали въ Disciplina Clericalis, Gesta Romanorum и т. п. Ближайшимъ первообразомъ, изъ котораго развилось „Великое Зерцало“, было Speculum Exemplorum (по-старинному было бы: зерцало прикладовъ), т.-е. примѣровъ, которые должны были служить для назидательнаго чтенія и которые, какъ мы упоминали, служили также богатымъ и привычнымъ матеріаломъ для средневѣковой проповѣди. Этотъ Speculum Exemplorum изданъ былъ въ Голландіи въ 1481 году, много разъ перепечатывался впослѣдствіи и наконецъ передѣланъ былъ въ началѣ XVII-го столѣтія въ громадный сборникъ ученымъ іезуитомъ, бельгійцемъ Іоанномъ Майеромъ [1]). Взявши въ основаніе прежнюю книгу, онъ дополнилъ ее новыми примѣрами, расположилъ ихъ по догматическимъ и религіозно-нравственнымъ рубрикамъ, привелъ указанія источниковъ и прибавилъ кое-гдѣ свои объясненія. Нашъ историкъ „Великаго Зерцала“ сообщаетъ, что эти новые примѣры безцвѣтны и тенденціозны, мораль ихъ пропитана аскетизмомъ, и прибавимъ, также особымъ духомъ католическо-іезуитскаго благочестія. Вмѣшательство чуднаго доходитъ до слѣдующихъ размѣровъ. Ученики играли въ рекреацію, а затѣмъ вознамѣрились пойти въ дурной домъ; одинъ „благочестивый“ изъ нихъ воспротивился, но за одно только сообщество съ дурными товарищами былъ наказанъ „чудеснымъ образомъ“: ангелъ ударилъ его въ ланиту на улицѣ, такъ что щека его опухла и въ теченіе нѣкотораго времени онъ не могъ выйти изъ дому. „О блаженный ударъ, посланный съ неба (замѣчаетъ педагогъ-іезуитъ) въ наученіе впредьидущимъ поколѣніямъ. Итакъ знай, что Богу и ангеламъ мерзко есть сообщаться со злыми“. Особенное вниманіе дано лютеранамъ и кальвинистамъ. Одна благородная дѣвушка въ Голландіи, еще въ 1525 г., однажды обмерла и видѣла, какъ „въ пропастѣхъ адскихъ пламенствуютъ“ лютеране. Одно дитя умерло при крещеніи кальвинскомъ и ожило для крещенія католическаго: мать этого дитяти

[1]) Speculum Magnum exemplorum ex plus quam LX authoribus pietate, doctrina et antiquitate venerandis, variisque tractatibus exce(r)ptum ab Anonimo quodam, qui circiter Annum Domini 1480 vixisse deprehenditus. Nunc per quendam patrem e Societate Jesu ab innumeris mendis et fastidiosis breviationibus vindicatum, variis notis auctorumque citationibus illustratum et appendice locupletatum. Duaci, 1605.

была католичка, а отецъ—кальвинистъ. Императоръ Максимиліанъ видѣлъ дьявола на плечахъ монаха Лютера и предсказывалъ: „сей монахъ проклятый веліе сотворитъ христіанамъ развращеніе и многихъ отторгнетъ отъ благочестія и великое содѣетъ несогласіе", и т. д.

„Magnum Speculum" или еще его первообразъ, „Speculum Exemplorum", воспользовалось по обычаю предшествовавшими сборниками подобнаго характера, такъ что въ немъ оставили свой слѣдъ Disciplina Clericalis Петра Альфонса (конца XI вѣка), Gesta Romanorum, Legenda Aurea Якова de Voragine (конца XIII вѣка), Dialogus miraculorum Цезаря Гейстербаха, Speculum Majus Винцента де-Бове (Bellovacensis), и т. п. Церковная литература вошла въ большомъ изобиліи, начиная съ древне-христіанской и византійской (здѣсь цитируются творенія Златоуста, Евсевія, Дамаскина, восточно-византійскіе Патерики) и кончая католическими авторитетами, какъ Ѳома Аквинатъ, Бонавентура, Александръ Некамъ, Ѳома Кантипратанъ и др.

Изданія латинскаго Зерцала дѣлались вообще іезуитами; имъ же принадлежитъ и польскій переводъ. Первое изданіе польскаго „Зерцала" вышло, кажется, въ 1621 году, было потомъ повторяемо до XVIII-го вѣка, продолжая разростаться, между прочимъ изъ польскихъ источниковъ (какъ Длугошъ, Кромеръ, Скарга и пр.), такъ что въ изданіи 1633 года число „прикладовъ" доходитъ до 2309. Это изданіе [1]) послужило оригиналомъ для русскаго перевода, сдѣланнаго въ 1677 году по желанію царя Алексѣя Михайловича [2]). Кѣмъ былъ сдѣланъ переводъ, остается

[1]) Wielkié Zwierciadło przykładów, więcey niżli z osmiudziesiąt pisarzów, pobożnością, nauką i starowiecznością przezacnych: także z rozmaitych historyy i traktatów kościelnych wyjętė przez iednego niemianowanégo który żył około roku 1480, potym przez x. Jana Maiora S. J. dowodém samych autorów obiaśnioné: tudzież więcéy niżli dwiema tysiącami przykładów rozmaitych szeroko rozwiedzioné, potym przez x Antoniego Daurolciusa S. J. który wielce znamienitą xięgę Floreś Exemplorum (wydał?) szerzéy napisané; a na ostatek przez x. Szymona Wysockiego S. J. na polskié znowu przełożoné, a teraz swieżo po trzeci raz przez x. Jana Lesiowskiego S. J. z, przyczynieniém wielu przykładów y poprawą wielu omyłek sporządzone. W Krakowie 1633, f°, 1467 стр. См. Jochera, Obraz II, 848; о Высоцкомъ Maciejowski, Polska pod względem obyczajów и пр., I, 403; Piśmienictwo polskie III, 30, 310.

[2]) Это указано въ заглавіи синодальнаго списка „Великаго Зерцала", гдѣ вкратцѣ повторено приведенное выше заглавіе польской книги:

„Великое Зерцало притчей или прилоговъ. Болѣе осмидесять писцовъ богобоязнивыхъ, ученіемъ и древностію превзрядныхъ написанное. Такожде отъ многихъ исторій, и отъ церковныхъ многихъ учителей собрано нѣкоимъ единѣмъ его же здѣ имя не обрѣтается. Первіе бысть на римскомъ языцѣ. Тоже преведеся нѣкоимъ римляниномъ (т.-е. римско-католикомъ) іеромонахомъ Симономъ Высоцкимъ на польскій.

по обычаю неизвѣстно. Судя по значительнымъ варіантамъ изложенія въ разныхъ спискахъ, можно думать, что было если не два независимые перевода, то двѣ или болѣе редакцій, т.-е. что первый переводъ былъ пересмотрѣнъ и передѣланъ.

При той крайней враждѣ, какую древняя Русь издавна питала къ церковной „латынѣ“, нѣсколько неожиданно встрѣтить переводъ книги не только латинской, но именно іезуитской, переводъ, который дѣлается по волѣ самого царя и занимаетъ потомъ мѣсто въ библіотекахъ царя, высшихъ іерарховъ и монастырей. Объясненіе этого, кромѣ интереса самой книги, заключается въ томъ, что къ этому времени старая вражда стала нѣсколько охладѣвать и переводъ польской книги становился дѣломъ довольно обыкновеннымъ, а наконецъ при исполненіи перевода приняты были мѣры къ тому, чтобы по возможности сгладить спеціально католическія черты изложенія. Такъ напримѣръ, гдѣ рѣчь идетъ о римскомъ папѣ и римской церкви, тамъ вмѣсто этого ставится: „вселенскій патріархъ“, „святая соборная восточная апостольская церковь“; когда въ подлинникѣ говорится: написано въ дѣяніяхъ папъ, въ переводѣ читаемъ: „написано въ дѣяніяхъ нѣкихъ отъ отецъ святыхъ“; „сынъ католикъ“ переведено: „сынъ христіанинъ“ и т. п.; вмѣсто кальвинистовъ ставятся просто еретики. Такимъ образомъ чужая внѣшность была удалена, а затѣмъ въ общемъ складѣ книги, заимствовавшей притомъ многое изъ источниковъ византійскихъ, не находили ничего, что могло бы смущать православнаго читателя. Другимъ отличіемъ русскаго перевода отъ подлинника было устраненіе ученыхъ подробностей польскаго оригинала, напр. указаній авторовъ, замѣчаній объ источникахъ, польскихъ и латинскихъ стиховъ; иногда пропускаются цѣлые примѣры, сходные съ разсказами, извѣстными изъ своихъ книгъ, напр. изъ Пролога. Замѣтимъ, наконецъ, что русскій переводъ даетъ польскую книгу далеко не въ полномъ составѣ, а именно только меньшую ея половину. Такъ какъ и наша книга была все-таки очень велика, то дѣлались списки меньшаго объема и носили названіе „Малаго Зерцала“; наконецъ, какъ мы упо-

---

Нынѣ же на желаніе и повелѣніе великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, его царскаго величества тщаніемъ, во пользу всѣмъ тщущимъ православно-россійскаго царствія христіаномъ преведеся на славено-россійскій языкъ въ лѣто 7185“.

О „Зерцалѣ“ см. въ „Очеркѣ“, 1857, стр. 198—208, и въ особомъ изслѣдованіи П. В. Владимірова: „Великое Зерцало (изъ исторіи русской переводной литературы—XVII вѣка)“, въ „Чтеніяхъ“ моск. Общества исторіи и древн., 1883, кн. 2—3, и отдѣльно, М. 1884.

минали, чрезвычайно были распространены въ рукописяхъ отдѣльныя статьи этого сборника.

Обширный успѣхъ „Великаго Зерцала“ зависѣлъ именно отъ того, что оно вполнѣ совпадало съ господствующимъ характеромъ нашей собственной легендарной письменности и съ своей стороны прибавляло къ нему много новаго интереснаго матеріала. Это была та же проповѣдь аскетическаго благочестія, то же суровое осужденіе мірскихъ удовольствій и соблазновъ, то же обиліе легендарныхъ мотивовъ, разсказовъ изъ житій святыхъ, всевозможныхъ видѣній и чудесъ, откровеній о загробной жизни, такъ что „Зерцало“ становилось рядомъ съ давно знакомыми собственными книгами — Патериками, Минеями, Прологомъ, только добавляя ихъ новыми и иногда болѣе свѣжими данными. Само „Зерцало“ становилось авторитетной книгой и повѣсти его входили, напр., въ составъ синодиковъ, въ которыхъ съ конца XVI вѣка стали помѣщаться разсказы, относившіеся къ загробной жизни и поминовенію умершихъ. Въ общемъ обиходѣ нравственныхъ понятій „Зерцало“ являлось только новымъ источникомъ поученія. Къ общимъ наставленіямъ о благочестивомъ и нравственномъ житіи присоединялись и такія, на которыхъ особенно останавливалось собственно русское поученіе XVI—XVII вѣка. Такъ напримѣръ: „о еже честь воздавати родителямъ и не презирати ихъ, зѣло ужасно“, „о піянствѣ и о осужденіи піяницъ по смерти пити огнь и жупелъ“, „честь обычай премѣняетъ“, „о лукавствѣ“, „о плотьскомъ искушеніи“, „терпѣніе“, „чистота“, „гостей или странныхъ пріятіе“ и т. п., или „Зерцало“ говоритъ противъ чародѣйства, волхованія и звѣздочества и цѣлыми трактатами доказываетъ гибель тѣхъ, кто имъ предается: „о учащихся злымъ чародѣйскимъ книгамъ и чернокнижнымъ наукамъ“, „о нѣкоей чаровницѣ и о ея осужденіи“, „черноокнижникъ дѣвицу, призывающую святого Іеронима, хотя къ юноши склонити, посла бѣса, отъ него же самъ зло пострада“, „чародѣйство: въ вещахъ противныхъ къ чародѣемъ недостоитъ прибѣгати“, „волхованіе: волшебъницу діаволи изъ церкви, въ неиже быть погребена, восхитина, на конь же посадивше адскій, съ воплемъ везоша во адъ“, и др. Или „Зерцало“ возстаетъ противъ игръ и иныхъ мірскихъ удовольствій: „о еже не мня быти грѣхъ, кто играетъ картами и шахматы, и прочими *катырскими* играми“, „о еже не глумитися и играми не забавлятися“, „о пляшущихъ и тонцующихъ, и како пляшущіи въ нощи Рождества Господа нашего І. Х. въ проклятіи цѣлый годъ плясаша“; плясаніе осуждается далѣе въ семи главахъ, изъ которыхъ послѣдняя: „како зла вещь есть пля-

саніе, и колико есть мерско предъ Господемъ, отъ видѣнія является", — и во многихъ другихъ разсказахъ, которые совершенно соотвѣтствуютъ запрещеніямъ, наложеннымъ въ старину на плясаніе, скоморошество, игру въ зернь, въ карты и тавлеи.

Въ „Зерцало" вошли, наконецъ, анекдотическіе разсказы, не имѣющіе никакой особой назидательности, какъ напр. о случаяхъ необычайнаго плодородія женщинъ, когда, напр., будто бы „дщи Генрика князя брабанскаго, брата бысть жена краля нѣмецкаго", родила вдругъ 364 человѣка дѣтей, или, попроще, „дванадесять во едино время рождени" одной матерью и т. п. Источникомъ бывали здѣсь сборники шутокъ и анекдотовъ, весьма любимые въ XV—XVI столѣтіи, а позднѣе также заходившіе и къ намъ. Многія повѣсти относятся къ лицамъ дѣйствительно или мнимо историческимъ, и въ числѣ ихъ одна, самая обширная въ „Зерцалѣ", разсказываетъ о страшной судьбѣ Удона, епископа магдебургскаго, который, предавшись пороку, соединенному съ кощунствомъ, былъ наказанъ жестокою казнью,—это видѣли ясно въ видѣніи два іерея. Повѣсть, дѣйствіе которой указывается въ 985 году, взята изъ средневѣковыхъ хроникъ, кромѣ „Зерцала" повторяется во множествѣ отдѣльныхъ списковъ,—изъ чего видна ея особая популярность.

Неудивительно, что повѣсти „Великаго Зерцала" нашли свое отраженіе въ произведеніяхъ народной словесности—духовныхъ стихахъ, лубочныхъ картинкахъ, народныхъ анекдотахъ и т. п. [1]) и даже пріобрѣтали значеніе въ раскольничьей литературѣ.

Польское вліяніе принесло преимущественно во второй половинѣ XVII вѣка еще новый рядъ произведеній, знаменитыхъ въ литературѣ западной и наконецъ приходившихъ къ намъ обыкновенно тогда, когда здѣсь ихъ роль была уже собственно окончена и они переходили въ разрядъ народныхъ, т.-е. простонародныхъ книгъ. Такова была знаменитая повѣсть о Семи Мудрецахъ, принадлежащая къ числу тѣхъ странствующихъ исто-

[1]) Владиміровъ, стр. 76, 98 и далѣе. Костомаровъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы", вып. I, помѣстилъ нѣсколько повѣстей и легендъ, принадлежащихъ къ составу „Великаго Зерцала", но, не обративъ вниманія на ихъ источникъ, приписалъ ихъ русской письменности и давалъ имъ русскія бытовыя пріуроченія. Таковы: Легенда о покаяніи князя (стр. 91); повѣсть о грѣшной матери (стр. 99); видѣніе мукъ грѣшницы во адѣ (стр. 105); легенда о временномъ посѣщеніи ада (стр. 109); легенда о нѣкоемъ купцѣ (стр. 133); легенда о пьяницѣ, продавшемъ душу бѣсу (стр. 141); легенда объ игрокѣ (стр. 145); о танцующей дѣвицѣ (стр. 209); легенда объ оживленной курицѣ (стр. 207). Владиміровъ, стр. XI.

рій, какія мы уже имѣли случай указывать и между которыми „Семь мудрецовъ“ занимаютъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ. Ихъ распространеніе было такъ обширно, что послѣ Библіи, какъ говорили, ни одна книга не имѣла столько переводовъ, какъ „Семь Мудрецовъ“. Корень ея опять индійскій, о которомъ заключаютъ по арабскому и персидскому переводамъ, появившимся гораздо раньше Калилы-и-Димны. Въ Европѣ „Семь Мудрецовъ“ распространились изъ переводовъ еврейскаго и греческаго; сдѣланный съ еврейскаго латинскій переводъ въ первый разъ назвалъ книгу: Historia septem sapientum Romae. Отсюда исторія разошлась по всѣмъ литературамъ Европы въ разнообразныхъ редакціяхъ и даже подъ разными названіями: въ готовую рамку повѣсти вносились новые посторонніе разсказы, такъ что въ позднѣйшемъ итальянскомъ „Эрастѣ“ XVI вѣка находится только одинъ разсказъ изъ тѣхъ, какіе помѣщены въ старинной греческой редакціи. Имена дѣйствующихъ лицъ также измѣнялись: въ греческой редакціи царь называется Киръ, а мудрецъ—Синтипа, въ стихотвореніи Герберта главное лицо, королевичъ, называется Лициніаномъ, отецъ его—король сицилійскій Долопатъ, а мудрецъ, которому поручено воспитаніе королевскаго сына—Виргилій, одно изъ любимыхъ въ средніе вѣка лицъ классическаго міра, на которое перенесено было въ средніе вѣка много фантастическихъ сказаній. Въ другихъ редакціяхъ царь носитъ имя Діоклитіана, а сынъ его—имя Флорентина, или же царь называется Понціаномъ, а имя Діоклитіана относится къ его сыну; въ числѣ семи мудрецовъ древняя французская повѣсть, какъ и наша, упоминаетъ Катона, Лентула и пр.

Наша исторія взята была съ польскаго [1]). Въ Польшѣ книга была напечатана еще въ началѣ XVI вѣка въ числѣ старѣйшихъ польскихъ книгъ; это первое изданіе остается неизвѣстно библіографамъ, но повидимому оно безъ особенныхъ перемѣнъ повторялось въ послѣдующихъ изданіяхъ XVII, XVIII и даже

[1]) См. въ „Очеркѣ“, 1857, стр. 251—260, и нѣсколько отрывковъ текста въ приложеніяхъ, стр. 353—357.

— Спеціальныя изслѣдованія славянскихъ переводовъ Семи Мудрецовъ сдѣлалъ М. Мурко: Die Geschichte von den Sieben Weisen bei den Slaven. Wien, 1890 (въ Sitzungsberichte вѣнской академіи, т. CXXII); Bugarski i srpski prijevod knjige o Sedam Mudraca, njen izvor i kratak obzir na druge slovenske redakcije, въ „Радѣ“ юго-славянской академіи, кн. С. Загребъ, 1890.

— „Исторія Семи Мудрецовъ“ издана была Обществомъ любителей древней письменности. Спб. 1878, два выпуска, съ предисловіемъ Ѳ. Булгакова, по рукописи Общества, съ нѣкоторыми варіантами изъ двухъ другихъ рукописей (№ XXIX, XXXV).

XIX вѣка [1]). Подлинникъ польскаго перевода былъ по всей вѣроятности латинскій, но не въ первопечатномъ изданіи, а скорѣе въ страсбургскомъ изданіи 1512 года [2]). Русскій переводъ,—который называется „Повѣсть о Семи Мудрецахъ", или „Сказаніе", въ позднѣйшихъ спискахъ „Гисторія",—по мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя появился вѣроятно еще въ XVI столѣтіи прежде всего въ западной Россіи, откуда черезъ Новгородъ проникъ въ Москву. Этотъ путь есть, конечно, предположительный и едва-ли можетъ быть доказанъ, но бѣлорусское происхожденіе весьма вѣроятно. Польскій оригиналъ перевода сказывается въ значительномъ числѣ несомнѣнныхъ полонизмовъ, которые удерживаются отчасти и въ позднихъ, наиболѣе переправленныхъ и обрусѣвшихъ спискахъ. Число извѣстныхъ теперь экземпляровъ повѣсти доходитъ до 40, что свидѣтельствуетъ объ ея распространеніи. Изложеніе повѣсти въ разныхъ спискахъ представляетъ такое обиліе варіантовъ, что естественно приходила мысль о томъ, что переводъ былъ не одинъ, и трудность вопроса о возможныхъ различныхъ редакціяхъ повѣсти увеличивается тѣмъ, что до сихъ поръ не отыскался и самый польскій оригиналъ, такъ какъ печатный польскій текстъ этимъ оригиналомъ не былъ: повѣсть была переведена, по всей вѣроятности, съ рукописнаго текста. При всемъ томъ новѣйшій изслѣдователь повѣсти утверждаетъ, что переводъ былъ однако одинъ и доказываетъ это тѣмъ, что, при всѣхъ варіантахъ изложенія, списки повѣсти одинаково повторяютъ два испорченныхъ мѣста, гдѣ польскій оригиналъ не былъ понятъ русскимъ перелагателемъ. Разнообразіе списковъ столь значительно, что нѣтъ двухъ рукописей, которыя были бы буквально сходны, т.-е. ни одинъ изъ извѣстныхъ теперь списковъ не служилъ оригиналомъ для другого; притомъ въ новѣйшихъ спискахъ встрѣчаются иногда черты болѣе первоначальныя, чѣмъ даже въ старыхъ рукописяхъ.

Объ отношеніи русской повѣсти къ польской мы уже замѣ-

[1]) Существовавшее изданіе XVII вѣка извѣстно только по дефекту безъ заглавія. Въ изданіи XVIII вѣка заглавіе, вѣроятно старое, таково: Historya piękna y ucieszna o Poncyanie cesarzu rzymskim, iako syna swego iedynego Dyoklecyana dał w naukę y ku wychowaniu siedmi mędrcom. Która w sobie wiele przykładow y powieści cudnych zamyka, każdemu człowiekowi ku czytaniu pożyteczna y potrzebna. Dla zachowania ciekawego czytelnika, z poprawą sensu, słowy polerowniey̆szemi, teraz świeżo przedrukowana s. l. e. a. (64 листка безъ пагинаціи). Мурко (Geschichte и пр., стр. 74) сомнѣвается, впрочемъ, въ поправкѣ смысла и въ полированіи словъ.

[2]) Pontianus. Dicta aut facta septem sapientum и пр. Мурко, Geschichte и пр., стр. 16, 81. Ср. стр. 116.

тили, что русскій текстъ долженъ былъ основываться не на печатной книгѣ, а на рукописи, которая представляла особенности.

Первоначальный русскій текстъ въ „Повѣсти о Семи Мудрецахъ", какъ мы замѣчали это и относительно другихъ произведеній, приходившихъ этимъ путемъ, былъ на первый разъ какъ будто только переписью польскаго оригинала, отчего въ немъ и удержалось послѣ такое количество полонизмовъ. Съ теченіемъ времени, при новыхъ переписяхъ, эти полонизмы мало-по-малу и различнымъ образомъ сглаживались; но за особенностями языка въ повѣсти были и особенности бытового содержанія, съ которыми справиться было не легко. Мы видѣли раньше, какъ трудно перелагались въ русскую одежду черты чуждаго европейскаго быта, напр. рыцарскаго обычая и понятій: подобное повторяется и въ „Повѣсти о Семи Мудрецахъ". Русскимъ книжникамъ было и здѣсь непонятно рыцарство, въ особенности турниръ. Это переводится обыкновенно: ѣздить на бои, ѣздить на многія службы, въ науки, творить потѣшныя игры; поединокъ называется битва на срокъ; маршалъ передается или въ польской формѣ, или принимается за собственное имя, или переводится великимъ воеводой; сенешалъ переводится: юноша. Польскіе „паны радные" являются ратными, рядными, рядниками, урядниками, изрядными панами. О королях добавляется иногда, что они правили своими землями самодержавно; къ царскому двору идутъ не только для того, чтобы „послужить и всякихъ обычаевъ навыкнуть", но и „всякаго чину надержаться", въ чемъ отражалась, вѣроятно, уже вкоренявшаяся наклонность къ служебной обрядности, „чинность" [1]).

Повѣсть о Семи Мудрецахъ представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ новеллъ, соединенныхъ первой завязкой сюжета—манера свойственная восточнымъ сборникамъ, повторявшаяся въ итальянскомъ Декамеронѣ, испанскомъ „Графѣ Луканорѣ" и т. п. Въ большей части редакцій, въ томъ числѣ и въ нашей, ходъ повѣсти переданъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ король отдалъ своего сына на воспитаніе семи мудрецамъ, которые должны были научить его всякой премудрости; они поселяются съ воспитанникомъ своимъ вдалекѣ отъ отца, который, между тѣмъ, потерявъ первую жену, женился въ другой разъ. Лукавая мачиха ищетъ средствъ погубить королевича, чтобы доставить престолъ своимъ дѣтямъ, и проситъ короля призвать ко двору сына, уже кончившаго образованіе. Мудрецы посредствомъ астрологическихъ знаній своихъ увидѣли, что королевичъ будетъ *нѣмъ* въ продолженіе

[1]) Мурко, тамъ же, стр. 119 и далѣе.

первыхъ семи дней по пріѣздѣ къ отцу и что отъ того угрожаетъ ему большая опасность: но дѣлать было нечего, и они отправились. Король съ радостью встрѣтилъ сына, но королевичъ вдругъ сталъ нѣмъ, не отвѣтивъ отцу ни однимъ словомъ. Мачиха воспользовалась этимъ, и, раздраженная отказомъ королевича исполнить ея желанія, рѣшилась отомстить и оклеветала его передъ королемъ, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ разсказываетъ апологъ, гдѣ доказывается, что не нужно щадить дурного дерева, которое можетъ только повредить хорошимъ. Король въ гнѣвѣ велитъ казнить сына,—гибель его неизбѣжна, потому что онъ не можетъ высказать своихъ оправданій. Спасителями его являются семь мудрецовъ. Когда королевичъ былъ уже на мѣстѣ казни, первый изъ нихъ проситъ палачей подождать, идетъ къ царю и разсказываетъ ему повѣсть или притчу, гдѣ обнаруживается весь вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ: увлеченный разсказомъ, король откладываетъ казнь. Тогда опять является на сцену мачиха и разсказываетъ новую повѣсть, съ той моралью, что не должно поддаваться лживымъ словамъ придворныхъ совѣтниковъ, которые часто бываютъ причиною всякаго зла и королямъ и государствамъ; второй мудрецъ защищается вторымъ разсказомъ... Такъ идутъ разсказы въ теченіе семи дней: каждый разъ мачиха приводитъ короля къ пагубному рѣшенію и каждый разъ мудрецы отклоняютъ опасность. Наконецъ, королевичъ снова начинаетъ говорить: онъ легко оправдывается отъ возведенной на него клеветы и, напротивъ, выставляетъ наружу всѣ пороки мачихи, которая терпитъ должное наказаніе; въ заключеніе королевичъ разсказываетъ еще одну повѣсть, имѣющую отношеніе къ его собственной судьбѣ. Такимъ образомъ, въ цѣлой исторіи, кромѣ главнаго ея сюжета, включено семь разсказовъ королевы, повѣсти каждаго изъ семи мудрецовъ и разсказъ королевича; впрочемъ, число вставныхъ повѣстей не во всѣхъ редакціяхъ одинаково. По словамъ Донлопа, немногія произведенія среднихъ вѣковъ могутъ доставить такой прекрасный примѣръ для объясненія генеалогіи „странствующихъ“ разсказовъ и быстраго перехода ихъ изъ одной страны въ другую, какъ повѣсть о Семи Мудрецахъ. Одни изъ ея разсказовъ принадлежатъ восточной фантазіи, другіе вставлены европейскими передѣлывателями, и всѣ вмѣстѣ служили образцами и источниками позднѣйшихъ повѣстей и новеллъ.

Ко второй половинѣ XVII вѣка принадлежитъ далѣе рядъ рыцарскихъ романовъ, пришедшихъ къ намъ тѣмъ же польскимъ пу-

темъ. Въ западно-европейскихъ литературахъ рыцарскій романъ все больше превращался въ простонародную книгу, и перемѣна публики указывала, что роль его кончилась. Неизвѣстные у насъ въ пору своего процвѣтанія, эти романы приходили къ намъ именно теперь, когда дѣлались сказкой. Рыцарскій романъ занялъ опять важное мѣсто въ средѣ странствующихъ повѣстей; произведенія его быстро переходили изъ одной литературы въ другую, являлись въ числѣ первопечатныхъ изданій и эта популярность привела ихъ и въ русскую литературу. Здѣсь нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли большую славу, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ они существовали теперь въ западной литературѣ—въ смыслѣ народной книги. Если рыцарство и на западѣ становилось уже преданіемъ, то у насъ оно было и совсѣмъ неизвѣстно; романъ былъ интересенъ только какъ богатырская сказка. Если къ понятіямъ нашихъ читателей не подходили картины любви, нѣжной и идеальной, то нравились богатырскія похожденія: сила и храбрость рыцарей, непреодолимая охота совершать подвиги, любовь къ странствіямъ, соединеннымъ съ чудесами и опасностями, сближали чужихъ паладиновъ съ богатырями нашего сказочнаго эпоса, такъ что иные переводные романы въ самомъ дѣлѣ стали рядомъ съ чисто-народными произведеніями. Таковъ былъ Бова. Въ одномъ спискѣ его исторіи, принадлежащемъ XVII вѣку, читатель или переписчикъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ героѣ, такимъ образомъ заканчивая повѣсть: „и почелъ Бова жить по старинѣ... лиха избывать, а добра наживать, *а Бове слава не минетца*, отныне и до вѣка“. Популярность романа отражалась и тѣмъ, что въ изложеніи появлялись черты народнаго склада; исторіи получали характеръ и названіе „потѣшныхъ книгъ“, нерѣдко представлялись въ „лицахъ“ или въ „личныхъ фигурахъ“, съ которыми уцѣлѣли до сихъ поръ въ лубочныхъ изданіяхъ. Г. Забѣлинъ упоминаетъ о потѣшныхъ книгахъ, служившихъ забавой царевичамъ: книги эти богато переплетались, картинки разрисовывались яркими красками съ золотомъ и серебромъ. Нѣкоторые сохранившіеся списки подобныхъ книгъ, какъ одна изъ Толстовскихъ рукописей „Александріи“, даютъ понятіе о „роскошныхъ изданіяхъ“ того времени.

Назовемъ, во-первыхъ, исторію о Мелюзинѣ, старый французскій романъ, героиня котораго была дочь волшебницы и сама волшебница, наказанная за непочтеніе къ отцу тѣмъ, что каждую субботу должна была превращаться въ полу-человѣка, полузмѣю, и могла освободиться отъ этого только нашедши себѣ мужа, который согласился бы знать за нею этотъ недостатокъ. Это—

варіантъ извѣстныхъ сказокъ о царевичѣ и лягушкѣ, которая оказывается красавицей и волшебницей. Французскій романъ относится ко второй половинѣ XIV-го вѣка, нѣсколько разъ былъ передѣланъ, въ концѣ XV-го вѣка былъ напечатанъ, перешелъ въ Испанію, Голландію; нѣмецкое изданіе явилось въ печати даже раньше французскаго и отсюда книга перешла въ литературу датскую, шведскую, чешскую, польскую, а изъ послѣдней явился русскій переводъ или переложеніе, во второй половинѣ XVII вѣка. Въ послѣдней главѣ перевода помѣщены свѣденія объ исторіи самой книги, „которая съ французскаго языка на латинскіи переведена бысть лѣта отъ Р. Х. 1400, съ нѣмецкаго же на полскіи переведена лѣта Господня 1569, — нынѣ же съ полского на словено-россискій языкъ переведена лѣта 1195 (=1677) генваря въ 12 день“. Переводъ по обычаю отличается полонизмами [1]).

Гораздо больше былъ распространенъ другой рыцарскій романъ, какъ и Мелюзина, относимый къ числу сказаній объ эпохѣ Карла Великаго — „Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ неаполитанской“. Въ романѣ разсказывается исторія Петра, графа прованскаго, и Магелоны (у насъ называемой Магиленою), нѣжныхъ любовниковъ, которые разлучены были несчастными обстоятельствами, долго страдали ничего не зная другъ о другѣ и, наконецъ, послѣ длинныхъ приключеній вѣрная любовь и благочестіе были вознаграждены и послѣ того Петръ и Магелона жили долго и счастливо. Романъ опять имѣлъ нѣсколько редакцій и множество переводовъ и, между прочимъ, былъ извѣстенъ Донъ-Кихоту. Большое число французскихъ изданій ведетъ начало съ XV-го столѣтія; исторія вносилась и въ разные сборники рыцарскихъ и другихъ романовъ, напр. Bibliothèque des romans 1779, Bibliothèque bleue 1769 и др., гдѣ исторія передана въ подновленномъ видѣ, какъ и въ изданіи графа де-Трессана: Corps d'extraits de romans de chevalerie, Paris 1782 (I, 382—442). Одна изъ подобныхъ редакцій переведена была въ прошломъ столѣтіи на русскій языкъ, подъ заглавіемъ „Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ-Ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Магелонѣ“ (М. 1780; Смоленскъ, 1796).

Потѣшная книга въ лицахъ „Петръ Золотые-Ключи“, писан-

[1]) Въ „Очеркѣ“, 1857, стр. 230—233, и въ приложеніяхъ, стр. 350—353, одна глава романа въ сличеніи съ польскимъ подлинникомъ.

— „Исторія о Мелюзинѣ“ издана была Обществомъ любителей древней письменности. Спб. 1879—1880, два выпуска, № XLII, LX.

ная уставомъ, добрымъ мастерствомъ, упоминается въ 1693 г. въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича [1]), но переводъ былъ сдѣланъ, конечно, раньше. Подлинникомъ его была польская historya o Magielonie królewnie Neapolitanskiey, и слѣдъ польскаго оригинала опять остался въ русскомъ переводѣ въ такихъ словахъ, какъ: шурмованье, кроль, шляхтичъ и т. п., хотя переводъ сгладился больше, чѣмъ въ „Мелюзинѣ". Повидимому, очень рано Петръ Златые-Ключи перешелъ въ лубочныя изданія и, по замѣчанію Д. А. Ровинскаго, подобныя исторіи, заимствованныя съ иностранныхъ языковъ, распространены были даже болѣе, чѣмъ сказки о русскихъ богатыряхъ: напримѣръ, въ то время, какъ сказка объ Ильѣ Муромцѣ, и то краткая, извѣстна только въ четырехъ изданіяхъ, а Добрыня Никитичъ только въ двухъ, и то новѣйшихъ, повѣсть о Бовѣ Королевичѣ имѣла до десяти изданій (7 краткихъ и 3 пространныхъ), съ 17 отдѣльными изображеніями главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а Петръ Златые-Ключи извѣстенъ въ 16 лицевыхъ изданіяхъ и 6 отдѣльныхъ картинкахъ [2]).

Съ польскаго переведена была далѣе „Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ", опять имѣющая свою длинную литературную исторію, въ которой мѣняются названія дѣйствующихъ лицъ и самой повѣсти. Тему ея составляютъ приключенія невинно преслѣдуемой красавицы. Кесарь Оттонъ, по западнымъ редакціямъ Октавіанъ, прогналъ жену съ двумя маленькими дѣтьми близнецами, потому что клевета обвинила ее въ невѣрности. Несчастная мать должна была идти куда глаза глядятъ и, заснувши въ лѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищеннаго обезьяной, а потомъ и другого, унесеннаго львицей. Они впрочемъ не погибли: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ, и впослѣдствіи, отличившись подвигами, при нападеніи египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Судьба второго сына была оригинальнѣе: когда львица унесла его, огромный грифъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія египетскаго султана, Ліонъ,—названный такъ

[1]) Забѣлинъ, въ „Отеч. Зап." 1854, декабрь, стр. 117.

[2]) „Русскія народныя картинки", т. V, стр. 108 — 109; въ „Очеркѣ", 1857, стр. 233—237.

Лубочная наша сказка переведена на нѣмецкій въ Russische Volksmärchen, v. A. Dietrich. Leipzig, 1831, 192—199

отъ похищенія львицею,—успѣлъ освободить Флоренса и самого Оттона, захваченныхъ непріятелемъ, и затѣмъ взялъ въ плѣнъ и египетскаго султана. Слѣдуетъ общее свиданье: Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ Ліонъ женится на дочери короля испанскаго и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется съ своей возлюбленной Маркебиллой, дочерью египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ англійскимъ.

Въ одной рукописи „Кесаря Оттона" замѣчено, что исторія переведена съ латинскаго; но другія рукописи согласно указываютъ, что „сія чюдная повѣсть" переведена на русскій языкъ съ польскаго въ томъ же 1677 году, какъ исторія Мелюзины,— и это указаніе подтверждается полонизмами русскаго текста [1]).

Въ сборникахъ XVII—XVIII вѣка встрѣчается другая повѣсть на ту же тему, только короче весьма длиннаго „Оттона" и замѣчательная отсутствіемъ всякихъ собственныхъ именъ: „Повѣсть зѣло полезна, выписана отъ древнихъ (или: палестинскихъ) лѣтописцовъ, изъ римскихъ кроникъ", или: „повѣсть зѣло душеполезна и умиленію достойна о царицѣ и о дву сынохъ ея, и о львицѣ". Въ сороковыхъ годахъ эта вторая редакція „Оттона" издана была по рукописи 1720 года, повидимому для народнаго чтенія [2]).

Исторію кесаря Оттона обыкновенно сопровождаетъ въ рукописяхъ „повѣсть правдивая о княгинѣ Альтдорфской", которой переводъ повидимому принадлежитъ тому же перу. Повѣсть имѣетъ въ виду объяснить происхожденіе герба фамиліи Гвельфовъ [3]) и т. д.

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ средневѣковыхъ романовъ, а также изъ наиболѣе распространенныхъ у насъ, была „повѣсть изрядная" объ Аполлонѣ королѣ Тирскомъ. Это—образчикъ античнаго романа, имѣвшаго опять длинную литературную исторію. Основа была греческая, нынѣ не существующая или неизвѣстная, которую относятъ уже къ третьему вѣку по Р. Х.; уже въ началѣ VI вѣка существовалъ латинскій пересказъ, гдѣ исторіи былъ приданъ христіанскій характеръ и въ этомъ видѣ повѣсть была занесена въ Gesta Romanorum, гдѣ она составляетъ

[1]) Погодинскій списокъ исторіи, № 1771 Древлехранилища, имѣетъ запись 1693 года, что эта книга—„Чюдова монастыря соборнаго старца Марка Щербакова келейная... писана въ Нижнемъ Новѣграде, какъ былъ въ промышленникахъ".

[2]) Повѣсть зѣло душѣ полезна, выписана отъ древнихъ лѣтописцевъ, изъ римскихъ хроникъ. М. 1847, стр. 72

[3]) Въ „Очеркѣ", 1857, стр. 237—242.

153 главу; съ XII—XIII вѣка идетъ длинный рядъ обработокъ этой исторіи въ разныхъ западныхъ литературахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, и въ XIV—XV вѣкѣ изъ латинской редакціи романъ вернулся въ средне-греческую литературу [1]). Въ составѣ Gesta Romanorum исторія Аполлона Тирскаго перешла и въ нашу литературу, но очень часто распространялась независимо отъ нихъ, какъ отдѣльная повѣсть. Большая часть рукописей представляютъ одинъ и тотъ же текстъ, конечно съ неизбѣжными варіаціями; но есть и особая редакція, свободная отъ полонизмовъ и представляющая, быть можетъ, особый переводъ. Сюжетъ исторіи — сказочнаго характера: Аполлоній теряетъ жену и дочь, всѣ они отдѣльно испытываютъ разныя бѣдственныя приключенія, но въ концѣ концовъ снова отыскиваютъ другъ друга и благоденствуютъ; Аполлоній дѣлается царемъ антіохійскимъ [2]).

Изъ польской литературы стали далѣе приходить и другого рода произведенія. Средневѣковые сборники, какъ Gesta Romanorum, Disciplina Clericalis, соединяли въ себѣ разнообразные разсказы: это были повѣсти изъ духовной или свѣтской исторіи, восточныя притчи и апологи, народныя басни и сказки, наконецъ даже мелкіе анекдоты, замѣчательныя слова, остроумные отвѣты и поступки и т. п. Эти послѣдніе разсказы со временемъ вошли въ особенную моду; знакомство съ классическими писателями доставляло много матеріала для подобныхъ сборниковъ, и даже писатели знаменитые въ лѣтописяхъ средневѣковой литературы охотно посвящали свое время на составленіе этихъ полу-историческихъ, полу-анекдотическихъ компиляцій. Подобные сборники составляли Петрарка и Боккаччіо; въ концѣ среднихъ вѣковъ было уже много подобныхъ анекдотическихъ сборниковъ, которые появились наконецъ и въ польской литературѣ, какъ еще въ концѣ XVI вѣка вышли „Апофѳегмата“ извѣстнаго Рея изъ Нагловицъ и затѣмъ др. Въ нашихъ рукописяхъ встрѣчаются подобныя *Апофѳегмата*, въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ первая сообщаетъ изреченія знаменитыхъ философовъ, вторая „сло-

---

[1]) Krumbacher, Gesch. der byzant. Literatur, стр. 434—835.

[2]) Въ „Очеркѣ“ 1857, стр. 242—244.

— Текстъ исторіи изданъ былъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“, Тихонравова, М. 1859, т. I, стр. 1—33 (Матеріалы).

— Въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“, изданныхъ Обществомъ любителей древней письменности, Спб. 1877—1878.

— Веселовскій, въ Исторіи словесности, Галахова, стр. 436—438.

веса царей, королей, князей, воеводъ, сѵглитикъ и инѣхъ старѣйшинъ", третья—изреченія лакедемонянъ, четвертая—„гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ". Книга такъ уважалась, что въ 1711 году была напечатана „повелѣніемъ царскаго величества" и изданіе было повторено въ 1716, 1723 и еще нѣсколько разъ послѣ. Въ печатномъ изданіи недоставало одной книги противъ рукописныхъ текстовъ. Подлинникъ нашего перевода принадлежитъ Бѣняшу Будному и нѣсколько разъ издавался съ начала XVII вѣка [1]). Въ одной изъ рукописей, которыя мы имѣли въ рукахъ [2]), польскій текстъ былъ просто переписанъ русскими буквами—любопытный образчикъ того, въ какомъ видѣ иногда обращались у насъ польскія книги; въ другихъ рукописяхъ находится уже переводъ [3]).

Особое развитіе новеллы и шуточнаго разсказа дало и другой характеръ собраніямъ анекдотовъ: веселая шутка, переходившая даже мѣру приличія, получала въ нихъ болѣе мѣста; мало-по-малу образовался особый разрядъ шуточныхъ сборниковъ подъ названіемъ „Фацецій" (Facetiae), которые долго держались въ европейской литературѣ и составленіемъ которыхъ занимались иногда даже весьма ученые люди, какъ напримѣръ знаменитый гуманистъ Поджіо, котораго считаютъ даже основателемъ этой манеры. Книга его: Poggii Florentini Facetiarum liber, напечатанная въ концѣ XV вѣка, имѣла великій успѣхъ и нашла множество подражателей. Латинскій языкъ не мѣшалъ распространенію Фацецій, потому что былъ тогда обычнымъ языкомъ образованнаго круга. Послѣ Поджіо явились новые латинскіе сборники Генриха Бебеля, Фришлина, Меландра, затѣмъ сборники на языкахъ новѣйшихъ—итальянскіе (какъ Motti e facezie Арлотто, Facetie e motti arguti Доменики и др.), французскіе (Moyen de parvenir, Facetieuses journées, Contes à rire и пр.), нѣмецкіе (Scherz mit der Wahrheit, Schimpf und Ernst Іоганна Паули и др.). Любопытно, что въ старинной описи библіотеки нашихъ государей въ XVII столѣтіи упоминаются нѣкоторые изъ этихъ юмористическихъ сборниковъ, напр. „Демокретусъ смѣющійся", т.-е. Democritus ridens, одинъ изъ забавнѣйшихъ сборниковъ фацецій; сюда же относится,

[1]) Krotkich a węzłowatych powieści, ktore po Grecku zową Apophtegmata, ksiąg czworo przez Bieniasza Budnego. Z rozmaitych przednieyszych authorow zebrane и пр. См. Іохера, Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, I, стр. 11, Мацѣевскаго, Pismienictwo III, стр. 371.

[2]) Толст. II. 64, Публ. Б-ки XV. Q. 12, XVII вѣка.

[3]) „Очеркъ", 1857, стр. 260—262; Пекарскій, „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", Спб. 1862, II, стр. 264.

безъ сомнѣнія, „книжка на нѣмецкомъ языкѣ о грубіянскомъ мужицкомъ невѣжествѣ“ [1]). Содержаніемъ этихъ книгъ были какія-нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью поселянъ, недостатками и притязаніями различныхъ сословій; въ позднѣйшихъ сборникахъ помѣщались и обширныя новеллы. Впослѣдствіи шуточные сборники конца среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія удержались только въ низшемъ слоѣ литературы; шутка ихъ считалась черезъ-чуръ грубой, какъ напр. и наши лубочныя картинки, одинаково съ французскими, нерѣдко выходили за предѣлы возможнаго литературнаго изложенія [2]). Другую крайнюю степень этой шуточной литературы можно видѣть въ любопытной книжкѣ первыхъ годовъ XVII вѣка, Facetiae Facetiarum: обыкновенные сюжеты фацецій передаются въ ученой формѣ; это — собраніе диссертацій о самыхъ вздорныхъ предметахъ съ огромной эрудиціей, множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, со всѣми пріемами схоластической науки. Пародія годилась только для записныхъ ученыхъ, но въ ней не мало очень курьезныхъ шутокъ.

Книги подобнаго рода имѣли большой успѣхъ и въ польской литературѣ,—и, переходя къ намъ, могли быть источникомъ нѣкоторыхъ народныхъ анекдотовъ, которые, при всей ихъ извѣстности, едва ли были произведеніемъ самобытнаго юмора... Однимъ изъ подобныхъ произведеній были „Смѣхотворныя повѣсти“, которыя, какъ означено въ одномъ ихъ спискѣ, „добрѣ съ польска *исправлены* языка и читать поданы сто осмьдесятъ осмаго (7188, т.-е. 1680), ноемврія дня осмаго“ [3]) и пр.

Судя по нашему переводу, польская книга была составлена по обычному типу подобныхъ сборниковъ: въ ней замѣтны слѣды латинскихъ сборниковъ (какъ Poggi Facetiarum liber, Democritus ridens) и нѣмецкихъ (какъ Schimpf und Ernst, Schelmenzunft Ѳомы Мурнера, Эйленшпигель и др.). Кое-что перешло изъ нея въ народные анекдоты и лубочныя картинки, а потомъ въ народныя книжки конца XVIII вѣка, какъ „Старичокъ-Весельчакъ“ (Спб. 1789), „Похожденія Ивана Гостинаго сына“, гдѣ между

[1]) См. Молодикъ 1844, стр. 147, 144.

[2]) Ср. Nisard, Histoire des livres populaires ou de la littérature du colportage, I, стр. 436.

[3]) Рукопись Толстовская II, 47, Публ. Б-ки XVII. Q. 12, XVII вѣка, л. 1—63. Свое имя, скрытое въ загадкѣ, тотъ же книжникъ означилъ въ переводѣ книги Іоанникія Галятовскаго, Толст. II, 26.

Подлинникъ повѣстей есть безъ сомнѣнія книга, описанная Мацѣевскимъ (Piśm., III, стр., 169): Facecye polskie. Żartowne a trefne powiesci biesiadne, tak z rozmaitych authorow, iako też y z powiesci ludzkiey zebrane, и пр.

прочимъ была передѣлана также изъ рукописи старинная повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ. Въ исторіи Семи Мудрецовъ встрѣчается уже одинъ разсказъ, находящійся въ Декамеронѣ; нѣсколько такихъ разсказовъ нашло мѣсто въ „Смѣхотворныхъ повѣстяхъ“: ни тамъ, ни здѣсь не было, впрочемъ, имени Боккаччіо.

Значительная доля обоихъ названныхъ сборниковъ направлена на обличеніе женщины. Выше было упомянуто, что эта тема обильно разработывалась во всей средневѣковой литературѣ, восточной и западной: исходя въ основѣ изъ аскетической морали, настойчиво внушаемой, эти обличенія находили пищу въ грубыхъ нравахъ эпохи, сопровождавшихся приниженнымъ положеніемъ женщины. Многое въ обличеніяхъ западныхъ, не только исходившихъ изъ прямо клерикальнаго источника, но излагаемыхъ и въ свѣтской „поэзіи“ (въ стихотворныхъ нравственныхъ поученіяхъ), буквально совпадаетъ, напр., съ нашими старыми „поученіями“ на эту тему. Но въ то время какъ въ западной литературѣ, подъ вліяніемъ новаго поворота общественныхъ нравовъ, напр. подъ вліяніемъ рыцарства, въ противовѣсъ аскетическому нравоученію и бытовой грубости сталъ складываться совершенно противоположный идеалъ рыцарскаго почитанія женщины, въ нашей письменности до самаго конца стараго періода неизмѣнно господствовалъ тотъ же враждебный взглядъ на женщину, какъ источникъ всякаго житейскаго зла и душевной погибели. Мы говорили выше, какъ эта точка зрѣнія, изложенная уже древними „словами о злыхъ женахъ“, находила подтвержденіе въ литературѣ повѣсти, когда она касалась этого вопроса, какъ напр. въ сказаніи о мудромъ Акирѣ и др. Мы видѣли также, что когда приходила къ намъ западная повѣсть съ отраженіями рыцарскаго быта и идеала, эти отраженія обыкновенно не находили почвы въ понятіяхъ стараго русскаго книжника и проскользали въ русскихъ пересказахъ нескладно выраженными и непонятыми. Впервые иная точка зрѣнія стала входить въ понятія русскаго общества только позднѣе, съ XVIII вѣка, съ болѣе сильными вліяніями новой европейской литературы. Образчикомъ старыхъ понятій можетъ служить, въ литературѣ повѣсти, произведеніе, соединяющее въ себѣ поученіе и повѣсть: это — „Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ“, гдѣ къ традиціоннымъ наставленіямъ прибавлены въ подтвержденіе и нѣкоторые разсказы—статья по всей вѣроятности русскаго происхожденія [1]).

[1]) Полное заглавіе: „сказаніе и бесѣда премудра и чадолюбива отца преданіе и поученіе къ сыну снискательно отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ и пре-

Былъ еще источникъ старой русской повѣсти, путь вліяній котораго наименѣе изслѣдованъ, именно восточный. Возможность его понятна сама собою при тѣхъ незапамятно давнихъ отношеніяхъ, какія имѣла древняя Русь къ востоку тюркскому и иранскому. Можно однако думать, что въ противоположность памятникамъ византійскимъ и западнымъ, которые всегда, или развѣ лишь съ немногими исключеніями, приходили къ намъ путемъ письменнымъ, здѣсь путь заимствованія былъ устный: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не встрѣтилось никакого слѣда и упоминанія книжной передачи. Далѣе, если относительно памятниковъ византійскихъ и западныхъ есть возможность опредѣлять приблизительно хронологію по даннымъ о самыхъ источникахъ, а иногда по записямъ въ нашихъ рукописяхъ, то здѣсь эти указанія гораздо болѣе шатки или вовсе отсутствуютъ.

Такому восточному вліянію приписывается сказаніе „о двѣнадцати снахъ царя Шахаиши", старѣйшій списокъ котораго относится къ XV вѣку: эти сны объяснялъ мудрецъ или философъ Мамеръ, и позднѣйшія рукописи смѣшали истолкователя съ самимъ царемъ и въ нихъ иногда говорится уже о снахъ царя Мамера, и прибавляется также: „слово о послѣднихъ днехъ", такъ какъ сны имѣли характеръ эсхатологическій. Царь Шахаиша (котораго сближаютъ съ персидскимъ Шаханшахомъ), ближе не опредѣляемый — жилъ онъ просто „въ нѣкоихъ странахъ древнихъ" — видѣлъ въ одну ночь двѣнадцать сновъ, которые очень его встревожили, и не было человѣка, который могъ бы разрѣшить ихъ, пока не нашелся философъ Мамеръ. Царь видѣлъ золотой столпъ отъ земли и до неба; философъ сказалъ: о царь, придетъ злое время отъ востока до запада и будетъ мятежъ во всѣхъ человѣкахъ, божіи заповѣди не будутъ сохраняться, другъ другу будетъ врагомъ, князь пойдетъ на князя, не будетъ человѣка, который добро думаетъ и дѣлаетъ, языкомъ будутъ говорить добро, а мыслить злое и т. д. Царь видитъ потомъ и другія страшныя и странныя видѣнія, и философъ объясняетъ ихъ на ту же тему, что придутъ послѣднія времена: начнется развращеніе нравовъ, исчезнутъ родственныя чувства, дѣти не будутъ слушать родителей, іереи будутъ жить нечисто, люди бу-

---

мудраго Соломона, и Іисуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и искусныхъ (мужей), о женствѣй злобѣ", какъ въ Румянцовскомъ сборникѣ XVII в., № 363.

См. „Очеркъ", 1857, стр. 262—278; Забѣлина, „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи", М. 1872. I, стр. 129 и далѣе: „Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ", Веселовскаго, въ „Исторіи словесности", Галахова, I, стр. 442 и далѣе.

дутъ давать милостыню убогимъ, а потомъ отнимать ее, православное царство отпадетъ отъ вѣры и божія правда не вспомянется въ то время, и т. д.

Сказаніе о снахъ царя Шахаиши, какъ мы сказали, получило нѣсколько редакцій, и въ позднѣйшихъ замѣтно усиленіе религіознаго элемента и именно сближеніе съ христіанской эсхатологіей, такъ что „Сны“ соприкасаются съ христіанскими легендами о послѣднихъ дняхъ, съ Меѳодіемъ Патарскимъ, съ легендой о правдѣ, взятой на небо, и кривдѣ, оставшейся на землѣ, и т. д. Въ такой поздней редакціи царь, выслушавши объясненія философа на одиннадцать сновъ, прямо спрашиваетъ его: скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ, какое будетъ скончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ передъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и той же женщины... И предана будетъ земля Перская во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ и владыки греческіе въ бѣгство и плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ и въ другихъ; всѣ человѣки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены и грады многіе разорятся.

Съ другой стороны основа разсказа, безъ этихъ христіанскихъ пріуроченій, представляетъ несомнѣнныя параллели съ восточными сказаніями, въ тибетскомъ Канджурѣ, въ Калилѣ-и-Димнѣ, въ Шахъ-наме. Сны, требующіе толкованія, являются тѣми же загадками, которыя можетъ разрѣшить только мудрецъ, и съ этой стороны „Сны“ нашей повѣсти входятъ въ цѣлую литературу загадокъ (напр. въ сказаніяхъ о Соломонѣ и пр.), какъ предсказаніями о послѣднихъ дняхъ могли быть привлечены и въ христіанской легендѣ о концѣ міра.

Происхожденіе „Сновъ“ остается однако очень темно. „Мы встрѣтили нѣкоторые изъ нашихъ сновъ,—говоритъ г. Веселовскій,—и въ томъ же эсхатологическо-соціальномъ освѣщеніи, въ одномъ буддійскомъ памятникѣ. Аналогія съ византійской литературой того же характера не указываетъ необходимо на византійскій источникъ нашего текста, а на восточный прототипъ, который могъ отразиться въ византійской письменности и далѣе

сообщиться намъ въ южно-славянскихъ пересказахъ, либо перейти къ намъ съ востока въ непосредственномъ переложеніи какой-нибудь восточной рецензіи. На такой переходъ указываетъ имя Шахаиши, которое мы сблизили съ персидскимъ Шаханшахомъ... Еслибъ эта этимологія оказалась состоятельной, опредѣлилась бы для сравнительно древняго времени (во всякомъ случаѣ для XV вѣка) возможность непосредственнаго литературнаго общенія древней Руси съ Востокомъ: общеніе, въ кругъ котораго вошли бы, вмѣстѣ съ Снами Шахаиши, и сказка о Русланѣ-Рустамѣ, и Судъ Шемяки и восточная повѣсть, принятая въ сборникъ 1001 Ночи и отразившаяся въ русской былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ" [1]).

Сказка о Шемякиномъ Судѣ—одно изъ популярнѣйшихъ произведеній народной письменности и лубочной печати; нѣкогда она считалась давнимъ и вполнѣ самостоятельнымъ созданіемъ русскаго народнаго юмора: имя Шемяки—историческое и сказка увѣковѣчивала память беззаконій галицкаго князя Дмитрія Шемяки, того, который, между прочимъ, выкололъ глаза московскому князю Василію Темному: „Отъ сего убо времени,—говоритъ старый хронографъ,—въ велицѣй Россіи на всякаго судію и восхитника въ укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ". Новыя изслѣдованія показали однако, что сказка не была самостоятельно русскимъ изобрѣтеніемъ: существовалъ индійскій разсказъ, сохранился тибетскій разсказъ въ Дзанглунѣ и т. д.; тема соприкасается съ сюжетами „судовъ", какъ знаменитые суды царя Соломона, и русской сказкѣ принадлежитъ только своеобразное примѣненіе. Главное дѣйствующее лицо есть бѣднякъ, безпрестанно попадающій въ просакъ и совершающій рядъ неумышленныхъ преступленій. Богатый братъ далъ ему лошадь привезти дровъ изъ лѣса, но не далъ хомута; бѣднякъ привязалъ дровни къ хвосту лошади и хвостъ оторвался; пошли судиться (у насъ—къ судьѣ Шемякѣ). По дорогѣ остановились ночевать; бѣдный во снѣ свалился съ палатей и зашибъ до смерти ребенка, висѣвшаго въ люлькѣ; отецъ ребенка тоже пошелъ къ судьѣ. По дорогѣ бѣднякъ съ отчаянія рѣшилъ броситься съ моста: онъ бросился и при паденіи остался цѣлъ, но убилъ дряхлаго старика, котораго сынъ везъ въ баню (дѣло было зимой). Такъ произошли три преступленія. Наконецъ, когда подходили къ дому

[1]) Краткій пересказъ Сновъ у Сухомлинова, О преданіяхъ въ древне-русской лѣтописи, „Основа", 1861, іюнь, стр. 54—56.

— Веселовскій, Sagenstoffe aus dem Kandjur, въ Russische Revue, 1876, 3 Heft, стр. 291—299; Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по рукописи XV вѣка, въ „Запискахъ" Академіи наукъ, т. XXXIV. Спб. 1879.

судьи, бѣднякъ поднялъ по дорогѣ камень, завернулъ въ платокъ и положилъ за пазуху. При судоговореніи бѣднякъ при каждой жалобѣ показывалъ судьѣ свой свертокъ, который судья принималъ за посулъ и съ мнимымъ правосудіемъ рѣшалъ каждую жалобу такъ, что истцы отказывались отъ обвиненія, напр. на жалобу о лошади судья рѣшилъ, чтобы богатый отдалъ бѣдному лошадь до тѣхъ поръ, пока у нея отростетъ хвостъ и т. п. „Съ точки зрѣнія совершившагося факта и формальнаго правосудія,— объясняетъ Веселовскій,—бѣднякъ дѣйствительно виновенъ и можетъ быть приговоренъ къ уплатѣ проторей и убытковъ; но судья принимаетъ во вниманіе неумышленность преступленія и, судя по правдѣ, ставитъ такъ вопросъ обвиненія, присуждаетъ отвѣтчика къ такимъ пенямъ, что онѣ падаютъ всей своей тяжестью на истцовъ, и тѣ предпочитаютъ отказаться отъ иска. Въ такомъ свѣтѣ являлся праведный судья въ тѣхъ восточныхъ сказкахъ (въ утраченной индійской, въ тибетскомъ Дзанглунѣ), отраженіемъ которыхъ, сильно видоизмѣненнымъ, представляется нашъ Шемякинъ судъ. Видоизмѣненія эти объясняются устной передачей повѣсти и вліяніемъ сходныхъ, по всей вѣроятности еврейскихъ сказаній, разработавшихъ мотивъ „судовъ“ въ примѣненіи къ библейскому суду Соломона. Результатомъ этихъ вліяній было совершенно новое освѣщеніе повѣсти, опредѣлившее ея особый характеръ и вмѣстѣ причины ея популярности на Руси: судъ остался такимъ же праведнымъ, но судья изрекалъ его уже не по долгу совѣсти, а потому, что надѣялся на посулъ отъ подсудимаго. Въ этой случайной побѣдѣ человѣческой правды надъ кривдой, которая также случайно становится ея орудіемъ, лежала глубокая иронія, которую русская сказка разработала нѣсколько односторонне: типъ неправеднаго судьи, котораго перехитрилъ простакъ, заслонилъ все остальное, и сказка стала сатирой на судейскіе порядки, развитіемъ пословицы: съ подъячимъ водись, а камень за пазухой держи“ [1]).

---

[1]) Моя замѣтка въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣденій, относящихся до Россіи“, Калачова, Спб. 1859, кн. IV, стр. 1—10: „Шемякинъ Судъ“, изданіе текста по двумъ рукописямъ XVII и XVIII вѣка, и сличеніе съ разсказомъ тибетскаго Дзанглуна и другими сходными повѣстями.

— Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы и древности, 1861, кн. III.

— Аѳанасьевъ, Сказки, V, 1861, стр. 82—84; VIII, 1863, стр. 325—330.

— Сухомлиновъ, Повѣсть о судѣ Шемяки, въ „Сборникѣ“ II отдѣленія академіи, 1873, т. X.

— Веселовскій, въ Исторіи словесности, Галахова, стр. 432—433.

— Повѣсть о судѣ Шемяки. Изд. Общества древней письменности, съ предисловіемъ Ѳ. Булгакова. Спб. 1879, № 88.

Еще одна восточная повѣсть вошла въ число любимыхъ народныхъ сказокъ: это извѣстный „Еруслань Лазаревичъ", старѣйшій текстъ котораго принадлежитъ XVII вѣку. Сюжетъ „Еруслана" заимствованъ изъ Шахъ-наме и въ именахъ дѣйствующихъ лицъ остался отголоскомъ восточныхъ именъ: Еруслань есть Рустамъ восточныхъ сказаній; Лазарь, первоначально Залазарь—Зальзеръ; Киркоусъ—Кейкаусъ. Подробное сличеніе русской сказки съ персидскимъ оригиналомъ сдѣлано было г. Стасовымъ [1]).

Мы не коснулись еще нѣкоторыхъ произведеній старой заимствованной повѣсти, отчасти еще недостаточно разслѣдованныхъ. Собственно русская повѣсть, не связанная съ исторіей и агіографіей, представляющая болѣе или менѣе свободное созданіе фантазіи на темы русской жизни, является уже позднимъ произведеніемъ старой литературы, какъ „Фролъ Скобѣевъ", „Савва Грудцынъ". Было бы трудно сказать, что эта русская повѣсть явилась результатомъ вліянія именно той иноземной повѣсти, на исторіи которой мы здѣсь останавливались: какую-нибудь ближайшую связь между ними найти довольно трудно. Скорѣе можно думать, что эта русская повѣсть возникала подъ общимъ сложнымъ вліяніемъ тѣхъ условій, въ какія становилась русская жизнь къ концу XVII вѣка: старыя рамки письменности становились тѣсны, какъ становились тѣсны формы самой жизни и старый складъ образованія, и когда развертывалась новая книжная дѣятельность въ предчувствіяхъ реформы, возникли и новые запросы фантазіи съ потребностью изображенія реальной жизни. Попытки самостоятельной русской повѣсти были финаломъ старой письменности и предисловіемъ къ новой литературѣ.

Мы скажемъ о ней впослѣдствіи.

А. Пыпинъ.

---

[1]) „Происхожденіе русскихъ былинъ", въ „Вѣстн. Европы" 1868, январь.

БУДДІЙСКОЕ НАСТРОЕНІЕ

въ

ПОЭЗІИ

— Сочиненія гр. А. Голенищева-Кутузова. Два тома. Спб. 1894.

I.

Многіе изъ нашихъ писателей уже находили въ легендахъ буддизма мотивы и сюжеты для своихъ произведеній; но настоящимъ представителемъ буддійскаго *настроенія* должно признать такого поэта, который, повидимому, вовсе не интересуется буддизмомъ, и вообще строго охраняетъ свой русскій стихъ отъ всякихъ чужеродныхъ именъ и терминовъ.

Литературная значительность гр. А. А. Голенищева-Кутузова достаточно признана и публикою, — его стихотворенія издаются въ третій разъ, — и академіей наукъ, избравшей его въ члены-корреспонденты и поручающей ему оцѣнку поэтическихъ сочиненій, представляемыхъ на пушкинскую премію. Это признаніе вполнѣ заслуженно: если не по возрасту, то по литературному типу гр. Кутузовъ можетъ быть названъ „остальнымъ изъ стаи славной“ тѣхъ поэтовъ, которые явились вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ; болѣе, чѣмъ у кого-либо, въ его стихѣ слышится какое-то пушкинское вѣяніе; рамки трехъ главныхъ его произведеній („Старыя рѣчи“, „Дѣдъ простилъ“ и „Разсѣтъ“) не выходятъ изъ предѣловъ той „деревни, гдѣ скучалъ

Евгеній", а въ первой изъ этихъ трехъ поэмъ къ пушкинскому внушенію нужно отнести и главный характеръ и развязку. Но при этой зависимости, о которой я упоминаю, конечно, не для упрека, между поэзіей Пушкина и гр. Кутузова существуетъ— не говоря о силѣ и размѣрахъ—ясное различіе въ настроеніи и тонѣ. У Пушкина тонъ бодрый, радостный и увѣренный; при самыхъ языческихъ, мірскихъ и даже грѣховныхъ сюжетахъ настроеніе его все-таки христіанское,—это поэзія жизни и воскресенія. У гр. Кутузова, напротивъ, тонъ минорный, настроеніе безнадежное; онъ—поэтъ смерти и Нирваны, хотя это послѣднее столь нынѣ злоупотребляемое слово и не встрѣчается въ его стихахъ.

Гейне раздѣлялъ всѣ умы на „эллиновъ" и „іудеевъ"; нашъ поэтъ не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ: онъ буддистъ, — разумѣется не въ смыслѣ какихъ-нибудь догматовъ и ученій, а въ смыслѣ того душевнаго настроенія, которое кристаллизовалось исторически въ религіи Шакъямуни, но можетъ существовать индивидуально, независимо отъ нея. Я имѣю въ виду не порицаніе и не похвалу, а пока только *опредѣленіе*. Я вывожу его изъ разбора трехъ названныхъ поэмъ, на которыхъ главнымъ образомъ основано литературное значеніе нашего поэта. Помимо намѣренія, а можетъ быть и помимо сознанія автора эти три лирическія поэмы связаны между собою какъ послѣдовательныя ступени въ развитіи одного и того же настроенія [1]).

II.

Одинокій, во всемъ отчаявшійся преждевременный старикъ возвращается послѣ многихъ лѣтъ странствія къ свой деревенскій обветшалый домъ, гдѣ его узнаетъ и привѣтствуетъ только дряхлый песъ. Все остальное ему чуждо; онъ окруженъ блѣдными призраками воспоминаній и мертвыми слѣдами минувшаго.

Онъ въ нихъ безмолвно, тихо бродитъ,
Какъ гость могилъ, среди крестовъ
И сердцу милыхъ мертвецовъ
По ветхимъ надписямъ находитъ
И внемлетъ смертный ихъ покой,

[1]) Внѣшній признакъ принадлежности этихъ пьесъ къ лирической, а не къ эпической поэзіи состоитъ въ *безличности* дѣйствующихъ лицъ. Только второй разсказъ приближается нѣсколько къ эпическому строю, соотвѣтственно чему и два главныя лица въ немъ обозначены, хотя не именами, а титулами.

Къ гробамъ приникнувъ головой.—
Въ толпѣ иныхъ воспоминаній
Живѣй являлося одно.
Огнемъ несбывшихся желаній
Больнѣе душу жгло оно.

Найдя старую тетрадь дневника, унылый путникъ читаетъ въ ней краткую исторію своей любви къ женѣ пріятеля и деревенскаго сосѣда. Эта исторія проста и довольно обыкновенна.

Вѣдь замужъ вышла ты и рано и случайно.
Попался „человѣкъ хорошій", полюбилъ...
Ему ты отдалась, хотя, быть можетъ, тайно
И сознавалась въ томъ, что чуждъ тебѣ онъ былъ.

Этотъ „хорошій человѣкъ" оказывается таковымъ лишь въ самомъ широкомъ смыслѣ. При совершенной умственной пустотѣ онъ такъ грубъ, что обнимаетъ и цѣлуетъ свою жену при постороннемъ, и въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ вина увлекается азартной игрой и проигрываетъ въ одну ночь все свое состояніе, послѣ чего его постигаетъ ударъ паралича. Наканунѣ этой катастрофы жена имѣла краткое любовное объясненіе съ героемъ и назначила ему свиданіе:

„Я завтра вечеромъ останусь здѣсь одна—
У мужа въ городѣ какое-то есть дѣло.
Пройдите прямо въ садъ — подъ липой у ручья
Мы съ вами встрѣтимся — тамъ ждать васъ буду я".

Но ждать пришлось не ей, а ему, и ждать до самой полночи.

Пѣтухъ вдали пропѣлъ. Съ ручья вдругъ потянуло
Холодной сыростью въ туманѣ спящихъ водъ...
Ждать больше нечего — она ужъ не придетъ...
И счастью не бывать! — сомнѣнье мнѣ шепнуло.
Должно быть счастье то чужое, — не мое! —
Я поднялъ голову — и увидалъ... ее!
. . . . . .
„Чтожъ не кидаетесь на встрѣчу вы ко мнѣ?
Я — видите — свое сдержала обѣщанье:
Я ваша... я пришла на тайное свиданье,
Въ потемкахъ крадучись, забывъ и стыдъ и честь. —
Да смѣйтесь, радуйтесь же! — добрую вамъ вѣсть
Съ собой я принесла: онъ боленъ, умираетъ...
Онъ въ этотъ самый мигъ, быть можетъ, призываетъ
Жену любимую. Да нѣтъ жены! Она —
Ушла къ любовнику — любимая жена!"

Такъ какъ растерявшійся герой хранитъ глубокое молчаніе, то героиня продолжаетъ иронизировать и, наконецъ, разражается

рыданіями. Герой все-таки упорствуетъ въ безмолвіи и, наконецъ, долженъ выслушать слѣдующее объясненіе:

„Вотъ видите ли — такъ она мнѣ говорила —
Пока онъ счастливъ былъ, его я не любила.
Вы это поняли, вы это знали... Да,
Скрываться нечего и тайны нѣтъ межъ нами.
Мнѣ душно было съ нимъ—легко мнѣ было съ вами.
Меня манили вы украдкою. — Куда?
Къ блаженству ль, къ гибели?—Я спрашивать боялась...
Какъ птица въ клѣткѣ я безсмысленно металась.
И — правду горькую примите не сердясь —
Отъ скуки завлекла и полюбила васъ.
. . . . . .
Тотъ мужъ теперь исчезъ... Полуживой калѣка,
Безпомощный бѣднякъ явился предо мной
И, глядя мнѣ въ глаза съ покорною тоской,
Боясь не встрѣтить въ нихъ желанное участье,
Молилъ послѣднее ему оставить счастье
(То, что онъ требовать бы могъ!) — любовь мою...
И жалко мнѣ его — и я его люблю!
А къ вамъ теперь пришла проститься. Виновата
Во всемъ случившемся, быть можетъ, я одна,
И въ наказаніе за то нести должна
Суровый, тяжкій крестъ! Къ былому нѣтъ возврата.
Забудьте же меня, какъ я забуду васъ,
А мнѣ... о! мнѣ давно пора разстаться съ вами,
Пора идти къ нему!.. Все кончено межъ нами“.
И, смолкнувъ, отъ земли не поднимая глазъ,
Какъ будто торопя забвенье и разлуку,
Она холодную мнѣ протянула руку.

Герой, которому слѣдовало бы говорить нѣсколько раньше, тутъ вдругъ упускаетъ прекрасный случай промолчать и хоть къ самому концу соблюсти свое достоинство.

„Ужель возврата нѣтъ?—я горько прошепталъ;
Ужель за краткій часъ счастливаго забвенья
Должна разбиться жизнь? Ужели нѣтъ прощенья?
Не вѣрю!—вновь должны сойтись мы!.. Но когда?“
Она окинула меня печальнымъ взоромъ;
Не то съ усмѣшкою, не то съ нѣмымъ укоромъ
Тотъ взглядъ отвѣтилъ мнѣ: „конечно, никогда!“
И молча я смотрѣлъ, какъ призракъ удалялся,
Какъ въ мракѣ скрылся онъ,—и я одинъ остался.

Итакъ, дѣло кончается торжествомъ des ewig-Weiblichen — торжествомъ легкимъ, такъ какъ das zeitlich-Männliche могло бы быть лучше представлено. Исторія эта есть, конечно, варіація на пушкинскую тему:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна, —

варіація, однако, ослабленная. Пушкинская Татьяна отвергаетъ Онѣгина, котораго любитъ, и остается вѣрна мужу, котораго никогда не любила и котораго не имѣетъ причины жалѣть, такъ какъ онъ здоровъ, самоувѣренъ и самодоволенъ. Слѣдовательно, она поступаетъ исключительно въ силу нравственнаго долга,— случай рѣдкій и интересный. Для героини гр. Кутузова исполненіе долга значительно облегчается двумя обстоятельствами: во-первыхъ, она въ сущности не любитъ героя, она сама признается, что только отъ скуки завлекала его, а во-вторыхъ, она жалѣетъ своего безпомощнаго мужа. Всякій пойметъ, какъ трудно для сколько-нибудь тонкой женской натуры обманывать полуживого, но все-таки сознающаго и чувствующаго калѣку, и слѣдовательно какъ легко ей остаться вѣрной долгу при такихъ условіяхъ. Отвлеченная идея обязанности мало говоритъ женскому сознанію— другое дѣло, когда она осязательно воплощается въ лицѣ безпомощнаго жалкаго существа, требующаго любви и попеченій. Если эта женщина отъ скуки готова была полюбить другого, то теперь ей некогда скучать, ея жизнь перестала быть пустою, у нея есть, хотя скорбное и тяжелое, но зато ясное и настоятельное дѣло. И однако несмотря на то, что нравственный исходъ коллизіи такъ облегченъ для нашей героини, все-таки не видно, чтобы этотъ исходъ былъ ея собственнымъ, безусловнымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ: является сильное подозрѣніе, что добродѣтельная развязка обусловлена неловкостью и безотвѣтностью героя. Еще до катастрофы ясно, что этому человѣку счастливымъ любовникомъ не бывать. Когда ему назначаютъ тайное свиданіе, онъ говоритъ—mercі.

Я руку взялъ ея — рука ея дрожала.
Съ блаженной радостью прижавъ ее къ губамъ:
„Вы осчастливили меня, — спасибо вамъ!“
Сказалъ ей тихо я. Она не отвѣчала.

Люди, не лишенные такта, въ извѣстныхъ случаяхъ воздерживаются отъ прямыхъ изъявленій благодарности. Дальше—еще хуже. Когда не нужно, онъ говоритъ, а когда необходимо поддержать и ободрить бѣдную женщину, онъ молчитъ какъ рыба, чтобы опять заговорить, когда уже все кончено. Вообще онъ не обнаруживаетъ ничего, кромѣ чистосердечія, а съ такимъ прекраснымъ душевнымъ качествомъ никакъ не слѣдовало бы забираться ночью въ чужой садъ. Что касается до героини, еслибы ея благое рѣшеніе было принято сразу и окончательно послѣ

катастрофы съ мужемъ, изъ жалости къ нему, то ей вовсе не зачѣмъ было бы идти на тайное свиданіе. Для холоднаго объясненія достаточно было бы письма. Или она боялась, чтобы герой, просидѣвши до утра надъ ручьемъ, не получилъ насморка? Впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ и самъ оказался достаточно благоразумнымъ и собирался уходить домой еще при первыхъ пѣтухахъ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что рѣшеніе было принято на мѣстѣ свиданія, вынужденное безнадежно пассивнымъ поведеніемъ героя. Она шла въ состояніи крайне-возбужденномъ, полу-истерическомъ, и сама не знала, чѣмъ это кончится; но когда оказалось, что герой такъ же мало способенъ на какіенибудь поступки, какъ еслибы и онъ былъ пораженъ параличемъ, тогда въ ней произошла спасительная реакція, и она совершенно искренно объявляетъ свое рѣшеніе разстаться съ нимъ навсегда и вернуться къ исполненію долга. Но такъ какъ другого ей ничего и не оставалось, то здѣсь нѣтъ мѣста для нравственной коллизіи, и читатель остается въ неизвѣстности относительно будущей судьбы героини:—сохранитъ ли она свою добродѣтель при возможной встрѣчѣ съ другимъ, менѣе простодушнымъ, поклонникомъ?

Нужно, однако, замѣтить, что слабость характеровъ и неясность положенія закрываются здѣсь великолѣпными лирическими мѣстами. Читатель забываетъ и несостоятельность героя, и сомнительную доблесть героини, подъ впечатлѣніемъ такихъ, напримѣръ, стиховъ:

Она умолкнула, и посреди молчанья
Яснѣй, понятнѣй словъ, послышались рыданья.
Я ихъ не прерывалъ. Что могъ сказать я ей?
Сама природа-мать ея слезамъ внимала,
И ночь-волшебница любовнѣй и нѣжнѣй
Свой голубой покровъ надъ нею простирала,
Смиряла бережно мятежъ больной души
И ласковый привѣтъ шептала ей въ тиши.
А мѣсяцъ, между тѣмъ, всплывалъ все выше, выше,
Все необъятнѣе, все глубже былъ покой,
Неотразимѣй онъ овладѣвалъ душой,
И слезы все лились обильнѣе и тише.
Грозы стихалъ порывъ и грусти кроткій лучъ
Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, слезами отягченныхъ,
Въ глазахъ, вновь для меня знакомыхъ и смягченныхъ,
Блеснулъ мнѣ какъ лазурь сквозь убѣгавшихъ тучъ.

За подобные стихи можно простить автору и недостатки содержанія, и нѣкоторыя странности въ родѣ слѣдующей. Выпла-

кавшись вволю, героиня обращается къ своему безмолвному собесѣднику, между прочимъ, съ такими словами:

Васъ—*пришлаго въ дому, чужого человѣка*
Я мужу предпочла! Я съ вами заодно
Его обманывать *тайкомъ* хотѣла...

Непонятно, какой смыслъ имѣетъ здѣсь указаніе на *пришлаго, чужого*. Развѣ было бы лучше, еслибы она захотѣла имѣть любовникомъ своего родного отца, брата, или рожденнаго въ дому служителя? Это напоминаетъ извѣстный анекдотъ о дѣвицѣ, которая говорила: „Хорошо было тебѣ, матушка, за батюшку замужъ идти, а мнѣ-то каково—за чужого!“ Было бы болѣе понятно и согласно съ обстоятельствами дѣла, еслибы вмѣсто того, чтобы упрекать себя за предпочтеніе чужого, она упрекнула своего сообщника за то, что, будучи не совсѣмъ чужимъ, а близкимъ пріятелемъ ея мужа, онъ рѣшился его обманывать; но и въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы видѣть отягчающаго обстоятельства въ томъ, что обманъ производился *тайкомъ*, ибо „откровенный и прямодушный обманъ“ еще менѣе возможенъ, чѣмъ „родной любовникъ“. Еслибы героиня говорила такъ несообразно въ началѣ своей истерики, то можно было бы подумать, что авторъ намѣренно изобразилъ замѣшательство ея мыслей, но такъ какъ она говоритъ это уже успокоившись, то здѣсь очевидный недосмотръ, который необходимо будетъ исправить въ слѣдующемъ изданіи.

III.

Повторяю, не только эти мелочи, но и болѣе существенные недостатки характеровъ и дѣйствія не имѣютъ особенной важности въ этой *лирической* поэмѣ. Главное здѣсь—не лица и не то, что съ ними происходитъ, а настроеніе, которое воплощается въ живыхъ образахъ разсказа и остается послѣ его чтенія. Это настроеніе есть съ начала до конца—безнадежность. Жизнь безсмысленна, а счастіе — мгновенная и обманчивая случайность. Герой раньше своей неудачи уже не вѣритъ въ возможность счастія—развѣ только въ ту единственную минуту, когда онъ столь неумѣстно благодаритъ за него. Онъ уже не вѣритъ на другой день, когда, „объятъ невѣдомой и странною тревогой, онъ шелъ неторопясь пустынною дорогой... И самая любовь, какъ ночь въ красѣ своей, все становилася блѣднѣй и холоднѣй“. А вотъ его заключеніе и мораль всего разсказа:

Къ чему мечтанія, надежды лживый бредъ?
Блаженъ, чье счастіе судьбою позабыто.
Мое мелькнуло мнѣ на мигъ—и ужъ разбито!
Разбито почему? За что?—Отвѣта нѣтъ.

Но еслибы оно и не было разбито несчастнымъ случаемъ, то все-таки оно оказалось бы несостоятельнымъ. Въ чемъ герой (или авторъ за него) полагаетъ цѣль жизни, какъ онъ понимаетъ ея смыслъ? Что могъ и хотѣлъ онъ предложить бѣдной женщинѣ, не удовлетворенной житейскою пустотою?

Той цѣлью жизнь была во что бы то ни стало,—
Жизнь полная страстей, веселья и тревогъ,
Съ мечтами юности, съ исканьемъ идеала,
Невиданныхъ небесъ, невѣдомыхъ дорогъ!
Она манила насъ волшебной красотою
Тумановъ голубыхъ, мерцаній и лучей
Къ той сказочной дали, любимой съ дѣтскихъ дней,
Куда, летая, мысль уносится порою
На отдыхъ отъ мірской, печальной темноты,
Отъ скуки будничной, отъ зла и суеты.

Изъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ словъ только три имѣютъ нѣкоторый опредѣленный смыслъ, именно: страсти, веселье и тревоги. Но эти три реальные фактора счастья были вполнѣ доступны и мужу героини.

Доволенъ жизнію, онъ время проводилъ
И, кажется, равно отъ всей души любилъ
Тебя, и сельское хозяйство, и охоты,
Обѣды жирные съ гостями и виномъ,
И споры вечеромъ за карточнымъ столомъ.

Тутъ было, значитъ, мѣсто и страстямъ, и веселью, и тревогамъ, съ присоединеніемъ еще такого полезнаго и интереснаго занятія, какъ сельское хозяйство. А сверхъ этого герой могъ предложить своей возлюбленной лишь нѣсколько „голубыхъ тумановъ", которые вообще никому не заказаны, и которые легко совмѣщаются со всею житейскою пошлостью. Если матеріальная жизнь безсмысленна, то она не пріобрѣтаетъ смысла отъ присоединенія къ ней идеала въ формѣ неопредѣленной фантазіи, или праздная мечтанія о невиданныхъ небесахъ и невѣдомыхъ дорогахъ. Это не жизнь; а жизнь—въ законномъ ли бракѣ, или въ прелюбодѣяніи—все равно сведется къ тому, чѣмъ жилъ элементарный мужъ героини, и съ тѣмъ же—рано или поздно—концомъ. Заключеніе, значитъ, остается отрицательное, безнадежное.

Тѣмъ не менѣе еслибы нашъ поэтъ остановился на этомъ

первомъ разсказѣ „Старыя рѣчи", то я не рѣшился бы обозначить его настроеніе какъ буддійское, даже въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина; впечатлѣніе здѣсь двоится, благодаря заключительнымъ словамъ героини, которыя, хотя безъ достаточной психологической мотивації, все-таки указываютъ на новый смыслъ жизни, открываемый нравственнымъ подвигомъ и самопожертвованіемъ. Этотъ мотивъ, хотя и не оригинальный, и не выдержанный, высказывается, однако, нашимъ поэтомъ съ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ.

Одинъ—вновь для нея далекій и чужой;
Одинъ—униженный, забытый, оскорбленный,
Поверженный во прахъ, колѣнопреклоненный
Предъ новой, чистою, могучей красотой!
Къ ней не дерзаетъ страсть поднять съ моленьемъ очи,
Уста не властны ей слова любви шептать;
Ее желать нельзя, но и забыть нѣтъ мочи,—
Возможно лишь бѣжать, бѣжать, бѣжать!
Куда-нибудь скорѣй, въ чужое отдаленье,
Въ надеждѣ тамъ найти желанное забвенье.

Эта новая красота, хотя авторъ называетъ ее могучей, оказывается, однако, безсильной возродить своего поклонника къ новой жизни; она оставляетъ ему только бѣгство и забвеніе.

Какъ бы то ни было самъ поэтъ не принимаетъ буддійской морали своего разсказа, и господствующій въ немъ безнадежный тонъ онъ, въ посвященіи, пытается объяснить случайными, личными причинами:

Отъ одиночества, отъ скуки
Я повѣсть эту написалъ;
Но, трудъ свершая одинокій,
Все о тебѣ, мой другъ далекій,
Я вспоминалъ и тосковалъ.
. . . . . .
Казалось мнѣ, что безвозвратно
Любовь и счастье скрылись вдаль!
Не оттого ль въ строкахъ тѣхъ внятно
Звучитъ сердечная печаль?
Не оттого ль веселья звуки
И радость жизни чужды имъ,
Что я слагалъ ихъ въ дни разлуки,
Тоской глубокою томимъ?
Но воротись—улыбкой нѣжной
Мнѣ душу снова озари,
Какъ свѣтомъ утреннимъ зари
Потемки ночи безнадежной —

И сердце радостнѣй, живѣй
Забьется полное участья
И—вѣрю я—въ груди моей
Еще найдутся пѣсни счастья.

Нашлась только одна такая пѣсня: это „Сказка ночи“, слѣдующая непосредственно за „Старыми рѣчами“. Это есть радостный гимнъ любви, единственный въ поэзіи гр. Кутузова, но и онъ оканчивается въ минорномъ тонѣ.

Мнѣ сказывала Ночь: „васъ въ мірѣ только двое!
Сіяніе зари, мерцанье звѣздъ ночныхъ,
Равнины тихія и небо голубое—
Весь этотъ мракъ и блескъ для васъ—для васъ однихъ—
Когда бъ другъ друга вы не знали, не любили,
Когда бы чуждою тебѣ была она,—
Ни эти небеса, ни звѣзды бъ не свѣтили,
Просторъ, туманъ и даль къ себѣ бы не манили,
И я сама, какъ смерть, была бы холодна“.
. . . . . .
Такъ говорила Ночь, и выше все и жарче
Зарницы страстныя пылали въ облакахъ,
Теплѣе вѣтерокъ дышалъ въ ночныхъ потьмахъ,
А образъ милый твой все чище и все ярче,
Улыбкой, какъ лучомъ небеснымъ, озаренъ,
Мнѣ въ душу проникалъ, глядѣлъ мнѣ прямо въ очи,
И взглядомъ повторялъ онъ ту же сказку Ночи
Про счастіе любви... *Ужель то былъ мигъ сонъ?*

Да! по крайней мѣрѣ для поэзіи гр. Кутузова это оказалось лишь сномъ. У него, какъ у настоящаго поэта, окончательный характеръ и смыслъ его произведеній зависитъ не отъ личныхъ случайностей и не отъ его собственныхъ желаній, а отъ общаго невольнаго воздѣйствія на него объективной реальности съ той ея стороны, къ которой онъ, по натурѣ своей, особенно воспріимчивъ. Вторая его поэма: „Дѣдъ простилъ“, представляетъ значительное развитіе и углубленіе той же самой буддійски-настроенной мысли, которая въ „Старыхъ рѣчахъ“ выражена еще неясно и которую въ „Посвященіи“ и въ „Сказкѣ ночи“ онъ пытался отвергнуть, хотя лишь на мгновеніе и безъ полной увѣренности.

IV.

Невеселъ что-то старый князь:
Его тревожатъ злыя думы.
Глубоко въ кресло погрузясь,
Молчитъ онъ, мрачный и угрюмый.

Предъ нимъ молоденькая дочь
Сидитъ и книгу вслухъ читаетъ;
Огонь въ каминѣ догораетъ,
А на дворѣ мятель и ночь.

Этотъ старый князь, когда-то обманутый и брошенный своею женою, которая ему оставила единственную дочь, скрылся съ этою дочерью въ деревнѣ.

Кончался день, вставала ночь,
Одна звѣзда ему свѣтила,
Одна любовь его живила:
Его дитя родное—дочь.

И вотъ ее хотѣли у него отнять; явился „человѣкъ чужой, веселый, дерзкій, молодой"; она его полюбила и проситъ о согласіи отца. Старикъ съ гнѣвомъ отказываетъ:

Нѣтъ, свадьбѣ этой не бывать,
Пока я живъ!.. Ужъ гаснутъ силы;
Добресть хоть дайте до могилы
И въ ней уснуть... Не долго ждать.

Черезъ три дня женихъ тайно увозитъ княжну. Отецъ, узнавши, пускается за ними въ погоню при страшной мятели; лошадь падаетъ; онъ, обезумѣвъ, бѣжитъ пѣшкомъ, бросаетъ шубу, и на другой день его привозятъ домой обледенѣлаго и умирающаго. Между тѣмъ дочь успѣла обвѣнчаться; она пишетъ отцу и въ отвѣтъ получаетъ роковое извѣстіе:

Ужель разлуки краткій мигъ
Перенести не могъ старикъ?!
Вѣдь дочь къ нему бы воротилась,
Вѣдь все мгновенно бъ объяснилось,
Лишь только бъ увидалъ онъ ихъ
Счастливыхъ, свѣтлыхъ, молодыхъ!
Лишь понялъ бы, что другъ безъ друга
Имъ невозможно было жить,
Какъ невозможно птицамъ юга
Не мчаться вдаль и гнѣздъ не вить.

Но эта птичья философія героини оказывается несостоятельной. Дочь застаетъ старика уже на столѣ и съ нею дѣлается страшная перемѣна:

Прислушайтесь: то не рыданья
Печали жгучей—то стенанья
Навѣкъ разбитой жизни—въ нихъ
Ни слезъ, ни звуковъ нѣтъ живыхъ!
Давно ли полонъ былъ веселья
Влюбленный взглядъ тѣхъ чудныхъ глазъ?

Теперь, какъ въ мракѣ подземелья
Заглохшій свѣточъ, онъ погасъ.
Погасъ—и красота увяла,
И не играетъ въ жилахъ кровь,
И жизнь поблекла, и любовь
Для сердца непонятной стала!
На мужа юная жена
Глядитъ съ враждебностью нѣмою;
Отнынѣ навсегда чужою
Ему останется она.
Для нихъ ужъ нѣтъ уединенья!
Ихъ трое: мужъ, жена... и *онъ*!—
Мертвецъ, не давшій имъ прощенья,
Неумолимъ, непримиренъ
Стоитъ—и смотритъ прямо въ очи,
И дышетъ холодомъ на нихъ.
Они бѣгутъ того жилища,
Гдѣ имъ покоя больше нѣтъ;
Но мертвый съ своего кладбища
Встаетъ, несется имъ во слѣдъ.
Они въ шумящую столицу
На суету, въ толпу людей,
Все дальше, дальше, за границу,
Къ брегамъ невѣдомыхъ морей
Бѣгутъ; но призракъ грозный мчится
За ними всюду по пятамъ.
Ни отдохнуть, ни позабыться
Мертвецъ имъ не даетъ и тамъ.
И у несчастной нѣтъ ужъ силы
Бороться съ выходцемъ могилы:
Онъ овладѣлъ ея душой,
Ея умомъ, ея мечтой.
Онъ—мертвый—побѣдилъ живого,
Того обидчика чужого,
Того лихого пришлеца,
Что дочь похитилъ у отца.
И только въ краткій мигъ забвенья
Жена на мужа взглянетъ вновь,—
Ей призракъ шепчетъ: нѣтъ прощенья!
И меркнетъ взглядъ, и стынетъ кровь.
Опять, опять воспоминанье:
Чу!—зимней вьюги слышенъ стонъ,
И лай ночной, и коней ржанье,
И вопль, и похоронный звонъ!

У нея все-таки рождается сынъ, и ей приходитъ на мысль, что онъ долженъ искупить ея вину и примирить ее съ отцомъ. Печальная семья возвращается изъ-за границы въ деревню, ту самую, гдѣ жилъ и умеръ старый князь. Больная страдаетъ по прежнему. Проходятъ нѣсколько лѣтъ.

А мать несчастная все ждетъ,
Ждетъ, чтобы чудо совершилось,
Чтобъ сердцу какъ-нибудь открылось,
Что ей мертвецъ вину простилъ,
Что внука дѣдъ благословилъ.
И создаетъ она примѣты:
Хотѣлося бы ей во всемъ,
Что совершается кругомъ,
Читать рѣшенья и отвѣты.
Недугъ ли тяжкій поразитъ
Кого-нибудь—и невозможно
Спасти ту жизнь—она тревожно
Молитву жаркую творитъ.
Съ боязнью страстной и тоскою
Повсюду кары ищетъ слѣдъ
И винитъ себя одну виною
Всѣхъ золъ, и недуговъ, и бѣдъ.

Во время жестокой засухи, когда народъ молился въ церкви о дарованіи дождя, ей вдругъ показалось, что если небо исполнитъ эту молитву, то это будетъ знакомъ, что отецъ простилъ. Она говоритъ это маленькому сыну, заставляетъ его молиться, а сама идетъ въ садъ.

Поникнувъ робко головою,
Въ тиши заглохшею тропою
Идетъ и слушаетъ она.
Засуха, зной... Во мглѣ туманной
Ликъ солнца красенъ, воздухъ спитъ;
Но, чу!—какой-то грохотъ странный
Издалека въ тиши звучитъ.

Скоро показывается грозовая туча:

Идетъ—и небо тѣсно ей!
Она живетъ, ростетъ и дышетъ,
И крылья мощныя колышетъ,
И хмуритъ черный валъ бровей.
То взглянетъ вдругъ и заморгаетъ,
Заговоритъ... то вновь смолкаетъ
Въ раздумьѣ страстномъ—и грозна
Ея живая тишина.
Идетъ, надвинулась, сверкнула
Могучимъ взглядомъ; грянулъ громъ—
И все смѣшалося кругомъ,
Все въ тьмѣ и бурѣ потонуло.
Не потонуло лишь одно
Несчастной дочери моленье;
Къ отцу доносится оно
Сквозь шумъ, и грохотъ, и смятенье,

И жизнь страдальческую въ даръ
Пріемлетъ Богъ... Все позабыто,
Все прощено, все пережито...
Искупленъ грѣхъ, и палъ ударъ!
Передъ страдалицей мгновенно
Разверзлась огненная твердь—
Улыбка... взглядъ... и вопль блаженной
Небесной радости, и—смерть!
За мигъ предъ тѣмъ она стояла
Въ борьбѣ съ послѣднею мечтой...
Теперь, склонясь къ землѣ сырой,
Она спокойная лежала.

Содержаніе этого разсказа—самаго интереснаго изъ трехъ—напоминаетъ что-то глубоко-архаическое и таинственное. Человѣческія жертвы предкамъ, мертвецы, дающіе дождь и говорящіе въ грозѣ... Но заключительный смыслъ ясенъ. „Послѣдняя мечта", отъ которой должна отказаться страдающая человѣчность—это мечта о возможности примиренія и счастія въ жизни, хотя бы чрезъ посредство новыхъ поколѣній: истинный исходъ только отрицательный—въ прекращеніи жизни.

V.

Счастье не только случайно, какъ было показано въ „Старыхъ рѣчахъ", оно непозволительно, незаконно по существу. Счастье дѣтей вытѣсняетъ изъ жизни родителей—это есть роковой грѣхъ, непоправимая въ жизни обида. Искупленіе, примиреніе—*только въ смерти*. Это заключительное торжество смерти разростается въ третьей поэмѣ въ цѣлый апоѳеозъ. Тутъ уже смерть является не только какъ единственное разрѣшеніе жизненныхъ противорѣчій, но какъ единственное истинное благо и блаженство. Сюжетъ этой третьей поэмы гораздо проще, чѣмъ во второй и даже въ первой. Герой перебиваетъ невѣсту у жениха. Тотъ его вызываетъ на дуэль и смертельно ранитъ. Умирающій прозрѣваетъ въ истину бытія, которая открывается ему какъ Смерть.

Я понялъ тишину! Я понялъ, чье дыханье
Мнѣ въ душу вѣяло прохладой неземной;
Чьей власти покорясь, утихнуло страданье—
Я угадалъ, что Смерть витала надо мной...
Но не было въ душѣ ни страха, ни печали,
И гостью грозную улыбкой встрѣтилъ я...
Мнѣ представлялася во мглѣ туманной дали

Толпою призраковъ теперь вся жизнь моя.
Къ ней ничего назадъ меня ужъ не манило:
Страданья, радости, событій пестрыхъ рой,
И счастье, и... любовь—*равно все чуждо было,*
Безслѣдно все прошло, какъ ночи бредъ пустой.
Я Смерти видѣлъ взглядъ. Великая отрада
Была въ спокойствіи ея *нѣмого* взгляда;
Въ немъ чуялся душѣ неслыханный привѣтъ,
Въ немъ брезжилъ на землѣ невиданный разсвѣтъ!
Казалося, дотоль я не имѣлъ понятья
Объ утренней красѣ безоблачныхъ небесъ;
Теперь весь дольній міръ въ разсвѣтѣ томъ исчезъ.
Я неба чувствовалъ безстрастныя объятья,
Я погружался въ нихъ, и становилось мнѣ
Все безпечальнѣе, все легче въ тишинѣ.
Вблизи какой-то шумъ раздался непонятный,
Какіе-то шаги и шопотъ еле внятный—
Мнѣ было все равно: я видѣлъ предъ собой
Лишь Смерть съ простертою на помощь мнѣ рукой...
Но вдругъ коснулася меня рука иная,
Рука знакомая, дрожащая, живая...

Къ нему пришла невѣста, та, изъ-за которой онъ стрѣлялся съ соперникомъ. Она шепчетъ ему нѣжныя рѣчи...

Ея не слушалъ я.
Мнѣ Смерть таинственно и внятно говорила:
„Оконченъ жизни бредъ, недугъ я исцѣлила“.
. . . . . .

Рѣчь Смерти опять прерывается страстнымъ шопотомъ:

„Взгляни же на меня... промолви мнѣ хоть слово...“
Но въ *равнодушное* молчанье погруженъ,
Я на призывъ любви не отвѣчалъ, и снова
Въ тиши меня объялъ невозмутимый сонъ.
И въ чудномъ этомъ снѣ вновь Смерть заговорила:
„Приди—избранникъ мой, тебя я полюбила;
Тебя мнѣ стало жаль средь міра и людей,
Въ томъ мрачномъ омутѣ ошибокъ, лжи, проклятій,
Гдѣ краткая любовь и счастье быстрыхъ дней
Дается лишь цѣной бѣды и скорби братій“.

Пока Смерть такими словами поддерживала своего избранника въ его безстрастіи и равнодушіи, бѣдная дѣвушка стояла съ поникшею головой—

И горько плакала. *Ни слезъ ея, ни муку*
Постигнуть я не могъ и, протянувъ къ ней руку,
Разсѣянно спросилъ: „о чемъ такъ плачешь ты?“
Лампады слабый лучъ мнѣ освѣтилъ черты

Ея лица—и въ нихъ такъ жизни было много,
Такою странною и чуждою тревогой
Въ лицо мнѣ вѣяло отъ этихъ свѣтлыхъ глазъ,
Что *отвернулся я*. Тогда въ послѣдній разъ
Съ вопросомъ *трепетнымъ* она ко мнѣ нагнулась,
Взглянула мнѣ въ глаза и устъ моихъ коснулась
Устами жаркими... „Остаться, или уйти?“
—„Уйди!“ я ей въ отвѣтъ сказалъ безъ колебанья.
Она шепнула мнѣ сквозь слезы: „до свиданья!“
А я спокойное ей вымолвилъ „прости!“

Этотъ апоѳеозъ смерти можно было бы принять за прекрасный стихотворный перифразъ знаменитой сцены умирающаго Андрея Болконскаго въ „Войнѣ и Мирѣ“. И тамъ, и здѣсь наступающая смерть и прозрѣніе въ Нирвану вызываютъ въ умирающемъ только полную апатію (безстрастіе) и равнодушіе ко всему, даже самому дорогому, въ жизни; и тутъ, и тамъ является любимая женщина и не находитъ въ умирающемъ никакого участія. Но хотя гр. Кутузовъ не далъ ни одной существенной черты, которой не находилось бы у Толстого, было бы несправедливо видѣть здѣсь одно простое заимствованіе: заключеніе „Разсвѣта“ уже предопредѣлено въ предъидущей поэмѣ „Дѣдъ простилъ“, которая не находится ни въ какой зависимости отъ Толстого. Пространный апоѳеозъ смерти въ третьей поэмѣ есть только необходимое развитіе краткаго указанія въ концѣ второй:

Улыбка... вопль... и взглядъ *блаженной*
Небесной радости,—и *смерть*.

VI.

„Разсвѣтъ“ признается обыкновенно самымъ лучшимъ и важнымъ произведеніемъ гр. Кутузова. Хотя поэма „Дѣдъ простилъ“ кажется мнѣ сама по себѣ и оригинальнѣе, и содержательнѣе, но я долженъ присоединиться къ общему мнѣнію въ томъ смыслѣ, что только въ „Разсвѣтѣ“ господствующее настроеніе автора вполнѣ выяснилось и получило свое окончательное выраженіе. Апоѳеозъ смерти, которымъ оканчивается и ради котораго написана эта третья поэма, есть послѣднее слово нашего поэта; сказавши его, онъ — вотъ уже двѣнадцать лѣтъ — не могъ создать ничего сколько-нибудь значительнаго (по содержанію).

Съ этимъ послѣднимъ словомъ смыслъ лирической трилогіи гр. Кутузова опредѣленъ и исчерпанъ. То, что было и смутно и поверхностно въ первой поэмѣ, углублено во второй и оконча-

тельно выяснено въ третьей. Счастье жизни *случайно*, говорятъ намъ „Старыя рѣчи“; не только случайно, но и *грѣховно*, дополняетъ „Дѣдъ“; но ни случайность, ни преступность счастія еще не отнимаютъ у него свойства быть желательнымъ; эту послѣднюю неопредѣленность окончательно устраняетъ „Разсвѣтъ“, показывая, что счастье и сама жизнь не только случайны и грѣховны, но что они *не нужны*, что смерть есть не только роковая необходимость, но высшее благо и настоящее блаженство.

Гр. Кутузовъ, какъ настоящій поэтъ, а не мыслитель, конечно, *не началъ* съ того, что поставилъ такой общій тезисъ, чтобы потомъ доказывать его съ помощью поэтическихъ образовъ и картинъ. Господствующее въ душѣ его настроеніе и міросозерцаніе постепенно выдѣлялось или высвобождалось для него самого изъ тѣхъ видѣній и мечтаній, которыя окружали его въ минуты творчества (какъ онъ самъ на это указываетъ въ посвященіи ко второй поэмѣ). Но когда этотъ процессъ совершился, то мысль поэта принимаетъ форму сознательнаго утвержденія или тезиса, что̀ мы и находимъ въ концѣ „Разсвѣта“. Здѣсь уже не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ какою-нибудь случайною картиною, возникшею въ воображеніи автора, а съ выраженіемъ опредѣленнаго настроенія и взгляда на жизнь; и мы имѣемъ право судить этотъ взглядъ по существу, а не со стороны только достоинства художественной формы.

Взглядъ автора, относящійся къ жизни съ рѣшительнымъ отрицаньемъ, заключаетъ въ себѣ *относительную* истину. Это правда, что матеріальная жизнь, съ ея „страстями, весельемъ и тревогой“, и случайна, и недостойна, и пуста; это правда, что прекращеніе такой жизни само по себѣ не есть зло, а скорѣй благо; это правда, наконецъ, что человѣкъ, который въ виду прекращенія жизни впадаетъ въ созерцательную апатію, лучше человѣка, который и въ предсмертный часъ все хотѣлъ бы терзать своихъ враговъ или предаваться распутству. Но что̀ же дальше? Неужели кромѣ матеріальной жизни и ея прекращенія нѣтъ ничего на свѣтѣ, ничего, что̀ давало бы смыслъ существованію міра и человѣка? У нашего поэта никакого намека на этотъ смыслъ мы не находимъ. Онъ представляетъ намъ поступки людей и ихъ необходимыя слѣдствія, — и то и другое представляетъ въ сущности вѣрно. Несомнѣнно, что отнимать чужую жену или невѣсту, или для скорѣйшаго удовлетворенія своей эгоистической страсти бросать стараго отца — поступки негодные и не ведутъ къ добру. Хотя это уже предусмотрѣно Моисеевымъ десятословіемъ, но такая почтенная старина этихъ истинъ не мѣшаетъ

имъ быть вѣчно новыми и нисколько не уменьшаетъ заслугу гр. Кутузова, воплотившаго ихъ въ конкретныхъ образахъ и прекрасныхъ стихахъ. Но буддійское настроеніе (не имѣющее уже ничего общаго съ Моисеемъ) заставило нашего поэта *остановиться* на этой элементарной почвѣ и *относительную* истину своего отрицательнаго взгляда принять и выдать за истину безусловную и окончательную. Изъ того, что дурныя дѣйствія дурно кончаются, онъ выводитъ, что вообще никакихъ дѣйствій не должно быть. Это уже неправильно,—почти такъ же неправильно, какъ еслибы изъ того положенія, что не нужно похищать чужихъ дѣтей, кто-нибудь вывелъ, что необходимо бросать своихъ собственныхъ.

Дѣянія, совершаемыя лицами гр. Кутузова, принадлежатъ всецѣло къ области дурной матеріальной жизни, а ихъ слѣдствія сводятся къ прекращенію этой жизни. Герой первой поэмы, вслѣдствіе неудачи своего незаконнаго романа, превращается въ безнадежнаго „гостя могилъ“; героиня второй поэмы, чтобы искупить свой грѣхъ противъ отца, убивается молніей, а герой „Разсвѣта“ немедленно послѣ дуэли переходитъ въ Нирвану. Никакого другого смысла жизни, кромѣ факта ея прекращенія, мы здѣсь не находимъ.

Взглядъ этотъ, конечно, не утѣшителенъ и имъ достаточно объясняется минорный тонъ, господствующій въ поэзіи гр. Кутузова. Но, конечно, поэтъ имѣетъ право отречься отъ утѣшительныхъ обмановъ и стать на сторону безнадежной истины. Остается только разобрать:—*истина ли это?*

Владиміръ Соловьевъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

ВЪ

1893 ГОДУ.

Если въ 1892 году на страницахъ періодическихъ изданій нерѣдко появлялись извѣстія о положеніи переселенцевъ въ пути, то прошлый 1893 г. отличался почти полнымъ отсутствіемъ подобныхъ извѣстій. Отмѣчая это, можно подумать, что или жгучій вопросъ прошлыхъ лѣтъ сошелъ со сцены и уже болѣе не привлекаетъ къ себѣ вниманія общества, или движеніе совершалось при такихъ условіяхъ благополучія, что не было необходимости особенно заботиться и обращаться къ общественному сочувствію. Предоставляя самому читателю рѣшить послѣднее, намъ кажется, что далеко еще не наступило время сдать этотъ вопросъ въ архивъ. Врядъ ли ослабѣло къ нему и вниманіе русскаго общества, всегда горячо отзывавшагося на народную нужду и приходившаго къ ней съ посильной помощью въ особенности теперь, когда еще живы у всѣхъ воспоминанія о недавнихъ бѣдствіяхъ переселенцевъ, когда еще не стерлись слѣды переселенческой катастрофы 1892 г. Этотъ печальный годъ далъ намъ тяжелый урокъ и заставилъ внимательнѣе отнестись къ участи переселенцевъ.

Проведеніе сибирской желѣзной дороги какъ-то сразу выдвинуло на свѣтъ Божій дремавшіе до сихъ поръ вопросы и, между прочимъ, вопросъ о колонизаціи Сибири. Можно безъ преувеличенія сказать, что этотъ вопросъ сталъ моднымъ. Имъ заняты канцеляріи, коммиссіи, о значеніи его толкуютъ повсюду и рѣшаютъ его въ томъ или другомъ направленіи. И эта принципіальная сторона какъ бы отодвинула на второй планъ то, что̀ въ настоящее время совершается въ

дѣйствительности. А между тѣмъ жизнь не стоитъ, не выжидаетъ принципіальнаго разрѣшенія, но идетъ своимъ порядкомъ. Гдѣ-то тамъ, въ глухихъ мѣстахъ, десятки тысячъ русскихъ людей, упорныхъ и вѣрующихъ въ лучшее будущее, тянутся по безконечной дорогѣ, болѣютъ, страдаютъ и умираютъ; однимъ словомъ, совершается процессъ народной жизни. И нечего говорить, какого вниманія онъ заслуживаетъ. На немъ-то мы и остановимся и пойдемъ по слѣдамъ этой сѣрой массы народа, безмолвнаго, безотвѣтнаго, тихо дѣлающаго „свое“ дѣло.

Личное мое пребываніе въ продолженіе двухъ лѣтъ на одномъ изъ пунктовъ переселенческаго движенія дало мнѣ возможность собрать массу матеріала. Кромѣ того, въ моемъ распоряженіи находились отчеты и записки другихъ лицъ, работавшихъ на переселенческихъ пунктахъ, а также письма фельдшерицъ и студентовъ-медиковъ, сопровождавшихъ переселенческія партіи по Оби и Иртышу. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ въ небольшой журнальной статьѣ; приходится ограничиться только самыми существенными фактами, на основаніи лично собранныхъ свѣденій, отчета П. А. Вологдина, секретаря благотворительнаго общества въ Перми, много поработавшаго въ дѣлѣ помощи переселенцамъ, отчета студентовъ-медиковъ за 1893 г., записки врача Сущинскаго, прочитанной 20-го марта 1894 г. въ собраніи общества вспомощ. нужд. переселенцамъ въ Петербургѣ, печатныхъ инструкцій и правилъ санитарной организаціи водныхъ путей сообщенія по Западной Сибири и врачебно-питательныхъ пунктовъ по сухопутному тракту, а также нѣкоторыхъ писемъ фельдшерицъ и студентовъ, сопровождавшихъ переселенческія партіи по Оби и Иртышу.

I.

Различными путями изъ внутреннихъ губерній Россіи переселенцы стягиваются на Волгу въ Нижнемъ, Казани, Сызрани и Царицынѣ, а изъ этихъ пунктовъ отправляются въ Пермь. Движеніе 1893 г. обнимало обычныя для переселеній губерніи, изъ которыхъ тамбовская, воронежская, курская—занимали видное мѣсто, а также полтавская и каменецъ-подольская—на югѣ. Ни въ одномъ изъ волжскихъ главныхъ пунктовъ, не говоря уже о второстепенныхъ, за исключеніемъ Казани, гдѣ устроенъ баракъ на средства петербургскаго переселенч. общества, до сихъ поръ переселенцы не находятъ хотя бы временнаго крова на случай непогоды и холода. Правда, еще не истощенные долгой дорогой, переселенцы не задер-

живаются на этихъ пунктахъ, а почти безостановочно проходятъ далѣе. Но уже въ Перми, этомъ первомъ пунктѣ, гдѣ концентрируется переселенческая волна, начинаетъ ощущаться необходимость помощи. Въ 1893 г. движеніе началось довольно поздно; съ конца апрѣля стали появляться партіи ежедневно, и снова на пристани и въ городѣ стали скопляться сотни и тысячи народа, ожидая очереди ѣхать далѣе до Тюмени по уральской желѣзной дорогѣ. Зная по опыту прошлыхъ лѣтъ, какъ неблагопріятно отражается на самихъ переселенцахъ, а также и на мѣстномъ населеніи подобное скопленіе народа, и въ виду возможности появленія холеры, городская дума рѣшила изолировать городъ отъ переселенцевъ, направляя ихъ на особую переселенческую пристань, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Здѣсь были улучшены бараки для здоровыхъ, устроена платная и безплатная столовая, приглашенъ врачъ и фельдшеръ. Всего затрачено было до 11½ т. рублей, изъ которыхъ 2 т. поступили отъ благотворительнаго мѣстнаго общества, и 4 т. были ассигнованы изъ кредитовъ министерства императорскаго двора на снабженіе переселенцевъ горячей пищей и чаемъ. Всѣ ассигнованныя средства были затрачены на продовольствіе здоровыхъ и содержаніе больныхъ; кромѣ того, 760 р.—на перевозку переселенцевъ съ пристани на желѣзно-дорожный вокзалъ, минуя городъ, и только 28 р. было дано въ пособіе на дальнѣйшій проѣздъ и продовольствіе. Въ виду того, что нужда на этотъ послѣдній предметъ была весьма значительна, нельзя не отмѣтить ничтожества вышеуказанной помощи на дальнѣйшій проѣздъ. Многіе, добравшись до Перми, оставались совершенно безъ средствъ, и чтобы двинуться далѣе — были принуждены продавать свое послѣднее имущество. Переѣздъ по уральской желѣзной дорогѣ обходился различно, въ зависимости отъ численнаго состава семьи и отъ того, главнымъ образомъ, шла ли семья „съ разрѣшенія“, или безъ него. Первые пользовались такъ называемымъ „переселенческимъ тарифомъ“, платя по 2 р. 32 к., дѣти же до 10 лѣтъ безплатно; вторые могли пользоваться рабочимъ тарифомъ, платя въ три раза дороже. Если же принять во вниманіе, что огромное большинство идетъ безъ разрѣшенія, то льготнымъ проѣздомъ воспользовалась незначительная часть, и идущимъ „безъ разрѣшенія“ приходилось хлопотать и въ полиціи, и у губернатора, чтобы получить разрѣшеніе воспользоваться льготнымъ тарифомъ. Нельзя сказать, чтобы подобныя ходатайства всегда достигали цѣли; бывали примѣры, что ходатайствующихъ арестовывали, какъ не имѣющихъ средствъ, отправляли въ тюрьму, а оттуда этапнымъ порядкомъ—иной разъ обратно. Былъ примѣръ, что даже цѣлая партія изъ 10 семей, идущая съ разрѣшенія, была отправлена, за не-

имѣніемъ средствъ, этапнымъ порядкомъ, предварительно просидѣвши съ недѣлю въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ пересыльными арестантами.

Переходя къ тобольской губ. и въ частности къ гор. Тюмени, заслужившему столь печальную извѣстность въ переселенческой исторіи, нужно сказать, что здѣсь, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, дѣло помощи переселенцамъ было поставлено, по сравненію съ прошлымъ 1893 г., довольно широко. Какъ извѣстно, вообще въ прежнее время здѣсь помощь была организована очень слабо и не отвѣчала жизненнымъ требованіямъ даже тогда, когда не обнаруживались какія-либо чрезвычайныя обстоятельства, въ видѣ развитія эпидемій, неожиданнаго увеличенія движенія и т. п. Тѣмъ болѣе эта помощь оказывалась вполнѣ несостоятельной при ихъ наличности. Поэтому приходилось всегда прибѣгать къ чрезвычайнымъ временнымъ мѣрамъ. Такъ было въ 1892 г., такъ было и въ прошломъ 1893, когда, въ виду предполагаемаго усиленія движенія переселенцевъ и для предотвращенія развитія холерной эпидеміи среди переселенцевъ и мѣстнаго населенія, мѣстной администраціей былъ возбужденъ вопросъ объ организаціи медицинскаго персонала. На остатки изъ суммъ особаго комитета былъ приглашенъ для сухопутнаго сибирскаго тракта по тобольской губ. отрядъ изъ 10 врачей, 18 студентовъ и 18 фельдшерицъ и по водному пути по Оби и Иртышу на средства пароходовладѣльцевъ—одинъ врачъ, 16 студентовъ и 30 фельдшерицъ. На обязанности послѣднихъ лежало сопровожденіе переселенческихъ партій и пассажировъ на пароходахъ и баржахъ. Кромѣ того городскимъ управленіемъ г. Тюмени для мѣстныхъ нуждъ былъ приглашенъ особый отрядъ изъ 14 студентовъ и 14 фельдшерицъ. Такимъ образомъ, со стороны численности медицинскихъ силъ главный пунктъ переселенческаго движенія, г. Тюмень, а также сухопутный и водный путь далѣе по тобольской губ. были обезпечены. Циркуляромъ отъ 28 мая и. д. тобольскаго губернатора были опредѣлены полномочія этой санитарной организаціи, въ рукахъ которой сосредоточилось такое важное и отвѣтственное дѣло; этимъ же циркуляромъ были намѣчены и задачи этой организаціи. Самыми важными мѣрами по водному пути для начала были слѣдующія: 1) опредѣлялось, что каждая пристань по Оби и Иртышу должна имѣть своего врача и фельдшера, которымъ былъ порученъ надзоръ за пристанью и рабочимъ людомъ; они также были обязаны осматривать каждый пароходъ, при чемъ ни одно судно не могло отойти отъ пристани безъ ревизіи врача; 2) для пользованія заболѣвшихъ по водному пути Оби и Иртыша были устроены 12 пристанскихъ бараковъ; 3) каждую баржу и пароходъ съ переселенцами сопровождала фельдшерица или фельдшеръ.

Что касается до сухопутнаго тракта отъ Тюмени черезъ Ялуторовскъ, Ишимъ, Тюкалинскъ и далѣе, то здѣсь были открыты 10 врачебно-питательныхъ пунктовъ для подачи медицинской и продовольственной помощи переселенцамъ, устроены также временные бараки для больныхъ и здоровыхъ.

Въ Тюмени барачныя постройки на переселенческой станціи были ремонтированы и расширены постройкой новыхъ бараковъ на средства И. М. Сибирякова; на его же средства были устроены помѣщенія для столовой и баня. Начатыя постройкой обширныя барачныя больницы были окончены только въ августѣ и слѣдовательно еще не функціонировали. Такова была внѣшняя обстановка—нужно сказать — благопріятная для переселенческаго движенія прошлаго 1893 года.

Размѣръ этого движенія черезъ Тюмень въ разсматриваемомъ году уменьшился сравнительно съ предшествующимъ 1892 годомъ. Какъ извѣстно, тогда прошло немного болѣе 80 т., а въ 1891 году до 61 т.; итого за 2 года прошло 141 т., изъ нихъ болѣе 90 т. приходится на осень 1891 и весну 1892 года. Это указываетъ на несомнѣнную связь съ неурожаемъ и голодомъ, постигшими Россію за этотъ періодъ. Въ 1893 г. уже не существовало такого обостреннаго положенія, какое было ранѣе, и переселеніе уменьшилось по своимъ размѣрамъ, принявши свой обычный ходъ, т.-е. самое большое движеніе совершалось въ маѣ и іюнѣ, стихая въ іюлѣ и августѣ и снова немного увеличиваясь въ концѣ этого мѣсяца. Въ 1893 г. до апрѣля прошло не болѣе 300 ч. (а въ 1892 г. до этого времени—3.000), и только съ конца апрѣля началось усиленное движеніе. Къ 1 августа оно достигло 50 т. (на 15 тысячъ менѣе прошлогодняго). „Въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ [1]) эвакуація изъ Тюмени была удовлетворительна, хотя и тутъ одно время весной на площади вокругъ барачныхъ построекъ скопилось до 10 тысячъ. Все это причиняло переселенцамъ большія неудобства, заставляло ихъ проживать болѣе продолжительное время въ Тюмени и влекло за собой разореніе переселенческихъ семействъ, повышеніе заболѣваемости и смертности. Въ 1893 г. въ Тюмени умерло всего до 100 человѣкъ. Такую малую смертность, въ сравненіи съ 1892 г. (до 1.000 ч.), нельзя объяснить одной только организаціей медицинской помощи и нѣкоторымъ улучшеніемъ барачныхъ построекъ. Въ прошломъ году главная масса переселенцевъ двинулась воднымъ путемъ, и они задерживались въ Тюмени не такъ долго, какъ въ 1892 г., благодаря рано открывшейся

[1]) Цитирую записку врача Сущинскаго, бывшаго въ продолженіе двухъ лѣтъ въ тюменскомъ переселенческомъ отрядѣ.

навигаціи и отсутствію другого болѣе выгоднаго груза. Ожидаемая и появившаяся холера не приняла грозныхъ размѣровъ прошлаго года, къ тому же и характеръ переселенія до нѣкоторой степени измѣнился сравнительно съ 1892 г. Было меньше бѣдноты, что̀ объясняется, вѣроятно, особыми репрессивными мѣрами со стороны администраціи тѣхъ губерній, откуда шли переселенцы. Всѣ эти условія создали то сносное положеніе вещей прошлаго года, которое не производило удручающаго впечатлѣнія и много облегчало работу медицинскаго отряда. Условія жизни въ переселенческихъ баракахъ и обстановка въ моментъ ослабленнаго движенія были много лучше позапрошлаго года. Столовыя, какъ платная, такъ и безплатная, функціонировали постоянно, хотя, къ сожалѣнію, функція послѣдней была ограничена и во многомъ отличалась отъ пермской столовой, гдѣ кормили всѣхъ. Трудно и странно отличать нищаго отъ полу-нищаго, голоднаго отъ полу-голоднаго и проводить между ними искусственную грань. Денежная помощь на станціи была организована тоже очень слабо: здѣсь тоже нужно быть или нищимъ, или голоднымъ, чтобы получить какое-либо пособіе. Конечно, многіе оставались безъ помощи и отправлялись на свой рискъ и страхъ на баржахъ и бѣдствовали въ продолженіе всего 10—20-дневнаго пути по сибирскимъ рѣкамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ сопровождавшія переселенцевъ фельдшерицы".

Платная столовая и чайная были устроены на средства предсѣдателя тюменскаго переселенческаго общества И. И. Игнатова; имъ же былъ купленъ табунъ лошадей въ 350 головъ для распродажи переселенцамъ, сразу понизившій цѣну на лошадей, которыхъ переселенцы обыкновенно покупаютъ у барышниковъ, переплачивая въ ихъ карманы огромныя суммы. Эта помощь со стороны предсѣдателя мѣстнаго общества способствовала болѣе быстрой эвакуаціи переселенцевъ изъ Тюмени. Впрочемъ, далеко не всѣ имѣли средства на покупку лошадей и принуждены были ожидать пароходовъ.

II.

Но прежде чѣмъ перейти къ обзору переселенческаго движенія по водному пути, какъ самому важному въ настоящее время, остановимся на положеніи сухопутнаго тракта. Въ 1893 г. онъ имѣлъ второстепенное значеніе, такъ какъ здѣсь прошло не болѣе $^1/_4$ всего числа переселенцевъ, т.-е. около 15 тысячъ. Съ одной стороны, благодаря небольшому числу прошедшихъ, съ другой—наличности достаточнаго медицинскаго персонала, прошлый годъ отличался отсутствіемъ всего

того, что̀ напоминало бы предшествующее. Всего переселенцевъ обращалось за помощью — 4.950 человѣкъ, т.-е. 1/3 прошедшихъ (изъ 7 тыс. прошедшихъ тѣмъ же путемъ арестантовъ также 1/3). Раздѣляя по болѣзнямъ, мы видимъ, что изъ обращавшихся 1/4 страдала желудочно-кишечными разстройствами, 1/4—отъ болѣзней дыхательныхъ органовъ и маляріей. Смертность среди переселенцевъ, бывшихъ на излеченіи въ баракахъ, достигала 20% (92 ч.), а среди арестантовъ—даже 22,2%. Между тѣмъ какъ среди мѣстнаго населенія обращавшагося за помощью въ тѣ же пункты, была не болѣе 6,9%. Уже изъ одного этого сравненія видно, какими неблагопріятными условіями обставлена дорожная жизнь переселенца. Не мудрено, что численный средній составъ семьи возвратныхъ переселенцевъ равняется 4,9, между тѣмъ какъ средній составъ семьи, идущей въ передній путь, достигаетъ 6 человѣкъ, не говоря уже о томъ, что многія семьи, напрасно исколесивши Сибирь и возвращаясь обратно, иной разъ лишаются половины и болѣе своихъ членовъ, вышедшихъ съ родины. Такова жестокая контрибуція, которую они несутъ за свою безпомощность!

Въ прошломъ году, при движеніи переселенческихъ партій черезъ медицинскій пунктъ, они подвергались тщательному осмотру и опросу врачомъ или студентомъ. Больнымъ выдавались лекарства, а тѣ, которые уже не могли продолжать путь, помѣщались въ больницѣ. Обращаясь къ цифрамъ заболѣвшихъ, медицинскій отчетъ студентовъ говоритъ: „Если принять во вниманіе, что изъ всѣхъ 4.950 больныхъ болѣе половины, именно 2.593 чел. обращалось за помощью въ г. Тюмени, то окажется, что на остальныхъ 10 пунктахъ обращалось за врачебною помощью всего 2.357 чел., т.-е. 1/7 всѣхъ переселенцевъ, прошедшихъ по сибирскому тракту". Говоря далѣе, что цифра эта по своему отношенію ко всему числу не соотвѣтствуетъ нашему представленію объ изнуренномъ состояніи переселенцевъ, отчетъ указываетъ на тѣ причины, которыя способствовали столь благопріятному положенію. Отчетъ говоритъ, что уже болѣе половины всѣхъ больныхъ переселенцевъ получали медицинское пособіе въ Тюмени, а также здоровые пользовались отдыхомъ и уходомъ, что̀ способствовало подкрѣпленію ихъ организма для дальнѣйшаго пути. Помимо того, врачебно-питательные пункты были расположены довольно часто, черезъ 2—3 дня пути, и слѣдовательно своевременнымъ обращеніемъ за помощью больные имѣли возможность не запускать своей болѣзни. Изоляція заразныхъ больныхъ въ бараки не давала возможности эпидеміямъ распространяться среди переселенцевъ и наконецъ, безплатное кормленіе переселенцевъ на пунктахъ здоровой пищей отчасти способствовало подкрѣпленію ихъ организма, а примѣненіе

разумныхъ гигіеническихъ мѣръ, съ которыми знакомили переселенцевъ пунктовые врачи, защищало партіи отъ развитія среди нихъ какихъ-либо эпидемій.

III.

Не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ находится водный путь, который и въ нынѣшнемъ году „не отличался особеннымъ благоустройствомъ", и гдѣ „повторилась исторія прошлыхъ лѣтъ, хотя и не въ такой сильной степени". Огромная разница въ условіяхъ передвиженія объясняетъ намъ существо дѣла. Двигаясь по сухопутному тракту отдѣльными семьями и партіями на телѣгахъ, пѣшкомъ и даже „на тачкахъ", переселенцы терпятъ отъ холода и ненастья, но рядомъ съ тѣмъ не подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ скученности и вообще условіямъ передвиженія по водному пути на баржахъ и пароходахъ. Какъ въ первомъ случаѣ отдѣльная семья терпитъ и страдаетъ болѣе, такъ сказать, отъ индивидуальныхъ причинъ, лежащихъ въ самой семьѣ, чѣмъ въ окружающей обстановкѣ, какъ напр. отъ недостатка средствъ, степени истощенія, такъ во второмъ случаѣ неблагопріятныя условія или причины лежатъ въ окружающей средѣ и носятъ общій характеръ, бороться съ которыми во всякомъ случаѣ безсильна отдѣльная семья и гдѣ нужна борьба общими мѣрами. Въ этомъ лежитъ коренное различіе въ условіяхъ, которое влечетъ за собой и необходимость тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. Если ужъ по сухопутному тракту усиленіе медицинскаго персонала и временная продовольственная помощь не рѣшаютъ дѣла, то такія мѣры и подавно не приведутъ къ желаннымъ результатамъ по водному пути. Яркую иллюстрацію въ этомъ отношеніи можетъ представить 1893 годъ.

„При отправкѣ въ путь на пароходахъ и баржахъ изъ Тюмени,— говоритъ врачъ Сущинскій,—переселенцы группировались въ партіи отъ 500 до 1.000 ч. Очередь хотя и соблюдалась, но строго вестись не могла. Передъ отправкой производился медицинскій осмотръ. Одинъ изъ главнѣйшихъ пароходовладѣльцевъ, И. И. Игнатовъ, имѣя много опыта и зная, какая судьба постигаетъ переселенцевъ при отправкѣ ихъ на баржахъ, отказывался возить на нихъ переселенцевъ, мотивируя это тѣмъ, что на неприспособленной для перевозки людей баржѣ заболѣваемость и смертность прогрессируютъ въ зависимости отъ продолжительности пути; особенно бываетъ тяжела послѣдняя недѣля плаванія. Въ силу этого Игнатовымъ было выстроено два прекрасныхъ парохода, исключительно приспособленныхъ и всецѣло предназначенныхъ для пассажировъ 3-го класса. Эти пароходы

отличались образцовымъ устройствомъ и быстротою хода, что спасало переселенцевъ отъ излишнихъ издержекъ и заболѣваемости. Но это въ сущности одно только свѣтлое явленіе, наблюдавшееся по водному пути движенія переселенцевъ. Въ другихъ случаяхъ, несмотря на то, что приходилось ограничивать при посадкѣ число переселенцевъ, соотвѣтственно вмѣстимости каждой баржи, достигнуты были весьма ничтожные результаты. Санитарныя условія большинства баржей были прямо невозможны. Такъ, напр., попадались такія баржи, на днѣ которыхъ оказывались остатки зернового хлѣба, начавшаго разлагаться. Воздухъ былъ ужасенъ, а о провѣриваніи не могло быть и рѣчи. Конечно, о какихъ-либо приспособленіяхъ, даже примитивныхъ, нечего было и думать: переселенцевъ складывали въ трюмъ баржей на полъ, набивали на палубу—и только. Сильно ограничивать число переселенцевъ на каждой баржѣ не было возможности: съ одной стороны — пароходовладѣльцы отказывались возить ограниченное число ихъ, съ другой сами переселенцы торопились поскорѣе выбраться изъ Тюмени и соглашались на что угодно. При подобныхъ условіяхъ санитарный надзоръ и медицинская помощь затруднительны. Нужно знать, что изъ себя представляла „баржевая больничка“? Плохо сколоченную досчатую будку на три кровати, въ которой свободно гулялъ вѣтеръ и крышу которой промачивалъ дождь! И одна фельдшерица должна была удовлетворять нужды 500—1000-й толпы народа, помѣщенныя въ самыя антисанитарныя условія, при которыхъ провѣриваніе и дезинфекція были просто смѣшны!“

Уже изъ этихъ словъ видно, насколько измѣнились условія передвиженія переселенцевъ по водному пути. Мы располагаемъ письмами фельдшерицъ, сопровождавшихъ переселенческія баржи, а также ихъ замѣтками и отчетами, рисующими намъ картину неприглядной дѣйствительности. Нѣтъ возможности ознакомить со всѣмъ этимъ матеріаломъ, но можно отмѣтить нѣкоторые факты.

Вотъ, напр., какія отпускались средства на продовольствіе больныхъ и здоровыхъ, отправляющихся въ 10—20-дневное плаваніе на баржахъ. На партію въ 1.852 ч. дано было 25 р., на партію въ 1.000 ч.—45 р., въ 4.000 ч.—20 р., въ 150 ч.—3 р., а иной разъ фельдшерицы на партіи въ 1.500—2.000 чел. не располагали и однимъ рублемъ. Изъ 31 зарегистрированной баржи, о которыхъ имѣются свѣденія объ условіяхъ питанія, въ 5 случаяхъ имѣли средства всѣ, большинство — только въ 4-хъ случаяхъ, меньшинство—въ 8; 184 семьи не имѣли никакихъ средствъ. Запасъ хлѣба на баржахъ только въ 13 случаяхъ былъ достаточенъ. Были примѣры, когда за пудъ печенаго хлѣба платили по 2 р. 50 к.—3 р., а за маленькій хлѣбъ

по 15—20 коп., за фунтъ—отъ 4 до 9 к. Въ одномъ случаѣ причиною недостатка было то, что пароходъ останавливался, гдѣ и какъ вздумается капитану для грузки дровъ, часто на совершенно пустынномъ берегу. Недостатокъ хлѣба особенно чувствовался въ Сургутѣ, Демьянскѣ, Нарымѣ. Питались, конечно, сухарями—приваркомъ служилъ картофель, рыба—и только на трехъ баржахъ мясомъ. Были случаи, когда за все время пути ни разу не употребляли горячей пищи. Только на одной баржѣ существовала столовая, удовлетворявшая всѣхъ безъ исключенья платно или безъ платы. Сало для малороссовъ, овощи, яйца и молоко составляли удѣлъ ничтожнаго числа „богатыхъ“. Что касается до питанія дѣтей, то изъ числа 31 баржи только на 7 они кормились молокомъ во все время пути, на 10 же баржахъ только изрѣдка, а на остальныхъ только во время болѣзни.

О помѣщеніи переселенцевъ, конечно, никто не заботился. На пароходахъ они помѣщались около машинъ, на кормѣ безъ свѣта и воздуха или на тѣхъ мѣстахъ, которыя предназначаются для товара и дровъ. Всю дорогу ѣдутъ, расположившись на полу, въ-повалку, вмѣстѣ съ имуществомъ. Ночью—сквозной вѣтеръ, днемъ — раскаляющаяся отъ солнца желѣзная крыша, жаръ отъ машины и кухни. Всюду грязь, тѣснота; въ кухнѣ на плитѣ готовятъ пищу, тутъ же стираютъ бѣлье и развѣшиваютъ его для просушки. Но во всякомъ случаѣ пароходъ представляетъ болѣе удобствъ и защиты отъ холода, чѣмъ помѣщенія на баржахъ. Чтобы дать представленіе, что такое баржа для переселенцевъ, мы воспользуемся ея описаніемъ, сдѣланнымъ въ „Сибирскомъ Листкѣ“ за 1893 г. Внутри—обыкновенная обстановка громадной товарной баржи. Вдоль ея идетъ два ряда колоннъ, поддерживающихъ палубу и укрѣпленныхъ въ массивныхъ брусьяхъ, положенныхъ вдоль всего корпуса. Брусья эти вмѣстѣ съ колоннами образуютъ нѣчто въ родѣ трехъ коридоровъ. Въ боковыхъ устроены нары, такъ что переселенцы помѣщаются здѣсь въ два яруса—и на нарахъ, и на полу. Для входа и выхода существуютъ обыкновенные люки съ простыми лѣстницами. Спятъ прямо на полу, въ-растяжку, ѣдятъ также на полу. О мытьѣ, метеньѣ нечего, конечно, и думать при массѣ народа, набившейся буквально въ каждый уголъ. Нужно себѣ представить тысячную толпу, скученную на пространствѣ 75 кв. саженъ, и если размѣстить ихъ только на полу, то на каждую квадр. сажень приходится по 12 чел.! Чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ внутри баржи (вечеромъ, ночью, въ ненастье), вамъ приходится шагать черезъ ноги, головы, туловища, останавливаться поминутно, чтобы выбрать мѣсто, куда ступить. Днемъ, въ хорошую погоду, люки открываются только на-половину.

такъ какъ, если открыть совсѣмъ, уменьшится и та малая площадь палубы, куда народъ выходитъ подышать чистымъ воздухомъ; ночью же оставляется узкая щель, чтобы пройти человѣку бокомъ. Еслибы палуба баржи не была загромождена багажомъ, каютами, то половина народа могла бы проводить время на воздухѣ, но при страшной тѣснотѣ и давкѣ, царящей здѣсь, каждый предпочитаетъ сидѣть внутри на своемъ мѣстѣ, чтобы хоть избавиться отъ толчковъ и подзатыльниковъ. Конечно, при подобныхъ условіяхъ изоляція больныхъ была невозможна. Бараки на пристаняхъ были предназначены для пріема заболѣвшихъ, но они не были готовы до средины лѣта и не функціонировали.

IV.

Если мы обратимся къ даннымъ о заболѣваемости и смертности на баржахъ и пароходахъ въ 1893 г., то они укажутъ намъ на результаты того полнаго пренебреженія самыми первыми правилами гигіены, которое царитъ здѣсь всецѣло. Къ сожалѣнію, эти данныя, извлеченныя изъ санитарныхъ карточекъ, обнимаютъ собой 31 судно, считая баржи и пароходы, что, вѣроятно, составитъ не болѣе половины. На зарегистрированныхъ 31 судахъ, въ 1893 г., всего заболѣло 2.933 чел., а умерло 163. Въ среднемъ на каждое судно заболѣвшихъ приходится по 97 чел., а умершихъ по 5 [1]). „И это при благопріятныхъ, въ сравненіи съ прошлыми годами, условіяхъ,—говоритъ врачъ Сущинскій,—при существованіи усиленнаго санитарнаго надзора, при наличности медицинской помощи на каждой баржѣ и пароходѣ". „Можно ли сказать, что все обстояло благополучно, когда на одно судно приходится 5 покойниковъ и 97 заболѣвшихъ!"

Вотъ что пишетъ фельдш. Щелкунова съ дороги: „Больныхъ у меня масса; дѣти почти всѣ болѣютъ: поносъ, дизентерія и корь; не хватаетъ мѣста въ моей больничкѣ, приходится оставлять въ общемъ помѣщеніи". „Первое и единичное заболѣваніе холерою,—пишетъ другая фельдшерица Успенская,—было 16-го августа. Совершенно неожиданно заболѣлъ старикъ-малороссъ. На ближайшей санитарной станціи онъ былъ сданъ, и мы, послѣ дезинфекціи баржи, продолжали путь. 19-го, между 9 и 12 часами дня, заболѣло сразу 11 человѣкъ. Заболѣвали въ трюмѣ, на палубѣ, разбрасывая всюду извержения и превращая баржу въ сплошное заразное гнѣздо. При

[1]) Умершихъ отъ холеры не болѣе 5 чел.; изъ 18 ч. заболѣвшихъ остальные были сняты съ баржей и помѣщены въ пристанскіе бараки.

такихъ условіяхъ локализація, изоляція, и т. д., были, конечно, пустыми звуками: больница переполнилась и больные лежали прямо на палубѣ. Нужно было во что бы то ни стало спѣшить къ санитарной пристани (Усть-Ишимъ), которая была еще верстахъ въ 60—80. Съ этою цѣлью я потребовала отъ капитана, чтобы онъ оставилъ грузовую баржу и съ одной переселенческой ѣхалъ бы скорѣе къ пристани. Но это требованіе встрѣтило цѣлую бурю какъ со стороны капитана, такъ и со стороны пассажировъ парохода. Послѣ весьма энергичныхъ объясненій я, однако, настояла на своемъ, и мы поѣхали съ одной баржей. Въ Усть-Ишимъ пріѣхали часовъ въ 10—11 вечера. Наступившая ночь была страшно холодна. Въ баракъ я сдала 11 человѣкъ. Завѣдующій баракомъ тотчасъ же телеграфировалъ губернатору. Въ моментъ отправленія телеграммы больныхъ было уже 13, а когда мы уѣзжали изъ Усть-Ишима (20-го числа въ 5—6 ч. вечера) ихъ уже было 17. Теперь мнѣ пришлось бы описывать ту страшную драму, мѣстомъ которой былъ Усть-Ишимъ во время нашей стоянки, но для этого у меня нѣтъ ни времени, ни умѣнья. Скажу только одно, что переживать другой разъ такія минуты, или вѣрнѣе, испытывать такое чувство, я бы не хотѣла. И дѣйствительно: прежде заболѣвшіе стали умирать, новые—поступать. На берегу (для дезинфекціи баржи переселенцевъ высадили на берегъ) плачъ и причитаніе: плачутъ по умершимъ и прощаются съ заболѣвшими, которыхъ уносили въ баракъ". Изъ этого письма видно, какая благопріятная почва на баржахъ для развитія эпидемій, и какъ ничтожны тѣ средства, при помощи которыхъ приходилось бороться. Ужъ если говорить объ „упорядоченіи" переселенческаго движенія, то эта сторона дѣла всего болѣе нуждается въ немъ. Отмѣтимъ еще одну черту, такъ сказать дополняющую картину и рисующую намъ отношенія пароходной администраціи къ переселенцамъ. Послѣдніе, по отзывамъ медицинскаго персонала, являлись не пассажирами, платящими за проѣздъ деньги, а какими-то паріями, съ которыми можно дѣлать все, что угодно, обращаться какъ кому вздумается, и которые при этомъ не имѣютъ ни малѣйшаго права не только протестовать, но даже возмущаться подобными порядками. Замѣшкался переселенецъ на берегу, покупая хлѣбъ, пошелъ проводить близкаго ему покойника до могилы и не успѣлъ поспѣть ко второму свистку—на него сыплются градомъ самыя площадныя ругательства, его зачастую и въ спину, и въ шею „тычутъ", водворяя еще на спокойно стоящую баржу. Сговорятся переселенцы купить партіей у остяковъ лодку рыбы или битой птицы—матросы усматриваютъ здѣсь посягательство на ихъ право покупать всю рыбу и перепродавать въ десять разъ дороже. А случалось и такъ, что

переселенцы, измученные безкормицей, ждутъ пристани какъ манны небесной, зная по опыту, что если они не поторопятся, то останутся ни съ чѣмъ, сами спускаютъ мостки на берегъ, укрѣпляютъ ихъ, и только-что все готово, какъ толпа матросовъ бросается впередъ, оттѣсняя переселенцевъ, и захватываетъ провизію. Конечно, матросы поступаютъ такъ, какъ и капитаны, чувствующіе себя полными хозяевами. На одномъ изъ пароходовъ помѣщалась партія въ 20 семей: ихъ, конечно, гоняли съ мѣста на мѣсто при каждой нагрузкѣ дровъ, сбивали то въ одну кучу, то размѣщали по всей палубѣ, то опять воздвигали цѣлыя полѣнницы дровъ, кое-какъ сложенныя, надъ самыми головами спящихъ на полу семей. Случилось, что разъ ночью, когда всѣ спали, одна изъ такихъ полѣнницъ разсыпалась и ушибла всѣхъ спящихъ, сильно подбила глазъ одной старухѣ и только какимъ-то чудомъ не придавила спящую тутъ же беременную бабу съ ребенкомъ. На утро ушибленная старуха пришла за помощью къ ѣхавшей на баржѣ фельдшерицѣ и разсказала, что когда клали дрова, то они просили положить ихъ не надъ головами, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Фельдшерица обратилась къ капитану, прося его прекратить безпорядокъ. Онъ выслушалъ молча, но послѣ ея ухода собралъ всѣхъ переселенцевъ и заявилъ, что если они будутъ жаловаться на него, то ихъ безъ разговоровъ высадятъ на первой пристани. И много бы можно было привести подобныхъ сценъ, еще болѣе ярко рисующихъ все безотрадное положеніе, въ которое попадаютъ переселенцы.

Уже не говоря о томъ, что имъ предлагаютъ за сравнительно немалую плату, куда ихъ помѣщаютъ (какъ одинъ хохолъ выразился: „навалили якъ свиней въ хлівъ"), на нихъ смотрятъ какъ на безсловесныхъ рабовъ, которые могутъ перенести и вытерпѣть все, что угодно. И дѣйствительно—вытерпятъ. Таково изумительное упорство во имя разъ намѣченной цѣли!

Намъ пришлось болѣе всего остановиться на водномъ пути, въ виду того значенія, которое въ настоящее время онъ занимаетъ. Обзоръ же дальнѣйшаго пути движенія переселенцевъ отъ Томска по Восточной Сибири мы оставляемъ въ сторонѣ, и пока ограничимся только вышесказаннымъ, такъ какъ движеніе по Восточной Сибири еще слабо, и все, чѣмъ характеризуется движеніе по Западной Сибири, повторяется и здѣсь, хотя не въ такой обостренной формѣ и не въ такихъ размѣрахъ.

Заканчивая нашъ обзоръ положенія переселенцевъ въ пути, не лишнимъ будетъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Вышеприве-

денные факты говорятъ сами за себя. Они указываютъ на необходимость болѣе энергичнаго вмѣшательства государства въ дѣло упорядоченія переселенческаго движенія. Не ограничиваясь одной временной организаціей медицинской помощи для переселенцевъ, чѣмъ —мы видѣли на примѣрѣ прошлаго года — еще не исчерпываются его задачи, необходимо проведеніе такихъ мѣръ, которыя создали бы болѣе нормальныя условія передвиженія переселенцевъ, чѣмъ мы видимъ въ настоящее время. Ясно, что медицинскія силы, какъ бы онѣ ни были велики, не могутъ достаточно сильно воздѣйствовать на ослабленіе зла, лежащаго въ самой современной постановкѣ переселеній.

Есть такія условія, бороться съ которыми не въ силахъ ни медики, ни частная благотворительность, сравнительно развитая въ этомъ дѣлѣ, и на которую, кажется, возлагаютъ преувеличенныя надежды. Мы не можемъ отрицать ея огромнаго значенія, но она не можетъ замѣнить собою государственныхъ мѣръ.

Государственныя мѣры необходимы прежде всего, а тогда и частная благотворительная дѣятельность общества и отдѣльныхъ лицъ пріобрѣтетъ новое значеніе и силу. И какъ же государству, черезъ исторію котораго красной нитью проходитъ колонизаціонное движеніе народа, не имѣть особаго переселенческаго законодательства, опредѣляющаго какъ условія переселеній, такъ въ частности условія передвиженія переселенцевъ!

Д. Головачевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1894 г.

Помолвка Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.—Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Протесты губернаторовъ на постановленія земскихъ собраній.—Что можетъ считаться *явнымъ* нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія? — Новые законы объ училищныхъ совѣтахъ и о фабричной инспекціи.—Учрежденіе коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ помолвленъ, 8-го апрѣля, съ Ея Велико-Герцогскимъ Высочествомъ принцессою Алисою Гессенскою. Августѣйшая невѣста — внука королевы Викторіи, дочь великой герцогини Алисы, скончавшейся въ 1878 г. отъ дифтерита, которымъ она заразилась, ухаживая за заболѣвшими дѣтьми своими. Покойная великая герцогиня Алиса оставила самую лучшую память не только въ Дармштадтѣ, но и въ Германіи вообще. Она любила окружать себя мыслителями и учеными; такъ, между многими другими, частымъ гостемъ ея былъ и Д.-Фр. Штраусъ, который посвятилъ ея имени, съ ея согласія, свою новую книгу: „Voltaire", предварительно прочтенную имъ принцессѣ въ видѣ лекцій. Старшая сестра Августѣйшей невѣсты, великая княгиня Елизавета Ѳедоровна, состоитъ въ супружествѣ съ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Братъ ея, Эрнестъ-Людвигъ — царствующій вел. герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій. Къ Гессенъ-Дармштадтскому дому принадлежала, какъ извѣстно, и супруга императора Александра II-го, императрица Марія Александровна.

Министерство государственныхъ имуществъ, 21-го марта, переименовано въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ и подверглось, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно значительнымъ преобразованіямъ. Будущее покажетъ, въ какой степени оправдаются

надежды, связываемыя съ этой перемѣной. Покамѣстъ извѣстны лишь новыя формы,—а все зависитъ отъ того, будетъ ли въ нихъ влито новое содержаніе, и какое именно. *Число* учрежденій, вѣдающихъ извѣстную отрасль народнаго хозяйства, только отчасти предрѣшаетъ *міру* заботъ о ней—и вовсе не предрѣшаетъ ихъ успѣшности. До сихъ поръ попеченіе о сельско-хозяйственныхъ интересахъ сосредоточивалось въ одномъ департаментѣ; теперь оно распредѣлено между тремя — департаментомъ земледѣлія, отдѣломъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики и отдѣломъ земельныхъ улучшеній [1]). Предметы вѣдомства ихъ разграничены не вполнѣ точно; такъ напр., департаментъ земледѣлія занимается, между прочимъ, усовершенствованіемъ земледѣлія и сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ, соприкасаясь, въ первомъ отношеніи, съ отдѣломъ земельныхъ улучшеній, во второмъ — съ отдѣломъ сельской экономіи; и съ тѣмъ, и съ другимъ, онъ можетъ встрѣтиться на почвѣ управленія опытными сельско-хозяйственными заведеніями. Конечно, это неудобства сравнительно неважныя и легко устранимыя; намѣчая ихъ возможность, мы хотимъ только показать, что многочисленность учрежденій, сама по себѣ, еще не можетъ считаться гарантіей болѣе правильнаго хода дѣла. Всего больше пользы, повидимому, можно ожидать отъ тѣхъ новыхъ органовъ преобразованнаго министерства, которые устроены не по общему бюрократическому шаблону:—ученаго комитета, съ образуемыми при немъ бюро, сельско-хозяйственнаго совѣта и кустарнаго комитета. Особенно важными, съ указанной нами точки зрѣнія, представляются два послѣднія учрежденія. Сельско-хозяйственный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ министра, изъ его товарища, восьми представителей министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (шесть изъ нихъ—члены по самому званію, двое—по особому назначенію), представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, императорскаго двора и удѣловъ (по одному отъ каждаго), и пятнадцати членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ и вообще лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами и интересами сельскаго хозяйства. Эти послѣдніе члены приглашаются министромъ, срокомъ на одинъ годъ, и утверждаются въ званіи Высочайшею властью. Совѣтъ собирается ежегодно, преимущественно зимою, на одну сессію, продолжительностью не свыше шести недѣль; въ исключительныхъ случаяхъ министръ можетъ созвать совѣтъ и на другую сессію. На разсмотрѣніе совѣта вносятся, главнымъ обра-

[1]) Отдѣлы сельской экономіи и земельныхъ улучшеній во всемъ сравнены съ департаментами.

зомъ: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ, относящихся къ сельскому хозяйству, и 2) заявленія и ходатайства сельско-хозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ, земскихъ и другихъ учрежденій и частныхъ лицъ, касающіяся общихъ правительственныхъ мѣръ по сельскому хозяйству. Члены совѣта могутъ брать на себя иниціативу въ возбужденіи какихъ-либо вопросовъ, но внесеніе ихъ на обсужденіе совѣта зависитъ во всякомъ случаѣ отъ усмотрѣнія министра. Журналы совѣта представляются министру, который даетъ указанія относительно дальнѣйшаго направленія разсмотрѣнныхъ совѣтомъ дѣлъ. Кустарный комитетъ состоитъ при отдѣлѣ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики, подъ предсѣдательствомъ назначаемаго министромъ лица, отчасти изъ служащихъ въ министерствѣ, отчасти изъ лицъ обоего пола, приглашаемыхъ министромъ къ занятіямъ по отдѣльнымъ отраслямъ кустарной промышленности.

Смѣшанныя учрежденія, въ родѣ сельско-хозяйственнаго совѣта, не составляютъ новости въ нашемъ управленіи. Весьма похожи на сельско-хозяйственный совѣтъ, по своему составу, желѣзно-дорожный совѣтъ при министерствѣ путей сообщенія, существующій съ 1886 г., и тарифный совѣтъ при министерствѣ финансовъ, существующій съ 1889 г. Въ первомъ засѣдаютъ, на ряду съ должностными лицами, шесть, во второмъ—восемь частныхъ лицъ (представителей частныхъ желѣзныхъ дорогъ, торговли, мануфактуръ, земледѣльческой и горнозаводской промышленности). Если, такимъ образомъ, на сторонѣ сельско-хозяйственнаго совѣта—преимущество бо̀льшей численности членовъ не-чиновниковъ, то на сторонѣ раньше учрежденныхъ совѣтовъ—преимущество бо̀льшей ихъ вліятельности. Въ совѣтахъ желѣзно-дорожномъ и тарифномъ—дѣла (кромѣ подлежащихъ внесенію въ высшія государственныя установленія) рѣшаются большинствомъ голосовъ, а въ случаѣ несогласія съ большинствомъ одного изъ министровъ—переносятся въ комитетъ министровъ; сельско-хозяйственный совѣтъ не постановляетъ никакихъ рѣшеній, а только высказываетъ *мнѣнія*, представляемыя затѣмъ на усмотрѣніе министра. Выборному элементу въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ вовсе не дано мѣста, между тѣмъ какъ въ совѣтахъ желѣзно-дорожномъ и тарифномъ есть по крайней мѣрѣ одна категорія выборныхъ членовъ (представители отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, избираемые общимъ желѣзно-дорожнымъ съѣздомъ). Ничѣмъ не обезпечено, далѣе, присутствіе въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ земскихъ дѣятелей, несмотря на то, что именно земскія учрежденія всего больше могутъ способствовать достиженію задачъ, предстоящихъ министерству земледѣлія. Конечно, трудно предположить, чтобы въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ министерствомъ, вовсе не было земцевъ; нѣсколько пред-

сѣдателей губернскихъ земскихъ управъ съ самаго начала войдутъ въ составъ совѣта; то же самое будетъ, вѣроятно, соблюдаться и впослѣдствіи времени,—но отсюда еще не слѣдуетъ, что излишне было бы прямое постановленіе закона, опредѣляющее минимумъ земскихъ членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта. Еще важнѣе было бы предоставить выборъ этихъ членовъ самимъ земскимъ собраніямъ. Земскихъ губерній у насъ всего 34; дать каждой изъ нихъ по одному представителю въ совѣтѣ не значило бы увеличить чрезмѣрно число его членовъ. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы призывать по очереди представителей то одной, то другой половины земскихъ губерній. Правительственное назначеніе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, неизбѣжно будетъ падать либо на предсѣдателей губернскихъ управъ, либо на крупныхъ хозяевъ, извѣстныхъ далеко за предѣлами губерніи, между тѣмъ какъ наиболѣе компетентными членами совѣта часто могли бы быть земцы, не подходящіе ни подъ ту, ни подъ другую категорію. Предсѣдатель губернской управы можетъ быть прекраснымъ администраторомъ, но мало опытнымъ сельскимъ хозяиномъ; крупный землевладѣлецъ, именно вслѣдствіе обширности и сложности своего хозяйства, можетъ быть плохимъ судьею мѣропріятій, направленныхъ на пользу мелкаго землевладѣнія... Не вполнѣ нормальной кажется намъ, далѣе, краткость срока, на который приглашаются въ совѣтъ члены-эксперты; въ одинъ годъ можно только присмотрѣться къ дѣлу, а не освоиться съ нимъ вполнѣ. На практикѣ возможно, впрочемъ, и противоположное неудобство: постоянное приглашеніе однихъ и тѣхъ же лицъ, примѣры чему мы видѣли въ совѣтахъ желѣзно-дорожномъ и тарифномъ. Чѣмъ ограниченнѣе число членовъ-экспертовъ, тѣмъ болѣе необходимы, отъ времени до времени, перемѣны въ ихъ составѣ, чтобы въ совѣтѣ могли перебывать представители самыхъ различныхъ мѣстностей имперіи... Пожелаемъ, наконецъ, чтобы засѣданіямъ сельскохозяйственнаго совѣта была дана возможно бо́льшая гласность, и чтобы понятіе о законопроектахъ и вопросахъ, „относящихся къ сельскому хозяйству“ и, слѣдовательно, подлежащихъ обсужденію сельско-хозяйственнаго совѣта, было раздвинуто какъ можно шире. Вопросъ объ ограниченіи передѣловъ, напримѣръ, возникъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и можетъ быть разсматриваемъ какъ вопросъ исключительно или преимущественно административный; на самомъ дѣлѣ, однако, онъ имѣетъ большое сельско-хозяйственное значеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и объ общественныхъ запашкахъ, и о хлѣбныхъ магазинахъ, и о многомъ другомъ, поставленномъ или могущемъ стать на очередь въ законодательныхъ сферахъ.

Сказанное нами о выборномъ началѣ и о земскомъ элементѣ при-

мѣнимо и къ кустарному комитету. Сельско-хозяйственный совѣтъ будетъ созванъ впервые, по всей вѣроятности, только зимою; кустарный комитетъ имѣлъ уже первое засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ самого министра. Въ этомъ засѣданіи, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, обсуждался весьма важный вопросъ—тѣмъ болѣе важный, что онъ непремѣнно долженъ возникнуть и по отношенію къ сельскохозяйственному совѣту. Рѣчь шла объ устройствѣ мѣстныхъ органовъ, на которые, по справедливому замѣчанію А. С. Ермолова, долженъ опираться въ своей дѣятельности центральный кустарный комитетъ. Проектируются губернскіе кустарные комитеты, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, съ товарищемъ предсѣдателя, избраннымъ комитетомъ изъ собственной среды своей, но подлежащимъ утвержденію со стороны министра. Подъ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ такихъ комитетовъ должны находиться склады издѣлій и сырыхъ матеріаловъ, постоянныя выставки кустарныхъ издѣлій, музеи и тому подобныя учрежденія. Предполагается также устройство уѣздныхъ кустарныхъ комитетовъ. Главныя возраженія, вызванныя этими предположеніями, касались неудобства ввѣрять предсѣдательство въ губернскомъ комитетѣ губернатору, безъ того обремененному занятіями; неудобства пріурочивать мѣстные комитеты къ административнымъ дѣленіямъ, съ которыми не всегда совпадаютъ районы распространенія кустарныхъ промысловъ; неудобства вербовать личный персоналъ мѣстныхъ комитетовъ исключительно или преимущественно изъ среды административныхъ лицъ; необходимости привлечь въ составъ комитетовъ представителей земства, дамъ, священниковъ, учителей. Изъ этихъ возраженій можно заключить, что въ проектѣ, представленномъ на обсужденіе кустарнаго комитета, губернскіе и уѣздные комитеты являлись учрежденіями бюрократическаго характера. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени неправильна и непрактична подобная постановка вопроса, достаточно припомнить, что̀ сдѣлано до сихъ поръ для кустарной промышленности земствами многихъ губерній. Въ московской губерніи существуетъ, напримѣръ, прекрасно устроенный кустарный музей и цѣлая организація помощи кустарямъ, созданные всецѣло трудами и средствами земства; и это все должно перейти въ вѣденіе губернскаго кустарнаго комитета, въ которомъ земскій элементъ потонулъ бы среди другихъ, до сихъ поръ совершенно чуждыхъ кустарному дѣлу! Всякій проектъ мѣстной организаціи, задающійся цѣлью содѣйствія земледѣлію и кустарной промышленности, долженъ считаться, прежде всего, съ существующими въ этой сферѣ формами и видами земской дѣятельности, ничего въ нихъ не разрушая, а только дополняя. Если кустарный комитетъ хочетъ „создать без-

условно живое дѣло, а не ограничиваться чисто-канцелярскою дѣятельностью" (см. сообщеніе о засѣданіи комитета въ № 96 „Новостей"), ему незачѣмъ стремиться къ единообразію; онъ можетъ и долженъ приспособляться къ тому, что̀ есть, въ однихъ мѣстахъ—довольствуясь поддержкой земскихъ начинаній, въ другихъ—соединяясь съ земствомъ и устроивая общее съ нимъ поле дѣятельности, въ третьихъ—принимая на себя инициативу и привлекая земство только какъ одного изъ участниковъ во вновь предпринимаемомъ дѣлѣ. Только при соблюденіи этого условія возростетъ общая сумма силъ, посвященныхъ великой задачѣ. Меньше всего соотвѣтствовало бы желанной цѣли прибавленіе еще одного смѣшаннаго „губернскаго присутствія" къ длинному, слишкомъ длинному списку этихъ мало производительныхъ учрежденій.

Отмѣтимъ еще одну статью учрежденія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, поразившую насъ своею явною неполнотою. „Въ отношеніи казенныхъ земель, имѣній и оброчныхъ статей"—сказано въ статьѣ 14-ой—„министръ заботится о приведеніи въ извѣстность, охранѣ, описаніи, устройствѣ и оцѣнкѣ сихъ земель, имѣній и статей, а также о введеніи на нихъ хозяйственныхъ улучшеній и объ извлеченіи изъ оныхъ дохода". Намъ кажется, что въ виду цѣлаго ряда мѣръ, принятыхъ для перехода казенныхъ земель и оброчныхъ статей въ руки наиболѣе нуждающихся въ нихъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ, необходимо было бы дополнить приведенную нами статью указаніемъ на то, что доходъ изъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей долженъ быть извлекаемъ способами, наиболѣе соотвѣтствующими интересамъ мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Чрезвычайно рѣдко проникаютъ до сихъ поръ въ печать свѣденія о томъ, какъ примѣняется, на практикѣ, право администраціи оспаривать не только законность, но и цѣлесообразность земскихъ постановленій — право, прежде ей не принадлежавшее и предоставленное ей лишь земскимъ положеніемъ 1890 г. Между тѣмъ способы и предѣлы пользованія этимъ правомъ—вопросъ первостепенной важности. Первое условіе успѣшной дѣятельности—извѣстный просторъ, извѣстная свобода, регулируемая только закономъ. Никакая энергія не выдержитъ борьбы съ непрерывнымъ рядомъ помѣхъ, преградъ, задержекъ, которыхъ нельзя заранѣе предвидѣть, нельзя предупредить строгимъ и точнымъ соблюденіемъ заранѣе установленныхъ правилъ. Ужиться съ произвольнымъ и постояннымъ менторствомъ можетъ, à la longue, только равнодушіе, возведенное въ систему. Администрація, во всемъ и всегда считающая себя наиболѣе компетентнымъ

судьею земскихъ нуждъ, критикующая, по существу, каждый шагъ земства, безпрестанно тормазящая его иниціативу, поступила бы логичнѣе, предложивъ совершенное упраздненіе земскихъ учрежденій. Кто лучше знаетъ и лучше понимаетъ всѣ стороны дѣла, тотъ пускай и ведетъ его, на собственный рискъ и страхъ... По мысли закона, административныя возраженія противъ цѣлесообразности земскихъ постановленій являются мѣрой исключительной, крайней, особенно во всемъ томъ, что̀ касается вопросовъ чисто мѣстнаго характера. На разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій постановленія земскихъ собраній, не противныя закону, переносятся, по ст. 91 Положенія 1890 г., только тогда, когда губернаторъ найдетъ ихъ несоотвѣтствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія. Оба случая, очевидно, очень рѣдки. По самому свойству земской дѣятельности, она почти никогда не приходитъ въ столкновеніе съ общегосударственными пользами и нуждами, а *явнаго*, т.-е. несомнѣннаго, очевиднаго нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія меньше всего можно ожидать отъ представителей этого самаго населенія. Разсуждая a priori, можно, слѣдовательно, предположить, что губернаторскихъ протестовъ, основанныхъ на ст. 91, чрезвычайно мало. По отношенію ко многимъ губерніямъ такое предположеніе совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ петербургской губерніи, напримѣръ, въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ, если мы не ошибаемся, только одинъ случай, въ которомъ губернаторъ воспользовался своимъ новымъ правомъ [1]); почти вовсе не пользуется имъ, кажется, и курскій губернаторъ. Не то, однако, мы видимъ въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. По сообщенію „Волгаря“, саратовскимъ губернаторомъ опротестованъ цѣлый рядъ постановленій губ. земскаго собранія, на томъ основаніи, что ими разрѣшены ассигновки на разныя необязательныя потребности, тогда какъ земство нуждается въ средствахъ „на самыя неотложныя нужды“. Въ числѣ такихъ ассигновокъ были, между прочимъ, слѣдующія: 1.000 руб. въ помощь уѣзднымъ земствамъ на устройство народныхъ чтеній въ селахъ; 1.000 руб. имъ же на школьныя библіотеки; 1.600 руб. на образцовыя сельскія библіотеки (для взрослыхъ); 1.000 руб. въ пособіе женской гимназіи; 1.000 руб. комитету по призрѣнію сиротъ, родители которыхъ умерли отъ холеры; 1.000 руб. отдѣленію попечительства о слѣпыхъ; 300 руб. на библіотеку губернской управы; 300 руб. мѣстной архивной коммиссіи; ссуда въ 1.000 руб. кассѣ служащихъ губ. земства; 3.200 руб. на-

[1]) Рѣчь шла объ установленіи условій, при которыхъ обязательно уничтоженіе въ земскихъ больницахъ вещей, бывшихъ въ соприкосновеніи съ заразными больными.

грады служащимъ за работу по продовольственному отчету. Безъ возраженій оставлены, въ то же самое время, ассигновки на двухъ-классныя министерскія школы (1.650 руб.) и на церковно-приходскія школы и школы грамоты (2.550 руб.). Систематичностью, такимъ образомъ, этотъ рядъ протестовъ не отличается; нѣтъ, очевидно, никакой причины утверждать, что пособіе женской гимназіи или земскимъ начальнымъ школамъ нарушаетъ, а пособіе двухъ-классныхъ или церковно-приходскимъ школамъ—не нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія. Въ саратовской губерніи, по справедливому замѣчанію „Русской Жизни", менѣе чѣмъ гдѣ-либо позволительно сомнѣваться въ цѣлесообразности мѣръ, направленныхъ къ болѣе широкому распространенію образованія въ средѣ народа (народныя чтенія, школьныя и сельскія библіотеки); слишкомъ живо еще тамъ воспоминаніе о холерныхъ безпорядкахъ, вызванныхъ, прежде всего, невѣжествомъ народныхъ массъ. Въ особенности интересно было бы узнать, путемъ какихъ умозаключеній упомянутыя нами ассигновки найдены *явно* нарушающими интересы мѣстнаго населенія. Если единственнымъ къ тому мотивомъ послужили затрудненія, встрѣчаемыя земствомъ въ удовлетвореніи „самыхъ неотложныхъ нуждъ", то необходимо было бы предварительно доказать: 1) что эти затрудненія происходятъ именно отъ чрезмѣрнаго повышенія земскаго бюджета, а слѣдовательно и земскихъ сборовъ, и 2) что неотложныя нужды населенія остаются, въ концѣ концовъ, не вполнѣ удовлетворенными. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что ни того, ни другого доказать нельзя. Финансовыя затрудненія земствъ зависятъ не столько отъ слишкомъ быстраго роста земской смѣты, сколько отъ неисправнаго поступленія земскихъ сборовъ: на крестьянскихъ обществахъ недоимка образуется вслѣдствіе зачета взыскиваемыхъ суммъ въ погашеніе казенныхъ платежей, на личныхъ землевладѣльцахъ—вслѣдствіе бездѣйствія полиціи [1]). Что касается до „неотложныхъ нуждъ" населенія, то о закрытіи, за недостаткомъ средствъ, больницъ и пріемныхъ покоевъ, объ уменьшеніи, по той же причинѣ, числа врачей и фельдшеровъ или числа дорогъ и мостовъ, содержимыхъ земствомъ, до сихъ поръ что-то не было слышно. Накопляются иногда, правда, долги правительству по содержанію новыхъ административно-судебныхъ учрежденій—но это нисколько не отражается на дѣятельности суда и управленія: земскіе начальники получаютъ жалованье непосредственно отъ казны, которая потомъ уже сводитъ счеты съ

[1]) Въ газетахъ напечатано было недавно извѣстіе о переполохѣ, произведенномъ, среди симбирскихъ землевладѣльцевъ, распоряженіемъ губернатора о болѣе энергичномъ взысканіи недоимокъ. Энергія въ этомъ дѣлѣ—rara avis въ нашей административной практикѣ.

земствомъ. О *явномъ* нарушеніи интересовъ мѣстнаго населенія, связанномъ съ нѣкоторымъ увеличеніемъ необязательныхъ, но полезныхъ земскихъ расходовъ, не можетъ, такимъ образомъ, быть и рѣчи. Гораздо болѣе явный и реальный ущербъ эти интересы понесутъ отъ того, что въ деревенскую тьму не будетъ внесено нѣсколькихъ лишнихъ лучей свѣта, нѣсколько десятковъ сиротъ и слѣпыхъ останутся безъ призрѣнія, нѣсколько дѣвочекъ — безъ возможности продолжать курсъ въ гимназіи... Неудивительно, впрочемъ, что ст. 91 новаго земскаго положенія столь легко обращается въ средство проведенія личныхъ взглядовъ губернатора, въ средство борьбы противъ земскихъ мѣропріятій, несогласныхъ съ этими взглядами. Понятіе о *явномъ* нарушеніи очень неопредѣленно, очень эластично: оно слишкомъ облегчаетъ вмѣшательство администраціи въ нормальный ходъ земской дѣятельности. Земство думаетъ такъ, губернаторъ думаетъ иначе; интересы населенія, съ точки зрѣнія земства, требуютъ одного, съ точки зрѣнія губернатора — другого. Этого достаточно, чтобы *разногласіе* приняло, въ глазахъ власти, характеръ *нарушенія*, вызывающаго запретъ и отпоръ. Только такимъ образомъ можно объяснить одновременное одобреніе ассигновокъ на церковно-приходскія школы и неодобреніе ассигновокъ на школьныя библіотеки или на женскую гимназію. Если толкованіе ст. 91-ой, выразившееся въ саратовскихъ протестахъ, получитъ широкое распространеніе, земскимъ дѣятелямъ придется либо записаться, разъ навсегда, въ разрядъ „согласно мыслящихъ“, либо отказаться отъ всякихъ нововведеній. Первое окажется не особенно легкимъ уже потому, что губернаторы мѣняются, да и мѣняютъ иногда свои мнѣнія; послѣднее не составитъ вполнѣ надежной гарантіи, такъ какъ ничто не мѣшаетъ объявить *явно нарушающимъ интересы населенія* многое изъ практиковавшагося издавна и вошедшаго въ обычай.

Въ тверской губерніи ст. 91 примѣняется весьма усердно съ самаго введенія въ дѣйствіе новаго земскаго положенія. Два года тому назадъ [1]) мы говорили о первыхъ протестахъ тверского губернатора, основанныхъ на этой статьѣ; немало ихъ заявлено и противъ постановленій послѣдней сессіи тверского губернскаго земскаго собранія (декабрь 1893—январь 1894). По смѣтѣ на 1894 г. собраніе приняло къ зачету 15 тыс. рублей, оставшихся отъ займа, сдѣланнаго въ 1892 г. изъ страхового капитала на покрытіе разныхъ расходовъ, между прочимъ — по борьбѣ съ холерой. Этотъ зачетъ губернаторъ призналъ несогласнымъ съ закономъ, такъ какъ остатокъ занятыхъ денегъ подлежалъ возвращенію въ капиталъ, откуда было

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1892 г.

произведено заимствованіе,—а для уменьшенія, на соотвѣтственную сумму, расходной смѣты опротестованы, по ст. 91-ой, слѣдующія ассигновки, сдѣланныя собраніемъ: 1) 6.000 руб. на постройку двухъ образцовыхъ школьныхъ зданій, 2) 1.300 руб. на проведеніе телефона между этой больницей (находящейся за городомъ) и помѣщеніемъ губ. управы, и 3) 6.000 руб. на стипендію имени А. М. Унковскаго. Что ассигновка на постройку образцовыхъ школьныхъ зданій не вызывается дѣйствительными потребностями населенія, это выводилось изъ того, что собраніемъ не указаны даже мѣстности, гдѣ школы должны быть построены, и ничего не назначено на содержаніе предполагаемыхъ къ постройкѣ школъ. Чтобы дать уѣзднымъ земствамъ образцы правильныхъ школьныхъ построекъ, нѣтъ надобности, притомъ, прибѣгать къ постройкѣ дорого стоющихъ зданій, а достаточно выработать планъ нормальной школы. Проведеніе телефона оспаривалось исключительно потому, что оно не можетъ быть признано *неотложно необходимымъ*, а учрежденіе стипендіи имени А. М. Унковскаго—потому, что задолженность земства безъ того уже слишкомъ велика (собраніе постановило занять, для образованія стипендіи, 6.000 рублей изъ эмеритурнаго капитала, внося въ смѣту 300 руб. на уплату процентовъ по этому займу). Замѣчательно, что опротестованныя постановленія нигдѣ даже не называются *явно* нарушающими интересы мѣстнаго населенія; губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора о телефонѣ и образцовыхъ школьныхъ зданіяхъ, признаетъ ассигновки на то и другое лишь *несоотвѣтствующими* интересамъ мѣстнаго населенія [1]). Совершенно ясно, такимъ образомъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простою разницей во взглядахъ, вовсе не подходящею подъ дѣйствіе ст. 91-ой. Расходъ можетъ не быть неотложнымъ, можетъ даже не соотвѣтствовать интересамъ мѣстнаго населенія, нисколько не *нарушая* этихъ интересовъ, тѣмъ болѣе не нарушая ихъ *явно*. „Несоотвѣтствующими мѣстнымъ интересамъ“ можно назвать расходы мало производительные, распоряженія, польза которыхъ подлежитъ сомнѣнію или спору; *нарушеніе* мѣстныхъ интересовъ, въ особенности *явное*, предполагаетъ *положительный вредъ*, наносимый населенію. Такого вреда никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ причинить проведеніе телефона или постройка школьнаго зданія.

Присмотримся теперь поближе къ содержанію опротестованныхъ постановленій, и начнемъ съ наименѣе важнаго—о телефонѣ между управой и больницей. Конечно, безъ телефона земство можетъ и

[1]) Что законъ строго различаетъ понятіе о несоотвѣтствіи и явномъ нарушеніи —это видно изъ того, что первый терминъ постоянно примѣняется къ общегосударственнымъ пользамъ и нуждамъ, второй—къ интересамъ мѣстнаго населенія.

обойтись, какъ обходилось безъ него до сихъ поръ; но вѣдь то же самое можно сказать и о всякомъ другомъ случаѣ устройства телефона. Безусловно необходимымъ телефонъ не бываетъ никогда — и однако никто не находитъ, чтобы частное лицо, заводящее у себя телефонъ, обнаруживало этимъ самымъ расточительность или неумѣнье распоряжаться своими средствами. Къ дѣятельности земства вполнѣ приложимъ старинный римскій критерій: если оно поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ хорошій хозяинъ (bonus paterfamilias), оно свободно отъ всякаго упрека. Въ завѣдываніи такимъ сложнымъ, труднымъ, отвѣтственнымъ дѣломъ, какъ больница для умалишенныхъ, телефонъ—при значительной отдаленности мѣста нахожденія больницы—можетъ оказать весьма серьезныя услуги, вполнѣ оправдывающія небольшую затрату на его устройство... Постройка образцовыхъ школьныхъ зданій на счетъ губернскаго земства—одно изъ лучшихъ средствъ къ устраненію зла, отъ котораго повсемѣстно страдаетъ школьное дѣло. Пока земская школа находилась въ первомъ фазисѣ своего развитія, усилія земства сосредоточивались, по необходимости, на количественномъ ея ростѣ. Разборчивость въ выборѣ школьныхъ помѣщеній была бы, въ то время, столь же неумѣстна, какъ и излишняя требовательность по отношенію къ учительскому персоналу. Большую роль и тамъ, и здѣсь играла дешевизна; школы открывались въ простыхъ избахъ, съ мало подготовленными учителями, потому что иначе пришлось бы не открывать ихъ вовсе. Весьма скоро, однако, началась забота о поднятіи уровня преподавателей; за нею послѣдовала забота объ улучшеніи школьныхъ помѣщеній, которыя, при громадномъ наплывѣ учащихся, весьма часто оказываются не только неудобными, но и прямо вредными для здоровья учителя и учениковъ. Всего цѣлесообразнѣе, съ этой точки зрѣнія, постройка спеціальныхъ школьныхъ зданій—но она не всегда доступна для скудныхъ средствъ сельскаго общества или уѣзднаго земства. Отсюда помощь губернскаго земства, выражающаяся иногда въ формѣ долгосрочныхъ ссудъ, иногда—въ формѣ безвозвратныхъ пособій. Сколько-нибудь удовлетворительныхъ школьныхъ помѣщеній такъ мало, что выборъ мѣста для постройки образцоваго школьнаго зданія нигдѣ и никогда не можетъ быть сопряженъ съ какими бы то ни было затрудненіями. Ограничиваясь указаніемъ *уѣздовъ*, гдѣ должны быть построены школы, тверское губернское земство руководствовалось, очевидно, тѣмъ безспорно правильнымъ соображеніемъ, что выборъ *деревни* гораздо лучше можетъ быть сдѣланъ уѣзднымъ земствомъ. Отъ уѣзднаго земства, конечно, зависѣло бы и ассигнованіе средствъ на *содержаніе* школы; губернское земство принимало на себя только ея *постройку*. Составленіемъ нормальнаго плана школьнаго зданія

дѣло, тормазимое недостаткомъ денегъ, не подвинулось бы ни на шагъ впередъ. Если прибавить ко всему этому, что, по плану губернскаго земства, образцовыя школьныя зданія предполагалось построить, по очереди, *во всѣхъ уѣздахъ*, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что опротестованное постановленіе не только не шло въ разрѣзъ съ интересами мѣстнаго населенія, но, наоборотъ, согласовалось съ ними какъ нельзя больше. Что касается, наконецъ, до учрежденія стипендіи имени А. М. Унковскаго, то заимствованіе изъ эмеритурнаго капитала было проектировано земствомъ лишь для болѣе прочнаго обезпеченія стипендіи: объ *израсходованіи* шести тысячъ рублей не было и рѣчи, а предполагалось только пользоваться процентами съ нихъ, пополняя, каждый разъ, затраченную сумму изъ текущихъ смѣтныхъ доходовъ. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, можно ли считать *явнымъ нарушеніемъ* интересовъ населенія увеличеніе смѣты на триста рублей въ годъ для добраго дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ для увѣковѣченія имени человѣка, столь много потрудившагося на пользу Россіи вообще и тверской губерніи въ особенности. Интересы населенія не должны быть понимаемы исключительно въ смыслѣ матеріальномъ; они не только допускаютъ, но и требуютъ, чтобы сохранялась память о выдающихся дѣятеляхъ, хотя бы для этого понадобилось увеличить обложеніе каждаго плательщика на какую-нибудь безконечно-малую долю копѣйки... Быть можетъ, однако, всѣ разсмотрѣнные нами протесты оправдываются необходимостью сократить расходную смѣту, въ виду неправильнаго увеличенія доходной смѣты на 15 тысячъ рублей? Этотъ вопросъ разрѣшается отрицательно уже потому, что уравновѣшеніе доходовъ и расходовъ могло быть достигнуто другимъ путемъ, гораздо болѣе простымъ и удобнымъ—путемъ повышенія обложенія. Мы не видимъ, однако, ничего противозаконнаго и въ самомъ зачетѣ, послужившемъ исходной точкой къ протестамъ. По ст. 5 Правилъ о смѣтахъ и раскладкахъ, приложенныхъ къ Положенію 1890 г., на покрытіе смѣтныхъ расходовъ обращается, между прочимъ, не имѣющая опредѣленнаго назначенія наличность земскихъ суммъ, оставшаяся свободною къ концу предъидущаго смѣтнаго періода. Такою именно наличностью и представлялись 15 тысячъ рублей, оставшіеся отъ займа 1892 г., такъ какъ этотъ заемъ былъ сдѣланъ не только на борьбу съ холерой, но и на покрытіе разныхъ расходовъ. Никакого опредѣленнаго назначенія они не имѣли, и слѣдовательно подходили вполнѣ подъ дѣйствіе ст. 5-й.

Изъ числа протестовъ тверского губернатора, основанныхъ не на 91-й, а на 88-й ст. новаго земскаго положенія, т.-е. оспаривающихъ не цѣлесообразность, а законность земскихъ постановленій, особенно

интересны два, касающіеся весьма важныхъ принципіальныхъ вопросовъ. Губернское земское собраніе признало нужнымъ разъяснить губернской управѣ, что ревизія ея можетъ быть производима, по закону, только самимъ губернаторомъ, а потому всѣ объясненія, справки, документы и свѣденія могутъ быть даваемы управою только губернатору. Чиновникамъ, имъ уполномоченнымъ, управа должна сообщать тѣ лишь свѣденія, которыя опредѣлены будутъ вопросами губернатора, и предъявлять тѣ лишь документы, которые губернаторомъ поименованы и указаны. Самая ревизія, по ст. 103 земскаго положенія, можетъ касаться только вопроса о томъ, согласны ли дѣйствія управы съ закономъ, а не хозяйственнаго существа дѣйствій управы, подлежащихъ ревизіи и критикѣ земскаго собранія. Это постановленіе опротестовано на томъ основаніи, что земское собраніе, войдя въ обсужденіе дѣйствій губернатора при производствѣ ревизій, и указавъ порядокъ, въ которомъ ревизіи должны производиться, вышло изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, по тѣмъ же мотивамъ, отмѣнило постановленіе земскаго собранія. Намъ кажется, что земское собраніе вовсе не касалось дѣйствій губернатора, вовсе не давало ему указаній; оно обращалось только къ исполнительному своему органу—управѣ, снабжая ее инструкціей на случай могущихъ встрѣтиться случайностей. Эта инструкція, въ свою очередь, не заключала въ себѣ ничего неправильнаго и противозаконнаго. Буквальный смыслъ первой части ст. 103-й („губернатору предоставляется производить ревизію земскихъ управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ земскаго управленія, а также всѣхъ подвѣдомственныхъ земству учрежденій“) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что право ревизіи принадлежитъ *лично* губернатору и не можетъ быть передаваемо другому лицу. Въ виду столь яснаго закона, собраніе имѣло полное основаніе разъяснить управѣ, что для нея необязательно исполненіе требованій, предъявленныхъ, въ ревизіонномъ порядкѣ, подчиненными агентами администраціи, *безъ прямого уполномочія губернатора на предъявленіе именно этихъ требованій*. Собраніе не отрицало, что исполненіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣйствій при ревизіи можетъ быть произведено и не самимъ губернаторомъ; оно ограничивалось указаніемъ управѣ на необходимость удостовѣряться въ томъ, что эти дѣйствія совершаются по непосредственному порученію губернатора, а не по личному усмотрѣнію исполнителя. Что касается до предѣловъ ревизіи, то они опредѣляются самымъ характеромъ отношеній губернатора къ исполнительнымъ земскимъ органамъ. Онъ ничего не можетъ имъ предписывать, не можетъ руководить ихъ дѣятельностью — не можетъ, слѣдовательно, и повѣрять

степень ея хозяйственной практичности и успѣшности. Если, напримѣръ, губернаторъ не въ правѣ приказать управѣ выписывать медикаменты изъ такого-то аптекарскаго склада, а не изъ другого, то отсюда вытекаетъ само собою, что онъ не въ правѣ удостовѣряться, путемъ ревизіи, въ причинахъ, побудившихъ управу обратиться въ тотъ или другой складъ, въ выгодности или невыгодности условій, на которыхъ произведена покупка. Это—дѣло земскаго собранія и его ревизіонной коммиссіи, а не администраціи. Усмотрѣвъ, при ревизіи или иначе, *неправильныя* дѣйствія управы, губернаторъ, на основаніи ст. 103, предлагаетъ ей о *возстановленіи нарушеннаго порядка*—а нарушеніемъ порядка заказъ лекарствъ, хотя бы и не вполнѣ выгодный для земства, считать, очевидно, нельзя. Объектомъ административной ревизіи можетъ быть только *формальная* правильность дѣйствій управы; иначе управа обратилась бы въ обыкновенное присутственное мѣсто, обязанное безпрекословнымъ повиновеніемъ волѣ начальства. Мы еще недавно [1]) имѣли случай объяснить, что такимъ присутственнымъ мѣстомъ Положеніе 1890 г. земскую управу отнюдь не признаетъ, предоставляя ей право возраженія противъ требованій губернатора, а земскому собранію—право обжалованія постановленій губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, которыми эти требованія признаны подлежащими исполненію... Протестъ тверского губернатора противъ инструкціи, данной собраніемъ управѣ, и отмѣна этой инструкціи губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ лишены, собственно говоря, всякаго практическаго значенія; за управой, въ виду ст. 103 земскаго положенія, остается безспорное право поступить именно такъ, какъ этого желало собраніе, и послѣднее слово, въ каждомъ отдѣльномъ пререканіи между администраціей и управой, будетъ принадлежать сенату.

Тверское губ. земское собраніе постановило, между прочимъ, признать ревизіонную коммиссію постояннымъ органомъ земскаго собранія и предоставить ей право собираться, по ея усмотрѣнію, и производить ревизію какъ дѣлопроизводства управы, такъ и фактическую. Въ протестѣ на это постановленіе губернаторъ указалъ, что въ силу ст. 10-ой правилъ о смѣтахъ и раскладкахъ, приложенныхъ къ земскому положенію 1890 г., ревизіонная коммиссія избирается лишь для повѣрки земской отчетности и, слѣдовательно, приступаетъ къ своимъ повѣрочнымъ дѣйствіямъ лишь по порученію собранія и по представленіи управою отчета; ревизіонной же коммиссіи, какъ учрежденія постояннаго, дѣйствующаго по собственной иниціативѣ, земское положеніе не знаетъ. Такая коммиссія своимъ вмѣшательствомъ, во

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣсти. Европы“ за текущій годъ.

всякое время, въ дѣла управы могла бы только парализовать свободную ея дѣятельность. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, соглашаясь съ протестомъ, отмѣнило постановленіе собранія, какъ выходящее изъ предѣловъ предоставленной собранію власти. Намъ кажется, что ст. 10 приложенія къ земскому положенію опредѣляетъ только минимальный кругъ обязанностей ревизіонной коммиссіи. Повѣрка земской отчетности *должна быть* произведена ревизіонною коммиссіей, которая, съ этою цѣлью, *должна быть* выбрана земскимъ собраніемъ; но *возможность* возложенія на ревизіонную (или особо избранную) коммиссію другихъ порученій вытекаетъ изъ ст. 72 Положенія, по которой отъ земскаго собранія зависитъ избирать, для предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ его вѣденію дѣлъ, особыя коммиссіи изъ гласныхъ. Вѣденію земскаго собранія подлежитъ, между прочимъ, *повѣрка дѣйствій* земской управы (пун. 14 ст. 63); возложить предварительное производство такой повѣрки на коммиссію собраніе имѣетъ, слѣдовательно, полное право. Столь же несомнѣнно и то, что повѣрка собранія,—а слѣдовательно и коммиссіи, —можетъ и должна быть не только бумажная, но и *фактическая. Вмѣшательствомъ въ дѣла* управы повѣрка совершившихся уже дѣйствій ни въ какомъ случаѣ названа быть не можетъ. Для пользы дѣла гораздо лучше, чтобы повѣрка производилась не въ концѣ года, а постепенно, по мѣрѣ возможности и надобности; это—самое вѣрное средство предупредить недоразумѣнія, во-время поправить ошибку, остановить только-что начинающійся рядъ неправильныхъ дѣйствій. Замѣтимъ, въ заключеніе, что правило ст. 10-ой прилож. къ новому земскому положенію представляется *буквальнымъ повтореніемъ* ст. 71-ой прежняго земскаго положенія, при дѣйствіи котораго заблаговременная ревизія губ. управы признавалась не противорѣчащей закону (см. Сборн. правит. распоряженій по земскимъ учрежденіямъ т. III, стр. 113).

Во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, протесты губернатора были признаваемы правильными губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Другого отношенія къ губернаторскимъ протестамъ трудно и ожидать отъ учрежденія, въ которомъ административный элементъ рѣшительно преобладаетъ надъ земскимъ, да и представители послѣдняго, утверждаемые администраціей, не всегда, быть можетъ, сохраняютъ полную независимость отъ перваго. Желательно было бы, во всякомъ случаѣ, бо́льшее уравновѣшеніе обоихъ элементовъ. Одно изъ средствъ къ достиженію этой цѣли указано въ ходатайствѣ новоторжскаго уѣзднаго земскаго собранія, поддержанномъ тверскимъ губ. земск. собраніемъ. Оно заключается въ томъ, чтобы въ составъ присутствія были введены

представители уѣздныхъ земскихъ собраній, каждый съ правомъ голоса по дѣламъ, касающимся его уѣзда. Это тѣмъ болѣе необходимо, что при разсмотрѣніи присутствіемъ вопросовъ, относящихся къ уѣздному земству, предсѣдатель губ. земской управы и членъ присутствія по выбору губ. земскаго собранія, если они оба—гласные отъ другихъ уѣздовъ, часто не въ состояніи дать фактическихъ разъясненій, существенно важныхъ для правильнаго рѣшенія дѣла. Всестороннее обсужденіе вопроса можетъ считаться обезпеченнымъ лишь тогда, когда заинтересованное въ немъ земство имѣетъ своего представителя въ составѣ губернскаго присутствія.

Административное утвержденіе выборныхъ должностныхъ лицъ захватываетъ все болѣе и болѣе обширную сферу. Прежнимъ земскимъ положеніемъ оно требовалось только для предсѣдателей земскихъ управъ; новое земское положеніе подчинило ему и членовъ управъ, но дальше не пошло, вѣроятно въ виду того обстоятельства, что изъ числа выборныхъ земскихъ дѣятелей только предсѣдатели и члены управъ считаются состоящими на государственной службѣ. Членъ губ. по земскимъ дѣламъ присутствія, избираемый губ. земскимъ собраніемъ, не подлежалъ, первоначально, административному утвержденію, именно потому, что земское положеніе не разсматривало его какъ чиновника. И въ настоящее время онъ не считается состоящимъ на службѣ, но тѣмъ не менѣе, послѣ изданія закона 11 іюня 1892 г., утверждается въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ, наравнѣ съ членомъ отъ города въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи [1]). Закономъ 7 февраля 1894 г. подчинены административному утвержденію члены отъ земствъ и городовъ въ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ училищныхъ совѣтахъ, также свободные отъ обязанностей государственной службы и не пользующіеся ея правами. Утвержденіе ихъ предоставляется губернатору. Если избранныя лица не будутъ утверждены, назначаются вторичные выборы; если они не состоятся, или вновь выборнымъ лицамъ также будетъ отказано въ утвержденіи, вакантныя должности замѣщаются, *въ случаѣ надобности*, на выборный срокъ, лицами, назначенными министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, изъ числа гласныхъ или другихъ лицъ, имѣющихъ право голоса на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ или на городскихъ выборахъ. Итакъ, мо-

[1]) Для краткости мы называемъ присутствія неполнымъ ихъ титуломъ (губ. по земск. и город. дѣламъ присутствіе), приводя только ту часть его, которая соотвѣтствуетъ разбираемымъ нами въ данную минуту функціямъ присутствія.

гутъ быть случаи, когда должности земскихъ или городскихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ останутся въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, за *ненадобностью*, вовсе незамѣщенными. Отъ такихъ случаевъ немногимъ будутъ отличаться и тѣ, когда должности членовъ совѣта будутъ замѣщены гласными или избирателями *по назначенію*. Училищные совѣты, въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до сихъ поръ, имѣли составъ болѣе или менѣе соотвѣтствовавшій ихъ двоякому назначенію, какъ органовъ *попеченія* и органовъ *контроля*. Представителями контроля были въ нихъ два члена отъ министерства народнаго просвѣщенія, членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, членъ отъ духовенства; представителями попеченія были члены отъ земства и отъ города; среднюю роль между тѣми и другими занималъ предсѣдатель совѣта—предводитель дворянства, въ большинствѣ случаевъ гораздо ближе, впрочемъ, подходившій къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Гласные или избиратели, *назначенные* членами совѣта, невольно будутъ склоняться на сторону другихъ *назначенныхъ* членовъ совѣта, окончательно усиливая контроль въ ущербъ попеченію. При нѣсколько широкомъ пользованіи правомъ неутвержденія, въ характерѣ дѣятельности училищныхъ совѣтовъ неминуемо должна, въ скоромъ времени, произойти весьма чувствительная перемѣна,—и это едва-ли будетъ перемѣна къ лучшему. Выборные члены училищныхъ совѣтовъ, въ особенности уѣздныхъ [1]), составляли, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, движущую силу этихъ учрежденій, наиболѣе живой и активный ихъ элементъ. Имъ лучше всего было извѣстно положеніе школьнаго дѣла; они чаще всего (уступая въ этомъ отношеніи, да и то не вездѣ и не всегда,. развѣ правительственному инспектору) посѣщали училища, больше всего входили въ потребности учащихъ, служили естественными посредниками между земской школой и земскимъ собраніемъ. Преимущественно благодаря имъ увеличивалось число школъ, строились школьныя зданія, повышалось вознагражденіе учащихъ, улучшалась вся школьная обстановка. Довѣряя своимъ избранникамъ, земскія собранія шли все дальше и дальше въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи. Трудно ожидать, чтобы такія же отношенія установились между земствомъ и назначенными, хотя бы и изъ его среды, членами училищныхъ совѣтовъ... Одновременно съ утвержденіемъ земскихъ и городскихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ вводится и новый порядокъ ихъ увольненія. Губернаторъ или градоначальникъ, убѣдясь, изъ дошедшихъ до него свѣденій, что

[1]) Губернскіе училищные совѣты, по самому своему назначенію, стоятъ не такъ близко къ школьному дѣлу и принимаютъ въ немъ болѣе формальное участіе.

выборный членъ училищнаго совѣта оказывается неблагонадежнымъ или имѣетъ вредное вліяніе на ходъ обученія въ начальныхъ училищахъ, и признавъ необходимымъ уволить означеннаго члена отъ должности, входитъ по этому предмету въ сношеніе съ подлежащимъ предводителемъ дворянства, и засимъ предположеніе свое, вмѣстѣ съ заключеніемъ предводителя, представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, который разрѣшаетъ это представленіе по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія. По этому поводу невольно приходитъ на мысль то самое замѣчаніе, какое дѣлалось много разъ при разборѣ французскихъ законовъ о печати временъ второй имперіи, а также сходныхъ съ ними дѣйствующихъ русскихъ законовъ: если во всякое время и безъ всякихъ затрудненій можетъ быть принята мѣра карательная, то гдѣ же raison d'être для мѣры предохранительной? Если газета всегда можетъ быть запрещена, членъ училищнаго совѣта—уволенъ отъ должности, то чѣмъ же вызывается требованіе предварительнаго административнаго согласія на изданіе газеты, административнаго утвержденія для членовъ училищнаго совѣта? Вѣроятно ли, что утвержденное въ должности лицо—утвержденное, конечно, по собраніи надлежащихъ справокъ,—въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ со времени утвержденія окажется „неблагонадежнымъ“ или „вреднымъ“? Въ чемъ можетъ, притомъ, выразиться неблагонадежность или вредное вліяніе члена училищнаго совѣта? Въ подборѣ учителей? Назначеніе ихъ отъ училищнаго совѣта не зависитъ. Въ выборѣ учебныхъ руководствъ или книгъ для школьныхъ библіотекъ? Это также не входитъ въ кругъ дѣйствій училищнаго совѣта, да и вообще рѣшающее значеніе принадлежитъ здѣсь министерскимъ каталогамъ. Въ пропагандѣ, обращенной къ учащимъ или учащимся? Оно вызоветъ, безъ сомнѣнія, такія мѣры, въ силу которыхъ мѣсто члена училищнаго совѣта во всякомъ случаѣ окажется вакантнымъ. Выборные члены училищнаго совѣта, занимающіеся политической пропагандой, знакомы намъ—и, по всей вѣроятности, не намъ однимъ—только изъ нашихъ „охранительныхъ“ романовъ; на самомъ дѣлѣ ихъ либо не было вовсе, либо было не такъ много, чтобы противъ возможныхъ результатовъ ихъ агитаціи необходимо было принять какія-либо общія мѣры... Что касается до самаго порядка увольненія заподозрѣнныхъ членовъ училищнаго совѣта, то сношеніе губернатора съ предводителемъ естественнѣе было бы отнести къ самому моменту возникновенія подозрѣній. Когда въ умѣ губернатора созрѣло *убѣжденіе* въ неблагонадежности члена училищнаго совѣта, оно только съ большимъ трудомъ можетъ быть поколеблено возраженіями предводителя. А между тѣмъ предводителю, какъ предсѣдателю училищнаго совѣта, болѣе

чѣмъ кому-либо другому должна быть извѣстна дѣятельность всѣхъ его членовъ.

Съ какими неудобствами сопряжено увольненіе выборныхъ дѣятелей, если въ основаніи его лежатъ односторонніе, поспѣшно собранные и недостаточно провѣренные свѣденія — объ этомъ можно судить по исторіи г. Валова, бывшаго предсѣдателя лукояновской (нижегородской губерніи) уѣздной земской управы [1]). Иниціатива обвиненій, возбужденныхъ противъ г. Валова осенью 1891 г., принадлежала той самой „лукояновской" партіи, которая, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прогремѣла на всю Россію своимъ отношеніемъ къ голоду и голодающимъ и вступила въ открытую борьбу съ генераломъ Барановымъ. Въ то время, однако, „политика" лукояновской партіи —по выраженію нижегородскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 24),—пользовалась еще поддержкой нижегородскаго губернатора, по представленію котораго и состоялось удаленіе г. Валова отъ должности. Началось, затѣмъ, то, что̀ должно было бы предшествовать этой мѣрѣ—разслѣдованіе дѣйствій г. Валова, продолжавшееся около двухъ лѣтъ и окончившееся полнымъ его оправданіемъ, съ которымъ вынуждены были согласиться даже его обвинители. Вслѣдъ за этимъ состоялось Высочайшее повелѣніе о непризнаніи состоявшейся противъ г. Валова мѣры препятствіемъ къ поступленію его на государственную или общественную службу.

14-го марта 1894 г. Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о преобразованіи фабричной инспекціи и о распространеніи дѣйствія правилъ по надзору за заведеніями фабрично-заводской промышленности. Всего важнѣе именно послѣдняя сторона новаго закона. До сихъ поръ правила 3-го іюня 1886 г., регламентирующія, до извѣстной степени, отношенія между фабрикантами и рабочими, дѣйствовали только въ пяти губерніяхъ—петербургской, московской, владимірской, варшавской и петроковской. Что они не остались безъ полезныхъ результатовъ—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и доказывается, между прочимъ, ожесточенными нападеніями противъ фабричной инспекціи, шедшими изъ среды фабрикантовъ и ихъ газетныхъ и журнальныхъ защитниковъ. Нельзя не порадоваться, поэтому, распространенію этихъ правилъ еще на тринадцать губерній (волынскую, гродненскую, кіевскую, костромскую, лифляндскую, нижегородскую, подольскую, рязанскую, тверскую, харьковскую, херсонскую, эстляндскую и ярославскую). Естественнымъ послѣд-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1892 г.

ствіемъ этой мѣры является увеличеніе личнаго состава инспекціи, при чемъ окружные фабричные инспекторы переименовываются въ старшіе фабричные инспекторы, а ихъ помощники — въ фабричные инспекторы. Жалѣть объ упраздненіи должности главнаго фабричнаго инспектора и о непосредственномъ подчиненіи инспекціи департаменту торговли и мануфактуръ мы не видимъ повода; перемѣной къ худшему, по нашему мнѣнію, представляется лишь введеніе въ составъ губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, вмѣсто членовъ отъ земскаго и городского управленія, двухъ членовъ отъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ [1]). Члены отъ земства—а иногда и отъ городовъ, несмотря на обычное преобладаніе въ городскихъ думахъ купеческаго элемента — могли служить безпристрастными судьями столкновеній, происходящихъ между интересами хозяевъ и рабочихъ; члены, назначенные изъ среды фабрикантовъ и заводчиковъ, неизбѣжно будутъ являться представителями одной стороны, а другая сторона въ присутствіи не будетъ представлена вовсе. На чиновъ фабричной инспекціи возлагается собраніе, провѣрка и предварительная сводка статистическихъ свѣденій о состоящихъ въ районѣ ихъ дѣятельности промышленныхъ заведеніяхъ. Нужно надѣяться, что эти свѣденія не будутъ оставаться канцелярской тайной. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ, въ послѣдній разъ опубликованные въ 1885 г., содержали въ себѣ массу интересныхъ данныхъ, хотя въ то время еще не существовали правила 3-го іюня 1886 г., значительно расширившія кругъ дѣйствій инспекціи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 12-го апрѣля появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе, приводимое нами буквально, въ виду его чрезвычайной важности:

„Въ теченіе почти тридцатилѣтняго дѣйствія Высочайше утвержденныхъ, 20-го ноября 1864 года, судебныхъ уставовъ неоднократно, по указаніямъ практическаго опыта, возникала надобность въ различныхъ измѣненіяхъ узаконеннаго этими уставами судоустройства и судопроизводства. Для удовлетворенія таковыхъ потребностей, вытекавшихъ изъ тѣхъ или другихъ условій государственнаго и народнаго быта, послѣдовательно были издаваемы многія отдѣльныя законоположенія, частью въ дополненіе судебныхъ уставовъ, а частью въ видахъ исправленія нѣкоторыхъ ихъ

[1]) Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ совѣщательное по части торговли и мануфактурной промышленности учрежденіе, представители этого учрежденія и прежде замѣняли собою, въ фабричномъ присутствіи, представителей земскаго и городского управленія. Въ этомъ отношеніи законъ 14-го марта не измѣнитъ стараго порядка.

недостатковъ, выяснившихся на практикѣ. *Означенныя исправленія и дополненія существенно видоизмѣнили судебный строй, первоначально введенный уставами*, и при этомъ, не будучи между собою согласованы, образовали какъ бы *наслоеніе* неоднородныхъ судебныхъ порядковъ, что́, въ свою очередь, привело къ ихъ излишней пестротѣ и сложности, въ особенности по отношенію къ подсудности, обжалованію приговоровъ и рѣшеній и проч. На ряду съ симъ примѣненіе новаго судебнаго законодательства, при всей настоятельности и высокомъ достоинствѣ произведеннаго имъ преобразованія, постепенно обнаружило въ этомъ послѣднемъ рядъ частныхъ несовершенствъ и пробѣловъ, не всегда соотвѣтствующихъ стремленію законодателя укрѣпить повсюду въ судебныхъ дѣлахъ строгое соблюденіе законности и справедливости и повсемѣстно утвердить въ имперіи правильное и скорое отправленіе правосудія.

„Нынѣ, по тѣмъ же опытнымъ указаніямъ, *представляется необходимымъ и своевременнымъ отъ частичныхъ измѣненій въ судебной области перейти не только къ объединенію тѣхъ изъ нихъ, которыя уже послѣдовали, но и къ всестороннему выясненію и разработкѣ предположеній о томъ, что надлежало бы сдѣлать съ цѣлью улучшенія нашей юстиціи и приведенія ея въ болѣе стройное и единообразное положеніе*, одинаково обезпечивающее какъ важнѣйшіе интересы государственнаго порядка и общественнаго благоустройства, такъ и законныя права отдѣльныхъ лицъ. Задачи эти могутъ быть успѣшно осуществлены единственно путемъ полнаго и систематическаго пересмотра дѣйствующихъ правилъ о судебной части, предпринятаго по общему плану и руководящимъ началамъ, въ составъ которыхъ должно войти, съ одной стороны, сохраненіе и развитіе всего дѣйствительно полезнаго, а съ другой — видоизмѣненіе или устраненіе всего не оправданнаго жизнью. Подобная обширная и многосложная работа требуетъ, очевидно, тщательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія обратившихъ на себя вниманіе вопросовъ и предметовъ судебнаго вѣдомства, и совершить ее мыслимо лишь при участіи вполнѣ компетентныхъ дѣятелей и надежныхъ силъ, при чемъ самая постановка столь серьезнаго дѣла должна отвѣчать, по своей широтѣ и цѣлесообразности, его первостепенному значенію.

„Въ Державныхъ попеченіяхъ о нуждахъ отечественнаго правосудія Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ юстиціи, 7-го сего апрѣля, Высочайше повелѣть соизволилъ, для подготовки и выполненія сего законодательнаго труда, образовать при министерствѣ юстиціи особую, подъ предсѣдательствомъ управляющаго онымъ, коммиссію въ со-

ставѣ: товарища министра юстиціи, управляющаго межевою частью, нѣсколькихъ сенаторовъ, Высочайшею волею къ тому назначенныхъ, директоровъ обоихъ департаментовъ министерства юстиціи, оберъ-прокуроровъ 1, 3, а равно уголовнаго, гражданскаго и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, двухъ членовъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, по избранію управляющаго министерствомъ, и представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства финансовъ и государственной канцеляріи, по два члена отъ каждаго изъ сихъ установленій, по выбору подлежащихъ министровъ и государственнаго секретаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предсѣдателю коммиссіи предоставлено: 1) приглашать въ составъ ея, на правахъ членовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе коихъ въ трудахъ коммиссіи будетъ признано полезнымъ по ихъ служебному положенію, научнымъ знаніямъ или практической опытности; 2) образовывать въ составѣ коммиссіи особыя подкоммиссіи или отдѣлы, для разработки отдѣльныхъ вопросовъ или частей судебнаго законодательства, и назначать предсѣдателей и членовъ сихъ подкоммиссій; 3) возлагать, въ случаѣ надобности, предсѣдательствованіе въ коммиссіи на одного изъ постоянныхъ членовъ ея, по своему усмотрѣнію, и 4) принимать всѣ тѣ мѣры по собиранію матеріаловъ и выясненію вопросовъ, отнесенныхъ къ вѣденію коммиссіи, которыя онъ признаетъ необходимыми для успѣшнаго хода ея трудовъ.

„Свѣденія о занятіяхъ Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части будутъ своевременно опубликовываемы".

Предоставляя себѣ возвратиться въ другой разъ къ этому крупному событію въ нашей государственной жизни, ограничимся теперь только однимъ замѣчаніемъ. Пересмотру, какъ видно изъ заключительныхъ словъ сообщенія, предполагается подвергнуть не только судебные уставы 1864 г. и дополнительныя къ нимъ узаконенія, но вообще *законоположенія по судебной части*. Отсюда явствуетъ, что предпринимаемая работа коснется и положенія о земскихъ начальникахъ, насколько оно опредѣляетъ собою организацію суда и отправленіе правосудія. И дѣйствительно, о *стройности* и *единообразіи* въ области юстиціи нельзя и думать, пока она раздѣлена на двѣ части, не имѣющія почти ничего общаго между собою. Возстановленіе нарушеннаго единства составитъ, безъ сомнѣнія, одну изъ главныхъ задачъ вновь учрежденной коммиссіи.

ПО ИСПОЛНЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ НА 1893 ГОДЪ.

По обыкновенію, „Вѣстникъ Финансовъ“ сообщилъ въ концѣ марта „предварительныя кассовыя свѣденія о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1893 году“. Несмотря на названіе кассовыхъ, свѣденія эти даютъ возможность теперь же, за полгода до появленія отчета государственнаго контроля, составить если не вполнѣ точное, то весьма близкое къ дѣйствительному представленіе о результатахъ исполненія государственной росписи 1893 года.

Результаты эти можно назвать съ финансовой точки зрѣнія вполнѣ удовлетворительными, что, впрочемъ, ни для кого изъ интересовавшихся росписью не было неожиданностью. Напротивъ, въ самомъ началѣ 1893 года, т.-е. тотчасъ по опубликованіи росписи, и въ печати, и въ административныхъ кружкахъ, высказывалось нѣкоторое недоумѣніе по поводу пессимизма, съ какимъ роспись была составлена, особенно въ виду, съ одной стороны, удачнаго поступленія доходовъ въ теченіе 1892 г., съ другой—въ виду состоявшагося къ 1893 году повышенія цѣлаго ряда налоговъ: питейнаго, табачнаго, сахарнаго, нефтянаго и пр. и пр. Въ печати почти единогласно указывалось, что въ повышеніи обложенія не предвидѣлось надобности, и что для сведенія росписи, несмотря на весьма крупную цифру сверхсмѣтныхъ расходовъ, не представится необходимости въ назначенныхъ для этого по росписи 68½ м. р. „отъ предстоящихъ кредитныхъ операцій“. Дѣйствительность превзошла ожиданія: не только для равновѣсія росписи не было надобности въ займѣ 68½ м. р., но оказалось, что *обыкновенными* доходами, даже съ значительнымъ избыткомъ, покрывается весь расходный бюджетъ, какъ обыкновенный, такъ и чрезвычайный, независимо отъ чрезвычайныхъ поступленій, даже такихъ, которыя имѣютъ значеніе дѣйствительныхъ доходовъ.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1894 годъ указывалось, что въ этомъ году государственный бюджетъ впервые вступаетъ во второй милліардъ обыкновенныхъ доходовъ. Событія предупредили это заявленіе: въ то время, какъ объ этомъ говорилъ министръ финансовъ, вступленіе доходовъ во второй милліардъ было уже совершившимся фактомъ. Мало того, во второй милліардъ вступили и расходы, если только считать вмѣстѣ и обыкно-

венные и чрезвычайные, изъ которыхъ бо́льшая часть, при болѣе правильной, по нашему мнѣнію, классификаціи росписей, и должна бы быть отнесена къ расходамъ обыкновеннымъ. Нужно вспомнить, что не далѣе, какъ 22 года тому назадъ, въ 1871 году, нашъ доходный бюджетъ вступилъ только во вторую половину перваго милліарда, при чемъ расходы въ этомъ году были все-таки ниже полумилліарда. Одна изъ газетъ, говоря о росписи, замѣчаетъ, что возвѣщеніе о вступленіи во второй милліардъ было сдѣлано *не безъ торжественности*. Но очевидно, что для торжества въ этомъ случаѣ не можетъ быть повода, такъ какъ чрезвычайно быстрый ростъ нашихъ доходовъ былъ слѣдствіемъ не экономическаго преуспѣянія страны, а—sit venia verbo — *интенсивности* нашей внутренней финансовой политики, проявлявшейся съ особенной энергіей въ послѣднее семилѣтіе.

Для уясненія, какое значеніе имѣютъ публикуемыя въ началѣ года „Вѣстникомъ Финансовъ“ свѣденія, и въ виду недоумѣнія, порождаемаго въ читающей публикѣ *запаздываніемъ* отчетовъ государственнаго контроля [1]), скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ составленія отчетовъ по исполненію государственной росписи.

До 1888 года для окладныхъ доходовъ, съ одной стороны, и для расходовъ—съ другой, существовалъ льготный срокъ. Поэтому въ счетъ росписи, положимъ 1887 года, окладные доходы (подати, выкупные платежи, пособія казнѣ, уплаты желѣзныхъ дорогъ и пр. и пр.) могли поступать въ теченіе еще трехъ и четырехъ мѣсяцевъ. Въ 1889 году льготный срокъ по доходамъ отмѣненъ (съ примѣненіемъ этого правила къ доходамъ 1888 года); было постановлено государственнымъ совѣтомъ доходы признавать принадлежностью росписи того года, въ теченіе котораго они поступили. Такимъ образомъ, съ 1889 года представилось возможнымъ въ первые мѣсяцы года, слѣдующаго за отчетнымъ, какъ въ министерствѣ финансовъ отъ подвѣдомственныхъ ему кассъ, такъ и въ государственномъ контролѣ отъ контрольныхъ палатъ, получать точныя свѣденія о размѣрѣ поступившихъ доходовъ. Но по расходамъ льготный срокъ сохраненъ и простирается отъ трехъ до пяти мѣсяцевъ, независимо отъ тѣхъ кредитовъ, которые отпускаются не на одинъ, а на два и больше смѣтныхъ періода (строительные расходы, уплата государственныхъ

[1]) „Начиная съ 1888 г., министерство финансовъ ежегодно, приблизительно въ одно и то же время (около 20-го марта), публикуетъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ предварительныя или такъ называемыя кассовыя свѣденія о государственныхъ доходахъ и расходахъ предъидущаго года. Какъ доказалъ семилѣтній опытъ, эти предварительныя свѣденія очень мало различаются отъ данныхъ государственнаго контроля, публикуемыхъ въ отчетѣ его не ранѣе ноября“. „Новое Время“, № 6487, 1894 г.

долговъ и пр.), и которые въ отчетѣ по росписи заносятся расходомъ въ полной суммѣ, съ тѣмъ, что если впослѣдствіи по нимъ окажутся остатки, то они причтутся къ доходамъ того года, въ который кредиты закрыты окончательно. Изъ этого видно, что точный перечень расходовъ можетъ быть сдѣланъ только въ концѣ года, не ранѣе октября, и дѣлается въ отчетѣ государственнаго контроля. По свѣденіямъ министерства финансовъ можетъ быть сопоставлена цифра доходовъ только съ разрѣшенными расходными въ теченіе смѣтнаго года кредитами, смѣтными и сверхсмѣтными, что́ не даетъ возможности точно вывести результатъ исполненія государственной росписи. Эта неточность, не въ пользу баланса, простирается до 10 и болѣе милліоновъ рублей. Прибавимъ, что такая разница оказывается лишь съ 1888 г., т.-е. съ установленія для военнаго и морского вѣдомства такъ называемыхъ нормальныхъ кредитовъ (въ сущности весьма ненормальныхъ), по которымъ неизрасходованные остатки кредитовъ не возвращаются въ средства казны, а остаются въ запасѣ этихъ вѣдомствъ. До 1888 года указанная неточность была гораздо крупнѣе.

Не иначе, разумѣется, какъ съ полнымъ одобреніемъ можно отнестись къ готовности органа министерства финансовъ, какъ только это стало возможнымъ, знакомить общество съ *приблизительными* результатами исполненія росписи того или другого года въ первые же мѣсяцы слѣдующаго. Но ставить ему какъ бы въ упрекъ, что это не дѣлалось раньше 1888 года, неосновательно. Независимо отъ невозможности точно опредѣлить расходъ, цифра дохода также оставалась гадательною. Прибавимъ, что до 1888 года въ нашемъ бюджетѣ господствовали почти постоянные дефициты. Едва ли представлялось разсчетливымъ выводить такой дефицитъ предположительно, на основаніи далеко не точныхъ данныхъ, да еще въ преувеличенномъ видѣ, тогда какъ остатками отъ смѣтныхъ назначеній или удачнымъ поступленіемъ недоимокъ по окладнымъ сборамъ недоборъ могъ быть меньше или могло и совсѣмъ его не оказаться.

Сопоставленіе свѣденій „Вѣстника Финансовъ“ съ данными отчета государственнаго контроля,—независимо отъ сравнительной точности тѣхъ и другихъ—и по сущности невозможно. Разница между ними та же, какъ между слегка набросаннымъ эскизомъ и тщательно нарисованной картиной, дающей возможность разобраться во всѣхъ подробностяхъ. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, сообщеніе „Вѣстникомъ Финансовъ“ предварительныхъ, хотя бы только кассовыхъ свѣденій—далеко не лишнее. Оно даетъ возможность теперь же сдѣлать нѣкоторые выводы. На нихъ мы и хотимъ указать.

I.

Въ 1893 году *обыкновенныхъ* доходовъ поступило 1.046½ мил. рублей,—болѣе, чѣмъ предполагалось по росписи (961 м. р.), слишкомъ на 85 м. р., и болѣе доходовъ 1892 года на 76½ м. р. Впрочемъ, часть этого увеличенія, около 8 м. р., происходитъ отъ того, что поступленія въ золотыхъ рубляхъ въ 1892 году перелагались въ кредитную валюту по курсу 1 р. 60 к. кредит. за золотой рубль, а въ 1893 году по 1 р. 70 коп. кред. Если не считать такого искусственнаго увеличенія, то доходы 1893 г. превышаютъ доходы предшествовавшаго года на 68½ м. р. *Чрезвычайныхъ* поступленій было 174 м. р. Всего, слѣдовательно, поступило 1.220½ милліоновъ рублей.

Цифра расходовъ, какъ объяснено, съ точностію пока опредѣлена быть не можетъ; можетъ быть опредѣленъ только крайній размѣръ ихъ суммою отпущенныхъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ кредитовъ. *Обыкновенныхъ* расходовъ было назначено по росписи 947½ м. р. Изъ нихъ 6 м. р. на перевооруженіе перенесены въ чрезвычайную смѣту и присоединены къ назначеннымъ по этой смѣтѣ на тотъ же предметъ 29½ м. р., а въ дополненіе обыкновенныхъ доходовъ потребовалось 2¼ м. р. на оплату перваго купона четырехпроцентнаго внутренняго займа. Вслѣдствіе этихъ измѣненій кредиты по обыкновеннымъ расходамъ опредѣлились въ суммѣ 943¾ милліоновъ рублей. *Чрезвычайныхъ* расходовъ было назначено по росписи 92¾ м. р.; къ нимъ присоединены 6 м. р. на перевооруженіе и не предвидѣнные росписью 13½ м. р. на выкупъ и доплату по конвенціи шестипроцентной золотой ренты,—что довело цифру исчисленныхъ чрезвычайныхъ расходовъ до 112 мил. рублей.

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ органомъ министерства финансовъ, балансъ по исполненію росписи представляется въ слѣдующемъ видѣ: *по обыкновенному бюджету*, избытокъ доходовъ надъ расходами (1.046½ м. р. — 943¾ м. р.) достигаетъ 102¾ м. р., на 89 м. р. больше избытка, исчисленнаго по росписи. *По чрезвычайному бюджету*, поступленія (174 м. р.) превышаютъ расходы (112 м. р.) на 62 м. р. Въ общемъ, поступленій болѣе нежели расходовъ на 164.623.000 рублей, тогда какъ по росписи былъ исчисленъ недоборъ въ 68½ м. р. слишкомъ. Разница оказывается болѣе 230 м. р. Она произошла, впрочемъ, не только вслѣдствіе поступленія доходовъ въ большей противъ ожидаемаго цифры, но и вслѣдствіе того, что въ числѣ поступленій есть суммы, полученныя путемъ „кредитныхъ операцій", т.-е. займовъ, при чемъ въ то же время 13½ м. р. изъ числа чрезвычайныхъ расходовъ, какъ показано выше,

употреблены на уплату по „кредитнымъ операціямъ". При разсмотрѣніи росписей мы постоянно держались порядка исключать такія суммы, и изъ поступленій, и изъ расходовъ, какъ неимѣющія бюджетнаго значенія. Въ главной составной части бюджета, росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, такихъ суммъ и нѣтъ; онѣ являются лишь въ росписи чрезвычайныхъ поступленій и расходовъ. Поэтому, начиная съ обыкновеннаго бюджета, мы коснемся ихъ лишь въ концѣ статьи.

Какъ извѣстно, бывшій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, при составленіи росписи 1892 г., заявилъ о невозможности (объ „опасности") дальнѣйшаго повышенія существующихъ налоговъ или о введеніи новыхъ, несмотря на то, что роспись сводилась съ значительнымъ дефицитомъ. Роспись 1893 г. составлялась уже его преемникомъ. Повидимому, ко времени составленія ея въ министерствѣ финансовъ господствовала неувѣренность въ удовлетворительномъ исполненіи росписи 1892 года и сомнѣніе въ возможности свести безъ дефицита роспись 1893 года, не прибѣгая къ новымъ источникамъ государственныхъ доходовъ. Вслѣдствіе этого уже въ концѣ 1892 г. послѣдовало повышеніе размѣра обложенія по цѣлому ряду налоговъ. Повышены: налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, размѣръ сбора съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій; акцизы со спирта и съ пива, табачный, сахарный, нефтяной и со спичекъ. Общая сумма, на которую, по мнѣнію министра финансовъ, слѣдовало разсчитывать отъ такого повышенія въ увеличеніи государственныхъ доходовъ, равнялась $24^1/_2$ м. р. Несмотря, однако, на такое приращеніе доходовъ, роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ была сведена съ превышеніемъ въ доходахъ всего лишь на $13^1/_2$ милліоновъ рублей. Слѣдовательно, безъ указаннаго увеличенія роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ свелась бы съ недоборомъ въ 11 м. р. Въ печати, тотчасъ же по опубликованіи росписи, появились указанія на ея слишкомъ осторожныя исчисленія [1]). Вслѣдъ затѣмъ обнаружились результаты исполненія государственной росписи за 1892 годъ, показавшіе, что для болѣе нежели удовлетворительнаго исполненія государственной росписи едва ли предстояла надобность въ повышеніи налоговъ. Разумѣется, при существующей системѣ нашихъ налоговъ нечего было и думать о возможности немедленнаго пониженія нѣкоторыхъ изъ нихъ; да министерство финансовъ менѣе всего объ этомъ заботилось, какъ доказываетъ установленіе съ начала этого года квартирнаго налога, безъ соотвѣт-

[1]) См., напримѣръ, „Вѣстникъ Европы", февраль 1893 года, стр. 861 и слѣд.

ствующей отмѣны какого-нибудь другого, и предстоящее въ концѣ настоящаго года замѣтное повышеніе сахарнаго акциза.

Нельзя не отнестись съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ къ неточности исчисленія доходовъ въ нашихъ росписяхъ за послѣднее время. За двадцатилѣтіе 1867—1886 гг. неточность не превысила 200 м. р., т.-е. круглымъ числомъ 8 м. р. въ годъ (въ пользу поступленія). Въ семь лѣтъ, съ 1880 по 1886 включительно, по росписямъ было исчислено доходовъ 4.993 мил. р., а поступило 5.016 м. р.,—больше на 23 м. р., въ среднемъ 3 м. р. въ годъ, при чемъ наиболѣе крупная неточность, въ 1881 году, была въ 34 м. р. Въ шесть же послѣднихъ лѣтъ, 1888—1893 г. [1]), по росписямъ было предположено 5.360 м. р., а поступило 5.714,—болѣе на 344 м. р., среднимъ числомъ на 58 м. р. въ годъ. Если исключить бѣдственный 1891 годъ, въ которомъ доходы поступили въ суммѣ равной исчисленію, то разница въ годъ дойдетъ до 69 м. р. Особенно велика, въ $85^1/_2$ м. р., оказывается она въ 1893 году.

Наибольшее увеличеніе сравнительно, какъ съ росписью (на 31 м. р.), такъ и съ доходами предшествовавшихъ лѣтъ, представляетъ таможенный доходъ, доставившій въ 1893 году 166 м. р., болѣе противъ цифры, показанной по таможенному доходу въ отчетѣ за 1892 годъ, на $35^1/_2$ м. р. Но такое превышеніе является преувеличеннымъ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ неудобствомъ, представляемымъ измѣнчивостью курса нашего кредитнаго рубля, по отношенію къ золотому, и не только фактической, въ биржевыхъ сдѣлкахъ, но и предвзятой, по заранѣе составленнымъ предположеніямъ росписи. По росписямъ 1891 и 1892 гг. былъ принятъ курсъ въ 1 р. 60 к. кред. за золотой рубль; тотъ же курсъ установленъ и для росписи нынѣшняго года, но для росписи 1893 года былъ, повидимому безъ достаточныхъ основаній, установленъ курсъ по 1 р. 70 к. за золотой рубль. Это породило затрудненія въ оцѣнкѣ преимущественно таможенныхъ доходовъ, которые, за исключеніемъ небольшой суммы, около $1^1/_2$ м. р., поступаютъ въ золотой валютѣ. Если исключить эти $1^1/_2$ м. р. изъ суммы таможеннаго дохода 1893 г. и затѣмъ остальные 164 м. р. перечислить въ золотую валюту по курсу, установленному для росписи 1893 года, получится 96 м. р. золотомъ, болѣе противъ дохода 1892 года приблизительно на 16 м. р. зол., и почти на 14 м. р. зол. болѣе дохода 1890 года—

[1]) Мы не беремъ 1887 годъ. Въ этотъ годъ доходовъ поступило болѣе противъ росписи на 86 м. р. Но это увеличеніе произошло отъ повышенія со второй половины года многихъ налоговъ, которое не могло быть предусмотрѣно при составленіи росписи.

самаго значительнаго изъ доселѣ поступавшихъ таможенныхъ доходовъ.

Такое увеличеніе, доходящее до 20%, и особенно въ 1893 году, заслуживаетъ вниманія. Причину его „Вѣстникъ Финансовъ" усматриваетъ отчасти въ улучшившихся экономическихъ условіяхъ и оживленіи торговли, отчасти въ дѣйствіи тарифа 1891 года и временномъ введеніи въ 1893 году двойного тарифа на привозные товары. Относительно нашей внѣшней торговли мы говорили неоднократно, что размѣръ оборотовъ ея, сравнительно съ другими странами, весьма малъ, что между нашимъ вывозомъ и привозомъ къ намъ иностранныхъ товаровъ нѣтъ соотвѣтствія по размѣру и что высокія таможенныя пошлины, падая бременемъ на населеніе, не могутъ, однако, оказать вліянія на количество привоза, такъ какъ давно уже мы получаемъ изъ-за границы только крайне необходимые для насъ товары. Все это подтвердилось оборотами нашей внѣшней торговли въ 1893 году. Годъ этотъ ознаменовался напряженной таможенною войною нашей съ Германіей, главной потребительницей нашего хлѣба и главной, вмѣстѣ съ Австріей, поставщицей нашей привозныхъ товаровъ. Но эта война, значительно сокративъ нашъ вывозъ, нисколько не помѣшала увеличенію привоза. О сравнительной цѣнности привоза и вывоза за три послѣдніе года въ изданіяхъ таможеннаго департамента мы находимъ слѣдующія данныя относительно торговли по европейской границѣ, со включеніемъ кавказской, черноморской границы и Финляндіи:

Вывозъ.

Года.	Всего.	Въ томъ числѣ: Живыхъ привасовъ.	Сырыхъ и полуобр. мат.	Животныхъ.	Издѣлій.
		Тысячи рублей кред.			
1891	700.471	413.539	245.901	15.943	25.088
1892	471.177	199.248	232.645	15.220	24.064
1893	594.785	332.387	226.169	12.770	23.352
		Привозъ.			
1891	348.663	56.579	215.883	952	75.249
1892	367.268	55.403	235.702	807	75.356
1893	421.956	72.985	259.030	1.338	88.603

Въ суммѣ вывоза заключается и цѣнность товаровъ, преимущественно издѣлій, вывозимыхъ во Владивостокъ и другія мѣста Восточной Сибири.

Изъ этихъ цифръ видно, что вывозъ нашъ въ 1893 году, превосходя вывозъ 1892 года, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія въ томъ году отпуска хлѣбныхъ продуктовъ, значительно ниже отпуска

1891 года, при чемъ пониженіе оказывается главнымъ образомъ въ цѣнности жизненныхъ припасовъ, и несомнѣнно оно стояло въ тѣсной связи съ нашимъ торговымъ разрывомъ съ Германіей. Вліяніе разрыва отзывалось не только на количествѣ и цѣнѣ вывезенныхъ хлѣбныхъ продуктовъ, но и на другихъ товарахъ: уменьшеніе оказалось по всѣмъ четыремъ ихъ рубрикамъ, при чемъ по сырымъ матеріаламъ, животнымъ и издѣліямъ вывозъ 1893 года былъ ниже вывоза 1892 года. Наоборотъ, въ привозѣ за три года замѣчается постоянное повышеніе одинаково по всѣмъ рубрикамъ; въ большей степени—въ статьѣ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ. Если сопоставить увеличеніе въ 1893 году, сравнительно съ 1892 г., таможеннаго дохода съ увеличеніемъ привоза, то оказывается, что доходъ увеличился на 20 процентовъ, а привозъ—на 16. Судя по этому можно думать, что причина увеличенія въ 1893 году таможеннаго дохода заключается не столько въ дальнѣйшемъ повышеніи пошлинъ (и безъ того достаточно велики, даже слишкомъ, были онѣ и въ 1892 году), сколько, какъ и желательно, въ увеличеніи размѣра привоза. Впрочемъ, для устраненія сомнѣній относительно того, отъ которой изъ двухъ указанныхъ причинъ зависѣло главнымъ образомъ увеличеніе таможеннаго дохода, было бы необходимо разслѣдованіе не только того, какіе ввезены товары, но и того, откуда они ввезены, такъ какъ рядомъ съ общимъ нормальнымъ тарифомъ существовалъ таможенный для нѣкоторыхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Франціи, и до-нельзя высокій для товаровъ германскаго происхожденія.

Выкупныхъ платежей поступило противъ росписи болѣе на 22 м. р.; по налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податямъ поступило болѣе, нежели ожидалось по росписи, на 2 мил. рублей. „Дѣйствительное поступленіе доходовъ,—говоритъ объ этихъ двухъ видахъ налоговъ „Вѣстникъ Финансовъ“,—на которыхъ наиболѣе отражаются результаты жатвы, не только дало значительное приращеніе сравнительно съ неурожайными 1892 и 1891 гг., но превзошло на 24 м. р. смѣтныя ожиданія 1893 г., и на 11 м. р. поступленія предшествовавшаго неурожайнаго 1890 года“.

Собственно смѣтныя ожиданія тутъ не при чемъ. Выкупныхъ платежей, главнаго налога, лежащаго на земледѣльческомъ населеніи, поступило болѣе смѣтнаго исчисленія на 22 м. р. потому, что самый налогъ былъ исчисленъ по росписи на 22 м. р. менѣе дѣйствительнаго годового оклада. Слѣдовательно, населенію, въ общемъ его составѣ, благодаря хорошей жатвѣ, удалось справиться въ обрѣзъ съ лежащими на немъ повинностями, и то лишь въ общей его суммѣ, а изъ этого не слѣдуетъ, что на отдѣльныхъ лицахъ, обществахъ, даже цѣлыхъ областяхъ, къ прежнимъ недоимкамъ не присоедини-

лись еще недоимки по окладу 1893 года. „Предварительныя“ свѣденія „Вѣстника Финансовъ“ не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Между тѣмъ изъ отчета государственнаго контроля объ исполненіи росписи 1892 года извѣстно, что недоимки по выкупнымъ платежамъ къ 1 января 1893 года составили 93% годового оклада. По двадцати губерніямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая, при годовомъ окладѣ въ 54 м. р., недоимки дошли до 80 м. р.; по нѣкоторымъ губерніямъ (самарской, оренбургской, уфимской и другихъ губ.) недоимки въ три и даже въ четыре раза превосходятъ окладъ. При такомъ положеніи не только утвержденіе объ экономическомъ преуспѣяніи населенія, но даже повышенный тонъ приведенныхъ строкъ органа министерства финансовъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности [1]). Закрывать въ этомъ отношеніи глаза и утѣшаться иллюзіями значитъ подготовлять себѣ возможность весьма грустнаго разочарованія. Населеніе имперіи, говоря вообще, очень бѣдно и вслѣдствіе экономической неустроенности быта съ трудомъ несетъ существующія повинности, хотя онѣ и меньше налоговъ, лежащихъ на населеніи большей части западныхъ государствъ Европы. Низшіе земледѣльческіе классы удручены сверхъ того числящимися за ними недоимками, которыя, независимо отъ необходимости ихъ уплачивать, сами по себѣ, стѣсняя свободу передвиженія и хозяйственныхъ распоряженій, служатъ причиной дальнѣйшаго обѣднѣнія.

Питейнаго дохода поступило 261 м. р.—болѣе противъ росписи на $3^1/_2$ м. р., и менѣе полученнаго въ 1892 году на 8 м. р. Но, какъ и нынѣ удостовѣряетъ „Вѣстникъ Финансовъ“, часть питейнаго акциза, по приблизительному разсчету не менѣе 15 мил. рублей, поступила за счетъ 1893 года впередъ, въ ноябрѣ 1892 года.

[1]) Въ послѣднее время свѣденія объ экономическомъ положеніи разныхъ мѣстностей въ повседневной печати появляются не часто, но все-таки они бываютъ. Такъ, въ „Новостяхъ“, 31 марта, мы находимъ корреспонденцію изъ Самары: „Если кому придется проѣзжать по сызранскому и самарскому уѣздамъ, тотъ можетъ воочію убѣдиться, что крестьяне почти и не готовятся къ весеннимъ работамъ, въ силу неимѣнія рабочей скотины. Въ данныхъ уѣздахъ все еще сказываются неурожаи предшествовавшихъ лѣтъ (91 и 92 гг.), послѣ которыхъ пахарю трудно поправиться. Въ прошломъ же году въ самарскомъ уѣздѣ оказался въ нѣкоторыхъ волостяхъ недородъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ. Недостача же надлежащаго живого инвентаря и является для большинства крестьянъ камнемъ преткновенія. Все та же самая нужда заставила большинство сельскихъ обществъ, въ виду неотложной надобности въ деньгахъ на уплату податей и долговъ (напр., въ прошломъ году), сдать въ аренду надѣльную землю частнымъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; нѣкоторыми сдавались за полгода впередъ даже общественные луга. Что касается отхожихъ промысловъ, на которые бросались крестьяне въ зиму, то они настолько недостаточно оплачивались, что едва прокармливали рабочаго“.

Съ перенесеніемъ этой суммы изъ дохода 1892 года въ доходъ 1893 г., питейный доходъ послѣдняго года (276 м. р.) превзойдетъ доходъ 1892 г. (269 м. р.—15=254 м. р.) на 22 м. р., т.-е. нѣсколько болѣе той суммы, какая, при ежегодномъ потребленіи около 25 м. ведеръ безводнаго спирта, должна была получиться отъ повышенія акциза съ 9 р. 25 коп. до 10 рублей съ ведра.

Выше мы говорили о слишкомъ умаленномъ исчисленіи того излишка доходовъ, который долженъ былъ получиться отъ послѣдовавшаго въ концѣ 1892 года возвышенія многихъ налоговъ, при чемъ избытокъ дохода отъ возвышенія косвенныхъ налоговъ былъ исчисленъ всего въ суммѣ лишь около 20 м. р. Но эту сумму увеличенія доставилъ одинъ питейный доходъ; сверхъ того обложеніе повышено и по остальнымъ четыремъ косвеннымъ налогамъ и доставило излишка ровно 10 м. р.

Питейный доходъ нынѣшняго года исчисленъ въ 268.095.739 р. [1]). Въ виду суммы, полученной, при указанномъ обстоятельствѣ, въ минувшемъ году такое смѣтное назначеніе, очевидно, должно быть признано недостаточнымъ, такъ какъ нѣтъ никакого основанія ожидать, что спирта, въ видѣ водки, разойдется въ нынѣшнемъ году меньше, нежели въ прошломъ, слѣдовавшемъ за двумя годами крайняго неурожая.

Въ одной изъ газетъ [2]) сообщалось, что для предупрежденія неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ министерствомъ финансовъ проектируется *учрежденіе попечительствъ о народной трезвости*. По смыслу сообщенія выходитъ, что это должны быть учрежденія оффиціальныя: дѣлами попечительствъ должны завѣдывать губернскіе и уѣздные комитеты (?) и участковые попечители; попечительства же будутъ состоять изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и непремѣнныхъ. Попечительствамъ предполагается (будто бы) предоставить: имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы торговля крѣпкими напитками производилась согласно установленнымъ для этого правиламъ; распространять среди населенія здравыя понятія о вредѣ неумѣреннаго потребленія крѣпкихъ напитковъ и изыскивать средства, отдѣляющія его отъ питейныхъ заведеній, устройствомъ чтеній, собесѣдованій; имѣть попеченіе объ исцѣленіи (?) страждущихъ запоемъ; оказывать содѣйствіе учрежденіямъ и частнымъ обществамъ, дѣятельность которыхъ направлена къ достиженію тѣхъ же цѣлей.

Мы не знаемъ, откуда почерпнуто извѣстіе объ этомъ проектѣ, но его тонъ, самая обстоятельность указываютъ, повидимому, на

[1]) Въ росписи не совсѣмъ понятнымъ кажется это исчисленіе многомилліонныхъ доходовъ съ точностію до рублей, разумѣется, никогда не оправдываемою.

[2]) „Новости“, № 43.

обстоятельный источникъ сообщенія. Во всякомъ случаѣ, проектъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ разряду утопическихъ измышленій, которыя могутъ порождаться и въ министерствѣ финансовъ, вслѣдствіе разлада, вносимаго въ государственное хозяйство преобладающимъ значеніемъ въ немъ питейнаго налога [1]). Нельзя совмѣстить несовмѣстимое. Нельзя, съ цѣлью приращенія государственныхъ доходовъ, открывать казенныя питейныя заведенія и въ то же время являться радѣтелемъ народной трезвости и укрѣплять ее путемъ поученій и собесѣдованій. Невольно напрашивается вопросъ: къ чему же тогда кабаки, да еще казенные?

Десять лѣтъ тому назадъ питейный доходъ составлялъ двѣ трети обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (а раньше и больше); въ 1883 году, при общемъ доходѣ въ 700 м. р., питейныхъ сборовъ поступило 253½ м. р. На той же относительной высотѣ онъ остается и до сихъ поръ: если исключить доходы оборотные, т.-е. сопряженные съ расходомъ въ томъ же размѣрѣ,—каковы доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, выкупные платежи, возвратъ ссудъ и пособія,—то обыкновенные доходы 1893 г. представятъ 820 м. р., и изъ нихъ 260 м. р. питейныхъ сборовъ. При такомъ отношеніи еслибы потребленіе водки населеніемъ сократилось на одну четвертую часть, то происшедшій отъ этого недоборъ въ доходахъ казны не могъ бы возмѣститься самымъ удачнымъ поступленіемъ поземельныхъ, торговыхъ, имущественныхъ и другихъ доходовъ. Пока это отношеніе не измѣнится кореннымъ образомъ, заботы министерства финансовъ о народной трезвости останутся не болѣе какъ pia desideria, которымъ не суждено привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ, развѣ только къ результатамъ противоположнымъ намѣченной цѣли. „Отрезвленіе“ населенія можетъ совершиться не „здоровымъ“ и регулярнымъ потребленіемъ водки, а полнымъ, хотя бы постепеннымъ, устраненіемъ ея изъ народнаго потребленія. Это должно быть сдѣлано: въ цѣляхъ народной гигіены, такъ какъ хлѣбный, картофельный алкоголь и т. п.—есть ядъ, вредящій организму даже въ малыхъ, регулярно принимаемыхъ количествахъ [1]); въ цѣляхъ финансовыхъ, потому что огромный питейный налогъ упадаетъ всею тяжестью на низшіе слои населенія, подрываетъ ихъ платежныя силы, главный источникъ государственныхъ доходовъ, и ведетъ при невзгодахъ (не-

---

[1]) Къ подобнымъ проектамъ относится, какъ это выяснилъ въ своей статьѣ г. Бирюковичъ (апрѣльская книга „В. Е.“), казенная продажа „вина“, порученная сидѣльцамъ—„богобоязненнымъ пенсіонерамъ съ ослабленной жизненной энергіей“. Такая примѣсь богобоязненности къ торговлѣ водкой—всего оригинальнѣе.

[2]) Ссылаемся на статьи И. И. Янжула: „Пьянство и борьба противъ него“, „Вѣстникъ Европы“, 1888, іюнь и іюль.

урожаяхъ, эпизоотіяхъ, пожарахъ и т. п.) къ большимъ тратамъ казны на помощь бѣдствующимъ; наконецъ, въ цѣляхъ экономическихъ, такъ какъ пьянство подрываетъ народное хозяйство и производительный трудъ.

Безплодность заботъ министерства финансовъ объ ослабленіи пьянства доказана примѣрами въ теченіе по меньшей мѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Но мы готовы считать эти заботы не только безполезными, но иногда даже и вредными. Принимая на себя задачу, лежащую внѣ его области (до поученій и собесѣдованій), министерство финансовъ какъ бы устраняетъ отъ нея вѣдомства, для которыхъ преслѣдованіе ея гораздо удобнѣе и несомнѣнно привело бы къ болѣе положительнымъ результатамъ: вѣдомства духовное, народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, наконецъ земствъ. Коллизіи на этой почвѣ, выражающіяся и въ питейныхъ правилахъ, и фактически, хорошо извѣстны. Были неоднократные случаи, что постановленія сельскихъ обществъ о недопущеніи открытія въ селѣ питейныхъ заведеній парализовались низшими органами министерства финансовъ, опиравшимися на тройной авторитетъ: соблюденія законности (т.-е. разныхъ оговорокъ питейнаго устава) [1]), пользъ государственнаго казначейства, и условій народной трезвости въ видѣ *здороваго* и правильнаго потребленія спиртныхъ напитковъ. Спрашивается: при такихъ авторитетныхъ радѣтеляхъ пользъ государственнаго казначейства, съ одной стороны, и экономическихъ и нравственныхъ пользъ народа, съ другой, имѣетъ ли возможность оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода предложить сельскимъ священникамъ, министръ внутреннихъ дѣлъ земскимъ начальникамъ или земствамъ, а министръ народнаго просвѣщенія учителямъ сельскихъ школъ—вліять на сельское населеніе проповѣдью и внушеніями трезвости?

Говорятъ, что водка, при нашихъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ, при скудной пищѣ низшихъ слоевъ нашего населенія, составляетъ продуктъ, необходимый для народнаго питанія. Народу необходима не водка, а нѣкоторое количество наркотическихъ веществъ, которыя во всѣ времена составляли потребность человѣческаго организма, особенно въ сѣверныхъ странахъ. Въ этой области,

---

[1]) Въ упомянутой выше статьѣ г. Бирюковича (стр. 815) указывается, „что въ питейномъ уставѣ 5-го мая 1892 г., согласно сдѣланной въ немъ оговорки, въ каждомъ селеніи, не допустившемъ у себя устройства кабака, разрѣшеніе можетъ быть дано питейнымъ присутствіемъ и помимо такого согласія, если будетъ обнаружена безпатентная торговля виномъ. При этомъ никакихъ гарантій правильности сдѣланнаго „обнаруженія“ и вообще разслѣдованія дѣла въ судебномъ порядкѣ въ данномъ случаѣ не требуется“. Послѣдствія не только права присутствія вообще, но и членовъ его въ отдѣльности не трудно предвидѣть.

дѣйствительно, министерство финансовъ можетъ способствовать развитію народной трезвости, давая народу возможность пользоваться безвредными наркотическими продуктами, пониженіемъ, еще лучше—полной отмѣной пошлинъ и акцизовъ съ чая, кофе, ихъ ингредіента—сахара, пива... мы хотѣли добавить: винограднаго вина, но пока виноградное вино русскаго производства свободно еще отъ обложеній.

Мѣры, которыя должны быть приняты, по нашему мнѣнію, въ цѣляхъ установленія народной трезвости, сводятся, какъ это мы говорили нѣсколько лѣтъ назадъ, къ слѣдующему: а) полному воспрещенію продажи водки и вообще напитковъ, содержащихъ болѣе установленнаго размѣра алкоголя (примѣрно болѣе 20%), внѣ городовъ; б) запрещеніе въ городахъ торговли такими напитками распивочно; в) разрѣшеніе безакцизнаго домашняго пивоваренія; г) пониженіе пошлины на чай и кофе и принятіе мѣръ къ удешевленію сахара.

Указанныя мѣры несомнѣнно поведутъ къ сокращенію потребленія водки, а слѣдовательно и къ уменьшенію питейнаго дохода, но безъ рѣшимости на такое уменьшеніе ничего серьезнаго и не можетъ быть сдѣлано для отрезвленія народа. На вопросъ, чѣмъ могъ бы быть возмѣщенъ этотъ недоборъ, можно бы отвѣтить слѣдующее: при томъ избыткѣ въ доходахъ, какой оказывается по исполненію обыкновенной государственной росписи, часть питейнаго недобора могла бы остаться невозмѣщенною; нѣкоторая часть покрывалась бы уменьшеніемъ недоимокъ, лежащихъ на населеніи, кое-что поступило бы отъ излишка потребленія продуктовъ, замѣнившихъ водку; остальное пришлось бы добрать установленіемъ новыхъ налоговъ, но непремѣнно прямыхъ (главнымъ образомъ, мы разумѣемъ подоходный налогъ), такъ какъ отъ косвенныхъ налоговъ въ казну поступаетъ лишь незначительная часть того, что уплачивается населеніемъ.

По остальнымъ четыремъ косвеннымъ налогамъ, табачному, сахарному, нефтяному и спичечному, поступило болѣе противъ дохода 1892 года на сумму до 10 м. р. Это увеличеніе, въ виду значительно повышеннаго съ 1893 года обложенія, должно быть признано не вполнѣ достаточнымъ. Такъ, обложеніе нефти было возвышено на 50 и на 60 процентовъ; дохода отъ нея поступило въ 1892 году около 13 м. р. При одинаковомъ потребленіи въ 1893 году должно бы получиться свыше 19 м. р., а поступило всего $16^1/_2$ м. р.,—менѣе на $2^1/_2$ м. р.

II.

Переходимъ къ чрезвычайному бюджету. Къ *чрезвычайнымъ* поступленіямъ, имѣющимъ характеръ дѣйствительныхъ доходовъ, могутъ быть отнесены военное вознагражденіе съ Турціи и Хивы (около 4 м. р.) и спеціальные капиталы, обращенные въ казну (5 м. р.). Даже вклады на вѣчное время имѣютъ уже видъ кредитныхъ операцій. Но съ ними и съ подобными же поступленіями собственно доходовъ поступило всего около 11½ м. р.; остальные 162½ м. р. получены отъ займовъ: 65½ м. р. отъ продажи облигацій трехпроцентнаго золотого займа 1891 года и 97 м. р. отъ реализаціи 4½% внутренняго займа 1893 года. *Чрезвычайныхъ* расходовъ было назначено по росписи: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 62.161.000 р.; на перевооруженіе 29.607.000 р., а съ прибавленіемъ къ нимъ перенесенныхъ изъ обыкновенной росписи 6.147.000 р., всего 35.754.000 р.; на заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія 1 м. р. Сверхъ того, отпущено 13.200.000 р. сверхсмѣтнымъ расходомъ на выкупъ и доплату 6% золотой ренты. Всѣ указанные расходы назначаются по правиламъ не на одинъ смѣтный періодъ: строительные кредиты отпускаются на два смѣтныхъ періода; кредиты на перевооруженіе, какъ кредиты по военному нормальному бюджету въ казну не возвращаются, а остаются въ запасѣ; уплаты по конверсіи также зачисляются кредитомъ на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, вся сумма чрезвычайныхъ кредитовъ, 112 м. р., должна быть признана, по отношенію къ росписи 1893 года, окончательно израсходованною.

Бюджетный результатъ исполненія росписи чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ, т.-е. соотношеніе полученныхъ въ теченіе смѣтнаго періода въ полную собственность государственнаго казначейства средствъ съ расходами, за исключеніемъ суммъ по кредитнымъ операціямъ, составляетъ: доходовъ 11 м. р., расходовъ 99 м. р., что сводится къ недобору въ 88 м. р. По обыкновенному бюджету, какъ показано выше, получился избытокъ доходовъ въ 102.750.000 р. По исполненію же всей росписи получается, слѣдовательно, превышеніе доходовъ надъ расходами въ 14.750.000 р. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить остатки отъ окончательно закрытыхъ въ 1893 г. кредитовъ прежняго времени. Размѣръ этихъ остатковъ пока опредѣленъ быть не можетъ, но по обыкновеннымъ и по чрезвычайнымъ расходамъ онъ едва ли окажется менѣе 5 м. р., такъ что общее превышеніе доходовъ въ собственномъ смыслѣ надъ расходами составитъ около 20 м. р., а можетъ быть и больше.

Повторяемъ, это счетъ бюджетный; что касается кассоваго, т.-е.

соотношенія поступленій въ государственное казначейство въ теченіе 1893 года съ произведенными на счетъ росписи 1893 года уплатами, то онъ опредѣленъ въ началѣ статьи и сводится, независимо отъ заключенныхъ смѣтъ, къ слѣдующимъ цифрамъ:

	По обикн. бюджету.	По чрезвычайному.	Всего.
Поступленій	1.046.546.000 р.	173.985.000 р.	1.220.531.000 р.
Уплатъ	943.793.000 „	112.115.000 „	1.055.908.000 „
Превышеніе поступленій	102.753.000 „	61.870.000 „	164.623.000 „

Такимъ образомъ, къ 1894 году на 164½ м. р. увеличилась *свободная* кассовая наличность государственнаго казначейства и достигла, съ присоединеніемъ 112½ м. р. [1]) свободной наличности, состоявшей въ кассахъ министерства финансовъ къ 1893 году,—277 м. р.

Эта наличность, на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей превосходящая наличность, скопившуюся-было въ кассахъ министерства финансовъ къ 1891 году и затѣмъ истраченную главнымъ образомъ на помощь пострадавшему отъ неурожая населенію,—служитъ, по мнѣнію „Вѣстника Финансовъ", очевиднымъ подтвержденіемъ сдѣланнаго министерствомъ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ по росписи на 1894 годъ заявленія, что въ текущемъ году ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ представиться необходимости въ заключеніи какого-либо займа внутренняго, а тѣмъ болѣе внѣшняго.

Но заявленіе министра финансовъ вовсе не имѣло той рѣшительной формы, какая приписывается ему „Вѣстникомъ Финансовъ". Говоря о состояніи къ 1 января 1894 г. свободной наличности государственнаго казначейства, которая по разсчетамъ министра финансовъ должна была достигнуть 173 м. р. (на 104 м. р. менѣе цифры, въ какой она дѣйствительно оказалась), министръ прибавляетъ, что „прибѣгать въ предстоящемъ 1894 году къ заключенію какого-либо займа внутренняго, а тѣмъ болѣе внѣшняго, государственное казначейство

[1]) Чрезвычайно утомительно слѣдить за метаморфозами нашихъ бюджетныхъ цифръ, вслѣдствіе двойной, принятой для нашихъ росписей, денежной единицы—золотой и кредитной и вслѣдствіе постояннаго измѣненія въ курсѣ, по которому золотая валюта перечисляется въ кредитную, и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, свободная наличность въ 1893 году была показана въ 92½ м. р. кред.—по курсу золотого рубля, принятому для росписи 1892 г., но та же сумма съ 1 января 1893 г. составила уже 112½ м. р. кр.—по курсу росписи 1893 года, а съ наступленіемъ 1894 года опять превратится въ прежніе 112½ мил. руб. Подъ вліяніемъ измѣнчивости курса свободная наличность къ 1 января 1894 г., въ 277 м. р., съ наступленіемъ этого перваго января составила приблизительно всего лишь 250 м. р. Точно знать, сколько именно, пока нельзя, не зная, въ какой валютѣ, золотой или кредитной, заключается эта наличность.

не будетъ имѣть ни малѣйшей надобности". Но и къ 1893 году свободной наличности состояло 112 м. р., устранявшихъ малѣйшую надобность прибѣгать къ займамъ; однако это не помѣшало произвести въ 1893 г. два крупныхъ займа, и внутренній, и внѣшній, на 162½ м. р., въ результатѣ чего и оказалось скопленіе свободной наличности въ огромной суммѣ 277 м. р., которая окажется, вѣроятно, еще большею отъ присоединенія остатковъ отъ заключенныхъ сиѣтъ прежняго времени.

Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1877 года, наше финансовое управленіе, по нашему мнѣнію, въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ нужно, было озабочиваемо скопленіемъ въ кассахъ казначейства „свободныхъ запасовъ". Намъ замѣтятъ, что это-то и хорошо. Что̀ бы было, напримѣръ, въ 1891 г. съ помощью населенію, еслибы не оказалось запаса въ 200 м. р. слишкомъ! На это слѣдуетъ отвѣтить, что еслибы этого запаса, собраннаго путемъ усиленныхъ налоговъ, не оказалось бы въ казнѣ, онъ былъ бы въ народномъ хозяйствѣ, и это устранило бы или по крайней мѣрѣ значительно умалило бы необходимую помощь. Но положимъ, что она все-таки понадобилась и въ томъ же размѣрѣ, —тогда можно было бы обратиться къ займамъ, т.-е., въ виду крайней нужды, сдѣлать въ 1891 и 1892 гг. то, что̀ сдѣлано безъ малѣйшей надобности въ 1893 году. Въ результатѣ оказалось бы свободной наличности государственнаго казначейства къ 1894 г. менѣе на 161 м. р. (размѣръ помощи, оказанной въ два года населенію), но они остались бы въ народномъ хозяйствѣ, принося ему несравненно болѣе пользы, нежели приносятъ они, находясь въ кассахъ казны. Противоположенія между народомъ и казной быть не можетъ. При удовлетворительномъ и развивающемся экономическомъ состояніи населенія не страшенъ дефицитъ бюджета; дефицитъ этотъ можетъ оказаться лишь явленіемъ временнымъ, легко устранимымъ. Наоборотъ, самое блестящее исполненіе государственной росписи не имѣетъ значенія, если рядомъ съ тѣмъ идетъ обѣднѣніе народа.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1894 г.

Причины безцѣльныхъ вооруженій.—Двойственность въ международной политикѣ.—Борьба изъ-за военныхъ расходовъ въ разныхъ странахъ.—Положеніе того же вопроса въ Германіи и Италіи.—Сессія германскаго имперскаго сейма.

Въ послѣднее время все чаще возбуждается въ западно-европейской печати вопросъ о разоруженіи, о переходѣ великихъ державъ съ военнаго положенія на мирное, независимо отъ какихъ-либо общихъ мечтаній о вѣчномъ мирѣ. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что культурныя націи тратятъ свои лучшія силы и систематически разоряются на безконечныя приготовленія къ будущимъ войнамъ, которыхъ всѣ желаютъ избѣгнуть въ настоящемъ? Никто не хочетъ воевать, и всѣ готовятся къ войнѣ; самые предпріимчивые патріоты отступаютъ предъ перспективою всеобщаго кроваваго пожара, и тѣмъ не менѣе даже миролюбивѣйшія государства вооружаются съ неустанною энергіею, какъ бы въ ожиданіи скораго непріятельскаго нашествія.

Кто виноватъ въ этомъ непонятномъ разладѣ между желаніями и дѣйствіями, между идеями и фактами? Существуютъ ли теперь въ Европѣ народы, способные совершать набѣги на сосѣднія страны, съ цѣлью политическаго грабежа и разбоя? Территоріальныя завоеванія потеряли смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ признается принципъ неприкосновенности частныхъ правъ въ занятомъ войсками краѣ; нельзя ни вытѣснять туземцевъ, ни забирать ихъ земли и имущества, и пріобрѣтеніе новой области становится уже бременемъ для завоевателей, источникомъ новыхъ усилій и жертвъ, какъ въ этомъ убѣдились нѣмцы въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Завоевательныя войны не имѣютъ подходящей почвы среди культурныхъ европейскихъ націй; а если нѣтъ прежнихъ мотивовъ къ нападеніямъ, то отпадаетъ и необходимость обороны. Весь общественный строй и способъ жизни современныхъ народовъ исключаютъ мысль о войнѣ; всѣ сложные матеріальные и нравственные интересы культурныхъ обществъ находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ тѣмъ состояніемъ фактическаго безправія и насилія, которое связано съ военнымъ положеніемъ. Поэтому нѣтъ надобности проповѣдовать идею „вѣчнаго мира“; достаточно считать войну невозможною, никому ненужною и всѣмъ одинаково страшною. Отсутствіе войнъ не означаетъ еще отсутствія

борьбы, водворенія общаго покоя и застоя; борьба и соперничество принимаютъ лишь другія, болѣе утонченныя формы.

Вопросъ о разоруженіи сводится къ тому, чтобы жертвы, приносимыя народами ради военныхъ цѣлей, были приведены въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными условіями современнаго политическаго быта въ Европѣ. Затраты на армію почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ далеко превышаютъ мѣру необходимости, равно какъ и степень экономической силы населеній; съ наибольшею наглядностью это обнаруживается въ Италіи, гдѣ военный бюджетъ вмѣстѣ съ процентами государственныхъ долговъ поглощаетъ двѣ трети (болѣе 66%) всѣхъ финансовыхъ средствъ государства. На условномъ языкѣ дипломатовъ и газетныхъ политиковъ принято говорить о взаимной враждѣ тѣхъ или другихъ великихъ державъ, какъ о достаточной причинѣ усиленныхъ вооруженій; но великія державы суть великія націи, и западно-европейскіе кабинеты должны по неволѣ руководствоваться желаніями и интересами народовъ,—а народы вообще не чувствуютъ потребности вооружаться, даже еслибы реально враждовали другъ съ другомъ.

Предположимъ на минуту, что во Франціи предоставлено было бы народной массѣ рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ съ Германіею; — нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что громадное большинство высказалось бы безусловно за миръ уже по той простой причинѣ, что война — предпріятіе крайне тягостное и разорительное для народа даже въ случаѣ вполнѣ успѣшнаго ея окончанія. Тотъ же результатъ получился бы и въ Германіи, еслибы нѣмецкій народъ призванъ былъ непосредственно выразить свое мнѣніе о задачахъ международной политики. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ поддерживается милитаризмъ въ передовой военной монархіи нашего времени— Пруссіи, служащей нынѣ центромъ военнаго движенія и прогресса въ Европѣ. Прусскій военный классъ издавна находится въ прямомъ антагонизмѣ съ большинствомъ нѣмецкаго народа; прусская военная реформа, имѣвшая цѣлью увеличеніе численности арміи, могла быть проведена въ началѣ шестидесятыхъ годовъ только путемъ упорной борьбы съ парламентомъ. Бисмарку пришлось осуществить свои военно-политическіе планы насильно, противъ воли народныхъ представителей. Нѣмецкій народъ стремился къ національному объединенію и былъ уже близокъ къ завѣтной цѣли въ концѣ сороковыхъ годовъ, безъ помощи арміи и бюрократіи. Нѣмцы не желали никакихъ войнъ, ни датской, ни австрійской, ни французской; имъ искусственно прививали воинственный духъ во имя того убѣжденія, что политическое единство будто бы не иначе можетъ быть достигнуто, какъ только „желѣзомъ и кровью“. Даже послѣ

блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ князя Бисмарка, всякое увеличеніе военнаго бюджета въ Германіи добывалось съ большимъ трудомъ, посредствомъ искусственной правительственной агитаціи въ печати и въ парламентѣ; нужны были грозныя предостерегающія рѣчи стараго канцлера, настойчивыя указанія на мнимые замыслы Франціи и Россіи, постоянные оффиціозные толки о неизбѣжной будто бы войнѣ на два фронта, чтобы добиться ничтожнаго большинства въ имперскомъ сеймѣ въ пользу военныхъ проектовъ правительства. Приходилось дѣлать серьезныя уступки отдѣльнымъ парламентскимъ партіямъ и группамъ по разнымъ внутреннимъ вопросамъ, вступать въ соглашеніе съ католическою партіею центра и даже съ Ватиканомъ, лишь бы только заручиться согласіемъ парламента на удовлетвореніе возростающихъ требованій военнаго вѣдомства. Эта система временныхъ сдѣлокъ съ оппозиціонными политическими партіями для достиженія желаннаго результата основывалась при князѣ Бисмаркѣ на простомъ обмѣнѣ услугъ, по принципу: „do ut des“ (даю, чтобы ты далъ), — такъ что утвержденіе новыхъ военныхъ кредитовъ разсматривалось въ сущности какъ даръ правительству и правящему классу, а не какъ жертва народа для общаго блага и безопасности страны. Непрерывныя германскія вооруженія, превратившія Европу отчасти въ военный лагерь, являются дѣломъ не германскаго народа, а господствующей надъ нимъ военно-политической аристократіи. Традиціонныя понятія и стремленія прусско-германскихъ правящихъ сферъ мало соотвѣтствуютъ интересамъ и желаніямъ народныхъ массъ, и сознаніе этого несоотвѣтствія ясно выражалось во всей сложной и нерѣдко двусмысленной тактикѣ правительства при внесеніи новыхъ военныхъ законопроектовъ. Точно такъ же въ Австро-Венгріи внѣшняя политика, связанная съ періодическимъ увеличеніемъ арміи, не совпадаетъ съ тенденціями народностей, входящихъ въ составъ австрійской имперіи. Объ Италіи нечего и говорить: антагонизмъ между военными усиліями правительства и реальнымъ положеніемъ народа обострился тамъ до того, что дѣло едва не доходитъ до возстанія.

Такимъ образомъ, источникъ общаго международнаго кризиса заключается вовсе не въ чувствахъ непріязни и недовѣрія, раздѣляющихъ великія европейскія державы или націи, а въ особенностяхъ политическаго строя, порождающихъ опасную двойственность въ политикѣ государствъ. Вліятельные военно-политическіе элементы, окружающіе правителей, тянутъ въ сторону вооруженій и войны; народы стремятся къ мирному существованію и по возможности протестуютъ противъ чрезмѣрныхъ военныхъ тягостей и жертвъ, которыя кажутся имъ ненужными; кабинеты ищутъ компромиссовъ

между обоими теченіями и держатся средняго пути, полнаго неясностей и противорѣчій. Разорительныя приготовленія къ войнѣ идутъ рядомъ съ заботливою, отчасти какъ будто невольною охраною международнаго status-quo. Отсюда то неопредѣленно-тревожное состояніе вооруженнаго мира, которое тяготѣетъ надъ Европою до сихъ поръ.

Насколько это состояніе имѣетъ мало связи съ истинными чувствами и потребностями великихъ европейскихъ націй, можно видѣть изъ того радостнаго оживленія, съ какимъ повсюду встрѣчается всякій мирный поворотъ въ политикѣ кабинетовъ, всякое мирное вѣяніе среди правительствъ. Недавно еще высказывались въ газетахъ мрачныя предположенія относительно ближайшаго будущаго; въ Германіи велась горячая парламентская кампанія изъ-за новыхъ военныхъ законовъ, которые оффиціально мотивировались необходимостью боевой готовности относительно Франціи и Россіи. Въ нѣмецкой печати и въ парламентѣ повторялись разсужденія объ опасности русскаго нашествія, объ обязательной защитѣ противъ варваровъ, готовыхъ потопить западную культуру и цивилизацію подъ командой „Московскихъ Вѣдомостей"; соціаль-демократы въ этомъ случаѣ принимаютъ на вѣру угрозы, исходящія отъ небольшой горсти мнимыхъ россійскихъ патріотовъ, и выражаютъ свою солидарность съ приверженцами войны спеціально по отношенію къ Россіи. Идея вооруженнаго, выжидательнаго мира, повидимому, рѣшительно брала верхъ надъ мирными стремленіями и надеждами народовъ. Но стоило только берлинскому кабинету обнаружить признаки сближенія съ Петербургомъ, даже только на почвѣ торгово-промышленныхъ интересовъ,—и общее положеніе тотчасъ измѣнилось. Нѣтъ уже и рѣчи о взаимной враждѣ великихъ державъ, а напротивъ, всѣ заговорили о мирѣ и дружбѣ. Сразу исчезли—по крайней мѣрѣ на время—наступательные планы Германіи, воинственные порывы Франціи, непріязненныя намѣренія Россіи относительно германской имперіи; даже франко-русскій союзъ какъ будто утратилъ свою прежнюю цѣну въ глазахъ французскихъ публицистовъ, вѣрныхъ завѣтамъ Буланже и Деруледа. Значитъ ли это, что вдругъ измѣнились взаимныя чувства и желанія трехъ могущественныхъ націй, которымъ принадлежитъ, по общему убѣжденію, рѣшающая роль въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ? Конечно, нѣтъ. Перемѣна—и притомъ весьма незначительная—коснулась лишь направленія дипломатической дѣятельности нѣкоторыхъ кабинетовъ, и этого было уже достаточно для возбужденія надеждъ на прочный и долгій миръ.

Еще болѣе краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ служить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ извѣстіемъ о совершившейся 8-го (20-го) апрѣля помолвкѣ нашего Наслѣдника Цесаревича съ внукою

англійской королевы, принцессою гессенъ-дармштадтскою Алисою, старшая сестра которой находится въ замужствѣ за братомъ императора Вильгельма II, принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Почти вся западно-европейская печать приписала этому событію большое политическое значеніе, усмотрѣвъ въ немъ серьезный симптомъ измѣнившихся русско-германскихъ отношеній. Газеты намѣренно или ненамѣренно упустили при этомъ изъ виду существовавшія уже раньше близкія родственныя связи между царствующими фамиліями Россіи, Германіи и Англіи; эти династическія связи не могутъ быть тѣснѣе, чѣмъ онѣ были въ эпоху русско-турецкой войны и берлинскаго конгресса, и однако нѣтъ надобности напоминать, какова была тогда политика лондонскаго кабинета, и какъ разстроилась позднѣе прежняя наша дружба съ Берлиномъ. У насъ слишкомъ полагались на родственные союзы государей, и въ результатѣ получились печальныя недоразумѣнія и разочарованія. Въ западной Европѣ династическое родство давно уже остается безъ замѣтнаго вліянія на политику, и если тѣмъ не менѣе дѣлаются въ данномъ случаѣ важные политическіе выводы, въ родѣ упомянутыхъ выше, то это доказываетъ только, какъ сильно чувствуется вездѣ потребность въ освѣжающихъ, успокоительныхъ фактахъ. Всякій намекъ на облегченіе тяжелой атмосферы вооруженнаго мира встрѣчается съ восторгомъ и вызываетъ самые смѣлые и широкіе комментаріи. Нужно ли болѣе убѣдительное доказательство того, что настоящее международное положеніе вытекаетъ вовсе не изъ желаній, интересовъ и чувствъ европейскихъ націй, отъ имени которыхъ дѣйствуютъ кабинеты? На дѣлѣ выходитъ какой-то заколдованный кругъ: общественное мнѣніе народовъ не позволяетъ честолюбивымъ военно-политическимъ элементамъ доводить вооруженія до войны, а военно-придворные классы не даютъ народамъ останавливать или ограничивать вооруженія, опасныя для общаго мира.

Наиболѣе авторитетный представитель старыхъ политическихъ традицій, князь Бисмаркъ, высказалъ недавно мысль, что постоянныя техническія усовершенствованія отдаляютъ возможность войны, ибо боевая готовность никогда не достигается вполнѣ при современной быстрой смѣнѣ однихъ изобрѣтеній другими. Химія отыскиваетъ все новые разрушительные составы, дѣлающіе негодными или недостаточными прежнія средства защиты, и ни одна страна не успѣваетъ обезпечить за собою превосходство военныхъ силъ въ техническомъ отношеніи. Взглядъ стараго канцлера какъ нельзя лучше объясняетъ коренное отличіе военно-политической точки зрѣнія отъ народной и общественно-культурной. Для князя Бисмарка все дѣло въ техникѣ, въ организаціи и подготовкѣ надлежащихъ орудій войны;

даже продолжительный внѣшній миръ кажется ему послѣдствіемъ спеціально-военныхъ, техническихъ причинъ, а не какихъ-либо общихъ условій современной культурной жизни. Еслибы не сомнѣніе въ боевой готовности, то война вспыхнула бы непремѣнно, по взгляду князя Бисмарка,—потому что государства вооружаются не для того, чтобы довольствоваться благами мира и охранять свои интересы при помощи мирныхъ обсужденій, взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ. Бывшій канцлеръ не признаетъ возростающаго вліянія демократическаго духа въ области международной политики въ Европѣ; онъ не видитъ ничего ненормальнаго въ той упорной и всеобщей оппозиціи, которую встрѣчаетъ въ народѣ каждый дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ вооруженій. Между тѣмъ онъ самъ ввелъ въ германскую конституцію принципъ всенароднаго голосованія,—принципъ, враждебный милитаризму и могущій одолѣть его со временемъ. Какъ великій техникъ политики и дипломатіи, онъ не придаетъ значенія нравственнымъ и культурнымъ вліяніямъ, которыя подрываютъ въ корнѣ всю систему безъисходнаго военнаго соперничества между государствами и народами. Въ дѣйствительности возможность войны отдаляется не вслѣдствіе успѣховъ химіи и прикладной механики, а благодаря усилившейся роли народнаго мнѣнія въ дѣлахъ политическихъ и международныхъ. Система, требующая періодической борьбы съ парламентами и вызывающая общее недовольство народныхъ массъ, обречена на безсиліе и не можетъ считаться долговѣчною. Рано или поздно долженъ прекратиться внутренній разладъ между правительствами и народами въ западной Европѣ,—разладъ, принимающій лишь болѣе замаскированныя формы при конституціонныхъ и республиканскихъ учрежденіяхъ. Тогда и вопросъ о сокращеніи напрасныхъ военныхъ усилій и затратъ получитъ правильную, цѣлесообразную постановку.

Дѣятели „новаго курса“ въ Германіи смягчили во многомъ правительственные пріемы и взгляды, господствовавшіе при князѣ Бисмаркѣ. Дипломатія стала менѣе рѣзкою, болѣе уступчивою и примирительною; отношенія къ парламентскимъ партіямъ потеряли свой вызывающій характеръ, и главнѣйшая язва прежняго режима—ядовитая оффиціозная пресса, источникъ постоянной тревоги въ Европѣ —исчезла вмѣстѣ съ питавшимъ ее „фондомъ пресмыкающихся“. Но милитаризмъ сохранилъ свою полную силу, и правительство Вильгельма II продолжаетъ видѣть въ немъ основу всего могущества и величія имперіи. Канцлеръ Каприви, какъ военный по спеціальности и по карьерѣ, болѣе близокъ къ интересамъ арміи, чѣмъ

его предшественникъ; онъ пошелъ по тому же пути увеличенія военнаго бюджета и долженъ былъ изъ-за этого вести такую же настойчивую и трудную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Новый военный законъ, увеличившій громадную и безъ того численность германскихъ войскъ, былъ принятъ въ прошломъ году имперскимъ сеймомъ, при значительномъ содѣйствіи двухъ парламентскихъ группъ—католическаго центра и поляковъ; католикамъ пришлось обѣщать допущеніе іезуитовъ въ Германію, что и было затѣмъ одобрено парламентомъ, а поляки не получили ожидаемыхъ уступокъ, вслѣдствіе чего предводитель польской фракціи, Косцѣльскій, счелъ долгомъ сложить съ себя свои депутатскія полномочія. Благопріятное для правительства рѣшеніе имперскаго сейма, достигнутое при помощи этихъ временныхъ политическихъ сдѣлокъ, было однако только половиною успѣха: предстояло еще самое главное—найти новыя финансовыя средства для покрытія требуемыхъ добавочныхъ расходовъ на армію, въ размѣрѣ около ста милліоновъ марокъ въ годъ. Рѣшить эту трудную задачу поручено было прусскому министру финансовъ, Микелю, на котораго многіе смотрятъ въ Германіи какъ на геніальнаго изобрѣтателя новыхъ государственныхъ доходовъ и налоговъ, не обременительныхъ для населенія. Микель, по должности прусскаго министра, не имѣетъ прямого отношенія къ дѣламъ имперіи, а указать финансовые источники, необходимые для исполненія принятаго военнаго закона, было дѣломъ имперскаго сейма и имперскихъ министровъ. Графъ Посадовскій, имперскій министръ казначейства, будучи только хорошимъ и исполнительнымъ бюрократомъ, не гонится за славою финансиста и охотно уступаетъ Микелю честь изобрѣтенія нужныхъ рессурсовъ на военныя надобности. Микель устроилъ совѣщанія съ министрами финансовъ другихъ нѣмецкихъ государствъ и выработалъ рядъ проектовъ, вполнѣ основательныхъ по существу, но несимпатичныхъ большинству имперскаго сейма. Онъ предлагалъ увеличить казенный сборъ съ табаку и ввести налогъ на вино; оба эти налога были рѣшительно отклонены имперскимъ сеймомъ. Принято было только увеличеніе налога на биржевыя сдѣлки, и такимъ образомъ значительная часть издержекъ, вызываемыхъ новымъ военнымъ закономъ, не находитъ еще своего мѣста въ бюджетѣ. Борьба изъ-за новыхъ и притомъ весьма крупныхъ военныхъ расходовъ продолжается на новой, чисто финансовой почвѣ, и вѣроятно не скоро приведетъ къ какому-нибудь положительному результату. Утвердивъ военный законъ, имперскій сеймъ можетъ не найти подходящихъ способовъ для примѣненія его на практикѣ, и побѣда, доставшаяся правительству съ такимъ трудомъ, оказывается пока безплодною.

Неудача, постигшая проекты Микеля, поставила имперскую власть въ затруднительное положеніе, ибо всякія другія финансовыя мѣры вызовутъ, конечно, не мѣньшіе и, быть можетъ, гораздо бо́льшіе протесты. Реформы, имѣющія цѣлью извлеченіе добавочныхъ средствъ изъ массы обывателей, не могутъ вообще нравиться плательщикамъ податей, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о непроизводительномъ и тяжеломъ расходѣ, польза котораго прямо отрицается большинствомъ. Никто не вѣритъ въ Германіи, что милліонная армія, незадолго предъ тѣмъ признанная болѣе чѣмъ достаточною для интересовъ обороны и наступленія, нуждается еще въ прибавкѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, и что германское отечество рискуетъ подвергнуться серьезной опасности безъ этой прибавки дополнительныхъ баталіоновъ къ существующимъ полчищамъ. А собирать съ народа лишнихъ сто милліоновъ въ годъ безъ крайней надобности, въ угоду какимъ-то произвольнымъ теоретическимъ разсчетамъ военныхъ администраторовъ,—представляется для нѣмцевъ непозволительнымъ, при общемъ, далеко не блестящемъ экономическомъ состояніи страны. Не все то, что̀ требуется во имя защиты отечества, дѣйствительно нужно для интересовъ этой защиты, и нѣмецкая публика, какъ и всякая другая въ западной Европѣ, относится съ понятнымъ недовѣріемъ къ ростущимъ изъ года въ годъ и ничѣмъ не сдерживаемымъ домогательствамъ, которымъ не предвидится предѣла и конца. Лучшіе изъ спеціалистовъ военнаго дѣла сами признаютъ, что чрезмѣрное увеличеніе численности арміи достигается въ ущербъ качеству, и что отборное небольшое войско всегда можетъ справиться съ двойнымъ и тройнымъ числомъ неопытныхъ солдатъ, собранныхъ въ видѣ милиціи. Современная погоня за численностью доходитъ, очевидно, до абсурда: если бы все дѣло заключалось въ превосходствѣ числа, то заранѣе можно было бы опредѣлить, какая держава сильнѣе другой, и напримѣръ для Германіи, съ ея 50 милліонами населенія, не было бы никакого смысла соперничать въ численности арміи съ Россіею, съ ея сотнею милліоновъ жителей. Нѣмецкое общество все-таки не рѣшается еще прямо и откровенно выступить противъ милитаризма, а довольствуется частными стычками и спорами по поводу отдѣльныхъ военныхъ проектовъ, доходящихъ до разсмотрѣнія имперскаго сейма. Въ этихъ стычкахъ и спорахъ, повторяющихся съ такимъ замѣчательнымъ постоянствомъ, можно видѣть предвѣстниковъ весьма серьезныхъ явленій, способныхъ отразиться не только на общественно-политическомъ строѣ Германіи, но и на всемъ характерѣ и ходѣ международныхъ отношеній въ Европѣ.

Несравненно яснѣе и проще стоитъ вопросъ въ Италіи: тамъ происходитъ открытая борьба между приверженцами и противниками вооруженій, между политическими дѣятелями, увлеченными миражемъ внѣшней славы и успѣха, и огромнымъ большинствомъ народа, доведеннымъ до кризиса и разоренія нелѣпою политикою правительства. Въ Италіи нѣтъ тѣхъ сословно-военныхъ традицій, которыя придаютъ такую силу и крѣпость прусскому милитаризму; сама итальянская монархія создалась почти на нашихъ глазахъ, и искусственно порожденный антагонизмъ между властью и народомъ можетъ окончиться быстрѣе и печальнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. При бѣдности и даже нищетѣ массы населенія, при отсутствіи многаго, существенно необходимаго народу, правители Италіи поставили ей крайне странную цѣль—сравниться съ Германіею спеціально въ одномъ только отношеніи — въ устройствѣ и размѣрахъ военныхъ силъ, въ послѣдовательныхъ и упорныхъ вооруженіяхъ, хотя бы цѣною народнаго и государственнаго банкротства. Обзавестись всѣми принадлежностями и орудіями первоклассной военной державы, не заботясь ни объ экономическомъ состояніи народа, ни о культурномъ и умственномъ его развитіи, ни объ элементарныхъ основахъ правильнаго государственнаго хозяйства, ни о насущныхъ законодательныхъ реформахъ,—такова идея, которая лежитъ въ основѣ всей политической программы короля Гумберта и его совѣтниковъ.

Князь Бисмаркъ былъ первымъ соблазнителемъ, увлекшимъ Италію на этотъ пагубный путь ради облегченія германскихъ военныхъ задачъ относительно Франціи, въ случаѣ войны. Криспи былъ наиболѣе усерднымъ и настойчивымъ исполнителемъ этого плана, который прочно утвердился въ умахъ многихъ итальянскихъ патріотовъ, на подобіе какой-то болѣзненной idée fixe. Правительство и парламентъ заняты почти исключительно обсужденіемъ способовъ извлечь изъ обѣднѣвшаго народа новые десятки милліоновъ для удовлетворенія ненасытныхъ проектовъ и требованій военнаго вѣдомства. Криспи, бывшій когда-то однимъ изъ сподвижниковъ Гарибальди, употребляетъ на старости лѣтъ всю свою энергію и свои таланты на борьбу съ парламентомъ и народомъ во имя увеличенія арміи, не останавливаясь предъ явными признаками общаго экономическаго упадка страны.

Вся послѣдняя парламентская сессія прошла въ этихъ непонятныхъ спорахъ о затратѣ многихъ лишнихъ милліоновъ, которыхъ нѣтъ у народа. Криспи не допускалъ и мысли, чтобы расходы на вооруженія сокращены были на 20 милліоновъ, какъ это находила возможнымъ и необходимымъ парламентская коммиссія; и въ концѣ концовъ, министръ-президентъ побѣдилъ, силою своего упорства и краснорѣчія. Этотъ злой геній нынѣшней Италіи разоряетъ страну

въ полной увѣренности, что создаетъ ей великую будущность; онъ принадлежитъ къ той породѣ государственныхъ людей, которые не иначе представляютъ себѣ исторію, какъ только въ видѣ цѣлаго ряда внѣшнихъ столкновеній, подвиговъ и завоеваній. Что̀ значатъ какіе-нибудь экономическіе и финансовые кризисы, даже бѣдствія цѣлыхъ провинцій, когда дѣло идетъ о подвигахъ Александра Македонскаго?

Но, готовясь къ будущимъ фантастическимъ подвигамъ и комбинаціямъ, современные герои убѣждаются на дѣлѣ, что рискованно слишкомъ злоупотреблять терпѣніемъ и выносливостью мирнаго населенія. Одно созданіе арміи и флота, по чужимъ образцамъ, безъ самостоятельнаго развитія умственныхъ и экономическихъ силъ націи, даетъ только внѣшнее подобіе могущества, а не самое могущество. Сравнительныя силы народовъ измѣряются не количествомъ армій и пушекъ, а степенью культурнаго и умственнаго творчества, нравственной выдержки, изобрѣтательности, энергіи, твердости характера. Народъ, живущій впроголодь, пребывающій въ невѣжествѣ, разоряемый податными экзекуціями и привыкшій находить утѣшеніе единственно лишь въ винѣ, неизбѣжно вырождается и слабѣетъ; онъ не выдержитъ столкновенія съ народомъ болѣе крѣпкимъ и развитымъ и подчинится ему даже безъ борьбы. Такое именно будущее подготовляютъ своему отечеству люди, подобные Криспи.

Сессія германскаго имперскаго сейма, окончившаяся 19 (7) апрѣля, представляла особый интересъ по той горячности, съ какою консервативная партія возставала противъ правительства по поводу разныхъ вопросовъ внутренней политики. Канцлеръ Каприви долженъ былъ постоянно отвѣчать на нападки „охранителей“, большею частью аристократовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, консерваторы суть прежде всего охранители своихъ собственныхъ интересовъ, матеріальныхъ и общественныхъ, и по обыкновенію эти спеціальные корыстные разсчеты выдаются за интересы всего отечества. Консервативная партія жестоко спорила противъ проекта русско-германскаго торговаго договора и предсказывала ужасныя бѣдствія въ случаѣ его принятія. Землевладѣльцы или „аграріи“ не безъ основанія ожидали упадка хлѣбныхъ цѣнъ и уменьшенія своихъ доходовъ вслѣдствіе пониженія пошлины на русскіе землевладѣльческіе продукты. Чтобы предупредить это непріятное обстоятельство, эта парламентская группа, въ лицѣ одного изъ своихъ видныхъ представителей, графа Каница, внесла проектъ необычайно смѣлый и оригинальный,—проектъ уста-

новленія казенной торговли зерномъ, привозимымъ изъ-за границы для внутренняго потребленія. Имперскому правительству предлагалось взять на себя закупку и продажу иностраннаго хлѣба, на правахъ монополіи.

Вопросъ объ этой монополіи серьезно обсуждался въ парламентѣ, въ продолженіе двухъ дней, 13 и 14 апрѣля (нов. ст.); на эту тему произнесено было тринадцать рѣчей, въ томъ числѣ такими дѣятелями, какъ канцлеръ Каприви, фонъ-Беннигсенъ, Рихтеръ и друг. Разумѣется, проектъ былъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ голосовъ (159 противъ 46); но подробное обсужденіе его въ имперскомъ сеймѣ свидѣтельствуетъ о большомъ и безспорномъ прогрессѣ идеи „государственнаго соціализма“ въ средѣ даже консервативныхъ слоевъ нѣмецкаго общества. Еслибы можно было возлагать на правительство торговлю заграничнымъ хлѣбомъ для охраны интересовъ землевладѣльцевъ, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ государственная власть могла бы взять въ свои руки другія болѣе важныя отрасли народнаго хозяйства, въ видахъ обезпеченія интересовъ большинства рабочаго населенія. Проектъ графа Каница, вѣроятно, вызоветъ подражателей среди болѣе разумныхъ и менѣе эгоистическихъ приверженцевъ государственнаго вмѣшательства въ Германіи. Дѣло только въ томъ, что графъ Каницъ былъ заранѣе увѣренъ въ отклоненіи его проекта; а другіе реформаторы внесутъ свои проекты тогда, когда будутъ имѣть шансы достигнуть большинства въ парламентѣ. Положеніе консервативной группы графа Каница будетъ тогда не совсѣмъ ловкое; и, во всякомъ случаѣ, она лишится возможности оспаривать реформы принципіально, а должна будетъ обсуждать ихъ только съ точки зрѣнія практической цѣлесообразности. Впрочемъ, быть можетъ, консерваторы вступятъ тогда въ соглашеніе съ соціаль-демократами или сами превратятся въ соціалистовъ, чтобы сохранить остатки своихъ привилегій; — такія превращенія бывали въ исторіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1894.

— Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера. М. 1894. (Изданіе Этнографическаго Отдѣла Моск. Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи).

Въ то время, когда наша пѣсенная старина видимо забывается и падаетъ, все больше ростетъ интересъ къ ея научному изслѣдованію—между прочимъ и подъ впечатлѣніемъ этого ея паденія. Въ послѣднемъ „Литературномъ Обозрѣніи“ мы говорили о важномъ предпріятіи Географическаго Общества, предположившаго рядъ спеціальныхъ экспедицій для собиранія пѣсенъ; теперь передъ нами новый трудъ Этнографическаго Отдѣла московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, посвященный былинѣ. Это—сборникъ двоякаго рода. Во-первыхъ, здѣсь собраны по возможности всѣ записи былинъ, какія сохранились въ старыхъ рукописяхъ, начиная съ XVII вѣка, и которыя раньше были изданы Тихонравовымъ и г. Майковымъ, а отчасти появляются здѣсь въ первый разъ. Во-вторыхъ, это сборникъ былинъ, записанныхъ въ новѣйшее время, отчасти помѣщенныхъ въ разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ, отчасти также появляющихся впервые въ этомъ изданіи, въ особенности изъ сборника покойнаго С. И. Гуляева, извѣстнаго сибирскаго старожила и этнографа. Эти два собранія составили въ настоящей книгѣ два отдѣла и къ первому изъ нихъ прибавлены въ приложеніяхъ историческія и библіографическія объясненія, въ особенности статья Тихонравова, напечатанная имъ раньше какъ введеніе къ книжкѣ: „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“ (въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, 1891, и отдѣльно). Для настоящаго изданія Тихонравовъ намѣренъ былъ дополнить эту вводную статью, заключающую обозрѣніе старыхъ записей былинъ и пѣсенъ въ рукописяхъ и въ книгахъ прошлаго вѣка; но къ сожалѣнію онъ уже не успѣлъ этого сдѣлать. Въ настоящемъ изданіи онъ редактиро-

валъ почти сполна первый отдѣлъ книги: послѣ него сдѣланы лишь небольшія добавленія. Для полноты отдѣла здѣсь должна бы быть помѣщена еще одна старая былина, а именно, „Богатырское Слово", изданное Е. В. Барсовымъ; но Тихонравовъ принялъ правило печатать здѣсь старые тексты, хотя бы ранѣе изданные, только по сличеніи ихъ съ рукописями, а относительно „Богатырскаго Слова" онъ, какъ читаемъ въ предисловіи, „не имѣлъ возможности получить отъ владѣльца самую рукопись этой былины XVII вѣка для переиздаиія". Почему оказалась эта невозможность—неизвѣстно, а объясненіе было бы желательно: придирчивой критикѣ могло бы показаться здѣсь нежеланіе подвергнуть прежнее изданіе контролю.

Въ сборникѣ изъ новыхъ записей здѣсь издано до 85 былинъ съ ихъ варіантами, и изъ нихъ до 35 текстовъ, появляющихся въ печати въ первый разъ. Въ этомъ новомъ матеріалѣ, какъ и въ старыхъ записяхъ XVII—XVIII вѣка, для изслѣдователей былины найдется не мало любопытныхъ подробностей, между прочимъ указывающихъ на весьма старыя ступени развитія былины. Напримѣръ, въ одномъ текстѣ изъ числа изданныхъ Тихонравовымъ, Илья Муромецъ называется еще Муровецъ и родомъ онъ изъ города Морова или Мурова,—что совпадаетъ съ еще болѣе старыми упоминаніями объ Ильѣ, гдѣ онъ называется „Муравленинъ". Названіе его Муромцемъ, очевидно, было позднѣйшимъ, и даже не очень давнимъ мѣстнымъ пріуроченіемъ, которымъ хотѣли осмыслить забытое имя города Мурова: въ XVII столѣтіи Илья считался еще, какъ видимъ, уроженцемъ этого Мурова. Вѣроятно около этого же времени начались и опыты пріурочить его къ Мурому, потому что и Муромцемъ онъ является въ рукописяхъ съ этого времени. Впослѣдствіи, однако, онъ сталъ уроженцемъ не только муромскаго края, но именно села Карачаева, и мы читаемъ въ книгѣ (стр. 277) устное преданіе старожиловъ села Карачарова, записанное въ 1847 году: „Понынѣ жители села Карачарова съ большимъ жаромъ защищаютъ и за непреложную истину выдаютъ въ обыкновенныхъ своихъ разговорахъ, что Илья Муромецъ рожденъ въ ихъ селѣ Карачаровѣ, былъ чрезвычайно величественнаго вида и имѣлъ необыкновенную силу". И въ подтвержденіе разсказываются случаи, происходившіе именно въ селѣ Карачаровѣ, гдѣ Илья обнаруживалъ свою необычайную силу. Въ другомъ мѣстномъ преданіи, записанномъ въ дневникѣ одного странника единовѣрческаго или раскольничьяго (также лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ), имя Ильи пріурочено къ тому же Карачарову, и разсказываются факты его необычайной силы, но прозваніе его пишется опять „Моровецъ".

Въ концѣ книги помѣщено два подробныхъ указателя—предме-

товъ и именъ, встрѣчающихся въ былинахъ: они послужатъ большимъ облегченіемъ для тѣхъ, кто займется изслѣдованіемъ этихъ текстовъ; наконецъ помѣщенъ былинный напѣвъ (о Добрынѣ и Маринѣ), записанный г. Лапшинымъ въ Москвѣ.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга четвертая, изданная кн. Ѳ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ, 1893.

Въ имѣніи князя Ѳ. А. Куракина, въ сердобскомъ уѣздѣ саратовской губерніи, собранъ обширный архивъ этой фамиліи, заключающій до девятисотъ томовъ бумагъ, преимущественно XVIII и XIX вѣка. Такъ какъ многія лица этой фамиліи играли значительную историческую роль, то понятно, что архивъ долженъ былъ заключать не мало документовъ, исполненныхъ величайшаго интереса особливо для исторіи прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Нынѣшній владѣтель архива возъимѣлъ намѣреніе издать главнѣйшіе матеріалы архива, и кружокъ приглашенныхъ имъ лицъ, подъ руководствомъ г. Смольянинова (директора александровскаго саратовскаго дворянскаго пансіона и члена редакціоннаго отдѣла архивной коммиссіи), приступилъ прежде всего къ подробному описанію бумагъ Петровскаго времени и снималъ копіи съ тѣхъ документовъ, которые должны были войти въ изданіе. Эта послѣдняя работа представляла не малыя трудности относительно бумагъ князя Бориса Ивановича Куракина, извѣстнаго дѣятеля Петровскаго времени, съ которыхъ должно было начаться изданіе: князь Борисъ Ивановичъ писалъ крайне неразборчивымъ почеркомъ (образчики его показаны на снимкахъ), а кромѣ того онъ писалъ и съ немалой небрежностью въ языкѣ. Въ 1890 году изданіе бумагъ начато было въ Петербургѣ, подъ редакціею покойнаго М. И. Семевскаго; по его смерти оно продолжается на мѣстѣ, въ Саратовѣ, гдѣ изданъ вышедшій теперь четвертый томъ. Кромѣ документовъ Петровской эпохи (1682—1711 годовъ), сюда вошла еще нѣкоторая часть болѣе старыхъ столбцовъ XVII вѣка, имѣющихъ отношеніе къ дѣламъ Куракиныхъ, но главнымъ образомъ здѣсь помѣщены бумаги 1710—1711 года. Князь Б. И. Куракинъ былъ въ это время русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, и изданные теперь документы оставляютъ много важныхъ данныхъ для дипломатической исторіи того времени. Въ столбцахъ XVII вѣка есть любопытныя черты другого рода, а именно, черты стараго помѣщичьяго и крестьянскаго быта, въ которыхъ сказывается еще не мало весьма первобытной дикости, каковы, напримѣръ, открытые формальные разбои крестьянъ Куракиныхъ у мелкопомѣстныхъ сосѣдей; сопротивленіе межеванію, для чего требовалась даже вооруженная сила, и т. п. Еще особый интересъ представляютъ тѣ черты издавае-

мыхъ теперь бумагъ, гдѣ отражается первое вліяніе тѣхъ встрѣчъ съ западно-европейскимъ бытомъ и образованіемъ, какія отличаютъ Петровскую эпоху. Князь Борисъ Куракинъ (1676—1727),—крестникъ царя Ѳедора Алексѣевича и своякъ Петра Великаго, потому что Петръ и князь Борисъ женаты были на родныхъ сестрахъ, Евдокіи и Ксеніи Лопухиныхъ,—рано вступилъ въ царскую гвардію, именно въ Семеновскій полкъ, а затѣмъ посланъ былъ за границу, гдѣ обучался разнымъ наукамъ (въ Венеціи), дѣлалъ затѣмъ походы съ своимъ полкомъ, а затѣмъ служилъ на дипломатическомъ поприщѣ, русскимъ посланникомъ въ Италіи, Нидерландахъ, Англіи, Франціи, былъ представителемъ Россіи на „генеральныхъ съѣздахъ", т.-е. дипломатическихъ конференціяхъ и т. д. Такимъ образомъ, онъ сжился съ европейскими нравами, усвоилъ многое изъ европейскаго образованія, и въ его писаніяхъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, остались чрезвычайно оригинальныя отраженія этихъ новыхъ понятій на русскомъ языкѣ. Языкъ Петровскаго времени въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось выражать понятія этого новаго образованія, былъ, какъ извѣстно, очень странный, неправильный и смѣшанный: это былъ настоящій макароническій языкъ, смѣсь словъ русскихъ и иностранныхъ, совершенно безцеремонная, потому что совершенно наивная. Извѣстно, что этотъ языкъ у нашихъ новѣйшихъ противниковъ реформы сочтенъ былъ за ея лишнее преступленіе, какъ извращеніе чисто народной рѣчи; но, конечно, на дѣло можно и должно смотрѣть нѣсколько спокойнѣе. Рано или поздно русскіе должны были встрѣтиться лицомъ къ лицу съ европейской жизнью и европейскимъ образованіемъ, и долженъ былъ явиться опытъ усвоенія новыхъ понятій; а такъ какъ для этихъ понятій не было словъ въ прежнемъ языкѣ, то и явились новыя формы и выраженія. Нѣчто подобное начиналось уже во второй половинѣ XVII вѣка съ дѣятельностью южно-русской школы; но теперь европейскія вліянія оказывались въ гораздо большемъ объемѣ и русская рѣчь была, такъ сказать, захвачена въ расплохъ. Происходило знакомство съ самыми разнородными областями западно-европейской науки, быта и техническаго знанія; вдругъ назвать все это по-русски недоставало средствъ прежняго языка, и въ русскую книжную и разговорную рѣчь хлынулъ цѣлый потокъ иностранныхъ словъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, французскихъ. Иначе это и не могло быть. Съ позднѣйшей точки зрѣнія, когда этотъ процессъ такъ или иначе совершился и угловатости его сгладились, первыя проявленія его нерѣдко поражаютъ своими странностями и даже уродливостями, но въ ту минуту онѣ вѣроятно даже не замѣчались, потому что шло дѣло только о томъ, чтобы такъ или иначе выра-

зить свою мысль. Массой иностранныхъ словъ испещренъ языкъ книгъ и оффиціальныхъ документовъ Петровскаго времени, но особенно любопытно наблюдать этотъ языкъ въ частныхъ письмахъ и замѣткахъ, гдѣ рѣчь складывалась непосредственно безъ всякой заботы объ ея формѣ. Таковы письма Петра Великаго, и таковы же замѣтки и письма князя Бориса Куракина въ настоящемъ изданіи.

Вотъ, напримѣръ, одинъ эпизодъ изъ замѣтокъ Куракина о значеніи папской власти, писанныхъ въ 1707 году, любопытный и по его взгляду на вещи, и по языку. Онъ озаглавилъ эту замѣтку такъ: „Вѣданіе о папежской ауторитѣ надъ всѣми потентатами религіи католицкой“, и пишетъ (замѣтимъ, что, учившись въ Италіи, онъ привыкъ къ итальянскому языку):

„Всѣ тѣ, которые той церкви владѣтели, въ своихъ провинціяхъ имѣюще конвенты и церкви и къ нимъ надлежащія земли и деревни, брать съ нихъ никакихъ податей не могутъ безъ позволенія папежскаго.

„И тому примѣръ. Во время войны турецкой, когда была осажена Вѣна, понтификатства Innocênzo XI, in tempo del imperatore Leopôldo, и для той войны папа давалъ многія деньги къ содержанію христіанства и въ оборону отъ непріятеля какъ цесарю, такъ и королю польскому—al re Giovànni Sobieski, котораго число считаютъ нѣсколько милліоновъ, a generalno (!) говорятъ, и отъ другихъ понтификатствъ за 100 лѣтъ цесарю отсель было дано больше ста милліоновъ.

„И по сему-бъ могъ взять [1]) выразумѣть, что папѣ изъ своего церковнаго стата столько неможно дать милліоновъ денегъ“... Куракинъ объясняетъ, что эти огромныя суммы отчасти выдаются наличными деньгами, отчасти предоставленіемъ доходовъ съ монастырей и церковныхъ имуществъ, и затѣмъ продолжаетъ:

„Съ сей причины всякъ можетъ выразумѣть, что религія католицкая и та совранита папежская дѣлаетъ всѣхъ принцевъ, которые дипендируютъ, скявами [2]), (такъ) что въ своихъ властныхъ [3]) владѣніяхъ не могутъ властвовать своими подданными, а просятъ позволенія отъ викарія изъ Рима“. Не повиноваться этому нельзя, потому что у „папежа“ есть могущественное оружіе противъ неповинующихся—экскоммуникація, отлученіе отъ церкви. Эти „скомуники“ папа дѣлаетъ не только по причинамъ „спиритуальнымъ“, но и „темпоральнымъ“,—и въ примѣръ приводится, что папа положилъ отлученіе „на всѣхъ министровъ дука савойскаго за помѣшанія въ

[1]) Прочитано невѣрно, должно быть: всякъ.

[2]) По-итальянски: schiavi, т.-е. рабами.

[3]) Собственныхъ.

войнѣ противъ француза, для чего [1]) весь дворъ римскій, какъ могъ видѣть, былъ инженія французскаго".

Князь Куракинъ продолжаетъ: „И такъ каждаго отъ потентатовъ, ежели когда похочетъ скомуниковать [2]), можетъ скомуниковать, отъ которой скомуникаціи можетъ оный великую тягость понести: понеже всѣ мы знаемъ и видимъ, какъ отъ релижіозовъ закона римскаго всѣ дворы обязаны, а паче отъ езуитовъ"... „И могутъ (эти послѣдніе) всякое зло и пакость тому владѣтелю за неслушаніе къ папѣ подъ тою скомуникою учинить".

Самъ князь весьма не одобряетъ такого порядка вещей:

„Есть мое сумнѣніе. На все сіе, какъ могъ видѣть въ Римѣ, что называютъ Santo Collegio, во истину хвалю тѣхъ, которые отлучились отъ сихъ, какъ протестантовъ и прочихъ, — первое, для души въ спиритуальныхъ пунктахъ. О томъ оставляю на законоучителей пространно объявлять. А въ темпоральныхъ никому николи не совѣтую соединеннымъ быть къ сему викарію, для чего [3]) не ищутъ одного спиритуальнаго, но паче темпоральнаго для своего посесса и владѣнія интересовъ къ богатству, и къ почтенію, и къ славѣ, и вѣняючи всѣхъ владѣтелей оной церкви соединенныхъ, яко властныхъ своихъ суддитовъ [4]) и подданныхъ, надъ которыми весьма всячески проискиваютъ послушанія.

„Пространно о томъ буду писать особою книжкою во остереганіе нашего двора здѣшнихъ поползновеній и злобости" (стр. 117—119).

Такимъ образомъ у него не было въ распоряженіи словъ: вѣроисповѣданіе, духовенство, церковное государство, отлученіе отъ церкви, верховная власть, духовный и временный и т. п.; подъ однимъ словомъ онъ разумѣетъ и отлученіе, и отлученныхъ. Употребленіе иностранныхъ словъ, видимо, было не произволомъ съ его стороны или дурнымъ обычаемъ, а просто неумѣніемъ на первый разъ справиться съ иностранными терминами.

Способъ его писанія былъ вообще очень неустойчивый, и редакціи изданія не легко было справиться съ его запутанной орѳографіей. Въ предисловіи г. Смольяниновъ объясняетъ, что старался „не нарушать свойственнаго тому времени произношенія" и сохранялъ „древнія окончанія, уцѣлѣвшія въ языкѣ Петровскаго времени" (?), но вмѣстѣ съ тѣмъ заботился объ „однообразіи и правильности орѳографіи, представляющихъ главнѣйшую задачу археографа" (стр. XX—XXI). Иностранныя имена (особливо англійскія) князь Куракинъ

[1]) Потому что; для того, что...

[2]) По-итальянски: scomunicare.

[3]) Опять: потому что.

[4]) По-итальянски: sudditi, подданные.

писалъ на разные лады, напр. имя одного англійскаго государственнаго человѣка онъ пишетъ: Пультеней, Полтній, Полтиній, Пульте, наконецъ Пальто; „только дважды онъ обмолвился правильною формою,—замѣчаетъ г. Смольяниновъ,—однако именно ее мы и усвоили одинъ разъ навсегда". Но относительно пониманія задачъ археографа тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Настоящая задача состоитъ въ томъ, чтобы передать старый документъ съ полною точностью и со всѣми его, на нашъ взглядъ, неправильностями; къ свойствамъ документа принадлежатъ и особенности его языка и правописанія; подправленное изданіе не есть археографическое. Если съ другой стороны является естественное желаніе облегчить читателю чтеніе документа, то въ исправленіи „орѳографіи" издатель долженъ быть очень остороженъ, потому что, исправляя, рискуетъ уничтожить особенности языка стараго памятника: для Петровскаго времени именно характерна эта неустойчивость и языка, и правописанія, и этимъ именно объясняется та забота о правописаніи и грамматикѣ, которую принимали первые писатели послѣ-Петровской эпохи, какъ Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ. Издавая такіе памятники, какъ бумаги князя Куракина, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, подробно указать, какіе способы написанія были устранены при введеніи „однообразія орѳографіи", и если, напр., редакторъ устранилъ Пальто и вездѣ писалъ Пультеней (что по англійскому произношенію тоже неправильно), то слѣдовало по крайней мѣрѣ въ указателѣ привести всѣ формы, въ какихъ употребляется въ подлинникѣ то или другое имя.

Упоминая въ свое время о первыхъ томахъ этого изданія, мы говорили о томъ, какимъ важнымъ вкладомъ въ изученіе Петровской эпохи является предпріятіе князя Θ. А. Куракина; пожелаемъ ему дальнѣйшаго продолженія и успѣха.

— Сочиненія Петра Хельчицкаго.—I. Сѣть вѣры.—II. Реплика противъ Бискупца.— Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности орд. акад. И. В. Ягичъ. Спб. 1893 („Сборникъ" Отдѣленія, т. LV).

Трудъ покойнаго Анненкова (1849—1885) принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ и важныхъ въ ряду работъ новѣйшаго поколѣнія нашихъ славистовъ. Этотъ трудъ направленъ былъ почти исключительно на изученіе произведеній одного изъ замѣчательнѣйшихъ, быть можетъ самаго замѣчательнаго послѣ Гуса, писателей гуситской эпохи. Важнѣйшій трудъ Хельчицкаго „Сѣть вѣры" оставался, однако, до сихъ поръ неизданнымъ у самихъ чеховъ, и Анненковъ предпринялъ его изданіе въ подлинникѣ и сжатомъ русскомъ изложеніи. Повидимому, онъ имѣлъ въ виду изданіе и другихъ

сочиненій Хельчицкаго, какъ можно судить по оставшимся отъ него бумагамъ; но недостатокъ досуга, котораго не оставляло ему утомительное учительство, замедлялъ его работу и онъ умеръ, не довершивъ любимаго труда. Въ настоящей книгѣ при его жизни отпечатанъ былъ чешскій текстъ „Сѣти вѣры", и только начато печатаніе ея русскаго изложенія: г. Ягичу предстояло, докончивъ это печатаніе, прибавить изданіе „Реплики" по другому болѣе исправному тексту и снабдить книгу историческимъ введеніемъ, которое составлено было подъ его наблюденіемъ однимъ изъ его вѣнскихъ учениковъ, при участіи М. Н. Сперанскаго. Это обширное введеніе сообщаетъ немногія историческія данныя, какія сохранились о Хельчицкомъ, и обзоръ его сочиненій, какія извѣстны въ печати (старой и новой) и въ рукописяхъ.

Несмотря на большую славу имени и сочиненій Хельчицкаго, его біографія извѣстна очень мало. Онъ родился въ послѣдніе годы XIV-го вѣка и умеръ около половины XV-го. Онъ не занималъ никакого виднаго общественнаго положенія; говорили, что онъ былъ будто бы сапожникъ (какъ знаменитый впослѣдствіи Яковъ Бёме), что, впрочемъ, не доказано; онъ владѣлъ, однако, обширными богословскими знаніями, встрѣчался со многими изъ важнѣйшихъ дѣятелей гуситскаго движенія, которые навѣщали его или искали у него убѣжища въ его деревенскомъ уединеніи въ южной Чехіи, въ Хельчицахъ, отъ которыхъ онъ самъ получилъ свое прозваніе и отъ которыхъ его послѣдователи назвались „Братья Хельчицкіе". Это были начинатели знаменитой „Братской общины" или „Общины чешскихъ братьевъ", послѣднимъ представителемъ и епископомъ которыхъ былъ въ XVII вѣкѣ Амосъ Коменскій.

Отношеніе Петра Хельчицкаго къ событіямъ его времени выразилось въ слѣдующемъ. По смерти Гуса въ 1415 религіозное возбужденіе чешскаго народа все возростало; народъ волновался уже не только вопросами о существующей церкви, но уже всѣмъ вопросомъ о существѣ христіанства; одни ждали совершенія 6000 лѣтъ и наступленія тысячелѣтняго царства Христа на землѣ, когда оставлены будутъ жить одни праведники, когда не будетъ ни церкви, ни государства, ни законовъ и наказаній; другіе задавали вопросъ, нужно ли истреблять всѣхъ невѣрныхъ безбожниковъ еще до начала этого царства, можно ли браться за оружіе для защиты вѣры? Большинство рѣшало вопросъ утвердительно, и когда дѣло было перенесено на судъ ученыхъ „мистровъ" (университетскихъ богослововъ), то и сами мистры подтвердили, что поднять оружіе позволяется, но только въ томъ случаѣ, если свѣтская власть дѣйствуетъ прямо противъ божіей правды. Въ 1420 году противъ чешскихъ еретиковъ былъ

объявленъ крестовый походъ; императоръ Сигизмундъ подступилъ къ Прагѣ, и страшное пораженіе императорскихъ войскъ на Жижковой горѣ было началомъ гуситскихъ войнъ. „Среди этого боевого грома и смятенія умовъ слышимъ мы одинокій голосъ человѣка, прославившагося многочисленными разсужденіями по вопросамъ вѣры и нравственности, которыя потомъ легли въ основаніе ученія такъ-называемыхъ чешскихъ братьевъ. Это — Петръ Хельчицкій, который протестуетъ противъ всѣхъ проявленій враждебности и насильственныхъ дѣйствій, не соглашаясь даже съ мнѣніемъ университета. Вмѣсто вопроса: слѣдуетъ ли сражаться за вѣру?—онъ сдѣлалъ шагъ дальше, разсуждая: слѣдуетъ ли вообще браться за мечъ? согласна ли вообще война съ христіанскимъ закономъ? Отвѣтъ его на это былъ отрицательный".

Это рѣшеніе истекало изъ цѣлой системы взглядовъ Хельчицкаго, которую можно опредѣлить какъ возвышенный религіозный идеализмъ, мечтавшій о человѣческомъ братствѣ въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Авторъ введенія такъ опредѣляетъ цѣлое историческое значеніе Хельчицкаго. „Его интересную личность характеризуютъ главнымъ образомъ двѣ черты: 1) самостоятельныя, оригинальныя идеи философскія, особенно соціологическаго направленія, которыя ставятъ Хельчицкаго въ число самыхъ выдающихся мыслителей чешскихъ XV столѣтія; принадлежи онъ къ національности нѣмецкой, французской или англійской, онъ несомнѣнно имѣлъ бы значеніе и вліяніе въ европейской исторіи права и соціальной науки; 2) то, что ученіе его приняли, какъ свое собственное, чешскіе братья",—о которыхъ новѣйшіе историки протестантства говорятъ, что „со временъ апостольскихъ ни одно церковное общество, приближаясь такъ или иначе къ этимъ временамъ, не постигло въ такой мѣрѣ эту чистую высокую жизнь, какъ чешскіе братья". Хельчицкій, по складу своего ученія, нерѣдко близокъ съ Виклефомъ, съ Вальденсами, но онъ идетъ дальше ихъ и дальше Гуса, устраняя многія догматическія положенія послѣдняго и настаивая главнымъ образомъ на ученіи нравственномъ, на которомъ онъ строитъ не только новыя основы церкви, но и гражданскаго общества.

„По ученію Хельчицкаго,—читаемъ во введеніи,—законы мірскіе должны постепенно упразднiться. Во всякомъ случаѣ на свѣтѣ должны настать иные порядки: государство долѣе существовать не можетъ при теперешнемъ положеніи вещей. Образцомъ для новаго устройства жизни служили ему первые христіане, которые не принимали никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Жизнь этихъ христіанъ Хельчицкій изучилъ и зналъ хорошо. Этотъ образцовый строй жизни длился, по его словамъ, до времени Константина Вели-

каго, когда измѣнились отношенія церкви и государства: дарованіемъ правъ церкви Константинъ впервые внесъ въ нее порчу. Попы и духовенство сами присвоили себѣ власть, которая до тѣхъ поръ принадлежала мірянамъ. Но при всемъ томъ Хельчицкій касался пока только исправленія государственныхъ порядковъ. Государство, по его мнѣнію, есть „необходимое зло", ибо оно поддерживаетъ порядокъ и усиливаетъ христіанина въ вѣрѣ, грозя ему наказаніемъ. Наказаніе, которое налагаетъ свѣтская власть, есть только отмщеніе, ибо судья не заботится объ исправленіи преступника. Но до величайшей несправедливости доходитъ государство тогда, когда оно начинаетъ вести войну и понуждаетъ къ ней другихъ, особенно когда ведетъ оно эту войну въ интересахъ церкви. Тутъ совершаютъ преступленіе не только тѣ, которые воюютъ для распространенія церкви, но и тѣ, которые силой и насиліемъ стараются отстоять старую церковь, ибо человѣкъ имѣетъ свободную волю и не можетъ быть побуждаемъ извнѣ даже къ добру.

„Вообще государство (начиная съ короля и кончая простыми людьми) грозитъ христіанину такими несчастіями и поводами къ грѣху, что въ установленіяхъ его нѣтъ и мѣста „настоящему" христіанину. Но и отдѣльные промыслы не могутъ быть доступны истинному христіанину; напримѣръ, онъ долженъ избѣгать торговли, потому что она ведетъ къ обману. Для истиннаго христіанина годенъ болѣе всего быть сельскій и ремесленный. Противъ дворянскаго сословія возстаетъ Хельчицкій довольно часто; это потому, что дворяне ничего не дѣлаютъ. Онъ возстаетъ также вообще противъ всякаго кастоваго дѣленія общества, потому что любовь христіанская требуетъ равенства и братства"...

Хельчицкій понималъ, что осуществленіе этихъ благихъ пожеланій очень трудно: „чиновники", по его словамъ, не захотѣли бы отказаться отъ своихъ должностей, а насиліемъ нельзя къ этому принудить, потому что это запрещается божіимъ закономъ.

Съ преобразованіемъ мірской жизни должно было идти рядомъ и преобразованіе церкви. Хельчицкій рѣшительно возстаетъ противъ отшельниковъ и монаховъ, особенно ѣдко пишетъ противъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, которые, по его словамъ, грѣшатъ противъ заповѣди апостольской: „кто не трудится, не долженъ ѣсть". Многіе священники-бѣльцы также не суть истинные преемники св. апостоловъ, которые жили въ бѣдности. Они любятъ свое сословіе только ради богатыхъ доходовъ и большихъ фундацій. Еслибъ эти доходы вдругъ прекратились, немногіе остались бы священниками по убѣжденію.

„Онъ былъ также противъ безполезной учености мистровъ, кото-

рые, въ силу своей богословской тенденціи, стоятъ въ тѣсной зависимости отъ церкви: они искажаютъ законъ Божій и толкуютъ его въ свою пользу.

„Государство и церковь представляются у Хельчицкаго главнымъ образомъ императоромъ и папой: это—тѣ два кита, которые прорвали сѣть вѣры".

Введеніе оговариваетъ, что было бы ошибочно „перенести мысли Хельчицкаго на наши времена", что ихъ надо судить „съ точки зрѣнія его времени", что у него не было „демагогическихъ стремленій" и т. д.; что строй жизни, о которомъ онъ мечталъ, былъ бы возможенъ только въ обществѣ абсолютно совершенныхъ людей, что мысли его не имѣютъ реальной подкладки и не разсчитаны на примѣненіе къ дѣйствительности (стр. XXXIV—XXXV). Но введеніе замѣчаетъ, однако, что онъ не былъ простымъ мечтателемъ, что, напротивъ, его отличаетъ необыкновенная трезвость; полемика, вооруженная доказательствами, есть его сильная сторона—„мѣстами онъ представляется рѣзкимъ, саркастичнымъ, иронически настроеннымъ, не стѣсняющимся въ своихъ сравненіяхъ"; въ изложеніи онъ отличается картинностью, изобиліемъ пословицъ и поговорокъ. Введеніе утверждаетъ, что онъ оставался „членомъ католической церкви", но такъ какъ ему представлялось, что она не сохранила истиннаго ученія, то онъ желалъ возвращенія ея къ этому истинному ученію, именно ко временамъ апостольскимъ. „Истиннаго христіанства" онъ не находилъ ни въ церкви, ни въ государствѣ, и съ своими идеями не могъ пристать ни къ одной изъ тогдашнихъ религіозныхъ партій...

Это не совсѣмъ ясно. Хельчицкій не основывалъ особой секты; онъ былъ вѣрующій человѣкъ и мыслитель,—но съ своими идеями о различныхъ догматахъ, установленіяхъ, обрядахъ (римской) церкви, когда, напр., самъ папа представляется ему китомъ, прорывающимъ „сѣть вѣры",—онъ былъ несомнѣнно очень плохой католикъ съ точки зрѣнія и *его времени*, да и нашего: основа и достоинство его мыслей заключаются именно въ сознаніи противорѣчія существующихъ формъ церкви и государства съ требованіями истиннаго христіанства. Ученіе Хельчицкаго не имѣло „реальной подкладки" въ томъ смыслѣ, что было слишкомъ мало истинно вѣрующихъ людей, которые способны были бы принять его, но эта подкладка была въ томъ смыслѣ, что ученіе способно было пробуждать нравственное чувство по крайней мѣрѣ въ ограниченномъ кругу вѣрующихъ, что́ и доказывается основаніемъ Братской Общины хотя уже послѣ его смерти.

Идеалистическія стремленія къ первобытному христіанству возникали до Хельчицкаго, повторялись и послѣ него; но онъ остается однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей этихъ стрем-

леній по глубокой искренности, простотѣ и христіанско-человѣколюбивому настроенію—качества, какими не всегда отличались искатели первобытнаго христіанства, у которыхъ можно было встрѣтиться или съ крайней нетерпимостью и мистицизмомъ, или съ фантастикой, или даже съ сухимъ резонерствомъ.

Введеніе отмѣчаетъ одну параллель съ ученіями Хельчицкаго и въ современной литературѣ.

„Наиболѣе аналогичный съ Хельчицкимъ мыслитель — графъ Л. Н. Толстой. Его мысли о государствѣ, церкви, первыхъ временахъ христіанства очень похожи въ своихъ основаніяхъ на мысли Хельчицкаго о томъ же, и оба они опираются на одинъ источникъ, Библію; оба они, возставая особенно противъ формализма, указываютъ человѣку, какъ бы онъ долженъ жить, но не указываютъ, однако, будущаго распорядка общественной жизни и пути, по которому человѣчество могло бы перейти изъ стараго порядка вещей въ новый".

— Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Выпускъ I. Академія наукъ и университеты. П. Ферлюдинъ. Саратовъ, 1894.

На оборотѣ заглавія мы читаемъ, что это сочиненіе удостоено совѣтомъ казанскаго университета золотой медали, такъ что мы имѣемъ дѣло съ студенческой диссертаціей; въ такомъ качествѣ книга несомнѣнно заслуживала одобренія, но и безъ этого „Историческій обзоръ" представитъ не малый интересъ для нашихъ читателей, особливо, если будетъ докончена. Побужденіемъ къ изданію книги было для автора „отсутствіе въ русской литературѣ сочиненій, разсматривающихъ законодательство о высшемъ образованіи въ Россіи въ полномъ объемѣ". Остановившись въ первомъ выпускѣ на академіи наукъ и университетахъ, авторъ предполагаетъ посвятить второй выпускъ обзору мѣръ, относящихся до высшаго женскаго образованія, духовныхъ академій и всѣхъ остальныхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, не исключая и военныхъ: въ этомъ составѣ книга будетъ дѣйствительно восполненіемъ весьма чувствительнаго пробѣла въ нашей исторической литературѣ.

Изложеніе очень обстоятельное: кромѣ обзора оффиціальныхъ мѣръ, авторъ въ значительной мѣрѣ воспользовался существующей литературой по этому предмету. Есть, конечно, неточности и неполноты, безъ которыхъ трудно обойтись. Укажемъ, напр., въ обозрѣніи древняго русскаго образованія, что авторъ всю вину его недостаточности находитъ въ подавляющемъ вліяніи татарскаго ига (стр. III); между тѣмъ это мнѣніе весьма оспаривается новѣйшимъ историкомъ русской церкви, г. Голубинскимъ, который едва ли не основательнѣе

находитъ, что причина отсутствія школы въ древнемъ періодѣ заключалась въ общемъ складѣ древней русской жизни, а не въ татарскомъ игѣ, потому что и до татаръ школа все-таки не устроилась. Говоря о реакціонномъ движеніи двадцатыхъ годовъ, авторъ замѣчаетъ относительно харьковскаго университета, что „въ университетскихъ изданіяхъ является піитизмъ, не существовавшій въ прежнее время“ (стр. 78): рѣчь идетъ, конечно, о піэтизмѣ и сказать, что онъ проявлялся въ изданіяхъ—очень неловко. Герцогъ Ришельѣ названъ дважды „Решилье“ (стр. 136), конечно, по недосмотру, и т. д.

Въ планы автора не входила исторія разсматриваемыхъ имъ учрежденій въ связи со всѣми условіями самой жизни, среди которой онѣ дѣйствовали. Объ этихъ условіяхъ онъ говоритъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ въ болѣе подробномъ освѣщеніи съ этой стороны исторія высшихъ учебныхъ учрежденій пріобрѣла бы новый и болѣе реальный интересъ: на высшихъ заведеніяхъ особенно ярко отражались вліянія правительственныхъ взглядовъ, какъ и состояніе самого общества. Напр., то гоненіе, которому подверглись наши университеты въ двадцатыхъ годахъ, не было дѣломъ одного вѣдомства, а отраженіемъ цѣлой правительственной политики, которую эксплуатировали въ своихъ видахъ интриганы и обскуранты, какъ Магницкій и Руничъ. Исторія университетскаго устава, столько разъ передѣланнаго въ теченіе нашего столѣтія, тѣсно связана съ извѣстными теченіями правительственной политики, и параграфы уставовъ, какъ, напр., и послѣдняго устава 1884 года, получаютъ свое настоящее объясненіе только въ связи съ породившими ихъ тенденціями и съ ихъ практическими послѣдствіями въ ходѣ образованія и въ общественной нравственности.—А. В.

Въ апрѣлѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Акинфіевъ, И. Я.—Сѣверный Кавказъ. I. Ботаническое изслѣдованіе Ставропольской губ. II. Ставропольское поднятіе. Тифл. 93. Стр. 15.

——— Поѣздка въ Осетію на Ардонѣ и въ Сванетію. Тифл. 93. Стр. 34.

Андерсенъ.—Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Перев. съ датск. подлин. А. и П. Ганзенъ. Т. I. Полное собраніе сказокъ, разсказовъ и повѣстей. Вып. IV. Спб. 94. Стр. 377—513. Ц. 6 р.

——— Мать, сказка на 22-хъ языкахъ. Съ портрет. автора. Изд. П. Ганзенъ. Спб. 94. Стр. 144.

Безобразова, М. В. — Краткій обзоръ существенныхъ моментовъ исторіи философіи. М. 94. Стр. 232. Ц. 1 р. 50 к.

Беллярминовъ, проф. Л.—Очеркъ дѣятельности летучихъ окулистическихъ отрядовъ. Спб. 94. Стр. 27.

Бертенсонъ, І. В.—О врачебной тайнѣ съ точки зрѣнія требованія правосудія, администраціи и врачебной этики. Спб. 94. Стр. 36.

Блесковъ, С.—За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика. М. 94. Стр. 207. Ц. 1 р.

Боровиковскій, Мод.—Новый отечественный курортъ. Од. 94. Стр. 16. Ц. 10 к.

Боткинъ, д-ръ Я. А.—Причины и предупрежденіе помѣшательства. М. 94. Стр. 30. Ц. 30 к.

Бонтковскій, А. и бар. А. *Вольфъ*.—Краткое руководство и словарь для веденія оффиціальной переписки на французскомъ языкѣ. Спб. 94. Стр. 163.

Бржозовскій, А.—Общія учрежденія долгосрочнаго поземельнаго кредита въ юго-западномъ краѣ. Кіевъ, 94. Стр. 39. Ц. 20 к.

Брэмъ, А.—Жизнь животныхъ. Популярное изд. Полут. І, вып. 10: Собаки. Перев. съ нѣм. п. р. С. М. Переяславской. Од. 94. Ц. 25 к.

Верещагинъ, В. В. худ.—Литераторъ. Повѣсть. М. 94. Стр. 239. Ц. 1 р.

Водовозова, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ: Турки. Спб. 94. Стр. 158. Ц. 40 к.

Волкова, Е.—Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время. Историч. очеркъ (1625—1682 г.). М. 94. Стр. 144. Ц. 12 к.

Георгіевскій, П. И.—Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб. 94. Стр. 118. Ц. 50 к.

Гербель, Н. В.—Полное собраніе сочиненій Байрона, въ переводѣ русскихъ поэтовъ. 4-е изд., п. р. Д. Михайловскаго. Т. III. Спб. 94. Стр. 428.

Главолевъ, д-ръ П.—Леченіе сифилиса сакскими минеральными грязями въ Крыму. Симферопол. 92. Стр. 159.

Гоорвегъ, д-ръ І.—Медицинская электротехника и ея физическія основы. Перев. съ нѣм. д-ръ А. Самойловъ. Съ 77 рис. въ текстѣ. Спб. 94. Стр. 162. Ц. 1 р. 20 к.

Гриммъ, бр.—Сказки, изложенныя по сборнику бр. Гриммъ. Вып. 6—10. М. 93. Ц. по 20 к.

Грейденбергъ, Б. С.—Сонъ и сновидѣнія. Симферопол. 94. Стр. 24.

Каллетъ, М.—Мужество Алисы. Разск. для дѣтей. Перев. Н. И. Гончаровой. Спб. 94. Стр. 133. Ц. 30 к.

Клотовъ, А. А.—Очеркъ мукомольно-крупчатной промышленности въ Приволжьѣ въ 1892—93 гг. Тверь, 94. Стр. 162, съ таблиц. Ц. 2 р.

Кореминъ, М. С.—Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. І: Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. М. 94. Стр. 55. Ц. 50 к.

Кобеллъ, Францъ, фонъ.—Таблицы для опредѣленія минераловъ помощью простыхъ испытаній сухимъ и мокрымъ путемъ. Перев. съ нѣм. А. Лёшъ. Спб. 94. Стр. 108. Ц. 1 р.

Левитскій, В. Ф.—Предметъ, задача и методъ науки полицейскаго права. Харьк. 94. Стр. 25.

Логашевъ, П.—Нѣсколько словъ о крупномъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Экономическій этюдъ. Изд. 2-е. Спб. 94. Стр. 71.

Мензбиръ, М. А.—Птицы Россіи. Вып. 3, съ 90 рис. М. 93. Стр. 481—836. Два тома (1500 стр.), по подпискѣ, 8 руб.

Михеевъ, В. М.—Художники. Очерки и разсказы. М. 94. Стр. 297. Ц. 1 р.

Нечаевъ, А.—Пиръ. Философская поэма любви. Опытъ поэтическаго изложенія Платона. Изд. 2-е. Спб. 94. Стр. 16. Ц. 10 к.

Папковъ, А. А.—Церковныя братства. Краткій статистическій очеркъ о положеніи церковныхъ братствъ къ началу 1893 г. Спб. 93. Стр. 136. Ц. 30 к.

Пергаментъ, О.—Исторія барометра и его примѣненій. 1643—1893 г. Од. 94. Стр. 27.

Розенбергеръ, Ферд.—Очеркъ исторіи физики, съ синхронистическими таблицами по математикѣ, химіи, описательнымъ наукамъ и всеобщей исторіи. Ч. III: Исторія физики въ послѣднее столѣтіе, вып. 2. Перев. съ нѣм. п. р. И. М. Сѣченова. Спб. 94. Стр. 828.

Розенфельдъ, д-ръ Л. В.—Эпидемія холеры въ 1892 г. Житом. 94. Стр. 32. Ц. 30 к.

Слезскинскій, А.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. По неизданн. конфирмаціямъ. Новг. 94. Стр. 224. Ц. 1 р.

Смирновъ, А. П.—Мятель, разсказъ. М. 94. Стр. 32. Ц. 15 к.

——— Эпитимія, быль. М. 94. Стр. 30. Ц. 15 к.

Станюковичъ, К. М.—Въ морѣ! Повѣсть. Спб. 94. Стр. 254. Ц. 1 р.

Стасовъ, В. В.—Собраніе сочиненій. 1847—1886 г. Т. I: Художественныя статьи,—исторія художествъ и художеств. произведеній, съ приложеніемъ портрета автора и снимка съ поднесеннаго ему адреса. Т. II: Художественныя статьи—критика художественныхъ изданій и статей. Спб. 94. Стр. 882 и 768; 1050 и 484.

Субботинъ, А. П.—Волга и волгари. Путевые очерки. Т. I: Верхняя Волга. Спб. 94. Стр. 160. Ц. 1 р.

Таубе, бар. М.—Исторія зарожденія современнаго международнаго права (Средніе вѣка). Т. I. Спб. 94. Стр. 370. Ц. 2 р.

Тизенгаузенъ, бар. А. Е. — Военно-статистическое обозрѣніе Британской монархіи. Спб. 94. Стр. 394.

Туганъ, Лидія.—Миша Верминскій. Повѣсть для дѣтей. Спб. 94. Стр. 64. Ц. 25 к.

Туганъ-Барановскій, М. И.—Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь. Съ прилож. 12 діаграммъ. Спб. 94. Стр. 513. Ц. 3 р.

Фаусекъ, В.—За морскимъ горизонтомъ. Спб. 94. Стр. 82. Ц. 40 к.

Федоровичъ, проф. Л. В. — Исторія и теорія статистики. Съ XX табл. графич. изображ. Од. 94. Стр. 713. Ц. 5 р.

Фонъ-Кальденъ, д-ръ А.—Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ. Перев. и дополн. д-ръ Я. Розенблатъ. Спб. 94. Стр. 162. Ц. 1 р. 20 к.

Фудель, свящ. І. — Основы церковно-приходской жизни. М. 94. Стр. 36. Ц. 30 к.

——— Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. М. 94. Стр. 16.

Цытовичъ, П.—Опытъ раціональной пиротехніи. Руководство для изученія теоріи и практики фейерверочнаго искусства, въ 2-хъ частяхъ, съ большимъ атласомъ чертежей и историческимъ очеркомъ пиротехніи. Спб. 94. Стр 709. Ц. 5 р.

Юнкеръ, В. В.—Путешествіе по Африкѣ. Изложено Э. Ю. Петри. Съ 114 рис. въ текстѣ, 44 грав., 2 карт. и портретомъ В. В. Юнкера. Спб. 94. Стр. 824.

Ярмонкинъ, В. — Постоянная всемірная выставка въ г. Кіевѣ. Спб. 94. Стр. 35.

Яцевичъ, Ю. В.—Начальное народное образованіе въ Полтавской губерніи. Полт. 94. Стр. 123.

Ѳедоровъ, А. М.—Стихотворенія. М. 94. Стр. 154. Ц. 1 р.

— Докладная Записка Тобольской Город. Управы о продолженіи уральской жел. дороги до Тобольска. Тобольскъ, 94. Стр. 77.

— Душистая весна. Романъ изъ корейскаго быта. М. 94. Стр. 190.

— Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря: Сказки, изложенныя по сборнику бр. Гриммъ, въ 9 вып.—Повѣсти и сказки Ганса Андерсена, нов. полный перев. съ датскаго подлинника, въ 5 вып. М. 94. Цѣна выпуску 20 и 25 к.

— Костромское Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. 1893 г. Кострома, 94. Стр. 54.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. М. 94. Стр. 39.

— Международная беллетристическая Библіотека, К. Малькомеси. Т. IV: Изъ трясины на дорогу, ром. А. Михайлова. Стутгартъ, 94. Стр. 272. Ц. 2 мар.

— Моя Библіотека, № 60 и 61: Необычайныя мученія одного театральнаго директора, Э. Гофмана, перев. М. Карѣева. № 95 и 96: Поль Маргеритъ. На закатѣ. Перев. М. Ремезова Спб. 94.

— Опыты культуры сельско-хозяйственныхъ растеній на поляхъ орошенія г. Одессы. Отчетъ агрономич. лабор. новорос. университета. Од. 93. Стр. 69.

— Отчетъ о дѣятельности Комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. М. 94. Стр. 29.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи за 1892 г. Вятка, 94. Стр. 91.

— Полувѣковая дѣятельность харьковскаго Благотворительнаго Общества (1843—93 г.). Харьк. 93. Стр. 25.

— Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 94. Стр. 53. Ц. 30 к.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 92 (продолж. т. 86): Спб. 94. Стр. 569.

— Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Т. XII. Роменскій уѣздъ. Т. XV: Пиретинскій уѣздъ. Полт. 94.

— Современная наука. Вып. VI: Естествознаніе и искусство. Э. дю-Буа-Реймона. Перев. Хмѣлевой. Спб. 94. Стр. 39. Ц. 25 к.

— Списокъ населенныхъ мѣстъ Красноуфимскаго уѣзда, Перм. губерніи. Пермь, 94. Стр. 192.

— Трагедіи Шекспира для сцены и чтенія. II: Отелло, негръ венеціанскій. Перев. А. Московскаго. Съ прилож. антикритики. Спб. 94. Стр. 144. Ц. 20 к.

— Энциклопедическій Словарь. Т. XI, а: Евреиновы—Жилонъ. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 94. Стр. 467—958.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Georg Brandes. Menschen und Werke. Essays. Frankfurt am Main. 1894. Стр. 533.

Послѣ двѣнадцати лѣтъ молчанія,—какъ заявляетъ самъ Георгъ Брандесъ въ предисловіи къ своей новой книгѣ,—онъ опять выступаетъ съ сборникомъ критическихъ статей, написанныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Каковы бы ни были мнѣнія, установившіяся о критическомъ методѣ Брандеса за послѣдніе годы, его новая книга должна возбудить интересъ въ читающей публикѣ. Рѣдко появляются среди критической литературы послѣдняго времени такіе содержательные и серьезно продуманные этюды, какъ собранные въ книгѣ Брандеса очерки изъ національной датской и общеевропейской литературы. Въ нихъ очень ярко отразилась личность автора, его убѣжденія и вкусы; читая одну за другой статьи, затрогивающія самые живые образы современной литературы, мы можемъ прослѣдить всю дѣятельность Брандеса, какъ одного изъ передовыхъ представителей прогрессивнаго культурнаго движенія на своей родинѣ и какъ чуткаго критика, вносящаго въ изученіе обще-европейской литературы особый психологическій методъ объясненія художественныхъ произведеній.

Брандесъ стоитъ во главѣ просвѣтительнаго движенія въ Даніи уже около 30 лѣтъ. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ возбуждать въ литературной молодежи своей родины стремленіе къ самобытному творчеству, и подъ его вліяніемъ датская литература перестала быть слабой копіей—нѣмецкой. Взявши лозунгомъ стремленіе къ освобожденію умовъ отъ господства условности и къ индивидуальной свободѣ каждаго, Брандесъ поднялъ борьбу противъ узкаго піэтизма литературы того времени въ Даніи и явился піонеромъ свободомыслія и научнаго прогресса. Въ 1871 г. онъ началъ читать свои знаменитыя лекціи по обще-европейской литературѣ, въ которой является скорѣе адвокатомъ освободительныхъ идей, чѣмъ эстетикомъ, имѣющимъ въ виду высшіе отвлеченные идеалы. Превознося эмиграціонную литературу начала вѣка (Б. Констана и m-me де-Сталь), онъ ставилъ ея цѣльный непосредственный характеръ и искренность на-

строеній въ примѣръ отечественной литературѣ, о которой высказывалъ довольно рѣзкія и правдивыя сужденія. Вызвавъ бурю негодованія въ нѣкоторой части печати, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ привлекъ на свою сторону всѣ молодые и многообѣщающіе таланты Скандинавіи шестидесятыхъ годовъ и открылъ своимъ соотечественникамъ сокровищницу французской и англійской литературы.

Положеніе Брандеса въ національной литературѣ, какъ піонера новыхъ идей, которому приходилось прежде всего поучать и проповѣдовать, отражается на помѣщенныхъ въ „Menschen und Werke" очеркахъ о выдающихся сѣверныхъ писателяхъ. Теперь, когда скандинавская литература обратила на себя вниманіе всей Европы, книга Брандеса является очень кстати, давая матеріалъ для ознакомленія европейскихъ читателей съ историческимъ ходомъ развитія датской и родственныхъ ей литературъ. Статьи о Якобсенѣ, Эльстерѣ, Стриндбергѣ, Киландѣ, а также о представителѣ прежняго направленія въ Даніи, романтикѣ Эленшлегерѣ, носятъ совершенно своеобразный характеръ. Это не безпристрастный и холодный анализъ художественныхъ произведеній, которыя изучаются критикомъ какъ отраженіе извѣстныхъ идей и настроеній; каждое изъ разбираемыхъ произведеній срослось съ душой критика: онъ близко зналъ источники лучшихъ вдохновеній разбираемыхъ авторовъ, онъ самъ причастенъ къ возникновенію большинства ихъ работъ, и его анализъ принимаетъ нерѣдко характеръ мемуаровъ, а его оцѣнки являются горячими защитами близкихъ ему идей. Полагаться на его характеристики скандинавскихъ писателей нельзя, потому что онъ слишкомъ проникается индивидуальными особенностями и міровоззрѣніями каждаго изъ нихъ, чтобы судить о нихъ безпристрастно; но его статьи интересны главнымъ образомъ своей исторической стороной, тѣмъ, что въ нихъ отразился шагъ за шагомъ „Kulturkampf" Даніи, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Писатели, о которыхъ идетъ рѣчь въ его книгѣ,—главнымъ образомъ новаторы въ литературѣ и жизни, поборники освободительныхъ идей, и эта тенденціозность ихъ произведеній является въ глазахъ Брандеса ихъ достоинствомъ. Нужно было разбудить умы, усыпленные сантиментальнымъ піетизмомъ стараго поколѣнія. Брандесъ самъ громко призывалъ къ протесту своими лекціями, своей пропагандой идей Дж.-Ст. Милля, котораго онъ перевелъ на датскій языкъ, чтобы пріобщить своихъ соотечественниковъ къ теченію философскихъ идей въ западной Европѣ. На помощь ему пришли художники, привлекшіе искусство къ борьбѣ за истину и свободу мысли, и Брандесъ первый зорко слѣдитъ за ихъ развитіемъ и дѣлается глашатаемъ ихъ успѣха.

Исторія первыхъ шаговъ молодой датской литературы разсказана

Брандесомъ въ статьѣ о І. П. Якобсенѣ, авторѣ романовъ „Марія Груббэ“ и „Нильсъ Линнэ“. Главной заслугой этого перваго борца новой литературной эры Брандесъ считаетъ созданный имъ языкъ. Прежніе писатели разныхъ, даже враждующихъ между собой направленій (Эленшлегеръ, Андерсенъ, Киркегардъ) сходились на общей всѣмъ вѣрѣ въ чудесное и на проповѣдническомъ тонѣ; но древне-сѣверное направленіе отжило свое время, также какъ и романтическій стиль старыхъ сагъ. Киркегарду можно было подражать, но не продолжать его; проза Гейберга тоже не принесла ничего новаго. Тогда молодые писатели прежде всего занялись пересозданіемъ языка, обезцвѣченнаго слишкомъ выработанной, отлившеюся въ строгія рамки культурой. Якобсенъ—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ среди нихъ; его языкъ отражаетъ жизнь, какъ она есть. Блестящій колористъ, умѣющій тонко передавать всякіе оттѣнки настроеній, Якобсенъ создаетъ прозу современной датской литературы въ своихъ двухъ романахъ, изъ которыхъ первый, по словамъ Брандеса, представляетъ одновременно и tour de force, и произведеніе искусства. Tour de force заключался въ томъ, чтобы воскресить разговорный языкъ давно минувшей исторической эпохи, а искусство обнаруживается въ умѣніи воскресить характеры и типы того времени. Но, конечно, болѣе, чѣмъ чисто-стилистическія достоинства „Маріи Груббэ“, привлекаетъ Брандеса второй романъ Якобсена, „Нильсъ Линнэ“, исторія свободомыслящихъ людей, которые все-таки не могутъ справиться съ жизнью безъ того, чтобы не взывать отъ времени до времени къ помощи свыше. Характеристику Даніи шестидесятыхъ годовъ Брандесъ находитъ исторически невѣрной и слишкомъ отвлеченной, но зато онъ высоко ставитъ психологическую сторону романа, его искренній пессимизмъ, характеристику отношеній героя романа и окружающихъ его людей къ вопросу о религіи.

На Якобсенѣ Брандесъ останавливается особенно внимательно, какъ на одномъ изъ своихъ главныхъ сподвижниковъ; превознося его чисто литературныя достоинства и высказывая сочувствіе внутреннему настроенію его творчества, онъ создаетъ автору „Нильсъ Линнэ“ славу первоклассnаго писателя и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ говоритъ о немъ въ восторженномъ тонѣ, который ярче характеризуетъ образъ мыслей критика, чѣмъ достоинства разбираемаго имъ писателя.

Увлеченіе изучаемымъ авторомъ не оставляетъ Брандеса и тогда, когда онъ говоритъ о другомъ извѣстномъ (теперь почти знаменитомъ) скандинавскомъ писателѣ, Августѣ Стриндбергѣ. Очеркъ дѣятельности послѣдняго показываетъ, какъ далеко Брандесъ заходитъ въ своемъ психологическомъ методѣ, въ умѣніи понять и проникнуться

душевнымъ и умственнымъ міромъ всякаго писателя. Говоря о новаторской роли Стриндберга въ Швеціи, Брандесъ очень сочувственно отзывается о его литературномъ дебютѣ; среди совершенно застывшей культурной жизни Швеціи, вмѣсто прежнихъ споровъ о томъ, совмѣстимы ли съ идеей милосердія Божія вѣчныя мученія грѣшниковъ въ аду, раздался смѣлый голосъ молодого талантливаго писателя, выступившаго ярымъ защитникомъ женской эмансипаціи въ романѣ: „Das rothe Zimmer“ (1879 г.). Брандесъ говоритъ о необыкновенной научной эрудиціи Стриндберга, сравнивая его въ этомъ отношеніи съ Ибсеномъ, который довольствуется областью драмы. Признавая въ первыхъ вещахъ Стриндберга большой литературный талантъ, онъ указываетъ, какъ на одну изъ его особенностей,—на неустойчивость во взглядахъ и идеяхъ. Критикъ, понимающій талантъ Стриндберга, „понимаетъ“ и эти частыя перемѣны въ защищаемыхъ имъ тезисахъ (Стриндбергъ, какъ большинство скандинавскихъ писателей, очень тенденціозенъ въ своихъ произведеніяхъ). Онъ сочувствуетъ ему, какъ проповѣднику женской эмансипаціи, объясняетъ, какъ это первоначальное направленіе Стриндберга, отчасти подъ вліяніемъ личныхъ мотивовъ, уступило мѣсто противоположному, и опять-таки находитъ большія достоинства и полезную сторону въ нынѣшнемъ враждебномъ отношеніи Стриндберга къ женщинамъ, въ которыхъ онъ видитъ причину всѣхъ несчастій и зла на землѣ.

Статьи объ Эльстерѣ и Киландѣ характеризуютъ другія стороны прогрессивнаго движенія въ новой датской литературѣ—отраженіе иностранныхъ вліяній. Интересна въ этомъ отношеніи параллель между романомъ Эльстера и „Дворянскимъ гнѣздомъ“ Тургенева. Какъ проявилось дѣйствіе міровой литературы, въ особенности творчества Гёте, на умы новыхъ поколѣній въ Даніи,— это можно видѣть изъ статьи „Goethe in Danemark“, представляющей интересный очеркъ умственнаго движенія и развитія датскаго общества съ точки зрѣнія отношеній писателей различныхъ періодовъ къ Гёте. Авторъ отмѣчаетъ, какъ различны были мотивы поклоненія Гёте у прежнихъ корифеевъ датской литературы и у современныхъ писателей. Прежнихъ проповѣдниковъ слѣпой надежды и слѣпой вѣры увлекало спокойствіе и гармонія личности Гёте; поборники же новыхъ идей въ Даніи, выступившіе въ шестидесятыхъ годахъ, видѣли въ Гёте главнымъ образомъ протестъ противъ вѣры въ сверхъестественное и поклонялись ему какъ художнику. Отъ своихъ предшественниковъ въ національной литературѣ молодое поколѣніе слышало только слова національнаго самосознанія или христіанскаго самоотреченія и покорности,—отъ Гёте они услышали лозунгъ: „добивайся пониманія!“

Въ сборникѣ: „Menschen und Werke“, Брандесъ является не только въ роли національнаго Kulturträger'a и критика; собранныя въ книгѣ статьи отражаютъ другую характерную черту личности Брандеса—его космополитизмъ. Онъ „понимаетъ“ не только близко стоящихъ къ нему писателей своего поколѣнія и своей страны, но умѣетъ вникать въ психологію писателей, живущихъ въ совершенно иныхъ культурныхъ условіяхъ, и такъ же проникается особенностями ихъ пониманія жизни и ихъ манеры, какъ и національными чертами своихъ соотечественниковъ. Этюды о молодыхъ нѣмецкихъ писателяхъ, Гауптманѣ и Зудерманѣ, нельзя, однако, причислить къ очеркамъ иностранныхъ писателей. Брандесъ очень вѣрно характеризуетъ непосредственную связь между нынѣшней нѣмецкой литературой и скандинавской, и разсматриваетъ Гауптмана, самаго блестящаго изъ молодыхъ нѣмецкихъ авторовъ, почти какъ ученика Ибсена. Разборъ драмъ Гауптмана сдѣланъ Брандесомъ очень увлекательно и выясняетъ элементы пессимизма, характеризующаго обрисовку жизни въ произведеніяхъ нѣмецкаго писателя. Но намъ кажется, что въ Брандесѣ заговорилъ нѣкоторый шовинизмъ, когда онъ приписываетъ все внутреннее содержаніе драмъ Гауптмана вліянію сѣверныхъ писателей и обвиняетъ его въ отсутствіи идейности и самостоятельнаго философскаго міросозерцанія.

Статьи о Золà и о Гюи де-Мопасанѣ соединяютъ историческій методъ съ психологическимъ; Брандесъ выясняетъ отношеніе этихъ писателей къ философскимъ идеямъ своего времени и входитъ затѣмъ въ характеристику ихъ индивидуальныхъ особенностей, давая интересныя объясненія символизма Золà и сенсуализма Мопасана. Статьи, посвященныя русской литературѣ (Пушкинъ и Лермонтовъ, Достоевскій, Толстой) принадлежатъ несомнѣнно къ самымъ слабымъ въ книгѣ Брандеса. Критикъ задается въ нихъ, очевидно, цѣлью познакомить поверхностнымъ образомъ свою публику съ русской литературой. Онъ сообщаетъ самые общеизвѣстные факты и измѣняетъ своему умѣнью „понимать“ произведенія иностранной литературы, характеризуя Пушкина всецѣло какъ подражателя Байрона и ставя Лермонтова неизмѣримо выше его.

Интересъ новой книги Брандеса заключается главнымъ образомъ въ его очеркахъ національной датской литературы,—но зато ихъ достоинства и обезпечиваютъ автору успѣхъ среди заинтересованной скандинавскими писателями читающей публики.

II.

Jules Lemaitre. Myrrha, Vierge et Martyre. Paris, 1894. Стр. 372.

Жюль Леметръ выдѣляется среди новѣйшихъ французскихъ критиковъ субъективностью своихъ сужденій и особой манерой уподоблять критику непосредственному художественному творчеству. Если собрать разнообразныя теоретическія положенія, высказанныя Леметромъ по поводу различныхъ литературныхъ произведеній, то получится очень своеобразная и совершенно безсистемная эстетика. Философскія положенія и принципіальныя эстетическія требованія замѣняются у него критическимъ чутьемъ и вкусомъ; онъ не устанавливаетъ положительныхъ эстетическихъ критеріевъ, а передаетъ лишь впечатлѣнія, полученныя отъ того или другого произведенія. Этотъ „импрессіонизмъ", созданный Леметромъ въ французской критикѣ, придаетъ его талантливымъ, блестящимъ этюдамъ нѣкоторый лиризмъ, составляющій ихъ главное достоинство. Сужденія Леметра очень произвольны,—на его совѣсти лежитъ не мало заблужденій въ оцѣнкѣ новыхъ литературныхъ явленій; онъ склоненъ къ преувеличеннымъ похваламъ, когда его любопытство задѣто какой-нибудь новизной, даже не имѣющей серьезнаго литературнаго значенія; съ другой стороны, онъ рѣзко осуждаетъ все чуждое или не совсѣмъ понятное его чисто французскому уму, протестующему противъ всякихъ „глубокомысленныхъ мудрствованій" въ произведеніяхъ искусства.

Эта субъективность и неустойчивость въ критическихъ сужденіяхъ лишаютъ Леметра той авторитетности, на которую ему даетъ право его литературный талантъ; его оцѣнку нельзя признать прочно установленной формулой, опредѣляющей истинное значеніе для литературы того или другого произведенія. Но, съ другой стороны, привлекательность статей и книгъ Леметра заключается именно въ этой гибкости ума, свободнаго отъ всякихъ апріорныхъ сужденій и подчиненнаго лишь впечатлѣніямъ утонченнаго художественнаго вкуса. Читая этюды Леметра, мы не присутствуемъ при судбищѣ надъ произведеніемъ какого-нибудь писателя, а проникаемъ въ душевный міръ художника, воспринимающаго очень своеобразно, тонко и поэтично впечатлѣнія внѣшняго міра. Этотъ художникъ—самъ критикъ; онъ интересуетъ насъ своей психологіей, подобно поэту, отражающему свою душевную жизнь въ лирическихъ произведеніяхъ. Леметръ часто переходитъ въ своихъ произведеніяхъ границу, отдѣляющую критику отъ непосредственнаго художественнаго творчества; его критическіе этюды носятъ субъективный и нерѣдко чисто лири-

ческій характеръ; къ тому же, не въ примѣръ своимъ собратьямъ въ современной французской критикѣ, онъ отражаетъ свои настроенія и мысли не только въ анализѣ сочиненій другихъ писателей, но и самостоятельныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Авторъ критическихъ сборниковъ: „Les Contemporains“ и „Impressions de théâtre“, написалъ также нѣсколько пьесъ для театра, романъ и цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ; послѣдніе появились недавно отдѣльной книжкой, носящей заглавіе перваго разсказа: „Myrrha, Vierge et Martyre“.

Беллетристическій сборникъ Леметра по своему внутреннему настроенію является отраженіемъ новѣйшихъ вѣяній въ французской литературѣ; въ немъ замѣтна склонность къ идеализаціи смутныхъ чувствъ и порывовъ человѣческой души, вѣра въ любовь, преданность и нравственную чистоту. Но на ряду съ этимъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ, и даже въ самыхъ трогательныхъ изъ нихъ, проглядываетъ и тонкая насмѣшка скептика, который въ улыбкѣ красивой дѣвушки видитъ притворную гримасу разсчетливой кокетки, и который съ хладнокровной послѣдовательностью развиваетъ тему поэтической идилліи до тѣхъ поръ, пока она доходитъ до злого фарса. Этотъ двойственный характеръ очень знаменателенъ для манеры Леметра; въ беллетристической формѣ его послѣдняго сборника онъ сказывается гораздо яснѣе, нежели въ критическихъ очеркахъ, оставаясь, однако, тѣмъ же по существу. Разсказы Леметра основаны на изображеніи высокихъ, благородныхъ чувствъ; но въ изложеніи фабулы видно, что автора интересуютъ не благородные мотивы, руководящіе его героями, а эстетическая сторона ихъ поступковъ. Леметръ—художникъ, идеалъ котораго—красота, а не истина и добро: поступки людей кажутся ему прекрасными, насколько имъ присуще чувство мѣры, гармонія. Этотъ убѣжденный эстетикъ воспѣваетъ мученицу Мирру съ ея любовью къ Нерону, едва прикрытую христіанскимъ экстазомъ, и восторженно описываетъ ея красивую героическую смерть на аренѣ цирка. Гомеровскіе же герои съ ихъ простыми наивными добродѣтелями, постоянствомъ въ привязанностяхъ, вѣрностью отчизнѣ, завѣтамъ дружбы, вдохновляютъ его на остроумныя пародіи. Импрессіонистъ въ критикѣ, Леметръ болѣе подчиняется смѣнѣ настроеній и требованіямъ индивидуальнаго пониманія красоты въ своемъ сборникѣ разсказовъ. То чуткій къ нѣжнымъ порывамъ молодыхъ и искреннихъ чувствъ, то злобно вышучивающій мелочность и предразсудки людей, Леметръ производитъ впечатлѣніе человѣка, который путемъ размышленія дошелъ до вѣры въ людей и проникся этой вѣрой въ своихъ эстетическихъ, стремленіяхъ; но въ глубинѣ души остался холодный скептицизмъ

отсутствіе любви, и искусственный идеализмъ отдѣльныхъ разсказовъ производитъ грустное впечатлѣніе.

Изъ двухъ противоположныхъ настроеній, отразившихся въ книгѣ Лемэтра, болѣе искреннимъ и вслѣдствіе этого болѣе плодотворнымъ является отрицательное, скептическое. Оно породило нѣсколько юмористическихъ разсказовъ изъ жизни гомеровскихъ героевъ. Въ этихъ очеркахъ Лемэтръ развиваетъ на современный ладъ положенія, взятыя у Гомера. Для этого онъ не мѣняетъ типовъ Гомера, а заканчиваетъ только намѣченные греческимъ поэтомъ эпизоды. Изъ этого эксперимента нѣсколько героевъ классической эпопеи выходятъ совершенно развѣнчанными, а ихъ добродѣтели—смѣшными и пошлыми. Самый удачный изъ этихъ пересказовъ классическихъ сюжетовъ—разсказъ „Nausicaa“. Серьезнымъ тономъ эпическаго повѣствователя Лемэтръ разсказываетъ про болтливаго Одиссея, надоѣдающаго домашнимъ разсказами о своихъ приключеніяхъ и возбудившаго въ сынѣ своемъ Телемакѣ любовь къ дочери короля феаковъ, Навзикаѣ, разговорами о ея красотѣ. Телемакъ отправляется въ страну феаковъ искать руки Навзикаи и переживаетъ рядъ всевозможныхъ приключеній. Тема разсказа Лемэтра—постоянство чувствъ доблестнаго юноши. Какъ гомеровскій Одиссей оставался вѣрнымъ Пенелопѣ, такъ Телемакъ всей душой преданъ мысли о Навзикаѣ (которую онъ даже никогда не видѣлъ). По дорогѣ въ страну феаковъ ему приходится пробыть шесть лѣтъ у Полифема, 20 лѣтъ его держитъ въ плѣну Цирцея, столько же времени онъ живетъ у лотофаговъ, и все-таки, несмотря на волшебныя чары Цирцеи, на временное забвеніе, произведенное съѣденнымъ цвѣткомъ лотоса, Телемакъ вѣренъ своей юношеской любви—съ близорукимъ постоянствомъ человѣка, доводящаго добродѣтель до уродства. Онъ забываетъ, что, сохраняя молодость души, нельзя, однако, сохранить молодость тѣла, и печальный конецъ его любовной исторіи застаетъ его врасплохъ. Достигнувъ цѣли своего путешествія, онъ видитъ на берегу престарѣлую королеву страны, которую привѣтствуетъ какъ мать прекрасной Навзикаи; но она отвѣчаетъ, что она сама и есть Навзикая, и прибавляетъ: „а что я могу сдѣлать для тебя, почтенный старецъ?“ „Наскоро поправивши судно и ни разу не оглядываясь назадъ, старый Телемакъ ушелъ въ открытое море“. Этими словами заканчивается разсказъ, высмѣивающій прямолинейное, не знающее оттѣнковъ и смѣны настроеній, чувство классическаго героя. Такой же насмѣшкой надъ чуждой современному духу пассивной покорностью судьбѣ у грековъ полны пересказы преданія о Бризеидѣ, о Низисѣ и Эвріалѣ и др. Во всѣхъ этихъ разсказахъ виденъ протестъ современнаго, извѣрившагося въ цѣльныя чувства, француза противъ

классической простоты психическихъ мотивовъ. Прекрасная форма, тонкость и выдержанность юмора придаютъ большую прелесть этимъ пересказамъ старины.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ благочестивые и трогательные по замыслу разсказы Леметра. Мистическій тонъ, идеализація невинныхъ порывовъ и наивная передача еще болѣе наивныхъ чувствъ—не удаются Леметру. Его Лизита, преданная Христу дочь Ирода, восторженная Гелла, жрица Аѳина, христіанка Мирра и также романтическая героиня „современной" новеллы „Mariage blanc" —все это совершенно выдуманныя фигуры, производящія впечатлѣніе чего-то искусственнаго, намѣренно придуманнаго для того, чтобы отразить новыя настроенія въ литературѣ. Но стоитъ Леметру ввести опять скептическую ноту, и его разсказы озаряются новымъ свѣтомъ, лица оживаютъ, и языкъ пріобрѣтаетъ обычную силу. Это замѣтно въ изображеніи своеобразнаго пониманія чести у французской аристократіи (Hermengarde), въ поэтическомъ разсказѣ о соперничествѣ великана и карлика, претендующихъ на руку принцессы Мими, и объ ихъ пораженіи, когда является на сцену „prince Charmant" (Les Amoureux de la princesse Mimi).

III.

Philippe Gille. La Bataille littéraire. Cinquième série. Paris, 1894. Стр. 354.

Очерки литературнаго движенія, издаваемые Ф. Жиллемъ подъ общимъ заглавіемъ: „La Bataille littéraire", обогатились за послѣдніе мѣсяцы пятой серіей, обнимающей текущую литературу Франціи за 1889 и 1890 гг. Какъ и предъидущіе сборники, заключающіе хронику различныхъ теченій современной литературы, послѣдняя книга Жилля отмѣчаетъ всѣ болѣе или менѣе выдающіяся литературныя явленія даннаго промежутка времени. Авторъ не задается широкими задачами критика, подводящаго итоги начинаніямъ своихъ современниковъ, но его краткіе обзоры интересны какъ бюллетени, свидѣтельствующіе о господствующихъ направленіяхъ литературной жизни общества.

Изъ литературной хроники Жилля явствуетъ прежде всего, что восьмидесятые годы закончились во французской литературѣ при полномъ торжествѣ натуралистической школы: самыми выдающимися литературными событіями, отмѣченными Жиллемъ въ его книгѣ, являются: „Bête Humaine", Золя, и два-три романа Гюи де-Мопасана. Эти два писателя находятся въ апогеѣ славы въ моментъ торжественнаго празднованія „centenaire'a" французской республики, и

литературные принципы, которыхъ они придерживаются, отражаются на всѣхъ произведеніяхъ, разбираемыхъ Жилемъ. Читая книгу Жилля, трудно представить себѣ, что она относится къ періоду паденія натурализма, что въ это время народилось уже новое направленіе среди литературной молодежи и приближается моментъ открытаго столкновенія между „старымъ“ и „новымъ“. Еще нѣсколько лѣтъ—и на нашихъ глазахъ совершается метаморфоза въ основномъ принципѣ художественнаго творчества. Идеализмъ вытѣсняетъ прежнюю погоню за реальнымъ, осязательнымъ фактомъ, за „document humain“; прежніе жрецы „жизненной правды“ сами не прочь дѣлать экскурсіи въ область таинственныхъ, мистическихъ настроеній души, и авторъ „Bête Humaine“ пишетъ мистеріи, разъигрывающіяся въ одномъ изъ центровъ католическаго культа, въ Лурдѣ, куда стекаются вѣрующіе католики всей Франціи.

Когда же произошелъ этотъ переворотъ литературныхъ направленій? Въ книгѣ Жилля незамѣтно еще никакихъ признаковъ его приближенія. Нарождающіеся писатели, о которыхъ онъ говоритъ,—большей частью продолжатели натуралистическихъ тенденцій Золя и Мопасана, заходящіе еще дальше въ изученіи дѣйствительности, чѣмъ начинатели реализма,—таковы Жанъ Жюльенъ и Анри Федръ съ ихъ драмами „L'Echéance“ и „L'Honneur“. Но гдѣ же нынѣшніе такъ называемые идеалисты, пересадившіе на французскую почву теорію нравственнаго долга, Толстого, идею искупленія страданіемъ, Достоевскаго,—гдѣ поэты, создавшіе новую поэзію намековъ и символовъ? Очевидно, они не успѣли еще къ тому времени расшевелить публику, направить ея вкусъ по другому направленію; Жилль не упоминаетъ ни о Полѣ Маргеритѣ, ни о Марселѣ Прево, нынѣшнихъ корифеяхъ французскаго романа, а о поэтахъ съ новаторскими стремленіями онъ лишь вскользь говоритъ въ разборѣ надѣлавшаго въ свое время много шуму романа Кенэ де-Борепэра.

Это отношеніе къ новѣйшей эволюціи литературнаго вкуса очень характерно. Жилль — представитель средняго общественнаго мнѣнія въ литературныхъ вопросахъ: пока новая поэзія и новое направленіе въ романѣ были дѣломъ отдѣльныхъ кружковъ, онъ не старается понять значеніе и смыслъ новыхъ движеній, а совершенно игнорируетъ ихъ, какъ случайныя, преходящія явленія. Общественное мнѣніе болѣе консервативно, чѣмъ смѣлые молодые таланты, и нужно много усилій, чтобы побороть инстинктивное предубѣжденіе общества противъ всего новаго, непривычнаго. Въ 1889—1890 гг. идеализмъ въ романѣ и поэзіи находился во Франціи въ подготовительномъ періодѣ и не успѣлъ еще заинтересовать собой публику;—поэтому критика, отражающая вкусы средней читающей публики, рав-

нодушно проходитъ мимо новыхъ оригинальныхъ явленій, не подозрѣвая, что они во всякомъ случаѣ своего рода „memento mori“ для отживающихъ тенденцій въ искусствѣ. Жилль превозноситъ Золя и Мопасана не какъ заканчивающихъ свою дѣятельность писателей, успѣвшихъ уже сказать свое и теряющихъ понемногу вліяніе на современниковъ,—они по прежнему являются у него диктаторами литературнаго вкуса во Франціи.

Очеркъ Жилля, посвященный роману Золя: „La Bête Humaine“,—одинъ изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ. Онъ написанъ въ формѣ „interview“ съ авторомъ и заключаетъ между прочимъ характерныя замѣчанія Золя о томъ, насколько отразилось на немъ вліяніе русскаго романа. Золя проводитъ параллель между героемъ „Bête Humaine“ и Раскольниковымъ. „Раскольниковъ защищаетъ право на совершеніе убійства,—говоритъ Золя;—онъ рѣшаетъ, что тотъ или другой человѣкъ, напр. старая ростовщица, не имѣетъ права жить, и поэтому убиваетъ ее по убѣжденію. Напротивъ того, герой „Bête Humaine“ борется противъ влеченія, развившагося у него путемъ наслѣдственности, и всѣми силами старается побѣдить періодическія вспышки атавизма; убиваетъ же онъ подъ вліяніемъ непобѣдимаго импульса, парализирующаго всякую способность разсуждать; онъ тоже старается въ моментъ аффекта оправдать свой поступокъ теоретическими разсужденіями о томъ, что имѣетъ право на жизнь другого, если пролитіе крови есть необходимое условіе его личнаго счастья, если ударомъ ножа онъ можетъ достичь блаженства. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно похожъ на героя „Преступленія и Наказанія“. Но разница „между Раскольниковымъ и героемъ моего романа,—продолжаетъ Золя,—въ томъ, что послѣдній, когда хочетъ убить, теряетъ всякое самообладаніе при одномъ видѣ своей жертвы. Все путается у него въ мозгу: нѣтъ, онъ не убьетъ, не можетъ убить беззащитнаго человѣка. Я повторяю: путемъ разсужденія нельзя дойти до совершенія убійства,—необходимо пробужденіе инстинкта кровожадности, который заставляетъ броситься на жертву и растерзать ее подъ вліяніемъ голода или аффекта“. Эта параллель съ романомъ Достоевскаго очень интересна; Золя подчеркиваетъ отличіе своего толкованія патологическихъ явленій человѣческой натуры отъ толкованія русскаго романиста и выставляетъ себя нѣкоторымъ образомъ его продолжателемъ. Но самый фактъ вліянія Достоевскаго на автора „Ругонъ-Макаровъ“ становится отъ этого еще болѣе очевиднымъ и служитъ опроверженіемъ частыхъ увѣреній Золя о ничтожности вліянія „сѣверныхъ“ писателей на современную французскую литературу. Въ томъ же очеркѣ Жилль приводитъ мнѣніе Золя о французской академіи; Золя открыто говоритъ о своемъ стремленіи сдѣлаться

ея членомъ. „Я полагаю,—говоритъ онъ,—что всякій человѣкъ, въ особенности артистъ, долженъ стремиться получить всѣ почетныя отличія, существующія въ странѣ, и которыхъ онъ считаетъ себя достойнымъ. Я всегда былъ этого мнѣнія и убѣждалъ Додэ и Флобера поставить свою кандидатуру въ академію". Это странное честолюбіе едва ли покажется убѣдительнымъ всѣмъ, не зараженнымъ чисто французской маніей значковъ и внѣшнихъ отличій. Золя говоритъ съ большимъ удовольствіемъ объ обязательныхъ визитахъ къ академикамъ, которые всякій кандидатъ долженъ дѣлать до выбора. „Десять минутъ личнаго разговора, — говоритъ онъ, — оказывались иногда достаточными, чтобы побѣдить двадцатилѣтнюю ложь, распространяемую о моихъ работахъ". Эти слова показываютъ, какъ высоко Золя ставитъ свое личное вліяніе и какъ онъ смотритъ на значеніе и авторитетъ академіи; онъ увѣренъ, что, говоря съ высоты академическаго достоинства, онъ побѣдитъ всякую попытку протеста противъ своего направленія.

Въ романахъ Гюи де-Мопасана Жилль превозноситъ главнымъ образомъ языкъ, который дѣлаетъ романиста классическимъ писателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, совершенство стиля (которымъ Мопасанъ такъ много обязанъ школѣ Флобера)—одно изъ самыхъ прочныхъ качествъ автора „La Vie", „Boule de suif" и др. Его манера разсматривать жизнь со стороны ея болѣзненныхъ, безнадежно-грустныхъ проявленій уступаетъ другимъ, болѣе примиреннымъ съ дѣйствительностью воззрѣніямъ; его философскій индифферентизмъ тоже перестанетъ находить отликъ въ читателяхъ, воспитанныхъ на другихъ идеалахъ, но его описанія жизни, душевныхъ настроеній и внѣшней природы не перестанутъ волновать своей тревожной красотой.

Изъ второстепенныхъ писателей, о которыхъ Жилль говоритъ въ своей книгѣ, большинство принадлежитъ къ натуралистической школѣ, какъ напр. Ренэ Мезруа, Г. Тудузъ, Ж. Жюльенъ и др. Авторы же, причисляемые имъ къ романтикамъ, какъ Поль Мерисъ, Октавъ Фёллье, Борелли и др., принадлежатъ къ разряду тѣхъ романистовъ, которые всецѣло поглощены описаніемъ рамокъ жизни, ея внѣшнихъ условій, и не оживляютъ ихъ внутреннимъ пониманіемъ жизни и ея смысла.

Въ книгѣ Жилля есть также интересные разборы посмертныхъ произведеній В. Гюго и новыхъ поэмъ Анатоля Франса. Авторъ относится сочувственно къ переживаніямъ романтизма Гюго въ современной литературѣ и игнорируетъ только писателей и поэтовъ „завтрашняго дня".—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1894 г.

„Сословіе журналистовъ", какъ объектъ современнаго прожектерства.—Возможна ли и желательна ли его организація?—Отчетъ общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета.—Юбилей А. М. Скабичевскаго и рѣчь В. Д. Спасовича.—Открытіе памятника имп. Александру II въ Гельсингфорсѣ.

Вопросъ о лучшемъ обезпеченіи литературныхъ работниковъ, возбужденный, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одною изъ провинціальныхъ газетъ (бакинскимъ „Каспіемъ"), разросся, на страницахъ нѣкоторыхъ столичныхъ изданій, въ вопросъ объ организаціи „сословія журналистовъ". Въ „Русскомъ Обозрѣніи" г. Л. Тихомировъ подчеркиваетъ значительную силу „журнальнаго слоя", „освѣдомляющаго" Россію о всемъ существующемъ и происходящемъ на свѣтѣ и вліяющаго, такимъ образомъ, на формированіе общественнаго мнѣнія. „Въ интересахъ ли общества, — восклицаетъ обозрѣватель московскаго журнала, — въ интересахъ ли правительства, чтобы слой, имѣющій такую соціальную роль, былъ способенъ ее хорошо исполнять? Кажется, на такой вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. А между тѣмъ что дѣлаетъ общество, что дѣлаетъ правительство для того, чтобы журналистика *хорошо* выполняла свои задачи?" Публика только платитъ журналистамъ больше или меньше, смотря по тому, насколько они ей нравятся; правительство имѣетъ лишь приблизительную возможность пресѣкать явно вредную дѣятельность журналистики, нисколько не обезпечивая ея хорошей и полезной дѣятельности... Заботиться объ участи журналистовъ,—продолжаетъ г. Тихомировъ,—„можетъ лишь такое учрежденіе, которое бы непремѣнно представляло *всю* корпорацію; а для того, чтобы оно стало возможнымъ, необходима организація журнальнаго сословія, точное опредѣленіе принадлежности къ нему, установленіе соотвѣтственныхъ правъ и обязанностей... При устройствѣ этого сословія первымъ правиломъ должно быть, что журналистъ имѣетъ право на направленіе, какое угодно. Не сословіе, а цензура можетъ, если сочтетъ нужнымъ, пресѣкать направленія. Сословіе признаетъ всѣ направленія, закономъ терпимыя, но требуетъ *добросовѣстности, подготовки, честнаго исполненія обязанности*" (курсивъ автора). При существованіи такого сословія, правительство можетъ позволить ему, въ лицѣ его сослов-

наго управленія, „принимать *обязательныя* мѣры для обезпеченія участи журналиста, добросовѣстно исполнявшаго профессіональный долгъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ". Для этого „сословному управленію" должно быть предоставлено „право обязательнаго взысканія извѣстнаго % съ изданій и заработной платы, въ установленныхъ закономъ предѣлахъ или съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ".

Одну сторону мысли г. Тихомирова поспѣшилъ подхватить „Гражданинъ". Необходимость правительственнаго вмѣшательства въ дѣло *обезпеченія* журналистовъ газета кн. Мещерскаго отрицаетъ, но организовать „сословіе журналистовъ", на подобіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, считаетъ нужнымъ. Только этимъ путемъ можетъ быть предупрежденъ, по ея мнѣнію, огромный вредъ, наносимый печатью, въ лицѣ „ловкихъ проходимцевъ", всему государству. „Сословіе" журналистовъ, по словамъ „Гражданина", „должно нести извѣстныя обязанности по отношенію къ государству и имѣть извѣстныя права по отношенію къ своимъ членамъ. Оно должно бы и могло бы заботиться о томъ, чтобы члены его были надлежащимъ образомъ подготовлены къ исполненію обязанностей журналиста и исполняли ихъ вполнѣ добросовѣстно и честно. Оно могло бы даже требовать отъ поступающаго члена опредѣленнаго ценза (если для адвоката нужно университетское образованіе, то, казалось бы, для журналиста оно еще нужнѣе), даже экзамена". Какъ „Русское Обозрѣніе", такъ и „Гражданинъ" признаютъ вопросъ объ учрежденіи „сословія журналистовъ" настолько важнымъ, что высказываются, вслѣдъ за „Виленскимъ Вѣстникомъ", за передачу этого вопроса на обсужденіе всероссійскаго съѣзда журналистовъ. „Сѣверный Вѣстникъ" идетъ не такъ далеко: съѣздъ журналистовъ онъ признаетъ излишнимъ, организаціи „сословія журналистовъ" не предлагаетъ, но совѣтуетъ литературному фонду возбудить ходатайство объ установленіи, законодательнымъ путемъ, „налога съ объявленій, спеціально для обезпеченія увѣчныхъ, больныхъ литературныхъ работниковъ и ихъ семей, лишенныхъ средствъ. Правительство могло бы сдѣлать это и безъ ходатайства, какъ оно установило правила относительно вознагражденія увѣчныхъ рабочихъ на фабрикахъ. Для завѣдыванія кассой и назначенія пенсіи, редакціи могли бы избирать комитетъ, засѣдающій въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Операціи кассы подлежали бы ревизіи государственнаго контроля и мѣстной казенной палаты".

Организація и обезпеченіе—организація безъ обезпеченія—обезпеченіе безъ организаціи, но съ нѣкоторымъ подчиненіемъ: вотъ, слѣдовательно, три главные типа, къ которымъ сводится новѣйшій

видъ журнально-газетнаго прожектерства. Общая ихъ черта—необходимость опредѣлить, что̀ такое „журналистъ“ или „литературный работникъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только писатели, организованные или не организованные въ одно цѣлое, станутъ предметомъ правительственной регламентаціи или правительственнаго попеченія, нельзя будетъ обойтись безъ установленія признаковъ принадлежности къ ихъ средѣ, болѣе или менѣе точныхъ и ясныхъ. То, въ чемъ нѣтъ надобности для частнаго общества—напр. для литературнаго фонда,—неизбѣжно потребуется для учрежденія, черпающаго свои средства изъ *налога* и распоряжающагося ими подъ наблюденіемъ государственнаго контроля и казенной палаты. Еще болѣе настоятельной законная формулировка понятія о писательствѣ явится въ такомъ случаѣ, если будетъ создано „сословіе“ писателей или журналистовъ. Принятіе или непринятіе въ это сословіе, отъ кого бы оно ни зависѣло, нельзя же предоставить одному только „усмотрѣнію“; должны же быть указаны правила, обязательныя для принимающихъ—правила, нарушеніе которыхъ могло бы служить основаніемъ къ жалобѣ въ высшую инстанцію. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается сразу несостоятельность всѣхъ изложенныхъ нами проектовъ. Никакой аналогіи между „сословіемъ журналистовъ“ и сословіемъ, напримѣръ, присяжныхъ повѣренныхъ установить нельзя. Занятіе судебными дѣлами, насколько оно требуется какъ условіе вступленія въ присяжную адвокатуру, можетъ быть доказано совершенно точными данными—формулярнымъ спискомъ, удостовѣреніями начальства, довѣренностями, протоколами судебныхъ засѣданій, засвидѣтельствованнымъ въ журналахъ совѣта фактомъ принадлежности, въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени, къ числу помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Гораздо труднѣе, а иногда и совершенно невозможно доказать занятіе писательствомъ. Оно можетъ, во-первыхъ, быть анонимнымъ; оно можетъ, во-вторыхъ, идти рука объ руку съ другими, совершенно посторонними занятіями и даже съ принадлежностью къ другому сословію. Какъ различить, далѣе, писательство случайное отъ писательства профессіональнаго? Сколько нужно написать статей, и какой величины, и въ продолженіе какого срока, чтобы имѣть право на зачисленіе въ ряды писательскаго сословія (говоримъ: *писательскаго*, потому что нѣтъ, очевидно, никакого повода выдѣлять изъ среды писателей или литераторовъ однихъ только журналистовъ)? Сколько и какъ часто нужно писать, чтобы оставаться въ сословіи? Какъ смотрѣть на тѣхъ писателей—или журналистовъ,—которые, уже послѣ вступленія въ „сословіе“, продолжаютъ заниматься другимъ дѣломъ или другими дѣлами, удѣляя имъ гораздо болѣе времени, чѣмъ литературѣ? Считать ихъ членами „сословія“—

значило бы предоставлять имъ права и возлагать на нихъ обязанности, вовсе, быть можетъ, не соотвѣтствующія размѣрамъ и свойству ихъ литературной дѣятельности; исключать ихъ изъ „сословія“ —значило бы пускать въ ходъ мѣрила чисто-внѣшнія, произвольныя и потому, сплошь и рядомъ, несправедливыя.

Еще болѣе вреднымъ и нелѣпымъ было бы установленіе для писателей или журналистовъ вступительнаго ценза, прямо предлагаемаго „Гражданиномъ“, косвенно—„Русскимъ Обозрѣніемъ“ (припомнимъ, что въ область „требованій“, предъявляемыхъ „сословіемъ“ къ своимъ членамъ, г. Тихомировъ включаетъ *подготовку* къ журнальной дѣятельности). Вступительный цензъ, по аналогіи съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, слагался бы, по всей вѣроятности, изъ условій двоякаго рода: формальныхъ и не-формальныхъ. Формальнымъ условіемъ—кромѣ литературной опытности, о трудности опредѣленія которой мы уже говорили — была бы извѣстная степень образованія. Какого образованія? Безъ сомнѣнія—*общаго*, такъ какъ спеціальнаго образованія, подготовляющаго именно къ писательству, не существуетъ. Уже въ этомъ одномъ заключается существенная разница между адвокатомъ и писателемъ. Отъ присяжнаго повѣреннаго требуются спеціально-юридическія знанія, какъ необходимая предпосылка судебной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ гарантія для частныхъ лицъ, обращающихся къ услугамъ патентованнаго адвоката. Къ услугамъ писателя никто не обращается; никто не разсчитываетъ, въ силу присвоеннаго ему титула, найти въ немъ опредѣленныя техническія знанія; никакого диплома ему, съ этой точки зрѣнія, не нужно. Съ другой стороны, высшее образованіе *вообще* вовсе не составляетъ ручательства въ подготовкѣ къ той или другой сферѣ журнальнаго дѣла. Представимъ себѣ, что юристъ или медикъ пишетъ литературно-критическіе этюды, филологъ—политико-экономическія изслѣдованія; очевидно, что данныя для этихъ занятій они почерпнули не изъ университетскихъ лекцій. Намъ могутъ замѣтить, что высшее образованіе раздвигаетъ умственный горизонтъ *вообще*, дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ ко *всякой* умственной дѣятельности. Это безспорно; но вѣдь высшее образованіе пріобрѣтается не въ однихъ только высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. При дѣйствіи системы, предлагаемой „Гражданиномъ“ (и ему ли брать на себя роль поклонника образованія!), въ „сословіе“ журналистовъ не былъ бы допущенъ... Бѣлинскій, не былъ бы допущенъ Некрасовъ; филологу Каткову можно было бы запретить сужденія о государственныхъ вопросахъ, юристу Аксакову—сужденія о вопросахъ церковныхъ.

Не-формальное условіе для вступленія въ замкнутое сословіе—это нравственная безукоризненность (по терминологіи г. Тихомирова—

„добросовѣстность“). Предъявляемое къ будущимъ присяжнымъ повѣреннымъ, такое требованіе съ одной стороны неизбѣжно (въ виду упомянутой уже нами гарантіи, представляемой для тяжущихся, подсудимыхъ и цѣлаго общества самымъ патентомъ на званіе присяжнаго повѣреннаго), съ другой—не опасно, потому что оно предполагаетъ не наличность какихъ-либо положительныхъ *качествъ*, а только отсутствіе *фактовъ*, роняющихъ нравственное достоинство. Для совѣта присяжныхъ повѣренныхъ безразлично, какихъ мнѣній держится кандидатъ въ адвокаты, къ какой общественной группѣ онъ принадлежитъ, на чьей сторонѣ его симпатіи и антипатіи; для принятія его достаточно, чтобы въ его прошедшемъ не было безчестныхъ *поступковъ*. Учрежденіе, поставленное во главѣ „сословія журналистовъ“, не могло бы, еслибы и захотѣло, ограничиться такимъ отношеніемъ къ дѣлу. Сколько бы разъ и съ какою бы настойчивостью ни было повторено, что „журналистъ имѣетъ право на направленіе, какое угодно“, на практикѣ вопросъ о направленіи, подъ другимъ только именемъ, непремѣнно выдвинулся бы на первый планъ, господствуя надъ всѣми остальными. Доказательство этому можно найти, прежде всего, въ словахъ самого г. Тихомирова. „Сословіе,—говоритъ онъ,—признаетъ всѣ направленія, закономъ терпимыя“. Вотъ уже первое ограниченіе тезиса о „правѣ на направленіе“: категорія „направленій, не терпимыхъ закономъ“, можетъ быть расширяема по усмотрѣнію, какъ вслѣдствіе эластичности самаго термина, такъ и вслѣдствіе внутренняго противорѣчія между „терпимостью“ и нашимъ закономъ. До крайности эластичны также понятія о „*добросовѣстности*“, о „*честномъ исполненіи обязанности*“, требуемыхъ г. Тихомировымъ отъ членовъ проектируемаго имъ сословія. Нѣтъ ничего легче, какъ провозгласить „несогласный образъ мыслей“—признакомъ „недобросовѣстности“, не-шаблонное пониманіе обязанности—устраняющимъ возможность „честнаго“ ея исполненія. Припомнимъ откровенное заявленіе, сдѣланное, по аналогичному вопросу, товарищемъ г. Тихомирова по оружію, г. Spectator'омъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ [1]). Обусловливая „великое право говорить публично“ четырьмя качествами: умомъ, образованіемъ, дѣловитостью и *добросовѣстностью*, онъ рѣшительно отказывается признать, чтобы „либералы“ могли обладать всѣми этими качествами: они либо недобросовѣстны, либо умственно ограничены. „Наивными или безчестными“, съ точки зрѣнія г. Spectator'а, оказываются и „остальные люди вреднаго политическаго направленія, всегда являющагося слѣдствіемъ либо скудоумія, либо шарлатанства“. Вотъ къ

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 12 „Вѣсти. Европы“ за 1893 г.

какимъ заключеніямъ приводитъ реакціонная логика, оперируя съ понятіями добросовѣстности и честности!.. Когда вопросъ объ обезпеченіи литераторовъ не былъ еще усложненъ вопросомъ о созданіи литературнаго „сословія", „Московскія Вѣдомости" возстали противъ „эмеритуры", которою воспользовались бы „сѣятели на русской почвѣ плевелъ лже-либерализма и иныхъ *измовъ*, со включеніемъ *мошенниковъ пера и разбойниковъ печати*". Г. Тихомировъ старается успокоить единомышленную ему газету, обращая ея вниманіе на то, что всего больше шансовъ успѣха „мошенники пера и разбойники печати" имѣютъ именно при отсутствіи „правильной организаціи". Еслибы правительство и сами журналисты,—замѣчаетъ г. Тихомировъ,—„сдѣлали все что̀ возможно для упорядоченія самаго сословія журналистовъ, это обратилось бы на пользу не разбойникамъ пера и мошенникамъ печати, а совершенно наоборотъ—противъ нихъ". Это замѣчаніе г. Тихомирова очень драгоцѣнно. Кого именно Катковъ, первый пустившій въ ходъ словечко о „мошенникахъ пера и разбойникахъ печати", разумѣлъ подъ этимъ прозвищемъ, къ кому примѣняютъ его послѣдователи и продолжатели Каткова—это слишкомъ хорошо извѣстно. Оно обнимаетъ собою не торговцевъ печатнымъ словомъ, не шантажистовъ, не спекуляторовъ на низменные вкусы толпы, а приверженцевъ такъ называемаго „лже-либерализма" и другихъ аналогичныхъ „измовъ", сторонниковъ такъ называемыхъ „вредныхъ политическихъ направленій". Выгоняя преслѣдованіе направленій въ одну дверь, г. Тихомировъ широко раскрываетъ передъ нимъ другую—и это не можетъ быть иначе, пока печать стоитъ внѣ закона, пока надъ значительною ея частью тяготѣетъ подозрѣніе въ „неблагонамѣренности" или „неблагонадежности".

„Сословіе журналистовъ", однажды организованное, не ограничилось бы, конечно, удостовѣреніемъ въ „добросовѣстности" и „честности" кандидатовъ на званіе журналиста. Сословному управленію было бы, по всей вѣроятности, поручено неослабное наблюденіе за наличностью этихъ качествъ у дѣйствующихъ, воинствующихъ журналистовъ и примѣненіе къ нимъ, le cas échéant, соотвѣтственныхъ взысканій. Подобно совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, оно было бы облечено правомъ дѣлать предостереженія и выговоры, налагать временное или постоянное запрещеніе—не на статью, книгу или періодическое изданіе, какъ это дѣлается теперь, а на *писателя*. Между тѣмъ, писательская дѣятельность и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ адвокатской. Адвокатъ *совершаетъ дѣйствія*, которыя не трудно привести въ ясность и затѣмъ оцѣнить, съ точки зрѣнія профессіональныхъ требованій и традицій. Журналистъ *высказываетъ мнѣнія*, которыя не всегда могутъ быть отнесены къ настоящему

ихъ источнику (статьи псевдонимныя и анонимныя) и крайне рѣдко поддаются объективной оцѣнкѣ, исходящей изъ всѣмъ извѣстныхъ и общепринятыхъ основаній. Въ иныхъ случаяхъ, правда, предметомъ преслѣдованія могло бы служить *дѣйствіе* журналиста—напр., напечатаніе, за деньги, завѣдомо-лживой и хитро-замаскированной рекламы [1]); но не такими дѣлами занималось бы, главнымъ образомъ, управленіе „сословіемъ журналистовъ", учрежденное въ наше время, при нынѣшнихъ условіяхъ. Предметомъ его усилій сдѣлалось бы, безъ сомнѣнія, „очищеніе" сословія отъ „вредныхъ элементовъ", какъ необходимое дополненіе къ предохранительнымъ мѣрамъ, ограничивающимъ *доступъ* въ сословіе. Составъ сословнаго управленія неизбѣжно былъ бы окрашенъ въ извѣстную краску, уже потому, что къ нему, безъ сомнѣнія, былъ бы примѣненъ все болѣе и болѣе распространяющійся у насъ принципъ административнаго утвержденія (а можетъ быть и назначенія). Сословію, въ рядахъ котораго заранѣе предполагается присутствіе „разбойниковъ" и „мошенниковъ", выборное право не было бы предоставлено вовсе или было бы предоставлено съ весьма крупными ограниченіями.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что организація, въ настоящее время, „сословія журналистовъ" или литераторовъ могла бы только ухудшить, и ухудшить весьма существенно, безъ того уже печальное положеніе пишущей братіи. Суду чести, въ дѣлахъ литературныхъ, мы придаемъ очень большое значеніе и желаемъ широкаго распространенія его сферы дѣйствій, но только съ тѣмъ, чтобы учрежденіе его зависѣло исключительно отъ доброй воли сторонъ, и чтобы въ составъ его входили только лица, свободно ими выбранныя. Быть можетъ, настанетъ такой моментъ, когда судъ чести войдетъ въ наши литературные нравы, какъ нѣчто необходимое и нравственно-обязательное; самъ собою, быть можетъ, образуется такой литературный центръ, которому всеобщее довѣріе предоставитъ выборъ судей, если не состоится на этотъ счетъ соглашенія между сторонами — но покамѣстъ нельзя еще и думать ни о чемъ подобномъ. Ни на чемъ другомъ, кромѣ доброй воли и непринужденнаго согласія, не можетъ быть основано теперь и обезпеченіе престарѣлыхъ и больныхъ писателей. Ни о какихъ *налогахъ*, направленныхъ къ этой цѣли, просить не слѣдуетъ, потому что отъ власти, установляющей и взыскивающей налогъ, неминуемо зависѣло бы, въ большей или меньшей степени, и распредѣленіе взысканныхъ

[1]) Мы не говоримъ о шантажѣ, контрафакціи, клеветѣ и т. п., потому что все это—уголовныя правонарушенія, подлежащія судебному преслѣдованію.

денегъ [1]). Созваніе съѣзда журналистовъ или литераторовъ мы считаемъ какъ нельзя болѣе желательнымъ, но думаемъ, что ему слѣдовало бы самому пріискать способы устройства эмеритурной или пенсіонной кассы, не прибѣгая къ помощи правительства. Ходатайства, которыхъ мы отъ него ожидали бы, должны были бы имѣть предметомъ не положеніе *литераторовъ*, а положеніе *литературы*.

Всѣмъ извѣстно, какъ велика бѣдность многихъ нашихъ студентовъ, сплошь и рядомъ не только затрудняющихся взносомъ платы за слушаніе лекцій, но и терпящихъ нужду въ самомъ необходимомъ, такъ что существенною помощью является для нихъ даже весьма небольшая ссуда. Изъ 10.441 руб., розданныхъ въ ссуду, въ 1893 г., комитетомъ общества вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета, 94% составляютъ ссуды въ *пять* рублей; только въ рѣдкихъ случаяхъ выдаются ссуды въ 6, 10, 15, 25 и 50 руб., а иногда—и въ 3 рубля. Правда, число лицъ, получившихъ ссуды, не превышаетъ 520, такъ что на каждое изъ нихъ приходится, въ среднемъ, около 20 рублей въ годъ; но вѣдь и эта послѣдняя сумма очень незначительна — а между тѣмъ просьбъ о ссудахъ поступаетъ такъ много, что часто приходится въ нихъ отказывать, за недостаткомъ средствъ. Для уплаты за слушаніе лекцій комитетомъ выдано въ 1893 г. 6.685 рублей, при чемъ и здѣсь, по той же причинѣ, приходилось нѣкоторыя просьбы отклонять, а многія другія удовлетворять далеко не вполнѣ, внося за просителя, въ среднемъ, лишь около четвертой части слѣдующей съ него суммы. Бюджетъ общества крайне скромный: всѣ поступленія его въ 1893 г. не превышали $22^1/_2$ тыс. рублей, слагаясь преимущественно изъ пожертвованій и случайныхъ поступленій (7.887 руб.), процентовъ на капиталы общества (2.634 рубля), членскихъ взносовъ (3.535 руб.) и возврата ссудъ (7.949 руб.). Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя сумма. Съ основанія общества (въ 1873 г.) по 1-ое января 1894 г. выдано въ ссуду всего 265.229 рублей; изъ нихъ остается въ долгу почти 174 тыс. рублей. Конечно, нѣкоторые должники умерли, ничего послѣ себя не оставивъ; другіе находятся въ бѣдственномъ или стѣсненномъ положеніи; третьи, недавно вышедшіе

---

[1]) Не случайно, безъ сомнѣнія, въ статьѣ г. Тихомирова говорится объ обезпеченіи участи журналиста, „*добросовѣстно* исполнявшаго свой профессіональный долгъ“. Зная, что понимаютъ единомышленники г. Тихомирова подъ именемъ добросовѣстности, мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что пенсіи и пособія, раздаваемыя „сословнымъ управленіемъ“, обратились бы въ привилегію, доступную далеко не для всѣхъ.

изъ университета, еще не успѣли собраться съ средствами, чтобы начать уплату. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что весьма многіе должники могли бы разсчитаться съ обществомъ, вполнѣ или отчасти, и не дѣлаютъ этого или по небрежности и забывчивости, или по недостаточному пониманію обязанности, на нихъ лежащей. Поразительныя доказательства этому можно найти въ послѣднемъ отчетѣ коммиссіи, избранной для изысканія мѣръ къ болѣе успѣшному возврату долговъ обществу. Въ спискѣ неисправныхъ должниковъ, ею составленномъ, числится 2.747 лицъ, получившихъ ссуды съ 1873 по 1891 г. О многихъ изъ нихъ коммиссія не имѣетъ точныхъ свѣденій и можетъ дѣйствовать на нихъ только путемъ газетныхъ и журнальныхъ объявленій; съ другими она входитъ въ письменныя сношенія, и только въ случаѣ полнѣйшей безнадежности этого средства предъявляетъ къ нимъ требованія въ порядкѣ судебномъ. Такихъ исковъ, до 1-го января 1894 г., было начато 57, на сумму 4.413 рублей. Всѣ лица, къ которымъ предъявлены иски, имѣютъ, повидимому, болѣе или менѣе обезпеченное матеріальное положеніе; между ними встрѣчаются доктора, адвокаты, мировые судьи, судебные слѣдователи, податные инспектора, чиновники акцизнаго и таможеннаго вѣдомствъ, инспектора и преподаватели гимназій, одинъ преподаватель университета, одинъ священникъ, два секретаря редакцій повременныхъ столичныхъ изданій, чиновники министерствъ и высшихъ правительственныхъ учрежденій. Въ процессахъ, такимъ образомъ возникшихъ, часто встрѣчаются эпизоды весьма некрасиваго свойства. Одинъ изъ должниковъ служитъ секретаремъ редакціи одного столичнаго журнала. Послѣ обычныхъ четырехъ напоминаній, оставшихся безъ отвѣта, пришлось предъявить къ нему судебный искъ, получить исполнительный листъ и обратить взысканіе на жалованье должника, получаемое изъ редакціи; но редакторъ, не отвергая службы у него должника, отвѣтилъ судебному приставу, что будто бы должникъ никакого жалованья отъ него не получаетъ. Коммиссія лишена была возможности провѣрить этотъ маловѣроятный фактъ; но если отзывъ редактора правиленъ, то тѣмъ менѣе понятнымъ является упорство должника, такъ какъ очевидно, что, работая даромъ для редакціи, онъ имѣетъ такъ называемыя личныя средства къ жизни и, слѣдовательно, могъ бы заплатить незначительный долгъ. Другой должникъ, г. К., служитъ въ одномъ изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, получаетъ содержанія до 3.000 руб. и долженъ 220 руб. При личномъ объясненіи съ повѣреннымъ общества онъ изъявилъ готовность платить по 10 руб. въ мѣсяцъ, но обѣщанія своего не исполнилъ. Когда къ нему былъ предъявленъ судебный искъ, онъ исходатайствовалъ

у мирового судьи разсрочку платежа по 10 руб. въ мѣсяцъ, но съ мая до октября ни одного платежа отъ него не поступило. Тогда повѣренный получилъ исполнительный листъ и передалъ судебному приставу, для обращенія взысканія на жалованье должника. Тутъ только обнаружилось, что г. К. вносилъ въ уплату долга ежемѣсячно по 10 руб. въ губернское казначейство и депозиты мирового судьи, но при этомъ не только не счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ комитетъ, но даже не предъявлялъ судьѣ квитанцій во взносѣ этихъ денегъ. Профессоръ университета (медикъ) отвѣчаетъ предсѣдателю коммиссіи, на его напоминаніе о долгѣ обществу, слѣдующимъ письмомъ: „посылаю вамъ 10 руб. въ счетъ моего долга обществу и покорнѣйше прошу освободить меня отъ вашихъ дерзкихъ писемъ [1]). Они неприличны: такъ не пишутъ въ порядочномъ обществѣ профессорамъ. Я самъ знаю кому я долженъ, когда мнѣ есть возможность платить долги. Возможность эта часто бываетъ невозможною, такъ какъ я имѣю пять человѣкъ дѣтей, а жалованья получаю только двѣ тысячи. Кстати, посылаю вамъ росписку отъ прочитанной мною лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ, изъ которой вы увидите, что я давно расплатился съ русскимъ обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ“ (приложенная росписка удостовѣряла, что профессоръ прочиталъ *идн-то* лекцію въ пользу неимущихъ студентовъ). *Четыре* должника общества противопоставили его искамъ возраженіе о давности, прикрываясь формальностью именно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ о ней не должно быть и рѣчи. Оглашая столь прискорбные факты, коммиссія считаетъ нужнымъ оговориться: она проситъ всѣхъ тѣхъ, кому попадется въ руки ея отчетъ, воздержаться отъ обобщенія излагаемыхъ въ немъ явленій и не ставить ихъ въ пассивъ всей нашей университетской интеллигенціи. „Явленія эти, — говоритъ коммиссія,—представляютъ собою ничтожное исключеніе. Достаточно вспомнить, что изъ 8.000 рублей, полученныхъ въ возвратъ ссуды въ 1893 г., лишь 540 руб., т.-е. едва 7%, взысканы судебнымъ порядкомъ, а остальные 93 % уплачены добровольно“. Исключеніемъ можно признать, дѣйствительно, грубые отвѣты, кляузническіе споры, неделикатные пріемы—но далеко не исключителенъ, къ сожалѣнію, самый фактъ невозвращенія ссудъ. Конечно, мы и не думаемъ „ставить его въ пассивъ всей университетской интеллигенціи“; мы не можемъ только не видѣть въ немъ указанія на то, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ слабо еще развито сознаніе одной изъ важнѣйшихъ его обязанностей—обязанности помогать ищущимъ образованія, ищущимъ его несмотря на всѣ пре-

[1]) „Дерзость“ и „неприличіе“ заключались въ томъ, что въ заголовкѣ напоминанія (печатнаго) стояли слова: „Господину“ (такому-то)!

грады, среди самой неблагопріятной обстановки. Прежде всего и больше всего эта обязанность лежитъ, конечно, на тѣхъ, которые сами воспользовались, въ свои учебные годы, поддержкой учрежденій, созданныхъ общественною иниціативой. Они не въ правѣ забывать, что фондъ, должниками котораго они состоятъ, принадлежитъ, собственно говоря, всей учащейся молодежи, нынѣшніе представители которой не должны страдать отъ „беззаботности" своихъ предшественниковъ. Оправдать неисправность въ уплатѣ *такого* долга можетъ только совершенное отсутствіе средствъ, тѣмъ болѣе, что цифра каждаго отдѣльнаго долга вообще невелика, и общество охотно допускаетъ разсрочку, на условіяхъ какъ нельзя болѣе льготныхъ для должника.

24-го минувшаго марта чествовалось въ Петербургѣ тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. М. Скабичевскаго, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ критиковъ, „честно и безпорочно" трудившагося и трудящагося надъ оцѣнкой прошедшаго и настоящаго нашей литературы. Между рѣчами, произнесенными на юбилейномъ празднествѣ, особенно выдалась рѣчь В. Д. Спасовича, напечатанная цѣликомъ въ № 87 „Новостей". Ораторъ, съ своимъ обычнымъ талантомъ, широко раздвинулъ рамки картины и съ характеристикой юбиляра соединилъ характеристику двухъ эпохъ, раздѣленныхъ между собою тридцатилѣтнимъ промежуткомъ времени. „Было общество волнующееся,—такъ говоритъ онъ о концѣ пятидесятыхъ годовъ,—волнующееся, какъ взбаламученное море, движимое однимъ чувствомъ; при этомъ движеніи группировались партіи, каждая единица пристала къ подобнымъ ей другимъ; группируясь, онѣ получали выправку; общее дѣло совершено, послѣ чего наступило разобщеніе, дробленіе группъ на меньшія и меньшія части. Оно и не могло быть иначе. Малая доля идеаловъ осуществлена, а вообще идеалы бываютъ искажаемы людьми и испошляемы. Демократизмъ противѣетъ, когда онъ состоитъ въ низкопоклонничествѣ толпѣ и усвоеніи самыхъ грубыхъ ея привычекъ. Народничество не сокрушается уже неправдами, лежащими на совѣсти народной, а превращается въ съѣданіе однихъ народовъ другими. Коллективизмъ сталъ государственнымъ соціализмомъ, который у насъ опаснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было". По поводу этого ретроспективнаго обзора мы должны сдѣлать два замѣчанія. Едва ли можно утверждать, что „группировка" литературныхъ партій началась на нашей почвѣ только во время движенія второй половины пятидесятыхъ годовъ и только благодаря ему. In statu nascenti—партіи существовали у насъ гораздо раньше; ясно обнаружились онѣ уже въ сороковыхъ годахъ.

Контрастъ между славянофильствомъ и западничествомъ обрисовался съ достаточною опредѣленностью еще при жизни Бѣлинскаго, во время борьбы „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“ съ „Москвитяниномъ“ и „Московскимъ Сборникомъ“; въ средѣ самого западничества тогда же возникалъ разладъ, выразившійся, между прочимъ, въ извѣстномъ спорѣ Герцена съ Грановскимъ. Одинаково придавленные реакціей, различные оттѣнки независимаго общественнаго мнѣнія нѣсколько лѣтъ сряду таились въ молчаніи и мракѣ, но выступили на свѣтъ вслѣдъ за наступленіемъ новой эпохи. „Русскій Вѣстникъ“, органъ умѣренныхъ либераловъ, и „Русская Бесѣда“, органъ славянофиловъ, основаны въ одно и то же время, въ 1856 г.; въ этомъ же году „Современникъ“ занялъ позицію на крайнемъ лѣвомъ флангѣ прогрессивнаго лагеря. Правда, общей чертой и соединительной нитью всѣхъ этихъ направленій было сочувствіе къ крестьянской реформѣ; но разногласія, а затѣмъ и столкновенія начались гораздо ранѣе 19-го февраля, достигнувъ, въ 1861 — 65 г., только своего апогея. Освобожденіемъ крестьянъ „разобщеніе“ и „дробленіе“ группъ было ускорено, но не вызвано. Второе замѣчаніе наше заключается въ томъ, что нѣсколькими короткими опредѣленіями ораторъ старается обнять слишкомъ много событій, слишкомъ отдаленныхъ другъ отъ друга и слишкомъ мало связанныхъ между собою. Читая рѣчь В. Д. Спасовича, можно подумать, что народничество и государственный соціализмъ—ближайшія порожденія разочарованій, пережитыхъ русскимъ обществомъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, тогда какъ между тѣмъ и другимъ лежатъ цѣлыя десятилѣтія. Сжатость выраженій приводитъ, дальше, къ нѣкоторой сбивчивости понятій. Низкопоклонничествомъ передъ толпой русскій демократизмъ никогда не грѣшилъ; онъ даже не идеализировалъ ея, чаще навлекая на себя упрекъ въ пренебреженіи къ ея традиціямъ и взглядамъ, чѣмъ въ возведеніи ихъ въ перлъ созданія. „Съѣданіемъ“ чужеземцевъ занималось и занимается не народничество, а выродившееся и выдохшееся славянофильство. Объ „искаженіи“ и „испошленіи“ идеаловъ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что осуществлена была, какъ замѣчаетъ и самъ ораторъ, малая, весьма малая ихъ доля. Испошлились, быть можетъ, нѣкоторые изъ числа тогдашнихъ искателей идеаловъ, но самые идеалы остались неприкосновенными. „Прежніе идеалы не годятся, надо искать новыхъ“,—говоритъ В. Д. Спасовичъ. Да, надо искать новыхъ идеаловъ—но не въ *замѣнъ* прежнихъ, между которыми много вѣчныхъ и неизмѣнныхъ, а въ *дополненіе* къ нимъ. Еще вѣрнѣе, быть можетъ, было бы сказать, что предметомъ поисковъ должны быть не столько новые идеалы, сколько

новые способы пониманія идеаловъ и новые пути къ ихъ осуществленію.

„Безъидейныхъ произведеній искусства быть не можетъ,—восклицаетъ В. Д. Спасовичъ, переходя отъ прошедшаго къ настоящему;—поэтично только то, что̀ въ высокой степени человѣчно. Но этого человѣчнаго искать можно повсюду, не стѣсняясь никакими вопросами дня — и на нетронутой почвѣ, и въ старыхъ, заброшенныхъ шахтахъ. При всякомъ движеніи впередъ человѣчества раздавливается многое еще не совсѣмъ отжившее, еще жизнеспособное, къ чему можно и слѣдуетъ возвращаться. Въ этихъ поискахъ новыхъ идеаловъ слѣдуетъ подражать партіямъ золотоискателей, которые не идутъ кучами, но разсыпаются по огромному пространству, каждый искатель по иному направленію. Брать найденный самородокъ новаго идеала можно гдѣ угодно, но необходимо искренно его прочувствовать и воплотить въ такой красивой, одному высокому искусству свойственной, формѣ, которая одна только способна воодушевлять людей... Мы переживаемъ теперь сумерки нашего сѣвернаго лѣтняго дня, отдѣляющія отживаніе прежнихъ идеаловъ и нарожденіе новыхъ. Свѣта въ эти сумерки не внесемъ мы; его внести, вообще, не въ состояніи критика, наше дѣло стоять при прежнемъ и выжидать. Свѣтъ внесетъ только появленіе великой поэзіи; она всѣхъ оживитъ, одушевитъ и взволнуетъ. Я себѣ и вамъ желаю, чтобы мы дожили до этого дня и могли сказать, отходя, подобно Симеону: нынѣ отпущаеши! Заканчиваю мою рѣчь словами латинской церковной пѣсни: Veni creator spiritus!“ Въ этой части своей рѣчи ораторъ самъ является поэтомъ—и, можетъ быть, именно потому преувеличиваетъ значеніе поэзіи. Оно громадно и высоко, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы только въ художественной формѣ могла выразиться великая мысль, чтобы только поэзія могла внести въ міръ новый свѣтъ, чтобы тотъ творческій духъ, тотъ creator spiritus, на приходъ котораго мы надѣемся вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, долженъ былъ непремѣнно быть духомъ поэтическаго или художественнаго творчества. Противъ оратора, въ данномъ случаѣ, исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Не Эсхиломъ и Софокломъ пущены были въ оборотъ тѣ идеи, которыми жила Греція V-го вѣка; не Виргилію и Горацію былъ обязанъ Римъ лучшей эпохой своей исторіи, окончившейся гораздо раньше ихъ рожденія; Шекспиръ былъ не предшественникомъ ренессанса и реформаціи, а отчасти ихъ произведеніемъ. Самъ В. Д. Спасовичъ затруднился бы, вѣроятно, назвать тѣхъ поэтовъ и художниковъ, творческою мыслью которыхъ было вызвано освободительное движеніе прошлаго вѣка... Идеалы создавались до сихъ поръ религіей, философіей, наукой, въ ихъ взаимно-

дѣйствіи съ государственною и общественною жизнью; поэзіи и вообще искусству часто принадлежала крупная роль въ этой работѣ, крайне рѣдко—ея иниціатива. Появленіе Пушкина и Лермонтова, Мицкевича и Словацкаго составило эпоху въ русской и польской литературѣ, но не въ русской и польской народной жизни. Приближеніе къ идеалу можетъ наступить и безъ появленія великаго поэта—и наоборотъ, можетъ не наступить, несмотря на его появленіе...

17-го апрѣля, въ годовщину рожденія имп. Александра II, въ Гельсингфорсѣ, столицѣ Финляндіи, совершилось торжественное открытіе памятника покойному императору и великому князю Финляндіи —отъ финскаго народа. За позднимъ временемъ, мы можемъ пока привести только слова Высочайшаго рескрипта, чтеніемъ котораго открылось это торжество, особенно симпатичное и нашему народу, для котораго императоръ Александръ II—говоря словами рескрипта—былъ также Государемъ и Благодѣтелемъ:

„Представители финскаго народа!

„Нынѣ вы здѣсь собраны для открытія памятника въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II.

„Мнѣ отрадно выразить вамъ искреннюю благодарность за вашъ починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ,—отрадно видѣть чувства благоговѣйной преданности финскаго народа къ блаженной памяти Родителю Моему, вашему въ Бозѣ почившему Государю и Благодѣтелю.

„Да сохранятся эти чувства и да будутъ они на вѣки залогомъ вѣрноподданнической преданности и любви финскаго народа къ своимъ Государямъ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Спб. Комитета Грамотности.

С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности, состоящій при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, преслѣдуя цѣли распространенія грамотности и полезныхъ знаній въ средѣ сельскаго населенія, въ засѣданіи 14-го декабря 1893 года, выслушавъ заявленіе 55 своихъ членовъ, постановилъ открыть подписку на учрежденіе, при посредствѣ земствъ, 100 безплатныхъ народныхъ читаленъ или библіотекъ, всего на сумму 25.000 рублей, возложивъ исполненіе этого постановленія на Совѣтъ Комитета. Для осуществленія этой задачи необходимо дѣятельное общественное сочувствіе. Исходя изъ глубокаго убѣжденія, что русское общество вполнѣ сознаетъ, что невѣжество есть главное препятствіе къ поднятію народнаго благосостоянія, Комитетъ Грамотности, на основаніи ст. 3 своего Устава, открываетъ пріемъ пожертвованій и приглашаетъ всѣхъ, сочувствующихъ его начинанію, направлять свои взносы слѣдующимъ лицамъ:

Предсѣдателю Комитета А. Н. Страннолюбскому (Гороховая, 48); товарищамъ предсѣдателя: А. М. Тютрюмову (Коломенская, 1); Г. А. Фальборку (Гончарная, 11); секретарямъ: Э. Э. Анерту (Екатерининскій кан., 51); М. А. Лозинскому (Саперный, 20); Д. Д. Протопопову (В. О., Большой пр., 27) и В. И. Чарнолускому (Гончарная, 11),— а также членамъ Комитета: К. К. Арсеньеву (Мойка, 13); Н. А. Варгунину (М. Итальянская, 38); В. П. Воленсу (Симеоновскій, 5); Я. Г. Гуревичу (Лиговская улица, 1); баронессѣ В. И. Икскуль (Екатерининскій кан., 156); А. М. Калмыковой (Литейный, 60); Я. Т. Михайловскому (Невскій, 97); М. И. Соколову (Невскій, 21) и М. Н. Стоюниной (Воскресенскій, 17).

Всѣ означенныя лица имѣютъ особыя книги для выдачи квитанцій въ пріемѣ суммъ и подписные листы для сбора. О всѣхъ пожертвованіяхъ Комитетъ будетъ извѣщать въ газетахъ, а по окончаніи подписки будетъ опубликованъ подробный отчетъ объ израсходованіи суммъ.

Лица, внесшія не менѣе 250 рублей, могутъ указывать ту мѣстность, гдѣ должна быть открыта учреждаемая на ихъ средства читальня.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія и теорія статистики, съ XX таблицами графическихъ изображеній. Проф. Л. В. Федоровича. Од. 94. Стр. 713.

Этотъ трудъ является результатомъ университетскихъ лекцій за послѣднее десятилѣтіе, при чемъ авторъ не ограничился тѣсною рамкою учебнаго пособія для своей аудиторіи, и поставилъ себѣ цѣлью дать полное, по возможности, руководство для статистической практики. Исторія науки занимаетъ сравнительно небольшое мѣсто,—наибольшая же часть труда посвящена теоріи, при чемъ авторъ, изслѣдовавъ всесторонне субъектъ и объектъ статистическаго наблюденія, останавливается главнымъ образомъ на группировкѣ статистическаго матеріала и его научной обработкѣ; въ заключеніе, разсматриваются различные способы изложенія статистическихъ данныхъ, подъ условіемъ удовлетворенія двоякаго рода требованій, какъ научныхъ, такъ и техническихъ.

Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Антоновскаго, съ біографическимъ очеркомъ Дѣла и портретомъ Дюринга. Спб. 1894. Стр. LXXXIII и 222.

Дюрингъ принадлежитъ къ числу оригинальнѣйшихъ ученыхъ писателей современной Германіи, какъ по характеру своихъ идей и работъ, такъ и по особенностямъ своей личной жизни и дѣятельности. Потерявъ зрѣніе еще въ сравнительно молодые годы, онъ съ необычайною энергіею и трудолюбіемъ продолжалъ заниматься разнородными предметами человѣческаго знанія и составилъ себѣ громкое имя въ литературѣ своими книгами по политической экономіи, философіи, этикѣ и математикѣ. Къ сожалѣнію, склонность къ односторонимъ увлеченіямъ, въ связи съ крайнею рѣзкостью сужденій о дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ противникахъ, отчасти уменьшаетъ достоинство его трактатовъ, а по глубинѣ мысли и серьезности содержанія онъ едва ли можетъ быть сравниваемъ съ Шопенгауэромъ, какъ это дѣлается въ предисловіи г. Антоновскаго. „Цѣнность жизни"—одно изъ наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ сочиненій Дюринга, и изданіе его въ русскомъ переводѣ должно быть признано весьма полезнымъ.

Собраніе сочиненій В. В. Стасова. 1847 и 1886 гг. Съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса. Т. I и II: Художественныя статьи. Спб. 94. Стр. 882+768; 1050+484.

Настоящее собраніе сочиненій Вл. Вас. Стасова обязано своимъ осуществленіемъ мысли его друзей и почитателей ознаменовать, между прочимъ, совершившееся въ 1886 г. сорокалѣтіе его обширной дѣятельности на поприщѣ художественной критики—изданіемъ всего, что вышло изъ-подъ его пера за весь этотъ періодъ времени, начиная съ 1847 г., когда появилась первая его статья въ „Отеч. Запискахъ". Въ адресѣ, поднесенномъ тогда же В. В. Стасову группою художниковъ, выражается справедливо благодарность ихъ вѣнцу за его „неутомимую, стойкую дѣятельность въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ (а теперь приближается 50-лѣтіе) по самымъ разнообразнымъ отраслямъ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Чрезъ всѣхъ насъ любезный и хорошо знакомый кабинетъ нашъ въ Публичной Библіотекѣ проходитъ уже столько лѣтъ непрерывная вереница самыхъ разнообразныхъ людей и дѣлъ по части наукъ и искусствъ, промышленности, разныхъ техническихъ знаній; въ немъ постоянно находятъ они ободреніе и развитіе своихъ идей и часто получаютъ новыя, но исчислить теперь все это нѣтъ никакой возможности—это достанется на долю будущаго вашего біографа".

Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. Составилъ А. Фортунатовъ, проф. Петровской Академіи. Москва, 1893. Стр. VII и 246. Ц. 1 р. 25 к.

Книга г. Фортунатова составилась изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Петровской сельско-хозяйственной академіи, и заключаетъ въ себѣ изложеніе тщательно разработанныхъ данныхъ по земледѣльческой статистикѣ Европейской Россіи, преимущественно за восьмидесятые годы. Прежніе труды автора по этому предмету доставили ему заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ нашей сельско-хозяйственной статистики, и новая книга его, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе всѣхъ интересующихся у насъ вопросами народнаго хозяйства.

Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 94. Стр. 118. Ц. 50 к.

Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. М. 93. Стр. 87.

Оба эти этюда были вызваны заявленіемъ о предстоящей обширной законодательной работѣ по организаціи, также и въ Россіи, призрѣнія бѣдныхъ на тѣхъ же или подобныхъ основаніяхъ, на какихъ давно практикуется это важное государственное и общественное дѣло во всѣхъ образованныхъ странахъ. Хотя въ Москвѣ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, совершился переходъ отъ разсужденій и изслѣдованій къ самому осуществленію дѣла призрѣнія бѣдныхъ, принятаго московскою Думою на себя,—тѣмъ не менѣе, обѣ поименованныя брошюры, написанныя лицами, очевидно, близко знакомыми съ литературою вопроса за границею и съ его дѣйствительнымъ положеніемъ на практикѣ, являются весьма кстати и даютъ каждому легкое средство ознакомиться съ сущностью дѣла призрѣнія и главнѣйшими способами его осуществленія.

Энциклопедическій Словарь, изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. XI, а: Евреиновъ—Жилонъ. Спб. 94. Стр. 167—958.

Изъ статей болѣе важнаго содержанія по предмету и выдающихся изъ общей массы, не только по размѣру, но и по спеціальности ихъ авторовъ, обращаютъ на себя вниманіе такія, какъ напримѣръ: „Еврейская литература", проф. Д. Хвольсона; „Европа", проф. Д. Анучина и Н. Карѣева; „Египетское искусство", А. Сомова; „Единицы мѣръ", проф. Петрушевскаго; „Енисей", Н. Латкина; „Естествознаніе", проф. А. Бекетова; „Жатва", пр. А. Совѣтова; „Желудокъ", пр. И. Тарханова; „Желѣзныя дороги", проф. А. Чупрова; „Жилища рабочихъ", проф. В. Ярошкаго, и мн. др. Всѣ такія имена придаютъ изданію не только справочный характеръ, но и руководящее значеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ **1894** Г.

(Двадцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 85 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе: — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1894 года.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Циверлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переѣзжая въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объясненію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1894.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1894.

Стр.

I.—МОРЕ.—Стих. **П. Тулуба** 433

II.—ПЕРЕВАЛЪ. — Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть III; XXI-XL.—Окончаніе.—**П. Д. Боборыкина** 439

III.—ЗА УРАЛЬСКИМЪ БОБРОМЪ.—Путешествіе въ страну вогуловъ. — Изъ дневника туриста.—**П. Ипфантьева** 538

IV.—ХИТРОВЪ-РЫНОКЪ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.—**А. Петровскаго** 579

V.—ТЕАТРЪ И МУЗЫКА ВЪ КИТАѢ. — **Н. Коростовца** 594

VI.—МЕЧТЫ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 617

VII.—КАКЪ ЖЕНИЛСЯ ДЯДЯ МАРТЫНЪ. — Изъ швейцарскихъ нравовъ. — **Н. Съверова** 619

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Адама Асныка.—**И. Бунина** 643

IX.—ДНИ ИСПЫТАНІЙ.—Jours d'épreuve, par P. Marguerite. — XXIV-XXXII.—Окончаніе.—**А. Б—г—** 645

X.—БУДДІЙСКОЕ НАСТРОЕНІЕ ВЪ ПОЭЗІИ.—Сочиненія гр. А. Голенищева-Кутузова.—VII-XII.—Окончаніе.—**Владиміра Соловьева** 687

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-II.—**Лидіи Б.** 709

XII.—ВОПРОСЫ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.—I. Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій. — **А. П. Пыпина** 712

XIII.—НЕИЗДАННЫЙ РОМАНЪ. — An unpublished Novel, by Eden Philpotts. — **А. Б—г—** 759

XIV.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.—I.—**Л. З. Слонимскаго** 772

XV.—EXCELSIOR.—Стих. **Бл.** 790

XVI.—ХРОНИКА. — Упованія и сомнѣнія. — По поводу учрежденія министерства земледѣлія.—**Вл. Бирюковича** 791

XVII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Кончина Е. И. В. вел. княгини Екатерины Михайловны. — Административно-карательная власть земскихъ начальниковъ, въ связи съ законностью ихъ требованій и распоряженій.—Принадлежитъ ли земскимъ начальникамъ право издавать „мѣстные указы"? — Порядокъ отмѣны окончательныхъ постановленій земскаго начальника.—Дисциплинарная власть его надъ должностными лицами крестьянскаго управленія . . 809

XVIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Внутренняя политика во Франціи.—Казиміръ Перье, его предшественники и вѣроятные преемники. — Причины недолговѣчности министерствъ.—Международный конгрессъ горнорабочихъ въ Берлинѣ.—Проектъ Жюля Геда во французской палатѣ.—Новое министерство Дюпюи и его программа.—Государственные перевороты въ Сербіи.—Паденіе Стамбулова и успѣхи принца Фердинанда 827

XIX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. — По бѣлу свѣту, Гр. Де-Воллань, ч. I.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г., А. Слезскинскаго.—П. В. Постниковъ, монографія Е. Шмурло.—I.—Новыя книги и брошюры 841

XX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. H. Taine, Derniers essays de critique et d'histoire.—II. Em. Faguet, Seizième siècle.—III. Réné Doumic, Ecrivains d'aujourd'hui.—**З. В.** 859

XXI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Исторія одной школы и одного школьнаго района.—Школа-мать и школы-дочери, какъ нормальный типъ развитія школьнаго дѣла.—Независимость суда и „партіи". — Оффиціальность, какъ синонимъ объективности и безпристрастія.—Еще объ одной профессорской рѣчи. —Юбилей П. Н. Обнинскаго. 872

XXII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 888

XXIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Основы государственнаго хозяйства, Л. Н. Ходскаго.—Церковь и государство въ Женевѣ XVI в. Р. Виппера.—Государственное хозяйство Швеціи, Эд. Берендтса. — Военныя дѣйствія въ п. польскомъ въ 1863 г., С. Гескета.—Матеріалы для изученія экономъ. быта госуд. крестьянъ, вып. XXI.—Исторія русской словесности, А. П. Нелединова, ч. II.

XXIV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.

Подписка на годъ, второе полугодіе и третью четверть года въ 1894 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

МОРЕ

(Посвящается И. К. Айвазовскому.)

I.

Къ твоимъ скалистымъ берегамъ,
Твой рѣдкій гость, приду я скоро—
И поклонюсь твоимъ волнамъ
И блеску синяго простора.
Въ прохладѣ утренней одинъ
Я стану грезить надъ тобою,
Надъ зыбкимъ зеркаломъ пучинъ,
Любуясь далью голубою.
Я буду слушать, какъ волна
Шумитъ, и пѣнясь, и сверкая,
Какъ рѣзво плещется она,
На отмель влажную взбѣгая.
О, чудный край, гдѣ небеса
Чаруютъ взоръ лазурью чистой,
Гдѣ даль такъ нѣжно парусá
Лелѣетъ въ дымкѣ золотистой!
А этотъ шумъ, немолчный шумъ
Прозрачныхъ струй зеленой влаги...
Тамъ окрылится мыслью умъ,
Тамъ грудь исполнится отваги,
И я отдамся вновь мечтамъ,
Забывъ души былое горе,
Придя къ скалистымъ берегамъ,
Къ тебѣ, лазоревое море.

II.

Итакъ, сбылись мечты, и вотъ передо мною
Лежитъ морская гладь равниной голубою;
И зыблется она, и льется, и горитъ...
Какъ плещется волна немолчно о гранитъ!
Но берегъ хмуръ и сѣръ, и, къ ласкамъ безучастный,
Стоитъ онъ надъ водой холодный и безстрастный.

О, даль, нѣмая даль вся въ дымкѣ золотистой!
Какъ чуденъ небосводъ лазоревый и чистый!
Косые паруса въ задумчивой дали,
Ушедшіе въ просторъ отъ сумрачной земли...
Они ушли туда и нѣжною семьею
И дремлютъ, и горятъ надъ влагой голубою.

Волшебный, чудный день! Мнѣ сладко, мнѣ отрадно!
Какъ воздухъ чистъ и свѣжъ! Какъ пью его я жадно!
Трепещетъ и горитъ морская бирюза;
Потокомъ яркихъ искръ слѣпитъ она глаза,—
И рой волшебныхъ грёзъ, съ волшебной далью споря,
Мнѣ тихо нѣжитъ грудь подъ нѣжный ропотъ моря.

III.

Звѣздное небо, безбрежное море...
Гладью морской отраженъ небосводъ.
Плавно и быстро въ безбрежномъ просторѣ
Движется нашъ пароходъ.

Темень и тишь. Отъ земли мы далеко.
Воздухъ прохладой лицо обдаетъ.
Сумрачна даль, и не скоро съ востока
Яркое солнце взойдетъ.

Звѣздное небо, безбрежное море...
Искрами сыплетъ во тьмѣ пароходъ.
Звѣзды роятся въ небесномъ просторѣ...
Сыплетъ огни небосводъ.

Въ сумракѣ ночи скользимъ мы водою.
Плещется тихо волна за кормой.
Сладко въ тиши надъ смущенной душою
Звуки роятся толпой.

Хочется слезъ, и восторга, и пѣсенъ...
Сердце не въ силахъ мечты превозмочь.
Какъ небосводъ вдохновенно-чудесенъ!
Какъ обольстительна ночь!

IV.

Лазурное утро. Какъ море,
Проснувшись, безпечно ликуетъ:
Волной оно берегъ цѣлуетъ
И, нѣжась, горитъ на просторѣ.

Вонъ парусъ стыдливо бѣлѣетъ
На грани, гдѣ небо съ водою
Лазурной слилось глубиною,
Слилося и нѣжно синѣетъ.

Какъ сладко на камняхъ прибрежныхъ,
Давъ волю и грезамъ, и взору,
Лежать и внимать разговору
Валовъ неумолчно-мятежныхъ.

Жемчужною пѣной сверкая,
Бѣгутъ они къ скàламъ холоднымъ
И льнутъ къ нимъ съ упорствомъ безплоднымъ,
У ногъ ихъ въ тоскѣ умирая.

Торжественъ ропотъ ихъ чудный:
И гнѣвъ въ немъ, и ласка, и горе...
А море, холодное море
Сверкаетъ красой изумрудной.

V.

Надъ бурнымъ моремъ я сидѣлъ,
Исполненъ немощной печали,
И въ даль холодную глядѣлъ,
Гдѣ грозно волны бушевали.
Я видѣлъ пѣну ихъ хребтовъ,
Ихъ бѣгъ и дикое смятенье,
Но бурный шумъ, но плескъ валовъ—
Онъ весь терялся въ отдаленьѣ.
Зато вблизи шумѣлъ прибой:
Лизалъ онъ грудь скалы прибрежной
И рвался къ небу онъ съ тоской,
Сверкая пѣной бѣлоснѣжной;
Онъ рвался, злобою объятъ,
И сыпля брызги, и бушуя,
И падалъ въ горести назадъ,
На хмурый берегъ негодуя.

И отступилъ я въ страхѣ вспять
Съ тоской на сердцѣ и во взорѣ:
Твоей мнѣ шири не обнять,
Твоей мнѣ скорби не понять,
О, грозно ропщущее море!

VI.

Взобравшись на берегъ, сижу на скалѣ,
Сижу и любуюсь я далью:
Она утонула въ серебряной мглѣ,
Закуталась свѣтлой вуалью.
День жарокъ. Въ истомѣ все дремлетъ кругомъ.
Какъ тихо безбрежное море!
Подъ солнцемъ лежитъ оно синимъ стекломъ,
Лежитъ и горитъ на просторѣ.
Лазурью нависли надъ нимъ небеса.
Ни облачка въ глуби бездонной.
Безпечно и ярко вдали паруса
Бѣлѣютъ надъ влагою сонной.

Отсюда мнѣ виденъ сосѣдній заливъ,
Видны мнѣ и виллы, и горы,
И городъ весь въ зелени темныхъ оливъ,
И пестрыхъ кварталовъ узоры.
На пристани движутся группы людей...
Глушитъ голоса разстоянье:
Вокругъ меня въ яркомъ сіяньѣ лучей —
Вокругъ и покой, и молчанье.
И только межъ скалъ хлопотливо волна
Приходитъ, уходитъ и нѣжно,
Чуть плещась о камни, имъ шепчетъ она
Про радости жизни мятежной.
И сладокъ мнѣ говоръ прозрачной волны:
Есть музыка въ мѣрномъ прибоѣ...
Тотъ говоръ съ дыханьемъ и блескомъ весны
Баюкаетъ сердце больное.
Сижу я надъ моремъ и грезится мнѣ —
Душа разлучилась съ печалью
И стала безпечной, подобно волнѣ,
И слилась и съ небомъ, и съ далью.

П. Тулубъ.

ПЕРЕВАЛЪ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Окончаніе.

XXI *).

Татьяна Егоровна Боярцева сидѣла въ спальнѣ, у лампы, и читала.

Утомившись немного, она сняла очки и провела ладонью по глазамъ.

Болѣзнь прошла, но оставила слабость и, почти каждую ночь, нытье въ груди. Выѣзжать ей еще не позволяли, и это ее огорчало; она привыкла бывать въ церкви каждый день, часто и по два раза.

Раздались мужскіе шаги въ коридорѣ.

Вошелъ ея сынъ. Она не видала его съ утра.

Какъ всегда, онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку.

— Елена Константиновна здѣсь,—заговорила Боярцева и достала со столика письмо.

— Я знаю, maman.

Елена писала ему изъ Петербурга почти каждый день. Поѣхать ее встрѣчать на желѣзную дорогу онъ не могъ — онъ только вчера вечеромъ пріѣхалъ изъ уѣзда.

---

*) См. выше: май, 44 стр.

— И ей нездоровится... Она простудила себѣ плечо, въ вагонѣ... А къ намъ ей очень хочется.

Татьяна Егоровна поглядѣла на сына.

— Я собирался заѣхать къ ней сегодня, до обѣда; но меня задержали въ депутатскомъ собраніи.

— Теперь еще не поздно,—выговорила успокоительно Боярцева и взглянула на часики, стоявшіе тутъ же, около лампы.— Только половина восьмого.

Сынъ никогда не говорилъ съ ней объ Акридиной; но она думала, что въ немъ проснулось серьезное чувство. Смущало ее то, что Елена Константиновна врядъ ли религіозна. Но и ничего „дурного“ по этой части она въ ней не замѣтила. Ни однимъ словомъ не оскорбила она въ ней—во время болѣзни и выздоровленія—чувство глубоко вѣрующей женщины. Еслибъ она могла способствовать возвращенію Акридиной на „истинный путь“—съ какой бы радостью она это сдѣлала. Но и сынъ ея достигаетъ того же... Акридина любитъ его страстно—она давно въ этомъ убѣждена.

Что его удерживаетъ отъ сближенія съ нею—Татьяна Егоровна не могла рѣшить: недостатокъ смѣлости или какое-нибудь сомнѣніе. Она сама была слишкомъ деликатна, чтобы начать у него выпытывать.

— Пожалуй обезпокоишь ее,—сказалъ Боярцевъ.

— Она говоритъ въ письмѣ ко мнѣ, что очень бы желала тебя видѣть.

— Я поѣду, maman.

— Поѣзжай, дружокъ.

Татьяна Егоровна тихо улыбнулась и погладила его по плечу.

У него самого было такое чувство, что надо заѣхать къ Акридиной; но онъ не хотѣлъ себѣ лгать: его не тянуло настолько, чтобы не дождаться завтрашняго утра. Прежде всего онъ боялся показывать ей больше того, что въ немъ есть.

Елена стала ему дорога, потому что такъ самоотверженно ходила за его матерью. У ней, безъ сомнѣнія, благородная натура. Она умна, съ большими познаніями... Упорства въ ней гораздо менѣе съ нѣкоторыхъ поръ.

Не могъ онъ не видѣть, что эта перемѣна происходитъ въ ней отъ чувства къ нему. Но усиливать ея влеченіе чѣмъ бы то ни было Боярцевъ не считалъ честнымъ.

Не хотѣлъ онъ и лгать самому себѣ.

Подъѣзжая къ „Дворянскому гнѣзду“, гдѣ Елена заняла комнаты Иды, Боярцевъ не былъ охваченъ особенной радостью.

Его даже тревожило немного: какъ бы ему не обезпокоить ее своимъ посѣщеніемъ, хотя онъ могъ навѣрно разсчитывать на болѣе чѣмъ дружескій пріемъ.

— Госпожа Акридина у себя?—осторожно спросилъ онъ у швейцара.

— Онѣ никуда не выѣзжали.

— Можетъ, нездоровы?

— Я сейчасъ доложу.

Шубы Боярцевъ не снималъ.

Ему рѣшительно дѣлалось не совсѣмъ ловко оттого, что онъ является къ ней первый, вечеромъ, и не отъ щепетильности. Онъ съ радостью готовъ держаться съ ней на дружеской ногѣ. Въ ней самой есть нѣчто такое, что̀ заставляетъ особенно зорко слѣдить за собою.

— Пожалуйте!—крикнулъ ему еще сверху швейцаръ.

Акридина встрѣтила его въ гостиной, стоявшей въ полутьмѣ отъ абажура единственной лампы.

Она была въ теплой кофточкѣ и голова укутана въ черный кружевной платокъ.

— Романъ Денисовичъ!

Голосъ Елены дрогнулъ, и онъ почувствовалъ, какая у ней нервная и горячая рука.

— Нездоровится вамъ?—заботливо спросилъ онъ, подводя ее къ дивану.

— Ничего!.. Плечо простудила... спала у окна, въ вагонѣ съ креслами.

Глаза ея блестѣли, широко раскрытые. Вся она сразу оживилась.

— Сядьте сюда!—пригласила она его на диванъ.

— Довольны вашей поѣздкой?—спросилъ Боярцевъ, самъ замѣчая, что тонъ у него совсѣмъ не дружескій.

Это его огорчило; но онъ не могъ еще наладить себя. Внутри его точно сидѣли какія-то зацѣпки.

— Довольна! Знаете, Романъ Денисовичъ, я и прежде не была охотница до Петербурга и его чинушей. А въ этотъ разъ мнѣ было какъ-то особенно противно.

— Воображаю!

— Что за претензія у всѣхъ, и какой отвратительный тонъ —или ноющій, или нахальный!.. Я иначе не могу сравнить Петербургъ, какъ съ становищемъ завоевателя, который водворился въ странѣ и мудритъ надъ ней.

— Ха, ха! Прекрасное сравненіе! Они только тамъ и дѣла

дѣлаютъ, что мудрятъ надъ жизнью. А дѣлаетъ ее вся остальная Россія.

Еленѣ не казалось нисколько, что она отступаетъ понемногу отъ своихъ взглядовъ и оцѣнокъ. Еще недавно она любила говорить, что Петербургъ—„единственный русскій городъ, гдѣ можно жить".

И фраза, которую Боярцевъ только-что употребилъ: „дѣлать жизнь"—была для нея невыносима. Она не позволяла никому доказывать, что только мужикъ или чернорабочій, купецъ или промышленникъ „дѣлаютъ жизнь". Она горячо отстаивала „интеллигенцію" и высшій умственный трудъ, въ чемъ бы онъ ни проявлялся: въ управленіи, въ торговомъ и фабричномъ дѣлѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ соціальныхъ идеяхъ.

— Лидія Павловна у себя въ усадьбѣ? Я не зналъ этого; а то бы заѣхалъ къ ней.

— Какже... Она здѣсь немного утомилась. Знаете, вѣдь она попала въ самое пекло.

Боярцевъ поглядѣлъ вопросительно.

— Сложная исторія!..

Елена не могла воздержаться. Она—по натурѣ—любила всякія исторіи, гдѣ любовь играетъ людьми, показываетъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ; однихъ преобразовываетъ, у другихъ будитъ самые низкіе позывы ихъ души.

Отъ Иды она знала, какъ ея племянница выказала себя насчетъ своей предполагаемой соперницы. Та ей успѣла написать и о томъ, какъ „спрятали" Липу и какъ Кострицынъ „a eu le coup de foudre".

Она, было, и пустилась говорить съ увлеченіемъ, но тотчасъ же сдержала себя. Ей стало совѣстно... На лицѣ Боярцева она успѣла подмѣтить черту около рта—нѣчто въ родѣ жалостной усмѣшки. Такихъ суетныхъ разговоровъ онъ не любилъ.

— Ахъ, другъ мой!—воскликнула она и взяла его за руку. —Вотъ вамъ и любовь!

Она намекала на Нину Кумачеву—но что это, если не раздраженіе своего эротизма!

Онъ опустилъ голову.

„И этого не слѣдовало говорить", дала она на себя, мысленно, рѣзкій окрикъ.

Боярцевъ слышалъ про дуэль Кумачева съ Гольцемъ.

— Развѣ это серьезно?—спросилъ онъ ее вдумчиво.

— Я у нихъ еще не была и не знаю, что тамъ происхо-

дить. Но я не считаю Нину способной даже и на такъ называемую незаконную любовь.

Онъ промолчалъ.

— Вы не считаете меня злоязычной, Романъ Денисовичъ? И право, я не кинула бы въ нее камнемъ, еслибъ она честно заявила мужу, что любитъ другого.

— Честно заявлять нельзя того, что, само по себѣ, нечестно,—вымолвилъ мягко Боярцевъ, не глядя на нее.

— Развѣ можно приказывать чувству?

— Можно бороться съ нимъ.

Какъ бы она крикнула, мѣсяцъ назадъ: „Это нестерпимый и лицемѣрный ригоризмъ!“

Теперь она смолчала. Онъ иначе не могъ говорить, и еслибъ онъ—женившись—полюбилъ другую женщину, навѣрно онъ вырвалъ бы съ корнемъ свое „грѣховное“ чувство.

Этотъ человѣкъ не броситъ никакой женщины—даже и недостойной, даже и такой, которая заставитъ его пройти черезъ муки ревности и оскорбленнаго мужского достоинства.

— Оставимъ это!—вымолвила Акридина и протянула ему руку.

XXII.

Чайный приборъ безпорядочно разползся по столу. Никто не приходилъ его прибрать и стрѣлка стѣнныхъ часовъ въ коридорѣ уже перешла за двѣнадцать.

Лампа догорала.

Елена, облокотившись о ручку дивана, сидѣла съ опущенными глазами и рука ея нервно перебирала бахрому столовой салфетки.

На лицѣ Боярцева было замѣтно утомленіе.

— Нѣтъ,—говорила она порывисто и глухо,—вы слишкомъ сурово смотрите на жизнь чувства, другъ мой. Нельзя на все налагать какую-то эпитимію: за такой-то помыселъ—столько земныхъ поклоновъ, за такой порывъ—столько.

— Я вовсе не такой изувѣръ, Елена Константиновна... Но то, что зовутъ часто жизнью чувства, только... только...

Онъ затруднялся словомъ.

— Ужъ никакъ не чувственность!—воскликнула Акридина.—Любовь настоящая, могучая,—прибавила она, и голосъ ея замѣтно дрогнулъ:—такая любовь не знаетъ никакихъ рамокъ и ярлыковъ. Она все освѣщаетъ и живитъ.

— Конечно. Но и мрачитъ, и дѣлаетъ человѣка рабомъ. И рождаетъ самый ужасный видъ себялюбія—любовный эгоизмъ, дѣлающій два существа врагами всего остального человѣчества. Пропадай оно, только бы пара любовниковъ могла упиваться своей страстью.

— Но развѣ жизнь не ужасная вещь, Боярцевъ? Нести ея бремя безъ такого, если хотите, безумія—слишкомъ тяжко, слишкомо жестоко.

Голосъ ея сразу упалъ. Она низко опустила голову и продолжала точно про себя:

— И только она и дѣлаетъ способнымъ на всякую жертву. То, что казалось безумнымъ, немыслимымъ—вдругъ является возможнымъ. Что дороже убѣжденій, выношенныхъ цѣною долгой, долгой борьбы? Ни за что бы не поступился ими! И въ другихъ-то не могъ допускать чего-либо не своего; все это—было нѣчто чуждое или враждебное, возмутительное!

Боярцевъ началъ понимать, что она говоритъ про свою недавнюю фанатическую преданность взглядамъ и принципамъ, которые достались ей немалой борьбой, съ той поры, какъ она начала сознавать въ себѣ личность.

Тихое чувство умиленія проникло въ него. Мало того, что она такъ самоотверженно ходила за его матерью—съ каждымъ днемъ дѣлалась она мягче, терпѣливѣе и выказывала уваженіе къ его вѣрованіямъ. Конечно, и сама она уже не разъ задумалась надъ тѣмъ, что онъ и мать его считаютъ высокимъ утѣшеніемъ и сладкимъ завѣтомъ земной жизни.

Жестоко и несправедливо было бы считать такое чувство только блажью, чувственнымъ порывомъ, задоромъ женщины, не желающей состарѣться, не испытавъ любовныхъ наслажденій... Она уже говорила ему, не разъ, про первое супружество, гдѣ была только одна тихая дружба.

Онъ взялъ ее самъ за руку и пожалъ.

— Я не изувѣръ,—заговорилъ онъ.—Мнѣ не по душѣ все то, что ломаетъ натуру человѣка и только пугаетъ жестокой карой... Помните, вы у меня нашли одного суроваго византійца... Козьмина?

— Помню, — отвѣтила Елена и вздрогнула. — Неужели вы раздѣляете его символъ вѣры?

— Нѣтъ, Елена Константиновна... Я только допускаю его. Но право, какъ такой человѣкъ ни похожъ на маньяка—будешь и къ нему терпимѣе, глядя, какъ вокругъ все расшаталось. Нѣтъ

удержу никакимъ поползновеніямъ звѣря, научившагося носить личину культуртрегера—какъ нѣмцы называютъ...

— Зачѣмъ думать только объ этомъ?—остановила его Елена. —Неужели люди, какъ мы съ вами, не заработали себѣ дорогого права—хоть на одинъ мигъ улетѣть изъ той долины скорби, гдѣ кишатъ зло и грязь жизни? Только на одинъ мигъ!—протяжно повторила она.

Затуманенными глазами, точно сквозь дымку, видѣла она красивое мужское лицо, и пожатіе руки Боярцева усиливало ея тревогу.

Она близка была къ чему-то, чего она сама боялась.

Неужели мало еще она себя передѣлывала? Изъ пылкой, задорной спорщицы, вѣрующей въ свой научный авторитетъ, она превращается въ уступчивую, смиренную женщину, не дерзающую ни однимъ звукомъ противорѣчить ему.

И ему всего этого мало? И онъ не испытываетъ и подобія того, что̀, въ эту минуту, разливается по всѣмъ ея жиламъ и производитъ въ головѣ ея родъ опьяненія?

Не такъ давно надъ нею дѣлали опыты гипноза. Она оказалась не очень податливой, но все-таки не выдержала и начала впадать въ каталепсію. Она хорошо помнитъ, какое это состояніе, когда все, кромѣ одной точки, куда-то уплываетъ, и всѣмъ существомъ чувствуешь, какъ уходитъ воля,—и сознаніе уже не въ силахъ управлять ею.

Теперь она проходитъ черезъ что-то похожее на гипнозъ. И ей не было уже стыдно за себя. Она вся тянулась къ неизвѣданному блаженству. Хоть на одинъ мигъ да испытать его, всколыхнуть и мужчину—этого сдержаннаго и строгаго хранителя традицій, заразить его той же сладкой заразой.

— Елена Константиновна,—слышала она въ полузабытьѣ его голосъ: — не считайте меня неспособнымъ чувствовать все благородство вашей натуры... Я глубоко тронутъ, повѣрьте мнѣ...

„Да, да,—думала Елена, замирая:—онъ хочетъ быть моимъ... только ему мѣшаетъ его сдержанность“.

— Повѣрьте,—продолжалъ онъ, и голосъ его дѣлался все нѣжнѣе:—такія вещи не забываются. Онѣ западаютъ въ душу. И я знаю—женщина, какъ *вы*, не могла бы замкнуться въ сухомъ матеріализмѣ. Прòпасть, какая была между нами еще не такъ давно, уже на половину заполнена. Безъ общихъ вѣрованій одна страсть не въ силахъ позволить двумъ душамъ слиться во-едино. Пробужденіе было бы ужасно!

Елена смутно понимала, что онъ говоритъ. Она чувствовала только пожатіе его теплой и мягкой руки.

Его губы прикоснулись къ ея рукѣ. Она вся вздрогнула и— инстинктивно отодвинулась отъ него.

Въ глазахъ ея все сильнѣе мутилось и въ груди стало жать... Ощущеніе, похожее на обжогъ, сàднило ее.

Если она попуститъ себя, то выйдетъ что-то постыдное... если онъ и самъ не стремится къ тому же.

Она собрала послѣднія силы, выпрямилась и пролепетала:

— Боярцевъ! Я не умѣю разбирать... Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Неужели и безъ словъ не видно...

Дальше она не могла говорить. Она чувствовала дрожь, и еслибъ она не смолкла, то услыхала бы, какъ у нея зубъ не попадаетъ на зубъ.

„Развѣ это уже не постыдно?—успѣла она спросить себя.— Почему? Какіе счеты?“

Боярцевъ еще разъ поцѣловалъ ея руку. На него нашло тихое умиленіе. Эта женщина дѣлалась ему очень близкой, но никакой особой тревоги онъ не испытывалъ.

Владѣй Елена собою хоть сколько-нибудь — она бы почуяла, что къ *женщинѣ* его совсѣмъ не тянетъ.

И онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобъ подвинтить себя, позволить себѣ какой-нибудь возгласъ или жестъ, выше нотой того настроенія, въ которомъ онъ находился.

Руку она высвободила—машинально, не отдавая себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ, потомъ откинула голову на спинку стула. Щеки ея побѣднѣли, глаза совсѣмъ потухли.

Она какъ-то вся покачнулась въ сторону и охватила голову Боярцева; губы ея страстно и прерывисто стали цѣловать его въ волосы, выше лба; вся она дрожала и не могла ничего выговорить. А изъ глазъ текли двѣ крупныхъ слезы...

XXIII.

— Юрій Петровичъ сейчасъ будутъ,—доложилъ Акридиной коридорный, показавшись въ дверяхъ.

Елена, плохо причесанная, въ домашней кофточкѣ, ходила по гостиной большими шагами.

На маленькомъ письменномъ бюро лежало раскрытымъ письмо, только-что полученное ею.

Два пятна выступили на ея щекахъ и глаза—съ краснѣющими вѣками—сосредоточенно глядѣли въ одну точку.

Она сдѣлала нѣсколько концовъ и подошла къ бюро.

Ее тянуло къ письму. Она взяла его опять вздрагивающими пальцами, хотѣла прочесть—въ который разъ! — и съ сердцемъ бросила.

Рядомъ лежалъ и конвертъ безъ марки. Письмо было доставлено сегодня утромъ отъ Боярцева.

Принесли его въ одиннадцатомъ часу. Теперь двѣнадцать. Полтора часа она была одна, сама съ собою—и не выдержала.

Оставаться одной дольше—она испугалась. Женская слабость не шла ей на подмогу, слезы не являлись; истерика не хватала ее своими желѣзными когтями и не стала ее бить.

Она вспомнила о Лыжинѣ. Онъ вѣдь все-таки „свой", хоть они съ нимъ и стали дальше другъ отъ друга. Съ нимъ она можетъ говорить понятнымъ имъ обоимъ языкомъ.

Да и что же ей скрытничать!

Была бы тутъ Ида—она бы не послала за нимъ.

Ѣхать къ ней? Она и поѣдетъ; завтра же,—можетъ, сегодня, съ курьерскимъ, но до того—она задохнется.

Лыжинъ тихо вошелъ: Елена даже не замѣтила, стоя спиной къ двери, у окна.

— А! Другъ Лыжинъ!

Возгласъ Елены и ея лицо сейчасъ же показали ему, что она прислала за нимъ неспроста.

Лыжинъ давно забылъ ея выходку и совершенно искренно желалъ ей добраго исхода въ ея чувствѣ къ Боярцеву.

— Что такое, голубушка?

Обѣ руки его протянулись къ ней.

— А то, Лыжинъ, что я не хочу милостыни, не хочу подачекъ.

Онъ ничего не понималъ. Елена—какъ всегда женщины въ сильномъ градусѣ душевнаго волненія—произносила вслухъ то, что у ней роилось въ головѣ въ ту именно минуту.

— Присядемъ,—сказалъ онъ ей ласково и серьезно, и, не выпуская ея руки, подвелъ къ дивану.

И, сама собою, всплыла въ его головѣ мысль: „Не выйти тебѣ изъ амплуа наперсниковъ".

— Не хочу!—съ дрожью въ голосѣ, почти гнѣвно, крикнула Елена.

— Объясните!—тихо и съ улыбкой выговорилъ онъ, поглядѣвъ на нее исподлобья.

— Что жъ тутъ объяснять?! Ваша пріятельница Акридина добилась своего! Ей нужно хлѣба, а ей подаютъ камень, въ видѣ законнаго брака, цѣломудреннаго, по Домострою, вѣроятно! И подо всѣмъ этимъ какая противная дворянская *иррепрошабельность!*.. Помилуйте! Женщина увлечена нами, чуть не стояла на колѣняхъ, заслужила наше благоволеніе—именно благоволеніе, а не любовь—тѣмъ, что выходила нашу умирающую мать. Потомъ она—въ припадкѣ женской слабости—взяла и стала цѣловать насъ въ голову — больше вѣдь ничего не было! — сказала она Лыжину, тряхнувъ головой.—Мы допустили ее до этихъ порывовъ, чувствуя, однако, за нее нѣкоторое смущеніе. Вернувшись домой, мы все обдумали и написали ей письмо съ предложеніемъ руки и сердца, доступнаго чувству признательности.

Елена порывисто схватила письмо съ бюро и подала Лыжину.

— Не угодно ли? Читайте, читайте!

Лыжинъ взялъ, не очень увѣренно, письмо и, прежде чѣмъ пробѣжать его, спросилъ:

— Да нужно ли?

— Читайте, говорю вамъ! Коли я желаю этого! Не можете же вы быть „plus royaliste que le roi“!

Письмо было на четырехъ страницахъ листа матовой бумаги; почеркъ крупный, барскій, очень твердый. Чувствовалось по рукѣ, что писалъ не увлеченный страстью мужчина, а хорошій человѣкъ, относящійся къ женщинѣ „съ благоволеніемъ“,—какъ мѣтко выражалась Акридина.

Онъ просилъ ее быть его женой—довольно тепло, въ умныхъ и оригинальныхъ словахъ. Сквозь все проходилъ оттѣнокъ признательности за мать, признаніе ея благородной натуры и надежда на то, что они могутъ—не нынче, завтра—соединить свои души въ единствѣ высшаго пониманія жизни.

Подъ конецъ стояло и нѣсколько фразъ, гдѣ, мягко по формѣ и очень твердо по существу, Боярцевъ выгораживалъ свободу своего „я“, указывалъ на твердость своихъ „вѣрованій“ и намекалъ, что онъ не изъ тѣхъ людей, кто способенъ, подъ вліяніемъ любовнаго увлеченія—а увлеченія въ письмѣ не было никакого—отступить отъ своего „завѣта“.

— Что? Вы поняли всю эту музыку?

Елена заходила опять по комнатѣ большими шагами, сложивъ на груди руки усиленнымъ, чисто женскимъ жестомъ.

— Но вѣдь фактъ остается фактомъ, голубушка,—началъ Лыжинъ, отложивъ письмо.—Онъ дѣлаетъ...

— Предложеніе?—крикнула Елена.—Поймите же, что я не

хочу его милостыни. Я не желаю, чтобы онъ возстановлялъ мое достоинство въ моихъ собственныхъ глазахъ.

— Это натяжка!

— Нѣтъ, не натяжка! Ты изволила меня цѣловать. Я—поборникъ традицій и дворянской чести—дарую тебѣ законное право цѣловать меня, сколько хочешь! Ха, ха!

Смѣхъ вылетѣлъ изъ ея горла, сдавленный, рѣзкій.

Лыжину дѣлалось, за нее, жутко.

— Можно иначе посмотрѣть.

— Не хитрите, другъ, не лгите мнѣ въ глаза. Вы—такой чуткій и бывалый—развѣ вы не почуяли, чѣмъ вѣетъ отъ этого елейно-дворянскаго письма? Не можетъ быть! Но вы хотите мнѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ, поднести ложку ревеню въ малиновомъ вареньѣ! Господи!..—Она всплеснула руками, остановившись, какъ вкопанная, противъ дивана.—Господи! Налетѣла на меня страсть... Поздно... Положимъ. Не безобразно же поздно! Не старуха я древняя. Мнѣ всего тридцать шесть. Вы это знаете! Объ одномъ молила судьбу—дай ты мнѣ хоть мѣсяцъ счастья, хоть недѣлю!.. Дай мнѣ знать, что̀ такое, когда человѣкъ отдается тебѣ, когда ты закинула въ него искру—и вы оба забудете все и готовы умереть тутъ же, если это нужно. Одинъ только мигъ! Одинъ!

Елена подсѣла къ нему и упала головой на его плечо. Рыданія душили ее и не могли прорваться.

— Не хочу я такого брака! Не желаю я подачки! Довольно и того, что я, какъ нѣмая раба, млѣла передъ нимъ, дѣлалась ренегаткой, выслушивала всѣ его рацеи на лампадномъ маслѣ. Зачѣмъ мнѣ такой бракъ? Что̀ въ немъ будетъ безъ любви, настоящей, не моей одной, а насъ обоихъ,—что̀? Вѣчный раздоръ или постыдная измѣна всему, чѣмъ я до того жила, во что вѣрила, на что молилась!

— Послушайте!—остановилъ ее Лыжинъ и обнялъ, а свободной рукой сталъ гладить по ея рукѣ.—Вѣдь онъ не бѣжитъ отъ васъ. Любите! Въ бракѣ или внѣ брака—развѣ это не все равно?

— Онъ допускаетъ до себя!.. Ха, ха! Ты и тѣмъ должна быть довольна. Ну, хорошо!.. Но онъ не допускаетъ свободной связи. Для него—прежде всего—обрядъ, традиція! А я этого не хочу, слышите ли вы, не хочу! Не хочу!—повторила она нѣсколько разъ и разрыдалась.

Голова ея вздрагивала отъ рыданій, лежа на плечѣ Лыжина.

— Смириться надо!—тихо выговорилъ Лыжинъ.—Голубушка! Женская гордыня въ васъ!

— Не хочу!—повторила она съ усиліемъ и опять, захлебнувшись въ рыданіяхъ, упала головой на подушку въ углу дивана и всхлипывала жалобно и глухо.

XXIV.

Студентъ Шипилинъ ходко подвигался по дорожкѣ аллеи, ведущей къ университетскимъ клиникамъ, на Дѣвичьемъ-Полѣ. Онъ шелъ въ своемъ подержанномъ драповомъ пальто, безъ мѣхового воротника, и рыжеватой фуражкѣ, откинутой, какъ всегда, на затылокъ.

День стоялъ мягкій, немного хмурый.

Давно не бывалъ онъ на Дѣвичьемъ-Полѣ. Съ тѣхъ поръ вывели еще цѣлый корпусъ клиникъ, по правую руку.

Шелъ онъ и смотрѣлъ вдаль, на цѣлый городокъ, точно въ сказкѣ выросшій въ одинъ день, на полѣ, еще недавно запущенномъ и изрытомъ выбоинами и низкими оврагами.

Желто-красный цвѣтъ кирпича преобладалъ въ зданіяхъ. Зеленыя крыши и бѣлая штукатурка виднѣлись справа.

Помнитъ онъ то время, когда еще новичкомъ попалъ на открытіе первой по времени клиники—слѣва, стоявшей еще безъ штукатурки. Пріѣзжали „особы“ изъ Петербурга, было торжественное собраніе въ аудиторіи, много профессоровъ и практическихъ врачей, по поводу съѣзда, случившагося, какъ разъ, къ тому времени, около новаго года.

Устроительницу величали и съ каѳедры, и за завтракомъ. Безконечные столы протянулись вдоль коридоровъ.

У него тогда чуть не вышло исторіи съ однимъ изъ „фертиковъ“, исполнявшихъ добровольно обязанности пѣвчихъ въ мундирчикахъ съ иголочки. Это его возмущало. За завтракомъ у него немного зашумѣло въ головѣ, но въ мѣру. И сидѣлъ онъ около дверей той комнаты, гдѣ угощались пѣвчіе. Одинъ изъ нихъ—самый противный для него „мундирчикъ“—все выбѣгалъ, точно изъ засады, и прислушивался—къ какой „особѣ“ обращаются со здравицей, исчезалъ стремительно и тотчасъ же хоръ подхватывалъ „многая лѣта“.

На этотъ счетъ онъ и сталъ прохаживаться. За „фертиковъ“ кто-то заступился и вышла порядочная перестрѣлка. Поддерживали его не студенты, а пожилые господа—одинъ писатель и двое, пріѣхавшихъ изъ провинціи, психіатровъ.

Немудрено было предвидѣть, что онъ угодитъ въ Бутырки, что и случилось.

Съ тѣхъ поръ много пережилъ онъ и въ студенческой своей судьбѣ, и въ идеяхъ, и въ чувствахъ. Онъ уже не совсѣмъ тотъ же Николай Шипилинъ. Прежней „прямолинейности" въ себѣ онъ уже не чувствуетъ и не стыдится этого. Конечно, онъ не доходитъ до такихъ „крайнихъ граней", какъ его пріятель Кострицынъ, но сильно склоняется къ его „теоріи личности", не долюбливаетъ пріѣвшихся ему общихъ мѣстъ, которыми, до сихъ поръ, пробавляются тѣ изъ его сверстниковъ, кто считаетъ себя „чистыми", хранителями традицій шестидесятыхъ годовъ.

Онъ не отступникъ. Нѣтъ! А только хочетъ думать и поступать на свой страхъ, ничего не бояться и смотрѣть на науку, на искусство, на жизнь, на народъ: трезво, смѣло, не пришпиливая непремѣнно извѣстнаго ярлыка.

Съ такой внутренней свободой ему теперь гораздо вольнѣе дышется. Нѣтъ уже передъ глазами какой-то дымки, сквозь которую смотрятъ на все тѣ, кто себя „чистыми" величаетъ. Это—фарисейство, сознательное или нѣтъ—все равно.

А когда нужно стать на сторону честнаго дѣла — онъ все тотъ же Шипилинъ. Какъ его радостно подмывало, когда „прятали" Олимпіаду Дмитріевну! Всѣ тѣ дни у него на душѣ было „ликованіе", точно онъ самъ все это продѣлалъ. Радъ онъ и за Кострицына. Видимое дѣло, тутъ кончится любовью. Иванъ Кузьмичъ и теперь уже „клюнулъ". Его узнать нельзя. Вотъ что страсть выкидываетъ! Горами двигаетъ. Кто бы могъ подумать, что такой „Сократъ"—и вдругъ отправится къ генералу Кишкетову и добьется своего—произведетъ „психическое давленіе"!

— Молодецъ!—громко выговорилъ Шипилинъ, ускоряя шагъ.

Въ такомъ поведеніи, въ сущности, нѣтъ никакого противорѣчія его философіи. Что онъ проповѣдуетъ? Развитіе личности. Онъ полюбилъ женщину, ея натуру, талантъ — и сталъ на ея сторону, какъ онъ постоялъ бы и за себя, и совершенно такъ же, всѣми доступными ему средствами, сталъ бы бороться съ врагами.

Положимъ, и Воденягинъ способенъ на то же. Онъ и тревогу-то забилъ, тогда, на вечеринкѣ въ „Яслях". Однако, разговорись съ нимъ „по душамъ", и сейчасъ же всплыветъ наверхъ все то, что такъ побѣдоносно громитъ Иванъ Кузьмичъ, что, въ концѣ концовъ, ведетъ къ рабству личности передъ навязанными запретами и повелѣніями,—къ „слюняйству".

Съ этого пункта его, Шипилина, теперь никто не сдвинетъ.

Никто! Даже и другъ его Владиміръ Мечъ. Они имѣли, на-дняхъ, долгія ночныя бесѣды на эту тему. И тотъ его непереубѣдилъ.

Натура глубокая—Володя; но голова—квадратная, неподатливая. Слишкомъ въ немъ „нутро“ заѣдаетъ смѣлость отношенія къ жизни и накладываетъ на все печать „душевнаго ковырянья“. Жизни онъ боится, женщинъ не знаетъ, на оперетку до сихъ поръ смотритъ какъ на что-то позорное и никогда не смѣется. Такимъ и останется.

Къ нему, въ клинику, и шелъ Шипилинъ. Не близкое мѣсто „пропонтировáть“ туда; да онъ хорошій ходокъ и терпѣть не можетъ ждать конку и сидѣть въ каретѣ, гдѣ всякія салопницы торчатъ какъ „кикиморы“.

Володя просилъ его зайти за нимъ, по окончаніи визитаціи, въ общихъ клиникахъ. Почему-то ему приспичило.

Вышла у нихъ заминка въ отчетности, по суммѣ, израсходованной на пособія. Два „землячества“ вели свое дѣло сообща. Ни къ одному изъ нихъ Шипилинъ не принадлежалъ. Мечъ считался въ одномъ изъ нихъ и былъ довѣреннымъ лицомъ. Онъ—изъ юго-западныхъ губерній. Отецъ его—южно-руссъ; мать—родомъ полька.

Въ подъѣздѣ одного изъ клиническихъ зданій Шипилинъ молодцовато взбѣжалъ и отдалъ унтеру пальто въ обширныхъ сѣняхъ.

Лекціи отходили. Въ палатахъ еще работали студенты послѣднихъ годовъ. И въ сѣняхъ, и по коридорамъ не смолкалъ звукъ шаговъ, кучками и по-одиночкѣ двигались вицъ-мундиры съ голубыми воротниками, пробѣгали сидѣлки.

И по главной лѣстницѣ движеніе не прекращалось.

Шипилинъ зналъ, гдѣ ему подождать товарища.

Минутъ черезъ пять, не больше, Мечъ спустился сверху, сейчасъ же взялъ его подъ-руку и отвелъ въ сторонку, гдѣ они сѣли на подоконникъ.

Разговоръ ихъ пошелъ вполголоса.

Сюртуки были у нихъ разстегнуты. Мечъ держалъ себя очень опрятно и носилъ высокій жилетъ съ металлическими пуговицами.

Лицо у него, какъ всегда, было серьезно. Ничего особеннаго Шипилинъ въ его выраженіи не замѣтилъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ ласково и съ усмѣшкой взглянулъ на товарища.

— Ты извини, Николай,—заговорилъ Мечъ, оглядываясь по сторонамъ.—Я тебя сюда вызвалъ.

— Не суть важно!

— Дежурный я сегодня. И домой скоро не попаду. У насъ третьяго дня вышло безобразное галдѣнье... Я такъ не могу. Уйду отъ нихъ!

— Изъ-за чего же сыръ-боръ загорѣлся?

— Кажется, никто,—голосъ его дрогнулъ,—никто,—повторилъ онъ съ силой,—не смѣетъ меня заподозрить въ чемъ-нибудь... неблаговидномъ... хотя бы въ пустякахъ?

Онъ выговаривалъ слова съ усиліемъ и очень отчетливо.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?

Тонъ Шипилина продолжалъ быть легкимъ и полу-шутливымъ.

— И вдругъ, изъ-за одного пособія нашлись двое господъ, которые стали дѣлать намеки на то, что я покривилъ душою. Подкладка этихъ намековъ была самая нынѣшняя.

— Въ какомъ вкусѣ?

— Въ патріотическомъ. Ты не знаешь того студента. Его фамилія Ковелло. Держится онъ съ однимъ изъ землячествъ потому, что онъ,—по матери—хохолъ. Отецъ былъ литовецъ. Имя—настоящее литовское. Но онъ—православный. И какъ бы ты думалъ? Тѣ двое господъ стали инсинуировать, что я помирволилъ „своему человѣчку".

Черта горечи залегла на лицѣ около рта.

— Почему же это?—точно не хотѣлъ понять Шипилинъ.

— Видишь ли, я — ляхъ!.. Они пронюхали, что мать моя была католичка.

— И только-то?

Шипилинъ всталъ и поправилъ фуражку.

— Это гнусно!—глухо и страстно выговорилъ Мечъ.

— Плюнь!.. Володя! Какъ тебѣ не стыдно! Уйди, коли тебѣ это надоѣло.

— Я и уйду! Ты соглашаешься, что оставаться въ довѣренныхъ лицахъ нельзя.

— Плюнь—говорю тебѣ!.. Было бы это въ прежнія времена—мы бы этихъ молодчиковъ проучили. А теперь самое лучшее—оставить втунѣ.

Мечъ сидѣлъ, опустивъ голову, и лицо его не прояснялось.

XXV.

Совсѣмъ тихо въ клиникѣ. Кое-гдѣ горятъ лампы. По половику коридора прозвучали глухіе и скорые шаги сидѣлки.

Студентъ Мечъ только-что сдѣлалъ перевязку ноги больному въ одной изъ хирургическихъ палатъ.

Больной былъ не опасный и скоро выпишется. Мечъ занимался имъ все-таки очень старательно, какъ и всѣмъ, что онъ дѣлалъ.

Разговоръ съ Шипилинымъ оставилъ въ немъ горькій слѣдъ.

„Эхъ, Николай!—про себя повторялъ онъ, ходя по коридору замедленнымъ шагомъ, съ опущенной головой. — Эхъ, Николай! Для тебя все—пустяки! Очень ужъ ты форсистъ и въ себѣ увѣренъ! Хорошо тебѣ говорить: „плюнь“!

Онъ не могъ „плюнуть“ на то, что его мозжитъ уже который день.

Случай съ нимъ — не единственный. Такое время, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже!

Сколько онъ знаетъ фактовъ. Сотни! Они показываютъ—кто нынче поднимаетъ голову; чѣмъ его ровесники и тѣ, что моложе, проникаются. Сухость, ловкачество, безпринципіе, а то такъ и просто ухарство, пошлость, и того хуже.

Развѣ онъ самъ не „влопывался“ въ грязныя исторіи, тоже изъ-за пособій, когда ручался за такихъ господъ, которые оказывались „червонными валетами“?

Одна такая исторія во всѣхъ подробностяхъ проходила передъ нимъ. Добрый малый, „душа-человѣкъ“ и на хорошемъ счету у профессоровъ, умѣлъ разжалобить хоть кого своимъ собственнымъ положеніемъ. И ему вѣрили, выхлопатывали ему пособія, поручались за него... Чѣмъ же кончилось? Пошли по городу подложныя карточки и цѣлыя письма отъ извѣстныхъ лицъ къ богатымъ купцамъ... Поймался наконецъ. Началось дѣло. Судебнаго слѣдователя онъ тоже разжалобилъ—тотъ указалъ ему на одного земляка, чтобы тотъ взялъ его на поруки. Выпустили его, и онъ на другой же день получилъ по фальшивому чеку двѣ тысячи рублей въ одной изъ конторъ Кузнецкаго-Моста, а черезъ четыре дня въ банкѣ чуть-было не получилъ по чеку въ восемь тысячъ. Тогда его засадили и будутъ судить.

Скажутъ: „всегда бывали мошенники, во всѣ эпохи“. Да! Но прежде такъ низко падали кутилы, безпутные барчуки. А вѣдь этотъ—изъ простого званія, былъ на отличномъ счету, ре-

фераты писалъ; всѣ считали его „симпатичнымъ“ малымъ, тихонькій, старательный по ученью, мягкій и уступчивый съ товарищами.

Замотался—говорили—женщина его запутала; такъ покончи съ собою, какъ только тебя поймали съ поличнымъ. Нынѣшніе лгутъ, какъ закоренѣлые преступники, фальшиво каются, въ грудь себя бьютъ, сочиняютъ цѣлыя жалостныя исторіи. И какъ только выпустятъ ихъ на поруки—сейчасъ же фабриковать фальшивые чеки на тысячи рублей.

Онъ—„до гадости“ честный Владиміръ Мечъ—и вдругъ долженъ выносить намеки на то, что покривилъ душой въ пользу товарища „не чисто русскаго происхожденія“. И онъ увѣренъ, что его и такіе господа и даже другіе, болѣе порядочные, считаютъ „полячкомъ“.

Вѣдь это нынѣче чуть не бранное слово, немногимъ лучше „жидка“. Хорошо Шипилину говорить: „наплюй“. Ему никто не броситъ въ лицо обвиненія въ томъ, что онъ „не-русскій“... Ему—коренному москвичу по фамиліи, по расѣ, по родителямъ.

И неужели онъ долженъ умышленно скрывать то, что его мать была полька! Если не захочетъ наживать себѣ впослѣдствіи по службѣ разныхъ гадостей—благоразумнѣе будетъ скрывать.

„Какая гнусность!“—вскричалъ онъ про себя, и чувство почти физической тошноты засосало ему въ груди.

Да онъ и теперь, и давно уже, съ гимназіи, если не скрываетъ, то уклоняется отъ разговоровъ о своихъ родителяхъ, боясь, какъ бы какой-нибудь нахалъ не выпалилъ ему:—Такъ вы, значитъ, батенька, полуполячокъ?

Еслибъ не мать, онъ не зналъ бы ни одного звука на ея родномъ языкѣ. Она его учила, бывало, подъ вечеръ, послѣ того, какъ онъ приготовитъ всѣ уроки.

По отцу онъ южно-руссъ, но не „хохолъ“, никакой въ себѣ не сознаетъ вражды, и на великоруссовъ смотритъ такими же глазами,—даже больше съ ними ладитъ, чѣмъ съ хохлами.

И онъ долженъ подавлять въ себѣ то, что ему стало дорого черезъ мать. Уйти къ людямъ ея расы онъ тоже не можетъ. У него нѣтъ ихъ чувства къ родинѣ, ихъ преданій, завѣтовъ, надеждъ и горечи. Онъ и говорить-то научился плоховато, а въ университетѣ и совсѣмъ отсталъ отъ языка.

Не желая играть двойственную роль, онъ не сходится съ поляками, но не хочетъ также выдавать себя и за коренного русака. Когда онъ только-что поступилъ въ студенты, еще не было

такого „духа“, какъ теперь во всемъ, что—расовая борьба. Это—какое-то повѣтріе. Глядишь—тотъ, кто пять лѣтъ назадъ даже похвалялся своими общегуманными чувствами, теперь пяти словъ не скажетъ, не выбранившись въ патріотическомъ вкусѣ.

Нѣсколько разъ возвращался Мечъ къ той минутѣ, когда ему на сходкѣ сдѣлали оскорбительный намекъ. Можетъ быть, случись это три-четыре года назадъ, онъ бы съумѣлъ осадить такихъ господъ и въ концѣ концовъ „плюнулъ бы“, какъ совѣтуетъ Шипилинъ. Теперь онъ рѣшительно не можетъ отдѣлаться отъ острой боли, которую ощущаетъ второй день вездѣ—въ палатахъ, въ аудиторіи, на улицѣ, дома.

Будь жива его мать, узнай отъ него про это—она бы вся затряслась и навѣрно сказала бы ему:—„Ты долженъ былъ имъ отвѣтить: да, во мнѣ шляхетная кровь, и я ея не стыжусь!“

Но развѣ можно теперь пускать такіе возгласы? Тебя или на смѣхъ поднимутъ, или наговорятъ пошлостей, изъ-за которыхъ надо всѣхъ вызывать на дуэль.

Дуэль? какъ бы не такъ! Это не въ нынѣшнемъ духѣ. Отколотить кого-нибудь—впятеромъ одного—пожалуй!

Образъ матери усилилъ его душевное разстройство.

Ему стали приходить на память давно имъ забытые звуки вдохновенной рѣчи... Вступленіе къ „Пану Тадеушу“. Онъ беззвучно началъ выговаривать воззваніе къ родинѣ. Яркія картины стародавней жизни метались передъ нимъ. Вѣковая литовская „пуща“, великолѣпный взмахъ творчества: сцена звѣрей въ глубинахъ дремучихъ дебрей... „Войскій“ съ его рогомъ, судья, Зося, старый ключникъ, ряса капуцина, подъ которой скрывался грѣшникъ Соплица—зароились въ его головѣ.

И страстныя ноты изъ знаменитаго стихотворенія подкрались къ нему:

„Danaidy! rzucałem w bezdeń...“

съ заключительными словами:

„I we łzach roztopioną duszę!“

И еще, и еще, столько сладкихъ звуковъ, отъ которыхъ дрожитъ въ груди и подступаютъ слезы.

Только-что онъ сталъ припоминать маленькую элегію, всего въ какихъ-нибудь пять-шесть строкъ, и съ первыхъ же звуковъ

„Polały się...“

двѣ крупныхъ слезы потекли по его щекамъ.

Онъ вынулъ платокъ и прошелся имъ по лицу. Ему не стало

легче. Точно будто все, что въ его душѣ лежало подъ спудомъ, разомъ всплыло наверхъ. И такъ постыла дѣлалась ему вся его жизнь, ученье, будущая служба, недавніе годы наивныхъ идей и чувствъ, изъ-за чего онъ сидѣлъ въ Бутыркахъ и былъ удаленъ, вмѣстѣ съ Шипилинымъ, мытарства во время этого долгаго перерыва, постылыя хлопоты о вторичномъ принятіи въ студенты.

Все это представлялось ему такимъ печальнымъ вздоромъ. Вотъ на что слѣдовало бы „наплевать", какъ предлагалъ Шипилинъ.

Сегодня онъ просилъ у ассистента хлороформу — съ нимъ вдругъ случилась схватка зубной боли. Тотъ хотѣлъ принести и забылъ.

Зубы успокоились—такъ же вдругъ, какъ это часто бываетъ; но про хлороформъ онъ почему-то вспомнилъ и спросилъ у прохаживавшагося по коридору служителя: дома ли ассистентъ.

— Они прошли къ себѣ.

„Попрошу, — подумалъ онъ, — на всякій случай. Ночью можетъ опять заныть".

И какъ будто у него отошло на душѣ отъ того, что онъ сейчасъ добудетъ у ассистента склянку со снадобьемъ, отъ котораго вся сознательная жизнь человѣка—послѣ нѣсколькихъ вдыханій — замираетъ и можетъ, безъ страданій, перейти въ небытіе, гдѣ нѣтъ ни страха, ни обиды, ни душевной боли, ни безвозвратныхъ потерь.

Поспѣшно повернулъ онъ къ комнатѣ ассистента.

XXVI.

Въ дверь къ Шипилину—онъ спалъ запершись—сильно стучались.

— Сейчасъ! — торопливо крикнулъ онъ, вскочилъ и подбѣжалъ, въ туфляхъ, къ двери.

— Что нужно?

— Къ вамъ, Николай Павловичъ, — отвѣтила его квартирная съёмщица.—Нужно... Товарищъ...

Остальное онъ не разобралъ, накинулъ на себя пальто и отперъ дверь.

Въ передней, рядомъ съ хозяйкой, стоялъ его товарищъ Дезидеріевъ, на этотъ разъ въ поношенномъ студенческомъ пальто и съ вязанымъ шарфомъ на шеѣ.

— Что такое? — тревожно спросилъ Шипилинъ.

Дезидеріевъ—прямо въ калошахъ, полныхъ снѣгомъ—вошелъ къ нему.

— Бѣда, братъ Шипилинъ! Бѣда!

— Да говори толкомъ!

— Мечъ... приказалъ долго жить, — съ усиліемъ выговорилъ Дезидеріевъ.

Онъ всю дорогу обдумывалъ — какъ бы ему приготовить Шипилина къ этой вѣсти; хотѣлъ сначала сказать: опасно заболѣлъ—и дорогой открыть ужасную правду. Но онъ не совладалъ съ такимъ тонкимъ подходомъ и бухнулъ.

Съ Шипилина пальто слетѣло. Онъ кинулся къ Дезидеріеву и схватилъ его за обѣ руки.

— Ты съ ума сошелъ! Нынче, братъ, не первое апрѣля. Да и шутка тупая.

Лицо у Дезидеріева все потемнѣло. Волосы торчали въ разныя стороны.

— Правда?

— Правда! — чуть слышно промолвилъ Дезидеріевъ, отвернулся и, сидя у стола, отъ волненія забарабанилъ двумя широкими пальцами.

Шипилинъ вдругъ заплакалъ и, схватившись за голову, легъ на кровать. Плакалъ онъ долго, всхлипывая, молодо и глухо, потомъ всталъ и—все еще въ одномъ бѣльѣ—подсѣлъ къ столу.

— Говори,—слезы еще мѣшали ему говорить,—говори скорѣе... Неужели онъ самъ съ собою покончилъ?

— Самъ.

— Да вѣдь я его вчера еще въ клиникѣ видѣлъ... Онъ просилъ придти.

Шипилинъ заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ оно—времечко! Какихъ-то два пошляка стали инсинуировать, что онъ, видите ли, полякъ и покривилъ душой насчетъ выдачи пособія.

— Вотъ оно что! — точно про себя вымолвилъ Дезидеріевъ.

— И что же? — боязливо спросилъ Шипилинъ.

— А ты одѣвайся. Пойдемъ... Я разскажу.

— Хорошо,— кротко сказалъ Шипилинъ, и началъ одѣваться.

— Вчера вернулся онъ поздно. Я — знаешь — проснулся и говорю про себя: „это Мечъ пришелъ, должно быть изъ клиники...“ И ничего больше не слыхалъ. Да и слышать-то нечего было. Что жъ? И то хорошо—страданій не было.

— Однимъ выстрѣломъ? Какъ же никто не слыхалъ?

— И не думалъ... Никакого выстрѣла не было. Одѣвайся...

Я разскажу. Утромъ сегодня Любаша хотѣла войти — взять платье — онъ за ширмами спалъ и не запирался никогда, ты знаешь. А вставалъ всегда раньше всѣхъ. Заперто. Она начала стучать. Никакого отвѣта. Почему-то въ сомнѣніе пришла. Къ хозяйкѣ. Всѣхъ подняли на ноги. Стучимъ... Я сильнѣе всѣхъ усердствовалъ... Молчаніе. Ну, разломали замокъ, за дворникомъ послали, потомъ и за городовымъ...

— Ядъ? — шопотомъ спросилъ Шипилинъ, уже одѣтый.

— Умно придумалъ... Гдѣ-то я читалъ въ такомъ же вкусѣ. А можетъ, и самъ, какъ медикъ, догадался. Повязалъ крѣпко, вокругъ носа и рта, платокъ съ толстымъ кускомъ ваты, а вату намочилъ хлороформомъ. Такъ и уснулъ... на вѣки.

Дезидеріевъ не хотѣлъ плакать, считалъ это „малодушіемъ"; но послѣднія два слова произнесъ съ трудомъ.

— Хлороформъ! — повторилъ Шипилинъ.

— Да, братъ, и ловко же разсчиталъ—сколько нужно, чтобы не проснуться... Ночью написалъ три письма: одно—домой, другое—кому-то здѣсь, третье—тебѣ.

— Ты принесъ?

— Какъ же можно... Ты долженъ самъ отъявиться. Дѣло началось... Будетъ, поди, вскрытіе.

— Зачѣмъ?

Шипилину представилось сейчасъ, какъ трупъ его друга будетъ обезображенъ.

— Можетъ, и безъ вскрытія обойдется. Дѣло ясное... Такъ онъ и лежитъ, на спинѣ, точно спитъ, и глаза закрыты. Красивый такой... Онъ и не раздѣвался.

— Ну, идемъ! — крикнулъ Шипилинъ, пересиливая новый приступъ слезъ.

Они шли больше пяти минутъ молча. Шипилинъ—на поворотѣ въ улицу—остановилъ Дезидеріева и взялъ его за рукавъ.

— Даромъ этого я не оставлю. Надо дать острастку! Нельзя терпѣть подобныхъ низостей!

— Да вѣдь я слышалъ то же вонъ сейчасъ отъ Куницына... Парень хорошій, врать не станетъ... Никто вѣдь его не оскорбилъ и никакихъ ехидныхъ намековъ... Тотъ былъ на сходкѣ.

— Однако!

Шипилину слышался голосъ друга, вздрагивающій и нутряной — голосъ человѣка глубоко возмущеннаго. Онъ не съумасшедшій. Ни съ того, ни съ сего не станетъ человѣкъ—и такой твердый, какимъ былъ Владиміръ Мечъ—бѣжать изъ жизни по доброй волѣ.

Чѣмъ ближе они подходили къ его квартирѣ, тѣмъ въ груди Шипилина все чаще замирало. Даже потъ онъ почувствовалъ на лбу.

— Ты подвинти себя маленько,—сказалъ ему Дезидеріевъ.— На тебѣ, братъ, лица нѣтъ.

И часъ спустя Шипилинъ сидѣлъ у кровати друга одинъ, дожидаясь прибытія должностныхъ лицъ.

Мечъ лежалъ въ своемъ сѣромъ короткомъ пальтецѣ, на спинѣ, съ руками на груди, которыя самъ сложилъ, собираясь уходить навсегда отъ товарищей и отъ всего остального, что его еще ждало въ жизни.

Лицо—не особенно блѣдное и строгое, съ опущенными вѣками — казалось тихо спящимъ. Слѣдовъ ужаса не было. Несомнѣнно, онъ ушелъ изъ жизни безъ всякой предсмертной агоніи, тихо и мужественно.

Съ опухшими отъ слезъ глазами перечитывалъ Шипилинъ письмо въ четвертый разъ.

Съ нимъ случилось нѣчто, никогда имъ не испытанное — точно какой внутренній голосъ крикнулъ ему: „Смотри!“

До сихъ поръ все съ него слетало легко и быстро, и въ душѣ росла увѣренность въ томъ, что какъ бы ни было теперь „гнусно“—онъ за себя поручится и никогда ни на какую сдѣлку съ своей совѣстью не пойдетъ.

„Прощай!—читалъ онъ сквозь слезы.—Прощай, Николя, и помни мой товарищескій завѣтъ... Я тебя знаю лучше, чѣмъ ты самъ себя. Слѣди за собою. Тина и тебя можетъ засосать. Не любуйся своими талантами! Вникни въ то, что вокругъ тебя дѣлается. Не надѣйся прожить припѣваючи, если ты не устранишь того, что меня погнало изъ жизни. Гадко, другъ, гадко, и гадость эта все ростетъ, все поднимается, точно какая-то липкая поросль, въ которой микробы такъ и кишатъ... Ты—пожалуй—скажешь, что я маньякъ, клиническій субъектъ... Изъ-за такого пустяшнаго столкновенія нейдутъ на самоубійство? Не стану спорить. Такъ будутъ говорить и умники—смѣлѣе, чѣмъ простецы. Но ты этому не вѣрь. Ближайшій поводъ ничего, самъ по себѣ, не значитъ, другъ! Можно было „наплевать“, какъ ты мнѣ вчера совѣтовалъ; а я не могъ. Изъ-за этой пустяковины—на твой аршинъ—выглянулъ на меня цѣлый безконечный рядъ пошлости, измѣнъ, нахальства, попиранія всего, что не освящено расовой враждой и торжествующимъ бездушіемъ.

„Прощай, Коля,—и вспоминай не обо мнѣ, не о моихъ добродѣтеляхъ, а о моей смерти — больше ни о чемъ. Берегись, —

говорю я тебѣ въ послѣдній разъ, — бойся самого себя, бойся будущихъ легкихъ успѣховъ—ты вѣдь склоненъ къ тому, чтобы добиваться ихъ. Жизни въ тебѣ много, и это—великій даръ; но жизнь сама по себѣ ничего не стоитъ. Этотъ выводъ меня пронялъ только сегодня, и я уношу съ собою свое „я", о которомъ твой пріятель Иванъ Кузьмичъ такъ хлопочетъ. И ему передай мой привѣтъ и желаніе, упорно защищая личность, не загубить ее. Обнимаю тебя!.. Не поминай лихомъ".

XXVII.

До Москвы оставалось двѣ станціи.

Лыжинъ взялъ ближайшій поѣздъ—плохой, но онъ могъ его доставить къ ночи въ Москву. Въ отдѣленіи онъ сидѣлъ вдвоемъ, потомъ совершенно одинъ до самой Москвы.

Онъ уже телеграфировалъ Кумачеву, прося его подождать его дома, даже и поздно — поѣздъ долженъ былъ придти около одиннадцати часовъ.

Въ немъ такъ сильно было возбужденіе, что онъ, скинувъ съ себя шубу, шагалъ между диванами, держась за ихъ спинки. И отъ шапки ему дѣлалось жарко.

Стряслось нѣчто, изъ-за чего онъ станетъ лицомъ къ лицу съ своимъ принципаломъ и увидитъ — можно ли ему оставаться на его службѣ, или нѣтъ.

Захаръ Лукьяновичъ—четыре дня назадъ—попросилъ его къ себѣ, рано утромъ, и „конфиденціально" сообщилъ ему, что на его второй, ткацкой, мануфактурѣ что-то не совсѣмъ ладно. Рабочіе начинаютъ волноваться противъ главнаго техника-директора, англичанина родомъ.

Съ нимъ Лыжинъ познакомился, но не входилъ въ его дѣло, не осматривалъ самыхъ мастерскихъ, не желая вызывать въ томъ подозрѣнія — точно онъ все подглядываетъ, чтобы потомъ доносить Кумачеву, да онъ и не смыслитъ ничего въ самомъ производствѣ. Его дѣло было: наблюдать за общимъ хозяйствомъ обѣихъ мануфактуръ и земельныхъ угодій. На обѣихъ состояло по особому управляющему, которые завѣдывали рабочими, учетомъ жалованья, заборомъ въ лавкахъ, содержаніемъ всѣхъ заведеній, состоявшихъ при мануфактурахъ, скотнымъ дворомъ, конюшнями, экипажами, огромнымъ штатомъ всякой прислуги.

На ткацкой фабрикѣ управляющій показался Лыжину жестко-

ватымъ на счетъ рабочихъ, уже въ первый его объѣздъ. Но ихъ казармы, лавки, пекарни, больницы—все было въ исправности. Вопроса штрафовъ онъ не касался, и о немъ не было у нихъ и рѣчи. Зналъ онъ и отъ управляющаго, что „Архипъ Архипычъ"—такъ передѣлали рабочіе по-русски имя и отчество англичанина, котораго звали *Арчибальдъ Ли*—„строгонекъ" и „шутки съ нимъ плохія".

Штрафы — и переполнили чашу. Англичанинъ, съ годами, богатѣя,—онъ имѣлъ, кромѣ большого жалованья, процентъ чистаго дохода—становился все суровѣе. Ввелъ онъ — недавно — нѣсколько новыхъ видовъ производства и сталъ сильно выколачивать штрафы. По нѣкоторымъ книжкамъ приходилось до шестидесяти процентовъ заработной платы.

Тутъ-то и началось броженіе.

На фабрикѣ Лыжинъ, по просьбѣ Кумачева, долженъ былъ сначала „келейно" перетолковать съ управляющимъ и добыть отъ него самыя подробныя свѣденія—дѣйствительно ли англичанинъ „перепустилъ мѣру". Захаръ Лукьяновичъ не считалъ этой исторіи очень важной и думалъ, что управляющій слишкомъ „труса празднуетъ". Тотъ, въ послѣднемъ своемъ донесеніи, писалъ, что „не отвѣчаетъ ни за что, если не будутъ затребованы команды".

— Иначе, — сказалъ ему успокоительно Кумачевъ, — я бы васъ не обезпокоилъ Юрій Петровичъ, а отправился бы собственной персоной.

Вообще Лыжинъ замѣтилъ, что Кумачевъ—съ самой дуэли—дѣлами занимается спустя рукава, и всѣ почти вечера просиживаетъ за сильной игрой, и у себя, и въ клубѣ.

Двое сутокъ, проведенныхъ Лыжинымъ на фабрикѣ, убѣдили его, что если Кумачевъ не разрѣшитъ скидку штрафовъ, а еще лучше — не удалитъ директора, — то выйдетъ что-нибудь очень печальное. Онъ увидѣлъ, что—въ управляющемъ, когда разговоръ дошелъ до сути—сидитъ самый настоящій „жохъ", который только по наружности „мягко стелетъ". Онъ не отрицалъ, что директоръ строгонекъ, но высказался такъ:

— Безъ штрафовъ нельзя стоять мануфактурному дѣлу! Захаръ Лукьяновичъ это прекрасно *сами* знаютъ. Штрафы всѣ—за дѣло, хотя и „сильненьки". Ежели въ новыхъ видахъ производства на нихъ не поналечь—будетъ чистѣйшій убытокъ.

И онъ началъ ему это высчитывать и на счетахъ, и по книгамъ.

Спорить съ нимъ Лыжинъ не сталъ. Разспрашивать у рабо-

чихъ Кумачевъ не разрѣшилъ ему. Они прислали къ нему вожаковъ изъ самыхъ толковыхъ и получающихъ большую задѣльную плату. Сначала онъ не хотѣлъ ихъ принять. Но это ему показалось слишкомъ уклончивымъ, и онъ толковалъ съ ними нѣсколько часовъ.

Одинъ изъ нихъ—молодой малый, грамотный, складно говорящій, изъ тѣхъ, что стоятъ при набивныхъ машинахъ—сказалъ ему, на прощанье:

— Извольте передать Захару Лукьяновичу, мы не за себя однихъ хлопочемъ, а за *темную массу*—онъ такъ и выразился:—тѣмъ просто хоть въ гробъ ложись съ такими анаѳемскими штрафами. Директоръ совсѣмъ осатанѣлъ. Онъ сбирается уходить, у него капиталъ въ триста тысячъ, коли не больше... Такъ ему, на послѣдяхъ, все едино. Теперь еще, коли хозяинъ скинетъ хоть половину штрафовъ, народъ присмирѣетъ. А нѣтъ—мы ни за что не ручаемся; объ этомъ и управляющій достаточно увѣдомленъ.

И такъ это было сказано вѣско, что онъ почуялъ, вчужѣ что дѣло рѣзкое. Свое впечатлѣніе передалъ онъ управляющему, тотъ ему—все съ усмѣшкой—сказалъ:

— Это вѣрно! Надо вызывать команду, и сейчасъ же, до всякаго явнаго оказательства. Коли прогуманствовать хоть недѣлю—будетъ погромъ на большую сумму. Можетъ, и краснаго пѣтуха пустятъ.

Англичанинъ и ухомъ не повелъ, даже не пришелъ поздороваться съ Лыжинымъ. А онъ не счелъ нужнымъ убѣждать его.

— Директоръ тутъ не при чемъ, — сказалъ ему управляющій.—Онъ только указываетъ, а утверждаемъ штрафы мы.

Черезъ полчаса предстоялъ ему „докладъ“ у Кумачева, и онъ надѣялся, что Захаръ Лукьяновичъ, съ своимъ недюжиннымъ умомъ, сообразитъ опасность и не будетъ ставить все на карту, изъ-за упорства англичанина, который и безъ того самъ сбирается уходить, къ ближайшему сроку контракта.

Двое сутокъ на фабрикѣ разстроили его гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ тутъ еще разъ, на крутомъ примѣрѣ, увидалъ, какъ дѣйствуютъ „молотъ“ и „наковальня“, по образному выраженію князя Иларіона, которое ему припомнилось. Капиталъ—безпощаденъ. Это такая же стихійная сила, какъ и броженіе массы. Хоть „въ гробъ ложись“, а штрафъ у тебя вытянутъ, и ты вмѣсто пяти рублей получишь только три.

Его личное положеніе—какъ бы въ сторонѣ; а все-таки ему стало жутко, и чѣмъ больше онъ перебиралъ въ головѣ подроб-

ности такого неизбѣжнаго столкновенія, тѣмъ роль его въ „домѣ Кумачевыхъ“ выставлялась передъ нимъ въ болѣе двойственномъ свѣтѣ. Что это за служба? Что-то въ родѣ „синекуры“, безполезной и лживой, мѣсто какого-то „офиціалиста“, какъ говорятъ поляки, при милліонщикѣ-купцѣ, желающемъ держать при себѣ столбовыхъ дворянъ въ качествѣ приспѣшниковъ.

Въ такихъ мысляхъ ѣхалъ онъ къ Кумачеву по опустѣвшимъ улицамъ и переулкамъ Москвы. За нимъ выслали сани. Это его тоже покоробило.

„Офиціалистъ!“—повторилъ онъ, и ему вспомнилось умное, худое лицо молодого мастера, главнаго вожака депутаціи, которую онъ принималъ. Его клонитъ на ихъ сторону, и вовсе не изъ страха за мошну „его степенства“.

Кумачева засталъ онъ въ кабинетѣ, за картами, съ игрокомъ Спѣшановымъ, однимъ изъ его секундантовъ. Они играли въ палки. На столикѣ стояла ваза съ бутылкой шампанскаго.

Захаръ Лукьяновичъ съ краской, проступившей въ его смуглыхъ щекахъ, принялъ его пріятельскимъ возгласомъ и сейчасъ же предложилъ „стаканчикъ холодненькаго“, отъ котораго Лыжинъ отказался.

— Ну что? — спросилъ онъ его, дѣлая перерывъ въ игрѣ. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ?

Тонъ его показался Лыжину безцеремоннымъ.

— Какъ сказать! Я попросилъ бы васъ выслушать меня сейчасъ же. Дѣло—рѣзкое.

И онъ взглянулъ бокомъ на Спѣшанова.

— Тутъ никакихъ секретовъ нѣтъ,—громко выговорилъ Кумачевъ.—Голубчикъ,—обратился онъ къ игроку,—извини. На четверть часика мы повременимъ. Полежи на диванѣ, родименькій.

— Ладно,—отвѣтилъ Спѣшановъ и потянулся.

Кумачевъ отвелъ Лыжина къ письменному столу.

— Ваша депеша очень ужъ была нервная, любезнѣйшій Юрій Петровичъ.

— Вы—хозяинъ,—заговорилъ Лыжинъ:—вамъ и книги въ руки. Но мое мнѣніе таково: скинуть пятьдесятъ процентовъ, а еще лучше удалить директора или управляющаго, а то и обоихъ разомъ.

— Вы это серьезно?—сказалъ Кумачевъ и злобно усмѣхнулся.

Отъ него сильно пахнуло виномъ на Лыжина.

— Безусловно!

— Ну, нѣтъ-съ!—точно выпалилъ онъ, грузно поднялся съ кресла и заходилъ по кабинету.—Слышалъ, Спѣшановъ?

— Слышалъ, — тягуче откликнулся игрокъ, зѣвнулъ и еще разъ потянулся.—Анархистовъ разводить!

— Именно. Смѣху подобно! — продолжалъ Кумачевъ, выпрямляя свою широкую грудь.—Поблажать мерзавцамъ, которымъ у меня живется какъ у Христа за пазухой! И больницы, и школы, и разныя затѣи маменьки моей, и папушникъ имъ отпускаютъ себѣ въ убытокъ! Еслибъ даже штрафы и были строги, — онъ ближе подошелъ къ Лыжину,—то и тогда ни единой полушки не слѣдуетъ скидывать. Dura lex, sed lex! Штрафы законные, и ихъ мы имѣемъ право взимать. Иначе — анархія! Чистѣйшая анархія!

— А погромъ будетъ?..—тихо и твердо спросилъ Лыжинъ.

— И очутятся на Владимірскѣ. Я скорѣе, любезнѣйшій Юрій Петровичъ, лишусь половины состоянія, чѣмъ уступлю мое право. Онъ самъ будетъ у меня даромъ работать? Дастъ онъ мнѣ даромъ хоть одну полушку? Вы изволили предложить: прогони директора? И плати ему неустойку въ тридцать тысячъ? Изъ-за пропойцъ, которые только и норовятъ, какъ бы имъ произвести буйство!

И—точно спохватившись—онъ отошелъ отъ стола и сказалъ, поднявъ голову:

— Извините-съ! Весьма вамъ благодаренъ за ваше одолженіе—за поѣздку. Но по доброй волѣ налагать на себя руки—слуга покорный! Я не Людовикъ Шестнадцатый... Гуманность-то до чего его довела?

— Ха, ха!—разразился Спѣшановъ.

Лыжинъ замолчалъ и взялся за шапку.

XXVIII.

Онъ проснулся рано — только начало свѣтать — и его вчерашній разговоръ съ Кумачевымъ тотчасъ же охватилъ его всего.

Онъ не могъ больше лежать въ постели и, одѣвшись наскоро, заходилъ по кабинету.

Положимъ, Захаръ Лукьяновичъ вчера былъ возбужденъ крупной игрой—онъ, кажется, выигрывалъ—и шампанскимъ; но то, *что* и *какъ* онъ говорилъ, было такъ опредѣленно и такъ отвѣчало всему его душевному облику!

У „патрона“ съ подобной подкладкой ему—Юрію Лыжину —не пристало находиться въ услуженіи.

Слѣдуетъ уйти — и какъ можно скорѣе: этотъ выводъ вытекалъ просто, безъ всякихъ дальнихъ разсужденій.

И ему стало вдругъ очень легко, точно онъ освободился отъ какой-нибудь тяжкой обузы.

За послѣднія двѣ недѣли весь этотъ домъ Кумачевыхъ дѣлался ему довольно-таки постылымъ. Нину онъ не могъ оправдывать ничѣмъ. Она пошла на порядочную „гнусность“—какъ любятъ выражаться пріятели и пріятельницы Липы Угловой. Страсть тутъ не при чемъ. Еслибъ она отдалась барону, она ушла бы отъ мужа. Ревновать можно; но пускать въ ходъ доносъ или что-то въ родѣ этого...

Да и его „степенство“—Захаръ Лукьяновичъ—хотя онъ и вышелъ героемъ изъ всей этой исторіи, ведетъ съ женой какую-то чисто купеческую „линію“. Нина должна кончить тѣмъ, что будетъ дѣлать его — Лыжина—судьей своего поведенія. А ему вовсе не желательно становиться между ними посредникомъ.

„Надо сегодня же заявить письмомъ“,—рѣшилъ-было онъ и, когда стало посвѣтлѣе въ кабинетѣ, присѣлъ къ письменному столу.

Его что-то остановило—внутренняя задержка.

„Хорошо ли такъ?“—спросилъ онъ себя, бросилъ перо и заходилъ по комнатѣ.

Отчего же не сдѣлать еще попытку?

Вѣдь тутъ дѣло идетъ о нѣсколькихъ стахъ рабочихъ, а не объ одномъ „выгораживаніи своего обличья“, по любимому выраженію Елены Акридиной. Отчего же онъ—человѣкъ независимый и безпристрастный—не хочетъ быть миротворцемъ? Эта роль покрасивѣе роли посредника между Ниной и ея мужемъ.

Лыжинъ задумался. Сдѣлать попытку можно... даже должно. Быть можетъ, вчера Кумачевъ — съ горяча, изъ-за хозяйскаго гонора—такъ круто поставилъ вопросъ, а сегодня, проспавшись, пойдетъ на уступки.

Тотчасъ ему вспомнилась мать Кумачева. Про нее онъ достаточно наслышанъ отъ Кострицына. Она вѣдь „либералка“; по ея настояніямъ, еще при жизни ея мужа, на обѣихъ мануфактурахъ заведено все то, что идетъ на пользу рабочимъ — школы, больницы, ясли, библіотека, клубъ, образцовыя пекарни съ дешевымъ хлѣбомъ.

„Надо къ ней!“—рѣшилъ окончательно Лыжинъ. Ѣхать къ Кострицыну онъ не разсудилъ. Онъ не зналъ, какъ Иванъ Кузь-

мичъ посмотритъ на броженіе фабрики: быть можетъ, не станетъ ни на ту, ни на другую сторону—вѣрный своей теоріи. Да его теперь и не найдешь. Онъ поглощенъ любовью и куда-то скрылся. Еще вчера ему сказали, что онъ уѣхалъ на два дня куда-то „по близости", какъ ему глупо объяснили на его квартирѣ, въ „Кривомъ Колѣнѣ".

Никакой неловкости не ощущалъ Лыжинъ, когда отправлялся къ Раисѣ Гордѣевнѣ. Онъ всего одинъ разъ видѣлъ ее въ домѣ сына — въ день дуэли его съ барономъ Гольцемъ. Ея уже не было дома, и человѣкъ сказалъ ему, что она поѣхала, должно быть, къ Захару Лукьяновичу, по какому-то „экстренному дѣлу": сегодня, рано утромъ, получила она двѣ депеши.

— Откуда?—спросилъ Лыжинъ.

— Не могу вамъ доложить,—отвѣтилъ лакей, пожилой человѣкъ, въ степеннаго покроя сюртукѣ, служившій еще Лукьяну Сидоровичу.

Лыжинъ подумалъ, садясь опять на извозчика: „не съ той ли мануфактуры получила Раиса Гордѣевна сегодняшнія депеши?"

Швейцаръ у Кумачевыхъ встрѣтилъ его съ озабоченнымъ видомъ и доложилъ, что у Захара Лукьяновича „маменька"—и баринъ не приказалъ никого принимать.

— Вы все-таки доложите,—настоялъ онъ и снялъ шубу. Онъ зналъ, что его примутъ.

— Пожалуйте!—раздался черезъ минуту возгласъ оффиціанта, стоявшаго, какъ всегда, у дверей кабинета, въ коричневомъ ливрейномъ фракѣ и штиблетахъ.

Разговоръ былъ жаркій. Раиса Гордѣевна сидѣла, въ шляпѣ, у стола. Сынъ ея ходилъ въ глубинѣ кабинета, передъ каминомъ.

Лицо Раисы Гордѣевны было блѣдно и глаза тревожно повернулись на Лыжина, когда онъ входилъ.

Кумачевъ, одѣтый въ утренній пиджакъ, смотрѣлъ утомленнымъ, съ несвѣжими вѣками, послѣ вчерашней игры. Онъ легъ въ четыре часа и проигралъ до десяти тысячъ въ палки. Шампанское онъ пилъ съ самаго обѣда, кромѣ ликеровъ и водки. Такого лица Лыжинъ у него еще не замѣчалъ.

— Здравствуйте!—сухо выговорилъ онъ и подалъ ему руку.— Вы, маменька, вѣдь знаете господина Лыжина.

Слово: „господинъ" поворобило Лыжина. Оно ничего хорошаго не предвѣщало.

— Какже, — отвѣтила Раиса Гордѣевна и, обратившись къ Лыжину, сказала увѣренно:—Вы, разумѣется, по тому же дѣлу... Когда вы уѣзжали, еще ничего не было тамъ, никакого...

— Буйства?—подсказалъ Кумачевъ.

— Нѣтъ... Но что-то готовилось.

— Теперь уже поздно!—она указала рукой на сына.—Ему телеграфировали ночью. И я получила двѣ депеши.

„Такъ и есть!“ — подумалъ Лыжинъ. Ему очень захотѣлось сказать, что онъ отъ нея; но онъ удержался.

— И что же?—такъ же сухо, какъ его принялъ Кумачевъ, спросилъ онъ, не обращаясь особенно ни къ кому.

— Ночью тѣ, что явились на смѣну, стали разбивать машины, бить стекла, бросать митѣль изъ оконъ, рвать его на клочки,—говорила Раиса Гордѣевна, и голосъ ея вздрагивалъ при каждомъ словѣ.

— Погромъ, стало-быть?—не безъ злораднаго чувства спросилъ Лыжинъ. И въ упоръ взглянулъ на Кумачева.

— Да-съ.

— Что я вамъ говорилъ вчера? — Значитъ, ни я, ни даже вашъ управляющій, труса не праздновали!

— Это не суть важно!—глухо и злобно выговорилъ Кумачевъ.—Я сейчасъ ѣду и требую усиленную команду.

— Вразумите вы его! — страстно обратилась Кумачева къ Лыжину.—Вѣдь это прямо идти на душегубство!

— Мало ли что!—отозвался Кумачевъ.

— Когда можно сейчасъ же усмирить ихъ...

— Если уже не поздно,—добавилъ Лыжинъ.—Я вчера совѣтовалъ Захару Лукьяновичу.

— Прекрасный совѣтъ! Иначе сказать: прости имъ штрафы и прогони директора. И неустойку плати ему въ тридцать тысячъ.

„Ахъ ты аршинникъ!“—подумалось Лыжину, и онъ покраснѣлъ, обиженный тономъ Кумачева.

— Ну, такъ у васъ будетъ полумилліонный погромъ!—выговорилъ онъ такъ же рѣзко, и опустился на диванъ, вытянувъ ноги.

— Непремѣнно!—вскричала Раиса Гордѣевна.

— Лучше во сто разъ погромъ, чѣмъ потакательство! Я стою на законной почвѣ. То, что дѣлается у насъ — дѣлается вездѣ. Если уступать, то пристойнѣе подарить всю мануфактуру пьяной и буйной сволочи.

Лыжинъ не выдержалъ и поднялся.

— Ругательствами, Захаръ Лукьяновичъ, вы ничего не докажете. Мое дѣло — сторона. Я вамъ сдѣлалъ одолженіе, что ѣздилъ туда и высказалъ вамъ мой взглядъ. Теперь позвольте мнѣ—вотъ при вашей матушкѣ—заявить вамъ, что я не могу

у васъ больше оставаться. Мой искусъ конченъ. У насъ вѣдь контракта нѣтъ, и я васъ предупреждалъ.

Когда онъ это говорилъ, то все въ немъ дрожало; даже въ лицѣ, у рта и на вискахъ, пробѣгали нервныя струйки.

— Какъ угодно-съ! Это ваше дѣло!

У Кумачева точно что̀ перехватило въ горлѣ, и онъ запустилъ обѣ руки въ карманы властнымъ и безцеремоннымъ жестомъ.

Въ дверь безъ доклада вошелъ Кострицынъ, держа въ рукахъ двѣ депеши.

— Я сейчасъ изъ амбара, — заговорилъ онъ, небрежно поклонившись Кумачеву, и подалъ руку Лыжину.—Раисѣ Гордѣевнѣ мое почтеніе!

— Оттуда?—спросилъ Кумачевъ и подошелъ къ нему.

— Особенныя!.. Я только-что пріѣхалъ вчера вечеромъ,— обратился онъ въ сторону Лыжина.

Раиса Гордѣевна подошла къ сыну. Онъ вскрывалъ депеши.

— Что̀?—упавшимъ голосомъ спросила она.

— Превосходно! — вырвалось съ усиліемъ изъ горла Захара Лукьяновича.—Анархія! Погромъ полный! Убытка было уже на триста тысячъ въ одинъ день. Вызвана команда.

Онъ бросилъ обѣ телеграммы. Ихъ взяла его мать и, опустившись, въ большомъ волненіи, на кресло, жадно перечитывала.

— Вы этого сами желали, — выговорилъ Лыжинъ и поглядѣлъ на Кострицына. Тотъ отвѣтилъ ему взглядомъ, гдѣ была затаенная радость. „Такъ, молъ, и нужно супругу Антонины Борисовны“.

И въ эту минуту въ кабинетъ вошла Нина, въ пеньюарѣ, свѣжая и величавая.

— Что̀ такое... Закки?—спросила она смѣло.

Кумачевъ пристально поглядѣлъ на нее и выговорилъ съ оттяжкой:

— Мужъ вашъ, Антонина Борисовна, стоитъ за свое право. На ткацкой мануфактурѣ бунтъ и погромъ. Маменька и вотъ господинъ Лыжинъ требовали отъ меня простить штрафы и прогнать директора. И вы того же мнѣнія?

— Я мнѣнія моего мужа,—торжественно сказала Нина, окинувъ взглядомъ свекровь и Лыжина, и протянула руку Захару Лукьяновичу.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и вскричалъ:

— Въ добрый часъ! Такъ-то лучше!

XXIX.

Ямская пара подвезла почтовую открытую повозку къ домику, гдѣ все еще скрывалась Липа Углова.

Засыпанный снѣгомъ выскочилъ Кострицынъ и, отряхнувшись, сказалъ ямщику:

— Ты, милый человѣкъ, подожди здѣсь маленько. Потомъ мы домой поѣдемъ на Мясницкую.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ хмуро ямщикъ.

— Будетъ на-водка здоровая,—добавилъ Кострицынъ.

— И на томъ спасибо.

Ямщикъ приподнялъ свою форменную высокую шапку.

Шелъ шестой часъ. Кругомъ все было уже темно, и керосиновые фонари хмуро мигали.

Кострицынъ еще разъ отряхнулся и осторожно вошелъ въ сѣни, освѣщенныя лампочкой.

Въ „Ясляхъ“ еще шла жизнь.

Онъ разсчитывалъ, что застанетъ Липу одну. Ея хозяйка навѣрно или наверху, или на практикѣ.

Ему отворила кухарка.

— Олимпіада Дмитріевна? — не совсѣмъ спокойно спросилъ онъ.

— Пожалуйте. Онѣ—у себя. Въ столовую пройдите. Я сейчасъ доложу... Какъ васъ, баринъ, занесло!

Кухарка стала отряхать его шубу.

— Минуточку... Я сейчасъ доложу. Онѣ, никакъ, отдохнуть прилегли.

— Нездоровы?—спросилъ онъ, протирая платкомъ глаза.

— Нѣтъ... такъ. Я ихъ сегодня за чаемъ видѣла.

Кострицынъ прошелъ въ столовую, гдѣ горѣла висячая лампа.

Второй разъ ѣздилъ онъ въ уѣздъ. Теперь тамъ все готово, и если Липа желаетъ, хоть сегодня можно переѣхать. Его товарищъ по университету — парень хорошій, и жена его также. Они, безъ всякихъ лишнихъ разспросовъ, вызвались пріютить „бѣглянку“. А оттуда, по нѣкоторомъ времени, можно будетъ и дальше отправиться. Коли на то пошло, и заграничный паспортъ выправить гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ.

Дорога, полная ухабовъ, по старому шоссе, отколотила ему бока; но онъ не чувствовалъ утомленія и заходилъ по комнатѣ, оправляя руками сбившіеся на лобъ волосы.

Ему пришлось подождать.

„Навѣрно ей неможется,—прервалъ онъ нить своихъ соображеній,—да и бездѣйствіе ее гнететъ. Все это—только паліативныя мѣры. Не то ей нужно".

Онъ зналъ радикальное средство прекратить всѣ эти ходы—укрывательства и переѣзды съ мѣста на мѣсто. Еслибъ генералъ Кишкетовъ и сталъ ей мстить изъ-за него, изъ-за того, что онъ вынудилъ его возвратить нѣкоторые документы, тогда надо было бы имѣть дѣло прямо съ нимъ, съ Иваномъ Кострицынымъ. Нужды нѣтъ, что онъ не важная птица въ глазахъ *властей*. За себя онъ постоитъ, за себя и за ту, кто поручитъ ему на вѣкъ защиту своей личности, свое достоинство и честь.

„Честь!—повторилъ онъ медленно, про себя.—Честь!" Сколько будетъ злобныхъ прибаутокъ на этотъ счетъ—и не у одного такого Кишкетова, а у всѣхъ. Можетъ быть даже у Лыжина, его перваго—въ настоящее время—пріятеля, которому онъ обязанъ, прежде всего, тѣмъ, что тотъ такъ искренно принялъ участіе въ Липѣ.

„Люби!" разрѣшилъ онъ ему на дняхъ. Да! Но какъ люби? „Добивайся взаимности, дѣлайся ея возлюбленнымъ. Она—актерка. У нея цѣлое прошедшее, и довольно легкое. Не ты первый, не ты послѣдній".

Краска загорѣлась на его щекахъ. Онъ остановился у стола и оперся о него лѣвой рукой.

Лыжинъ, когда онъ ему откроетъ свою тайну, будетъ язвить: „Батюшка Иванъ Кузьмичъ! Такъ-то вы проводите въ жизни свою теорію личности, возмутившейся противъ всякаго рабскаго преклоненія передъ слюнявой моралью жертвы и самоотреченія? А это что же такое? Желаете возстановлять заблудшую овцу? Прикрывать своимъ именемъ ея прошедшее? Впадать въ непростительный самообманъ? Развѣ на то вы лелѣяли свое „я", чтобы донкихотствовать изъ-за какой-то шальной бабёнки? Коли желаете ею обладать—добивайтесь; но не срамите себя".

Вотъ что можетъ сказать даже благодушный и воспитанный Лыжинъ. А другіе какъ начнутъ квакать!

Въ груди у него стало холодѣть.

„Да ты на что же самъ-то такъ разсчитываешь?" вдругъ осадилъ онъ себя.

Ему сдавалось, что сегодня, вотъ черезъ четверть часа, въ этой маленькой столовой произойдетъ нѣчто.

Развѣ Олимпіада Дмитріевна дала ему почувствовать, что онъ ей особенно дорогъ? Или онъ думаетъ поразить ее, осчастливить?

Чѣмъ? Какая сласть раздѣлить его судьбу — судьбу шатуна, который ничего крупнаго не создастъ и даже не прогремитъ?

Какая претензія!

Правда, когда онъ прибѣжалъ къ ней отъ Кишкетова и вотъ на этотъ самый столъ кинулъ конвертъ съ бумагами,—она обняла его, первая, поцѣловала въ голову и на ея прекрасныхъ глазахъ заблестѣли слезы.

— Вотъ вы какой! Вотъ вы какой!—повторяла она и долго, долго жала его руки.

Но что же изъ этого? Будь на его мѣстѣ Воденягинъ—порывъ ея благодарности сказался бы точно въ такихъ же формахъ. А развѣ она можетъ „воспылать“ къ Воденягину?

Это слово „воспылать“ бросило его опять въ жаръ — такъ онъ себѣ показался пошлъ и преисполненъ самомнѣнія.

Дверь отворилась изъ коридора.

— Иванъ Кузьмичъ! Голубчикъ! Простите. Я заспалась.

Вышла она къ нему въ фланелевомъ пеньюарѣ, съ полуобнаженными руками—онъ еще не видалъ ея въ немъ—и ея могучая коса была подобрана на маковкѣ въ небрежный и красивый узелъ.

— Нездоровы? Скажите?..

Онъ взялъ ее за обѣ руки и глядѣлъ на нее радостно и тревожно вмѣстѣ.

— Нѣтъ. Такъ голова все болитъ. Да и клонитъ ко сну... отъ ничего недѣланья, милый Иванъ Кузьмичъ. Одурь беретъ. Читаешь, читаешь...

— Затворница!—вскричалъ Кострицынъ и отвелъ ее къ буфету.—Конецъ вашему сидѣнью. Я прямо изъ уѣзда.

— Сюда? На почтовыхъ?

— Все устроилъ. Если угодно, хоть сегодня ночью совершимъ переходъ изъ земли халдейской въ землю ханаанскую.

Она опустилась на стулъ. Сѣлъ и онъ—прямо противъ нея.

Липа провела рукой по лбу, и влюбленные глаза Кострицына слѣдили за этой прекрасной рукой, гдѣ оставалось, на двухъ пальцахъ, нѣсколько цѣнныхъ колецъ.

— Иванъ Кузьмичъ,—протянула она:—къ чему все это? Зачѣмъ вы меня спасаете?—съ горькой усмѣшкой добавила она.—Нѣтъ во мнѣ вѣры въ себя, нѣтъ и нѣтъ!

— Не извольте клеветать на себя! — почти вскрикнулъ онъ и схватилъ ея руки.—Я не позволю... Натура у васъ богатая. Надо дать ей свободный ходъ. Искусъ вашъ близится къ концу. Вотъ переѣдете къ моимъ пріятелямъ, поживете у нихъ... Тамъ

будете готовиться. Въ васъ сидятъ душа и темпераментъ Рашели! Я въ это глубоко вѣрю... Дорогая моя!

— И-и! — протянула Липа. На лицѣ ея все еще лежала тѣнь.

— Понимаю,—продолжалъ Кострицынъ, сразу сбавивъ тонъ, и голосъ его сталъ глуше. — Понимаю! Вамъ все это постыло. Вся эта канитель. Положимъ, у того пакостника когти обрѣзаны. Но васъ все-таки могутъ обезпокоить. Тутъ нужно было бы не то.

— А что?—спросила Липа.

Вопросъ ея былъ, по звуку своему, такъ простъ, что Кострицынъ совсѣмъ растерялся.

— Женщина... не можетъ сама бороться такъ, какъ мужчина,—пролепеталъ онъ, чувствуя, какъ уши у него горятъ.

— Ну такъ что же?—все такъ же просто спросила Липа, ласково взглянувъ на него, не отнимая руки.

— Олимпіада Дмитріевна!—голосъ у него перехватило.—Я прошу одного слова, одного. Вы лгать не способны. Онъ все еще вамъ... дорогъ?

— Кто онъ?—весело окликнула она.

— Тотъ... офицеръ.

— Ха, ха! Вотъ что выдумали, Иванъ Кузьмичъ!

Смѣхъ ея тотчасъ же оборвался.

— Значитъ, совсѣмъ ничего?

„Съ какой стати ты ее исповѣдуешь?“ — оборвалъ онъ себя.

— Полная пустышка!—шутливо вымолвила Липа.

„Дуракъ! Самомнительный уродъ!—бранилъ онъ себя.—Смѣешь ли ты мечтать? Съ твоей-то рожей амбарнаго Сократа!“

— Генералъ уже имѣлъ дѣло со мною,—заговорилъ онъ, и почувствовалъ, что началъ не такъ.—Но вѣдь вы сегодня здѣсь, завтра васъ нѣтъ. И кто будетъ около васъ?

„Не то, не то!“—почти съ ужасомъ повторялъ онъ про себя.

— Я не хочу вторгаться въ вашу жизнь, Олимпіада Дмитріевна. Но я весь тутъ. Возьмите меня! Не желаю играть роль великодушнаго Андроника. Нѣтъ! Знаю, я уродъ... Полюбить меня трудно.

— Почему? — спросила Липа и поглядѣла на него привѣтливо и съ милымъ недоумѣніемъ.

— Я весь тутъ! — шепталъ Кострицынъ и опустилъ голову низко, охваченный стыдомъ и смущеніемъ.—Не отталкивайте! Не добивайте!

Тутъ только она поняла и сказала ему тихо и просто:

— Спасибо! Милостыни я ни отъ кого не приняла бы, даже и теперь. Но это не милостыня... Я вижу...

Онъ сталъ безумно цѣловать ея руки.

XXX.

Самоваръ раздѣлялъ ихъ. Лыжинъ налилъ стаканъ и подалъ его Кострицыну, сидѣвшему противъ него, у чайнаго стола.

Лицо у Кострицына было очень красное и на лбу блестѣли капельки. Комнаты натопили сильнѣе обыкновеннаго. Лампа прибавляла тепла. Лыжинъ сидѣлъ въ домашнемъ пиджакѣ. Ему сегодня немного нездоровилось, и онъ еще не выѣзжалъ съ утра.

— Значитъ, Иванъ Кузьмичъ, произойдетъ на этихъ дняхъ возложеніе вѣнцовъ, отъ „камене чѣстна“?

— Произойдетъ, друже, произойдетъ!

Кострицынъ смотрѣлъ немного сконфуженно. Онъ все еще ждалъ, что Лыжинъ вотъ-вотъ начнетъ его пронимать на тему „сюняйской морали“. Но тотъ до сихъ поръ ничего подобнаго не говоритъ. Онъ самъ находится въ возбужденіи послѣ ухода своего отъ Кумачева.

Дѣло было при Кострицынѣ.

Они не поднимали вопроса о томъ, правъ ли былъ „патронъ“, упорствуя въ своихъ хозяйскихъ принципахъ. Лыжину сдавалось, что Кострицынъ будетъ его въ извѣстной степени защищать. Но тотъ ни однимъ звукомъ не выразилъ даже сожалѣнія о томъ, что онъ ушелъ отъ Кумачева.

Сдавалось ему и то, что и Кострицынъ долго не останется на службѣ у Кумачева, и вообще—въ Москвѣ. Въ подробности онъ еще не вдавался; но ясно, что если они на дняхъ повѣнчаются съ Липой Угловой, гдѣ-то тамъ въ уѣздѣ, то онъ при ней и останется тамъ, или оба уѣдутъ куда-нибудь въ далекую провинцію.

— Тебѣ особенныхъ хлопотъ не стоило добыть священника? —спросилъ Лыжинъ и веселѣе поглядѣлъ на пріятеля.

— Нѣтъ. Товарищъ помогъ. Онъ тамъ въ уѣздѣ сильную руку имѣетъ... кандидатъ въ предводители. У него же на погостѣ. Да мы, другъ Юрій Петровичъ, легально, по документамъ. Она вѣдь по аттестату жила... Нынче этого въ столицахъ недостаточно, а въ уѣздѣ сойдетъ. И метрика у нея есть. У меня тоже все въ порядкѣ.

— Такъ ты желаешь, чтобы у васъ было непремѣнно по два шафера? А?

— Ты не обидишь...

— Да я, братъ, съ удовольствіемъ... А у Олимпіады Дмитріевны кто будетъ?

— Петренко... Знаешь, тотъ литераторикъ... душевный парень... И студентъ.

— Какой?

— Студентъ—одно слово. Студентъ по преимуществу. Пріятель мой Шипилинъ. Я, знаешь, и радъ, что онъ пріѣдетъ. Его распорядительская жилка затренещетъ. Онъ и спичемъ насъ угоститъ! А то мнѣ его жаль: хандритъ бѣдняга... потерялъ перваго своего закадыку.

— А! Тотъ студентъ! Какъ, бишь, его?

— Владиміръ Мечъ.

Оба помолчали. Лыжину было извѣстно объ этомъ самоубійствѣ и даже—отъ Кострицына—содержаніе его письма къ Шипилину.

— Времечко! — глухо выговорилъ Лыжинъ и тряхнулъ головой.

— Пустяки, Юрій Петровичъ. Все это остатки больныхъ теченій... вотъ такой неестественный пессимизмъ! Личность надо воздѣлывать—вотъ что! Ядомъ да револьверомъ ничего не докажешь, когда они обращены на самого себя. Такъ-то!

Кострицынъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— А знаешь, я тебя о чемъ попрошу, Юрій?

Онъ назвалъ такъ пріятеля въ первый разъ.

— Говори!

— Только ты меня, пожалуйста, на смѣхъ не подними!

— Кольца тебѣ обручальныя и свѣчи купить въ городѣ?

— Нѣтъ. Не то! Не удивляйся!

— Да говори.

— Пойти со мною.

— Сегодня-то я, на ночь, не хотѣлъ бы. Знобитъ меня немного.

— Здѣсь, здѣсь, въ нумерахъ. Пойти къ господину Воденягину... Видишь, Олимпіада Дмитріевна просила зайти къ нему и еще разъ поблагодарить.

— А-а! — протянулъ Лыжинъ и изъ-за самовара поглядѣлъ на Кострицына съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Можешь?

— Пойдемъ. Что жъ? Онъ себѣ вѣренъ.

— Весьма. Имѣетъ полное право оставаться при своемъ credo и переть... противъ рожна! — вскричалъ весело Кострицынъ, обрадованный тѣмъ, что все у него обошлось „съ Юріемъ“ такъ безобидно и гладко.

Лыжинъ немножко оправился, и минутъ черезъ десять они спускались уже въ нижній коридоръ.

— Онъ дома,—тихо говорилъ Кострицынъ.—Я у швейцара справлялся, когда шелъ къ тебѣ.

Воденягинъ занималъ одну комнату, въ глубинѣ узкаго коридора, съ окномъ, выходившимъ во дворъ.

Они нашли его тоже за самоваромъ, въ своей неизмѣнной блузѣ, и не одного.

У него сидѣлъ гость—такихъ же почти лѣтъ, какъ онъ, полусѣдой, въ бородѣ, съ черепаховымъ pince-nez, одѣтый скромно, въ длинноватый черный сюртукъ. Онъ смотрѣлъ скорѣе писателемъ, чѣмъ чиновникомъ.

— Позвольте васъ, господа, перезнакомить,—сказалъ Воденягинъ, видимо польщенный приходомъ пріятелей.

И онъ назвалъ гостя:

— Лядунцовъ, Сергѣй Сергѣевичъ, давнишній мой знакомецъ. Безвыѣздно прожилъ больше двадцати-пяти лѣтъ на западѣ.

При этомъ Воденягинъ такъ повелъ глазами, что они оба догадались—въ какомъ качествѣ Лядунцовъ провелъ „на западѣ“ болѣе четверти вѣка.

Кострицынъ отвелъ хозяина къ печкѣ и вполголоса передалъ ему привѣтствіе Липы и ея желаніе проститься съ нимъ.

Подсѣвъ къ столу, Лыжинъ закурилъ и, всмотрѣвшись въ гостя, вдругъ что-то вспомнилъ.

— Извините,—заговорилъ онъ:—кажется, мы съ вами встрѣчались въ Женевѣ?

Лядунцовъ прищурился на него изъ-за стеколъ своего pince-nez и повелъ носомъ.

— Можетъ быть. Давненько, стало быть?

— Да, лѣтъ пятнадцать назадъ. Помню даже, какъ я присутствовалъ при горячемъ спорѣ, гдѣ вы жестоко разносили автора „Съ того берега“, называли его „лжерадикаломъ“ и чуть ли не „презрѣннымъ буржуа“. Я еще собрался тогда возражать вамъ, да вы куда-то заторопились.

— Очень можетъ быть,—съ кислой усмѣшкой вымолвилъ Лядунцовъ.

Воденягинъ заслышалъ ихъ разговоръ и, пожавъ руку Кострицыну, поспѣшно подошелъ къ нимъ.

— Какже, какже!—началъ онъ, и насмѣшливая нота зазвучала у него.—Сергѣй Сергѣевичъ тогда стоялъ на самомъ крайнемъ краю. И авторъ „Съ того берега“ былъ для него, конечно, чистокровный буржуй! Ха, ха! Ну, а теперь, вернувшись, по доброй волѣ, „съ гнилого запада“, онъ находитъ въ своемъ отечествѣ все превосходнымъ; а городъ Москву—палладіумомъ высшей человѣческой культуры!

— Чудесный городъ!—воскликнулъ Лядунцовъ тономъ человѣка, которому нѣтъ никакого дѣла до того, чѣмъ его теперь считаютъ его бывшіе единомышленники.

— И лучше нашихъ порядковъ, — продолжалъ Воденягинъ, отхлебывая чай, — Сергѣй Сергѣевичъ не находитъ нигдѣ. А Европа, особенно французишки—ужъ о нѣмцахъ и толковать нечего—презрѣнная мразь!

— Да-съ, въ родѣ того, любезнѣйшій Воденягинъ! — отозвался Лядунцовъ, сохраняя тотъ же умышленно взвинченный тонъ.

— Мы съ нимъ — Воденягинъ указалъ головой на гостя— знавали другъ друга еще юношами, въ Питерѣ. Онъ кадетъ былъ, а я гимназію оканчивалъ. Вотъ и теперь случились сосѣдями по коридору. Зашелъ онъ ко мнѣ, думалъ и во мнѣ найти такую же метаморфозу... да знаете, по пословицѣ: горбатаго одна могилка исправитъ. Хе, хе!

Лыжину стало немного неловко: онъ сохранилъ молодое свойство стѣсняться, когда разговоръ принималъ такой вотъ оттѣнокъ. Онъ вбокъ поглядѣлъ на своего пріятеля. Какъ, даже мѣсяцъ тому назадъ, Кострицынъ напалъ бы на Воденягина и сталъ бы защищать безусловную свободу всякихъ подобныхъ „метаморфозъ“.

Но онъ сидѣлъ смирненькій.

— Все это — старыя дрожжи въ васъ, батенька! — сказалъ Лядунцовъ хозяину.—Какъ французики говорятъ, вы—„vieux jeu“ или „de l'autre bateau“.

— Да, я старомодный, это точно! — откликнулся Воденягинъ, уже съ явной безцеремонностью къ своему гостю.

Тотъ больше четверти часа не сидѣлъ.

Когда его шаги смолкли по коридору, Воденягинъ всталъ, скрипя своими сапогами, и окликнулъ ихъ обоихъ:

— Ась? Господа? Хорошъ экземплярецъ?

— Онъ, значитъ, изъ раскаявшихся? — спросилъ тихо Лыжинъ.

— Изъ какихъ?—добивался Кострицынъ:—изъ такихъ, изъ настоящихъ?

— Это было бы много лучше,—тяжело переводя дыханіе, отозвался Воденягинъ.—Такой бы и не посмѣлъ придти ко мнѣ. А онъ, знаете, изъ безобидныхъ. „Заблужденія свои я, молъ, сознаю, но никакими умствованіями на лонѣ отечества заниматься не буду, а хочу состоять въ мирныхъ обывателяхъ". Я—vieux jeu! Это точно. А онъ—съ ближайшаго судна; bateau его—самаго послѣдняго рейса. Какъ попугай, болтаетъ на тему доктора Панглосса: „Москва бѣлокаменная есть земной парадизъ; и всѣ, кто противъ нея — изверги рода человѣческаго!" Ну, скажите, Иванъ Кузьмичъ, вы хоть и всегда при особомъ мнѣніи—развѣ такіе не хуже?

— Совершѣнно вѣрно.

Лыжинъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на Кострицына.

— Четверть вѣка бить въ одну доску и потомъ сдрейфить, по доброй волѣ—это показываетъ, что въ головѣ всегда былъ сквозной вѣтеръ; воли хватало только на то, чтобы форсить, а не воевать за свой символъ вѣры!

— Браво!

Воденягинъ захлопалъ въ ладоши.

— Я все это заявляю,—оговорился Кострицынъ,—оставаясь вѣрнымъ самому себѣ.

„Ой-ли?"—невольно подумалъ Лыжинъ; но возражать пріятелю не сталъ.

XXXI.

Никогда еще—по пути отъ Никольской къ Пречистенскому бульвару—Кострицынъ не испытывалъ того, что вздрагивало въ его груди и точно иголками покалывало возбужденный мозгъ.

Онъ ѣхалъ къ Кумачевымъ и зналъ, что Захара Лукьяновича онъ дома не застанетъ, а одну только Антонину Борисовну. Сегодня ея „five o'clock". Пріемъ начнется черезъ четверть часа, и она, навѣрно, уже одѣта и готова къ пріему.

Подъѣзжая къ Боровицкимъ воротамъ—сколько разъ его дрожки или сани ныряли подъ башню за послѣдніе годы! — онъ ясно, точно хорошо заученный урокъ, вспомнилъ конецъ своей рѣшительной и горячей бесѣды съ Лыжинымъ, послѣ ухода отъ него Воденягина, являвшагося просить похлопотать за еврейчика-поэта, котораго гнали изъ Москвы.

Въ то же утро, въ трактирѣ, они пили съ Лыжинымъ брудершафтъ, и съ тѣхъ поръ ихъ пріятельство все закрѣплялось.

Черезъ день Юрій Петровичъ будетъ расписываться въ церкви села Шарапуха: „по женихѣ“. И ближе у него теперь нѣтъ человѣка по всей Москвѣ, даже изъ товарищей по гимназіи и двумъ факультетамъ, а наберется не одна дюжина и такихъ, съ кѣмъ онъ также на „ты“.

И ему вспомнились его собственныя слова, вылетѣвшія звонко и раскатисто тамъ, въ нумерахъ, гдѣ живетъ Лыжинъ:

„И вдругъ, не пройдетъ года, и вы мнѣ бросите въ лицо: „Ты, амбарный Сократъ, напоилъ оцтомъ гнилого ученія душу человѣка въ ергакѣ. Будь ты проклятъ!“

Этого онъ теперь не боится. Какъ бы не вышло наоборотъ? Его же оцетъ дѣйствуетъ и въ немъ самомъ. Лыжинъ можетъ, отправляясь съ нимъ въ церковь, сказать ему:

„Что, братъ, Кострицынъ? Небось, твоя самодовлѣющая личность не выдержала, и ты, точно второй экземпляръ Воденягина, бросилъ самъ перчатку патрону, въ видѣ ухода отъ него по доброй волѣ? Не отбояривайся тѣмъ, что ты не желаешь служить у мужа Нины Борисовны, почему и уходишь. Ничего ты мнѣ не сказалъ протестующаго насчетъ моего поведенія въ вопросѣ о бунтѣ рабочихъ; стало быть, ты считаешь мой образъ дѣйствій хорошимъ. Или ты хитришь; а въ честной дружбѣ это не полагается“.

И какъ онъ отвѣтитъ ему передъ тѣмъ, какъ Лыжинъ возьмется за перо и будетъ писать подъ диктовку отца дьякона или старшаго причетника: „по женихѣ, кандидатъ правъ Юрій Петровичъ Лыжинъ“?

Неужели вся его „сократовская мудрость“ куда-то сгинула отъ перваго натиска жизни, отъ того только, что онъ полюбилъ не на шутку? Поэтому только?

„Нѣтъ, — стремительно думалъ онъ, когда сани были около храма Спасителя,—не оттого только! И никакой въ твоемъ другѣ Кострицынѣ нѣтъ измѣны своему основному пониманію *добра* и *зла*, *морали* и *альтруизма*. Никакой! Любовь—высокое бродило души! Она ведетъ къ подвигамъ, она окрыляетъ. Она же ведетъ и къ рабству... Но онъ не рабствуетъ. Онъ и не жертвуетъ собою изъ-за униженной и оскорбленной, изъ-за падшаго существа! Къ чему его тянетъ, то онъ и беретъ. Женщина его захватила и сама отдается ему. Въ ея талантливость онъ вѣритъ. Не изъ-за нея, а для себя онъ хочетъ сдѣлать поворотъ, бросить свою „амбарную“ службу. Довольно! Пора вернуться къ наукѣ, къ мышленію, вспомнить, что онъ—магистрантъ Кострицынъ. А то вѣдь и экзамена, пожалуй, не зачтутъ. Тема диссертаціи у него давно

выбрана, но и только! Поѣдетъ онъ съ Липой на Волгу, туда, подальше, къ Каспійскому морю, будетъ работать и надъ ея личностью, и надъ собственной".

Доводы казались ему побѣдоносными, и предстоящій „разговорецъ" съ великолѣпной Антониной Борисовной опять наполнилъ его веселымъ и злобнымъ ощущеніемъ. Иголки еще явственнѣе стали ему покалывать въ мозгу.

Онъ—не рыцарь, не селадонъ. Его не проймешь окрикомъ: „Развѣ на женщинѣ можно вымещать свое чувство!" Мало ли что! На *такой* не только можно, но и должно. Такая драпируется изяществомъ, породой, благородствомъ тона и порядочностью привычекъ, а сама способна на самую гнусную интригу. Еслибъ онъ захотѣлъ разсказать все Кумачеву—тотъ, при всѣхъ своихъ охранительныхъ взглядахъ, тоже нашелъ бы, что такой образъ дѣйствій — низость.

Да вѣдь и онъ теперь уже не прежній рабъ своей супруги. Въ немъ проснулся „самъ", „хозяинъ", и при первой ея новой попыткѣ „вернуть хвостомъ"—онъ покажетъ, каковъ въ немъ характерецъ.

Съ нимъ его поведеніе безупречно. Онъ везетъ письмо, гдѣ говоритъ ему прямо:

„Объясняться съ вами мнѣ тяжело. Противъ васъ я ничего не имѣю. Еслибы кто-нибудь сказалъ, что я ухожу отъ васъ въ критическую минуту—послѣ погрома на фабрикѣ,—я готовъ, вернувшись въ Москву на дняхъ, остаться до тѣхъ поръ, пока вы не найдете мнѣ замѣстителя".

Но онъ зналъ, что Кумачевъ слишкомъ гордъ, чтобы удерживать его.

У подъѣзда еще не было ни одного экипажа, когда Кострицынъ подъѣхалъ къ палатамъ Кумачевыхъ. До начала пріема Нины оставалось ровно пятнадцать минутъ.

Онъ нашелъ ее все подъ тѣмъ же балдахиномъ—сіяющую и разодѣтую „до гадости". Чувствовалось, что у мужа ея пошло съ нею „по старому".

Безъ всякихъ подходовъ Кострицынъ вынулъ изъ кармана письмо.

— Захара Лукьяновича,—началъ онъ,—нѣтъ ни въ амбарѣ, ни дома... А я долженъ отлучиться на нѣсколько дней. Будьте добры передать ему.

Нина прищурилась на него и небрежно спросила:

— Развѣ это такъ экстренно?

И ея глаза досказали:

„Ты, милый мой, могъ бы положить письмо въ кабинетѣ, на столѣ".

— Вотъ видите, Нина Борисовна, мнѣ хочется, чтобы письмо это попало къ Захару Лукьяновичу именно отъ васъ.

— Почему же?

— На то у меня есть причины.

Весь ея тонъ показывалъ ему, что она боится, какъ бы какая-нибудь барыня съ „Сивцева Вражка" не застала у ней господина съ такой „рядской" наружностью.

„Ладно, матушка!—подумалъ онъ:—ты ни о чемъ не догадываешься и про меня ничего доподлинно не знаешь, а я про тебя—достаточно".

— Хорошо, — благосклоннѣе промолвила Нина и положила письмо на низенькій столикъ.

— А у меня къ вамъ есть порученіе,—заговорилъ Кострицынъ, и кровь прилила ему къ лицу, точно онъ проглотилъ рюмку крѣпчайшаго вина.

— Порученіе отъ кого?

— Отъ одной особы, которую вы не такъ давно встрѣтили... гдѣ ужъ—не могу вамъ сказать... вѣроятно, вы сами вспомните.

Нина не столько по голосу, сколько по глазамъ Кострицына, зачуяла нѣчто, вся выпрямилась и нервно перевела ногами, видными изъ-подъ оборокъ юбки.

— Отъ какой это особы?—протянула она.

— Отъ госпожи Угловой. Она по театру Днѣпровская... артистка.

— Что такое?

Плечи Нины передернулись, и она замѣтно измѣнилась въ лицѣ.

— Да такъ! Я знаю, что говорю, Нина Борисовна. И вы прекрасно знаете, у кого вы ее застали.

Она молчала. По вздрагиванію ея ноздрей можно было бояться, что она позвонитъ и крикнетъ лакею: „Вывести этого господина".

— И мы всѣ — Лыжинъ, мой пріятель, и цѣлое общество хорошихъ людей и женщинъ—тоже фактически знаемъ, кто напустилъ на госпожу Углову нѣкоего генерала.

— Вы Богъ знаетъ что говорите!—вырвалось у Нины.

Кострицынъ быстро всталъ и, плотно придвинувшись къ дивану,—заговорилъ дробно и нервно:

— Я знаю, что я говорю, Нина Борисовна. Ваше доблестное поведеніе всѣми оцѣнено. И разскажи я все Захару Лукьяновичу

—онъ бы васъ за это не одобрилъ. Онъ—охранитель; но такимъ поступкомъ не будетъ себя знаменовать.

Быстро вынулъ онъ изъ бокового кармана пакетъ.

— Вотъ эти бумаги я добылъ отъ генерала. Онѣ могли очень повредить госпожѣ Угловой. Генералъ—съ вашей поддержкой—и меня можетъ потревожить. Но я хоть и простецъ, а не боюсь! За мной никакихъ проступковъ не значится. А затѣмъ—имѣю честь кланяться! Госпожа Углова просила передать вамъ свою признательность за такой благородный образъ дѣйствій. Она вамъ не мѣшаетъ владѣть тѣмъ, кого ей совсѣмъ не нужно!

Нина спустила ноги и, вся блѣдная, съ гнѣвными глазами, что-то хотѣла сказать; но въ дверяхъ показался какой-то гость, и Кострицынъ—съ поклономъ—вышелъ изъ кабинета.

XXXII.

Оттепель испортила дороги.

Попадая изъ одной „зажоры“ въ другую, — пробирался Лыжинъ въ кибиткѣ и повернулъ съ проселка на шоссе. Въ полуверстѣ стоялъ домикъ Иды.

Онъ спѣшилъ къ ней. Ему хотѣлось попасть засвѣтло, къ обѣду. Лошаденки бѣжали порядочно; отъ ихъ мохнатыхъ спинъ и боковъ шелъ паръ.

Къ Идѣ Лыжинъ ѣхалъ изъ того имѣнія, гдѣ третьяго дня обвѣнчались Кострицынъ и Липа. Оттуда онъ и проводилъ ихъ до ближайшей желѣзно-дорожной станціи.

„Амбарный Сократъ“ былъ, передъ вѣнчаніемъ, тихонькій; но потомъ, за завтракомъ,—разошелся, и всѣ его „слова и рѣчи“ клонились къ тому, чтобы Лыжинъ не считалъ его измѣнникомъ ученію о „самодовлѣющей личности“.

Не обошлось, конечно, и безъ античныхъ цитатъ. Одна — очень короткая — осталась въ памяти у Лыжина, хотя и была греческая. Иванъ Кузьмичъ развивалъ ту мысль, что жизнь надо брать такой, какой она намъ сама дается, не за тѣмъ, чтобы „слюняйствовать“, а затѣмъ, чтобы заставлять ее „плясать по нашей же дудкѣ“. „Иной разъ, — добавилъ онъ, — слѣдуетъ довольствоваться на первыхъ порахъ и тѣмъ, что Маркъ-Аврелій любилъ называть греческимъ терминомъ—Лыжинъ заставилъ пріятеля повторить ему эти слова: *дейтерос плюсъ*, т.-е. „плаваніе второго сорта“, не на парусахъ, а на веслахъ.

Но самъ онъ плылъ на всѣхъ парусахъ. Его красное, круг-

лое лицо сіяло счастіемъ, и Липа цѣнитъ это. Въ ней Лыжинъ заслышалъ другія ноты. Она точно почуяла, что человѣкъ, такъ беззавѣтно отдавшійся ей, живя съ нею, перестанетъ быть „ни въ сихъ, ни въ оныхъ“. И сама она,—видя вѣру въ ея талантливость,—уже не говоритъ такъ горько о театрѣ.

Эта чета радовала его, и до самой той минуты, когда они всѣ обнялись и онъ ихъ посадилъ въ вагонъ — Лыжинъ совершенно забывалъ о себѣ.

Дорогой, проселкомъ, раздумье—въ нѣсколько пріемовъ—начинало его щемить. И теперь, подъѣзжая къ усадьбѣ своего другого друга—Иды, онъ не могъ сбросить тѣхъ же „оборотовъ на себя“. Это его какъ-то особенно обижало. Онъ вспомнилъ тотъ ноябрьскій полдень — всего три съ небольшимъ мѣсяца — когда онъ поднимался по Никольской и вдругъ задалъ себѣ вопросъ, увидавъ двоихъ студентовъ: „полно, самъ-то онъ пересталъ ли сдавать вѣчный свой экзаменъ?“

Теперь всѣ экзамены у него назади. Но и впереди—ничего. Уходъ отъ Кумачева вышибъ его изъ колеи. Дѣла у него нѣтъ, ничто его не притягиваетъ къ Москвѣ. Ѣдетъ онъ въ тотъ домикъ, гдѣ еще два полуживыхъ обломка, какъ и онъ — Ида и Елена, съ ея свѣжей язвой въ сердцѣ, и съ язвой, отъ которой врачеванія уже нѣтъ—въ ея лѣта.

Ее болѣе жаль, чѣмъ Иду. Та съ истинной покорностью обрекла себя на полное отреченіе отъ того, что для всѣхъ женщинъ—смыслъ и сладость жизни.

Въѣзжая во дворъ, Лыжинъ увидалъ извозчичьи городскія сани — навѣрно со станціи. Собаки кинулись на его лошадей. На крыльцѣ сарайчика показался Финогенъ въ полушубкѣ. Онъ подбѣжалъ.

— Юрій Петровичъ! Съ пріѣздомъ!

Лыжинъ удивился, что Финогенъ не назвалъ его „милостивый государь“.

— Кто у васъ?

Финогенъ, высаживая его изъ кибитки, наклонился и вполголоса доложилъ:

— Господинъ... заграничный. Барышню на станціи встрѣтилъ намедни; а теперь визитъ имъ дѣлаетъ... на легковомъ пріѣхалъ. Такимъ же манеромъ и въ обратный путь.

— Елена Константиновна здѣсь? — продолжалъ спрашивать Лыжинъ, входя въ сѣни.

— Какже-съ! Однако, никакъ на будущей недѣлѣ собираются.

Въ передней висѣло мужское пальто. Изъ гостиной доходилъ разговоръ.

Въ гостяхъ у Иды—Елена сидѣла тутъ же—Лыжинъ нашелъ мужчину лѣтъ сорока, похожаго на иностранца. Лоснящійся лобъ, съ проборомъ по срединѣ, обстриженныя щеки, бородка, множество мелкихъ морщинъ, монокль, одѣтъ въ обтяжку, въ цвѣтномъ галстукѣ. Сильными духами пахло отъ шолковаго цвѣтного платка, торчавшаго въ наружномъ боковомъ карманѣ его очень коротказго жестона.

Ида встрѣтила Лыжина у дверей, а Елена быстро встала.

— Юрій Петровичъ! Милый!

Такъ привѣтствовала его Елена. Ида—точно сконфуженная—молча пожала ему руку крѣпко-крѣпко и подвела къ гостю.

— Monsieur Мокшанинъ,—назвала она.

Тотъ всталъ и, кланяясь, весь ушелъ въ плечи—по-парижски—и руки не протянулъ.

Не назови его Ида—Лыжинъ подумалъ бы: не тотъ ли это французъ, на котораго Ида положила — во второй разъ — всю себя и кончила крушеніемъ.

Всѣ сѣли и не сразу заговорили.

— Откуда?—спросила Елена простуженнымъ голосомъ.

— Со свадьбы Кострицына.

— Да!.. Липа мнѣ писала.

Ида тихо улыбнулась и, вспомнивъ, что надо занимать гостя, обратилась къ нему.

— И вы опять прямо въ Парижъ?

Она спросила это по-французски.

Тотъ—шепеляво и подражательно по звуку — отвѣтилъ, что онъ проводитъ конецъ зимы на Ривьерѣ.

Не зная, кто этотъ Мокшанинъ, Лыжинъ сообразилъ, что онъ, вѣроятно, изъ того міра вивёровъ, гдѣ Ида встрѣтила когда-то своего француза.

Точно въ подтвержденіе этого, гость выбросилъ монокль привычнымъ движеніемъ головы и заговорилъ, мигая и съ усмѣшкой поблекшаго рта:

— Просто страшно жить. Или покойники, или вотъ такія, какъ *онз*—Ида опустила глаза—полуживыя муміи.

— Онъ совсѣмъ лишился ногъ?—спросила Елена.

— Еле движется на двухъ палкахъ. Сначала онъ попалъ въ руки Шарко... Немного стало получше. Полгода въ лечебницѣ. Потомъ все хуже и хуже. Наконецъ, это леченіе... впрыскиваніями...

— Броунъ-Секара?—спросила Елена.

Ида все блѣднѣла и глаза ея ушли въ другую сторону.

— Oui, madame, les injections Brown-Séquard!.. Une fameuse blague, par exemple!

И въ бѣлесоватыхъ глазахъ русскаго парижанина — вмѣстѣ со скептической усмѣшкой рта—Лыжинъ читалъ страхъ смерти, предательскій страхъ людей, ничего не знавшихъ, кромѣ женщинъ; трепетъ закоренѣлыхъ и циническихъ сладострастниковъ.

Такимъ же долженъ быть теперь и тотъ французъ, пораженный атаксіей, котораго не воскресятъ никакія эмульсіи.

Русскій парижанинъ, попавъ на эту зарубку, долго еще говорилъ, такимъ же дѣланнымъ жаргономъ, о нервной болѣзни ихъ общаго знакомаго—моднаго писателя, который злоупотреблялъ наркотическими средствами—вдыхалъ эѳиръ и принималъ внутрь „des drogues suggestives", чтобы возбуждать себя для работы—„pour le travail créateur".

„И для всего прочаго",—прибавилъ отъ себя Лыжинъ.

Ему дѣлалось тошно отъ этого господина. Они съ нимъ были однихъ лѣтъ. Навѣрное, и тотъ—холостякъ. Не его изломанность и отсутствіе всякой связи съ какой бы то ни было здоровой жизнью претили ему, — а „подлый" страхъ конца, дрожаніе за свое „поганое" *я*, полнѣйшее бездушіе самаго гнилого пессимизма ненасытныхъ вивёровъ. Отъ него точно отдавало плесенью и тиной болота. Даже такое физическое ощущеніе испытывалъ Лыжинъ, потянувъ носомъ раздражающій запахъ его духовъ.

И вотъ такому же „мужчинѣ", только не копіи, а французскому подлиннику—отдавалась Ида, ослѣпленная и жаждущая страсти, куда бы можно кинуться съ головой.

Два женскихъ крушенья метались передъ нимъ въ лицѣ этихъ подругъ. Можетъ быть и Елена думаетъ, въ ту минуту, то же, что и онъ. Если да, то ей еще невыносимѣе отъ сознанія, какъ выше стоитъ личность того, кого она полюбила, въ сравненіи съ такими представителями „de la haute vie".

И она отказала ему, въ увлеченіи своей женской ненасытностью. Страсти ей надо было, а не признательности.

Тягуче прошло еще полчаса. Гостю надо было вернуться къ поѣзду. Онъ оставилъ свои вещи на станціи и сдѣлалъ визитъ. Идѣ точно затѣмъ только, чтобы сообщить ей, какъ ихъ общій „ami" — въ качествѣ полумертвеца — безнадежно борется „avec cette coquine de mort" и впрыскиваетъ въ себя ежедневно то, что онъ самъ назвалъ „une fameuse blague".

Оставшись втроемъ, они, стоя по срединѣ гостиной, взялись

за руки. На Идѣ все еще лица не было. Елена, взглянувъ на нее, силилась улыбнуться, и не выдержала. Боясь, что выдастъ свою душевную горечь, она спросила Лыжина, освободивъ руку:

— Вы у насъ ночуете, другъ?

— Ночую.

— Такъ я пойду распоряжусь. Ида, я у тебя на кушеткѣ буду спать; а онъ—въ моей комнатѣ.

Лыжинъ отвелъ Иду къ дивану, посадилъ и молча, чувствуя приливъ нѣжности, поцѣловалъ ее въ голову.

Двѣ слезы заблестѣли на ея рѣсницахъ.

— Бѣдная моя!—проронилъ онъ.

Они долго глядѣли другъ на друга, безъ словъ понимая, что у каждаго на душѣ.

— Quelle épreuve!—промолвила наконецъ Ида.—Elle est salutaire.

— Хорошо бы!

— Та Ида умерла,—сказала она уже по-русски.—Она принимала за людей...

Русское выраженіе ей не давалось.

— Ходячіе трупы?

— Да, Юрій, да!

Точно облако прошлось по ея безкровному лицу. Сегодня она всѣмъ своимъ существомъ познала, что для нея уже нѣтъ личнаго счастія. И то, что было, глянуло на нее своимъ искаженнымъ обликомъ.

XXXIII.

Вѣтеръ завывалъ, жалобной и жидкой нотой, на террасѣ, гдѣ талый снѣгъ еще высился толстымъ пластомъ.

Гостиная, съ своими голыми стѣнами, стояла тихая и печальная. Только въ углахъ растенія — совсѣмъ темныя въ полусвѣтѣ комнаты—дѣлали ее уютнѣе и красивѣе.

Елена сидѣла на табуретѣ передъ пьянино. Одна ея рука бродила по клавишамъ. Она только-что проиграла, медленно и съ тупой педалью, одинъ изъ извѣстныхъ романсовъ Рубинштейна. Присаживалась она къ инструменту только въ рѣдкія минуты и любила тихо говорить подъ мелодію.

Лыжинъ, облокотившійся о косякъ клавіатуры, былъ тутъ же.

Ида ушла въ другія комнаты позаботиться объ ужинѣ и помочь Евгеніи уладить Еленѣ постель въ своей спальнѣ.

Голосовъ не было слышно черезъ коридоръ — точно весь домъ стоялъ совсѣмъ пустой.

— Нѣтъ, другъ, — говорила Елена, и голосъ ея нѣтъ-нѣтъ да и вздрогнетъ отъ сдержаннаго чувства: — нѣтъ, я не стану больше унижаться. А подачки я не хочу.

— Но вѣдь, голубушка, онъ до сихъ поръ ничего не знаетъ и ждетъ.

— Нисколько! Развѣ такая бываетъ любовь? Я ничего не отвѣтила—и онъ понялъ. О! еслибъ было иначе!—Елена перестала бродить по клавишамъ — въ тотъ же день онъ прилетѣлъ бы. Одного звука довольно, когда въ насъ говоритъ страсть.

— Страсть! Страсть! Какъ будто вся прелесть въ ней!

— Не знаю, другъ, не знаю. Налетѣлъ на меня шквалъ, схватилъ меня. Поздновато... Но вѣдь я не любила... Можетъ быть даже и не поздно... Я вѣдь не старуха еще.

— Какая же старуха!

— И къ чему меня несло? Къ вѣчному блаженству, что-ли? Ха, ха, ха! Одинъ годъ, какое... мѣсяцъ, недѣля...

— Почему не мигъ?—подсказалъ Лыжинъ.

— Именно. Мигъ! И я бы его знала, я бы испытала эту болѣзнь... чуму — „la peste“ — такъ ее зоветъ наша Ида, калѣка любви... Ну и что жъ! — Елена взялась рукой за верхній карнизъ пьянино. — Не суждено было! Такъ и нечего толковать. Припадокъ былъ долгій и мучительный.

— Полно, прошелъ ли?

— Не пытайте меня, Лыжинъ. Это нехорошо.

— Голубушка! Развѣ я съ недобрымъ чувствомъ?

— Ваша пріятельница Акридина не изъ такого, въ концѣ концовъ, тѣста! Надо встряхнуться.

Она подняла голову и остановилась взглядомъ на одномъ изъ оконъ.

— Онъ все повторялъ,—заговорила она съ оттѣнкомъ горечи и чуть-замѣтнаго сарказма,—что такія, какъ я, не знаютъ народа, не входятъ въ его душу, сверху внизъ просвѣщаютъ его, а про себя презираютъ; навязываютъ ему всякіе разъѣдающіе плоды европейской культуры! Ладно! — вскричала она и поднялась совсѣмъ съ табурета.

Въ этомъ возгласѣ Лыжинъ заслышалъ прежнюю Акридину.

— Ладно!—повторила она, не такъ громко, но съ большимъ выраженіемъ въ звукѣ этого слова.—Романъ Денисовичъ! Господинъ предводитель дворянства! И мы умѣемъ работать для того же народа.

Она отошла къ печкѣ и, заложивъ руки за спину, окликнула:

— Лыжинъ!

— Что, голубушка?

— Я еще вамъ не говорила. Я задумала большую экспедицію.

— Куда?

— Въ Сибирь. Тамъ еще цѣлый непочатый уголъ всего. Чуть не съ того времени, когда нѣмецъ Миллеръ—отецъ россійской исторіи — списывалъ тамъ акты по приказамъ цѣлыя десять лѣтъ.

— Не зимой же вы поѣдете?

— Скоро весна. Я съѣзжу въ Петербургъ, останусь тамъ до Святой, кое-кого заинтересую. У меня есть на примѣтѣ одинъ молодой купецъ. Родомъ оттуда же. Онъ—настоящій набобъ. Съ одними купцами теперь и можно имѣть дѣло. А чинуши, дворяне—только теоретизируютъ. Снарядить экспедицію у нихъ финансовъ не хватаетъ—всѣ растрясли на всякіе антикультурные пустяки.

„Да, да,—думалъ Лыжинъ, слушая ея возбужденную рѣчь, гдѣ прежняя Акридина выступала опять:—ты и экспедицію затѣешь—въ пику ему или во имя его—это все равно. Ты его все еще безумно любишь и долго будешь болѣть этимъ недугомъ. Разъ женщина глотнула этого яда—она навѣки отравлена".

— Tout est prѐs!—раздался изъ коридора усталый и мягкій голосъ Иды.—Юрій!

— Вы меня?

— Да, на минутку сюда!

Онъ вышелъ въ темный коридоръ.

— Une surprise pour vous,—сказала ему Ида на ухо и беря его за руку.

— Что такое?

— La belle veuve est ici—à votre intention, cruel!

— Анисья Прохоровна?

— Да,—продолжала по-русски Ида. — Идите въ столовую. Она вамъ нальетъ водки. И мы съ Еленой позволяемъ вамъ—vous mettre à votre aise. Можете надѣть и туфли.

Лыжинъ поцѣловалъ ея руку и заглянулъ въ столовую, весело освѣщенную.

Дочь арендаторши дѣйствительно была тамъ и уставляла, на отдѣльномъ столикѣ, закуску.

— Анисья Прохоровна!—звонко окликнулъ онъ ее.

— Ахъ! Батюшки!

Она вся зардѣлась и въ смущеніи даже присѣла на стулъ!

— Здравствуйте! какъ я радъ!

Лыжинъ взялъ ее за руки и поднялъ со стула.

— Юрій Петровичъ!—заговорила вдова смущенно и радостно. —Опять у насъ! Мы такъ вамъ завсегда рады... И маменька...

— А она какъ поживаетъ?

— Маленько нездорова.

— Что у ней?

Анисья Прохоровна конфузливо повела головой.

— Знаете... Это, говорятъ, здоровая болѣзнь. Вередъ у ней вскочилъ на рукѣ.

— Ничего, пройдетъ. Она еще вся желѣзная.

— Не сглазьте! Водочки вамъ не налить ли?

— Налейте.

Лыжинъ присѣлъ около самаго столика съ закуской, и пока Козихина наливала ему изъ графинчика, онъ ее оглядѣлъ.

Какая она статная, благообразная женщина. Въ ней чувствуется „народный кряжъ“—какъ выразился бы и народолюбивый предводитель Боярцевъ. И платье онъ узналъ—то самое, въ которомъ она была на праздникѣ открытія школы.

— Юрій Петровичъ, — спросила осторожно Анисья Прохоровна, медленно поднимая на него пышныя рѣсницы:—правда, сказываютъ, вы отъ Кумачева-то ушли?

— Ушелъ.

— А землю-то съ лѣсомъ продали.

Его кольнуло въ сердце. Онъ почувствовалъ себя измѣнникомъ—не „прописямъ“, въ которыя извѣрился,—а землѣ, народу, въ лицѣ хоть этой вотъ умной, сильной и красивой женщины.

— Теперь не ухватишь!—выговорилъ онъ и повелъ плечами.

Изъ трехъ женщинъ въ этомъ домикѣ—только эта и была для него женщиной. Будь у него земля—сѣлъ бы онъ здѣсь, и взялъ ее себѣ, и народилъ бы такихъ же статныхъ и сильныхъ дѣтей, какъ она.

— Спасибо!—почти сконфуженно проговорилъ онъ и пошелъ въ комнату, гдѣ ему приготовили постель.

И передъ нимъ стали вдругъ выплывать отдѣльныя фразы, сжатыя, страстныя, похожія на стихи псалтири. Онъ зналъ когда-то наизусть все обращеніе „къ дворянству“ того, чья бронзовая статуя слышала его послѣднюю исповѣдь не измѣнника, но отступника.

„Изъ вашихъ рядовъ вышли Пушкинъ и Лермонтовъ“.—„Къ вамъ первымъ мы и обращаемся“.—„Мы рабы, потому что мы господа“. — „Нельзя даже и говорить о правахъ человѣческихъ,

будучи владѣльцами человѣческихъ душъ".—„Учитесь, пока есть еще время".—„Мы еще вѣримъ въ васъ".—„Но торопитесь—время страдное. Ни одного часа терять нельзя".

Лыжинъ, сидя облокотившись о столикъ у кровати, задумался глубоко, и думы его, связной вереницей, потянули его сызнова туда, откуда онъ бѣжалъ.

„А теперь — время не страдное? — спрашивалъ онъ себя.— Крѣпостныхъ нѣтъ, но сословіе, къ которому его учитель когда-то обращалъ это воззваніе, можетъ, если хочетъ, занять мѣсто на вершинѣ, откуда будетъ свѣтить безбрежному океану народа. И никогда не кончится его страда".

— Ami!—окликнулъ его голосъ Иды.—Vous êtes servi!

Въ дверяхъ показалась голова Анисьи Прохоровны и раздался ея звучный голосъ:

— Юрій Петровичъ! Пожалуйте кушать.

И опять, при взглядѣ на эту женщину „простого званія", его кольнуло за измѣну землѣ.

XXXIV.

У Кумачевыхъ отобѣдали.

Все общество собралось во второй гостиной. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ старикъ, за шестьдесятъ, широкій въ плечахъ, съ лицомъ Грознаго, какъ имъ гримируются актеры въ послѣднемъ актѣ „Василисы Мелентьевой"—жидкая сѣдѣющая борода, изрытое лицо, обнаженный лобъ, надвинутыя брови, насмѣшливый взглядъ узкихъ глазъ. Тѣломъ онъ казался худощавъ и свои длинныя ноги вытянулъ по ковру.

Всѣ мужчины были во фракахъ; онъ одинъ—въ короткомъ пиджакѣ и не первой свѣжести.

Нина занимала уголъ дивана, около его кресла, Захаръ Лукьяновичъ—напротивъ. Въ сторонѣ размѣстились Эсауловъ, Ковригинъ, Шахматовъ и еще молодой человѣкъ—бѣлокурый, въ усахъ, бритый, довольно красивый, въ такихъ же очкахъ, какъ Шахматовъ, на видъ не то чиновникъ, не то адвокатъ. Онъ всѣхъ внимательнѣе слушалъ то, что говорилъ почтенный гость.

Гость приводился внязю Иларіону Ивановичу двоюроднымъ братомъ. Какъ и всѣ члены старшаго „колѣна", носилъ онъ титулъ „свѣтлѣйшаго". Звали его Петръ Никитичъ. Онъ проѣзжалъ за границу, гдѣ и прежде живалъ подолгу.

Хозяинъ въ почтительной, но свободной позѣ наклонилъ го-

лову впередъ. Своей посадкой онъ какъ бы говорилъ всѣмъ гостямъ:

„Вы видите, у насъ дяденька свѣтлѣйшій и такъ же богатъ, какъ и я; но мы и передъ нимъ унижаться не намѣрены".

На свѣжемъ, нѣсколько поблѣднѣвшемъ обликѣ Нины, съ особымъ блескомъ, который шелъ отъ ея кожи даже и при вечернемъ освѣщеніи, застыла спокойная улыбка. Полоска искристыхъ зубовъ придавала новое выраженіе, гдѣ хорошо ее знающій человѣкъ прочелъ бы цѣлый итогъ всего того, что она пережила въ эту зиму. И ея глаза оглядывали медленно и спокойно гостей, останавливаясь на своеобразной фигурѣ князя Петра Никитича.

Онъ—ея дядя. Всѣмъ извѣстно, что это за человѣкъ, какого нрава, какого склада во всей своей личности. Это—полное олицетвореніе древне-русскаго удѣльнаго князя, считающаго себя равнымъ всѣмъ и каждому или, по меньшей мѣрѣ, именитаго дружинника, кому право „отъѣзда", т.-е. протеста противъ своего князя—самое дорогое право. У него могутъ и должны быть „холопы"; но онъ скорѣе лишится „животишекъ", чѣмъ въ челобитной назоветъ себя „холопъ твой Петрушка".

И какъ его глухая, отрывистая и постоянно насмѣшливая рѣчь идетъ къ нему. Такъ, навѣрно, говорилъ и Грозный, когда издѣвался надъ крамольниками, которыхъ потомъ слалъ на лютую казнь, или въ грановитой палатѣ „шпынялъ" пословъ польскихъ и рыцарей Ливонскаго Ордена, когда имъ приходилось плохо отъ его полчищъ, и они пріѣзжали просить мира и жалобно произносили пространныя рѣчи о разоренiи своей земли его свирѣпыми инородцами.

И ей самой сдавалось, что она—царевна или дочь такого удѣльнаго князя, или вдовствующая княгиня, пріѣхавшая изъ своего удѣла, гдѣ она правитъ за малолѣтствомъ его внука—ея единороднаго сына—въ томъ древнемъ приволжскомъ городѣ, гдѣ еще держится, не прибранный хищною Москвой, „княжой столъ".

Развѣ на такой высотѣ можно безпокоиться о случайностяхъ своего личнаго поведенія? Была правительница Елена Глинская—мать грознаго властелина, на котораго похожъ вотъ этотъ ея дядя, сидящій рядомъ съ нею. И она увлекалась. И при ней состоялъ любимецъ временщикъ, Телепень-Оболенскій. Что жъ изъ этого? Но тотъ обладалъ ею, какъ женщиной, и пользовался ея слабостью женщины.

Въ ея личномъ поведеніи—маленькая, совершенно ничтожная „pécadille", о которой и вспоминать-то смѣшно, не то что уже сокрушаться. Могло все рухнуть, все, чѣмъ она снова владѣетъ;

но не рухнуло. Она опять прежняя Нина, и на тѣхъ, кто глупо къ ней относится, она сама обращаетъ „нуль вниманія“. Ея родной дядя своимъ присутствіемъ все освѣщаетъ, и Захаръ Лукьяновичъ покончилъ—вотъ уже больше мѣсяца—выдерживаніе своего купеческаго нрава. Они опять—фактически—мужъ и жена.

Князь продолжалъ говорить одинъ, и сарказмъ игралъ въ его зеленоватыхъ глазахъ.

— Какъ же намъ соперничать съ западомъ по части производительности,—обратился онъ къ Кумачеву,—когда у насъ—по статистикѣ—на полтораста дней въ году праздниковъ?

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Кумачевъ, съ наклономъ головы.

— Я еще изумляюсь, какъ господа фабриканты могутъ управляться со своимъ народомъ.

— Истинная каторга! — подтвердилъ Захаръ Лукьяновичъ.

И тотчасъ же онъ, поднявъ голову, посмотрѣлъ властнымъ хозяйскимъ взоромъ. „Со мною-де шутить не вкусно. Былъ у меня погромъ и стоилъ мнѣ четыреста тысячъ рублей. Я уперся и штрафовъ не убавилъ. И никогда не убавлю. Воинская команда—не свой братъ. А пить-ѣсть надо православному крестьянству“.

Послѣ погрома онъ сократилъ всѣ „гуманности“ своей маменьки Раисы Гордѣевны.

— Только вѣдь посредствомъ вашихъ безобразныхъ запретительныхъ пошлинъ можно дешево продавать ситецъ и миткаль.

Князь былъ „фритрэдеръ“; но Захаръ Лукьяновичъ не смѣлъ вступать съ нимъ въ споръ, ни по этому, ни по какому другому поводу.

— Да и вообще нашего рабочаго только господа народолюбцы прославили образцовымъ. Чистѣйшее вранье! Я десятки лѣтъ хозяйничалъ, перепробовалъ всего... фабрики, хутора, искусственное луговодство, разработку лѣсныхъ производствъ, скотоводство всякихъ видовъ и размѣровъ—и сошелъ на нѣтъ. Русскому дворянину-землевладѣльцу, въ то безумное время, когда я имѣлъ удовольствіе хозяйничать, то-есть въ эпоху эмансипаціи—въ теченіе цѣлой четверти вѣка нельзя было ничего ни предпринять, ни провести въ жизнь. Всѣ гарантіи пали, всякій авторитетъ подкошенъ въ корень. Объ этомъ заднимъ числомъ глупо плакать! Если теперь взялись немножко за умъ—многое уже положено въ лоскъ! Но я не о томъ веду рѣчь, господа. Рабочая способность нашего мужика—а всѣ наши господа увріеры мужики—относится къ средней трудовой способности заграничнаго рабочаго какъ одинъ къ тремъ. Я еще очень щедро кладу.

Даже и наши хваленые смоленскіе землекопы—чистѣйшая мразь, въ сравненіи съ поджарыми итальянцами, какихъ десятки тысячъ работаютъ за границей въ тунеляхъ и нагорныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Чистѣйшая мразь! И вотъ позвольте разсказать вамъ маленькій комическій инцидентъ изъ моего маленькаго же заграничнаго хозяйства... При моей избёнкѣ—Кумачевъ зналъ, что эта „избёнка", вилла съ паркомъ, цѣнится въ полмилліона франковъ—на первыхъ порахъ случилось не мало земляныхъ работъ: рвы, разрыхленіе почвы, дренажъ, всякая штука.—Князь сдѣлалъ громкую передышку.—Нанимаю рабочихъ тоже больше изъ породы „фу́штра": такъ я называю всякихъ савойцевъ, южныхъ французовъ и швейцарцевъ изъ кантона Тиччино. Фу́штра! Чумазые, малаго роста, испитые, ободранные—чистѣйшая фу́штра!

Всѣ гости тихо разсмѣялись.

— А при мнѣ, надобно вамъ знать, состоялъ русскій парень—Прошка. Тогда онъ впервые попадалъ къ „цица́рцамъ"—онъ такъ зоветъ всѣхъ, кто не нѣмецъ или не чистый французъ.

Гости опять разсмѣялись.

— Подаетъ онъ мнѣ чай. Я его спрашиваю: „Ну, какъ тамъ въ саду работаютъ?—„Да что, говоритъ, князь, они только валандаются. Срамъ смотрѣть!"—„Какъ такъ?"—„Да такъ-съ... Ежели имъ урокъ заданъ, ни одинъ изъ нихъ ни въ жисть не докончитъ къ вечеру. Они уже чуть не съ пѣтуховъ копаются—и ни съ мѣста. Просто охота разбираетъ утереть имъ носъ, показать, какъ россійскій человѣкъ работаетъ".—„Что жъ!—говорю я ему:—становись съ ними завтра чѣмъ свѣтъ, и посмотримъ, кто раньше покончитъ урокъ. Я тебя освобожу на цѣлыхъ четыре дня. Одного дня—мало. Сгоряча ты ихъ сразу побьешь; а потомъ и сядешь на заднія лапы".

Князь прибралъ ноги и подался впередъ туловищемъ. Его зеленоватые глаза заискрились. Разсказъ его подмывалъ.

— И что же вышло, господа? Становится мой Прошка големъ на свой урокъ. Выхожу я передъ завтракомъ въ паркъ—онъ уже отмахалъ двѣ трети. Ухмыляется, подмигиваетъ и киваетъ на „цица́рцевъ". Тѣ плетутся позади его на цѣлыхъ полдесятины.

— Вотъ видите!—откликнулся докторъ Шахматовъ.

— Дайте срокъ. Въ первый день онъ кончилъ въ четыре часа пополудни. Во второй еле дошелъ съ ними вровень. Въ послѣдніе два дня они его обгоняли, и у него осталось работы на полсутокъ.

— Вѣрно! — сказалъ Кумачевъ. — Они могутъ работать, да не хотятъ.

— Нѣтъ-съ, любезнѣйшій Захаръ Лукьяновичъ! — возразилъ князь. — И не могутъ! У русака рыхлая конструкція. Онъ не жилистъ, нѣтъ въ немъ наслѣдственной выдержки всякаго фуштры. Тотъ наконецъ—при всей своей дьявольской умѣренности—пьетъ всегда красное вино и ѣстъ колбасу; колбаса—мясо, а не рѣдька съ квасомъ.

Тутъ только князь злобно разразился дробнымъ смѣхомъ.

XXXV.

Передъ уходомъ князь, перемѣнивъ позу, обратился къ Эсаулову; за обѣдомъ тотъ съ нимъ не согласился въ чемъ-то.

— Вотъ вы изволили какъ бы защищать пресловутый принципъ самоуправленія, — началъ онъ медленно и болѣе барскимъ звукомъ.

— Не совсѣмъ такъ, князь! — поправилъ, весь съёжившись, Эсауловъ!

— Оп à peu près! Тридцать лѣтъ шутовства и безобразія показали, до чего дошли наши православные, предоставленные самосѣченію и самоспаиванію. Когда мы въ земствѣ—насъ всего-то было тогда пять-шесть человѣкъ, сохранившихъ здравый смыслъ —настаивали на необходимости возстановить законную опеку дворянина надъ мужикомъ — насъ побивали каменьями. И забавно! Вашъ покорный слуга представилъ тогда записку... въ этомъ именно смыслѣ. Ее, разумѣется, осмѣяли; выставили шутомъ гороховымъ. И что же?.. Основная идея была — іота въ іоту — та самая, которая находится въ учрежденіи нашихъ доморощенныхъ шерифовъ.

— Шерифовъ! — подхватилъ вполголоса Кумачевъ, первый понявъ, кого князь называетъ иносказательно.

— Но все—заднимъ умомъ! Когда уже никакіе шерифы ничего не исправятъ. То же самое и насчетъ пресловутой реформы суда. Тридцать лѣтъ назадъ я составилъ записку, гдѣ доказывалъ, что дальше суда, въ родѣ нѣмецкихъ шёффеновъ, у насъ безумно идти. Разумѣется, меня облили помоями. А теперь идея шёффеновъ на очереди. И опять будетъ послѣ ужина горчица. Ха, ха!

Князь поднялся и, немного нагнувшись къ племянницѣ, положилъ ей руку на плечо:

— Bonsoir, petite! — сказалъ онъ ей; Захару Лукьяновичу подалъ руку, а остальнымъ мужчинамъ сдѣлалъ легкій круговой поклонъ и повернулся быстрымъ поворотомъ.

Нина проводила его до дверей, мужъ ея пошелъ съ нимъ дальше.

Гости не нашли умѣстнымъ дѣлать какія-нибудь замѣчанія о князѣ, и только Ковригинъ, присѣвъ къ Нинѣ на диванъ, высказался своей шепелявой, изломанной дикціей:

— Trѐs crâne, son altesse prinсieгe, trѐs crâne!

На это Нина отвѣтила однимъ возгласомъ:

— Oui — dà!

Кумачевъ вернулся довольный, съ тихой усмѣшкой на крупныхъ губахъ.

Шахматовъ подошелъ къ нему.

— Настоящій Рюриковичъ—вашъ дяденька, Захаръ Лукьяновичъ.

— Да, настоящій, — подтвердилъ Кумачевъ.

— Большая цѣльность взглядовъ, что̀ такъ рѣдко въ русскомъ то̀ри,—полу-насмѣшливо выговорилъ Эсауловъ и подсѣлъ къ Нинѣ, на мѣсто, оставленное ея дядей.

Ей не хотѣлось руководить разговоромъ. Она чувствовала пріятное утомленіе и была бы рада, еслибъ гости не засиживались.

Всѣ опять сѣли въ кружокъ. Молодой человѣкъ, такъ внимательно слушавшій князя—его фамилія была Ненароковъ, спросилъ Кумачева серьезно и дѣловито:

— Вѣдь, князь, если не ошибаюсь, свѣтлѣйшій?

— Какже,—отвѣтилъ за Кумачева Шахматовъ.

— И вы, Ненароковъ,—спросилъ молодого человѣка Захаръ Лукьяновичъ,—если не ошибаюсь, должны находить многое, что̀ говорилъ князь Петръ Никитичъ, весьма и весьма цѣннымъ, именно въ настоящее время?

— Въ особенности его взгляды на судъ и вопросъ возмездія.

Гости знали, что этотъ молодой человѣкъ—пріѣзжій изъ Петербурга, гдѣ и учился въ университетѣ. Захаръ Лукьяновичъ доставилъ ему мѣсто въ Москвѣ и предложилъ у себя дополнительныя занятія, въ родѣ какъ бы домашняго юрисконсульта.

— Это насчетъ смертной казни? — окликнулъ Шахматовъ, собиравшійся уходить.

— Да-съ. И насчетъ смертной казни. Вѣдь согласитесь, профессоръ, — почтительно наклонился Ненароковъ въ сторону Шахматова, — и съ научной точки зрѣнія нераціонально сантиментальничать, разъ натура преступника признана неисправимой.

Такой членъ, пораженный гангреной, общество не только имѣетъ право, но положительно обязано отсѣкать. И въ этомъ вопросѣ Ломброзо безусловно правъ.

— Вы сами составили себѣ такое воззрѣніе, — учительскимъ тономъ отозвался Эсауловъ: — или вынесли его изъ аудиторіи?

— Изъ аудиторіи-съ,—убѣжденно и вѣско выговорилъ Ненароковъ.—Время гуманнаго франтовства кануло въ вѣчность. И наука, и польза государства, сходятся въ этомъ пунктѣ — безусловно.

„Такъ, такъ, — думалъ Кумачевъ и благосклонно поглядывалъ на молодого человѣка, прошедшаго новую школу. — Съ такими юнцами дѣло пойдетъ иначе. Ихъ стоитъ поощрять".

Шахматовъ тоже былъ, повидимому, доволенъ направленіемъ молодого юриста. Прощаясь съ Захаромъ Лукьяновичемъ, онъ спросилъ:

— А что я давно не вижу у васъ вашего домашняго мудреца Кострицына и господина... какъ, бишь, его?

— Лыжина?—подсказалъ Кумачевъ и выпятилъ губы.—Оба удалились. Одинъ изволилъ поступить въ супруги актерки сомнительнаго поведенія, а другой выказалъ себя достаточно краснымъ, когда у насъ вышло волненіе на мануфактурѣ. Будь вотъ у меня сей молодой человѣкъ—Кумачевъ указалъ на блондина—онъ, конечно бы, не сталъ на сторону бунтарей.

— Конечно, нѣтъ! — откликнулся молодой человѣкъ, и съ усиленнымъ наклономъ головы сталъ прощаться.

Нина сидѣла все на томъ же мѣстѣ. Провожать Шахматова пошелъ Кумачевъ. При ней остались на нѣсколько минутъ ея два кавалера — Эсауловъ и Ковригинъ.

Эсаулова она—не дальше, какъ третьяго дня—сначала пріятельски пожурила за то, что онъ вздумалъ держать себя съ нею двойственно и говорить тономъ ментора; а потомъ поставила ему категорическій вопросъ: желаетъ онъ быть съ нею на прежней пріятельской ногѣ, но безъ всякихъ „репримандовъ"? Въ городѣ уже перестали говорить о дуэли. Гольцъ уѣхалъ въ полкъ. Рана не сдѣлаетъ его калѣкой. Съ мужемъ они по прежнему, и если въ ея столовой и салонахъ князь Петръ Никитичъ чувствуетъ себя какъ старшій родственникъ и можетъ быть „sans danger", то подавно каждый изъ московскихъ ея знакомыхъ—титулованныхъ или нѣтъ—будетъ себя чувствовать точно такъ же.

Эсауловъ улыбнулся и пропустилъ сквозь зубы, но съ особеннымъ выраженіемъ:

— Былъ вчера у Tonton. Она мнѣ изливалась.

— Въ чемъ?

— Насчетъ васъ.

Поближе присѣлъ и Ковригинъ и, прищуриваясь, глядѣлъ на Нину. Его руки отвѣсно лежали на груди, точно онъ ихъ нарочно показывалъ.

— И что же?—спросила Нина и выпрямилась.

— Ей, кажется, неловко.

— Je crois bien!—вырвалось у Нины.—Нельзя такъ дуться, безъ всякаго серьезнаго повода. Этого мало! Être indiscrète et méchante... envers celle, dont elle se disait l'amie... до гробовой доски!—докончила она по-русски и повела ртомъ въ бокъ.

— C'est ça, c'est ça!—произнесъ тономъ судьи Ковригинъ. —Nanon, Богъ знаетъ, какого тона дѣлается. Elle se rouille... со своимъ собашникомъ Платошей.

— Словомъ, она притихла?—спросила Нина, и чуть не сказала вслухъ то, что подумала: „мнѣ-де нечего терять; а она и ея супругъ потеряютъ открытый домъ, гдѣ они катались какъ сыръ въ маслѣ; да и денегъ всегда можно перехватить у Захара Лукьяновича".

— Да, если хотите — притихла,—сказалъ Эсауловъ.

— Другими словами,—она васъ прислала... Только вы хотите перетонить, мой другъ.

— C'est ça! — процѣдилъ Ковригинъ и въ носъ засмѣялся.

Эсауловъ хотѣлъ-было обидѣться; но не обидѣлся. Ссориться съ Ниной не было причины. Въ немъ, какъ въ холостякѣ, все еще признающемъ, что онъ „опасенъ для женщинъ" надежда когда-нибудь сблизиться съ нею, незамѣтно и „подъ шумокъ", усилилась съ тѣхъ поръ, какъ у ней была „исторія". Она ему и какъ женщина стала больше нравиться.

— Можете ей сказать, — выговорила авторитетно Нина:— мой домъ всегда открытъ для нея. Но первая я прыгать не намѣрена.

— C'est ça! — рѣшилъ Ковригинъ, поднялся и сталъ цѣловать ея руку.

За нимъ и Эсауловъ. Оба ушли вмѣстѣ и въ дверяхъ встрѣтили Кумачева. Онъ—какъ достойный племянникъ Рюриковича— проводилъ ихъ до лѣстницы, хотя ни съ однимъ изъ нихъ не стоило особенно церемониться.

Захаръ Лукьяновичъ тихо подошелъ къ женѣ, взялъ ея руку и высоко поднесъ ее къ губамъ.

— Ты, я думаю, ужасно утомилась?—спросилъ онъ ласково, съ какимъ-то новымъ, точно отеческимъ оттѣнкомъ.

— Да, немножко.

— Поди, раздѣнься... Ты никого вечеромъ не ждешь?

— Нѣтъ, никого.

Этимъ вопросомъ онъ показывалъ, что по прежнему ограждаетъ независимость своей супруги: она можетъ принимать когда и кого ей угодно, и выѣзжать—такимъ же манеромъ. Что было, то прошло. Она слишкомъ умна, чтобы другой разъ рисковать всѣмъ изъ-за какого-нибудь „вервилы въ мѣдномъ пишакѣ съ птицей".

Когда у нихъ дошло до объясненія—оно было всего въ три минуты. Нина, вздрагивающимъ—„нутрянымъ", какъ онъ называлъ—голосомъ, сказала ему тогда:

— Барону Гольцу я никакихъ правъ на себя не давала. Прошу этому вѣрить.

Онъ и повѣрилъ. Будь она не замужемъ, даже дѣвицей подъ строгимъ надзоромъ — такая интрижка съ офицеромъ была бы пустячкомъ. Есть дѣвицы, что—по-американски—флёртируютъ, до замужства, безчисленное число разъ.

— Отдохни!—сказалъ онъ такъ же мягко, поцѣловалъ ее въ лобъ и удалился къ себѣ.

Ему надо было поработать. Теперь онъ—предсѣдатель двухъ городскихъ коммиссій, и ему на-дняхъ дали Владиміра на шею. Погромъ на фабрикѣ, то — какимъ молодцомъ онъ понесъ убытокъ чуть не въ полмилліона, и какъ онъ приструнилъ рабочихъ—все это подняло его на двѣ головы въ глазахъ избирателей всѣхъ сословій.

„Съ нимъ ты прекрасно проживешь весь свой вѣкъ!" — думала Нина, провожая его замедленнымъ взглядомъ.

XXXVI.

На подавленномъ сугробами дворѣ запущенной усадьбы только въ ветхомъ флигелькѣ, гдѣ когда-то жилъ управляющій, виденъ былъ свѣтъ въ трехъ окнахъ.

Вѣтеръ вылъ и крутилъ снѣжную пургу, врываясь въ околицу съ дырявымъ частоколомъ. Деревня ютилась далеко, подъ горой. Уныло и жутко смотрѣла вся мѣстность.

Ворота стояли открытыми. Ихъ столбы давно покачнулись. Земская пара, позвякивая колокольчикомъ, поднялась слѣва и въѣхала въ ворота. Лошади съ трудомъ ступали по рыхлому

снѣгу. Въ саняхъ сидѣлъ одинъ только сѣдокъ, ушедшій въ высоко поднятый воротникъ сибирской дахи.

У флигеля сани остановились, и колокольчикъ издалъ послѣдній надтреснутый звукъ.

Лыжинъ вылѣзъ и, съ трудомъ отыскивая въ полутьмѣ порогу, пошелъ къ крылечку. Сюда онъ попадалъ въ первый разъ.

Съ той зимы, когда онъ въ Москвѣ поступилъ на службу къ Кумачеву, прошло больше года.

Сюда онъ попадалъ въ первый разъ, и ѣхалъ съ послѣдней станціи желѣзной дороги.

На крылечко онъ вошелъ осторожно и съ трудомъ отворилъ дверь, обитую рогожей и примерзающую внизу.

Въ полутемной передней, со старинными ларями, онъ сталъ снимать свой ергакъ, такъ долго и честно послужившій ему.

Его обоняніемъ сейчасъ же овладѣлъ запахъ лекарствъ, комнаты, гдѣ лежитъ тяжело больной.

„Бѣдная!—подумалъ онъ.—Встанетъ ли?“

На легкій шумъ его прихода изъ первой комнаты—зальцы—выбѣжала женщина съ платкомъ на головѣ, въ пальто. Лица онъ не могъ разсмотрѣть.

— Кто это? Ахъ! вы, Юрій Петровичъ?

Это была Лёля Божеярина.

Она—уже недѣля—какъ жила съ Идой, въ этомъ флигелькѣ. Обѣ ухаживали за Акридиной, заболѣвшей тифомъ. Ей пришлось просить отпускъ. Съ радостью отказалась она отъ самой „выигрышной“ роли.

— Что?—упавшимъ голосомъ спросилъ Лыжинъ.

— Тяжела... очень тяжела!

— Я послалъ отчаянную депешу доктору Гурьянову. Онъ будетъ.

— А!—радостно вскричала Лёля, сдерживая звукъ.

— А теперь какъ она?

— Забылась. Температура — адская. Рѣдко приходитъ въ сознаніе. И ничего здѣсь не достать! Такая трущоба! Докторъ ѣздитъ только черезъ день. Лучше бы не ѣздилъ. За лекарствомъ послать—десять верстъ, да и то дрянь!

Она говорила ему, вводя въ зальцу, гдѣ, за ширмами, стояла ея кровать. Стѣны, въ деревѣ, почернѣли. Мебель вся состояла изъ длиннаго дивана, стола и трехъ стульевъ. Свѣча, подъ абажуромъ, уныло освѣщала эту комнату, похожую на передбанникъ.

Изъ дверей въ слѣдующую комнату вышла Ида, въ темной

блузѣ, съ головой, укутанной платкомъ, какъ и у Лёли. Домишко нагрѣвался туго, и въ стѣны дуло во всѣхъ углахъ.

— Mon ami!

Они обнялись. Ида, глотая слезы, глубоко впалыми глазами приласкала его, взяла за руку и отвела къ дивану, сказавъ Лелѣ:

— Посидите около нея. Надо ставить термометръ, какъ только она придетъ въ себя.

По уходѣ Лели они оба съ полминуты молчали: слишкомъ много было у нихъ на душѣ и на языкѣ разспросовъ.

— Что она?—спросилъ Лыжинъ и поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежала тяжело больная.

Ида только покачала головой и какъ будто что-то въ родѣ усмѣшки повело ея блѣдный ротъ.

— Неужели?

— Не знаю... Не могу надѣяться.

— Гурьяновъ будетъ.

— Спасибо.

Она протянула ему руку—горячую и сухую.

— Да и у васъ жаръ, голубушка!

— Нѣтъ. Это такъ... отъ печей.

— И вы ухлопаете себя, какъ она.

— Ничего!

— Своего рода самоубійство,—сказалъ Лыжинъ, опуская голову въ ладони рукъ, упертыхъ въ колѣна.

— Не знаю, другъ.

— Разумѣется. Все это—реваншъ тому елейному блондину.

— Можетъ быть,—медленно промолвила Ида.

— И ея экспедиція въ Сибирь. Развѣ это не вызовъ, брошенный ему же: я-де покажу, какъ я изучаю народъ, съ какимъ чувствомъ и пониманіемъ. Тамъ она надорвала здоровье. Плевритъ схватила. А теперь этотъ объѣздъ доканалъ.

— C'est sublime!

— Кто говоритъ! Бѣда стряслась общенародная. Оставаться холоднымъ нельзя. Но она точно искала смерти. Другая бы взяла работу, положимъ тяжелую, но не такую, гдѣ не заразиться нельзя. Стала бы развозить хлѣбъ, открывать столовыя. А то прямо въ уѣздъ, гдѣ голодный тифъ валитъ всѣхъ—и взрослыхъ, и дѣтей.

— А вы?—остановила его Ида, точно желая иначе направить разговоръ.—Разскажите мнѣ, Юрій...

— Да что... Вотъ очутился тоже въ кухаряхъ. Деньги пока прибываютъ; не знаю, что дальше будетъ.

— Столовыя хорошо идутъ?

— Это самое лучшее, что можно придумать.

— И не дорого?

— Рубля на полтора въ мѣсяцъ. Ѣда до отвалу.

Ида тихо усмѣхнулась.

— Отъ васъ долженъ ѣхать сегодня же въ Софроновскую волость. Тамъ еще не налажено. Ночевать попаду къ лѣсничему. Туда съѣдутся и господа комиссары по работамъ. Знаете,—онъ наклонился и продолжалъ тише:—слышалъ я, что и Боярцевъ пошелъ въ эти комиссары. Если я его встрѣчу—сказать о ней?

Лыжинъ указалъ головой на дверь.

И опять они смолкли, прислушиваясь къ тому, что—черезъ комнату, гдѣ лежала больная.

— Говоритъ,—сказалъ Лыжинъ.—Ея голосъ узнаю.

— Въ бреду... когда она начнетъ, то сейчасъ горячо споритъ.

— Съ нимъ?

— Да. Иногда кричитъ: „Я докажу, я докажу! Пустите меня, пустите!“ Или начнетъ пѣть... по-итальянски... И голосъ такой сильный.

Половина досчатой двери отворилась. Лёля окликнула:

— Господа! Лидія Павловна!

Лидія тотчасъ же подошла къ двери. Лыжинъ остался на мѣстѣ.

— Сильно мечется... Я ее не могу удержать. А Настасья ушла на порядокъ.

— Не могу ли я?—шопотомъ спросилъ Лыжинъ и поднялся.

Онъ пошелъ слѣдомъ за Идой. Лёля уже держалась за дверь комнаты больной. Проходная комната была вся заставлена двумя кроватями—узкая и холодная, съ печью, отъ которой шелъ запахъ глины.

Въ дверяхъ Лыжинъ остановился.

На низкомъ диванѣ, занимавшемъ всю стѣну, лежала разметавшись Елена. Голова ея упиралась въ высоко поднятыя подушки. Замѣтная сѣдина смягчала цвѣтъ волосъ, остриженныхъ недѣли двѣ назадъ. Такъ она казалась еще болѣе похожей на мальчика.

Глаза возбужденно выходили изъ глубокихъ впадинъ и взглядъ бѣгалъ вправо и влѣво.

— Кто? Кто?—заговорила она и сдѣлала быстрое движеніе, точно хотѣла вскочить съ постели.

Лёля схватила ее подъ мышки. Ида—у изголовья—наклонилась надъ нею.

— Лежи, милая, лежи!—тономъ мольбы заговорила она.

— Кто?—гнѣвно крикнула Елена.—Какая Іуліанія Вяземская? Какая?

И она, расхохотавшись, упала головой на подушку, плашмя.

„Іуліанія Вяземская",—повторилъ про себя Лыжинъ, и тотчасъ же ему вспомнился—почти дословно—весь споръ Елены съ Боярцевымъ въ квартирѣ Иды. И тогда она иронически и задорно кинула Боярцеву вопросъ: „Что это еще за Іуліанія Вяземская?"

Въ воспаленномъ мозгу работало усиленно нѣсколько ячеекъ, захваченныхъ однимъ стремленіемъ, однимъ образомъ того, кто ее выбилъ изъ колеи.

Тяжелый воздухъ проникалъ въ грудь Лыжина. Тутъ можно было ежесекундно схватить заразу. Невольное жуткое чувство зашевелилось у него—что-то въ родѣ страха. Но онъ не успѣлъ его отчетливо сознать. Обѣ женщины стояли у постели. Больная уже не порывалась вскочить и бредъ стихъ. Она неопредѣленно промычала и, повернувшись къ стѣнѣ, тяжело задышала, съ новымъ звукомъ, который прошелся по слуху Лыжина особенно жутко. Онъ слышалъ въ этомъ свистящемъ, хрипломъ дыханіи близость конца.

И ему вдругъ подумалось:

„Развѣ такъ не лучше будетъ? И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!"

Ему не стало жаль извѣстной Акридиной, ея ума, знаній, энергіи, плановъ, все новыхъ и новыхъ изслѣдованій.

Жизненный нервъ надорванъ. Если и встанетъ—будетъ влачить жалкую долю женщины, отравленной любовнымъ ядомъ.

Лёля обернулась къ нему, и по ея лицу онъ понялъ, что ему лучше удалиться. Кажется, больную надо было раздѣть и обмыть.

Онъ радъ былъ тому, что полутемнота отъ дешевой лампочки не позволяла ему разглядѣть лица и тѣла Елены, и онъ еще не зналъ—какой это тифъ: простой, желудочный или пятнистый.

На цыпочкахъ выдвинулся онъ изъ комнаты, гдѣ его сверстница была въ когтяхъ заразнаго недуга.

XXXVII.

Небольшая деревянная станція съ плюхенькимъ буфетомъ пустынно темнѣла среди волнистой снѣжной равнины. Вдали тянулась полоса хвойнаго лѣса.

Послѣдній поѣздъ давно ушелъ. Въ буфетѣ, за чайнымъ столомъ, сидѣлъ всего одинъ пассажиръ.

Лыжинъ завернулъ на станцію закусить и согрѣться, между двумя посѣщеніями деревень: тамъ надо было—какъ можно скорѣе—наладить столовыя.

Онъ уѣхалъ изъ усадьбы, гдѣ лежала Елена, безъ надежды увидать ее. Болѣзнь вошла уже въ третью недѣлю, а признаки становились все зловѣщѣе. Ида выносила эту грядущую потерю съ тихимъ мужествомъ. Ни одной слезы не проронила она, ни одного лишняго восклицанія не вырвалось у нея. Въ этой женщинѣ онъ уже не впервые распознавалъ чудесную душу и натуру, способную на подвиги, еслибъ какая-нибудь высокая идея охватила ее своимъ пламенемъ.

Вотъ они оба почти ровесники, люди одной полосы—доживаютъ врозь. Такъ и дойдутъ до конца. А соединиться не тянетъ. Ида еще очень привлекательная женщина. Довольно ей страсти. Хорошее, испытанное чувство могло бы навѣки согрѣть ихъ обоихъ.

Но онъ не могъ бы настроить себя на сближеніе, за которымъ стоитъ сожительство, какое бы оно ни было—въ бракѣ или внѣ его. Ида слишкомъ долго была его товарищемъ, а теперь она вызывала въ немъ чувство, близкое къ сыновнему. Никого онъ такъ не жалѣлъ, да никого и не считалъ настолько выше себя по благородству и глубинѣ душевнаго склада. Это и мѣшало—больше, чѣмъ что-либо—влеченію къ женщинѣ.

Да и время было не такое.

Подползла грозная бѣда, и вотъ онъ по доброй волѣ, совершенно просто, безъ всякихъ вопросовъ и разъѣдающаго резонерства, очутился на службѣ народу. И ему ни разу съ тѣхъ поръ, какъ онъ ѣздитъ по деревнямъ, закупаетъ крупу и горохъ, капусту и картофель, собираетъ сходки и налаживаетъ хозяйство столовыхъ—буквально ни разу не пришло на умъ:

„Не опять ли онъ повернулъ къ прежнимъ поискамъ, къ тому состоянію, когда пустишь себѣ вошь въ ухо и пойдешь въ зипунѣ стукать лбомъ передъ своимъ идоломъ—мужикомъ?“

Онъ тотъ же Лыжинъ, что состоялъ на службѣ у „его степенства“ Захара Лукьяновича Кумачева, и вступилъ въ дружбу съ „амбарнымъ Сократомъ“—Иваномъ Кузьмичемъ Кострицынымъ.

Поджидая поѣздъ, Лыжинъ смутно надѣялся, что изъ Москвы подъѣдетъ Гурьяновъ. Должны придти два поѣзда съ разныхъ сторонъ—съ сѣвера и съ юга, и встрѣтиться здѣсь. Московскій будетъ стоять всего десять минутъ, а южный останется дольше и придетъ первымъ.

Показались признаки приближенія второго поѣзда. Буфетчикъ

сталъ за стойку. Дѣвица, у самовара, начала перемывать чашки. Лакей принесъ блюдо съ чѣмъ-то и поставилъ его на столъ съ приборами. Въ окно Лыжину было видно, какъ порыжѣлая шинель дежурнаго жандарма мелькала взадъ и впередъ.

Раздѣльно и мягко ударили въ сигнальный аппаратъ: поѣздъ вышелъ съ послѣдней станціи.

Лыжинъ допилъ свой стаканъ и прошелся взадъ и впередъ по залу.

Грудь локомотива показалась слѣва, вмѣстѣ съ порывистымъ и слитнымъ первымъ звонкомъ.

Потянулись пассажиры и жадно набросились на чай.

— Юрій Петровичъ! Дружище!

По громкому оклику Лыжинъ не сразу узналъ голосъ.

— Кострицынъ!

Они обнялись.

— Позвольте и мнѣ поцѣловать васъ.

Липа, въ мѣховой ротондѣ, повязанная оренбургскимъ платкомъ, раскрыла широко руки и обняла Лыжина.

— Куда? Откуда?—спрашивалъ онъ ихъ, отведя къ чайному столу.

— Сядемъ туда, въ уголокъ,—сказалъ Кострицынъ.—Намъ не къ спѣху. Мы вѣдь отсюда на обывательскихъ.

Они сѣли въ уголъ, отъ окна, около кіота.

Лыжинъ жалъ имъ руку и оглядывалъ то одного, то другого.

Липа пополнѣла и глаза получили прежній блескъ. По ея фигурѣ Лыжинъ догадался, что она беременна. Кострицынъ въ тулупчикѣ и въ сѣрой смушковой шапкѣ смотрѣлъ артельщикомъ—краснощекій, кудрявый на вискахъ, по прежнему юркій въ движеніяхъ.

— Куда?—переспросилъ Лыжинъ, держа ихъ за руки.

— Вотъ Липа пожелала навѣстить Елену Константиновну.

— Я оттуда.

— И что жъ?—спросила Липа, и брови ея сдвинулись.

Лыжинъ опустилъ голову.

— Опасна?

— Да. Ждутъ пріѣзда доктора Гурьянова.

— Тамъ Ида Павловна?—продолжала разспрашивать Липа.

— Тамъ.

— Какой видъ тифа? Пятнистый?

— Не знаю навѣрно. Но очень тяжела.

— Заразилась!—вырвалось у Липы.

Мужъ поглядѣлъ на нее и тихо сказалъ:

— Вѣдь ты же не боишься?

Въ его вопросѣ Лыжинъ почувствовалъ тревогу.

— Мнѣ ничего не сдѣлается.

— Тамъ и Лёля Божеряина,—добавилъ Лыжинъ.

— Вотъ видишь!—выговорила Липа, кивнувъ головой въ сторону мужа.

— Да вы сами-то откуда?—спросилъ Лыжинъ.

Больше двухъ мѣсяцевъ онъ ничего не зналъ о нихъ.

Годъ прошелъ у Липы въ устройствѣ ея амбулаторіи на хуторѣ. На сцену ее не тянуло и она воевала съ мужемъ, въ котораго упорно засѣло желаніе создать изъ нея драматическую артистку. Самъ онъ усиленно работалъ надъ диссертаціей, и они совсѣмъ собрались въ Москву печатать ее, когда были захвачены все тѣмъ же, что и Лыжина понесло въ деревню.

— Да, дружище,—разсказывалъ Кострицынъ, попивая съ блюдечка,—поѣздъ ушелъ и они остались одни:—пригодилась и мнѣ служба въ амбарѣ моего ученика Захара Лукьяновича, идущаго въ гору не по днямъ, а по часамъ. Когда мы съ Липой надумали организовать помощь, я тряхнулъ стариной и раздобылъ одного юнца, тоже изъ моихъ бывшихъ учениковъ, съ здоровущимъ капиталомъ. Винищемъ торгуетъ, и набаковъ у тятеньки, и складовъ—видимо-невидимо. Поналегъ на него и возжегъ патріотическое чувство. А можетъ, и на тщеславіи уловилъ. Но какъ-ни-какъ, а на нѣсколько вагоновъ хлѣба раскошелился, и вотъ мы съ Липой ѣздили на югъ, въ Николаевъ, въ Ростовъ и Таганрогъ. Вѣсть о болѣзни Елены Константиновны захватила насъ въ самомъ развалѣ нашихъ разъѣздовъ.

Кострицынъ уже зналъ про то, что Лыжинъ заводитъ столовую.

— Тѣмъ же кончимъ и мы,—говорилъ Кострицынъ, подувая на блюдечко:—но пока выдаемъ на руки. Липа сразу находила, что безъ общественныхъ трапезъ не обойдется. Какъ у спартанцевъ! Помнишь, Юрій Петровичъ, у Стобея: *гестіднтай пднтесъ энъ коймѣ*?—вылетѣло изъ его сочныхъ, красныхъ губъ.

— Да вѣдь я не понимаю!—взмолился Лыжинъ.

— Онъ по этой части неисправимъ,—сказала Липа.

Всѣ весело и молодо разсмѣялись и тотчасъ же смолкли, разомъ вспомнивъ объ Еленѣ.

Опять прозвучало пять раздѣльныхъ сигналовъ.

— Вы какъ же отсюда?—спросилъ Лыжинъ.

— Батюшки! Вѣдь надо насчетъ лошадей.

Кострицынъ вскочилъ.

— Найдете. Здѣсь всегда есть пары двѣ-три,—успокоилъ его Лыжинъ.

И, нагнувшись къ Липѣ, шепнулъ ей:

— Ухабовъ и выбоинъ не боитесь, Олимпіада Дмитріевна?

— Почему?

— Да развѣ вы не?..

Она его поняла и, немного покраснѣвъ, отвѣтила:

— Ничего. Это здоровая болѣзнь.

Однимъ изъ первыхъ пассажировъ московскаго поѣзда вошелъ въ залъ докторъ Гурьяновъ.

Они окружили его. Лыжинъ долго пожималъ ему руку. Лина расцѣловалась съ нимъ. То, что ему успѣлъ сообщить Лыжинъ—видимо смутило Гурьянова.

— Богъ милостивъ! Натура кряжистая! Такія борются съ болѣзнью до послѣдней крайности.

Надо было добывать двѣ повозки для Кострицыныхъ и Гурьянова. Лыжинъ, чтобы стряхнуть съ себя тяжелое чувство, опять налетѣвшее на него отъ разговора о болѣзни Елены, самъ пошелъ нанимать ямщиковъ. Кострицыны принялись угощать доктора чаемъ.

XXXVIII.

Немного въ сторонѣ отъ главнаго лѣснаго проѣзда, на полянкѣ, лѣтомъ полной зелени и цвѣтовъ, теперь покрытой все тѣмъ же снѣжнымъ пологомъ, красиво выступаетъ каменный одноэтажный домъ со службами и садикомъ.

Тутъ живетъ лѣсничій.

Часа въ три—солнце уже скрылось за вершины сосенъ—обывательская пара, въ открытыхъ пошевняхъ, подвезла Лыжина къ этой лѣсной усадьбѣ.

По дорогѣ въ тому селу, гдѣ у него была „штабъ-квартира", онъ ѣхалъ въ первый разъ въ это лѣсничество. Онъ узналъ отъ урядника, что участкомъ завѣдуетъ нѣкто Грушинъ, и вспомнилъ, что когда-то—не такъ еще давно—они съ нимъ встрѣчались и какъ разъ въ самую курьёзную полосу его жизни, незадолго до того перелома, который оставилъ позади него исканія и опыты съ самимъ собою.

Будь это полтора года—даже годъ назадъ—ему, быть можетъ, было бы нужно перебирать старое, а теперь ему положительно захотѣлось возобновить знакомство съ этимъ Грушинымъ. Вдобавокъ, сюда ожидали пріѣзда комиссаровъ по обществен-

нымъ работамъ. Должны были на дняхъ начаться порубки и корчеванье, и всѣ ждали, что это сейчасъ же уменьшитъ число „ртовъ“ въ столовыхъ. О платѣ уже оповѣстили и пѣшихъ рабочихъ, и съ подводами. Лошадей можно будетъ спасти отъ голодовки и падежа, хоть и далеко не всѣхъ, даже и по окрестнымъ волостямъ.

Лѣсничій былъ дома.

Въ свѣтлой, просторной комнатѣ, съ широкимъ окномъ на балконъ, сидѣлъ Лыжинъ передъ хозяиномъ. Оба курили.

На Грушинѣ было служебное короткое сѣрое пальтецо; изъ-подъ воротника виднѣлась рубашка съ косымъ воротомъ.

Лыжинъ не сразу бы узналъ его. Изъ худого, почти безбородаго студента онъ превратился въ осанистаго мужчину съ четырехъ-угольной бородой и прекраснымъ цвѣтомъ лица; курчавые волосы онъ сильно запустилъ.

— Да, вотъ какъ жизнь-то вертитъ!—выговорилъ Лыжинъ.— Гдѣ она въ послѣдній разъ столкнула насъ и гдѣ—въ настоящій моментъ!

— Истинно!—пріятнымъ басомъ подтвердилъ Грушинъ.

Когда Лыжинъ проживалъ въ общинѣ, откуда ушелъ съ сильно расшатанной вѣрой во всякія такія „затѣи“—этотъ Грушинъ заѣзжалъ къ нимъ и присматривался недѣли двѣ къ ихъ жизни. И самъ онъ въ тѣ поры искалъ „исхода“ и не прочь былъ продѣлать суровый искусъ „интеллигентнаго рабочаго“. Тогда еще онъ былъ на послѣднемъ курсѣ въ Петровской академіи и мечталъ объ этомъ ко времени окончанія курса. На юго-востокъ заѣхалъ онъ съ Кавказа, куда его посылали лечиться, послѣ остраго воспаленія печени, въ Эссентуки.

Однако онъ въ общину не вернулся и послѣ частной службы у одного князя, владѣющаго огромнымъ лѣсомъ за Волгой, получилъ казенное мѣсто.

— Помните, Юрій Петровичъ,—заговорилъ онъ, тряхнувъ своими кудрями:—женскіе экземпляры?

— Какже!

— Напримѣръ Дуньку? А?

И онъ подмигнулъ Лыжину.

— Она, кажется, и сыграла роль искусительницы въ этомъ парадизѣ?

— Именно. Вѣдь все дѣло разгорѣлось положительно изъ-за нея; то-есть, причины-то назрѣвали, но она представляла изъ себя бродило, химическій ферментъ.

— Съ кѣмъ же она?

— Съ Гудзѣнкой.

— Тотъ, хохолъ, косая сажень въ плечахъ?

— Да, я полагаю, и не съ однимъ имъ, только онъ изъ-за нея на другихъ полѣзъ. Грѣшный человѣкъ, я тогда на вашихъ радѣніяхъ, когда Усачевъ произносилъ проповѣди, наблюдалъ за ней и, знаете, нарочно пускалъ въ ходъ глазенапа.

— Переглядывались?

— Она меня не волновала... своими глазищами и сахарными устами. И сейчасъ она начинала самый убійственный огонь. Такъ и кончилось. И гдѣ бы вы думали я ее встрѣтилъ?

— Гдѣ?—спросилъ, оживляясь, Лыжинъ.

— Въ Рыбинскѣ, весной—Периколу играла. И тамъ я узналъ, что она—княгиня... татарская фамилія, Мурзаханова... что-то въ этомъ родѣ... Ушла она отъ мужа офицера, такъ, ни съ того, ни съ сего. Скучно—и баста! И передъ тѣмъ, какъ попасть въ общину, чего-чего не попробовала, и въ сестрахъ милосердія, и сыръ училась варить гдѣ-то въ ярославской губерніи. И кончила опереткой, и здоровущій купчина-мучникъ значился ея покровителемъ. Да!.. крутитъ всѣхъ насъ—и мужчинъ, и женщинъ, пока не наступитъ часъ сказать: стопъ!

— А для васъ онъ наступилъ?—спросилъ задушевной нотой Лыжинъ.

— Что жъ, Юрій Петровичъ,—вы, быть можетъ, про себя въ правѣ сказать, что окончательно подвели итоги. Это—дѣло лѣтъ. Я тоже порывался... Небось помните, какіе мы съ вами разговоры вели, сидя на заваленкѣ, подъ вечеръ, послѣ ужина. Я гдѣ-гдѣ не побывалъ, даромъ что мнѣ всего двадцать шестой годъ пошелъ съ октября.

Лыжинъ зналъ, что лѣсничій родомъ сибирякъ.

— И тамъ, у себя,—Грушинъ провелъ въ воздухѣ рукой,—гнало меня на самый крайній край. Пріятели завелись изъ подневольныхъ жителей полярныхъ странъ.

— Вотъ какъ!

— Я въ Среднеколымскѣ гащивалъ подолгу, когда еще юнцемъ былъ. И къ чукчамъ ѣзжалъ не разъ. И вотъ тамъ меня одинъ человѣкъ на всю мою жизнь пронзилъ своимъ примѣромъ.

Ласковые глаза лѣсничаго слегка отуманились. Онъ опустилъ голову и сталъ говорить медленнѣе и тише звукомъ:

— Сколько лѣтъ онъ провелъ въ юртѣ, жевалъ струганую мерзлую рыбу и валялся въ безпамятствѣ отъ ежедневныхъ угаровъ. Холодина въ сорокъ градусовъ, мракъ по цѣлымъ мѣся-

цамъ, вонь и чадъ отъ плошекъ съ тюленьимъ жиромъ. Годами словомъ человѣческимъ не съ кѣмъ перемолвиться. Грудь слабая, нервы расшатаны до послѣдней степени—и выдержалъ, вернулся все съ тѣмъ же душевнымъ складомъ. Вотъ часто, когда сидишь одинъ—скука начинаетъ засасывать, читать одурь возьметъ. Ѣхать некуда и нельзя—метель крутитъ. Графинчикъ съ настойкой какъ разъ очутится въ званіи притягательной отравы. И на душѣ такъ скверно: ты, молъ, на казенныхъ харчахъ, тебѣ туда и дорога — въ винтъ лупить съ урядникомъ да водку сосать съ утра до вечера. Вспомню о моемъ благопріятелѣ изъ Среднеколымска—и опять на душѣ легко, и сдается, что не одолѣть тебя ни скукѣ, ни лѣни, ни сивухѣ.

Грушинъ ждалъ не сегодня завтра пріѣзда коммиссаровъ по лѣснымъ работамъ. Онъ уже готовилъ имъ ночлегъ и въ своемъ помѣщеніи, и во флигелѣ у кондуктора.

— Вамъ, Юрій Петровичъ, стѣсняться этимъ нечего,—говорилъ лѣсничій, когда Лыжинъ перевелъ разговоръ на эту тему.—Вы со мною, въ спальнѣ; тамъ диванъ—роскошный. А для нихъ здѣсь постелемъ и въ залѣ.

— Сколько ихъ будетъ?

— Кажись, трое. Одинъ, слышно, изъ гвардейцевъ—чуть не титулованный. И двое помѣщиковъ—одинъ изъ земскихъ начальниковъ пошелъ, а третій—предводитель... оттуда, изъ подмосковныхъ уѣздовъ.

— Фамилію знаете?

— Боюсь перепутать; кажется,—Боярцевъ.

— Боярцевъ?—переспросилъ Лыжинъ и всталъ.

— А вы знакомы?

— Если это тотъ самый. Изъ Москвы?

— Да, москвичъ. И земскій-то начальникъ—оттудова же.

Имя „Боярцевъ“ всколыхнуло въ Лыжинѣ все, съ тѣмъ онъ уѣхалъ изъ деревни, гдѣ, быть можетъ, умирала въ ту минуту Елена Акридина. Онъ рѣшилъ остаться здѣсь даже и весь завтрашній день, до обѣда, подождать того, кто выбилъ изъ колеи бѣдную Елену и толкнулъ ее на героическій видъ самоубійства—точно на добровольное исканіе заразы.

— А теперь пора и пожевать, Юрій Петровичъ,—пригласилъ лѣсничій и тоже всталъ.—Перейдемте въ столовую. Видите, какимъ я паномъ живу. Цѣлыхъ четыре аппартамента подъ одного человѣка. Даже зазорно дѣлается... Только,—оттянулъ онъ,—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ—я бы сейчасъ пошелъ къ вамъ въ помощники. Безъ разрѣшенія начальства этого нельзя, а теперь

и подавно. Я обязанъ быть теперь самъ на чеку, давать указанія господамъ коммиссарамъ. И слава тебѣ Господи! А то крѣпишься-крѣпишься—и всего-то тебя начнетъ разбирать отъ обилія лишняго досуга.

— Женитесь!—сказалъ Лыжинъ.

— На комъ? Ужъ не на Дунькѣ ли? Вотъ теперь я подкидаю господъ дворянъ. Она бы одновременно съ каждымъ изъ нихъ завела любовную игру. А у меня крови много—какъ разъ прильетъ къ головѣ, и еслибъ я ее сцапалъ, я и ножъ всажу.

— Будто?

— Всажу! Можетъ, инстинктъ меня и воздерживаетъ. А кончишь тѣмъ, что обабишься... все лучше, чѣмъ съ чумазой кухаркой жить.

И болѣе весело, жестомъ руки, онъ пригласилъ Лыжина идти къ обѣду.

XXXIX.

За чаемъ, вечеромъ того же дня, сидѣли съ ними оба пріѣзжихъ коммиссара.

Это были Боярцевъ и Ястребовъ, тотъ земскій начальникъ, котораго Лыжинъ видѣлъ на открытіи школы. Оба пріѣхали голодные и проязбшіе.

Боярцевъ смотрѣлъ все такъ же спокойно и немного торжественно. Ястребовъ разспрашивалъ лѣсничаго обстоятельно. Онъ долженъ былъ начать работы въ этомъ самомъ лѣсу; Боярцевъ отправлялся на другой день дальше.

Ни тотъ, ни другой не выказывали особеннаго настроенія и какъ бы даже избѣгали разговора о народной бѣдѣ. Лыжинъ, наблюдая ихъ, счелъ это если не рисовкой, то чѣмъ-то въ родѣ пароли.

Боярцевъ, узнавъ, что Лыжинъ открываетъ въ ближайшей волости столовыя, сталъ говорить съ нимъ объ этомъ мягко и сдержанно, въ довольно искреннемъ тонѣ, но съ какимъ-то трудно уловимымъ оттѣнкомъ, который ему не нравился.

Ястребовъ сначала только прислушивался къ ихъ разговору.

— Такъ-то такъ, — началъ онъ, точно вколачивая слова:— нужда большая... Только даровыя харчи въ родѣ нищенства—и народъ избалуется въ доскъ!

Лыжинъ переглянулся съ лѣсничимъ.

— Доводъ вашъ,—возразилъ онъ, точно его что внутри укололъ,—уже избитъ извѣстнаго рода прессой.

Ястребовъ строго поглядѣлъ на него.

— Меня этимъ нельзя смутить,—отвѣтилъ онъ ему въ упоръ.

— А ваши работы?—впадая въ нервность, заговорилъ Лыжинъ.—Вѣдь и на нихъ можно поглядѣть, какъ на національныя мастерскія, какія были заведены коммиссіей Луи-Блана, послѣ февральской революціи.

— Не совсѣмъ,—тихо замѣтилъ Боярцевъ:—тамъ дѣйствовалъ принципъ, провозглашающій державное право рабочихъ на трудъ, во что бы то ни стало!

— А здѣсь,—продолжалъ Ястребовъ,—мы вызываемъ нуждающихся въ работѣ и платимъ. Они не нищіе и не бунтари, а трудовой народъ. Вотъ что-съ!

Лѣсничій, раскраснѣвшійся отъ чая, приподнялся и отошелъ къ печкѣ.

— Толку отъ этихъ работъ тоже не предвидится,—сказалъ онъ.—Кое-кто прокормится... да и то скверно, потому что муку будутъ покупать втридорога; плата все-таки не важная. А подкладка-то остается все одна и та же.

— Почему?—спросилъ за Ястребова Боярцевъ.

— А какъ же? Вѣдь ежели казна сама приходитъ на помощь и, такъ сказать, выдумываетъ работы—значитъ, она признаетъ право голоднаго на трудъ.

— Несомнѣнно!—откликнулся Лыжинъ и тоже всталъ.

Ему не сидѣлось.

Ястребовъ глядѣлъ на лѣсничаго все такъ же строго. Въ его глазахъ можно было прочесть вопросъ:

„Какъ же ты—на службѣ, и позволяешь себѣ такъ разсуждать, милый мой?“

Щеки разгорѣлись и у Лыжина. Но онъ взглянулъ на обоихъ коммиссаровъ, и внезапно его настроеніе, близкое къ взрыву—измѣнилось. Оба эти дворянина—каждый по своему—хотятъ показать, что ихъ взгляды не измѣнитъ никакая народная бѣда,—и все-таки они служатъ этому народу, изъ-за него каждый изъ нихъ оставилъ должность и поѣхалъ мерзнуть на лѣсныхъ просѣкахъ, дурно спать, дурно ѣсть, возиться съ нарядчиками; всюду поспѣвать.

О себѣ самомъ онъ точно забылъ. Его уже такъ захватило дѣло, что онъ не могъ задавать себѣ никакихъ личныхъ вопросовъ. Бѣдствіе было на его глазахъ слишкомъ ярко и многообразно. Не расхолаживалъ онъ себя и тѣмъ, что помощь, идущая черезъ его руки—„капля въ морѣ“. Тамъ, гдѣ онъ заводилъ столовыя, тѣ, кому нечего было ѣсть—всѣ ходили по два

раза на день; и ихъ было сорокъ процентовъ, а когда и шестьдесятъ. И всѣ были сыты и въ проектѣ, и въ дѣйствительности. Быть можетъ, они ѣли лучше, чѣмъ ѣдятъ въ избахъ и въ обыкновенное, не голодное время. Но онъ и этимъ не смущался.

— Господа,—слышалъ онъ голосъ лѣсничаго.—Къ чему тутъ мудрствовать лукаво? Пришла бѣда—отворяй ворота. А если разбирать все до тонкости, то вы—въ два-три дня—потеряете всякую вѣру въ толковость и смыслъ того дѣла, для котораго пріѣхали сюда организовать національныя мастерскія.

— Несомнѣнно! — тѣмъ же вѣскимъ звукомъ подтвердилъ Лыжинъ.

Ему видѣлась, подъ висячей лампой, бѣлокурая красивая голова Боярцева. Бѣлый, вдумчивый, нѣсколько узковатый лобъ отражалъ на себѣ свѣтъ, смягченный матовымъ колпакомъ.

И ему впервые пришелъ вопросъ:

„Какъ же это я до сихъ поръ не скажу ему про болѣзнь Елены?“

Онъ пододвинулся къ нему тихо и, нагнувшись, сказалъ вполголоса:

— Романъ Денисовичъ... на два слова.

Оба отошли къ итальянскому окну, съ обмерзлыми углами рамъ.

— Вы знаете—гдѣ Елена Константиновна?

Боярцевъ замигалъ и оглянулъ его сверху до низу.

— Нѣтъ, давно ничего не знаю.

— Вы не слыхали и о томъ, что она поѣхала бороться съ голоднымъ тифомъ—мѣсяца два назадъ?

— Нѣтъ,—болѣе искренней нотой отозвался Боярцевъ.

— И сама заразилась. Теперь она недалеко отсюда... верстахъ въ пятидесяти лежитъ. Опасность все ростетъ.

Лыжину хотѣлось разглядѣть, какое выраженіе появится на лицѣ и въ глазахъ Боярцева. Лицо было серьезное, глаза полуопущены.

— Вы ее видѣли? — спросилъ Боярцевъ послѣ маленькой паузы.

— Она была въ бреду.

— И какого вы мнѣнія?

— Не знаю, встанетъ ли.

— Благодарю васъ!—болѣе искреннимъ звукомъ заговорилъ Боярцевъ и поднялся.—Вы будете добры—сообщите, мнѣ по какой дорогѣ можно туда попасть.

Въ Лыжинѣ проснулось-было недоброе желаніе сказать ему:

„Безумная любовь къ вамъ погнала ее на вѣрную смерть".

Но чѣмъ же онъ былъ виноватъ?

— Кого-то Богъ несетъ?—вдругъ сказалъ лѣсничій у стола и оглянулся на окно.

Можно было отчетливо распознать звякъ колокольчика.

Черезъ нѣсколько минутъ въ переднюю вошли.

Хозяинъ выбѣжалъ туда.

— Здѣсь Лыжинъ, Юрій Петровичъ? — раздался вопросъ одного изъ пріѣзжихъ.

Лыжинъ не сразу узналъ голосъ Воденягина.

— Здѣсь.

— Мы къ нему... извините!—прибавилъ другой голосъ.

Его Лыжинъ и совсѣмъ не узналъ.

Онъ подошелъ къ дверямъ передней.

Служитель помогалъ пріѣзжимъ снять шубы и валенки, всѣ въ снѣгу.

Съ Воденягинымъ пріѣхалъ художникъ Лукошкинъ. Его лицо осталось въ памяти Лыжина; но голоса его онъ не помнилъ.

— Къ вамъ, Юрій Петровичъ, по дорогѣ на станцію.

Въ лицѣ Воденягина было что-то особенное.

— Откуда вы, господа?—спросилъ Лыжинъ.

— Мы вотъ съ Лукошкинымъ ѣздили производить опись голодающимъ и завернули навѣстить Елену Константиновну Аврідину.

— И какъ же она?—подсказалъ Лыжинъ.

— Приказала долго жить.

— Умерла!

Вѣсть эту Лыжинъ ждалъ съ часу на часъ; но она его ударила въ сердце—онъ даже присѣлъ и взялся за голову.

— Умерла,—беззвучно повторилъ онъ.

— И докторъ Гурьяновъ не помогъ. Поздно было. Форма-то больно лютая схвачена была.

— Романъ Денисовичъ!—окликнулъ Лыжинъ, вводя пріѣзжихъ въ гостиную:—Елена Константиновна скончалась.

Онъ это сказалъ громко и раздѣльно, и въ немъ опять зашевелилось желаніе хоть этой вѣстью за что-то выместить на „елейномъ" предводителѣ.

— Быть не можетъ!

Боярцевъ быстро всталъ и, опустивъ голову, истово перекрестился.

— Царство ей небесное!—выговорилъ онъ отчетливо.

Всѣ сѣли вокругъ стола. Лѣсничій началъ поить чаемъ новыхъ гостей.

— Гдѣ же будетъ погребеніе?—спросилъ Боярцевъ, оставшійся съ выраженіемъ лица, какое бываетъ въ домахъ покойниковъ.

— Отпѣваніе тамъ; а повезутъ въ Москву.

— Вы не вернетесь туда?—спросилъ Лыжинъ.

— Нѣтъ. Намъ сегодня же надо добраться до станціи; а тамъ начать объѣздъ. Къ вамъ, въ волость, заглянемъ. Поучиться! Придется и въ нашемъ районѣ завести столовыя. Выдавать по рукамъ—слишкомъ тягостно. Много грѣха на душу возьмешь.

— Да,—протянулъ со вздохомъ художникъ:—много!

— Вотъ мы съ нимъ — Воденягинъ указалъ на Лукошкина —на той недѣлѣ такъ вотъ загубили одну душу. Притащился паренекъ—плачетъ, Христа ради молитъ—третій день маковой росинки. А мы говоримъ: подожди... Есть и старики безногіе, старухи, дѣти. И какъ бы вы думали—въ ту же ночь побрелъ онъ побираться, да и замерзъ отъ истощенія силъ. Находятся, однако, господа, кричащіе, что народъ балуется, и помогать ему даромъ—значитъ разводить анархистовъ!

Взглядъ Воденягина—точно противъ его воли—обратился въ сторону бывшаго земскаго начальника. Тотъ упорно молчалъ.

— Замерзъ!—повторилъ Лыжинъ, и смерть Елены отошла куда-то вдаль, а въ его сердцѣ трепетало только умильное чувство къ женщинѣ, пошедшей, безъ оглядки, на заразную смерть, для того же народа.

XL.

Изъ вчерашнихъ гостей Боярцевъ и Ястребовъ еще спали; Воденягинъ и художникъ уѣхали поздно ночью.

Чуть брезжилъ день. Лыжинъ проснулся въ шесть часовъ и въ темнотѣ лежалъ, съ открытыми глазами. У другой стѣны спалъ Грушинъ. Его молодое, ровное дыханіе ритмически раздавалось въ темнотѣ.

Проснувшись, Лыжинъ почувствовалъ себя совершенно не такъ, какъ могъ бы ожидать. Первое, что онъ вспомнилъ, было: „Елена скончалась“. Но это не вызвало подавляющаго настроенія.

„Такъ лучше“,—сказалъ онъ мысленно, и не устыдился своихъ словъ.

Смерть его пріятельницы освѣтила ему все, что дѣлалось въ

немъ и вокругъ него, на родинѣ—этой печальной, обреченной на вѣковые искусы родинѣ. Славная смерть, какъ тамъ ни суесловь! Даже и „амбарный Сократъ“ не посмѣлъ бы умничать и обзывать ее рабствомъ передъ прописью народничества. Небось они—вмѣстѣ съ Липой—ѣздятъ тоже по деревнямъ, и Кострицынъ не стыдится; убѣжденъ и въ томъ, что онъ—не отступникъ передъ своей теоріей личности.

Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не отступникъ. Вѣдь онъ будетъ печатать диссертацію и займетъ каѳедру.

И всѣ они: Ида, Липа, Леля Божеярина, Кострицынъ, Воденягинъ, художникъ Лукошкинъ, вотъ этотъ лѣсничій, даже Боярцевъ и Ястребовъ—изъ одного стана; во всѣхъ живетъ нѣчто выше теорій, кружковъ, прописей, направленства, личнаго задора—во всѣхъ. И въ покойницѣ оно жило. Полюби она своего елейнаго предводителя или нѣтъ—все равно, она точно также могла бы очутиться въ грязной избѣ на палатяхъ, гдѣ разметалась цѣлая семья въ голодномъ тифѣ.

А онъ самъ?

Вся его уже сорокалѣтняя жизнь—ему уже шелъ сорокъ третій—чрезвычайно отчетливо, широкими пластами наслоилась передъ нимъ.

И сквозь всѣ эти наслоенія чего-чего не выдѣлывалъ онъ съ собой, ища правды и настоящаго „дѣланья жизни“! Вотъ онъ, тревожный умомъ гимназистъ, до глубокой ночи читаетъ запретныя книжки. Уже въ пятомъ классѣ онъ задумалъ покончить съ „безплодной“ наукой и идти къ „новымъ“ людямъ. Чуть горячки не схватилъ отъ внутренняго огня мысли и жажды подвига. Вотъ онъ студентъ, уже съ закоренѣлымъ возмущеніемъ всѣмъ, что „казенщина“—лекціями многихъ профессоровъ, образомъ жизни своихъ родныхъ, изъ „руководящихъ“ классовъ, всѣмъ, что предлагало нѣчто среднее, разсудительное, достижимое, а не тянуло туда—въ безконечную даль душевныхъ блужданій. Умеръ отецъ. Умерла мать. Онъ любилъ ихъ, но ему сдѣлалось легче, когда ихъ не стало, потому что онъ не могъ ихъ не осуждать. Вотъ онъ на полной свободѣ. Уже и тогда онъ хотѣлъ служить знаніемъ и сердцемъ темной массѣ. Въ адвокаты онъ не пошелъ; не сталъ и жить около мужиковъ, служа имъ даровымъ совѣтчикомъ и вожакомъ.

Онъ искалъ послѣдняго слова общественной правды и разъ по крайней мѣрѣ восемь, въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ фанатически убѣжденъ, что нашелъ ее. Опыты были не одни книжные.

Двѣ трети его дворянскаго достатка ушли на нихъ. Кого и что только онъ не поддерживалъ, въ томъ числѣ и крестьянъ?..

По наклонной плоскости дошелъ онъ и до того, что его заграничный знакомый извилъ въ своихъ горячихъ обличеніяхъ. И онъ „пускалъ воши въ ухо“ и „стукалъ лбомъ передъ мужицкимъ зипуномъ“.

Послѣдняя „ипостась“—какъ выразился бы Иванъ Кузьмичъ Кострицынъ—нашла его въ той общинѣ, куда лѣсничій Грушинъ завезъ его студентомъ Петровской академіи.

Послѣ того произошелъ его душевный крахъ.

И что же?

Отчего у него, Юрія Лыжина, —кающагося дворянина— „какая старомодная и жалкая кличка!“—не было въ ту минуту никакой охоты предаваться горечи и самобичеванію?

Точно будто судьба, посылая на тотъ народъ, къ которому онъ то пылалъ влеченіемъ, то охладѣвалъ, такую осязательную и жестокую бѣду, готовила ему это испытаніе, чтобы излечить окончательно, показать, что жизнь сильнѣе всякихъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и блужданій.

Ему теперь легко. Чудовищно было бы вовиться съ собою. Даже Кострицынъ—и тотъ захваченъ тѣмъ же потокомъ.

„Однако, неужели надо непремѣнно что-нибудь роковое, стихійное: моръ, голодъ, потопъ, трусъ?“ — проговорилъ Лыжинъ умственно, чтобы такихъ, какъ онъ, превратить въ людей, забывшихъ о себѣ, знающихъ, что надо дѣлать, кому помогать, съ чѣмъ бороться, о чемъ кричать на всю Русь?

И этотъ вопросъ что-то не смутилъ его.

Не жалѣлъ онъ ничего и въ своемъ дальнемъ, и въ близкомъ прошломъ, и это чувство было самое радостное и сильное.

Ничего! Никакихъ поисковъ, глупостей, задора, опытовъ, самообмановъ! Ничего не жаль!

Развѣ человѣкъ можетъ управлять собою, какъ машиной, когда его толкаетъ въ ту или другую сторону? Почему? Зачѣмъ? Разглядитъ онъ тогда, когда придется проводить черту подо всѣми итогами жизни.

А тогда—впору умирать.

Грушинъ потянулся, крякнулъ и окликнулъ:

— Вы не спите, Юрій Петровичъ?

— Нѣтъ, давно проснулся.

— Пора вставать. Гостей отправить пораньше. Закусить имъ надо. А вы куда? Въ волость?

— Нѣтъ, я съѣзжу въ другое мѣсто. Вы слышали, Елена

Константиновна скончалась. Я туда попаду еще засвѣтло, а завтра опять за работу.

Они стали подниматься. Оба коммиссара еще спали. Ихъ пришлось разбудить. Лыжину не хотѣлось выходить къ Боярцеву. Говорить съ нимъ опять о смерти Елены—выйдетъ, точно онъ клянчитъ: „удостойте, молъ, посѣщеніемъ покойницу". Захочетъ, и самъ догадается—поклониться ей.

Онъ просидѣлъ въ спальнѣ лѣсничаго, пока гости пили чай и собирались въ дорогу. Грушинъ забѣжалъ къ себѣ въ комнату—проститься съ Лыжинымъ.

— Вы къ генераламъ не выйдете?—спросилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ... Пускай думаютъ, что я сплю.

— Ладно... А вѣдь какъ тотъ строгій-то, изъ земскихъ начальниковъ, ни суесловитъ въ охранительномъ духѣ, все-таки будетъ шагать по сугробамъ и зябнуть на порубкахъ! А? Ха, ха!

— Будетъ!

— Они такъ только на себя напускаютъ — мы-де вѣрны своимъ принципамъ, а только теперь такое время и надо взять въ свои руки—хотя бы и государственную милостыню.

Они поцѣловались на прощанье.

— Когда васъ ждать, Юрій Петровичъ?

— На будущей недѣлѣ.

Голоса гостей раздались въ передней.

Грушинъ вернулся отъ двери.

— Юрій Петровичъ! Я вѣдь вамъ вчера и не сказалъ. У васъ конкуррентъ явился. Тотъ ходитъ пѣшкомъ по деревнямъ. И также насчетъ столовыхъ. Навѣрно слыхали... Я вамъ скажу—фигура. Онъ ко мнѣ зашелъ разъ, чайку напиться.

— Кто такой?

— Князь Жеребьевъ-Зарайскій.

— Старикъ?

— Древній.

— Да вѣдь я его прекрасно знаю.

— Тѣмъ лучше! Онъ около нашей лѣсной трущобы и дѣйствуетъ. И какъ разъ мимо насъ и ходитъ—по главной просѣкѣ, въ сторону Доброхотовскаго хутора, и дальше. Ну, прощайте! Генералы ждутъ.

Лѣсничій еще разъ пожалъ руку Лыжину и выбѣжалъ.

Голоса смолкли. Черезъ три-четыре минуты и звонъ двухъ колокольчиковъ на перебой началъ удаляться по просѣкѣ вправо.

Лыжинъ приказалъ, чтобы и ему закладывали, и въ кабинетѣ подошелъ къ итальянскому окну.

На дворѣ погода шла на метель. Пока попархивалъ снѣжокъ и даль виднѣлась сквозь снѣговую кисею. Полоса бора и дорога стояли затуманенныя этимъ бѣлымъ пологомъ; но можно еще было разглядѣть все, саженяхъ въ ста и больше.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ увидитъ останки Елены.

Онъ не можетъ знать, что въ немъ это вызоветъ. Разрыдается онъ или молча выдержитъ? Все-таки онъ не страдаетъ за нее. И Елена сдѣлала свое дѣло: жила бойцомъ и умерла на бреши.

Доля завидная! И онъ можетъ завтра же схватить заразу и положить свои кости на ближнемъ деревенскомъ погостѣ.

Глаза его—почти любовно—ушли въ даль и взглядъ остановился на просѣкѣ, широкой полосой протянувшейся вдоль опушки.

Справа двигался очень большого роста мужчина, съ длинной сѣдой бородой, въ полушубкѣ, крытомъ сукномъ, въ сѣрыхъ валенкахъ, съ клюкой въ рукѣ. Шапка, взъерошенная и высокая, дѣлала весь его обликъ еще живописнѣе.

— Князь Иларіонъ!—вслухъ вскричалъ Лыжинъ, узнавъ древняго гегельянца.

„И онъ, и онъ также!“—повторялъ Лыжинъ, и чувство сродни умиленію и чему-то другому—какъ бы художественной радости—разлилось по немъ.

А старикъ шагалъ, быстро, немного горбился и широко разставлялъ ноги—точно скользилъ на лыжахъ. Снѣжная пелена густѣла вокругъ него и затягивала его туда-туда, гдѣ „хлѣба нѣтъ“,—какъ случалось и съ нимъ...

П. Боборыкинъ.

1893 г.

ЗА УРАЛЬСКИМЪ БОБРОМЪ

Путешествіе въ страну вогуловъ.

Изъ дневника туриста.

I.

Я только-что расположился за самоваромъ, какъ въ дверь моей комнаты постучали.

— Войдите!—сказалъ я.

На порогѣ показался какой-то совершенно незнакомый господинъ.

— Путешественникъ Носиловъ,—отрекомендовался вошедшій незнакомецъ.

— Носиловъ, изслѣдователь Новой Земли?

— Да, я путешествовалъ по ней,—отвѣтилъ г. Носиловъ.

— Раздѣвайтесь, пожалуйста, вы какъ разъ кстати,—видите, у меня кипитъ самоваръ на столѣ: добрый знакъ для перваго знакомства,—сказалъ я, усаживая гостя.

Г. Носилова я видѣлъ въ первый разъ, но не особенно удивился его визиту: мы были съ нимъ земляками, почти сосѣдями. На этотъ разъ онъ только-что возвратился съ родины и по просьбѣ моей матери разыскалъ меня въ Екатеринбургѣ, черезъ который проѣзжалъ.

— Куда же вы теперь пробираетесь? — спросилъ я, послѣ того какъ г. Носиловъ выложилъ передо мной весь запасъ порученій и поклоновъ отъ моихъ родныхъ.

— Къ вогуламъ, на рѣку Конду.

— И надолго?

— Нѣтъ, всего мѣсяца на три, на четыре, словомъ—смотря по обстоятельствамъ.

— Вы туда съ научною цѣлью?

— Какъ вамъ сказать? Главная моя цѣль — добыть уральскаго рѣчного бобра, котораго я обѣщалъ представить на имѣющійся быть въ началѣ августа этого года, въ Москвѣ, всемірный съѣздъ естествоиспытателей.

— Да развѣ этотъ бобръ ужъ настолько интересное животное, что за нимъ стоитъ спеціально ѣхать такую даль? — удивился я.

— О, да. Этотъ уральскій бобръ въ настоящее время совершенно рѣдкостное животное, и кромѣ того онъ никѣмъ еще не изслѣдованъ и нигдѣ не описанъ. Несмотря на всѣ попытки, стоившія большихъ денегъ и даже нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, до сихъ поръ никому не удавалось добыть ни одного цѣльнаго экземпляра этого, теперь вымирающаго, звѣря.

— И вы надѣетесь его добыть?

— Да, надѣюсь. По крайней мѣрѣ, я знаю, что онъ существуетъ въ той мѣстности, куда я ѣду. Но кромѣ того и сама по себѣ рѣка Конда, вмѣстѣ съ племенами живущихъ на ней вогуловъ, представляетъ еще до настоящаго времени terram incognitam, такъ какъ никто изъ ученыхъ тамъ не былъ, никто ничего о ней не писалъ, и, по пути, я буду производить этнографическія, зоологическія, а отчасти и географическія изслѣдованія.

— Счастливецъ,—сказалъ я:—мнѣ остается только вамъ завидовать.

— Завидовать?—переспросилъ Носиловъ.

— Да. Помилуйте, вы будете жить вдали отъ всякой цивилизаціи и всѣхъ ея—часто сомнительныхъ—благъ, вы будете дышать вольнымъ воздухомъ на груди матери-природы въ обществѣ первобытнаго человѣка, еще не развращеннаго ни алчностью наживы, ни другими добродѣтелями нашего просвѣщеннаго вѣка, вдали отъ всякихъ тревогъ...

— А медвѣди? а другіе хищные звѣри?

— Что медвѣди? Что хищные звѣри? Развѣ люди часто не бываютъ опаснѣе и свирѣпѣе дикихъ звѣрей?..

— Тогда знаете что? Поѣдемте со мной!—неожиданно предложилъ мнѣ г. Носиловъ.

— Съ вами?

— Да.

— Вы не шутите?

— Ничуть.
— А если я соглашусь?
— Я буду очень радъ.
— Когда вы выѣзжаете изъ Екатеринбурга?
— Завтра съ поѣздомъ. Васъ что-нибудь задерживаетъ?
— Рѣшительно ничего. Развѣ паспортъ...
— Ну, это можно уладить. Значитъ, по рукамъ?
— Идетъ,—сказалъ я, протягивая свою руку.

Такой оборотъ разговора былъ нѣсколько крутъ... Я былъ застигнутъ врасплохъ и не имѣлъ возможности приготовиться къ предстоящему путешествію; я совершенно не имѣлъ никакого понятія ни о той мѣстности, куда мы поѣдемъ, ни о народѣ, среди котораго намъ приведется жить. Это, разумѣется, былъ большой недостатокъ для путешественника, но раздумывать и знакомиться съ мѣстомъ путешествія по книгамъ было некогда, такъ какъ г. Носиловъ не ждалъ, а терять случай мнѣ не хотѣлось.

Итакъ, черезъ день мы мчались по желѣзной дорогѣ по направленію къ Кушвѣ, откуда далѣе должны были ѣхать на лошадяхъ. Чтобы не перекладываться на станціяхъ, въ Кушвѣ мы пріобрѣли собственный экипажъ. Это былъ довольно помѣстительный плетеный коробокъ, поставленный на широкія розвальни. Путь нашъ лежалъ сначала на г. Верхотурье, оттуда на Пелымь, и затѣмъ уже совершенно невѣдомыми проселочными дорожками мы должны были пробраться въ верховья рѣки Конды.

Была половина марта и уже начинались оттепели; поэтому намъ приходилось торопиться, чтобы заблаговременно достичь, пока еще дороги не испортились, до цѣли нашего путешествія; мы не знали, сколько времени оно продолжится, а засѣсть на полдорогѣ въ тайгѣ, гдѣ лѣтомъ нѣтъ никакихъ сообщеній, особеннаго интереса для насъ не представляло. Обратный же путь мы намѣрены были сдѣлать на лодкѣ по р. Кондѣ, послѣ разлива послѣдней, спустившись въ Иртышъ.

Дорога отъ Кушвы идетъ черезъ сплошные хвойные лѣса, между которыми преобладаютъ сосновые; вторая ея половина до Верхотурья тянется вдоль рѣки Туры по живописной мѣстности, на которой разбросаны здѣсь и тамъ поселки съ постройками заводскаго пошиба.

На станціяхъ, чтобы не пускаться въ подробныя объясненія съ любопытными смотрителями и проѣзжающими, мы вездѣ выдавали себя за охотниковъ, ѣдущихъ въ Конду за медвѣдями. Хотя у насъ было съ собой четыре ружья, — наши аргументы

мало удовлетворяли вопрошавшихъ. Слушатели, хитро улыбаясь, молча покачивали головами, какъ бы говоря: „ладно, знаемъ мы, за какими медвѣдями вы ѣдете!“

Дѣло въ томъ, что таинственный сѣверъ въ умахъ здѣшнихъ обывателей представляется какой-то сказочной по разнообразнымъ богатствамъ страной, куда ловкіе и знающіе люди отправляются за наживой. Такое убѣжденіе, разумѣется, не лишено большой доли справедливости. Конда здѣсь славится обиліемъ разнообразнаго пушного звѣря и рыбы, а дикіе инородцы—вогулы и остяки—представляютъ богатый матеріалъ для эксплуатаціи ихъ ловкими людьми. Кромѣ того, молва гласитъ, также, можетъ быть, не безъ основанія, что въ неизвѣданной тайгѣ хранятся огромныя минеральныя сокровища.

Чѣмъ ближе мы подвигались къ Верхотурью, тѣмъ все чаще и чаще попадались намъ на дорогѣ группы пилигримовъ, шедшихъ съ разныхъ концовъ Россіи на поклоненіе Симеону Праведному, мощи котораго покоятся въ Верхотурьѣ. Былъ великій постъ, и богомольный сезонъ — въ самомъ разгарѣ.

Городъ Верхотурье расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Туры. Красивая группа церквей представляетъ довольно живописный видъ, когда подъѣзжаешь къ нему по дорогѣ изъ Кушвы. Этотъ городъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ пермскаго края; онъ основанъ въ 1598 году и когда-то игралъ очень важную роль, такъ какъ черезъ него проходила главная сибирская дорога; здѣсь было складочное мѣсто для товаровъ и таможня для сибирской торговли. Еще и теперь видны остатки стариннаго каменнаго укрѣпленія, существовавшаго, какъ говорятъ, до начала нынѣшняго вѣка.

Изъ Верхотурья намъ нужно было сдѣлать перевалъ черезъ *урманъ* [1]), чтобы попасть въ бассейнъ рѣки Тавды. На протяженіи 44 верстъ, до деревни Денисовки, мы ѣхали непроходимой *тайгой* [2]). По обѣимъ сторонамъ дороги высились громадныя сосны, ели, пихта и кедры, достигавшіе нѣсколькихъ обхватовъ толщины и настолько высокіе, что иногда казалось, будто мы ѣдемъ среди какого-то узкаго горнаго ущелья. Чаща во многихъ мѣстахъ была до того густа, что положительно руки некуда было просунуть, и въ глубинѣ ея, то тамъ, то тутъ, виднѣлись гигантскіе стволы упавшихъ деревьевъ, гнившихъ тамъ въ продолженіе

[1]) Урманами называются хвойные лѣса, растущіе на возвышенныхъ мѣстахъ. Кондинскіе вогулы урманомъ зовутъ преимущественно сосновый лѣсъ, боръ.

[2]) Громадныя пространства, поросшія густымъ хвойнымъ лѣсомъ, въ Сибири называются тайгой.

многихъ лѣтъ. Кругомъ царила мертвая тишина. Ни звѣря, ни птицы. Развѣ только иногда гдѣ-нибудь, въ глубинѣ лѣса, глухо прозвучитъ носомъ дятелъ, нарушая гробовое молчаніе, да скрипъ подгнившаго дерева возмутитъ эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое унынiе на душу. Снѣгъ по обѣимъ сторонамъ былъ чрезвычайно глубокъ, а дорога такъ узка, что ѣхать было возможно не иначе, какъ только *гуськомъ* [1]), и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ нашъ экипажъ оказался черезъ-чуръ широкъ для здѣшнихъ дорогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога шла глубоко въ снѣгу, представляя изъ себя какъ бы русло ручья съ крутыми узкими берегами, и отводы нашего экипажа тормазили по снѣгу, препятствуя идти лошадямъ. Зато тамъ, гдѣ дорога была высокая, широкiя полозья нашихъ розвальней соскальзывали съ узкой дорожной ленты, и мы вылетали не разъ вмѣстѣ съ своимъ багажемъ въ рыхлый снѣгъ.

Лѣтъ десять тому назадъ не существовало и этого пути, а была только одна лѣсная тропинка, по которой лѣтомъ ходили пѣшкомъ или ѣздили верхомъ на лошадяхъ, зимой же только на лыжахъ. Но съ устройствомъ Сосьвинскихъ чугуноплавильныхъ заводовъ черезъ эти непроходимыя дебри была сдѣлана просѣка и проложена дорога, впрочемъ въ лѣтнее время и теперь находящаяся въ самомъ жалкомъ состоянiи. По этой дорогѣ съ рр. Сосьвы, Тавды и Конды везутъ въ Верхотурье и на Уралъ рыбу, пушнину и орѣхи—продукты этихъ рѣчныхъ бассейновъ.

На срединѣ перевала, въ дремучемъ лѣсу находится земская станцiя Половинка, въ которую мы прибыли уже глубокой ночью и, смѣнивъ лошадей, направились далѣе, въ деревню Денисовку. Эта деревня находится уже въ бассейнѣ рѣки Тавды и расположена на живописномъ крутомъ берегу р. Лали, притокѣ р. Сосьвы [2]). Она состоитъ всего изъ 5—6 дворовъ. Главное занятiе ея жителей — охота и рыбная ловля; впрочемъ и земледѣлiе здѣсь не въ загонѣ, и хотя, вслѣдствiе окружающихъ дремучихъ лѣсовъ, земли, годной для хлѣбопашества, не особенно много, но трудолюбивые крестьяне съ каждымъ годомъ расчищаютъ все бо́льшую и бо́льшую площадь подъ посѣвы. Въ нынѣшнiй годъ, когда былъ всеобщiй неурожай и большинство Россiи голодало, денисовцы, напротивъ, не запомнятъ такого благодатнаго обилiя хлѣба на своихъ нивахъ. Здѣсь, въ Денисовкѣ, г. Носиловъ провелъ когда-то, еще будучи на школьной

[1]) Т.-е. лошади, запряженныя другъ за другомъ, а не рядомъ.

[2]) Въ Сибири двѣ рѣки Сосьвы; одна, упомянутая здѣсь,—притокъ Тавды; другая, Сѣверная Сосьва—притокъ Оби

скамьѣ, нѣсколько вакацій, и всѣ денисовцы оказались его старыми знакомыми. Насъ приняли съ распростертыми объятіями и стали водить по гостямъ изъ двора во дворъ, угощая, кто чѣмъ могъ. Обрадованный ласковой встрѣчей со стороны старыхъ знакомыхъ, Константинъ Димитріевичъ сдѣлалъ кое-кому изъ нихъ довольно цѣнные подарки, въ память прежнихъ пріятельскихъ отношеній. Но эти подарки, къ нашему огорченію и удивленію, не только не вызвали никакой признательности со стороны старыхъ друзей, но разожгли аппетиты денисовцевъ до невозможности; они сдѣлались крайне назойливыми и, въ благодарность за подарки, содрали съ насъ тройные прогоны.

Въ 15 верстахъ отъ Денисовки, на р. Сосьвѣ, при устьѣ р. Ляли, находится большое, богатое село Романовка. Благодаря близости Сосьвинскихъ заводовъ, стоящихъ въ 27 верстахъ ниже, это село быстро разрослось и разбогатѣло. Всѣ его постройки уже носятъ на себѣ слѣды чисто сибирскаго характера: избы по большей части пятистѣнныя, просторныя, свѣтлыя, чистыя; многія — палубленныя; нѣкоторыя выкрашены краской, съ различными рѣзными узорчатыми украшеніями. Здѣсь, въ Романовкѣ, конецъ лѣтняго сухопутнаго тракта и пристань, отъ которой лѣтомъ ходятъ пароходы вверхъ по Сосьвѣ къ Богословскимъ заводамъ, а внизъ по Сосьвѣ, Тавдѣ и Иртышу въ Тобольскъ. Село Романовка открываетъ собой дверь въ Сибирь. Въ 6 верстахъ отъ Сосьвинскихъ заводовъ проходитъ граница тобольской губерніи.

Отъ села Романовки дорога пошла вдоль рѣки Сосьвы, то прямо рѣкой, то по берегу. Первое село, встрѣтившееся намъ на этомъ пути, было Кошай, въ 25 верстахъ отъ Романовки; жители его наполовину русскіе, наполовину уже обрусѣвшіе вогулы-ясачники, т.-е. платящіе вмѣсто податей ясакъ [1]). Здѣшніе сосьвинскіе вогулы, равно какъ и вогулы, живущіе по рѣкѣ Лялѣ, выше Денисовки, и по Тавдѣ, уже совершенно утратили всѣ свои національныя особенности; они давно позабыли и свой родной языкъ, и свои обычаи и вѣрованія, и слились съ русскими поселенцами. Этому полному обрусѣнію здѣшнихъ вогуловъ много способствовали русскія женщины, выходившія замужъ за вогуловъ и являвшіяся такимъ образомъ цивилизующимъ элементомъ въ ихъ средѣ. Такъ какъ, по обычаю вогуловъ, женихъ долженъ платить за свою невѣсту болѣе или менѣе обременительный для себя калымъ, то многіе изъ вогуловъ предпочитали брать женъ русскихъ, какъ не требующихъ никакого калыма. Но кромѣ этого

[1]) Подать, собираемая натурой, въ видѣ пушнины.

русская женщина являлась для вогула болѣе привлекательной и по другимъ причинамъ: она была лучшей хозяйкой въ дому, болѣе выносливой и трудолюбивой, чѣмъ вогулки; и въ этомъ не могли не сознаваться и сами вогулы.

Отъ такого смѣшенія вогуловъ съ русскими произошло крѣпкое и сильное поколѣніе, мало чѣмъ отличающееся отъ русскихъ крестьянъ. Только широкія скулы, тупой носъ и глаза съ узкимъ разрѣзомъ говорятъ объ ихъ первоначальномъ происхожденіи. А между тѣмъ коренные вогулы, напр. кондинскіе, верхнепелымскіе, лозвинскіе и живущіе по сѣверной Сосьвѣ, какъ еще не успѣвшіе слиться съ русскими, видимымъ образомъ обречены на вымираніе и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшаются въ своемъ числѣ.

Слѣдующая станція, въ 35 верстахъ отъ Кошая, была деревня Махтели, населенная уже по преимуществу обрусѣвшими вогулами. Мы пріѣхали въ Махтели ночью и въ ожиданіи, пока намъ запрягутъ лошадей, зашли въ избу напиться чаю. Изба ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной русской. Большая русская печь, палати, по стѣнамъ лавки—все это было обыкновенное. Когда мы пили чай, мой товарищъ подтолкнулъ меня локтемъ, указавъ глазами на печь. Взглянувъ по указанному направленію, я увидалъ въ углу на печи старуху, державшую во рту трубку съ длиннымъ чубукомъ и пускавшую клубы дыма. Начиная отсюда и далѣе, всѣ женщины у вогуловъ курятъ трубки.

Чѣмъ ниже спускались мы по Сосьвѣ, тѣмъ шире раздвигался горизонтъ передъ нашими глазами: лѣса отходили далеко въ сторону отъ низменныхъ береговъ рѣки, и на прибрежныхъ лугахъ, то тамъ, то тутъ, виднѣлись стога сѣна. У махтелинскихъ вогуловъ уже достаточно скота и главное средство существованія —не охота, а земледѣліе.

Въ 30 верстахъ отъ Махтелей, именно начиная отъ большого, торговаго села Гари, идетъ земскій трактъ на Пелымь, находящійся въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ кушвинско-верхотурскій, а на станціяхъ мы видѣли зимніе возки и лѣтнія повозки для проѣзжающихъ, чего на верхотурской дорогѣ совсѣмъ не встрѣчали.

Отъ Гарей до Пелыми около 80 верстъ; на срединѣ этого пути, подлѣ села Зыкова, р. Сосьва сливается съ р. Лозьвой и образуютъ р. Тавду.

Село Пелымь, извѣстное ссылкою въ него Миниха и Бирона, представляетъ изъ себя кучку домиковъ, разбросанныхъ на ровной мѣстности по лѣвому берегу р. Тавды, недалеко отъ впаде-

нія въ послѣднюю рѣчки Пелымки. Заброшенное въ тайгу, село это представляетъ, въ особенности зимой, довольно унылый видъ. Населеніе его русское съ ссыльнымъ элементомъ. Передъ окнами станціи нерѣдко можно было видѣть господъ, разгуливавшихъ по улицамъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

Въ Пелыми сосредоточивается инородческое управленіе верхней Конды и находятся казенные хлѣбные магазины для инородцевъ. Пелымъ, съ резиденціей въ ней засѣдателя третьяго туринскаго округа, является въ нѣкоторомъ родѣ столицей для верхне-кондинскихъ вогуловъ. Отсюда идутъ всѣ начальственныя распоряженія, а также всѣ товары и хлѣбы для Конды; сюда же инородцы ѣздятъ по своимъ судебнымъ дѣламъ. Вся торговля почти всей Конды сосредоточена въ рукахъ пелымскаго куща— Бакулева, и нужно отдать ему справедливость, мы ни разу нигдѣ не слыхали жалобъ на него со стороны инородцевъ; Бакулевъ ведетъ свои торговыя дѣла съ послѣдними довольно добросовѣстно, между тѣмъ какъ мелкіе торгаши, или лучше кулаки, наѣзжающіе въ Конду, являются истиннымъ бичемъ для несчастныхъ вогуловъ, благодаря своимъ мошенническимъ продѣлкамъ и спаиванію инородцевъ водкой. Въ Пелыми, между прочимъ, послѣдній пунктъ, гдѣ водку продаютъ открыто. По всей Кондѣ торговля водкой запрещена, и ее провозятъ туда только контрабандой.

Мы отправились къ засѣдателю, чтобы добыть отъ него *бланку* на свободный проѣздъ по Кондѣ. Подобная бланка является необходимой для путешественника въ этихъ мѣстахъ. Уже по дорогѣ до Пелыми у насъ часто происходили непріятности съ ямщиками изъ-за подводъ; далѣе же, безъ свободнаго пропуска отъ засѣдателя, мы рисковали, если не быть совсѣмъ остановленными, то терпѣть задержку въ лошадяхъ, что вовсе не входило въ наши планы. Засѣдатель оказался очень любезнымъ и съ готовностью далъ намъ пропускъ по своему округу.

Изъ Пелыми на протяженіи 25 верстъ до небольшого русскаго поселка Еремино дорога шла все время по рѣкѣ Пелымкѣ. Рѣчка Пелымка шириною не болѣе 20 саженъ и, повидимому, очень рыбная: намъ часто попадались рыболовные запоры, перегораживавшіе всю рѣку. Луговъ здѣсь уже нѣтъ, берега круты и лѣсисты. Поселокъ Еремино расположенъ среди дремучаго лѣса и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ домовъ, не болѣе десятка. Здѣсь мы остановились у одного торговца пушниной, рыбой и кедровой шишкой. Съ этимъ торговцемъ мой товарищъ познакомился еще ранѣе, на ирбитской ярмаркѣ. Онъ далъ намъ нѣсколько очень важныхъ для насъ свѣденій о Кондѣ и объ ин-

тересовавшихъ насъ бобрахъ, указавъ на мѣстожительство охотниковъ, промышлявшихъ этимъ звѣремъ. При этомъ онъ запугивалъ насъ трудностями пути и тѣми лишеніями, которыя намъ приведется терпѣть, живя среди вогуловъ. По его разсказамъ, вогулы, живущіе на Кондѣ, оказывались какими-то звѣрями въ образѣ человѣка. Онъ увѣрялъ, что вогулы живутъ въ грязныхъ шалашахъ, питаются сырымъ мясомъ и сырой рыбой, а если и варятъ когда что-нибудь, то въ тѣхъ же самыхъ котлахъ, въ которыхъ моютъ потомъ грязное бѣлье; что любимое времяпровожденіе у вогульскихъ женщинъ—это „искать“ въ головахъ своихъ мужей: найденное онѣ разгрызаютъ зубами, на подобіе того, какъ наши молодухи щелкаютъ подсолнухи, и т. д. Все это оказалось потомъ слишкомъ преувеличеннымъ.

Изъ Еремино намъ привелось ѣхать уже не дорогой, а чуть замѣтной тропкой, проложенной въ снѣгу, для которой нашъ экипажъ оказался ужъ совсѣмъ неподходящимъ, такъ что, протянувшись кое-какъ 25 верстъ до вогульскаго поселка Омелино, мы принуждены были бросить розвальни и поставить коробокъ на мѣстныя *хрясла* (родъ тѣхъ же розвальней, только съ болѣе узкими полозьями и отводами). Но такъ какъ дальнѣйшая дорога была уже изъ рукъ вонъ плоха, то мы принуждены были вмѣсто одного экипажа и пары лошадей, какъ до сихъ поръ ѣхали, разложить свой, сравнительно очень небольшой, багажъ на салазки или хрясла, запряженныя каждыя въ одну лошадь.

Въ Омелино кончается бассейнъ рѣки Тавды и дальше слѣдуетъ перевалъ на р. Конду. Здѣсь послѣдній пунктъ, до котораго лѣтомъ еще возможно кое-какое сообщеніе съ Пелымью на лодкахъ. Далѣе же лѣтомъ нѣтъ совершенно никакихъ дорогъ, и сообщеніе по тайгѣ возможно не иначе, какъ пѣшкомъ; только одни инородцы, хорошо знающіе мѣстность, отваживаются иногда верхомъ на своихъ, привычныхъ къ лѣснымъ топямъ, лошадяхъ путешествовать черезъ эти непроходимыя дебри, при чемъ умныя животныя карабкаются по упавшимъ стволамъ деревьевъ на подобіе дикихъ козъ, отыскивая дорогу. Впрочемъ тамъ, гдѣ позволяетъ мѣстность, между *паулями*, какъ здѣсь называются вогульскіе поселки, и лѣтомъ устанавливается иногда нѣчто въ родѣ экипажнаго сообщенія для перевозки разнаго рода грузовъ. Способы передвиженія въ такихъ мѣстахъ бываютъ трехъ родовъ, смотря по степени проходимости тайги. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что къ сѣдламъ двухъ лошадей, идущихъ гусемъ, привязывается съ обѣихъ сторонъ по шесту, поперекъ которыхъ прикрѣпляются доски, и на этихъ импровизированныхъ носилкахъ

переносится нужная кладь. Во второмъ случаѣ носилки приспособляются для одной лошади и вмѣстѣ съ грузомъ, лежащимъ на нихъ, тащатся по тайгѣ волокомъ. Экипажъ третьяго рода состоитъ изъ такихъ же носилокъ, только подъ другой конецъ ихъ подставляется пара колесъ. Но этотъ послѣдній родъ передвиженія возможенъ только тамъ, гдѣ существуетъ черезъ тайгу хотя какое-либо подобіе дороги: на немъ ѣздятъ преимущественно по просѣкамъ, дѣлаемымъ для зимняго пути, и то, разумѣется, только тамъ, гдѣ этому не препятствуютъ болота и озера.

II.

Изъ Омелино мы должны были сдѣлать волокъ въ 65 верстъ, чтобы попасть въ пауль Полушаимъ, находящійся уже въ бассейнѣ рѣки Конды. На протяженіи всего этого волока идутъ сплошные дремучіе лѣса и нѣтъ ни одного поселка; только по срединѣ построена лѣсная избушка, гдѣ ямщики обыкновенно останавливаются кормить лошадей. Наши ямщики упрашивали насъ остаться переночевать въ Омелино, такъ какъ становилось уже поздно, а на этомъ волоку бродилъ медвѣдь, не заснувшій на зиму. Такіе медвѣди, какъ извѣстно, очень опасны и бросаются почти безъ разбору на все живое, встрѣчающееся имъ. Причина ихъ неспячки и озлобленія, — какъ говорятъ нѣкоторые,—глисты, безпокоящіе этихъ медвѣдей. По мнѣнію же вогуловъ, Тормъ (высшее существо, Творецъ міра) насылаетъ такихъ медвѣдей на людей въ наказаніе за какіе-либо особенные грѣхи. Однако мы доѣхали до избушки безо всякой непріятной встрѣчи съ исполнителемъ воли Торма. Избушка была расположена въ дикой мѣстности среди дремучаго бора. Внутренность ея представляла одну обширную комнату, вдоль стѣнъ которой тянулись двойныя нары, гдѣ спали вповалку нѣсколько человѣкъ, какъ оказалось потомъ, промышленниковъ за кедровой шишкой. Въ *чувалѣ* [1]) ярко пылалъ огонь. На столѣ кипѣлъ огромный самоваръ, до того засаленный, что трудно было опредѣлить, изъ какого металла онъ сдѣланъ. Дюжій, закоптѣвшій отъ чувала хозяинъ разливалъ чай. Кругомъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ, тоже промышленниковъ; изъ разговора послѣднихъ мы узнали, что все это былъ народъ ссыльный, за неимѣніемъ дру-

[1]) Чувалъ—родъ камина, сдѣланнаго изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины.

гого заработка, занимавшійся сборомъ шишки. Зимой шишку сбираютъ обыкновенно разгребая снѣгъ подъ кедрами. Разумѣется, такой сборъ ничтоженъ и плохо оплачиваетъ употребляемый на него трудъ. Духота въ избушкѣ была страшная, но такъ какъ я былъ сильно утомленъ, то, не дожидаясь, пока очередь единственнаго самовара дойдетъ до насъ, забрался на верхнія нары и тотчасъ же заснулъ. Однако сонъ мой не былъ продолжителенъ. Проснувшись, я почувствовалъ, что тѣло мое горѣло, точно въ огнѣ: нары были переполнены блохами и клопами. Промучившись всю ночь въ духотѣ и изъѣденный докучливыми насѣкомыми, я вышелъ поутру на свѣжій воздухъ. Утро было ясное, безоблачное, хотя и довольно морозное. Солнце только-что начинало подниматься и косыми лучами золотило верхушки громадныхъ кедровъ, среди которыхъ стояла избушка. Я былъ пораженъ необычнымъ въ этихъ мѣстахъ оживленіемъ окружавшаго лѣса. Повсюду раздавалось пѣніе и чириканье маленькихъ, величиною съ воробья, хорошенькихъ пташекъ съ красноватыми и желтоватыми спинками, черными крылышками и крестообразнымъ клювомъ. Это были клесты (loxia pityapsittacus). Кедровники—единственные въ этихъ мѣстахъ лѣса, обитаемые во время зимы пернатыми.

На второй половинѣ волокъ дорога часто шла *пдшворами* [1]). Здѣсь мы въ первый разъ увидали слѣды соболей. Полушаимъ—первый пауль, встрѣтившійся намъ въ бассейнѣ рѣки Конды и притомъ населенный коренными вогулами, еще не успѣвшими окончательно слиться съ русскими. Все его населеніе состояло всего изъ двухъ-трехъ семействъ. Намъ отвели квартиру у одного самаго зажиточнаго домохозяина. Это былъ довольно живой, крѣпкій и высокій старикъ. По его узкимъ, маленькимъ глазкамъ, широкому рту и бронзовому цвѣту лица его можно было принять скорѣе за башкира. Этотъ вогулъ принялъ насъ очень радушно, провелъ въ свѣтелку и сталъ суетиться около самовара. Насъ поразили порядокъ и опрятность въ домѣ Степана (такъ звали нашего хозяина), несмотря на то, что онъ, какъ оказалось, жилъ совершенно одинокимъ. Самый домъ его былъ довольно помѣстителенъ и состоялъ изъ трехъ комнатъ, если не считать прихожей, выходившей на парадное крыльцо. Сундуки, стоявшіе вдоль стѣнъ, были покрыты ковриками, на столахъ были разостланы скатерти, и хотя чистота ихъ была довольно сомнительна, тѣмъ не менѣе все это показывало стремленіе къ комфорту и

[1]) Пóшворами вогулы называютъ болота, поросшія мелкимъ сосняком.

обнаруживало нѣкоторое матеріальное довольство хозяина. Въ переднемъ углу виднѣлись даже въ серебряной оправѣ иконы. Словомъ—по обстановкѣ жилище Степана напоминало скорѣе домъ русскаго зажиточнаго торговца, чѣмъ юрту дикаря вогула. Но вся эта русская обстановка намъ сдѣлалась понятной, когда изъ разговора со Степаномъ мы узнали, что онъ былъ когда-то женатъ на русской и имѣлъ очень частыя сношенія съ русскими, ведя торговлю пушниной и рыбой. Теперь же, послѣ смерти жены, торговлю свою онъ забросилъ и жилъ одинокимъ бобылемъ. Правда, у него была взрослая дочь, заправлявшая всѣмъ его хозяйствомъ, но недавно онъ ее выдалъ замужъ за мѣстнаго старшину, вдовца, въ Турсунтскій пауль. Кромѣ дочери, у него есть еще маленькій сынишка, но онъ гоститъ у сестры, и Степанъ теперь совершенно одинъ справляется со своимъ хозяйствомъ, самъ стряпая себѣ пищу.

На нашу просьбу достать намъ мяса Степанъ сначала объявилъ, что это невозможно; но когда мы дали ему рубль, чтобъ онъ попробовалъ поискать, онъ живо притащилъ намъ около полпуда свѣжаго коровьяго мяса; кромѣ того досталъ у себя изъ подвала нѣсколько фунтовъ кренделей, которыхъ мы не могли найти даже въ Пелымѣ, и въ довершеніе нашего удивленія притащилъ курицу и пѣтуха, повидимому, заколотыхъ еще очень недавно. Насъ крайне удивила такая щедрость, такъ какъ куры здѣсь рѣдкость и должны цѣниться очень дорого.

— Я усъ тавно на нихъ сертился,—острилъ Степанъ.

— Какъ, за что сердился?

— Та отинъ-отъ не поетъ, а тругой не носится.

— Однако, сколько же ты за нихъ возьмешь?

— Ничего не нузно, возмите на торогу, отнако.

Наше любопытство возросло еще больше отъ такого внезапнаго безкорыстія Степана. Мы осмотрѣли еще неощипанную парочку, и намъ бросился въ глаза оригинальный способъ у вогуловъ рѣзать куръ не по горлу, а въ темя. Однако впослѣдствіи намъ объяснили, что эта курица и пѣтухъ были жертвенными животными, которыхъ Степанъ приносилъ шайтану въ умилостивленіе, по случаю недавно бывшей болѣзни его сына. Вогулы хотя и считаются христіанами и исполняютъ обряды православной церкви, но, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, не забываютъ въ то же время и своихъ прежнихъ боговъ. Ѣсть жертвенныхъ животныхъ вогулу нельзя, продать не позволяетъ совѣсть—отсюда понятно безкорыстіе Степана. Впрочемъ, отъ такого от-

крытія ничуть не потеряли во вкусѣ ни тотъ, который не поетъ, ни та, которая не несется.

Едва только мы выѣхали за околицу Полушаима, какъ намъ попалась на встрѣчу очень молоденькая и замѣчательно хорошенькая вогулка, ѣхавшая съ маленькимъ мальчикомъ.

— А вотъ и точь Степана,—пояснилъ намъ вогулъ ямщикъ:—толзно пыть ѣтеть въ гости къ отцу.

— Да ей сколько же лѣтъ?—спросили мы.

— А иссо и сестнадцати нѣту.

— Такъ почему же она вышла за вдовца?

— Та съ изъяномъ пыла, отнако.

— Съ какимъ изъяномъ?

— Та въ 14 лѣтъ репенка ротила. Ну та вѣть и втовецъ то не старый, че наросно [1])!

Вогулки, какъ мы увидимъ потомъ, не отличаются большой цѣломудренностью.

Село Шаимъ находится въ семи верстахъ отъ Полушаимскаго пауля и расположено на берегу тумана [2]), черезъ который протекаетъ рѣка Конда. Здѣсь есть русская церковь; живутъ священникъ и псаломщикъ. Домовъ или юртъ въ Шаимѣ всего 7, ясачныхъ душъ 4, а всего населенія, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, не болѣе 20. Здѣсь инородческая волость, и мѣстный псаломщикъ исправляетъ должность помощника писаря, который самъ живетъ въ Пелыми. Село Шаимъ—довольно важный пунктъ на Кондѣ, такъ какъ здѣсь скрещиваются двѣ дороги. Въ началѣ зимы черезъ Шаимъ идутъ обозы съ рыбой съ Оби на Пелымь и далѣе на Уралъ; изъ Пелыми же привозятъ хлѣбъ и всѣ товары, необходимые для Конды. Лѣтомъ снизу изъ Рѣполова идетъ сообщеніе съ верхней Кондой по рѣкѣ также черезъ Шаимъ. Но, несмотря на это, насъ поразилъ крайне унылый и жалкій видъ Шаима, занесеннаго сугробами. Когда мы пріѣхали, ни одного живого существа не видно было на улицахъ; даже собаки не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ. Село казалось совершенно необитаемымъ.

Мы остановились на земской квартирѣ и, напившись чаю, попросили хозяйку, одинокую меланхолическую вдову, вогулку, вѣчно сидѣвшую безъ всякаго дѣла съ трубкой въ зубахъ, отыскать церковнаго сторожа, такъ какъ намъ хотѣлось посмотрѣть мѣстную церковь. Вдова исчезла, и черезъ нѣсколько времени мы

[1]) Что нарошно! т.-е.: зачѣмъ напрасно говорить!—любимая поговорка у вогуловъ.

[2]) Туманами вогулы называютъ большія озера, у которыхъ не видать другого берега или видно какъ въ туманѣ.

увидали, какъ мимо нашего окна пробѣжалъ по направленію къ церкви какой-то человѣкъ безъ шапки, съ лопатою въ одной и метлою въ другой рукѣ, а вслѣдъ за нимъ вскорѣ прослѣдовалъ торопливыми шагами и самъ батюшка. Мы одѣлись и также пошли въ церковь, добраться къ которой, а тѣмъ болѣе проникнуть въ нее оказалось не такъ-то легко. Церковь находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, и узенькая тропинка, ведшая къ ней, была совершенно занесена снѣгомъ, а при малѣйшемъ уклоненіи отъ дорожки въ сторону путникъ рисковалъ погрузиться по самую грудь въ глубокій снѣгъ. Когда мы вошли въ ограду, церковный сторожъ усиленно разгребалъ сугробъ снѣга, нагромоздившійся на паперти и завалившій входъ въ церковь. Мы извинились передъ батюшкой за причиненное ему безпокойство, и онъ, послѣ того какъ узналъ, кто мы, откровенно намъ сознался, что сильно перетрусился, такъ какъ принялъ насъ за какихъ-нибудь ревизоровъ. Церковь была небольшая, деревянная и очень бѣдная. Службы въ ней совершаются рѣдко, въ особенности зимой, такъ какъ церковь очень холодная, да кромѣ того и служить въ ней почти не для кого. Шаимскій приходъ огромный по пространству и очень незначительный по числу прихожанъ. Немногіе паули, съ населеніемъ въ двѣ-три семьи, разсѣяны по Кондѣ и ея притокамъ на протяженіи болѣе 100 верстъ отъ Шаима, и мѣстный священникъ всего только разъ въ годъ имѣетъ возможность посѣщать свой приходъ. Этотъ объѣздъ совершается обыкновенно на лодкѣ (лѣтомъ здѣсь нѣтъ другихъ путей сообщенія, а зимнее сообщеніе почти невозможно) послѣ Пасхи, вскорѣ по разливѣ рѣкъ, при чемъ во время этого объѣзда священникъ креститъ родившихся за годъ ребятъ, отпѣваетъ умершихъ и совершаетъ другія требы. Сами же вогулы, частію за дальностью разстоянія и трудностью пути, частію вслѣдствіе индифферентизма къ христіанской религіи, церковь посѣщаютъ рѣдко.

Въ шаимской церковной лѣтописи о шаимскомъ приходѣ значится, между прочимъ, слѣдующее:

„О времени основанія Шаима неизвѣстно. Въ началѣ XVIII вѣка жили здѣсь язычники вогулы подъ управленіемъ вогульскаго князька Сатыги, жительствовавшаго въ Сатыгѣ. Митрополитъ тобольскій Филоѳей просвѣтилъ въ 1715 г. Сатыгу свѣтомъ христіанской вѣры, и его примѣру послѣдовали „шаимцы“... „Въ 1855 г. была построена въ Шаимѣ церковь“.

„Прихожане по гражданскому вѣдомству принадлежатъ къ верхне-пелымскому инородческому управленію,—народъ темный,

мало просвѣщенный, говорящій своимъ языкомъ и ничего или съ большимъ трудомъ понимающій по-русски. Обыкновенное занятіе — звѣриный или рыбный промыслы. Благосостояніе и нравственность на низкой степени, бѣдность и нечистота поразительны; едва-ли не каждый зараженъ въ большей или меньшей степени сифилисомъ. Мало отрады и въ религіозномъ отношеніи. Въ случаѣ болѣзни, вогулъ не прибѣгаетъ къ молитвѣ, а къ какому-то шайтану, принося ему въ жертву какого-либо животнаго: барана, овцу, лошадь и т. д., кровью ихъ мажетъ себѣ лобъ, а остальное льетъ въ рѣку. Слѣды сего языческаго обычая всячески стараются скрывать отъ священника. И даже на исповѣди не сознаются, а вину въ пропажѣ животныхъ сваливаютъ на медвѣдя. Словомъ—вогульцы носятъ только одно названіе христіанъ, не зная ни русскаго языка, ни догматовъ православной вѣры, ни даже самыхъ главныхъ молитвъ. Они дикари и дикари крайне лѣнивые, преданные пьянству, разврату, къ тому же злобны, коварны и мстительны".

Съ послѣдними тремя эпитетами едва ли можно согласиться съ лѣтописцемъ; по крайней мѣрѣ, насколько мы успѣли познакомиться съ вогулами во время нашего пребыванія на Кондѣ, послѣдніе по своей крайней апатіи ко всему и феноменальной лѣни едва-ли способны на коварство и месть.

Всего населенія 314 душъ.

О вымираніи вогуловъ говоритъ слѣдующая табличка, выписанная изъ тѣхъ же церковныхъ книгъ:

Въ 1867	году	было	мужчинъ и женщинъ	. .	341
„ 1868	„	„	„	. .	354
„ 1869	„	„	„	. .	346
„ 1870	„	„	„	. .	345
„ 1871	„	„	„	. .	337
Затѣмъ въ 1880	„	„	„	. .	349
въ 1887	только	. . . . .			334
а въ 1891	уже	. . . . .			299

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ четверть столѣтія населеніе шаимскаго прихода, состоящее исключительно изъ однихъ коренныхъ вогуловъ (русскихъ я здѣсь не считалъ, да ихъ во всемъ приходѣ, если не ошибаюсь, только 2 человѣка), уменьшилось болѣе чѣмъ на 12%!

Я не берусь здѣсь объяснять причинъ вымиранія вогуловъ; вопросъ этотъ очень сложный, да и во многихъ отношеніяхъ щекотливый. Сами же вогулы увѣряютъ, что до постройки церкви

въ Шаимѣ у нихъ не было такой большой смертности, и они жили гораздо лучше. Отчасти это можетъ быть и справедливо. Съ постройкой церкви стало больше обнаруживаться вліяніе русскихъ. А извѣстно, что при столкновеніи цивилизованнаго народа съ дикимъ, послѣдній, если онъ не успѣетъ слиться съ новымъ пришельцемъ, осужденъ на вымираніе. Въ безпощадной борьбѣ за существованіе побѣдителемъ остается тотъ, кто имѣетъ больше средствъ и силы для этого. Смертность и болѣзни вогуловъ являются какъ слѣдствіе ихъ поразительной бѣдности и худого питанія, а обѣднѣніе ихъ происходитъ отъ столкновенія съ русскими купцами и кулаками, являющимися піонерами среди инородцевъ и высасывающими изъ нихъ всѣ лучшіе соки.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Шаимъ поднялся буранъ, продолжавшійся цѣлыхъ два дня, и мы принуждены были все это время сидѣть на земской квартирѣ: ѣхать въ такую погоду было рѣшительно невозможно, да къ тому же и лошадей было нельзя достать, такъ какъ ямщиковъ въ Шаимѣ не было, и приходилось посылать къ старшинѣ въ Турсунтъ-пауль за 20 верстъ, чтобы онъ распорядился доставить намъ лошадей.

Во время нашего невольнаго заточенія въ земской квартирѣ, около дверей нашей комнаты часто показывалась рожа какого-то мужичонки, торчавшая иногда по нѣсколько часовъ и чему-то глупо ухмылявшаяся.

— Тебѣ чего?—не вытерпѣлъ я наконецъ.

— Да лошадей-то гдѣ будете брать? вѣдь дешево васъ здѣсь не повезутъ.

— Да тебѣ-то какое дѣло? Пошелъ прочь.

Но рожа все-таки продолжала торчать.

Это наконецъ насъ заинтриговало. Мы разговорились съ мужичонкой, а скоро наконецъ и совсѣмъ познакомились. Мужичонко оказался русскій, единственный русскій поселенецъ въ Шаимѣ. Онъ жилъ здѣсь среди вогуловъ уже много лѣтъ, зналъ хорошо и ихъ языкъ, и ихъ обычаи. Занимался онъ почти тѣмъ же, чѣмъ и вогулы, т.-е. рыболовствомъ и охотой, да кое-какой мелкой торговлей. Но онъ не былъ кулакъ, какъ большинство здѣшнихъ русскихъ торговцевъ, и настолько привыкъ къ вогуламъ, что жилъ между ними какъ свой, да и вогулы считали его за своего и довѣряли ему во всемъ. За его смуглый цвѣтъ лица вогулы дали ему кличку „Черное мясо“, настоящее же его имя было Назаръ. Впослѣдствіи мы отъ Назара узнали о вогулахъ очень много такого, чего иначе намъ никогда бы не узнать. Назаръ былъ единственный человѣкъ въ Шаимѣ, у кото-

раго водились лошади, и мы порядили его везти насъ до Турсунта, гдѣ жилъ старшина.

Послѣ бывшаго бурана дороги не было и слѣда; ее засыпало снѣгомъ по крайней мѣрѣ четверти на двѣ, и лошади брели по колѣно въ снѣгу, а нашъ широкій коробокъ до того сильно тормазилъ, что онѣ поминутно останавливались, такъ что, протащившись кое-какъ до Турсунта, мы принуждены были разстаться со своимъ экипажемъ и ѣхать далѣе на салазкахъ или хряслахъ.

Турсунтъ-пауль представляетъ изъ себя небольшую группу построекъ, разбросанныхъ среди лѣса на лѣвомъ берегу рѣки Конды. Здѣсь живетъ три семьи, ютящіяся въ нѣсколькихъ грязныхъ юртахъ. Этотъ пауль одинъ изъ типичныхъ, — такіе паули встрѣчаются по всей Кондѣ. Двѣ-три юрты, нѣсколько сарайчиковъ для защиты скота отъ зимнихъ морозовъ и вьюгъ, штукъ 6—7 свайныхъ амбарушекъ—вотъ и всѣ строенія этихъ паулей. Амбарушки служатъ магазинами, гдѣ вогулы хранятъ продукты охоты и рыбной ловли. А такъ какъ въ этихъ мѣстахъ существуетъ множество мышей, то, чтобы воспрепятствовать этимъ маленькимъ хищникамъ проникать въ амбары, ихъ строятъ на четырехъ сваяхъ, надрубая эти послѣднія по срединѣ такимъ образомъ, что маленькому грызуну никоимъ образомъ по нимъ нельзя забраться во внутренность помѣщенія.

Свои постройки и юрты вогулы обыкновенно никогда не огораживаютъ никакими заборами или оградами.

Внутренность юрты старшины представляла довольно большую комнату съ печью, нѣсколько напоминавшую русскую печь, только безъ шестка. Въ одномъ изъ боковъ этой послѣдней былъ вмазанъ большой чугунный котелъ для варки мяса и рыбы. Нѣсколько кроватей, лавки, двѣ-три скамейки и два стола составляли всю мебель. Въ переднемъ углу виднѣлось нѣсколько иконъ, въ углу на полу стояло два-три сундука, на стѣнѣ висѣло кремневое ружье, на шестахъ подъ потолкомъ были развѣшены рыболовные снаряды: сѣти, неводъ и пр.

Когда мы пріѣхали, вся семья старшины, состоявшая душъ изъ восьми, сидѣла за самоваромъ.

Самоваръ можно встрѣтить по всей Кондѣ.

Турсунтъ-пауль былъ послѣдней станціей, гдѣ можно было, при помощи старшины, достать лошадей. Между тѣмъ до цѣли нашего путешествія, т.-е. до мѣстожительства охотниковъ, промышлявшихъ бобрами, оставалось еще около 100 верстъ. Такимъ образомъ, лошадей необходимо было нанимать въ Турсунтѣ вплоть до мѣста. На наше обращеніе къ старшинѣ за лошадьми,

послѣдній сказалъ, что онъ уже два дня, какъ отыскалъ для насъ ямщиковъ, такъ какъ о нашемъ проѣздѣ ему сообщили тотчасъ же по нашемъ прибытіи въ Шаимъ. Дѣйствительно, въ юртѣ около печи сидѣли какіе-то два вогула,—какъ оказалось, наши будущіе ямщики. Но послѣдніе за конецъ въ 100 верстъ заломили ни больше, ни меньше, какъ 60 р.! Такое требованіе насъ крайне изумило, такъ какъ обыкновенная казенная такса въ этихъ мѣстахъ всего $1^1/_2$ к. съ лошади за версту. Мы показали старшинѣ бланку отъ засѣдателя и объявили, что платить больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, не намѣрены. Старшина, какъ и всѣ вогулы, былъ неграмотный и сначала выразилъ сомнѣніе въ подлинности печати засѣдателя, но потомъ, сличивъ ее съ имѣвшимися у него на другихъ бумагахъ печатями, успокоился. Благодаря безграмотности вогуловъ и ихъ крайнему невѣжеству, здѣсь нерѣдко случается, что идетъ какой-нибудь проходимецъ, показываетъ бланку, будто бы выданную самимъ губернаторомъ, и требуетъ себѣ по этой бланкѣ безплатно лошадей, между тѣмъ какъ эта бланка—не что иное, какъ простой клочокъ бумаги съ печатью, оттиснутой какой-либо пуговицей.

Убѣдившись въ подлинности печати, старшина началъ о чемъ-то горячо спорить на своемъ вогульскомъ языкѣ съ ожидавшими ямщиками.

— О чемъ это они спорятъ?—спросили мы у Назара.

— Да все никакъ не могутъ въ цѣнѣ сойтись: тѣ просятъ 60 р., а старшина говоритъ, что это будетъ много.

— Такъ растолкуй ты имъ, пожалуйста, что мы вовсе не намѣрены платить такихъ сумасшедшихъ денегъ,—это вымогательство!

— Да они съ васъ и не просятъ, у нихъ свой торгъ.

— То-есть, что же это значитъ?—удивились мы.

Оказалось слѣдующее. Въ Шаимской волости нѣтъ общественнаго ямщика, и казенныя подводы отправляются натурой, т.-е. по очереди. А такъ какъ лошадей у общественниковъ, кромѣ старшины и поряжаемыхъ имъ ямщиковъ, ни у кого нѣтъ, то послѣдніе и заламываютъ обыкновенно съ проѣзжающихъ, которые, къ счастію, попадаютъ сюда очень рѣдко, столько, сколько имъ Богъ на душу положитъ. Но за казенныя подводы они не могутъ брать болѣе того, что полагается по таксѣ, т.-е. $1^1/_2$ к. за версту съ лошади; поэтому остальное ямщики взыскиваютъ съ тѣхъ изъ общественниковъ, чья очередь вести подводу. Случается, что съ общественника и взять-то рѣшительно нечего; поэтому съ теченіемъ времени у шаимскаго об-

щества установился такой порядокъ: старшина вмѣстѣ со своими пріятелями-ямщиками стали возить подводы за очередниковъ только за круговой порукой всѣхъ остальныхъ членовъ Шаимской волости, которыхъ, кстати сказать, всего числится около 140 чел. А деньги за подводы взыскиваются уже въ обществѣ вмѣстѣ со сборомъ ясака.

Мы, какъ ѣдущіе по бланкѣ, попали подъ разрядъ *казенныхъ*, и старшина не могъ намъ отказать въ доставкѣ подводы по установленной таксѣ; поэтому онъ и нанималъ своихъ пріятелей-ямщиковъ въ надеждѣ вознаградить себя потомъ съ лихвой за счетъ общества. Впрочемъ процедура наниманія и споръ изъ-за дороговизны, какъ намъ потомъ объяснилъ Назаръ, была только комедіей, чтобы показать передъ другими, что старшина печется о мірскихъ интересахъ.

Не желая связываться съ ямщиками, мы предложили Назару самому порядиться вести насъ до мѣста, на что онъ и согласился за 30 р., къ досадѣ нанимавшихся ямщиковъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что казенная такса на подводы здѣсь дѣйствительно очень низка, потому что, какъ мы это и увидимъ потомъ, ямщикъ, отправляясь въ путь, рискуетъ не только своими лошадьми, которыя здѣсь очень дороги, но даже и собственнымъ здоровьемъ, если не жизнью.

— А гдѣ же твоя молодуха? Ее что-то не видно,—спросилъ Назаръ у старшины, когда дѣло съ лошадьми было улажено.

Въ отвѣтъ старшина только тяжело вздохнулъ и молча махнулъ рукой.

Еще съ самаго пріѣзда мы замѣтили, что онъ былъ, какъ будто, не въ своей тарелкѣ и ко всему относился апатично, даже съ ямщиками торговался какъ-то крайне неохотно, часто обрывалъ на полусловѣ и задумывался.

— Упѣзала, отнако, — сказалъ за него одинъ изъ присутствовавшихъ вогуловъ.

— Какъ убѣжала? Куда?

— Совсѣмъ упѣзала, томой, къ отцу.

— Да зачѣмъ же? Что же ты развѣ ее билъ?—спросили мы у старшины.

— Какое билъ! Пальцемъ никогта не тронулъ!—заговорилъ вдругъ послѣдній, выходя изъ своей апатіи.—Совсѣмъ у тѣвки ума нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же она убѣжала-то?

— А кто ее знатъ? Сапрягла лосать, посатила своего пратиску та и уѣхала.

Насъ крайне заинтриговала эта семейная драма въ жизни вогула; мы стали допытываться подробностей.

— Эхъ, теперь тѣло прослое, мосно прямо правту говорить, —началъ послѣ нѣкотораго молчанія старшина. — Совсѣмъ у тѣвки ума нѣтъ. Вѣть когта она пыла 14 готовъ, она усъ репенка ротила. Какой у ней умъ?

— Да зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты-то ее бралъ?

— Зачѣмъ? Та я тумалъ, что она исправится,—вѣть совсѣмъ молота, несоверсеннолѣтняя, отнако.

— Какъ несовершеннолѣтняя! Какъ же васъ повѣнчали-то?

— Какое повѣнчали? Че наросно. Попъ не вѣнчалъ, насъ только опручили, а сватьпу мы хотѣли стѣлать послѣ Пасхи. Ей только постомъ путетъ соверсеннолѣтіе.

— Ну, а что же, тебѣ ее очень жаль?

— Какое заль? Че наросно. Мнѣ заль не ее, тенегъ заль, —изъянился я много: калыму 25 р., та руплей на 30 вотки покупалъ, та за опручанье попу корову отталъ. Совсѣмъ ума нѣтъ у тѣвки.—Вотъ посмотрите въ углу стоитъ изломанная кровать,—указалъ старшина на валявшіяся доски:—это все она сломала, та вотъ и эта, на которой я сизу, тозе пыла исломана, —все ея тѣло. Я ратъ, сто отъ нея отвязался.

— Но зачѣмъ же она кровати-то ломала?

— Сачѣмъ? Я самъ тома мало пывалъ, а тутъ все посторонніе музыки ѣзтили, русскіе, ну она съ ними все и турѣла тутъ на кроватяхъ-то...

— Да вѣдь у тебя другой юрты нѣтъ? А семейные-то твои чего же смотрѣли? Женщины-то?

— Вотъ онѣ мнѣ потомъ про это и разсказывали... При всѣхъ... Стыта нѣтъ нисколько у тѣвки. Я какъ узналъ, и то ни разу пальцемъ не тронулъ; тумалъ, исправится, какъ зенимся...

— Ну, самъ виноватъ, позарился на красоту,—сказалъ Назаръ:—развѣ ты не зналъ, что она уже съ троими такъ-то, какъ ты, обручалась да ото всѣхъ ушла?

— Какое не зналъ? Че наросно. Та тумалъ, что молота, исправится,—оправдывался старшина.

— Но зачѣмъ же она ушла-то? Что ты, не нравился ей, что-ли?

— Тутъ все терся отинъ парниско, Васька изъ Муломскаго пауля. Ну, онъ ее и потговорилъ за него итти; насы папы витѣли, какъ они кольцами мѣнялись. Вотъ она и усла. Вѣтеръ у тѣвки въ головѣ,—кто не попроси ее замузъ, за всѣхъ готова... И парниско-то совсѣмъ молотой, готовъ пятнадцати... Какъ зо

мнѣ можно ее опять воротить? — жалобно спросилъ старшина, обращаясь къ намъ.

— Да вѣдь ты говоришь, что радъ, что отъ нея отдѣлался? Зачѣмъ же тебѣ ее ворочать-то?

— Та изъянился я много. Теньги толзны таромъ пропасть.

Мы посовѣтовали старшинѣ предоставить лучше коварную измѣнницу ея судьбѣ, а калымъ и убытки требовать по суду съ ея отца или будущаго жениха. Но это, повидимому, мало утѣшило обманутаго старшину. Да и не одинъ онъ, а всѣ присутствовавшіе тутъ вогулы, въ особенности два младшіе брата старшины, сидѣли печальные, понуривъ головы. Видно было, что и они не были равнодушны къ исчезновенію хорошенькой вогулки, разбившей вмѣстѣ съ кроватями и нѣсколько нѣжныхъ сердецъ.

Это было наше первое знакомство съ частной жизнью вогуловъ.

Въ дальнѣйшій путь мы отправились на четырехъ *хрясмах*, въ каждыхъ по одной лошади. Но едва отъѣхали отъ Турсунта верстъ пять, какъ снова поднялся буранъ и при томъ съ такой силой, что въ пяти шагахъ рѣшительно ничего не было видно, не говоря уже о дорогѣ, отъ которой, благодаря предъидущей вьюгѣ, не было и слѣда. Назаръ съ частью нашего багажа ѣхалъ впереди, прокладывая слѣдъ, и его лошадь, привычная къ здѣшнимъ путямъ, ощупью, ногами разыскивала подъ снѣгомъ твердое полотно дороги и тихимъ шагомъ подвигалась впередъ; за ней слѣдовала другая съ поклажей, за этой мы двое, закрытые рогожей и завязанные веревками, на подобіе мороженныхъ осетровъ, и наконецъ поѣздъ заключалъ братъ старшины, Сенька, котораго мы взяли въ качествѣ помощника ямщика.

Но, несмотря на буранъ, наступившія сумерки и совершенно занесенную снѣгомъ дорогу, сбиться съ пути все-таки было довольно трудно, потому что едва лошадь ступала мимо дороги, какъ тотчасъ же погружалась въ рыхлый снѣгъ чуть не по горло, тогда какъ на дорогѣ ей было всего только по брюхо. Закрытые сверху рогожами, мы проспали всю ночь и не слыхали даже, какъ наши ямщики останавливались гдѣ-то среди лѣса покормить выбившихся изъ силъ лошадей и погрѣться самимъ около разведеннаго костра. Вдругъ я былъ разбуженъ отчаянными причитаньями Назара: „Ой, ой, ой!— кричалъ онъ:— утонула вѣдь она у меня, проклятая! Ой, ой! Какъ я ее теперь добуду! Пропадетъ лошадь!“

Я хотѣлъ-было выпрыгнуть изъ саней, но это оказалось невозможно, такъ какъ мы были крѣпко завязаны веревками сна-

ружи. Тогда я растолкалъ своего спутника, и едва соединенными усиліями мы выбрались изъ-подъ рогожъ на свѣтъ Божій. День уже давно начался. Буранъ утихъ. Передній возъ лежалъ на боку, и Назаръ суетился около лошади, которой виднѣлась только одна голова изъ-подъ снѣга, а ноги и туловище куда-то провалились. Мы подошли ближе. Оказалось, что лошадь немного уклонилась въ сторону отъ дороги и попала въ незамерзшее, вслѣдствіе обилія тепла источниковъ, но занесенное снѣгомъ болото, по берегу котораго шла дорога. Вода оказалась настолько глубока, что лошадь не доставала ногами дна, и еслибы не оглобли, удерживавшія ее на поверхности, она вся ушла бы въ воду. Мы обрубили гужи, Назаръ тянулъ за поводъ, не давая ей окончательно погрузиться, но вытащить лошадь на дорогу не было никакой возможности. Тогда мы надѣли петлей возжи на шею утопавшей, распрягли другую лошадь и при ея помощи, рискуя оторвать голову первой, вытащили-таки на безопасное мѣсто несчастное животное, дрожавшее отъ холода и совершенно измученное. Хрясла же, застрявшія въ болотѣ и примерзшія полозьями къ мокрому снѣгу, привелось бросить на произволъ судьбы, такъ какъ рѣшительно было опасно вытаскивать ихъ. Мы только переложили изъ нихъ багажъ на другія подводы, ежеминутно рискуя сами провалиться въ воду, и поѣхали далѣе.

Отъ Турсунтъ-пауля до Умутья считаютъ 30 верстъ, и эти 30 верстъ мы ѣхали ни болѣе, ни менѣе, какъ 17 часовъ, т.-е. дѣлая меньше двухъ верстъ въ часъ!

Въ паулѣ Умутьѣ, какъ и въ Турсунтѣ, всего только три юрты. Когда мы вошли въ одну изъ нихъ, намъ прежде всего бросилось въ глаза какое-то маленькое человѣческое существо, валявшееся на кровати около порога, прикрытое грязной шубой и метавшееся, повидимому, въ бреду. Лицо несчастнаго было сплошь покрыто какими-то гнойными коростами. Сначала я подумалъ, что это сифилитикъ, такъ какъ сифилисъ здѣсь самая обыкновенная вещь, и намъ уже много встрѣчалось безносыхъ и безглазыхъ субъектовъ, этихъ жертвъ сладострастной Венеры. Передъ самымъ лицомъ бѣдняги лежалъ какой-то кровавый кусокъ мяса со свѣже-струившейся кровью. Я подошелъ ближе. Оказалось, что этотъ кусокъ былъ не что иное, какъ выставившаяся изъ-подъ шубы рука больного, почти съ совершенно обнаженными мускулами. Самый же больной оказался ребенокъ лѣтъ 9—10. По всей комнатѣ носился отвратительный запахъ свѣже-разлагавшагося трупа.

— Что съ нимъ? — спросилъ я.

— Опгорѣлъ, — отвѣчала хозяйка.

— Какъ обгорѣлъ?

— А кто его знаетъ? Онъ оставался отинъ въ юртѣ у сосѣтей, а тамъ варился котелъ. Втругъ, мы витимъ, бѣзытъ оттута, весь въ огнѣ, рупаха пылаетъ; мы выпѣзали, а усъ онъ опгорѣлъ. Тругую нетѣлю лезытъ, не мозетъ потняться.

— Да это чей, твой мальчикъ-то?

— Нѣтъ, чузой. Мать его оставила, а сама усла замусъ въ тругой пауль, — втова пыла. Онъ и зылъ у насъ. Кута его тѣваесъ?

Мы попросили раскрыть ребенка.

Боже! Какой ужасный видъ представился нашимъ глазамъ! Буквально вся грудь и весь животъ малютки представляли сплошной кусокъ живого мяса, покрытаго гнойными, грязными струпьями, изъ-подъ которыхъ сочилась кровь. Ребенокъ лежалъ совершенно голый и покрывался грязной мѣховой шубой, шерсть отъ которой приставала къ струпьямъ и гнила на его тѣлѣ, испуская страшное зловоніе.

— Отчего вы его держите въ такой грязи? Зачѣмъ не моете раны? — спросили мы.

— Та что мы знаемъ? Совсѣмъ не знаемъ, какъ съ нимъ пыть.

— Лечили вы его чѣмъ-нибудь?

— А нѣтъ, ничѣмъ не лечили. Такъ все и лезытъ.

Мы велѣли принести теплой воды и заставили обмыть ребенка. Такъ какъ самъ больной не могъ двигаться и наполовину уже окоченѣлъ, вогулъ, дядя мальчика, приподнялъ его за голову на воздухъ и, придерживая за уши, оставилъ его въ такомъ положеніи, пока женщина поливала на раны воду. Прикоснуться къ тѣлу было рѣшительно невозможно, потому что на немъ не было живого мѣста отъ струпьевъ, и при каждой попыткѣ дотронуться до коростъ руками, несчастный начиналъ стонать. Мы рѣшили, что спасти его уже не было никакой возможности и что всякая попытка къ этому причиняетъ больному одни только лишнія, безполезныя страданія; поэтому ограничились только тѣмъ, что дали, для успокоенія своей совѣсти, чистую простыню, чтобы завернуть въ нее этотъ живой трупъ. Смрадъ въ юртѣ во время обмыванія сдѣлался до того невыносимъ, что даже вогулы, уже привыкшіе къ нему, постоянно окуривали сосновыми вѣтками.

Насъ провели въ другую, отдѣльную комнату, оказавшуюся довольно чистенькой. Вогулка притащила оленьяго мяса, затопила печь, и мы зажарили бифштексъ. Здѣсь я въ первый разъ

въ жизни ѣлъ оленье мясо, оно мнѣ показалось очень вкуснымъ, но мысль о живомъ человѣчьемъ мясѣ въ сосѣдней комнатѣ рѣшительно отравляла аппетитъ.

Переночевавъ здѣсь, мы тронулись въ дальнѣйшій путь рано поутру. День начинался ясный, хотя и морозный. Такъ какъ, вслѣдствіе бурановъ, дорожки опять не было и слѣда, то мы снова поплыли по снѣгу, прокладывая свѣжую тропку. На половинѣ волока между паулями Умутье и Корысья (30 верстъ) находится вымершій пауль Шешенсумъ, съ прошлаго года совершенно заброшенный, такъ какъ горячка унесла въ могилу всѣхъ работниковъ, а женщины и дѣти разбрелись по другимъ паулямъ, пріютившись у родственниковъ. Несмотря на то, что этотъ пауль стоитъ на самомъ берегу рѣки Конды, по которой шла дорога, мы принуждены были отказаться отъ мысли осмотрѣть его, такъ какъ добраться до него было рѣшительно невозможно, по причинѣ глубокаго снѣга. Но наши лошади выбивались изъ силъ и требовали отдыха и корма, и мы сдѣлали стоянку въ лѣсу, гдѣ подъ вѣтвистыми елями сварили чай. Лошадей всю дорогу до самаго конца наши ямщики кормили ржанымъ хлѣбомъ, такъ какъ сѣна ни у кого изъ вогуловъ во встрѣчавшихся намъ паулѣхъ не было. Скота здѣсь почти совершенно не имѣется.

Ночью, верстъ за 5, за 6 до Корысьи, наши двѣ переднія лошади при переѣздѣ черезъ одинъ *урай* [1]), встрѣтившійся по дорогѣ, вдругъ попали въ наледь, не замѣченную нашими ямщиками подъ глубокимъ слоемъ снѣга. Ни взадъ, ни впередъ. Почти по поясъ въ водѣ и мокромъ снѣгу бились Назаръ съ Сенькой въ продолженіе по крайней мѣрѣ часовъ полуторыхъ, но ничего не могли подѣлать. Полозья пристыли ко льду, а некованныя лошади скользили и падали. Дѣлать было нечего: мы рѣшили оставить обои хряслa вмѣстѣ съ багажомъ до утра въ ураѣ, а сами отправились на порожнихъ до ближайшаго пауля. Но и съ пустыми хряслами выбраться на дорогу оказалось не такъ-то легко, потому что приходилось сдѣлать объѣздъ въ сторону по глубокому снѣгу, въ которомъ лошади грузли до того, что виднѣлась одна только голова. Тогда мой коллега надѣлъ лыжи, запасенныя нами на всякій случай, и началъ дѣлать впереди слѣдъ; по этому слѣду мы гнали двухъ распряженныхъ лошадей, а двѣ другія, запряженныя гусемъ въ пустыя хряслы, слѣдовали уже за ними, прыгая въ глубокомъ снѣгу, какъ зайцы, и поминутно останавливаясь отъ тормазившихъ хрялъ. Я съ

[1]) Заливъ отъ рѣки.

ямщиками завершалъ шествіе. Но намъ пришлось бы очень плохо, и мы, или по крайней мѣрѣ наши вымокшіе въ водѣ ямщики, могли бы замерзнуть, не найдя снова за ураемъ дороги, еслибы одна изъ лошадей не была замѣчательно умна. Она сама, безъ всякаго понужденія, начала ходить изъ стороны въ сторону, пока снова не наткнулась на занесенную снѣгомъ дорогу и тихимъ шагомъ, не останавливаясь, пошла впередъ. Выбравшись на дорогу, мы сѣли въ хрясла и поѣхали далѣе, но на протяженіи какой-нибудь одной версты нашъ корневикъ распрягался по крайней мѣрѣ разъ десять: сбруя вся заледенѣла и гужи скользили съ оглоблей. Между тѣмъ необходимо было торопиться, такъ какъ нашъ Назаръ, мокрый какъ тюлень, весь продрогъ и обледенѣлъ. Не надѣясь довезти его живымъ до Корысьи, мы остановились среди лѣса, зажгли старый стволъ дерева и сдѣлали громадный костеръ, около котораго кое-какъ отогрѣвъ бѣднаго Назара, поѣхали далѣе. Но такъ какъ снятыя съ ногъ бродни [1]) Назара затвердѣли, какъ камень, и ихъ было невозможно оттаять, то мы посадили нашего возницу въ хрясла босымъ, закутавъ его ноги въ шубу и закрывъ одѣялами. Но едва отъѣхали съ полверсты отъ стоянки, какъ съ нами случилось новое несчастье. Въ одномъ мѣстѣ хрясла вдругъ опрокинулись, и мы всѣ вылетѣли въ снѣгъ, а лошади шли да шли себѣ шагомъ, не останавливаясь. Остановить ихъ не было никакой возможности, такъ какъ второпяхъ мы позабыли ихъ завозжать и ѣхали, полагаясь на ихъ благоразуміе. Обѣжать и схватить за поводъ тоже было невозможно, потому что едва кто-нибудь изъ насъ дѣлалъ эту попытку, какъ тотчасъ же погружался въ глубокій снѣгъ по поясъ.

— Держите ее, проклятую, за хвостъ! Она смирная, не лягнетъ! — закричалъ Назаръ, оставшійся позади босой, безпомощный.

Мы чуть не оборвали хвостъ у сивки, но передняя лошадь не останавливалась, а сивка, бывшій въ корню, по неволѣ тянулся за ней. Дѣлать было нечего, пришлось бросить Назара одного среди лѣса, ночью, и торопить поскорѣе лошадей, чтобы ужъ изъ Корысьи, до которой оставалось всего версты три, послать за нашимъ бѣднымъ возницей. Хорошо что вмѣстѣ съ нимъ остались шуба и одѣяло, а то плохо бы ему пришлось.

Можно себѣ представить изумленіе и переполохъ вогуловъ, которые мирно почивали въ своихъ постеляхъ, какъ вдругъ дверь

[1]) Родъ сапоговъ съ длинными голенищами.

въ юрту распахнулась и, при свѣтѣ зажженной лучины, они увидали передъ собой какихъ-то двухъ странныхъ, невиданныхъ ими дотолѣ людей: одинъ въ тюленьей шубѣ, другой хотя и въ бараньей, но въ очкахъ! Я увѣренъ, что они приняли насъ если не за шайтановъ, то, по крайней мѣрѣ, за лѣсныхъ разбойниковъ, и несмотря на всю ихъ неповоротливость и апатію, я видѣлъ, какъ одинъ изъ вогуловъ потянулся за ружьемъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, готовясь на всякій случай запастись обороной. Большого труда стоило намъ, при помощи Сеньки, служившаго переводчикомъ, растолковать, что мы не какія-нибудь лѣсныя чудовища, а такіе же люди, какъ и они, и убѣдить ихъ поскорѣе ѣхать за погибающимъ Назаромъ. Къ утру послѣдній былъ дѣйствительно доставленъ въ пауль и къ нашему удивленію и радости оказался въ вожделѣннѣйшемъ здравіи. Даже простуды не получилъ. Удивительно крѣпкій человѣкъ.

На другой день мы выслали все мужское населеніе Корысьи добывать наши возы съ багажомъ, который и былъ въ скоромъ времени доставленъ въ совершенной цѣлости и сохранности, хотя мы, отправивъ за нимъ вогуловъ, сильно опасались, какъ бы они не соблазнились боченкомъ водки, бывшимъ у насъ въ числѣ прочей клади, и не вздумали бы устроить въ лѣсу попойку. Водка—единственная вещь, устоять противъ соблазна, украсть которую вогулъ не всегда бываетъ въ силахъ. Но вообще воровства среди вогуловъ—нѣтъ и въ поминѣ, и къ этому пороку они относятся съ крайнимъ презрѣніемъ. За всю нашу бытность среди вогуловъ у насъ не потерялось ни одной вещи, хотя за своимъ багажомъ мы обыкновенно не слѣдили и предоставляли его вогуламъ на ихъ совѣсть.

Отъ самаго Шаима наша дорога шла все вдоль р. Конды частію по ней самой, частію по берегу. На рѣкѣ она была еще сносна, а равно и въ урманахъ, черезъ которые намъ иногда приходилось проѣзжать, потому что въ нихъ снѣгъ былъ не такъ глубокъ. Но больше всего труда представляли пошвора, черезъ которые иногда пролегала дорога. На нихъ мы дѣлали едва-ли болѣе одной версты въ часъ. Послѣ каждыхъ 5—6 шаговъ лошади останавливались, и требовались большія усилія, чтобы снова сдвинуть ихъ съ мѣста. Чѣмъ ближе мы подвигались къ цѣли нашего путешествія — Оронтуръ-паулю, гдѣ жили охотники за бобрами, тѣмъ все чаще и чаще стали намъ попадаться подобные пошвора, поросшіе мелкимъ сосняком, а иногда больными, корявыми березками, рослими пучками, какъ кусты тальника. Наши истомленныя и отощавшія лошади окончательно выбива-

лись изъ силъ и отказывались идти. Не разъ случалось, что та или другая лошадь, оступившись, сваливалась въ сторону въ снѣгъ и уже была не въ силахъ сама подняться, и мы по нѣсколько часовъ бились надъ ней по грудь въ снѣгу, чтобы поднять ее на ноги. Лежитъ себѣ какъ на перинѣ—и шабашъ!

Наконецъ, однажды, глубокой ночью, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда нашего изъ Екатеринбурга, мы выѣхали изъ угрюмаго урмана на небольшую площадку, на которой было разбросано нѣсколько вогульскихъ построекъ. Это и былъ Оронтуръ-пауль, конечная цѣль нашего путешествія. Здѣсь мы должны были прожить весенніе мѣсяца до тѣхъ поръ, пока не вскроются рѣки, чтобы уже потомъ на лодкѣ отправиться въ обратный путь.

III.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе, чтобы представить краткій общій обзоръ рѣки Конды.

Рѣка Конда, одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ р. Иртыша, впадающая въ послѣдній недалеко отъ его устья у р. Оби, занимаетъ своимъ бассейномъ громадную площадь, ограничиваемую на югѣ р. Тавдою, на сѣверѣ—Сѣверною Сосьвою и на востокѣ рѣкою Обью. Вытекая изъ болотъ подъ 62^0 с. ш. съ водораздѣла р. Сѣв. Сосьвы, она течетъ сначала къ югу, затѣмъ медленно поворачиваетъ къ востоку, отклоняясь къ Иртышу, и, описавъ полукругъ болѣе, чѣмъ въ 800 верстъ, устремляется снова на сѣверо-востокъ и вливается въ р. Иртышъ. Все это пространство представляетъ изъ себя сплошную тайгу съ ея непроходимыми лѣсами, неизмѣримыми тундровыми болотами, громадными туманами, съ массой рѣчекъ и озеръ. Этотъ край, почти не тронутый вліяніемъ русскихъ, а равно не описанный никѣмъ изъ путешественниковъ, представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ, какъ по своей дѣвственной природѣ, такъ, въ особенности, по жизни его обитателей вогуловъ, для которыхъ, кромѣ ихъ священныхъ рощъ и урмановъ, съ ихъ вѣчнымъ таинственнымъ полумракомъ, ничего не существуетъ на свѣтѣ.

Вогулы, племя родственное по языку и первоначальной религіи остякамъ, съ незапамятныхъ временъ вышли изъ глубины Азіи съ Алтайской горной возвышенности и разселились по рѣкамъ Кондѣ, Сѣверной Сосьвѣ, Тавдѣ и ихъ притокамъ. Обращенные въ 1715 г. въ христіанство тобольскимъ митрополитомъ Филоѳеемъ, кондинскіе вогулы, благодаря своему изолированному

положенію отъ русскаго населенія, до сихъ поръ не забыли своихъ прежнихъ боговъ и считаются христіанами только по имени. По самой природѣ мѣстности, не позволяющей вогуламъ заниматься чѣмъ-либо инымъ, кромѣ охоты на звѣрей и рыбной ловли, всѣ они ведутъ охотничью жизнь.

Преобладающіе лѣса въ окружающей тайгѣ—хвойные: сосна, ель, пихта, лиственница, кедръ; изъ лиственныхъ здѣсь встрѣчаются: береза, осина, ива, осокорь; изъ ягодныхъ растеній—рябина, калина, черемуха, смородина, клюква, черница и въ громадномъ количествѣ брусника.

Изъ звѣрей живутъ больше всего олень и лось (сохатый,—*зверь*, какъ его здѣсь называютъ по преимуществу); кромѣ того, медвѣди, волки, россомаха, рысь, бобры, выдра, чернобурая и красная лисица, соболь, бѣлка, горностай, колонокъ, ласка. Изъ рыбъ—щука, окунь, язь, чебакъ, налимъ, ершъ; въ туманахъ и озерахъ—карась, и рѣдко въ Конду заходитъ красная рыба, и то водится только около устья. Изъ царства пернатыхъ здѣсь водятся глухари, тетери, рябчики, жолна, сорока, ворона, клесты и др.

Вотъ и всѣ общія свѣденія о р. Кондѣ. Теперь я обращусь къ продолженію моего разсказа.

Оронтуръ-пауль, въ которомъ мы остановились, расположенъ при Оронтурскомъ озерѣ, имѣющемъ до 7 верстъ въ длину и около 4 верстъ въ ширину въ восточной части,—западная гораздо уже. Глубина этого озера сравнительно незначительна; въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ оно имѣетъ не болѣе двухъ-трехъ саженъ. Берега песчаны и покрыты по большей части краснолѣсьемъ; впрочемъ, кое-гдѣ попадается и березнякъ. На сѣверо-восточномъ берегу издалека виднѣется высокій, весь поросшій хвойнымъ лѣсомъ, мысъ, круто опускающійся въ озеро и кажущійся утесистымъ отъ бѣлаго песчанаго берега, размытаго водой. Почва здѣсь, а равно и по всей Кондѣ, исключительно или песчаная, или глинистая; камней нигдѣ не встрѣчается, за исключеніемъ мелкихъ кварцевыхъ галекъ, которыми усѣяны берега этого озера. Вода въ озерѣ краснобураго цвѣта, вслѣдствіе обилія болотной желѣзной руды, которая въ громадномъ количествѣ разсѣяна по берегу и на днѣ озера.

Оронтуръ-пауль состоитъ собственно изъ двухъ паулей, находящихся на двухъ противоположныхъ берегахъ озера: сѣверномъ и южномъ. Сѣверный пауль расположенъ на ровной лѣсистой мѣстности; южный же, въ которомъ поселились мы, находится на небольшомъ, довольно возвышенномъ мысѣ, вдающемся въ озеро среди урмана. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ паулѣ

живетъ всего по одной семьѣ. Нашъ пауль состоитъ изъ 5 юртъ, изъ нихъ 4 принадлежатъ нашему хозяину Тимоѳею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадѣдъ Тимоѳея; вторую—дѣдъ его; третью — отецъ и четвертую—онъ самъ. У вогуловъ, въ большинствѣ случаевъ, каждое новое поколѣніе строитъ свою новую юрту. Такимъ образомъ, по этимъ четыремъ юртамъ наглядно можно видѣть, какимъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени подвергались постройки вогуловъ почти за столѣтній періодъ.

Прадѣдовская юрта состоитъ всего изъ одной, довольно обширной комнаты, безъ сѣней, съ окнами, перегороженными деревянными рѣшетками, между которыми прежде, по всей вѣроятности, вставлялись или куски льда, или натягивалась брюшина вмѣсто стеколъ. Въ одномъ изъ угловъ этой юрты—*чувалъ*, теперь уже почти совершенно развалившійся. Рядомъ съ нимъ вмазанъ чугунный котелъ, служившій для варки пищи. Потолка нѣтъ, прямо крыша. Какъ эта, такъ и другая, дѣдовская юрта теперь совершенно необитаемы, и служатъ складомъ для рыболовныхъ снастей и охотничьихъ снарядовъ Тимоѳея. Послѣдняя уже значительно отличается отъ первой юрты. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій—одно изъ нихъ предназначалось для помѣщенія семьи, другое служило и кухней и сѣнями. Въ первомъ отдѣленіи—чувалъ, нары; во второмъ—котелъ для варки пищи. Окна такія же, какъ и въ первой юртѣ, но уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время живетъ самъ Тимоѳей съ семьей, также во многомъ отличается отъ двухъ предъидущихъ. Во-первыхъ, при ней есть просторныя, крытыя сѣни; во-вторыхъ, внутренность ея раздѣлена на двѣ половины: одна мужская, другая женская. Чувалъ замѣненъ печью, почти совершенно подобной русской. Окна въ юртѣ стеклянныя; вмѣсто наръ — кровати. Котелъ для варки мяса и рыбы находится уже въ другой, отдѣльной избушкѣ, какъ и у большинства зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, послѣдняя юрта, еще совершенно новая, въ которой поселились мы, уже вполнѣ напоминаетъ русскую пятистѣнную избу. Всѣ эти зданія стоятъ кучкой, другъ подлѣ друга. Тутъ же недалеко отъ нихъ находится небольшая, теперь уже полуразвалившаяся, старая избушка, прежде предназначавшаяся для роженицъ и менструирующихъ женщинъ. Эта избушка—нѣчто въ родѣ хлѣва, безъ печи и мебели. Женщина, по понятіямъ вогуловъ, во время родовъ и менструацій существо поганое и не можетъ жить вмѣстѣ съ другими: поэтому ее удаляли въ особое помѣщеніе, и она не имѣла права оттуда выходить, пока ее не

окуривали бобровой струей. Неочищенная же такимъ образомъ женщина не могла ни садиться въ лодку, ни лазить на подволку, ни шагать черезъ ружье или другое оружіе охотника; иначе всѣ эти вещи и самая юрта дѣлались погаными и требовали очищенія. Въ настоящее время взглядъ на женщину нѣсколько измѣнился, и обычай очищенія вывелся, а избушка осталась только какъ памятникъ добраго стараго времени. Нѣсколько поодаль отъ этихъ главныхъ построекъ находятся четыре амбара, стоящіе другъ противъ друга. Эти небольшіе амбарчики построены на сваяхъ, какъ я уже сказалъ, для предохраненія хранящейся въ нихъ провизіи отъ мышей, находящихся здѣсь въ большомъ изобиліи. Рядомъ съ амбарами находится небольшой погребъ, гдѣ хранятъ свѣжую рыбу въ лѣтнее время. Впрочемъ погребъ — рѣдкость у вогуловъ. Лѣтомъ мясо и рыбу они по большей части сушатъ на солнцѣ, а зимой морозятъ.

Для защиты скота отъ зимнихъ холодовъ и вьюги построены три небольшихъ хлѣва, съ такой низкой крышей, что человѣку въ нихъ можно ходить не иначе, какъ только согнувшись въ три-погибели. У Тимоѳея двѣ коровы, одна лошадь и нѣсколько штукъ *бѣленькихъ* барашковъ. Я нарочно подчеркнулъ слово *бѣленькихъ*, потому что, какъ это увидимъ впослѣдствіи, эти барашки держатся имъ не для какихъ-либо иныхъ цѣлей, а только для жертвоприношеній шайтанамъ, которые любятъ больше всего бѣлыхъ животныхъ: бѣлыхъ барановъ, бѣлыхъ оленей, бѣлыхъ лошадей. Поэтому бѣлыя или сивыя лошади здѣсь цѣнятся очень дорого.

Если прибавить ко всѣмъ, мною перечисленнымъ, постройкамъ еще сарай, съ крытымъ вверху сѣноваломъ, то я могу считать описаніе хозяйственныхъ строеній Тимоѳея законченнымъ.

Теперь я перейду къ самимъ обитателямъ Оронтуръ-пауля. На нихъ я также остановлюсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ населеніе этого пауля является также очень типичнымъ. Во всѣхъ другихъ пауляхъ на Кондѣ болѣе или менѣе тѣ же самыя отношенія въ семьяхъ.

Глава семьи, а стало быть и глава всего населенія южнаго Оронтуръ-пауля—Тимоѳей. Это довольно высокій, съ карими подслѣповатыми глазами и свѣтло русой бородой мужикъ, лѣтъ 50-ти. Тимоѳей упрямъ, скрытенъ, крайне самолюбивъ и чрезвычайно недовѣрчивъ. За все время нашего пребыванія въ Оронтурѣ, намъ никакъ не удалось снискать его довѣрія къ себѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ какъ на людей, пріѣхавшихъ съ какими-то тайными, недружелюбными намѣреніями, и мы никакъ не могли

разубѣдить его въ этомъ. Къ тому же, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Оронтуръ-пауль, разнесся откуда-то слухъ, что мы явились сюда за тѣмъ, чтобы арендовать вогульскія вотчины. Какъ разъ въ этотъ годъ въ Пелымской волости правительствомъ были отданы въ аренду кедровники, служившіе однимъ изъ существенныхъ подспорьевъ въ жалкомъ хозяйствѣ вогуловъ и съ незапамятныхъ временъ считавшіеся послѣдними ихъ неотъемлемой собственностью. Вотъ это-то обстоятельство и взбуторажило всѣхъ остальныхъ вогуловъ и вызвало у Тимоѳея большое недовѣріе къ намъ, какъ людямъ, пріѣхавшимъ въ Оронтуръ съ какими-то совершенно непонятными для него цѣлями. Онъ не только остерегался самъ давать намъ какіе-либо отвѣты на интересовавшіе насъ вопросы, но и другихъ, окружающихъ, убѣждалъ не довѣряться намъ. Даже на наши просьбы разсказать какую-нибудь сказку, перевести пѣсню, у него всегда былъ одинъ отвѣтъ: „не знаю, мы ничего не знаемъ, какія у насъ сказки? тѣ за, что у васъ,—отъ кого намъ ихъ больше слысать?“ Если и можно было что-либо изъ него вытянуть, то не иначе, какъ только угостивъ его водкой, до которой онъ, какъ и всѣ вообще вогулы, былъ большой охотникъ. Въ особенности вогулы были осторожны, когда мы начинали разспрашивать ихъ относительно ихъ языческой религіи, которой, какъ мы слышали по дорогѣ отъ русскихъ, они придерживаются и до сихъ поръ. Мы даже уже начинали думать, что намъ наклеветали на здѣшнихъ вогуловъ, что ничего языческаго въ настоящее время у нихъ нѣтъ и въ поминѣ, что они совершенно уже позабыли своихъ прежнихъ боговъ. И только впослѣдствіи одно случайное обстоятельство, о которомъ я буду говорить ниже, открыло намъ глаза и показало, насколько хитры и осторожны были вогулы.

Впрочемъ, вообще Тимоѳей былъ съ нами довольно любезенъ и явной враждебности не выказывалъ.

Тимоѳей—вдовецъ и притомъ бездѣтный, но онъ живетъ вмѣстѣ со своей нѣвѣсткой, вдовой, бывшей женой его старшаго брата. Сначала онъ намъ въ этомъ не сознавался, но потомъ, подъ веселую руку, разсказалъ, что его старшій братъ, умирая, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Ну, Тимоха, я умираю. Не оставь мою жену и дѣтей. Живи съ ними, какъ я жилъ. Но если моя жена вздумаетъ когда-нибудь выйти замужъ за другого—не перечь“. И вотъ съ тѣхъ поръ Тимоѳей буквально исполняетъ завѣтъ своего брата: онъ живетъ со своей невѣсткой Марьей въ одной юртѣ и раздѣляетъ съ ней одно ложе, что не

мѣшаетъ, впрочемъ, имъ постоянно грызться между собой, какъ это обыкновенно и водится у мужа съ женой.

Марья—вогулка лѣтъ 45. Это ужаснѣйшая попрошайка и очень недалекая женщина. Въ молодости она, должно быть, была довольно красива для вогулки. У нея четыре дочери. Старшая Алена года три тому назадъ ушла замужъ убѣгомъ въ довольно отдаленный пауль. Марья посердилась, посердилась, но потомъ, получивъ въ подарокъ отъ своего зятя бутылку водки и нѣсколько лоскутковъ ситцу, простила. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, — резонерствовала по этому случаю Марья, разсказывая намъ про побѣгъ своей дочери. Вторая дочь, Анна, дѣвушка лѣтъ 22, молчаливая и угрюмая работница, живетъ съ матерью, какъ и остальныя двѣ сестры. Анна—единственная изъ четырехъ сестеръ совершенно не понимающая по-русски; остальныя же хотя и плохо, но объясняются. Она вѣчно въ работѣ: то ходитъ за убитыми звѣрями въ урманъ, то рубитъ дрова, коситъ сѣно и пр., словомъ, справляетъ все хозяйство. У Анны уже былъ ребенокъ, но померъ. „Хутого какого-то ротила; не знаю, вотъ, какого-то ротитъ Наталья, стороваго или нѣтъ“, — совершенно спокойно разсказывала намъ Марья о своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ вторая, дѣвушка лѣтъ 18-ти, тоже намѣревалась въ скоромъ времени стать матерью.

Наталья — бойкая, стройная и физически развитая гораздо лучше своей старшей сестры дѣвушка. Лицомъ она совершенная мать: брюнетка, съ узкими темно-карими плутоватыми глазенками, съ выдающимися скулами, — словомъ, типичная вогулка, и при томъ съ довольно смазливой рожицей. Къ тому же ужаснѣйшая кокетка и неисправимая лѣнтяйка, какъ по большей части и всѣ вообще хорошенькія женщины, знающія себѣ цѣну.

Наконецъ, послѣдняя дочь, Дарья, лѣтъ 12, хромая, но бойкая и работящая дѣвушка, какъ и Анна. Она льетъ пули, снимаетъ шкуры съ убитыхъ звѣрей и т. п., — словомъ, помощница и правая рука охотниковъ.

Кромѣ того, вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ живетъ его пріемный сынъ Парамонъ. Это широкоплечій, неуклюжій и угрюмый вогулъ, лѣтъ 25-ти,— „плохой промышленникъ“, какъ отзывается о немъ Тимоѳей. Дѣйствительно, Парамону, что называется, не везетъ на охотѣ. За всю нынѣшнюю зиму онъ убилъ не болѣе двухъ-трехъ оленей, тогда какъ другіе бьютъ ихъ десятками. У вогуловъ существуетъ убѣжденіе, что удача на охотѣ не зависитъ отъ самого охотника, а отъ того, счастливъ онъ или нѣтъ. Парамонъ принадлежитъ къ числу несчастныхъ, а потому съ него

многаго и требовать нельзя. Парамонъ женатъ на вдовѣ Настасьѣ, и у нихъ есть уже сынъ, хотя они до сихъ поръ не вѣнчаны. „Вотъ, Богъ тастъ напромыслю, тогта опвѣнчамся", — говоритъ Парамонъ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ юртъ Тимоѳея стоитъ еще одна одинокая юрта, а съ ней рядомъ небольшой свайный амбарчикъ. Это—хозяйство Степана, двоюроднаго брата Тимоѳея. Степанъ, вогулъ лѣтъ 40, худой, испитой, болѣзненный сифилитикъ. Это—парія вогульскій; онъ вѣчно голоденъ и въ величайшемъ презрѣніи у остальныхъ обитателей Оронтура. Вслѣдствіе своей болѣзни онъ не можетъ промышлять, но такъ какъ все-таки на ногахъ, то вогулы считаютъ его лѣнтяемъ, не желающимъ работать и платить ясакъ. Оронтурцы принуждены взносить за него подать, а Степанъ лишенъ за это паевъ въ общественныхъ рыбныхъ ловляхъ. Нужда заставляетъ иногда Степана воровать рыбу изъ чужихъ ловушекъ, за что онъ нерѣдко подвергается побоямъ со стороны оронтурцевъ. Воровство считается у вогуловъ самымъ великимъ преступленіемъ, а человѣкъ, уличенный въ немъ, заслуживаетъ вѣчное презрѣніе. При насъ былъ такой случай. Однажды у Тимоѳея пропало изъ ловушекъ нѣсколько щукъ. Подозрѣніе, разумѣется, тотчасъ же пало на Степана. Но Степанъ запирался. Тогда Тимоѳей заставилъ его произнести страшную клятву, состоявшую въ слѣдующемъ: Тимоѳей положилъ на столъ щуку, а Степанъ долженъ былъ топоромъ отрубить ей носъ, произнося: „пусть я никогда не съѣмъ ни одной щуки, если это я воровалъ". Послѣ такой клятвы, клятвопреступникъ уже долженъ былъ оставить всякую надежду поймать когда-либо щуку. Но вслѣдствіе ли того, что Степану уже не въ первый разъ приходилось произносить такую клятву, вслѣдствіе ли нужды и озлобленія на своихъ, онъ сдѣлался крайнимъ скептикомъ. За кусокъ хлѣба онъ разсказалъ намъ, вопреки застращиваніямъ Тимоѳея, гдѣ и какъ оронтурцы приносятъ жертвы шайтанамъ; за рубль — укралъ и притащилъ даже одного деревяннаго шайтана, а за нѣсколько фунтовъ дроби обѣщался разрыть могилу своего отца и достать намъ его черепъ, — но отъ послѣдняго предложенія мы сами отказались, такъ какъ, въ случаѣ еслибы объ этомъ узнали вогулы, то Степану могло бы прійтись плохо. Степанъ—вдовецъ и у него двое дѣтей. Аѳанасій—мальчикъ лѣтъ 12, шустрый и расторопный; онъ почти постоянно торчитъ въ юртѣ Тимоѳея, носитъ воду, дрова, топитъ печи, мететъ полъ и пр., и за это его садятъ за общій столъ. Другой ребенокъ, 9-лѣтняя Таня—изможденное, крохотное созданіе, на тоненькихъ,

какъ у цыпленка, ножкахъ, съ большимъ животомъ — явными признаками англійской болѣзни. У нея черные серьезные, какъ у взрослой женщины, глаза и никогда не улыбающееся личико. Эта живетъ съ отцомъ. И одинъ Богъ знаетъ, сколько голода, холода и лишеній испытываетъ это крохотное созданіе! Когда мы пріѣхали, весь ея костюмъ состоялъ всего изъ двухъ-трехъ грязныхъ тряпокъ, болтавшихся на ея впалой груди, тогда какъ животъ и ноги были совершенно обнажены. И это былъ ея единственный и зимній, и лѣтній костюмъ, въ которомъ она выбѣгала на холодъ и морозъ!

Самая юрта Степана представляла собой хижину какого-то пещернаго человѣка. Въ ней былъ земляной полъ, и кромѣ чувала и котла рѣшительно ничего не было. Около этой юрты валялась куча обглоданныхъ костей, какъ у берлоги хищнаго звѣря. Кости, выбрасываемыя Тимоѳеевой семьей послѣ обѣда, — это обычная пища Степана. Онъ ихъ подбираетъ, вывариваетъ въ своемъ котлѣ и питается ими вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ. О хлѣбѣ, разумѣется, и говорить нечего, такъ какъ хлѣбъ и у Тимоѳея бываетъ не часто.

Чтобы сдѣлать описаніе этого пауля совершенно полнымъ, я долженъ упомянуть еще объ однихъ его обитателяхъ—это объ охотничьихъ собакахъ вогуловъ. Собака — неотъемлемая принадлежность вогула и его незамѣнимый другъ. Безъ собаки охотникъ-вогулъ немыслимъ. Она ходитъ съ нимъ за звѣремъ, на ней возитъ вогулъ зимою изъ урмана сѣно, дрова, убитыхъ звѣрей и пр.; ночью она стережетъ его скотъ отъ хищныхъ звѣрей и т. п. Не даромъ у вогуловъ существуетъ такая легенда о происхожденіи собаки: Тормъ, задумавъ сотворить собаку, далъ ей лукъ и стрѣлы и назначилъ ей быть помощницей человѣку. Но Тормъ-чукъ, мать Торма, замѣтила ему, что если у собаки будутъ лукъ и стрѣлы, тогда человѣкъ сдѣлается очень богатымъ и зазнается. Тогда Тормъ взялъ обратно у собаки лукъ и стрѣлы, а вмѣстѣ съ этимъ отнялъ у нея и память и заставилъ ее такъ служить человѣку.

Населеніе сѣвернаго Оронтуръ-пауля не многочисленнѣе южнаго. Тамъ также нѣсколько юртъ, въ которыхъ живетъ старикъ Петръ со своей семьей. Старикъ Петръ былъ когда-то старшиной, но о способности его къ этой должности можно судить по тому, что онъ до сихъ поръ не умѣетъ различать денежныхъ знаковъ: у него кредитные—рубль, три рубля, пять—одинаковой стоимости. У Петра жена, три сына, изъ которыхъ старшій женатъ, и дочь. Старшій сынъ Петра Савелій — охотникъ,

славящійся по всей Кондѣ. Это малый лѣтъ 27, худощавый, скуластый, съ сѣрыми глазами, орлинымъ носомъ, съ еле-пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ и совсѣмъ безъ бороды, типъ истаго вогула-охотника. Слава объ его удачахъ на охотѣ далеко прошла по сосѣднимъ волостямъ, и намъ еще въ Пелыми на него указывали, какъ на единственнаго охотника, который, можетъ быть, будетъ въ состояніи добыть намъ бобра.

Другіе братья Савелья, хотя тоже уже взрослые ребята, но только-что еще начинаютъ ходить на промыслы, пріучаются. Вогулы пріучаютъ дѣтей ходить на охоту очень поздно, не ранѣе двадцатилѣтняго возраста.

Кромѣ юрты Петра, въ сѣверномъ Оронтурѣ-паулѣ, также какъ и въ южномъ, есть еще одна одинокая юрта, принадлежащая слѣпому вогулу Ивану. Этотъ слѣпой Иванъ поочередно живетъ то въ семействѣ Петра, то у Тимоѳея, кормясь на общественный счетъ. Иванъ ослѣпъ уже много лѣтъ тому назадъ и теперь исправляетъ у оронтурцевъ роль шамана и музыканта. Онъ священнодѣйствуетъ на ихъ языческихъ празднествахъ и играетъ на *лебедѣ* [1]) и *дамбрѣ* во время ихъ пирушекъ, а въ обыкновенное время помогаетъ пилить дрова, плететъ сѣти и вообще старается быть чѣмъ-либо полезнымъ. Замѣчательно то, что у этого Ивана жена—тоже совершенно слѣпая старуха, какъ и онъ самъ. Послѣдняя во время нашего пребыванія въ Оронтурѣ жила гдѣ-то въ другихъ пауляхъ, у родственниковъ. Слѣпота и слабость зрѣнія у вогуловъ явленіе очень обыкновенное. По всей вѣроятности причина этого заключается въ томъ, что во время лѣта, вслѣдствіе обилія въ тайгѣ комаровъ, вогулы держатъ постоянно свои юрты полными дыма. Даже на охоту или рыболовство они отправляются лѣтомъ не иначе, какъ съ тлѣющей въ лодкѣ березовой губой. Нѣтъ другихъ способовъ уберечься отъ этого бича тайги.

Когда мы пріѣхали въ Оронтуръ, почти все его населеніе было въ урманѣ. Даже собаки не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ. Дома оставалась одна только Марья съ младшей дочерью да слѣпымъ Иваномъ. Мужчины, т.-е. Тимоѳей съ Парамономъ, промышляли верстъ за 30 отъ Оронтура и уже нѣсколько недѣль жили въ урманѣ въ зимнихъ юртахъ. Такъ какъ два дня тому назадъ отъ нихъ пришло извѣстіе, что они убили нѣсколько лосей и оленей, то женщины ушли къ нимъ съ собаками за мясомъ и шкурами, и Марья съ часу на часъ

[1]) Родъ гуслей.

ждала ихъ возвращенія. Мы помѣстились въ новой Тимоѳеевой юртѣ. Сами хозяева давно въ ней не жили, такъ какъ тамъ оказывалось множество клоповъ. За неимѣніемъ другого помѣщенія, намъ волей-неволей пришлось самоотверженно предоставить самихъ себя въ пищу этимъ наголодавшимся хищникамъ, и они не замедлили, дѣйствительно, скоро принять насъ за вкусные бифштексы! Къ сожалѣнію, мы не захватили съ собой никакихъ снадобій для искорененія этихъ паразитовъ, и все время нашего пребыванія въ Оронтурѣ они не давали намъ покоя, заставляя по нѣсколько разъ въ ночь вставать съ постелей, вытаскивать ихъ на снѣгъ и выколачивать. Но больше всего хлопотъ намъ было съ кухней. Оказалось, что вогулки совсѣмъ не умѣютъ готовить хлѣба изъ бѣлой муки, а изъ ржаной стряпаютъ такъ, что только черезъ-чуръ голодному человѣку можно его брать въ ротъ. Сами мы тоже были плохими кухмистерами, и бѣлая мука, запасенная нами, оказалась совершенно излишней. Зато мы не захватили съ собой никакихъ консервовъ, ни овощей, а у вогуловъ даже картофеля невозможно было достать ни за какую цѣну, такъ какъ здѣсь ничего не сѣютъ. Такимъ образомъ, волей-неволей намъ привелось питаться тѣмъ же, чѣмъ питались и вогулы, т.-е. вареннымъ въ одной водѣ, безъ всякихъ приправъ, оленьимъ и лосинымъ мясомъ или—жареннымъ на салѣ. Даже лосиную губу, которой мы имѣли въ изобиліи, это роскошное и столь дорогое у насъ въ Россіи лакомство, вогулки ухитрялись такъ приготовлять, что его рѣшительно нельзя было въ ротъ взять безъ отвращенія. По понятіямъ вогуловъ, лосиную губу нельзя палить, иначе будетъ лось бросаться на охотника; поэтому ее варятъ вмѣстѣ съ шерстью, и такимъ образомъ этотъ нѣжный кусокъ весь пропитывается какимъ-то кислымъ, прогорклымъ вкусомъ. Сколько мы ни умоляли нашихъ кухарокъ изготовить ее намъ по нашему рецепту, мы никакъ не могли добиться этого. Впрочемъ, для вогулокъ, въ этомъ случаѣ, есть извиненіе: бабы не могутъ пробовать этого блюда, такъ какъ звѣрь будетъ сердиться. Онѣ не могутъ также ѣсть ни языка, ни глазъ лося; а къ медвѣжьему мясу не могутъ даже и прикасаться—иначе медвѣдь задеретъ. Вообще при обученіи нашихъ кухарокъ изготовленію кушаній намъ постоянно приходилось сталкиваться не только съ ихъ неряшливостью и неумѣньемъ ничего дѣлать, но и съ ихъ суевѣріями, такъ что въ концѣ концовъ все это ужасно надоѣло, и мы стали ѣсть то, что намъ подавали. Что касается до чистоплотности вогулокъ, то я о ней умалчиваю. Всякій разъ, когда мнѣ случайно приводилось уви-

дѣть приготовленіе пищи вогулками, я скорѣй закрывалъ глаза—иначе потомъ въ ротъ ничего не возьмешь. Случалось, напр., попросишь вогулку почистить тарелку или ложку—смотришь, она оближетъ ее языкомъ, вытретъ грязной ладонью и готово! Разумѣется, аппетитъ отъ такихъ открытій мало выигрывалъ. Но нужно отдать имъ справедливость: юрты свои онѣ содержали довольно чисто, полы въ нихъ мылись по два раза въ недѣлю. Впрочемъ вогульская чистоплотность въ этомъ случаѣ меньше всего была виновата. Это было дѣлаемо съ единственной цѣлью сколько-нибудь избавиться отъ несносныхъ насѣкомыхъ, не любящихъ чистоты. Такимъ образомъ, клопы у вогуловъ играютъ въ нѣкоторомъ родѣ роль культурныхъ дѣятелей. Нѣтъ худа безъ добра.

Въ Оронтуръ мы пріѣхали въ концѣ марта. Зима держалась еще крѣпко и выходить изъ юрты даже за двадцать шаговъ было возможно не иначе, какъ только на лыжахъ. Дорогъ и троп здѣсь никакихъ не существовало, а снѣгъ былъ чрезвычайно глубокъ. Такимъ образомъ мы обречены были все время сидѣть дома, въ своей юртѣ, въ ожиданіи весны, которая въ этотъ годъ, къ нашему несчастью, что-то очень замѣшкалась.

Утромъ на слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда мы увидали изъ оконъ своей юрты возвращавшихся изъ урмана дочерей Марьи и Настасью. Онѣ шли на лыжахъ и тащили за собой каждая длинныя, узкія *нарты* [1]) съ припряженными въ нихъ собаками. На этихъ нартахъ лежали убитые лоси и олени. Сами же охотники намѣревались еще нѣсколько времени пробыть въ урманѣ, а если погода будетъ благопріятствовать и если будетъ хорошій *чарымъ* [2]), то и до конца зимы. Весенній чарымъ — это самое удобное время для охоты на лосей и оленей. Весной, во время хорошаго чарыма, хорошій охотникъ убиваетъ не менѣе 20—30 штукъ оленей. Вогулы разсказываютъ, что въ прежніе года было лучше: прежде хорошій охотникъ билъ до 70—80 штукъ въ весну, но въ послѣднее десятилѣтіе количество звѣрей въ здѣшнемъ мѣстѣ значительно уменьшилось. Во время чарыма охотнику достаточно попасть на свѣжій слѣдъ оленя, и уже тогда онъ отъ него никуда не уйдетъ. Олень и лось не могутъ долго бѣжать по обледенѣвшему, проваливающемуся снѣгу; во-первыхъ, онъ скоро устаетъ, а во-вторыхъ, твердая кора снѣга часто колетъ въ кровь его ноги; а разъ олень увидалъ у себя кровь, онъ совершенно останавли-

[1]) Санки на высокихъ копыльяхъ.

[2]) Гололедица.

вается, и тутъ можно бить его въ-упоръ. Случалось, что одинъ охотникъ за одинъ разъ перебивалъ цѣлое стадо. При насъ былъ такой случай. Однажды, во время чарыма, дочери Марьи пошли въ урманъ за дровами. Но едва онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ отъ пауля, какъ наткнулись на оленя, прибредшаго какимъ-то образомъ къ самымъ юртамъ. Не имѣя никакого оружія, кромѣ палокъ въ рукахъ, онѣ набросились на него и не дали ему уйти, убили.

Приближалась Пасха. Тимоѳей съ Парамономъ, не дождавшись чарыма, давно уже возвратились. Они убили трехъ лосей, одного соболя и нѣсколько оленей. Вскорѣ послѣ нихъ возвратился и Савелій, промышлявшій со своимъ братомъ въ другомъ мѣстѣ, на своей вотчинѣ. Савелій убилъ вдвое болѣе Тимоѳея, а возвратившись домой, на другой же день убилъ 8 оленей, т.-е. истребилъ почти цѣлое стадо, забредшее къ намъ въ гости. Вообще Савелью замѣчательно везетъ, и Тимоѳей уже не рѣшается соперничать съ Савельемъ, отдавая ему во всемъ преимущество. Впрочемъ нужно замѣтить, что Тимоѳей уже и не молодъ, да и близорукъ, и можетъ бить звѣря, подойдя къ нему только очень близко, а Парамонъ, какъ я сказалъ, плохой помощникъ. Кромѣ того, у оронтурцевъ, какъ и у всѣхъ вогуловъ по Кондѣ, ружья самаго первобытнаго издѣлія, еще кремневыя.

Праздникъ Пасхи у вогуловъ почти ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ дней. Приготовленій къ празднику рѣшительно никакихъ не было. Въ прежніе годы, когда былъ дешевъ хлѣбъ, къ Пасхѣ варилась *самосадка* [1]), но нынѣ ржаная мука доходила здѣсь до 7 р. пудъ, поэтому о самосадкѣ и думать было нечего. Въ день праздника, рано поутру, вогулы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей да одѣлись въ чистую одежду— вотъ и все. У вогуловъ нѣтъ собственно праздничныхъ одеждъ; въ исключительные дни, какъ, напр., при встрѣчѣ священника, который ѣздитъ къ нимъ всего разъ въ годъ, они надѣваютъ ту же одежду, что и въ будни, только болѣе тщательно вымытую. Украшеній у вогуловъ, кромѣ свинцовыхъ колецъ собственнаго издѣлія, рѣшительно никакихъ нѣтъ. Прежній ихъ костюмъ былъ оленьи и звѣриныя шкуры, но, познакомившись съ русскими, они сразу перемѣнили свой костюмъ дикаря на русскую одежду, какъ болѣе практичную, при чемъ женщины переняли не сарафанъ, а платье. Впрочемъ намъ приходилось видать у старыхъ вогулокъ нѣкоторые уборы, шитые бисеромъ, но эти уборы, судя по ри-

[1]) То же, что у вотяковъ кумышка (водка).

сункамъ, на нихъ изображеннымъ, и формѣ, вполнѣ тождественны съ остяцкими и доказываютъ только, что прежде чѣмъ обнаружилось вліяніе русскихъ, вогулы были подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей остяковъ, заимствовавъ у послѣднихъ не одни только обычаи и религію, почти совершенно сходную съ остяцкой, но и одежду.

Послѣ обѣда все населеніе обоихъ паулей съ женами и дѣтьми пришли къ намъ христосоваться. Христосуясь, вогулы крестятся другъ передъ другомъ, какъ передъ иконой. Хотя наши комнаты и не отличались большою помѣстительностью, однако въ нихъ осталось еще довольно свободнаго мѣста. Мы угостили вогуловъ сначала чаемъ, а потомъ водкой, и скоро они сдѣлались настолько развязны, что изъявили желаніе показать намъ свою пляску. Пляска вогуловъ не отличается граціозностью, но зато очень оригинальна: она замѣняетъ для нихъ въ то же время и драматическія представленія. Сначала плясали мужчины. Савелій вооружился лукомъ, стрѣлами, заткнулъ за опояску охотничій ножъ и сталъ изображать изъ себя охотника, преслѣдующаго оленью самку съ дѣтенышемъ; послѣднихъ изображали его два младшіе брата, прыгавшіе на четверенькахъ. Слѣпой Иванъ заигралъ на лебедѣ, и подъ его меланхолическіе звуки Савелій, притопывая въ тактъ, началъ лицедѣйствовать, т.-е. изображать всѣ моменты охоты: какъ охотникъ натыкается на слѣдъ, какъ ощупью распознаетъ, свѣжій онъ или старый, какъ при видѣ оленя бѣжитъ за нимъ, стрѣляетъ изъ лука, убиваетъ и т. д. Все это сопровождается соотвѣтствующими позами и гримасами. Послѣ пляски мужчинъ, на сцену выступили женщины. Марья и старуха Петра закрыли головы и лица шалями, взяли въ каждую руку по платку и въ тактъ музыки стали повертываться, притопывать ногами, нагибаться то въ ту, то въ другую сторону и въ то же время выдѣлывать руками разнообразныя движенія, такія, какія у насъ дѣлаютъ при комнатной гимнастикѣ.

Балъ закончился состязаніемъ мужчинъ въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ ружей и луковъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, въ одинъ прекрасный день, изъ урмана показалась кляча, запряженная въ хрясла, на которыхъ сидѣла вогулка изъ ближайшаго Пачерахъ-пауля съ какимъ-то субъектомъ въ засаленномъ стеженомъ пальто и рваномъ картузѣ; за спиной у него торчала винтовка, рядомъ лежалъ небольшой сундучокъ, а въ рукахъ была гармоника. Появленіе новыхъ гостей было встрѣчено торжественнымъ лаемъ собакъ, всей сворой бросившихся на встрѣчу вновь пріѣзжимъ. Кляча остановилась пе-

редъ юртой Тимоѳея. Субъектъ вылѣзъ и, держа въ одной рукѣ гармонику, въ другой сундучокъ, направился въ юрту. Это былъ малый лѣтъ 25—27, средняго роста, коренастый, съ черными курчавыми волосами, широкимъ, безбородымъ лицомъ, круглыми наглыми глазами и картофелеобразнымъ носомъ, одна ноздря у него была не то рвана, не то пострадала отъ сифилиса.

— Купецъ пріѣхалъ!—заявила намъ, вбѣжавъ съ возбужденнымъ лицомъ одна изъ дочерей Марьи.—Вслѣдъ за ней вбѣжала другая съ тѣмъ же заявленіемъ, а за ними явилась и сама Марья, тоже сгорая желаніемъ сообщить новость и изумляясь, отчего мы не бросаемся смотрѣть на такого невиданнаго звѣря. Прибытіе купца составило цѣлое событіе въ монотонной жизни оронтурцевъ. Оказалось, что весь товаръ у пріѣзжаго купца заключался въ небольшомъ привезенномъ имъ сундучкѣ. Тамъ было нѣсколько коробокъ спичекъ, нѣсколько осьмушекъ махорки, иголки, нитки и т. п. мелочь, всего рублей на пять. Купца звали Левкой. Этотъ Левка, какъ намъ потомъ разсказывалъ Тимоѳей, возилъ сюда раньше контрабандой водку. Но такъ какъ Левка ужъ черезъ-чуръ разбавлялъ ее водой, то однажды раздраженные вогулы побили его за это, а водку вылили, и съ тѣхъ поръ Левка будто бы пересталъ ее возить. Самъ же Левка увѣрялъ насъ, что онъ пріѣхалъ въ Оронтуръ исключительно за охотой, а вовсе не для торговли. Но это была неправда: Левка не имѣлъ торговаго свидѣтельства и такъ какъ ему еще дорогой разсказали, что въ Оронтурѣ живутъ какіе-то *чиновники*, то онъ, какъ мы потомъ узнали, оставилъ весь свой товаръ въ одномъ изъ встрѣчныхъ паулей, а самъ пріѣхалъ налегкѣ, чтобы успѣть ранѣе другихъ завладѣть звѣриными шкурами, добытыми за зиму вогулами, жившими въ отдаленныхъ пауляхъ верхней Конды. Тимоѳей же, хотя, повидимому, и былъ за что-то золъ на Левку, но не хотѣлъ его выдавать, изъ опасенія, что потомъ, пожалуй, вовсе не у кого будетъ доставать водку, на которую всѣ вогулы страшно падки. Этой-то слабостью и пользуются русскіе хищники-торговцы, пріѣзжающіе сюда скупать плоды вогульскихъ промысловъ. Насъ крайне удивляло то обстоятельство, что цѣна на мѣха здѣсь, на мѣстѣ, стоитъ почти та же самая, что и въ Ирбити. Какая же, спрашивается нужда ѣздить купцамъ за мѣхами такую даль. Дѣло оказалось очень просто. На деньги покупать мѣха здѣсь дѣйствительно нѣтъ никакого разсчета. Но стоитъ только вогула угостить водкой, и, подвыпивши, за водку онъ готовъ отдать не только весь свой промыселъ, но и жену и дѣтей... Хищники обыкновенно дѣлаютъ такъ. Пріѣхавъ въ какой-нибудь пауль

съ водкой, онъ первую бутылку чистой водки продаетъ по ея номинальной стоимости, а то такъ и даромъ даже угоститъ,—пей только, пожалуйста! Но разъ у вогула въ головѣ зашумѣло—онъ уже не уймется до тѣхъ поръ, пока не напьется въ лоскъ. Вотъ этимъ-то моментомъ и пользуется купецъ. Видя, что охотникъ опьянѣлъ и требуетъ еще, торговецъ назначаетъ за бутылку уже такую цѣну, какая ему вздумается, разбавивъ ее предварительно на половину, а то и болѣе, водой. Совершенно же пьянымъ онъ продаетъ уже чистую воду. А такъ какъ охотники расплачиваются, вмѣсто денегъ, пушниной, то скоро весь ихъ промыселъ переходитъ въ руки торговца. Это дѣлается тѣмъ легче, что у вогуловъ водку пьютъ всѣ безъ исключенія: и мужчины, и женщины, и даже дѣти; стало быть пропиваніе происходитъ съ общаго согласія и по доброй волѣ. Такимъ образомъ торговцу не только невыгодно уменьшать денежную цѣну промысловыхъ товаровъ, но высокая цѣна прямо въ его интересахъ; иначе, будь денежная цѣна на товаръ низка, можетъ быть нашелся бы какой-нибудь добросовѣстный изъ тѣхъ же торговцевъ и вмѣсто водки сталъ бы скупать продукты вогульскихъ промысловъ за деньги.

Мы привезли съ собой въ Оронтуръ два ведра водки: безъ водки трудно снискать довѣріе вогула и что-нибудь отъ него узнать. И сколько хлопотъ намъ было съ этой водкой! Пригласишь, бывало, кого-нибудь изъ оронтурцевъ въ гости, подашь чарку водки—глядь, ужъ всѣ другіе пронюхали объ этомъ и наша юрта мало-по-малу наполняется другими обитателями, выжидающими, что и имъ что-либо перепадетъ. А разъ вогулу хотя немного попало—отъ него уже трудно отвязаться; онъ начинаетъ клянчить, просить продать, предлагаетъ и деньги, и звѣриныя шкуры. Объясняешь ему, что у насъ водка вовсе не для продажи, наконецъ выпроваживаешь назойливаго гостя самымъ неделикатнымъ образомъ, и онъ, минуту спустя, опять идетъ просить... Единственное средство избавиться отъ такой назойливости у насъ была угроза, что если еще разъ кто-либо придетъ просить водки, то мы разобьемъ боченокъ и выльемъ водку въ снѣгъ. Это всегда дѣйствовало. Оронтурцы больше всего боялись, чтобы мы не привели свою угрозу въ исполненіе.

П. Инфантьевъ.

ХИТРОВЪ-РЫНОКЪ

и

ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Въ Москвѣ, какъ и въ каждомъ большомъ городѣ съ многочисленнымъ населеніемъ, существуютъ всѣмъ извѣстныя мѣстности, заслуживающія особеннаго вниманія и въ санитарномъ, и въ бытовомъ отношеніяхъ. Такія мѣстности главнымъ образомъ служатъ средоточіемъ бѣднѣйшихъ городскихъ жителей; въ силу условій своего существованія, эти послѣдніе, съ одной стороны, часто подвергаются различнымъ заразнымъ заболѣваніямъ, съ другой—неизбѣжно требуютъ примѣненія общественной и частной благотворительности.

Въ Москвѣ подобнымъ мѣстомъ служитъ такъ называемый „Хитровъ-рынокъ". Значеніе его важно не для одной только Москвы: какъ типичный представитель нѣкоторыхъ особыхъ условій жизни большого города, эта мѣстность имѣетъ также и общій интересъ.

I.

Хитровъ-рынокъ расположенъ въ 3-мъ участкѣ мясницкой части: это—одинъ изъ центральныхъ и наиболѣе населенныхъ участковъ города Москвы. Площадь его величиною около десятины, и на нее выходятъ четыре переулка. По сторонамъ площади расположено пять домовъ, изъ которыхъ четыре заняты почти исключительно ночлежными квартирами и различными тор-

говыми заведеніями—трактирами, кабаками, съѣстными лавками и „водогрѣйнями". Въ сѣверной, болѣе возвышенной части площади устроенъ обширный желѣзный навѣсъ, открытый со всѣхъ сторонъ, съ асфальтовымъ поломъ; устроенъ онъ для защиты отъ непогоды находящагося на площади люда.

Хитровъ-рынокъ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ словомъ „рынокъ". Для него нѣтъ базарныхъ дней, въ которые привозились бы какіе-либо предметы для продажи, и своеобразная жизнь и оживленіе этого рынка продолжаются всѣ семь дней недѣли. Спеціальное назначеніе Хитрова-рынка состоитъ собственно въ томъ, что онъ служитъ мѣстомъ, куда стекается пришлый рабочій людъ, ищущій въ Москвѣ заработка. Наибольшее скопленіе такихъ рабочихъ бываетъ обыкновенно весною, послѣ Пасхи, и осенью, послѣ Успеньева дня. Весной въ праздничные дни вся площадь съ частями прилегающихъ къ ней переулковъ бываетъ почти сплошь покрыта народомъ, количество котораго, по приблизительному опредѣленію полицейскихъ чиновниковъ, въ эти дни достигаетъ 12—15 тысячъ. Но кромѣ того—и это составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ Хитрова-рынка—онъ служитъ мѣстомъ пьянства, разврата и мошенничества, проявляющихся иногда въ самыхъ грубыхъ формахъ.

Всякаго, кто въ первый разъ посѣтитъ Хитровъ-рынокъ, особенно въ праздничный день, навѣрное поразитъ и заинтересуетъ та разнохарактерная толпа, которая наполняетъ собою всю площадь. Часть этой толпы составляютъ рабочіе, пришедшіе въ Москву для найма; бо́льшая же часть ея состоитъ изъ народа, представляющаго, такъ сказать, коренное населеніе Хитрова-рынка, населеніе, удовлетворяющееся условіями жизни въ этомъ мѣстѣ и не желающее искать жизни лучшей. Общій тонъ и настроеніе этой толпы при поверхностномъ взглядѣ далеко не производятъ удручающаго впечатлѣнія,—толпа эта кажется веселой и беззаботной, даже благодушной; въ ней чувствуется что-то цѣльное, живущее своей особенной жизнью, и невольно является желаніе проникнуть и разгадать эту своеобразную жизнь Въ этомъ отношеніи наиболѣе интересно именно то постоянное населеніе Хитрова-рынка, которое придаетъ ему спеціальную физіономію и обитаетъ въ окружающихъ рынокъ ночлежныхъ домахъ. Къ краткой характеристикѣ этихъ ночлежныхъ домовъ и ихъ жителей я и перейду теперь.

Во всѣхъ пяти домахъ, окружающихъ площадь Хитрова-рынка, находятся ночлежныя квартиры. Изъ нихъ наибольшаго

вниманія, по своей населенности, заслуживаютъ четыре дома: Кулакова, Румянцева, Ярошенко и Бунина. Всѣ эти дома, служащіе пріютомъ хитровскому населенію, раздѣлены на отдѣльныя ночлежныя квартиры, которыя нанимаются такъ называемыми съемщиками у хозяина каждаго дома. Эти съемщики уже отъ себя сдаютъ мѣста въ такихъ квартирахъ ночлежникамъ. Общее понятіе о ночлежныхъ квартирахъ можно получить изъ слѣдующаго описанія мѣстнаго санитарнаго врача Н. П. Скворцова:

„На содержаніе ночлежной квартиры выдается оберъ-полиціймейстеромъ свидѣтельство, на основаніи котораго хозяинъ квартиры имѣетъ право пускать на ночлегъ кого угодно, не спрашивая паспорта и не справляясь о томъ, кто онъ такой. Въ случаѣ осмотра квартиры полиціей, хозяинъ квартиры и домохозяинъ не отвѣчаютъ, если среди ночующихъ лицъ найдутся безпаспортные, бродяги, скрывающіеся преступники и т. п. народъ. Каждая ночлежная квартира разрѣшается оберъ-полиціймейстеромъ только на опредѣленное количество людей, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго ночлежника приходилось по одной кубической сажени помѣщенія, но обыкновенно во всѣхъ ночлежныхъ квартирахъ пускаютъ вдвое, а иногда и втрое болѣе, чѣмъ разрѣшено полиціей. Всѣ ночлежныя квартиры устроены по одному типу; каждая квартира состоитъ изъ одной комнаты для ночлежниковъ и отдѣльной каморки для хозяевъ. Въ комнатѣ для ночлежниковъ устроены нары въ одинъ этажъ; нары не раздѣлены на отдѣльныя мѣста,—всѣ спятъ подъ рядъ; если заняты всѣ мѣста на нарахъ, то помѣщаются на полу подъ нарами; отдѣльныхъ мѣстъ для мужчинъ и женщинъ не имѣется. Въ каждой ночлежной квартирѣ, кромѣ временныхъ жильцовъ, есть постоянные, ночующіе каждую ночь. Эти постоянные жильцы обыкновенно обзаводятся хозяйствомъ и кое-какимъ имуществомъ; напримѣръ, постелью, состоящей изъ ворсовыхъ подушекъ, мочальныхъ матрацевъ, изъ старыхъ рваныхъ одѣялъ и пальто. Если такихъ домовитыхъ постоянныхъ жильцовъ въ ночлежной квартирѣ много, то на нарахъ и во всей комнатѣ скопляется масса тряпья и всевозможнаго хлама".

Изъ упомянутыхъ четырехъ домовъ домъ Кулакова самый большой и наиболѣе населенный. Онъ заключаетъ въ себѣ 63 ночлежныхъ квартиры, а общее число живущихъ въ немъ превышаетъ 3.000. Пять лѣтъ назадъ этотъ домъ принадлежалъ Ромейко и отличался весьма дурнымъ санитарнымъ состояніемъ. Съ переходомъ къ настоящему владѣльцу онъ былъ основательно ремонтированъ и теперь представляетъ собою безспорно лучшій

изъ ночлежныхъ домовъ Хитрова-рынка. Квартиры въ немъ относительно просторны, свѣтлы и сухи, коридоры асфальтированы, дворъ содержится довольно чисто. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ именно домѣ живетъ самый низшій сортъ хитровскаго населенія, среди котораго пьянство и развратъ царятъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мелкіе мастеровые и мелочные торговцы почти совсѣмъ не живутъ въ этомъ домѣ.

Дома Румянцева и Ярошенко вмѣщаютъ въ себѣ каждый приблизительно около 2.500 человѣкъ обитателей; въ первомъ изъ нихъ 37 ночлежныхъ и 15 коечныхъ квартиръ, во второмъ—32 ночлежныхъ квартиры. Населеніе здѣсь нѣсколько иное, нежели въ домѣ Кулакова, и довольно значительный процентъ его составляютъ ремесленники и мелкіе торговцы. По санитарнымъ условіямъ помѣщеній и дворовъ оба эти дома могутъ считаться удовлетворительными.

Въ четвертомъ изъ поименованныхъ выше домовъ, домѣ Бунина, живетъ около 1.500 всѣхъ жильцовъ, составъ которыхъ приблизительно тотъ же, что въ домахъ Румянцева и Ярошенко. Домъ Бунина, въ которомъ заключается 35 ночлежныхъ квартиръ, по своимъ санитарнымъ условіямъ значительно хуже остальныхъ: почти всѣ помѣщенія въ этомъ домѣ сыры, полы, рамы и оконныя колоды ветхи; дворъ, вслѣдствіе плохого устройства мостовой на немъ, весьма легко загрязняется.

Говоря о ночлежныхъ домахъ Хитрова-рынка, необходимо упомянуть о безплатномъ ночлежномъ домѣ братьевъ Ляпиныхъ, хотя онъ находится не на самомъ Хитровомъ-рынкѣ, а въ весьма близкомъ отъ него разстояніи—въ Трехсвятительскомъ переулкѣ, выходящемъ на Покровскій бульваръ. Этотъ ночлежный домъ—учрежденіе благотворительное. Онъ представляетъ собою четырехъ-этажное каменное зданіе, первый этажъ котораго занятъ конторою и женскимъ отдѣленіемъ, остальные же этажи—мужскими отдѣленіями. Ночлежники помѣщаются на желѣзныхъ нарахъ, устроенныхъ въ два этажа и раздѣленныхъ на отдѣльныя мѣста, шириною въ $15^1/_2$ вершковъ и длиною 2 арш. 7 вершк. и 2 арш. 9 вершк. На каждое мѣсто наръ кладется по три доски. Всѣхъ мѣстъ въ ночлежномъ домѣ братьевъ Ляпиныхъ 784, но въ прежнее время ночлежники допускались въ большемъ числѣ, такъ что количество ихъ доходило иногда до 1.400; непомѣщавшіеся на нарахъ ночевали на полу. Въ послѣдніе годы, когда принято было весьма много мѣропріятій для улучшенія санитарныхъ условій Хитрова-рынка, число ночлежниковъ всегда

соотвѣтствуетъ числу мѣстъ, такъ что въ настоящее время въ этомъ домѣ ночуетъ 784 человѣка.

Ночлежный домъ братьевъ Ляпиныхъ представляетъ собою дѣйствительный типъ этого рода учрежденій и существенно отличается отъ вышеописанныхъ платныхъ ночлежныхъ домовъ, представляющихъ источникъ дохода для ихъ владѣльцевъ. Домъ братьевъ Ляпиныхъ открывается зимою въ 5 часовъ вечера и лѣтомъ въ 8 часовъ вечера; закрывается же зимою въ 8 часовъ утра и лѣтомъ въ 7 часовъ утра. За исключеніемъ времени, предназначеннаго для ночлега, домъ этотъ остается совершенно пустымъ и тогда очищается и провѣтривается. Между тѣмъ платные ночлежные дома Хитрова-рынка никогда не остаются пустыми, и въ нихъ во всякое время дня можно найти много народа. Для многихъ обитателей Хитрова-рынка такой ночлежный домъ представляетъ собою не только временный пріютъ на ночь, но постоянную квартиру, хотя такая квартира и ограничивается однимъ только собственнымъ мѣстомъ для сна, общимъ же пространствомъ комнаты пользуются всѣ посѣтители.

Внѣшнія условія жизни въ ночлежныхъ домахъ Хитрова-рынка, конечно, нельзя назвать хорошими; однако они не такъ дурны, какъ принято обыкновенно думать. Тамъ, гдѣ скопляется большое количество грязнаго, дурно одѣтаго и въ весьма многихъ случаяхъ пьянаго народа, разумѣется трудно ожидать и простора, и чистоты, и хорошаго воздуха. Несмотря на это, ночлежный домъ, по своей внѣшней обстановкѣ, далеко не представляетъ собою худшаго типа человѣческаго жилища, и во всякомъ городѣ, особенно большомъ, можно найти квартиры, по санитарнымъ условіямъ стоящія гораздо ниже ночлежныхъ домовъ, а между тѣмъ въ такихъ квартирахъ часто обитаютъ люди, постоянно и правильно работающіе и не имѣющіе ничего общаго съ населеніемъ Хитрова-рынка. Во многихъ ремесленныхъ заведеніяхъ рабочіе живутъ несомнѣнно въ худшихъ условіяхъ, нежели ночлежники Хитрова-рынка. Ночлежный домъ во многихъ отношеніяхъ поддается воздѣйствію санитарнаго надзора легче, чѣмъ нѣкоторыя другія жилища, и на Хитровомъ-рынкѣ, въ смыслѣ улучшенія внѣшнихъ условій жизни обитателей ночлежныхъ домовъ, дѣлается и уже сдѣлано очень многое.

Особенное значеніе Хитрова-рынка заключается главнымъ образомъ въ свойствахъ населяющей его толпы. Объ этой толпѣ я и скажу теперь нѣсколько словъ, не касаясь, впрочемъ, тѣхъ артелей рабочихъ, которыя приходятъ въ Москву для найма и только временно поселяются на Хитровомъ-рынкѣ.

Постоянное населеніе Хитрова-рынка состоитъ главнымъ образомъ изъ поденщиковъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, нищихъ, загулявшихъ и отбившихся отъ работы мастеровыхъ и, наконецъ, людей, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, и живущихъ самыми разнообразными, иногда совершенно случайными доходами. Поденщики, живущіе здѣсь, по большей части не имѣютъ постоянной работы и нанимаются отдѣльно на каждый день: это народъ, любящій чувствовать себя независимымъ отъ нанимателя, дорого цѣнящій возможность свободно располагать своимъ временемъ. Обыкновенно они проводятъ свои дни между работой и пропиваніемъ своего заработка на Хитровомъ-рынкѣ. Многимъ изъ нихъ неудобно наниматься на постоянную работу еще и по неимѣнію паспортовъ.

Живущіе на рынкѣ мастеровые—это по большей части люди, не имѣющіе силъ бороться съ загулами. Въ болѣе свѣтлые моменты отрезвленія они принимаются за работу, но проходитъ извѣстное время—и трудовая жизнь смѣняется разгульнымъ пьянымъ бездѣльемъ на Хитровомъ-рынкѣ, гдѣ всегда есть подходящее для этого общество. Многіе мелкіе ремесленники постоянно живутъ въ ночлежныхъ квартирахъ Хитрова-рынка и ухитряются среди ихъ шумной, безпорядочной и тѣсной обстановки усердно заниматься какимъ-либо незатѣйливымъ ремесломъ: починкой сапогъ, клейкой патроновъ или коробокъ, производствомъ металлическихъ цѣпочекъ и т. п.

Нищіе Хитрова-рынка представляютъ собою почти всегда народъ опытный, спеціализировавшійся въ своей профессіи, дающей вообще въ Москвѣ хорошій и постоянный доходъ. Эта часть хитровскаго населенія пользуется относительнымъ достаткомъ и обыкновенно имѣетъ стремленіе къ нѣкоторому своеобразному комфорту, отличается домовитостью. Въ смыслѣ возвращенія къ трудовой жизни все это люди вполнѣ безнадежные. Войдя во вкусъ нищенства, получая отъ своего промысла порядочный доходъ почти безъ всякаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая себя вполнѣ свободными отъ всякихъ обязанностей, они бѣгутъ отъ правильнаго труда и въ концѣ концовъ теряютъ къ нему всякую способность. Необходимо при этомъ замѣтить, что въ Москвѣ существуютъ весьма благопріятныя условія для процвѣтанія профессіональнаго нищенства, ибо нигдѣ не развитъ въ такой степени, какъ въ Москвѣ, обычай раздавать милостыню на улицахъ, у церквей и т. п. Ни одинъ рабочій-поденщикъ, даже самый старательный, конечно не можетъ за цѣлый день самой тяжелой работы добыть столько денегъ, сколько добываетъ ихъ

шляющійся по улицамъ профессіональный нищій. О нищихъ Хитрова-рынка можно сказать вообще, что они составляютъ самую прочную, самую зажиточную и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе заслуживающую сочувствія и помощи часть хитровскаго населенія.

Перечислить всѣ промыслы и источники доходовъ обитателей Хитрова рынка было бы очень трудно: они весьма разнообразны и часто носятъ совершенно случайный характеръ. Среди этихъ промысловъ несомнѣнно есть и такіе, которые рано или поздно приводятъ на скамью подсудимыхъ.

Посмотримъ теперь, чѣмъ и какъ питается весь этотъ народъ, населяющій Хитровъ-рынокъ. Нужно замѣтить при этомъ, что въ послѣднее время произошли нѣкоторыя существенныя перемѣны въ условіяхъ торговли пищевыми продуктами на рынкѣ. До іюля 1892 года на самой площади Хитрова-рынка производилась бойкая торговля различнаго рода пищей въ готовомъ видѣ съ лотковъ, которыхъ цѣлые ряды были расположены на площади. Здѣсь продавались обыкновенно слѣдующіе пищевые продукты: вареный картофель, вареная говядина и свинина, колбаса и обрѣзки ветчины, вареныя легкое, сердце и печенка, рубцы, студень, селедки, горячія щи и каша, сыръ, яйца, фрукты и сласти, хлѣбъ и, наконецъ, такъ называемая „бульонка“—продуктъ, достойный нѣкотораго вниманія и встрѣчавшійся только на Хитровомъ-рынкѣ. Матеріалъ для приготовленія бульонки добывался производителями ея изъ гостинницъ, ресторановъ, трактировъ и т. п. и состоялъ обыкновенно изъ вываренной суповой говядины, объѣдковъ съ тарелокъ и различной испортившейся провизіи. Всѣ эти отбросы, иногда лежавшіе еще нѣкоторое время и потому подвергавшіеся разложенію, въ мѣстахъ производства бульонки измельчались, разбавлялись въ извѣстной мѣрѣ водой и поджаривались на противнѣ въ печи. Въ результатѣ получалась горячая мясная каша, которая и продавалась на площади отъ 4 до 5 коп. за фунтъ. Остальные продававшіеся продукты были низкаго сорта и между ними нерѣдко попадались и испорченные. Всѣ эти торговцы съ лотковъ занимали очень много пространства и тѣмъ значительно стѣсняли площадь. Кромѣ того, санитарный надзоръ за такого рода торговлей былъ очень затруднителенъ: торговецъ съ подозрительнымъ товаромъ всегда имѣлъ возможность скрыться и избѣжать осмотра. Съ іюля 1892 года эта торговля на площади была прекращена и вмѣстѣ съ этимъ исчезла съ Хитрова-рынка и бульонка. Въ настоящее время продажа пищи существуетъ въ лавкахъ и харчевняхъ Хитрова-рынка, гдѣ продаются тѣ же продукты, которые

прежде продавались на площади, кромѣ бульонки. Каждая народная харчевня на Хитровомъ-рынкѣ имѣетъ отпечатанные билеты на право полученія обѣда въ этой харчевнѣ. Такіе билеты покупаются благотворителями, которые или сами раздаютъ ихъ, или поручаютъ хозяевамъ харчевенъ кормить обѣдами извѣстное число людей въ теченіе опредѣленнаго срока; выборъ лицъ для пользованія этими даровыми обѣдами вполнѣ зависитъ отъ хозяевъ харчевенъ. Для питанія населенія Хитрова-рынка имѣютъ важное значеніе и существующія тамъ двѣ благотворительныя столовыя: имени В. С. Перлова и „Человѣколюбиваго Общества". Въ этихъ столовыхъ готовятся обѣды, цѣною въ 5 копѣекъ, состоящіе изъ щей, каши и фунта чернаго хлѣба. Много обѣдовъ раздается безплатно, такъ какъ они оплачиваются различными благотворителями. Число обѣдовъ, готовящихся въ этихъ столовыхъ, можетъ, конечно, удовлетворить только часть населенія Хитрова-рынка; большинство же продовольствуется въ харчевняхъ и лавкахъ, у торговцевъ съ лотковъ гдѣ-нибудь по близости Хитрова-рынка; многіе готовятъ себѣ пищу въ водогрѣйняхъ. Что касается качества пищи, продающейся на Хитровомъ-рынкѣ, то нужно прежде всего сказать, что обѣды въ благотворительныхъ столовыхъ вполнѣ хороши, какъ по достоинству пищевыхъ продуктовъ, изъ которыхъ они приготовляются, такъ и по способу приготовленія. Въ харчевняхъ и лавкахъ пищевые продукты, за очень рѣдкими исключеніями, также доброкачественны, хотя и низкаго сорта. Но проводить правила опрятности при приготовленіи пищи и поддерживать чистоту въ помѣщеніяхъ харчевенъ и лавокъ санитарному надзору удается лишь съ большимъ трудомъ. Всѣ такія помѣщенія, благодаря необыкновенно дорогой платѣ за нихъ, очень тѣсны и постоянно завалены товаромъ. Кромѣ того, сами посѣтители харчевенъ и лавокъ весьма много способствуютъ загрязненію помѣщеній.

Въ дѣлѣ продовольствія хитровцевъ не малую роль играютъ восемь находящихся на Хитровомъ-рынкѣ водогрѣенъ. Въ нихъ продается горячая вода и плиточный чай; кромѣ того въ каждой водогрѣйнѣ есть обширная, постоянно топящаяся плита, на которой посѣтители имѣютъ право приготовить себѣ горячую пищу за копѣйку. Утромъ около такой плиты всегда тѣснится народъ, приготовляющій себѣ обѣдъ, по большей части въ самодѣльной посудѣ изъ какой-нибудь жестяной коробки. Зимой водогрѣйни служатъ мѣстомъ, куда народъ съ площади заходитъ грѣться; поэтому въ зимнее утро каждая водогрѣйня всегда бываетъ биткомъ набита народомъ, такъ что съ большимъ трудомъ можно въ нее

войти, а тѣмъ болѣе протѣсниться къ плитѣ. Въ это время воздухъ въ водогрѣйняхъ бываетъ такой, что имъ съ непривычки трудно дышать.

Торговля пищевыми продуктами и спиртными напитками на Хитровомъ-рынкѣ идетъ чрезвычайно бойко. Почти у каждаго хитровца всегда есть хоть немного денегъ, добытыхъ иногда довольно разнообразными путями. Вся толпа Хитрова-рынка тратитъ на площади значительныя суммы денегъ въ общей сложности, и содержатели различныхъ торговыхъ заведеній тамъ получаютъ весьма большіе доходы, съ избыткомъ окупающіе огромную арендную плату за помѣщенія.

Не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ одеждѣ коренныхъ обитателей Хитрова-рынка. Одежда ихъ, за немногими исключеніями, очень плоха и представляетъ весьма слабую защиту отъ непогоды и зимняго холода. Здѣсь можно видѣть, въ качествѣ одежды, лохмотья самаго разнообразнаго, иногда фантастическаго вида. Съ одеждой на Хитровомъ-рынкѣ производятся постоянные обороты, состоящіе въ томъ, что платье, хотя и очень плохое, можно промѣнять на еще болѣе худшее, съ придачей небольшого количества денегъ, достаточныхъ для пріобрѣтенія водки. Часто человѣкъ, первоначально имѣющій относительно хорошую одежду, производитъ такимъ образомъ нѣсколько послѣдовательныхъ перемѣнъ костюма, пока наконецъ не оказывается въ такой одеждѣ, которая уже не можетъ идти въ обмѣнъ на худшую. Недостатки въ одеждѣ, доходящіе иногда до крайнихъ степеней, настоящій хитровецъ, повидимому, переноситъ довольно легко; во всякомъ случаѣ онъ смотритъ на нихъ болѣе равнодушно, чѣмъ на другія внѣшнія стороны своей жизни. Въ холодное время года онъ въ теченіе дня постоянно пользуется, какъ временнымъ теплымъ пріютомъ, водогрѣйнями и всѣми мѣстами, гдѣ только можно погрѣться.

II.

Особенныя условія жизни Хитрова-рынка и главнымъ образомъ то, что тамъ въ большой тѣснотѣ ночуетъ множество плохо одѣтаго, вѣрнѣе—полу-раздѣтаго, дурно и безпорядочно питающагося народа, служитъ причиной весьма частаго возникновенія въ этой мѣстности Москвы различныхъ заразныхъ заболѣваній—преимущественно тифозныхъ. Населеніе Хитрова-рынка представляетъ вообще весьма слабую сопротивляемость заразнымъ болѣзнямъ, и

эти послѣднія находятъ въ немъ весьма благопріятную для себя почву. Всякаго рода тифы особенно легко возникаютъ и развиваются въ ночлежныхъ и подобныхъ имъ домахъ; и дѣйствительно, каждый разъ, когда въ Москвѣ усиливались заболѣванія тѣмъ или другимъ тифомъ, это почти всегда рѣзко отражалось на населеніи Хитрова-рынка. Въ 1886 году, когда въ Москвѣ особенно сильно были развиты сыпной и возвратный тифы, первое мѣсто по количеству заболѣвшихъ этими болѣзнями занималъ именно 3-й участокъ мясницкой части съ Хитровымъ-рынкомъ, при чемъ огромное большинство заболѣвшихъ принадлежало Хитрову-рынку. Въ 1886 году въ 3-мъ участкѣ мясницкой части всего было больныхъ: сыпнымъ тифомъ—708 человѣкъ и возвратнымъ—823 человѣка. Изъ этихъ же чиселъ на ночлежные дома Хитрова-рынка приходилось заболѣвшихъ: сыпнымъ тифомъ 586 и возвратнымъ—740. Въ 1890 году, при усиленіи заболѣваній брюшнымъ тифомъ, 3-й участокъ мясницкой части также стоялъ на первомъ мѣстѣ по числу заболѣвшихъ, и изъ этого числа, равнаго 142, въ ночлежныхъ домахъ Хитрова-рынка было 81 заболѣваній. Изъ нижеслѣдующей таблицы видно, насколько рѣзко отражаются на населеніи Хитрова-рынка колебанія тифозной заболѣваемости въ Москвѣ:

Число всѣхъ тифозныхъ заболѣваній:

	Во всей Москвѣ.	Въ 3-мъ уч. мясницкой части.	Въ ночлежныхъ домахъ Хитрова-рынка.
Въ 1886 году	18.324	1.920	1.634
„ 1887 „	6.389	449	353
„ 1888 „	2.642	86	45
„ 1889 „	3.208	148	103
„ 1890 „	6.230	622	519
„ 1891 „	4.055	98	72

Въ 1892 году, при появленіи въ Москвѣ заболѣваній азіатской холерой, эта болѣзнь, повидимому, также нашла для себя благопріятныя условія среди населенія Хитрова-рынка. Болѣе всего заболѣвшихъ холерою въ 1892 году было въ 3-мъ участкѣ мясницкой части, гдѣ заболѣло 248 человѣкъ изъ всего числа 1.338 больныхъ холерою въ Москвѣ. Изъ этихъ же 248 заболѣвшихъ 240 наблюдалось въ домахъ, окружающихъ Хитровъ-рынокъ, и только 8—во всѣхъ остальныхъ домахъ 3-го участка мясницкой части.

Санитарныя условія Хитрова-рынка, дѣлающія возможнымъ возникновеніе на немъ очага той или другой заразной болѣзни во всякое время, уже съ 1886 года привлекли усиленное вни-

маніе санитарнаго надзора. Не излагая подробностей того рода санитарныхъ мѣропріятій, который былъ выполненъ съ 1886 г. до настоящаго времени, слѣдуетъ отмѣтить, что санитарное состояніе Хитрова-рынка улучшилось настолько, насколько это было возможно. Санитарныя мѣропріятія касались главнымъ образомъ улучшенія обстановки ночлежныхъ домовъ, надзора за пищевыми продуктами и мѣстами ихъ продажи, улучшенія состоянія самой площади рынка и его водоснабженія и наконецъ организаціи безплатной врачебной помощи населенію. Во время вспышекъ тифозныхъ заболѣваній въ ночлежныхъ домахъ Хитрова-рынка принимавшіяся при этомъ санитарныя мѣры всегда увѣнчивались скорымъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что Хитровъ-рынокъ, какъ центръ скопленія самаго низшаго слоя городского населенія, все-таки остается пунктомъ, гдѣ легко возникаютъ заразныя заболѣванія и откуда они могутъ проникать и въ среду остальныхъ жителей города, ибо пути соприкосновенія разнородныхъ классовъ городского населенія между собою весьма многообразны. Въ этомъ главнымъ образомъ и заключается санитарное значеніе для Москвы Хитрова-рынка.

Насколько успѣшно можно бороться съ распространеніемъ заразныхъ болѣзней среди населенія Хитрова-рынка, настолько же трудно принимать какія-либо мѣры противъ того развращающаго вліянія, которое онъ несомнѣнно оказываетъ на извѣстные слои городского населенія. Нравственное вліяніе другъ на друга и взаимодѣйствіе отдѣльныхъ членовъ всей толпы, населяющей Хитровъ-рынокъ, а тѣмъ болѣе—вліяніе ея на новаго человѣка, окунувшагося въ жизнь Хитрова-рынка, повидимому чрезвычайно велико. Толпа эта имѣетъ свойство нравственно заражать и засасывать человѣка и тѣмъ губить его безвозвратно. По словамъ мѣстнаго санитарнаго врача Н. П. Скворцова, „рынокъ этотъ имѣетъ очень дурное нравственное вліяніе на приходящій изъ деревень рабочій людъ; нерѣдко приходится быть свидѣтелемъ, какъ постепенно гибнетъ молодой рабочій народъ, не устоявшій противъ разныхъ предлагаемыхъ здѣсь соблазновъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ поголовное пьянство; подрывая благосостояніе рабочихъ и разстроивая ихъ здоровье, оно имѣетъ большое вліяніе на ихъ заболѣваемость“. Такимъ образомъ бытовое значеніе Хитрова-рынка настолько велико, что на него указываетъ санитарный врачъ при изложеніи мѣропріятій чисто санитарнаго характера. И такое указаніе нужно считать дѣйствительно важнымъ, ибо санитарныя мѣры неразрывно связаны со

всѣми бытовыми условіями той мѣстности, того населенія, среди которыхъ онѣ должны примѣняться.

Чрезмѣрно распространенное пьянство представляетъ одну изъ особенностей Хитрова-рынка, заслуживающую полнаго вниманія. Въ немъ главнымъ образомъ лежитъ причина того явленія, что человѣкъ, разъ окунувшійся въ хитровскую жизнь и затѣмъ такъ или иначе вырвавшійся изъ нея, кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что вновь возвращается на Хитровъ-рынокъ. Привычное пьянство, обращающееся уже въ болѣзнь, мало-по-малу совершенно лишаетъ человѣка воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способности борьбы. Самая совмѣстная жизнь большого количества народа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ потерявшаго способность къ правильному труду, въ лучшемъ случаѣ видящаго въ послѣднемъ средство только для дневного пропитанія, а не для улучшенія благосостоянія, и дорого цѣнящаго отсутствіе всякихъ обязательствъ по отношенію къ нанимателю,—эта совмѣстная жизнь способствуетъ не только развитію пьянства и другихъ видовъ разврата, но имѣетъ свойство привлекать къ себѣ людей, разъ побывавшихъ въ средѣ Хитрова-рынка.

Внѣшнія условія жизни въ ночлежныхъ домахъ, какъ сказано выше, въ настоящее время далеко не такъ дурны, какъ во множествѣ другихъ жилищъ города, обитатели которыхъ ведутъ истинно трудовую жизнь. Въ противоположность этому, внутренняя сторона жизни ночлежныхъ домовъ Хитрова-рынка заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что всѣ мѣры къ ея улучшенію представляются чрезвычайно сложными и трудными. Нравственный строй этой жизни долженъ считаться по истинѣ ужаснымъ. При совмѣстномъ существованіи всего этого народа, по большей части бѣгущаго отъ правильнаго труда, пьянаго и развращеннаго во всѣхъ отношеніяхъ,—всѣ стороны нравственнаго паденія человѣка выступаютъ въ яркихъ и разнообразныхъ видахъ. Въ ночлежномъ домѣ Хитрова-рынка развратъ всякаго рода почти не можетъ быть скрытымъ—онъ доступенъ для наблюденія каждому изъ его обитателей. Но если и скрытый и открытый развратъ, можетъ быть, долженъ имѣть одинаковую нравственную оцѣнку по отношенію къ самому впавшему въ него человѣку, то вліяніе открытаго разврата на окружающихъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Наиболѣе дурная сторона Хитрова-рынка состоитъ въ томъ, что онъ соединяетъ въ себѣ и рабочій рынокъ, и мѣсто скопленія самаго низкаго сорта городского населенія. Между тѣмъ пришлые рабочіе, съ одной стороны, и постоянное населеніе Хитрова-рынка,

съ другой, представляютъ въ сущности два совершенно разнородныхъ элемента. Для приходящихъ въ Москву артелей рабочихъ ночлежныя квартиры Хитрова-рынка служатъ временнымъ пріютомъ до пріисканія работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ рабочіе неизбѣжно находятся подъ вліяніемъ распущенной хитровской толпы и многіе изъ нихъ подпадаютъ подъ это вліяніе и становятся хитровцами. Существующія въ ночлежныхъ квартирахъ азартныя игры разнаго рода служатъ иногда для рабочихъ первымъ толчкомъ въ ихъ паденіи. Проигрывая послѣднія деньги, а часто и какіе-либо инструменты своего ремесла и одежду, пришлый рабочій по неволѣ остается на Хитровомъ-рынкѣ и поступаетъ въ число постоянныхъ его обитателей. При этомъ особенно сказывается та дурная сторона ночлежныхъ квартиръ Хитрова-рынка, что онѣ служатъ не только для ночлега, но и для постояннаго жилья, и такимъ образомъ часто дѣлаются притонами безпутства, разврата, а иногда мошенничества разнообразныхъ видовъ.

Описанныя здѣсь вкратцѣ характерныя черты Хитрова-рынка позволяютъ сдѣлать выводъ, что эта мѣстность Москвы, по санитарному и бытовому ея значенію, едва-ли не самая интересная для изслѣдователя общественныхъ недуговъ во всемъ городѣ, въ особенности при столь центральномъ ея положеніи. Прослѣдить исторически тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ создались всѣ особенности, весь характеръ этой мѣстности, было бы весьма трудно. Столь же труднымъ представляется составить цѣлый планъ мѣропріятій для коренного измѣненія санитарныхъ, а главнымъ образомъ—бытовыхъ условій жизни на Хитровомъ-рынкѣ. Тѣмъ не менѣе, можно съ большой вѣроятностью предположить, что нѣкоторыя мѣры имѣли бы въ этомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе, и прежде всего мѣры для уменьшенія столь распространеннаго на Хитровомъ-рынкѣ пьянства. Не могу при этомъ не сказать нѣсколько словъ по поводу довольно распространеннаго взгляда относительно подкрѣпляющаго и согрѣвающаго дѣйствія водки, которая въ виду этого многими считается какъ бы необходимой въ извѣстномъ количествѣ для рабочаго человѣка. Взглядъ этотъ не имѣетъ рѣшительно никакого научнаго основанія, ибо цѣлымъ рядомъ изслѣдованій доказано, что водка, даже въ малыхъ количествахъ, всегда производитъ уменьшеніе рабочей силы. Мнѣніе о согрѣвающемъ дѣйствіи водки также основано на недоразумѣніи. Она дѣйствительно производитъ извѣстное чувство теплоты въ организмѣ, но чувство чисто субъективное и кратковременное. Съ этой цѣлью она съ гораздо луч-

шимъ успѣхомъ и съ несомнѣнно большей пользой можетъ быть замѣнена, напримѣръ, горячимъ чаемъ.

Болѣе точное разграниченіе квартиръ по ихъ типамъ, мнѣ кажется, также имѣетъ значеніе для такихъ мѣстностей, какъ Хитровъ-рынокъ. Тотъ смѣшанный типъ ночлежно-коечныхъ квартиръ, который тамъ обыкновенно существуетъ, является самымъ нежелательнымъ и въ санитарномъ, и въ бытовомъ отношеніяхъ. Та часть населенія, которая приходитъ въ такую квартиру только для ночлега, весьма часто способствуетъ заносу заразныхъ болѣзней; между тѣмъ въ квартирѣ, гдѣ кромѣ ночлежниковъ есть и постоянно живущіе, иногда весьма трудно бываетъ принимать тѣ или другія санитарныя мѣры, ибо квартиру нельзя освободить отъ обитателей. Съ другой стороны, именно въ такихъ смѣшаннаго характера квартирахъ строй жизни представляется наиболѣе низменнымъ съ нравственной стороны. Пьянство, развратъ и разнаго рода преступные промыслы господствуютъ въ средѣ ихъ населенія.

Изученіе условій жизни Хитрова-рынка и подобныхъ ему мѣстъ невольно заставляетъ коснуться, хотя вскользь, значенія и роли ночлежныхъ домовъ, въ которыхъ несомнѣнно нуждается извѣстная часть населенія городовъ, особенно городовъ большихъ. Ночлежные дома возникаютъ обыкновенно какъ благотворительныя учрежденія—на средства частныхъ благотворителей, благотворительныхъ обществъ и городскихъ общественныхъ управленій. Значительное большинство такихъ ночлежныхъ домовъ—безплатные. Съ другой стороны, вездѣ существуютъ ночлежные дома и квартиры, содержимые частными лицами съ цѣлью полученія дохода. Это—два крайнихъ типа ночлежныхъ домовъ, совершенно противоположныхъ по ихъ цѣли; средняго между ними типа у насъ до сихъ поръ почти не существуетъ, а между тѣмъ этотъ-то именно типъ, можетъ быть, и заслуживаетъ наибольшаго вниманія.

Вопросъ о томъ, нужны ли для большихъ городовъ благотворительные ночлежные дома только въ видѣ безплатныхъ, значительно подверженъ сомнѣнію. У огромнаго большинства лицъ, пользующихся безплатными ночлежными домами, есть всегда извѣстное количество денегъ, которыя большею частью идутъ на пріобрѣтеніе водки. Кромѣ того, въ эти ночлежные дома далеко не всегда попадаютъ именно тѣ люди, которые наиболѣе нуждаются въ пріютѣ, такъ какъ тотъ, кто раньше пришелъ, легче получаетъ и доступъ въ ночлежный домъ; возможность же раньше прійти далеко не совпадаетъ съ нуждой и потребностью въ ноч-

номъ пріютѣ. Оттого въ безплатныхъ ночлежныхъ домахъ всегда ночуетъ много профессіональныхъ нищихъ, т.-е. людей наименѣе нуждающихся въ помощи и наиболѣе свободно располагающихъ своимъ временемъ.

Насколько сомнительна нужда только въ безплатныхъ ночлежныхъ домахъ, настолько же является желательнымъ устройство ночлежныхъ домовъ съ извѣстной небольшой платой за ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы эти дома содержались въ возможно лучшихъ санитарныхъ условіяхъ. Есть несомнѣнныя данныя для предположенія, что содержаніе такихъ домовъ могло бы не только окупаться, но и приносить извѣстный доходъ, который могъ бы употребляться какъ на улучшеніе обстановки такихъ домовъ, такъ и на дальнѣйшее ихъ расширеніе. Это въ высшей степени благое дѣло, особенно важное въ санитарномъ отношеніи, могло бы осуществиться съ помощью извѣстной группы благотворителей, соединившихся для такой цѣли. Принимая во вниманіе большое количество денегъ, которое расходится обыкновенно у насъ на такъ называемую уличную благотворительность, совершенно безцѣльную и только поддерживающую пьянство,—можно быть увѣреннымъ, что такое общество благотворителей нашло бы средства для устройства платныхъ, хотя и дешевыхъ ночлежныхъ домовъ, удовлетворительно обставленныхъ и содержимыхъ въ санитарномъ отношеніи.

Вопросъ объ устройствѣ платныхъ ночлежныхъ домовъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ санитарнымъ требованіямъ, соприкасается съ устройствомъ, на тѣхъ же основаніяхъ, жилищъ для бѣднѣйшаго городского населенія. Но вопросы эти настолько важны, что вполнѣ требуютъ для себя спеціальнаго разсмотрѣнія, равно какъ и причины, вслѣдствіе которыхъ образуется слой городского населенія, обитающій на Хитровомъ-рынкѣ и подобныхъ ему мѣстахъ. Причины эти крайне сложны, а слѣдствія ихъ въ высшей степени важны и далеко не могутъ быть исчерпаны въ небольшомъ очеркѣ, каковъ настоящій.

А. Петровскій.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА

въ

КИТАѢ

I.

Театръ издавна занималъ видное мѣсто въ общественной жизни обитателей Срединной Имперіи, и несмотря на то, театральное искусство, со времени своего возникновенія, не сдѣлало никакихъ успѣховъ: китайцы въ наше время любуются тѣмъ же, чѣмъ любовались ихъ предки временъ Танской династіи (618—907 г.). Для болѣе яснаго представленія современнаго намъ китайскаго театра могутъ служить дошедшія до насъ свѣденія о театрѣ древне-греческомъ. Не слѣдуетъ, конечно, увлекаться такимъ сравненіемъ. Несомнѣнныя черты сходства между двумя театрами усматриваются единственно въ устройствѣ сцены, въ ношеніи актерами масокъ, въ хорахъ, мимикѣ, музыкѣ и въ отсутствіи какой бы то ни было сценической иллюзіи. Но не можетъ быть никакого сравненія между драматическою литературою Эллады и Небесной Имперіи; произведенія Софокла, Эврипида стоятъ неизмѣримо выше сочиненій какого-нибудь китайскаго драматурга Ванъ-чжи-фу [1]).

Правители Китая, какъ видно по многимъ историческимъ даннымъ, никогда не относились сочувственно къ театру; нѣкоторые же богдыханы смотрѣли на него прямо враждебно. При-

[1]) Авторъ пьесы: „Исторія западнаго флигеля“.

мѣру государей слѣдовали чиновники и цензора, указывавшіе въ своихъ докладахъ на вредъ, наносимый театральными представленіями народной нравственности. Анти-театральное направленіе высшихъ сферъ установилось отчасти благодаря ученію Конфуція, неодобрительно относившагося къ театральнымъ представленіямъ и находившаго, что они портятъ нравы и извращаютъ здравыя понятія. Гоненіе на театры, выражавшееся въ ихъ закрытіи и въ штрафованіи театральныхъ предпринимателей, распространялось и на актеровъ — ихъ преслѣдовали и лишали покровительства законовъ. Вообще положеніе актера въ Небесной Имперіи никогда не пользовалось уваженіемъ, и въ этомъ еще одна черта сходства съ древнею Греціею. Въ Китаѣ званіе актера приравнивается къ самымъ позорнымъ занятіямъ, напр. къ профессіи палача. Актеръ, между прочимъ, не имѣетъ права поступать на государственную службу. Вѣроятно вслѣдствіе враждебнаго къ нимъ отношенія, китайскіе актеры, подобно гистріонамъ Греціи, не имѣютъ осѣдлости, а ведутъ странствующій образъ жизни, переѣзжая съ мѣста на мѣсто небольшими труппами.

Постоянные театры, имѣющіе отдаленное сходство съ нашими провинціальными балаганами, только значительно ихъ мизернѣе, можно видѣть въ столицѣ и въ немногихъ большихъ городахъ. Большинство же храмовъ Мельпомены и Таліи воздвигается для трехъ-, четырехъ-дневнаго представленія — въ городахъ, деревняхъ или въ сосѣдствѣ кумиренъ. Главнымъ матеріаломъ для сооруженія навѣсовъ, составляющихъ существенную часть театра, служатъ бамбуковыя жерди и циновки, которыя связываются между собою тростниковыми веревками; гвозди же совсѣмъ не употребляются. Подъ однимъ изъ навѣсовъ устроивается невысокая платформа для сцены, а подъ другими двумя располагаются скамейки и столы для публики. Созиданіе такого карточнаго театра, могущаго вмѣстить подъ своею сѣнью 2.000 и болѣе человѣкъ, совершается обыкновенно въ день, предшествующій спектаклю, а разрушеніе происходитъ еще быстрѣе, такъ какъ веревки просто перерѣзываются, жерди же и циновки приберегаются до другого раза. О прочности, при подобномъ способѣ постройки, не можетъ быть рѣчи, и представленіе иногда оканчивается обваломъ и разрушеніемъ, при чемъ достается не мало и публикѣ.

Странствующія труппы почти круглый годъ разъѣзжаютъ по всей странѣ, останавливаясь то тутъ, то тамъ для представленій. При своемъ формированіи труппа принимаетъ особое названіе, подъ которымъ, во время артистическаго турнэ, становится извѣстною публикѣ: напр., „Счастливое общество“, „Блестящая

компанія", „Артистическая лилія" и др. Люди богатые позволяютъ себѣ роскошь домашняго театра, приглашая труппу на домъ или въ какой-нибудь трактиръ. На подобныхъ частныхъ спектакляхъ имѣютъ возможность присутствовать женщины, которымъ ригоризмъ китайскихъ обычаевъ запрещаетъ посѣщать публичныя зрѣлища.

Театральное дѣло въ Китаѣ является въ полномъ смыслѣ слова коммерческимъ предпріятіемъ, затѣваемымъ ради барышей, безъ какихъ бы то ни было стремленій къ поддержанію искусства. Антрепренеръ или импрессаріо труппы получаетъ средства на ея содержаніе и переѣзды отъ какого-нибудь состоятельнаго лица, находящаго выгоднымъ помѣстить капиталъ въ театральную аферу. Этотъ антрепренеръ, уплачивающій извѣстный процентъ капиталисту, уже отъ себя нанимаетъ актеровъ, заключая съ ними обыкновенно годовые контракты. Костюмы, составляющіе немаловажную часть театральнаго инвентаря, поставляются либо антрепренеромъ, либо пріобрѣтаются въ складчину группою лицъ, заинтересованныхъ въ предпріятіи. Актеры раздѣляются на категоріи и получаютъ плату соотвѣтственно занимаемымъ амплуа. Такъ, во всякой труппѣ имѣются актеры на роли историческихъ лицъ — императоровъ, князей, высшихъ сановниковъ, военачальниковъ и др. Актеръ, исполняющій первостепенныя роли и пользующійся извѣстностью, можетъ заработать въ сезонъ (около 10 мѣсяцевъ) отъ 200 до 300 рублей. Поспектакльная плата (представленіе длится отъ 5 до 7 часовъ, смотря по продолжительности дня) хорошему актеру достигаетъ въ Пекинѣ 4 руб. Второстепенные актеры, играющіе роли чиновниковъ, ремесленниковъ, купцовъ, а также изображающіе духовъ, оборотней, чертей, добрыхъ геніевъ и т. д., получаютъ гораздо меньше, хотя и между ними соблюдается извѣстная градація. Кромѣ того, въ каждой труппѣ есть актеры на женскія роли, на амплуа злодѣевъ и измѣнниковъ, клоуны и паяцы. Статисты, коихъ бываетъ очень [1]) немного (напр., двѣ враждебныя арміи состоятъ изъ 3, 4 человѣкъ), получаютъ отъ гривенника до 20 к. въ день. Такая плата, сравнительно съ тѣмъ, что получаютъ артисты на Западѣ, должна показаться жалкою пародіею на вознагражденіе, но цензъ талантливости и знанія, требуемый отъ китайскаго лицедѣя, значительно разнится отъ ценза его европейскаго коллеги. Для успѣшнаго выполненія обязанностей артиста, здѣсь

[1]) Существуетъ спеціальное амплуа дѣвицъ легкаго поведенія.

требуется не столько талантъ, сколько хорошія легкія и выносливость.

Жизнь китайскаго актера, въ промежуткахъ появленія его на подмосткахъ, проходитъ, какъ я уже сказалъ, въ постоянныхъ переѣздахъ, совершаемыхъ со всѣмъ комфортомъ, доступнымъ китайцамъ, т.-е. въ колымагѣ по невозможнымъ дорогамъ, или въ лодкѣ, куда пассажиры напихиваются какъ сельди въ бочку. По прибытіи на мѣсто, гдѣ имѣетъ быть дано представленіе, труппа останавливается въ хлѣвоподобномъ постояломъ дворѣ, единственное удобство котораго заключается въ защитѣ отъ непогоды, и на другой же день появляется на сценѣ. Если въ матеріальномъ отношеніи доля китайскаго актера не изъ завидныхъ, то въ духовномъ она, пожалуй, еще грустнѣе. Онъ не можетъ найти вознагражденія въ удовлетворенномъ самолюбіи: извѣстность желтокожаго артиста не пойдетъ дальше ограниченнаго кружка посѣтителей театра, притомъ изъ низшихъ слоевъ общества, и никакая газета не рѣшится напечатать рецензіи объ игрѣ, хотя бы талантливѣйшаго актера. Встрѣчая въ окружающихъ пренебреженіе и презрѣніе, актеръ принужденъ вести замкнутую, обособленную жизнь, довольствуясь обществомъ товарищей по ремеслу.

При труппѣ состоятъ: — режиссеръ, цирюльникъ, гримёръ, слуги, повара и другія лица, такъ что весь составъ товарищества подчасъ достигаетъ довольно почтенной цифры. Кромѣ перечисленныхъ участниковъ, съ труппою ѣдетъ нѣсколько мальчиковъ-учениковъ, взятыхъ у родителей по контракту, для изученія актерскаго искусства. Иногда эти мальчики просто украдены. Отдача дѣтей въ выучку охотно практикуется бѣдняками, обремененными большою семьею. Положеніе въ труппѣ юныхъ наемниковъ не особенно завидное; члены товарищества ими всячески помыкаютъ и заставляютъ исполнять хозяйственныя работы. Платы ученики не получаютъ, если не считать прокормленія.

Содержаніе труппы, не взирая на дешевизну китайской жизни, обходится антрепренеру довольно дорого, при чемъ расходы, имъ производимые, крайне неравномѣрны и находятся въ зависимости отъ массы случайностей. Если годъ урожайный и никакое бѣдствіе не разразилось надъ райономъ, гдѣ странствуетъ товарищество, оно можетъ разсчитывать на нѣсколько приглашеній; въ противномъ случаѣ и антрепренеру, и актерамъ приходится плохо. Положеніе послѣднихъ особенно ухудшается, когда у антрепренера нѣтъ запасныхъ денегъ, чтобы переждать кризисъ; въ такихъ случаяхъ они должны разстаться и, въ ожиданіи лучшихъ временъ, искать посторонняго заработка. Благополучію труппы

можетъ грозить опасность и другого рода. Бываетъ, что мѣстный начальникъ, подъ вліяніемъ ли ученія Конфуція, или по собственному наитію, внезапно запрещаетъ представленія въ предѣлахъ ввѣренной ему области или уѣзда. Товариществу остается только уложиться и перекочевать въ другой уѣздъ. Впрочемъ въ Китаѣ распоряженія высшей власти имѣютъ лишь относительную обязательность, и находчивый антрепренеръ, подкупивъ кого слѣдуетъ, спокойно открываетъ свой театръ.

Мѣстомъ сооруженія театра очень часто служатъ ближайшія окрестности и даже внутренніе дворы кумиренъ (монастырей). Представленія даются въ годовщину чествованія какого-нибудь языческаго божества или пригоняются ко времени открытія ярмарки, организуемой вблизи кумирни или на деревенской площади. Толпы народа, стекающіяся въ кумирню изъ ближайшихъ окрестностей, шумъ и суета, неизбѣжные при устройствѣ театра, нисколько не смущаютъ подвижническаго духа хошановъ (монаховъ); напротивъ того, они радуются подобнымъ происшествіямъ, нарушающимъ монотонію ихъ безполезнаго и праздnаго прозябанія. Къ тому же, эти празднества приносятъ обитателямъ кумирни доходъ, такъ какъ организація спектаклей дѣлается по подпискѣ, и при извѣстной ловкости часть подписныхъ денегъ пристаетъ къ ладонямъ монаховъ. Театральныя увеселенія устраиваются также частными лицами — деревенскими и городскими богачами, ищущими популярности; иногда же труппа приглашается по совершенно особому случаю. Напримѣръ, опасно больной даетъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, пригласить актеровъ. Бываетъ, что театръ устроивается, дабы ознаменовать окончаніе распри или продолжительнаго процесса между двумя деревнями. Иногда третейскій судья, избранный для улаженія деревенскаго спора, разрѣшаетъ его, подвергая виновную сторону штрафу въ формѣ расходовъ на устройство театра. Конечно, такое третейское рѣшеніе привѣтствуется поселянами, радующимися даровому зрѣлищу. Подчасъ цѣлая деревня постановляетъ организовать театральныя представленія, подъ предлогомъ принесенія благодарности божеству земледѣлія или великому дракону за хорошій урожай, а то просто потому, что накопились общественныя суммы, не имѣющія прямого назначенія. Наконецъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ иниціатива устройства спектакля исходитъ отъ мѣстнаго мандарина—если онъ театралъ.

Какъ только рѣшено пригласить театръ, начинаются переговоры съ антрепренеромъ ближайшей труппы. Хорошая труппа, имѣющая въ своей средѣ знаменитость, притомъ обезпеченная

другими ангажементами, запрашиваетъ обыкновенно очень много. Иногда, чтобы не упускать двухъ одновременныхъ приглашеній, большая труппа выдѣляетъ изъ своего состава нѣсколькихъ второстепенныхъ актеровъ, образующихъ вмѣстѣ съ нанятыми любителями вторую, филіальную труппу. Ядро труппы отправляется гастролировать въ городъ или мѣстечко, гдѣ публика требовательнѣе и образованнѣе, а второстепенные актеры командируются для увеселенія судей менѣе строгихъ. Случается, что послѣдніе узнаютъ обманъ и вламываются въ амбицію; недоразумѣніе улаживается тѣмъ, что актеровъ заставляютъ дать лишнее представленіе.

Прибытіе въ данный пунктъ, будь то городъ или деревня, телѣгъ, нагруженныхъ актерскимъ скарбомъ, и на которыхъ возсѣдаютъ сами артисты и ихъ свита, взбутораживаетъ все населеніе. Особенно сильно отражается это событіе въ деревнѣ, гдѣ оно временно заслоняетъ всѣ другіе жизненные интересы. Театральный зудъ охватываетъ рѣшительно всѣхъ жителей, которые, отложивъ обыденныя занятія, суетятся, хлопочутъ и помогаютъ при сооруженіи циновочнаго балагана. Всеобщій подъемъ духа понятенъ, если принять во вниманіе, что гражданинъ Небесной Имперіи, и въ особенности деревенскій житель, лишенъ какихъ бы то ни было развлеченій и зрѣлищъ, работая круглый годъ, исключая нѣсколькихъ новогоднихъ дней. Пріѣздъ труппы означаетъ каникулы для всѣхъ, даже для школьниковъ, ибо учитель, также жаждущій эстетическихъ наслажденій, распускаетъ молодежь на все время представленій. Вблизи театра выростаетъ цѣлый городокъ балаганчиковъ и навѣсовъ, гдѣ располагаются чайныя, открытыя кухни, бродячіе кондитеры, продавцы игрушекъ и другого добра. Прибытіе театра, если оно къ тому же совпадаетъ со временемъ ярмарки, привлекаетъ разныхъ промышленниковъ—фокусниковъ, гадальщиковъ, разсказчиковъ, хиромантовъ, паяцовъ и цѣлую стаю нищихъ, безъ которыхъ не обходится ни одно китайское торжище.

Стоустая молва давно успѣла облетѣть окрестныя деревни и фермы, и лица, имѣющія родныхъ въ счастливомъ мѣстѣ, гдѣ устроивается театръ, спѣшатъ воспользоваться случаемъ, чтобы поддержать родственныя узы. Матери пріѣзжаютъ погостить къ замужнимъ дочерямъ. Дочери спѣшатъ навѣстить родителей, которыхъ иногда не видѣли нѣсколько лѣтъ, и притомъ являются въ сопровожденіи всего своего потомства. Однимъ словомъ, когда въ деревнѣ строится театръ, жители ея могутъ разсчитывать на посѣщеніе, въ теченіе театральнаго періода, всѣхъ родственни-

ковъ—близкихъ и дальнихъ, сосѣдей и знакомыхъ. Любая китайская семья обладаетъ колоссальною роднею всѣхъ степеней, а такъ какъ дома китайцевъ очень тѣсны, то не трудно себѣ представить, какое столпотвореніе возникаетъ въ деревнѣ, когда туда соберется народа въ десять разъ больше, чѣмъ могутъ вмѣстить ея полу-разрушенныя мазанки. Всѣ закоулки наполняются пріѣзжими; тѣ, которымъ не хватило мѣста въ домахъ, размѣщаются какъ попало—въ шалашахъ, загонахъ и въ сараяхъ для скота. Многимъ совсѣмъ не удается найти пріюта, и они располагаются подъ открытымъ небомъ. Положеніе актеровъ, въ случаѣ чрезмѣрнаго скопленія публики, также не изъ пріятныхъ, и бѣдные лицедѣи часто совсѣмъ не находятъ крова. Ко всѣмъ невзгодамъ и хлопотамъ, претерпѣваемымъ хозяевами деревни, пригласившей театръ, слѣдуетъ присоединить расходы на прокормленіе нагрянувшей своры часто непрошенныхъ родственниковъ и знакомыхъ, которые, подобно саранчѣ, расползаются повсюду. Въ числѣ гостей и лицъ разныхъ профессій, незамѣтно проскальзываютъ субъекты небезупречной нравственности, пользующіеся всеобщею суматохою, чтобы стянуть плохо лежащіе предметы. Такова оборотная сторона театральныхъ увеселеній, а потому неудивительно, что самый гостепріимный хозяинъ вздыхаетъ съ облегченіемъ, когда странствующая труппа переноситъ свою дѣятельность въ другое мѣсто.

II.

Хотя архитектура постоянныхъ театровъ сложнѣе, но въ общемъ они построены ненадежно и безъ малѣйшаго намека на художественность. Черепичная кровля поддерживается толстыми столбами, на которыхъ лежатъ стропила; стѣны кирпичныя, иногда обшитыя досками. Въ верхней части театра, вышина коего соотвѣтствуетъ приблизительно нашему двухъ-этажному дому, стѣны замѣнены деревянными рѣшетчатыми окнами, заклеенными дырявою бумагою. Неудачная попытка изобразить бель-этажъ видна въ устройствѣ жидкой деревянной галерейки, обходящей, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ, три стороны зданія. Галерейка раздѣлена перегородками на отдѣльныя помѣщенія въ формѣ широкихъ стойлъ, долженствующихъ изображать ложи. Мѣста здѣсь стоютъ дороже и занимаются публикою почище и женщинами. Ложи имѣютъ только боковыя стѣнки; сторона же противоположная рампѣ ничѣмъ не изолирована отъ прохода, и публика, наполняющая послѣдній, во время спектакля напираетъ на сидя-

щихъ. Въ ложѣ стоятъ узкія, отполированныя временемъ, лавки, на которыхъ могутъ размѣститься человѣкъ десять-двѣнадцать. Каменная или плотно утрамбованная площадь партера уставлена, перпендикулярно сценѣ, такими же лавками, въ перемежку съ длинными столами. Лавки такъ узки и такъ близко придвинуты къ столамъ, что зрители принуждены сидѣть бокомъ, въ полуоборотъ къ сценѣ. Неудобная поза и чрезвычайная тѣснота, не позволяющая двигать членами, повидимому нисколько не чувствительны китайцамъ, они смотрятъ на сцену изрѣдка, въ самые интересные моменты, и выражаютъ одобреніе [1]) громкими вздохами и криками: „хоу! хоу!“ (хорошо).

Свѣтъ въ этотъ театральный сарай проникаетъ черезъ верхнюю часть стѣнъ-оконъ. Воздухъ, благодаря долгому скопленію людской толпы, нечистоплотной и не стѣсняющейся въ своихъ самыхъ интимныхъ отправленіяхъ, чрезвычайно тяжелъ, съ преобладающимъ букетомъ чеснока, вонючаго табака и пота; воздухъ былъ бы нестерпимъ, еслибы не многочисленныя щели и дырки, служащія естественными вентиляторами. Внутренность зданья, скамьи, столы и перегородки до невѣроятности грязны; но особенно непривлекателенъ полъ, густо покрытый всевозможными, никогда не убираемыми отбросами, табачной золой, плевками и шелухой арбузныхъ сѣмечекъ, помогающихъ жителямъ переваривать безконечныя пьесы [2]).

Что сказали бы люди, жалующіеся на длинноту Вагнеровскихъ трилогій, о представленіи, состоящемъ изъ 12 пьесъ, длящемся 6—8 часовъ безъ перерыва, и которое приходится слушать, сидя на жесткой скамьѣ и терпя невыносимую духоту или лютую стужу, смотря по сезону! Для поддержанія силъ, не выходя изъ театра и слѣдовательно не теряя облюбованнаго мѣста, желтокожіе театралы являются съ запасами, которые постепенно истребляютъ, бросая обрѣзки и обрывки пищи на полъ. Въ тѣсныхъ промежуткахъ между скамьями тискаются продавцы жирныхъ пельменей, лапши, фруктовъ, сластей, сѣмечекъ и орѣшковъ. Вся эта снѣдь запивается чаемъ, который непрерывною струею льется изъ чайниковъ въ глотки галдящихъ и жестикулирующихъ зрителей. Гамъ стоитъ невообразимый, и актеры, чтобы быть услышанными, принуждены выкрикивать свои роли.

Сценою служитъ квадратная платформа, на нѣсколько фу-

[1]) Апплодисменты неизвѣстны; поднесеніе букетовъ также не въ обычаѣ; когда актерами очень довольны, имъ дѣлаютъ денежный подарокъ.

[2]) Мѣста въ партерѣ стоютъ отъ 10 до 15 коп. Ложи—по числу мѣстъ—отъ 8 до 5 рублей. Всѣ мѣста ненумерованныя.

товъ возвышающаяся надъ партеромъ. Она ограждена съ трехъ сторонъ низенькими перилами, назначеніе которыхъ—удерживать отъ паденія не въ мѣру увлекающихся или разсѣянныхъ актеровъ. Задняя сторона образуетъ фонъ сцены и въ театрахъ получше состоитъ изъ досчатой стѣнки, съ намалеваннымъ на ней пейзажемъ. По большей же части фонъ сдѣланъ изъ сшитыхъ циновокъ, наготу коихъ иногда прикрываютъ истрепанныя вышивки. Въ задней перегородкѣ имѣются двѣ небольшія двери, завѣшенныя засаленными кусками яркой матеріи; двери служатъ для выхода и ухода артистовъ. О кулисахъ, декораціяхъ, занавѣсѣ и какихъ бы то ни было механическихъ приспособленіяхъ или техническихъ усовершенствованіяхъ китайцы не имѣютъ понятія. Декораціи съ успѣхомъ замѣняются нѣсколькими хромыми и расшатанными стульями, табуретами и столами. При помощи этой скромной мебели, покрываемой во время спектакля вышивками и блинообразными подушками, китайскіе декораторы достигаютъ самыхъ реальныхъ эффектовъ. Когда, напр., нужно изобразить тронъ, на столъ нагромождаютъ стулъ и покрываютъ его кускомъ замызганной матеріи; если требуется гористая мѣстность, стулья просто сваливаются въ кучу, при чемъ ножки и спинки изображаютъ скалы и неровности почвы. Такъ же легко и незатѣйливо импровизируется городская стѣна, мостъ, лодка и другіе предметы. Всѣ метаморфозы производятся на глазахъ публики, грязными слугами и декораторами. Поставивъ декораціи, т.-е. поваливъ стулья или разставивъ ихъ по сторонамъ, прислуживающіе не уходятъ со сцены, а продолжаютъ расхаживать среди актеровъ, разнося чай. Питье чая во время игры—довольно курьезная особенность китайскаго театра: актеръ, выкрикивающій монологъ, на нѣсколько секундъ прерываетъ словоизверженіе, проглатываетъ чашку чая и затѣмъ продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Подобная непринужденность никого не шокируетъ, вѣроятно потому, что всѣ понимаютъ, что безъ частаго увлаженія воспламененнаго отъ крика горла ни одинъ актеръ не въ состояніи былъ бы окончить роль. За перегородкою, служащею фономъ сцены, помѣщается общая уборная, т.-е. по просту площадка, гдѣ свалены бутафорскія принадлежности и ящики съ костюмами; здѣсь, въ ожиданіи выхода, одѣваются и гримируются актеры и статисты. Артисты Небесной Имперіи вѣроятно очень удивились бы, узнавъ, что ихъ западные собратья имѣютъ каждый свою уборную и свой гардеробъ.

Убогость театра, бѣдность и грязь обстановки нѣсколько скрашиваются роскошью, а главное—яркостью костюмовъ. Осо-

бенно эффектны костюмы древнихъ эпохъ, къ которымъ относится большая часть играемыхъ пьесъ. Актеры играютъ въ шолковыхъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ, курмахъ и кацавейкахъ, въ фантастическихъ головныхъ уборахъ съ прикрѣпленными къ нимъ длинными фазаньими перьями. Хламиды второстепенныхъ исполнителей такъ же ярки, но настолько потерты и засалены, что годятся развѣ для корзины тряпичника. Актеры, исполняющіе роли богдыхановъ, божествъ, высшихъ сановниковъ, привидѣній и т. д., появляются въ уродливыхъ маскахъ, съ огромными бородами, въ родѣ мочалы нашихъ балаганныхъ дѣдовъ. Маски военачальниковъ снабжены фантастическими рогами, превращающими доблестныхъ китайскихъ воякъ въ какихъ-то фигляровъ. Лица комедіантовъ, изображающихъ злодѣевъ, разбойниковъ или измѣнниковъ, раскрашены во всѣ цвѣта радуги, но носъ всегда бываетъ оштукатуренъ бѣлою краскою. Нарядъ главныхъ персонажей дополняется атласными или бархатными сапогами на толстѣйшихъ войлочныхъ подошвахъ.

Выходя на сцену, актеръ говоритъ свое имя, докладываетъ, кто онъ такой, что онъ совершилъ и намѣренъ совершить и какія его отношенія къ остальнымъ играющимъ. Участвующіе въ пьесѣ духи и привидѣнія также объявляютъ, кто они такіе—и хорошо дѣлаютъ, ибо по костюму ихъ трудно было бы отличить отъ остальныхъ смертныхъ. Воображенію зрителей приходится дополнять очень многое, только намѣчаемое въ словахъ актеровъ или указываемое въ либретто; о сценической же иллюзіи нѣтъ и помину. Такъ, если по пьесѣ происходитъ убійство, убивающій указываетъ на убиваемаго мечомъ или копьемъ и тотъ убѣгаетъ со сцены, что не мѣшаетъ ему появиться тотчасъ же, только въ другомъ нарядѣ. Если нужно, положимъ, отправить курьера, актеръ, играющій эту роль, дѣлаетъ видъ, что садится на лошадь, беретъ хлыстъ и, помахивая имъ, скачетъ по сценѣ; пробѣжавшись немного, онъ останавливается, опять жестами показываетъ, что слѣзаетъ съ коня и объявляетъ, что прибылъ въ такой-то городъ. Актеры произносятъ роли нараспѣвъ, непремѣнно въ минорномъ тонѣ и подъ аккомпаниментъ музыки. Въ патетическихъ или трагическихъ мѣстахъ речитативъ повышается и переходитъ въ пронзительное визжаніе въ ускоренномъ темпѣ. Для усиленія впечатлѣнія, въ нѣкоторыхъ роляхъ прибѣгаютъ къ чревовѣщанію. Хорошимъ актеромъ почитается тотъ, кто умѣетъ взять вѣрный тонъ, т.-е. издать и продлить съ извѣстными модуляціями звукъ, ласкающій китайскій слухъ. Музыканты, сидящіе въ глубинѣ сцены за столомъ, вторятъ при помощи гонговъ, бубенъ,

колотушекъ и балалаекъ голосамъ играющихъ и, не щадя барабанныхъ перепонокъ слушателей, валяютъ, что называется, во всю ивановскую. Сколько бы ни изощрялся китайскій артистъ, но для европейца, обладающаго хоть небольшимъ музыкальнымъ чутьемъ, звуки, имъ издаваемые, всегда покажутся отвратительною какофоніею.

Вслѣдствіе шума и особаго театральнаго жаргона, актеры, чтобы быть услышанными и понятыми, поднимаютъ голосъ до высочайшаго діапазона и кромѣ того прибѣгаютъ къ выразительной, хоть и не особенно граціозной мимикѣ. Особенно хороша мимика артистовъ, исполняющихъ роли женщинъ. Послѣднія не допускаются на подмостки съ того времени, какъ въ числѣ наложницъ богдыхана Цянъ-луня была актриса. Эти актеры весьма искусно подражаютъ голосу, жестамъ и даже походкѣ китаянокъ. Для большей реальности они втискиваютъ ноги въ миніатюрные женскіе башмаки и прыгаютъ по козлиному. Мимика театральной поступи требуетъ также большого искусства и оставляетъ далеко назади знаменитый шагъ трагиковъ старой школы на Западѣ и игру носкомъ нашихъ фрунтовиковъ. Артистъ, играющій важное лицо, ступаетъ отчеканивая и соразмѣряя каждый шагъ; онъ высоко приподнимаетъ ноги, ухарски вывертываетъ ступни и ударяетъ пяткою одной ноги по колѣнку другой—это называется тигровою поступью. По мѣрѣ увлеченія игрою, шаги его становятся быстрѣе; онъ начинаетъ кривляться, прыгать и кружиться на одной ногѣ, дѣлая необычайныя ужимки и принимая карикатурныя позы, означающія трагизмъ положенія.

Театръ въ Небесной Имперіи, въ виду трудности письменнаго языка и разнообразія провинціальныхъ нарѣчій, могъ бы служить отличнымъ проводникомъ просвѣщенія и здравыхъ понятій и разрушителемъ языческихъ повѣрій и предразсудковъ. Въ дѣйствительности роль его крайне скромна, и если онъ не вредитъ, то несомнѣнно не приноситъ никакой пользы.

Историческія пьесы, составляющія фундаментъ всякаго китайскаго репертуара, содержатъ больше вымысла и драматическихъ эффектовъ, сочиненныхъ самими актерами, чѣмъ правды, и, конечно, не могутъ способствовать распространенію историческихъ знаній въ массѣ. Языкъ этихъ пьесъ напыщенъ, вычуренъ и испещренъ неудобоваримыми метафорами. Пьесы изъ современной жизни—смѣсь комедіи съ фарсомъ—пользуются большою популярностью среди простого народа; образованные же китайцы считаютъ ниже своего литературнаго вкуса и ученаго достоинства присутствовать на ихъ представленіи. Между тѣмъ, если что во

всей китайской драматургіи заслуживаетъ названія пьесъ, такъ это именно подобныя произведенія, содержащія иногда характерныя бытовыя особенности. Языкъ проще и понятнѣе, и хотя интрига этихъ комедій крайне первобытна и слаба, но попадаются положенія, не лишенныя глубокаго жизненнаго смысла и юмора. Въ фарсахъ дѣйствуютъ клоуны и паяцы, забавляющіе неприхотливую публику тяжеловѣсными остротами, кувырканьемъ и хожденіемъ колесомъ. У желтокожихъ имѣется большой репертуаръ пьесъ скабрёзнаго свойства. Легкія двусмысленности и каламбуры французскихъ комедій того же жанра замѣнены здѣсь сальностями и далеко не двусмысленною мимикою, не говорящею въ пользу китайской нравственности. Такого рода клубничныя пьесы даются подъ конецъ дневной программы и составляютъ дессертъ любителей. Китайцамъ извѣстенъ также театръ маріонетокъ. Китайскія куколки только значительно честолюбивѣе нашихъ; не довольствуясь несложнымъ репертуаромъ французскаго Гиньоля или нашего Петрушки, онѣ разыгрываютъ историческія драмы. Въ техническомъ отношеніи эти маріонетки значительно хуже изготовляемыхъ на Западѣ.

Изъ нижеслѣдующихъ отрывковъ читатель можетъ составить себѣ понятіе о китайскихъ историческихъ пьесахъ.

Пьеса, озаглавленная „Трясеніе золотой вѣтки“, была представлена въ 1892 г. [1]) въ Тянцзинѣ, во время праздника, устроеннаго европейскою колоніею въ честь маститаго вице-короля джилійской провинціи Ли-хунъ-чжана, по случаю достиженія имъ 70-лѣтняго возраста.

Предполагается, что сцена изображаетъ внутренность императорскаго дворца.

Императоръ (за сценою). Приготовьте телѣгу!

Евнухи. Вниманіе!

Входитъ его величество и говоритъ речитативомъ подъ аккомпаниментъ музыки: „Золотая ворона поднимается на востокѣ, а яшмовый заяцъ прячется. Глубоко-звучный колоколъ призываетъ меня къ ежедневнымъ обязанностямъ. Великія бѣдствія постигли танскую династію и много несчастія перенесла она, благодаря Янъ-гуей-фею. Анъ-люшанъ поднялъ знамя возстанія на востокѣ, въ то время какъ воинственные люди, осаждавшіе Шанъ-ань, грозили императорской власти“...

Дальнѣйшій монологъ состоитъ изъ перечисленія историче-

[1]) Сочиненная во времена Танской династіи—въ IX—X вѣкѣ нашей эры.

скихъ событій; подъ конецъ рѣчи императоръ радуется, что насталъ миръ.

(Входитъ императрица.)

Императрица. Я покинула свой дворецъ, чтобы видѣть ваше величество. Пусть мой властелинъ живетъ вѣчно.

Императоръ. Приблизься.

Императрица. Привѣтъ тебѣ, Вѣчный!

Императоръ. Садись.

Императрица. Благодарю, ваше величество.

Императоръ. По какому дѣлу ты пришла?

Императрица. Го-ай разсердился и побилъ мое дитя; пусть мой властелинъ разсудитъ это дѣло.

Императоръ приказываетъ позвать принцессу (свою дочь) и спрашиваетъ, почему ее побилъ мужъ.

Принцесса. Отецъ государь и мать государыня, позвольте мнѣ говорить, и я все вамъ скажу. Мой грубый мужъ поступилъ со мною слѣдующимъ образомъ. Послѣ буйнаго бражничанья онъ вернулся во дворецъ въ нетрезвомъ видѣ и безъ всякой причины меня побилъ. Онъ меня не допрашивалъ, а только колотилъ кулаками и толкалъ. Онъ говорилъ, что землями и обширными владѣніями мой отецъ обязанъ ему, его ранамъ и трудамъ. Обругавъ и открыто опозоривъ, онъ меня выгналъ, а самъ призвалъ новую фаворитку...

Послѣ краткаго діалога между императоромъ и его супругою, которая проситъ подвергнуть зятя наказанію, его величество приказываетъ позвать отца послѣдняго Го-цзу-и.

Входятъ Го-цзу-и и его сынъ Го-ай—мужъ принцессы (съ связанными руками и въ сопровожденіи стражи). Отецъ обращается къ сыну и въ патетическихъ выраженіяхъ вспоминаетъ, какъ императоръ, въ награду за совершенные имъ военные подвиги, наградилъ его сына, давъ послѣднему въ жены родную дочь; затѣмъ онъ упрекаетъ Го-ая за то, что тотъ осмѣлился поднять руку на принцессу.

Го-ай. Отецъ, не укоряй меня; позволь объяснить. Это былъ день твоего рожденія, и я, побуждаемый любовью и долгомъ, долженъ былъ поклониться тебѣ. Всѣ живущіе во дворцѣ явились къ тебѣ въ парахъ, только я пришелъ одинъ. Моя супруга сидѣла во дворцѣ и изъ-за гордости своей не почтила моего отца и мою мать. Хотя жена моя—яшмовый листъ на золотой вѣткѣ, но меня ослѣпилъ гнѣвъ, и я ее побилъ. Ты знаешь теперь истину, и если его величество находитъ, что я виноватъ, то пусть онъ выберетъ дочери своей другого мужа по ея вкусу.

Затѣмъ слѣдуетъ оживленный діалогъ между отцомъ провинившагося — Го-цзу-и — и императоромъ; первый утверждаетъ, что его сынъ достоинъ смерти, но императоръ склоненъ къ милости. Онъ приказываетъ развязать руки Го-аю и надѣть на него придворное платье, послѣ чего приступаетъ къ допросу.

Императоръ. Подойди. Ты и дочь наша поссорились; изъ-за чего?

Го-ай. Я объясню.

Императоръ. Говори.

Го-ай. Вашъ слуга слышалъ, что Яо и Шунь [1]) установили въ мірѣ порядокъ посредствомъ сыновняго благочестія, а Ци и Чжоу [2]), благодаря самомнѣнію, утратили престолъ. Я, милостью вашего величества, получилъ въ жены принцессу и сталъ зятемъ Вѣчнаго (императора); я обязанъ ему болѣе, чѣмъ жизнью. Но со дня свадьбы „красный фонарь“ [3]) часто висѣлъ надъ дворцовыми воротами, и я могъ входить лишь по спеціальному разрѣшенію; только послѣ многихъ церемоній дозволялось мнѣ цѣловать свою жену...

Императоръ. Принцесса была виновата. Теперь выслушай мой приказъ. Красный фонарь не будетъ вывѣшиваться болѣе, и ты получишь возможность проходить свободно. Продолжай.

Го-ай объясняетъ, что жена не поздравила его родителя съ днемъ рожденья, и что такое пренебреженіе очень его огорчило. Императоръ находитъ, что принцесса поступила дурно, послѣ чего обращается къ Го-цзу-и.

Императоръ. Я слышу слова твоего сына и радуюсь, что онъ знакомъ съ тройными обязанностями и съ пятью добродѣтелями. Величайшее счастье вѣрнаго министра—заслужить одобреніе и угодить своему государю. Вчера эти слова оправдались на тебѣ: поздравить тебя съ преклоннымъ возрастомъ пришли семь сыновей и восемь дочерей — сыновья съ женами и дочери съ мужьями. Я не удивляюсь, что сердце сына твоего опечалилось, когда онъ одинъ не могъ привести жены. Братъ, возвращайся во дворецъ,—твой сынъ и принцесса уладятъ дѣло.

Го-цзу-и. Благодарю Вѣчнаго. Благородный и всезнающій монархъ сказалъ, что онъ думаетъ, и я ухожу довольный. Велика его доброта. Пусть небо даруетъ ему счастье! (Уходитъ.)

Императоръ. Го-ай, приблизься и выслушай мои приказанія, ибо пріятно найти вѣрнаго министра и исполняющаго долгъ сына. Всякій великій и добрый мужъ есть защита трона. Твой

---

[1]) Легендарные императоры.

[2]) Императоры Чжоуской династіи (1122 по 255 г. до Р. Х.).

[3]) Знакъ, что Го-аю не разрѣшалось входить въ покои принцессы.

отецъ во многихъ кровавыхъ битвахъ доказалъ свою доблесть, а монархи издревле награждаютъ вѣрность. Я дѣлаю тебя княземъ, также какъ и твоего отца; когда одинъ человѣкъ добръ, весь міръ дѣлается лучше. Теперь ты мой сынъ, мужъ моей дочери, и я не буду обращать вниманія на пустые недостатки. Ты вернулся домой не въ своемъ видѣ, но въ молодыхъ годахъ это пустяки. Имѣй впредь больше терпѣнія и пусть ваши мелкія дрязги до меня не доходятъ. Я жалую тебѣ темно-красное платье, атласную ермолку, драгоцѣнный поясъ и все нужное для твоего ранга...

Прибавивъ еще нѣсколько милостивыхъ словъ, императоръ отпускаетъ Го-ая и призываетъ принцессу, укоряетъ ее въ недостаткѣ почтительности къ родному мужа и приказываетъ отправиться къ нимъ на поклонъ и отвезти подарки.

Пьеса заканчивается восклицаніемъ императора: „Я облагодѣтельствовалъ отца и сына, и они будутъ мнѣ вѣрны“.

Другая пьеса—по роду, комедія—написана болѣе простымъ языкомъ и рисуетъ не столь возвышенныя сферы. Въ ней замѣтно больше дѣйствія и сюжетъ ея интереснѣе. Пьеса называется: „Дворъ чернаго дракона“ [1]). Въ виду множества повтореній и ненужныхъ плеоназмовъ, безъ толку удлиняющихъ пьесу, здѣсь приводятся только сокращенныя выдержки.

Дѣйствующія лица: *Чжанъ-вэнь-юань* — писарь, служащій въ ямынѣ; въ пьесѣ онъ названъ шутомъ, ибо исполняетъ комическую роль.

Янь-по-си — гетера, находящаяся на содержаніи у старика *Сунъ-гунъ-мина*; она обманываетъ его вмѣстѣ съ Чжанъ-вэнь-юанемъ — шутомъ.

СЦЕНА 1-ая.

Шутъ (выходитъ и говоритъ речитативомъ): Вино не опьяняетъ человѣка, а человѣкъ самъ напивается имъ. Сладострастіе не ослѣпляетъ человѣка, но человѣкъ самъ теряетъ отъ него разсудокъ. Пьяница бѣденъ, но не ропщетъ; похотливый не спитъ цѣлую ночь напролетъ, заботясь о томъ, чтобы передъ глазами его чередовались наслажденія. Что думать о томъ, что будешь долго бѣдствовать! Меня зовутъ Чжанъ-вэнь-юань; сегодня учи-

[1]) Названіе загороднаго дома.

тель не пришелъ въ ямынь, и я могу отправиться въ сѣверный теремъ попить и повеселиться съ Янь-по-си...

Продолжая пѣть, шутъ направляется къ жилищу Янь-по-си, т.-е. дѣлаетъ нѣсколько круговъ по сценѣ и останавливается передъ названною особою, которая въ это время успѣла выйти изъ-за кулисъ.

Янь-по-си (поетъ) [1]): Янь-по-си какъ разъ въ это время сидѣла въ сѣверномъ теремѣ и слышитъ у дверей чей-то голосъ. Воткнула иголку, свернула нитки и пошла поглядѣть, кто пришелъ. Если пришелъ третій братецъ (шутъ), поведу его въ теремъ и вдоволь съ нимъ намилуюсь. Если же это Гунъ-минъ (содержатель), то и его поведу въ теремъ, но сегодня же ночью разойдусь съ нимъ.

Слѣдуетъ любовный дуэтъ между шутомъ и Янь-по-си; послѣдняя предостерегаетъ своего любовника противъ Сунъ-гунъ-мина, говоря: „хотя онъ не волкъ и не тигръ, но у людей, при видѣ его, болитъ голова".

Шутъ. Конечно, ты боишься его, но будь ты честною женщиною, онъ бы на тебѣ женился.

Янь-по-си. Я опасаюсь, что третій братецъ лживъ; боюсь, что онъ двоедушенъ!

Шутъ. Чжанъ-вэнь-юань становится на колѣни и, обратившись къ вѣчному небу, клянется, что если онъ двоедушенъ, то пусть живымъ будетъ увлеченъ въ городъ тѣней.

Янь-по-си. Слыша клятву третьяго братца, убѣждаюсь, что онъ чистосердеченъ. Поднимаю колѣнопреклоненнаго Чжанъ-вэнь-юаня и на кровати изъ слоновой кости выражаю ему свои чувства, наливаю ему въ чашку вина и прошу выпить.

СЦЕНА 2-я.

Пока названныя лица выражаютъ взаимную любовь, является неожиданно оффиціальный содержатель Сунъ-гунъ-минъ и стучитъ въ дверь. Янь-по-си прячетъ своего возлюбленнаго подъ кровать, а сама идетъ отворить Сунъ-гунъ-мину. Тотъ спрашиваетъ, что она дѣлала въ его отсутствіе. Янь-по-си рѣзко отвѣчаетъ, что шила туфли въ подарокъ экономкѣ, и, несмотря на просьбу Сунъ-гунъ-мина, не хочетъ ихъ показать. Сунъ-гунъ-минъ начинаетъ сердиться и спрашиваетъ—справедливы ли слухи о томъ,

[1]) Всѣ три дѣйствующія лица почти цѣликомъ поютъ свои роли.

что она вступила въ связь съ Чжанъ-вэнь-юанемъ? Янь-по-си говоритъ, что это клевета.

Сунъ-гунъ-минъ. Я только слышалъ объ этомъ, но еслибы видѣлъ, то поломалъ бы тебѣ кости, разорвалъ бы мускулы. Чжанъ-вэнь-юань — мой подчиненный; днемъ онъ въ ямынѣ переписываетъ для меня бумаги, ночью же стелетъ мнѣ постель. Вспомни, какъ ты прежде бѣдствовала? Ты вѣдь не уроженка уѣзда Юнъ-чэнъ-сяни, а жила въ провинціи Шаньси. Я знаю твое происхожденіе: предки твои—черепахи [1]), живущія въ рѣкѣ. Твой первый предокъ черепаха, а второй предокъ — уличный музыкантъ. Отецъ твой таскалъ на себѣ барабанъ, а мать носила гусли. Въ то время въ уѣздѣ Хунъ-шунъ-сянь была сильная засуха; три года не собирали жатвы. Трудно приходилось твоему семейству; оно явилось въ нашъ Юнь-чэнъ и, не имѣя пристанища, поселилось въ кумирнѣ Гуань-вана. Отецъ твой на большихъ улицахъ продавалъ воду, а мать занималась штопаньемъ. Въ VI лунѣ началось повѣтріе; кто могъ знать, что твой отецъ умретъ. У васъ не было денегъ, чтобы купить гробъ и похоронить умершаго. Въ то время вы обѣ очутились въ безвыходномъ положеніи; ты воткнула себѣ въ волоса траву и продавала свое тѣло, но не находила покупателей. Я, Сунъ-гунъ-минъ, находился тогда въ сѣверномъ теремѣ, поджидая друзей. Узнавъ о вашемъ положеніи, я тигровыми шагами спустился изъ сѣвернаго терема. Когда я шелъ по улицѣ, мать твоя остановила меня словами: „господинъ, пожертвуй пять ланъ [2]), свою Янь-по-си желаю я выдать за тебя“. Я далъ ровнехонько 10 ланъ и оставилъ тебя, суку, въ своемъ домѣ...

Сунъ-гунъ-минъ продолжаетъ перечислять благодѣянія, оказанныя имъ Янь-по-си, упрекаетъ ее въ неблагодарности и говоритъ, что она его не любитъ.

Янь-по-си прибѣгаетъ къ обычной женской тактикѣ, сама нападаетъ на своего содержателя, укоряетъ его въ грубомъ обращеніи и проситъ ее отпустить, такъ какъ она не подходитъ къ его характеру и вкусамъ. „Слышу на дозорной башнѣ пробили третью стражу, и я снова разговариваю съ Сунъ-гунъ-миномъ. Если ты придешь еще разъ въ У-лунъ-юань (дворъ чернаго дракона), то Янь-по-си покинетъ Юнь-чэнъ, пойдетъ бродить по бѣлу свѣту, держа чашку. Гдѣ же желтая земля не засыплетъ меня, если я умру? Я хочу покинуть Юнь-чэнскій уѣздъ и по-

[1]) Бранное слово у китайцевъ; собственно, черепашье яйцо—потомокъ распутной женщины.

[2]) Около 11 рублей.

добно блестящей птицѣ выпорхнуть изъ клѣтки. Блестящая птица выпорхнетъ изъ клѣтки и возвратится въ свой родной лѣсъ"...

Сунъ-гунъ-минъ отвѣчаетъ, что онъ помѣшаетъ уходу Янь-по-си, разыщетъ ее и вернетъ обратно. „Стоитъ лишь истратить листъ бумаги, и тебя, рабыню, вернутъ въ Юнь-чэнъ. Если ты, рабыня, не вѣришь, то побьемся объ закладъ. Ты извѣдаешь— чудесно ли мое средство. Сунъ-гунъ-минъ сидитъ въ сѣверномъ теремѣ и слышитъ, что на дозорной башнѣ пробили пятую стражу. Онъ спускается изъ терема; въ ямынѣ есть спѣшное дѣло". (Уходитъ.)

Янь-по-си. Увидѣвъ, что Сунъ-гунъ-минъ ушелъ, Янь-по-си радуется въ сердцѣ своемъ. Изъ-подъ кровати вытаскиваетъ Чжанъ-вэнь-юаня. Изъ сѣвернаго терема ушелъ Сунъ-гунъ-минъ. Шутъ и Янь-по-си вмѣстѣ...

Шутъ. Напугалъ онъ меня до смерти.

III.

Возникновеніе музыки китайцы относятъ къ временамъ богдыхана Хуанъ-Ди (2697 г. до Р. Х.). Легенда передаетъ, что приближенный этого монарха, заслушавшись пѣнія перекликавшихся фениксовъ—самца и самки—и стараясь повторить эти звуки, вырѣзалъ свирѣль, которая явилась такимъ образомъ первымъ китайскимъ музыкальнымъ инструментомъ. О дальнѣйшемъ ходѣ развитія музыкальнаго искусства сохранились сбивчивыя и недостовѣрныя свидѣтельства. Извѣстно, что задолго до Конфуція музыка высоко цѣнилась китайцами и входила въ программу образованія. Конфуцій еще болѣе возвысилъ значеніе музыки, признавъ ее элементомъ государственной жизни и важнымъ общественнымъ факторомъ. Онъ полагалъ, что музыка смягчаетъ нравы, способствуетъ установленію гармоніи между управляющими и управляемыми и сглаживаетъ отношенія между разными классами общества.

Хотя теорія китайской музыки знаетъ восьмитонную октаву, но на практикѣ пользуются только пятью тонами, соотвѣтствующими нашимъ mi, sol, la, do и re. Хроматическая гамма, а слѣдовательно бемоли и діезы неизвѣстны китайскимъ музыкантамъ. Каждый изъ пяти тоновъ отвѣчаетъ, по убѣжденію китайскихъ меломановъ, звуку, издаваемому какимъ-нибудь животнымъ. Кромѣ того, съ идеею о тонахъ въ китайскомъ умѣ связано представленіе о различныхъ предметахъ и отвлеченныхъ понятіяхъ, не

имѣющихъ, повидимому, никакого отношенія къ звукамъ. Такъ, нота mi есть растительное, символъ ея—подданный, природа ея—любовь, цвѣтъ—зеленый, звукъ ея осторожный, подобный шороху, производимому фазаномъ, порхающимъ съ вѣтки на вѣтку. Sol есть вода, символъ ея—дѣло, вкусъ—горькій, цвѣтъ—красный, длинна ея равна 54, звукъ—тягучій и рѣзкій, какъ визгъ свиньи. Нота la имѣетъ соленый вкусъ, черный цвѣтъ и обращена къ сѣверу; звукъ ея похожъ на ржанье коня въ пустынѣ. Do есть земля, символъ ея—князь, цвѣтъ—желтый, положеніе центральное, звукъ—въ родѣ мычанія коровы. Символъ ноты re есть министръ, природа ея—прямизна, вкусъ—острый, звукъ напоминаетъ блеяніе овцы, отставшей отъ стада. Означенныя ноты, кромѣ того, соотвѣтствуютъ сущности планетъ, элементамъ на землѣ и пяти органамъ человѣка. Слушая ноту do, испытываешь состояніе простора и удобства; слушая re, испытываешь чувство справедливости; mi вызываетъ милосердіе и любовь; sol внушаетъ желаніе дѣлать добро; la заставляетъ думать о религіи.

Подобныя паралелли, сравненія и сближенія, сдѣланныя очевидно произвольно, должны показаться намъ совершеннымъ безсмысліемъ; китайцы же придаютъ имъ глубокое значеніе, находя, что благодаря этому искусство Эвтерпы (муза музыки) получаетъ болѣе осмысленное содержаніе и осязательную форму. Впрочемъ и на Западѣ существуетъ музыкальная теорія, сторонники которой находятъ соотвѣтствіе между звукомъ и цвѣтомъ.

Во время Сунской династіи (960—1126 г.) вошла въ употребленіе существующая нынѣ нотація. Благодаря несовершенству изобрѣтеннаго іероглифическаго способа изображенія нотъ, пришлось для каждаго музыкальнаго инструмента придумывать особыя ноты. Послѣднія таковы, что даже опытные артисты не могутъ читать à livre ouvert, а должны предварительно ознакомиться съ мотивомъ и уже съ помощью слуха доискиваться звукового значенія іероглифовъ. Іероглифы простыхъ нотъ для пѣнія пишутся вертикальными столбцами, съ указаніями на высоту тона, на паузы и на время, въ которое нужно выдерживать данную ноту. Въ нотахъ, написанныхъ для струнныхъ инструментовъ, къ нотнымъ знакамъ прибавляются іероглифы, обозначающіе глаголы: „щелкать, зацѣплять, нажимать“, наглядно указывающіе на роль пальцевъ. Кромѣ того, около каждой ноты сгруппированъ рядъ іероглифовъ дополнительныхъ, показывающихъ, какъ ее нужно брать—отрывисто или протяжно. Для обозначенія нотъ второй октавы пользуются особыми каракулями или же ставится іероглифъ „жень“ (человѣкъ). Счетъ во время игры употребляется только простой.

О контрапунктѣ, appogiatur'ѣ, scherzo, diminuendo, portamento и иныхъ значкахъ, придающихъ выразительность и гармоничность европейской музыкѣ, китайскіе композиторы и артисты и не слыхивали. Изъ музыкальныхъ оттѣнковъ имъ извѣстны развѣ fortissimo и pianissimo—безъ посредствующихъ степеней. Мотивы китайцевъ не имѣютъ опредѣленнаго ключа, колеблясь между скрипичнымъ и басовымъ, а потому требуютъ хорошей памяти и привычнаго слуха. Мужчины не умѣютъ пѣть ни басомъ, ни теноромъ, а женщины—контральто; настоящій, считаемый истинно пѣвучимъ и единственно признаваемый желтокожими пѣвцами голосъ, есть фальцетъ. Когда китайскій виртуозъ показываетъ свое умѣнье въ искусствѣ пѣнія, слышится нѣчто среднее между писком и воемъ, поперемѣнно съ густыми носовыми модуляціями, внезапно прерываемыми пронзительнымъ визгомъ.

Несмотря на скудость музыкальныхъ познаній китайцевъ, музыка не можетъ почитать себя обиженною и заброшенною, подобно театральному искусству. Музыкальная литература чрезвычайно обширна; въ ней имѣется описаніе 72 музыкальныхъ инструментовъ, въ томъ числѣ 17 сортовъ однихъ барабановъ. Вообще барабанъ пользуется особенными симпатіями гражданъ Небесной Имперіи; такъ, еще въ 860 г. нашей эры былъ изданъ трактатъ, содержащій 129 барабанныхъ симфоній. Музыкальность китайцевъ, въ смыслѣ любви къ звукамъ, проявляется повсюду и постоянно. Когда китаецъ не спитъ, не ѣстъ или не говоритъ о деньгахъ, онъ мурлыкаетъ ухо-щемящимъ фальцетомъ какую-нибудь пѣсню. Пѣніе есть непремѣнный аккомпаниментъ всякой работы—одиночной и артельной. Поютъ бурлаки, тянущіе лямку; куліи, вбивающіе сваи или поднимающіе тяжесть, оглашаютъ воздухъ заунывнымъ и однообразнымъ припѣвомъ; поютъ нищіе, стаями бродящіе по городскимъ улицамъ; странствующія артели слѣпцовъ распѣваютъ былины и преданія; разносчики привлекаютъ вниманіе покупателей разнообразными окриками инструментовъ—трубъ, литавръ, трещетокъ, барабановъ. Усталый путникъ, остановившійся на постояломъ дворѣ, вѣроятно не найдетъ въ немъ самаго необходимаго, но зато будетъ имѣть возможность усладить слухъ свой балладами и шансонетками, распѣваемыми пѣвичками не особенно строгой нравственности. Пѣніе и музыка составляютъ непремѣнный аттрибутъ служенія въ кумирняхъ всѣхъ наименованій; процессіи и церемоніи также не обходятся безъ пѣнія и безъ оркестра. Общее впечатлѣніе пѣнія хошановъ и даосовъ [1])—фальшивость и нестройность, заглушаемыя по време-

[1]) Монахи буддистскаго и даосскаго толковъ.

намъ усердным битіемъ въ гонги, барабаны и деревянныя колотушки. Самымъ совершеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ древнимъ струннымъ инструментомъ считается цинь (лютня). Названіе это производится отъ слова цинь—запрещать, задерживать, ибо, по мнѣнію китайцевъ, игра на лютнѣ сдерживаетъ дурныя страсти. Устройство циня довольно оригинально: на скрипичномъ остовѣ натянуто семь струнъ изъ крученаго шолка (для струнъ китайцы употребляютъ только шолкъ и мѣдную проволоку), проходящихъ надъ 13 кобылками, укрѣпленными на широкомъ концѣ, съ неравными между ними промежутками. Лютня настроивается по средней нотѣ, соотвѣтствующей скрипичному la, а остальныя струны настроиваются такъ, чтобы образовался мажорный тонъ, средній меньшій минорной терціи и мажорный тонъ въ квинтѣ. Полутоны пропускаются совсѣмъ. Играютъ на цинѣ проводя по струнамъ пальцами лѣвой руки. Изъ другихъ, наиболѣе распространенныхъ струнныхъ инструментовъ можно назвать „пипу". Это небольшая четырехструнная скрипка въ формѣ половинки тыквы. „Юэ-цинь" (полнолунная скрипка) есть видъ пипы; она имѣетъ четыре струны, выпуклый, круглый остовъ и короткую шейку. Санъ-цинь—тоже родъ скрипки, только трехструнной; остовъ санъ-циня, обтянутый змѣиною кожею, имѣетъ цилиндрическую форму. Кромѣ того встрѣчаются разнообразныя двухструнныя балалайки съ остовами изъ бамбука или изъ половинки скорлупы кокосоваго орѣха. Такъ какъ струны расположены очень близко, а тетива смычка проходитъ между ними (смычокъ и скрипка составляютъ одно цѣлое), то игра на такомъ инструментѣ можетъ назваться ужъ не искусствомъ, а музыкальною эксцентрикою.

Коллекція китайскихъ духовыхъ инструментовъ, пожалуй, богаче струнныхъ. Китайцамъ издревле извѣстна флейта (ди-цзы), длинная бамбуковая дудка съ десятью дырочками, издающая пронзительный и непріятный звукъ. Кларнетъ (шу-ди) имѣетъ семь дырочекъ и тоненькую тростниковую трубочку для рта; виртуозы умудряются играть на этомъ инструментѣ носомъ, вставляя трубочку въ ноздрю и закрывая другую пальцемъ. Духовой инструментъ болѣе сложной конструкціи есть санъ—конусообразный ящикъ, а то просто тыква съ вставленными въ нее свирѣлями, снабженными клапанами. Для игры на этомъ зародышѣ органа дуютъ въ спеціальную боковую трубку, придерживая клапаны пальцами. Хотя трубы и рога сыновъ Небесной Имперіи довольно разнообразны по формѣ и по устройству, но не отличаются гармоничностью. Они издаютъ либо глухой, либо рѣзкій гулъ, мало напоминающій звонкій, воинственный голосъ мѣдныхъ инстру-

ментовъ Европы. Длинныя трубы, видомъ напоминающія колоссальные клистиры, употребляются во время процессій, похоронныхъ и свадебныхъ. Сторожа и солдаты, при исполненіи сторожевыхъ обязанностей, пользуются большими морскими раковинами, съ какими обыкновенно изображаются чудовища и сирены свиты Посейдона.

Въ классическихъ книгахъ упоминается инструментъ, состоявшій изъ повѣшенныхъ на шнуркѣ 16-ти продолговатыхъ, плоскихъ камней; играли на немъ ударяя по этимъ оригинальнымъ клавишамъ молоточками. Музыкальный инструментъ богдыхана имѣлъ, вмѣсто простыхъ камней, отполированные куски яшмы. Самый популярный музыкальный инструментъ гражданъ Небесной Имперіи есть безспорно гонгъ (ло), составляющій непремѣнную принадлежность всякаго оркестра. Ни одна кумирня не обходится безъ гонга. Онъ имѣетъ также оффиціальное значеніе: выѣздъ изъ дому и прибытіе даженя [1]) (великій человѣкъ) возвѣщается громомъ гонга. Къ гонгу прибѣгаютъ для обозначенія пункта, гдѣ вспыхнулъ пожаръ. Звуку гонга приписывается свойство устрашать и изгонять злыхъ духовъ, почему въ него колотятъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, напримѣръ для прекращенія солнечнаго затмѣнія, при новогоднемъ изгнаніи чертей изъ домовъ и городовъ. Къ семьѣ гонговъ можно причислить барабаны разнообразныхъ формъ и величинъ и деревянныя рыбы съ пустотою внутри.

Несмотря на то, что колоколъ появился позже струнныхъ инструментовъ, онъ можетъ претендовать на вполнѣ національное происхожденіе. Китайскій колоколъ не имѣетъ языка, и для извлеченія звука ударяютъ палкою съ наконечникомъ по наружной оболочкѣ. Древніе колокола имѣли четырехгранную форму, новѣйшіе же отливаются круглыми. Одинъ изъ крупнѣйшихъ экземпляровъ находится въ кумирнѣ Да-джунъ-сы около Пекина,—онъ вѣситъ около 60 тоннъ. Другой крупный колоколъ виситъ въ большой башнѣ въ Кантонѣ. Этотъ колоколъ пребываетъ въ постоянномъ молчаніи, благодаря существованію повѣрья, что звонъ его всегда сопровождался какимъ-нибудь бѣдствіемъ.

Въ музыкѣ, какъ и во всемъ прочемъ, китайцы и европейцы—совершенные антиподы. Музыкальный эклектизмъ Запада, съ его неистощимымъ богатствомъ самыхъ разнообразныхъ жанровъ, китайцамъ совершенно чуждъ. Они любятъ и признаютъ только свою музыку и готовы по часамъ слушать жалкій оркестръ, из-

[1]) Общее названіе высшихъ чиновниковъ.

дающій диссонансы, съ которыми не можетъ сравниться никакое мяуканье влюбленныхъ кошекъ. Музыка европейцевъ кажется желтокожимъ меломанамъ варварскою какофоніею. Презрительное отношеніе къ нашей музыкѣ не мѣшаетъ китайцамъ усвоивать себѣ европейскія ноты. Во многихъ портовыхъ городахъ и въ Пекинѣ имѣются китайскіе духовые оркестры, играющіе подъ управленіемъ иностранныхъ капельмейстеровъ европейскія пьесы. Хотя въ игрѣ китайскихъ музыкантовъ чувствуется нѣкоторая деревянность, но въ общемъ хорошо сыгравшійся оркестръ производитъ довольно благопріятное впечатлѣніе.

И. Коростовецъ.

Пекинъ.

МЕЧТЫ

Посвящается Н. А. Живчужниковой.

Я въ городскомъ теперь плѣну,
Пока холодный вѣтеръ дуетъ;
Но счастье сельскую весну
Прожить еще хотя бъ одну
Меня, надѣюсь, не минуетъ.

А вѣдь за нѣжною весной
И лѣто красное настанетъ...
И живо здѣсь передо мной
Тотъ край рисуется родной,
И такъ меня въ деревню тянетъ.

Покуда я мечтой слѣжу
За всѣмъ, что въ день пріѣзда будетъ:
Вотъ—миновавъ мою межу,
Какъ все я милымъ нахожу!
Какъ все въ душѣ веселость будитъ!

Мнѣ все хозяйство на виду,
Когда, межъ нивъ, равниной ѣду;
И если встрѣчу гдѣ бѣду,
То крѣпко правило блюду,
Чтобъ не завидовать сосѣду.

А вотъ—и роща, и гумно;
Вотъ вижу дома половину...

Ужъ близко все, что мнѣ родно;
Я полетѣлъ туда бы, но—
Спускаюсь шагомъ на плотину.

Мечтанья старцамъ не къ лицу...
Что жъ дѣлать! Все-таки мечтаю
О томъ, какъ путь пришелъ къ концу,
И я торжественно къ крыльцу
На рѣзвой тройкѣ подъѣзжаю;

Какъ тутъ взгляну на старый садъ;
А на меня черезъ ограду,
Тѣснясь, деревья ужъ глядятъ,—
Свой шумъ, и тѣнь, и ароматъ
За мой пріѣздъ суля въ награду;

И какъ, вступя въ мой старый домъ,
Замокъ у первой двери трону,
Скорѣй войти туда влекомъ,
Гдѣ Богоматери съ Христомъ
Увижу старую икону.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Апрѣль. — Москва.

КАКЪ ЖЕНИЛСЯ ДЯДЯ МАРТЫНЪ

Изъ швейцарскихъ нравовъ.

I.

Если взглянуть на карту Швейцаріи, то на западѣ представятся намъ двѣ длинныя параллельныя цѣпи Юры, образующія границу между Франціей и Швейцаріей. Цѣпи эти, увѣнчанныя въ своихъ высшихъ точкахъ вершинами Кредо, Тандра, Доля, тянутся на сѣверо-востокъ Швейцаріи, къ Невшателю, постепенно понижаются, распадаясь на незначительные отроги, и затѣмъ переходятъ въ равнину. Невдалекѣ отъ французской границы, между рядами хмурыхъ темно-синихъ горъ и острыхъ обнаженныхъ пиковъ, бурлитъ и пѣнится быстрая горная рѣчка Орбъ. То пропадая въ скалистыхъ расщелинахъ, то снова вырываясь на свободу и сверкая прихотливыми извивами на сѣромъ каменистомъ руслѣ лощинъ, Орбъ мчится на всемъ протяженіи Юры и впадаетъ въ Невшательское озеро.

По лѣвую сторону Орба, на одномъ изъ крутыхъ зеленыхъ пригорковъ южнаго склона, раскинулся красивый и чистенькій швейцарскій городокъ Жу. На окаймленной подстриженными развѣсистыми платанами набережной два-три кафе, съ садиками и стеклянными верандами, повисли надъ самой рѣкой; выше, въ перемежку съ рядами стройныхъ пирамидальныхъ тополей, тѣснятся амфитеатромъ группы домиковъ съ пологими черепичными крышами; а еще выше выглядываетъ церковный готическій шпицъ... Такъ и кажется, что все это вотъ-вотъ сползетъ съ пригорка и рухнетъ въ пѣнистыя сѣро-голубыя волны рѣки... Но городокъ красуется благополучно уже многіе десятки лѣтъ и только ро-

стетъ съ каждымъ годомъ и въ высь, и въ ширь. Когда-то горсть бѣдныхъ обездоленныхъ переселенцевъ жалась здѣсь въ своихъ игрушечныхъ хижинахъ, отрѣзанная неприступными горами отъ всего остального міра, и боролась на жизнь и на смерть съ суровымъ геніемъ природы. Снѣжныя лавины, горные потоки, непроходимая чаща лѣсовъ, безплодность каменистой почвы — все, казалось, было противъ нихъ, стремилось обезсилить ихъ, стереть съ лица земли... Но они любили свою новую родину, вѣрили въ несокрушимую силу труда и терпѣнія и вливали эту вѣру въ своихъ дѣтей и внуковъ... Кучка хижинъ превратилась въ городокъ, изъ неприступныхъ горныхъ дебрей образовался веселый безопасный склонъ, а каменистыя ребра горы покрылись, почти до самыхъ облаковъ, нѣжною зеленью виноградниковъ... Теперь благополучные граждане Жу гордо и самодовольно владычествуютъ надъ покоренною природой, имѣютъ обширную городскую школу, соборъ въ готическомъ стилѣ, телеграфъ, телефонъ и даже собственную газету, оповѣщающую ихъ неуклонно каждое утро о всемъ, что творится за предѣлами окружныхъ синихъ горъ... Бурный, широко разлившійся передъ городомъ, Орбъ, издавна подмывавшій набережную и уносившій свою добычу въ Невшательское озеро, безсильно лижетъ теперь груды камней, прикрывающихъ берегъ, и перехваченъ паромомъ.

Обыкновенно Жу ведетъ себя скромно и тихо. Вѣрный завѣтамъ Кальвина, онъ не имѣетъ ни театра, ни клуба, живетъ замкнуто и почти совсѣмъ не знаетъ веселья. Но по воскреснымъ днямъ Жу пробуждается вдругъ точно отъ сна и принимаетъ пышно-торжественный видъ. Тогда весь амфитеатръ его домиковъ унизывается флагами, въ узкихъ неправильныхъ улицахъ тѣснятся разряженныя толпы народа, гремитъ музыка, развѣваются знамена —это совершаетъ шествіе по городу очередной праздничный кортежъ какой-нибудь корпораціи. Всякихъ же корпорацій не мало въ Жу, и каждая изъ нихъ норовитъ отличиться своимъ кортежемъ. Любители стрѣльбы, напримѣръ, изображаютъ древнихъ швейцарцевъ—въ костюмахъ того времени, съ пищалями и арбалетами, и имѣютъ соотвѣтствующія этому знамена; мясники одѣваются въ бѣлое, съ красными кушаками и фесками, имѣютъ палицы въ рукахъ, а знамена украшаютъ золочеными бычачьими головами; гимнасты щеголяютъ въ трико и не безъ умѣнья устраиваютъ живыя античныя группы; наборщики придаютъ своему кортежу поучительный характеръ и шествуютъ по городу съ зеленымъ шолковымъ знаменемъ, на которомъ красуется портретъ ихъ патрона—Іоганна Гутенберга и надпись золотыми буквами:—„Et

la lumière fut"!...—А такъ какъ число воскресеній въ году ограничено, страсть же обитателей Жу къ кортежамъ ростетъ чуть не съ каждымъ днемъ, то иногда праздновать приходится двумъ, тремъ корпораціямъ сразу. Тогда столько скопляется и зрителей и участвующихъ, что шествіе растягивается километра на три внизъ по теченію Орба, вплоть до сосѣдней деревеньки Гранжъ.

II.

Какъ разъ противъ Жу, почти на самой вершинѣ отрога Юры, ютится небольшой отельчикъ „Соколъ", — кстати сказать, удивительно напоминающій этого ловкаго хищника и сѣрымъ цвѣтомъ своихъ построекъ, и пребываніемъ на недосягаемой высотѣ, и самымъ обращеніемъ съ туристами, дѣлающимися его добычей...

Въ одно лѣтнее воскресное утро мы съ пріятелемъ проснулись въ этомъ отельчикѣ и не знали, какъ поступить съ собою. Охота къ дальнимъ горнымъ прогулкамъ уже поостыла въ насъ; наполнявшіе отель англичане были не изъ особенно занимательныхъ собесѣдниковъ, а теперь и они, по случаю воскреснаго дня, сидѣли въ своихъ комнатахъ и несовсѣмъ мелодичными голосами распѣвали псалмы...

Мы прибѣгли къ единственному, оставшемуся для насъ, развлеченію: вышли на террасу и принялись разглядывать въ стоявшій тамъ старенькій, засиженный воробьями, телескопъ давно знакомую намъ панораму горъ. Наше вниманіе обратилъ на себя Жу, на этотъ разъ какъ-то особенно пышно разубранный флагами. Черныя полоски пѣшеходовъ стягивались со всѣхъ окрестныхъ дорогъ къ городу. Вскорѣ донесся оттуда трескъ пушечнаго выстрѣла и загрохоталъ перекатами по горамъ...

— Пойдемте въ Жу!—съ какою-то отчаянною рѣшимостью воскликнулъ мой пріятель.—Тамъ, какъ видно, большое торжество сегодня.

— Пойдемте,—отвѣтилъ я.

Сборы наши были недолги. Мы захватили длинныя черныя палки да неразлучные съ туристами гуттаперчевые плащи на ремняхъ черезъ плечо и двинулись въ путь.

По прекрасному отлогому шоссе мы спустились къ подошвѣ отрога. Отсюда шоссе поворачивало налѣво—по направленію къ станціи желѣзной дороги, а прямо—къ переправѣ черезъ Орбъ—пролегала узенькая горная тропинка. Минутъ черезъ двадцать мы

добрались до переправы, гдѣ уже стояла, въ ожиданіи парома, кучка разодѣтыхъ по праздничному окрестныхъ жителей. Перевозчикъ, типичный обыватель Жу—нѣсколько грубоватый на видъ, плотный и краснощекій мужчина лѣтъ сорока, въ одной клѣтчатой бумазейной рубашкѣ, возвращался на паромѣ съ того берега. Лѣниво продвигая руку по толстому проволочному канату, онъ сосалъ хмуро свою коротенькую трубку и утиралъ потъ съ лица. Видно было по всему, что онъ достаточно потрудился за это утро. Причаливъ къ берегу, онъ прикрѣпилъ паромъ, утеръ еще разъ свое потное лицо и привалился къ столбику. Пассажиры гуськомъ потянулись на паромъ. Перевозчикъ слѣдилъ за ними равнодушными глазами, скрестивъ руки на широкой груди и не трогаясь съ мѣста.

— Ну, живѣй, дядя Мартынъ!—весело крикнулъ ему, вскочивъ послѣднимъ на паромъ, пожилой дородный крестьянинъ въ просторной жакеткѣ воронова крыла, въ розовомъ галстухѣ и съ коленкоровымъ зонтикомъ подъ мышкой.

Дядя Мартынъ вынулъ трубку изо рта, сплюнулъ въ Орбъ, потомъ глянулъ на крутизну отрога, гдѣ, то исчезая въ кустахъ, то снова появляясь, спускались по тропинкѣ какіе-то люди, и сказалъ, кивнувъ туда головой:

— Вонъ еще плетутся; надо ихъ подождать.

— Эге!—изумился крестьянинъ, пощупавъ рукой свой гладко выбритый сизый подбородокъ.—Да имъ и въ полчаса не добраться сюда! За это время вы успѣете раза три обернуть.

— И одного разу не обернешь,—невозмутимо отвѣтилъ дядя Мартынъ.—Вонъ онъ Орбъ-то какой!—кивнулъ онъ на быстрыя, чоткія волны, какъ бы помутнѣвшія слегка.

Крестьянинъ тоже глянулъ на волны, потомъ на дальнія горы, изъ-за которыхъ на голубомъ ясномъ небѣ поднимались едва замѣтныя струйки облаковъ, и, какъ бы понявъ, въ чемъ дѣло, вздохнулъ и умолкъ.

— Почему не успѣете вы обернуть?—спросилъ я дядю Мартына.—Вѣдь погода хорошая.

— Здѣсь-то она хорошая,—усмѣхнулся дядя Мартынъ,—а въ верховьяхъ не такова: оттуда ужъ илъ пошелъ... Воды въ Орбѣ за какіе-нибудь полчаса почти на метръ прибавилось, скоро черезъ канатъ хлестать будетъ... Того и гляди буря налетитъ...

Онъ уставился на крутизну отрога и замахалъ спускавшимся шляпою.

Дождавшись и принявъ на паромъ красную, запыхавшуюся

деревенскую чету съ дочерью-подросткомъ, мы наконецъ отчалили отъ берега.

Вздымаясь и какъ-то тяжко хлюпая на волнахъ, поплылъ паромъ. Дядя Мартынъ, вцѣпляясь въ канатъ, точно крючьями, своими толстыми, мозолистыми пальцами, тянулъ изо всѣхъ силъ. Молодой деревенскій парень, расточавшій любезности дѣвицѣ въ шерстяномъ голубомъ платьѣ и съ розами у корсажа, оторвался отъ этого занятія и услужливо налегъ на канатъ позади дяди Мартына.

Дядя Мартынъ молча повернулся къ нему и потрясъ нетерпѣливо головой, отстраняя его. Парень отступилъ конфузливо.

— Сорвешь съ мѣста, пожалуй... — проговорилъ онъ, какъ бы догадавшись.

— Гдѣ сила, а гдѣ и сноровка требуется, — вставилъ крестьянинъ въ розовомъ галстухѣ.

У дяди Мартына не было, повидимому, недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ: мы любовались, глядя, какъ напрягаются его мощные мускулы, какъ зорко слѣдитъ онъ за каждымъ валомъ на водоворотахъ, умѣя во-время то налечь сразу, то пріостановиться...

Ступивъ на берегъ, дядя Мартынъ старательно прикрутилъ паромъ цѣпью, натянулъ на себя шерстяную вязаную куртку и занялся сборомъ съ насъ пошлины за перевозъ — по одному су съ человѣка. Затѣмъ всѣ мы поплелись по крутому мощеному подъему въ Жу.

— Что это за праздникъ сегодня въ городѣ?—обратился къ дядѣ Мартыну мой пріятель.

— Га! праздникъ большой! — заговорилъ, ухмыляясь, дядя Мартынъ.—Кадеты крѣпость брать будутъ... и мой малышъ тоже... Посмотрю, какъ-то онъ отличится!

— Какіе кадеты? — спросилъ я. — Вѣдь у васъ нѣтъ военныхъ школъ?

— Школъ-то нѣтъ такихъ, а мы у себя въ городской школѣ отвели одинъ день въ недѣлю на муштровку. И ничего, порядкомъ-таки подтянули молодцовъ... Давеча парадъ имъ былъ передъ ратушей, такъ куда какъ стройно сошелъ... Да вотъ погода-то, пожалуй, попортитъ дѣло, — глянулъ дядя Мартынъ на небо.—Перевалитъ вѣтеръ за горы, такъ ничего: только дождичекъ помороситъ; а пойдетъ разрѣзомъ—держись тогда! Какъ въ мѣшкѣ, между горами-то, и ревѣтъ и мечетъ буря, а вырваться ей некуда... Вѣдь ишь ты, ушли!—воскликнулъ вдругъ дядя Мар-

тынъ, останавливаясь предъ бѣлымъ чистенькимъ домикомъ съ закрытыми ставнями-жалюзи.

Онъ взбѣжалъ на крыльцо, по бокамъ котораго широко разстилали свои вѣтви приземистые, узловатые платаны, толкнулся въ запертую дверь и снова вернулся къ намъ.

— Не усидятъ ни за что эти бабы!.. Всегда впереди всѣхъ имъ надо быть... — заговорилъ онъ, выколачивая сердито трубку о каблукъ своего огромнаго, подбитаго гвоздями, башмака.

— Это вашъ домъ?—спросилъ я.

— Мой... Да вотъ жена и дочь на праздникъ ушли... Положимъ, и сидѣть имъ незачѣмъ было—кто зналъ, что я раньше своего срока вернусь—только какъ мнѣ-то показаться въ этомъ!.. —глянулъ дядя Мартынъ на свою куртку и рубчатыя плисовыя панталоны. — Однако, что̀ ни толкуй, а надо идти разыскивать ихъ!—рѣшилъ онъ.

Дядя Мартынъ поднялъ глаза по направленію къ самымъ верхнимъ улицамъ, куда, повидимому, предстояло ему отправиться, но вмѣсто того, чтобы поспѣшить, запустилъ медленно руку въ карманъ панталонъ, вынулъ затѣйливый вязаный кисетъ съ табакомъ и принялся набивать трубку. Мы воспользовались этимъ и обратились къ дядѣ Мартыну за свѣденіями о подробностяхъ празднества. Дядя Мартынъ пріосанился, передвинулъ закуренную трубку изъ одного угла губъ въ другой и повелъ разсказъ, въ которомъ только и слышалось, что „муниципальный комитетъ“... Мы узнали, что праздникъ устроенъ городомъ, что взятіе крѣпости произойдетъ наверху, на базарной площади, послѣ чего кадетамъ будетъ сдѣлано угощеніе на городской счетъ, а затѣмъ начнется дѣтскій балъ. Жена и дочь дяди Мартына были уже на площади, гдѣ онъ и разсчитывалъ отыскать ихъ.

Мы повернули въ узенькую кривую улицу, вздымавшуюся на самую крутизну. Покуривая и поплевывая, дядя Мартынъ сталъ подниматься мѣрнымъ, неторопливымъ шагомъ горца. По временамъ самодовольно, кивкомъ головы, онъ обращалъ наше вниманіе на флаги и гирлянды, покрывавшіе стѣны домовъ, на рѣшетки балконовъ, украшенныя равноконечнымъ швейцарскимъ крестомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, на огромные бумажные фонари, привѣшенные къ перекинутымъ вверху улицы веревкамъ...

Скоро мы выбрались на площадь, полную народа. Тутъ дядя Мартынъ простился съ нами и поспѣшно замѣшался въ толпу.

III.

На площади высилась размалеванная тесовая крѣпость, увѣнчанная развѣвавшимся непріятельскимъ знаменемъ, на которомъ, какъ бы въ предсмертныхъ мукахъ, изгибалась нарисованная фигура чудовищнаго дракона.

Мы попробовали протиснуться поближе къ крѣпости, но стоявшая стѣною толпа поглотила насъ въ ту же минуту и стала перебрасывать изъ стороны въ сторону... Предъ нами мелькали праздничныя оживленныя лица, въ нашихъ ушахъ гудѣлъ несмолкаемый веселый говоръ, заражая и насъ какою-то безпричинною восторженностью... Мы покорно выносили давку, толчки, духоту, стараясь только не отставать другъ отъ друга, и были, наконецъ, притиснуты къ очутившемуся передъ нами высокому гладкому столбу... Удержавшись на мѣстѣ, мы увидѣли предъ собою усыпанную пескомъ площадку, въ правомъ концѣ которой и стояла крѣпость. Столбъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые, въ перемежку съ линіями воткнутыхъ въ землю ёлокъ, составляли ограду площадки; ихъ насчитывалось двадцать два—по числу швейцарскихъ кантоновъ; на нихъ развѣвались кантональные флаги, отливали позолотой и красками гербы. Въ лѣвомъ концѣ площадки виднѣлась входная арка, убранная зеленью и съ полукругомъ неизбѣжныхъ трехцвѣтныхъ флаговъ вверху.

По площадкѣ расхаживалъ уже уѣздный генералитетъ, состоявшій изъ двухъ офицеровъ, одѣтыхъ въ мундиры съ иголочки и волочившихъ за собою огромные, сверкавшіе на солнцѣ, палаши. Вскорѣ показались изъ-подъ арки, подъ звуки швейцарскаго гимна, и грозные ряды осаждающихъ... Одѣтые по образцу солдатъ и въ синихъ суконныхъ беретахъ съ красными шишками, школьники-кадеты имѣли подходящіе къ ихъ росту маленькія ружья, барабаны и рожки. При нихъ находилась и артиллерія—аршинная, до блеска отчищенная пушка на ярко-зеленомъ лафетѣ.

По данному сигналу бѣлокурый и худощавый двѣнадцатилѣтній артиллеристъ закрутилъ на руку ремень отъ затравки и отчаянно дернулъ его наотмашь — пушка разразилась на всю площадь... Затрещали игрушечные барабаны, кадеты бросились со всѣхъ ногъ, окружили крѣпость и, съ ловкостью кошекъ, мгновенно облѣпили ее сверху до низу. Хоръ звонкихъ дѣтскихъ голосовъ, раздавшихся съ высоты зубчатыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, покрылся радостнымъ гуломъ толпы; трудно было разобрать, кто волнуется больше—осаждающіе или зрители. Спустя нѣсколько

минутъ, крѣпость обращена была въ груду развалинъ. Пятокъ румяныхъ толстощекихъ горнистовъ затрубилъ отбой...

Толпа потянулась въ верхній конецъ площади, къ обширному базарному навѣсу, подъ которымъ должно было происходить угощеніе кадетовъ. Мы тоже двинулись туда.

— Смотрите-ка, вѣдь это дядя Мартынъ!—толкнулъ меня пріятель.

Неподалеку отъ насъ дѣйствительно выступалъ степеннымъ медлительнымъ шагомъ дядя Мартынъ, успѣвшій, какъ видно, побывать дома и преобразившійся до неузнаваемости. Въ бѣлой чистѣйшей рубашкѣ съ золотыми запонками, въ новенькой сюртучной парѣ и въ шляпѣ „панама", онъ былъ похожъ скорѣе на зажиточнаго фермера изъ невшательскихъ долинъ, чѣмъ на перевозчика въ безвѣстномъ ущельѣ горъ. Объ-руку съ нимъ шли его жена и дочь, одѣтыя по послѣдней модной картинкѣ, какая только успѣла достигнуть до Жу.

— Какъ есть херсонскій помѣщикъ съ семьей... Вотъ вамъ и паромщикъ!—не могъ не подивиться мой пріятель.

Мы раскланялись съ дядей Мартыномъ. Онъ весело взмахнулъ своею шляпой и заговорилъ, приближаясь съ намъ:

— Каково молодцы-то наши дѣйствовали! Вполнѣ заслужили угощеніе!.. Мой малышъ на самой верхушкѣ былъ, чуть-чуть знамя не досталось ему...

Продолжая говорить, дядя Мартынъ высвободилъ свою руку изъ-подъ локтя жены и принялся набивать трубку. Затѣмъ онъ представилъ насъ дамамъ, и мы всѣ вмѣстѣ направились къ навѣсу.

Жена дяди Мартына—почти однихъ съ нимъ лѣтъ, полная и съ густымъ румянцемъ во всю щеку—сіяла приличною случаю торжественностью, держала себя съ достоинствомъ и не безъ усилія переводила духъ, благодаря черезъ-чуръ стянутому корсету. Дочка смотрѣла дѣвицей вполнѣ благовоспитанной, краснѣла очень мило и была почти уже невѣста, хотя и носила еще короткое платье.

Толпа сгущалась все больше и больше. Приманкой служили рѣчи, которыми должна была открыться церемонія угощенія кадетовъ. Намъ снова предстояло испытать давку, но дядя Мартынъ, имѣвшій право входа въ мѣста, назначенныя для родителей и родственниковъ школьной молодежи, вызвался провести и насъ туда. Раскланиваясь направо и налѣво, раздавая дружескіе пинки горожанамъ, попадавшимся на пути, подмигивая лукаво толстымъ, неповоротливымъ жандармамъ, обливавшимся

потомъ подъ своими огромными плюшевыми треуголками, онъ сталъ бойко протискиваться впередъ и скоро вывелъ насъ къ скамьямъ, уставленнымъ вдоль одной стороны навѣса и отдѣленнымъ отъ публики изгородью изъ еловыхъ вѣтвей.

IV.

Базарный навѣсъ состоялъ изъ массивной черепичной крыши, увѣнчанной башенкою съ городскими часами и покоившейся на каменныхъ грушевидныхъ столбахъ. Это была неуклюжая сумрачная постройка въ средневѣковомъ вкусѣ, назначенная служить защитою отъ зноя или непогоды для крестьянскихъ возовъ и лошадей. Теперь, разукрашенный флагами, убранный гирляндами, наполнявшими воздухъ крѣпкимъ ароматомъ горныхъ травъ и цвѣтовъ, навѣсъ принялъ веселый, привлекательный видъ. Середина его была уставлена рядами длинныхъ досчатыхъ столовъ, накрытыхъ съ пріятною сельскою простотой—грубыя, но свѣжія скатерти, широкогорлые графины, наполненные золотистымъ виномъ, огромные букеты полевыхъ цвѣтовъ красовались точно на старинной картинѣ фламандской школы. Въ качествѣ служанокъ около столовъ находились самыя почетныя изъ обитательницъ Жу; тутъ же и по обѣимъ сторонамъ входной арки занимали свои мѣста распорядители въ черныхъ сюртукахъ и съ трехцвѣтными розетками въ петлицахъ. Невдалекѣ виднѣлась трибуна, сплошь укрытая равноконечными крестами изъ бѣлой и красной гвоздики.

Кадеты вступили подъ навѣсъ при дружныхъ рукоплесканіяхъ публики, особенно долго не смолкавшихъ на скамьяхъ родителей и родственниковъ... На трибуну взошелъ одинъ изъ офицеровъ генералитета. Предметомъ рѣчи служила ему клятва швейцарцевъ въ долинѣ Грютли стоять: *„одинъ за всѣхъ и всѣ за одного“*, а выраженія подбиралъ онъ, какъ это и подобаетъ военачальнику, краткія, но сильныя. Напирая бронзовымъ, гладко выбритымъ подбородкомъ на высокій красивый воротникъ своего мундира и отчеканивая слово за словомъ, ораторъ хладнокровно рекомендовалъ вокопамъ будущихъ гражданъ умереть, при первой же къ тому оказіи, установленнымъ въ Грютли порядкомъ... Кадеты имѣли серьезныя лица и не спускали глазъ съ оратора; дамы поднимали платки къ глазамъ... Офицера смѣнилъ мэръ города. Маленькій толстый человѣкъ, совершенно лысый и со щеками, точно натертыми кирпичемъ, онъ медлительно взобрался на ступеньки каѳедры и повелъ рѣчь плавную, возвышенную... Онъ

развивалъ мысль, что слова: *родина*, *долгъ*, *честь*, не должны оставаться только словами; что истинный гражданинъ обязанъ носить ихъ въ своемъ сердцѣ, проявлять въ каждомъ поступкѣ... Все это обращалось къ кадетамъ, сосредоточенно хмурившимъ подъ синими беретами свои дѣтскіе лбы. Въ концѣ рѣчи ораторъ возвысилъ голосъ и заговорилъ по направленію къ скамьямъ родителей и родственниковъ. Напомнивъ, что школа приходитъ только на помощь семьѣ, онъ выразилъ увѣренность, что старшее поколѣніе съумѣетъ передать младшему и любовь къ родинѣ, и свои доблести... На скамьяхъ произошло истинное смятеніе. Дамы рыдали, мужчины ринулись пожать руку оратору, и впереди всѣхъ виднѣлась коренастая фигура дяди Мартына съ высоко поднятой шляпой въ рукѣ...

Когда волненіе улеглось, и мы бросили взглядъ на столы—они всѣ уже были упизаны рядами гладко остриженныхъ маленькихъ головъ—бѣлобрысыхъ, темныхъ, золотистыхъ...

— Знаете что?—замѣтилъ не безъ находчивости мой пріятель:—юнцы-то благую часть избрали; не мѣшаетъ и намъ закусить, прежде чѣмъ двинуться въ обратный путь!

Я охотно съ нимъ согласился. Путь предстоялъ намъ не близкій: за невозможностью переправиться на паромѣ, мы должны были спуститься къ деревнѣ Гранжъ, гдѣ черезъ Орбъ, благодаря высокимъ скалистымъ берегамъ, существовалъ мостъ. Къ тому же и часы показывали ровно четыре — время полдника (goûter), свято соблюдаемое въ Швейцаріи.

V.

Солнце жгло невыносимо. Раскаленный воздухъ былъ неподвиженъ и только подувшій внизу и, какъ видно, крѣпнувшій западный вѣтеръ перебирался порою черезъ крыши домовъ и проносился живительною струею по площади. Народъ небольшими говорливыми кучками разбрелся въ разныя стороны. Бережливые жители горъ, явившіеся съ своими припасами, располагались полдничать тутъ же—подъ каменною базиликой фонтана, на скамьяхъ, окружавшихъ стволы развѣсистыхъ вѣковыхъ липъ.

Ни въ одно кафе рѣшительно не было доступа. Въ низенькой и полутемной нѣмецкой пивной, подъ излюбленной содержателями вывѣской Вильгельма Теля, сбивающаго стрѣлой яблоко съ головы сына, намъ кое-какъ удалось завоевать себѣ два табурета за узенькимъ орѣховымъ столикомъ. Прехорошенькая

нѣмочка—служанка въ бѣломъ тюлевомъ чепцѣ и съ кожаной сумкой у пояса, хозяйская дочка, прикрывшая свое праздничное платье простенькимъ кокетливымъ фартукомъ, самъ хозяинъ—толстый и усатый, въ одномъ жилетѣ и шитыхъ гарусомъ туфляхъ — не успѣвали прислуживать. Изъ съѣстного оставалась только холодная телятина. Мы поспѣшили воспользоваться хотя этимъ невзыскательнымъ блюдомъ и принялись за пиво.

Вдругъ въ пивной сдѣлалось темно, какъ ночью, въ окна стукнули одинокія крупныя капли дождя... Спустя минуту, быстрая, такъ свойственная горнымъ мѣстностямъ, перемѣна погоды совершилась вполнѣ: вѣтеръ завылъ и загудѣлъ, врываясь въ каждую щель; дождь перешелъ въ настоящій ливень. Народу въ пивную набилось столько, что уже и табуретами нельзя было пользоваться —всѣ стояли, держа кружки въ рукахъ. Дождь не унимался. Могло случиться, что мы и заночуемъ въ Жу.

— Велика важность!—возразилъ пріятель на мое замѣчаніе объ этомъ.—Не все ли намъ равно, гдѣ ни ночевать. По крайней мѣрѣ, нѣкоторая перемѣна впечатлѣній получится! И, по моему, чѣмъ стоять здѣсь, въ духотѣ, пойдемте въ гостинницу, займемъ комнату да пообѣдаемъ. А тамъ видно будетъ.

Духота и, въ особенности, дымъ отъ мѣстныхъ дешевыхъ сигаръ, до страсти любимыхъ швейцарцами, дѣйствительно, донимали не на шутку. Мы пробрались къ дверямъ, натянули на себя плащи и храбро отдались во власть стихій...

VI.

Буря именно попала въ „мѣшокъ", по выраженію дяди Мартына. Она выла и грохотала въ ущельѣ. По площади носились, вмѣстѣ съ дождемъ, полосы водяной пыли. Каждый стокъ, каждая канавка превратились въ водопады, клокотали и брызгали бѣлою пѣной... Темныя громадныя тучи толпились на небѣ и лѣзли въ вышину...

Единственная въ Жу гостинница, съ десяткомъ чистенькихъ нумеровъ не дороже двухъ франковъ въ сутки, выходившая фасадомъ на площадь и отличавшаяся несовсѣмъ понятною вывѣской, изображавшею усатыхъ и толстоносыхъ „Двухъ саперовъ" съ широко разставленными ногами,—уже не разъ служила намъ прибѣжищемъ. Шагая теперь подъ бурнымъ ливнемъ, порывавшимся на насъ сразу со всѣхъ сторонъ, мы заранѣе предвкушали удовольствіе расположиться въ ней какъ дома, но толкнулись въ

подъѣздъ и упали духомъ... Буфетъ, обѣденная зала, даже передняя и пространство подъ лѣстницей—все было набито народомъ. Хозяинъ, съ лицомъ, сіявшимъ, какъ у именинника, сообщилъ намъ, что нумера заняты всѣ, что даже свои собственныя комнаты онъ принужденъ былъ уступить семейству пастора изъ деревни Гранжъ...

— Какъ же намъ быть, если буря и къ ночи не уймется?— обратился я къ хозяину.

Хозяинъ въ отвѣтъ на это только руками развелъ, и въ какомъ-то упоеніи сталъ разсказывать про бывшій года два тому назадъ праздникъ винодѣловъ, когда днемъ за окно, а ночью за кровать платили по двадцати франковъ... Положеніе наше все-таки тронуло его. Чтобы дать намъ возможность переждать, по крайней мѣрѣ, непогоду, онъ помѣстилъ насъ за столикомъ въ углу залы, гдѣ мы и стали коротать время за бутылкой игристаго невшательскаго вина.

Объ обѣдѣ мы уже не думали. Аппетитъ пропалъ у насъ совершенно, мысли набѣгали все какія-то угнетающія. Предстоявшая намъ „перемѣна впечатлѣній",—ночлегъ на улицѣ или длинный путь по горамъ въ бурю и дождь—далеко не радовала насъ. Мы молча потягивали вино изъ граненыхъ стаканчиковъ и смотрѣли въ разныя стороны. Вдругъ одна и та же мысль озарила насъ. Мы обоюдно отгадали ее, разсмѣялись и воскликнули въ одинъ голосъ:

— Пойдемъ къ дядѣ Мартыну!

VII.

Всѣ въ грязи, мокрые и задыхавшіеся отъ быстрой ходьбы, очутились мы предъ уютнымъ домикомъ дяди Мартына и съ умиленіемъ глянули на яркія полоски свѣта, заманчиво пробивавшіяся сквозь опущенныя жалюзи.

Насъ встрѣтилъ самъ дядя Мартынъ. Нисколько, повидимому, не удивившись нашему приходу, онъ притворилъ дверь, всплеснулъ руками и заговорилъ:

— Ужъ и погода!.. Ужъ и народу!.. Я такъ и думалъ давеча, что не обойтись безъ бури...

Мы объяснили наше положеніе и стали извиняться, что безпокоимъ человѣка, который совершенно не знаетъ насъ.

— Я-то не знаю васъ?—воскликнулъ хозяинъ.—Дядя Мартынъ не знаетъ? Oh, la, la! Вы русскіе, вы живете въ отелѣ

„Соколъ", наверху, вы пріѣхали двѣ недѣли тому назадъ... третьяго дня вы ловили форелей въ Орбѣ... тамъ, пониже парома, и... ничего не поймали!..

Все это было справедливо, и мы молча поглядывали на дядю Мартына. Онъ продолжалъ:

— Какъ не знать дядѣ Мартыну, когда онъ торчитъ по цѣлымъ днямъ на паромѣ, болтаетъ со всякимъ да глазѣетъ по сторонамъ... Ха, ха, ха!.. А форелей ловить я научу васъ!..

Съ этими словами дядя Мартынъ взялся за облипшіе вокругъ насъ плащи и помогъ намъ освободиться отъ нихъ. На дальнѣйшія наши извиненія онъ скромно, однако рѣшительно, заявилъ, что хотя домъ у него небольшой, небогатый, а возможность укрыть гостей отъ непогоды и согрѣть ихъ стаканчикомъ винца все-таки найдется...

— Мы же, какъ разъ, и за трапезой! — заключилъ дядя Мартынъ, отворивъ предъ нами дверь въ столовую, откуда такъ и обдало насъ всякими завлекательными запахами...

Въ столовой находилось довольно большое общество. Мы назвали себя дядѣ Мартыну и пожелали узнать его имя.

— Мое имя?—переспросилъ дядя Мартынъ.—Гм... Мое имя, если хотите, будетъ Кошаръ. Вонъ madame и mademoiselle Кошаръ, которыхъ вы уже знаете!—указалъ онъ на жену и дочь. —Вонъ, — ткнулъ онъ рукой въ конецъ стола, — есть и мосьё Кошаръ младшій, что крѣпость сегодня бралъ... Съ ними какъ вамъ будетъ угодно, а что до меня, то я такъ уже и останусь дядей Мартыномъ. Спросите-ка въ городѣ, гдѣ живетъ Мартынъ Кошаръ, такъ васъ въ двадцать домовъ пошлютъ — ко всякимъ Кошарамъ—только не ко мнѣ; а дядю Мартына всѣ знаютъ... Съ этой честной компаніей,—указалъ дядя Мартынъ на гостей сами потомъ познакомитесь. Народъ все теплый!..—подмигнулъ онъ на нихъ.—Мы, видите ли, разсчитывали за-одно съ молодежью, на чистомъ воздухѣ, повеселиться сегодня, а буря вдругъ конецъ дѣлу положила и насъ сюда вотъ, за столъ, загнала... Поэтому—не взыщите! Катерина,—обратился къ женѣ дядя Мартынъ,—усаживай гостей гдѣ сподручнѣе.

М-me Кошаръ и безъ того уже позаботилась о насъ: приборы намъ были готовы и стояли рядомъ съ приборомъ хозяина; горячій супъ дымился въ нашихъ тарелкахъ.

Надо было полагать, что дядѣ Мартыну живется не дурно. Отъ всего въ домѣ, даже отъ самыхъ стѣнъ, такъ и вѣяло довольствомъ, избыткомъ. Чрезъ отворенную дверь можно было видѣть въ гостиной пьянино, алыя шолковыя драпировки на окнахъ.

Повсюду замѣчались порядокъ и чистота, бывшіе, очевидно, дѣломъ рукъ самой m-me Кошаръ и ея дочери — такъ какъ держать прислугу совсѣмъ не въ обычаѣ у средняго швейцарскаго человѣка. Онѣ же хлопотали и теперь, успѣвая дѣлать все легко и незамѣтно—точно добрая фея помогала имъ... Обѣдъ тоже оказывался не изъ плохихъ: за супомъ послѣдовало блюдо разварныхъ форелей съ картофелемъ, потомъ огромная жареная индѣйка, салатъ, сыръ, фрукты... Все это запивалось хотя и кисловатымъ, но́ весьма недурнымъ бѣлымъ виномъ.

Съ гостями перезнакомились мы довольно скоро,—то-есть завели разговоръ съ ними, стали чокаться стаканами. Всѣ они были одѣты по праздничному и походили на „господъ“, но по будиямъ, вѣроятно, носили вязаныя куртки и трудились надъ чѣмъ-нибудь, подобно дядѣ Мартыну. О послѣднемъ говорили, впрочемъ, и ихъ загрубѣлыя руки. Двое изъ нихъ, оказавшіеся близкими пріятелями хозяина, обратили на себя наше вниманіе. Первый былъ мѣстный школьный учитель, пожилой мужчина съ гладко выбритымъ фіолетовымъ лицомъ, одѣтый въ синюю жакетку, воротникъ которой поминутно поднимался у него до самыхъ ушей, и обладавшій спокойнымъ, чисто актерскимъ юморомъ; второй—сосѣдъ дяди Мартына, почтеннаго вида человѣкъ, съ красными слипающимися вѣками и съ длинною бѣлою бородой, молчаливый, медленно и какъ бы лѣниво сосавшій вино стаканъ за стаканомъ и не мѣнявшійся отъ этого ни на іоту.

Обѣдъ протянулся довольно долго. Когда встали изъ-за стола, m-me Кошаръ пригласила всѣхъ въ гостиную, пить кофе, гдѣ уже пыхтѣлъ на спиртовой лампочкѣ какой-то усовершенствованный кофейникъ... Въ десятомъ часу гости, по швейцарскому обыкновенію, стали расходиться. Остались только школьный учитель да сосѣдъ.

— А что если въ такой праздникъ да въ погребѣ очутиться гостямъ?—заговорилъ хозяинъ, остановившись посреди гостиной и обводя всѣхъ насъ блестѣвшими смѣющимися глазами. — А? Какъ вы думаете?

— Вы, дядя Мартынъ, точно совсѣмъ порядки забыли, что спрашиваете,—отвѣтилъ учитель, одернувъ воротникъ своей жакетки и сдѣлавъ серьезную мину.

Молчаливый сосѣдъ взялся за бороду и аппетитно чмокнулъ губами, припавъ къ стакану.

Для насъ порядки, при которыхъ гости могутъ „очутиться въ погребѣ“, являлись совершенною загадкой, и мы только поглядывали вопросительно на хозяина.

— Ха, ха, ха!—залился дядя Мартынъ.—Толкую о погребѣ, а того въ умъ не возьму, что не всѣ здѣсь нашего поля ягода! Погребъ у насъ—это, какъ бы вамъ сказать?... У насъ изстари заведено... Впрочемъ, тамъ поговоримъ!

Онъ подтолкнулъ учителя и сосѣда къ дверямъ, уступилъ намъ дорогу и крикнулъ женѣ:

— Мы въ погребъ ушли, Катерина!

VIII.

Дядя Мартынъ провелъ насъ чрезъ переднюю въ крытую стеклянную галерею, примыкавшую къ задней части дома.

Дождь уже затихъ и только немногія мелкія капли слабо постукивали въ стекла, но буря все еще продолжала выть и свистѣть въ непроглядной тьмѣ. Гдѣ-то далеко, безъ грома вспыхивали неяркія молніи и въ ихъ таинственномъ дрожащемъ свѣтѣ вырисовывались, на мгновеніе, величественныя очертанія горъ...

Дядя Мартынъ чиркнулъ спичкой и зажегъ огарокъ свѣчи, вправленной въ какой-то старинный желѣзный подсвѣчникъ съ длинною крючковатою ручкой, приспособленною такъ, что его можно было и ставить, и привѣшивать. Огромнымъ ключомъ, со скрежетомъ повернувшимся въ замкѣ, онъ отперъ тяжелую дубовую дверь въ каменной стѣнѣ дома и предъ нами открылся узенькій, крутой спускъ въ подвалъ. Дядя Мартынъ пошелъ впередъ, освѣщая путь; мы всѣ двинулись вслѣдъ за нимъ, минуя осторожно, одну за другой, каменныя истертыя ступени.

— Вотъ!—обратился къ намъ съ торжествующимъ видомъ дядя Мартынъ, обводя вокругъ свѣчою, какъ только ступилъ на усыпанное пескомъ дно подвала.

И ему было чѣмъ похвалиться: во всю вышину стѣнъ, вплоть до самыхъ стрѣльчатыхъ сводовъ, грузно и внушительно покоились на увѣсистыхъ бревенчатыхъ подставкахъ ряды темныхъ дубовыхъ бочекъ, наполнявшихъ воздухъ густымъ, слегка затхлымъ виннымъ ароматомъ... Запасъ былъ богатый, стоилъ, вѣроятно, не одну тысячу франковъ; но на ряду съ этимъ бросалась въ глаза и черта швейцарскаго скопидомства: столъ изображали четыре, вбитые въ землю, кола, накрытые сколоченными кое-какъ досками; стулья замѣнялись плохенькими самодѣльными скамьями; стаканы помѣщались на облѣзломъ желѣзномъ подносикѣ, а въ сигарномъ ящикѣ хранился запасъ свѣчныхъ огарковъ...

— Для того, чтобы потрещать бабамъ, или намъ чинно побесѣдовать о томъ да о семъ,—заговорилъ дядя Мартынъ,—у насъ гостиная отводится. А повеселиться, поболтать по душѣ, мы добрыхъ друзей въ погребъ приглашаемъ... Такъ уже изстари ведется... Какъ ни бѣденъ хозяинъ, а погребъ у него непремѣнно есть и бочка, другая...

— У васъ-то побольше, кажется...—вставилъ учитель.

— Есть, есть!—самодовольно поддакнулъ дядя Мартынъ.—Эта вотъ,—сталъ онъ знакомить насъ,—настоящій „Невшатель". Эта—почти десятилѣтка: привезъ я ее съ лозанской стрѣльбы, гдѣ первый призъ получилъ. Къ этому празднику каждый городъ самое лучшее вино припасаетъ—такъ и зовется оно Vin de Tir,—и по протекціи можно купить кое-что изъ остатка. Эти еще Катеринина мать, покойница, поставила—масло теперь какъ есть! А эта вотъ моихъ собственныхъ трудовъ старушка—самъ я, изъ своего виноградника, налилъ ее; ей скоро двадцать лѣтъ будетъ. Въ тотъ годъ, какъ я на Катеринѣ женился, удивительный виноградъ вышелъ,—ну я и припряталъ, какъ водится, не пустилъ въ продажу...

— Тотъ годъ памятный былъ...—какъ-то загадочно проговорилъ учитель.

— Памятный, другъ, памятный!—согласился дядя Мартынъ. Онъ весело мотнулъ головою, хлопнулъ учителя по животу и продолжалъ:

— Въ этомъ ряду „Шафгаузенъ" красный выставляется—чистый молотокъ для непривычной головы! А тутъ—деликатное Дезале съ Водуазскихъ горъ... Ну, да что считать, лучше попробовать!

— Кабы съ этого вы рѣчь начали, она куда бы круглѣе вышла...—замѣтилъ учитель.

— Истинно такъ!—воскликнулъ дядя Мартынъ.—Не по-хозяйски повелъ я себя!

Онъ съ шутливою торопливостью прицѣпилъ подсвѣчникъ къ первой попавшейся бочкѣ и принялся нацѣживать изъ нея „пробу" въ широкогорлый литровый графинъ.

Спустя минуты двѣ, столъ былъ уставленъ графинами. Дядя Мартынъ, держа въ рукѣ какой-то тусклый, исцарапанный и точно обгрызенный стаканчикъ, заговорилъ:

— По настоящему, стакановъ въ погребѣ не полагается: слѣдуетъ пить изъ общаго, кругового—какъ старики наши дѣлывали. И у меня чуть не двадцать лѣтъ такъ велось. Вотъ этимъ—вмѣстѣ съ погребомъ достался онъ мнѣ—всѣ, бывало, довольствовались, и хозяину хлопотъ не было: задумался гость надъ

стаканомъ, такъ очередной сосѣдъ поторопитъ его... Теперь выводится это. Каждый гость за своимъ стаканомъ сидитъ, а хозяинъ только и смотри, чтобы не сфальшивилъ кто, не просидѣлъ бы цѣлый вечеръ надъ однимъ... Ха, ха, ха! Думаю, что у насъ этого не случится!

Дядя Мартынъ наполнилъ наши стаканы, усѣлся предъ столомъ на скамью и принялся набивать трубку.

Завязалась бесѣда, стали позванивать стаканами. Дядя Мартынъ, уже не мало выпившій за день, не засиживался надъ своимъ стаканомъ и становился лишь веселѣе отъ этого; учитель—тоже не дуракъ выпить—острилъ, увѣряя, что вина дяди Мартына, какъ собаки, *знаютъ хозяина*; молчаливый сосѣдъ поглаживалъ свою бѣлую бороду и безстрастно высасывалъ стаканъ за стаканомъ, какъ губка; я былъ склоненъ, по возможности, „фальшивить", а мой пріятель, наоборотъ, билъ на прямоту, опоражнивая стаканы чуть не залпомъ.

— Слова нѣтъ, хорошо въ погребѣ, — говорилъ дядя Мартынъ:—и посторонній глазъ не достигнетъ сюда, и пѣсню здѣсь запѣть можно, и вино не трактирному чета... Одного только недостаетъ: не видишь горъ и не слышишь, какъ Орбъ шумитъ... Даже и въ такія ночи люблю я слушать его: реветъ онъ тогда, плещетъ черезъ всю набережную, а все-таки и тутъ что-то ласковое, родное, слышишь...

— Еще бы не *родное*, — подчеркнулъ учитель: — вѣдь онъ вамъ крестный отецъ...

Дядя Мартынъ припалъ головой къ столу и залился хохотомъ.

— Да, крестилъ меня Орбъ, крестилъ! — проговорилъ онъ, выпрямляясь снова на скамьѣ. — И вѣдь какъ нарочно съ того самаго памятнаго года мы и зажили съ нимъ душа въ душу...

Дядя Мартынъ умолкъ, поковырялъ пальцемъ въ трубкѣ, раскурилъ ее и потянулся къ намъ со стаканомъ.

— Вы обо всемъ уже, по порядку, разсказали бы, — обратился къ нему учитель.

— О чемъ?

— Да о томъ, какъ вы женились.

— Будто не знаютъ объ этомъ въ Жу и старый, и малый...

— Въ Жу-то знаютъ, а здѣсь и незнающіе есть,—кивнулъ въ нашу сторону учитель.

— А имъ это неинтересно,—соскромничалъ дядя Мартынъ.

Мы вступились, увѣряя его въ противномъ, и стали просить разсказать. Дядя Мартынъ отнѣкивался сначала, потомъ наполнилъ за-ново графины, набилъ свою трубку и началъ.

IX.

— Теперь ужъ я и старикомъ гляжу, и жить понаучился, попримирѣлъ...—разсказывалъ дядя Мартынъ.—А въ молодости я былъ веселый, горячій; что слово, то и дѣло, что на сердцѣ, то и на языкѣ... Думалось мало, вѣрилось много и жизнь какъ бы праздникомъ какимъ-то казалась... Въ Жу я уже послѣ женитьбы моей основался, родомъ же — фермеръ изъ лозанскаго кантона. Учился я въ Лозаннѣ, и когда окончилъ гимназію, меня родители обмѣняли на дѣвочку изъ-подъ Люцерна... Обычай такой есть у насъ. Чтобы учить молодежь чужимъ языкамъ и порядкамъ, родители — французы, напримѣръ, съ нѣмцами — мѣняются на время дѣтьми. Въ какое дѣло ни сунься молодой человѣкъ или дѣвушка, два, не то три языка, все надобно знать, а на гувернантокъ и учителей не всегда хватаетъ у родителей, да и не охотники они до такихъ расходовъ. Тутъ же, что своего, что чужого юнца, кормить все равно и дѣло въ домѣ онъ дѣлаетъ. Такъ и меня обмѣняли—чтобъ обучить нѣмецкому языку и конторскому дѣлу. Изъ-подъ Люцерна вернулся я мужчиной хоть куда: выровнялся, бородкой оброс, умѣлъ пѣть горломъ тирольены не хуже всякаго швицкаго пастуха... Остановка только за малымъ являлась: надобно было къ дѣлу пристроиваться и начинать заработывать деньги... А правило у нашихъ отцовъ на этотъ счетъ извѣстное: вырощенъ сынъ, обученъ и—ступай онъ себѣ на всѣ четыре стороны! Оно и хорошо: когда, какъ не въ юности, учиться человѣку стоять на своихъ ногахъ... Та, та, та! Погоди, погоди!—рванулся дядя Мартынъ къ замигавшему въ подсвѣчникѣ огарку.

Огарокъ вспыхнулъ слабымъ синеватымъ огонькомъ и угасъ. На его мѣсто дядя Мартынъ искусно смастерилъ изъ огарковъ цѣлую свѣчу, налѣпивъ ихъ одинъ на другой, и бесѣда началась вновь.

— Въ то время въ Жу сестра моя въ нянькахъ жила,— продолжалъ дядя Мартынъ, — и чрезъ нее я прослышалъ, что тамъ кожевенный заводъ строится, что надобенъ будетъ конторщикъ. По этому случаю и очутился я въ Жу. Рекомендаціи имѣлъ я хорошія, и мѣсто на заводѣ мнѣ обѣщали, но надобно было подождать. Пожить въ городѣ и повеселиться отъ бездѣлья, пока что, было бы, пожалуй, и на руку мнѣ, да въ карманѣ свистѣло... Поразмыслилъ я надъ этимъ и перебрался по сосѣдству въ деревню Гранжъ, на дешевые хлѣба. Сталъ я ѣсть, пить, спать да по горамъ скитаться, благо дѣло было весной, и скоро

раздобрѣлъ такъ, что хоть мяснику впору... При этомъ, само собою, не забывалъ и за дѣвушками ухаживать... Что жъ: былъ молодцу не укоръ! Да онѣ за тѣмъ и родятся, чтобы за ними ухаживали!.. ха, ха! Съ одной—Эмилія звали ее—молочную родители ея содержали — подружились мы очень. Бывало, какъ только выдастся у ней свободная отъ работы минутка, мы уже непремѣнно вмѣстѣ—усядемся на берегу Орба, или на скамейкѣ въ лѣсочкѣ, любуемся горами да воркуемъ... Всѣ такъ и думали, что она станетъ моей „обрученной“... Надо вамъ сказать, что обрученье у насъ чуть не выше свадьбы почитается, и въ невѣстахъ дѣвушка самые счастливые дни переживаетъ. Съ своимъ „обрученнымъ“ можетъ она и выходить одна, и въ кафе сидѣть, и амуриться при постороннихъ, и въ дальнюю праздничную прогулку отправиться. Разумѣется, каждой это лестно: свободой и удовольствіями пользуется она, а семейныхъ заботъ и хлопотъ не знаетъ еще. И такъ иногда года по два, по три тянется—пока у жениха или невѣсты дѣла устроятся. Оно ничего бы, да къ хорошему какъ-то ужъ всегда и дурное прилипнетъ... Иной женихъ поамурится такъ-то съ невѣстой, потѣшится ея неопытностью, а тамъ и поминай какъ звали!.. Въ большихъ городахъ теперь зачастую это случается. Особенно много зла чужестранцы дѣлаютъ — сербы, румыны, а пуще греки, что учиться пріѣзжаютъ... Впрочемъ, это не идетъ къ дѣлу! Съ Эміліей я, пожалуй, и обручился бы, да вышло такъ, что какъ разъ въ это время заводъ открылся и пришлось мнѣ возвратиться въ Жу. Снялъ я комнату вотъ въ этомъ самомъ домѣ—тогда онъ совсѣмъ неказистый былъ, облупившійся и съ маленькими окнами; садъ и виноградникъ стояли запущенные. Жила въ немъ вдова Пужоль съ дочерью Катериной... Конечно, гдѣ бабамъ справиться... Эхъ, впередъ я маленько заѣхалъ!—тряхнулъ головой дядя Мартынъ. — Сперва надо сказать, какъ я комнату нанималъ. Покончивъ съ хозяиномъ насчетъ мѣста, пошелъ я разыскивать себѣ пристанище въ Жу и попалъ сюда. Вышла ко мнѣ вдова Пужоль—старушка почтенная, деликатная такая, и, какъ водится, стала спрашивать: кто я, откуда, чѣмъ занимаюсь и кто въ городѣ можетъ дать справки обо мнѣ? Я сослался на хозяина завода, и она согласилась пустить меня. Когда мы окончательно условились, вдова Пужоль и говоритъ:—„Имѣйте въ виду, молодой человѣкъ, что вы, такъ сказать, въ семью вступаете. У меня дочь дѣвушка и мы пользуемся положеніемъ въ городѣ. Надѣюсь, что вы постараетесь вести себя добропорядочно — не будете возвращаться поздно домой, ни знаться съ кѣмъ не слѣдуетъ... и—это уже

само собою разумѣется и я говорю вамъ напередъ — не будете принимать у себя женщинъ"...—Я покраснѣлъ, потупилъ глаза передъ нею, точно предъ матерью, и обѣщалъ вести себя скромно. Ну, сладилось у насъ дѣло, и я, дѣйствительно, жизнь повелъ самую примѣрную—днемъ на службѣ, а вечеромъ сядешь, бывало, подъ окномъ въ своей комнатѣ, слушаешь, какъ шумитъ и плещется Орбъ, да раскидываешь умомъ, скоро ли изъ конторщиковъ придется выбраться въ бухгалтеры или въ федеральные чиновники... Даже про Эмилію забылъ совсѣмъ—мѣсяца два прошло, а я ни разу въ Гранжъ не собрался...

Тутъ дядя Мартынъ выпустилъ цѣлое облако дыму, придавилъ пальцемъ вспухшій табакъ и сталъ ерошить задумчиво голову.

— Правду сказать, — продолжалъ онъ, спустя минуту: — въ Гранжъ не торопился я потому, что хозяйская дочь Катерина что-то очень ласково стала поглядывать на меня... Тихая, задумчивая, придетъ она, бывало, прибрать, что-нибудь въ моей комнатѣ, слова почти не промолвитъ, а на весь день точно въ туманѣ оставитъ тебя... Охъ, какъ умѣютъ дѣлать это бабы, когда захотятъ!.. Нравилась и она мнѣ... объ этомъ что говорить... даже сразу какъ-то... точно приковала къ себѣ... Бываетъ это!.. Хорошо. Только бросилось мнѣ въ глаза, что въ домѣ у насъ какой-то странный человѣкъ—не то гость хозяйскій, не то родня —цѣлые дни и вечера проводитъ. Сталъ я присматриваться къ нему. Вижу: молодой малый, изъ себя рыжій и толстощекій; франтитъ галстухами да жилетами, а самъ грубый и неотесаный какой-то; ходитъ, такъ башмачищами стучитъ, что твой мулъ копытами; говорить станетъ—оретъ на весь домъ, а не то—свистать примется; по комнатамъ въ шляпѣ расхаживаетъ, а Катерину такъ и зоветъ: „Катерина"—никогда не прибавитъ: „mademoiselle"... Щипнуло меня за сердце... чувствую я, что не ладно тутъ что-то, а въ толкъ ничего взять не могу: на „обрученнаго" не похожъ онъ, да и съ чего бы тогда Катерина такъ вела себя со мною... а что липнетъ онъ къ ней и что она какъ-бы зависитъ отъ него—тоже замѣтно...—„Кто это такой ходитъ къ вамъ?" —спрашиваю разъ у вдовы Пужоль. — „А это,—говоритъ,—сосѣдъ нашъ, итальянецъ. Его мать сколько лѣтъ съ нами знакома, ну онъ и забѣгаетъ такъ, запросто".—Успокоился я на этомъ. Молодое сердце отходчиво, да, кстати, и съ Катериной дѣло подвигалось у меня: стали мы съ нею уже какъ братъ съ сестрой... Оставалось мнѣ только написать отцу да обручиться... Вотъ поди жъ ты! — пристукнулъ вдругъ дядя Мартынъ кулакомъ по столу. — Спроси меня теперь, что я вчера ѣлъ, такъ вѣдь не

вспомню, пожалуй. Право! А тутъ, черезъ двадцать лѣтъ, дни и часы помнишь... ха, ха, ха! Было это десятаго сентября въ воскресенье—въ Гранжъ большое гулянье открывалось, съ балаганами... Отобѣдалъ я у хозяина на заводѣ — по праздникамъ онъ всегда приглашалъ меня къ обѣду—да и думаю:—„А ну-ка, пойду я въ Гранжъ, посмотрю, что тамъ дѣлается!“—И пошелъ. Знакомыхъ не встрѣтилось никого. Сталъ я одинъ бродить около балагановъ и глазѣть отъ скуки на нашихъ стрѣлковъ—какъ разбиваютъ они глиняныя трубки да заставляютъ рычать картонныхъ львовъ... Глядь—Эмилія тутъ какъ тутъ! Обрадовалась мнѣ она; былъ и я радъ, что нашлось съ кѣмъ слово перемолвить. Уединились мы, по прежнему, въ лѣсокъ, усѣлись на скамейкѣ, и пошли у насъ тары да бары... Только Эмилія и говоритъ:—„Въ будущее воскресенье я отправлюсь гулять въ Жу и зайду къ тебѣ, посмотрѣть, какъ ты живешь. Радъ будешь гостьѣ?“ — „Радъ-то я буду радъ,—говорю,—да только нельзя ко мнѣ“...— „Отчего? Развѣ ты не одинъ живешь?“ — „Нѣтъ, одинъ, но въ семейномъ домѣ, и мнѣ комнату съ тѣмъ и отдали, чтобы женщины не бывали у меня“...—„Вотъ какъ! Ты, значитъ, въ очень хорошемъ семействѣ помѣстился. У кого же это?“ — „У вдовы Пужоль“,—говорю.—„У Пужоль, у которой дочь Катерина?“— „Да“.—Призадумалась Эмилія, а потомъ и говоритъ:—„Я знаю Катерину: вмѣстѣ съ ней я музыкѣ училась въ Жу. Смотри, кабы она голову тебѣ не вскружила! Куда, кажется, незавиденъ сосѣдъ ихъ, итальянецъ—безъ воспитанія, безъ дѣла, точно звѣрь бродячій, послѣднія материнскія деньжонки транжиритъ, а и то Катерина польстилась на него“... — „Нѣтъ, это неправда, неправда!“ — остановилъ я ее. Эмилія поглядѣла на меня, искоса этакъ, и спросила:—„Да ужъ ты не влюбленъ ли въ Катерину?“ — Я молчалъ, но чувствовалъ, что и краснѣю, и блѣднѣю.—„Ха, ха, ха!—засмѣялась Эмилія, и нехорошо, язвительно, засмѣялась, а розанъ, что держала она въ рукѣ, такъ и запрыгалъ. — Скажите,—накинулась она вдругъ на меня,—въ какую важную семью онъ попалъ! Мать—святошу, а дочка барышню разыгрываетъ... жилецъ честную дѣвушку принять у себя не смѣетъ, а хозяйки мужчинъ водить къ себѣ могутъ... Эхъ ты, колпакъ, колпакъ! Катерина безпутному итальянцу свиданія у себя въ погребѣ назначала, а теперь онъ днюетъ и ночуетъ у нея, и мать покрываетъ все это... Катерина рукъ ни къ чему въ домѣ не приложитъ, виноградникъ почти весь засохъ... Вотъ у какихъ ты хозяекъ! Спроси любого въ городѣ—тебѣ не то еще поразскажутъ!.. Тебя околпачить хотятъ, а ты и уши развѣсилъ!.. Ступай къ

своей Катеринѣ! — крикнула Эмилія. Она встала, швырнула въ меня розаномъ и скрылась въ лѣсу.

— Вернулся я изъ Гранжъ,—началъ, помолчавъ, дядя Мартынъ,—заперся у себя въ комнатѣ, и давай думу думать, а самого и огнемъ палитъ, и лихорадка треплетъ... Полѣзли мнѣ въ голову догадка за догадкой, и все такъ выходитъ, что Эмилія права... А тутъ еще—каждое слово слышно въ моей комнатѣ—Катерина съ итальянцемъ въ карты играютъ въ столовой... то засмѣются... то примолкнутъ... Сижу я, закостенѣлъ точно, и дивлюсь, что старушка Пужоль—такая хитрая, дурная женщина, что Катерина способна такъ лицемѣрить... а пуще всего дивлюсь тому, что я оказываюсь *колпакъ*! Я, отростившій себѣ бороду и усы, справившій превосходную суконную пару на собственныя деньги,—колпакъ!.. На городской башнѣ пробило девять часовъ. Старуха Пужоль ушла къ себѣ. Катерина по коридорчику, мимо моей двери, прошла въ свою комнату, итальянецъ—за ней... Я раздѣлся и легъ. Пробило десять часовъ, а глаза у меня точно на распоркахъ—сомкнуть не могу ихъ, сердце такъ и стучитъ... Въ половинѣ одиннадцатаго слышу—Катерина выпускаетъ итальянца, прощается съ нимъ... тутъ и мать къ нимъ вышла... Теперь посмѣешься только, когда вспомнишь все это,—перебилъ самъ себя дядя Мартынъ,—а въ то время не до смѣху мнѣ было. Не къ смѣшному и привело оно... Ну, да надо говорить по порядку. Черезъ день этакъ, иду я со службы... Гляжу: окно у насъ въ столовой—тогда съ той стороны пустырь былъ—отворено, итальянецъ сидитъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ, Катерина стоитъ около, и онъ обнимаетъ ее за талію... Не пошелъ я домой—повернулъ на берегъ Орба и до самаго вечера проскитался тамъ. Вечеромъ, только-что я вернулся, входитъ ко мнѣ Катерина. Приготовила она постель, какъ обыкновенно, сѣла противъ меня у стола и говоритъ:—„Что случилось съ тобой, Мартынъ? Отчего ты такой невеселый ходишь?“—И такъ это она хорошо, ласково сказала, какъ будто каждое слово изъ души выходило у ней. Не стерпѣлъ я, глядя на такое притворство. Сердце заколотилось у меня и горло точно кто рукою мнѣ стиснулъ... Сталъ я крутить усы и спрашиваю:—„А тебѣ развѣ не все равно, веселъ я или нѣтъ, горе у меня или радость?“—Потупилась Катерина.—„Почему ты сегодня такъ говоришь со мною, Мартынъ?“—тихо промолвила она.—„Потому,—отвѣчаю,—что больше не хочу быть колпакомъ: ты потѣшаешься надо мною, а сама въ итальянца влюблена... Ты давно съ нимъ живешь.. И твоя мать все знаетъ...“—„Кто сказалъ тебѣ это?“—„Въ Гранжъ одна твоя подруга сказала мнѣ...“

—„Ты вѣришь ей?“—прошептала чуть слышно Катерина.—„Нѣтъ,—говорю,—не ей вѣрю я, а самому себѣ только: ты приходишь ко мнѣ, а онъ дожидается тебя въ гостиной и потомъ... вы опять вмѣстѣ... ты выпускаешь его отъ себя по ночамъ... ты даже оконъ не затворяешь, когда амуришься съ нимъ въ столовой...“—Катерина слушала, не поднимая головы и блѣдная, какъ смерть.—„Скоро я не буду мѣшать тебѣ. Дѣлай тогда что хочешь!..“—сказалъ я.—„Ты уходишь отъ насъ?“—какъ бы съ испугомъ глянула на меня Катерина.—„Да. Я переѣду въ Лозанну“.—Катерина пробыла съ минуту неподвижно, закрывъ лицо руками, потомъ встала и вышла, шатаясь точно пьяная... Прошло два дня. Итальянца больше не слышно было въ домѣ. Катерина не показывалась изъ своей комнаты. Старуха Пужоль не поднимала глазъ на меня... На третій день, вечеромъ, я сидѣлъ у себя и писалъ повинную къ отцу. Буря завывала не хуже, какъ вотъ сегодня, Орбъ бушевалъ и ревѣлъ... Вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ вдова Пужоль...—„Мосьѣ Мартынъ!.. убѣжала... въ Орбъ!.. въ Орбъ!..“—крикнула она и повалилась на полъ. Сердце все сказало мнѣ. Я бросился въ нашъ виноградникъ, гдѣ пролегала тропинка на кручу къ Орбу, и не то увидѣлъ, не то отгадалъ только мелькавшую впереди бѣлую кофту Катерины... Малый я и вообще былъ догадливый, а тутъ какъ-то все точно освѣтилось предо мною: я сообразилъ, что Катерины мнѣ не догнать, что пока добѣгу я до берега, Орбъ умчитъ ее за цѣлую милю... Тогда, надо вамъ сказать, набережной еще не было, виноградники доходили вплоть до самой кручи, налѣво берегъ понижался и заканчивался небольшимъ отлогимъ мыскомъ, теперь уже смытымъ совсѣмъ... Я повернулъ налѣво, внизъ по Орбу, къ этому мыску... Помню, почти около самаго мыска у меня почему-то мелькнуло вдругъ въ головѣ, что Катерина уже бросилась и что волны несутъ ее... Сразмаху кинулся я какъ можно дальше въ Орбъ... Мѣсто было неглубокое. Меня перевернуло, подбросило въ водоворотѣ и ударило о камни... Къ счастію, я очутился лицомъ къ волнамъ. Онѣ посыпали черезъ мою голову, запрокинули, было, меня, но я устоялъ, и въ ту же минуту предо мной поднялось что-то бѣлое... Я рванулся впередъ, обхватилъ его—это была Катерина... Я зналъ, что насъ прибьетъ къ мыску, но небольше какъ на минуту—затѣмъ волны отхлынутъ, обогнутъ его, и... помчатся къ Невшателю... У мыска я вцѣпился въ берегъ, но въ рукѣ у меня осталась только горсть песку... я ухватился за камень—онъ оторвался и ушелъ подъ меня... Волны точно издѣвались надъ нами—бросали къ берегу

и оттаскивали назадъ... продвигали все дальше и дальше къ концу мыска... Въ это время на кручѣ раздались голоса, замелькали фонари... Я крикнулъ изо всѣхъ силъ... Мнѣ ударилось что-то въ голову, опутало плечи—это былъ канатъ... Уфъ!—вздохнулъ дядя Мартынъ.—Даже и теперь холодомъ обдаетъ, согрѣться надо...

Онъ чокнулся съ нами стаканомъ, опорожнилъ его и продолжалъ, утеревъ усы:

— Катерину привели въ чувство и отнесли домой. Меня повели въ кафе́—обсушиться да полечить разбитую колѣнку... Объ этомъ говорить нечего. Катерина слегла въ постель. Спустя нѣсколько дней, входитъ ко мнѣ вдова Пужоль и говоритъ, что Катерина зоветъ меня къ себѣ. Пошелъ я. Какъ сейчасъ вижу: лежитъ она на кровати, блѣдная, вся въ бѣломъ, и пальцами быстро такъ перебираетъ платокъ въ рукахъ...—„Ты уѣзжаешь, Мартынъ... мы не увидимся больше...—стала говорить она,—но я не хочу, чтобы ты думалъ обо мнѣ... какъ въ тотъ вечеръ... Слушай же, что скажу я... Отецъ мой умеръ, когда я была еще ребенкомъ, и съ тѣхъ поръ мы живемъ съ матерью какъ въ монастырѣ. Изъ всѣхъ мужчинъ въ Жу только и бывалъ у насъ итальянецъ этотъ, Жоржъ... Онъ началъ ухаживать за мной... Мнѣ нравилось это, я хотѣла быть обрученной... Стали мы съ нимъ какъ свои, но онъ все откладывалъ обрученье... Я знаю: раньше времени мнѣ не слѣдовало вести себя такъ... Въ этомъ я виновата... а что говорятъ злые языки, то неправда — клянусь тебѣ, Мартынъ!.. Слушай же дальше. И еще я виновата: когда ты поселился у насъ, я нарочно стала ласкаться къ тебѣ—чтобы Жоржъ скорѣй обручился со мною... да, Мартынъ, сперва было такъ... Потомъ—я сама не знаю, какъ случилось это—Жоржъ пересталъ нравиться мнѣ... а тебя... полюбила я...“—Ну, не лисицы ли бабы!—воскликнулъ дядя Мартынъ.—Вѣдь вонъ что обозначилось вдругъ! Сижу я, глазъ не свожу съ Катерины, сердце выскочить у меня хочетъ и слова растерялъ всѣ...—„Отчего въ тотъ вечеръ не сказала ты правды?“—„Я точно безумная была... Да и не повѣрилъ бы ты...“—„Въ Орбито зачѣмъ же?“—спрашиваю.—„Что же мнѣ оставалось, когда такая слава пошла про меня?.. И ты думалъ обо мнѣ дурно... ты уѣхать хотѣлъ...“—Привстала она на постели, оперлась на локоть и говоритъ:—„Теперь ты все знаешь, Мартынъ. Я умру... я чувствую это... Но ты не думай обо мнѣ дурно. Прости меня... поцѣлуй...“—Тутъ... право... (дядя Мартынъ какъ бы въ замѣшательствѣ откашлялся) не знаю, какъ сказать, что случилось со

мной... не сдержалъ я слезъ передъ бабой... упалъ на колѣни, цѣлую руки у Катерины.—„Все, все забуду... прощу... только не умирай!..“

Слезы и теперь стояли въ большихъ карихъ глазахъ дяди Мартына, но онъ тряхнулъ головой и продолжалъ, впадая снова въ шутливый тонъ:

— И вѣдь что вы думаете? Упросилъ-таки я Катерину—не умерла, и до сихъ поръ вотъ живетъ! Сговорчивый народъ бабы... насчетъ этого! Дальше что же разсказывать? На другой же день мы обручились съ Катериной, а спустя недѣлю и свадьбу сыграли. Богатства у вдовы Пужоль только и было, что домъ бездоходный да небольшой запущенный виноградникъ; но много земли пропадало даромъ и поработать надъ ней былъ разсчетъ. Я оставилъ заботу лѣзть въ федеральные чиновники, осѣлся въ Жу и, вмѣсто пера, принялся за кирку да лопату... Это вѣдь не зазорно у насъ и не въ диковинку. Мой отецъ три года адвокатомъ въ Лозаннѣ былъ, а когда достался ему хуторъ отъ тещи, такъ онъ тоже въ шерстяную куртку нарядился... Булочникъ у насъ, первый богачъ здѣшній—полковникъ заслуженный, генерала Бурбаки обезоруживалъ еще... Мэръ нашъ изжилъ вѣкъ профессоромъ въ Женевѣ, а теперь, на старости лѣтъ, для своего роднаго города трудится и вмѣстѣ съ братьями сыры варитъ. На что ужъ студенты изнѣженный народъ, а и тѣ, когда пріѣзжаютъ на каникулы, не за пивомъ сидятъ, нѣтъ!—корзинку съ удобреніемъ на спину да и маршъ подъ облака!.. Ну, словомъ, сдѣлался я хозяиномъ настоящимъ, виноградникъ по всему моему полугорью раскинулъ, и зазеленѣлъ онъ у меня такъ, что ну!.. Затѣмъ пришло мнѣ на умъ паромъ черезъ Орбъ пустить—до этого только пѣшіе, на лодкахъ, переправлялись—и сжился тутъ я съ Орбомъ какъ братъ родной... Вотъ и все! Ахъ, про итальянца забылъ я сказать. Вскорѣ, какъ обручились мы съ Катериной, попался онъ мнѣ на улицѣ и... полагаю, забылъ съ тѣхъ поръ, какъ манить дѣвушекъ обрученьемъ, класть худую славу на нихъ! Порядкомъ нарумянилъ я ему щеки, а въ Жу и теперь, чуть что, невѣста грозитъ обрученному:—„Смотри, дядѣ Мартыну пожалуюсь!“—Къ слову сказать, оно въ обычаѣ у насъ, что если худое оказалось за человѣкомъ, такъ весь городъ на него—не я одинъ—а въ этомъ разѣ и самимъ невѣстамъ умнѣе быть не мѣшаетъ... Очень ужъ франтить да отъ работы отлынивать начинаютъ онѣ — тутъ всякимъ итальянцамъ лафа! Ха, ха, ха!.. Ну, теперь за здоровье Катерины моей, изъ кругового! —провозгласилъ дядя Мартынъ, наполняя обгрызенный стаканчикъ.

Всѣ мы выпили за здоровье m-me Кошаръ изъ кругового, по правиламъ—опоражнивая стаканчикъ до дна и выплескивая капельки на полъ. Только пріятель мой не соблюлъ этой вѣжливости относительно гостепріимной хозяйки—онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, припавъ головой къ столу, и въ отвѣтъ на мои толчки лишь всхрапнулъ самымъ равнодушнымъ образомъ...

— Выпить вѣдь много можно, только не вдругъ, а по маленечку этакъ... Тогда не такъ дѣйствуетъ оно...—проговорилъ, взявъ меня за пуговицу, сосѣдъ съ бѣлой бородой.

Это были первыя его слова за весь вечеръ, но зато они граничили съ чисто философскою мудростью—правда, запоздавшею нѣсколько для нашей компаніи, такъ какъ, не говоря уже обо мнѣ, даже учитель не „вмѣщалъ“ больше и съ твердою рѣшимостью накрылъ ладонью свой стаканъ.

Было далеко за полночь; пѣтухи надрывались до хрипоты, когда мы, вслѣдъ за дядей Мартыномъ, имѣвшимъ на буксирѣ моего пріятеля, выбрались изъ погреба. Въ домѣ всѣ спали. Распростившись съ учителемъ и сосѣдомъ, дядя Мартынъ проводилъ насъ въ приготовленную намъ комнату, гдѣ все — отъ постелей съ чистѣйшимъ бѣльемъ до графиновъ съ водой и разложенныхъ на умывальномъ столикѣ полотенецъ — говорило о внимательной заботливости m-me Кошаръ...

На утро, когда мы очнулись, солнце стояло уже высоко. Насъ встрѣтила улыбающаяся m-me Кошаръ, съ засученными рукавами и въ бѣломъ передникѣ. Дядя Мартынъ работалъ на паромѣ, дѣти ушли въ горы. Въ столовой ожидалъ насъ завтракъ—кофе на молокѣ, медъ, масло, превосходная бернская ветчина и бѣлое вино. Мы отдали должную честь всему этому и простились съ радушной хозяйкой. На паромѣ мы попробовали-было разговориться съ дядей Мартыномъ, но онъ точно переродился за ночь—былъ молчаливъ, сосалъ хмуро и сосредоточенно свою трубку да поплевывалъ въ клокотавшій, прояснившійся Орбъ... Ступивъ на берегъ, мы вручили дядѣ Мартыну положенные два су за перевозъ, которые онъ не спѣша опустилъ въ глубокій карманъ своей куртки, и взяли съ него слово навѣстить насъ въ первое же воскресенье въ отелѣ.

Н. Сѣверовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ АДАМА АСНЫКА.

Безъ словъ мы навсегда простилися съ тобою,
Всѣ рѣчи я сберегъ въ душевной глубинѣ,
Я говорить не могъ... Но сердца нѣтъ со мною—
Оно теперь съ тобой въ далекой сторонѣ.

Бѣлѣетъ домикъ твой подъ крышею родною,
Поютъ тамъ соловьи такъ звонко по веснѣ...
Я отдѣленъ отъ васъ страданьемъ и тоскою,
И домъ мой далеко, и нѣтъ возврата мнѣ...

Такъ больно было мнѣ остаться безъ отвѣта!
Но все-таки я радъ, что яснаго разсвѣта,
Что жизнь твою не буду омрачать,—

Она къ тебѣ идетъ съ улыбкой молодою,
А я прощаюся съ послѣднею зарею,
Иду во тьму—и не вернусь опять!..

II.

...И снилося мнѣ, что осенней порой
Въ холодную ночь я вернулся домой...
По темной дорогѣ прошелъ я одинъ
Къ знакомой усадьбѣ, къ родному селу...
Трещали обмерзшіе сучья лозинъ
Отъ бурнаго вѣтра на старомъ валу;
Деревня спала... И со страхомъ, какъ воръ,
Вошелъ я въ пустынный, покинутый дворъ...

И сжалося сердце отъ боли во мнѣ,
Когда я кругомъ поглядѣлъ при огнѣ!—
Нависъ потолокъ, обвалились углы,
Повсюду скрипятъ подъ ногами полы
И пахнетъ печами... Заброшенъ, забытъ,
На вѣки забытъ онъ, родимый нашъ домъ!..
Зачѣмъ же я здѣсь? Что осталося въ немъ,
И если осталось—о чемъ говорить?

И снилося мнѣ, что всю ночь я ходилъ,
По саду, гдѣ вѣтеръ кружился и выл,
Искалъ я отцомъ посаженную ель,
Тѣхъ комнатъ искалъ, гдѣ сбиралась семья,
Гдѣ мама качала мою колыбель
И съ нѣжною грустью ласкала меня,—
Съ безумной тоскою кого-то я звалъ
И садъ обнаженный гудѣлъ и стоналъ...

III.

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ темнымъ очеркомъ безмолвнаго села;
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела...

Далеко на степи... Какими косяками
Тамъ зрѣлые хлѣба раскинулись-стоятъ!

Надъ темными заросшими межами
Они степныя тайны сторожатъ...

Нѣтъ ни души кругомъ—ни звука, ни тревоги...
Спятъ матово-зеленые овсы
И жаворонокъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Обрызганъ перлами холодными росы...

Нѣтъ ни души кругомъ—зелено-серебристый
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И теплый паръ ночной и ароматъ росистый
Какъ ѳиміамъ разлились предъ зарей...

Ив. Бунинъ.

ДНИ ИСПЫТАНІЙ

— Jours d'épreuve, par Paul Marguerite *).

Изъ быта французской буржуазіи.

Окончаніе.

XXIV *).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Андрэ получилъ отпускъ, и на цѣлыхъ четыре недѣли поселился всей семьей у матери, которая любезно и ласково, какъ всегда, предложила имъ на это время свою квартиру. Жаку было уже шестнадцать мѣсяцевъ, и его отняли отъ груди. Онъ былъ здоровякъ, крѣпышъ, такъ что ему это было ни по чемъ. Марта уже давнымъ давно бѣгала безъ посторонней помощи и, несмотря на то, что порой еще пошатывалась на своихъ толстыхъ ножкахъ, смотрѣла на брата свысока, порывалась даже носить его на рукахъ, какъ большую куклу. Она вообще становилась къ нему благосклоннѣе; была мила и граціозна, какъ истая женщина. Какъ ни отрадно прошло время отпуска, Андрэ и Туанетта не могли имъ вполнѣ насладиться— до того неотвязно мучила ихъ мысль о томъ, какъ бы свести концы съ концами, какъ устроиться поудобнѣе и подешевле. Жить въ Парижѣ было невозможно дорого; а между тѣмъ оба они любили Парижъ, привыкли къ нему, къ его людному шуму. Положимъ, въ провинціи жизнь дешевле, воздухъ чище, больше

*) См. выше: май, 216 стр.

для дѣтей свободы и простору; но зато въ столицѣ не такъ замѣтна, не такъ ощутительна нужда, которую терпятъ тутъ же, вокругъ, тысячи,—десятки тысячъ людей. Въ провинціи же придется, по неволѣ, слѣдовать традиціоннымъ порядкамъ, держаться на извѣстной ступени служебной іерархіи, сообразно съ положеніемъ Андрэ на службѣ. Съ г-жи де-Мерси немыслимо было требовать еще большаго, нежели то, что она уже сдѣлала; оставалось только повторить попытку расшевелить родителей Туанетты, и опять поручили это Крессану. Но и на этотъ разъ онъ не имѣлъ успѣха. Вернулся онъ изъ Шатолюса смущенный и замѣтно разстроенный, и только оставшись наединѣ съ Андрэ далъ волю своему негодованію.

— Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ!—воскликнулъ онъ горячо.

Такъ оно вышло и въ данномъ случаѣ. Старикъ Розенъ совсѣмъ одряхлѣлъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, пляшетъ по дудкѣ жены, а та возится все со своимъ Гиги, который такъ и соритъ деньгами. И Богъ вѣсть, откуда онѣ у него берутся!.. Она готова продать свою послѣднюю рубашку, лишь бы ему было хорошо!.. А вы... не надѣйтесь!

— А!..—только и могъ замѣтить Андрэ.—Но вы, все-таки, ей говорили...

— И говорилъ, и убѣждалъ, и кричалъ... Скажу вамъ попросту (какъ это ни ужасно!): они ничего не понимаютъ, у нихъ и мысли, и чувства заглохли! Мать, какъ вамъ извѣстно, никогда особенно не любила дочерей, и теперь сама понуждаетъ Берту выйти за...

— Какъ это? Замужъ, вторично?

— Да, и за человѣка богатаго, но уже отжившаго и, вдобавокъ, не особенно порядочной семьи.

— И Берта... согласна?

— Ахъ, другъ мой! Да кого же не прельститъ золото?! Она будетъ богата, будетъ помыкать старикомъ; а тамъ онъ умретъ и...

— А что жъ родные?

— Да имъ что? Они въ восторгѣ, особенно Гиги, который и есть главный зачинщикъ этого брака.

— Прелестно, нечего сказать!.. Ну, а дѣдъ?

— Дѣдъ ужъ такъ слабъ и хилъ, что живетъ лишь въ ожиданіи, что его вотъ-вотъ въ третій разъ хватитъ параличъ. Если же онъ хоть что-нибудь еще можетъ соображать, такъ навѣрно очень болитъ душою за дѣтей.

Крессанъ умолкъ. Андрэ прервалъ молчаніе.

— Значитъ, я имѣю дѣло съ исключительною семьей,—проговорилъ онъ.

— О, нѣтъ: въ провинціи онѣ и всѣ такія!.. — и Кресанъ передалъ своему молодому другу массу фактовъ и происшествій, рисующихъ нравы провинціальнаго общества съ самой неприглядной стороны.

— Словомъ, ничего отъ нихъ не дождешься?—какъ бы подводя итогъ всему разговору, сказалъ Андрэ.

Въ отвѣтъ, Кресанъ только передернулъ плечами и глубоко вздохнулъ.

Андрэ, насколько возможно скрывая отъ Туанетты грубыя подробности, передалъ ей суть дѣла. Она всплакнула: ей было жаль разочароваться въ своихъ родныхъ, недостатки которыхъ, въ разлукѣ, для нея стушевались: она искренно ихъ любила, учила малютку-Марту звать ихъ по имени. Но, дѣлать нечего, и съ этимъ пришлось ей считаться: она все взвѣсила и покорилась обстоятельствамъ. Прежде она возставала противъ переселенія за городъ; теперь же сама первая завела о немъ рѣчь.

Разъ принявъ это храброе рѣшеніе, молодые супруги взялись за его выполненіе.

Долго они бродили по окрестностямъ Парижа, не находя ничего для себя подходящаго, пока не набрели на какую-то полянку, пріютившуюся между холмами, на которыхъ виднѣлись красивые господскіе домики. Вкось, въ сторону отъ поляны, шло шоссе по направленію къ парку Сенъ-Клу. На полянѣ паслись лошади, валялись и бѣгали дѣти.

— А вѣдь нашимъ было бы здѣсь хорошо?—сказала Туанетта.

— Мнѣ тоже это пришло въ голову.

Взобравшись на одинъ изъ холмовъ, они довольно долго не могли ничего для себя найти. Наконецъ, Андрэ замѣтилъ въ сторонѣ небольшой, простенькій домъ-особнякъ, на садовой калиткѣ котораго болтался обрывокъ бумаги. На немъ стояло: „Спросить въ № 10“.

— Пойдемъ въ № 10!.. — и черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ вышла какая-то толстая особа и объяснила, что ея хорошіе знакомые поручили ей сдать ихъ домъ за ненадобностью; сами они уѣхали и живутъ теперь въ Парижѣ.—Изволите ихъ знать, можетъ быть?—заключила она, и выразила чистосердечное изумленіе, что господа не знаютъ ея друзей.

— Еще они такіе крупные торговцы, — силилась она пояснить:—у нихъ дочка была опасно больна... живутъ они на Бульварахъ...

Словоохотливая женщина пошла впередъ, на небольшую террасу, которая вела въ домъ.

— Не угодно ли сначала осмотрѣть садъ?—предложила она, и молодые супруги охотно согласились.

Садъ, въ сущности, оказался невеликъ, но въ немъ была и тѣнистая аллейка, и два-три особенно развѣсистыхъ, старыхъ дерева, которыя уютно росли въ углу сада. Позади шелъ небольшой огородъ, гдѣ цвѣлъ картофель; груши и яблоки уже были покрыты плодами; тутъ же росли вишни, абрикосы и сливы. Вверхъ по изгороди вился виноградъ. Въ концѣ сада была калитка, выходившая въ переулокъ.

— Это „Сиреневая“ дорожка,—пояснила женщина не безъ гордости:—по ней три минуты ходьбы до вокзала!

У самаго дома Туанетта замѣтила насосъ, и она пришла отъ него въ восторгъ.

Затѣмъ пришла очередь самаго помѣщенія, состоявшаго изъ кухни, столовой и двухъ комнатъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ, подъ плоскою крышей. Окна распахнули настежъ, и передъ восхищенными взорами нанимателей раскинулся широкій просторъ долины и двухъ холмовъ, которые ее окружали. Между ними, на горизонтѣ, какъ на картинѣ, стояли отчетливо, но въ миніатюрѣ, очертанія Тріумфальной арки и зданія Трокадеро. Въ то время, какъ Андрэ и Туанетта любовались открывшимся передъ ними видомъ, хозяйка „нумера десятаго“ продолжала любезно и многорѣчиво объяснять имъ преимущества и особенности самаго дома и его окрестностей.

— Лавки и продавцы тутъ же, близехонько,—увѣряла она.— Дѣтки могутъ гулять въ паркѣ, а не то такъ просто въ долинкѣ или въ своемъ же садикѣ.

Судя по немногимъ прохожимъ, супруги могли заключить, что здѣсь живется просто и спокойно. Пріятно было видѣть передъ собой просторъ и чувствовать, что дышешь чистымъ, здоровымъ воздухомъ.

Да, хорошо бы тутъ поселиться, вздохнуть свободнѣе!—думалось имъ, — но они молчали.

Это молчаніе не предвѣщало, по мнѣнію словоохотливой сосѣдки, ничего добраго, и ее уже волновала досада на людей, напрасно ее потревожившихъ.

— Такъ цѣна этому домику?..

— Шестьсотъ франковъ въ годъ!—поспѣшила она отвѣтить, сложивъ губки сердечкомъ, какъ бы желая этимъ указать на незначительность этой суммы.

— Шестьсотъ франковъ! — воскликнулъ Андрэ въ восторгѣ отъ такой дешевизны.

— Но, Боже мой! — извинительнымъ тономъ бормотала сосѣдка.—Все здѣсь въ такомъ порядкѣ!.. И обои, и все въ домѣ такъ чисто!.. А впрочемъ, можетъ быть, хозяева вамъ и сбавятъ цѣну...

— Въ такомъ случаѣ, мы могли бы даже заключить контрактъ,—торжественно и твердо проговорила Туанетта.

— Ну, вотъ еще!..—возразилъ Андрэ.—По чистой совѣсти, больше пятисотъ франковъ и давать не стоитъ... Да и то еще!..

Черезъ недѣлю они подписали контрактъ на три года, по 500 франковъ въ годъ.

XXV.

Прошло еще съ годъ.

Все шло по старому, но за Крессаномъ Андрэ сталъ замѣчать кое-какія странности. Съ нѣкотораго времени онъ разсѣянно отвѣчалъ на вопросы, казался озабоченнымъ и подергивалъ плечами съ какой-то смущенной усмѣшкой; затѣмъ вдругъ напускалъ на себя серьезность, будто школьникъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія.

Это крайне заинтересовало Андрэ.

— Что съ вами, Крессанъ?

Въ отвѣтъ на это тотъ посмотрѣлъ какъ-то неопредѣленно и, подумавъ немного, сказалъ:

— Я смѣюсь надъ самимъ собою.

— Надъ собою?

— Да: я открываю въ себѣ новыя, странныя чувства. Вообразите: мой тесть при смерти. Понятно, я не особенно этимъ огорченъ, но жена будетъ по немъ плакать; а когда ея горе уляжется, все-таки на сцену выйдетъ денежный вопросъ: наслѣдуемъ ли мы что-нибудь, или мачиха вовсе не позволила ему озаботиться въ духовной о своей родной дочери? Вѣрите ли, во мнѣ борются теперь самыя разнообразныя и дурныя чувства: тревога, желаніе получить наслѣдство, злоба на возможность лишиться его и досада на недостатокъ предусмотрительности съ моей стороны, на неумѣнье обходиться съ нимъ болѣе политично... Нѣтъ, что ни говорите, курьезная штука сердце человѣка!

И, переведя духъ, онъ продолжалъ:

— Въ сущности, чего же мнѣ волноваться? Я на службѣ;

старшій сынъ — офицеръ; Мари — начальница школы и получаетъ 2.000 фр. въ годъ. Остальныя дѣвочки учатся прекрасно; Томъ переходитъ съ наградами. Словомъ, я отлично обставленъ и ни въ чемъ не нуждаюсь. А вѣдь вотъ же волнуюсь, какъ дуракъ, изъ-за этихъ денегъ!

— Да вѣдь это вполнѣ естественно, потому что, все равно, эти деньги должны достаться вашей женѣ.

— Какъ хотите,—траги-комически настаивалъ добрякъ Крессанъ:—а нехорошо съ моей стороны такъ думать и чувствовать.

Прошло дня три, и онъ въ волненіи ворвался къ Андрэ; на лицѣ его отражалась сильная внутренняя борьба.

— Умеръ!—только и могъ онъ проговорить.

— А!..—сказалъ Андрэ.

Оба съ минуту молчали.

— Да... но безъ особыхъ страданій.

И снова молчанье.

— Наслѣдство наше! — со вздохомъ облегченія произнесъ Крессанъ.

— А!..—еще разъ повторилъ Андрэ.

— Представьте себѣ! — продолжалъ Крессанъ. — Мой тесть все отказалъ своей дочери и ничего ровно — женѣ! Она, положимъ, во многомъ виновата, но... Богъ ей проститъ! Она осталась безъ куска хлѣба... Вы понимаете, что мы ее такъ не оставимъ: вѣдь намъ какъ съ неба свалились добрыхъ двадцать-пять тысячъ франковъ годового дохода. Жена плачетъ, жалѣетъ отца, котораго все-таки любила... Ну, а я... какъ это ни стыдно, я страшно радъ!.. Это непростительно глупо!

Онъ подошелъ къ столу и залпомъ выпилъ воды; затѣмъ отеръ потъ, выступившій у него на лбу, и постепенно лицо его изъ багроваго сдѣлалось болѣе похожимъ на прежнее добродушное и, не взирая на утомленье, улыбающееся лицо добряка-Крессана.

— Вы, вѣроятно, не могли догадаться, чего я волновался всѣ эти дни? Никогда бы я не подумалъ, что деньги могутъ до такой степени вліять на людей! Положимъ, я правъ, что радъ этому наслѣдству ради своихъ же собственныхъ дѣтей, но вѣдь и во мнѣ самомъ оно возбуждаетъ эгоистическую радость, удовольствіе быть богатымъ!

— Къ чему мнѣ эти деньги?..—продолжалъ онъ.—Я и безъ нихъ былъ счастливъ...

Андрэ возразилъ, что, кромѣ личнаго удовольствія, деньги даютъ возможность приносить пользу и удовольствіе другимъ.

— Пожалуй...—старался убѣдить себя Крессанъ.—Но, воля

ваша, я чувствую себя какъ человѣкъ, на котораго лѣтомъ надѣли дорогую и слишкомъ теплую шубу: онъ доволенъ, онъ гордится ею, но... ему слишкомъ жарко! Мнѣ просто неловко; ужъ не отказаться ли отъ наслѣдства?

— Что вы, что вы! Да это просто дико!—и шутя, и смѣясь, Андрэ уговаривалъ его не отказываться.

„Боже мой!—думалось ему:—чего ему такъ ломаться? Мнѣ ли онъ хочетъ показать, что ему все равно, или церемонится самъ съ собою?...“

Крессанъ кончилъ тѣмъ, что примирился съ богатствомъ, а Андрэ—съ бѣдностью. Въ сердцѣ его не было мѣста зависти, но онъ не могъ не удивляться странностямъ судьбы, которая, какъ въ лотереѣ, даетъ однимъ выиграть все, а другимъ—ничего.

„Ну, онъ-то исключеніе! — думалъ Андрэ. — Онъ вполнѣ достоинъ всего хорошаго, какъ человѣкъ, своимъ трудомъ прокормившій и воспитавшій свою семью“.

Но невольно у него на сердцѣ закипѣла горечь обиды на судьбу, которая такъ устроиваетъ жизнь человѣка, что его добрыя дѣла, сами по себѣ, не приносятъ достаточнаго чувства удовлетворенія, и что награда за нихъ является лишь случайно, со стороны. Вотъ вѣдь и эти пятьсотъ тысячъ франковъ, то-есть двадцать-пять тысячъ годового дохода: развѣ разсчитывалъ на нихъ Крессанъ? Они явились у него совершенно неожиданно и принесли ему не только полное довольство, но даже роскошь... И нѣкоторое время Андрэ, какъ бы въ подражаніе Крессану, злился на странныя, обуревавшія его мысли, исключительно вертѣвшіяся на пятистахъ тысячахъ его сослуживца,—суммѣ, съ которой въ провинціи, въ собственномъ помѣстьѣ, можно жить чуть не царемъ.

Какъ-то разъ, когда Андрэ завтракалъ у Крессановъ, оба сослуживца сидѣли въ кабинетѣ и пили кофе. Хозяину дому принесли счетъ, по которому онъ долженъ былъ уплатить, и для этого открылъ свою конторку. Инстинктивно Андрэ вопросительно взглянулъ на нее, какъ на старую знакомую, въ которой, сколько помнится, ящикъ былъ всегда пустъ, если не считать кой-какихъ дѣловыхъ бумагъ. Теперь въ этомъ ящикѣ были процентныя бумаги и золото. Крессанъ вынулъ изъ портфеля банковый билетъ и подалъ его женѣ, но не задвинулъ ящика, ожидая сдачи. Переведя затѣмъ взглядъ на своего молодого сослуживца, онъ замѣтилъ, что тотъ смотритъ на его деньги.

Крессанъ покраснѣлъ и мысленно ругнулъ себя мужикомъ и невѣждой. Ему стало стыдно закрыть ящикъ, чтобы не обидѣлся

Андрэ, и еще стыднѣе оставить его открытымъ, будто для того, чтобы похвастать своимъ богатствомъ. Неловко, смущенно взглянулъ онъ на Андрэ, но тотъ, притворяясь равнодушнымъ, нервно выбивалъ пальцами тактъ по столу и на лицѣ своего друга и сослуживца безъ словъ прочиталъ его мысли:

— „А еслибъ я могъ предложить вамъ хоть часть того, что имѣю, безъ боязни васъ обидѣть!.. Скажите: согласны? Я былъ бы такъ счастливъ!..“

Андрэ улыбнулся, и добрякъ отвѣтилъ ему тоже улыбкой; смущеніе его какъ рукой сняло.

— Ну, а сдачу-то я и позабылъ!..—весело проговорилъ онъ и, бросивъ деньги въ ящикъ, захлопнулъ его.

Друзья оба поняли, что взаимное одолженіе для нихъ немыслимо, благодаря ложнымъ воззрѣніямъ на дружбу и приличіе,— что это дѣйствительно стѣснило бы Андрэ, какъ человѣка, который нуждается въ денежныхъ услугахъ. Таково ужъ вліяніе общества и цивилизаціи, которая испортила первобытныя, простыя и безобидныя отношенія между людьми.

Съ того дня Андрэ уже больше не думалъ безпрестанно, какъ прежде: „пятьсотъ тысячъ!.. пятьсотъ тысячъ!“ и съ чистосердечной радостью вспоминалъ о томъ, что другъ его получилъ богатое наслѣдство.

XXVI.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ дѣти г-жи де-Мерси переѣхали на житье за городъ, она поселилась въ монастырѣ и зажила еще болѣе тоскливо и одиноко. Жизнь тамъ шла тихо и крайне однообразно. Чуть слышной поступью двигались монахини по безконечнымъ лѣстницамъ и коридорамъ; одинъ изъ нихъ велъ прямо въ помѣщеніе, которое занимала мать Андрэ; состояло оно изъ двухъ просторныхъ комнатъ: спальни и гостиной. Окна ихъ выходили на улицу, но и тамъ всегда была тишина. Еще тяжелѣе казалось ей теперь ея одиночество, и только бесѣда съ умнымъ и добродушнымъ патеромъ да чтеніе рекомендованныхъ имъ книгъ сколько-нибудь развлекали ее. Мало-по-малу мысли о смерти и о спасеніи души овладѣли ею, и въ своей горячей вѣрѣ она научилась находить себѣ утѣшеніе. Изъ этого невозмутимаго, благочестиваго покоя ее выводили лишь посѣщенія сына, особенно когда онъ приводилъ съ собой малютку-Марту. Долгое время спустя воспоминаніе объ испытанныхъ

ею тогда материнскихъ радостяхъ дѣлало старушку счастливой, наполняло ее чувствомъ неизъяснимой нѣжности и отрады.

Между тѣмъ Андрэ съ Туанеттой свыкались со своей новой жизнью; однако зима далась имъ не легко.

Лѣтомъ вокругъ нихъ было такъ красиво, такъ людно, а съ наступленіемъ осени все пустѣло и затихало. Не было больше нарядныхъ парочекъ влюбленныхъ, мелькавшихъ въ просвѣтахъ между деревьями, пышными зеленой листвою; не располагались больше шумныя семьи веселымъ завтракомъ на густой травѣ. Ставни затворялись надолго; въ садахъ и въ домахъ все умолкало; надвигались продолжительные туманы, дожди и наконецъ... снѣгъ. Въ пушистой бѣлой пеленѣ, покрывавшей долину, едва можно было кое-гдѣ угадать узкія тропинки, проложенныя рѣдкими пѣшеходами. Для того, чтобы разглядѣть, что дѣлается на дворѣ, приходилось усердно вытирать заиндевѣвшія окна.

Для Туанетты такое уединеніе было полнѣе парижскаго, но она какъ будто меньше замѣчала его, меньше тяготилась имъ. Весь день у нея уходилъ на возню съ дѣтьми и по хозяйству, которымъ она теперь стала интересоваться. Прислуга, Фелиси, была женщина простая, но усердная; по субботамъ, для уборки квартиры, ей на помощь приходила ея мать. Туанетта заглядывала теперь въ кухню, присматривала за стряпнею. По вечерамъ она садилась за работу, и быстро мелькала блестящая игла въ ея тонкихъ пальцахъ. Она работала молча, и Андрэ нерѣдко задавался вопросомъ: какія мысли могли въ это время мелькать у нея въ головѣ? Онъ старался угадать ихъ по выраженію ея овальнаго, блѣднаго лица, по бѣлому, задумчивому лбу, подернутому морщинками, которыя порой на него набѣгали.

Андрэ надѣялся, что теперь, когда они, болѣе чѣмъ когда-нибудь, предоставлены другъ другу, въ Туанеттѣ произойдетъ рѣзкая, желанная перемѣна къ лучшему. Г-жа де-Мерси совершенно уже перестала вмѣшиваться въ ихъ семейную жизнь, и это прекратило напряженность отношеній Андрэ къ женѣ и къ матери, которыя, очевидно, не могли жить въ полномъ согласіи и тѣмъ обоюдно мучили дорогого имъ человѣка. Мягкій отъ природы, склонный къ мирной, любовной семейной жизни, Андрэ почувствовалъ теперь нѣкоторое и даже, пожалуй, значительное облегченіе; но его все-таки мучилъ вопросъ объ отношеніяхъ его жены къ матери и къ нему самому. Онъ старался додуматься до причины, по которой Туанетта не могла полюбить г-жу де-Мерси, столь достойную любви и уваженія.

Онъ самъ явился къ ней, сдѣлалъ ей предложеніе, женился.

Могла ли она думать, что онъ женится, будучи столь мало обезпеченнымъ? Вскорѣ ее постигло разочарованіе; самолюбіе ея пострадало, и жертвы, которыя приносила ради нихъ г-жа де-Мерси, возбудили въ ней не признательность, а чувство униженія: вѣдь, въ сущности, мать заботилась не о ней, а о своемъ же сынѣ. Это чувство послужило началомъ къ тому, чтобы небольшіе промахи г-жи де-Мерси въ обращеніи съ невѣсткой окончательно возстановили послѣднюю противъ нея.

Да, такъ оно и есть: онъ угадалъ! Но все-таки, что за черствость души въ такой молодой женщинѣ!

Неужели она не понимаетъ, не умѣетъ принимать подобающимъ образомъ жертвъ, которыя приносятся такъ добровольно, съ такою любовью?.. И наконецъ, развѣ нельзя ей было, хоть изъ любви къ мужу, относиться къ его матери и къ нему болѣе ласково и терпѣливо? Вѣдь должна же она догадываться о томъ, какъ онъ страдаетъ?

Такъ думалъ Андрэ, поглядывая на жену, на Марту и на Жака, который крѣпко спалъ въ колыбели, стоявшей рядомъ съ кроваткой сестренки.

„А все-таки Туанетта—моя жена, мать моихъ дѣтей!“ думалъ Андрэ и смягчался душою, любя одинаково всѣхъ троихъ, испытывая къ нимъ глубокое чувство, внѣдрившееся въ него мало-по-малу и освященное силою времени и привычки, лишиться которой казалось ему теперь равносильнымъ смерти.

— Я самъ во всемъ виноватъ: мнѣ бы слѣдовало лучше знать жизнь и умѣть доставить Туанеттѣ больше удобствъ, которыя нравились ей. Я былъ тогда молодъ и неразсудителенъ; теперь же житейскій опытъ состарилъ меня. Но повліялъ ли онъ такъ же на Туанетту? Можетъ ли она спокойно выносить жизнь, полную труда и лишеній? Съумѣетъ ли воспользоваться ея отрадными и полезными сторонами? Кончены ли наши раздоры и недоразумѣнія?

И Андрэ наклонялся ближе къ лампѣ, всматриваясь въ серьезное лицо жены, съ упорно стиснутыми губами, съ досадливой складкой на лбу.

„Бѣдная!—думалъ онъ.—Вѣдь она во мнѣ не нуждалась, не звала меня, я самъ къ ней назвался въ мужья... Дай Богъ, чтобы она была со мной счастлива!..“

Конечно, Туанетта могла бы быть съ нимъ счастлива, потому что онъ искренно любилъ ее. Но она-то сама дальше вѣрности ничѣмъ не отвѣчала на его вѣрность, ничѣмъ, такъ сказать, не проявляла ему своей признательности. Она не размышляла такъ,

какъ онъ: она только умѣла чувствовать. Часто, обидѣвъ мужа, она жалѣла объ этомъ, ей было больно отъ сознанія ея собственнаго поступка, но ни за что на свѣтѣ не согласилась бы она дать ему это замѣтить или просить у него прощенія. Случалось, что Андрэ вспылитъ и крикнетъ на нее:

— Оставь меня! Ты напрасно мучаешь меня!..

Это на минуту озадачитъ, даже огорчитъ ее, но затѣмъ, благодаря непостоянству и страстности своей натуры, она забудетъ и перенесетъ свое вниманіе на что-нибудь другое.

А между тѣмъ у Туанетты, на ряду съ недостатками, были и большія достоинства. Она была практична, откровенна чуть не до грубости и не терпѣла притворства. Самая молчаливость ея была признакомъ стыдливости, скромности. Она любила мужа, какъ любила и дѣтей,—потому что они принадлежали ей, жили съ нею, нуждались въ ея вниманіи и заботахъ. Но въ то же время она не ощущала ни малѣйшей потребности отдаться мужу вполнѣ, всѣми своими чувствами, всѣми помыслами,—жить одною съ нимъ жизнью, входить въ его интересы. Она такъ же мало понимала мужа, какъ и онъ ее. Не разъ случалось, что Андрэ, развивая передъ женою свои планы на будущее, высказывая ей свои желанія, говорилъ самъ себѣ:

„Нѣтъ, она положительно не понимаетъ меня! Это не укладывается у нея въ головѣ".

И оба были правы, каждый по своему, а между тѣмъ совмѣстная жизнь, общность семейныхъ радостей и заботъ все-таки ихъ сближала.

Зимѣ, казалось, не будетъ конца.

Ежедневно, въ половинѣ десятаго утра, Андрэ наскоро завтракалъ и, пройдя черезъ садъ, занесенный снѣгомъ, храбро шагалъ черезъ поле, по направленію къ пароходной пристани. Когда снѣгъ таялъ, дорога была особенно грязна. Андрэ, какъ это ни было смѣшно, осторожно подвертывалъ брюки и старался не слишкомъ вязнуть въ грязи. Добравшись до большой дороги, онъ шелъ прямо къ Сенѣ, которая угрюмо катила свои мутныя, желтоватыя волны. На пароходѣ было душно; общество пассажировъ всегда состояло изъ торговцевъ и торговокъ, какого-нибудь патера, солдата, двухъ-трехъ дѣтей, рабочихъ. Тутъ же непремѣнно стояли огромныя корзины съ товаромъ и жались къ окнамъ шаловливыя малютки, съ наслажденіемъ приплюскивая къ окну свои толстые носишки.

До двухъ часовъ Андрэ смирно сидѣлъ въ своей мрачной каморкѣ; въ два онъ звонилъ, чтобы ему подали лампу, а окон-

чивъ работу, радъ былъ тихонько посидѣть у камина, лѣниво пошевеливая красныя головешки и мечтая, какъ любятъ мечтать старики.

Подъ вечеръ, опять какъ утромъ, шлепая по грязи, усталый и зачастую не въ духѣ, онъ еще издали съ удовольствіемъ видѣлъ сверкавшія огнемъ окна домика, въ которомъ его ждали жена и дѣти. Въ столовой пылалъ яркій огонь въ каминѣ и дымился на столѣ обѣдъ, который дѣти всегда привѣтствовали веселымъ крикомъ и суетнею.

Почти всегда человѣкъ можетъ самъ устроить свое счастье: Андрэ такъ и сдѣлалъ. Если же оно не вполнѣ отвѣчало всѣмъ его потребностямъ, если оно не наполняло его жизни и сердца, то чья же въ томъ вина?

XXVII.

Пришла весна. Повѣяло лѣтомъ, и Андрэ потянуло вдаль, куда-нибудь на югъ, въ новыя, жаркія страны, куда обыкновенно тянетъ молодого, впечатлительнаго человѣка. Но, за неимѣніемъ ничего лучшаго, приходилось довольствоваться прогулками въ паркѣ или просто въ полѣ, въ своемъ саду. Дѣти были еще малы, но уже радовали родителей своей миловидностью. Марта становилась мила и граціозна какъ дѣвочка; ее одѣвали большею частью въ красное платьице и большую красную шляпу, такъ что издали отецъ принималъ ее за большой красный макъ, а Жака—за бѣлую ромашку. Иногда Туанетта отъ души забавлялась съ дѣтьми, бѣгала съ ними взапуски или въ лошадки, подбрасывала ихъ на рукахъ или просто сидѣла съ работой на террасѣ, принаряженная, съ ленточкой въ волосахъ. Когда мужъ приходилъ домой, она не шла къ нему на встрѣчу, но все-таки съ любопытствомъ разспрашивала его о минувшемъ днѣ.

Когда по сосѣдству случились двѣ-три кражи, Андрэ купилъ простую собаку-дворняжку и назвалъ ее Тобомъ. Тобъ былъ добродушное и быстрое животное; забавлялъ не только дѣтей, но и Туанетту. Вскорѣ послѣ того къ нимъ стала ежедневно похаживать черная кошка съ зелеными блестящими глазами, и Андрэ разрѣшилъ дѣтямъ пріютить ее; кошку назвали Пушкомъ въ честь ея пушистой, мягкой шёрстки. Прошло два-три дня, и Тобъ съ Пушкомъ стали первѣйшими друзьями.

Разъ, когда Туанетта сидѣла на террасѣ, мимо проѣхала небольшая колясочка, въ которой сидѣлъ франтоватый господинъ.

Туанетта смутилась отъ его пристальнаго, и ласковаго, и нахальнаго взгляда; затѣмъ, оправившись, рѣшила, что ни за что не пойдетъ завтра на террасу. Настало утро,—и Туанетта опять очутилась на террасѣ, но колясочка не проѣзжала мимо.

Портниха, приходившая мѣрять ей платье, отличалась словоохотливостью, и ея болтовня придала мыслямъ Туанетты совсѣмъ особое направленіе. Она стала заниматься собою, желала видимо нравиться мужу, ласкалась къ нему; ее какъ будто мучило раскаяніе, что она хоть на минуту могла подумать о другомъ. Андрэ былъ тронутъ ея лаской и отвѣчалъ ей тѣмъ же: онъ былъ молодъ, и потребность въ любви была въ немъ сильна.

Въ скоромъ времени у Туанетты зародилось подозрѣніе, не беременна ли она, и супруги оба въ волненіи думали о третьемъ ребенкѣ,—объ этомъ незваномъ пришельцѣ. Но Андрэ самъ на себя сердился за то, что его сердила мысль о появленіи этого новаго члена семьи. Ему вспомнилось ожиданіе и появленіе на свѣтъ Марты и Жака и всѣ трогательныя мелочи, сопровождавшія ихъ, и ему стало обидно на себя, на свои безсердечныя думы: онъ почти желалъ, чтобы предположеніе Туанетты обратилось въ увѣренность, и даже огорчился, когда этого не случилось.

„Боже мой! — думалось ему:—неужели бѣдность настолько жестока, чтобы заставлять насъ считать за несчастіе рожденіе ребенка, который—наша же собственная плоть и кровь?"

А все-таки, когда положеніе Туанетты оказалось нормальнымъ, и она этому порадовалась,—Андрэ порадовался вмѣстѣ съ нею, хоть и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти.

Крессанъ, котораго соблазнили замокъ и богатыя угодья покойнаго свекра, съ удовольствіемъ распростился со своей службой и, положивъ его вдовѣ (хотя она и не стоила того) хорошую пенсію, переѣхалъ всей семьею въ наслѣдованный замокъ, такъ какъ его манило пожить на покоѣ на чистомъ воздухѣ и самому управлять своимъ имѣніемъ. Черезъ Крессана, который часто имъ писалъ оттуда, Андрэ узнавалъ всѣ новости, касавшіяся Розеновъ. Берта вышла за старика-богача, который въ ней души не чаялъ, но былъ слабъ здоровьемъ, несмотря на свою тучность.

„Дѣдушка Розенъ,—писалъ онъ,—хоть и разбитъ параличомъ, но, завидя меня, замѣтно оживляется, будто хочетъ мнѣ что-то сказать; по этому поводу мнѣ лучше бы всего переговорить съ вами лично. Всѣ мы здоровы; я доволенъ, что вожусь съ хозяйствомъ; но, повѣрите ли? съ тѣхъ поръ, какъ я отдыхаю, мнѣ кажется, что я устаю гораздо больше прежняго и даже

скучаю безъ работы? Жена моя живетъ, какъ и всегда, крайне просто: цѣлыми днями ходитъ въ капотѣ и съ наслажденіемъ возится въ „своемъ“ саду, то-есть, въ той части большого сада, которую она такъ называетъ. Съ прежнимъ же увлеченіемъ она варитъ варенье, котораго и посылаетъ нѣсколько банокъ (семь или восемь) Мартѣ и Жаку“.

XXVIII.

Къ концу лѣта Андрэ, измученный службой и постоянными лишеніями, такъ усталъ и нравственно, и физически, что сталъ плохо спать по ночамъ, сдѣлался раздражительнѣе. Въ этомъ Туанетта не уступала ему; она чаще прежняго жаловалась на свою замкнутую жизнь, полную безотрадныхъ лишеній, на свои труды и заботы.

— Боже, какъ я устала!—говорила она иногда ворчливо.— Сегодня три раза пришлось перемѣнить Жаку штанишки, и я перештопала три пары чулокъ... Просто голову ломитъ!

„А у меня ее развѣ не ломитъ?—возражалъ ей мысленно Андрэ:—я-то, небось, устаю побольше твоего!..“

И въ самомъ дѣлѣ, случилось какъ-то разъ, что на службѣ у него разболѣлась голова, по тѣлу пробѣгала лихорадочная дрожь. Въ это время обоюдныя отношенія супруговъ уже сильно обострились: между ними, какъ говорится, кошка пробѣжала. Споры были у нихъ теперь дѣломъ обычнымъ: Туанетта спорила злобно, подчасъ обидно для мужа, но никогда первая не сдавалась. Андрэ, уставшій поддаваться, сталъ не просить, а приказывать. Жена не смѣла ослушаться, но Андрэ не разъ подмѣчалъ, съ какою ненавистью поглядывала она на него исподтишка, и думалъ:

„Ужъ не слишкомъ ли грубо я съ ней обращаюсь?.. Да нѣтъ! Надо же, чтобы мужъ былъ главой своей семьи!“

Отъ такихъ думъ ему казалось, что голова его трещитъ еще сильнѣе, и въ то же время, хватаясь рукой за свой пылающій лобъ, онъ говорилъ самъ съ собою:

„Да чего жъ она такъ болитъ?“

И бывали минуты, что онъ переставалъ работать, сидя надъ бумагами, какъ ошеломленный, съ тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ.

На утро, когда онъ еще крѣпко спалъ, Туанетта тщетно старалась его добудиться:

— Андрэ! Да вставай же! Пора!—кричала она ему подъ самымъ ухомъ.

Онъ открылъ глаза; выраженіе ихъ поразило Туанетту: оно было какое-то смутное, не то печальное, не то страдальческое.

— Да что съ тобой?

— Ничего... Ничего!—и онъ попробовалъ встать.

— Ты нездоровъ?—допрашивала Туанетта и пощупала ему руки: онѣ горѣли, какъ въ огнѣ.

— Да нѣтъ же, я просто слишкомъ усталъ, вотъ и все!

Но въ слѣдующую ночь у него открылась сильнѣйшая лихорадка. Все тѣло такъ горѣло, что Туанетта, какъ ни отодвигалась отъ него, не могла лежать съ нимъ на одной кровати. Она встала, послала за докторомъ, и тотъ сразу установилъ всѣ симптомы тифозной горячки.

Туанетта сама стала ухаживать за мужемъ и не предупредила свекровь, чтобы „ее не потревожить“,—а въ сущности изъ ревности, чтобы та не вздумала ухаживать за сыномъ. Дѣтей Туанетта перевела наверхъ, а сама, съ помощью Фелиси, ходила за больнымъ, въ то время, какъ старушка-поденщица смотрѣла за дѣтьми.

Первыя двѣ-три ночи были для Туанетты особенно тревожны. Сидя у его изголовья, она мысленно перебирала всѣ его неправды противъ нея и прибавляла:

„Какой онъ сталъ ворчунъ!.. Да нѣтъ: это въ немъ ужъ, вѣрно, готовилась болѣзнь!“—И она почти сознавала въ себѣ погрѣшности противъ него.

Андрэ бредилъ,—и этотъ бредъ былъ для нея тяжкимъ испытаніемъ. Андрэ то отчаянно кричалъ, то нѣжно звалъ ее и дѣтей. Ей становилось жутко; она боялась къ нему подойти.

— Туанетта!—кричалъ онъ.—Туанетта!.. Не обижай меня!.. Мнѣ больно!.. Ты напрасно, напрасно меня обижаешь!..

Она взглянула на него, и сердце ей защемило отъ жалости; она подошла и платкомъ отерла ему потъ со лба и съ блѣднаго, изможденнаго лица.

Онъ затихъ, успокоился.

„Боже мой, и тутъ, въ бреду, онъ укоряетъ меня, повторяетъ безсознательно тѣ же выраженія, которыя я слышала отъ него здороваго!—думала Туанетта.—Значитъ, какъ онъ долженъ былъ страдать, какъ чувствовать, что я его мучаю, обижаю! О, да! да! Я напрасно его обижала, я неправа передъ нимъ... Боже мой, что если Андрэ опасно боленъ? Ну, что если онъ...

умретъ?..“ Андрэ!..—Андрэ!..—въ отчаяніи закричала она, наклоняясь надъ нимъ, но онъ лежалъ неподвижно.

— Андрэ, дорогой мой, любимый! Ты слышишь меня? Скажи хоть словечко!..

Но Андрэ продолжалъ безучастно молчать.

Тогда ей стало страшно. Ей вдругъ представилось, что Андрэ умретъ... умреть непремѣнно, и она останется безъ него,—вдовой, съ сиротами на рукахъ. Что дѣлать? Куда дѣваться? У своихъ нечего и думать искать пріюта; къ Кресеанамъ обратиться за помощью тоже стыдно...

Туанетта бросилась къ мужу на грудь и, обливаясь слезами, пытливо прислушивалась къ его дыханью.

— Боже мой!.. Боже мой!..—только и могла она безсвязно лепетать, падая на колѣни и безмолвно творя самые горячіе обѣты. Затѣмъ, въ усердной молитвѣ, призывала на помощь Спасителя, Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ, и встала съ колѣнъ успокоенная, хоть и не смѣла надѣяться, что мольба ея будетъ услышана.

Черезъ нѣсколько дней докторъ сказалъ молодой женщинѣ, что отвѣчаетъ за благополучный исходъ болѣзни, и выздоровленіе пошло медленными, но вѣрными шагами.

Первый разъ, какъ Андрэ могъ съѣсть котлетку, Туанетта заплакала отъ радости. Дѣти не узнавали отца — до того онъ похудѣлъ и обросъ колючей бородою.

Несмотря на свое искреннее раскаяніе, Туанетта ничего о томъ не сказала мужу; но ея ласки и самоотверженіе были краснорѣчивѣе словъ. Такое тяжкое испытаніе, конечно, не прошло ей даромъ: она слегла, но вскорѣ поправилась, благодаря нѣжному уходу окружающихъ.

Жизнь снова пошла своимъ чередомъ и въ наружныхъ своихъ проявленіяхъ ни въ чемъ не измѣнилась; но въ душѣ, и Туанетта, и Андрэ, испытывали на себѣ значительную и благотворную перемѣну.

„Вѣдь могъ же онъ умереть, бѣдный Андрэ! Что бы тогда съ нами было?!“—частенько повторяла про себя жена.

„А вѣдь я могъ бы умереть (думалъ Андрэ): что бы тогда съ ними было?!“

И сама жизнь, и трудъ, и лишенія, все ему казалось теперь отраднымъ, желаннымъ.

Въ одинъ изъ теплыхъ октябрьскихъ дней онъ гулялъ въ паркѣ съ Туанеттой. Сыроватые, желтые листья шелестѣли у нихъ

подъ ногами. Солнце привѣтливо грѣло, но все вокругъ имѣло какой-то печальный оттѣнокъ.

— А помнишь ли,—началъ Андрэ,—нашу первую прогулку вдвоемъ, на дачѣ у Крессановъ? Какъ мы были веселы и счастливы тогда!

— Мы были молоды,—тихо замѣтила Туанетта, и ей показалось, что она сказала глупость; но, въ сущности, она именно чувствовала то, что говорила.

— Да,—подтвердилъ Андрэ:—теперь мы стали серьезнѣе!

И Туанетта, въ задумчивости, утвердительно кивнула ему головою. Взглянувъ съ улыбкой другъ на друга, оба замѣтили, что сильно измѣнились: Андрэ будто состарился, благодаря густой бородѣ, а Туанетта окрѣпла, стала женщиной. Несмотря на семь лѣтъ тяжелой семейной жизни, они чувствовали, что еще молоды, полны силъ и бодрости духа. Имъ казалось, что ихъ въ будущемъ ожидаетъ какая-то новая жизнь, не лишенная испытаній, но уже не страшная имъ и даже потому именно заманчивая.

— А вѣдь мы долго не забудемъ этой прогулки, — проговорила Туанетта, и оба, въ тихихъ мечтахъ, полныхъ надежды на что-то лучшее, свѣтлое, пошли обратно, по направленію къ дому.

— Зима недалеко! — сказала Туанетта, взглядомъ указывая на мрачныя, сгустившіяся тучки.

— А тамъ — опять весна! — отвѣчалъ Андрэ, и ихъ обоихъ ободрила увѣренность, что послѣ стужи и непогодъ наступятъ теплые, ясные дни.

Однажды, видя, что жена роется въ своихъ ящикахъ и картонкахъ, Андрэ подумалъ, что и ему хорошо бы привести въ порядокъ свои бумаги и письма. Въ числѣ послѣднихъ ему подъ руку попалось письмо Дамура изъ Алжира,—то самое, въ которомъ адвокатъ сообщалъ своему молодому другу о намѣреніи тамъ поселиться.

„Очень жаль,—писалъ онъ дальше,—что вы не можете сами управлять имѣніемъ вашей матушки: оно смѣло давало бы тогда вдвое больше дохода“...

Эти строки ужъ не сегодня приходили Андрэ на память; но съ этихъ поръ онъ сталъ еще чаще думать о нихъ, сталъ даже интересоваться агрономическими вопросами.

„Вѣдь все равно, рано или поздно, силою законовъ природы, это помѣстье должно перейти въ мои руки. Почему жъ бы мнѣ не подготовиться къ этому заранѣе?..“

И съ тѣхъ поръ у Андрэ явился еще новый интересъ, которымъ онъ, однако, преднамѣренно не дѣлился съ женою.

XXIX.

Зима уже приходила къ концу, когда Туанетта получила извѣстіе о смерти дѣдушки: сыну онъ оставилъ 15.000 фр., а ей, своей любимой внучкѣ, только 4.000 фр. Кресанъ писалъ, что родители ея меньше обрадовались своему наслѣдству, нежели досадовали на 4.000 фр. Туанетты. Она очень плакала, жалѣя старика, который всегда былъ къ ней особенно добръ и ласковъ.

Получивъ деньги, Андрэ прежде всего предложилъ женѣ запастись новымъ бѣльемъ, платьями и шляпами, но она равнодушно отъ нихъ отказалась, говоря, что не чувствуетъ въ нихъ нужды. И въ самомъ дѣлѣ, она свыклась со своимъ скромнымъ домашнимъ бытомъ и не ощущала прежней потребности въ нарядахъ.

Дѣти, между тѣмъ, подростали. Теперь ужъ не Марта, а Жакъ коверкалъ слова; сестрица его говорила прекрасно и даже, подъ руководствомъ своего папы, занималась изученіемъ азбуки. Отецъ былъ отъ нея въ восторгѣ; но особенно хороша она была вечеромъ, когда, стоя въ кроваткѣ въ своей длинной бѣлой рубашкѣ, протягивала ему свои ручки для поцѣлуя. Передъ сномъ она сонnымъ голоскомъ повторяла наивныя строки самодѣльной молитвы, отъ которой, однако, Андрэ настоялъ, чтобы мать ее отучила, замѣнивъ эту, какъ онъ говорилъ, „*дребедень*“, Молитвой Господней.

Въ отношеніи вѣры также Андрэ чувствовалъ въ себѣ большую перемѣну. Не то чтобы онъ совсѣмъ переродился, изъ невѣрующаго вдругъ сталъ вѣрующимъ; но онъ признавалъ необходимость вѣры для тѣхъ, кому не остается въ жизни иного утѣшенія, иной поддержки. И въ самомъ дѣлѣ, не будь вѣры, гдѣ бы нашли истомленные и больные силу страдать, терпѣть несчастія и бодро встрѣтить смерть?

„Что было бы тогда съ такими женщинами, какъ, напримѣръ, моя мать? Продолжать прежнюю свою жизнь она не въ силахъ, для новой она устарѣла; сознаніе исполненнаго долга—недостаточное утѣшеніе въ такомъ безотрадномъ положеніи, къ которому она пришла на старости лѣтъ. Вѣра для нея теперь—единственное дѣйствительное средство для примиренія съ земной жизнью и для ожиданія вѣчной!..“

Таковы были размышленія Андрэ, которыя вызвало въ немъ его послѣднее посѣщеніе.

На этотъ разъ онъ взялъ съ собою Марту, которую ба-

бушка уже нѣсколько мѣсяцевъ не видала. Андрэ нашелъ, съ перваго же взгляда, что мать осунулась, ослабѣла. Занавѣски на окнахъ были спущены наполовину, чтобы свѣтъ ей не рѣзалъ глаза. Она сидѣла въ креслѣ, держась прямо, какъ и всегда, и неподвижно глядѣла на противоположную стѣну, гдѣ, въ полусвѣтѣ, выдѣлялось большое бѣлое Распятіе.

— Андрэ, это ты?—проговорила она беззвучнымъ голосомъ.—Здравствуй!

Марта, съ которой отецъ, гуляя наединѣ, часто говорилъ о бабушкѣ, привѣтливо протянула къ ней ручки.

Г-жа де-Мерси поцѣловала ее въ лобъ.

— Она подросла,—сказала старушка и вынула ей изъ старой бонбоньерки нѣсколько анисовыхъ конфетокъ.

— Какъ поживаетъ Пушокъ? Сынъ ея здоровъ! — и она позвала котенка, который улегся у нея на колѣняхъ. Ну, а Жакъ? Почему ты не привелъ его?

— У него насморкъ,—отвѣтилъ Андрэ.

Мать промолчала и только нѣжно поглаживала своего любимца, какъ будто вся ея любовь перенеслась на это ласковое, пушистое животное.

— Нашъ патеръ—прекрасный человѣкъ,—продолжала она своимъ ровнымъ, негромкимъ голосомъ. — Ты съ нимъ еще не знакомъ? Онъ сегодня ужъ заходилъ ко мнѣ; онъ—мой духовный наставникъ, и я очень этимъ довольна... Сиди, сиди, моя прелесть!—обратилась она нѣсколько оживленнѣе къ котенку.

На душѣ у Андрэ было какъ-то жутко. Онъ невольно страдалъ въ этой мрачной комнатѣ, въ которой мать его казалась еще старѣе, а лицо ея, лишенное выразительности—еще желтѣе. Въ глазахъ ея не отражалось чувства ни къ сыну, ни къ прелестной крошкѣ, которая удивленно поглядывала на бабушку. Андрэ почувствовалъ, что мать ужъ больше его не любитъ, и счелъ это возмездіемъ за свои проступки передъ нею.

— Мама!—нѣжно сказалъ онъ и взялъ ее за руку:—я такъ тебя люблю!

Старушка перевела на него свой безучастный взглядъ и какъ будто что-то припоминала.

— Да, дитя, я знаю; и я тоже очень тебя люблю!

Андрэ поблѣднѣлъ, заслыша въ ея голосѣ оттѣнокъ сожалѣнія, и молча пожалъ ея руку.

— Представь себѣ: вѣдь Марта умѣетъ читать!—заговорилъ онъ снова съ натянутой улыбкой.

— А!—протянула старушка и, будто отъ чего-то очнувшись,

прибавила:—Я еще не разглядѣла ее хорошенько. Андрэ, подними-ка занавѣску!

Онъ съ удовольствіемъ повиновался.

Мать всплеснула руками:

— О, да какая же она большая, какая красавица! Скажи мнѣ, ангелочекъ: любишь ли ты свою бабушку—ну, хоть немножко?

— О, да, люблю!—воскликнула дѣвочка такимъ тономъ, какъ будто понимала всю силу своихъ словъ.

— Ахъ ты моя крошечка, моя прелесть!—восхищалась бабушка.—Ну, поцѣлуй же меня!.. — и, швырнувъ съ колѣнъ котенка, она подхватила, обняла малютку, осыпая и щечки, и глазки ея горячими поцѣлуями.

Помолодѣвъ сразу лѣтъ на десять, она была снова самой собою: оживилась, вышла изъ мрачнаго состоянія унынія и безучастности. Она потребовала, чтобы Андрэ остался у нея обѣдать, и заставила его послать женѣ телеграмму, чтобы она не тревожилась. Все время г-жа де-Мерси была весела и усердно пичкала внучку вареньемъ, а та, въ свою очередь, пичкала котенка пирожками.

Возвращаясь домой, въ вагонѣ, Андрэ везъ на рукахъ дремавшую дочурку и передумалъ тяжелыя думы.

„Если такія посѣщенія, какъ сегодняшнее, будутъ часто повторяться, они убьютъ ее: слишкомъ ощутителенъ для нея будетъ переходъ отъ оживленія и радости къ ея ежедневной, тоскливой и однообразной жизни. Всѣ ея интересы ограничиваются теперь патеромъ и заботами о котенкѣ!..“—И Андрэ содрогнулся отъ жалости...

— Наконецъ-то!—вскричала Туанетта, встрѣчая мужа.—Въ другой разъ прошу васъ заранѣе меня предупреждать! Я такъ и знала, что вы останетесь обѣдать... Не стоило и тратиться на телеграмму!..

Андрэ пожалъ плечами.

„Что же это? Неужели она все еще ревнуетъ меня къ матери,—къ человѣку, который уже въ гробъ смотритъ?..“

Ночью онъ спалъ тревожно. Ему снились тяжелые сны.

XXX.

Тобъ и Пушокъ подросли и постепенно состарѣлись. Глядя на нихъ, Андрэ замѣчалъ, какъ время шло, какъ и онъ самъ старѣлъ. Пушокъ ужъ давно дождалась внучатъ; походка ея стала

тяжелѣе, серьезнѣе; оживлялась она лишь иногда, чтобы поиграть со своимъ бѣленькимъ, какъ снѣгъ, внученкомъ.

Тобъ сталъ умнѣе, солиднѣе; добрые глаза его выражали мягкость характера и преданность своимъ маленькимъ и большимъ хозяевамъ; какъ ни мучили его дѣти, онъ только ласково лизалъ имъ руки; съ кошками онъ былъ очень друженъ, и Фелиси съ наслажденіемъ смотрѣла на ихъ общія игры. Туанетта не мѣшала ей ухаживать за ними, а та, въ восторгѣ, что отъ ея заботъ зависитъ столько народа, отъ полноты души восклицала:

— Мы живемъ по-божески!

Вечеромъ, когда становилось свѣжо, Туанетта звала Фелиси и приказывала одѣть дѣтей потеплѣе. Та подхватывала ихъ на руки и какъ перышко уносила домой, а они заливались громкимъ, веселымъ смѣхомъ, счастливые тѣмъ, что она ихъ такъ любитъ. Андрэ былъ для Фелиси предметомъ своего рода культа: надо было видѣть, съ какой осторожностью она чистила его платье и съ какимъ неистовствомъ—сапоги. За госпожей она усердно ходила во время болѣзни и вообще была очень привязана къ ней, такъ что супруги оба только того и желали, чтобы изъ нея вышла одна изъ тѣхъ слугъ, которыя живутъ жизнью и интересами своихъ господъ, доживаютъ у нихъ въ домѣ до старости и даже закрываютъ имъ глаза. Фелиси была именно изъ такихъ людей—преданныхъ, хоть и грубыхъ по внѣшности. Во вкусахъ своихъ она также отличалась крайней простотою; питалась главнымъ образомъ растительною пищей, никогда не употребляя ни мяса, ни вина; довольствовалась своимъ крайне ограниченнымъ жалованьемъ и даже копила деньги. Андрэ, главнымъ образомъ, уважалъ въ ней честнаго, а Туанетта—работящаго человѣка.

Въ саду была тишина.

День былъ такъ хорошъ, что съ трудомъ удалось вечеромъ угомонить и уложить дѣтей.

Молодые родители не могли разстаться съ садомъ, надъ которымъ уже выплывала красавица-луна. На горизонтѣ, далеко-далеко, скорѣе можно было угадать, чѣмъ видѣть огоньки и огни Парижа. Въ темной, влажной травѣ сіяли фонарики скромныхъ свѣтляковъ, а надъ ними лила свой голубоватый свѣтъ серебристая луна.

Давно уже не чувствовали молодые супруги того наслажденія природой, какъ въ этотъ вечеръ: имъ казалось, что сама жизнь вливается въ нихъ съ каждымъ вздохомъ, и млѣетъ въ тихой, ароматной мглѣ лѣтней ночи. Они молчали; Андрэ обвилъ рукой станъ жены. Но вотъ черная, будто креповая тучка заслонила

луну, и все вокругъ потемнѣло. Онъ коснулся губами свѣжаго лица жены, и она не противилась его поцѣлую; оба чувствовали въ себѣ радость жизни и любви.

Всѣ житейскія печали и невзгоды не мѣшали ихъ взаимному нѣжному чувству, напротивъ: онѣ даже, какъ будто очищали его, придавали ему особую прелесть.

Облако пролетѣло—и снова задрожали яркія звѣздочки на темномъ бархатномъ фонѣ небесъ, на широкой полосѣ Млечнаго Пути. Туанетта заглядѣлась на нихъ.

— Боже! Сколько звѣздъ! Какъ необъятенъ сводъ небесъ!.. Есть ли ему границы?

— Онъ безграниченъ: нѣтъ ему ни начала, ни конца.

— Но вѣдь Богъ сотворилъ все это?

— Да, невѣдомая сила дала жизнь матеріи; но матерія, очень можетъ быть, существовала еще до начала вѣковъ.

— Скажи, Андрэ, какъ тебѣ кажется: слышитъ ли Богъ наши молитвы, творитъ ли Онъ чудеса?

— Нѣтъ, чудесъ не бываетъ: законы природы неизмѣнны!

— Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же мы живемъ?

— Зачѣмъ? Это тайна, которой мы не можемъ себѣ уяснить; —довольно того, что мы живемъ. Человѣкъ средняго развитія можетъ все-таки (и *долженъ*) понимать, что мы посланы исполнять свой долгъ.

— Но какой? Пользоваться жизнью?

— Да, но только согласно съ понятіями о добрѣ и справедливости, которыя съ нами родились и развиваются въ насъ съ помощью наукъ и воспитанія.

— А потомъ, Андрэ, послѣ смерти? Тогда всему конецъ?

— Но почему же конецъ? Ничто въ мірѣ не имѣетъ конца: все родится и перерождается.

— А какъ же наша душа, наша совѣсть? Живутъ ли онѣ еще, или умираютъ съ нами?

— Тутъ ужъ я не могу ничего тебѣ сказать. Самое лучшее, если каждый вѣритъ въ то, что можетъ ему служить утѣшеніемъ и надеждой на будущее.

— А тебѣ, Андрэ, чего бы хотѣлось?

— Отдохнуть! Послѣ житейскихъ трудовъ и заботъ, это должно быть очень отрадно.

— Какъ ты думаешь, къ чему есть бѣдняки, всю жизнь не видавшіе радости?

Андрэ вздохнулъ и, подумавъ немного, тихо сказалъ:

— Взгляни на лѣсъ, въ которомъ большія деревья заглу-

шаютъ маленькія; взгляни на животныхъ, изъ которыхъ сильнѣйшія пожираютъ слабѣйшихъ: зло необходимо, оно—законъ природы.

— Андрэ, случается тебѣ думать о смерти? Ты не боишься ея? Предсмертныя муки вѣдь такъ ужасны!

— Нѣтъ, не боюсь, дорогая: это одна минута, и... кончено!

— Но мы умремъ вмѣстѣ, Андрэ?

— Будемъ надѣяться, дорогая!..

И оба, умолкнувъ, тихонько пошли домой.

Нагнувшись надъ своими крошками, этимъ живымъ залогомъ ихъ горячей и юной любви, Андрэ и Туанетта долго не могли оторваться отъ ихъ ясныхъ, счастливыхъ лицъ.

— Какъ они похожи на насъ!—говорила молодая мать.

— Они—это мы!—говорилъ отецъ.

И въ самомъ дѣлѣ, уже съ такого нѣжнаго возраста въ дѣтяхъ ясно проявлялись отличительные достоинства и недостатки родителей.

XXXI.

Однажды утромъ Андрэ еще спалъ, когда Туанетта вошла въ спальню и подняла занавѣску такъ, чтобы лучъ солнца прямо ударилъ въ лицо мужа. Въ рукѣ у нея была только-что полученная телеграмма. Она было-бросила ее на столъ, въ ожиданіи, пока Андрэ проснется, но любопытство ее одолѣло, и она подошла къ нему:

— Андрэ!.. Телеграмма!

— А! Дай скорѣе!..—и Андрэ дрожащею рукою распечаталъ депешу: его сразу охватило предчувствіе чего-то недобраго. Онъ пробѣжалъ ея содержаніе глазами, и на лицѣ его промелькнуло выраженіе сильной душевной боли.

— Вотъ, на... прочти!..

Торопливо одѣваясь, Андрэ лепеталъ:

— Ахъ, бѣдная!.. Бѣдная!..

А Туанетта молчала, держа въ рукахъ зловѣщій клочокъ бумаги.

— Хочешь, я поѣду съ тобою?—тихо предложила она.

— Нѣтъ, не надо!.. Гдѣ галстукъ? Гдѣ мои сапоги?.. Ахъ, она бѣдная, бѣдная!

— Полно, дружокъ, успокойся: вѣдь тамъ не сказано ничего такого...

— Ну, да, конечно!—только такъ согласился онъ, чувствуя,

въ то же время, что все кончено.—Мама больна... очень больна... умираетъ! О, Боже! Она умираетъ!.. Какъ бы не опоздать, какъ бы еще застать ее!

— Андрэ, да съѣшь что-нибудь! Не уходи натощакъ!..

— Да, да, сейчасъ!..—а самъ уже летѣлъ внизъ по лѣстницѣ, накидывая наскоро пальто.

— Фелиси, берегите безъ меня жену... Моя мать, должно быть, при смерти!

— Господи Боже мой! — прошептала добрая женщина и взглядомъ, полнымъ сердечной жалости, проводила своего господина, быстро шагавшаго по дорогѣ къ станціи.

Добѣжавъ до нея какъ сумасшедшій, Андрэ попалъ прямо на поѣздъ и всю дорогу, подъ непрерывную стукотню колесъ, повторялъ про себя:

„При смерти!.. Мама при смерти!..“

Эти слова преслѣдовали, душили его, какъ тяжелый кошмаръ. Ему чудился гробъ и свѣчи, похоронная процессія и онъ самъ, въ глубокомъ траурѣ, съ непокрытой головой, пѣшкомъ за дрогами... Онъ старался стряхнуть съ себя такія ужасныя мысли. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ телеграммѣ только сказано: „Матушка больна. Пріѣзжайте скорѣе!“

„Я самъ развѣ не былъ боленъ недавно? А вѣдь вотъ же остался живъ!..“

Но на ряду съ этимъ онъ припомнилъ, какою слабою, осунувшеюся показалась ему мать въ его послѣдній пріѣздъ, и снова убѣдился въ непреложности своего предчувствія.

— Скорѣй! Скорѣй!..—погонялъ онъ извозчика, который и безъ того ѣхалъ довольно скоро.

„Да, да: это вѣрно!..“—думалъ онъ дальше и до боли стискивалъ зубы отъ нетерпѣнія.

Онъ позвонилъ у воротъ въ монастырь. Сестра-привратница отворила ему и на его вопросъ просто сказала:

— Да, она очень плоха!

Андрэ бросился въ знакомый коридоръ... Дверь была только притворена, но онъ не смѣлъ войти прямо къ матери и подождалъ Одилію въ гостиной.

Скоро вошла и она сама, заплаканная, истомленная.

— А! Давно бы пора!—воскликнула она, чуть не выронивъ отъ неожиданности чашку, которую несла изъ комнаты больной. —Да, пора, пора! А не то умерла бы она здѣсь одна... какъ собака!

— Одилія! Да вѣдь я только сейчасъ получилъ депешу!..—

возразилъ укоризненно и печально Андрэ, а самъ въ то же время думалъ:—„А вѣдь она права: я давно долженъ бы ее навѣстить! Я эгоистъ!“—а самъ сказалъ вслухъ:

— Можно къ ней?

Старушкѣ стало жаль его, и она впустила его въ спальню.

Г-жа де-Мерси неподвижно лежала на кровати, вся посинѣвшая, съ заострившимися чертами осунувшагося лица. У ногъ ея сидѣлъ домашній докторъ.

Больная спокойно спала, и это какъ бы отчасти утѣшило Андрэ.

Докторъ осторожно всталъ и на цыпочкахъ отошелъ къ окну.

— Ну, что?—только и могъ проговорить молодой человѣкъ.

— Порокъ сердца!.. Ей уже съ годъ, какъ было плохо, но она ни разу не позвала меня; вотъ ужъ четвертый день, какъ она совсѣмъ слегла, а мнѣ дали знать только вчера.

Печально и вопросительно смотрѣлъ на него Андрэ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Знаете, когда машина поистерлась...

— Но когда же...

— Я-то приду? Да вечеркомъ,—не сообразивъ вопроса, отвѣтилъ почтенный докторъ.

— А что давать?

„Ничего ровно!“ — подумалъ тотъ, но вслухъ сказалъ: — Черезъ два часа по дессертной ложкѣ микстуры... Одилія знаетъ!

Какъ-то нерѣшительно, будто чего не договаривая, докторъ пожалъ руку Андрэ и вышелъ.

Андрэ сѣлъ въ кресло у изголовья. Его мучила совѣсть.

„Пріѣзжай я четыре-пять дней тому назадъ — я бы засталъ ее уже въ постели, но послалъ бы за докторомъ, и онъ... Да нѣтъ! Ей, все равно, нельзя было помочь!.. Бѣдная моя!.. Бѣдная!..“—и, какъ похоронный напѣвъ, звучали у него въ ушахъ эти слова, не смолкая.

Быстро въ головѣ Андрэ смѣнялись картины прошлой жизни больной; всплывали на поверхность всѣ ея достоинства и недостатки; но какъ незначительны казались они, въ сравненіи съ ея достоинствами, въ этотъ ужасный предсмертный часъ! Совѣсть упрекала его за то, что онъ оставилъ мать, отдался весь новой жизни, новымъ для него интересамъ, вмѣсто того, чтобы беречь ее, лелѣять на старости лѣтъ, какъ она съ колыбели лелѣяла его! Онъ оставилъ мать и отдался другой, чужой женщинѣ!..

„Видно, это въ порядкѣ вещей! — шепталъ ему какой-то голосъ. — Да, это въ порядкѣ вещей!“

Ему было досадно на такой выводъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ всю его справедливость. Развѣ не сама жизнь побудила его стремиться къ самоубійству; не она натолкнула его на мысль о женитьбѣ? Жена, по своей ребяческой натурѣ, не съумѣла понять и полюбить свекровь. Что же дѣлать? Видно, это ужъ въ порядкѣ вещей! Мать пожертвовала собою, дала ему свое согласіе, но что же изъ этого вышло? Жертва ея не принесла желанныхъ плодовъ: изо всей новой семьи Андрэ никто не любилъ, не ласкалъ старушку, не отвѣчалъ даже на ея ласки простымъ участіемъ... Что жъ, и это въ порядкѣ вещей? И это жизнь? Жизнь безотрадная, мелочная и неумолимая!..

Сердце ныло; грудь разрывалась отъ сдержанныхъ рыданій. Андрэ заплакалъ.

Г-жа де-Мерси шевельнулась. Сынъ наклонился къ ней.

— Мама!.. Милая!.. Это я, твой Андрэ!..

Больная устремила на него тусклые глаза, безъ выраженія; посинѣвшія губы не шевельнулись.

Вошла Одилія, поправила больной одѣяло, подушки и тихо вышла изъ комнаты. Андрэ все сидѣлъ неподвижно, не видя, не чувствуя, какъ летѣло время. Съ самаго утра онъ ничего не ѣлъ, и старушка позаботилась о томъ, чтобы покормить его.

— Благодарю, мнѣ не хочется!—сказалъ Андрэ и не могъ проглотить ни кусочка.

— Ну, ну, кушайте, да поскорѣе, — а не то все простынетъ!—ворчливо уговаривала она, и Андрэ повиновался ей, какъ нянькѣ ребенокъ.

Но съ первыхъ же глотковъ горло ему сдавило и слезы неудержимо полились по щекамъ. Одилія съ состраданіемъ смотрѣла на него и дрожащими губами лепетала:

— Вашей матушкѣ и совсѣмъ бы не слѣдовало сюда переѣзжать: воздухъ-то здѣсь ужъ совсѣмъ не по ней, погубилъ онъ ее!..

Разъ ужъ начавъ говорить, Одилія безъ перерыва принялась разсказывать всю жизнь, всѣ душевныя и физическія страданія своей госпожи, ея длинныя бесѣды съ патеромъ, ея нежеланіе предупредить сына о своей болѣзни.

Андрэ стало ясно, что необходимость заботиться, жертвовать собою для другихъ поддерживала въ матери бодрость духа и даже физическія силы; разъ что этой необходимости не стало—она начала тосковать и поддалась безъ борьбы овладѣвшему ею унынію и недугу, думая только о смерти и о спасеніи души.

Вернувшись въ спальню, Андрэ взглянулъ на неподвижныя, угловатыя очертанія ея бѣднаго, изнуреннаго тѣла, и имъ овла-

дѣла безграничная тоска, глубокая жалость къ той, которая дала ему жизнь, и которую теперь жизнь покидала. Казалось, съ каждымъ движеніемъ слабыхъ вѣкъ, которыя на мгновеніе поднимались, чтобы дать свѣта потухающимъ, неподвижнымъ глазамъ, въ нихъ отражалось, какъ постепенно уходила эта жизнь.

Прошло еще нѣсколько часовъ, и Андрэ услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ сдержанный шумъ голосовъ.

Это была Туанетта съ дѣтьми. Робко и тревожно взглянули они на него. Андрэ подошелъ и поцѣловалъ ихъ.

— Ну что?—тихо, въ волненіи спросила Туанетта.

Андрэ сдѣлалъ жестъ руками и безпомощно опустилъ ихъ.

— Бѣдный мой!—и слезы душили ее.

Она готова была войти въ спальню, какъ только онъ того пожелаетъ, но Андрэ проговорилъ:

— Она безъ памяти и очень, очень плоха!.. Я останусь ночевать, а ты съ дѣтьми можешь...

Вошелъ докторъ.

— Никакой перемѣны?

— Никакой, докторъ!

И оба прошли къ больной.

Туанетта сидѣла блѣдная какъ полотно. Дѣти молчали.

Одилія не долюбливала молодой женщины, онѣ обмѣнялись взглядомъ, но при видѣ малютокъ старуха печально опустила глаза.

— Бѣдняжки! Они будто понимаютъ, въ чемъ дѣло!—проговорила она тихимъ голосомъ, подошла къ нимъ, поцѣловала и, порывшись въ шкафу, разыскала для нихъ какихъ-то старыхъ пирожковъ.

Замѣтивъ по лицу Туанетты, что она волнуется за мужа, Одилія пожалѣла ее и подала такой совѣтъ:

— Вамъ бы лучше не оставлять его здѣсь на ночь одного!

— О, конечно: у него такой болѣзненный и грустный видъ... Но какъ бы это устроить?

— Дѣтямъ я устрою постельку, а вы, можетъ быть, на одну то ночь согласитесь лечь хоть на диванѣ?

— О, мнѣ не до спанья!—живо возразила Туанетта, и это какъ будто облегчило ее.

Андрэ вернулся одинъ; докторъ вышелъ другимъ ходомъ: ему пришлось только констатировать небольшое улучшеніе,—предвѣстникъ агоніи.

— Мы останемся!—сказала Туанетта:—я не оставлю тебя одного.

Андрэ хотѣлось бы, чтобы въ такую минуту семья его не навязывалась ему, но, увидя приготовленныя постели, онъ былъ глубоко тронутъ и не сказалъ ничего.

Больше часу просидѣлъ онъ молча у окна; смотрѣлъ на сосѣдніе дома и домишки, которыхъ не видѣлъ; утомленіе отзывалось во всѣхъ его членахъ.

Одилія выглянула изъ спальни и шопотомъ позвала Андрэ.

— Идите: она пришла въ себя.

Онъ бросился къ матери. Ея потухшіе глаза оживились, руки слабо зашевелились.

— Андрэ! Это ты?

— Да, мама: я тутъ, съ тобою.

Лежа неподвижно, приняла она его нѣжный поцѣлуй; странное выраженіе промелькнуло у нея на лицѣ; голосъ звучалъ глухо, разбито:

— Я ужъ не думала, что очнусь. Мнѣ казалось, что я умерла и что Богъ будетъ меня судить... О, какъ ужасно!..

Утомленная, она глубоко вздохнула и, какъ во снѣ, прошептала:

— Значитъ, не пришелъ еще часъ мой.

— Позовите батюшку!—приказала она Одиліи яснымъ и громкимъ голосомъ.

Андрэ нагнулся къ ней.

— Мама, ты очень страдаешь?

— Очень, но... не слишкомъ!—и ея неопредѣленный взглядъ какъ будто дополнилъ эту неясную мысль.

— Мама! Твои внуки здѣсь: хочешь ихъ видѣть?

— Ахъ, нѣтъ, не надо... Потомъ!..—проговорила она усталымъ голосомъ, и вдругъ по ея изможденному, потемнѣвшему лицу, одна за другой, покатились тихія слезы.

— Мама, не плачь!.. Мама, не плачь!—умолялъ Андрэ, а самъ задыхался отъ горя, глядя на эти безмолвныя слезы. Онѣ все катились, одна за другой, и съ каждой слезою рыданія Андрэ становились все громче и безнадежнѣе. Ему казалось, что онѣ были какъ бы воплемъ противъ цѣлой жизни страданій, противъ такой одинокой кончины.

За дверью тихонько кашлянули. Дверь отворилась. Вошелъ патеръ—высокаго роста, съ жесткимъ и сдержаннымъ выраженіемъ лица.

— Сестра моя во Христѣ,—проговорилъ онъ, подходя къ умирающей, и, какъ опытный врачъ, читая въ ея измѣнившемся лицѣ, прибавилъ:—я готовъ васъ выслушать...

Г-жа де-Мерси чуть-чуть шевельнулась; слезы ея остановились, а безкровныя губы едва понятно прошептали:

— Исповѣдаться!..

Духовникъ ея взглянулъ на Андрэ, и тотъ тихо удалился.

Въ сосѣдней комнатѣ дѣти сидѣли за столомъ; на затылкѣ у нихъ торчали большими ушами концы салфетокъ: они обѣдали.

Туанетта почти ни до чего не дотронулась. Андрэ совсѣмъ не могъ ѣсть. Онъ сидѣлъ, подпирая голову руками и смотрѣлъ на дѣтей. Они хоть и молчали въ непривычной для нихъ мрачной обстановкѣ, но порой у нихъ все-таки проявлялись легкія вспышки веселости. Жакъ, впрочемъ, скоро заснулъ, приникнувъ щекою къ столу; Марта подошла осторожно къ отцу и, подмѣтивъ у него на лицѣ ласковую улыбку, вскочила къ нему на колѣни. Тихо, не прищелкивая, какъ обыкновенно, онъ прокатилъ ее *„на лошадкѣ“*, но сердце его сжалось отъ боли за ту, которая одиноко доживала тутъ же, рядомъ за стѣною, свои послѣднія минуты.

Туанетта, чтобъ не стѣснять его, не отрывала глазъ отъ работы, которую она всегда держала у себя въ карманѣ.

Тревожно взглянулъ Андрэ на патера, который почтительно поздоровался съ Туанеттой и улыбнулся дѣтямъ.

— Не падайте духомъ!—обратился онъ къ Андрэ.—Тяжкое испытаніе посылаетъ вамъ Господь, но ваша мать—святая женщина, и Небо по заслугамъ призываетъ ее къ себѣ!—и, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Сейчасъ я вернусь въ послѣдній разъ пріобщить ее св. Таинъ.—И онъ удалился. Андрэ вошелъ въ спальню.

Мать лежала спокойно, и тихое лицо ея было красиво совсѣмъ особой, духовной красотою: оно было такъ мирно, задумчиво. Сынъ не посмѣлъ ее тревожить, но она сама, не поворачивая головы и только глядя на него, подозвала къ себѣ:

— Андрэ!..

Онъ опустился на колѣни, и она тихо ему улыбнулась.

— Не унывай, Андрэ! Мы разлучаемся не надолго. Я скажу Люси, что ты по-прежнему ее любишь. Знаю, что и меня ты любишь, и отойду спокойно. Ты добрый мужъ, будь же и добрымъ отцомъ... Не плачь, голубчикъ!.. Наша разлука—долголѣтнее путешествіе, не больше того!..

Спокойно, будто она и въ самомъ дѣлѣ уѣзжала, г-жа де-Мерси прибавила ровнымъ голосомъ:

— Всѣ мои бумаги и документы въ большомъ портфелѣ, подъ замкомъ... Не разсылай приглашеній... не надо никакихъ церемо-

ній. Такова моя послѣдняя воля!..—особенно отчетливо произнесла она.

— А послѣ... увѣдомь всѣхъ, непремѣнно... Списокъ уже готовъ...—и умирающая закрыла глаза, обезсилѣвъ отъ долгаго разговора. Погодя немного, она спросила:

— Жена здѣсь?

Андрэ утвердительно кивнулъ головой.

— Придите всѣ!..

И Туанетта вошла, держа на рукахъ соннаго Жака. Марта не спала, — ее несъ отецъ.

Взглянувъ на свекровь, Туанетта сильно поблѣднѣла: глубокая жалость, укоры совѣсти слишкомъ поздно шевельнулись у нея въ душѣ.

Взглядъ умирающей и ея улыбка отозвались у нея на сердцѣ больнѣе всякихъ словъ. И долго еще потомъ становилось ей жутко, когда она вспоминала этотъ загадочный взглядъ и эту улыбку.

Она подошла къ постели. Г-жа де-Мерси проговорила:

— Поцѣлуемся!

И обѣ женщины поцѣловались въ губы, въ знакъ взаимнаго раскаянія и прощенія.

— Марта!.. — позвала бабушка.

Малютка, какъ испуганная птичка, жалась къ отцу и съ ужасомъ смотрѣла на нее, содрогнувшись всѣмъ тѣломъ отъ прикосновенія губъ старушки, холодныхъ какъ ледъ.

— Жакъ!.. — словно вздохъ, вылетѣло изъ груди бабушки. Туанетта наклонила къ ней заспаннаго крошку; онъ открылъ глаза, почувствовавъ что-то холодное у себя на тепленькой щечкѣ, вскинулъ длинными рѣсницами, улыбнулся и... снова уснулъ.

— Андрэ!.. — чуть слышно раздался послѣдній зовъ матери, и онъ нервнымъ движеніемъ нагнулся къ ней, обнялъ, поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ...

Издали донесся звонъ колокольчика, которымъ сопровождается шествіе со св. Дарами. Вотъ онъ все ближе и ближе... Дверь отворилась и, вмѣстѣ съ маленькими пѣвчими, вошелъ патеръ. Въ комнатѣ распространился запахъ ладана. Туанетта унесла дѣтей въ сосѣднюю комнату; Марта рыдала какъ взрослая. Мать ея вернулась въ спальню.

Патеръ торопливо читалъ молитвы; — жизнь быстро уходила отъ бѣднаго умирающаго тѣла.

Г-жа де-Мерси какъ будто ожила на мгновеніе, чтобы принять тѣло и кровь Христовы. Затѣмъ свѣчи потухли, пѣвчіе уда-

лились, и патеръ, безъ облаченья, продолжалъ молиться надъ умирающей. Подъ тихіе звуки отходной, агонія шла своимъ неизбѣжнымъ, но быстрымъ порядкомъ...

Въ три часа ночи г-жи де-Мерси не стало.

XXX.

Андрэ никогда не могъ забыть, съ какой осторожной и глубокой нѣжностью охраняла жена его тяжкое горе. Она не высказывала ему ни сочувствія, ни сожалѣнія, воздерживалась отъ порывовъ ласки и утѣшенія; не вспоминала о прошломъ, ни о чемъ бы то ни было, что̀ вызываетъ воспоминаніе объ умершей. Всегда тихая, сосредоточенная, такъ сказать безличная, она настойчиво побуждала мужа къ жизни, бросая ему въ объятія дѣтей — высшую, самую душевную его привязанность. Не замѣчая этой невинной хитрости, онъ постепенно ей поддавался и съ каждымъ днемъ съ бо̀льшимъ интересомъ заглядывался на дѣтскія игры. Затѣмъ, присмотрѣвшись повнимательнѣе къ женѣ, онъ увидалъ, что она поблѣднѣла и похудѣла, стала серьезнѣе, заботливо вела хозяйство. Андрэ замѣтилъ, съ какой заботливостью она относилась къ нему, и это растрогало его.

На службѣ, одному въ четырехъ стѣнахъ, было ему еще тяжелѣе; тяжелы были и хлопоты по распродажѣ имущества, по отправкѣ Одиліи на родину на побой. Г-жа де-Мерси оставила ей небольшую пенсію.

Три тысячи франковъ годового дохода, которыя прибавились теперь къ его жалованью, не радовали Андрэ: ему казалось, что онъ не имѣетъ на нихъ права.

Прошло полгода, и въ одно прекрасное утро онъ почувствовалъ, просыпаясь, что встанетъ сегодня не такимъ грустнымъ, какъ обыкновенно.

Андрэ подошелъ къ окну. Птицы, чирикая, что-то клевали въ травѣ. Тобъ и Пушокъ бѣгали взапуски по саду. Дѣти сидѣли съ Фелиси, которая имъ что-то разсказывала. Отвернувшись отъ окна, Андрэ увидалъ жену, которая потихоньку слѣдила за нимъ: лицо ея выражало тревогу и мольбу. Онъ подошелъ къ ней, и они обнялись. На слѣдующее утро и во всѣ слѣдующіе дни Андрэ казался немного веселѣе прежняго.

Онъ съ удовольствіемъ читалъ письма Дамура, который писалъ ему часто, подробно и убѣдительно. Какъ его, такъ и Крес-

сана, сильно поразила смерть г-жи де-Мерси; оба искренно сочувствовали ея сыну.

Доводы адвоката были настолько убѣдительны, что Андрэ даже рѣшился заговорить о нихъ съ Туанеттой.

— Что намъ тутъ дѣлать? Чего ждать? — говорилъ онъ: — все равно, ничего не дождемся!.. И, наконецъ, неужели тебѣ не надоѣло жить изо-дня-въ день, какъ мы живемъ? Ты, я думаю, и сама не захочешь, чтобы я на шестомъ десяткѣ обратился въ заплесневѣлаго, выжившаго изъ ума, переписчика-автомата?.. А тамъ, подъ теплымъ, южнымъ небомъ, насъ ждетъ будущность, свобода! Тамъ мы будемъ сами себѣ господа!..

Мало-по-малу Туанетта поддавалась его убѣжденіямъ, но тогда онъ самъ начиналъ сомнѣваться въ возможности такого счастья.

— И опять-таки, кто виновникъ такого счастья, какъ не она же, дорогая, незабвенная мать? Она какъ будто еще на прощанье принесла намъ эту послѣднюю жертву...

Ему стало грустно, что тогда ужъ нельзя будетъ навѣщать ея могилу. Да и ихъ-то самихъ Богъ вѣсть гдѣ похоронятъ?

— Все равно, жить надо... жить!

Сколько ни выпало на его долю испытаній, все ему казалось теперь кратковременно и не такъ ужасно.

„Мнѣ только тридцать лѣтъ, — думалъ Андрэ: — мы оба еще молоды, хоть и дожили до зрѣлаго возраста. Жизнь у насъ впереди; позади насъ—прошлое, давшее намъ житейскую опытность. Если здоровье намъ не измѣнитъ, у насъ впереди еще добрыхъ лѣтъ тридцать!..“

Годъ спустя послѣ смерти матери, Андрэ подалъ въ отставку.

Выходя въ послѣдній разъ изъ своей долголѣтней тюрьмы, онъ былъ удивленъ, что не особенно радовался своему освобожденію: къ его радости какъ будто примѣшивалась даже какая-то невольная грусть. Сколько лѣтъ задыхался онъ въ своей тѣсной каморкѣ, какъ худѣлъ и блѣднѣлъ... а едва только переступилъ за порогъ, едва сказалъ себѣ, что никогда ужъ больше въ нее не вернется,—какъ ему почти жаль стало съ нею разстаться!

Отъѣздъ былъ назначенъ на 1-е сентября.

На разныя хлопоты и закупки потрачена была часть наслѣдства дѣдушки Розена. Туанетта неутомимо бѣгала по магазинамъ; иногда съ нею ходилъ и Андрэ.

Его душило въ спертомъ воздухѣ складовъ и торговыхъ домовъ. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за движеніями жены, за ея увлеченіемъ нарядами, за разсѣянностью, съ которой она про-

пускала мимо ушей его вопросы, погруженная въ созерцаніе какого-нибудь чуда дешевизны или фабричнаго искусства.

— Ахъ, какъ дешево! Андрэ, посмотри!.. Да это просто даромъ!—восторгалась Туанетта, и не она одна. Всѣ эти богатыя и бѣдныя, нарядныя и убогія женщины, казалось, вдругъ теряли разсудокъ, при видѣ массы пестрыхъ тряпокъ и бездѣлушекъ: онѣ метались изъ стороны въ сторону, хватаясь то за то, то за другое, и, окидывая магазинъ жадными взглядами, будто желали завладѣть всѣмъ за-разъ. Андрэ терпѣливо ходилъ съ женою по всѣмъ мытарствамъ, а она, едва очутившись дома, становилась раздражительной, благодаря чрезмѣрной усталости. День отъѣзда приближался, и Андрэ былъ радъ-радёшенекъ, что неестественная суета и возбужденіе приходятъ къ концу.

Не безъ грусти и сожалѣнія распродали де-Мерси все свое скромное имущество: оно было имъ дорого по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя были съ ними связаны. Съ дѣтскими кроватками, съ рабочимъ столомъ Туанетты и съ большимъ краснымъ кресломъ, въ которомъ любили сидѣть всѣ члены семьи, они не рѣшились разстаться. Животныхъ тоже они пожалѣли: съ ними вмѣстѣ за море ѣхали Тобъ и котикъ, — внукъ черной кошки, Пушка, которая приказала долго жить послѣ простуды. Фелиси и думать не хотѣла оставаться на родинѣ: всю свою душу она вложила въ своихъ любимцевъ, да и дѣти сами не могли бы обойтись безъ нея. Она давно уже была для семьи не простой прислугой, а вѣрнымъ и преданнымъ другомъ.

Переѣзжая на нѣсколько дней въ гостинницу, Андрэ въ послѣдній разъ обошелъ весь опустѣлый домъ, въ которомъ прошли три года ихъ семейной жизни. Изъ окна второго этажа, какъ и три года тому назадъ, увидалъ онъ два красивыхъ холма, а между ними, вдали, на горизонтѣ, мелкія очертанія Парижа, которыя можно было скорѣе указать, чѣмъ различить подъ сизыми тучками, края которыхъ, словно золотой каймою, освѣщало солнце... И Андрэ подумалъ, что вообще трудно разставаться съ прошлымъ, даже если оно и не изъ самыхъ свѣтлыхъ.

У крыльца поджидала его Туанетта съ дѣтьми; въ рукахъ у нея былъ большой букетъ осеннихъ пахучихъ цвѣтовъ. Какъ-то особенно улыбаясь, она дала мужу ихъ понюхать, и ему показалось, что запахъ ихъ чистъ и прекрасенъ, какъ душа дѣтей, выросшихъ среди этихъ цвѣтовъ.

XXXI.

Еще никогда въ жизни не были такъ счастливы малютки, какъ теперь, стоя на колѣняхъ у окна быстро катившагося вагона. Взвизгивая отъ восторга, указывали они другъ другу на бѣжавшія вдоль пути поля, мельницы и группы деревъ. Котенокъ не раздѣлялъ ихъ восторга: ему положительно не нравилось сидѣть безвыходно въ большой корзинкѣ, которую бережно везла на колѣняхъ Фелиси. Бѣдный Тобъ томился въ особомъ вагонѣ, въ общей собачьей клѣткѣ.

Въ девять часовъ утра поѣздъ остановился въ Шатолюсѣ. Хоть Андрэ и далъ знать Розенамъ, никто изъ нихъ не пришелъ на станцію встрѣтить семью Туанетты. Она сама тащила за руку дѣтей по неровнымъ улицамъ родного города и не узнавала его: теперь онъ казался ей такимъ маленькимъ, грязненькимъ, невзрачнымъ! Она чувствовала, что она сама будто выросла.

Андрэ шелъ за нею и внутренно досадовалъ на родныхъ жены.

„Вѣрно имъ и дѣла до насъ нѣтъ, — думалъ онъ. — И Туанетта тоже вѣдь только для приличія захотѣла повидаться съ ними передъ отъѣздомъ, показать имъ дѣтей передъ долгой разлукой... Фу! — воскликнулъ онъ мысленно, чувствуя, что ручной багажъ въ дорожной клеенкѣ оттянулъ ему руку: — Поскорѣй бы добраться до Крессановъ!..“

На крыльцѣ ихъ поджидала высокая, сѣдая, осунувшаяся женщина, — мать Туанетты.

— А, здравствуй, дочка! — сказала она, цѣлуя ее. — Здравствуй... (она припомнила съ трудомъ)... Андрэ!.. Здравствуй, малышъ! здравствуй и ты, Магдалина!..

— Мама! Ее зовутъ Мартой.

Г-жа Розенъ молча качала головою.

— Да, — съ усиліемъ проговорила она: — я вѣдь никого не выслала къ вамъ на встрѣчу; лучше всего каждаго предоставить самому себѣ... Вы къ намъ надолго?..

— Да нѣтъ, мама! Вѣдь я писала...

— Ну, да я такъ говорю... Гиги вѣдь нѣтъ дома: онъ путешествуетъ!

Въ большомъ креслѣ сидѣлъ или, вѣрнѣе, полулежалъ старикъ Розенъ съ болѣзненнымъ, апатичнымъ лицомъ: ему, очевидно, грозилъ наслѣдственный параличъ.

Г-жа Розенъ какъ-то вяло распоряжалась обѣдомъ и водво-

реніемъ на ночь вновь прибывшихъ. Туанетта, въ полномъ недоумѣніи, поглядывала на мужа. Все вокругъ—стѣны и мебель—было такъ голо, такъ безпріютно! Завтракъ былъ очень скудный; подъ конецъ даже хлѣба не хватило. Старуха Розенъ будто открыла клапанъ, и ея рѣчь такъ и лилась, такъ и лилась на вѣчно неистощимую тему о ея возлюбленномъ сыночкѣ, которымъ, впрочемъ, она ужъ больше не восторгалась, просто передавая одни факты, безъ комментаріевъ. Мужа она кормила понемножку и только поглядывала на него изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Мрачную тишину наполовину опустѣлой комнаты прерывали длинные большіе часы; ихъ маятникъ качался съ твердымъ, но тупымъ стукомъ.

Супруги рады были, что завтракъ кончился, и поспѣшили объявить матери, что пойдутъ къ Бертѣ, а оттуда зайдутъ съ ними проститься.

— А отъ васъ мы — въ Крессанамъ. Что, къ нимъ далеко отсюда?

Никто не отвѣтилъ, и только мать какъ-то вполголоса проговорила, будто думая вслухъ:

— Крессанъ? Онъ нехорошъ съ Гиги!..

— До свиданья, папа!— крикнула отцу Туанетта.

— Н... да!—съ трудомъ протянулъ старикъ.

Выйдя изъ дому, Андрэ молчалъ и только нѣжнѣе прижалъ къ груди руку жены (они шли подъ-руку): въ глазахъ ея блестѣли слезы.

— Ужасно измѣнились!—договорила она вслухъ его мысль.— Мама точно сама не своя, а въ домѣ-то... въ домѣ, будто все распродано!

„Это возмездіе за ихъ слабость къ сыну!“ — подумалъ Андрэ; но вслухъ сказалъ:—Да, они постарѣли!

У Шабанновъ гостей провели въ пріемную, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ дома, толстый старикашка съ отвислыми щеками. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ, пробурчалъ что-то и, наконецъ, съ большимъ трудомъ проговорилъ, упирая на первое слово:

— *Она* сейчасъ выйдетъ!

Въ восторгѣ отъ своего умѣнья выражаться, онъ снова повторилъ:

— *Она* сейчасъ выйдетъ!

Затѣмъ онъ принялся выдѣлывать какія-то странныя гримасы и ужимки, и вѣроятно замѣтивъ, что это забавляетъ дѣтей, сталъ еще больше кривляться.

Но вотъ послышался шорохъ платья, и Берта, чопорная, разодѣтая, выплыла изъ внутреннихъ покоевъ.

Андрэ помнилъ ее радушной, живою женщиной, и былъ пораженъ такой перемѣной.

— Надѣюсь, что вы завтра обѣдаете у меня? Я вамъ покажу самое избранное общество во всемъ Шатолюсѣ... (Они отказались, и это раздосадовало ее.)—Такъ вы ѣдете въ Африку? Говорятъ, тамъ пропасть змѣй?.. Господинъ Шабанъ!—прикрикнула она на старика, и тотъ мигомъ присмирѣлъ.

— Онъ очень боленъ,—равнодушно пояснила она.—Такъ вы сегодня же къ Крессанамъ? Они благовоспитанные люди, но, по моему, ведутъ слишкомъ замкнутую жизнь. Когда кто принадлежитъ обществу, оно налагаетъ на него извѣстныя обязанности.

Андрэ слушалъ ее какъ во снѣ, и въ умѣ его какъ-то не вязалась эта чопорная, разодѣтая женщина съ прежней простой и добродушной Бертой.

— Можно попотчивать твоихъ дѣтей? — обратилась она къ Туанеттѣ и, тонко намазавъ вареньемъ два ломтика бѣлой булки, предложила ихъ малюткамъ.

Въ минуту разлуки Берта все-таки взволновалась, но досада на непринятое приглашеніе не перестала ее тревожить.

Вернувшись къ своимъ, Туанетта такъ-же, какъ и Андрэ, обрадовалась, увидя Крессана, который пріѣхалъ за ними. Онъ произвелъ на нихъ самое отрадное впечатлѣніе, какъ здоровый человѣкъ въ кругу больныхъ. Безъ слезъ простились родители съ дочерью, которая не могла удержаться, чтобы не заплакать.

Крессанъ суетился, всѣхъ торопилъ. Мать и дѣтей съ Фелиси и съ корзинкой умѣстили въ экипажъ, подъ надзоромъ Тоба; Андрэ и Крессанъ взобрались на козлы... Крессанъ щелкнулъ бичомъ...

— Прощайте!—крикнула Туанетта матери, которая стояла на крыльцѣ, смотря безцѣльно вдаль, передъ собою.

Еще минутъ пять—и Шатолюсъ остался позади.

Всѣ вздохнули свободнѣе. Тобъ залаялъ; дѣти заговорили и засмѣялись; Андрэ улыбался свѣжему вѣтерку, какъ человѣкъ, очнувшійся отъ тяжелаго сна, а Крессанъ то-и-дѣло оборачивался къ Туанеттѣ всѣмъ своимъ добродушнымъ лицомъ и говорилъ:

— Удобно ли вамъ сидѣть?.. Экъ ты подросъ, пріятель! Молодчина!.. Да и дѣвица...—Онъ улыбался Мартѣ дружелюбно, кивалъ Фелиси и похваливалъ Тоба:—Славный, славный песъ!..

Замѣтивъ, что котикъ высунулъ голову изъ корзины, онъ такъ

отъ души разсмѣялся, что всѣ невольно стали ему вторить. Крессанъ запыхтѣлъ, закашлялъ: удушье все еще по-прежнему не оставляло его.

— Я очень радъ,—говорилъ онъ Андрэ.—Вы увидите всю семью въ полномъ сборѣ. Что жена?.. Да ничего, помаленьку... Но, но, лошадка!

Лошадка побѣжала скорой рысцою.

— Вѣдь вы къ намъ на нѣсколько дней?

— Нѣтъ, только до завтра вечеромъ.

— Ну, ну, хорошо; это мы еще посмотримъ! Мало ли что говорится... А хорошо, право, вы дѣлаете, что ѣдете въ Алжиръ: чудная тамъ земля, чудный климатъ!

— Смотрите же: пріѣзжайте насъ провѣдать!

— Отчего же! Пожалуй...

Весело, скачками шелъ разговоръ.

— А вонъ скоро и нашъ домъ,—замѣтилъ Крессанъ.

— И хорошо въ немъ живется?

— Даже слишкомъ хорошо: мы того не стоимъ!

Крессанъ умолчалъ о томъ, что они облагодѣтельствовали всѣхъ мѣстныхъ жителей; что часть ихъ доходовъ уходила на добрыя дѣла и на полезныя учрежденія.

— А вонъ и жена, и дѣти!

Телѣжка остановилась.

Г-жа Крессанъ, какъ всегда просто одѣтая, обняла Туанетту, крѣпко пожала руку Андрэ, расцѣловала дѣтей. Андрэ здоровался тѣмъ временемъ съ барышнями, съ Томомъ и съ молодымъ инженеромъ. Старшая дочь, Мари, краснѣя, стояла передъ нимъ. Она привѣтливо, дружески смотрѣла на него. Уступая настоянію родителей, она оставила мѣсто начальницы школы и занималась дома со своими братьями и сестрами. Два раза она уже отказывала женихамъ, потому что въ своей семьѣ чувствовала себя гораздо счастливѣе. Въ то время, какъ мать ея говорила съ Туанеттой, Мари издали, исподтишка, слѣдила глазами за Андрэ и чувствовала себя почти веселой. Вообще такъ радушно, такъ дружески приняли ихъ Крессаны, что Андрэ не могъ отказать имъ (и себѣ съ женою) въ желаніи провести у нихъ лишній день; потомъ другой, третій. Жакъ за это время успѣлъ подружиться съ Мари, которая особенно баловала его за его сходство съ отцомъ. Марту больше всего ласкала г-жа Крессанъ. Кошку окормили лакомствами, а Тобъ даже успѣлъ разжирѣть.

Наконецъ, волей-неволей, пришлось разстаться, и гости простились съ радушными хозяевами, прося ихъ, если возможно,

какъ-нибудь оградить стариковъ Розенъ отъ Альфонса, который могъ ободрать родителей какъ липку.

— Можете на меня положиться! — пообѣщалъ Крессанъ и съ особымъ чувствомъ пожалъ руку друга.

XXXII.

На утро они уже были въ Марсели и сѣли на пароходъ. Видъ на море былъ прелестенъ; движеніе судовъ въ гавани и за нею было замѣчательно красиво. Молодымъ супругамъ понравилось, что вокругъ кипѣла жизнь: это ихъ ободряло, призывало къ новой жизни.

Море слегка колыхалось, и Андрэ вышелъ на палубу взглянуть, какъ исчезаетъ изъ глазъ людный берегъ Марсели. Опершись на снасти, онъ стоялъ задумавшись, когда къ нему подошла Туанетта, ведя за руку дѣтей.

Она улыбнулась ему бодро и открыто: и вся душа Андрэ отвѣчала на ея привѣтъ. Бодрой, твердой поступью подошла она къ мужу и взяла его за руку. Марта и Жакъ съ восхищеніемъ любовались облаками, и Андрэ соединилъ ихъ съ матерью въ одномъ, общемъ взглядѣ.

— Ну, что, ты довольна?—спросилъ онъ жену.

— Да!—отвѣчала она, и ея твердый, увѣренный отвѣтъ еще болѣе ободрилъ его.

Они обмѣнялись взглядомъ и на этотъ разъ,—кажется, впервые,—вполнѣ поняли другъ друга.

Они дружно, вмѣстѣ слѣдили, какъ постепенно исчезала вдали не особенно пригрѣвшая ихъ родина. Если бы они дольше оставались въ чрезмѣрно многолюдномъ Парижѣ, онъ бы ихъ поглотилъ, сдѣлалъ вполнѣ несчастными. Но они оставляли родину и оставляли также свои укоры за ея суровость.

Тамъ, въ новой неизвѣданной землѣ все для нихъ было ново и неожиданно.

И тамъ, конечно, придется имъ еще не мало претерпѣть матеріальныхъ тягостей и испытаній; придется работать и головой, и руками. И между ними, вѣроятно, будутъ еще споры и недоразумѣнія: еще недостаточно овладѣло ихъ душой спокойствіе и обоюдная уступчивость; еще долго не во всемъ и не всегда будутъ они понимать другъ друга; можетъ быть, въ нѣкоторыхъ пунктахъ и вовсе не поймутъ. Но что же такое? Или, говоря вѣрнѣе, какъ этому помочь? Такова ужъ жизнь; таковъ порядокъ

вещей! И если ужъ необходимо подчиниться ему, они, по крайней мѣрѣ, съумѣютъ теперь воспользоваться тѣми его сторонами, которыя лучше другихъ.

Въ эту минуту они даже не пожалѣли о томъ, что слишкомъ рано женились, не имѣя средствъ: развѣ не благодаря этому предстояла имъ теперь простая, трудовая, но здоровая жизнь?

Примиреніе со своимъ удѣломъ, надежда на будущее отразились у нихъ на лицѣ. Они подумали, при взглядѣ другъ на друга, что они еще молоды, что и тамъ у нихъ еще будутъ дѣти: у Марты явятся сестренки, у Жака—братишки. Отъ нихъ произойдетъ цѣлое поколѣніе людей, которые, какъ и они сами, будутъ вести простую, разумную и трудовую жизнь. Это было имъ такъ же ясно, какъ было ясно, что вокругъ нихъ разстилается чудное, лазурное море.

Теперь имъ чувствовалось, что дни испытаній для нихъ кончены навсегда. Они научились трудиться и цѣнить другъ друга: Туанетта не считала позоромъ подчиняться мужу, а онъ—ей: онъ уважалъ въ ней мать своихъ дѣтей, а она—отца. Если то чувство, которое они испытывали въ настоящее время другъ къ другу, и не было тѣмъ, что̀ принято называть любовью,—ихъ любовь, ихъ чувства были еще выше и чище. Жизнь сама, постепенно, внѣдряла въ нихъ правила нравственнаго долга: они, въ свою очередь, постараются ихъ же внушить своимъ дѣтямъ, сдѣлаютъ изъ нихъ людей умныхъ и образованныхъ.

Имъ ужъ не страшно было пускаться въ невѣдомый путь: онъ достался имъ цѣною полжизни, изъ которой они и вынесли силы и мужество для борьбы съ будущимъ.

Становилось свѣжо. Фелиси увела дѣтей въ каюту.

Андрэ еще въ послѣдній разъ у родимыхъ береговъ вспомнилъ о матери, о сестрѣ...

Широкимъ просторомъ разстилалось впереди зыбкое море...

А. Б—г—

БУДДІЙСКОЕ НАСТРОЕНІЕ

ВЪ

ПОЭЗІИ

— Сочиненія гр. А. Голенищева-Кутузова. Два тома. Спб. 1894.

Окончаніе.

VII *).

Еслибы у нашего поэта буддійское настроеніе и жизнепониманіе было связано съ тою сложною и тонкою системой метафизическихъ и этическихъ понятій, которую мы находимъ въ историческомъ буддизмѣ, то критика этого воззрѣнія завела бы насъ очень далеко. По буддійскому ученію о спасеніи, переходъ изъ ложной и злой жизни въ покой небытія есть дѣло большое и трудное: нужно сперва достигнуть полной чистоты, искупивши не только грѣхи даннаго своего существованія, но и всѣхъ безчисленныхъ предъидущихъ существованій,—до конца исполнить законъ нравственныхъ причинъ и слѣдствій (карма). Но нашъ поэтъ, раздѣляя общее отрицательное понятіе буддизма о жизни, какъ злѣ и бѣдствіи, и о вѣчномъ блаженствѣ, какъ прекращеніи жизни, свелъ почти на нѣтъ нравственныя условія этого блаженства, играющія такую важную роль въ подлинномъ буддизмѣ. Въ героѣ „Раз-

*) См. выше: май, 329 стр.

свѣта" между его дуэлью и погруженіемъ въ нирвану происходитъ лишь смѣна болѣзненныхъ бредовыхъ состояній, но никакого нравственнаго кризиса,—мы не видимъ у него никакихъ признаковъ раскаянія въ злѣ прошлой жизни, никакой потребности въ искупленіи и очищеніи. Выходитъ такимъ образомъ, что для достиженія высшаго блаженства достаточно получить кусочекъ свинца въ грудь; ту же услугу могутъ, конечно, оказать и нѣсколько проглоченныхъ микробовъ, и нѣсколько лишнихъ капель опіума. Условія того отрицательнаго духовно-физическаго процесса, который авторъ „Разсвѣта" въ такихъ превосходныхъ стихахъ представляетъ какъ настоящій способъ войти въ вѣчное блаженство, на языкѣ простыхъ людей выражаются кратко, но точно, въ трехъ словахъ: *умереть безъ покаянія* — способъ общедоступный, но едва-ли вѣрный.

Впрочемъ самое это блаженство, предвкушаемое героемъ поэмы, благодаря пулѣ его соперника, имѣетъ, какъ мы видѣли, вполнѣ отрицательный характеръ: оно состоитъ исключительно въ безчувствіи и равнодушіи ко всему. Это и прямо высказывается („мнѣ было все равно"; я „въ равнодушное молчанье погруженъ" и т. п.) и еще лучше изображается въ грубо-безсердечномъ обращеніи героя съ любящей его и страдающей изъ-за него женщиной. Но представленіе такой безчувственности какъ чего-то высшаго, идеальнаго, связаннаго съ постиженіемъ истины и достиженіемъ блаженства, очевидно, не соотвѣтствуетъ правдѣ. Слишкомъ много людей, и при жизни питающихъ полное равнодушіе къ своимъ ближнимъ, но за это ихъ никто не хвалитъ, и всѣ, напротивъ, предпочитаютъ людей противоположнаго характера, сердечныхъ и участливыхъ; не видно, почему такая оцѣнка должна измѣниться въ обратную по отношенію къ умирающимъ. Неужели нашъ поэтъ думаетъ, что возвышеніе духа надъ грубыми страстями и мелкими интересами жизни непремѣнно сопровождается потерей всѣхъ добрыхъ человѣческихъ чувствъ? Не говоря уже объ абсолютномъ идеалѣ Христа и объ исключительныхъ примѣрахъ святыхъ, — и язычникъ Сократъ, несомнѣнно возвысившійся надъ слѣпымъ жизненнымъ хотѣніемъ и видѣвшій въ смерти желанное освобожденіе, или „выздоровленіе", нисколько не сдѣлался отъ этого безчувственнымъ, а до конца принималъ участіе въ своихъ друзьяхъ и задушевно бесѣдовалъ съ ними о смыслѣ жизни и о безсмертіи человѣка.

Самъ авторъ чуетъ, повидимому, что въ его взглядѣ, сводящемъ къ нулю и жизнь и смерть, есть что-то неладное, но, не желая отъ него отказаться, дѣлаетъ къ нему наружную поправку.

Онъ влагаетъ въ уста олицетворенной смерти, погрузившей своего избранника въ полную апатію, слѣдующее неожиданное заключеніе:

Къ иному счастію, раскрывъ темницы дверь,
Освобожденнаго, тебя зову теперь
Подъ сѣнь великаго и вѣчнаго чертога
Для всѣхъ доступнаго, всѣхъ любящаго Бога.

Нисколько не удивительно, что смерть говоритъ о столь важномъ предметѣ такими вялыми, холодными, однимъ словомъ *мертвенными* стихами: на то она и *смерть*; странно только, что герой поэмы, который вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія никого, кромѣ смерти, не слушаетъ, на этотъ разъ остается совершенно глухъ и къ ея словамъ. Указаніе на „чертогъ всѣхъ любящаго Бога“ не производитъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Еслибъ онъ повѣрилъ этимъ словамъ, онъ сдѣлалъ бы какое-нибудь усиліе, чтобы возбудить въ себѣ самомъ хоть искру любви, хоть слабый отблескъ божества; а онъ, напротивъ, какъ разъ послѣ этихъ словъ окончательно утверждается въ своемъ самодовольномъ безчувствіи, трижды отрекается отъ Бога любви, трижды безжалостно отталкиваетъ любящее существо, самоотверженно ему отдающееся. Сначала онъ разсѣянно спрашиваетъ: „о чемъ такъ плачешь ты?“ — потомъ отворачивается и наконецъ рѣшительно говоритъ: „уйди!“ При чемъ же тутъ „чертогъ“ и зачѣмъ авторъ заставилъ смерть понапрасну говорить эти хотя и слабыя, но въ существѣ справедливыя слова о божественной любви? Вѣдь не съ чувственною любовью пришла къ умирающему плачущая дѣвушка, да и его собственная прежняя любовь къ ней не была же только чувственною, — иначе какой же бы онъ былъ герой и „избранникъ“! Но допуская даже, что по какимъ-нибудь невѣдомымъ причинамъ онъ не могъ сохранить человѣческихъ чувствъ къ этой женщинѣ, онъ долженъ былъ проявить такія чувства къ кому-нибудь другому. Но мы видимъ только настойчивыя указанія на его полное безчувствіе и равнодушіе ко всѣмъ и ко всему, безусловное отсутствіе всякихъ признаковъ любви къ кому бы то ни было, — странный способъ готовиться къ вступленію въ чертогъ *всѣхъ любящаго Бога*. Очевидно, этотъ чертогъ здѣсь ни къ селу ни къ городу. Доведя въ „Разсвѣтѣ“ свое буддійское настроеніе до яснаго сознанія, сказавши послѣднее слово своего отрицательнаго жизнепониманія, нашъ авторъ самъ испугался этого слова и сдѣлалъ въ заключеніе маленькую вставку, прямо противорѣчащую всему остальному. Этотъ едва замѣтный диссонансъ не мѣшаетъ поэмѣ „Разсвѣтъ“ быть въ нашей поэзіи крайнимъ воплощеніемъ

взгляда, хотя ложнаго и несостоятельнаго, но имѣющаго опредѣленное значеніе и съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ овладѣвающаго современнымъ сознаніемъ. И въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ полнаго вниманія, не говоря уже о прекрасномъ, большею частью, стихѣ и о такихъ мастерскихъ картинкахъ природы и жизни, какъ описаніе ранняго утра въ дорогѣ или сцена дуэли.

VIII.

Хотя гр. Кутузовъ нашелъ нужнымъ, какъ мы видѣли, прикрыть буддійскую наготу своего пессимизма истрепаннымъ листкомъ изъ христіанскаго катехизиса, однако ни на какія дальнѣйшія злоупотребленія въ этомъ смыслѣ онъ не рѣшился, что дѣлаетъ большую честь его поэтической искренности. Съ другой стороны, послѣ апоѳеоза безчувствія и смерти, какъ высшаго откровенія истины, дальнѣйшее творчество въ томъ же направленіи логически и психологически невозможно для нашего поэта. Между тѣмъ его талантъ въ отношеніи формы нисколько не падаетъ, а повидимому способенъ еще къ усовершенствованію; но къ несчастію содержаніе отсутствуетъ,—сказать больше нечего.

Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, гр. Кутузовъ написалъ послѣ „Разсвѣта“ только одну небольшую лирическую поэму—„Въ туманѣ“. По содержанію здѣсь не только нѣтъ ничего новаго, но она представляетъ возвращеніе далеко назадъ, къ мотиву первой большой поэмы нашего автора—„Старыя рѣчи“: иллюзія и крушеніе незаконной любви. Однако, несмотря на то, что сюжетъ здѣсь—только туманное отраженіе чего-то давно минувшаго, пережитого, въ этой пьесѣ (появившейся впрочемъ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, черезъ годъ послѣ „Разсвѣта“) чувствуется какъ будто болѣе глубокій лиризмъ, болѣе смѣлый порывъ вдохновенія, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ гр. Кутузова, а стихъ мѣстами достигаетъ рѣдкой красоты. Приведу съ нѣкоторыми пропусками конецъ этой поэмы:

Мы жадно слушаемъ, объяты чуткой тьмой,
Какъ струйка быстрыхъ водъ лепечетъ за кормой—
. . . . . .
А мѣсяцъ между тѣмъ встаетъ надъ взморьемъ сонным.
Сверкая, движется безъ волнъ равнина водъ.
Вдали—одѣтые туманомъ озареннымъ—
Чуть видны берега; все тихо; ночь плыветъ
Прозрачнымъ сумракомъ межъ небомъ и водами;

А мы другъ другу лишь внимаемъ и молчимъ...
Словами блѣдными, ненужными словами
Нѣмую пѣснь любви прервать мы не хотимъ.
Безъ звуковъ пѣснь слышна, безъ словъ она понятна,
Ея ни заглушить нельзя, ни превозмочь.
Рожденная въ душѣ, свободно, безвозвратно,
Она, крылатая, летитъ въ нѣмую ночь;
Скользитъ по глади водъ подъ лунными лучами,
Объемлетъ дальній кругъ туманныхъ береговъ,
Съ земли несется въ высь, дрожитъ подъ небесами
И тонетъ въ голубой отчизнѣ звѣздъ и сновъ.
И беззаботные надъ дремлющею бездной,
Забывъ минувшіе и будущіе дни,
Уединенные въ чертогѣ ночи звѣздной,
Мы дышемъ, мы живемъ, мы царствуемъ одни!
Но чу!.. Какъ бы извнѣ, изъ міра намъ чужого
Какой-то странный шумъ, какой-то мѣрный стукъ,
Какъ поступь злой судьбы средь сумрака ночного,
Нарушивъ тишину, доносится намъ вдругъ.
То веселъ по водѣ тяжелые удары,
То плескъ за нами вслѣдъ стремящейся ладьи—

а въ ладьѣ, какъ и слѣдовало ожидать, помѣщается воплощеніе жестокаго рока—„ревнивецъ старый“:

Онъ видитъ—и въ глаза съ враждой непримиримой
Намъ пристально глядитъ презрителенъ и нѣмъ.

Съ обычнымъ ему художественнымъ тактомъ нашъ поэтъ не описываетъ послѣдовавшей между двумя лодками катастрофы, которая, очевидно, мало гармонировала съ поэтическою обстановкою, и прямо переходитъ къ чудесному, въ отношеніи стиха, заключенію:

Я помню краткое, послѣднее свиданье,
Прерывистую рѣчь, недвижный грустный взоръ;
Въ немъ видѣлось любви прощальное мерцанье,
Развязки роковой покорное признанье,
Безумству краткому конечный приговоръ!
Давно ль та ночь была? Давно ль та пѣснь звучала
Побѣдной радостью?—но, горечи полно,
Раздумье блѣдное теперь намъ отвѣчало:
—Давно!
Ужель всему конецъ? Ужель предъ злою силой,—
Слѣпой—какъ смерти мракъ, случайной—какъ волна,—
Должна смириться страсть?—сознанье говорило:
—Должна!
И, какъ дитя, упавъ предъ милой на колѣни,
Я плакалъ, я молилъ: бѣжимъ въ далекій край!
Но взоръ ея твердилъ на всѣ мольбы и пени:
—Прощай!

И мы разстались... И долго, какъ въ пустынѣ,
По свѣту, одинокъ, блуждалъ я... Вешній сонъ
Безвременно померкъ, угасъ... *Зачѣмъ* же нынѣ
Сквозь сумракъ и туманъ мнѣ вновь явился онъ?
Зачѣмъ въ груди моей такъ больно и такъ сладко
Вдругъ сердце сжалося, услышавъ пѣснь любви,
И съ тайнымъ трепетомъ я въ тьмѣ слѣжу украдкой
Неуловимый бѣгъ невидимой ладьи?

„Зачѣмъ?“ спрашиваетъ нашъ поэтъ, и этимъ вопросомъ заканчивается все собраніе его сочиненій. Если „зачѣмъ“ замѣнить „почему“, то отвѣтъ, кажется намъ, ясенъ. Потому, конечно,—что въ самой неудачной и нелѣпой любви все-таки больше смысла и правды, чѣмъ въ самой удачной смерти и въ самомъ великолѣпномъ бездушіи.

IX.

Въ началѣ того же, второго, тома сочиненій гр. Кутузова помѣщены четыре произведенія болѣе ранняго періода, содержаніе которыхъ вполнѣ гармонируетъ съ унылымъ пессимистическимъ жизнепониманіемъ, нашедшимъ свое окончательное выраженіе въ „Разсвѣтѣ“. Въ разсказѣ „Гашишъ“ изображается „туркестанецъ“, который отъ „ужаса жизни“ и отъ „противнаго сора противной земли“ находитъ единственное убѣжище въ галлюцинаціяхъ, производимыхъ отравой—

Прощай... но еслибы удары
Судьбы жестокой на тебя
Обрушились, и жизнь твоя
Нежданнымъ горемъ омрачилась,
Припомни, что со мной случилось...
Алла могучъ—гашиша дымъ
Для счастья нищихъ созданъ имъ.

Но если полудикій туркестанецъ отъ жизненной тоски не находитъ другого прибѣжища, кромѣ гашиша, то и образованному русскому, пожалуй, придется искать спасенія въ чемъ-нибудь подобномъ: такъ выходитъ, по крайней мѣрѣ, если согласиться съ изображеніемъ нашей жизни въ отрывкѣ „Скука“ (1875 года):

И мракъ, и сонъ—терпѣнья нѣтъ!
. . . . . .
Подъ вечеръ сладостно зѣвая,
Мы завтра ничего не ждемъ,
И скука—скука роковая
Одна надъ всѣмъ царитъ кругомъ!

Авторъ, который черезъ семь лѣтъ напишетъ вполнѣ серьезно апоѳеозъ смерти, теперь даетъ полу-серьезный, полу-ироническій апоѳеозъ скуки. Должно замѣтить, что даръ иронiи и сатиры свойственъ нашему поэту въ очень слабой степени, и читатель готовъ видѣть подлинное выраженіе его настроенія въ слѣдующихъ стихахъ:

Всепобѣждающая скука,
Ты стала общей госпожей!
Плачъ совѣсти, сомнѣній мука —
Давно покорены тобой.
Въ тебѣ одной вся правда нынѣ;
Ты—жизни цѣль и идеалъ (?)—
Объемлешь, какъ самумъ въ пустынѣ,
И топишь, какъ девятый валъ!
. . . . . .
Священнымъ трепетомъ объята
Моя душа передъ тобой—
Я вѣрный рабъ отнынѣ твой.

Описавши царство скуки въ столичной гостиной, поэтъ переносится мечтою въ деревню, къ мужикамъ. Но и тамъ опять скука, хотя „иная“:

Я слышалъ вьюги завыванье
Вокругъ пустынныхъ деревень,
Я видѣлъ томное мерцанье
Лучинъ, сквозь ночи зимней тѣнь;
Холмы и горы снѣговыя,
Морозъ, мятель и мракъ кругомъ,
Да лица *хмурыя*, *худыя*
Въ убогихъ хатахъ предъ огнемъ...
Вотъ съ тяжкою борясь дремотой,
Согнулась баба надъ работой.
Веретено ея жужжитъ,
Тоску-печаль наводитъ *злую*.
Мужикъ *угрюмо* чинитъ сбрую,
Въ качалкѣ дѣтище кричитъ.
Ползутъ часы труда и *скуки*
Въ молчаньѣ *мертвомъ*, въ дымной мглѣ,
Но вотъ и ужинъ на столѣ
Явился; трудовыя руки
Взялись за ложки... хлѣбъ, вода,
Квасъ кислый—ужинъ хоть куда...
. . . . . .
И вновь безмолвье, трескъ лучины,
Докучный шумъ веретена,
Покой *безтомощной кручины*,
Стенанье вѣтра у окна,

Морозъ и вьюга надъ полями,
Луна средь дымныхъ облаковъ,
И на дворахъ за воротами
Унылый лай *голодныхъ* псовъ...

Я полагаю, что жизнь крестьянъ вообще достаточно бѣдственна сама по себѣ, и что нѣтъ никакой надобности еще наводить на нее мрачную краску субъективнаго характера. Почему шумъ веретена вызываетъ непремѣнно злую тоску? Почему мужики и бабы неуклонно пребываютъ въ мертвомъ молчаніи? Относительно бабъ это вполнѣ неправдоподобно, да и мужики, если не ошибаюсь, весьма часто нарушаютъ безмолвіе болѣе или менѣе крѣпкими словами, свидѣтельствующими о нѣкоторой бодрости духа. Лица у нихъ также бываютъ всякія, а не одни только хмурыя и угрюмыя. Я думаю даже, что и собаки деревенскія не всегда бываютъ голодны и лаютъ не всегда уныло, а иногда, напротивъ, съ остервенѣніемъ. Конецъ отрывка съ полною ясностью показываетъ, что причина такого преувеличенно-мрачнаго взгляда находится не въ природѣ вещей, а въ болѣзненно-желчномъ настроеніи автора. Когда свѣтская хозяйка проситъ его написать ей въ альбомъ что-нибудь смѣшное, онъ вдругъ приходитъ въ совершенно несогласное съ обстоятельствами дѣла ожесточеніе

И злобой тайной вдохновенный,
Альбомъ я въ руки смѣло взялъ
И въ немъ красавицѣ надменной
Желанья сердца написалъ:
„Скучай—ты создана для скуки;
Тебѣ иного дѣла нѣтъ.
Ломай и голову и руки (?)—
Тебѣ на все одинъ отвѣтъ.
. . . . . .
Скучай!—Съ рожденья до могилы
Судьбою путь начертанъ твой:
По каплѣ ты истратишь силы,
Потомъ умрешь... И Богъ съ тобой!"

За что же это однако? Чѣмъ виновата эта бѣдная дама, если, какъ видно изъ всего предъидущаго, поэтъ ни въ комъ и ни въ чемъ, ни внѣ себя, ни въ себѣ самомъ, не находитъ ничего, кромѣ скуки?

Насколько эта идея скуки не случайна, а укоренилась въ настроеніи и сознаніи автора, видно изъ того, что съ нея же начинается и слѣдующая пьеса „Старики", написанная, однако, черезъ два года послѣ предъидущей.

Былъ долгій миръ; *намъ было скучно;*
Дремали мы въ тоскѣ нѣмой,
Сквозь сонъ внимая равнодушно
Европы шумъ *для насъ чужой.*

Быть можетъ, еслибы этотъ шумъ Европы,—поднимаемый вѣдь не изъ-за однихъ низшихъ страстей и интересовъ, но также и изъ-за высшихъ принциповъ и идей,—не былъ для насъ такимъ чужимъ, то и скучать намъ было бы некогда; какъ бы то ни было, нашлось другое средство противъ скуки—война. Такое лекарство, однако, кажется нашему поэту хуже самой болѣзни, и на этотъ разъ онъ, конечно, правъ:

Но бранный призракъ дикъ и страшенъ;
Вокругъ него проклятья, стонъ.
Какъ хищникъ, кровью мерзкихъ брашенъ
Упитанъ и обрызганъ онъ.

Авторъ хочетъ показать ужасъ войны, представляя его отраженіе въ маленькомъ уголку мирной жизни. Сюжетъ разсказа —трагическій конецъ современныхъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны: онъ, отставной военный, воспламеняется бранным пыломъ, идетъ на турка и погибаетъ въ сраженіи; она не переноситъ этого горя и умираетъ подъ шумъ народныхъ ликованій по случаю взятія Плевны.

Былъ вечеръ. Плошекъ красный свѣтъ
Сквозь дымъ пылалъ передъ домами;
Народъ по улицамъ толпами
Бродилъ всю ночь, и до утра
Гремѣли пѣсни и „ура“!
Ура, ура!—и вдругъ въ полночи
Старуху пробудилъ тотъ крикъ;
Прислушалась, открыла очи...
„Анисья“, прошепталъ языкъ,
„Что тамъ такое?“—„Плевну взяли“,
Анисья сонная въ отвѣтъ
Пробормотала. Странный свѣтъ
Мерцалъ предъ окнами; звучали
Лихія пѣсни, смѣхъ—и вотъ
Воскресло въ головѣ сознанье...
Убитъ! раздалося стенанье;
Ура! въ отвѣтъ кричалъ народъ.

Кромѣ этого прекраснаго заключенія, весь разсказъ, при симпатичномъ замыслѣ, довольно слабъ въ художественномъ отношеніи.

Если въ современной жизни поэтъ видитъ только или скуку,

или ужасъ, то едва-ли найдетъ онъ что-нибудь хорошее въ исторіи. Гр. Кутузовъ нашелъ въ ней для своего творчества только одинъ сюжетъ—смерть Святополка Окаяннаго. Это—интересная попытка представить въ художественной формѣ психологію преступника, показать, какъ совершённое злодѣяніе объективируется, становится внѣшнею силою, которая толкаетъ къ новымъ преступленіямъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется непозволительнымъ приписывать историческому лицу, хотя бы даже окаянному, такія преступленія, какихъ онъ не совершалъ, особенно же если ихъ и вовсе невозможно было совершить. Гр. Кутузовъ въ своей драматической сценѣ заставляетъ Святополка убивать схимонаха Варѳоломея, при чемъ выводится также старецъ Иринархъ, строитель скита пустынножителей. Все это принадлежитъ, очевидно, къ монашеству греко-восточному. Между тѣмъ дѣйствіе происходитъ въ 1019 г. въ пограничной мѣстности между Польшей и Богеміей, т.-е. въ Силезіи или въ Моравіи, а въ этихъ странахъ восточное монашество, еслибы и успѣло появиться со всѣми своими особенностями въ краткое время епископства св. Меѳодія (въ IX-мъ вѣкѣ), то во всякомъ случаѣ къ началу XI-го вѣка давнымъ давно исчезло.

Это, конечно, мелочь. Любопытно не то, что авторъ произвольно и неудачно усугубилъ окаянство своего героя, а то, что онъ во всей исторіи заинтересовался только однимъ этимъ окаяннымъ. Такой выборъ мрачнаго злодѣя въ качествѣ единственнаго историческаго сюжета кажется мнѣ не случайнымъ: онъ находится въ связи—вѣроятно невольной и несознанной—съ господствующимъ міросозерцаніемъ нашего поэта и съ его взглядомъ на исторію. Признавая жизнь безсмыслицей, онъ въ историческомъ движеніи человѣчества видитъ не только „чужой шумъ", „лести звукъ пустой" и „праздныхъ словъ игру", но даже какое-то злодѣяніе. Основной мотивъ историческаго прогресса есть покореніе дикой природы человѣческимъ духомъ. Но именно это кажется поэту чѣмъ-то грѣховнымъ, заслуживающимъ кары и получающимъ ее. Такая идея, согласная съ общимъ пессимизмомъ гр. Кутузова, вдохновила его поэтическую сказку „Лѣсъ", содержаніе которой онъ нашелъ въ прозѣ А. Додэ, но взялъ по праву какъ свое и претворилъ въ прекрасные стихи.

Есть берегъ чудесный—морская волна,
Къ нему подбѣгая, смолкаетъ;
Тамъ силы дремучей и тѣни полна,
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Тамъ лѣсъ-богатырь почиваетъ.
Онъ дремлетъ, и грезитъ, и шепчетъ сквозь сонъ.

Волшебенъ и страненъ тотъ шопотъ,
Какъ темная молвь стародавнихъ временъ,
Какъ дальняго вѣча торжественный звонъ,
Какъ моря безбрежнаго ропотъ.

Въ это дремучее царство дикой природы пришли люди, послѣ упорной борьбы съ лѣсомъ одолѣли его, выжгли себѣ мѣсто и построили городъ.

То было ужъ поздней осенней порой,
И лѣсъ ихъ оставилъ въ покоѣ.
Гордилися люди побѣдой такой
И славили мудрость свою... но весной
Вновь горе постигло ихъ злое.

Лѣсъ ожилъ, набрался дикой силы и задавилъ человѣческую культуру.

И скоро не стало дворцовъ, площадей,
Проѣздовъ и улицъ широкихъ.
Все скрылось во мракѣ мохнатыхъ вѣтвей,
Лишь крики, проклятья и стоны людей
Носилися въ дебряхъ глубокихъ!
Все рѣже и глуше звучали они,
Деревья сплетались все гуще;
Въ вершинахъ, какъ *въ добрые старые дни*,
Пернатыя хоромъ запѣли въ тѣни,
А лѣсъ разростался все пуще!
Свершилось!—Въ живыхъ ни единой души
На мѣстѣ борьбы не осталось,
И вновь все заснуло средь мертвой тиши;
Людей появленье въ чудесной глуши
Какъ сонъ мимолетный промчалось!
И нынѣ, какъ прежде, морская волна
Близъ тѣхъ береговъ умолкаетъ,
Гдѣ, силы дремучей и тѣни полна,
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Гдѣ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

Сочувствіе поэта дикимъ силамъ природы, безпощадно истребляющимъ не только дѣла человѣческія, но и самихъ людей,—довольно характерно. Пускай это сказка; но вѣдь было дѣйствительно время, когда не только тотъ невѣдомый берегъ, но и весь земной шаръ былъ покрытъ сплошными дремучими лѣсами. Для появленія и развитія человѣческой жизни необходимо было возстаніе и борьба противъ этого дикаго царства, т.-е. преступленіе de lèse-nature—съ точки зрѣнія нашего поэта, который, чтобъ быть послѣдовательнымъ, долженъ желать и этому всемірно-историческому преступленію такой же кары и такого же конца, какіе описаны въ его сказкѣ.

X.

Склонный субъективно къ отрицательному буддійскому взгляду на міръ и жизнь, поэтъ естественно и въ предметахъ своего творчества находитъ и представляетъ только подтвержденіе этого взгляда. Все существующее дѣйствуетъ на него особенно своею отрицательною стороною. Жизнь есть безсмысленная тоска, отъ которой чужая намъ Европа находитъ развлеченіе въ ненужномъ шумѣ такъ называемыхъ вопросовъ, а болѣе близкая Азія—въ гашишѣ; въ самой Россіи царитъ ничѣмъ неодолимая, лишь мгновенно прерываемая ужасами войны скука—скука сытая въ столичномъ обществѣ, скука голодная—у деревенскаго люда; такова современность;—поэтъ съ отвращеніемъ отводитъ отъ нея взоръ, устремляетъ его въ глубь временъ и усматриваетъ тамъ... Святополка Окаяннаго. Положеніе по истинѣ безвыходное, напоминающее старинную прибаутку: въ водѣ черти, въ землѣ черви, во бору сучки, на Москвѣ крючки.

Какъ хорошо, что художественное творчество, даже у поэтовъ не чуждыхъ размышленія, какъ гр. Кутузовъ, не опредѣляется однако всецѣло общимъ складомъ ихъ мысли или ихъ основнымъ настроеніемъ,—какъ хорошо, что поэты непослѣдовательны. Еслибы гр. Кутузовъ былъ всегда и во всемъ вѣренъ своему буддійскому взгляду, то его стихи служили бы только къ наглядному доведенію до абсурда извѣстнаго ложнаго жизнепониманія. Къ счастію онъ, по крайней мѣрѣ въ молодые годы, писалъ нерѣдко въ силу непосредственнаго вдохновенія элементарными жизненными мотивами и впечатлѣніями, откуда вышло много прекрасныхъ лирическихъ и описательныхъ мѣстъ въ его поэмѣ и нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній несомнѣннаго достоинства.

Основные мотивы чистой лирики—любовь и природа. Въ этой области современному русскому поэту приходится соперничать съ Тютчевымъ и Фетомъ. Но не останавливаясь на такихъ предрѣшающихъ сравненіяхъ, мы можемъ отмѣтить у гр. Кутузова нѣсколько очень милыхъ стихотвореній, болѣе или менѣе оригинально варьирующихъ двѣ вѣковѣчныя лирическія темы.

Вотъ напримѣръ:

Прошумѣли весеннія воды,
Загремѣли веселыя грозы,
Въ одѣяньяхъ воскресшей природы
Расцвѣли гіацинты и розы.

Пронеслись отъ далекихъ поморій
Перелетныя пѣвчія птицы;
Въ небесахъ свѣтлоокія зори
Во всю ночь не смыкаютъ зеницы.
Но и въ блѣдной тиши ихъ сіяній
Внятенъ жизни таинственный лепетъ,
Внятны звуки незримыхъ лобзаній
И любви торжествующій трепетъ.

Двѣ заключительныя строфы я пропускаю, что̀ могъ бы съ успѣхомъ сдѣлать и самъ авторъ. Вообще въ лирическомъ стихотвореніи если есть возможность остановиться на третьей строфѣ, то непремѣнно нужно этимъ пользоваться, какъ это и сдѣлалъ нашъ поэтъ, напримѣръ, въ стихотвореніи „Снилось мнѣ утро лазурное, чистое“. Я думаю, что и лучшее стихотвореніе гр. Кутузова въ этомъ родѣ: „Не смолкай, говори“, только выиграло бы, еслибы изъ пяти строфъ оставить слѣдующія три:

Не смолкай, говори... Въ ласкѣ рѣчи твоей,
Въ беззавѣтномъ весельѣ свиданья,
Принесла мнѣ съ собою ты свѣжесть полей
И цвѣтовъ благовонныхъ лобзанья.
. . . . . .
Ни движенья, ни звука вокругъ, ни души!
Безпредметная даль предъ очами,
Мы съ тобою вдвоемъ въ полутьмѣ и тиши,
Подъ лазурью, луной и звѣздами.
. . . . . .
Въ безпредѣльномъ молчаньѣ тѣней и лучей
Шепчешь ты про любовь и участье...
Не смолкай, говори... Въ ласкѣ рѣчи твоей
Мнѣ звучитъ безпредѣльное счастье.

Поэзіею Фета навѣяны слѣдующіе стихи, посвященные этому поэту:

Словно говоръ листвы, словно лепетъ ручья,
Въ душу вѣетъ прохладою пѣсня твоя;
Все внималъ бы, какъ струйки дрожатъ и звучатъ,
Все впивалъ бы листовъ и цвѣтовъ ароматъ,
Все молчалъ бы, поникнувъ, чтобъ долго вокругъ
Только пѣсни блуждалъ торжествующій звукъ,
Чтобъ на ласку его, на призывъ и привѣтъ
Только сердце въ томилось и билось въ отвѣтъ.

При отрицательномъ взглядѣ гр. Кутузова на жизнь какъ на безсмыслицу и на историческій прогрессъ какъ на злодѣяніе, нельзя ожидать найти въ его поэзіи такъ называемыхъ гражданскихъ мотивовъ. По счастливой непослѣдовательности, въ его

сборникъ попало, однако, одно прекрасное стихотвореніе, посвященное свободѣ слова:

Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, свой мечъ святой.
Я ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
Какъ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ—
И пусть въ пылу на полѣ брани
Нарушу я любви завѣтъ,
Пусть, правый путь во тьмѣ теряя,
Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ единъ!
Да,—наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!

Это стихотвореніе и по мысли, и по тону, и по фактурѣ весьма напоминаетъ нѣкоторыя лирическія пьесы гр. А. Толстого, а также одно мѣсто въ его поэмѣ „Іоаннъ Дамаскинъ“, которое начинается стихами:

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ,
Она — въ душѣ рожденная свободно —
Въ оковахъ не умретъ...

Прямое ли это подражаніе, или невольное совпаденіе, оно нисколько не уменьшаетъ внутренняго достоинства этихъ стиховъ гр. Кутузова.

Кажется, я указалъ въ сборникѣ нашего поэта все, что ограничиваетъ мое сужденіе объ основномъ характерѣ его поэзіи, но долженъ признаться, что и въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ его гораздо больше такихъ, которыя *подтверждаютъ* это мое сужденіе, т.-е. выражаютъ то самое буддійское настроеніе, послѣднее слово котораго сказано въ поэмѣ „Разсвѣтъ“. Вотъ уже съ самаго начала:

Тайный полетъ за мгновеньемъ мгновенья,
Взоръ неподвижный на счастье далекое,
Много сомнѣнія, много терпѣнія,—
Вотъ она, ночь моя, ночь одинокая!

Въ стихотвореніи: „Поэту“, авторъ, перечисливши все, чѣмъ красна человѣческая жизнь, заключаетъ такъ:

Но сонъ тотъ мчится прочь, сверкнувъ во тьмѣ улыбкой,
И я прощаюся съ мновенною ошибкой,
Вновь одиночествомъ и холодомъ объятъ.
Я знаю, не прерветъ *безстрастнаго* раздумья
Ни лепетъ въ тишинѣ бѣгущаго ручья,
Ни радостный порывъ счастливаго безумья,
Ни поцѣлуй любви, ни пѣсня соловья.

Авторъ постоянно возвращается къ этому мотиву безнадежнаго разочарованія:

...любуясь красотой,
По сторонамъ безстрастно взоръ блуждаетъ,
И счастливъ онъ окрестной пустотой,
И ничего отъ тьмы не ожидаетъ.
Безлюдье, тишь, спокойствіе и лѣнь,
Таинственный полетъ полночной птицы,
Вдали сквозь тучъ безгромныя зарницы,
Въ природѣ и въ душѣ ночная тѣнь.

Разочаровавшись въ красотѣ внѣшней и внутренней, авторъ естественно теряетъ вѣру и въ свое собственное поэтическое призваніе:

Отчего жъ ты обманула, буря,
Обернулась въ *сѣрое ненастье*,
И стою я, голову понуря,
О мелькнувшемъ поминая счастьѣ.
Что ты, вѣтеръ, плачешь и гуляешь,
Словно пьяный въ Божье воскресенье,
Не по мнѣ ль поминки ты справляешь,
Не мое ль хоронишь вдохновенье!

При міросозерцаніи автора для вдохновенія нѣтъ предмета:

Зачѣмъ кипитъ въ груди негодованье,
Зачѣмъ глаза горючихъ слезъ полны,
Когда уста на мертвое молчанье,
Когда мечты на смерть обречены!
Зачѣмъ въ крови струится жизни сила,
Когда во вѣкъ ей не стяжать побѣдъ,
Зачѣмъ ладья, когда въ ней нѣтъ вѣтрила,
Зачѣмъ вопросъ, когда отвѣта нѣтъ!...

Во внѣшней природѣ гр. Кутузовъ вдохновляется главнымъ образомъ тѣми сторонами, которыя отвѣчаютъ его общему мрачному настроенію. Въ этой области онъ въ особенности пѣвецъ ночи, какъ въ мірѣ человѣческомъ онъ воспѣваетъ смерть.

Вотъ одно изъ многихъ ночныхъ стихотвореній гр. Кутузова:

Глазъ безсонныхъ не смыкая,
Я внималъ, какъ сердце ныло,
Какъ, всю ночь не умолкая,
Вьюги стонъ звучалъ уныло,
Какъ съ тревогою участья
Ночь въ окно ко мнѣ стучалась,
Какъ душа съ обманомъ счастья
И боролась, и прощалась.

Временная ночь привлекательна для нашего поэта, потому что она напоминаетъ ему вѣчную ночь могилы:

Гаснетъ духъ, слабѣютъ силы,
Жизнь ненастья холоднѣй,—
Ужъ не краше ль ночь могилы
Этихъ мрака полныхъ дней?

Прямому культу смерти, кромѣ „Разсвѣта", посвящено и нѣсколько лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ приведу одно— „Встрѣча Новаго года":

„Виномъ наполнены бокалы,
Смолкаютъ рѣчи, полночь бьетъ,
И вотъ какъ съ пальмы листъ увялый
Отпалъ прожитый, старый годъ.
На мигъ передъ живымъ участьемъ
Смирилась власть враждебной тьмы,
И съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Поздравили другъ друга мы.
Но мнѣ какой-то голосъ странный
Вдругъ прошепталъ привѣтъ иной,
Привѣтъ таинственный, нежданный,
Неслыханный дотолѣ мной.
И я взглянулъ:—въ красѣ безстрастной,
Сверкая вѣчной бѣлизной,
Вдалека, съ улыбкой ясной,
Мнѣ Смерть кивала головой.

Поклоняясь смерти, гр. Кутузовъ иногда по старой памяти христіанскихъ словъ говоритъ о ней, какъ о переходѣ къ иной, высшей формѣ бытія, но большею частью, вѣрный своему общему буддійскому міросозерцанію, онъ видитъ въ ней безусловный конецъ всякаго бытія, сонъ безъ сновидѣній и безъ пробужденья:

Надо мной раскинешь ты свой пологъ,—
Пологъ тотъ, какъ ночь, широкъ и чуденъ,—
Я усну, и будетъ сонъ мой дологъ,
Будетъ дологъ, тихъ и непробуденъ.

Придя къ обоготворенію смерти, почему же, однако, гр. Кутузовъ продолжаетъ жить?

Единственно только по малодушію,—отвѣчаетъ онъ самъ въ стихотвореніи: „Свиданье со смертью“, весьма напоминающемъ извѣстную басню: „Крестьянинъ и смерть“:

Она ко мнѣ пришла и постучалась въ дверь,
И я узналъ тотъ стукъ, но съ холодомъ испуга —
„О, знаю“, я сказалъ: „я звалъ тебя, какъ друга,
„И не страшусь тебя—приди, но не теперь.“

Смерть оказывается очень покладистой:

...и дверь пріотворивъ,
Она кивнула мнѣ съ упрекомъ головою,
И было много такъ печали и любви
Въ слетѣвшемъ съ устъ ея участливомъ: „живи!“

XI.

Если не ошибаюсь, стихотворенія гр. Кутузова, несмотря на заслуженную извѣстность автора, не подвергались еще обстоятельной критикѣ; а потому я считаю не лишнимъ дополнить свой разборъ нѣсколькими замѣчаніями касательно формы и внѣшней технической стороны. Стихъ нашего поэта, вообще ясный и простой, свободный и изящный, лишенъ бо́льшею частью сжатой, сосредоточенной силы и широкаго размаха. Это, конечно, недостатокъ едва-ли устранимый, да въ настоящую эпоху, пожалуй, приходится считать его достоинствомъ. Во всякомъ случаѣ самое слабое и расплывчатое стихотвореніе нашего автора имѣетъ гораздо болѣе общаго съ истинною поэзіею, нежели такое, напримѣръ, размашистое произведеніе новѣйшаго декадентства:

Какъ ужасно воютъ черныя собаки
На дворѣ сегодня! Какъ ненастна ночь!
. . . . . .
Какъ тревожна ночь и какъ ужасна мука!
Но безмолвенъ я, лишь ропщетъ темнота
И, окаменѣвши, не рождаетъ звука, —
Отъ рыданій грудь, отъ жалобы уста.
Догорая, гаснутъ трепетныя свѣчи...
Ночь повита крепомъ, *мысль какъ ночь темна...*
. . . . . .

Хотя, кромѣ послѣдняго, совершенно справедливаго заявленія, все прочее здѣсь представляетъ лишь продуктъ смѣшенія двухъ

различныхъ понятій: поэзіи и чепухи, съ замѣной перваго вторымъ,—однако такое стихотвореніе не есть нынѣ что-нибудь исключительное, а представляетъ цѣлый *родъ* литературы, который все болѣе и болѣе становится господствующимъ у насъ, какъ и во Франціи. Гр. Кутузовъ совершенно убережся отъ указаннаго смѣшенія понятій, что̀ составляетъ его несомнѣнную заслугу. Но если лирическое одушевленіе, чтобы оставаться въ предѣлахъ поэзіи, никогда не должно переходить въ безсвязный бредъ, то, съ другой стороны, трезвость и ясность мысли никакъ не должна доходить у поэта до прозаизмовъ. Въ этотъ грѣхъ случается иногда впадать нашему автору. Такъ напр., онъ сообщаетъ намъ (въ стихотвореніи на открытіе памятника Пушкину), что русскій народъ вспомнилъ, —

Что у него великій есть поэтъ,
И захотѣлъ онъ вновь передъ собою
Его могучій образъ воскресить,
Почтить пѣвца безсмертною хвалою,
Его вознесть высоко надъ толпою
И памятникъ ему соорудить.

Послѣднее свѣденіе было бы лишнимъ даже въ прозѣ, а въ стихахъ и подавно. Тутъ же говорится, что—

Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, какъ утра чистый свѣтъ.

Такая полнота отвлеченныхъ подлежащихъ допустима только въ прозѣ. Чистѣйшею прозою начинается посланіе къ А. Н. Майкову по случаю полученія имъ пушкинской преміи:

Учитель дорогой! Съ сердечною отрадой
Тебя привѣтствую. — Ко мнѣ примчалась вѣсть:
„Два міра“ почтены достойною наградой,
И славный ихъ пѣвецъ пріялъ хвалу и честь.

Другого рода прозаичностью поражаютъ слѣдующіе стихи, касающіеся русско-турецкой войны:

И ночь тиха была, и мѣсяцъ, *безпристрастно*
На праведныхъ и злыхъ взирая съ высоты, —
„Не полно ль убивать другъ друга вамъ напрасно?“
Шепталъ *съ улыбкою добра и красоты.*

Безпристрастіе мѣсяца къ воюющимъ сторонамъ есть вообще антропоморфизмъ довольно прозаичный, а въ настоящемъ случаѣ и неумѣстный; ибо если ужъ дѣло пошло на олицетворенія, то мѣсяцъ, очевидно, долженъ быть пристрастнымъ къ туркамъ.

Прозаичны и самыя слова, которыя поэтъ заставляетъ его „шептать“, и особымъ комичнымъ прозаизмомъ отличается послѣдній стихъ вслѣдствіе нескладнаго и ничѣмъ не оправданнаго соединенія такихъ широкихъ отвлеченныхъ понятій, какъ добро и красота, съ такимъ тѣснымъ представленіемъ, какъ улыбка, да еще на лицѣ мѣсяца. Лунная „улыбка добра и красоты“—здѣсь даже страннымъ образомъ прозаическая сухость граничитъ съ декадентскою нелѣпостью. Напрасно авторъ напечаталъ это стихотвореніе, которое есть лишь весьма неудачное подражаніе заключительнымъ стихамъ Лермонтовскаго „Валерика“.

Такой же прозаизмъ представляетъ слѣдующая строфа въ стихотвореніи „Послѣднимъ заревомъ горитъ закатъ багряный“:

И ничего кругомъ на мысль ту не отвѣтитъ,
И будетъ одинокъ тотъ лучъ въ окрестномъ снѣ,
Звѣзда небесная, быть можетъ, лишь замѣтитъ
И *прослезится* въ вышинѣ.

Конечно, поэтъ имѣетъ неотъемлемое право заставлять плакать кого и что угодно,—однако подъ непремѣннымъ условіемъ *показать* намъ эти слезы. Если онъ, напримѣръ, назоветъ падучія звѣзды огненными слезами неба, то мы видимъ, о чемъ онъ говоритъ; но если онъ ограничится голословнымъ утвержденіемъ мнимаго факта, будто звѣзда, или какая-нибудь другая вещь, прослезилась, то мы, во-первыхъ, ему не повѣримъ, а во-вторыхъ, удивимся, зачѣмъ ему понадобилась такая совсѣмъ не интересная и нисколько не поэтичная напраслина.

Попадаются у нашего автора и техническіе промахи, вслѣдствіе которыхъ стихъ въ чтеніи производитъ впечатлѣніе прозы, какъ напримѣръ:

Вы, свѣтлыхъ грезъ безумные творцы,
Откинувшіе бранныя одежды...

Послѣдній стихъ есть проза, точно такъ же какъ и послѣдній изъ слѣдующихъ трехъ:

Замкнулися уста, погасли очи,
Горѣвшія въ потьмахъ духовной ночи,
Какъ мысли путеводные они.

Далѣе:

Его красѣ нетлѣнной поклониться,
Какъ свѣту возвратившейся весны —

подчеркнутый стихъ прозаиченъ и по блѣдности образа, и по самой структурѣ. Еще худшій грѣхъ случился въ „Разсвѣтѣ“,

гдѣ авторъ забылъ непреложный законъ о цезурѣ при шестистопномъ ямбѣ, вслѣдствіе чего явился такой невозможный стихъ:

Когда къ потерянному чувству нѣтъ возврата...

Едва-ли кто станетъ спорить противъ того, что славянскія формы: *злато, вранъ* и т. д., вмѣсто: золото, воронъ — должны быть изгнаны изъ современнаго стиха. Особенно неумѣстны онѣ вблизи словъ вульгарныхъ, примѣръ чего находимъ у гр. Кутузова. Сказавши, что смерть—

Припляшетъ съ радости, смѣется
И хищниковъ сзываетъ на обѣдъ,

онъ продолжаетъ:

И стаями отвсюду мчатся *враны*.

Эти *враны* необходимы только затѣмъ, чтобы риѳмовать съ *Балканы* — риѳма хотя недурная, но и не настолько богатая, чтобы для нея стоило чѣмъ-нибудь жертвовать. Риѳмы вообще составляютъ слабую сторону въ стихахъ нашего поэта. Дѣйствительно-богатыхъ, неожиданныхъ, нѣтъ почти вовсе; избитыхъ и слабыхъ, въ родѣ: *любовь—кровь, грозы—слезы, ясенъ — прекрасенъ* — очень много, а не мало и совсѣмъ предосудительныхъ. *Иногда—никогда, кровъ—покровъ, пришла—прошла, томной—темной* — послѣ такихъ риѳмъ остается риѳмовать: *смѣлый—не смѣлый, фунта—полфунта*; сюда же принадлежитъ излюбленная гр. Кутузовымъ риѳма *счастья — участья*; разъ согрѣшить такою жалкою риѳмою еще можно, но повторять ее многократно —не годится. Нельзя одобрить: *смерть—твердь, мощь—дождь, языкъ—мигъ; сознался я—залился* есть риѳма мнимая, ибо слогъ *ся* произносится въ дѣйствительности какъ *са*; наконецъ, *обо́рясь* и *тарантасъ* почти такъ же мало похоже на риѳму, какъ *перекрестясь* и *Стасовъ*.

Я знаю, что нѣтъ у насъ поэта безгрѣшнаго по части риѳмъ, но еслибы такой фактъ и составлялъ право, то во всякомъ случаѣ гр. Кутузовъ здоупотребляетъ этимъ правомъ: я насчиталъ у него болѣе трехсотъ паръ неправильныхъ риѳмъ,—для двухъ маленькихъ томовъ это слишкомъ много! И тѣмъ болѣе это странно, что въ своихъ критическихъ отзывахъ о нѣкоторыхъ поэтахъ онъ ставитъ безупречность риѳмы какъ неизбѣжное условіе для достоинства стихотворенія. Я не совсѣмъ раздѣляю такую строгость въ смыслѣ эстетическомъ, но зато съ точки зрѣнія этической не подлежитъ никакому сомнѣнію, что писатель не-

премѣнно долженъ исполнять самъ тѣ требованія, которыя онъ предъявляетъ своимъ собратьямъ: *имже бо судомъ судите...*

XII.

Разобравъ такъ подробно сочиненія гр. Кутузова и приведя —на ряду съ нѣсколькими плохими — такъ много истинно-прекрасныхъ стиховъ, я хотѣлъ между прочимъ показать и оправдать высокое мнѣніе, которое я имѣю о поэтическомъ талантѣ этого писателя. Этимъ объясняется и рѣзкость моей критики: кому много дано, съ того много и взыщется. Обличеніе стихотворцевъ бездарныхъ,—если кому есть охота этимъ заниматься,—имѣетъ въ виду только благо читателей,—предохраненіе ихъ отъ непріятнаго чтенія. Такой филантропической цѣли не можетъ быть при указаніи недостатковъ и промаховъ поэта столь талантливаго, какъ гр. Кутузовъ. Но здѣсь зато критика можетъ имѣть отчасти въ виду пользу самого критикуемаго автора. Бездарнаго стихоплета исправитъ только могила, но талантливый поэтъ можетъ до нѣкоторой степени быть исправленъ и критикою,—разумѣется, если онъ свободенъ отъ мелкаго самолюбія и тупого самодовольства. Почтенный авторъ „Разсвѣта“, конечно, выше такой ограниченности. Какъ бы, впрочемъ, онъ ни отнесся къ тѣмъ или другимъ моимъ замѣчаніямъ—одного онъ во всякомъ случаѣ не можетъ отвергнуть, такъ какъ оно не есть мое мнѣніе или выводъ, а прямое указаніе на фактъ его собственнаго опыта—разумѣю тотъ фактъ, что основное настроеніе, вдохновлявшее его поэзію, достигнувъ своего крайняго выраженія въ апоѳеозѣ смерти, тѣмъ самымъ исчерпало все свое содержаніе, перестало быть источникомъ новыхъ вдохновеній, и муза его преждевременно, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ захирѣла, и вотъ уже двѣнадцать лѣтъ напоминаетъ о себѣ лишь рѣдкими отзвуками былого. Поэтъ не можетъ отрицать той очевидной истины, что въ прежнемъ направленіи, на почвѣ настроенія, породившаго „Разсвѣтъ“, ему больше сказать нечего. Еслибы онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сочинять въ изобиліи искусственные стихи, лишенные искренности и вдохновенія, то намъ пришлось бы признать дѣло его безнадежнымъ. Но къ чести для себя и къ утѣшенію для насъ гр. Кутузовъ не насилуетъ, вообще говоря, своего таланта и не кривитъ душою. Высказавъ съ убѣжденіемъ, что „прекрасенъ жизни бредъ“, но что дѣйствительно хороша только смерть,—взглядъ, послѣ котораго остается

только умереть, а отнюдь не писать стихи, нашъ поэтъ хотя, слава Богу, не рѣшается на первое, однако воздерживается и отъ второго. Такъ какъ ему нечего больше сказать, то онъ молчитъ. Такое положеніе достойно, симпатично и позволяетъ надѣяться, что для поэта есть еще будущее, что творческій даръ его еще можетъ возродиться. Изъ собственнаго многолѣтняго опыта поэтъ долженъ сдѣлать выводъ, что его прежнее настроеніе, будучи безплоднымъ, не можетъ быть истиннымъ. А отсюда для него должна явиться нравственная необходимость перейти отъ отрицательнаго языческаго взгляда къ положительному, христіанскому—принять мыслію, чувствомъ и дѣломъ ту истину, которую *на словахъ* ему уже случалось изрѣдка исповѣдовать. Для искренней перемѣны въ этомъ смыслѣ есть, конечно, огромное препятствіе, поскольку господствующее настроеніе писателя связано съ самою его натурой. Однако человѣкъ вообще, а человѣкъ духовно-одаренный тѣмъ болѣе, не есть только продуктъ натуры, но также разумъ, опредѣляющійся силою истины. Къ тому же эта истина не исключаетъ никакого естественнаго настроенія, а лишь вводитъ каждое въ его законные предѣлы. Въ частности пессимизмъ, какъ я раньше сказалъ, имѣетъ, при правильномъ примѣненіи, свою относительную истину; лишь бы только онъ не претендовалъ быть послѣднимъ, рѣшающимъ словомъ, лишь бы только онъ не переходилъ въ культъ смерти и въ проповѣдь бездушія.

Я не хочу допустить, чтобы внушенія эгоистичнаго безучастія и мертвой косности дѣйствительно заглушили въ душѣ нашего поэта голосъ лучшаго сознанія, говорящій о солидарности всѣхъ и о томъ, что жизнь имѣетъ положительный смыслъ въ свободномъ движеніи къ совершенной правдѣ, съ вѣрою въ ея окончательное торжество. Нашъ поэтъ не рѣшится противорѣчить этому лучшему сознанію на словахъ,—отчего же онъ не проникнется имъ на дѣлѣ? Я не теряю надежды, что послѣднія двѣнадцать лѣтъ были для него пустыми и безплодными лишь въ смыслѣ видимыхъ обнаруженій творчества, но что они не прошли напрасно для его внутренней душевной работы, и что онъ перейдетъ, наконецъ, отъ религіи смерти къ религіи воскресенія; это было бы началомъ воскресенія и для его поэтической дѣятельности.

Владиміръ Соловьевъ.

Москва.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ГАДАНЬЕ.

Темнѣютъ стройные, цвѣтущіе платаны,
И вѣтви далеко маститый дубъ простеръ;
Повисли на стволахъ колючія ліаны
И гордо надъ землей могучій кедръ Ливана
Раскинулъ своей шатеръ.

Надъ жаркой Индіей, палящій зной смѣняя,
Нѣмая ночь спѣшитъ накинуть свой покровъ.
Прохладу жадно пьютъ цвѣты, благоухая,
Въ далекихъ небесахъ плыветъ луна, блистая,
Среди другихъ міровъ.

Въ глубокой тишинѣ изъ чащи онѣмѣлой,
Какъ роза нѣжная, какъ майскій день свѣжа,
Съ свѣтильникомъ въ рукахъ, походкою несмѣлой,
Выходитъ дѣвушка, въ простой одеждѣ бѣлой,
Колеблясь и дрожа.

Она спѣшитъ къ рѣкѣ. Надъ сонными водами
Она склоняется съ тревогой и тоской
И, къ небу вознесясь горячими мольбами,
Пускаетъ по рѣкѣ дрожащими руками
Свѣтильникъ блѣдный свой.

Она гадаетъ здѣсь съ надеждою глубокой;
Священный, чудный Гангъ ей скажетъ обо всемъ:
Здоровъ ли другъ ея, любимый, одинокій,
Заброшенный судьбой въ странѣ чужой, далекой,
Иль спитъ могильнымъ сномъ.

Вдоль берега рѣки, колеблемый струями,
Свѣтильникъ по водѣ, какъ звѣздочка, скользитъ.
И, позабывъ весь міръ, горящими глазами,
Охваченная вся тревожными мечтами,
Она за нимъ слѣдитъ.

О, если, по рѣкѣ плывя, погаснетъ пламя...
Вся жизнь, весь міръ тогда померкнетъ для нея!
Да, это будетъ знакъ: „его ужъ нѣтъ межъ нами,
Свободно духъ его паритъ подъ небесами,
Ночной звѣздой блестя“.

Дыханье затаивъ, облита луннымъ свѣтомъ,
Она, какъ статуя, на берегу стоитъ.
Но пламя слабое, манящимъ въ даль привѣтомъ,
Зажженное въ тоскѣ, съ молитвой и обѣтомъ,
Мигая, все горитъ.

Покрылись берега холодною росою;
Густой, столѣтній лѣсъ вершинами шумитъ;
Испуганный огнемъ, звѣрь воетъ за рѣкою
И влажная змѣя невдалекѣ травою
Увядшей шелеститъ.

Но дѣвушка стоитъ и въ счастьѣ замираетъ,
Тревоги жгучія и муки позабывъ.
„Онъ живъ еще!“ она съ восторгомъ восклицаетъ,
И горы дальнія восторги повторяютъ:
„Онъ живъ еще, онъ живъ!“

II.

Меня всегда тѣснитъ просторъ большихъ хоромъ,
Ихъ темные углы, зіяющіе своды,
Претензіи пустой и ненасытной моды,
Величье жалкое и мишура кругомъ.

Но дорогъ для меня уютный уголокъ...
Въ вечерней полутьмѣ, привѣтливо мигая
И все вокругъ тепломъ и свѣтомъ наполняя,
Играетъ и трещитъ въ каминѣ огонекъ.

Незамѣнимые и вѣрные друзья
Въ тоскѣ мучительной и часто безотчетной
И въ свѣтлой радости, безпечной, мимолетной,
Тѣснятся книги въ рядъ, какъ дружная семья...

Спокойно, тихо все. Читаю и пишу,—
Сюда не долетятъ ничьи косые взгляды,—
Иль въ блѣдномъ сумракѣ мерцающей лампады
Неслышной поступью по комнатѣ брожу.

А на душѣ легко: отхлынула печаль,
Воздушною толпой встаютъ воспоминанья,
Блѣднѣютъ жгучія минувшія страданья,
И легкія, какъ сонъ, несутся, мысли вдаль.

И льется мѣрный стихъ широкою волной,
Мелькаютъ образы, картины выплываютъ,
Какая-то струна въ душѣ дрожитъ, рыдаетъ
И муза властвуетъ свободно надо мной.

И хочется тогда смѣяться и рыдать,
И хочется любить, и вѣрить, и молиться,
Земною радостью и счастьемъ насладиться,
И хочется весь міръ, какъ мать дитя, обнять.

Лидія Б.

ВОПРОСЫ
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

I.—Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій.

Памятники и размѣры образованія, какимъ располагала древняя Русь, даютъ понятіе о характерѣ міровоззрѣнія, господствовавшаго въ тѣ вѣка болѣе или менѣе одинаково во всѣхъ слояхъ народа, книжнаго и не-книжнаго. Почти единственная школа, тогда существовавшая, была элементарная школа грамотности; болѣе широкое знаніе, какъ, напримѣръ, знаніе греческаго языка, было величайшею рѣдкостью; единственное средство пріобрѣтенія знаній для громаднаго большинства было „книжное почитаніе"; ученый человѣкъ, получавшій иногда громкій титулъ „философа", былъ только начетчикъ съ запасомъ книгъ въ распоряженіи и памятью: онъ славился тѣмъ, что могъ говорить „отъ писанія", т.-е. имѣть въ запасѣ обильныя цитаты. При такой школѣ, при недостаткѣ самостоятельнаго знанія не могло развиться правильной критики: все рѣшалось авторитетомъ книги, на которую можно было сослаться. Книги были, конечно, различны: по указанію греческихъ индексовъ у насъ давно знали, что книги бываютъ не только „истинныя", но и прямо „ложныя"; но если и сами греческіе церковные писатели давали иногда мѣсто писаніямъ не-каноническимъ, то у насъ различеніе книгъ истинныхъ отъ ложныхъ давно было очень слабое, и мы видѣли раньше, что „ложныя" книги вошли въ чрезвычайномъ обиліи въ старыя рукописи и отсюда въ старыя русскія писанія и народныя вѣрованія.

Въ концѣ концовъ старое „двоевѣріе", простодушно мѣшавшее христіанскую вѣру съ прежнимъ язычествомъ, христіанскихъ святыхъ съ воспоминаніями о миѳологическихъ существахъ, церковный обрядъ съ обрядомъ языческимъ, если не исчезло совсѣмъ, то нѣсколько сгладилось въ смѣсь вѣры и суевѣрія: церковность съ теченіемъ вѣковъ возобладала, и двоевѣріе смѣнилось тѣмъ новымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, гдѣ надъ внутреннимъ содержаніемъ брала верхъ внѣшность, надъ нравственнымъ ученіемъ и нравственнымъ требованіемъ—обрядъ. Это господство обрядоваго благочестія давно замѣчено историками древней Руси; но, быть можетъ, не всѣми достаточно опредѣлено по его существу... Цѣлая школа писателей изображала христіанское просвѣщеніе древней Руси ея великимъ пріобрѣтеніемъ, которое не только дѣлало древнюю Русь народомъ по преимуществу христіанскимъ, но дѣлало для нея какъ бы ненужными ту борьбу идей, какая совершалась на европейскомъ западѣ, и то просвѣщеніе, которое было плодомъ этой борьбы. Для древней Руси дѣйствительно остались совершенно чужды тѣ великія движенія въ области вѣры и мысли, какія волновали западъ еще съ половины среднихъ вѣковъ и результатомъ которыхъ явилось Возрожденіе и затѣмъ цѣлый новый періодъ европейскаго просвѣщенія. Та ступень, на которой стояла древняя Русь, осталась ступенью элементарной, для которой эта широкая дѣятельность мысли была бы невозможна и плоды ея были бы недоступны; обрядовое настроеніе массъ указывало на недостатокъ сознанія, на младенчество мысли, и здѣсь источникъ того застоя, въ которомъ русская жизнь оставалась цѣлые вѣка, сдѣлавъ потомъ необходимымъ тотъ рѣзкій поворотъ, какимъ считаютъ Петровскую реформу.

Конечно, весьма разнообразныя условія соединялись для того, чтобы создать такой порядокъ вещей: и давнія условія исторической жизни русскаго народа, отдалившія его отъ западно-европейскаго движенія; и татарское иго, удручавшее русскую жизнь матеріально и нравственно; и политическая смута, результатомъ которой было московское объединеніе; и скудныя средства просвѣщенія. Все это и создавало, и поддерживало народное міровоззрѣніе, о которомъ мы говорили: обрядовая религія связывалась естественно съ консерватизмомъ преданія и быта; бездѣятельность критической мысли возстановляла впередъ противъ всякаго нововведенія, которое противорѣчило бы старому обычаю или старому суевѣрію; или же, если тѣмъ не менѣе мысль начинала работать, она была легко склонна къ преувеличенію и отъ при-

вычнаго консерватизма переходила вдругъ къ необузданному отрицанію, какъ увидимъ дальше въ исторіи нашихъ ересей...

Какъ ни были неблагопріятны условія, народная жизнь стремилась однако развивать свое содержаніе. Съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи и христіанства не прекращается рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, работавшихъ для государства и народа въ томъ направленіи, которое представлялось имъ единственно правильнымъ и спасительнымъ; совершались подвиги христіанскаго подвижничества, слава и вліяніе которыхъ становились всенародными; совершалось, хотя далеко не всегда правдивыми средствами, политическое объединеніе, необходимость котораго указывалась настоятельно внѣшнимъ положеніемъ народа. Цѣль, повидимому, достигалась: русская земля „просіяла“ множествомъ святыхъ подвижниковъ, была усѣяна монастырями, но центральная власть, стремившаяся соединить въ своихъ рукахъ всѣ отправленія государственной жизни, съ одной стороны ставила себѣ цѣлью довершить государственное объединеніе, увѣнчавъ его полнымъ истребленіемъ всякихъ автономическихъ элементовъ старины (Новгородъ, боярство) и полнымъ объединеніемъ церковнымъ, а съ другой стороны она чувствовала въ странѣ недостатокъ знанія и уже находила нужнымъ для восполненія его обращаться къ западу, хотя и ненавистному по его „латынству“; а затѣмъ народная мысль, вѣками воспитываемая книжнымъ почитаніемъ въ самомъ упорномъ консерватизмѣ, въ отдѣльныхъ, болѣе возбужденныхъ умахъ не довольствовалась наличнымъ содержаніемъ существовавшаго просвѣщенія, и такъ какъ вся основа тогдашняго міровоззрѣнія была религіозная, то пытливость ея направилась прежде всего на церковные вопросы. Въ этихъ двухъ основныхъ направленіяхъ совершалась та внутренняя жизнь, которая наполняетъ средній періодъ нашей исторіи, съ перваго усиленія Москвы приблизительно до половины XVII вѣка, когда цѣль была достигнута или полагалась достигнутой.

Исторія политическаго объединенія древней Руси достаточно извѣстна. Переходя разныя стадіи, объединительное стремленіе занимало различные центральные пункты, пока, наконецъ, установилось окончательно въ Москвѣ и съ тѣхъ поръ пошло быстрыми и рѣшительными шагами. Политическое объединеніе совершалось присоединеніемъ, покупкой и захватомъ удѣловъ, превращеніемъ удѣльныхъ князей въ бояръ, постепеннымъ стѣсненіемъ народоправныхъ областей, наконецъ, все большимъ расширеніемъ и исключительностью верховной власти великаго князя. Великую помощь политическому объединенію оказала церковная власть,

когда митрополія русской церкви окончательно установилась въ Москвѣ. Сверженіе татарскаго ига, совпадавшее приблизительно съ первымъ ударомъ новгородской свободѣ, подкрѣпленное бракомъ великаго князя съ греческой царевной, ставило великаго князя московскаго—несмотря на насмѣшки лѣтописи надъ его трусостью—на высоту, уже недоступную для какого-либо соперника, и мы видѣли, что уже создавалась легенда о византійскомъ преемствѣ Москвы, о первенствѣ ея въ православномъ мірѣ. Конецъ XV вѣка уже опредѣлилъ дальнѣйшее движеніе исторіи; но процессъ еще продолжался: мѣстныя автономіи, хотя были бы уже безсильны для открытой защиты своего историческаго права, еще помнили объ этомъ правѣ и это отзывалось, кромѣ отдѣльныхъ политическихъ столкновеній, отголосками народнаго мнѣнія въ легендѣ, которая возвеличивала мѣстныхъ святыхъ и мѣстныя святыни передъ Москвой, и отголосками его въ лѣтописи, гдѣ лѣтописцы мѣстные и московскіе защищаютъ каждый свою сторону и весьма недружелюбно отзываются о противникахъ. Въ процессѣ объединенія принялъ свою долю участія еще одинъ элементъ церковной жизни, элементъ народно-церковнаго подвижничества, и это участіе, сначала мало замѣтное, стало, наконецъ, весьма могущественной нравственной силой, которою не преминула воспользоваться великокняжеская централизація. Четырнадцатый и пятнадцатый вѣка отмѣчены особеннымъ распространеніемъ монастырей.

Монашество утвердилось въ древней Руси вслѣдъ за первымъ установленіемъ христіанства и утвердилось со всей строгостью монашескаго идеала, выработаннаго на востокѣ и въ Византіи. Монастырское подвижничество было, безъ сомнѣнія, однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя производили наиболѣе могущественное вліяніе на народныя массы въ области новой вѣры. Это было нѣчто новое и поразительное. Суровый аскетизмъ, служившій выраженіемъ глубокаго внутренняго убѣжденія, производилъ впечатлѣніе на массы свидѣтельствомъ великой нравственной силы. Монашеское подвижничество было уже вскорѣ окружено легендой: это была новая поэзія, которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше обогащалась въ разныхъ концахъ русской земли. Легенда связывала русскій монастырь съ Царьградомъ, откуда сама Богородица прислала строителей Кіево-Печерской церкви, и даже съ Римомъ, откуда святой Антоній приплылъ на камнѣ, чтобы основать обитель въ Новгородѣ; новгородскій архіепископъ, заключивъ соблазнявшаго его бѣса въ сосудъ, велѣлъ ему превратиться въ коня и въ одну ночь съѣздилъ на немъ въ Іерусалимъ, чтобы

поклониться святому гробу, и къ утру вернулся къ „святой Софеи". Цѣлая обширная литература, говорившая о душевномъ спасеніи, настаивала, что это спасеніе можетъ быть достигнуто всего вѣрнѣе полнымъ отреченіемъ отъ міра, удаленіемъ въ монастырь, въ пещеру и особенно въ пустыню. Смутныя времена татарскаго ига несомнѣнно содѣйствовали распространенію этого монастырскаго идеала: съ одной стороны внѣшнія бѣдствія, которыя современное нравоученіе неизмѣнно объясняло божіимъ наказаніемъ за грѣхи, внушали мысль о покаяніи и отреченіи отъ міра, а съ другой стороны указывали въ монастырѣ прибѣжище отъ матеріальной нужды, потому что уже съ давняго времени монастыри стали пріобрѣтать дары отъ благочестивыхъ людей и могли обезпечивать своихъ обитателей. Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, монастыри сдѣлались богатѣйшими землевладѣльцами: въ ихъ рукахъ, путемъ пожертвованій и иныхъ пріобрѣтеній, оказалась цѣлая треть государственныхъ земель.

Понятно, что это громадное скопленіе земельныхъ и иныхъ богатствъ не было ни мало цѣлью первыхъ основателей монастырскаго житія; напротивъ, почти неизмѣнно это были суровые аскеты—богатство монастырей свидѣтельствовало о силѣ религіознаго настроенія въ цѣломъ обществѣ, изъ пожертвованій котораго составились эти богатства и которое въ монастырскихъ молитвахъ особенно видѣло надежду посмертнаго спасенія. Развитіе монастырей той эпохи, о которой говоримъ, было несомнѣнно явленіемъ народнаго характера: если въ первые вѣка основаніе монастырей было все-таки дѣломъ болѣе или менѣе единичнымъ, теперь оно становится явленіемъ массовымъ. Въ теченіе этихъ вѣковъ возникаютъ цѣлыя сотни монастырей, особливо въ центральной и сѣверной Россіи, въ областяхъ московскихъ и новгородскихъ: скромныя, даже убогія обители разростаются въ обширные и богатые монастыри съ многочисленной братіей, и монастырь пріобрѣтаетъ не только чисто церковное значеніе прибѣжища для ищущихъ душевнаго спасенія, но и значеніе народное: на сѣверѣ монастырь становится небольшимъ центромъ, къ которому стекалось населеніе, и вожакомъ народной колонизаціи въ сѣверныхъ пустынныхъ или инородческихъ мѣстностяхъ; наконецъ, монастырь становился силой политической,—игуменъ монастыря, особливо извѣстный своею строгою жизнью и учительствомъ, пріобрѣталъ многочисленныхъ почитателей, слава его достигала до Москвы, доходила до великокняжеской семьи, оттуда получались дары и вклады селами и деньгами: отъ мудраго старца искали поученія, а съ поученіемъ соединялись и совѣты, касавшіеся мір-

скихъ начинаній великаго князя. Монастыри такимъ образомъ непосредственно, хотя бы иногда безъ опредѣленнаго плана, вмѣшивались въ объединительную политику московскихъ князей и въ концѣ концовъ прямо и косвенно оказали ей важныя услуги. Не могло остаться безъ вліянія на умы, а затѣмъ на все теченіе политическихъ интересовъ, когда святой подвижникъ, покинувшій всѣ земныя помышленія, весь жившій въ помыслахъ о душевномъ спасеніи, оказывался усернымъ молитвенникомъ за великаго князя и приходилъ къ нему на помощь съ своимъ вліятельнымъ словомъ въ рѣшительныя минуты исторической жизни, какъ Сергій къ Дмитрію Донскому передъ Куликовской битвой, въ которой участвовали, какъ воины, два старца изъ его монастыря. Такъ было еще въ XIV столѣтіи. Позднѣе, другимъ приверженцемъ московскаго великокняжества былъ знаменитый подвижникъ Пафнутій Боровскій, изъ школы котораго вышелъ еще болѣе знаменитый дѣятель конца XV и первыхъ лѣтъ XVI вѣка, Іосифъ Волоцкій.

Одинъ изъ изслѣдователей той эпохи не безъ основанія видѣлъ въ подвижникѣ XIV-XV вѣка столь же типическое народное явленіе, какимъ былъ нѣкогда эпическій богатырь.

„Основатели монастырей въ XIV-XV вѣкѣ, и даже позже, составляютъ особый типъ людей, отличавшихся могучею силою воли, безстрашіемъ и кромѣ того настойчивостью въ преодолѣніи трудностей для достиженія высшей цѣли. Преданіе о Пересвѣтѣ и Ослябѣ—этихъ богатыряхъ въ иноческой одеждѣ, равно какъ и постриженіе богатыря въ иноки въ народной былинѣ, имѣетъ свое значеніе. Такъ же какъ богатырь, преподобный разрываетъ съ семьею и родиной всѣ связи и идетъ на подвигъ. Выдержавъ строгій, долголѣтній искусъ въ монастырѣ, укрѣпленный въ борьбѣ со страстями и всякаго рода трудностями, онъ удаляется въ глубь лѣсовъ и тамъ собираетъ своего рода дружину—иноковъ.

„Эпическій типъ богатыря донесла до насъ устная народная поэзія; историческій же типъ основателя монастыря сохранила намъ наша письменность. Типъ этотъ проходитъ чрезъ всю русскую исторію съ большимъ или меньшимъ значеніемъ; но его золотымъ вѣкомъ былъ XV вѣкъ, представляющій сорокъ именъ, извѣстныхъ своею святостію основателей и устроителей монастырей“.

Создалась типическая біографія этихъ подвижниковъ, какъ передаютъ ее многочисленныя житія, стиль которыхъ образовался по византійскимъ образцамъ, въ большей или меньшей мѣрѣ примѣняясь къ русской обстановкѣ.

„Семья, воспитавшая святого, отличается благочестіемъ; иногда въ ней замѣтна склонность къ монашеству. Это семья грамотная, гдѣ въ обычаѣ обучать дѣтей чтенію и письму, преимущественно дворянская, иногда купеческая, или крестьянская зажиточная семья.

„О родителяхъ святого, по постриженіи его, сохраняется память въ томъ случаѣ, когда они оба, отецъ и мать, приняли постриженіе.

„Въ дѣтствѣ будущій основатель монастыря чуждается игръ и общества сверстниковъ. Онъ любитъ вслушиваться въ разсказы о святыхъ, отдавшихъ себя на служеніе Богу и получившихъ отъ Него даръ творить чудеса. Церковная служба замѣняетъ ему всѣ удовольствія; онъ прежде всѣхъ является во храмъ и послѣднимъ выходитъ оттуда. Отрока отдаютъ для обученья грамотѣ въ сосѣдній монастырь, рѣдко въ училище. Способный къ ученью и впечатлительный, онъ вчитывается въ книги и встрѣчается въ нихъ съ монашескимъ идеаломъ. Кругомъ себя онъ видитъ много зла, которое, по его понятію, усвоенному изъ прочитанныхъ имъ книгъ, происходитъ отъ вліянія бѣсовъ. Созрѣваетъ, наконецъ, сильное, непреодолимое желаніе постричься въ честный ангельскій образъ и тѣмъ спасти душу и побѣдить діавола. Родители, удерживая юношу отъ постриженія, уговариваютъ его вступить въ бракъ съ пріисканною ими невѣстою. Тутъ-то дѣлаетъ онъ первый рѣшительный шагъ: тайно уходитъ отъ родителей въ отдаленный монастырь, куда влечетъ его слава обители или имя подвижника старца, и гдѣ не могутъ скоро найти его. Бываетъ и такъ, что родители успѣваютъ женить сына, но раннее вдовство опредѣляетъ дальнѣйшее. Въ такихъ случаяхъ списатели житій говорятъ, что святой возблагодарилъ Бога за это обстоятельство, въ которомъ видѣлъ призваніе къ иноческому подвигу.

„Въ монастырѣ новый постриженникъ безропотно несетъ тяжесть молитвенныхъ подвиговъ, со рвеніемъ исполняетъ самыя трудныя работы и тѣмъ заслуживаетъ любовь игумена и братіи. Потомъ въ инокѣ является желаніе покинуть мѣсто своего постриженія. Жизнь другихъ иноковъ не удовлетворяетъ того, кто имѣлъ передъ глазами подвиги великихъ Антонія, Пахомія и другихъ пустынножителей. И вотъ онъ тайно оставляетъ монастырь для пустыни, подобно тому, какъ въ юности покинулъ домъ родительскій для монастыря...

„Долго странствуетъ онъ по монастырямъ русскимъ, иногда, рѣдко, впрочемъ, доходитъ до святой горы Аѳонской. Странствованіе оканчивается тѣмъ, что онъ поселяется въ пустынѣ и тамъ

начинаетъ вести жизнь отшельника... По большей части странникъ направляется на сѣверъ отъ мѣста своего постриженія. Это стремленіе къ сѣверу объясняется тѣмъ, что нашъ сѣверъ былъ мало населенъ; отсутствіе же гражданскихъ элементовъ и дѣвственная природа болѣе всего могли привлечь жаждущаго пустынной жизни.

„Мѣсто, избранное основателемъ будущей обители, отличается красотою, и списатели житій обыкновенно очерчиваютъ его съ сочувствіемъ. Съ высокой горы увидалъ Кириллъ Бѣлозерскій необъятное пространство, покрытое озерами и лугами, орошенное съ одной стороны Шексною, и призналъ тутъ мѣсто, указанное ему Богомъ. Филиппъ Ирапскій выбралъ на берегу пустынной рѣки Андоги, въ Бѣлозерской странѣ, красивое мѣсто подъ развѣсистою сосною. Герасимъ Болдынскій избралъ себѣ мѣсто надъ потокомъ, гдѣ стоялъ огромный дубъ. Кириллъ Новоезерскій поселился подъ елью на крутомъ берегу Новаго озера... Обитель Савватія на ненаселенномъ острову моря Окіана была крайнимъ предѣломъ подвиговъ русскаго странствующаго отшельника.

„Живя въ одиночествѣ, отшельникъ съ любовью относится къ природѣ его окружающей, онъ приручаетъ звѣрей и птицъ, дѣлитъ съ ними пищу... Змѣи и гады, по молитвамъ угодниковъ божіихъ, оставляютъ мѣста жительства святыхъ и укрываются въ иныхъ дебряхъ, хотя нерѣдко видъ ихъ принимаетъ на себя бѣсъ, когда наводитъ страхъ на св. подвижниковъ.

„Первое столкновеніе пустынника съ людьми враждебно со стороны ихъ. Въ житіяхъ ясно высказывается причина тому: жители близь лежащихъ селъ опасаются, чтобы ихъ угодья не отошли къ имѣющему возникнуть монастырю. Рыболовы видѣли въ Кириллѣ Новоезерскомъ врага. Арсенія Комельскаго выгнали съ того мѣста, гдѣ онъ поселился, такъ что онъ ушелъ въ глубину Шелегонскаго лѣса... Такъ какъ въ городѣ сильнѣе религіозное начало, то жители его съ радостію узнаютъ о возникновеніи монастыря по близости къ городу. Основатели селились или подъ защитою городовъ, или въ совершенно безлюдныхъ мѣстахъ, въ глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, по берегамъ глухихъ рѣкъ. Нѣкоторые изъ основателей погибали въ борьбѣ съ враждебнымъ къ нимъ населеніемъ...

„Слухъ о новомъ поселенцѣ доходитъ до другихъ ищущихъ спасенія. Пустынникъ принимаетъ только тѣхъ, кто въ силахъ нести подвиги и лишенія пустынножительства, и съ помощію новой братіи подвижникъ сооружаетъ церковь, по большей части во имя Богородицы. Князья удѣльные даютъ возникшему мона-

стырю тѣ лѣса и луга, среди которыхъ онъ находится. Личность основателя привлекаетъ посѣтителей, являются богатые и даютъ вклады, записываютъ за монастыремъ села, князья освобождаютъ эти села отъ пошлинъ, даютъ монастырю льготы для тѣхъ людей, которые будутъ селиться на пустопорожнихъ монастырскихъ земляхъ. Основатель ведетъ монастырь по-своему. Строгій подвижникъ дѣлается строгимъ игуменомъ, самъ подаетъ примѣръ братіи во всемъ... Самъ онъ носитъ худыя ризы; неутомимо надзираетъ за братіей; ночью ходитъ по кельямъ и, заслышавъ разговоръ, стучитъ въ окно.

„Слухъ о подвигахъ игумена доходитъ до Москвы, вклады и поминки увеличиваются.

„Первое время монастырь терпитъ бѣды отъ разбойниковъ... Инородцы не-христіане также дѣлали нападенія на вновь возникавшія обители... При этомъ слѣдуетъ замѣтить преподобныхъ такого рода, которые основывали монастыри въ странахъ поганыхъ человѣкъ, жили между дикарями и просвѣщали ихъ крещеніемъ.

„Итакъ, въ основателѣ монастыря выразились двѣ стороны: любовь къ святому подвигу одинокаго пребыванія въ пустынѣ, благоразуміе и умѣнье вести хозяйство въ имъ же устроенномъ монастырѣ.

„Съ одной стороны основатель представляется какъ пустынно-любецъ, къ которому случайно собралась братія; съ другой онъ является какъ заботливый хозяинъ обители съ умѣньемъ вести въ ней и нравственный, и матеріальный порядокъ“ [1])...

Всѣ эти подвижники, почти безъ исключенія, стали потомъ святыми или преподобными. Ихъ мѣстный авторитетъ, какъ мы замѣчали, расширялся съ молвою объ ихъ святости; сильные люди искали молитвы и поученія у знаменитаго игумена; ему открывался путь въ совѣты высшихъ іерарховъ и самого великаго князя, для него бывалъ открытъ путь не только къ епископскому, но и къ митрополичьему сану.

Таковъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей древнерусской церкви, игуменъ волоколамскаго монастыря Іосифъ. Онъ происходилъ изъ добраго рода (род. 1439 или 1440), былъ сыномъ вотчинника въ томъ же волоколамскомъ краѣ, гдѣ былъ впослѣдствіи основанъ имъ монастырь, и правнукомъ литовскаго выходца. На восьмомъ году онъ отданъ былъ учиться грамотѣ

[1]) Хрущовъ, „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго“. Спб. 1868, стр. 2—12.

въ монастырь и съ юныхъ лѣтъ такъ пристрастился къ монашеской жизни, которая одна могла дать душевное спасеніе, что двадцати лѣтъ онъ уже принялъ постриженіе и велъ строгую жизнь подъ руководствомъ Пафнутія Боровскаго, въ его обители. Въ монастырѣ онъ скоро выдвинулся своими качествами. Современники говорятъ, что своей красотой онъ „уподобился древнему Іосифу“; онъ отличался необыкновеннымъ искусствомъ читать въ церкви и пѣть псалмы [1]), былъ чрезвычайно начитанъ и обладалъ такою памятью, что рѣдко справлялся съ книгою, когда говорилъ „отъ писанія“; по выраженію одного жизнеописателя, онъ держалъ св. писаніе „памятью на краи языка“; въ довершеніе онъ былъ строгій подвижникъ и отличался „крѣпкимъ“ умомъ и сильнымъ практическимъ смысломъ. По смерти Пафнутія Іосифъ, которому не было еще сорока лѣтъ, былъ поставленъ на игуменство въ Москвѣ, гдѣ былъ обласканъ самимъ великимъ княземъ,—хотя въ монастырѣ были болѣе старые братья, которые имѣли бы право стать во главѣ монастыря. Іосифъ, однако, не долго пробылъ въ Боровской обители: онъ хотѣлъ ввести болѣе строгія правила монастырскаго житія, начался ропотъ со стороны монастырскихъ старожиловъ и Іосифъ, сообщивъ свою мысль лишь немногимъ старцамъ, рѣшилъ уйти изъ монастыря, чтобы осмотрѣть другія русскія обители, былъ въ монастыряхъ тверскихъ, заволжскихъ, въ Кирилловѣ, возвратился послѣ почти годового отсутствія въ свой монастырь, но уже вскорѣ окончательно покинулъ его: „возгорѣся бо сердце его огнемъ Святаго Духа“,—у него созрѣлъ планъ основать новый монастырь по собственной мысли и уставу.

Этотъ монастырь основанъ былъ въ 1479 въ области волоколамской, князь которой съ самаго начала оказывалъ Іосифу расположеніе и подарилъ монастырю деревню, съ обычными льготами отъ податей, отъ постоя княжескихъ людей, отъ суда княжескихъ намѣстниковъ. Черезъ шесть лѣтъ на мѣстѣ первой деревянной церкви стояла уже большая каменная, на которую потрачены были большія деньги. Въ 1485 году архіепископомъ новгородскимъ поставленъ былъ знаменитый Геннадій, къ епархіи котораго принадлежалъ Волокъ-Ламскій и монастырь Іосифа: Геннадій надѣлилъ монастырь новыми селами и съ игуменомъ

[1]) Одинъ современникъ пишетъ: „бѣ же у Іосифа въ языцѣ чистота и въ очѣхъ быстрость и въ гласѣ сладость и въ чтеніи умиленіе, достойно удивленію великому: никто же бо въ та времена нигдѣ таковъ явися“. По словамъ другого: „въ церковныхъ пѣснословіи и чтеніи толикъ бѣ, яко же ластовица и славій доброгласный услажаше слухи послушающихъ, яко же инъ никто же нигдѣ же“.

монастыря его соединили потомъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ дружескихъ связей, и общіе церковные политическіе интересы. Геннадій былъ суровый ревнитель церковнаго правовѣрія. Назначенный въ Новгородъ мимо обычнаго избранія самихъ новгородцевъ, послѣ того, какъ Иванъ III впервые наложилъ на Новгородъ свою тяжелую руку, онъ поставилъ себѣ цѣлью уничтожить церковное нестроеніе, какое онъ нашелъ въ Новгородѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ въ духѣ московскаго великаго князя противъ послѣднихъ автономическихъ стремленій новгородскаго народоправства. Его церковная ревность выказалась въ извѣстной борьбѣ противъ ереси жидовствующихъ, которая въ концѣ XV-го вѣка появилась въ Новгородѣ, нашла тамъ многихъ приверженцевъ, достигла до Москвы и, наконецъ, имѣла своихъ сторонниковъ въ ближайшей обстановкѣ самого великаго князя. Здѣсь Геннадій встрѣтилъ ревностнаго союзника въ Іосифѣ Волоцкомъ, обличительныя посланія котораго, собранныя потомъ въ знаменитомъ „Просвѣтителѣ“, въ особенности сдѣлали ересь предметомъ общаго вниманія и остались въ литературной исторіи главнымъ памятникомъ этой борьбы.

Ходъ этой борьбы и содержаніе „Просвѣтителя“ много разъ были изложены историками того времени, историками церкви, наконецъ спеціальными изслѣдователями, и нѣтъ надобности останавливаться на ихъ подробностяхъ. Для нашей цѣли достаточно остановиться на общемъ тонѣ мысли, на характерѣ церковнаго міровоззрѣнія, какіе отличали дѣятелей обѣихъ сторонъ. Замѣтимъ вообще, что по обычному понятію и объему исторіи литературы „Просвѣтитель“ и рядъ другихъ памятниковъ, относящихся къ той литературной эпохѣ и къ ея основному тогдашнему интересу, собственно говоря, не принадлежатъ къ исторіи литературы: въ нихъ нѣтъ никакихъ элементовъ поэтическаго творчества, ихъ содержаніе—догматическая полемика и публицистика, ихъ форма—обычная, перенятая съ греческаго, форма церковнаго поученія, испещряемаго цитатами изъ священнаго писанія и святоотеческихъ книгъ, ихъ языкъ—обычная смѣсь русскаго языка съ церковно-славянскимъ; это—памятникъ полуоффиціальной, дѣловой письменности, историческій матеріалъ и res litterariа; но ихъ неизмѣнно вносятъ въ исторію литературы, потому что письменность XV—XVI-го вѣка почти не представляла памятниковъ иного рода съ дѣйствительнымъ литературнымъ, т.-е. поэтическимъ содержаніемъ, и надо дать мѣсто этимъ полудѣловымъ произведеніямъ, чтобы судить по нимъ если не о поэтическомъ творчествѣ эпохи, то, по крайней мѣрѣ, объ ея умствен-

номъ и нравственномъ тонѣ: отголосокъ этого тона нашелся потомъ въ другой области—въ той области былины, духовнаго стиха и легенды, которыя въ ту пору не нашли или почти не нашли себѣ мѣста въ письменности. Такимъ образомъ эти церковные памятники, эта догматика и полемика, за отсутствіемъ литературы поэтической, могутъ войти въ исторію литературы какъ явленія, относящіяся къ ней косвенно, какъ матеріалъ и отголосокъ, и въ этомъ смыслѣ они представляютъ первостепенный интересъ.

Составъ этой церковной литературы XV—XVI вѣка, дѣятельность писателей и іерарховъ, какъ Геннадій, Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ, Максимъ Грекъ, святотроицкій игуменъ Артемій, князь Курбскій, митрополитъ Макарій и многіе другіе, весьма характерно отражаютъ то внутреннее содержаніе, какое отличало ту эпоху отъ ея высшихъ представителей до цѣлой книжной массы и толпы. Мысль была настроена въ исключительно церковномъ направленіи; церковная книга была единственнымъ авторитетнымъ источникомъ не только религіознаго и нравственнаго поученія, но поученія политическаго и даже мірского знанія; всякое другое знаніе было суетное, а если оно въ чемъ-нибудь расходилось съ авторитетной, или просто полагаемой за авторитетную, церковной книгой, то оно было превратное, еретическое, гибельное, исходившее отъ самого діавола. Къ эпохѣ московскаго объединенія, ко второй половинѣ XV вѣка, уже складывался тотъ образъ православнаго царства, который затѣмъ въ XVI—XVII вѣкѣ становился въ большинствѣ народной массы національнымъ идеаломъ, единственной мыслимой формой церковнаго и государственнаго бытія. Древняя русская церковь не имѣла притязаній на свѣтскую власть; по византійскимъ образцамъ она признавала происходящею отъ Бога всякую установленную власть, хотя бы даже иноплеменную и иновѣрную [1]); но съ самаго начала представители церкви высоко ставили ея авторитетъ нравственный. Они были служителями и проповѣдниками христіанской истины, несли отвѣтственность за свою паству: въ этомъ отношеніи они чувствовали себя не только независимыми отъ мірской власти, но считали своимъ правомъ и обязанностью вмѣшиваться въ дѣянія этой власти съ точки зрѣнія христіанскаго закона. Такъ дѣйствовали не только высшіе іерархи, митрополиты и епископы, но и игумены монастырей. При всеобщемъ, исклю-

[1]) Ср. объясненія Костомарова: „Сѣверно-русскія Народоправства", Спб. 1863. II, стр. 412 и далѣе.

чительномъ господствѣ церковныхъ воззрѣній, которое наступало въ средніе вѣка нашей исторіи, интересъ церкви отожествлялся съ интересомъ государства: если церковь должна была заботиться о сохранности и чистотѣ христіанскаго ученія въ народѣ, то государство обязано было поддерживать ея заботы внѣшнею силою своей власти. Для представителей церкви, какъ и для самихъ великихъ князей, характеръ власти представлялся какъ бы полу-ѳеократическимъ: на соборѣ о церковныхъ дѣлахъ, кромѣ іерарховъ, присутствовалъ царь и бояре. Въ этихъ условіяхъ существовавшее издавна вмѣшательство іерарховъ въ дѣла свѣтской власти или требованіе ея участія въ дѣлахъ церковныхъ становились обычными, и мы видимъ дѣйствительно рядъ посланій духовныхъ лицъ къ великимъ князьямъ по дѣламъ государства и церкви. Съ другой стороны князья вмѣшиваются въ дѣла церковныя, и неугодный іерархъ платился наконецъ жизнью за свое непокорство, какъ московскій митрополитъ Филиппъ.

Эта московская старина представлялась нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ историковъ завиднымъ идеаломъ національнаго единства, въ которомъ согласно жили и дѣйствовали государство, церковь и цѣлая народная масса, когда высшій классъ не отдѣлялся отъ народа всѣми понятіями и нравами, когда всѣ одинаково дорожили одними преданіями и питали одни идеалы. Намъ случалось говорить о томъ, какъ это представленіе обманчиво. Объединеніе государства стоило насильственнаго уничтоженія множества проявленій мѣстной жизни, и хотя мѣстныя жертвы были необходимы для цѣлаго, истребленіе мѣстныхъ элементовъ совершалось съ такою безоглядною суровостью, что погибали и несомнѣнно жизненные элементы, какъ въ Новгородѣ. Съ XVI вѣка эта суровость объединенія повела и къ разброду народа, который бѣжалъ на окраины, шелъ въ разбой, казачество, и въ XVII вѣкѣ народный протестъ выразился даже въ опасномъ бунтѣ Стеньки Разина. Въ самой внутренней жизни, предполагаемое единство представлялось практически тѣмъ безграничнымъ авторитетомъ, который одинаково подчинялъ всѣ слои народа и сдерживалъ вражду сословій тѣмъ, что не давалъ исхода общественнымъ силамъ и въ то же время не сообщалъ народу средствъ научнаго и культурнаго образованія. Въ этихъ вопросахъ знанія, общественныхъ и нравственныхъ понятій единство древне-русской жизни опиралось прежде всего на общемъ низменномъ уровнѣ образованія; изъ этого уровня не могъ поэтому выдѣлиться никакой слой болѣе просвѣщенныхъ людей, появленіе котораго въ XVIII вѣкѣ сочтено было за измѣну народному преданію.

Жизнь однако дѣлала свое. Общество не могло оставаться неподвижнымъ: возникали съ одной стороны общіе вопросы о томъ содержаніи, которымъ питалась народная жизнь цѣлые вѣка — явилось религіозное недоумѣніе, сомнѣніе, отрицаніе, попытка найти новыя формы религіозной жизни; съ другой — упорная защита преданія. Съ конца XV вѣка старое общество, волновалось въ особенности двумя внутренними вопросами: это была новгородская ересь и вопросъ о монастырскихъ имуществахъ—о томъ, могутъ ли монастыри владѣть селами. Долгая борьба, какая велась по этимъ вопросамъ и перешла отъ полемическихъ посланій до церковныхъ соборовъ и государственныхъ мѣръ, въ своей литературной сторонѣ потребовала напряженія всѣхъ наличныхъ средствъ и сполна выражаетъ ихъ объемъ и характеръ... Нѣкогда историки представляли это литературное движеніе, какъ рядъ успѣховъ духовнаго просвѣщенія, обогащавшихъ внутреннее содержаніе древне-русской жизни. Ближайшее изслѣдованіе все больше указывало, что размѣры пріобрѣтеній были невелики, что, напротивъ, поражаетъ скудость самостоятельнаго труда, ограниченность умственнаго горизонта. Приводимъ слова одного изъ этихъ новыхъ изслѣдователей, котораго трудно заподозрить въ преувеличеніи.

„Вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Россію перешла изъ Греціи, хотя и не вдругъ, а постепенно, и большая часть византійской письменности, отличавшейся одностороннимъ, исключительно религіознымъ содержаніемъ. Не успѣвъ выработать своей собственной, національной, литературы, русскій народъ ухватился за доставшійся отвнѣ матеріалъ и въ немъ сталъ искать, и, конечно, всегда находилъ пищу для своего ума и сердца, и главнымъ образомъ на немъ воспитывалось и выработывалось все его міросозерцаніе...

„Замкнутая въ религіозную сферу, заключенная въ область истинъ вѣры, истинъ съ непреложнымъ и неизмѣннымъ характеромъ, регулируемая при этомъ узко практическимъ взглядомъ на задачи просвѣщенія, когда послѣднею цѣлію его поставлялось достиженіе религіозно-нравственнаго усовершенствованія и полученіе чрезъ то спасенія, русская мысль пріучилась ограничиваться простымъ усвоеніемъ, заучиваніемъ того, что ей представлялось узнать изъ тѣхъ или другихъ произведеній церковной письменности. Такое отношеніе къ книжнымъ занятіямъ мало давало собою матеріала собственно для умственнаго развитія. Умы древнихъ книжниковъ оставались пассивными въ то время, когда съ большимъ количествомъ прочитанныхъ книгъ все болѣе и болѣе

обогащалась память разными пріобрѣтаемыми оттуда душеспасительными свѣденіями... Добытыя только памятію разнородныя и разновременно появившіяся, не освѣщенныя одной какой-либо общей идеей, свѣденія такъ и оставались въ памяти въ ихъ примитивной, той самой формѣ, въ какой онѣ были восприняты, но не дѣлались матеріаломъ для живой, разумной мысли... Преслѣдуя въ книжности только религіозно-практическія цѣли, древніе мыслители съуживали рамки, въ которыхъ долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, вращаться умъ. Они прямо заявляли, что дѣло ума — усвоять въ чистомъ видѣ то, что дано въ книгахъ, и пользоваться добытыми свѣденіями въ томъ самомъ чистомъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ книгахъ. Свободнаго, самостоятельнаго изслѣдованія пріобрѣтаемыхъ знаній, критическаго отношенія къ нимъ не допускалось. Всякое проявленіе свободной анализирующей мысли, или, какъ тогда называли, „мнѣнія", заклеймлялось позорнымъ названіемъ „проклятаго" и даже еретическаго, и „мнѣніе" трактовалось тогда даже какъ источникъ всѣхъ бѣдъ, какъ второе паденіе. Такимъ образомъ книга для древне-русскаго книжника являлась мѣриломъ и нормою истины, а не собственный критическій анализъ его ума...

„Благоговѣніе предъ авторитетомъ книги опредѣлило на долгое время характеръ древне-русской письменности... Древніе русскіе богословы всѣ свои умственныя силы и способности направляли къ тому, чтобы выучиться, развить въ себѣ способность говорить „отъ книгъ", „отъ писаній" или даже ихъ языкомъ, но никакъ не думали о развитіи въ себѣ критическихъ пріемовъ, которыми бы они могли пользоваться въ отношеніи къ прочитанному и изученному. Свою авторскую дѣятельность они сводили къ компиляціи стараго, что собственно и составляло признакъ тогдашней учености, богословской эрудиціи. Трудъ автора сосредоточивался по преимуществу на томъ, чтобы сдѣлать больше выписокъ изъ книгъ въ смыслѣ аргументовъ въ пользу того или другого поставленнаго имъ положенія... Самыя поученія составлялись часто изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ произведеній, и если русскій умъ осмѣливался вносить въ нихъ нѣчто свое, то старался скрыть и свое имя, и свою, по его мнѣнію, дерзость, приписавъ свое произведеніе, часто на половину составленное чрезъ посредство выборки изъ посторонникъ источниковъ, какому-либо извѣстному всѣмъ св. отцу...

„Поклоненіе и рабство предъ авторитетами оказало неблагопріятное вліяніе на характеръ древне-русской письменности и въ другомъ отношеніи. Благоговѣніе предъ книгами простиралось

на все, въ нихъ заключающееся. Всякое мнѣніе считалось несомнѣнно истиннымъ, коль скоро оно находило себѣ мѣсто въ книгахъ... Недостатокъ научнаго критическаго отношенія къ произведеніямъ религіозной церковной письменности былъ причиною, по которой послѣдняя наполнилась множествомъ сочиненій апокрифическихъ... Древне-русскіе богословы не умѣли и не могли всегда строго отличать истинное отъ подложнаго и апокрифическаго, и придавали произведеніямъ того и другого характера смыслъ и важность, одинаковые со всѣми другими несомнѣнно подлинными и авторитетными твореніями... Отсюда въ древнерусской литературѣ выдѣляются слѣдующія особенности: слабое развитіе самостоятельности и преобладаніе произведеній компилятивныхъ, распространенность апокрифическихъ и подложныхъ сочиненій и, наконецъ, третье—расширеніе богословской сферы священныхъ авторитетовъ, доходившее въ нѣкоторыхъ случаяхъ до благоговѣнія предъ каждымъ отдѣльнымъ памятникомъ, имѣвшимъ въ себѣ религіозный оттѣнокъ и запечатлѣннымъ нѣкоторыми признаками древности.

„Подъ вліяніемъ установившагося просвѣщенія въ древнерусскомъ обществѣ выработался и соотвѣтствующій складъ міровоззрѣнія. Самою выдающеюся чертою религіозной жизни русскаго народа служитъ развитіе въ немъ религіозно-церковнаго формализма... Отвлеченная догматическая система христіанства была не по силамъ массѣ молодого русскаго народа, умственно неразвитаго и неподготовленнаго, находившагося въ то время еще въ дѣвственномъ состояніи, и, понятно, воспринималась имъ очень туго и медленно... Простой народъ усвоилъ себѣ болѣе доступную для него внѣшнюю оболочку религіи, и для него религія обратилась въ совокупность обрядовъ. При этомъ политическая исторія русскаго народа не заключала въ себѣ благопріятныхъ условій для спокойнаго развитія и болѣе глубокаго усвоенія имъ христіанства... Крайняя ограниченность, а затѣмъ и почти полное отсутствіе школъ внесли значительную долю своего вліянія на односторонность развитія религіозной жизни въ смыслѣ преобладанія въ ней обрядности. За отсутствіемъ школъ церковь сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ народъ могъ учиться вѣрѣ и благочестію, но въ церкви все состояло изъ исполненія тѣхъ или другихъ священныхъ обрядовъ, съ которыми сживался народъ и въ исполненіи которыхъ онъ пріучился видѣть существенную сторону религіозной жизни... Съ теченіемъ времени самая церковная письменность стала отличаться религіозно-формальнымъ направленіемъ: памятники ея свидѣтельствуютъ, что руководители

русскаго народа посвящали свои труды больше на разрѣшеніе обрядовыхъ вопросовъ, чѣмъ на уясненіе правилъ христіанской нравственности въ ея глубокомъ духовномъ значеніи... Такимъ путемъ совершенно послѣдовательно въ русскомъ народѣ образовался взглядъ на обрядъ какъ на нѣчто тождественное съ догматомъ. Отсюда естественъ переходъ къ тому, чтобы признаки догмата, — его вѣчная неизмѣнность,—стали приписываться въ извѣстной мѣрѣ и обряду. И дѣйствительно, къ XV в. церковный формализмъ развился до такой степени, что на разности въ обрядахъ русскіе стали смотрѣть какъ на въ своемъ родѣ догматическія отступленія. Для нихъ казалось верхомъ человѣческой мудрости и въ то же время величайшею смѣлостью прибавить хотя бы одну букву въ обряду сверхъ установившагося вѣками его порядка. Такія открытыя прибавки и измѣненія были настолько необыкновенны, что дѣлались на нѣкоторое время предметомъ общественнаго вниманія и, какъ событія особенной важности, иногда заносились даже въ лѣтописи... Въ XV и XVI в. возникало не мало споровъ по поводу обнаружившейся разности въ нѣкоторыхъ обрядахъ. Въ XV в. во главѣ спорящихъ объ обрядовыхъ разностяхъ лицъ являются самые видные представители русской интеллигенціи, понимаемой въ ея оффиціальномъ смыслѣ. Таковъ былъ споръ о хожденіи по-солонь. Въ послѣднемъ случаѣ однимъ изъ непосредственно заинтересованныхъ въ спорѣ лицъ былъ самъ великій князь, который видѣлъ въ отступленіи, какъ ему казалось, отъ древняго обычая хожденія по-солонь такого рода причину, за которую „гнѣвъ Божій приходитъ“. Жаркіе споры вызывались также въ то время и другими обрядовыми разностями, какъ-то: сугубой и трегубой аллилуія, способомъ сложенія перстовъ для крестнаго знаменія и др.

„Если религіозныя истины теоретическаго характера, — догматы подъ вліяніемъ религіознаго формализма смѣшивались и сливались съ обрядами, то то же самое нужно сказать и относительно нравственно-практическихъ истинъ. И нравственное ученіе въ древней Руси понималось точно также болѣе съ формальной стороны. И здѣсь на первомъ планѣ становилось всегда внѣшнее выполненіе нравственныхъ предписаній, но не внутреннее значеніе и живое искреннее религіозное чувство“ [1]).

Безъ сомнѣнія, были люди даровитые, глубоко убѣжденные, ревностные и неустрашимые борцы за свои идеи, за достоинство

---

[1]) Жмакинъ, „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“ (въ „Чтеніяхъ“ моск. Общества исторіи и древн., и отдѣльно). М. 1881, стр. 8—12.

и непоколебимость церкви и государства,—таковъ былъ Іосифъ Волоцкій,—но объемъ ихъ понятій, средства и пріемы ихъ литературнаго дѣйствія были тѣ же, какіе мы сейчасъ видѣли. Присоединившись къ Геннадію въ борьбѣ противъ новгородскихъ еретиковъ, онъ написалъ противъ нихъ, въ послѣдніе годы XV вѣка и въ первые годы XVI-го, рядъ обличительныхъ словъ, собранныхъ потомъ въ знаменитомъ „Просвѣтителѣ“: Затронуты были интересы православія, обнаруживалось колебаніе вѣры, нужно было думать объ устраненіи зла, невиданнаго въ русской землѣ съ самаго ея крещенія: Геннадій и Іосифъ Волоцкій подняли цѣлую бурю преслѣдованія, требовали соборнаго осужденія ереси, строгой казни еретиковъ,—но ни этимъ ревнителямъ и никому изъ ихъ современниковъ не пришла въ голову мысль о томъ, въ какихъ условіяхъ заключалась возможность ереси, какими средствами могли бы быть устраняемы по крайней мѣрѣ наиболѣе грубыя заблужденія. Они оставались въ заколдованномъ кругѣ старыхъ книжническихъ понятій и у нихъ не возникла даже отдаленная мысль о необходимости правильной школы [1]). По ихъ мнѣнію, все въ русскомъ просвѣщеніи стояло благополучно: ересь была принесена извнѣ и надо было только построже казнить еретиковъ.

Геннадій, по словамъ Іосифа, показалъ въ преслѣдованіи еретиковъ великую ревность: изъ чащи божественныхъ писаній онъ устремился, какъ левъ, чтобы ногтями растерзать внутренности скверныхъ еретиковъ, напившихся жидовскаго яда [2]). Видимо, что эта ревность была его идеаломъ: каждый разъ, когда онъ говоритъ о еретикахъ, онъ говоритъ о нихъ только съ крайнимъ озлобленіемъ и проклятіями; дѣйствовать противъ нихъ можно только казнями; чтобы обличить ихъ,—такъ какъ они хитры и

---

[1]) Мы упоминали прежде, что Геннадій, ужаснувшись невѣжества новгородскихъ ставленниковъ, просилъ великаго князя объ учрежденіи школъ, но дѣло шло о простыхъ элементарныхъ школахъ, которыя обучили бы грамотѣ и церковной службѣ, умѣнью „конархати“.

[2]) „Священный Генадіе положенъ бысть яко свѣтильникъ на свѣщницѣ божіимъ судомъ“ (когда поставленъ былъ архіепископомъ новгородскимъ въ 1485). „И яко левъ пущенъ бысть на злодѣйственныя еретики, устремибося яко отъ чаща божественныхъ писаній, и яко отъ высокихъ и красныхъ горъ пророческихъ и апостольскихъ ученій, ниже ногты своими растерзая тѣхъ скверныя утробы, напившаася яда жидовскаго, зубы же своими сѣкрушаа и растерзаа, и о камень разбивая. Они же устремишася на бѣганіе, и пріидоша на Москву готову имуще помощь“... („Просвѣтитель, или обличеніе ереси жидовствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа игумена Волоцкаго“. Казань, 1857, стр. 51—52).

скрываютъ свой ядъ, — слѣдуетъ употреблять даже коварство, какъ дальше увидимъ.

Въ „Сказаніи о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ", составляющемъ введеніе къ „Просвѣтителю", Іосифъ говоритъ о введеніи христіанства въ русской землѣ: отъ того времени солнце евангельское осіяло нашу землю, апостольскій громъ насъ огласилъ, создались божественныя церкви и монастыри, явились многіе святители, преподобные и чудотворцы, и какъ на золотыхъ крыльяхъ взлетали на небеса, и какъ въ древности русская земля превзошла всѣхъ нечестіемъ, такъ нынѣ одолѣла всѣхъ благочестіемъ; потому что въ иныхъ странахъ хотя и бывали многіе благочестивые и праведные люди, но бывали многіе нечестивые и невѣрные и мудровали еретически, а въ русской землѣ всѣ были овчатами единаго пастыря Христа, всѣ единомудрствовали и всѣ славили святую Троицу, а еретика или злочестиваго человѣка никто нигдѣ не видалъ. „И такъ было 470 лѣтъ: а теперь, увы, сколько на насъ твоей злобы, сатана, ненавидящій добро вселукавый діаволъ, помощникъ и споспѣшникъ злымъ, божій отметникъ, поглотившій весь міръ и ненасытившійся, возненавидѣвшій небо и землю и вожделѣвшій вѣчной тьмы,—смотри, что онъ творитъ, какія совершаетъ козни". Слѣдствіемъ этихъ козней явилась новгородская ересь, которая, по мнѣнію Іосифа, была вѣроятно въ дѣйствительности прямою затѣею сатаны.

Было уже замѣчено, что лѣтосчисленіе Іосифа неточно. Первую ересь онъ относитъ къ 1470-мъ годамъ, когда уже въ половинѣ XIV вѣка въ томъ же Новгородѣ появилась секта стригольниковъ, и съ тѣхъ поръ, быть можетъ, не прекращалась совсѣмъ и до второй половины XV вѣка. Происхожденіе этихъ старыхъ русскихъ сектъ до сихъ поръ достаточно не выяснено. Судя по тому, что, начиная съ первыхъ упоминаній о „стригольникахъ", не прерываются потомъ, между прочимъ съ тѣмъ же именемъ, извѣстія о новгородскихъ еретикахъ до „жидовствующихъ" конца XV-го вѣка, надо думать, что это было не прекращавшееся религіозное броженіе, тѣмъ болѣе, что многія черты ереси, указываемыя обличеніями XIV и XV вѣка, весьма близки, даже тождественны. Изъ этихъ обличеній можно, какъ увидимъ, извлечь и другое, а именно, что ересь и въ ту, и въ другую эпоху не представляла вовсе чего-нибудь яснаго, опредѣленнаго и организованнаго: напротивъ, очевидно, что въ средѣ еретиковъ были весьма различные оттѣнки мнѣній, отступавшихъ отъ церковнаго догмата и церковнаго обычая, оттѣнки бо-

лѣе умѣреннаго раціоналистическаго характера и рѣзкія крайности, которыя особенно бросались въ глаза и распространялись обличителями на всю „ересь“,—какъ напр. факты поруганія иконъ и другой церковной святыни. Эти крайности понятны: нравы вообще были столь грубы, что когда разъ возникало сомнѣніе, когда извѣстное церковное представленіе или обрядъ не казались уже правильными или обязательными, необузданный нравъ и неразвитость пониманія были тотчасъ готовы на грубое дѣйствіе. Трудно себѣ представить, чтобы таковы были, напр., тѣ новгородскіе попы, Алексѣй и Денисъ, которые во время пребыванія Ивана Васильевича въ Новгородѣ произвели на него впечатлѣніе своимъ умомъ и книжнымъ образованіемъ и были имъ взяты въ Москву и опредѣлены протопопами, одинъ—къ Благовѣщенью, другой—къ Архангелу; или чтобы таковъ былъ ученый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, о которомъ упомянемъ дальше.

Происхожденіе ереси стригольниковъ остается и доселѣ не ясно. Исторію ея излагали на основаніи немногихъ лѣтописныхъ данныхъ и обличительныхъ грамотъ, которыя однако не указывали ея ближайшаго источника,—кромѣ лукаваго бѣса, изначала человѣкоубійцы, борителя нашего естества, діавола, прельщающаго родъ человѣческій [1]). Кромѣ иниціативы лукаваго бѣса были, безъ сомнѣнія, и частныя причины возникновенія ереси. Тихонравовъ [2]), отмѣчая прежде всего мѣстныя и временныя условія, ставитъ ересь въ связь съ моровой язвой 1350-хъ годовъ, той „Черной смертью“, которая особенно свирѣпствовала въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ послѣ и оказалось гнѣздо ереси: подъ впечатлѣніемъ ужаса многіе уходили въ монастыри, отдавали свои имѣнія церкви, другіе въ домахъ готовились „на душевный исходъ“ [3]). Основныя черты секты заключались въ отрицаніи всего духовнаго чина, потому что духовенство ставится „на мздѣ“, т.-е. получаетъ свои разные саны за деньги (ставленическія пошлины), что духовные „пьютъ и ѣдятъ съ пьяницами“, что они корыстолюбивы, и вслѣдствіе всего этого недостойны быть церковными учителями и совершителями таинствъ;

---

[1]) Грамоты константинопольскихъ патріарховъ, Нила 1382, и Антонія 1388—95, псковичамъ о ереси стригольниковъ. Акты Истор., т. I.

[2]) Въ докладѣ (весьма неисправно напечатанномъ) на 2-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1871. См. „Труды“ этого съѣзда, вып. 2. Спб. 1881, протоколы, стр. 35—39.

[3]) Новгор. лѣтопись, подъ 1352 годомъ, замѣчаетъ, что по словамъ нѣкоторыхъ „той моръ пошелъ изъ Индѣйскія страны, отъ Солнца града“ (по воспоминаніямъ изъ Меѳодія Патарскаго и „Александріи“) и что онъ ходилъ по лицу всей земли.

другимъ положеніемъ еретиковъ было отрицаніе „задушья", т.-е. вкладовъ въ церкви и монастыри за спасеніе своей души: еретики учили, что надъ умершими не слѣдуетъ совершать службы, творить пиры, раздавать милостыни и т. д. Отвергая таинства, еретики считали необходимымъ только покаяніе, но каяться нужно было—землѣ. Такъ какъ духовные не могли быть учителями, то еретики дѣлались учителями сами... Во всемъ этомъ Тихонравовъ видѣлъ полное сходство съ тою нѣмецкою ересью „крестовыхъ братьевъ", которая распространилась въ Германіи именно послѣ „Черной смерти" въ половинѣ XIV вѣка, но съ нею и исчезла. „Точно такъ же какъ и русскіе стригольники, нѣмецкіе крестовые братья проповѣдовали равенство и ненависть къ духовенству". У тѣхъ и другихъ были братства и союзы; тѣ и другіе каялись землѣ. „Куда ни приходили крестовые братья, они приходили съ своими пѣснями, непремѣнно на народномъ языкѣ... Хроника говоритъ, что они пѣли смотря по языку того народа, къ которому приходили, такъ что пѣли и славянскія пѣсни". Тихонравовъ указывалъ, что крестовые братья читали также эпистолу, упавшую съ неба и которую онъ отожествлялъ съ извѣстной въ нашихъ рукописяхъ „Эпистоліей о недѣлѣ"; по словамъ его въ одной рукописи ему встрѣтилось указаніе, что эта эпистолія была переведена на русскій языкъ въ семидесятыхъ годахъ XIV столѣтія. Подлинникъ ея представлялся ему латинскимъ, какъ это предполагали и другіе изслѣдователи [1]). Далѣе, западные крестовые братья изнуряли свою плоть, отличались мистицизмомъ, занимались толкованіемъ священнаго писанія. Русскія обличенія стригольниковъ (какъ напр. упомянутое посланіе патріарха Антонія, основанное конечно на русскихъ данныхъ) также даютъ понять, что эти еретики вели жизнь благочестивую, но припоминая при этомъ, что фарисеи и другіе еретики также были постники и молебники и „творились чистыми передъ людьми". Отрицая духовенство, они становились сами толкователями писанія, особенно уважая Евангеліе.

Веселовскій также сопоставляетъ эпистолію и нѣмецкую секту бичующихся (гейслеровъ) съ сектою стригольниковъ и позднѣйшихъ хлыстовъ, предполагая однако, что во взглядахъ этой послѣдней секты оставили свой слѣдъ и старыя богомильскія идеи [2]):

---

[1]) Ср. Веселовскаго, „Опыты по исторіи христіанской легенды", Журн. мин. просв. 1876, мартъ, стр. 115—116; указываемый нами докладъ Тихонравова въ то время еще не былъ напечатанъ.

[2]) См. „Опыты" и пр., тамъ же, стр. 116, и „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ". Спб., 1872, стр. 145.

относительно стригольниковъ эта связь представлялась ему проблематической. Въ послѣднее время къ изученію этого вопроса приведенъ былъ проф. Успенскій изученіемъ византійско-славянскихъ церковныхъ отношеній той эпохи и здѣсь мы, кажется, впервые вступаемъ на твердую почву изслѣдованія. Г. Успенскій справедливо называетъ ересь загадочной. До сихъ поръ историки не могли отдать себѣ отчета въ ея происхожденіи и въ содержаніи ея ученій. Полагалось обыкновенно, что источникомъ ея было недовольство существовавшими порядками церковной жизни; полагалось также, что въ новгородскомъ еретичествѣ (быть можетъ, и теперь, а главное впослѣдствіи) участвовало нерасположеніе новгородцевъ къ чужому вмѣшательству въ ихъ политическую и церковную жизнь, такъ что какъ будто бы ересь могла возникать изъ духа противорѣчія. Но еслибы началомъ ереси было дѣйствительно недовольство церковными порядками, изъ этого вовсе не проистекало остальное ея содержаніе. На дѣлѣ еретики отвергали не мѣстные порядки, а уже и самую іерархію цѣликомъ, „весь вселенскій соборъ“; отвергали не одно неправильное совершеніе таинствъ и обрядовъ, но и самыя таинства и обряды. Однимъ словомъ, выводы ереси становились, очевидно, несравненно шире ихъ мнимаго повода. Такимъ образомъ надо было думать, что указанное недовольство мѣстной іерархіей не было главною причиной возникновенія ереси, или даже совсѣмъ не было этой причиной. Дѣйствительно, когда первые изслѣдователи секты останавливались именно на этихъ мѣстныхъ поводахъ, совсѣмъ не исчерпывавшихъ этого явленія, и находили, что исторія не представляетъ никакихъ слѣдовъ чужеземнаго вліянія на образованіе ученія стригольниковъ (какъ Рудневъ, историки церкви Филаретъ и Макарій), послѣдующіе изыскатели искали еще иныхъ объясненій и находили ихъ въ возможномъ вліяніи секты крестовыхъ братьевъ (какъ Тихонравовъ), или въ отголоскахъ богомильства (какъ предполагалъ Веселовскій и Никитскій [1]). Неясность вопроса имѣла причину въ крайней неудовлетворительности тѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя служатъ единственнымъ источникомъ свѣденій объ этой ереси. Эти свидѣтельства состоятъ не въ историческомъ послѣдовательномъ разсказѣ, а въ обличеніяхъ іерарховъ, которые схватывали только отдѣльныя черты ученія и опровергали ихъ, не раздѣляя важнаго отъ неважнаго и не ука-

[1]) Никитскаго, „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“. Спб. 1873, стр. 228—231; но при отсутствіи ближайшихъ данныхъ вопросъ все-таки оставался для него темнъ: ср. „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ“. Спб. 1879, стр. 146.

зывая исходныхъ пунктовъ секты, которыхъ, быть можетъ, достаточно и не знали или не умѣли уловить. Новый изслѣдователь ереси справедливо замѣчалъ, что частнымъ протестомъ противъ недостатковъ церковной жизни невозможно объяснить того полнаго отрицанія, которое указываютъ сами обличители. Главное положеніе нашихъ еретиковъ,—говоритъ г. Успенскій, — именно и заключалось въ отрицаніи общихъ принциповъ церковной жизни: „недостоинъ есть патріахъ, недостойни суть митрополити"; вмѣсто оффиціальнаго священства они выставляли право каждаго быть учителемъ, въ чемъ они полагали всю задачу священства. „Если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ той принципіальной мысли, которой держались стригольники, то-есть, если поймемъ, что они отрицали христіанскую церковную іерархію, то въ нашихъ глазахъ получатъ второстепенное значеніе тѣ черты, которыми въ обличительныхъ сочиненіяхъ рисуется современное духовенство". Въ обличеніяхъ можно до нѣкоторой степени прослѣдить и самый мотивъ отрицанія церковной іерархіи. Въ посланіи митрополита Фотія [1]) затронута хотя поверхностно весьма существенная статья догматики стригольниковъ: „стригольники признавали Богомъ не творца неба и земли, а только небеснаго отца...; называя Богомъ творца высшаго надземнаго міра, стригольники, очевидно, приписывали земное строительство не Богу, а другому началу, отсюда отрицательное отношеніе ихъ къ земной церкви, также отмѣченное у Фотія въ слѣдующихъ словахъ: „ни къ божіимъ церквамъ, *къ небу земному*, не имуть быти прибѣгающе". Аргументація Фотія направлена, конечно, противъ опредѣленной дуалистической системы, признающей два начала въ твореніи"... Параллель къ выраженіямъ русскихъ памятниковъ нашъ историкъ находитъ въ памятникахъ болгарскихъ, направленныхъ противъ такого же дуализма у болгарскихъ *богомиловъ*. Далѣе, подобнымъ образомъ въ связи съ богомильствомъ можетъ быть истолкованъ взглядъ нашихъ стригольниковъ на причащеніе, ихъ отрицаніе необходимости поминанія умершихъ и принесенія за нихъ молитвъ, ихъ отрицаніе храмовъ, покаяніе въ грѣхахъ землѣ и т. п. „Въ обличительныхъ

[1]) Онъ говоритъ между прочимъ: „А какъ ми пишете о тѣхъ помраченныхъ, что како тіе стригольници отпадающеи отъ Бога и *на небо взирающе бѣху, тако Отца собѣ нарицаютъ*, а понеже бо самыхъ того истинныхъ евангельскихъ благовѣстей и преданей апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе, но како смѣютъ, *отъ земли къ воздуху зряще*, Бога Отца собѣ нарицающе, и како убо могутъ Отца собѣ нарицати... И которіи тіи стригольници отъ своего заблужденія не имуть чистѣ вѣровати православія истиннаго, *ни къ божьимъ церквамъ, къ небу земному*, не имуть быти прибѣгающе, и на покаяніе къ своимъ отцемъ духовнимъ не имуть приходити... удаляйте собе отъ тѣхъ"...

сочиненіяхъ намѣченъ внѣшній фактъ, но не раскрыты его мотивы. Между тѣмъ эти мотивы даны въ вѣроученіи богомиловъ: если стригольники, какъ и богомилы, признавали только небеснаго Бога, а въ земныхъ созданіяхъ усматривали дѣло злого начала, то и церкви они должны были разсматривать какъ жилище демоновъ; отсюда ихъ стремленіе совершать свои молитвы подъ открытымъ небомъ".

Самое названіе стригольниковъ г. Успенскій затрудняется объяснять, какъ это дѣлалось, въ смыслѣ ремесла самого ересіарха Карпа, который рядомъ называется однако діакономъ: было бы въ самомъ дѣлѣ странно назвать всѣхъ послѣдователей ученія по какому-нибудь постороннему ремеслу лжеучителя. Обыкновенно, и естественно, бываетъ, что въ названіи секты передается какая-нибудь, хотя бы частная подробность ея отличительныхъ свойствъ, и нашъ изслѣдователь справедливо находитъ объясненіе этого въ грамотѣ новгородскаго архіепископа Геннадія, гдѣ говорится между прочимъ, что одинъ еретикъ „перестригъ" такихъ-то людей и отлучилъ ихъ отъ Бога [1]): онъ заключаетъ, что стригольники получили свое имя отъ обряда посвященія въ ересь, отъ способа приведенія въ вѣру, принятаго въ этой сектѣ.

Понятно, что при той отрывочности, съ какою сообщены въ старыхъ обличеніяхъ черты ереси, наше представленіе о ней до сихъ поръ отличается большой неопредѣленностью. Новѣйшій изслѣдователь находитъ возможнымъ по отдѣльнымъ чертамъ возстановить въ ней черты богомильскаго ученія и поставить нашу секту въ связь съ тѣмъ религіознымъ броженіемъ, какое около этого времени совершалось въ Византіи, а также и въ Болгаріи. Въ нашей внутренней исторіи тѣхъ вѣковъ вообще остается не мало подобныхъ темныхъ пунктовъ и по необходимости историкъ долженъ довольствоваться вѣроятными предположеніями. „Въ названіи „стригольники", — говоритъ нашъ авторъ, — мы обратили вниманіе на то обстоятельство, что подъ этимъ словомъ нужно понимать не ремесло или занятіе Карпа, а отличительный признакъ секты, способъ или обрядъ посвященія въ вѣру. Нашедши въ византійскихъ и болгарскихъ извѣстіяхъ, касающихся бого-

[1]) „А по Захара есми посылалъ того для: жаловались мнѣ на него чрьници, *перестригъ* ихъ отъ князя Ѳедора отъ Бѣльскаго, да причастія три годы не давалъ. И какъ азъ его призвалъ да почалъ спрашивати: ты о чемъ же еси *перестригъ* дѣтей боярьскыхъ, да отъ государя еси ихъ отвелъ, а отъ Бога отлучилъ? И онъ ту свою ересь явилъ. И азъ позналъ, что *стригольникъ*, да велѣлъ есми послати его въ пустыню... А вѣдь то о немъ нѣхто печаловался: а чему *тотъ стригольникъ* (вѣдомъ) великому князю"?

миловъ или массаліанъ, указаніе, что они для посвященія въ свою вѣру употребляли обрядъ стриженія, иначе обрѣзанія, мы наведены были на мысль, что и русскіе стригольники обязаны своимъ именемъ тому же обряду, и что послѣдніе представляютъ собой богомильскую секту, перенесенную въ Россію при посредствѣ южныхъ славянъ... При всѣхъ недостаткахъ сохранившагося матеріала все же можно было отыскать слѣдующіе подлинные признаки ереси стригольниковъ: 1) отрицаніе церковной іерархіи; 2) усвоеніе права учительства всякому посвященному въ ученіе стригольниковъ; 3) уклоненіе отъ причащенія или пониманіе подъ евхаристіей не причащенія тѣла и крови Христовой; 4) отрицаніе храмовъ, молитва подъ открытымъ небомъ и публичная исповѣдь; 5) дуалистическій взглядъ на міросданіе; 6) отрицаніе воскресенія изъ мертвыхъ (и будущаго воздаянія). Въ виду указанныхъ наблюденій, передъ которыми отступаютъ на задній планъ черты, имѣющія отношеніе къ русской средѣ и современнымъ церковнымъ нестроеніямъ, мы приходимъ къ выводу, что стригольничество есть богомильскій отпрыскъ“ [1]).

Это объясненіе происхожденія старой русской ереси представляется наиболѣе вѣроятнымъ именно потому, что оно остается въ кругу дѣйствительныхъ историческихъ отношеній. Самопроизвольное зарожденіе ереси съ такими рѣзкими особенностями, каково полное отрицаніе іерархіи и самого вселенскаго собора было бы мало вѣроятно для Новгорода и Пскова: оно свидѣтельствовало бы о слишкомъ большомъ возбужденіи религіозной мысли, тогда какъ домашніе „философы“ съ давнихъ поръ и до XV-го вѣка (а затѣмъ и позднѣе) были поглощены слишкомъ внѣшнимъ обрядовымъ пониманіемъ вѣры [2]), и новизна всего легче могла придти тѣмъ путемъ, какимъ издавна шли книжно-религіозныя связи съ православнымъ востокомъ, черезъ то же „бродячее монашество“. Въ самой Византіи и Болгаріи это монашество разносило религіозное броженіе, легенды, а также и ереси; у насъ Нилъ Сорскій съ негодованіемъ говорилъ о „кружающихъ лжемонахахъ“, отъ которыхъ „отягчаются вся грады и веси“,—въ ихъ числѣ могли быть и носители южно-славянскаго еретичества.

„Едва-ли сомнительно то предположеніе, что дальнѣйшимъ отголоскомъ стригольничества была въ концѣ XV вѣка ересь жи-

---

[1]) Ѳ. Успенскаго, „Очерки по исторіи византійской образованности“. Спб. 1892, стр. 378—388.

[2]) Напомнимъ знаменитое извѣстіе новгородской лѣтописи подъ 1476 годомъ: „Той же зимы нѣкоторыи философове начаша пѣти: О Господи помилуй, а друзіи: Осподи помилуй“.

довствующихъ, но отголоскомъ, осложненнымъ новыми вліяніями. Единогласное свидѣтельство старыхъ обличеній связываетъ начало ереси съ пріѣздомъ въ Новгородъ князя Михаила Александровича или Олельковича въ 1471, когда новгородцы для защиты отъ московскаго князя искали союза съ польскимъ королемъ; вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ прибыло въ Новгородъ нѣсколько евреевъ, въ особенности ученый еврей Схарія. По словамъ самого Іосифа Волоцкаго, можно полагать, что ученость Схаріи могла производить впечатлѣніе: по выраженію суроваго обличителя, это былъ „діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи“. Онъ прельстилъ попа Дениса, а Денисъ привелъ къ нему попа Алексѣя, и они были обращены въ жидовство. Потомъ пришли изъ Литвы еще другіе жиды. Мы упомянули выше, какъ великій князь Иванъ Васильевичъ взялъ съ собою въ Москву поповъ Дениса и Алексѣя и ересь стала распространяться въ Москвѣ. Здѣсь въ числѣ ея приверженцевъ былъ между прочимъ дьякъ великаго князя Ѳедоръ Курицынъ; самъ великій князь былъ расположенъ къ еретикамъ, и наконецъ съ избраніемъ Зосимы приверженецъ ереси вступилъ на митрополичій престолъ. Къ сожалѣнію и здѣсь, какъ относительно стригольниковъ, мы не имѣемъ достаточно точныхъ свѣденій о цѣломъ составѣ еретическаго ученія: съ одной стороны еретики обличаются въ жидовствѣ, съ другой въ преступленіе имъ ставится такая же, по мнѣнію нашихъ ревнителей, погибельная ученость, какою отличался „діаволовъ сосудъ“, Схарія: Ѳедоръ Курицынъ и его московскіе пріятели были близки къ „державному“, какъ никто другой, потому что они „прилежали звѣздозаконію и многимъ баснотвореніямъ, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію“. Что заключалось подъ этими именами, страшными еще со временъ статьи о ложныхъ книгахъ, трудно сказать; надо полагать однако, что это были какіе-нибудь отголоски средневѣковой, а можетъ быть, и болѣе свѣжей западной науки. И о другихъ еретикахъ не однажды упоминается, что это были люди книжные. Купецъ Кленовъ, совратившійся въ Москвѣ, излагалъ свои религіозныя вѣрованія на письмѣ; Иванъ Черный „писалъ книги“; Ѳедоръ Курицынъ былъ человѣкъ книжный, — посланный въ волошскую землю по поводу брака вел. князя Ивана Ивановича съ дочерью воеводы Стефана Еленой, онъ вывезъ, какъ полагаютъ, повѣсть о мутьянскомъ (молдавскомъ) воеводѣ Дракулѣ; съ его именемъ соединяется переводъ апокрифическаго посланія къ лаодикійцамъ; арх. Геннадій упоминаетъ объ еретическихъ писаніяхъ, напр. „тетрадь“, по которой еретики молились

по-жидовски и гдѣ „псалмы были превращены въ ихъ обычаи". Эти писанія до насъ не дошли, какъ не дошли и грамоты, которыми еретики распространяли свое ученіе, и тѣ „подлинники" Геннадія, въ которыхъ заключалось его слѣдственное дѣло объ еретикахъ.

Изъ словъ самихъ обличителей можно видѣть, какъ мы раньше упоминали, что и эта ересь, какъ прежняя, не представляла чего-либо опредѣленнаго и законченнаго и что были различныя степени еретичества—отъ догматическихъ толкованій, опиравшихся на извѣстные раціоналистическіе аргументы, до грубыхъ оскорбленій церковной святыни. Утрата писаній, вѣроятно окончательно затерянныхъ или уничтоженныхъ, едва ли дастъ возможность возстановить подлинный видъ ереси; но сохранилась по крайней мѣрѣ другая сторона факта—та полемическая литература, которая была ересью вызвана. Посланія архіепископа Геннадія были дѣловыми грамотами, гдѣ обличеніе ереси соединяется съ вызовомъ другихъ іерарховъ и власти къ искорененію ереси и съ обсужденіемъ самихъ карательныхъ мѣръ. „Просвѣтитель" Іосифа Волоцкаго представляетъ систематическое опроверженіе еретическихъ лжеученій и вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточенный памфлетъ на еретиковъ и ихъ сторонниковъ, писанный съ большою смѣлостью и преисполненный церковно-славянскими ругательствами на противниковъ [1]). Въ этомъ произведеніи ярко отразились два главные интереса тогдашней жизни: Іосифъ былъ строгій ревнитель православія, для охраны его не останавливавшійся ни передъ какими средствами истребленія, и горячій защитникъ великокняжескаго самодержавія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—характерный книжникъ своего времени.

Для защиты православія онъ былъ, какъ и его архіепископъ, сторонникомъ самыхъ крутыхъ мѣръ, безпощаднаго истребленія. Еслибы случилось, что ихъ идеи возъимѣли бы полное развитіе, они стали бы основателями русской инквизиціи. Въ посланіи къ митрополиту Зосимѣ, 1490 года, о необходимости строжайшихъ мѣръ противъ еретиковъ, Геннадій прямо указываетъ, какимъ прекраснымъ образцомъ могла бы послужить на Руси тогдашняя испанская инквизиція. „А толке государь нашъ, сынъ твой, князь великій того не обыщетъ, а тѣхъ не казнитъ, ино какъ ему съ своей земли та соромота свести? ано фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ: сказывалъ ми посолъ цесаревъ про шпан-

[1]) Этотъ словарь Іосифа Волоцкаго очень богатъ: „адовъ песъ", „діаволовъ вепрь", „сосудъ сатанинъ", „блудный калъ" и т. д.

скаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и язъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ“ [1]). Геннадій, сколько смогъ, примѣнилъ на дѣлѣ мудрый испанскій обычай. Іосифъ Волоцкій очень похваляетъ поступокъ Геннадія съ еретиками, когда они послѣ осужденія на московскомъ соборѣ 1491 года посланы были въ распоряженіе архіепископа. Геннадій за четырнадцать поприщъ приказалъ посадить ихъ на коней, „въ сѣдла ючные“, хребтомъ обративъ къ конскимъ головамъ, „яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь“, на головы повелѣлъ возложить имъ „шлемы берестяны остры, а еловцы мочальны, яко бѣсовскыя, и вѣнци соломены съ сѣномъ смѣшаны, а на шлемѣхъ мишени писаны чернилами: се есть сатанино воинство“. И велѣлъ ихъ водить по городу и встрѣчнымъ плевать на нихъ со словами: вотъ божіи враги и христіанскіе хульники! Потомъ велѣлъ пожечь шлемы на головахъ ихъ. „Сія сотвори,—продолжаетъ Іосифъ,—добрый пастырь, хотя устрашити нечестивые и безбожные еретики“, и онъ сдѣлалъ это не только для нихъ, но и для прочихъ, чтобы они уцѣломудрились, видя это ужаса и страха исполненное позорище [2]). Самъ Іосифъ видимо готовъ былъ бы сдѣлать то же самое, еслибы власть была въ его рукахъ.

Онъ относится къ ереси, какъ непримиримый врагъ. Онъ не только опровергаетъ ее отъ писанія, собирая опроверженія догматическія, каноническія и историческія, но вызываетъ въ борьбѣ противъ нея другихъ іерарховъ и указываетъ средства безпощаднаго преслѣдованія. Хотя онъ различаетъ теоретически степень виновности отступника и еретика и допускаетъ возможность существованія еретиковъ между православными, въ случаѣ если они не распространяютъ своего лжеученія, но для жидовствующихъ онъ не признаетъ возможнымъ никакого снисхожденія: они должны быть просто истребляемы, для уничтоженія ихъ есть одно средство—заточеніе и смертная казнь. Правда, изъ божественныхъ писаній онъ знаетъ, что есть средство обращенія еретиковъ—молитва „со слезами и сокрушеніемъ сердца“ объ ихъ исправленіи, но его собственныя мысли далеки отъ этого. Онъ не вѣритъ покаянію еретиковъ: по его мнѣнію, оно всегда—„лестное“, т.-е. вынужденное и обманное; если еретикъ покается, то пусть все-таки сидитъ въ тюрьмѣ, тамъ покаяніе будетъ еще дѣйствительнѣе. Обязанность казнить еретиковъ лежитъ на гражданской власти, потому что ересь есть такое же преступленіе, какъ раз-

[1]) Акты Археографической Экспедиціи, т. I, № 380.

[2]) „Просвѣтитель“, стр. 55—56.

бой, душегубство или еще хуже: свѣтская власть должна не только покарать преступленіе, но и отмстить за Христа. Православные не должны имѣть съ еретиками никакого общенія. Изъ божественныхъ писаній онъ приводитъ наставленіе, что кто здоровается съ еретикомъ („глаголетъ ему радоватися"), тотъ уже раздѣляетъ его злыя дѣла; изъ божественныхъ писаній и „градскихъ законовъ" онъ собираетъ свидѣтельства о томъ, что еретики заслуживаютъ только казни; самъ онъ говоритъ только о вѣчномъ заточеніи, которое можетъ воспрепятствовать еретику прельщеніе православныхъ, говоритъ о страшныхъ мукахъ, о лютыхъ казняхъ, о посѣченіи мечемъ и т. д. Свѣтская власть обязана преслѣдовать еретиковъ не только для охраны вѣры, но и для цѣлости государства, потому что распространеніе ереси бываетъ, по мнѣнію Іосифа, одной изъ главныхъ причинъ паденія царствъ.

Обязанность не только служителей церкви, но и каждаго вѣрующаго состоитъ въ томъ, чтобы разыскивать еретиковъ, „испытывать" ихъ и даже вымогать отъ нихъ признаніе въ ереси. Іосифъ собираетъ, „отъ писанія", наставленія о томъ, какъ это нужно дѣлать: для цѣлей розыска и потомъ доноса не только позволительно, но и благоразумно употреблять самый обманъ. Іосифъ разсказываетъ о патріархѣ антіохійскомъ Флавіанѣ, который „своимъ богопремудростнымъ художествомъ посрамилъ еретиковъ, испытавъ и истязавъ"; этотъ „добрый пастырь, подвигшись отъ животворящаго духа", „ухищряетъ" слѣдующее: онъ зазываетъ къ себѣ начальника месаліанской ереси старца Адельфія и, вывѣдавъ отъ него его ученіе, укорилъ его („о старче обетшале злыми деньми, твоя уста обличиша сокровенныи ядъ сатанинъ въ сердцы твоемъ") и велѣлъ изгнать месаліанъ изъ предѣловъ антіохійскихъ. Подобнымъ благопремудростнымъ образомъ поступилъ епископъ иконійскій Амфилохій. Іосифъ поучаетъ, что божественныя писанія повелѣваютъ всѣмъ вѣрующимъ во святую животворящую Троицу показывать всякое тщаніе, подвигъ и „богопремудростное коварство", чтобы разыскивать укрывающихся еретиковъ: „сего ради да потщися православныи, всяко тщаніе и всякъ подвигъ и всяку ревность показати вѣрою и любовію многою, иже къ единородному сыну Божію, еретики и отступники испытовати всякимъ образомъ и всяцѣмъ тщаніемъ, якоже преподобніи святителіе и преподобніи отцы наши творяху, увѣдавши же не утаити: аще же кто потщится утаити, сей сообщникъ есть еретикомъ". А священныя правила говорятъ, что тѣ, кто узнаетъ объ еретикахъ и не предаетъ ихъ князьямъ,

и тѣ воеводы и начальники, которые не предадутъ еретиковъ, подлежатъ конечной мукѣ [1]). По понятіямъ Іосифа, казнь еретиковъ будетъ такимъ образомъ спасительна и для тѣхъ, кто ее производитъ, и до извѣстной степени спасительна для самихъ еретиковъ, потому что уменьшитъ ихъ отвѣтственность передъ Богомъ.

Историки той эпохи старались объяснить себѣ источникъ этой жестокой нетерпимости Геннадія и Іосифа, и полагали между прочимъ, что относительно послѣдняго „можно отчасти допустить постороннее западное вліяніе на него, какъ потомка выходца изъ Литвы, гдѣ религіозная нетерпимость, проявлявшаяся въ инквизиціи, составляла законъ всей государственной жизни, и разсказы о которой служили, можетъ быть, семейными преданіями для родственниковъ Іосифа Волоцкаго". Относительно Геннадія говорятъ, что на немъ еще яснѣе отразилось внѣшнее и именно западное вліяніе, по упомянутому примѣру „шпанскаго короля". Но главную причину нетерпимости Іосифа и Геннадія тотъ же историкъ видитъ въ общемъ умственномъ складѣ, составившемся на основаніи старинnаго исключительнаго образованія [2]), и это, конечно, гораздо вѣрнѣе. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы во взглядахъ Іосифа Волоцкаго чѣмъ-нибудь отразились взгляды давняго предка; мы видимъ, напротивъ, что родъ Саниныхъ совсѣмъ вошелъ въ русскую жизнь, въ немъ была особенная наклонность къ монастырской жизни: прадѣдъ Іосифа былъ выходцемъ изъ Литвы, но дѣдъ его былъ уже инокомъ, и вообще въ роду Іосифа синодики упоминаютъ четырнадцать монашескихъ именъ мужскихъ и четыре женскихъ [3]). Оба, Іосифъ и Геннадій, были вполнѣ дѣтьми своего вѣка и своего образованія: всѣ обличенія Геннадія, весь „Просвѣтитель" Іосифа переполнены цитатами изъ той литературы, на которой они воспитались и которая была ихъ высшимъ авторитетомъ: во всѣхъ тѣхъ писаніяхъ, на которыя они ссылаются, они находили основаніе для своихъ выводовъ, всѣ ихъ аргументы и толкованія они находили готовыми и въ этомъ отношеніи они не отличались отъ множества другихъ книжниковъ того времени [4]). Это были только

[1]) „Просвѣтитель", стр. 557—559.

[2]) Жмакинъ, „Митрополитъ Даніилъ", стр. 59.

[3]) Насколько могутъ быть рискованны подобныя заключенія о наслѣдственности, можетъ показать примѣръ упомянутаго подвижника Пафнутія Боровскаго; онъ былъ рода татарскаго и только дѣдъ его принялъ крещеніе.

[4]) Біографъ митрополита Даніила замѣчаетъ (стр. 60): „Если мы будемъ объяснять нетерпимость Іосифа и Геннадія изъ особенностей и недостатковъ ихъ книж-

люди болѣе характерные, болѣе упорнаго убѣжденія, которое и переходило въ фанатизмъ, когда еретики раздражили ихъ въ особенности поруганіями святыни; а съ другой стороны это настойчивое требованіе проклятій, заточеній, мукъ, казней, безъ сомнѣнія, отражаетъ цѣлую жестокую эпоху. Еще въ свѣжей памяти были татарскіе погромы; недавняя борьба великихъ князей съ удѣльными представила рядъ свирѣпостей, а наканунѣ была расправа Ивана Васильевича съ Новгородомъ: всякій противникъ долженъ быть уничтоженъ, а тѣмъ болѣе противникъ самого Христа и Богородицы.

Тотъ же историкъ очень вѣрно указываетъ въ Іосифѣ черты стариннаго русскаго книжника,—хотя книжника съ особенно богатою начитанностью и литературнымъ дарованіемъ. Эта рѣдкая начитанность не могла, однако, сдѣлать его образованнымъ богословомъ, и онъ далеко не свободенъ отъ обычныхъ недостатковъ стариннаго книжника. Всякое просвѣщеніе и вообще всякое знаніе онъ понимаетъ только съ религіозной точки зрѣнія: началомъ всей жизни человѣка, источникомъ и мѣркой истинности всякой религіозной мысли Іосифъ ставитъ „божественное писаніе", но подъ этимъ словомъ разумѣетъ не только божественное писаніе въ собственномъ смыслѣ, но вообще всю письменность церковнаго характера и содержанія. У него совершенно отсутствуетъ критическое различеніе произведеній этой письменности по ихъ дѣйствительному значенію и авторитету. „Такъ *широко* понимаемый принципъ „божественныхъ писаній" проходитъ черезъ всѣ сочиненія Іосифа Волоцкаго и одинаково прилагается имъ и во всѣхъ сферахъ его чисто практической жизни. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются данныя, заимствованныя и изъ истинно богодухновенныхъ источниковъ, равно какъ и изъ такихъ источниковъ, авторитетность которыхъ подвержена сильному сомнѣнію [1]). Какъ особенно авторитетнымъ источникамъ, преп. Іосифъ отводитъ значительное мѣсто житіямъ святыхъ и церковнымъ пѣснопѣніямъ. Чуждый критическаго отношенія къ церковнымъ письменнымъ памятникамъ, Іосифъ не затруднялся черпать до-

наго образованія, то это должно служить яснымъ доказательствомъ того, что они не могли стоять въ своихъ суровыхъ отношеніяхъ къ еретикамъ совершенно одиноко. Такъ дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. На соборѣ противъ жидовствующихъ, состоявшемся въ 1490 году, большинство членовъ собора потребовало сожженія еретиковъ".

[1]) Такъ, напр., творенія св. отцовъ и подвижниковъ онъ приравниваетъ по значенію къ писаніямъ евангельскимъ и апостольскимъ; писанія Никона Черногорца, который нашею церковью не причисленъ даже къ лику святыхъ, онъ называетъ „богодухновенными", и т. д.

воды изъ сочиненій апокрифическаго характера, равно какъ и изъ сочиненій совершенно подложныхъ. На основаніи своего взгляда на источники христіанскаго вѣроученія, Іосифъ совершенно послѣдовательно и гражданскимъ законамъ и постановленіямъ византійскихъ императоровъ" усвоялъ одинаковое достоинство съ соборными и святоотеческими правилами" [1]).

Изъ этого недостатка критики получалось у Іосифа странное представленіе о полной истинности и обязательности всего, что онъ вычитывалъ въ книгахъ: онъ не различалъ между книгами ветхаго и новаго завѣта, между суровымъ закономъ Моисея и религіею любви и прощенія; книжный церковный авторитетъ, хотя бы взятый изъ сомнительнаго апокрифическаго источника, является готовымъ юридическимъ приговоромъ, о которомъ непозволительно и разсуждать. „Совершенно незамѣтно для себя Іосифъ, на ряду съ вполнѣ истинными, проводитъ и такія воззрѣнія, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть признаны вполнѣ за истинныя. Такого характера, напр., его догматическое ученіе о *прехищреніи* и *коварствѣ* Божіемъ, выразившихся въ воплощеніи и сошествіи Сына Божія на землю, однимъ изъ самыхъ вѣскихъ авторитетовъ для котораго послужила въ глазахъ Іосифа подложная или, по крайней мѣрѣ, сомнительная по своей подлинности, выдержка изъ слова Златоуста. Равнымъ образомъ и въ сферѣ нравственныхъ воззрѣній преп. Іосифъ не удержался на почвѣ непререкаемой истины. Безусловное довѣріе ко всякому церковному авторитету послужило поводомъ, по которому онъ на основаніи частнаго единичнаго поступка одного святого мужа вноситъ въ область нравственно добрыхъ дѣйствій человѣка и общее ученіе о *богопремудростномъ и богонаученномъ коварствѣ* [2]), столь много способствующемъ успѣшному открытію еретиковъ". Отсутствіе одного основного начала понятій особливо отразилось на его нравственномъ міровоззрѣніи, — въ немъ нѣтъ системы, оно колеблется, впадаетъ въ односторонности, напр. въ формальное, обрядовое пониманіе нравственности. „Богопремудростное коварство" равносильно извѣстному ученію о средствахъ, оправдываемыхъ цѣлью.

---

[1]) Напр., особенно священнымъ аргументомъ онъ считаетъ подложное поученіе царя Константина „о царехъ, князехъ и судіяхъ земскихъ", или мнимую клятву пятаго вселенскаго собора „на обидящихъ святыя Божія церкви" и пр. О „градскихъ законахъ" онъ говоритъ, что они „подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ" и пр.

См. Жмакина, „Митр. Даніилъ", стр. 15—16, и далѣе.

[2]) Просвѣтитель, стр. 176, 187, 587.

Это нравственное міровоззрѣніе сказалось на общественномъ уставѣ Іосифова монастыря. По своей основѣ этотъ уставъ былъ повтореніемъ правилъ, принятыхъ въ самомъ началѣ нашего общежительнаго монашества при Ѳеодосіи Печерскомъ; но въ уставѣ Іосифа жизнь монаха была опредѣлена во всѣхъ мелочахъ въ духѣ безусловнаго подчиненія власти настоятеля, и въ малѣйшихъ подробностяхъ указаны были формальныя правила иноческой жизни — „въ хожденіяхъ, въ словесѣхъ и въ дѣлехъ", съ длинными церковными службами, съ строгими, даже тѣлесными, наказаніями за неисполненіе уставовъ. „Внѣшнему благоповеденію Іосифъ усвояетъ значеніе не только какъ средству, ведущему къ нравственному усовершенствованію инока, но въ массѣ всевозможныхъ внѣшнихъ предписаній попадаются у него и такія, въ которыхъ проглядываетъ практическая тенденція дѣлать на показъ съ цѣлью обратить на себя вниманіе постороннихъ свидѣтелей и тѣмъ заслужить отъ нихъ одобреніе".

Такимъ образомъ это была въ особенности школа того внѣшняго обрядоваго благочестія, которое отличало древне-русскую жизнь, но также и школа фанатизма: при ограниченности умственнаго развитія, при недостаткѣ критической мысли, какой отличалъ и самого Іосифа, этотъ монастырскій бытъ долженъ былъ въ людяхъ, прошедшихъ всю его суровость, вызывать только крайнюю нетерпимость и вмѣстѣ самонадѣянность, которыя свойственны фанатизму. Дѣйствительно, Іосифъ создалъ свою школу, которая еще нѣсколько десятилѣтій по его смерти (онъ умеръ въ 1515) занимала свое особенное мѣсто въ средѣ духовенства и въ средѣ политическихъ партій: это были тѣ „іосифляне", которые играли роль въ теченіе трехъ царствованій, какъ вѣрные послѣдователи Іосифа Волоцкаго, какъ ревнители православія, враги всякаго религіознаго вольномыслія, приверженцы великокняжескаго и царскаго самодержавія противъ боярской партіи, наконецъ, какъ защитники права монастырей владѣть селами [2]).

---

[1]) Литературные труды Іосифа Волоцкаго еще не были до сихъ поръ собраны въ одно цѣлое. Объ его жизни и дѣятельности есть уже довольно значительная литература. Кромѣ исторій церкви Филарета и Макарія, см.:

— Преп. Іосифъ Волоколамскій. Проф. Казанскаго, М. 1847 (изъ Прибавленій къ „Твореніямъ св. отцевъ").

— „Просвѣтитель" Іосифа Волоколамскаго, въ „Правосл. Собесѣдникѣ", 1859 (здѣсь между прочимъ собраны указанія на тѣхъ церковныхъ писателей, на которыхъ ссылается Просвѣтитель).

— Преп. Іосифъ Волоколамскій. Церковно-историческое изслѣдованіе придворнаго священника П. А. Булгакова. Спб. 1865.

— Два житія Іосифа изданы были Невоструевымъ: Житіе преп. Іосифа Воло-

Литературная дѣятельность Іосифа Волоцкаго, наполняющая конецъ XV-го и начало XVI-го вѣка, время окончательнаго паденія удѣльной эпохи и перваго установленія московскаго единовластія, стоитъ вполнѣ на сторонѣ новаго политическаго строя и является чрезвычайно характернымъ выраженіемъ того склада древне-русскаго просвѣщенія, который образовался въ результатѣ предъидущихъ вѣковъ и сталъ господствующимъ въ два послѣдующіе вѣка до Петровской реформы. Если мы хотимъ говорить серьезно о началахъ древняго русскаго мышленія и быта, которыя представляются добрымъ старымъ временемъ для новѣйшихъ ретроспективныхъ мечтателей, мы должны имѣть въ виду въ особенности Іосифа Волоцкаго, который ярче чѣмъ кто-либо изъ старыхъ писателей той эпохи высказалъ ея политическіе, церковные и общественные взгляды. Смыслъ ихъ очевиденъ: это—полное подчиненіе общества и личности извѣстному преданію, построенному частью на подлинныхъ, частью на сомнительныхъ церковныхъ авторитетахъ, подчиненіе, не допускавшее никакой новой формы жизни и никакой новой мысли, отрицавшее ихъ со всею нетерпимостью фанатизма, грозившее имъ проклятіями и казнями, поставлявшее нравственную жизнь въ обрядовомъ благочестіи, и просвѣщеніе—въ послушномъ усвоеніи преданія, въ упорномъ застоѣ. Въ этомъ пониманіи вещей были уже выработаны тѣ начала преслѣдованія, какія на западѣ исполняла инквизиція, и было выработано представленіе о „богонаученномъ коварствѣ“, т.-е. обманѣ, который будто бы допускается или даже преподается самимъ Богомъ для благой цѣли изловленія еретиковъ—представленіе, совпадающее съ извѣстнымъ правиломъ, что цѣль

коламскаго, составленное неизвѣстнымъ. М. 1865; Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное Саввою, епископомъ Крутицкимъ. М. 1865.

— Названная выше книга И. П. Хрущова. Спб. 1868; разборъ ея, написанный Невоструевымъ (въ XII отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ, 1869), и статьи Ор. Миллера: „Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго“, въ Журн. мин. просвѣщенія, 1868, и „Инквизиторскія вожделѣнія ученаго“, въ „Зарѣ“. 1869 (по поводу Невоструева).

— Терновскій, „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“. Кіевъ, 1875—1876, вып. II, стр. 126—155.

— Книга Жмакина о митрополитѣ Даніилѣ, М. 1881: двѣ первыя главы объ исторіи направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.

— Артемій, игуменъ Троицкій. Изслѣдованіе свящ. Сергія Садковскаго, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, 1891, кн. IV.

— Литература о ереси жидовствующихъ указана въ книгѣ Жмакина, стр. 38.

— Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго въ упомянутомъ изданіи, Казань, 1857; другія сочиненія разсѣяны въ Древней россійской Вивліоѳекѣ, въ московскихъ Чтеніяхъ, Памятникахъ старинной русской литературы, книгѣ Хрущова и пр.

освящаетъ средства. Замѣтимъ притомъ, что содержаніе этого міровоззрѣнія не было даже самостоятельнымъ созданіемъ русской мысли: изслѣдованіе „Просвѣтителя“ достаточно показываетъ, что всѣ главныя положенія его, всѣ историческія доказательства были взяты готовыми изъ переводныхъ византійскихъ „писаній“, между прочимъ, частью и подложныхъ. Свои сочувствія къ московскому единодержавію Іосифъ Волоцкій также подкрѣпляетъ примѣромъ власти византійскаго императора... Наконецъ, въ примѣненіи „божественныхъ писаній“ къ русской жизни Іосифъ Волоцкій явился самымъ ревностнымъ защитникомъ владѣнія монастырей селами, другими словами, монастырскаго крѣпостного права; села были необходимы монастырямъ, чтобы строго поддерживать общежитіе, поддерживать благолѣпіе церквей, вообще обезпечивать монастыри, изъ которыхъ церковь должна была получать своихъ іерарховъ.

Таковъ былъ господствующій взглядъ, и этотъ порядокъ вещей производилъ бы удручающее историческое впечатлѣніе фанатической исключительности, отнимавшей всѣ пути свободнаго просвѣщенія и общественнаго развитія, еслибы въ самой древнерусской жизни эта крайность не вызвала энергическаго и убѣжденнаго противодѣйствія со стороны людей иного нравственнаго и религіознаго склада, которые разошлись съ Іосифомъ Волоцкимъ въ самыхъ существенныхъ пунктахъ его теоріи и смѣло выступили противъ нихъ. Во главѣ этихъ людей стоялъ достопамятный Нилъ Сорскій.

Нилъ Сорскій былъ нѣсколькими годами старше Іосифа Волоцкаго (1433—1508). Его біографія извѣстна мало; его мірское имя неизвѣстно, прозваніе было Майковъ. Прежніе историки считали, что онъ былъ изъ боярскаго рода; новѣйшіе изслѣдователи, ссылаясь на слова самого Нила въ одномъ изъ его посланій [1]), говорятъ, что онъ принадлежалъ къ крестьянскому роду. Пятнадцатый вѣкъ отличается въ нашей исторіи особеннымъ распространеніемъ монашества: къ этому приводили и смутныя условія исторической жизни, и извѣстная обезпеченность жизни въ монастырѣ, и, наконецъ, то, что въ тогдашнемъ положеніи древне-русскаго просвѣщенія монастыри были единственнымъ центромъ умственныхъ и нравственно-религіозныхъ интересовъ. Судя по всему позднѣйшему характеру Нила, его влекло въ монастырь именно это послѣднее. Повидимому, очень рано онъ поступилъ

[1]) „О себѣ же не смѣю творити что, — замѣчаетъ онъ,—понеже невѣжда и веселянинъ есмь“.

въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, основанный преподобнымъ Кирилломъ (ум. въ 1427) и славившійся строгою жизнью его иноковъ. Самъ Іосифъ Волоцкій въ своемъ разсказѣ о русскихъ монастыряхъ восхвалялъ преданія ученій св. Кирилла: „яко на свѣщницѣ свѣтъ сіяющь въ нынѣшнія времена“. Кромѣ строгости жизни, старцы Кириллова монастыря, по примѣру, поданному имъ самимъ, отличались полной нестяжательностью, что было большою рѣдкостью въ то время, когда монастыри собирали въ своихъ рукахъ огромныя имѣнія. Старцы упорно держались преданій св. Кирилла; случалось, что приходили къ нимъ игумены изъ другихъ монастырей, привыкшіе къ другимъ порядкамъ, но иноки стояли за старину; случалось, что онъ бивалъ ихъ жезломъ, но они не уступали, и однажды, не желая видѣть попираемыми преданія св. Кирилла, совсѣмъ оставили монастырь и вернулись только тогда, когда князь услышалъ объ этомъ и самъ велѣлъ изгнать игумена. Вѣроятно въ числѣ такихъ старцевъ былъ знаменитый въ свое время старецъ Паисій Ярославовъ, который былъ учителемъ Нила Сорскаго. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ Нилъ могъ расширить и свое книжное знаніе, потому что этотъ монастырь владѣлъ одной изъ самыхъ богатыхъ тогда библіотекъ; но главнымъ образомъ складъ его идей образовался, повидимому, во время его пребыванія на востокѣ. Сколько именно времени пробылъ онъ здѣсь, именно на Аѳонѣ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ довольно долго. Здѣсь въ XIV и XV вѣкѣ, какъ мы указывали и ранѣе, шла усиленная дѣятельность книжная и движеніе богословское. На Аѳонѣ Нилъ воспринялъ то аскетическо-созерцательное направленіе, которое отличало потомъ его жизнь и писанія и доставило ему большое нравственное вліяніе, хотя, повидимому, въ не весьма обширномъ кругѣ убѣжденныхъ учениковъ. Вернувшись на Русь, онъ сначала поселился подлѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, но затѣмъ переселился дальше, ища уединенія. Онъ выбралъ себѣ на рѣчкѣ Сорѣ „угодное“ мѣсто, „занеже мірской чади мало входно“. Здѣсь и составилась Нилова пустынь, повидимому не многолюдная. Къ нему приходили благочестивые люди, искавшіе его совѣтовъ, желавшіе поселиться вмѣстѣ съ нимъ, но онъ отказывался и только послѣ настояній уступилъ и принялъ нѣсколькихъ учениковъ, которые соглашались на его требованія. Въ противоположность Іосифу Волоцкому, онъ, какъ подобало истинному аскету, удалялся отъ міра, мало принималъ участія въ современныхъ дѣлахъ и броженіи умовъ, и старался удалить также своихъ учениковъ отъ мірскихъ дѣлъ и „безсловесныхъ (неразум-

ныхъ) попеченій". „Ты, человѣче божій, — пишетъ онъ одному другу,—таковымъ не пріобщайся, не подобаетъ же на таковыхъ и рѣчми наскакати, ни поношати, ни укорити, но Богови оставляти сія: силенъ бо есть Богъ исправити ихъ!" И дѣйствительно, не видно особенно дѣятельнаго участія Нила въ тогдашнихъ церковныхъ дѣлахъ, къ которымъ онъ былъ однако призываемъ. Въ 1489 году, когда архіепископъ Геннадій начиналъ свою ожесточенную борьбу противъ ереси, онъ желалъ между прочимъ воспользоваться содѣйствіемъ бѣлозерскихъ старцевъ: онъ проситъ ростовскаго архіепископа Іосафа, чтобы онъ „съ Паисіемъ да съ Иломъ накрѣпко поговорилъ", просилъ потомъ, что нельзя ли этимъ старцамъ быть у него въ Новгородѣ, но не видно, что̀ изъ этого произошло: послѣ Геннадій уже къ нимъ не обращался; вѣроятно у нихъ онъ не нашелъ той инквизиторской ревности, какой желалъ, и его союзникомъ дѣлается Іосифъ Волоцкій. Паисій и Нилъ присутствовали однако на соборѣ 1490 года, на которомъ въ первый разъ еретики были осуждены. Геннадій требовалъ казни еретиковъ и всякихъ ихъ пособниковъ: разговаривать съ ними нечего. Наканунѣ собора онъ писалъ въ Москву: „Да бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили; токмо того для учинити соборъ, что ихъ казнити — жечи да вѣшати... Да пытали бы на нихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили... Да не плошитеся: станьте крѣпко". Соборъ дѣйствительно сталъ крѣпко и требовалъ сожженія еретиковъ, и по одному извѣстію, сохраненному Татищевымъ, только митрополитъ Зосима нашелъ, что еретиковъ достаточно предать проклятію и послать въ Новгородъ на покаяніе [1]). Іосифъ Волоцкій былъ увѣренъ, что самъ митрополитъ былъ еретикъ. Новѣйшій біографъ Нила Сорскаго полагаетъ, что мнѣніе митрополита на соборѣ могъ поддерживать и Нилъ Сорскій, почему впослѣдствіи Іосифъ почти готовъ былъ обвинить и самого Нила въ ереси [2]). Впослѣдствіи ученики Нила Сорскаго открыто выступили противъ свирѣпой проповѣди Іосифа Волоцкаго.

Нилъ иначе относился и къ „божественнымъ писаніямъ". Прежде всего, это не былъ для него безразличный авторитетъ; напротивъ, онъ дѣлалъ между ними различіе по ихъ церковному значенію, а затѣмъ, вмѣсто слѣпой вѣры во все писанное, давалъ мѣсто разуму. Онъ прямо говоритъ, что „писанія многа, но не вся божественна суть". „Наипаче испытую божественныя

[1]) „Занеже,—говорилъ митрополитъ, — мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію".

[2]) Архангельскій, стр. 32—33.

писанія,—говорилъ онъ въ посланіи къ одному другу о своемъ уединенномъ жительствѣ, — *преже* заповѣди Господни и толкованія ихъ, и апостольская преданія, *таже* (т.-е. потомъ) житія и ученія святыхъ отецъ, и тѣмъ внимаю, и *яже согласна моему разуму* къ благоугожденію божію и къ ползѣ души, преписую себѣ, и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю".

„Нилъ Сорскій,—говоритъ другой изслѣдователь,—отрицаетъ слѣпое механическое отношеніе къ каждой буквѣ писанія и рабское благоговѣніе предъ каждой отдѣльной фразой. Напротивъ, онъ рекомендуетъ разумное самодѣятельное изученіе божественныхъ писаній... Критическій принципъ, находящійся въ основѣ всего міровоззрѣнія Нила Сорскаго, положилъ особенный отпечатокъ на всѣ частныя его воззрѣнія... Онъ остановился на самомъ существѣ христіанской религіи. Сущность христіанства сосредоточивается въ ученіи І. Христа, изложенномъ въ евангеліи, и въ ученіи апостоловъ, заключающемся въ ихъ посланіяхъ... Нилъ всегда во всѣхъ своихъ частныхъ воззрѣніяхъ исходитъ изъ одного начала ученія І. Христа и апостоловъ, и *съ точки зрѣнія его* оцѣниваетъ всѣ явленія въ мірѣ и всѣ нравственныя дѣйствія человѣка, и вообще всегда стоитъ на чисто евангельской точкѣ зрѣнія". Поэтому, „все міровоззрѣніе его отличается цѣльностію, и оно для своего времени вполнѣ заслуживаетъ названіе философско-богословской системы...

„Духъ евангельскаго и чисто нравственнаго служенія Богу послѣдовательно проходитъ чрезъ всю систему нравственныхъ воззрѣній Нила. Истинное проявленіе религіозности и отсюда нравственное достоинство личности онъ видитъ во внутреннемъ духовномъ расположеніи и настроеніи. Внѣшнія проявленія и обнаруженія нравственности сами по себѣ—дѣло второстепенное, но и здѣсь онѣ получаютъ свое нравственное значеніе настолько, насколько онѣ служатъ выраженіемъ внутренняго духовнаго настроенія человѣка...

„Теоретическія воззрѣнія Нила Сорскаго нашли себѣ примѣненіе въ его взглядѣ и ученіи о монашествѣ. Понимая христіанскую мораль въ самомъ глубокомъ и духовномъ ея смыслѣ, Нилъ и идеалъ монашества опредѣляетъ по преимуществу внутренними нравственными чертами. Служеніе и всѣ подвиги инока, по мнѣнію Нила, состоятъ не въ исполненіи внѣшнихъ предписаній, а непосредственно во внутренней нравственной переработкѣ души, въ послѣдовательномъ, неуклонно-энергическомъ освобожденіи ея отъ порочныхъ страстей и помысловъ, путемъ самой упорной, постоянной борьбы съ послѣдними, и только побѣда надъ ними

ведетъ инока къ нравственному совершенству души. Всю сущность иноческаго подвига Нилъ сводитъ къ „умному", „сердечному дѣланію"; послѣднее въ свою очередь есть не что иное, какъ внутренняя духовная борьба съ дурными помыслами... Каждый помыслъ, каждая страсть анализируется имъ во всѣхъ видахъ и развѣтвленіяхъ, при чемъ изслѣдуются психическія особенности каждаго порока, но въ то же самое время не оставляются безъ вниманія и физіологическія основы страсти. Вообще въ ученіи о помыслахъ Нилъ Сорскій обнаружилъ тонкое знаніе человѣческой души"... Это ученіе о помыслахъ Нилъ изложилъ въ своемъ уставѣ и преданіи о жительствѣ скитскомъ. Въ связи съ общимъ его взглядомъ была имъ выбрана и форма монашескаго подвижничества—жизнь скитская.

„Скитничество поддерживалось и сохранялось на отдаленномъ сѣверѣ Россіи, вдали отъ московской централизаціи, во владѣніяхъ новгородскихъ, т.-е. въ такихъ земляхъ, гдѣ было сильно развито сознаніе личной свободы. Скитское житіе вполнѣ соотвѣтствовало духу воззрѣній Нила. Оно, не стѣсняемое внѣшними правилами монашескаго благоповеденія, давало собою полный просторъ нравственному саморазвитію инока, оно открывало ему полную возможность самостоятельно, при посредствѣ своей собственной энергіи, вести дѣло своего духовно-нравственнаго усовершенствованія...

„Инокъ Ниловой пустыни не былъ связанъ правилами въ своей келліи. Онъ самъ по личному вкусу выбиралъ себѣ наставника и жилъ съ нимъ какъ братъ съ братомъ, равный съ равнымъ; онъ могъ подвизаться даже самостоятельно и безъ наставника, руководствуясь однимъ св. писаніемъ. Власть настоятеля пустыни была власть чисто нравственнаго характера. Настоятель былъ искреннимъ другомъ, а не начальникомъ иноковъ.

„Мѣстомъ для своей общины Нилъ избралъ такое, которое было „мірской чади мало входно" [1]). Скитская церковь, всѣ ея священныя принадлежности и, наконецъ, келліи иноковъ отли-

[1]) Шевыревъ, въ извѣстной „Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь" (М. 1850, II, стр. 103), такъ описываетъ эту мѣстность: „Дико, пустынно и мрачно то мѣсто, гдѣ Ниломъ былъ основанъ скитъ. Почва ровная, но болотистая; кругомъ лѣсъ, болѣе хвойный, чѣмъ лиственный. Рѣчка Сора, или Сорка, давшая прозвище и угоднику божію, не вьется, а тянется по этому мѣсту, и похожа болѣе на стоячее болото, нежели на текучую воду. Среди различныхъ угодій, которыми изобильна счастливая природа странъ бѣлозерскихъ, трудно отыскать мѣсто болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустыня... Видъ этого мѣста съ перваго разу даетъ понять о томъ, чего искалъ здѣсь святой, и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ совершеній".

чались самою первобытною простотою и чужды были и тѣни какой-нибудь роскоши. Богослуженіе въ скитѣ совершалось только въ воскресенье и праздничные дни, и по средамъ. Нилъ не далъ никакихъ нарочитыхъ постановленій о пищѣ и питьѣ. Каждый инокъ снискивалъ себѣ пропитаніе своими собственными трудами, и только въ случаѣ крайней необходимости Нилъ позволялъ принимать милостыню и притомъ въ самомъ ограниченномъ видѣ. Вообще Нилъ жизнь иноковъ своей общины старался обставить какъ можно проще и несложнѣе для того, чтобы она менѣе всего представляла препятствій для неослабнаго бодрствованія надъ внутренними состояніями своей души. Въ тѣхъ же исключительно нравственныхъ цѣляхъ Нилъ отрицалъ право монастырей на земельныя владѣнія, которыя необходимо втягивали иноковъ въ суету мірской жизни и которыя по самому своему существу стояли во внутреннемъ противорѣчіи съ иноческими обѣтами...

„Черезъ всѣ воззрѣнія Нила Сорскаго проходитъ одна общая идея—идея свободы. Теоретическія воззрѣнія его на источники и церковные авторитеты открываютъ обширное поле для человѣческаго ума, освобождая его отъ узъ односторонняго консерватизма. Въ воззрѣніяхъ Нила открываются для русской мысли начала живой дѣятельности, начала болѣе свободнаго и разумнаго развитія русскаго народа. Вмѣсто безусловнаго довѣрія давнимъ традиціямъ, вмѣсто слѣпого благоговѣнія ко всякому церковному авторитету въ воззрѣніяхъ Нила выступаетъ, въ качествѣ одного изъ критеріевъ истины, собственное личное убѣжденіе, самоубѣжденіе [1])...

„Свой принципъ свободнаго критическаго изслѣдованія церковныхъ источниковъ вѣроученія и морали Нилъ осуществлялъ и на дѣлѣ. Онъ занимался провѣркою и исправленіемъ житій святыхъ и скептически относился къ сказаніямъ о чудесахъ нѣкоторыхъ святыхъ, по большей части произведеніямъ позднѣйшаго времени...

„Въ общемъ характерѣ воззрѣній Нила Сорскаго заключается та замѣчательная черта, которая избавляла его отъ благоговѣнія къ установившимся традиціямъ времени, и открывала ему возможность совершенно свободно и безпристрастно отнестись къ явленіямъ современной жизни русскаго общества и указать на ея слабыя стороны. Поставляя критеріемъ для нравственной оцѣнки со-

[1]) „Пр. Нилъ вмѣняетъ въ обязанность каждому христіанину „разсмотрять“ труды св. мужей и подвижниковъ прежде тѣмъ брать ихъ въ примѣръ для себя и даже самыя добрыя дѣла творить съ *разсужденіемъ и во благо время, и подобными мѣрами*“.

временнаго строя русской жизни духовный, высокій принципъ евангельскаго ученія, пр. Нилъ совершенно самостоятельно, не опасаясь нисколько впасть въ ошибку и односторонность, заявляетъ русскому міру о неправильностяхъ его нравственной и соціальной жизни и предлагаетъ новыя коренныя средства для поднятія нравственнаго уровня русской народной жизни" [1]).

Опредѣляя общее направленіе Нила Сорскаго, авторъ называетъ его по нынѣшней терминологіи критическимъ и либеральнымъ, но спѣшитъ оговориться, что либерализмъ Нила есть „истинный, законный", что духъ свободы, его отличающій, есть духъ нравственный, но что по обстоятельствамъ времени этому направленію грозила „опасность" получить „нѣсколько политическій оттѣнокъ". Авторъ хочетъ, повидимому, сказать, что направленіе Нила исключительно состояло въ нравственномъ воспитаніи личности, что самъ онъ не желалъ политическихъ и общественныхъ примѣненій своего ученія — проповѣдовалъ нѣчто въ родѣ личной аскетической святости (вопросъ о которой поднятъ былъ недавно въ нашей литературѣ) вмѣстѣ съ „непротивленіемъ злу". Не вдаваясь въ вопросъ о томъ, насколько одна проповѣдь личнаго совершенствованія могла бы помочь „поднятію нравственнаго уровня русской народной жизни" (о чемъ сейчасъ говорилъ нашъ авторъ) и насколько составляетъ заслугу аскетическое попеченіе о личномъ спасеніи, замѣтимъ, что авторъ самъ ставитъ характеръ и ученіе Нила въ тѣсную связь съ явленіями и причинами именно политическими и общественными. Его духъ нравственной свободы объясняется какъ особенностями его личности, такъ и вліяніемъ *среды*. „Бѣлозерскій край, мѣсто подвижничества Нила, отдаленный отъ Москвы, питалъ свои симпатіи къ свободолюбивому Новгороду. Чувство свободы и сознаніе личности — душа Новгорода — жили въ Бѣловерскомъ краю долго и послѣ того, какъ самъ Новгородъ утратилъ свою свободу". Отсюда же (въ соединеніи, какъ увидимъ, съ автономическими преданіями удѣльнаго боярства) явилась та „опасность", что люди, окружавшіе Нила, готовы были обобщить понятія нравственной свободы и свободы общественной и государственной. Этому способствовали всѣ обстоятельства той эпохи. „Время, въ которое жилъ Нилъ, было временемъ господства религіи, когда все сводилось на религіозную почву, все оцѣнивалось съ точки зрѣнія церковной, даже чисто гражданскія и государственныя явленія современной жизни получали и освящались авторитетомъ религіи. Между тѣмъ личность преп. Нила настолько

[1]) Жмакинъ, „Митрополитъ Даніилъ", стр. 27—34.

выдавалась своимъ авторитетомъ, что она извѣстна была при дворѣ великаго князя, который въ важныхъ обстоятельствахъ церковной и государственной жизни вызывалъ его въ Москву для совѣщаній. Вообще и внѣшнія условія и нѣкоторыя современныя историческія обстоятельства складывались такъ, что направленіе Нила Сорскаго, помимо всякой воли его основателя, получило и политическій оттѣнокъ".

Вообще трудно себѣ представить, какимъ образомъ могла бы существовать метафизическая нравственная свобода, если только человѣкъ не проживалъ въ недоступной пустынѣ, внѣ человѣческаго общества и если онъ, напротивъ, жилъ въ общественной средѣ: съ отсутствіемъ такой среды исчезала бы, наконецъ, возможность проявленія этой свободы и ея испытанія. Въ данномъ случаѣ выводъ автора [1]) не отвѣчаетъ дѣйствительности. Какъ ни были велики заботы Нила о преподаніи личнаго совершенствованія, его дѣятельность различнымъ образомъ вмѣшивалась въ жизнь общественную и даже политическую. Его уставъ скитскаго жительства былъ рѣзкимъ отрицаніемъ наиболѣе распространенной формы тогдашняго монашества, отрицаніемъ слѣпой вѣры въ авторитетъ „писанія", которое часто бывало только мнимо божественнымъ, отрицаніемъ обрядоваго благочестія, подъ которымъ могло скрываться самое не-монашеское и не-христіанское житіе, т.-е. отрицаніемъ цѣлаго тогдашняго религіознаго пониманія; наконецъ, въ частности, отрицаніемъ монастырской любостяжательности, владѣнія селами. Все это были ученія осязательныя и требованія практическія: еслибъ онѣ исполнились, это былъ бы цѣлый религіозно-общественный и даже политическій переворотъ. И на дѣлѣ Нилъ не усомнился ставить эти практическіе вопросы.

На соборѣ 1503 года, разбиравшемъ различные церковные вопросы, когда дѣла приходили къ концу и нѣкоторые члены собора уже разъѣхались (между прочимъ Іосифъ Волоцкій), Нилъ поднялъ вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. „И нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ. А съ нимъ —пустынники бѣлозерскіе". Кромѣ, или въ числѣ, бѣлозерскихъ пустынниковъ былъ упомянутый Паисій Ярославовъ и одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Нила, князь инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ (или Косой Патрикѣевъ). Вопросъ, поднятый Ниломъ, былъ для тогдашнихъ монастырей такой жгучій, что онъ произвелъ на соборѣ крайній переполохъ: высшіе члены собора рѣшительно отвергли предложеніе Нила и послали за Іосифомъ Волоцкимъ,

[1]) „Помимо всякой воли".

предполагая конечно, что найдутъ въ немъ самаго энергическаго союзника, въ чемъ, конечно, и не ошиблись. Нилъ утверждалъ, что монахи даютъ обѣтъ нестяжательности, а имѣнія опять влекутъ ихъ въ міръ, монахамъ слѣдуетъ питаться отъ своего рукодѣлія и жить по пустынямъ. Ему отвѣчали, что имѣнія нужны для содержанія монастырей, храмовъ и священнослужителей; люди спасались и въ вотчинныхъ монастыряхъ; наконецъ монастыри приготовляютъ для церкви іерарховъ: „аще,—говорилъ Іосифъ,—у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископа, или епископа, и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе".

Точно также Нилъ Сорскій и его ученики разошлись съ Іосифомъ въ другомъ вопросѣ. Вообще нравственное достоинство Нила Сорскаго собрало около него кругъ не только изъ ближайшихъ его учениковъ, но также изъ иноковъ другихъ монастырей, бѣлозерскихъ и вологодскихъ, которые не были съ нимъ связаны никакой административной зависимостью, какъ монахи волоколамскаго монастыря отъ Іосифа, но тяготѣли къ нему по сочувствію къ его религіознымъ, нравственнымъ и общественнымъ взглядамъ. Это были тѣ *заволжскіе старцы*, которые въ то время и послѣ были главными и почти единственными противниками фанатическаго направленія Іосифа и его преемниковъ. Мы встрѣтимся далѣе съ дѣятельностью главнѣйшаго представителя этой школы Нила — уже названнаго нами Вассіана Патрикѣева. Отъ Нила ученики его получили совсѣмъ иное понятіе о томъ, какъ церковь должна относиться къ еретикамъ—чѣмъ то, какое проповѣдывали Геннадій и Іосифъ. Настаивая на мукахъ и казняхъ, Іосифъ Волоцкій по обычаю старался подкрѣпить свое мнѣніе божественными писаніями. Полагая, что не всѣ раздѣляютъ его мнѣніе, онъ пишетъ цѣлыя посланія въ доказательство необходимости казней, сначала къ духовнику великаго князя Ивана Васильевича, архимандриту Митрофану, потомъ къ великому князю Василію Ивановичу, который уже занимался церковными дѣлами и былъ уже наслѣдникомъ московскаго престола. Онъ подобралъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта исторіи о томъ, какъ святые люди карали еретиковъ, какъ благочестивые цари отсѣкали имъ головы. На эти факты и заключенія заволжскіе старцы отвѣчали коллективнымъ посланіемъ, авторомъ котораго могъ быть Вассіанъ Патрикѣевъ. Іосифъ писалъ великому князю Василію: „грѣшника или еретика руками убити или молитвою едино есть". Старцы отвѣ-

чали: „некающихся и непокоряющихся еретиковъ велѣно заточати, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ церковь Божія пріемлетъ простертыми дланьми: *грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися и пріиде бо взыскати и спасти погибшихъ*". Іосифъ писалъ, что Моисей скрижали руками разбилъ, Илія Пророкъ заклалъ четыреста жрецовъ и въ Новомъ Завѣтѣ апостолъ Петръ Симона волхва молитвою ослѣпилъ; Левъ, епископъ катанскій, Леодора волхва епитрахилью связалъ и сожегъ, пока Леодоръ сгорѣлъ, а епископъ изъ огня не выходилъ, а другого волхва Сидора тотъ же епископъ молитвою сожегъ. Старцы не отвергали фактовъ, но толковали ихъ совсѣмъ иначе: „А что, господине старецъ Іосифъ, Моисей скрижали руками разбилъ, то тако есть, но егда Богъ хотѣлъ погубити Израиля, поклонышася тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господеви и рече: Господи, аще сихъ погубиши, то мене преже сихъ, и Богъ не погуби Израиля Моисея ради... Видиши, господине, яко любовь къ согрѣшающимъ и злымъ превозможе утолити гнѣвъ Божій". Старцы указывали и то, что примѣры Ветхаго Завѣта не должны быть обязательны для насъ: „Еще же Ветхій Завѣтъ тогда бысть, намъ же въ новѣй благодати яви Владыка Христосъ любовный союзъ, еже не осужати брату брата: не судите и не осуждени будете, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая. Аще ты повелѣваеши, о Іосифе, брату брата согрѣшивша убити, то скорѣе и *субботство* будетъ и вся ветхаго закона, ихъ же Богъ ненавидитъ". Относительно апостола Петра и епископа катанскаго Льва старцы отвѣчали иронически: „А Петръ апостолъ Симона волхва разби, понежъ прозвася Сыномъ Божіимъ прелукавый злодѣй, при Неронѣ царѣ, и тогда достойный судъ пріятъ отъ Бога за превеликую лесть и злобу. И ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостойныхъ еретикъ или грѣшниковъ пожретъ ихъ земля"... „А ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣ жь бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, а мы бъ тебя, яко единаго отъ трехъ отроковъ—изъ пламени изшедъ, да пріяли. Поразумѣй, господине, яко много разни промежъ Моисея и Иліи, и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ".

Изъ самыхъ писаній Нила Сорскаго можно видѣть, что источникомъ его ученій была литература отцовъ церкви; онъ не однажды говоритъ, что пишетъ „не отъ себе, но отъ святыхъ писаній", что онъ „малое отъ многаго собралъ отъ трапезы словесъ господій своихъ блаженныхъ отецъ". И дѣйствительно въ его „уставѣ" и въ „преданіи" онъ приводитъ множество цитатъ изъ церков-

ныхъ писателей съ IV-го и до XIV-го столѣтія, какъ Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Василій Великій, — Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ, Григорій Синаитъ. Новѣйшій историкъ Нила Сорскаго рядомъ сличеній указываетъ отношеніе русскаго писателя къ его источникамъ [1]) и ближайшую связь находитъ съ Кассіаномъ Римлянином, въ произведеніяхъ котораго поставленъ былъ именно тотъ же вопросъ психологическаго анализа „восьми помысловъ“ и борьбы съ ними, — вопросъ, которому посвящена 5-я глава въ уставѣ Нила; далѣе, писанія Нила Синайскаго, также говорившаго объ восьми порокахъ, непосредственнымъ образцомъ для русскаго писателя не были, но могли послужить общими мыслями о нравственномъ совершенствованіи; гораздо больше послужила Нилу знаменитая „Лѣствица“ Іоанна Лѣствичника, вообще весьма распространенная въ нашей старой письменности—между прочимъ отсюда Нилъ заимствовалъ, съ небольшимъ измѣненіемъ, психологическую теорію. Въ наставленіяхъ о монашеской жизни Нилъ пользовался Василіемъ Великимъ и Златоустомъ. Наконецъ въ области созерцательнаго аскетизма его образцами были Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ и Григорій Синаитъ: ихъ вліяніе на Нила было рѣшительное — какъ въ общей постановкѣ его идей, такъ и въ самомъ изложеніи, гдѣ, говоря объ „умной“ (внутренней) молитвѣ, Нилъ всего чаще говоритъ ихъ подлинными словами... Но, широко пользуясь нѣкоторыми изъ этихъ писателей, особливо послѣдними, Нилъ не остается вовсе—какъ многіе другіе книжники тѣхъ временъ—безразборчивымъ компиляторомъ: напротивъ, онъ пользуется своими источниками съ большой самостоятельностью, потому что выработалъ себѣ свое цѣльное міровоззрѣніе, которому они служили авторитетнымъ объясненіемъ и подтвержденіемъ. Можно думать, что во время пребыванія на востокѣ онъ освоился и съ греческими книгами, но въ своей работѣ пользовался существовавшими церковно-славянскими переводами этихъ писателей, повторяя ихъ часто тяжелый языкъ, къ которому прибавляетъ иногда русскія поясненія („еже просто рещи“, „се же есть“) [1]).

---

[1]) Архангельскій, стр. 139—184: „Литературные источники идей преп. Нила Сорскаго“.

[2]) О Нилѣ Сорскомъ см.: А. В. Горскій, въ „Прибавленіяхъ“ къ Твореніямъ св. отцевъ: Отношенія иноковъ Кириллова-Бѣлозерскаго и Іосифова-Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ (т. X, 1851).

— Шевырева, Исторія русской словесности, ч. IV. М. 1860. стр. 177—196; также въ „Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, М. 1850, ч. II.

Писатели, на которыхъ мы здѣсь остановились, въ особенности характерны для опредѣленія древне-русскаго міровоззрѣнія въ критическій моментъ вступленія древней Руси въ ея московскій періодъ, когда окончательно падали старые автономическіе элементы и готовилось московское объединеніе государственное, церковное, общественное и книжное; когда, послѣ паденія византійской имперіи и окончательнаго сверженія татарскаго ига, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ слагалось новое міровоззрѣніе московской великорусской народности — съ высокимъ представленіемъ о русскомъ православіи, о могуществѣ русскаго царя: мы видѣли, какъ церковная жизнь и письменность дѣйствовали на образованіе этого міровоззрѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта письменность отражала состояніе образованія и настроеніе умовъ.

Господствующій тонъ мысли былъ религіозный. Мы привели въ началѣ сравненіе, гдѣ аскетическіе подвижники древней Руси были поставлены въ параллель съ эпическими подвижниками—богатырями. Дѣйствительно, въ этихъ инокахъ, предпринимавшихъ дѣло личнаго спасенія въ тяжелой борьбѣ пустынножительства, особливо въ суровыхъ дебряхъ сѣвера, и завоевывавшихъ себѣ широкое нравственное вліяніе до самыхъ центровъ власти, было нѣчто богатырское: какъ эпическіе богатыри защищали русскую землю отъ нашествій поганой орды, такъ эти иноки искали душевнаго спасенія, основывая обители, которыя становились святыней для русскаго народа. Въ мрачныя времена татарскаго ига,

— Въ исторіяхъ русской церкви—Филарета, Макарія, Знаменскаго, въ „Обзорѣ русской дух. литературы“, того же Филарета.

— Упомянутыя сочиненія Хрущова объ Іосифѣ Санинѣ, Жмакина о митрополитѣ Даніилѣ.

— Костомарова, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей (гл. XVI: Преп. Нилъ Сорскій и Вассіанъ, кн. Патрикѣевъ).

— А. Правдинъ, Преп. Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни,—въ Христ. Чтеніи, 1877, январь.

— Главныя писанія Нила Сорскаго изданы были впервые въ „Исторіи росс. іерархіи“, Амвросія, т. V, М. 1813, и въ отдѣльномъ оттискѣ, М. 1813, и послѣ; затѣмъ повторены въ изданіи Козельской Оптиной пустыни: Преп. Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, М. 1849 и др.; „Преп. Нилъ Сорскій, первооснователь скитскаго житія въ Россіи и уставъ его о жительствѣ скитскомъ съ приложеніемъ всѣхъ другихъ писаній его“. Спб. 1864 (вновь: четыре посланія Нила).

— Наиболѣе подробное и обстоятельное изслѣдованіе представляетъ книга А. С. Архангельскаго: „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ“. Спб. 1882 (часть первая; вторая не выходила), въ „Памятникахъ“ Общества любителей древней письменности, XVI. Во введеніи см. и другія библіографическія указанія о предметѣ.

среди княжескихъ междоусобій и всеобщаго одичанія здѣсь ставился нравственный идеалъ, которому, безъ сомнѣнія, въ большой мѣрѣ принадлежитъ историческое значеніе въ вопросѣ національнаго объединенія и въ образованіи лучшихъ сторонъ народнаго характера: эти святыни стали общими для всей разбросанной массы русскаго народа; этотъ идеалъ воспиталъ многихъ достойныхъ дѣятелей внутренней жизни русскаго народа отъ временъ Сергія Радонежскаго и Нила Сорскаго до Тихона Задонскаго... Но какъ эпическое богатырство съ одной первобытной, стихійной силой своей не могло довершить своего дѣла, именно не въ состояніи было отразить наиболѣе страшной опасности — татарскаго нашествія, такъ и здѣсь, въ иноческомъ подвижничествѣ, недоставало еще одной силы — силы просвѣщенія. Оставалась неудовлетворенной одна глубокая потребность человѣческой и народной природы—необходимость знанія, которое одно можетъ сдѣлать жизнь отдѣльнаго лица и народа вполнѣ сознательной. Владѣя только одностороннимъ и небогатымъ запасомъ книжности чужого происхожденія, старая русская образованность была ограничена тѣснымъ, одностороннимъ кругомъ понятій, изъ котораго для нея не было выхода. Привыкши къ слѣпой вѣрѣ въ письменный авторитетъ, для испытанія котораго у нея не было средствъ, она впадала въ то преувеличеніе внѣшней обрядности, за которымъ, наконецъ, забывалось самое содержаніе, и противодѣйствовать этому были, наконецъ, безсильны такіе идеалисты, какъ Нилъ Сорскій; а съ другой стороны пробуждавшаяся потребность критики, при извѣстныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ, вела опять къ преувеличенному, частію необузданному отрицанію, какъ это было въ ересяхъ XIV—XVI вѣка.

Значеніе указанныхъ нами явленій внутренней жизни русскаго общества конца XV и начала XVI вѣка разъяснится для насъ, если мы вникнемъ въ замѣчаніе историковъ, что (съ одной стороны) на политическихъ взглядахъ Іосифа Волоцкаго воспитался Иванъ Грозный, а затѣмъ (съ другой стороны) „строгое ученіе Іосифа сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ него воспротивилась новшествамъ Никона“, другими словами, сдѣлалась достояніемъ раскола. Дѣйствительно, вчитавшись въ писанія Іосифа Волоцкаго, мы будемъ уже приготовлены къ писаніямъ протопопа Аввакума.

Но до этого старой русской жизни нужно было пережить еще новые перевороты и испытанія.

А. Пыпинъ.

НЕИЗДАННЫЙ РОМАНЪ

„An unpublished Novel“, by Eden Philpotts *).

Я, право, не знаю и, при всемъ моемъ желаніи, не могу вамъ объяснить, какъ это все случилось. Знаю только, что благодаря какому-то странному, непонятному психологическому процессу, мой умственный аппаратъ оказался открытымъ для моихъ собственныхъ безпристрастныхъ наблюденій. Знаю также, что за послѣднія сутки я подробнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ всѣ уголки и закоулки своего ума. Поэтому покорнѣйше прошу благосклоннаго читателя смотрѣть на мой безхитростный разсказъ не какъ на аллегорическую или досужую выдумку, а скорѣе какъ на мое личное, чистосердечное признаніе.

Мой умъ, когда я въ немъ очутился, произвелъ на меня впечатлѣніе довольно большого, круглаго покоя, съ оригинальнымъ овальнымъ потолкомъ. По его стѣнамъ, какъ въ кладовой или въ посудномъ шкафу, шли полочки и ящички; нѣкоторые изъ нихъ даже были снабжены ярлычками. Стѣны, потолокъ и вся комната вообще были однообразнаго сѣраго цвѣта и далеко

*) Эденъ Фильпотсъ занимаетъ видное мѣсто въ кругу извѣстнѣйшихъ писателей-юмористовъ современной Англіи. Отличительныя черты его литературнаго дарованія — живость вымысла и простота изложенія. Трудно сказать, которыя изъ его произведеній пользуются наибольшимъ успѣхомъ среди читающей публики; для примѣра укажемъ „Folly and fresh Air“, „The End of a Life“ и др... На ряду съ неподдѣльнымъ и добродушнымъ юморомъ, у него, однако, нерѣдко встрѣчаются серьезныя критическія воззрѣнія, граничащія съ сатирой. — *Перев.*

не такъ хорошо освѣщены, какъ можно было ожидать, или... какъ я надѣялся. Въ общемъ, это освѣщеніе можно было, пожалуй, сравнить съ электрическимъ, но только во время самыхъ первыхъ, а слѣдовательно и самыхъ неудачныхъ его опытовъ. Были минуты, когда мой умъ казался мнѣ довольно свѣтлымъ; но затѣмъ въ воздухѣ вдругъ пробѣгали красноватыя или лиловатыя волны, а вслѣдъ за ними (какъ ни грустно мнѣ въ этомъ признаться!) наступали промежутки совершеннѣйшей темноты... ну, хоть глазъ выколи!

Съ жаднымъ любопытствомъ изслѣдователя я готовъ былъ приступить къ осмотру многочисленныхъ полочекъ, ящичковъ и коробочекъ. Но, признаюсь, былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи: какъ быть, съ чего начать? Въ нихъ не было ни системы, ни какого бы то ни было, мало-мальски замѣтнаго порядка; если и встрѣчался кое-гдѣ слабый намекъ на него, то лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Полъ въ комнатѣ былъ нельзя сказать, чтобы ужъ очень опрятенъ, а въ воздухѣ, надо мною, жужжа, носились въ безпорядкѣ какія-то крылатыя созданья; нѣкоторыя изъ нихъ были довольно красивы, другихъ же было трудно разглядѣть: они метались, какъ ошеломленныя,—какъ мухи или комары при наступленіи холодовъ. Всякому изъ насъ хорошо знакомо, какъ ужасно дѣйствуетъ на нервы жужжанье одной докучливой мухи. Мнѣ кажется, что наши мысли—тѣ же мухи, если онѣ не даютъ нашему уму покоя. Ужъ онъ, несчастный, иной разъ, по цѣлымъ днямъ не знаетъ, куда бы отъ нихъ дѣваться, какъ бы такъ изловчиться, чтобы поймать и насадить ихъ на булавку или хоть просто-напросто раздавить, да и не вспоминать о нихъ больше во вѣки вѣчные.

Прежде всего я открылъ шкафикъ съ ярлычкомъ: *„Стихотворенія“*, и увидалъ... Нѣтъ ужъ лучше пощадимъ авторское самолюбіе! Мои стихотворенія оказались несравненно пустѣе и незначительнѣе, нежели я могъ предполагать, и были расположены... расположены какъ ягоды въ корзинкѣ! У меня даже не хватило духу удостовѣриться, не забраны ли онѣ, какъ бываютъ обыкновенно забраны ягоды на продажу, т.-е. сверху, на показъ покупателямъ, самыя лучшія, крупныя и красивыя, а подъ низомъ—сущій мусоръ,—гнилыя и мятыя. Я поспѣшилъ захлопнуть шкафикъ, въ твердой рѣшимости уже никогда больше въ него не заглядывать.

Подробное описаніе всего, что было не совсѣмъ ладно или чего вовсе не было, заняло бы черезъ-чуръ много времени и мѣста

и, вдобавокъ, могло бы слишкомъ наскучить читателю. Поэтому я скажу вамъ нѣсколько словъ лишь о послѣднемъ изъ шкафиковъ, и только по той причинѣ, что такого рода потайной складъ существуетъ въ умѣ каждаго изъ насъ: въ него ничего нельзя положить, пока не сдвинешь его позолоченныхъ стѣнокъ, которыя не что иное, какъ иностранные языки; размѣры же этихъ стѣнокъ зависятъ отъ степени личнаго развитія каждаго отдѣльнаго субъекта.

Нѣтъ сомнѣнія, что у людей есть извѣстная область ума, которая не можетъ быть разработана иначе, какъ съ помощью знакомства съ языками! Нашъ вѣкъ, безспорно, вѣкъ процвѣтанія переводной литературы; но вѣдь и помимо этого знаніе языковъ необходимо: знакомство съ иностранной бедлетристикой лишь по переводамъ не можетъ считаться полнымъ и основательнымъ. Для того же, чтобы читать въ подлинникѣ сочиненія знаменитыхъ писателей и ученыхъ,—перлы иностранныхъ наукъ и литературъ,—необходимо знать каждый изъ данныхъ языковъ. Такъ вотъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ ознакомится съ тѣмъ или другимъ иностраннымъ нарѣчіемъ, и рушатся золоченыя стѣнки его потайного шкафика и складъ его знаній все болѣе и болѣе обогащается.

Я опять-таки предпочитаю умолчать о томъ, какія именно названія языковъ стояли на стѣнкахъ моего шкафика. Впрочемъ, два изъ нихъ, я вамъ, такъ и быть, назову: это „*Китайскій*“ и „*Волапюкъ*“; объ остальныхъ же лучше и не спрашивайте: все равно не скажу!

Наконецъ, я отперъ дверцу большого, глубокаго чулана и... тутъ-то со мной приключилось нѣчто настолько сверхъестественное и любопытное, что я охотно разскажу все подробно моимъ благосклоннымъ читателямъ.

Я недавно окончилъ свой новый, послѣдній романъ. Вообразите же мое удивленіе, когда за дверью этого чулана я прежде всего наткнулся... Ну, какъ бы вы думали, на кого? На свою собственную героиню.

Нѣтъ никакого сомнѣнія: это она сама! Это ея статная, стройная фигура и горделивая осанка! Ея золотистыя, пышныя кудри и синіе, какъ васильки, большіе глаза! Да, это она, сіятельная лэди Мюріэль, дочь свѣтлѣйшаго графа Брикстона.

— Дорогая моя!—воскликнулъ я, пожимая ей руку.—Какъ я счастливъ, какъ горжусь встрѣчей съ тобою!

— Вполнѣ умѣстная гордость съ вашей стороны,—замѣтила она высокомѣрно. — Я наилучшее изо всѣхъ созданій вашего воображенія!

— Ну, положимъ, что несовсѣмъ!—возразилъ я, задѣтый за живое ея надменнымъ обращеніемъ.—Ты, конечно, мнѣ очень удалась и, по всей вѣроятности, будешь имѣть успѣхъ. Но все-таки тебѣ далеко до нравственной высоты *„Евы Джонсонъ, жены сапожника“*,—героини моего послѣдняго романа. Ты, дѣйствительно, тоже выдающееся явленіе, но только въ совершенно иномъ духѣ, въ иной средѣ: ты дочь англійскаго пэра!

— Ну, хорошо, не будемъ спорить,—сказала она,—тѣмъ болѣе, что у меня есть до васъ просьба. Прежде всего я, понятно, должна васъ поблагодарить за то, что вы меня создали. А затѣмъ я желаю, чтобы вы меня нѣсколько подправили.

— Но вы въ своемъ родѣ превосходны,—отвѣчалъ я спокойно.

— Вовсе нѣтъ! — горячо возразила она, начиная раздражаться.—Вы, напримѣръ, заставляете меня ревновать виконта Хануэлля къ простой, необразованной актрисѣ за то, что онъ бросаетъ ей на сцену мой букетъ.

— Что жъ тутъ такого? Мнѣ кажется, что для женщины этого болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы воспылать ревностью и негодованіемъ!

— Вы не такъ понимаете мой характеръ,—осмѣлилась она возразить.—Я не такая дѣвушка, чтобы подымать ссору изъ-за такихъ пустяковъ... особенно въ первомъ же томѣ! Это съ вашей стороны нехудожественно... неумѣло!..

— Простите! — перебилъ я ее, тоже начиная горячиться.—Простите, если я вамъ скажу, что *вы*-то именно и способны сильно разсердиться на виконта за его неумѣстный поступокъ и даже... въ *первомъ* томѣ! Что же касается моего недостатка умѣнья или художественнаго чувства, то ужъ отнюдь не вамъ бы объ этомъ говорить: съ вашей стороны, это просто дерзость! Мнѣ просто стыдно за васъ!

Лэди Мюріэль ударилась въ слезы.

Но за нее отозвался чей-то голосъ:

— Если вы не можете вести себя съ дамами, какъ подобаетъ джентльмену, то остается лишь пожалѣть, что вы взялись не за свое дѣло,—говорилъ виконтъ Хануэлль.

— А я просилъ бы васъ не въ свое дѣло не соваться!—сердито отвѣчалъ я.

— Но это *мое* дѣло, — холодно произнесъ виконтъ.—Вы, писатели, какъ только попадете въ свѣтское общество, такъ и заважничаете, и забываете слѣдить за собою.

Затѣмъ этотъ высокорожденный юноша окинулъ меня пре-

зрительнымъ взглядомъ, повернулся ко мнѣ спиною и принялся утѣшать лэди Мюріэль.

Я было-хотѣлъ еще кое-что ему возразить, но не успѣлъ: изъ темной глубины чулана, тѣсными кучками спѣшили ко мнѣ и другія дѣйствующія лица моего романа. Отъ нихъ отдѣлилась тощая, призрачная фигура, которую я также узналъ съ перваго взгляда: это была личность изъ второстепенныхъ,—это былъ мой сыщикъ.

Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и глухимъ, гробовымъ голосомъ проговорилъ:

— Что жъ, вы такъ и оставите меня въ этомъ видѣ?

— Конечно!—отвѣчалъ я.—Вы, въ своемъ родѣ, очень хороши и прекрасно выдержаны.

— Какъ это такъ: „*хорошъ*“? Да вѣдь я просто васъ опозорю! Во мнѣ нѣтъ ни характера, ни законченности, ни жизни! Да такое лицо, какъ я, можетъ провалить хоть какую угодно прекрасную книгу! Въ одной главѣ я появляюсь и нахожу пулю въ дорожной клеенкѣ; а затѣмъ—исчезаю безслѣдно, и обо мнѣ ни слуху, ни духу!

— Да, голубчикъ вы мой, этого требуетъ литературная перспектива! Ваша личность должна быть обрисована нѣсколькими штрихами, и, вѣрьте мнѣ, она обрисована прекрасно!.. Я вами вполнѣ доволенъ!

— Можетъ быть, оно такъ и нужно... для литературной перспективы, но все-таки это несправедливо! — настаивалъ мой сыщикъ на своемъ; однако, замѣтивъ, что я ужъ больше не намѣренъ продолжать съ нимъ начатаго пренія, отошелъ въ сторону и сталъ придираться къ группѣ личностей, еще болѣе неопредѣленныхъ, чѣмъ онъ самъ.

Мое вниманіе привлекли самыя интересныя лица моего романа: преступникъ и его сообщникъ.

Послѣдній, старый слуга, изжившій свой вѣкъ на службѣ у графовъ Брикстонъ, особенно мнѣ понравился.

Онъ былъ точь-въ-точь такой, какимъ ему и полагается быть: съ тусклыми, выцвѣвшими старческими глазами, съ рѣдкими, будто выщипанными, прядями изжелта-сѣдыхъ волосъ, въ грязномъ, потрепанномъ платьѣ, которое будто не по немъ сшито... Я узнаю даже табачныя пятна у него на рубашкѣ: это онъ,—старый, одряхлѣвшій грѣховодникъ! Онъ стоитъ передо мною и, усиленно моргая, покашливаетъ своимъ особымъ сухимъ кашлемъ со свистомъ.

— Молодецъ, Джонъ Снарлеръ! Молодецъ, старина!—вос-

клицаю я, въ неподдѣльной радости, усердно тряся его костлявую руку.

Но почтенный обломокъ старины уклонился отъ моего рукопожатія.

— Прочь! Прочь отъ меня, жалкій бумагомаратель! Неумѣлый писака!.. Убирайся, а не то...

— Что ты, Джонъ, что ты? Опомнись!—уговаривалъ я его.

— Что?! Что?!—громко ворчалъ онъ.—А вотъ что: посмотри на меня! Вотъ я весь тутъ, предъ тобою,—какъ на ладони. Я весь, съ головы до ногъ погрязшій въ грѣхахъ, обманщикъ... воръ... отравитель! Кажется, что ни есть самый негодный человѣкъ на свѣтѣ!.. Ну-съ, пока что, все это хорошо и прекрасно; но что жъ ты потомъ со мной сдѣлалъ?! Послѣ многолѣтней, запятнанной кровью и подлостью, грѣшной жизни, ты... (каковъ!) заставилъ меня терзаться угрызеніями совѣсти и каяться во всѣхъ моихъ злодѣяніяхъ. Мало того: все мое золото, добытое съ ужасными опасностями и затрудненіями,—золото, окропленное моимъ холоднымъ потомъ и горячей кровью невинныхъ людей, я добровольно жертвую на благотворительныя учрежденія и умираю въ рабочемъ домѣ съ улыбкой блаженства на устахъ, а у моего смертнаго одра благоухаютъ въ грубой жестяной кружкѣ нѣжныя весеннія фіалки!.. Нѣтъ, это ужъ просто нестерпимо! Такой типъ, какъ я, не можетъ понравиться публикѣ!

— А что жъ, по твоему, надо сдѣлать?—смиренно спросилъ я.

— А вотъ что! Пусть я попробую бѣжать потайнымъ ходомъ; пусть за мной захлопнется трапъ, и я заблужусь въ темныхъ подземныхъ ходахъ. Наконецъ, я попадаю въ винный погребъ и тамъ околѣваю, какъ песъ, до безчувствія (или, пожалуй, до бѣшенства) нализавшись шампанскаго...

— Постой, постой, голубчикъ: да вѣдь замокъ-то весь сожженъ, до тла!

— Велика важность!.. А ты его не жги! Пусть братъ-Докъ только попробуетъ его поджечь и пусть его накроютъ на мѣстѣ преступленья.

— Что за нелѣпость!—горячо возразилъ я.—Это въ конецъ погубитъ завязку!

— Никому и дѣла нѣтъ до твоей завязки: я—да онъ (указывая на преступника)—вотъ единственное, что интересно читателю... если ему вообще что-либо интересно! Дай мнѣ только околѣть какъ паршивому псу,—и твой романъ спасенъ!

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я просто разочарованъ въ тебѣ!—отвѣчалъ я ему тономъ безповоротнаго отказа,

и отошелъ отъ него, въ то время, какъ мнѣ во слѣдъ (къ моему величайшему прискорбію) посыпались самыя отборныя ругательства.

Да и не онъ одинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Всѣ мои дѣйствующія лица столпились отдѣльными кучками и горячо бесѣдовали. Особенно грознымъ казалось мнѣ волненіе въ той изъ нихъ, во главѣ которой ораторствовалъ мой циникъ „съ чуткимъ сердцемъ“,—нѣкій полковникъ Винтеръ.

(Мимоходомъ будь сказано, у нашихъ романистовъ есть-таки грѣшокъ награждать своими циниками національное войско).

Прямо передо мной, высоко надо всѣми другими, виднѣлась изящно-очерченная голова полковника и его серебристые усы, особенно рѣзко выдѣлявшіеся на его смугломъ, индійскаго оттѣнка лицѣ. Вокругъ него тѣснились его товарищи по клубу.

Поймавъ на себѣ мой взглядъ, полковникъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ безъ дальнѣйшихъ церемоній:

— Какъ прикажете, сударь, это понимать? Считаете ли вы меня просто аксессуаромъ второстепенной части вашего романа „Обреченные“, или необходимой принадлежностью самой его сути?.. Обращаюсь къ вамъ съ этимъ вопросомъ на томъ основаніи, что два лица (которыхъ, по-моему, вамъ и вовсе не слѣдовало выводить на сцену) имѣютъ дерзость утверждать, что я только такъ, *намазанъ*... да и то *мимоходомъ*?!

— Что-о? *Намазанъ*? Когда я посвятилъ полковнику несравненно больше времени и вниманія, чѣмъ кому-либо другому!.. Кто это смѣетъ говорить?—вскричалъ я въ негодованіи.

— Вотъ эти неумытыя рыла!—храбро ругнулся полковникъ, видя, что я стою за него.

— Ну-съ, прошу покорно пожаловать сюда!—обратился я къ нимъ.

Они нехотя подошли.

Вильямъ и Джозефъ Айронсайдъ были рослые, здоровенные, румяные и молодые сквайры. Говоря откровенно, я самъ былъ не особенно ими доволенъ, такъ какъ не могу сказать, чтобы былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что они вполнѣ вѣрны дѣйствительности.

Если допустить, что авторъ имѣетъ право уничтожать лицъ своего же романа, ради котораго онъ самъ далъ имъ жизнь и образность,—то, конечно, слѣдовало подвергнуть тщательному разсмотрѣнію вопросъ, поднятый полковникомъ и, сообразно съ полученными результатами, дѣйствовать немедля.

Знакомъ пригласивъ всѣхъ присутствующихъ подойти, я торжественно обратился къ нимъ, и прежде всего къ виновнымъ.

— Вильямъ и Джозефъ Айронсайдъ! Вы обвиняетесь въ оскорбленіи, нанесенномъ вами здѣсь-присутствующему отставному полковнику Винтеру. Оставивъ въ сторонѣ личныя заслуги и отличія полковника на военномъ поприщѣ, равно какъ и грустныя стеченія обстоятельствъ, побудившія его выйти въ отставку, упомянемъ лишь о томъ, что все это произошло, когда васъ еще и на свѣтѣ не было; слѣдовательно, это вовсе не ваше дѣло! Что же касается вашихъ личныхъ отношеній къ полковнику, вы могли научиться отъ него только всему хорошему: приличнымъ манерамъ и добротѣ сердечной. А между тѣмъ въ васъ настолько угасло чувство порядочности, что вы осмѣливаетесь считать полковника излишнимъ въ романѣ, гдѣ вы и сами-то не болѣе, какъ никому не нужные людишки, т.-е. настолько лишніе, насколько это можно допустить въ порядочномъ (не говорю уже: хорошемъ или выдающемся) беллетристическомъ произведеніи!

Я готовился приступить къ рѣшающему пункту своей рѣчи. Братья Айронсайдъ замѣтно блѣднѣли и бросали на меня не то вопросительные, не то умоляющіе взоры. Окружающіе были озадачены,—можно даже сказать... ошеломлены!

Картина была, дѣйствительно, достойная кисти художника.

— За это оскорбленіе,—произнесъ я громко и твердо:—я объявляю васъ *не-существующими*! Знать васъ больше не хочу, уничтожаю, предаю васъ полному забвенію! Какъ вы жили, такъ и умрите:—вмѣстѣ! Исчезните на вѣкъ!!

И театрально-торжественнымъ мановеніемъ руки я повелѣлъ имъ удалиться.

Съ отчаяннымъ воплемъ братья исчезли въ воздухѣ, и я съ гордостью оглянулся вокругъ, ожидая насладиться послѣдствіями своей расправы.

И въ самомъ дѣлѣ, результаты ея были поразительны!

Въ толпѣ произошло движеніе. Молодая женщина, на которой одинъ изъ сквайровъ женится тамъ гдѣ-то, въ главѣ, кажется XLVI, упала въ обморокъ; а миссисъ Айронсайдъ, ихъ почтенная маменька (о которой я, признаться, совсѣмъ позабылъ), принялась изрыгать на меня страшнѣйшія проклятія.

Однако, въ общей сложности, мой поступокъ былъ, повидимому, одобренъ. Въ толпѣ было замѣтно нѣкоторое возбужденіе, и ораторомъ, отъ лица всѣхъ присутствующихъ, выступилъ мой герой—злодѣй.

— Милостивый государь!—началъ онъ торжественнымъ и прочувствованнымъ тономъ.—Позвольте принести вамъ нашу искреннюю благодарность! Вы, такъ сказать, смыли пятно, портившее все

ваше художественное произведеніе!—заключилъ онъ и затѣмъ перешелъ къ изъявленію своихъ личныхъ чувствъ и воззрѣній.

— Осмѣлюсь ли принести вамъ также и мои искреннія поздравленія съ такимъ въ высшей степени художественно, ново и своеобразно очерченнымъ типомъ, какъ я? Ничего болѣе мощнаго и совершеннаго во всѣхъ своихъ деталяхъ еще не создавала мечта художника-писателя!

Ну, а по-моему, такъ ни одно изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ не было такъ слабо и такъ несовершенно, какъ то самое, которое благодарило меня за свои выдающіяся достоинства.

Этотъ злодѣй—Параффино—былъ не кто иной, какъ глава двѣнадцати человѣкъ бандитовъ, которыхъ онъ съ чисто-разбойничьей отвагой и ловкостью благополучнѣйшимъ образомъ переправилъ изъ Италіи въ Іоркширъ. Онъ у меня творитъ немало чудесъ съ обширными владѣніями сіятельнѣйшихъ графовъ Брикстонъ и въ концѣ концовъ, вслѣдствіе политическихъ недоразумѣній съ русскимъ правительствомъ, попадаетъ въ Сибирь.

— Не могу сказать, чтобы ты очень мнѣ нравился,—въ раздумьѣ отвѣчалъ я ему.

— Вамъ, собственно говоря, можетъ не нравиться только моя смерть,—сказалъ онъ на это.—Меня, по-вашему, загрызли волки; а между тѣмъ это такого рода смерть, что ее немыслимо изобразить, не бывши очевидцемъ.

— Ты вообще слишкомъ смѣло очерченъ,—продолжалъ я, пропуская мимо ушей его замѣчаніе.—Ты мнѣ положительно не нравишься, — вотъ и все тутъ!

— Но примитесь только меня исправлять,—и я окончательно пропалъ!

— Не думаю!—самоувѣренно возразилъ я.—Прежде всего, не ворочай поминутно глазищами и не скаль зубы; брось къ чорту эту дурацкую шляпу, обстриги свою косматую гриву! Въ такомъ видѣ ты, ни дать ни взять, уличный бродяга, шарманщикъ!..

Но тутъ негодяй до того забылся, что бросился на меня съ ножемъ. Устарѣлая, совершенно неумѣстная въ цивилизованной странѣ разбойничья замашка!..

— Все это надо измѣнить,—продолжалъ я съ замѣчательнымъ самообладаніемъ.—Ты вообще не подъ-стать общей художественной красотѣ моего романа и ведешь себя какъ самый заурядный головорѣзъ. Я тебя всего (слышишь ли: *всего*!) съ головы до ногъ передѣлаю и, для начала, запрещаю носить ножъ за поясомъ!

Ругаясь, какъ умѣютъ ругаться только итальянцы, Параффино отошелъ отъ меня и направился прямо къ своей шайкѣ, которая,

казалось, готова была разорвать меня на части, — такой свирѣпостью сверкали дикіе взоры разбойниковъ.

Ну, кажется, теперь я совершенно покончилъ со всѣми дѣтищами моего воображенія! Откровенно говоря, мнѣ таки-порядкомъ надоѣло ихъ приставанье. Но нѣтъ! Они все еще продолжали меня донимать.

Рослая и красивая крестьянка — необходимѣйшее лицо въ моемъ прологѣ—чрезвычайно-колко принялась допрашивать меня, къ чему именно мнѣ понадобилось, чтобы она, еще до начала романа, разрѣшилась двойнею? Развѣ ужъ это такъ-таки непремѣнно нужно? Развѣ безъ этого никакъ нельзя обойтись?

Съ примѣрнымъ терпѣніемъ я принялся объяснять ей, что она сама и ея двойники—прелестные, здоровенные мальчикъ и дѣвочка — служатъ, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется все зданіе моего романа.

За нею послѣдовали еще многіе другіе, — преимущественно женщины, отъ которыхъ я большею частію отдѣлывался обѣщаніемъ прикрасить ихъ нравственно и... физически, или вывести еще „*хоть разочекъ*!“ въ другомъ романѣ. Но кого я охотно миновалъ бы, такъ это моего юмориста; а онъ, какъ на грѣхъ, стоялъ себѣ поодаль, не сводя съ меня глазъ, и, повидимому, твердо рѣшился дождаться своей очереди.

Признаюсь, я имѣлъ основаніе опасаться встрѣчи съ нимъ. Во мнѣ нѣтъ и тѣни юмора или даже простого комизма; если же мнѣ и случается когда неожиданно сострить,—остроты мои звучатъ неумѣло и не находчиво. Слѣдовательно, мой „юмористъ“ не могъ мнѣ удаться и имѣлъ полное право быть мною недовольнымъ. Однако, не могъ же я совершенно вычеркнуть его изъ романа? Помимо всѣхъ другихъ услугъ, онъ выводитъ еще на свѣжую воду Снарлера — моего закоренѣлаго злодѣя; когда же Параффино собирается бѣжать на заранѣе приготовленномъ челнѣ, юмористъ такъ тяжеловѣсно спрыгиваетъ въ него, что утлый челнъ идетъ ко дну, а разбойникъ остается на берегу, лишенный послѣдняго пути къ спасенью... Нѣтъ, лучше ужъ съ нимъ не связываться! Лучше пойти на мировую!

Съ этой цѣлью я обратился къ юмористу со слѣдующими словами:

— Достопочтенный Евфраимъ Тарскетль! Вы хоть и послѣдній въ нашей общей бесѣдѣ, но далеко не послѣдній въ романѣ: вы даже занимаете въ немъ весьма видное мѣсто. Позвольте мнѣ пожать вашу огрубѣлую, но честную руку. Мнѣ кажется, что вы—наилучшій изо всѣхъ моихъ типовъ этого рода.

— Значитъ, всѣ они порядочная дрянь!—замѣтилъ онъ спокойно.—А я то?! Я у васъ *„шутникъ“*, *„забавникъ“* и *„весельчакъ“*!.. Помилуйте, да я за васъ краснѣю! Я—самый простой, прямодушный человѣкъ въ мірѣ; самый усердный работникъ: во мнѣ нѣтъ и тѣни юмористической закваски! Я не съумѣю отличить и оцѣнить шутку по достоинству, а если и скажу случайно что-либо смѣшное, такъ ужъ вовсе оно не такъ забавно или остроумно, чтобы всѣ присутствующіе *„помирали со-смѣху“* или *„заливались громкимъ хохотомъ“*, какъ вы безпрестанно увѣряете читателя. Сообразите-ка хорошенько: вѣдь мои шутки такъ глупы, что (съ позволенія сказать) не разсмѣшили бы и грудного младенца. А вы-то, вы-то стараетесь!.. Дѣло въ томъ, голубчикъ, что въ васъ самихъ нѣтъ, отъ природы, ни капли юмора, и, слѣдовательно, вы не можете надѣлить имъ меня. Лучше бы вамъ ужъ вовсе не браться за такіе рискованные опыты: они могутъ губительно отозваться на успѣхѣ вашего романа. Наконецъ, прежде чѣмъ познакомить со мною читателя, вы на трехъ страницахъ подробнѣйшимъ образомъ расписываете, какой я шутникъ и забавникъ. Пощадите, пощадите, голубчикъ! Вѣдь вы, такимъ образомъ, ставите насъ обоихъ въ ложное положеніе. Нехорошо это, право, нехорошо съ вашей стороны, какъ по отношенію къ бѣдному читателю, такъ и ко мнѣ!

Признаюсь, — не ожидалъ! Не ожидалъ я отъ него такой разсудительной и сравнительно спокойной тирады! Почтенный Тарскетль говорилъ такъ умно, убѣдительно и логично, и притомъ безъ малѣйшей горячности, что я просто не зналъ, какъ и что ему возразить.

Вѣкъ буду помнить, себѣ въ укоръ, какъ я тогда растерялся и какъ трусливо скомкалъ всю свою рѣчь, лишь бы хоть что-нибудь сказать, лишь бы кое-какъ выйти изъ неловкаго положенія...

— Юморъ, другъ мой Евфраимъ, — понятіе относительное,— отвѣчалъ я ему.—То, что одному смѣшно, другому—грустно. Не думайте, что комизмъ проявляется исключительно въ разговорной формѣ, или что парадоксы и смѣшливость вообще могутъ особенно нравиться. Несравненно лучше и полезнѣе обратить вниманіе на комизмъ въ обыденной жизни, гдѣ истинный, неподдѣльный юморъ чаще всего граничитъ со слезами.

Шутникъ вѣдь не всегда шутитъ: не забывайте этого, другъ мой Евфраимъ! И для него бываетъ время, когда онъ спитъ, или молится, или закрываетъ глаза на вѣки упокоившейся женѣ, сестрѣ или матери...

Слѣдовательно, и ненормально, и излишне представлять себѣ

юмориста вѣчно-смѣющимся, забавляющимся и готовымъ чуть ли не безпрерывно острить и забавлять окружающихъ. Не рисуйте его такимъ, а скорѣе покажите его читателю сквозь призму житейскихъ случайностей... И вамъ, быть можетъ, удастся тогда изобразить живого человѣка, а не бездушную куклу, и романъ вашъ будетъ настоящимъ романомъ, а не кукольною комедіей!..

Жизнь и смерть, любезный Евфраимъ, — вотъ единственные близнецы-драматурги, и наилучшими писателями, по справедливости, считаются тѣ, которые наиболѣе отъ нихъ заимствуются. Земля,—весь міръ,—вотъ та сцена, на которой разъигрываются ихъ великія творенія. А до какой степени мы, люди, передъ ними ничтожны—можно заключить изъ того, что намъ до сихъ поръ еще неизвѣстно: можетъ быть, тамъ, гдѣ-нибудь въ заоблачныхъ, необъятныхъ мірахъ разъигрываются ихъ произведенія, которыя несравненно смѣшнѣе и грустнѣе всѣхъ нашихъ земныхъ перипетій...

Тутъ я сдѣлалъ маленькую передышку, которою почтенный Евфраимъ Тарскетль поспѣшилъ воспользоваться для того, чтобы вернуться къ главному своему вопросу.

— А вы, все-таки, еще не отвѣтили мнѣ, почему вы величаете меня „*шутникомъ*“?—настойчиво спросилъ онъ.

— Да, не сказалъ... и не скажу! — былъ мой откровенный отвѣтъ.—Это большая, съ моей стороны, ошибка. Вы—человѣкъ честный, разсудительный, не говорливаго десятка;—вообще говоря, —довольно скучный человѣкъ! Я такимъ именно и представлю васъ *теперь* читателю: бо́льшаго обѣщать не могу, но и того, мнѣ кажется, съ васъ довольно.

Еслибы вы меня внимательно слушали, то вѣрно поняли бы, что̀ я хотѣлъ сказать. Впрочемъ, вамъ, очевидно, все равно, какого бы я ни былъ мнѣнія о юмористахъ вообще; что̀ же касается лично васъ, то, говоря безпристрастно, въ теоріи вы должны бы быть несравненно лучше, чѣмъ на практикѣ!

Въ это время остальныя лица моего романа воспользовались тѣмъ, что вниманіе мое было отвлечено разговоромъ съ Евфраимомъ, и усердно хлопотали надъ передѣлкой моего романа. Въ нѣсколько минутъ мои „*Обреченные*“ были, что называется, перевернуты вверхъ дномъ, и стали совершенно на себя непохожи.

Римско-католическій патеръ, который по своимъ нравственнымъ совершенствамъ могъ бы смѣло разсчитывать, что со временемъ займетъ папскій престолъ (при условіи, конечно, что для этого не требовалось бы ничего, кромѣ чистоты душевной), — повѣнчалъ лэди Мюріэль съ негодяемъ Параффино. Но это

еще не все: онъ же отлучилъ отъ церкви виконта Хануэлля на основаніи его противо-религіозныхъ убѣжденій. И это, опять-таки, вышло и глупо, и нелогично, такъ какъ у виконта не было не только религіозныхъ, но и никакихъ вообще убѣжденій!

Сыщику дали видное мѣсто, а закоснѣлому грѣшнику предоставили забраться въ погребъ и *„лизаться“* тамъ шампанскаго вволю передъ тѣмъ, какъ околѣть *„какъ псу“*.

Всѣхъ искаженій, которыя претерпѣло въ ихъ рукахъ мое дѣтище, просто не перечесть! Скажу только, что ничего болѣе уродливаго по внѣшней формѣ и по содержанію я еще не видывалъ... да вѣрно и не увижу!

— Слушайте! Слушайте всѣ вы, неудавшіеся, изуродованные плоды моего воображенія!—громко закричалъ я, видя, что надо положить конецъ ихъ безпрепятственному произволу.—Слушайте, что *я* вамъ скажу!..

Я теперь самаго низкаго мнѣнія о себѣ за то, что я создалъ, воплотилъ васъ... васъ всѣхъ,—всѣхъ до одного! Вы ходульны, неестественны... отвратительны! Хорошо еще, что время не ушло, и я могу все поправить...

Прочь отъ меня! Разсѣйтесь, исчезните опять въ тѣхъ смутныхъ видѣньяхъ, изъ которыхъ вы появились!.. Пусть *„Обреченные“* погибнутъ въ огнѣ!

Съ воплями, съ отчаяннымъ, громкимъ стенаньемъ, взбѣшенные, они все-таки повиновались и постепенно исчезли. Послѣднимъ остался лишь юмористъ.

— Вы правы,—сказалъ онъ, и въ то же время его фигура становилась все неопредѣленнѣе, а голосъ замиралъ, словно вздохъ.—Вы правы! Въ общей сложности, вашъ романъ—жалкая, неудавшаяся вещь!..

Я снова очутился одинъ въ сѣренькой, невзрачной комнатѣ, которая и сама мало-по-малу стала такъ же тускнѣть и исчезать, какъ исчезли и ея обитатели. А надо мной и вокругъ меня раскинулось гораздо болѣе обширное и свѣтлое пространство...

Уже свѣтало, когда я очнулся...

Въ то же утро рукопись моего неизданнаго романа ярко запылала въ каминѣ. И чѣмъ чаще я вспоминаю объ этомъ, тѣмъ больше прихожу къ заключенію, что этотъ актъ всесожженія былъ самымъ благороднымъ, доблестнымъ и самымъ геройскимъ поступкомъ въ моей жизни.

А. Б—г—.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ

I.

Если переживаемое нами время не можетъ быть названо эпохою великихъ реформъ, то во всякомъ случаѣ оно можетъ считаться эпохою смѣлыхъ реформаторскихъ проектовъ, благонамѣренныхъ по существу, но фантастическихъ по цѣлямъ и идеямъ.

Въ области такъ называемой внутренней политики чуть ли не ежедневно предлагаются новыя радикальныя мѣропріятія въ газетахъ злобнаго направленія, озабоченныхъ обузданіемъ и стѣсненіемъ собственнаго народа подъ предлогомъ патріотизма. Политическія программы этихъ газетъ до сихъ поръ не идутъ далѣе знаменитыхъ рецептовъ Скалозуба,—„фельдфебеля въ Вольтеры дать: онъ въ три шеренги васъ построитъ, а пикнете, такъ мигомъ успокоитъ“. Люди сомнительныхъ нравственныхъ правилъ, не разбирающіе средствъ въ достиженіи своихъ цѣлей и отрицающіе сегодня то, что говорили вчера, придумываютъ строгія правила поведенія для другихъ и берутся по-своему водворять „высокую честность“ въ обществѣ и литературѣ. Выростающіе на этой почвѣ проекты отличаются нѣкоторымъ однообразіемъ и не представляютъ особеннаго интереса, кромѣ развѣ психологическаго. Помѣщики, запутавшіеся въ долгахъ и не умѣющіе справиться съ собственнымъ хозяйствомъ, изобрѣтаютъ мѣры для принужденія крестьянъ къ правильной и разсчетливой обработкѣ ихъ надѣловъ; люди, воспитанные на чужомъ трудѣ, горячо толкуютъ о способахъ пріученія народа къ трудолюбію. Все это у насъ явленія обычныя, къ которымъ мы уже достаточно присмотрѣлись, и значительнѣйшая часть нашей читающей публики

перестала даже обращать вниманіе на безконечныя ламентаціи и постоянно смѣняющіеся реформаторскіе проекты мнимыхъ охранителей.

Но въ нелѣпостяхъ, выдаваемыхъ нынѣ за государственную мудрость, замѣчается одна характерная черта, которая придаетъ имъ особенно грустное значеніе. Утрачены руководящія идеи, обязательныя для всякой общественной дѣятельности; ослабѣло или извратилось общественное чувство, придающее живой смыслъ всѣмъ вопросамъ и задачамъ данной эпохи; потерялось сознаніе самой цѣли обычныхъ заботъ и предпріятій, касающихся народной жизни. Отношеніе къ большинству народа стало какимъ-то неяснымъ, двусмысленнымъ; интересы государства все сильнѣе и настойчивѣе отождествляются съ потребностями высшихъ классовъ, какъ будто въ небольшомъ верхнемъ слоѣ населенія заключается вся сила и будущность страны. Многіе готовы уже признать нормальнымъ и желательнымъ такое положеніе вещей, при которомъ народъ платитъ подати и ничего не получаетъ взамѣнъ, а правительственныя и государственныя учрежденія (въ томъ числѣ и школы), содержимыя на народныя средства, существуютъ только для привилегированныхъ сословій. Патріотамъ извѣстнаго оттѣнка не приходитъ вовсе въ голову вопросъ: что̀ сталось бы съ Россіею, какъ великою державою, еслибы главное ядро ея населенія обречено было по прежнему на невѣжество, культурное безсиліе и бѣдность? Не облегчится ли тогда постепенное мирное завоеваніе русской территоріи болѣе просвѣщенными и стойкими инородными элементами, какъ напр. нѣмецкими пришельцами съ запада? Только наивные поклонники бюрократизма могутъ полагаться въ этомъ отношеніи на запретительныя и предупредительныя мѣры; культурное движеніе, вытекающее изъ естественныхъ, стихійныхъ условій, совершается незамѣтно и не поддается положительному контролю,—и движеніе не остановится, пока не измѣнятся вызывающія и поощряющія его условія. Люди, хлопочущіе о сохраненіи народа во тьмѣ и о превращеніи государства въ орудіе высшихъ классовъ, готовятъ странѣ великія опасности и подвергаютъ риску самое существованіе и развитіе націи въ будущемъ. А между тѣмъ этого не видятъ и не понимаютъ публицисты, считающіе себя патріотами по призванію и по профессіи.

Съ сознательными обскурантами и фанатиками спорить безполезно; они всегда держались принципа—„après nous le déluge“. Но, къ сожалѣнію, и серьезные писатели, искренніе друзья народа, часто играютъ въ руку „охранителямъ“, увлекаясь фаль-

шивыми и безплодными теоретическими построеніями, въ ущербъ здравому пониманію дѣйствительности. Въ прошломъ году появился обширный научный трактатъ, отличающійся богатствомъ фактическаго матеріала и тонкимъ анализомъ цифровыхъ данныхъ; въ этомъ трактатѣ, на ряду съ дѣльными разсужденіями и указаніями, проводятся нѣкоторыя общія идеи, представляющія нашу новѣйшую экономическую исторію въ совершенно невѣрномъ видѣ и въ одностороннемъ искусственномъ освѣщеніи. Авторъ книги, г. Николай —онъ, стараясь примѣнить къ нашимъ условіямъ извѣстную доктрину Маркса, сходится во многомъ— незамѣтно для самого себя—съ прямыми реакціонерами, хвалителями „патріархальной“ старины. Мы отмѣтили въ свое время главнѣйшія принципіальныя ошибки и натяжки г. Николая —она, которыя дѣлаютъ всю его теорію ложною и несостоятельною [1]). Коренныя ошибки его могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ:

Во-первыхъ, г. Николай —онъ исходитъ изъ того положенія, что въ до-реформенную эпоху нашего общественнаго хозяйства господствовала народная форма производства, что орудія труда принадлежали самимъ производителямъ и что тогда не выступалъ еще на сцену сильнѣйшій бичъ трудящихся классовъ—капитализмъ. Авторъ очень много и туманно говоритъ объ этой прежней „народной формѣ производства“, хотя на дѣлѣ ея вовсе не было и не могло быть при крѣпостномъ правѣ. Не только земля не принадлежала производителямъ, но и сами производители, крестьяне, составляли чужую собственность — помѣщиковъ или казны. Въ фабрично-заводской промышленности преобладали принципы не просто капиталистическаго, а даже рабовладѣльческаго хозяйства; о принадлежности орудій производства самимъ рабочимъ не было и помину. Существовали, правда, домашніе промыслы среди крестьянъ; но эти промыслы служили большею частью для удовлетворенія потребностей не однихъ крестьянъ, но и помѣщиковъ, и составляли въ сущности одинъ изъ видовъ эксплуатаціи народнаго труда землевладѣльцами. Говорить по этому поводу о народной формѣ производства вообще, какъ о характеристической чертѣ до-реформенной эпохи,—значитъ фантазировать самымъ непозволительнымъ образомъ. Г. Николай —онъ, какъ это ни странно, смѣшалъ двѣ совершенно различныя вещи: онъ принялъ натуральную форму хозяйства за народную форму производства. Натуральное хозяйство можетъ быть и рабовладѣль-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1893, августъ и сентябрь.

ческимъ, какимъ оно и было отчасти до крестьянской реформы; а народная форма производства предполагаетъ самостоятельное положеніе производителей, совмѣщающихъ въ себѣ функціи хозяевъ и рабочихъ.

Во-вторыхъ, г. Николай —онъ утверждаетъ, что послѣ отмѣны крѣпостного права прежняя форма производства, основанная будто бы на принадлежности средствъ и орудій труда непосредственнымъ производителямъ, уступила мѣсто формѣ капиталистической, основанной на отдѣленіи средствъ производства отъ работниковъ, на экспропріаціи послѣднихъ. Разсуждая объ этой позднѣйшей экспропріаціи весьма глухо и неопредѣленно, какъ объ общемъ явленіи по-реформеннаго нашего хозяйства, авторъ въ дѣйствительности не имѣетъ въ виду главнѣйшей отрасли народнаго труда—земледѣлія, гдѣ, напротивъ, возстановилась народная форма производства, съ переходомъ части землевладѣнія отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Авторъ не могъ также имѣть въ виду фабрично-заводской промышленности, въ которой, напротивъ, смягчились прежніе способы эксплуатаціи рабочихъ. Весь процессъ отдѣленія средствъ и орудій производства отъ производителей совершался, какъ оказывается, въ одной лишь области домашнихъ промысловъ, да и тамъ собственно никакого подобнаго отдѣленія не было, а было только вытѣсненіе промысловъ фабричнымъ производствомъ, называемое почему-то авторомъ экспропріаціею. Подъ прикрытіемъ неясной и двусмысленной терминологіи, эпоха поземельнаго устройства крестьянъ, какъ самостоятельныхъ производителей, выдается за эпоху разобщенія трудящихся отъ средствъ и орудій производства, при чемъ упадокъ домашняго ткачества въ народѣ заслоняетъ собою будто бы все экономическое значеніе крестьянской реформы. Эта часть аргументаціи г. Николая —она столь же явно грѣшитъ противъ логики, какъ и первая, предполагающая господство народной формы производства при крѣпостномъ правѣ.

Въ-третьихъ, говоря о послѣдовавшемъ затѣмъ водвореніи капитализма, г. Николай —онъ опять-таки смѣшиваетъ послѣдній съ денежнымъ хозяйствомъ вообще, хотя денежное хозяйство можетъ существовать и при артельной или общинной организаціи производства. Вслѣдствіе этого смѣшенія, весь ходъ народно-хозяйственной жизни послѣ крестьянской реформы изображается въ видѣ торжествующаго шествія капиталистической формы производства, подъ которую подводятся всевозможные виды хищеній и эксплуатаціи, не имѣющіе ничего общаго ни съ какимъ производствомъ. Указывая на капитализмъ, какъ на единственный и

основной источникъ всѣхъ нашихъ экономическихъ бѣдствій, авторъ старается доказать, что и высота крестьянскихъ платежей, и разстройство сельскаго хозяйства, и затраты казенныхъ милліоновъ на желѣзно-дорожное дѣло, и разорительный для народа протекціонизмъ, и наконецъ упадокъ производительности почвы, приводящій къ неурожаямъ и голоду,—происходятъ лишь отъ торжества крупной капиталистической промышленности, сознательно поощряемой правительствомъ. Народное благосостояніе не поднимется, пока существуетъ и господствуетъ капитализмъ, подрывающій домашніе промыслы крестьянъ и отдѣляющій производителей отъ орудій и средствъ производства; поэтому безполезно понижать или даже упразднять крестьянскія подати, расширять крестьянское землевладѣніе, заботиться о переселеніяхъ, о народномъ кредитѣ, о возвышеніи производительности почвы и т. п.,—все это палліативы, которымъ нельзя придавать серьезное самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ авторъ ослабляетъ въ читателѣ вѣру въ цѣлесообразность единственныхъ практическихъ требованій, имѣющихъ шансы успѣха при нашихъ условіяхъ, и не предлагаетъ взамѣнъ ничего опредѣленнаго и осуществимаго, ибо онъ самъ, конечно, не разсчитываетъ на упраздненіе денежнаго хозяйства и крупной промышленности, съ желѣзными дорогами, банками и другими принадлежностями капитализма. Въ то же время, связывая съ капиталистическимъ строемъ всѣ злоупотребленія и ошибки финансовой и экономической политики, г. Николай —онъ косвенно оправдываетъ послѣднюю, какъ неизбѣжно вытекающую будто бы изъ сдѣланнаго разъ государствомъ выбора народно-хозяйственной системы. Между тѣмъ въ дѣйствительности бывшія хищенія, чрезмѣрныя и несправедливыя растраты народныхъ средствъ, разорительныя увлеченія и упущенія—нисколько не зависѣли ни отъ капитализма, ни отъ какого-нибудь сознательнаго плана, направленнаго къ его насажденію. Гораздо большая неразсчетливость преобладаетъ въ государственномъ хозяйствѣ Турціи или Персіи, хотя тамъ дѣлается очень мало для развитія капиталистической формы производства.

Въ-четвертыхъ, въ разсужденіяхъ г. Николая —она замѣчается крайняя неясность и противорѣчивость въ основномъ взглядѣ на экономическую роль государства: съ одной стороны, онъ какъ будто придаетъ правительственнымъ и законодательнымъ мѣрамъ только второстепенное, производное значеніе, опредѣляемое исключительно народно-хозяйственными процессами и условіями, а съ другой — приписываетъ государству возможность выбора любой

системы хозяйства для цѣлаго народа. У насъ правительство послѣ крестьянской реформы имѣло будто бы выборъ между общинною формою промышленности и капиталистическою, и оно предпочло послѣднюю, къ великому ущербу для народа. Общинная форма производства выставляется при этомъ какъ существовавшая искони не въ одномъ только земледѣліи, а во всей вообще промышленности, въ томъ числѣ и крупной и фабрично-заводской. Это фантастическое положеніе высказывается, по обыкновенію, такъ неопредѣленно и глухо, что не сразу обращаетъ на себя вниманіе читателя. И въ этомъ случаѣ употребляется авторомъ тотъ же указанный выше пріемъ двусмысленной терминологіи и умолчанія. Государство будто бы не поддержало (т.-е., вѣрнѣе, не создало) общинной или артельной организаціи разныхъ промышленныхъ предпріятій и учрежденій, фабрикъ и заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и банковъ, а позволило дѣйствовать капиталистамъ, отдѣльнымъ предпринимателямъ и акціонернымъ компаніямъ; теперь, послѣ горькаго опыта прошлаго и особенно послѣ голода 1891 года, необходимо поправить ошибку и повернуть на другую дорогу: государство должно отречься отъ капитализма и устроить промышленность на общинныхъ и артельныхъ началахъ. Авторъ, придающій такое роковое значеніе для всего народнаго хозяйства подрыву домашнихъ промысловъ фабричнымъ производствомъ и усматривающій въ этомъ подрывѣ „экспропріацію“, дѣлаетъ затѣмъ неожиданный выводъ, что не было вовсе надобности поддерживать мелкую домашнюю промышленность и что она во всякомъ случаѣ осуждена на гибель. Мелкіе промыслы должны уступить мѣсто крупному усовершенствованному производству, сосредоточенному въ сельскихъ общинахъ. Заманчивыя мечты въ маниловскомъ вкусѣ, не имѣющія никакой точки опоры въ реальныхъ условіяхъ нашей жизни, очень мало вяжутся также съ общею теоріею автора, по которой экономическій строй общества опредѣляется внутренними процессами, совершающимися въ народномъ хозяйствѣ, и кладетъ свой отпечатокъ на все направленіе государственной дѣятельности.

Г. Николай —онъ съ замѣчательною точностью и съ большимъ искусствомъ разбирается въ обширномъ цифровомъ матеріалѣ; но его выводы и обобщенія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Анализъ у него очень хорошъ, но синтезъ никуда не годится. Бѣдствія наши, какъ указывали мы при разборѣ его книги, происходятъ не отъ капиталистической формы производства, насаждаемой государствомъ, а отъ причинъ болѣе простыхъ и явныхъ, коренящихся въ особенностяхъ всего нашего общественнаго и

политическаго быта. „Эксплуатація народныхъ средствъ и силъ производится у насъ еще первобытными способами, безъ участія какихъ-либо усовершенствованныхъ промышленныхъ формъ. Капитализмъ предполагаетъ все-таки извѣстную производительную дѣятельность; у насъ дѣло эксплуатаціи и хищеній обходится гораздо проще, безъ всякаго реальнаго производства. Никакого экономическаго процесса тутъ нѣтъ, а есть только безпорядочное грабительство, превращающее плодородныя земли въ заброшенныя пустоши и заставляющее многія тысячи семействъ кочевать безпомощно по обширнымъ пространствамъ Россіи, въ поискахъ за новыми мѣстами, подальше отъ родныхъ деревень“ [1]).

Въ своемъ обстоятельномъ отвѣтѣ на наши замѣчанія [2]), г. Николай —онъ совершенно умалчиваетъ о главныхъ принципіальныхъ возраженіяхъ, резюмированныхъ нами выше, и приписываетъ намъ простое указаніе на то, что „причинъ экономическаго упадка—нѣсколько“ и что важнѣйшая изъ нихъ—„высокія подати“, о которыхъ много говорится и въ книгѣ критикуемаго автора. Подати, какъ сказано было въ нашей статьѣ, шли на „обогащеніе промышленныхъ и желѣзно-дорожныхъ дѣятелей, на раздачу премій сахарозаводчикамъ, на поощреніе вывоза товаровъ за границу“, т.-е., по толкованію г. Николая —она, именно на поощреніе и насажденіе капитализма, какъ доказывается въ его трактатѣ. Выходитъ, что мы будто бы подтверждаемъ и повторяемъ его доводы, думая опровергать ихъ. Нечего и пояснять, что непроизводительное употребленіе собираемыхъ съ народа милліоновъ въ пользу вліятельныхъ кружковъ и лицъ, въ связи съ полнымъ невниманіемъ къ жизненнымъ интересамъ огромнаго большинства населенія, имѣетъ очень мало общаго съ сознательнымъ поощреніемъ какой-либо формы промышленности, тѣмъ болѣе когда промышленность и безъ того даетъ крупные барыши и не нуждается вовсе (какъ, напр., сахарная) въ субсидіяхъ на народный счетъ. Но г. Николай —онъ доволенъ своимъ полемическимъ пріемомъ, который позволяетъ ему вновь излагать отмѣченные нами оригинальные взгляды, какъ будто противъ нихъ ничего высказано не было. Онъ опять пересказываетъ теперь свою фантастическую исторію народнаго хозяйства до и послѣ крестьянской реформы, пользуясь всецѣло тѣмъ историческимъ пониманіемъ, которое нашелъ у Маркса.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1893, сентябрь, стр. 331—2.

[2]) „Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія“, въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1894, апрѣль. Статья еще не окончена, но и появившаяся первая часть даетъ достаточно поводовъ къ недоумѣніямъ.

По мнѣнію автора, отмѣна крѣпостного права совершилась потому, что крѣпостной трудъ былъ „крайне мало производителенъ“ и что эта непроизводительность выяснилась при „первомъ столкновеніи съ силою, въ основѣ которой лежала культура болѣе развитая, трудъ болѣе производительный“. Оказалось, что „весь строй нашей хозяйственной жизни покоился на формахъ слишкомъ узкихъ, на формахъ, задерживающихъ развитіе производительности труда, на формахъ, которыя совершенно не соотвѣтствовали тому развившемуся производству, какое въ то время было въ западной Европѣ. Крымская война обнаружила всю несостоятельность экономическаго строя, который казался такимъ непоколебимымъ“... Въ дѣйствительности, конечно, потерпѣлъ крушеніе весь общественно-политическій строй, основанный на всевластіи и произволѣ небольшого привилегированнаго класса съ одной стороны, и на безправіи и невѣжествѣ народной массы—съ другой; экономическіе интересы и вопросы играли при этомъ второстепенную и побочную роль. Помѣщики находили для себя крѣпостной трудъ весьма производительнымъ; землевладѣльцы и теперь не прочь бы пользоваться этимъ даровымъ трудомъ. Правительство сознавало несостоятельность прежняго порядка не съ точки зрѣнія производства, а съ точки зрѣнія реальной силы и жизненности цѣлаго государства. Крымская война убѣдила всѣхъ, что одной внѣшней организаціи и суровой дисциплины недостаточно для могущества и крѣпости государства, что необходимы еще умственныя и культурныя основы, безъ которыхъ все зданіе окажется построеннымъ на пескѣ. Г. Николай —онъ упоминаетъ мимоходомъ о „болѣе развитой культурѣ“ противниковъ Россіи во время крымской войны; но этимъ словамъ дается узкій экономическій смыслъ, свидѣтельствующій о крайне одностороннемъ и мелкомъ взглядѣ на исторію. Изъ разсужденій автора слѣдуетъ заключить, что не будь интересовъ производства—крѣпостное право могло бы существовать и понынѣ, и еслибы вновь была доказана теперь производительность крѣпостного труда, послѣдній могъ бы быть возстановленъ въ прежней силѣ. Это стремленіе видѣть и отыскивать во всей человѣческой исторіи одни лишь мотивы промышленнаго производства представляется г. Николаю —ону обязательнымъ для всякаго, кто придаетъ значеніе „хозяйственнымъ интересамъ, вопросамъ о существованіи“; но интересы производства далеко не совпадаютъ съ вопросами существованія, и послѣдніе чувствуются не тѣми, кто дѣлаетъ исторію. Для самихъ крестьянъ крѣпостной трудъ никогда не былъ производительнымъ, и крѣпостныя отношенія не вызывались для народа никакими

интересами существованія. Объяснять отмѣну крѣпостного права условіями и выгодами производства—значитъ, очевидно, держаться той ложной идеи, что въ человѣкѣ нѣтъ другихъ побужденій, кромѣ лавочныхъ и карманныхъ.

Г. Николай —онъ и въ своемъ новомъ этюдѣ упорно отождествляетъ исторію нашего крестьянскаго землевладѣнія съ исторіею промышленности и торговли. Чисто земледѣльческій вопросъ объ общинѣ онъ переноситъ въ область фабрично-заводской предпріимчивости, серьезно утверждая, что общинные принципы обнимали и послѣднюю. Послѣ крестьянской реформы предстояло будто бы устроить на новыхъ началахъ не только поземельный бытъ, но и всю вообще промышленность страны. Споры шли о томъ, предоставить ли промышленность частнымъ интересамъ, или поддержать „развитіе института, который лежалъ въ основѣ крестьянскаго землевладѣнія". Въ поземельномъ строѣ рѣшено было сохранить общину, и „въ этомъ случаѣ интересы народнаго благосостоянія взяли верхъ. Что же касается до обработывающей и добывающей промышленности, то эти отрасли предоставили въ руки частной иниціативы. Эта раздвоенность гибельно отразилась на дальнѣйшемъ развитіи нашего общественнаго хозяйства" и т. д. Гдѣ и когда рѣшался у насъ вопросъ о примѣненіи общинныхъ началъ къ обработывающей и добывающей промышленности, — остается совершенно непонятнымъ. Такого вопроса вовсе не существовало, и онъ не могъ даже возникнуть, ибо промышленная дѣятельность имѣла уже весьма опредѣленныя, издавна установившіяся формы, которыя почти не затрогивались отмѣною крѣпостного права. Частныя предпріятія всегда господствовали въ крупныхъ промышленныхъ дѣлахъ, безъ всякой связи съ общиною, и промышленность вообще не подлежала какой-либо новой организаціи, подобно землевладѣнію. Для насъ непостижимо, что̀ именно могло послужить автору основаніемъ для его невѣроятной, столь настойчиво повторяемой сказки. „Такъ или иначе, говоритъ онъ, но на смѣну крѣпостническихъ хозяйственныхъ отношеній явилось производство капиталистическое, развитіе котораго,—разъ оно было признано потребностью страны,—не могло не быть поощряемо". Крѣпостническія хозяйственныя отношенія касались только земледѣлія, гдѣ послѣ реформы утвердилась крестьянская община; а капиталистическое производство водворилось въ промышленныхъ предпріятіяхъ и въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ, гдѣ оно существовало и раньше. Какимъ же образомъ прежнія сельско-хозяйственныя отношенія могли уступить мѣсто промышленнымъ и фабрично-заводскимъ?

Здѣсь мы видимъ уже прямую путаницу, которая возведена авторомъ въ систему. Тутъ нельзя даже предположить, что подъ капиталистическимъ производствомъ разумѣется просто денежное хозяйство. Государство, устроивая будто бы промышленность на новыхъ основаніяхъ, предпочло передать ее въ руки частной иниціативы и способствовать развитію капиталистическаго производства, вмѣсто того, чтобы поддержать общинный принципъ, унаслѣдованный отъ прошлаго въ сферѣ промышленной дѣятельности. Такова легенда, придуманная авторомъ для объясненія неблагопріятныхъ перемѣнъ, совершившихся въ нашемъ народномъ хозяйствѣ со времени крестьянской реформы. Весь дальнѣйшій ходъ нашей экономической политики логически вытекаетъ будто бы изъ перваго рѣшенія, принятаго государствомъ,—замѣнить небывалую общинную промышленность капиталистическою, основанною на индивидуальныхъ интересахъ и существовавшею на дѣлѣ съ давнихъ временъ въ тѣхъ или другихъ формахъ. „Итакъ,—заключаетъ г. Николай —онъ,—избравъ путь поощренія и насажденія капиталистической формы производства, мы тѣмъ самымъ фатально, неизбѣжно должны были опереться для полученія государственныхъ доходовъ на какой-нибудь другой классъ, а не на классъ поощряемый". Дальше все шло по установленной разъ программѣ, въ силу сознательнаго плана, внушеннаго, повидимому, коварнымъ „капитализмомъ", — ибо, какъ повторяетъ авторъ, „капиталистическое хозяйство пользуется государственными средствами (основанными на податяхъ и налоговомъ обложеніи), этою сосредоточенною и организованною силою, чтобы явиться на свѣтъ", т.-е. оно дѣйствуетъ и подчиняетъ себѣ государственную власть даже прежде, чѣмъ само появилось на свѣтъ Божій. До чего доходитъ коварство!

Крестьянскіе платежи нужны были капитализму, и потому „не только не могли быть уменьшены, но должны были увеличиться". Безъ этихъ непосильныхъ податей „не было бы желѣзныхъ дорогъ, этого фундамента, безъ котораго не могло быть построено зданіе капитализма. Желѣзныя дороги способствовали капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ подняло арендныя цѣны". Вѣроятно и то обстоятельство, на которое указываетъ авторъ въ своей книгѣ, — что желѣзныя дороги, почти цѣликомъ построенныя на казенныя средства, были неправильно оставлены въ частныхъ рукахъ и вслѣдствіе этого стоили и продолжаютъ стоить казнѣ несравненно больше милліоновъ, чѣмъ бы слѣдовало,—вѣроятно и это обстоятельство входило въ планъ насажденія новой формы производства. „Разъ эта сто-

рона дѣла была исполнена, этимъ самымъ подготовлялась почва для совершавшейся капитализаціи промысловъ... Когда почва для капитализаціи промысловъ была достаточно подготовлена, тогда наступила пора вмѣшательства въ пользу дальнѣйшаго развитія капиталистической обрабатывающей и добывающей промышленности, наступила пора повышенія таможенныхъ пошлинъ, т.-е. опять-таки обложенія населенія для насажденія капитализма". Словомъ, все совершается по заранѣе обдуманной системѣ, и даже самыя тягостныя и разорительныя для народа мѣропріятія получаютъ свое оправданіе. Какъ ни желательно, — говоритъ г. Николай —онъ,—переложить подати съ крестьянства на другія сословія, но „развивающаяся форма капиталистическаго производства исключаетъ эту возможность облегченія податной тягости въ сколько-нибудь замѣтной степени, и не иное что, какъ именно эта форма,—при тѣхъ условіяхъ среды, въ которыхъ она развивается,—есть основная причина нашего бѣдственнаго хозяйственнаго положенія"; поэтому, „какъ бы ни были велики подати, которыя лежатъ на крестьянскомъ хозяйствѣ и тормозятъ его развитіе, но онѣ, эти подати, представляютъ естественное слѣдствіе новой формы, которую приняло производство, — слѣдствіе капитализаціи его", т.-е. вытѣсненія домашнихъ и кустарныхъ промысловъ крупною промышленностью. Эта безнадежная сторона вопроса кажется автору настолько ясною, что останавливаться на ней значило бы, по его мнѣнію, „ставить слишкомъ низко пониманіе читателя". Усиленный протекціонизмъ также имѣлъ въ своей основѣ сознательныя капиталистическія цѣли. „Быстрая капитализація промысловъ стала возможною только благодаря повышенію пошлинъ, которыя и повышены-то были ради быстрѣйшей капитализаціи ихъ". Затѣмъ, „для поддержанія тѣхъ отраслей промышленности, которыя были поставлены на ноги при помощи крупныхъ жертвъ, найдено было необходимымъ расширить рынокъ и перенести его за предѣлы страны. Но соперничать на иностранныхъ рынкахъ можно было только дешевизной товара. И вотъ, для поддержанія, напримѣръ, винокуренной и сахарной промышленности, введены были вывозныя преміи, которыя опять-таки всею тяжестью ложились на плательщиковъ податей и тѣмъ самымъ сокращали внутренній рынокъ". Что въ этомъ случаѣ играло большую роль старое заблужденіе, извѣстное подъ именемъ теоріи торговаго баланса, — объ этомъ авторъ не упоминаетъ, чтобы не нарушить цѣльности картины появленія и торжества „новой формы производства". Если развитіе производительныхъ силъ государства послѣ отмѣны крѣпостного права

„не представлялось въ иной формѣ, какъ въ капиталистической, то несомнѣнно форму эту слѣдовало поощрять, а ужъ никакъ не отягощать какими-нибудь непосильными (?) налогами, которые поэтому приходилось взимать главнымъ образомъ съ крестьянства". Никто, разумѣется, не предлагалъ отягощать промышленниковъ „непосильными налогами", превышающими извѣстный процентъ съ дохода; но нельзя понять, почему надо было отказаться отъ посильнаго подоходнаго налога съ капиталистовъ на томъ основаніи, что они обязаны своими непомѣрно крупными барышами таможенному и иному покровительству. Правда, авторъ полагаетъ, что отъ этого переложенія части податей на торгово-промышленныя предпріятія не особенно значительно облегчилось бы податное бремя крестьянъ; но даже небольшое облегченіе имѣетъ свою цѣну для неимущихъ, а промышленные хозяева, отягощаемые при содѣйствіи государства барышами, могли бы быть отягощаемы и податями, необходимыми для государства, — безъ всякаго ущерба для процвѣтанія „новой формы производства".

Мы не имѣемъ въ виду полемики и не станемъ разбирать странные пріемы г. Николая — она при обсужденіи серьезныхъ политико-экономическихъ споровъ. Въ этихъ пріемахъ виденъ вѣрный ученикъ и подражатель знаменитаго нѣмецкаго теоретика, тяжеловѣснаго Карла Маркса, предъ авторитетомъ котораго онъ преклоняется безусловно и исключительно. Чтобы опровергнуть какое-нибудь мнѣніе (напр. проф. А. И. Чупрова), онъ считаетъ достаточнымъ привести несогласную съ нимъ цитату изъ Маркса; простая ссылка на учителя замѣняетъ для него логическіе аргументы. Другихъ экономистовъ, кромѣ Маркса, онъ вообще не признаетъ. Мы указали въ свое время на это удивительное одностороннее подчиненіе чужому авторитету, особенно характерное въ людяхъ, отвергающихъ господство индивидуализма; по этому поводу авторъ хочетъ увѣрить своихъ читателей, что мы отрицаемъ всякіе научные авторитеты и что, по нашему мнѣнію, писатели, проповѣдующіе принципы общиннаго хозяйства, „должны отрѣшиться отъ всего умственнаго наслѣдія, которое они получили, — должны забыть о существованіи Коперниковъ, Галилеевъ, Ньютоновъ, Кеплеровъ, Дарвиновъ, Гельмгольцевъ, Лессинговъ, Дидро, Бѣлинскихъ (!), и пр. и пр., чтобы не подчиниться своего рода капиталистамъ-предпринимателямъ". „Какова ѣдкость-то и каково остроуміе, — добавляетъ г. Николай — онъ: — Галилей или Дарвинъ своего рода капиталистъ-предприниматель!" Нечего и говорить, что эти заключенія и остроты придуманы совершенно напрасно. Тревожить имена Коперниковъ и Гали-

леевъ для оправданія нелѣпаго преклоненія предъ каждымъ словомъ Маркса—значитъ уже въ самомъ дѣлѣ „ставить слишкомъ низко пониманіе читателя“. Мы вовсе не ради остроумія сравнили положеніе Маркса (а не Галилея или Дарвина) съ положеніемъ капиталиста-предпринимателя, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ заслуги многихъ работниковъ и ревниво оберегающаго свою фирму отъ неудобной конкурренціи. Марксъ, который самъ очень много заимствовалъ у старыхъ англійскихъ экономистовъ, выступалъ горячимъ приверженцемъ литературнаго капитализма, спеціально относительно своихъ работъ; онъ не только усердно ограждаетъ свое мнимое право собственности даже противъ покойнаго Лассаля, превосходившаго его по таланту, но разыскиваетъ литературныя кражи и между посторонними теоретиками, въ томъ числѣ такими, какъ Мальтусъ [1]). Къ Прудону, Лассалю и Родбертусу онъ относится враждебно, какъ къ соперникамъ. Если эта слабость извинительна въ ученомъ писателѣ, олицетворявшемъ собою цѣлое движеніе въ области рабочаго вопроса, то для его послѣдователей не имѣло уже смысла возводить ее въ какой-то культъ, обязывающій признавать пророкомъ одного лишь Маркса. Въ наукѣ нѣтъ пророковъ, которымъ надо было бы подчиняться безпрекословно, безъ критики и безъ провѣрки. Признаніе этой элементарной истины, очевидно, не имѣетъ абсолютно ничего общаго ни съ отрицаніемъ научныхъ авторитетовъ, ни съ отказомъ отъ умственнаго наслѣдія Галилеевъ и Коперниковъ.

То, что вновь разсказываетъ г. Николай —онъ о хозяйственной идилліи до-реформенной эпохи, о принадлежности средствъ производства самимъ производителямъ-крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ и о позднѣйшемъ отдѣленіи работниковъ отъ орудій труда, состоитъ изъ ряда натяжекъ, сшитыхъ бѣлыми нитками. Рѣчь идетъ о крестьянахъ вообще, но въ сущности имѣются въ виду государственные крестьяне; говорится о народныхъ „правовыхъ отношеніяхъ“, вполнѣ согласованныхъ съ формами производства, — когда эти правовыя отношенія подчинены были произволу помѣщиковъ или зависѣли отъ указаній и распоряженій казенныхъ присутственныхъ мѣстъ. Послѣ отмѣны крѣпостного права,—какъ мы объясняли въ своей статьѣ, на которую возражаетъ авторъ, — дала себя сильно почувствовать та особенность нашихъ „общихъ гражданскихъ законовъ“, что они, въ отличіе

[1]) Объ этомъ упоминалось въ „Вѣстникѣ Европы“ еще въ 1878 году (сентябрь, стр. 24).

отъ иностранныхъ кодексовъ, были составлены спеціально для небольшой части населенія—помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ,—и стали сразу примѣняться къ новому многомилліонному классу свободныхъ сельскихъ обывателей, для которыхъ вовсе не были предназначены. Не заключая въ себѣ никакихъ постановленій, приноровленныхъ къ условіямъ крестьянскаго быта,—хотя бы въ родѣ существующихъ во всѣхъ иностранныхъ кодексахъ,—наши гражданскіе законы должны были неизбѣжно произвести насильственную юридическую ломку, крайне вредную и разорительную для народа, безъ всякихъ разумныхъ, сознательныхъ къ тому мотивовъ. Ломка эта не могла быть ничѣмъ оправдываема уже потому, что она не была намѣренна и являлась лишь послѣдствіемъ столь обычныхъ у насъ законодательныхъ упущеній и пробѣловъ. Чтобы яснѣе освѣтить нашу мысль, мы привели нѣкоторыя постановленія французскаго и итальянскаго кодексовъ о сельскихъ отношеніяхъ, параллельно съ нашими „общими", т.-е. собственно дворянско-купеческими гражданскими законами, выработанными еще въ эпоху крѣпостного права [1]). Г. Николай—онъ предпочелъ почему-то взять изъ нашего изложенія отдѣльныя фразы и перетолковать ихъ въ смыслѣ прямо противоположномъ дѣйствительному. По его увѣренію, мы утверждаемъ будто бы, что юридическая ломка была естественнымъ результатомъ перемѣны условій производства, что общіе гражданскіе законы соотвѣтствовали измѣнившимся хозяйственнымъ отношеніямъ крестьянства и что послѣднее было экономически „приспособлено для воспріятія" этихъ общихъ законовъ. Такимъ образомъ, мы вполнѣ раздѣляемъ будто бы тотъ „мелкій лавочный взглядъ", что „господствующія формы производства ведутъ за собою соотвѣтственныя (какъ наши „общіе законы"!) юридическія нормы". Конечно, мелкимъ лавочнымъ взглядомъ на исторію мы назвали нѣчто совершенно другое, а вовсе не признаніе соотвѣтствія юридическихъ нормъ хозяйственнымъ отношеніямъ; это соотвѣтствіе мы, напротивъ, всегда считали обязательнымъ и необходимымъ [2]). Но передѣлка нашихъ замѣчаній понадобилась г. Николаю—ону для того, чтобы найти въ нихъ „глубокое противорѣчіе" и снабдить эту находку комментаріями, избавляющими отъ обсужденія предмета по существу. Эти далеко не оригиналь-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1893, августъ, стр. 736—7, а также въ статьяхъ „о новомъ гражданскомъ кодексѣ" (1883, авг.), о поземельномъ вопросѣ (1885, мартъ и апрѣль, и 1890, сент.—дек.) и др.

[2]) Ср. статью „Правовѣдѣніе и политическая экономія", въ „Словѣ", 1879, октябрь, и „Соціальный вопросъ и ученые юристы" „В. Е"., 1894, январь.

ные полемическіе пріемы, вѣроятно, и должны служить тѣмъ отвѣтомъ на „принципіальныя возраженія", о которомъ авторъ упоминаетъ въ началѣ своего этюда.

Что дѣйствительно мало кѣмъ замѣчается фактъ несоотвѣтствія „общихъ законовъ" условіямъ и потребностямъ большинства трудящагося населенія въ современныхъ культурныхъ государствахъ,—это можно видѣть, напримѣръ, изъ свидѣтельства вѣнскаго профессора Антона Менгера, который, обращая вниманіе на указанное несоотвѣтствіе, заявляетъ прямо, что онъ одинъ только изъ нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія правовыхъ интересовъ рабочаго класса [1]). Составители и исполнители законовъ, принадлежащіе по рожденію и воспитанію къ высшимъ и среднимъ слоямъ общества, добросовѣстно считаютъ обычныя господствующія идеи своей общественной среды незыблемыми основами общаго порядка и благоденствія, почему и не замѣчаютъ крайней односторонности принятыхъ юридическихъ началъ и институтовъ. Г. Николай —онъ держится другого мнѣнія: по его словамъ, если разсматриваемое явленіе „кѣмъ и не замѣчается, то именно господами Слонимскими, которые въ констатированіи того факта, что господствующія формы производства ведутъ за собою соотвѣтственныя юридическія нормы, видятъ мелкій лавочный взглядъ". Мало того: свое толкованіе этого факта онъ навязываетъ намъ, ссылаясь на одну цитату, изъ которой (вѣроятно, по недосмотру) выпускаетъ существенныя строки, дающія указанному обстоятельству не „производственное", а чисто психологическое объясненіе. Мы не могли бы сказать, что односторонность составителей законовъ зависитъ отъ господствующей въ ихъ средѣ „формы производства", такъ какъ законы выработываются и примѣняются учеными юристами, воспитанными на римскомъ правѣ, которое по существу своему имѣетъ мало общаго съ новѣйшимъ промышленнымъ капитализмомъ.

Основные положительные выводы г. Николая— она, повторяемъ, совершенно произвольны и фантастичны; но хозяйственныя явленія, изслѣдованныя имъ, не возбуждаютъ сами по себѣ никакихъ споровъ и въ общихъ чертахъ были хорошо извѣстны всѣмъ, до выхода его поучительной и во многомъ интересной книги. Никто не сомнѣвается въ томъ, что послѣ крестьянской реформы совершился въ области земледѣлія переходъ онъ натуральнаго хозяйства къ денежному и что крестьяне вынуждены

[1]) Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, von Dr. Anton Menger, Prof. der Rechte an der Universität Wien, Tübingen, 1890.

отчуждать больше продуктовъ и труда для добыванія наличныхъ денегъ на уплату податей и всякихъ сборовъ, на покупку необходимыхъ предметовъ и хозяйственныхъ принадлежностей. Не подлежитъ также сомнѣнію, что домашніе промыслы крестьянъ въ нѣкоторыхъ значительныхъ отрасляхъ производства пришли въ упадокъ и что крупная промышленность искусственно поощрялась въ ущербъ народной земледѣльческой производительности, подъ вліяніемъ ошибочнаго взгляда на фабрики и заводы, банки и акціонерныя предпріятія, какъ на спеціальныя, необходимыя орудія цивилизаціи и прогресса. Можно доказывать—и легко доказать,—что это одностороннее направленіе экономической политики крайне вредно отражалось на благосостояніи крестьянскаго большинства; но относить къ капитализму, какъ къ извѣстной формѣ производства, всѣ культурно-экономическія перемѣны и событія послѣднихъ тридцати лѣтъ, начиная съ постройки желѣзныхъ дорогъ, — было бы безусловно несправедливо и неосновательно. По теоріи г. Николая —она, все, что дѣлалось хорошаго и дурного въ области государственнаго и народнаго хозяйства было дѣйствительно нужно для насажденія капитализма; нужны были и непосильныя подати съ крестьянства, и высокія таможенныя пошлины, и вывозныя преміи, ибо безъ нихъ не достигла бы процвѣтанія крупная промышленность. Эта теорія, совпадающая въ сущности съ разсужденіями и доводами ярыхъ защитниковъ покровительственной системы, сводится въ концѣ концовъ къ полному оправданію всей хозяйственной дѣятельности государства, такъ какъ съ одной стороны трудно было не отдать предпочтенія усовершенствованнымъ капиталистическимъ способамъ производства предъ первобытными домашними промыслами, а съ другой стороны—нельзя было отказаться отъ устройства желѣзныхъ дорогъ ради избѣжанія невыгодныхъ для крестьянства послѣдствій капитализма. Проф. Д. И. Менделѣевъ также находитъ, что тягостныя для народа финансовыя и экономическія мѣры были необходимы для развитія крупной промышленности; и онъ такъ же точно убѣжденъ, что безъ высокихъ податей, таможенныхъ пошлинъ, вывозныхъ премій и субсидій не могли бы существовать и развиваться многія важныя отрасли производства, какъ, напр., сахарные заводы или нефтяное дѣло. Исходныя точки и заключительные выводы обоихъ писателей совершенно различны; но практическія положенія для настоящаго времени—одинаковы, если оставить въ сторонѣ невыясненный еще баснословный проектъ г. Николая —она относительно передачи круп-

ныхъ промышленныхъ предпріятій въ руки бѣдныхъ крестьянскихъ общинъ, лишенныхъ еще пока элементарныхъ школъ.

Насколько вѣрно мнѣніе г. Николая —она и проф. Менделѣева о логической цѣлесообразности и необходимости щедрыхъ покровительственныхъ мѣръ для созданія и поощренія крупной промышленности, показываетъ весьма ярко и убѣдительно забытая нынѣ исторія нашего свеклосахарнаго производства. Процвѣтаніе у насъ сахарнаго дѣла составляетъ любимый и наиболѣе краснорѣчивый аргументъ въ пользу энергическаго и послѣдовательнаго протекціонизма; проф. Менделѣевъ много распространяется объ этомъ блестящемъ примѣрѣ успѣшнаго творческаго дѣйствія „благодатнаго дождя мѣропріятій". Однако, миражъ исчезаетъ, если подойти поближе къ фактамъ. Основатель свеклосахарной промышленности въ юго-западномъ краѣ, графъ А. А. Бобринскій, умершій въ 1868 году, вынужденъ былъ еще въ своемъ предсмертномъ сочиненіи доказывать министерству финансовъ, что развитіе свеклосахарнаго производства не вредитъ интересамъ государственной казны; онъ смѣло оспаривалъ „размашисто-произвольное заключеніе, служащее объясненіемъ всѣхъ несообразностей, заключающихся въ оффиціальныхъ статьяхъ, а именно, что не свеклосахарная промышленность нуждается въ покровительствѣ русскаго правительства, но колоніальная". Графъ Канкринъ былъ противъ развитія туземнаго свеклосахарнаго производства, такъ какъ опасался уменьшенія таможеннаго дохода съ колоніальнаго сахарнаго песку, который выписывался петербургскими рафинадными заводчиками изъ Англіи. Тѣмъ не менѣе туземное производство развивалось и принимало все болѣе значительные размѣры, благодаря усиліямъ Мальцева, Герарда, графа Бобринскаго, Маслова и другихъ предпринимателей-заводчиковъ, главнымъ образомъ землевладѣльцевъ. Министръ Канкринъ сказалъ въ 1834 году С. А. Маслову слѣдующія замѣчательныя слова, записанныя буквально въ воспоминаніяхъ послѣдняго о графѣ Бобринскомъ: „*Вотъ одно изъ самыхъ глупѣйшихъ предпріятій русскихъ дворянъ—это свеклосахарная промышленность*". Охранительная пошлина возвышалась уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ явныхъ и быстрыхъ успѣховъ свеклосахарнаго дѣла, безъ всякихъ ходатайствъ его представителей,—и очевидно безъ особенной въ томъ надобности. Министерство финансовъ наибольше заботилось объ интересахъ петербургскихъ рафинадныхъ заводчиковъ, получавшихъ изъ-за границы колоніальный тростниковый сахаръ. Между прочимъ, Масловъ сообщаетъ о „безстыдномъ обманѣ", которому поддался преемникъ Канкрина, Врон-

ченко, относительно мнимаго урагана на островѣ Кубѣ, разорившаго будто бы сахарныя плантаціи и повторившагося въ 1846—1847 годахъ; изъ за этого была понижена пошлина съ привознаго сахара въ кускахъ исключительно для рафинадныхъ заводчиковъ, что давало имъ барыша до 600 тысячъ рублей въ годъ. Затѣмъ выработанъ былъ проектъ налога на туземное производство для поддержанія рафинадныхъ заводовъ. Министръ Вронченко прямо заявлялъ, что нужно „*стѣснить*“ свеклосахарную промышленность; то же самое было и при его преемникѣ Брокѣ [1]). Таковъ былъ „благодатный дождь мѣропріятій“, подъ которымъ выросла и окрѣпла одна изъ богатѣйшихъ отраслей нашей крупной промышленности. Такъ отвѣчаютъ факты на теоретическія положенія, въ которыхъ г. Николай —онъ сходится съ проф. Д. И. Менделѣевымъ.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Воспоминанія о графѣ Ал. Ал. Бобринскомъ, Москва, 1868 (протоколъ экстраординарнаго собранія комитета сахароваровъ въ память гр. А. А. Бобринскаго, съ приложеніемъ рѣчей, сказанныхъ въ экстраординарномъ собраніи Имп. общества сельскаго хозяйства южной Россіи).—Графъ А. А. Бобринскій, О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли въ Россіи и о значительномъ пониженіи таможеннаго дохода по введенію тарифа 1857 года. Части I—II. Москва, 1868.

EXCELSIOR

Желать и вѣрить безъ конца—
Удѣлъ немногихъ, но завидный!
Ихъ не смутитъ ни смѣхъ обидный,
Ни страхъ терноваго вѣнца.

Пусть ропщетъ громко или глухо
Толпа безсмысленныхъ глупцовъ:
Оковы есть—но не для духа,
Есть смерть—но не для вѣщихъ словъ.

Все бренно: тѣло, умъ и чувства...
Безсмертенъ духъ! И, воплощенъ
Въ созданьяхъ свѣтлаго искусства,
Одинъ великъ и вѣченъ онъ.

Исчезнутъ въ мракѣ поколѣнья,
Потонутъ навсегда они;
Но духа чистаго творенья—
Неугасимые огни!

Забудь про краткой жизни бремя,
Забудь про горечь тяжкихъ ранъ,
Скажи себѣ: пространство, время—
Не что, какъ утренній туманъ.

Заря горитъ на небосклонѣ...
Лишь мигъ—и солнца свѣтлый богъ,
Въ лучистой блещущей коронѣ,
Разсѣетъ мракъ земныхъ тревогъ.

Бл.

УПОВАНІЯ и СОМНѢНІЯ

По поводу учрежденія министерства земледѣлія.

Давно жданное учрежденіе министерства земледѣлія стало наконецъ совершившимся фактомъ. Для страны, населеніе которой занимается исключительно сельскимъ хозяйствомъ, появленіе его можно признать, пожалуй, нѣсколько запоздавшимъ. Но и въ другихъ государствахъ, кромѣ Пруссіи, учрежденіе спеціальныхъ вѣдомствъ, заботящихся о нуждахъ земледѣльческой промышленности, относится лишь къ самому послѣднему времени. Въ Пруссіи министерство земледѣлія существуетъ съ 1848 г.; въ Австріи оно учреждено въ 1866 г.; во Франціи—въ 1881 г.; въ Англіи—въ 1888 г., и въ Соединенныхъ Штатахъ —въ 1889 г. Такимъ образомъ, этого рода спеціальныя вѣдомства созданы въ нѣкоторыхъ государствахъ уже много спустя послѣ того, какъ земледѣліе служило для населенія главнымъ источникомъ доходовъ. Побудительной же причиной къ тому являлась обострившаяся прогрессивно борьба хлѣбопроизводителей за международные рынки, вызвавшая и паденіе цѣнъ на зерновые продукты сельскаго хозяйства. Это обстоятельство, съ одной стороны, повело къ установленію въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы защиты „отечественной" земледѣльческой промышленности путемъ обложенія привознаго хлѣба постепенно повышавшимися таможенными пошлинами, а съ другой— заставило правительство оказать свое содѣйствіе сельскимъ хозяевамъ по улучшенію техники какъ производства, такъ и сбыта продуктовъ, что̀ должно было повысить ихъ доходъ, вознаградить за паденіе цѣнъ.

У насъ значительный толчокъ разрѣшенію вопроса объ учрежденіи особаго министерства земледѣлія далъ печальной памяти 1891 годъ. Но еще ранѣе правительство не одинъ разъ сосредоточивало свое

вниманіе на неудовлетворительномъ положеніи сельскаго хозяйства. Поводы же для этого постоянно чередовались. Въ качествѣ ихъ являлись то неурожаи съ необходимостію отпускать изъ государственнаго казначейства крупныя суммы на продовольственную помощь населенію, то угнетавшее сельскихъ хозяевъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ вслѣдствіе избытковъ его. Если мы обратимся къ ближайшему къ намъ времени, то увидимъ, что у насъ почти не переводились коммиссіи и комитеты, учреждавшіеся съ спеціальною цѣлью выяснить нужды сельскаго хозяйства и разработать мѣры къ ихъ удовлетворенію. Такъ, въ 1833 г., подъ вліяніемъ только-что пережитаго голода, когда оказаніе продовольственной помощи потребовало до 34 мил. р., учрежденъ былъ „комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи". Комитетъ, въ составъ котораго вошли всѣ выдающіеся государственные люди того времени, присоединился къ мнѣнію адмирала Мордвинова, полагавшаго, что въ ряду причинъ, угнетающихъ наше земледѣліе, главное мѣсто принадлежитъ невѣжеству земледѣльческаго населенія. Поэтому комитетъ остановился прежде всего на необходимости учрежденія цѣлой сѣти сельско-хозяйственныхъ школъ. „Введеніе улучшеннаго хозяйства, говорится въ его постановленіи, само по себѣ довольно трудно; оно требуетъ основательныхъ познаній, и всѣ методы земледѣлія, употребляемыя въ чужихъ краяхъ, должны быть напередъ, посредствомъ размышленій и опытовъ, примѣнены къ климату и мѣстностямъ Россіи. Но у насъ свѣденія сіи не довольно еще распространены, и что̀ еще болѣе—при силѣ закоренѣлыхъ привычекъ у насъ недостаетъ убѣжденія въ необходимости перемѣны, тогда какъ при таковомъ достаточномъ убѣжденіи содѣйствіе многихъ умовъ и способовъ и привлеченіе собственной пользы могло бы имѣть наивыгоднѣйшія послѣдствія"... Чтобы создать желаемый контингентъ образованныхъ сельскихъ хозяевъ, управляющихъ и руководителей, комитетъ призналъ наиболѣе цѣлесообразнымъ устроить, по крайней мѣрѣ, по одной школѣ въ каждомъ районѣ, отличающемся своими особыми условіями сельскаго хозяйства. Кромѣ того, комитетъ предложилъ министерству народнаго просвѣщенія учредить каѳедры агрономіи при университетахъ и образовать при округахъ нѣчто въ родѣ странствующихъ агрономовъ-профессоровъ для чтенія публичныхъ лекцій по сельскому хозяйству. Эта программа комитета дѣйствительно нѣсколько подвинула разрѣшеніе у насъ вопроса объ организаціи сельско-хозяйственнаго образованія, но въ полномъ объемѣ она не была осуществлена. Изъ намѣченныхъ школъ учрежденъ былъ институтъ въ Горкахъ, могилевской губерніи. Что касается преподаванія агрономіи въ университетахъ и устройства публичныхъ

лекцій, то въ этомъ отношеніи дѣло ограничилось отдѣльными опытами, не давшими сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ [1]).

Задачи учреждавшихся въ послѣдующее время комитетовъ и коммиссій являлись болѣе ограниченными. Образованному въ 1838 г. „особому комитету" пришлось уже имѣть дѣло съ предотвращеніемъ крайняго паденія цѣнъ на хлѣбъ. Въ этихъ видахъ комитету рекомендовалось обратить вниманіе на улучшеніе путей сообщенія и поставку потребныхъ казнѣ продуктовъ изъ первыхъ рукъ. Но вопросъ о борьбѣ съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ былъ благополучно разрѣшенъ измѣнившимися условіями 1839 и 1840 г., когда, вслѣдствіе новыхъ неурожаевъ, онѣ поднялись до такого уровня, при которомъ слѣдовало уже заботиться о мѣрахъ къ удешевленію хлѣба. Затѣмъ обильные урожаи опять поставили на очередь вопросъ о борьбѣ съ дешевизной хлѣба. Въ это время была образована при вольномъ экономическомъ обществѣ особая коммиссія для обсужденія проекта умершаго недавно извѣстнаго заводчика Мальцева, который предлагалъ организовать для помѣщиковъ кредитъ подъ хлѣбъ, чтобы предупредить вынужденную его продажу по чрезмѣрно низкимъ цѣнамъ. Комитетъ призналъ этотъ проектъ неудобоисполнимымъ и съ своей стороны предложилъ приступить къ образованію въ урожайные годы запасовъ, при помощи которыхъ правительство будетъ въ состояніи регулировать цѣны на хлѣбъ, покупая его въ дешевые годы и продавая въ дорогіе изъ своихъ складовъ. Но указанія коммиссій и комитетовъ оставались безъ послѣдствій, такъ какъ, помимо крѣпостного права, въ данный періодъ удручающее вліяніе на русское сельское хозяйство имѣла и общая финансово-экономическая политика гр. Канкрина, который считалъ вредной затѣей не только кредитныя учрежденія, но даже и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ.

Послѣ 1861 г. наша земледѣльческая промышленность поставлена была въ совершенно новыя условія. Но съ тѣхъ поръ и по настоящее время она не успѣла сложиться въ какія-либо опредѣленныя, устойчивыя формы. Порвавшаяся цѣпь, по мѣткому выраженію Некрасова, ударила однимъ концомъ по хозяйству помѣщичью, а другимъ—по крестьянскому. Самое поземельное устройство крестьянъ совершено, какъ извѣстно, на такихъ началахъ, чтобы крестьянинъ не былъ всецѣло поглощенъ своимъ хозяйствомъ и выдѣлялъ достаточное число свободныхъ рукъ для развитія помѣщичьяго хозяйства съ сельско-наемнымъ трудомъ. Ближайшимъ результатомъ этой политики компромисса явилось сокращеніе площади земли, находившейся въ распоря-

[1]) Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей. Составилъ И. И. Мещерскій. Спб., 1893 г.

женіи крестьянъ, размѣры которой не соотвѣтствовали ни составу рабочихъ силъ населенія, ни общей суммѣ лежащихъ на ней платежей. Признаки неблагопріятнаго экономическаго положенія земледѣльческаго класса начали проявляться очень скоро, и для изслѣдованія этого вопроса въ 1872 г. была образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, гр. Валуева. Она собрала весьма богатый матеріалъ, который, однако, не вызвалъ практическихъ мѣръ. Затѣмъ съ начала 1880-хъ годовъ правительство вновь заинтересовалось судьбами сельскаго хозяйства въ виду послѣдовавшаго упадка цѣнъ на хлѣбъ. Въ 1888 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, покойный гр. Д. А. Толстой, обрисовалъ, въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, положеніе сельскихъ хозяевъ самыми мрачными красками. „Неудержимо развивающееся съ 1881 г. паденіе цѣнъ на всѣ хлѣбные продукты,—говорится въ докладѣ,—привело населеніе къ тому, что наибольшая часть произведеній земли не только не приноситъ хозяевамъ сколько-нибудь вознаграждающей ихъ трудъ прибыли, но даетъ прямой убытокъ. Терпѣливо и безропотно перенося столь тягостныя для земледѣлія и землевладѣнія условія, населеніе не можетъ, однако, не сознавать, что оставаться въ этихъ условіяхъ государству, по преимуществу земледѣльческому, невозможно и что единичныя усилія частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, сами по себѣ, безъ правительственнаго содѣйствія, не въ состояніи достигнуть сколько-нибудь успѣшныхъ результатовъ на поприщѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній". Въ заключеніе гр. Толстой не признавалъ разрѣшеній на образованіе особой „международной" коммиссіи для изысканія мѣръ, способныхъ вывести наше сельское хозяйство изъ его тягостнаго положенія. Въ январѣ 1888 г. была дѣйствительно образована такая коммиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ сенатора фонъ-Плеве [1]).

Коммиссія фонъ-Плеве обратила свое вниманіе главнымъ образомъ на неблагопріятныя условія сбыта сельскими хозяевами своихъ продуктовъ. „Наши сельско-хозяйственныя затрудненія,—по мнѣнію коммиссіи,—происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что населеніе неправильно продаетъ свои продукты, и для устраненія этихъ затрудненій необходимо прежде всего обратить вниманіе на улучшеніе экономическихъ условій нашего земледѣльческаго промысла, такъ какъ безъ подобнаго улучшенія неосуществимы всѣ техническія въ немъ усовершенствованія. Помочь сельскимъ хозяевамъ занять выгодное

[1]) Докладъ предсѣдателя Высоч. утвержд. въ 1888 г. коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ пятилѣтіе 1883—1887 г. Спб., 1892 г.

положеніе на рынкѣ можетъ только государство". Слѣдуетъ,—продолжаетъ далѣе докладъ коммиссіи,—снабдить хозяевъ оборотными средствами и поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы „производитель хлѣба могъ свободно выбирать время для продажи своего продукта и выручать за него наивозможно бо́льшую долю изъ данной заграничной цѣны, чтобы русскій хлѣбъ получалъ на заграничныхъ рынкахъ высшую цѣну, какая возможна при данномъ отношеніи спроса и предложенія, и чтобы соотвѣтственный уровень этой цѣны былъ огражденъ отъ неблагопріятныхъ вліяній, обусловливаемыхъ характеромъ и особенностями русскаго вывоза". Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія пришла къ выводу о необходимости учрежденія особаго центральнаго органа, въ которомъ было бы сосредоточено попеченіе о всѣхъ нуждахъ сельскаго хозяйства и осуществленіе мѣропріятій, способныхъ улучшить его положеніе. Въ началѣ коммиссія рекомендовала въ видѣ такого органа создать особый совѣтъ сельскихъ хозяевъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру нѣкоторыхъ государствъ западной Европы. Тамъ, прежде учрежденія особыхъ министерствъ земледѣлія,—говорится въ докладѣ,—„созрѣло сознаніе необходимости предоставить интересамъ сельскаго хозяйства право представительства, вслѣдствіе чего и были устроены особыя совѣщательныя учрежденія изъ сельскихъ хозяевъ". Точно такъ же и у насъ, по мнѣнію коммиссіи, „учрежденіе такого центральнаго органа представительства земледѣльческихъ интересовъ могло бы содѣйствовать оживленію дѣятельности по сельскому хозяйству мѣстныхъ учрежденій и дало бы возможность правительству своевременно удовлетворять разнообразныя нужды нашего обширнаго сельскаго хозяйства". Въ общемъ этотъ органъ, составленный изъ наиболѣе опытныхъ сельскихъ хозяевъ, долженъ явиться призваннымъ „къ разсмотрѣнію всѣхъ предположеній министерства государственныхъ имуществъ по вопросамъ сельскаго хозяйства и уполномоченнымъ на возбужденіе вопросовъ о неотложныхъ мѣропріятіяхъ въ области сельскохозяйственныхъ улучшеній". Но окончаніе коммиссіей своихъ работъ совпало съ неурожаемъ 1891 г., подъ впечатлѣніемъ чего докладъ высказался уже прямо за учрежденіе министерства земледѣлія, съ полномочіями значительно болѣе широкими, чѣмъ тѣ, которыми пользовалось министерство государственныхъ имуществъ съ проектировавшимся при немъ сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ.

II.

Безспорно, что однимъ изъ ближайшихъ факторовъ бѣдственнаго положенія нашего сельскаго хозяйства является его крайняя техническая отсталость, какъ въ области производства продуктовъ, такъ и ихъ сбыта. Устраненіе перваго изъ этихъ условій и составляетъ собственно задачу вновь учрежденнаго министерства земледѣлія. Дѣйствительно, въ области техники производства наша земледѣльческая промышленность обнаруживаетъ крайне вредный консерватизмъ, а въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи явно замѣтно даже, такъ сказать, реакціонное направленіе, вслѣдствіе ухудшенія экономической обстановки. Если не говорить объ отдѣльныхъ исключеніяхъ, то нужно признать, что цѣлые вѣка прошли для нашего сельскаго хозяйства совершенно безслѣдно, и огромные успѣхи, сдѣланные прикладными науками, нисколько не отразились на пріемахъ его производства. Между тѣмъ наши соперники энергично пользовались всякими доставляемыми наукой средствами, чтобы улучшить технику производства и соотвѣтственно съ этимъ понизить его издержки. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется собственно послѣдовавшее на міровыхъ рынкахъ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Естественно, что ему должны подчиниться и тѣ производители, которые въ силу разныхъ условій не могли воспользоваться тѣми усовершенствованіями, которыя повели къ сокращенію издержекъ производства. Но они поставлены въ необходимость понижать цѣны уже на счетъ своего дохода, какъ бы платить штрафъ за свою отсталость. Г. Николай —онъ въ своемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поучительномъ изслѣдованіи приводитъ данныя, изъ которыхъ видно, что 70 мил. земледѣльческаго населенія Россіи производятъ хлѣба на 1 милліардъ рублей, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при общей цифрѣ населенія въ 63 мил., цѣнность произведеннаго имъ хлѣба составляетъ 3 милліарда рублей. Если принять во вниманіе цифру населенія, занимающагося въ Соединенныхъ Штатахъ сельскимъ хозяйствомъ, то окажется, что производительность американскаго земледѣльца въ 10 разъ превосходила производительность русскаго. За періодъ съ 1867 по 1888 г. производительность труда американскаго земледѣльца повысилась въ два раза, рядомъ съ чѣмъ и рыночныя цѣны на продукты упали на 48 проц. „Теперь, — пишетъ про Америку одинъ изслѣдователь,—фермеръ пашетъ, сѣетъ и жнетъ машинами. Машина жнетъ, связываетъ въ снопы, а помощью пара производится молотьба. Онъ можетъ читать во время пахоты утреннюю газету и сидѣть на крытыхъ козлахъ въ то время, когда жнетъ“. Ту же кар-

тину полнаго неравенства условій борьбы нашего земледѣльца съ американскимъ представляютъ и способы сбыта. Въ Соединенныхъ Штатахъ разница между мѣстными цѣнами и вывозными колеблется отъ 7 до 24 проц., въ Россіи же—отъ 25 до 41 проц. Другими словами, издержки провоза и посредничества у насъ вдвое, и даже болѣе, превышаютъ американскія, что̀ соотвѣтственно понижаетъ долю участія въ барышахъ нашего производителя [1]). При такихъ условіяхъ, повторяемъ, русскій земледѣлецъ можетъ сохранять за собою рынки сбыта только поступаясь своимъ доходомъ.

Въ силу тѣхъ же условій, т.-е. технической отсталости, нашъ земледѣлецъ оказывается совершенно беззащитнымъ и въ борьбѣ съ разными метеорологическими случайностями, влекущими за собою неурожаи и недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ. Въ 1891 году, напримѣръ, когда почти всѣ посѣвы самарской губерніи сдѣлались жертвою засухи, она не оказала своего губительнаго дѣйствія лишь въ районѣ нѣсколькихъ казенныхъ участковъ, на которыхъ были произведены оросительныя работы. Они дали прекрасные урожаи, составлявшіе разительный контрастъ съ сосѣдними выжженными солнцемъ полями. Весьма хорошіе результаты дали и поцытки, сдѣланныя въ этомъ отношеніи частными лицами. Такъ, инженеръ Самсоновъ, заарендовавши на границѣ самарской и астраханской губерніи участокъ земли, произвелъ на немъ оросительныя работы, обошедшіяся въ 60 руб. съ десятины. Вслѣдъ затѣмъ арендная плата за эту землю повысилась съ 3 р. до 25 р. за десятину. Извѣстный спеціалистъ по производству оросительныхъ работъ, инженеръ Даниловъ, перечисляя тѣ имѣнія, въ которыхъ онѣ выполнены, говоритъ, что „результаты во всѣхъ поименованныхъ имѣніяхъ получились самые утѣшительные: доходность пахатной земли возростаетъ на 15—20 проц., луговъ—на 100 проц. и болѣе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по наблюденію г. Данилова, „есть нѣкоторое основаніе полагать, что саранча, черви и т. п. бичи растительнаго царства совершенно исчезаютъ въ орошенныхъ мѣстностяхъ“ [2]).

Но кромѣ неурожаевъ, отъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ случайностей, на обострившееся въ послѣднее время положеніе продовольственнаго дѣла имѣетъ вліяніе и низкій уровень цѣнъ на хлѣбъ, не сопровождающійся соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ издержекъ его производства и транспортированія на рынки сбыта. Относительно земледѣльческаго населенія большей части Россіи можно сказать, что чѣмъ хлѣбъ дешевле, тѣмъ недостатокъ въ немъ для

[1]) Очерки нашего по-реформеннаго общественнаго хозяйства. Спб., 1893 г.

[2]) „Нов. Вр.“, № 5666.

собственнаго потребленія ощущается сильнѣе. Объясняется подобный, на первый взглядъ странный, фактъ тѣмъ, что при дешевыхъ цѣнахъ для полученія одинаковой суммы денегъ, необходимой на уплату повинностей и другихъ расходовъ, нужно продать болѣе значительное количество зерна, чѣмъ при высокихъ цѣнахъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ паденія цѣнъ нашъ земледѣлецъ вынужденъ усиливать сбытъ на счетъ собственнаго потребленія. „Пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ,—говорится въ докладѣ коммиссіи фонъ-Плеве,—началось съ 1883 г., и съ этого времени средній вывозъ увеличился, по сравненію съ предъидущимъ пятилѣтіемъ, на 30 проц. Хозяйственный разсчетъ, руководящій вывозомъ, въ Россіи построился такъ, что—выгодны или невыгодны условія продажи хлѣба—вывозъ его постоянно возростаетъ". Если же мы возьмемъ весь періодъ нашего по-реформеннаго хозяйства, то изъ данныхъ, собранныхъ тою же коммиссіей, увидимъ, что съ конца пятидесятыхъ годовъ по 1890 г. нашъ вывозъ возросъ съ 4,5 урожая до 17 проц. Другими словами, населеніе вынуждено все болѣе и болѣе воздерживаться отъ потребленія продукта своего производства, въ интересахъ усиленія его сбыта. Поэтому даже въ урожайные годы оно испытываетъ недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ, не говоря уже о неурожайныхъ, встрѣчаемыхъ имъ безъ всякихъ запасовъ про черный день. Если 1891 годъ потребовалъ отъ правительства весьма крупныхъ жертвъ на оказаніе продовольственной помощи пострадавшимъ, то небывалые до сихъ поръ размѣры ихъ объясняются именно вполнѣ истощившимися собственными запасами населенія.

III.

Неудивительно, что мысль объ учрежденіи спеціальнаго центральнаго органа, призваннаго вывести наше сельское хозяйство изъ нынѣшняго его печальнаго положенія со всѣми его послѣдствіями, была встрѣчена съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ и породила массу самыхъ разнообразныхъ упованій. Предполагалось, что новое вѣдомство явится чѣмъ-то въ родѣ опрокинутаго рога изобилія, изъ котораго благодѣтельной струей польются мѣропріятія, способныя быстро покончить со всякими невыгодами, удручающими наше сельское хозяйство, начиная отъ засухъ и кончая нравами интендантовъ, препятствующими помѣщикамъ брать на себя поставки хлѣба для военнаго вѣдомства. Но затѣмъ это ликующее настроеніе постепенно уступало мѣсто сомнѣніямъ въ способности министерства земледѣлія успѣшно справиться съ огромнымъ количествомъ невзгодъ, тяготѣю-

щихъ надъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, значительная часть которыхъ притомъ никоимъ образомъ не можетъ войти въ кругъ его вѣденія. Нельзя не признать, что этотъ скептицизмъ въ значительной мѣрѣ оправдывается обстоятельствами дѣла. Вся экономическая жизнь или въ частности и состояніе земледѣльческой промышленности прежде всего не представляютъ собою чего-либо обособленнаго и являются продуктомъ общихъ условій государственной жизни даннаго момента. Трудно даже представить себѣ такую отрасль государственнаго управленія, которая не оказывала бы болѣе или менѣе замѣтнаго вліянія на интересы земледѣлія. Для процвѣтанія его одинаково необходимы и цѣлесообразно дѣйствующіе центральные органы, и хорошо поставленныя мѣстныя учрежденія, хорошіе пути сообщенія, хорошій судъ, хорошія общеобразовательныя школы, наиболѣе справедливое распредѣленіе налоговъ и наименѣе обременительные способы ихъ взысканія, и т. д., и т. д. Достаточно остановиться хотя бы на той важной роли, которая отводится земствамъ въ будущей дѣятельности министерства земледѣлія, въ качествѣ ближайшихъ его мѣстныхъ органовъ. Едва ли нужно доказывать, что при настоящемъ своемъ положеніи земства явятся гораздо болѣе слабыми помощниками подобнаго центральнаго органа, чѣмъ это могло бы быть при другихъ, болѣе благопріятныхъ для проявленія ихъ собственной дѣятельности, условіяхъ. На удовлетвореніе всѣхъ многочисленныхъ нуждъ мѣстнаго народнаго хозяйства земства пользуются теперь ничтожными матеріальными рессурсами, представляющими собою жалкіе остатки отъ казенныхъ сборовъ, на взысканіи которыхъ сосредоточено все вниманіе органовъ фиска. Состояніе ихъ финансовъ, близкое къ банкротству, представляетъ поэтому жалкій контрастъ съ „успѣшнымъ“ поступленіемъ государственныхъ доходовъ, всегда значительно превосходящимъ „смѣтныя ожиданія“. Между тѣмъ на непосредственное удовлетвореніе нуждъ населенія государственный бюджетъ почти не удѣляетъ средствъ. Если въ этомъ направленіи что-либо и дѣлается, то лишь на счетъ скудныхъ рессурсовъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, учреждающихъ низшія общеобразовательныя и профессіональныя школы, организующихъ медицинскую помощь для сельскаго населенія, улучшающихъ пути сообщенія. Естественно, однако, что всѣ эти насущныя потребности народно-хозяйственной жизни удовлетворяются въ весьма слабой мѣрѣ, уже въ силу тѣхъ незначительныхъ средствъ, которыми располагаютъ земства, не говоря о прочихъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Точно также у насъ въ послѣднее время нѣсколько забыто то важное значеніе, которое имѣло распространеніе въ населеніи общаго образованія въ качествѣ отчасти самостоятельнаго экономиче-

скаго фактора, а отчасти условія, создающаго благопріятную почву для осуществленія разныхъ мѣропріятій экономическаго характера. Теперь у насъ торжествуетъ мнѣніе, по которому даже улучшеніе техники во всякаго рода отрасляхъ народнаго производства можетъ быть насаждено чисто механическимъ путемъ, при содѣйствіи распорядительныхъ лицъ, облеченныхъ достаточно „твердою властью", чтобы приказать перейти отъ трехполья къ плодопеременной системѣ. Между тѣмъ всякій, кто изучалъ нашу экономическую жизнь, достаточно знаетъ, насколько почти непреодолимымъ тормазомъ къ осуществленію благихъ начинаній является народное невѣжество, крайне низкій уровень его умственнаго развитія.. У насъ много говорятъ, напримѣръ, о необходимости создать для земледѣльческаго населенія доступный кредитъ посредствомъ устройства мелкихъ кредитныхъ учрежденій. Между тѣмъ, если опыты въ этой области, производившіеся до сихъ поръ, дали довольно печальные результаты, то они въ значительной мѣрѣ объясняются неспособностью крестьянъ, вслѣдствіе почти поголовной неграмотности, какъ понять назначеніе кредитнаго учрежденія, такъ и завѣдывать успѣшно подобнымъ предпріятіемъ. Самое, наконецъ, распространеніе профессіональныхъ знаній можетъ быть построено только на прочномъ базисѣ распространенія общаго образованія. Между тѣмъ едва-ли у насъ имѣлась другая, въ такой мѣрѣ запущенная и мало пользующаяся вниманіемъ отрасль государственнаго управленія, какъ попеченіе о народномъ образованіи. Даже сравнительно съ нашими общими бюджетными средствами мы жертвуемъ на это дѣло менѣе всѣхъ другихъ государствъ Европы. Такъ, по вычисленіямъ Рихарда Кауфмана, расходы на начальное образованіе составляютъ: въ Пруссіи—6,4 проц. госуд. бюджета; въ Англіи—7,6 проц.; во Франціи—5,47 проц.; въ Австріи—4,21 пр. и въ Россіи—2,04 пр. Еще менѣе благопріятное отношеніе для насъ получится, если взять расходъ этого рода на душу населенія. Оказывается, что въ маркахъ онъ составляетъ для Пруссіи—5,91, для Великобританіи—5,83, для Франціи—5,18, для Австріи—2,77, для Россіи—0,58. Другими словами, мы расходуемъ на душу населенія около 25 коп. Весь нашъ расходъ на первоначальныя школы составляетъ теперь, считая участіе земствъ и городовъ, около 20 мил. р. Слѣдовательно, для сравненія съ Пруссіей или Великобританіей онъ долженъ былъ бы увеличиться приблизительно въ 10 разъ и достигнуть 200 мил. р. [1])

Въ числѣ другихъ весьма важныхъ факторовъ, имѣющихъ кос-

[1]) „Русская Школа", 1893 г., №№ 9 и 10. Государственные финансы и народное образованіе въ главнѣйшихъ государствахъ Европы.

венное, но весьма крупное вліяніе на ростъ экономическаго благосостоянія вообще и успѣхи земледѣльческой промышленности въ частности, нельзя не упомянуть затѣмъ о распредѣленіи бремени государственныхъ налоговъ. Если въ другихъ государствахъ начинаетъ теперь преобладать элементъ подоходнаго обложенія, то это объясняется, конечно, не столько торжествомъ справедливости, сколько силой необходимости—искать денегъ тамъ, гдѣ ихъ скорѣе всего можно найти, а не тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Но у насъ до сихъ поръ еще сохранилась система обложенія, которая безъ преувеличенія должна быть признана противоположной подоходному. Благодаря преобладанію косвенныхъ налоговъ, уплачиваемыхъ при потребленіи продуктовъ первой необходимости, у насъ чѣмъ меньшій доходъ получаетъ какое-нибудь лицо, тѣмъ бо́льшая его доля отчуждается въ пользу государственнаго бюджета. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ довольно ничтожная сумма, образуемая нашими прямыми налогами, добывается съ чрезвычайнымъ напряженіемъ какъ со стороны населенія, такъ и агентовъ фиска. Взысканіе повинностей у насъ скорѣе напоминаетъ военныя реквизиціи, чѣмъ благоустроенное взысканіе налоговъ. Извѣстно, напримѣръ, что неурожаю 1891 г. предшествовало небывало „блестящее“ состояніе нашихъ финансовъ. Но, какъ можно судить по многимъ даннымъ, оно было достигнуто отчасти цѣною почти полнаго разоренія земледѣльческаго населенія многихъ районовъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны отвѣты, полученные Импер. Вольн.-Экономическимъ Обществомъ отъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей, запрошенныхъ относительно причинъ постигшаго населеніе бѣдствія. „Урожайный періодъ 1886—89 гг.,—пишетъ податной инспекторъ вятской губ., г. Георгіевскій,—сопровождался весьма крутыми мѣрами взысканія податей, при крайне низкомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ. Взносъ податей пришлось покрывать осенью *массовою распродажей за безцѣнокъ скота*, въ прямой подрывъ хозяйству“. Въ результатѣ,—говоритъ г. Георгіевскій,—„крестьянское хозяйство было истощено распродажами хлѣба и скота, вынужденными продажами озимей и необмолоченнаго хлѣба“. Достаточно сказать, что за „урожайный періодъ“ число лошадей въ уѣздѣ сократилось съ 80 т., въ 1887 г., до 63 т., въ 1890 г. По словамъ другого корреспондента той же губерніи, г. Одинцова, при взысканіи повинностей „за безцѣнокъ были распроданы послѣдній скотъ, хлѣбъ, строенія, даже озимые посѣвы на полосахъ... Словомъ, было распродано все за безцѣнокъ; даже *были проданы у нѣкоторыхъ верхи избъ*“ [1]). Довольно печальную картину практикующихся у насъ спо-

[1]) „Сборникъ отвѣтовъ на предложенные Имп. Вольн. Экономическимъ Обществомъ вопросы по случаю неурожая 1891 г.“ Спб., 1893 г.

собовъ взиманія повинностей съ населенія даетъ и авторъ извѣстнаго изслѣдованія—„Неурожай и народное бѣдствіе". Онъ справедливо замѣчаетъ, что если по закону нельзя продать послѣднюю лошадь или корову у недоимщика, отобрать у него надѣлъ, то путемъ личныхъ взысканій, до тѣлеснаго наказанія включительно, достигаются въ сущности тѣ же результаты. Нельзя не согласиться, что при такомъ отношеніи фиска къ производительнымъ силамъ населенія попеченіе объ усовершенствованіи земледѣльческаго промысла представляется довольно затруднительнымъ.

Наконецъ, усилія спеціальнаго вѣдомства, задачу котораго составляетъ попеченіе объ усовершенствованіи земледѣльческаго промысла, могутъ совершенно парализироваться направленіемъ общей экономической политики. Въ этомъ отношеніи можно указать хотя бы на значеніе нашей покровительственно-таможенной системы, которая ставитъ какъ земледѣльца, такъ и земледѣліе въ исключительно невыгодное положеніе. Она, такъ сказать, возлагаетъ на сельскаго хозяина всю тяжесть міровой конкурренціи при сбытѣ имъ своихъ продуктовъ на рынкахъ, а лишаетъ его всѣхъ благъ этой конкурренціи. Когда сельскій хозяинъ является со своими продуктами на рынокъ, то встрѣчаетъ здѣсь соперничество Америки, Австраліи, Индіи, Египта, а въ результатѣ долженъ получить минимальную цѣну, обусловливаемую минимальными издержками производства. Когда же онъ желаетъ воспользоваться тою же міровою конкурренціею, чтобы купить необходимый для себя продуктъ, то здѣсь на сцену выступаетъ покровительственная политика, заставляющая его платить вдвое дороже за удовольствіе имѣть издѣлія отечественнаго производства. Совершенствуй,—говорятъ ему,—для успѣшной борьбы съ конкурренціей, способы производства и сбыта, но если ты желаешь построить желѣзную дорогу, элеваторъ, пароходъ, портъ, если желаешь завести сельско-хозяйственную машину, то опять плати за рельсы, желѣзо и все прочее вдвое дороже, такъ какъ того требуютъ интересы отечественной фабрично-заводской промышленности. Самый капиталъ никогда не пойдетъ въ сельско-хозяйственное предпріятіе съ его нормальнымъ умѣреннымъ доходомъ, въ то время, когда фабрично-заводскія предпріятія, благодаря „протекціи", безъ всякаго труда даютъ чудовищные дивиденды. Бѣдность наша капиталами, по справедливому замѣчанію доклада фонъ-Плеве, является одною изъ важнѣйшихъ причинъ какъ низкой земледѣльческой культуры, такъ и крайней отсталости въ области организаціи сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Какъ же можно назвать ту политику, которая отвлекаетъ имѣющіеся на-лицо скудные капиталы отъ эксплоатаціи отечественныхъ природныхъ богатствъ и искусственно тол-

каетъ ихъ на переработку иностранныхъ продуктовъ, напримѣръ хлопка. Поэтому только одно устраненіе такого вмѣшательства въ экономическую жизнь, какимъ представляется примѣненіе покровительственно-таможенной системы, стоило бы, по крайней мѣрѣ, учрежденія двухъ хорошихъ министерствъ земледѣлія.

IV.

Переходя къ дальнѣйшему обозрѣнію условій дѣятельности новаго министерства, необходимо напомнить, что если упадокъ экономическаго благосостоянія земледѣльческихъ классовъ отчасти является послѣдствіемъ низкаго уровня земледѣльческой культуры, то въ такой же мѣрѣ и обѣднѣніе служитъ причиной пониженія культуры. Точно также все, что способствуетъ повышенію благосостоянія земледѣльца, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлу усовершенствованія земледѣльческаго промысла, которое немыслимо безъ нѣкоторой доли матеріальнаго достатка. Отсутствіе послѣдняго можетъ послужить непреодолимымъ препятствіемъ для непосредственнаго воздѣйствія на улучшеніе техники въ земледѣльческомъ промыслѣ, составляющемъ задачу новаго министерства. Между тѣмъ, не говоря уже о другихъ факторахъ, о которыхъ мы отчасти упоминали выше, даже вліяніе на ближайшую экономическую обстановку сельскаго хозяйства останется изъятымъ изъ вѣденія министерства земледѣлія. Подобной неполнотой компетенціи объясняетъ и бывшее министерство государственныхъ имуществъ слабость своего вліянія на состояніе земледѣльческой промышленности. Въ отчетѣ о своей 50-лѣтней дѣятельности, оно, между прочимъ, разъясняетъ, что эта дѣятельность „на пользу сельскаго хозяйства была, быть можетъ, не столь обширна и плодотворна, какъ слѣдовало бы ожидать отъ учрежденія, призваннаго ограждать интересы важнѣйшей промышленности страны“, но слѣдуетъ помнить,—продолжаетъ отчетъ,—что „въ отношеніи сельскаго хозяйства его главную задачу составляло завѣдываніе спеціальными, техническими мѣрами развитія земледѣлія, что экономическая сторона этой промышленности была почти совсѣмъ изъята изъ его вѣденія и что поэтому голосъ министерства въ этихъ вопросахъ не имѣлъ надлежащаго вѣса и должной силы“ [1]). Въ настоящее время дѣло оставлено собственно въ прежнемъ положеніи, съ тѣмъ различіемъ, что, послѣ переименованія министерства госу-

[1]) „Историческое обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ“.

дарственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія, средства его въ области завѣдыванія „спеціальными, техническими мѣрами развитія земледѣлія“ нѣсколько увеличены, хотя и не особенно значительно. Что же касается воздѣйствія на „экономическую сторону“, то оно можетъ лишь проявляться въ участіи его при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ другими вѣдомствами по принадлежности и, такъ сказать, представлять передъ ними интересы земледѣлія. Хотя вѣсъ и сила его голоса при этомъ, быть можетъ, даже увеличатся, но будутъ ли они „надлежащими“—вопросъ остается открытымъ.

Между тѣмъ, какъ ни важны сами по себѣ мѣры, направленныя къ улучшенію техники въ земледѣльческой промышленности, онѣ сами по себѣ, безъ одновременнаго вліянія на экономическую сторону, могутъ, повторяемъ, даже вовсе не проявить своего благотворнаго дѣйствія. Если въ послѣднее время въ общемъ техника земледѣлія не только не сдѣлала успѣховъ, но даже подвинулась назадъ, то въ этомъ главнымъ образомъ повинны факторы экономическаго характера. Въ данномъ случаѣ наиболѣе важное значеніе имѣетъ поземельный вопросъ, выражающійся въ постепенномъ ухудшеніи положенія главныхъ производителей хлѣба—крестьянъ—въ отношеніи пользованія землею. Недостаточные размѣры собственныхъ надѣловъ заставляютъ ихъ прибѣгать къ распашкѣ луговъ и пастбищъ, что ведетъ къ сокращенію количества рабочаго скота. Съ другой стороны, то же условіе повело къ распространенію самаго хищническаго вида землепользованія на почвѣ краткосрочной аренды крестьянами частно-владѣльческихъ земель. Такъ какъ аренда является вынужденной, то и арендная плата болѣе или менѣе значительно превышаетъ нормальную ренту въ зависимости отъ степени ощущаемой крестьянами нужды въ землѣ. По справедливому замѣчанію проф. Карышева, аренда земли обусловливается у насъ не коммерческимъ разсчетомъ, требующимъ на затраченный капиталъ нормальной прибыли, а давленіемъ нужды на съемщиковъ. Площадь крестьянскаго землевладѣнія,—говоритъ онъ,—съ самаго начала была недостаточна для удовлетворенія насущныхъ потребностей населенія; съ возрастаніемъ населенія недостатокъ становился ощутительнѣе. Отсюда погоня за землей стала основнымъ явленіемъ народно-хозяйственной жизни. „На всемъ пространствѣ изслѣдованной территоріи европейской Россіи нѣтъ такой сколько-нибудь замѣтной для статистики мѣстности, въ которой стремленіе крестьянъ къ расширенію культурной площади *не превышало бы наличнаго предложенія земель въ наемъ*“. Естественно, что на этой почвѣ развивается чрезмѣрная конкурренція съемщиковъ, уступающихъ въ пользу собственника земли даже часть заработной платы. Результатомъ такого рода по-

земельныхъ отношеній, основанныхъ на вынужденной арендѣ, въ свою очередь является постепенное обѣдненіе съемщиковъ и хищническая эксплуатація самыхъ арендуемыхъ земель. Для развитія сельско-хозяйственнаго промысла страны,—говоритъ г. Карышевъ,—для усиленія производительности земледѣльческаго труда необходимо обезпеченное положеніе земледѣльца по отношенію къ землѣ. На участкѣ же, который достается только на одинъ годъ и по такой цѣнѣ, при которой едва окупается трудъ, возможно единственно хищническое хозяйство. Такой именно видъ и имѣетъ наше арендное хозяйство. Все сводится къ тому, чтобы получить въ данную минуту возможно бо́льшій доходъ. Интересъ будущаго, требованія агрикультуры, болѣе широкій взглядъ на землю, какъ на источникъ народнаго богатства—все это игнорируется. Сельско-хозяйственный промыселъ вмѣсто повышенія падаетъ и падаетъ [1]).

Такимъ образомъ, министерство земледѣлія ставится въ самыя неблагопріятныя условія для проявленія своего воздѣйствія на земледѣльческую культуру. Съ одной стороны, передъ нимъ quasi-помѣщикъ, который не ведетъ своего хозяйства, а думаетъ только о томъ, какъ бы поискуснѣе воспользоваться нуждою крестьянъ въ землѣ, а съ другой—арендаторъ, не имѣющій ни средствъ, ни побудительныхъ причинъ заботиться объ усиленіи или даже сохраненіи производительныхъ силъ почвы. Между тѣмъ на такихъ началахъ теперь эксплуатируется почти вся частно-владѣльческая земля. Если у помѣщиковъ и существуютъ собственныя запашки, то размѣры ихъ обусловливаются возможностью получить дешевую рабочую силу на почвѣ тѣхъ же поземельныхъ отношеній. Про екатеринославскую губернію въ мѣстномъ статистическомъ изслѣдованіи, между прочимъ, говорится, что здѣсь помѣщику или его управляющему „теоретическая сельско-хозяйственная подготовка вовсе не нужна“. Отъ него требуется „умѣнье раздать землю крестьянамъ, т.-е. на возможно выгодныхъ условіяхъ для владѣльца, и возможно вѣрнѣе обезпечить полученіе съ крестьянъ арендной платы работой, деньгами или натурой“... Въ самарской губерніи занятіе помѣщика сводится къ тому, чтобы „слѣдить за возростающею потребностью окрестнаго крестьянскаго населенія въ арендованіи земли и сообразно съ этимъ не упускать всякой возможности повышать арендную плату“. Практика вполнѣ оправдываетъ подобный образъ дѣйствія, такъ какъ при самой высокой культурѣ нельзя получить отъ земли столь высокаго дохода, какой получается на почвѣ вынужденной аренды ея крестьянами. „Искусственное возвышеніе арендной платы, по замѣчанію

[1]) Николай Карышевъ, Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ, 1892.

г. Новосельскаго, затрудняетъ введеніе вольно-наемнаго хозяйства, такъ какъ раздача земли въ аренду крестьянамъ оказывается и болѣе выгодною, и болѣе спокойною, чѣмъ послѣднее" [1]).

Нельзя поэтому не согласиться, что безъ радикальнаго улучшенія нашихъ поземельныхъ отношеній почти немыслимо ни улучшеніе экономическаго населенія огромной массы земледѣльческаго населенія, ни въ частности — усовершенствованіе земледѣльческаго промысла. Между тѣмъ всѣ способы государственнаго содѣйствія разрѣшенія этого краеугольнаго вопроса сельско-хозяйственнаго быта изъяты изъ непосредственнаго вѣденія министерства земледѣлія. Организація переселеній и разселеній, оказаніе кредита для расширенія крестьянскаго землевладѣнія — все это останется въ рукахъ прежнихъ вѣдомствъ. Въ настоящее же время завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ сводится главнымъ образомъ къ установленію всякихъ ограниченій для желающихъ переселяться, а дѣятельность крестьянскаго банка сошла почти „на нѣтъ". Точно также и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ министерство земледѣлія окажется безсильнымъ улучшить экономическія условія земледѣльческой промышленности, создать для сельскихъ хозяевъ болѣе благопріятную обстановку труда, безъ чего, повторяемъ, и самое воздѣйствіе на усиленіе его производительности окажется неспособнымъ дать желаемые результаты. Поощреніе, напримѣръ, всякихъ меліорацій, распространеніе улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, породъ скота и т. д. явится весьма затруднительнымъ при томъ условіи, что самая организація кредита для этихъ цѣлей будетъ изъята изъ вѣденія министерства земледѣлія. Вообще, по сравненію съ однородными учрежденіями западной Европы, компетенція министерства земледѣлія у насъ является чрезвычайно съуженной. Тамъ, кромѣ попеченія объ усовершенствованіи самой техники производства, въ вѣденіи министерства земледѣлія находятся: кредитъ ипотечный, меліораціонный и краткосрочный; внутренняя и внѣшняя торговля сельско-хозяйственными продуктами; борьба съ эпизоотіями. У насъ къ этимъ отраслямъ вѣденія слѣдовало бы присоединить переселенческое и продовольственное дѣло, какъ самымъ тѣснымъ образомъ связанныя съ улучшеніями быта земледѣльческихъ классовъ и не имѣющія ничего общаго съ задачами министерства внутреннихъ дѣлъ, въ кругъ вѣденія котораго они теперь входятъ. Затѣмъ, вслѣдствіе высшаго уровня благосостоянія и умственнаго развитія, а также отсутствія всякихъ стѣсненій, государства западной Европы покрыты

[1]) Н. Новосельскій, Средства къ подъему производительныхъ силъ Россіи. Спб., 1893 г.

цѣлою сѣтью разныхъ земледѣльческихъ „союзовъ“ и „синдикатовъ“, дѣятельность которыхъ направлена къ удовлетворенію общихъ нуждъ соединенными силами. Роль центральнаго органа сводится при такихъ условіяхъ къ объединенію этой дѣятельности и содѣйствію. Наше земледѣльческое населеніе, составляющееся изъ темной, полунищей крестьянской массы и тяготѣющихъ болѣе къ государственной службѣ, чѣмъ веденію сельскаго хозяйства, помѣщиковъ, представляетъ собою для возникновенія подобныхъ кооперацій почву весьма мало благопріятную.

Въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не имѣли въ виду обнять всю совокупность тѣхъ условій государственно-экономической жизни, которыя ближайшимъ образомъ отражаются на положеніи нашей земледѣльческой промышленности. Мы желали лишь показать, насколько желаемое воздѣйствіе въ этой области со стороны такого центральнаго органа, какъ новое министерство, является дѣломъ сложнымъ и затруднительнымъ, не обѣщающимъ особенно благотворныхъ результатовъ безъ наличности другихъ благопріятныхъ условій. Указаніе же на „процвѣтаніе“ обрабатывающей промышленности, якобы созданное усиліями государственныхъ мѣръ, намъ представляется недостаточно убѣдительнымъ. Если наша фабрично-заводская промышленность значительно усилила размѣры своего производства и доставляетъ предпринимателямъ крупные барыши, то подобное „процвѣтаніе“ зиждется на широкомъ субсидированіи за счетъ всего остального населенія въ видѣ дѣлаемыхъ ими переплатъ при покупкѣ фабрикатовъ. Но примѣненіе такого рода упрощеннаго „покровительства“ совершенно немыслимо, когда дѣло идетъ о промышленности, которой занято большинство населенія, а не отдѣльная его группа. Тѣмъ не менѣе мы не раздѣляемъ мнѣнія крайнихъ скептиковъ, готовыхъ видѣть въ учрежденіи министерства земледѣлія лишь увеличеніе числа чиновниковъ, бремя содержанія которыхъ ляжетъ на то же населеніе. Во всякомъ случаѣ, даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыя поставлено его дѣятельность, органъ этотъ можетъ принести нѣкоторую долю пользы сельскому хозяйству своими непосредственными работами объ усовершеніи „земледѣльческаго промысла“. Съ другой стороны, представляя собою интересы земледѣлія, онъ будетъ проявлять въ этомъ смыслѣ свое посильное вліяніе и на общегосударственную политику. Но затѣмъ, конечно, менѣе всего желательно, чтобы дѣятельность новаго министерства приняла, такъ сказать, узко-тенденціозный характеръ, считаясь съ временными господствующими „вѣяніями“ и пренебрегая въ угоду имъ „реальными

интересами" всей земледѣльческой промышленности. Наша протекціонная система служитъ наглядным доказательствомъ, насколько въ этомъ отношеніи наличности „покровительства", съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народнаго хозяйства, слѣдовало бы предпочесть даже полное его отсутствіе. То же можно будетъ сказать и о значеніи новаго министерства, если дѣятельность его выразится въ попеченіи объ одной какой-либо группѣ сельскихъ хозяевъ за счетъ остального земледѣльческаго населенія.

Вл. Бирюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1894 г.

Кончина Е. И. В. вел. княгини Екатерины Михаиловны.—Административно-карательная власть земскихъ начальниковъ, въ связи съ законностью ихъ требованій и распоряженій.—Принадлежитъ ли земскимъ начальникамъ право издавать „мѣстные указы"?—Порядокъ отмѣны окончательныхъ постановленій земскаго начальника.—Дисциплинарная власть его надъ должностными лицами крестьянскаго управленія.

Великая княгиня Екатерина Михаиловна, скончавшаяся 30-го минувшаго апрѣля, на 67-мъ году отъ рожденія, унаслѣдовала отъ матери своей, столь памятной въ нашей исторіи великой княгини Елены Павловны, живой интересъ къ дѣламъ благотворительности и къ искусству. Она стояла во главѣ такъ называемыхъ учрежденій вел. кн. Елены Павловны (училище св. Елены, Максимиліановская лечебница для приходящихъ, Елизаветинская дѣтская больница, Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія, Клиническій институтъ и др.) и предсѣдательствовала въ совѣтѣ с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества, лично входя во всѣ детали разнообразной дѣятельности ихъ, направленной на общую пользу. По словамъ одного изъ газетныхъ некрологовъ, „гуманныя и просвѣщенныя традиціи Михайловскаго дворца сохранились всецѣло при вел. княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ. Особенно велики ея заслуги въ области русскаго музыкальнаго образованія. Покойная великая княгиня была одна изъ самыхъ богатыхъ женщинъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, и пользовалась своимъ богатствомъ главнымъ образомъ ради широкой благотворительности". Ея память будетъ особенно дорога для города Ораніенбаума, гдѣ она подолгу жила, часто посѣщая его больницы и пріюты.

Въ сферѣ дѣйствій мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій все больше и больше выдвигается на первый планъ вопросъ

о свойствѣ и предѣлахъ административно-карательной власти, которою облекло земскихъ начальниковъ положеніе 12-го іюля 1889 г. Можно сказать безъ преувеличенія, что отъ способа пониманія и примѣненія этой власти зависитъ, главнымъ образомъ, общій характеръ дѣятельности земскихъ начальниковъ. Ихъ судебныя функціи заключены въ точно-опредѣленныя рамки; въ области административной имъ принадлежитъ, бо́льшею частью, только надзоръ или починъ, а рѣшающее слово предоставлено уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ. Интенсивность и экстенсивность вмѣшательства земскихъ начальниковъ въ сельскую жизнь обусловливается, такимъ образомъ, преимущественно тѣмъ, какія требованія и распоряженія ихъ признаются обязательными къ исполненію, подъ страхомъ административной кары. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что текстъ закона устраняетъ всякія недоразумѣнія по этому предмету. „Въ случаѣ неисполненія"—сказано въ ст. 61-ой положенія 12-го іюля—„*законныхъ* распоряженій, или требованій земскаго начальника, лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію (т.-е., кромѣ крестьянъ—мѣщанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, имѣющими постоянное жительство въ селеніяхъ), земскій начальникъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей". Центръ тяжести этой статьи заключается, очевидно, въ словѣ *законныхъ*—но именно оно толкуется до крайности различно. Постараемся установить, путемъ группировки извѣстныхъ намъ фактовъ, въ какихъ направленіяхъ практика особенно рѣзко расходится съ прямымъ и яснымъ смысломъ закона.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ст. 61-ая непримѣнима къ такимъ дѣйствіямъ, которыя сами по себѣ, помимо всякаго распоряженія или требованія, составляютъ проступокъ уголовно-наказуемый. Это явствуетъ какъ изъ того основного начала, въ силу котораго дѣяніе, предусмотрѣнное спеціальнымъ уголовнымъ закономъ, только на точномъ его основаніи и можетъ подлежать какой-либо карѣ,—такъ и изъ исторіи ст. 61-ой. Однимъ изъ проектовъ, составленныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, предполагалось распространить административно-карательную власть земскаго начальника на цѣлый рядъ проступковъ противъ правилъ, охраняющихъ благочиніе, благоустройство, личную и имущественную безопасность, общественное здоровье; но эта мысль была оставлена, и административно-карательная власть пріурочена лишь къ неисполненію законныхъ требованій и распоряженій земскаго начальника. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ ст. 61-ая примѣняется, сплошь и рядомъ, къ простун-

камъ, подсуднымъ волостному суду, земскому начальнику или даже общимъ судебнымъ установленіямъ. Взысканія по ст. 61-ой налагаются за буйство въ публичномъ мѣстѣ (уст. о наказ. налаг. миров. суд. ст. 38), за неисправное содержаніе дороги (ibid., ст. 69), за неявку для тушенія пожара (ibid., ст. 96), за обиду на словахъ (ibid., ст. 130), за оскорбительныя выраженія въ оффиціальной бумагѣ (улож. о наказ. ст. 283), за предложеніе взятки земскому начальнику (ibid., ст. 382), за неисполненіе требованій земскаго начальника во время судебнаго разбирательства (спеціально предусмотрѣнное ст. 4 правилъ 29-го декабря 1889 г., при чемъ денежное взысканіе не можетъ превышать *трехъ* рублей, а арестъ вовсе не можетъ быть назначаемъ). Замѣчательно, что за примѣнимость ст. 61-ой къ послѣднему случаю высказалась цѣлая корпорація—нижегородскій съѣздъ земскихъ начальниковъ. Тотъ же съѣздъ оставилъ открытымъ вопросъ о томъ, можно ли примѣнять ст. 61-ю къ нарушителямъ общественной тишины и спокойствія, тогда какъ отрицательное разрѣшеніе этого вопроса вытекаетъ съ полною ясностью изъ ст. 38-ой уст. о наказ. налаг. миров. суд., разсматривающей нарушеніе общественной тишины какъ проступокъ sui generis. Неудивительно, что при обсужденіи безъ суда дѣлъ, судебныхъ по своему свойству, встрѣчаются иногда такія явленія, которыя еще недавно были совершенно немыслимы. Такъ напр., одинъ изъ земскихъ начальниковъ вятской губерніи, получивъ жалобу на оскорбленіе дѣда внукомъ, приказалъ сельскому старостѣ произвести по ней изслѣдованіе и затѣмъ подвергъ взысканію, по ст. 61-ой, какъ оскорбителя, такъ и оскорбленнаго! До сихъ поръ мы знали о такихъ способахъ расправы только изъ „Капитанской дочери“ Пушкина... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подведеніе того или другого проступка подъ дѣйствіе ст. 61-ой мотивируется, повидимому, тѣмъ, что земскій начальникъ предъявилъ къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ требованіе воздерживаться, на будущее время, отъ подобныхъ проступковъ, и что, слѣдовательно, совершеніе ихъ заключаетъ въ себѣ неисполненіе законнаго требованія земскаго начальника. Такое разсужденіе безусловно ошибочно. Наказуемость проступка основана на законѣ, вовсе не нуждающемся въ подтвержденіи со стороны административной власти. Нарушитель спеціальнаго уголовнаго закона можетъ и долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности *только* на основаніи этого закона, совершенно независимо отъ того, принималъ ли земскій начальникъ или не принималъ какія-либо особыя мѣры къ точному его исполненію.

Еще менѣе правильнымъ представляется примѣненіе ст. 61-ой къ такимъ случаямъ, гдѣ нѣтъ на лицо ни проступка, ни неисполненія требованія или распоряженія земскаго начальника. Сюда отно-

сится, напримѣръ, привлеченіе къ административной карѣ за ходатайство о перечисленіи сельскаго общества изъ одного земскаго участка въ другой, сосѣдній; за недаваніе дороги лѣсничему; за явку къ священнику въ нетрезвомъ видѣ; за явку къ земскому начальнику въ одной рубашкѣ; за нежеланіе подчиниться рѣшенію земскаго начальника, выразившееся въ обжалованіи этого рѣшенія; за умышленно-невѣрное изложеніе въ жалобѣ обстоятельствъ дѣла; за подачу кляузной или неосновательной жалобы. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ просьбѣ, поданной губернскому присутствію, церковный староста и другіе крестьяне заявили, что земскій начальникъ, несмотря на неоднократныя ходатайства, не принимаетъ мѣръ ко взысканію какихъ-то денегъ слѣдующихъ въ пользу церковнаго причта. Когда эта просьба была передана земскому начальнику для представленія по ней объясненія, онъ вызвалъ просителей, потребовалъ отъ нихъ, чтобы они назвали составителя жалобы, укорялъ ихъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ [1]), за умышленное, будто бы, искаженіе истины и подвергъ ихъ, наконецъ, взысканію по ст. 61-ой. Между тѣмъ, во время дисциплинарнаго производства, возбужденнаго противъ земскаго начальника, оказалось, что одинъ, по меньшей мѣрѣ, разъ ему было сдѣлано заявленіе о взысканіи долга. Просьба крестьянъ не была, такимъ образомъ, вовсе лишена основанія; но и помимо этого, земскому начальнику ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало становиться судьею въ собственномъ дѣлѣ и привлекать крестьянъ къ отвѣтственности за дѣйствіе, на которое они имѣли несомнѣнное право. По буквальному смыслу закона (улож. о наказ. ст. 284), подача жалобы, *хотя и неосновательной*, но не содержащей въ себѣ ничего прямо оскорбительнаго для мѣстъ и лицъ, на которыя она принесена, не влечетъ за собою никакого взысканія, кромѣ опредѣленнаго въ правилахъ судопроизводства. Дисциплинарная кара за неосновательную жалобу, исходящая, вдобавокъ, отъ того самаго должностного лица, на дѣйствія котораго жалоба принесена — это явное отрицаніе правосудія, это безправіе, возводимое въ систему. Немногихъ случаевъ такого рода достаточно для того, чтобы отбить у населенія охоту жаловаться на начальство. Для послѣдняго, конечно, отсутствіе жалобъ очень удобно и пріятно; но нетрудно себѣ представить, какъ оно отражается на первомъ... Нерасположеніе къ жалобамъ у нѣкоторыхъ земскихъ на-

[1]) По собственному признанію земскаго начальника, онъ сказалъ имъ, что честнаго человѣка никто не можетъ заставить лгать и кляузничать, и что только негодяи и люди безъ всякой чести и совѣсти могутъ рѣшиться на такую дерзость, какую они себѣ позволили. По словамъ крестьянъ, все это было высказано въ еще болѣе рѣзкой и грубой формѣ.

чальниковъ доходитъ до стремленія оградить отъ нихъ не только самихъ себя, но и подчиненныя крестьянскія власти: статья 61-ая пускается въ ходъ противъ крестьянъ, осмѣлившихся подать „голословную кляузу“ на дѣйствія волостного старшины. Иногда дисциплинарное взысканіе за „неосновательную“ жалобу мотивируется тѣмъ, что подача такихъ жалобъ заранѣе была запрещена жалобщикамъ; но положеніе дѣла отъ этого нисколько не измѣняется, потому что запрещеніе жаловаться — другими словами, запрещеніе пользоваться безспорнымъ правомъ—распоряженіе явно незаконное. Столь же незаконнымъ является, очевидно, и требованіе назвать составителя жалобы.

Совершенно неправильно, далѣе, подводится подъ дѣйствіе ст. 61 неисполненіе такихъ требованій земскаго начальника, которыя хотя и не противорѣчатъ закону, но выражены въ слишкомъ общей формѣ и не заключаютъ въ себѣ опредѣленнаго предписанія или запрещенія. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ оштрафовалъ всѣхъ участниковъ общественнаго приговора, которымъ было постановлено отобрать надѣлъ у одного общественника и передать его другому. На вопросъ о мотивахъ взысканія земскій начальникъ отвѣчалъ, что онъ неоднократно предписывалъ сельскимъ сходамъ не отбирать надѣлы безъ законныхъ къ тому основаній, и въ данномъ приговорѣ усмотрѣлъ нарушеніе этого предписанія. Подобное оправданіе лишено, очевидно, всякаго значенія. Законны ли или незаконны, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, основанія общественнаго приговора—это вопросъ, подлежащій разрѣшенію уѣзднаго съѣзда; но даже тогда, когда они признаны незаконными, это можетъ имѣть послѣдствіемъ только отмѣну приговора, а отнюдь не личную отвѣтственность крестьянъ, его постановившихъ. Законность — понятіе относительное, особенно въ сферѣ столь мало регламентированной законодателемъ, какъ крестьянскія поземельныя отношенія; крестьяне могутъ bona fide считать законнымъ то, что̀ земскому начальнику или уѣздному съѣзду представляется незаконнымъ. Карать ихъ за *мнѣніе*, хотя бы и ошибочное — явная несправедливость. Разъясненіе земскаго начальника, что надѣлы не должны быть отбираемы безъ законныхъ основаній, ничего, въ сущности, не разъясняло. Обязанность дѣйствовать по закону разумѣется сама собою, безъ всякихъ напоминаній и подтвержденій. Постановляя приговоръ по своему крайнему разумѣнію, крестьяне имѣли полное основаніе думать, что они не идутъ въ разрѣзъ ни съ закономъ, ни съ требованіемъ земскаго начальника. Ничто не мѣшаетъ земскому начальнику приказать сельскимъ сходамъ поступать во всемъ согласно съ закономъ—но признавать самый фактъ существованія

такого приказа достаточнымъ основаніемъ для личной отвѣтственности крестьянъ, постановившихъ на сходѣ что-либо незаконное (или, можетъ быть, только *кажущееся* незаконнымъ), значило бы уничтожить послѣдніе остатки крестьянскаго самоуправленія. Чтобы обезпечить себя отъ взысканій, крестьянамъ пришлось бы, передъ каждымъ общественнымъ приговоромъ, обращаться къ земскому начальнику съ вопросомъ: *чего изволите*, т.-е. приводить въ извѣстность, что онъ считаетъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, законнымъ или незаконнымъ.

Всего яснѣе необходимость установить и обезпечить правильное пониманіе ст. 61-ой обнаруживается при разсмотрѣніи тѣхъ требованій и распоряженій земскаго начальника, которыя относятся не къ одному данному случаю, а къ цѣлому ряду однородныхъ обстоятельствъ—другими словами, тѣхъ требованій и распоряженій, которыми установляются *общія* правила, обязательныя для жителей участка. Сюда относятся, напримѣръ: запрещеніе пивоваренія во время сельскихъ праздниковъ (безусловное или условное—для тѣхъ только селеній, на которыхъ числятся недоимки по окладу или по хлѣбозапасному магазину); приказаніе снимать шапки передъ дворянами, духовенствомъ и лицами начальствующими [1]); запрещеніе покупки улучшенныхъ сѣмянъ и фосфоритовъ, составляющей, будто бы, *затѣю* и *непроизводительную затрату*; приказаніе держать собакъ на привязи послѣ восьми часовъ вечера; приказаніе вспахать съ осени яровое поле; приказаніе вычистить или прокопать канавы въ поляхъ; приказаніе приготовить зимою матеріалъ для изгородей; запрещеніе собираться на бесѣды и ходить по улицамъ, послѣ 8 ч. веч., съ гармоніей и пѣснями; запрещеніе, во время голода, брать муку у лицъ, не получившихъ отъ земскаго начальника разрѣшенія на даровую ея раздачу; требованіе, чтобы жители „не забывали Бога“ (т.-е. посѣщали церковь), и чтобы молодые почитали старшихъ. Административная кара по ст. 61-ой—единственная санкція всѣхъ подобныхъ приказаній и запрещеній. Весьма важно, поэтому, опредѣлить, могутъ ли они быть причислены къ категоріи *законныхъ* требованій и распоряженій земскаго начальника. Въ положеніи 12 іюля 1889 г. есть только одна статья, изъ которой выводится, обыкно-

[1]) Вотъ, напримѣръ, распоряженіе одного изъ земскихъ начальниковъ орловской губерніи, приводимое нами буквально: „настоящій приказъ прочесть тебѣ (т.-е. волостному старшинѣ) всѣмъ сельскимъ обществамъ при полныхъ сельскихъ сходахъ, отъ мала до велика. Предписываю крестьянамъ и мѣщанамъ ввѣреннаго мнѣ участка при встрѣчѣ съ помѣщикомъ сворачивать съ дороги и снимать шапки. За неисполненіе настоящаго моего предписанія виновные въ томъ будутъ подвергнуты мною аресту. Исполнить немедленно и мнѣ донести“.

венно, право вмѣшательства земскаго начальника въ внутреннюю жизнь сельскаго населенія. Это—статья 39-ая, по которой „на земскаго начальника возлагается попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка, по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, указаннымъ въ пун. 8 и 16 ст. 51 и въ пун. 2 и 3 ст. 78 общаго положенія о крестьянахъ". Уже буквальный смыслъ этой статьи устраняетъ всякую мысль о властной регламентаціи сельскаго быта, о вторженіи въ него съ цѣлой системой приказовъ и запретовъ. *Попеченіе* не имѣетъ ничего общаго съ *требованіемъ*; оно выражается въ совѣтахъ, въ разъясненіяхъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ помощи, но отнюдь не въ формулѣ: sic volo, sic jubeo. Еще яснѣе это становится при сравненіи ст. 39-ой съ тѣми статьями общаго положенія о крестьянахъ, на которыя въ ней сдѣлана ссылка. Пун. 8 ст. 51 предусматриваетъ *совѣщанія и ходатайства* объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ. *Участіе* въ совѣщаніи, *поддержка* ходатайства (или, наоборотъ, указаніе причинъ, по которымъ оно не подлежитъ удовлетворенію) —вотъ границы, сами собою вытекающія отсюда для *попеченія* земскаго начальника. Все относящееся къ общинному пользованію землею (а слѣдовательно, и ко времени вспашки полей, къ городьбѣ, къ проведенію канавъ) предусмотрѣно другимъ (6-мъ) пунктомъ ст. 51 и уже потому подъ дѣйствіе ст. 39 Положенія 12 іюля вовсе не подходитъ. Въ пун. 16 ст. 51 говорится о назначеніи ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованій. И здѣсь, очевидно, роль земскаго начальника—чисто-совѣщательная, такъ какъ *назначеніе* ссудъ и пособій зависитъ отъ сельскаго схода. Пун. 2 и 3 ст. 78 предоставляетъ волостному сходу *постановленіе* о всѣхъ предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости, а также мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, распоряженія по волостнымъ запаснымъ магазинамъ. Распорядительною властью является здѣсь, такимъ образомъ, волостной сходъ: ни изъ чего нельзя заключить, чтобы онъ долженъ былъ раздѣлить ее съ земскимъ начальникомъ или, тѣмъ болѣе, поступиться ею въ его пользу. Какъ ни смотрѣть на ст. 39-ю, она, во всякомъ случаѣ, касается только интересовъ общественныхъ, подлежащихъ вѣденію сельскаго или волостного схода а отнюдь не частной, домашней жизни отдѣльныхъ крестьянъ. Никакой сходъ не можетъ заставить крестьянина ходить въ церковь, не можетъ запретить ему покупку искусственнаго удобренія или принятіе муки отъ благотворителя, дѣйствующаго безъ оффиціальной бумаги; не можетъ, поэтому, предъявлять къ крестьянамъ подобныхъ

требованій и земскій начальникъ. Крестьянинъ, какъ частное лицо, остается до сихъ поръ тѣмъ полноправнымъ гражданиномъ, какимъ сдѣлала его реформа 19 февраля. Не отмѣнены и не измѣнены тѣ статьи общаго положенія о крестьянахъ (21, 22, 23, 24, 25, 29, 30, 31, 33), которыя ставятъ личное и имущественное положеніе крестьянина подъ охрану общихъ для всѣхъ законовъ. Какимъ образомъ можно запрещать крестьянину покупку, напримѣръ, фосфорита, разъ что ст. 31-я признаетъ все вообще движимое имущество крестьянина „вполнѣ ему принадлежащимъ"? Какъ совмѣстить вмѣшательство въ хозяйственную дѣятельность крестьянина (напр. приказъ копать канаву) съ ст. 33-ей, гарантирующей за крестьянами право распоряженія ихъ имуществомъ?..

Незаконность или, лучше сказать, противозаконность предписаній и запрещеній въ родѣ приведенныхъ нами выше, сдѣлается еще нагляднѣе, если мы попробуемъ подвести ихъ подъ одно изъ понятій, установленныхъ наукою и усвоенныхъ положительными законодательствами. Въ недавно вышедшей, весьма интересной книгѣ Н. М. Коркунова: „Указъ и законъ" (Спб., 1894), мы встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе указа (не вполнѣ совпадающее съ нашей оффиціальной терминологіей, но совершенно соотвѣтствующее сущности дѣла): „Указъ есть общее правило, установляемое въ порядкѣ управленія. Указъ отличается отъ закона отсутствіемъ законодательной формы, отъ другихъ актовъ управленія—тѣмъ, что имъ устанавливается не частное распоряженіе, а общее правило". Особенно важное значеніе имѣютъ указы „юридическіе" (Rechtsverordnungen), которые „опредѣляютъ юридическія нормы и обусловливаютъ, тѣмъ самымъ, установленіе правъ и обязанностей для частныхъ лицъ". Къ числу такихъ юридическихъ указовъ принадлежатъ, очевидно—не по формѣ, но по существу—всѣ распоряженія земскихъ начальниковъ, имѣющія общій характеръ (т.-е. распространяющіяся на цѣлую совокупность однородныхъ случаевъ), если они, притомъ, ограничиваютъ свободу дѣйствій частныхъ лицъ, стѣсняютъ ихъ права или возлагаютъ на нихъ новыя обязанности. Подчиненные органы управленія—продолжаемъ цитировать проф. Коркунова—могутъ издавать такъ называемые „не-самостоятельные" указы (въ противоположность „самостоятельнымъ", исходящимъ отъ верховной власти) не иначе, какъ на основаніи спеціальнаго полномочія закона. „Частныя лица"—говоритъ г. Коркуновъ—„не находятся въ особомъ непосредственномъ подчиненіи административнымъ учрежденіямъ. Они подчинены собственно закону, а распоряженіямъ администраціи—лишь настолько, насколько распоряженія эти сами основаны на законѣ. Поэтому изъ общаго характера административныхъ функцій не вытекаетъ само

собою право административныхъ органовъ налагать какія-либо обязанности на гражданъ. Административная власть заключается въ осуществленіи задачъ государственнаго управленія въ предѣлахъ и условіяхъ, установляемыхъ законодательствомъ". Всѣ эти безспорныя положенія вполнѣ примѣнимы къ земскимъ начальникамъ. Издавать *указы*, т.-е. установлять, для подвѣдомственнаго имъ населенія, общія, обязательныя правила, они могли бы только въ такомъ случаѣ, еслибы получили на то спеціальное полномочіе, путемъ закона; но подобнаго полномочія имъ не дано, ни косвенно, ни прямо. Скажемъ болѣе: едва-ли оно и можетъ когда-либо быть дано имъ. „Нѣтъ основанія",—читаемъ мы у г. Коркунова,—„чтобы правомъ изданія указовъ надѣлены были непремѣнно всѣ административные органы. Напротивъ, это право естественно предоставляется лишь тѣмъ органамъ, которые являются, и по своей организаціи, и по характеру своихъ функцій, болѣе къ тому подходящими. Съ этой точки зрѣнія не безразлично, призванъ ли данный органъ вѣдать общее направленіе разнообразныхъ задачъ управленія, или же завѣдывать исключительно одной, спеціальной задачей, представляется ли онъ единоличнымъ или коллегіальнымъ, органомъ правительственнымъ или органомъ самоуправленія". Наилучшей системой авторъ считаетъ ту, при которой право изданія мѣстныхъ указовъ принадлежитъ органамъ самоуправленія (и притомъ не исполнительнымъ, а распорядительнымъ, т.-е. у насъ—не городскимъ и земскимъ управамъ, а городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ), совмѣстно съ администраціей „области", т.-е. крупной мѣстной административной единицы (у насъ—губерніи). Съ этой точки зрѣнія изданіе „указовъ" земскими начальниками не выдерживаетъ, очевидно, никакой критики; здѣсь нѣтъ ни коллегіальности, ни участія органовъ самоуправленія, ни достаточно широкаго кругозора, ни такихъ особенностей, которыми оправдывалось бы спеціальное дополненіе общаго закона. *Губерніи* могутъ настолько отличаться другъ отъ друга, чтобы примѣнимое къ одной оказывалось неприменимо къ другой; но развѣ мыслимо такое различіе между двумя сосѣдними земскими *участками*? Развѣ можно допустить, что для одного изъ нихъ потребны какія-то особыя правила, безъ которыхъ прекрасно обходится другой?

Право изданія мѣстныхъ указовъ—или, по принятой терминологіи, *обязательныхъ постановленій*—принадлежитъ у насъ съ одной стороны губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ, съ другой—земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, при участіи и съ утвержденія администраціи. Оставляя въ сторонѣ обязательныя постановленія второй категоріи, посмотримъ, какими условіями обставлено изданіе постановленій чисто-административныхъ. Предметомъ ихъ могутъ быть

только общественное благочиніе, порядокъ и безопасность, цѣлью—правильное и успѣшное исполненіе, сообразно съ мѣстными условіями, существующихъ узаконеній. Содержаніемъ своимъ они не должны противорѣчить ни закону, ни постановленіямъ высшихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Они публикуются троекратно въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, выставляются въ теченіе мѣсяца на видныхъ мѣстахъ площадей и главныхъ улицъ. О каждомъ новомъ постановленіи доводится немедленно до свѣденія министра внутреннихъ дѣлъ, который можетъ дополнять, измѣнять и отмѣнять эти постановленія. Частныя лица могутъ приносить на обязательныя постановленія жалобы, въ обще-установленномъ порядкѣ. Таковы мѣры предосторожности, принятыя противъ злоупотребленія, со стороны высшей губернской власти, правомъ издавать обязательныя постановленія. Можно ли допустить, затѣмъ, что низшимъ органамъ администраціи аналогичное право предоставлено безъ всякихъ предосторожностей, безъ всякихъ условій? Еслибы земскому начальнику предназначалась роль законодателя au petit pied, еслибы его имѣлось въ виду облечь властью установлять, для мѣстныхъ жителей, общія, обязательныя правила, то, конечно, законъ указалъ бы границы и порядокъ пользованія этою властью, а также средства защиты противъ неправильнаго ея примѣненія. Ничего подобнаго мы въ положеніи 12 іюля 1889 г. не видимъ—и изъ молчанія закона вытекаетъ, съ полною очевидностью, отсутствіе у земскихъ начальниковъ какой бы то ни было указной власти. Они присвоиваютъ ее себѣ *вопреки закону*: ничѣмъ и никѣмъ не регулированная, она является въ ихъ рукахъ источникомъ произвола, орудіемъ нарушенія основныхъ началъ права. Указъ, прежде всего, не долженъ противорѣчить закону: общія распоряженія земскихъ начальниковъ, какъ мы уже видѣли, сплошь и рядомъ идутъ въ разрѣзъ съ закономъ. Законъ, напримѣръ, разрѣшаетъ крестьянамъ домашнее пивовареніе—земскій начальникъ его запрещаетъ; законъ гарантируетъ за собственникомъ свободное распоряженіе его имуществомъ—земскій начальникъ запрещаетъ покупку улучшенныхъ сѣмянъ и искусственныхъ удобреній... Губернаторъ и генералъ-губернаторъ не должны, въ своихъ обязательныхъ постановленіяхъ, выходить изъ области охраненія благочинія, порядка и безопасности; земскій начальникъ вторгается въ область благоустройства, въ область хозяйственнаго и семейнаго быта. Губернаторъ и генералъ-губернаторъ должны заботиться о возможно бо́льшемъ оглашеніи издаваемыхъ ими обязательныхъ постановленій; земскій начальникъ ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не считаетъ себя связаннымъ. На обязательныя

постановленія губернатора и генералъ-губернатора могутъ быть приносимы жалобы; обязательныя постановленія земскаго начальника обжалованію не подлежатъ, по той простой причинѣ, что они вовсе не предусмотрѣны закономъ. Нарушеніе обязательныхъ постановленій губернатора и генералъ-губернатора влечетъ за собою (за исключеніемъ мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной или чрезвычайной охраны) судебную отвѣтственность, при чемъ отъ суда зависитъ, конечно, повѣрить законность постановленія; нарушеніе обязательныхъ постановленій земскаго начальника наказывается, безапелляціонно, самимъ земскимъ начальникомъ.

Какимъ образомъ, однако, могла установиться практика, столь явно несогласная съ закономъ и съ основными принципами правомѣрнаго государственнаго устройства? Первая причина этой аномаліи —неправильное толкованіе ст. 61-й. Упущено было изъ виду, что требованія или распоряженія земскаго начальника, о неисполненіи которыхъ говорится въ ст. 61-й — это отдѣльные административные акты, относящіеся къ одному данному случаю, акты, ничего не предрѣшающіе на будущее время и притомъ *законные*, т.-е. совершаемые на основаніи и въ предѣлахъ регулированной закономъ власти земскаго начальника. Вторая причина—это ошибочное представленіе о самомъ существѣ функцій земскаго начальника, какъ о чемъ-то не поддающемся точному опредѣленію, да и не требующемъ его, какъ о чемъ-то эластичномъ и безграничномъ, обусловливаемомъ только „бытовыми соображеніями", т.-е. необходимостью подтянуть и дисциплинировать крестьянство. Подобныя мысли носились въ воздухѣ, когда подготовлялась мѣстная судебно-административная реформа — но онѣ не получили оффиціальнаго признанія, не легли въ основаніе новаго закона. Третья причина—это безапелляціонность взысканій, налагаемыхъ по ст. 61-й. Изъ того, что они не подлежатъ обжалованію, а также изъ того, что они налагаются „безъ всякаго формальнаго производства", стали выводить заключеніе, что надъ дискреціонной властью земскаго начальника нѣтъ и не должно быть никакого контроля, что ея объектомъ могутъ и должны служить всѣ стороны крестьянскаго быта. Что такое заключеніе неправильно, это видно уже изъ послѣднихъ словъ ст. 61-й: „въ каждомъ случаѣ наложенія взысканія долженъ быть составленъ земскимъ начальникомъ особый протоколъ". Цѣль этого требованія несомнѣнно заключается въ томъ, чтобы сдѣлать возможной провѣрку мотивовъ, на основаніи которыхъ наложено взысканіе. Еще важнѣе, съ занимающей насъ точки зрѣнія, ст. 127 положенія 12-го іюля 1889 г., предоставляющая губернскому присутствію входить въ прав. сенатъ съ представленіями объ отмѣнѣ

окончательныхъ постановленій [1]) земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ по дѣламъ административнымъ: 1) когда этими должностными лицами или учрежденіями принято къ разсмотрѣнію дѣло, не подлежащее ихъ вѣдомству, и 2) когда постановленіе состоялось съ превышеніемъ власти или *съ явнымъ нарушеніемъ закона.* На практикѣ, въ послѣднее время, эта статья возбуждаетъ весьма серьезныя разногласія. Существуетъ мнѣніе, что къ постановленіямъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ она непримѣнима вовсе. Положеніе 12-го іюля 1889 г.—такъ разсуждаютъ защитники этого мнѣнія—имѣло въ виду создать власть *твердую*, соединяющую въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ обязанностями по охраненію, въ сельскихъ мѣстностяхъ, благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ, вслѣдствіе чего земскимъ начальникамъ и предоставлены соотвѣтственныя права, однимъ изъ проявленій которыхъ служитъ ст. 61-я. Все постановленное въ предѣлахъ этой статьи должно подлежать немедленному исполненію и не можетъ быть перерѣшаемо въ инстанціонномъ порядкѣ. Единственное возможное послѣдствіе жалобы противъ такого постановленія—это возбужденіе противъ земскаго начальника дисциплинарнаго производства. По ст. 127-й постановленіе, основанное на ст. 61-й, можетъ быть отмѣнено только въ такомъ случаѣ, если имъ опредѣленъ арестъ болѣе чѣмъ на три дня или штрафъ болѣе чѣмъ въ шесть рублей, или если взысканію подвергнуто лицо неподвѣдомственное крестьянскому общественному управленію... Едва ли нужно доказывать, что это мнѣніе идетъ въ разрѣзъ съ буквальнымъ смысломъ ст. 127-й, по которому подлежатъ отмѣнѣ всѣ окончательныя (административныя) постановленія земскаго начальника (а слѣдовательно, и постановленія, основанныя на ст. 61-й), состоявшіяся съ превышеніемъ власти или съ явнымъ нарушеніемъ закона. Замѣнить отмѣну явно-незаконнаго постановленія возбужденіе дисциплинарнаго производства, очевидно, не можетъ. Подвергнуть земскаго начальника отвѣтственности за явное нарушеніе закона, и въ то же время оставить въ силѣ самое нарушеніе—было бы вопіющимъ противорѣчіемъ, колеблющимъ уваженіе къ закону и довѣріе къ власти. Не всегда, вдобавокъ, нарушеніе закона требуетъ уголовной или дисциплинарной кары: оно можетъ быть допущено bona fide, по неопытности, по недоразумѣнію, по неправильному пониманію закона. Развѣ кассаціонный сенатъ, отмѣняя судебное рѣшеніе вслѣдствіе явнаго нарушенія закона, всегда привлекаетъ къ отвѣтственности судей, постановившихъ рѣшеніе? Наоборотъ, такіе

[1]) Окончательными признаются, между прочимъ — по ст. 64 положенія – постановленія земскаго начальника, основанныя на ст. 61-й.

случаи сравнительно рѣдки; обыкновенно отмѣна рѣшенія не влечетъ за собою никакихъ личныхъ послѣдствій для судей.

Другое мнѣніе, менѣе крайнее, не отрицаетъ возможность примѣненія ст. 127-й къ постановленіямъ, основаннымъ на ст. 61-й, но стремится заключить его въ самыя тѣсныя рамки. Оно также исходитъ изъ необходимости поддерживать авторитетъ земскихъ начальниковъ; оно считаетъ достаточнымъ предупреждать, путемъ надзора и руководительства, *повтореніе* ошибокъ, оставляя въ силѣ ошибки уже сдѣланныя, за исключеніемъ случаевъ особенно важныхъ. Ст. 127 *не обязываетъ* губернскія присутствія представлять объ отмѣнѣ явно-незаконныхъ постановленій; она только *даетъ имъ на то право*, и этимъ правомъ они должны пользоваться крайне осторожно, лишь въ случаѣ дѣйствительной надобности, въ связи съ обстоятельствами дѣла, поводами къ его возникновенію, существомъ сдѣланнаго распоряженія и возможными послѣдствіями его отмѣны, послѣ того какъ оно уже исполнено. Въ тѣхъ же предѣлахъ, съ тою же осторожностью, ст. 127-я должна быть примѣняема и сенатомъ... Намъ кажется, что приверженцы этого мнѣнія упускаютъ изъ вида одну существенно-важную истину: въ дѣятельности должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ всякое *право* неразрывно связано съ *обязанностью*. Кто имѣетъ право наблюдать за точнымъ исполненіемъ закона и принимать мѣры къ возстановленію правонарушеній, тотъ *обязанъ* пользоваться своимъ правомъ, не останавливаясь ни передъ какими побочными соображеніями. Что̀ сказали бы мы о до-реформенномъ губернскомъ прокурорѣ, который позволялъ бы себѣ пропускать явно незаконныя опредѣленія, подъ предлогомъ сравнительной ихъ неважности или нежелательности колебать авторитетъ постановившей ихъ инстанціи? Что̀ сказали бы мы о современномъ прокурорѣ, который оставилъ бы безъ протеста очевидно неправильный приговоръ суда, успокоивая себя мыслью, что протестовать онъ только въ правѣ, но вовсе не обязанъ? Губернскому присутствію ст. 127-я предоставляетъ роль аналогичную съ прокурорскою; прикрывая, своимъ молчаніемъ, *явное нарушеніе закона*, оно несомнѣнно допустило бы преступное бездѣйствіе власти. Каковы бы ни были обстоятельства дѣла, поводы къ его возникновенію, возможныя послѣдствія отмѣны — явное нарушеніе закона не можетъ и не должно оставаться безгласнымъ. Губернское присутствіе *должно* довести о немъ до свѣденія сената, который, въ свою очередь, *долженъ*—если признаетъ мнѣніе присутствія по существу правильнымъ — отмѣнить незаконное постановленіе. Если въ силу этого постановленія взысканъ былъ денежный штрафъ, ничто не мѣшаетъ возвратить его по принадлежности. Неотмѣнимымъ является, правда,

однажды отбытый арестъ; но для лица, его отбывшаго, далеко не безразлично узнать, что понесенная имъ кара была лишена законныхъ основаній. Еще важнѣе, чтобы это узнали другіе, въ особенности когда взысканіе было наложено за неисполненіе „указа" земскаго начальника. Для населенія всего участка отмѣна подобнаго взысканія будетъ равносильна объявленію объ отмѣнѣ самаго указа.

Настаивая на такомъ толкованіи ст. 127-й, которымъ обезпечивалась бы возможность отмѣны явно незаконныхъ актовъ административно-карательной власти, мы вполнѣ сознаемъ, однако, всю недостаточность этой гарантіи. На практикѣ примѣненіе ст. 127-й возможно только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ составъ губернскаго присутствія, при разрѣшеніи административныхъ дѣлъ, входятъ *шесть* представителей администраціи (губернаторъ, вице-губернаторъ, управляющіе казенной палатой и государственными имуществами и два непремѣнныхъ члена), *одинъ* представитель судебнаго вѣдомства (прокуроръ) и *два* выборныхъ лица (губернскій предводитель дворянства и предсѣдатель губернской земской управы), изъ которыхъ одно (губернскій предводитель), принимая близкое участіе въ назначеніи земскихъ начальниковъ, заинтересовано, наравнѣ съ администраціей, въ охраненіи ихъ „авторитета". Для того чтобы коллегія, такимъ образомъ составленная, вошла съ представленіемъ объ отмѣнѣ окончательнаго постановленія земскаго начальника, нужна совсѣмъ особая, рѣдко встрѣчающаяся комбинація обстоятельствъ. Большинство членовъ губернскаго присутствія находится въ зависимости, прямой или косвенной, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Допустимъ, что министерство усвоило себѣ одно изъ тѣхъ толкованій ст. 127-й, противъ которыхъ мы возражали выше; много ли, затѣмъ, найдется губернскихъ присутствій, которыя рѣшатся понимать и примѣнять ее иначе?.. Въ виду серьезной опасности, сопряженной съ чрезмѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ дискреціонной власти, необходимо было бы установить такой порядокъ, при которомъ пользованіе этою властью находилось бы подъ контролемъ сената, независимо отъ могущихъ быть или не быть представленій губернскихъ присутствій. Достигнуть этого можно было бы или разрѣшеніемъ прокурору окр. суда представлять сенату о явныхъ нарушеніяхъ закона, обнаруживаемыхъ въ окончательныхъ (административныхъ) постановленіяхъ земскихъ начальниковъ, или предоставленіемъ частнымъ лицамъ права жаловаться на эти постановленія, въ порядкѣ надзора, губернскому присутствію, а на губернское присутствіе — сенату, или, наконецъ, одновременно обоими способами. Само собою разумѣется, что еще болѣе цѣлесообразнымъ представлялась бы, съ нашей точки зрѣнія, коренная перемѣна въ условіяхъ примѣненія административно-карательной власти

земскаго начальника—но это совсѣмъ особый вопросъ, въ обсужденіе котораго мы теперь входить не будемъ.

Административно-карательная власть принадлежитъ земскимъ начальникамъ, какъ извѣстно, не только по отношенію къ частнымъ лицамъ, подвѣдомственнымъ крестьянскому общественному управленію, но и по отношенію къ должностнымъ лицамъ этого управленія. Статья 62-я положенія 12-го іюля 1889 г., регулирующая эту сторону дѣятельности земскаго начальника, возбуждаетъ, на практикѣ, не такъ много спорныхъ вопросовъ, какъ ст. 61-я. Мы остановимся только на двухъ недоразумѣніяхъ, къ которымъ она можетъ подать поводъ. Обязательно ли, во-первыхъ, составленіе особаго протокола о каждомъ взысканіи, налагаемомъ на основаніи ст. 62-й? Мы думаемъ, что обязательно, хотя въ ст. 62-й и не повторено прямое требованіе по этому предмету, выраженное въ ст. 61-й. Хотя постановленія, основанныя на ст. 62-й, и считаются окончательными, но въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 127, они точно такъ же подлежатъ отмѣнѣ, какъ и постановленія, основанныя на ст. 61-й. Отсюда ясно, что они должны быть облечены въ письменную форму и мотивированы настолько подробно, чтобы можно было судить о ихъ законности и правильности. Это необходимо и на случай ревизіи дѣлопроизводства земскаго начальника, и на случай привлеченія его къ дисциплинарной отвѣтственности. Ограничивается ли, во-вторыхъ, сфера примѣненія ст. 62-й маловажными проступками по должности, допущенными со стороны должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія, или же земскій начальникъ рѣшительно ничѣмъ не стѣсненъ въ наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій? Для насъ совершенно очевидно, что административной карѣ подлежатъ, по ст. 62-й, только *проступки* должностныхъ лицъ. Относительно тѣхъ случаевъ, когда вопросъ объ отвѣтственности должностного лица возбужденъ по непосредственному усмотрѣнію земскаго начальника, это явствуетъ изъ буквальнаго смысла ст. 62-й, а между тѣмъ нельзя же допустить, чтобы при разсмотрѣніи жалобъ административно-карательная власть земскаго начальника была болѣе обширна, чѣмъ, напримѣръ, при ревизіи волостного суда или волостного правленія. На практикѣ, однако, должностныя лица крестьянскаго управленія нерѣдко штрафуются земскими начальниками и за такія дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ ничего похожаго на проступокъ по должности—напр., за „непреслѣдованіе судебныхъ раздѣловъ", за „недостаточную заботу о внушеніи населенію уваженія къ земскому начальнику", за явку къ земскому начальнику безъ знака, за неявку волостного судьи въ засѣданіе волостного суда, хотя и по уважительной причинѣ, но безъ извѣщенія предсѣдателя. Для

должностныхъ, какъ и для частныхъ лицъ неисполненіе требованія земскаго начальника можетъ служить источникомъ отвѣтственности только тогда, когда требованіе законно—а удовлетворяетъ ли этому условію, напримѣръ, требованіе, чтобы весь волостной судъ in corpore присутствовалъ при исполненіи приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи? Съ другой стороны, есть требованія неисполнимыя или трудно исполнимыя—напр., требованіе *немедленной явки*, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ обозрѣній (1892 г., № 11). Одинъ изъ земскихъ начальниковъ требовалъ явки къ нему *еженедѣльно* всѣхъ волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и предсѣдателей волостныхъ судовъ, для выслушанія его распоряженій—и это происходило въ вятской губерніи, гдѣ разстоянія громадны и дороги часто непроѣздимы! Неужели можно было бы признать законнымъ взысканіе, положенное за неисполненіе такого требованія?..

Закончимъ наши замѣчанія о предѣлахъ власти земскаго начальника выпискою изъ газеты, которой изрѣдка случается обмолвиться разумнымъ словомъ. „Мы не должны,—пишетъ въ „Гражданинѣ“ (№ 27) одинъ изъ земскихъ начальниковъ, отъ имени своихъ товарищей по званію,—мы отнюдь не должны врываться въ область частной крестьянской жизни... Я могу совѣтовать крестьянину жить мирно съ его братомъ или сосѣдомъ, не бить жены, посылать дѣтей въ школу, отдавать ихъ учиться мастерствамъ, сообразно съ наклонностями каждаго, не препятствовать имъ избирать другія профессіи, кромѣ хлѣбопашества, и т. д., но я могу преподать все это лишь въ видѣ совѣта, и притомъ тогда, когда крестьянинъ относится ко мнѣ съ довѣріемъ, и я знаю, что онъ выполнитъ мой совѣтъ. Подобная форма, такъ сказать, пассивнаго вмѣшательства должна быть принята за правило и въ отношеніи частнаго хозяйства крестьянъ. Я знаю примѣры, когда земскіе начальники, проѣзжая по деревнѣ, призывали домохозяевъ и приказывали — одному поправить заборъ, другому разломать его, третьему перенести баню, четвертому сѣять вмѣсто картофеля хмель и т. п. Всѣ подобныя приказанія принимаются, конечно, съ крайнимъ неудовольствіемъ, какъ посягательство на свободу личности. Надо помнить, что у каждаго крестьянина домашній бытъ построенъ всецѣло на экономическомъ положеніи хозяина и рабочей силѣ двора; слѣдовательно, при всемъ желаніи, онъ далеко не всегда имѣетъ возможность строить новые заборы и разводить хмельники. Наконецъ, одному земскому начальнику можетъ показаться, что разведеніе хмеля выгодно, а пріѣдетъ на его мѣсто другой—и склонится на сторону картофеля. Что тогда дѣлать мужику? Повторяю, что и въ этой сферѣ возможны и даже полезны самые разнообразные совѣты, особенно изъ устъ земскаго начальника, который

свѣдущъ (а много ли такихъ?) въ сельскомъ хозяйствѣ—но только именно совѣты, а отнюдь не приказанія"... На страницахъ „Гражданина" такія разсужденія пріобрѣтаютъ особенную цѣнность.

Коммиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, объ учрежденіи которой мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, составилась, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи Н. В. Муравьева, изъ слѣдующихъ членовъ: товарища министра П. М. Бутовскаго, управляющаго межевою частью сенатора И. Л. Горемыкина, сенаторовъ: Н. Н. Шрейбера, С. И. Лукьянова, барона А. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандта, Н. Н. Мясоѣдова, Н. С. Таганцева, А. Ѳ. Кони, В. А. Желеховскаго и К. А. Мальчевскаго, товарища государственнаго секретаря Н. А. Неклюдова, товарища министра финансовъ А. Я. Антоновича, статсъ-секретаря государственнаго совѣта Г. И. Шамшина, директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. П. Долгово-Сабурова, управляющаго земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ А. С. Стишинскаго, директоровъ перваго и второго департаментовъ министерства юстиціи Н. Э. Шмемана и В. Р. Завадскаго, оберъ-прокуроровъ перваго, третьяго и гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ правительствующаго сената, И. П. Закревскаго, А. Г. Гасмана и графа В. А. Тизенгаузена, члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, М. Ф. Люце, и вице-директора департамента государственнаго казначейства министерства финансовъ М. Д. Дмитріева. Дѣлопроизводство коммиссіи возложено на юрисконсультскую часть перваго департамента министерства юстиціи.

До половины мая коммиссія имѣла два засѣданія, посвященныя выслушанію и обсужденію сообщенія предсѣдателя объ основаніяхъ, планѣ и организаціи работъ коммиссіи. Подробная программа занятій коммиссіи уже выработана; приступлено къ предварительной разработкѣ матеріаловъ, на что, вѣроятно, понадобится времени приблизительно до конца этого года, когда предполагается начать самый пересмотръ узаконеній по судебной части, съ тѣмъ, чтобы окончить его, примѣрно, въ три года. Въ видахъ бо́льшаго удобства, коммиссія распредѣлила свои занятія по четыремъ отдѣламъ или подкоммиссіямъ, а именно: *мѣстныхъ судебныхъ установленій* — подъ предсѣдательствомъ сенатора *И. Л. Горемыкина*; *судоустройства* вообще—подъ предсѣдательствомъ сенатора *Н. Н. Шрейбера*; *уголовнаго судопроизводства*—подъ предсѣдательствомъ сенатора *Н. С. Таганцева*, и *гражданскаго судопроизводства* — подъ предсѣдательствомъ сенатора *С. И. Лукьянова*. Всѣ

общіе принципіальные вопросы и окончательное разсмотрѣніе составленныхъ отдѣлами законодательныхъ предположеній будутъ дѣломъ всѣхъ членовъ коммиссіи. Главнѣйшіе изъ подготовительныхъ трудовъ по пересмотру судебныхъ уставовъ, въ томъ числѣ и вступительныя сужденія коммиссіи по содержанію ея программы, будутъ напечатаны въ проектированномъ къ возстановленію въ текущемъ году „Журналѣ Министерства Юстиціи". Появленія выхода въ свѣтъ первой книжки этого журнала нельзя ожидать, судя по газетнымъ сообщеніямъ, раньше ноября мѣсяца. Весьма желательно, поэтому, чтобы программа работъ коммиссіи появилась въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и сдѣлалась теперь же предметомъ обсужденія въ печати.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1894 г.

Внутренняя политика во Франціи.—Казиміръ Перье, его предшественники и вѣроятные преемники. — Причины недолговѣчности министерствъ. — Международный конгрессъ горнорабочихъ въ Берлинѣ.—Проектъ Жюля Геда во французской палатѣ.— Новое министерство Дюпюи и его программа.—Государственные перевороты въ Сербіи.—Паденіе Стамбулова и успѣхи принца Фердинанда.

Тридцать-второе — по счету „Times'"а — министерство третьей республики во Франціи окончило свое существованіе послѣ обычныхъ парламентскихъ успѣховъ и неудачъ. Казиміръ Перье все одерживалъ блестящія побѣды въ палатѣ депутатовъ, пока, наконецъ, не дошелъ до такого торжества, за которымъ неминуемо слѣдуетъ паденіе. То же самое было и съ предшествовавшими ему кабинетами Дюпюи и Рибо. Когда малоизвѣстный и непопулярный въ началѣ Шарль Дюпюи упрочилъ, повидимому, свое положеніе и оказался очень хорошимъ и симпатичнымъ министромъ, онъ счелъ себя вынужденнымъ выйти въ отставку. Рибо былъ свергнутъ послѣ неоднократныхъ заявленій довѣрія со стороны палаты. Казиміръ Перье имѣлъ больше всего парламентскихъ успѣховъ именно въ послѣдніе дни; даже въ томъ самомъ засѣданіи 22-го (10-го) мая, которое привело къ министерскому кризису, составилось крупное большинство въ пользу умѣренной политики правительства, по поводу внесеннаго соціалистомъ Жюлемъ Гедомъ предложенія о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, а часъ спустя кабинетъ остался въ меньшинствѣ, по мелкому въ сущности вопросу, лишенному всякаго политическаго значенія.

Въ Парижѣ собрался „національный конгрессъ федераціи желѣзно-дорожныхъ синдикатовъ", на которомъ должны были присутствовать служащіе и рабочіе французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Большія желѣзно-дорожныя компаніи не соглашались на этотъ разъ дать отпускъ членамъ желѣзно-дорожныхъ синдикатовъ, пожелавшимъ участвовать въ занятіяхъ конгресса. Депутатъ Салисъ, принадлежащій къ соціалистической группѣ, спросилъ министра публичныхъ работъ Жоннара, употребилъ ли онъ свое вліяніе, чтобы побудить компаніи къ уступчивости. Министръ находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ удачнаго исхода преній о проектѣ Жюля Геда (401 голосъ за предложеніе Барту, поддержанное Жоннаромъ отъ имени правительства, и только 94—противъ); онъ поэтому съ большою жи-

востью и энергіею отвѣчалъ на вопросъ Салиса, объясняя свою готовность содѣйствовать рабочимъ синдикатамъ въ ихъ законныхъ желаніяхъ и указывая въ то же время на необходимость принимать въ разсчетъ болѣе важные интересы безопаснаго и правильнаго желѣзно-дорожнаго движенія. Министръ выразилъ при этомъ мнѣніе, что служащіе и рабочіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ не могутъ, конечно, участвовать въ синдикатахъ, такъ какъ они имѣютъ дѣло не съ частными хозяевами-капиталистами, а съ государствомъ, отъ котораго получаютъ плату изъ средствъ бюджета. Позволить имъ ссылаться на законъ 1884 года о синдикатахъ значило бы, по мнѣнію министра, допускать прямое возстаніе противъ авторитета государства. Инцидентъ казался законченнымъ; но въ эту минуту депутатъ Журдъ, также соціалистъ, превращаетъ запросъ въ формальную интерпелляцію и требуетъ одинаковаго соблюденія закона какъ частными желѣзно-дорожными компаніями, такъ и управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Пренія становятся болѣе оживленными,— въ нихъ принимаютъ уже участіе не только соціалисты, но и радикалы и консерваторы. Министръ Жоннаръ опять доказываетъ, что правительство не можетъ заставлять желѣзно-дорожныя компаніи дѣйствовать въ духѣ требованій рабочихъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ нужно еще сообразоваться съ условіями и потребностями желѣзно-дорожной службы; а что касается казенныхъ дорогъ, то служащіе на нихъ должны подчиняться общимъ правиламъ, установленнымъ для агентовъ и чиновниковъ правительственной администраціи, и потому къ нимъ не можетъ примѣняться законъ 1884 года. Членъ правой, де-Рамель, возражаетъ противъ отнесенія желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ къ категоріи чиновниковъ и вноситъ предложеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ формулы, внесенной Мильераномъ. Тогда вмѣшивается и президентъ совѣта министровъ, Казиміръ Перье; онъ требуетъ простого перехода къ очереднымъ дѣламъ. Происходитъ голосованіе, и палата большинствомъ 251 голоса противъ 217 высказывается противъ министерства. Министры тотчасъ вышли изъ залы засѣданій, при торжествующихъ возгласахъ крайней лѣвой. Затѣмъ предложенная де-Рамелемъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ принята большинствомъ 250 голосовъ противъ 191.

Очевидно, сами оппозиціонныя группы не ожидали такого серьезнаго и значительнаго результата своей случайной аттаки на министра публичныхъ работъ; не ожидало этого и правительство, какъ можно судить по спокойнымъ и увѣреннымъ заявленіямъ Жоннара и Казиміра Перье. Министры не выходили изъ рамокъ частнаго вопроса, возбужденнаго противниками, и даже не имѣли повода ста-

вить вопросъ о довѣріи; споръ вращался около предмета весьма второстепеннаго, и за нимъ довольно вяло слѣдили въ палатѣ. Многіе сторонники правительства отсутствовали; другіе мало интересовались исходомъ преній и уклонились отъ участія въ голосованіи. Большинство, отвергнувшее простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, составилось изъ 220 крайнихъ республиканскихъ группъ (161 радикала и 59 соціалистовъ) и 31 умѣренныхъ и консервативныхъ (18 членовъ правой, 9 республиканцевъ и 4 представителей центра). Въ составѣ меньшинства оказалось 183 умѣренныхъ республиканца, 18 членовъ центра и 16 представителей правой. Не участвовало въ голосованіи 77 депутатовъ, въ томъ числѣ 53 республиканца, 16 членовъ правой и 9 представителей центра. Распредѣленіе голосовъ было бы, конечно, совершенно другое, еслибы прямо былъ поставленъ вопросъ о довѣріи къ кабинету; тогда всѣ умѣренные республиканскіе элементы считали бы долгомъ поддержать Казиміра Перье, и вѣроятно меньше нашлось бы также противниковъ въ рядахъ правой. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не видно признаковъ сознательной коалиціи между двумя враждебными правительству частями палаты—правою и крайней лѣвою; часть правой отдѣлилась отъ своихъ коллегъ по тѣмъ же частнымъ, спеціальнымъ соображеніямъ, какъ и нѣкоторые умѣренные республиканцы и представители центра. Засѣданіе, принадлежавшее къ разряду скучныхъ, пріобрѣло неожиданно важное политическое значеніе; оно началось легкою побѣдою надъ соціалистами и окончилось пораженіемъ кабинета.

Эти внезапные, повидимому ничѣмъ серьезнымъ не вызванные министерскіе кризисы приписывались прежде вліянію Клемансо, за которымъ даже утвердилась репутація „сокрушителя министерствъ“; но теперь въ палатѣ нѣтъ такого лица, которое могло бы съ успѣхомъ играть роль парламентскаго Варвика, и слѣдовательно нѣтъ прежняго удобнаго объясненія для частыхъ парламентскихъ сюрпризовъ. Сокрушителемъ министерства является теперь случайный ораторъ оппозиціи, выступающій съ какимъ-нибудь мелкимъ запросомъ, —въ родѣ депутата Салиса или Журда,—и кабинетъ проваливается нечаянно, среди неинтересныхъ и сбивчивыхъ преній. Кризису не предшествуетъ блестящій ораторскій турниръ, и онъ разыгрывается безъ всякой эффектной обстановки, при общемъ равнодушіи публики. Въ сущности не было даже настоящаго кабинетнаго кризиса, а была только неудача одного изъ министровъ по частному, незначительному поводу; Казиміръ Перье могъ не связывать судьбы правительства съ личнымъ положеніемъ министра публичныхъ работъ; онъ могъ свободно остаться во главѣ кабинета, замѣнивъ Жоннара кѣмъ-либо другимъ,—и, безъ сомнѣнія, такъ смотрѣли на дѣло умѣренныя

республиканскія партіи, которыя тотчасъ послѣ засѣданія выразили свое полное довѣріе къ политикѣ Казиміра Перье и находили вполнѣ возможнымъ и естественнымъ оставленіе власти въ его рукахъ. Однако Перье ушелъ, подобно тому какъ ушелъ безъ особенной причины предшественникъ его, Дюпюи.

Теперь обратно выступаетъ на сцену Дюпюи, занявшій мѣсто Перье въ качествѣ президента палаты депутатовъ, и оба вновь помѣняются мѣстами. Выходитъ какое-то chassé-croisé, смыслъ котораго не совсѣмъ ясенъ для постороннихъ наблюдателей. Почему Дюпюи, оказавшійся неподходящимъ въ прошломъ году, признается наиболѣе удобнымъ кандидатомъ въ настоящее время? Можно ли думать, что онъ лучше Перье справится съ задачами правительства—какъ въ прошломъ году думали, что Перье справится лучше его? Нѣтъ, конечно, никакого основанія для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ; Дюпюи остался тотъ же, что и былъ,—средній представитель политической порядочности, безъ самостоятельныхъ идей, безъ какихъ-либо выдающихся качествъ ума и характера, хотя и съ большимъ самообладаніемъ и хладнокровіемъ, какъ это онъ доказалъ въ памятный день взрыва бомбы въ палатѣ депутатовъ. У него нѣтъ иниціативы въ серьезныхъ политическихъ дѣлахъ; отъ него республиканское большинство не можетъ ждать руководящихъ указаній и новыхъ реформаторскихъ программъ. Когда въ апрѣлѣ прошлаго года онъ прочиталъ въ парламентѣ свою министерскую декларацію, то „Journal des Débats“ нашелъ въ ней здравыя истины, вполнѣ доступныя пониманію элементарныхъ школъ. Министерство его ознаменовалось борьбою съ рабочимъ движеніемъ, успѣшнымъ закрытіемъ парижской „биржи труда“, студенческими волненіями и успѣшными полицейскими схватками съ публикою на улицахъ Парижа; внѣшніе политическіе успѣхи, выразившіеся въ франко-русскихъ демонстраціяхъ и въ благополучномъ разрѣшеніи колоніальныхъ вопросовъ въ Сіамѣ и Дагомеѣ, не могли уже быть отнесены къ личнымъ заслугамъ Дюпюи. Казиміръ Перье—все-таки человѣкъ другого закала, съ сознательно выработанными убѣжденіями, съ безспорнымъ личнымъ авторитетомъ, съ твердыми нравственными принципами; онъ также сдѣлалъ немного, но въ его примирительной политикѣ относительно консервативныхъ элементовъ общества, въ его широкомъ пониманіи республики, какъ обнимающей всю французскую націю, а не одну республиканскую партію, наконецъ въ его признаніи законныхъ правъ рабочей демократіи, виденъ положительный государственный человѣкъ, какимъ и признаютъ его во Франціи даже прямые противники республиканскаго управленія. Тѣмъ не менѣе Казиміръ Перье, какъ глава кабинета, не успѣлъ примѣнить къ дѣлу свои

таланты и не оставляетъ послѣ себя плодотворныхъ политическихъ или соціальныхъ мѣръ; предложенные имъ законы противъ анархистовъ, имѣя лишь обычный полицейско-уголовный характеръ, не коснулись источниковъ зла и нисколько не ослабили его проявленій, какъ видно изъ позднѣйшихъ подвиговъ динамитчиковъ. Еще меньше серьезныхъ результатовъ обѣщаетъ министерство Дюпюи, и вся совершившаяся перемѣна можетъ скорѣе разочаровать, чѣмъ удовлетворить общественное мнѣніе во Франціи. Кабинетный кризисъ всегда вызываетъ извѣстныя надежды, и появленіе новыхъ людей во главѣ правительства даетъ нѣкоторый просторъ воображенію, оживляетъ политическую дѣятельность и вноситъ въ нее нѣчто новое,—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Элементъ неизвѣстности играетъ большую роль въ ожиданіяхъ публики; но этотъ элементъ устраняется составомъ новаго кабинета, и возможныя надежды на измѣненіе правительственной системы пресѣкаются въ самомъ зародышѣ.

Быть можетъ, Казиміръ Перье имѣлъ свою готовую программу, когда принялъ на себя трудную задачу управленія; но обстоятельства заставили его идти не по тому пути, котораго онъ думалъ держаться. Бомба Вальяна опредѣлила на первое время характеръ дѣятельности и заботъ министерства. Законопроекты противъ анархистовъ вызвали оппозицію среди депутатовъ крайней лѣвой и обезпечивали правительству симпатіи и поддержку правой, такъ что съ самаго начала политика кабинета получила нѣсколько односторонній консервативный оттѣнокъ. Позднѣе болѣе явственно обозначилась одна особенность „новаго курса“, о которомъ заявлялъ министръ народнаго просвѣщенія Спюллеръ,—примирительная тактика относительно церкви и духовенства,—но это направленіе не могло держаться долго, такъ какъ съ одной стороны противорѣчило традиціямъ республиканской партіи, а съ другой — слишкомъ мало поощрялось образомъ дѣйствій католической іерархіи. Министерство вынуждено было даже вступить въ прямую борьбу съ духовенствомъ по поводу вопроса о примѣненіи правилъ государственнаго контроля къ завѣдыванію имуществами и доходами приходскихъ церквей; оппозицію духовенства поддерживалъ папскій нунцій въ Парижѣ, и вмѣшательство его послужило предметомъ запроса и преній въ парламентѣ. Казиміръ Перье въ этомъ случаѣ вполнѣ удовлетворилъ республиканцевъ своимъ категорическимъ заявленіемъ о безусловной обязанности духовныхъ властей подчиняться авторитету и правамъ государства. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о прочномъ сближеніи умѣренной республиканской партіи съ консервативными и католическими элементами французскаго общества. Кабинетъ не могъ уже разсчитывать на правую сторону палаты

и имѣлъ предъ собою тѣсно сплоченныя группы непримиримыхъ противниковъ на крайней лѣвой. Единственною опорою его оставались умѣренные, такъ называемые правительственные республиканцы, представители парламентской рутины, отъ которыхъ нечего ждать сочувствія плодотворнымъ политическимъ начинаніямъ и реформамъ. Министерство Перье потеряло шансы долговѣчности, такъ какъ существованіе его зависѣло отъ ненадежнаго умѣреннаго большинства, которое могло въ каждый данный моментъ превратиться въ меньшинство при какомъ-нибудь случайномъ голосованіи палаты; въ то же время оно утратило прежніе шансы популярности, ибо популярность несовмѣстима съ безцвѣтнымъ оппортунизмомъ. Поэтому Казиміръ Перье имѣлъ всѣ основанія стремиться къ скорѣйшему почетному отступленію отъ министерскаго поста, и онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы покинуть правительственную власть и вернуться, если можно, на болѣе спокойное мѣсто президента палаты депутатовъ.

Министерскій кризисъ, по обыкновенію, разрѣшился не сразу; почти цѣлая недѣля прошла въ поискахъ подходящихъ кандидатовъ въ министры. При этомъ упоминались въ газетахъ одни и тѣ же имена, повторяющіяся за послѣдніе годы при всякой перемѣнѣ кабинета,—имена бывшихъ министровъ умѣреннаго или примирительно-радикальнаго направленія, Бриссона, Буржуа, Дюпюи. Кандидаты или тотчасъ отклоняли предлагаемую имъ честь, или отказывались послѣ тщетныхъ попытокъ найти охотниковъ на министерскій портфель между видными дѣятелями тѣхъ или другихъ парламентскихъ группъ. Эти упорные отказы многихъ лицъ отъ должности министра, мотивируемые разными принципіальными политическими соображеніями, всегда производятъ странное впечатлѣніе на людей, привыкшихъ къ другимъ условіямъ и порядкамъ. Говорятъ, что современные французы—матеріалисты, чуждые всякихъ идеальныхъ стремленій, и что среди парламентскихъ партій господствуетъ борьба личныхъ честолюбій и интересовъ. А между тѣмъ всякій разъ, когда образуется новый кабинетъ, замѣчается оригинальное явленіе:—люди, которыхъ просятъ быть министрами, не соблазняются громадными и очевидными выгодами, связанными съ министерскимъ званіемъ, и предпочитаютъ быть простыми депутатами, журналистами или адвокатами, такъ какъ не могутъ согласиться на временныя практическія отступленія отъ своихъ программъ по второстепеннымъ и иногда совершенно незначительнымъ вопросамъ. Было бы еще понятно, еслибы отказывались люди богатые и высокопоставленные: но, напримѣръ, Бюрдо́ живетъ скромно своимъ трудомъ, и его никакъ нельзя было убѣдить войти въ составъ новаго смѣшаннаго

кабинета, составленіе котораго было поручено Леону Буржуа и затѣмъ Пейтралю. Такъ же точно Буржуа, несмотря на настоянія Карно, не пожелалъ быть главою министерства на томъ основаніи, что не предвидѣлъ поддержки для своихъ реформаторскихъ проектовъ среди умѣренныхъ парламентскихъ группъ, выразившихъ свое довѣріе политикѣ Казиміра Перье.

Очевидно, не одно личное честолюбіе и не одно исканіе матеріальныхъ выгодъ руководятъ большинствомъ французскихъ республиканскихъ дѣятелей, крупныхъ и мелкихъ. Политическій идеализмъ чувствуется въ общественной атмосферѣ Франціи даже въ такіе періоды сравнительнаго застоя, какъ настоящій. Поучительна еще другая сторона французскихъ министерскихъ комбинацій. Выдающіеся и независимые члены парламента какъ будто боятся и избѣгаютъ министерскихъ портфелей; пока они сохраняютъ свободу, они могутъ пользоваться популярностью и подавать надежды, но, разъ попавъ въ члены правительства, они рискуютъ надолго или даже навсегда испортить свое положеніе въ случаѣ какой-нибудь роковой неудачи кабинета. Опытъ показалъ, что пребываніе на министерской скамьѣ чаще всего служитъ началомъ паденія политической репутаціи и забвенія прежнихъ заслугъ. Нѣтъ надобности приводить примѣры, — фактъ самъ по себѣ давно извѣстенъ и не подлежитъ никакому спору. Французское парламентское управленіе такъ устроено, что, въ противоположность англійскому, оно не выдвигаетъ министровъ на первый планъ, а принижаетъ и компрометируетъ ихъ, мѣшаетъ высказываться ихъ талантамъ и достоинствамъ, заставляетъ лавировать, произносить оффиціальныя фразы и, наконецъ, бросаетъ ихъ въ жертву общественному мнѣнію въ самый неудобный и тягостный для нихъ моментъ, когда совершились какія-либо неблагопріятныя событія, за которыя некому отвѣчать. Французская публика неумолимо злопамятна въ этихъ случаяхъ, и министръ, при которомъ произошло несчастіе гдѣ-нибудь въ Тонкинѣ, дѣлается самъ несчастнымъ на всю жизнь, хотя бы неудача была затѣмъ заглажена и вознаграждена дальнѣйшими успѣхами и пріобрѣтеніями. Малѣйшая тактическая ошибка или даже обмолвка въ палатѣ можетъ навсегда погубить министра, тогда какъ для простого депутата и оратора она не имѣла бы никакого значенія. Недавно въ числѣ республиканскихъ депутатовъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и популярностью Кавеньякъ, сынъ извѣстнаго дѣятеля 1848—50 годовъ; онъ считался однимъ изъ главныхъ кандидатовъ на постъ президента республики, наравнѣ съ Казиміромъ Перье. Теперь о немъ забыли, и имя его не фигурировало ни въ одномъ министерскомъ спискѣ; о кандидатурѣ его на должность президента никто и не

думаетъ серьезно,—и все это только потому, что онъ имѣлъ неосторожность сдѣлаться на нѣкоторое время министромъ. Казиміру Перье удалось болѣе благополучно пройти черезъ министерскій искусъ, безъ ущерба для своего личнаго положенія и авторитета. Это одно изъ немногихъ исключеній, которыя, какъ извѣстно, не составляютъ правила.

Полная зависимость министерства отъ случайныхъ голосованій палаты по какимъ-нибудь отдѣльнымъ несущественнымъ вопросамъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе при разрозненности и многочисленности парламентскихъ партій и кружковъ. Правительство никогда не можетъ быть увѣрено въ прочности поддерживающаго его большинства въ парламентѣ; большинство составлено изъ различныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый заботливо ограждаетъ свою самостоятельность, свои особыя права и интересы. Небольшое измѣненіе въ группировкѣ разныхъ фракцій способно уже повліять на судьбу кабинета. Главныя усилія и заботы министровъ уходятъ на то, чтобы не лишиться поддержки отдѣльныхъ парламентскихъ группъ и не мѣшать сохраненію взаимной между ними связи и солидарности; поэтому министрамъ по неволѣ приходится старательно избѣгать всего, что способно вызывать разногласія и споры въ средѣ большинства. Угодить одновременно нѣсколькимъ вліятельнымъ группамъ, составляющимъ большинство, можно только двумя путями: или непрестаннымъ лавированіемъ, закулисными обѣщаніями и соглашеніями, или воздержаніемъ отъ всякаго серьезнаго почина въ политикѣ и законодательствѣ. Смѣняющіеся французскіе кабинеты не успѣваютъ и не имѣютъ возможности приступать къ крупнымъ общественно-политическимъ реформамъ, какъ напр. къ преобразованію устарѣлой административной системы въ духѣ самоуправленія,—ибо прежде всего они должны заботиться о томъ, чтобы держаться и лавировать среди существующихъ парламентскихъ теченій и колебаній. Они не могутъ, подобно Гладстону, давать тонъ и направленіе большинству, а должны считаться съ условіями поддержанія этого большинства, которое можетъ распасться, передвинуться вправо или влѣво, въ каждый данный моментъ. Отсюда происходитъ крайняя неустойчивость министровъ и сравнительное безплодіе ихъ политики въ дѣлахъ внутреннихъ.

Политическая рознь даже между единомышленниками составляетъ вообще характерную черту французскихъ партій. Наглядный примѣръ этой розни, со всѣми ея обычными послѣдствіями, мы видимъ въ лагерѣ соціалистовъ, раздѣленныхъ на самостоятельныя фракціи, которыя обозначаются именами своихъ предводителей. Во Франціи суще-

ствуютъ и спорятъ между собою гедисты, алеманнисты, бруссисты, марксисты и др., тогда какъ въ Германіи развилась и окрѣпла одна обширная соціально-демократическая организація, обнимающая милліоны рабочаго населенія. Оттого германскіе соціалисты, руководимые Бебелемъ и Либкнехтомъ, пріобрѣли большое политическое значеніе и непосредственно вліяютъ на законодательство въ имперскомъ сеймѣ, а представители французскаго соціализма, при всей своей многочисленности, не выходятъ изъ роли простыхъ доктринеровъ или агитаторовъ, хлопочущихъ больше о шумныхъ демонстраціяхъ и эффектныхъ рѣчахъ, чѣмъ о достиженіи какой-либо реальной цѣли. Соціалисты составляютъ довольно значительную партію въ палатѣ депутатовъ, но они пользуются своимъ положеніемъ только для того, чтобы оказывать противодѣйствіе всякому министерству, и изрѣдка вносить смѣлые проекты, болѣе или менѣе фантастическіе и разсчитанные заранѣе на безусловный и полнѣйшій провалъ. Недавно, напримѣръ, соціалисты внесли въ палату законопроектъ, имѣющій цѣлью „возвратить націи и рабочимъ право собственности на рудники и копи". Это „возвращеніе" предполагается сдѣлать путемъ отнятія у капиталистовъ принадлежащихъ или устроенныхъ ими копей, безъ всякаго выкупа или вознагражденія, такъ какъ „капиталъ не имѣетъ никакихъ правъ" предъ лицомъ общества и „не можетъ болѣе оказывать націи никакихъ услугъ". Подобный проектъ вносится серьезными людьми въ палату не для того, чтобы его обсуждали или даже чтобы отнеслись къ нему серьезно. Цѣль тутъ можетъ быть только одна — напомнить буржуазному обществу о своемъ существованіи и показать массѣ рабочихъ, что ихъ права и интересы имѣютъ усердныхъ защитниковъ, усилія которыхъ не находятъ однако отголоска въ черствыхъ сердцахъ буржуазіи. Французскіе соціалисты совсѣмъ какъ будто не интересуются практическими результатами дѣлаемыхъ попытокъ,— въ прямую противоположность нѣмцамъ и англичанамъ.

Впрочемъ этотъ платоническій, безплодно-доктринерскій характеръ соціалистическихъ требованій свойственъ лишь вождямъ и теоретикамъ рабочаго движенія, а не самому рабочему классу. Сами трудящіеся хорошо отличаютъ осуществимое и цѣлесообразное отъ фантастическаго и прозвольнаго; непосредственные представители ихъ отчасти научились дѣйствовать сознательно, сообразуясь съ обстоятельствами, въ видахъ наиболѣе успѣшной практической охраны своихъ интересовъ. Хорошую школу въ этомъ отношеніи составляли для нихъ международные рабочіе конгрессы, устроиваемые періодически со времени всемірной парижской выставки 1889 года. Дѣятельность нѣмцевъ и особенно англичанъ даетъ французамъ матеріалъ для инте-

ресныхъ наблюденій и выводовъ; они на дѣлѣ убѣждаются въ пользѣ и необходимости единства и согласія, политической выдержки и такта. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти конгрессы смягчаютъ чувства взаимнаго недовѣрія и вражды между національностями и указываютъ на возможность и необходимость мирной совмѣстной работы для достиженія ближайшихъ цѣлей рабочаго класса. Международный съѣздъ горнорабочихъ, засѣдавшій въ Берлинѣ съ 14 по 19 мая (нов. ст.), мало чѣмъ отличался уже отъ какого-нибудь парламентскаго собранія, по спокойному, правильному ходу своихъ занятій и по разумной, осторожной формулировкѣ своихъ рѣшеній. Въ конгрессѣ участвовало 86 делегатовъ, представлявшихъ собою свыше милліона рабочихъ; наибольше было нѣмцевъ и англичанъ (40 и 38), а въ числѣ послѣднихъ были нѣкоторые члены парламента и выдающіеся руководители англійской рабочей демократіи. Съѣздъ рѣшительно высказался въ пользу законодательнаго установленія восьми-часовой нормы рабочаго дня, несмотря на возраженія нѣкоторыхъ британскихъ делегатовъ, отстаивавшихъ старый принципъ невмѣшательства государства, принятый въ основу дѣятельности прежнихъ рабочихъ союзовъ. Французскіе члены конгресса были въ этомъ случаѣ вполнѣ согласны съ нѣмецкими, бельгійскими и большинствомъ англійскихъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ о восьми-часовомъ днѣ повсюду признается уже серьезно стоящимъ на очереди и ожидающимъ скораго разрѣшенія. Еще двадцать года тому назадъ практическіе государственные люди, какъ Гладстонъ и Морлей, придерживались того взгляда, что законодательство не можетъ брать на себя опредѣленіе продолжительности рабочаго дня для взрослыхъ рабочихъ, въ разныхъ отрасляхъ фабрично-заводской промышленности; теперь обѣ парламентскія партіи одинаково склоняются въ пользу умѣреннаго и вполнѣ осуществимаго требованія рабочихъ, выраженнаго въ правилѣ: „восемь часовъ трудиться, восемь часовъ отдыхать и жить для себя, восемь часовъ спать“. Эти „три восьмерки“ не заключаютъ въ себѣ, конечно, ничего революціоннаго или опаснаго даже съ консервативной точки зрѣнія и потому могутъ быть спокойно обсуждаемы въ обыкновенномъ „буржуазномъ“ парламентѣ, съ значительными шансами на успѣхъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторое сокращеніе рабочаго дня оправдывается не только гигіеническими и санитарными условіями, но и необходимостью ежедневнаго досуга для удовлетворенія умственныхъ, общественныхъ и семейныхъ потребностей рабочихъ, и это сокращеніе вліяетъ возбуждающимъ образомъ на самую производительность труда, такъ что въ концѣ концовъ оно не вредитъ и интересамъ хозяевъ-капиталистовъ, при сохраненіи той же заработной платы за меньшее число часовъ. Недавно былъ опубликованъ въ Англіи докладъ о произведенныхъ

въ этомъ родѣ опытахъ на нѣкоторыхъ крупныхъ заводахъ, гдѣ результаты оказались блестящими. Подтверждая требованіе восьмичасового дня, берлинскій международный съѣздъ горнорабочихъ оставался вполнѣ на почвѣ здравой практической политики; онъ не затрогивалъ по этому поводу никакихъ отвлеченныхъ, принципіальныхъ споровъ, не пускался въ пренія объ отдачѣ рудниковъ и копей въ собственность самихъ горнорабочихъ, какъ это дѣлаютъ французскіе соціалисты въ своемъ отечественномъ парламентѣ.

Въ республиканской палатѣ депутатовъ, въ началѣ того самаго засѣданія, которое низвергло кабинетъ Перье, обсуждался, какъ упомянуто выше, вопросъ о восьмичасовомъ днѣ, по предложенію извѣстнаго соціалиста Жюля Геда,—и любопытно сопоставить рѣзкій, враждебный тонъ этихъ преній съ общимъ дѣловымъ характеромъ разсужденій берлинскаго рабочаго съѣзда. Въ чисто дѣловомъ, спокойномъ тонѣ разсматривался этотъ вопросъ и въ англійской палатѣ общинъ,—тогда какъ Жюль Гедъ съ первыхъ же словъ, при самой формулировкѣ своего требованія, старался возбудить раздраженіе среди большинства, которое остается „глухимъ къ домогательствамъ массы трудящихся“. Президентъ Дюпюи прервалъ оратора, напомнивъ ему, что „палата находится въ общеніи съ цѣлою страною“ и что онъ, Жюль Гедъ, не можетъ претендовать на монополію въ дѣлѣ защиты интересовъ рабочаго класса. „Если палата,—продолжалъ Гедъ,—хочетъ игнорировать внушительное всеобщее зрѣлище 1-го мая, раскрывающее силу рабочаго сознанія и краснорѣчивую нетерпѣливость рабочихъ, тѣмъ хуже для палаты. Компанія омнибусовъ не заставляетъ своихъ лошадей работать болѣе восьми часовъ въ сутки, потому что рабочій скотъ представляетъ собою капиталъ. Отвѣтственность палаты затронута въ настоящемъ вопросѣ“. Вотъ все, что считалъ нужнымъ сказать Жюль Гедъ о предметѣ, имѣющемъ уже свою литературу и достаточно разработанномъ съ точки зрѣнія общихъ промышленныхъ интересовъ, безъ всякой связи съ какими-либо революціонными соціалистическими теоріями. Повсюду вопросъ поставленъ уже такимъ образомъ, что за разрѣшеніе его въ пользу рабочихъ можетъ и долженъ высказаться каждый разумный капиталистъ,—а Жюль Гедъ сразу придаетъ дѣлу яркую революціонную окраску, какъ будто онъ предлагаетъ нѣчто ужасно смѣлое и новое, призванное сокрушить господство капитала надъ трудомъ. Экономисты и крупные предприниматели, начиная съ сэра Томаса Брассея и кончая заводчикомъ Матеромъ, давно уже признаютъ благотворность и пользу болѣе короткаго рабочаго дня для массы трудящихся, а французскій представитель соціализма дѣлаетъ видъ, что онъ муже-

ственно бросаетъ вызовъ всей современной буржуазіи, требуя восьмичасовой рабочей нормы.

Самый процессъ борьбы занимаетъ французовъ больше, чѣмъ ея результатъ, и въ этомъ заключается одна изъ причинъ того безплодія, на которое осуждены широкія реформаторскія программы политическихъ партій во Франціи. Новое министерство Дюпюи тоже выступило съ программою соціальныхъ реформъ, не опредѣляя, впрочемъ, ихъ сущности. Въ декларацiи, прочитанной въ палатѣ депутатовъ 31-го (19-го) мая, глава кабинета заявляетъ, что „теперь не время длинныхъ программъ", и что „правительство постарается провести многочисленные законопроекты, представленные парламенту, особенно тѣ, которые составлены въ пользу рабочихъ". Въ то же время министерство „обезпечитъ сохраненіе общественнаго порядка противъ всякой агитацiи и будетъ постоянно заботиться о точномъ соблюденіи республиканскихъ законовъ, при чемъ окажетъ самое активное содѣйствіе демократическимъ предпріятіямъ, которыя должны характеризовать нынѣшній законодательный періодъ". Словомъ, то, что̀ дѣлалъ или предполагалъ дѣлать Казиміръ Перье, возвѣщается теперь какъ программа Дюпюи. Партіи будутъ продолжать бороться и соперничать между собою, министерство будетъ по прежнему лавировать по неволѣ между разными парламентскими вліяніями, пока въ свою очередь не провалится, подобно предшествующимъ кабинетамъ, а важные соціальные вопросы, о которыхъ говорится въ программахъ и декларацiяхъ, напрасно будутъ ждать своего обсужденія и рѣшенія,—ибо французскіе парламентаристы заняты другими, болѣе интересными дѣлами, выясненіемъ своихъ теоретическихъ принциповъ и формулъ, взаимною борьбою, сложными комбинаціями противъ или въ пользу кабинета, наконецъ непрерывными заботами о сохраненіи или измѣненіи существующаго распредѣленія группъ и фракцій въ парламентѣ. Можетъ быть, для страны и лучше, что правительство и палаты не предпринимаютъ крупныхъ реформъ, такъ какъ при нынѣшней чрезмѣрной централизацiи управленія эти реформы могли бы еще болѣе усилить гнетъ государственности и бюрократизма, унаслѣдованный отъ прошлаго и только отчасти смягченный при республикѣ.

Небольшія балканскія государства, недавно еще достигшія нѣкоторой политической независимости—номинальной или дѣйствительной—представляютъ единственныя страны въ Европѣ, гдѣ совершаются еще отъ времени до времени маленькіе государственные перевороты. Эти интересныя событія, которыя сдѣлались большою рѣдкостью даже въ классической странѣ „пронунсіаменто"—Испанiи,

повторяются все чаще и грозятъ даже превратиться въ какую-то хроническую болѣзнь въ Сербіи. Обычный сезонъ переворотовъ—весна и лѣто, когда въ главнѣйшихъ центрахъ западно-европейской политической жизни наступаетъ нѣкоторое затишье.

Юный сербскій король Александръ началъ свою серію занимательныхъ coups d'état съ 1-го апрѣля прошлаго года, и съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ удивлять публику обиліемъ и разнообразіемъ своихъ мѣропріятій. Устранивъ насильственно регента Ристича съ его министрами Авакумовичемъ и Рибарацемъ, за то, что они недостаточно соблюдали конституцію, король потомъ столь же внезапно смѣнилъ радикаловъ и обратно призвалъ къ себѣ Авакумовича съ товарищами, для дальнѣйшаго и болѣе энергическаго „несоблюденія" конституціи; впослѣдствіи онъ рѣшился на болѣе смѣлый шагъ—на возвращеніе своего отца Милана въ Бѣлградъ, въ качествѣ политическаго руководителя и совѣтника, вопреки состоявшейся семейной сдѣлкѣ, утвержденной народнымъ собраніемъ. Теперь, указомъ 9-го (21-го) мая, онъ отмѣнилъ конституцію, которую взялся соблюдать и охранять, и возстановилъ дѣйствіе стараго сербскаго устава 1869 года. Съ этого дня онъ почти ежедневно отмѣняетъ собственною властью законы, принятые скупштиною, и когда и на чемъ онъ остановится—еще предвидѣть невозможно. Онъ совершаетъ всѣ эти странные подвиги во имя интересовъ знаменитой династіи Обреновичей, основанной въ началѣ столѣтія крестьяниномъ Милошемъ;—очевидно, онъ предполагаетъ, что интересы династіи не имѣютъ никакой связи съ интересами страны и народа и должны быть противопоставлены послѣднимъ, въ видѣ чего-то внѣшняго, поддерживаемаго насиліемъ и произволомъ. Молодой король еще не дошелъ до конца въ своихъ распоряженіяхъ и не сдѣлалъ изъ нихъ никакого заключительнаго вывода, такъ что нельзя пока уловить внутренній смыслъ его шумной дѣятельности.

Въ Болгаріи было сравнительно тихо въ послѣдніе годы, при суровомъ владычествѣ Стамбулова; были какіе-то толки о несогласіяхъ и спорахъ между принцемъ Фердинандомъ и фактическимъ диктаторомъ княжества, но трудно было придавать этимъ неяснымъ извѣстіямъ серьезное политическое значеніе. Оказалось, однако, что принцъ Кобургскій успѣлъ заставить Стамбулова выйти въ отставку и уступить мѣсто дѣятелямъ совершенно другого лагеря, болѣе скромнымъ и податливымъ. Какъ удалось принцу совершить этотъ государственный переворотъ—неизвѣстно еще въ точности; видно только одно, что дѣло не обошлось безъ участія военной силы. Стамбуловъ управлялъ Болгаріею съ осени 1886 года, а въ іюлѣ слѣдующаго года поставилъ „княземъ" принца Фердинанда, при которомъ неиз-

мѣнно сохранялъ свое властное положеніе, безпощадно подавляя оппозицію при помощи крутыхъ и не всегда законныхъ мѣръ. Тѣмъ временемъ принцъ Кобургскій отчасти утвердился въ странѣ, основалъ собственную династію и имѣетъ уже своего „наслѣдника", принца Бориса; Стамбуловъ оказался ему болѣе ненужнымъ и стѣснительнымъ,—и принцъ устранилъ министра, отъ котораго получилъ власть и званіе болгарскаго князя. Все это—въ чисто-восточномъ вкусѣ, —хотя самъ принцъ Кобургскій принадлежитъ къ западно-европейской династіи, имѣющей свои прочныя историческія традиціи; принцы изъ дома Кобурговъ всегда отличались настойчивостью и упорствомъ въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, какъ показываетъ, напр., исторія водворенія Кобургской фамиліи въ Бельгіи. Поэтому наши газеты напрасно относятся такъ насмѣшливо и презрительно къ принцу Фердинанду, къ его предпріятіямъ и дѣйствіямъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1894.

— Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложено Э. Ю. Петри, профессоромъ Импер. Спб. университета. Съ 114 рисунками въ текстѣ, 44 отд. гравюрами, 2 картами и портретомъ В. В. Юнкера. Спб. (безъ года, вѣроятно 1894). Изданіе А. Ф. Девріена.

У насъ очень мало извѣстно имя В. В. Юнкера, нашего соотечественника, который есть однако одинъ изъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ по Африкѣ въ новѣйшее время. Эта малоизвѣстность произошла очень просто. Первоначальное и затѣмъ ученое образованіе Юнкера было нѣмецкое; въ той работѣ, которая стала любимымъ дѣломъ его жизни,—въ изслѣдованіяхъ Африки, — онъ могъ примкнуть только къ европейской литературѣ, особливо нѣмецкой, гдѣ онъ между прочимъ лично зналъ нѣсколькихъ авторитетныхъ знатоковъ и предшественниковъ его въ этой области, какъ Нахтигалль, Рольфсъ, Швейнфуртъ, и пользовался ихъ совѣтами; въ нѣмецкой литературѣ его собственный трудъ скорѣе достигалъ своей цѣли, потому что долженъ былъ скорѣе найти компетентныхъ и заинтересованныхъ читателей (въ послѣднее время Германія обзавелась владѣніями въ Африкѣ) и своими указаніями принести больше непосредственной пользы. И въ самомъ дѣлѣ, отъ насъ такъ далеки африканскія изслѣдованія, что Юнкеру не было бы основанія издавать свою книгу по-русски; наука не знаетъ національностей, но остаются практическія условія распространенія ученой книги,—на русскомъ языкѣ книга Юнкера была бы не нужна. Это послѣднее есть однако и мѣрка для опредѣленія внутреннихъ и внѣшнихъ размѣровъ нашей науки, подобно тому какъ въ недавніе годы другой, не чуждый русскому обществу, ученый не подумалъ даже оповѣстить на русскомъ языкѣ (какъ это дѣлается въ настоящей книгѣ съ путешествіемъ Юнкера) о своихъ изслѣдованіяхъ, произведшихъ

громадное впечатлѣніе въ ученой литературѣ европейской; мы говоримъ о Шлиманнѣ.

Настоящее изданіе есть сокращенный переводъ большого трехтомнаго сочиненія знаменитаго путешественника. „Прошло почти два года со дня смерти В. В. Юнкера,—читаемъ мы въ предисловіи,—за это время вполнѣ выяснилось значеніе нашего великаго путешественника въ исторіи изученія Африки и въ географической наукѣ вообще. Говоря въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ „Petermanns Mittheilungen“ о книгѣ Юнкера, извѣстный берлинскій ученый, профессоръ Ашерсонъ, называетъ ее „классическою“ и таковою она дѣйствительно считается въ настоящее время. Опредѣлилась постепенно и симпатичная личность Юнкера, благодаря воспоминаніямъ его друзей или сотрудниковъ...

„Отсутствіе какого-либо сочиненія о Юнкерѣ на русскомъ языкѣ чувствуется нынѣ весьма настоятельно; съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что переводъ обширнаго трехтомнаго сочиненія Юнкера, по нашимъ мѣстнымъ условіямъ, можетъ стать достояніемъ только весьма небольшой группы читателей. Въ виду этого родственники и почитатели покойнаго остановились на мысли издать краткій и общедоступный обзоръ его изслѣдованій и путешествій... Въ изложеніи нашемъ мы придерживались, по возможности, текста Юнкера, хотя, въ интересахъ самого предмета, дѣлали тамъ, гдѣ это вызывалось новѣйшими изслѣдованіями или необходимостью разъясненія описываемыхъ явленій, болѣе или менѣе обширныя дополненія“.

В. Юнкеръ родился въ 1840 г. въ Москвѣ и былъ младшимъ сыномъ основателя извѣстной петербургской и московской банкирской фирмы; онъ получилъ образованіе частью за границей, частью въ Петропавловской школѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ изучалъ медицину въ Гёттингенѣ и въ Дерптѣ. Онъ не сдѣлался однако практическимъ врачемъ, а еще меньше привлекала его праздная жизнь вполнѣ обезпеченнаго человѣка, и его вкусъ къ путешествіямъ высказался уже въ 1869 году, когда онъ сдѣлалъ экскурсію въ Исландію; но настоящее поприще его странствій и изысканій оказалось въ странѣ совсѣмъ иного пояса и климата—въ Африкѣ; какъ говоритъ біографъ, мысль посвятить свой трудъ африканскимъ изслѣдованіямъ явилась у Юнкера именно въ Исландіи. Съ тѣхъ поръ онъ началъ готовиться къ путешествію и въ 1873—1874 годахъ работалъ съ проф. Вильмансомъ, собиравшимъ древности для знаменитаго историка Моисея, въ Тунисѣ, чтобы здѣсь, въ странѣ болѣе или менѣе изученной, усвоить себѣ технику географическихъ работъ, а также познакомиться съ арабскимъ языкомъ; потомъ онъ работалъ въ Берлинѣ у

знаменитаго географа и картографа Киперта, въ 1875 году на географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ познакомился съ упомянутыми африканскими путешественниками Нахтигалемъ, Рольфсомъ и Швейнфуртомъ и по ихъ совѣту выбралъ предметомъ своихъ будущихъ изслѣдованій малоизвѣстную область сѣверо-восточной внутренней Африки Даръ-Форъ (въ обычной географической терминологіи Дарфуръ),—обстоятельства однако сложились такъ, что въ послѣдующихъ африканскихъ путешествіяхъ ему не удалось побывать въ этой странѣ. Послѣ этихъ подготовительныхъ работъ Юнкеръ началъ, въ концѣ того же года, свои африканскія путешествія, которыя въ три пріема заняли тринадцать лѣтъ. Путешествіе Юнкера, исполненное всевозможныхъ трудностей, лишеній, болѣзней отъ невыносимаго для европейцевъ климата, между прочимъ сопровождалось величайшими опасностями, когда въ его послѣднюю экскурсію онъ оказался отрѣзаннымъ отъ европейскаго міра извѣстнымъ возстаніемъ махдистовъ и когда между прочимъ погибли посланныя имъ впередъ богатыя коллекціи этого послѣдняго путешествія; только послѣ онъ узналъ, что для его спасенія была снаряжена его братомъ особая экспедиція, которой однако не удалось пробиться къ нему. „Прошло семь лѣтъ, исполненныхъ всякихъ тревогъ, опасностей и лишеній... Въ первыхъ числахъ января 1887 года онъ встрѣтился въ Суэсѣ съ своими родными и Швейнфуртомъ".

Этимъ закончились его африканскія путешествія.

„Послѣдующіе годы Юнкеръ проводилъ преимущественно въ Вѣнѣ, поглощенный разработкою своихъ обширныхъ матеріаловъ. Коллекціи послѣдняго путешествія погибли безслѣдно, но все же удалось спасти дневники, съ которыми онъ никогда не разставался. Матеріалы его охватываютъ всѣ вопросы, имѣющіе извѣстный интересъ для географа; менѣе вниманія обращено было нашимъ путешественникомъ лишь на геологическія наблюденія. Главная сила Юнкера лежитъ въ точности его картографическихъ работъ; много вниманія онъ удѣлялъ также вопросамъ орографіи, гидрографіи и метеорологіи. Въ дневникахъ его и въ опубликованныхъ сочиненіяхъ находится множество весьма цѣнныхъ указаній на флору, фауну и спеціально на образъ жизни человѣко-подобныхъ обезьянъ. Любимою областью изслѣдованій Юнкера были вопросы этнографическіе; относительно мало вниманія онъ удѣлялъ только обычному праву негрскихъ народовъ, представляющему столь много интереснаго и важнаго для науки. Наблюденія его надъ обитателями Африки имѣютъ, помимо научной цѣнности, и извѣстный историческій интересъ, такъ какъ совпадаютъ съ эпохою возстанія махдистовъ, взволновавшаго все населеніе экваторіальной восточной Африки.

„По характеру своему Юнкеръ былъ человѣкъ не только въ высшей степени гуманный и благородный, но и скромный почти до застѣнчивости. Идеаломъ его была тихая жизнь изслѣдователя, жизнь среди природы и среди людей, близкихъ къ природѣ. Закончивъ свое великолѣпное путешествіе и сознавая, что силы его подсѣчены тропическими лихорадками и что ему не выдержать новыхъ трудовъ, Юнкеръ мечталъ лишь о томъ, чтобы по изданіи своей книги поселиться на югѣ Европы или въ Египтѣ въ какомъ-нибудь тихомъ уголкѣ и тамъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Можно сказать, что онъ положительно боялся тѣхъ почестей, которыми его осыпали въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Стокгольмѣ, С.-Петербургѣ и т. д.“

О жизни его въ Вѣнѣ біографъ разсказываетъ: „Здѣсь Юнкеръ жилъ и работалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ среди обстановки, которую по справедливости можно было бы назвать красиво и комфортабельно устроеннымъ музеемъ африканскихъ рѣдкостей. Юнкеръ всей своею жизнью доказалъ, что онъ умѣлъ переносить лишенія, но въ то же время онъ умѣлъ цѣнить и удобства и все прекрасное въ культурной жизни. Извѣстное стремленіе къ комфорту проглядывало даже въ симпатичной внѣшности путешественника. Это былъ человѣкъ средняго роста, крѣпкаго, хотя въ то же время на видъ нѣжнаго сложенія, съ правильнымъ красивымъ лицомъ и добрыми, ясными темнокарими глазами. Одѣвался онъ въ высшей степени аккуратно и даже нѣсколько щеголевато. Въ обращеніи съ посторонними онъ былъ всегда предупредителенъ и деликатенъ, хотя сдержанъ. О своихъ подвигахъ и о путешествіяхъ онъ распространялся крайне неохотно“.

По выходѣ его книги на нѣмецкомъ языкѣ, Юнкеръ въ концѣ 1891 года возвратился въ Петербургъ, но усиленная работа надломила его здоровье, и 1-го февраля 1892 онъ умеръ отъ инфлуэнцы.

Научное достоинство изслѣдованій Юнкера его біографъ опредѣляетъ удивительною точностію и совершенствомъ его изысканій: „съ точки зрѣнія техники научныхъ географическихъ изслѣдованій Юнкеръ можетъ послужить образцомъ для послѣдующихъ поколѣній путешественниковъ“. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ новѣйшихъ путешественниковъ, которые искали сенсаціоннаго успѣха, старались пройти какъ можно большее пространство, но которыхъ показанія становились потомъ предметомъ безконечныхъ споровъ, потому что съ самаго начала они не были точны. „Юнкеръ былъ прежде всего человѣкомъ науки: онъ не смотрѣлъ на путешествія глазами авантюриста, ищущаго въ нихъ пути къ славѣ, или же туриста, для котораго путешествіе является занимательнымъ спортомъ. Онъ отно-

сился къ своей задачѣ какъ къ серьезнѣйшему и отвѣтственному труду, и въ пути, несмотря на болѣзнь, переутомленіе, голодъ и опасности, неуклонно велъ свои наблюденія и записи. Благодаря упорному труду, Юнкеръ достигъ выдающихся результатовъ".

Книга Юнкера исполнена разнообразнаго интереса. Страны внутренней Африки такъ мало доступны, что путешествіе становится цѣлымъ предпріятіемъ, успѣхъ котораго всегда невѣренъ: европеецъ долженъ выносить борьбу съ климатомъ, путь наполненъ всякими опасностями и лишеніями; но трудъ вознаграждается любопытнѣйшими результатами: необычайныя явленія и произведенія природы, полудикія племена съ первобытными нравами только теперь становятся доступны изученію, какъ и самыя страны. Въ свое долголѣтнее пребываніе въ Африкѣ Юнкеръ собралъ множество такихъ наблюденій: онъ странствовалъ и одинъ съ своимъ небольшимъ караваномъ, и съ военными отрядами, которые на дѣлѣ оказывались грабительскими шайками, гдѣ передъ нимъ раскрывались между прочимъ всѣ ужасы внутренняго африканскаго быта; ему случалось видѣть разореніе, нищету и запустѣніе тамъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ онъ видѣлъ туземцевъ по своему благоденствующими. Онъ мало загадывалъ о судьбѣ, предстоящей этимъ племенамъ, когда ихъ захватитъ въ концѣ концовъ власть европейцевъ; онъ, кажется, не сомнѣвался, что имъ суждено погибнуть—если только не будетъ предпринятъ трудъ ихъ воспитанія для культуры подъ строгой административной опекой. „Какъ человѣкъ объективный, онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что негры, при непосредственномъ столкновеніи съ европейцами, неминуемо погибнутъ. Но въ то же время онъ относился къ нимъ вполнѣ отечески и гуманно: онъ тратилъ всѣ свои силы на то, чтобы защищать ихъ отъ своеволія египетскихъ администраторовъ, внушать имъ интересъ къ преимуществамъ европейской цивилизаціи, научать ихъ земледѣлію, огородничеству и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поступалъ съ ними при случаѣ чрезвычайно круто, и самъ признается, что ни одинъ изъ его служителей не избѣжалъ тѣлеснаго наказанія. Негръ, по его мнѣнію, существо болѣе или менѣе безчувственное. Сложная гамма человѣческихъ ощущеній вплоть до болѣзненной чувствительности современнаго культурнаго человѣка чужда ему. Глазъ его не является зеркаломъ души. Негръ не знаетъ самолюбія. Необходимо, поэтому, строго воспитывать негра. Онъ ребенокъ. Мечтанія о „золотой свободѣ негровъ" кажутся Юнкеру смѣшными. „Лишь принудительный трудъ, урегулированный и контролируемый правительствомъ, въ состояніи будетъ поднять послѣдующія поколѣнія негровъ на высшую ступень культуры". Такимъ образомъ, Юнкеръ представляетъ намъ любопытнѣйшую переходную ступень между

негрофобами и негрофилами: несмотря на свое въ теоріи столь суровое отношеніе къ неграмъ, онъ нисколько не сомнѣвался въ возможности преуспѣянія ихъ въ культурѣ и самъ, повидимому, посвятилъ себя служенію наиболѣе гуманныхъ задачъ по отношенію къ этимъ забытымъ нашимъ братьямъ".

За отсутствіемъ полнаго изданія трудовъ Юнкера на русскомъ языкѣ, — которое, быть можетъ, дѣйствительно было бы не по средствамъ нашихъ читателей, — настоящее изданіе даетъ по крайней мѣрѣ общее обозрѣніе знаменитаго путешествія. Русское изложеніе читается съ большимъ интересомъ; но въ языкѣ можно было бы избѣжать нѣкоторыхъ неправильностей. Напр.: „натронныя озера" — конечно, просто натровыя; „греко-македонянское" владычество — македонское; слово „обыденный" не всегда равнозначительно со словомъ „обыкновенный" и т. п.

— Григорій Де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Часть первая. Испанія.— Египетъ.—Цейлонъ и Индія. Спб. 1894.

На оберткѣ книги мы читаемъ, что кромѣ настоящаго томика печатаются еще другія книги того же автора, а именно вторая часть „По бѣлу свѣту", заключающая описаніе Бирмы, Явы, Китая, Тонкина, Кохинхины, Камбоджи, Сіама, а затѣмъ особое сочиненіе: „Очерки и замѣтки о Японіи". Такимъ образомъ авторъ совершилъ большое путешествіе, которое вознамѣрился разсказать. Онъ сразу отклоняетъ слишкомъ большія требованія къ его книгѣ.

„Старожилы обыкновенно бранятъ легкомысленныхъ туристовъ, которые имѣютъ слабость писать замѣтки. Нельзя, говорятъ они совершенно справедливо, узнать страну съ птичьяго полета, а надо пожить въ ней нѣсколько лѣтъ. Но, къ несчастью, старожилы ничего не пишутъ, и вотъ почему. Все новое, оригинальное въ странѣ, все то, что̀ бросается въ глаза свѣжему человѣку, потеряло для нихъ прелесть новизны, примелькалось имъ до тошноты. Съ большимъ знаніемъ страны является неувѣренность въ себѣ. Онъ не знаетъ, кому вѣрить: пессимистамъ или оптимистамъ, радикаламъ или консерваторамъ, поклонникамъ старины или поборникамъ прогресса. У каждой партіи есть свой запасъ фактовъ, и добросовѣстному изслѣдователю очень трудно въ нихъ разобраться.

„Надо съѣсть пудъ соли, чтобъ узнать человѣка, гласитъ народная мудрость. Но если нужно столько времени, чтобъ узнать одного человѣка, то сколько нужно, чтобъ узнать матеріальную, нравствен-

ную и умственную жизнь цѣлаго народа. На это потребуется, по крайней мѣрѣ, столѣтіе.

„Откровенно сказать, я и не претендую на это. Задача моя гораздо скромнѣе: исполнить роль странствующаго фотографа, какіе бываютъ между любителями этого искусства. Міръ такъ великъ и многообразенъ, что и такимъ любителямъ иногда удается запечатлѣть на своей пластинкѣ что-нибудь интересное. Объ исполненіи пускай судитъ публика".

Но въ томъ дѣло, что „публика" бываетъ весьма различна: одна, мнѣніемъ которой можно дорожить, и другая, одобренія которой писатель серьезный долженъ былъ бы весьма остерегаться; средства, которыми достигается расположеніе той или другой публики, конечно, весьма различны. А главное, въ нашихъ условіяхъ отношеніе писателя къ публикѣ должно, кажется, опредѣляться не какимъ-либо готовымъ вкусомъ публики серьезной или не-серьезной, а вообще положеніемъ и размѣрами нашей образованности.

Несмотря на извѣстные толки о такъ называемомъ „перепроизводствѣ интеллигенціи", наше общество, въ сравненіи съ обществомъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ (кромѣ турокъ), есть конечно наименѣе образованное. Этимъ несомнѣнно налагается особая обязанность на литературу и на отдѣльнаго писателя, серьезно понимающаго свое дѣло. У насъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь книга должна восполнять пробѣлы, оставляемые слабымъ развитіемъ школы. Если недавно московское Общество распространенія техническихъ знаній возъимѣло мысль о правильной организаціи „домашняго чтенія" и имѣетъ въ виду цѣлый рядъ изданій съ этою цѣлью,—эта прекрасная мысль, заслуживающая всякаго сочувствія, служитъ вмѣстѣ указателемъ прискорбнаго положенія нашей образованности. Едва ли можетъ забывать о этомъ писатель, выступающій въ той популярной литературѣ, которая предназначается именно для большинства, для массы.

Къ популярной литературѣ принадлежатъ между прочимъ путешествія, не представляющія какихъ-нибудь научныхъ разысканій, а разсчитанныя на любознательность средняго читателя. Такова и книга г. Де-Воллана, и къ ней, намъ кажется, приложимы упомянутыя требованія или — желанія. Авторъ совершилъ путешествіе, охватившее весьма громадный кусокъ земного шара, притомъ очень мало у насъ извѣстный... По первымъ страницамъ книги намъ показалось, что авторъ хотѣлъ быть „занимательнымъ": разсказъ носитъ характеръ фельетона, гдѣ изображаются дорожные спутники—„красивый брюнетъ", нѣмецкій комми-вояжеръ, неизбѣжный англичанинъ съ англичанкой, французъ и т. д., сообщается даже, кто ухаживаетъ

за англичанкой или какъ съ французскимъ „министромъ", ѣхавшимъ въ Тонкинъ или Сіамъ, сдѣлалась морская болѣзнь, и т. п. Намъ кажется, что все это можно было смѣло оставить въ покоѣ: не нужно было ѣхать для этого въ Испанію, плыть по Средиземному морю въ Египетъ и т. д., — англичанъ и комми-вояжеровъ можно видѣть въ каждомъ европейскомъ вагонѣ, морская болѣзнь случается на каждомъ морѣ и не съ одними „министрами"... Но изъ-за этихъ подробностей, намъ кажется, забывается нѣчто другое, что́ могло бы имѣть для читателя гораздо болѣе серьезную занимательность. Нельзя сказать, чтобы Испанія была такъ знакома среднему русскому читателю, чтобы для него достаточны были отрывочныя „фотографіи" и чтобы для него не были полезны, даже необходимы нѣкоторыя общія объясненія: самъ авторъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ эти объясненія и жаль, если онъ думалъ, что они могли бы помѣшать легкости разсказа, нужной, по его мнѣнію, читателю. Онъ бросаетъ отъ времени до времени замѣчанія, показывающія, что онъ знакомъ съ современнымъ положеніемъ Испаніи, съ ея исторіей, но для большинства эти факты невѣдомы, и для самаго разсказа было бы полезно, еслибы эти данныя нашли въ немъ нѣсколько больше мѣста и облегчили читателю пониманіе отдѣльныхъ подробностей и впечатлѣній путешественника.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ авторъ какъ будто оставляетъ эту спеціальную заботу быть занимательнымъ и изложеніе, быть можетъ, только выиграло. Разсказы объ Египтѣ и Индіи исполнены живѣйшаго интереса. Это—разсказъ образованнаго, наблюдательнаго путешественника, хорошо подготовленнаго чтеніемъ и воспріимчиваго къ тѣмъ оригинальнымъ и необычайнымъ картинамъ природы и явленіямъ жизни, которыя развертываются передъ нимъ въ Египтѣ и Индіи. Эти страны очень рѣдко привлекали нашихъ путешественниковъ и книгу г. Де-Воллана можно указать какъ очень живое, разнообразное и интересное описаніе этихъ далекихъ странъ по ихъ общему впечатлѣнію на европейскаго путешественника. И здѣсь мы сказали бы, что личныя наблюденія должны бы быть дополнены общими свѣденіями, которыхъ авторъ не можетъ предполагать въ обыкновенномъ читателѣ и которыя могъ бы прямо привести изъ своихъ источниковъ и даже изъ путеводителей.

Повидимому, нѣкоторая неясность остается во взглядахъ автора на роль „европейской цивилизаціи" въ Африкѣ и Азіи, въ частности на положеніе англичанъ въ Египтѣ. Однажды авторъ размечтался о художественномъ значеніи египетскихъ пирамидъ („...мнѣ стало ясно, что пирамиды, нарушая собой однообразіе безбрежной равнины, не лишены величія и красоты. Картина за картиной стали толпиться предъ моимъ умственнымъ взоромъ"...),—„но мысли эти разсѣялись,

какъ дымъ, отъ одного удара бича. Не удивляйтесь. Этотъ ударъ бича прошелся по спинамъ носильщиковъ, которые съ какимъ-то остервенѣніемъ набросились на чей-то багажъ и растаскивали его въ разныя стороны.

„Положимъ, эти носильщики весьма непріятный, назойливый народъ и ударъ бича весьма для нихъ пользителенъ. Но при чемъ тутъ европейская цивилизація, да еще цивилизація того народа, *который произвелъ Шекспира и Байрона* (?). И вѣдь въ сущности эти несчастные люди борются изъ-за куска хлѣба, отягощенные разными поборами и налогами.

„Какой лучъ свѣта въ этотъ темный міръ внесла съ собой эта пресловутая европейская цивилизація, если *она* до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ такихъ примитивныхъ пріемовъ, если *она* покровительствуетъ животнымъ и налагаетъ штрафы за жестокое обращеніе съ ними, а для несчастнаго, голоднаго человѣка находитъ только одинъ аргументъ—сильный ударъ бича?

„Въ первый разъ это меня поразило; краска стыда появилась на моемъ лицѣ, и я съ радостью посмотрѣлъ бы, какъ эти носильщики истерзали этого самаго полицейскаго; но потомъ, когда я увидѣлъ, что это практикуется не только въ Египтѣ, но и въ Мадрасѣ, въ Бомбеѣ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ развѣвается англійскій флагъ (?), то я уже привыкъ къ такому зрѣлищу, и это противорѣчіе съ европейскою, христіанскою культурой уже не волновало меня, не казалось мнѣ диссонансомъ. Я понялъ, что въ эту дикую, необразованную среду вносятся новыя понятія о европейскомъ комфортѣ, о разныхъ усовершенствованіяхъ, которыми справедливо гордится Европа, но что въ этихъ понятіяхъ не сказано ни полслова о христіанскомъ милосердіи и о любви къ ближнему“ (стр. 73—74).

Рядомъ съ этими попреками „цивилизаціи“ авторъ однако нашелъ, что для египетскихъ рабочихъ ударъ бича „весьма пользителенъ“, а дальше мы встрѣчаемъ у него, напримѣръ, такія замѣчанія,—что не-европейская цивилизація *туземнаго* Египта производитъ страшный произволъ и всеобщую продажность; что консульскіе суды, замѣняющіе туземный судъ, „являются благодѣяніемъ для Египта“ (стр. 107); что „англійская оккупація очень мало чувствуется, благодаря дисциплинѣ англійскаго войска. Всякая другая оккупація, сказалъ мнѣ мой знакомый, привела бы непремѣнно къ столкновеніямъ и къ открытому возстанію“; что благодаря европейцамъ Египетъ сдѣлался путемъ всемірной торговли, что европейская наука (кажется, также принадлежащая къ цивилизаціи) впервые открыла и объяснила поразительные памятники древняго Египта, которыми такъ восхищался нашъ путешественникъ, и т. д. Отношеніе европей-

скаго міра къ первобытнымъ странамъ и народамъ, которые онъ на нашихъ глазахъ окончательно охватываетъ своимъ господствомъ, составляетъ вопросъ слишкомъ сложный, чтобы его можно было порѣшить нѣсколькими поверхностными впечатлѣніями. Авторъ негодуетъ на европейскую цивилизацію, жестокую къ туземному населенію, но удивительнымъ образомъ самъ подтверждаетъ „пользительность“ бича. Странно вообще взваливать всѣ отношенія европейцевъ къ туземнымъ населеніямъ на европейскую цивилизацію, и въ частности ту, которая „произвела Шекспира и Байрона“—фальшивая манера, въ которой авторъ можетъ найти союзниковъ, едва ли желательныхъ для него самого. Цивилизація есть отвлеченное выраженіе, въ которомъ заключается понятіе успѣховъ человѣческаго знанія и успѣховъ нравственнаго человѣчнаго развитія (которое выражается между прочимъ въ совершенствованіи общественныхъ учрежденій); но нѣтъ никакого особеннаго народа, никакой страны, которыхъ можно было бы считать именно представителями этой цивилизаціи. Такого народа не существуетъ; есть только народы, у которыхъ —въ извѣстной, большей или меньшей, *долѣ* общества—больше развиты потребности и средства знанія и нравственнаго развитія,—но рядомъ съ величайшими успѣхами науки, рядомъ съ замѣчательнымъ развитіемъ идей нравственно-общественной философіи, у этихъ самыхъ народовъ продолжаютъ существовать многочисленные остатки совсѣмъ не-цивилизованнаго порядка вещей, и рядомъ съ Шекспиромъ и Байрономъ—представители грубой экономической эксплуатаціи, произвола, насилія и т. д. Смѣшивать эти вещи въ одно подъ общимъ названіемъ „цивилизаціи“ есть грубая логическая ошибка, и между прочимъ любимый пріемъ нашихъ домашнихъ обскурантовъ. Наконецъ, нужно ли, и правдиво ли, въ этомъ случаѣ, только „считать кумушекъ“?..

Но затѣмъ скажемъ опять, что путешествіе г. Де-Воллана принадлежитъ къ числу лучшихъ новѣйшихъ книгъ этого рода въ нашей литературѣ: авторъ умѣетъ отмѣтить наиболѣе характерное и передать въ живомъ, интересномъ разсказѣ. Не сомнѣваемся, что тѣ же достоинства мы встрѣтимъ и въ продолженіи его путешествія.

— А. Слезскинскій. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 года. (По неизданнымъ конфирмаціямъ). (Въ концѣ книги приложена карта бывшихъ военныхъ округовъ старорусскаго удѣла.) Новгородъ, 1894.

Авторъ этой книжки на заглавномъ листѣ объясняетъ, что она представляетъ опытъ тщательной и детальной разработки того матеріала, который послужилъ для статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ,

напечатанной имъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ прошлаго года. О бунтѣ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 года разсказывалось не однажды въ новѣйшей исторической литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ для нея стали доступны подобные сюжеты нашей внутренней исторіи. Книжка г. Слезскинскаго имѣетъ передъ прежними разсказами то преимущество, что она основана на оффиціальныхъ матеріалахъ, именно на неизданныхъ конфирмаціяхъ, гдѣ вполнѣ несомнѣнны факты и цифры. Не входя въ подробности, довольно сказать, что это была такая же вспышка народнаго раздраженія и неразумія, какія происходили, къ счастію въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, и въ послѣднюю холерную эпидемію. И тогда, какъ два года назадъ, народъ не могъ понять эпидеміи, онъ приписывалъ ее злому умыслу „господъ“ (нынѣ—докторовъ), которые (трудно понять, для какой надобности) морили народъ, отравляя воду въ рѣкахъ, колодцахъ и т. п.; такъ какъ „господа“ соблюдали предосторожности и умирало ихъ меньше, то отсюда дѣлался прямой выводъ, что они себя берегутъ и морятъ только народъ. Въ военныхъ поселеніяхъ къ этимъ соображеніямъ прибавлялось еще раздраженіе, которое вызывалось извѣстными тяжелыми условіями военно-поселенческаго быта: начальники, которые такъ притѣсняли поселенцевъ по „службѣ“, очевидно, по мнѣнію народа, совершенно способны были морить его отравой. Въ результатѣ бунта пострадало много начальственныхъ лицъ отъ унтеръ-офицеровъ до генералъ-маіоровъ. Всего по оффиціальнымъ даннымъ потерпѣло 207 человѣкъ: убито на мѣстѣ было 17 человѣкъ, остальные были изувѣчены и частью умерли впослѣдствіи отъ побоевъ; но авторъ считаетъ, что дѣйствительная цифра потерпѣвшихъ была значительнѣе и была даже больше 300.

Любопытны затѣмъ цифры обличенныхъ и наказанныхъ преступниковъ военно-поселенцевъ и старо-русскихъ мѣщанъ.

„Всѣхъ преступниковъ обвинено и наказано 3.610 человѣкъ; изъ нихъ наказано:

Розгами:

Два	25	ударами.
Три	50	„
Семь	100	„
Три	150	„
Тридцать пять	200	„
Шестьдесятъ пять . . .	300	„
Одиннадцать.	400	„
Двадцать четыре . . .	500	„

Шпицъ-рутвнами:

Триста шестьдесятъ одинъ	500	ударами.
Триста семьдесятъ.	1.000	„
Пятьдесятъ девять.	1.500	„
Четыреста восемьдесятъ семь. . . .	2.000	„
Сто тридцать одинъ	3.000	„
Сто девяносто одинъ.	4.000	„

Кнутомъ:

Три	9	ударами.
Три	10	„
Десять	12	„
Пять.	15	„
Одиннадцать	20	„
Тринадцать	25	„
Семнадцать	30	„
Тринадцать	35	„
Восемь	40	„
Шесть	44	„

„Сряду же послѣ тѣлеснаго наказанія и во время такового умерло 129 мятежниковъ“ (стр. 209—210)...

Кромѣ того многіе изъ наказанныхъ были сосланы въ каторжныя работы, другіе отправлены въ исправительныя войска и арестантскія роты и т. д.

Таковы были формы старинной юстиціи. Такъ какъ онѣ практиковались не только въ столь чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ бунтъ военныхъ поселянъ, но были обычнымъ уголовнымъ наказаніемъ, примѣнявшимся сплошь и рядомъ, то и понятно, почему въ прошлое царствованіе общество приняло съ такимъ сочувствіемъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ новомъ судебномъ порядкѣ и въ войскахъ: картина бойни удручала.

Къ сожалѣнію, тогда не подумали о самыхъ причинахъ бунта, въ числѣ которыхъ одною изъ главныхъ было крайнее невѣжество, умственная и нравственно-бытовая заброшенность народной массы, и, къ сожалѣнію, такое же волненіе, по тѣмъ же причинамъ, было возможно и въ послѣдніе годы.

— П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи. Е. Шмурло. Юрьевъ. 1894. (Изъ „Ученыхъ записокъ Импер. Юрьевскаго университета“.)

Петръ Васильевичъ Постниковъ, послужившій предметомъ монографіи г. Шмурло, былъ второстепенный, но тѣмъ не менѣе любопытный дѣятель Петровской эпохи. Это былъ первый (или, можетъ быть, второй) русскій ученый докторъ: онъ получилъ образованіе въ

Падуанскомъ университетѣ, но затѣмъ провелъ многіе годы за границей на дипломатической службѣ, впрочемъ для него лично мало удачной. Когда онъ родился—неизвѣстно; поэтому, неизвѣстно, какихъ лѣтъ поступилъ онъ въ Падуанскій университетъ, въ 1692 году, откуда вышелъ уже въ 1694, съ ученою степенью. Отецъ Постникова долго служилъ дьякомъ посольскаго приказа, того вѣдомства, „гдѣ люди второй половины XVII вѣка всего легче привыкали смотрѣть на общеніе съ западомъ какъ на явленіе нормальное и не видѣть въ немъ непремѣнно нарушенія стародавнихъ завѣтовъ". Постниковъ-отецъ самъ имѣлъ случай познакомиться съ чужими странами и чужестранными обычаями: въ 80-хъ годахъ XVII-го вѣка онъ принималъ участіе въ „царьгородской посылкѣ", потомъ ѣздилъ самостоятельнымъ посланникомъ къ бранденбургскому курфирсту, въ голландскіе статы, къ англійскому королю и флоренскому дукѣ—съ объявленіемъ о вѣчномъ мирѣ, который Россія заключила тогда съ Польшей. Вѣроятно по этому опыту онъ отправилъ обоихъ сыновей своихъ для ученія за границу: старшій поѣхалъ, какъ упомянуто, въ Падую въ 1692, можетъ быть не безъ участія правительства; второй былъ посланъ въ 1701 году по собственному побужденію отца.

Біографія Постникова-сына была до сихъ поръ извѣстна мало, главнымъ образомъ изъ старинной „Исторіи медицины" Рихтера, составленной по архивнымъ документамъ. Г. Шмурло предпринялъ цѣлые обширные розыски для провѣрки и дополненія прежнихъ свѣденій — въ „австрійскихъ" и „французскихъ дѣлахъ" московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ „Archives" министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, въ архивѣ Падуанскаго университета, наконецъ въ печатной литературѣ. Въ Падуанскомъ архивѣ г. Шмурло нашелъ нѣкоторыя извѣстія о нашемъ докторѣ, и по этому поводу сообщаетъ любопытныя подробности о порядкахъ, существовавшихъ въ итальянскомъ университетѣ, гдѣ и послѣ Постникова бывали русскіе слушатели. При выѣздѣ изъ Москвы, Постникову данъ былъ въ руководители грекъ Пеларино, служившій въ Россіи, который повидимому обязанъ былъ устроить его въ Падуѣ; здѣсь Постниковъ вступилъ, по обычаю, въ корпорацію, и выбралъ „заморскую" (ultramarina), гдѣ всего больше было грековъ и другихъ людей съ православнаго востока,—впослѣдствіи Постниковъ между прочимъ свободно владѣлъ и греческимъ языкомъ, кромѣ латинскаго, итальянскаго и французскаго.

По окончаніи курса Постниковъ еще долго оставался за границей, гдѣ ему повидимому очень нравилось жить, когда былъ наконецъ потребованъ на службу,—но совсѣмъ иного рода, чѣмъ та медицинская, къ которой онъ готовился. Въ зиму 1696—97 года готовилось

то великое посольство къ европейскимъ дворамъ, въ которомъ отправлялся инкогнито самъ Петръ; нужны были между прочимъ переводчики, и такъ какъ ихъ имѣлось мало, то къ посольству былъ зачисленъ и Постниковъ. Онъ явился къ посольству на границѣ Голландіи и ему велѣно было отправиться впередъ въ Амстердамъ, чтобы сдѣлать распоряженіе къ пріему и помѣщенію путешественниковъ. Въ Голландіи онъ послужилъ въ качествѣ переводчика, а также и въ качествѣ медика, потому что ему поручена была закупка лекарствъ для аптекарскаго приказа. Потомъ за-одно дѣлались ему и всякія другія порученія—отвозить въ Венецію русскихъ молодыхъ людей и устроивать ихъ, „гдѣ кому учиться прежней своей наукѣ удобнѣе“; собирать свѣденія о составѣ венеціанскаго и турецкаго флота; покупать для царя „филосовскіе“ (вѣроятно физическіе) инструменты; нанимать для русской арміи хирурговъ; купить платье для царя и Меншикова, епанчи, десятокъ орденскихъ звѣздъ, нѣсколько париковъ и т. д.

По этому поводу г. Шмурло дѣлаетъ такое размышленіе: „Двѣсти лѣтъ тому назадъ западно-европейское, а тѣмъ болѣе русское общество было еще чуждо той черезполосности въ сферѣ научнаго знанія и образованности, какая замѣчается нынѣ. Крѣпко пока держались сословныя отличія и тому подобные пережитки средневѣковые; но образованный человѣкъ еще не успѣлъ замкнуться въ тѣсную и ограниченную сферу той или другой спеціальности. Въ наше время демократическія реформы XIX столѣтія смыли большинство соціальныхъ перегородокъ, зато въ сферѣ науки мы вернулись къ средневѣковымъ традиціямъ (?) и обособились въ узкихъ клѣточкахъ цехового знанія. На что иное, въ большинствѣ случаевъ, пригоденъ современный „образованный“ человѣкъ, какъ лишь на работу въ замкнутомъ кругѣ своей спеціальности? Двѣсти лѣтъ назадъ „наши предки были *счастливѣе*. Пусть знаніе ихъ не отличалось такой глубиною, какъ нынѣшнее, зато оно не было столь узкимъ и одностороннимъ“ (стр. 25—26)... Гораздо проще было сказать, что было мало людей (что дальше замѣчаетъ и самъ авторъ), и нѣсколько образованнымъ человѣкомъ пользовались для всякихъ дѣлъ, которыя все-таки нельзя было поручить совершенному невѣждѣ. Самъ Постниковъ, какъ разскажетъ намъ далѣе самъ авторъ, далеко не былъ „счастливъ“, когда ему вмѣсто настоящаго дѣла, къ которому онъ готовился, поручали покупать епанчи и парики.

Въ концѣ концовъ его медицинская спеціальность была какъ будто совсѣмъ забыта и не только начальствомъ, но и имъ самимъ. Нѣсколько лѣтъ онъ проводитъ въ разныхъ хлопотахъ по дипломатическимъ дѣламъ. Сначала онъ назначается секретаремъ къ Возницыну

въ „турскую коммиссію“ въ Венгріи, потомъ живетъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ въ качествѣ русскаго дипломатическаго агента, при чемъ чувствуетъ себя не очень „счастливымъ“, потому что ему, во-первыхъ, не дали вѣрительной грамоты, во-вторыхъ не сообщали нужныхъ извѣстій, а въ-третьихъ оставляли часто безъ денегъ, такъ что онъ жалуется наконецъ: „многажды съ великимъ стыдомъ являюся при здѣшнемъ дворѣ“.

Г. Шмурло по этому поводу опять приводитъ слѣдующія размышленія. Конечно посольскій приказъ не забылъ Постникова и не покинулъ его на произволъ судьбы. „Дѣло надо объяснить неустройствомъ почтъ, случайностью „оказій“, „нестроеніями отъ Марса посылаемыми“, и, можетъ быть, всего болѣе того медленностью, какая такъ присуща была канцеляріямъ того времени. Живя на широкомъ просторѣ необъятной равнины, въ сторонѣ отъ главной европейской дороги, въ захолустномъ углу и вдалекѣ отъ прямыхъ сношеній, привыкшій мѣсяцы считать недѣлями, а годы мѣсяцами, съ умомъ, воспитавшимся на крупномъ масштабѣ (!)—русскій человѣкъ сжился съ той плавностью движеній (!), съ тѣмъ неторопливымъ обдумываніемъ (!), съ тѣмъ терпѣливымъ выжиданьемъ, которыя самому наблюдателю часто, но напрасно, казались косностью и неспособностью къ развитію. Посольскій приказъ не забылъ Постникова; но, не говоря уже про то, что на очереди у него стояли вопросы болѣе крупные, чѣмъ поступки версальскаго двора или судьба маленькаго чиновника,—онъ считалъ совершенно естественнымъ не посылать послѣднему въ догонку письмо за письмомъ, инструкцію за инструкціей, а спокойно дожидаться, когда обстоятельства сами наведутъ на эту необходимость, хотя бы ждать и пришлось цѣлые мѣсяцы“ (стр. 48).

Опять дѣло объясняется проще. Казна тѣхъ временъ была очень скупа, между прочимъ потому, что не была особенно богата; далѣе, второстепенные подначальные люди были такъ зависимы и безгласны, что высокомѣрные начальники не очень о нихъ заботились; наконецъ, было и простое канцелярское неряшество, а также и невѣжество: заведены были постоянные представители при европейскихъ дворахъ, но приказъ оставлялъ ихъ и безъ денегъ, и безъ извѣстій, такъ что они оказывались въ глупомъ положеніи. Самъ авторъ дальше приводитъ факты, которые это совершенно подтверждаютъ. „Постниковъ чувствовалъ себя несчастнымъ, маленькимъ человѣчкомъ“ (стр. 49),—маленькимъ и считали его въ посольскомъ приказѣ. Но что канцелярское неряшество распространялось и на людей гораздо болѣе крупныхъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, такіе факты.

Князь П. А. Голицынъ, представитель Россіи въ Вѣнѣ, въ 1701

году писалъ къ Ѳ. А. Головину, правившему тогда посольскимъ приказомъ: „Еще, государь мой, прошу наинуждѣйшаго, чтобъ милость ваша, государь, изволилъ приказать одному дьяку или подъячему писать ко мнѣ о вѣдомостяхъ московскихъ, которые *надлежатъ мнѣ*; ей, государь, въ томъ имѣю стыдъ, не токмо министры или послы и посланники имѣютъ у себя всякое своего государства вѣдомости, ни для чего, государь, иного, толко для одной отговорки, чтобъ знали про нашъ народъ, что и мы можемъ такъ же куріозами быть, какъ и другіе; а нынѣ, государь, я разиня ротъ и смотрю всѣмъ въ глаза и отповѣди дать не умѣю, для того, государь, что ничего не знаю, только изъ того отъ другихъ *смѣхъ принимаю*". Въ другомъ письмѣ: „...многіе о томъ желаютъ слышать, а отповѣдь какую дать, не знаю, и съ того толко *смеютца* и *называютъ скотами*".

Подобнымъ образомъ князь Борисъ Куракинъ, отправленный въ 1707 къ римскому двору, жалуется, что не имѣетъ изъ посольскаго приказа нужныхъ свѣденій, и въ его бумагахъ сохранилась особая памятная запись „о дѣлахъ тѣхъ, которыхъ *надлежатъ* къ здѣшнему двору, и *не дано знать ничего*". На то же жалуется Измайловъ въ Копенгагенѣ, и т. д.

По этому поводу авторъ дѣлаетъ, наконецъ, на этотъ разъ болѣе реальное и вѣрное замѣчаніе: „*Примитивность средствъ*, съ какими выступала русская дипломатія начала XVIII вѣка на европейскую сцену, ярко вырисовывается въ приведенныхъ примѣрахъ. Людей новой школы надо было еще воспитать, а воспитателемъ могло явиться лишь одно время, одинъ опытъ... Для тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ эпохѣ Петра Великаго рѣзкій переломъ русской жизни, отмѣченные факты могутъ служить — въ числѣ многихъ другихъ — прекраснымъ показателемъ того, какъ *медленно* освобождалась русская мысль отъ унаслѣдованной рутины и привычекъ и какой еще долгій и трудный путь предстояло ей пройти, прежде чѣмъ удалось накопить новый и свѣжій матеріалъ" (стр. 52—54).—Т.

Въ маѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Адріановъ, П.—Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Перев. съ лат. Т. II, кн. VI—X. М. 94. Стр. 406. Ц. 1 р. 50 к.

Андерсенъ. — Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Перев. съ дат. подлин. А. и П. Ганзенъ. Т. II, вып. 5. Спб. 94. Стр. 128.

Аннежская, А. А.—Зимніе вечера. Разсказъ для дѣтей. Изд. 3-е. Спб. 94. Стр. 532. Ц. 2 р.

Берендтсъ, Эд.—Государственное хозяйство Швеціи. Ч. II, вып. 1: Обзоръ

политико-соціальнаго и экономическаго развитія Швеціи въ XIX ст. Яросл. 94. Стр. 364. Ц. 2 р.

Брэмъ, А.—Жизнь животныхъ, популярн. изд. (75 вып., 6 полутом., 1.200 иллюстр. въ текстѣ, 1 карта). Вып. 11. Перев. съ 2-го нѣм. изд., п. р. д-ра зоологіи С. М. Переяславцовой. Од. 94. Стр. 321—352. Ц. 25 к.

Быкова, М. — Первые разсказы изъ естественной исторіи. Ч. I. Изд. 4-е. Спб. 94. Стр. 80. Ц. 30 к.

Виппертъ, Р.—Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка, въ эпоху кальвинизма. М. 94. Стр. 686.

Гальперинъ-Каминскій.—Общая польза авторскаго права, съ приложеніемъ письма къ русской печати Эм. Золя. Спб. 94. Стр. 93. Ц. 60 к.

Гербель, Н. — Полное собраніе сочиненій Байрона въ переводѣ русскихъ поэтовъ. 4-е изд., п. р. Д. Михаловскаго. Т. II. Спб. 94. Стр. 350. Три тома. Ц. 10 р.

——— Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей. 2-е изд. п. р. П. Вейнберга. Т. IV. Спб. 94. Стр. 588. Восемь томовъ—15 р.

Гескетъ, С.—Военныя дѣйствія въ царствѣ польскомъ въ 1863 г. Подъ редакціей ген.-л. Пузыревскаго. Варш. 94. Стр. 401. Съ атласомъ чертежей.

Гіацинтовъ, Н. — Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковнославянскимъ и письменныя работы въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній. Курсъ приготовительный. Ряз. 92. Стр. 18. Ц. 20 к.

Горскій-Платоновъ, П.—Отрывки изъ „скорбной лѣтописи“ городского головы. Вып. I. Сергіевъ-Посадъ, 94. Стр. 30.

Дубровинъ, Н. — Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Спб. 94. Стр. 556.

Зайдеманъ, Н. Э. — Что такое аптека? Открытое письмо къ публикѣ. Од 94. Стр. 32.

Зарѣцкій, И. А. — Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Полт. 94. Стр. 126.

Ибсенъ, Г.—Привидѣнія, др. въ 3 д. Перев. съ норвеж. К. Бальмонта. М. 94. Стр. 117. Ц. 50 к.

Кондръ, Гр. — Любовь и смерть дочери боярина Орши. Нѣжинъ, 94. Стр. 32. Ц. 20 к.

Лакуръ-Гайэ, Ж.—Исторія новаго времени, 1610—1789. Перев. съ франц., съ 76 рис. въ текстѣ. Спб. 94. Стр. 507. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, Е., и *Вертеповъ*, Г.—Туземцы сѣвернаго Кавказа. Вып. 2: Чеченцы. Владикавказъ, 94. Стр. 100. Ц. 75 к.

Мищенко, Я. Г. — Титъ Ливій. Исторія Рима за 187—188 гг. до Р. Х. XXXIX-я книга. Кіевъ, 94. Стр. 110. Ц. 80 к.

Незеленовъ, А. И. — Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній, въ 2-хъ частяхъ. Ч. II: Карамзинскій и Пушкинскій періоды. Спб. 94. Стр. 284. Каждая часть по 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. — Бубны-козыри. Романъ. Спб. 94. Стр. 386. Ц. 2 р.

Николай, преосвящ. епископъ алеутскій и аляскинскій.—Изъ моего дневника. II. Впечатлѣнія и замѣтки во время пребыванія на всемірн. выст. въ г. Чикаго. Спб. 94.

Пантюховъ, Ив. — Курсъ начальной географіи. Родиновѣденіе. Черниговская губернія и Кролевецкій уѣздъ. Для городскихъ и прочихъ народныхъ училищъ. Кіевъ, 94. Стр. 79. Ц. 40 к.

Ризположенскій, Р.—Отчетъ департамента земледѣлія и сельской промышленности мин. госуд. имущ. о почвенныхъ изслѣдов. 1893 г. Каз. 94. Стр. 12.

Родзевичъ, Г. Г.—Каменная болѣзнь въ Поволжьѣ. Спб. 94. Стр. 187. Ц. 2 р.

Селивановскій, И.—Куроводка-Марья. Разсказъ о крестьянкѣ Марьѣ, какъ она хорошихъ и носкихъ куръ развела. Вятка, 94. Стр. 59. Ц. 5 к.

Стендаль, Г. — Жертва предразсудковъ. Изъ итальянск. хроникъ. № 5. Стр. 128.

Таганцевъ, Н. С.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изд. 1885 г. Изд. 8-е, пересмотр. и дополн. Спб. 94. Стр. 440. Ц. 2 р.

Тезяковъ, Н. И.—Организація санитарнаго надзора надъ пришлыми сельскохоз. рабочими въ Херсон. губ. Херсонъ, 94.

Троицкій, В. И. — Школа десятниковъ по строительному дѣлу при Имп. Русск. Техн. Общ. Спб. 93. Стр. 30.

Орловъ, д-ръ мед. К. В.—Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ, съ прилож. описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. 2-е исправл. и дополн. изд. Спб. 94. Стр. 300. Ц. 2 р.

Халанскій, М.—Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. II. Варш. 94. Стр. 470. Ц. 2 р.

Ходскій, Л. В.—Основы государственнаго хозяйства. Пособія по финансовой наукѣ. Спб. 94. Стр. 576.

Юрьевъ, Мих.—Спорные вопросы западно-европ. исторической науки. М. 94. Стр. 194. Ц. 1 р. 50 к.

Шахрай, Л. М. — Наша старина. IV. Цвѣтники Іудеи. Первый сборникъ разсказовъ, басенъ, легендъ, притчей и т. п. изъ талмуда и мидраша. Од. 94. Стр. 48. Ц. 15 к.

Шне, В. Э.—Механическое самолеченіе насморка. М. 94. Стр. 38. Ц. 60 к.

Эрисманъ, проф. Ѳ. Ѳ. — Второй годовой отчетъ московской город. санитарной коммиссіи Гигіен. Инст. москов. унив. М. 94. Стр. 446.

— Временникъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ. Ч. I. Спб. 94. Стр. 149.

— Краткій очеркъ экономическихъ предпріятій земствъ 23 губерній Россіи (1865—92 г.). Полт. 94. Стр. 246.

— Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы 1894 г. Вып. 3. Спб. 94. Стр. 32. Ц. 10 к.

— Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. XXI. Спб. 94. Стр. 485.

— Настольный энциклопедическій Словарь. Вып. 83: Песталоцци—Пятейные сборы. М. 94. Стр. 3855—3902. Ц. 40 к.

— Отчетъ Совѣта общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегород. губ. за 1893 г. Н.-Новг. 94. Стр. 101.

— Сенатскій Архивъ. VI: Журналы и опредѣленія Правит. Сената 1744—1746 гг. Спб. 93. Стр. 802.

— Славянское Обозрѣніе. Годъ II. Сборникъ статей по словяновѣденію п. р. И. С. Пальмова. Спб. 94. Стр. 506.

— Труды Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Фил. Общества. Вып. II. Харьк. 94. Стр. 115.

— Удешевленный проѣздъ на кавказскія минеральныя воды. Спб. 94. Стр. 134. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

H. Taine. Derniers essais de critique et d'histoire. Paris, 1894. Стр. 268.

Собраніе критическихъ этюдовъ Тэна, вышедшее при жизни автора въ двухъ томахъ, обогатилось третьимъ посмертнымъ томомъ небольшого формата. Исполняя намѣреніе Тэна, которое онъ не успѣлъ осуществить среди историческихъ трудовъ послѣднихъ лѣтъ, издатели его сочиненій собрали въ появившемся недавно томѣ рядъ газетныхъ статей, академическую рѣчь о Люи де-Ламенэ, предисловіе къ книгѣ о родинѣ критика и т. д. Тотъ, кто будетъ искать въ этихъ „Derniers essais" достойное продолженіе знаменитыхъ этюдовъ прежнихъ лѣтъ, испытаетъ большое разочарованіе. Кромѣ законченной, цѣльной по содержанію и стилю, академической рѣчи, въ новой книгѣ Тэна мы находимъ лишь бѣглые наброски, замѣтки по поводу разныхъ книгъ, безъ обычныхъ широкихъ обобщеній и выводовъ. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что посмертный сборникъ лишенъ литературнаго значенія; напротивъ, интересъ книги— очень большой; и помимо того, что въ немъ встрѣчаются страницы, блестящія по внутреннему содержанію и художественному изложенію, онъ представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія самого Тэна и особенностей его таланта. Собранныя въ книгѣ статьи написаны большей частью наскоро, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только-что прочитанной имъ книги, или подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ утраты близкаго по духу писателя; философъ Тэнъ, спокойно и безпристрастно указывающій мѣсто каждому литературному явленію среди общаго интеллектуальнаго движенія, отступаетъ здѣсь на второй планъ; только отзывчивость автора на самыя разнообразныя и противоположныя направленія напоминаетъ объ его „всепониманіи" и „всепрощеніи" въ литературѣ. Общій же тонъ книги, страстность похвалъ, лиризмъ отдѣльныхъ характеристикъ, прерываемыхъ личными воспоминаніями о томъ или другомъ писателѣ, смерть котораго вызвала статью, апологія близкихъ автору литературныхъ и философскихъ принциповъ, — все это придаетъ особую прелесть и свѣжесть очеркамъ, не прошедшимъ еще чрезъ строгую дисциплину философской мысли и сохранившимъ отпечатокъ непосредственныхъ

первыхъ впечатлѣній, со всѣмъ, что въ нихъ есть случайнаго и поэтичнаго. И если первыя впечатлѣнія всякаго талантливаго писателя представляютъ иногда бо́льшій интересъ, чѣмъ его законченныя и всесторонне обдуманныя произведенія, то непосредственныя впечатлѣнія Тэна, изложенныя его мастерскимъ стилемъ, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, даже если въ нихъ не заключается оригинальныхъ и широкихъ психологическихъ и критическихъ взглядовъ, которыми изобилуютъ большинство его произведеній.

Въ „послѣднихъ этюдахъ“ обнаруживается прежде всего эклектизмъ Тэна, его искреннее проникновеніе всякимъ талантливымъ произведеніемъ, каково бы ни было отразившееся въ немъ міросозерцаніе. Онъ посвящаетъ рядъ прочувствованныхъ страницъ де-Саси, политическому руководителю „Journal des Débats“ и страстному библіофилу, рисуетъ портретъ этого неутомимаго и честнаго труженика, жизнь котораго протекла подъ вліяніемъ двухъ волновавшихъ его страстей самаго противоположнаго характера,—шумной, не знающей остановки, политической жизни, среди парламентскихъ преній и журнальной полемики, и затѣмъ кропотливыхъ, терпѣливыхъ исканій рѣдкихъ изданій, восторговъ передъ книгами, побывавшими въ рукахъ знаменитостей прошлыхъ вѣковъ и т. д. Такъ какъ де-Саси былъ цѣльной натурой, искреннимъ и неустрашимымъ защитникомъ своихъ взглядовъ въ политической дѣятельности, такъ какъ, съ другой стороны, его библіофильство было слѣдствіемъ особаго пристрастія къ классической литературѣ и соединялось съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ, то Тэнъ съ одинаковымъ вниманіемъ и любовью останавливается на обѣихъ „passions maîtresses“ писателя, котораго онъ хорошо зналъ лично; онъ отмѣчаетъ поэтичность, съ которой де-Саси говоритъ о своей библіотекѣ, и самъ готовъ поддаться обаянію краснорѣчія библіофила, какъ это ни странно для философа, знающаго цѣну всякимъ человѣческимъ увлеченіямъ, особенно столь искусственнымъ.

Съ той же способностью воспринимать всякое проявленіе художественнаго таланта, написанъ разборъ одной изъ книгъ Поля де-Сенъ-Викто́ра, извѣстнаго громителя В. Гюго. Тэну нѣтъ дѣла до его убѣжденій; онъ видитъ истиннаго художника, большого стилиста, который тратитъ свой крупный талантъ на неблагодарный газетный трудъ; этотъ талантъ онъ превозноситъ, убѣждая многообѣщающаго писателя направить свое блестящее дарованіе на болѣе достойную его дѣятельность. Небольшая замѣтка Тэна написана съ такимъ увлеченіемъ, что будь она обращена въ самомъ дѣлѣ къ первоклассному таланту, какимъ Поль де Сенъ-Викто́ръ казался Тэну послѣ появленія „Hommes et Dieux“ (1867 г.), она могла бы воодушевить

его на геніальное произведеніе. Дальнѣйшая дѣятельность Поля де-Сенъ-Виктора не оправдала предсказаній Тэна. Смѣлые афоризмы, блестящій стиль, очаровавшіе Тэна, оказались лишенными прочныхъ внутреннихъ достоинствъ, и послѣ необыкновенно удачнаго дебюта, сдѣлавшаго Поль де-Сенъ-Виктора сразу знаменитымъ, онъ такъ же скоро безслѣдно исчезъ съ горизонта. Странно читать теперь восторженныя страницы Тэна, зная, какимъ пустоцвѣтомъ оказался восхваляемый имъ критикъ съ душой и языкомъ великаго поэта. Грустно подумать въ то же время, что ораторскія блёстки ничего не оставившаго послѣ себя писателя, какъ Поль де-Сенъ-Викторъ, находятъ такихъ цѣнителей и почитателей, какъ Тэнъ, а столько даровитыхъ писателей до конца жизни не встрѣтили одобрительнаго или просто сочувственнаго взгляда, который облегчилъ бы имъ тяжкій путь познанія истины.

Эклектизмъ Тэна, обнаруживающійся въ новомъ сборникѣ его эпизодовъ, замѣтенъ и въ очеркѣ, посвященномъ Марселину, редактору „Vie Parisienne". Психологія свѣтскаго человѣка, занятаго всѣмъ, что интересуетъ капризную моду, властительницу парижскихъ салоновъ—даже эта психологія понятна и интересна Тэну. Онъ подробно разбираетъ мотивы, обусловливающіе возникновеніе особаго жанра свѣтской, остроумно-скептической „causerie", и роль Марселина въ развитіи этого жанра. Опытный, даровитый и дѣятельный редакторъ, подъ руководствомъ котораго образовалась цѣлая группа писателей (Жипъ, Людовикъ Галеви, Дрозъ и др.), кажется Тэну вполнѣ достойнымъ вниманія и изученія, и, давая безпристрастную оцѣнку его личности, Тэнъ выказываетъ большое умѣніе быть независимымъ отъ своихъ личныхъ вкусовъ и симпатій.

Не во всѣхъ, однако, статьяхъ, вошедшихъ въ сборникъ, проглядываетъ характеризующая Тэна безпристрастность. Личная нота, сочувствіе извѣстнымъ литературнымъ принципамъ и симпатія къ ихъ представителямъ звучатъ въ одномъ изъ лучшихъ очерковъ книги, излагающемъ вкратцѣ особенности критическаго метода Сентъ-Бёва. Въ этомъ очеркѣ, написанномъ непосредственно послѣ смерти Сентъ-Бева, Тэнъ говоритъ отчасти pro domo sua. Онъ утверждаетъ, что критика должна стоять внѣ всякихъ партій, не увлекаться идолами минуты, не забывать высшихъ критеріевъ среди мѣняющихся теченій мысли, и умѣть относиться къ современности какъ къ исторической эпохѣ, слабости которой ясны для изслѣдователя; это общее опредѣленіе критики внушено ему мыслью о Сентъ-Бёвѣ, который пережилъ на своему вѣку и періоды большой популярности, и полнаго пренебреженія своихъ современниковъ, но всегда ставилъ интересъ правды выше вопросовъ личнаго честолюбія. Искренно пре-

вознося своего предшественника за его стойкость, Тэнъ такъ характеризуетъ, однако, эту „правду“ Сентъ-Бёва, т.-е. его пониманіе задачъ критики, что она примѣнима къ самому Тэну гораздо болѣе, чѣмъ къ оплакиваемому имъ писателю. Точно также, отмѣчая умѣніе Сентъ-Бёва рисовать портреты людей далекаго прошлаго, Тэнъ съ особой любовью останавливается на этой чертѣ его таланта, потому что она является соединяющимъ звеномъ между обоими критиками: Тэнъ тоже занятъ по преимуществу писаніемъ портретовъ, подобно своему предшественнику, и только расширилъ его методъ, внесъ психологическій элементъ въ свои этюды людей и ихъ дѣяній. Начало психологическаго метода, основаннаго на естественно-научныхъ пріемахъ, въ изученіи вопросовъ литературнаго творчества, Тэнъ опять-таки видитъ въ Сентъ-Бёвѣ. Ему онъ приписываетъ теорію среды и расы, какъ факторовъ литературнаго творчества, и въ ней видитъ значеніе Сентъ-Бёва какъ критика. Въ характеристикѣ послѣдняго, несмотря на всю ея бѣглость, видна близкая связь съ нимъ автора, и въ этомъ отношеніи эти нѣсколько страницъ представляютъ большой интересъ для біографовъ Тэна.

Замѣтка о Жоржъ-Зандъ, резюмирующая въ нѣсколькихъ страницахъ творчество знаменитой романистки, составляетъ вмѣстѣ съ статьей о Сентъ-Бёвѣ самую интересную часть книги. На примѣрѣ Жоржъ-Зандъ Тэнъ съ особеннымъ успѣхомъ можетъ демонстрировать теорію наслѣдственности въ развитіи литературнаго таланта, и дѣлаетъ это, проводя передъ глазами читателя серію знаменитыхъ предковъ романистки. Литературная судьба Жоржъ-Зандъ, ея громадная популярность, смѣнившаяся въ слѣдующемъ поколѣніи равнодушіемъ публики, даютъ ему поводъ изложить свои взгляды на судьбы романа во Франціи. Тэнъ не сожалѣетъ о томъ, что современный романъ очутился въ рукахъ послѣдователей Бальзака; напротивъ того, онъ увѣренъ, что, сочетая широту философскаго кругозора съ тщательнымъ изученіемъ и воспроизведеніемъ реальной жизни, новая школа натуралистовъ идетъ по совершенно правильному пути. Но для него, какъ художника, для котораго красота имѣетъ неотразимую привлекательность, идеальный міръ, которымъ Жоржъ-Зандъ замѣняетъ дѣйствительность, имѣетъ неоспоримыя права на поклоненіе любителей всего прекраснаго и возвышеннаго, и онъ увѣренъ, что теперешнее равнодушіе публики пройдетъ, и то, что̀ есть вѣчнаго въ творчествѣ Жоржъ-Зандъ, ея классическій, чисто греческій,—какъ говоритъ Тэнъ,—стиль, и ея идеализмъ, завоюютъ снова симпатіи общества. Тэнъ видитъ одно изъ главныхъ качествъ Жоржъ-Зандъ въ томъ, что ея романы построены всегда на какомъ-нибудь философскомъ или психологическомъ тезисѣ; онъ за-

бываетъ, однако, какъ иногда основная идея обращается у романистки въ чисто внѣшнюю тенденцію, которая нарушаетъ художественность романа, не придавая ему болѣе глубокаго значенія. Быть можетъ, въ моментъ смерти романистки, когда такъ живо было еще обаяніе ея великаго таланта, эта тенденціозность была менѣе замѣтна; она не могла бы ускользнуть отъ Тэна въ исчерпывающемъ критическомъ этюдѣ, но замѣтка о только-что умершей писательницѣ не носитъ такого характера; это вѣнокъ на могилу почитаемой романистки, положенный другомъ и, отчасти, единомышленникомъ.

II.

Emile Faguet. Seizième siècle. Etudes littéraires. Paris 1894. Стр. 421.

Эмиль Фагѣ составилъ себѣ за послѣдніе годы большую извѣстность своими критическими и историко-литературными очерками; причисляемый обыкновенно къ представителямъ „новыхъ теченій" въ французской критикѣ, онъ едва-ли однако нредставляетъ, по своимъ идеямъ, органическое цѣлое съ другими изъ своихъ собратьевъ. Общій характеръ французской критики послѣ Тэна—ея крайній индивидуализмъ: художественныя произведенія, разбираемыя критиками различныхъ направленій, служатъ для нихъ лишь матеріаломъ для развитія своихъ философскихъ, эстетическихъ—а съ нѣкотораго времени и этическихъ—идей. Личность художника и его произведенія исчезаютъ за идейнымъ и психическимъ міромъ критика, изложеннымъ подъ видомъ критическихъ анализовъ. Критика дѣлается носительницей идей, или, подобно поэзіи, отражаетъ душевныя настроенія и въ этой своей роли пріобрѣтаетъ въ современной Франціи все болѣе усиливающееся вліяніе на общество. Это сліяніе литературной и эстетической критики съ философіей, и съ другой стороны—ея артистическій характеръ, составляютъ главный интересъ и значеніе современныхъ французскихъ критиковъ; отсюда же вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ и ея главные недостатки: отсутствіе эстетическаго критерія, произвольность и неустойчивость сужденій, доктринерство нѣкоторыхъ писателей и—что всего печальнѣе—отсутствіе идеаловъ у большинства критиковъ теперешней Франціи, какъ бы ни было различно ихъ міросозерцаніе.

Къ этому общему типу нельзя отнести Фагѣ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ по различнымъ текущимъ вопросамъ и въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ онъ не является ни импрессіонистомъ, отмѣчающимъ свои впечатлѣнія и настроенія, ни филосо-

фомъ, подходящимъ къ изученію произведенія искусства съ готовыми эстетическими формулами. Онъ менѣе всего занятъ обобщеніями въ своихъ разборахъ, и несмотря на многочисленность его этюдовъ изъ различныхъ эпохъ французской литературы, было бы крайне затруднительно составить себѣ понятіе о философскомъ міросозерцаніи критика. Задача, которую Фагѐ ставитъ себѣ, заключается прежде всего и почти исключительно въ безпристрастномъ и добросовѣстномъ изученіи интересующаго его автора, въ томъ, чтобы, проникнувшись всѣми характерными чертами и особенностями его творчества, дать полный и ясный его портретъ, объяснить его читателямъ таковымъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не какъ онъ отразился въ пониманіи современнаго писателя. Онъ не излагаетъ философскаго или эстетическаго міросозерцанія, а занятъ предметомъ своего ближайшаго изслѣдованія,—въ его книгахъ и статьяхъ вслѣдствіе этого мы найдемъ мало выводовъ, онѣ менѣе всего блещутъ широтой взглядовъ, но зато по эрудиціи, полнотѣ и точности характеристикъ и по безпристрастію сужденій Фагѐ занимаетъ едва ли не первое мѣсто среди французскихъ критиковъ послѣдняго времени.

Этими качествами своихъ произведеній Фагѐ обязанъ тому, что по своей писательской манерѣ онъ прежде всего историкъ литературы. Различіе между исторіей литературы и критикой особенно чувствуется на примѣрѣ Фагѐ. То, что было бы большимъ недостаткомъ у критика, становится съ точки зрѣнія исторіи литературы достоинствомъ. Отсутствіе общихъ взглядовъ, смѣлыхъ опредѣленій законовъ творчества, философскихъ выводовъ, исключаетъ Фагѐ изъ числа руководителей эстетическаго вкуса и идейнаго развитія общества; критикъ, не выходящій изъ рамокъ изучаемаго имъ произведенія, не подводящій его подъ общую систему, не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія. Но историкъ литературы, отбрасывающій всякія апріористическія толкованія, ставитъ себя тѣмъ самымъ въ наилучшія условія для пониманія изучаемыхъ имъ явленій во всемъ ихъ истинномъ значеніи. Фагѐ вполнѣ сознаетъ, что эстетическая критика—не его область, также какъ и критика философская и публицистическая; кромѣ журнальныхъ статей—наименѣе интересной стороны его авторской дѣятельности—онъ съ усердіемъ и добросовѣстностью истиннаго ученаго посвящаетъ обширныя знанія и громадный трудъ исторіи французской литературы, въ ея отдѣльныхъ фазисахъ развитія. Онъ самъ подчеркиваетъ научный характеръ своихъ книгъ, посвящая ихъ студентамъ-филологамъ и обращаясь къ публикѣ, которая ищетъ въ изслѣдованіяхъ литературныхъ во-

просовъ разбора именно этихъ литературныхъ вопросовъ, а не отраженія модныхъ идей или оригинальныхъ теорій.

Въ этомъ научно-литературномъ тонѣ написаны вышедшіе за послѣднія нѣсколько лѣтъ три тома по литературѣ XIX, XVIII и XVII вв. Теперь авторъ присоединилъ къ нимъ рядъ этюдовъ о важнѣйшихъ писателяхъ XVI в., заканчивая такимъ образомъ исторію французской литературы въ нисходящемъ порядкѣ, отъ великихъ писателей нашего вѣка до первыхъ представителей новыхъ литературныхъ идеаловъ въ эпоху возрожденія. Въ этой послѣдовательной серіи новая книга Фагѐ о XVI в. представляетъ особенный интересъ. Уже въ томѣ, посвященномъ XVIII в., Фагѐ выказалъ большую смѣлость и безпристрастность сужденій,—его оригинальная оцѣнка Вольтера надѣлала въ свое время много шума и вызвала даже обвиненіе автора въ парадоксальности. Подступая съ такой же лишенной всякихъ предвзятыхъ симпатій и предубѣжденій свободой мысли къ изученію XVI вѣка, Фагѐ заполнилъ очень чувствительный пробѣлъ въ научной литературѣ Франціи. Литература XVI вѣка имѣетъ какую-то особую судьбу во Франціи: классическій вѣкъ Людовика XIV заслонилъ ее отъ потомства, и вплоть до нашего времени о поэтахъ и прозаикахъ до Корнеля и Паскаля или совсѣмъ ничего не писали, или писали въ полемическомъ тонѣ, намѣренно преувеличивая ихъ значеніе въ пылу литературныхъ распрей приверженцевъ и противниковъ классицизма. Значеніе Ронсара и поэтовъ „Плеяды“ впервые открыли во Франціи романтики, и книга Сентъ-Бёва о XVI в. до сихъ поръ считается классической, несмотря на то, что она уже сильно устарѣла. Фактическое знаніе литературы XVI в. сильно подвинулось впередъ со времени романтизма: университетскіе ученые открыли массу источниковъ, написали не мало изслѣдованій о текстахъ, изданіяхъ и рукописяхъ того времени, но исторія руководящихъ идей и литературныхъ теченій во Франціи XVI в. до сихъ поръ еще не освѣщена исчерпывающимъ образомъ. Книга Фагѐ представляетъ очень удачную попытку разобраться въ запутанной, искаженной вѣковыми недоразумѣніями эпохѣ. Авторъ не задается цѣлью исчерпать свой обширный предметъ; не исторію литературы XVI в., а этюды о нѣкоторыхъ писателяхъ того времени—вотъ все, что̀ обѣщаетъ оглавленіе книги; но писатели, которымъ посвящены этюды Фагѐ, воплощаютъ руководящія идеи своего вѣка, и, разбирая ихъ, авторъ даетъ очень содержательную и широкую характеристику эпохи Ронсара и Маро, Кальвина и Рабле.

Фагѐ предпосылаетъ очеркамъ объ отдѣльныхъ писателяхъ XVI в. небольшое введеніе, въ которомъ доказываетъ, что идейная жизнь эпохи возрожденія вообще и ея литература въ частности, основана

на взаимодѣйствіи трехъ весьма различныхъ другъ отъ друга факторовъ: реформаціи, возрожденія и гуманизма. Что религіозная реформація, въ лицѣ Лютера и Кальвина, была по самому своему духу враждебна стремленіямъ возрожденія и гуманизма—съ этимъ вполнѣ можно согласиться. Творцы реформаціи направляли умы въ сторону первобытнаго, не извращеннаго католической церковью христіанства, въ то время какъ проповѣдники двухъ другихъ могущественныхъ теченій были полны языческой культуры. Но несмотря на эту коренную рознь, реформація дѣйствовала за-одно съ гуманизмомъ и возрожденіемъ. Фагѐ указываетъ на тотъ пунктъ, въ которомъ сошлись поборники столь различныхъ идеаловъ: у нихъ былъ общій врагъ, средніе вѣка, исказившіе античную культуру такъ же, какъ они исказили первобытное христіанство; стремясь побороть вліяніе средневѣковыхъ идей, реформація содѣйствовала возрожденію и гуманизму въ созданіи новаго культурнаго идеала.

Болѣе спорнымъ является устанавливаемое Фагѐ строгое отличіе возрожденія отъ гуманизма; возрожденіемъ онъ называетъ проникновеніе духомъ классической древности, гуманизмомъ—подражаніе ея внѣшнимъ формамъ, ея искусству, безъ всякаго отношенія къ воплощеннымъ въ нихъ идеямъ. Такъ, во Франціи представителями возрожденія Фагѐ считаетъ Монтэня, Рабле; гуманизма—Ронсара и его школу. Это разграниченіе примѣнимо, быть можетъ, къ разбираемымъ въ книгѣ Фагѐ писателямъ: Ронсара, въ самомъ дѣлѣ, привлекала въ раскрывшемся передъ нимъ античномъ мірѣ новизна поэтическихъ формъ; перенося ихъ на почву отечественной поэзіи, онъ стремился только обогатить родной языкъ, сдѣлать его поэзію болѣе полной и звучной, благодаря новоприобрѣтеннымъ элементамъ; внутреннія идеалы античной поэзіи мало интересовали поэта внѣшней красоты, красокъ и формъ. Вспомнимъ однако, что не только французскій поэтъ Ронсаръ, но и Эразмъ Роттердамскій былъ выразителемъ гуманизма,—а къ нему едва ли подходитъ опредѣленіе гуманизма, какъ движенія, лишеннаго внутренняго пониманія древности.

Въ книгѣ Фагѐ обращаютъ на себя вниманіе главнымъ образомъ два этюда — о Кальвинѣ и о Рабле. Излагая исторію жизни и развитіе идей женевскаго реформатора, Фагѐ старается вникнуть въ психологію этого суроваго, безпощаднаго учителя человѣчества, создавшаго одну изъ самыхъ безотрадныхъ религій. Онъ очень блестяще доказываетъ логичность системы, легшей въ основаніе церковной республики. Торжество Кальвина было результатомъ его пониманія историческихъ условій и послѣдовательности, выдержанности его ученія съ догматической точки зрѣнія. Изнеможенные борьбой съ деспотизмомъ савойскихъ герцоговъ, женевцы готовы были подчиниться новой

тиранніи, если она приметъ совершенно противоположный прежнему игу характеръ, т.-е. не будетъ исходить отъ чужеземныхъ властителей, не будетъ носить католическаго и аристократическаго характера и будетъ строгой въ нравственномъ отношеніи. Наравленіе Кальвина выполнило всѣ эти условія, и женевцы покорно подчинились его деспотизму во имя грознаго Бога и идеала добра во имя добра, а не ради вознагражденія. Наиболѣе прочной основой владычества Кальвина надъ умами своихъ современниковъ была строгая послѣдовательность его ученія. Объясняя метафизическую подкладку ученія, въ которомъ большинство изслѣдователей видѣло до сихъ поръ лишь крайнее проявленіе религіознаго фанатизма, Фагѐ отмѣчаетъ идеальную сторону ученія Кальвина: онъ призываетъ людей къ добру, потому что въ добрѣ—идеалъ человѣческой души, и заранѣе пріучаетъ людей къ мысли, что стремленіе къ идеалу не ведетъ къ спасенію. Кальвинизмъ при свѣтѣ метафизическихъ идей его основателя очень оригинально и блестяще разобранъ въ книгѣ Фагѐ, и ему удается возсоздать во всемъ ея величіи личность проповѣдника, которому недоставало только любящаго сердца.

Въ очеркѣ, посвященномъ знаменитому сатирику XVI в., Раблэ, проводится мысль, что его значеніе—далеко не въ философской глубинѣ замысла „Gargantua", что этой глубины на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а есть нѣчто другое, обезпечивающее Раблэ первоклассное мѣсто въ французской литературѣ: это громадный художественный талантъ, юморъ, умѣнье увлекательно разсказывать фантастическія выдумки. Фагѐ видитъ въ Раблэ серьезнаго человѣка науки, преданнаго своимъ медицинскимъ занятіямъ, очень наблюдательнаго и остроумнаго, много видѣвшаго на своемъ вѣку. Въ минуту отдыха, послѣ обильнаго ужина, онъ даетъ волю своей фантазіи и увлекаетъ слушателей своими сатирическими сценами современныхъ нравовъ; трезвый умъ, родственный Лафонтену и Мольеру своей практичностью, предпочтеніемъ всего естественнаго, жизненнаго и понятнаго, затѣмъ легкій скептицизмъ по отношенію къ людямъ и къ созданнымъ ими религіознымъ ученіямъ—вотъ весь философскій арсеналъ неистощимаго, беззаботнаго разсказчика, надъ вымыслами котораго трудилось столько комментаторовъ, разъискивая скрытый смыслъ подвиговъ Гаргантюа и Пантагрюэля. Такимъ образомъ, Фагѐ включаетъ Раблэ въ число классическихъ „разсказчиковъ" въ родѣ Боккаччіо и др., давшихъ столько благодарныхъ сюжетовъ для драматурговъ и поэтовъ позднѣйшихъ поколѣній. Что̀ скажутъ на это авторы всевозможныхъ „ключей" къ всеобъемлющей сатирѣ Раблэ? Своимъ простымъ и яснымъ толкованіемъ Фагѐ устранилъ всякую необходимость обращаться къ ихъ помощи.

Кромѣ указанныхъ этюдовъ, въ книгѣ Фагѐ мы находимъ интересныя характеристики Монтеня, Ронсара и Клемана Марэ.

III.

René Doumic. Ecrivains d'aujoud'hui. Paris 1894. Стр. 315.

„Сегодняшніе писатели", то-есть, тѣ, въ которыхъ воплотилась духовная жизнь французскаго общества за послѣдніе годы, это,—по мнѣнію Думика, — Буржé, Мопасанъ, Лоти между романистами, Леметръ, Брюнетьеръ и Фагѐ между критиками, и нѣсколько проповѣдниковъ, привлекающихъ толпы слушателей въ парижскія церкви. Какъ ни различны Буржé и Гюи де-Мопасанъ по качествамъ своего таланта и въ особенности по общему настроенію своего творчества, Думикъ считаетъ ихъ выразителями идейной жизни одного и того же поколѣнія. Въ Буржé онъ видитъ философа, одареннаго необыкновеннымъ аналитическимъ талантомъ, и любознательнаго изслѣдователя „современной души"; Мопасанъ ему кажется непосредственнымъ художникомъ, не задумывающимся глубоко надъ смысломъ жизненныхъ явленій, а только отражающимъ ихъ съ неистощимымъ богатствомъ фантазіи, наблюдательности и поэзіи.

Разграниченіе, устанавливаемое Думикомъ, доказываетъ только, что онъ самъ близокъ къ міросозерцанію Буржé; это именно и удаляетъ критика отъ пониманія Мопасана съ его отрицательной философіей, не пришедшей къ разрѣшающему аккорду, но и не довольствующейся примирительной „религіей страданія", составляющей идеализмъ Буржé. Самый фактъ, что, возвеличивая Буржé, Думикъ приходитъ къ отрицанію глубины пониманія жизни Мопасаномъ, показываетъ, насколько различны между собой два романиста въ самой сущности своего творчества, и какъ мало общаго между отраженными въ ихъ произведеніяхъ фазисами общественной жизни. При быстротѣ современной жизни, нѣсколько лѣтъ, раздѣляющихъ дебюты двухъ писателей, дѣлаютъ ихъ представителями различныхъ поколѣній: Мопасанъ и Буржé такъ же мало имѣютъ общаго, какъ писатели, раздѣленные многими десятками лѣтъ, и объединяя ихъ, какъ выразителей различныхъ сторонъ одного и того же міросозерцанія, критикъ совершаетъ большую ошибку, отразившуюся на его несправедливой оцѣнкѣ покойнаго автора „Une Vie".

Очеркъ Думика о Полѣ Буржé представляетъ ту особенность, что, отрицая значеніе романиста, какъ искуснаго бытописателя свѣтскихъ нравовъ, онъ превозноситъ его какъ философа и толкователя душев-

ной жизни своего поколѣнія. Это во всякомъ случаѣ очень оригинальный взглядъ. Мы привыкли видѣть въ авторѣ „Mensonges", „Cosmopolis" и др. тонкаго знатока изощреній парижской моды, съ тѣмъ же интересомъ останавливающагося на описаніи купэ фабрики Бендера или туалетныхъ принадлежностей героини, какъ на душевномъ кризисѣ, рѣшающемъ ея судьбу. Эти описанія свѣтскихъ „milieux", туалетовъ, пріемовъ и т. д. настолько заполняютъ романы Буржé, что они нерѣдко превращаются въ блестяще написанныя модныя хроники, по которымъ читатели, и въ особенности читательницы, могутъ слѣдить въ точности за послѣднимъ словомъ моды въ элегантныхъ салонахъ. Этой сторонѣ своихъ психологическихъ романовъ Бурже, быть можетъ, болѣе всего обязанъ своимъ успѣхомъ; онъ пишетъ по преимуществу для дамъ, какъ большинство модныхъ французскихъ романистовъ; ему приходится сообразоваться поэтому съ требованіями скучающихъ отъ бездѣлья женщинъ высшей французской буржуазіи, представляющихъ главный контингентъ читательницъ романовъ. Описывая царство тонкой, пропитывающей всѣ жизненныя подробности элегантности свѣтскаго общества, онъ переноситъ читательницъ въ единственный доступный ихъ пониманію идеальный міръ. Все, что въ немъ совершается, если даже оно несогласно съ самыми примитивными понятіями нравственности, является облагороженнымъ, понятнымъ и оправданнымъ среди эстетичныхъ рамокъ, такъ тщательно вырисованныхъ романистомъ. Въ этомъ поэтизированіи въ сущности весьма мелкихъ и пошлыхъ мотивовъ, руководящихъ чувствами и поступками свѣтскаго общества, заключается несомнѣнно ядъ, растлѣвающій праздное воображеніе читательницъ Бурже гораздо больше, чѣмъ мрачныя картины нравственнаго паденія людей, ничѣмъ не прикрашенныя въ ужасающихъ по своей жизненной правдѣ разсказахъ Мопасана.

Этотъ бытописательный талантъ Бурже, составляющій въ сущности главную часть его психическихъ анализовъ, Думикъ почти всецѣло отрицаетъ. Онъ находитъ у него лишь преклоненіе передъ свѣтской атмосферой, соединенное съ чувствомъ изумленія новичка въ этой средѣ; онъ отрицаетъ легкость манеры Бурже въ описаніяхъ свѣта, упрекаетъ его въ утомительномъ педантизмѣ описаній. Несправедливость этой критики лучше всего доказывается успѣхомъ романовъ Бурже. Благосклонныя читательницы простили бы ему неточное знаніе человѣческой и въ частности женской души, аффектацію христіанскаго настроенія и т. д., но еслибы онъ не чувствовалъ себя какъ дома среди описываемой имъ обстановки, не давалъ бы точныхъ фотографій салоновъ своихъ героинь, не говорилъ бы съ небрежнымъ превосходствомъ знатока о любимыхъ духахъ своихъ

героинь и т. д., онъ бы на половину не пользовался своимъ теперешнимъ обаяніемъ среди такъ называемой читающей публики.

Но, отрицая признаваемыя всѣми качества Поля Буржé, Думикъ приписываетъ ему другія, гораздо болѣе значительныя, но зато и гораздо болѣе спорныя. „Значеніе Бурже заключается въ томъ,—говоритъ его критикъ, — что, подобно философамъ и придерживаясь аналогичныхъ съ ихъ методами пріемовъ, онъ прибавилъ новую главу къ познанію человѣческой души". Для того, чтобы придти къ такому выводу относительно романовъ Бурже, Думикъ долженъ былъ, очевидно, придать серьезное значеніе дилеттантствующей философіи романиста, которою онъ приправляетъ свои книги, чтобы придать имъ больше современности. Бурже началъ писать, будучи скептикомъ въ области нравственныхъ понятій; его первые романы дышатъ непримиримой грустью меланхолика; страданія людей кажутся ему особенно тяжелыми вслѣдствіе своей безцѣльности. Потомъ, говоритъ Думикъ, его міросозерцаніе расширилось, грусть обратилась въ живое состраданіе, и безвѣріе смѣнилось у Бурже христіанскимъ настроеніемъ, „религіей человѣческаго страданія". Но всякій внимательный и непредубѣжденный читатель отлично видитъ, что эта внезапная эволюція романиста какъ разъ совпала съ модой на русскіе романы во Франціи, съ всеобщимъ увлеченіемъ „толстоизмомъ"; отзывчивый на всякія модныя вѣянія, Бурже подхватилъ и эту новую ноту и сталъ оттѣнять свои анализы салонныхъ чувствъ, колеблющихся постоянно на границѣ пустого „флирта" и истинной страсти, общими разсужденіями о величіи душевныхъ страданій, объ ихъ очистительномъ дѣйствіи, о милосердіи и т. д. Эти отзвуки Достоевскаго Думикъ называетъ „le sens des idées générales", и признаетъ въ ихъ авторѣ прежде всего высокій, синтезирующій умъ, пришедшій послѣ долгой философской подготовки къ оригинальному, глубокому пониманію человѣческой души. Это пониманіе сводится къ сознанію сложности человѣческаго „я" и разнообразія мотивовъ, сказывающихся въ каждомъ поступкѣ человѣка. Несомнѣнно, что Бурже строитъ свои психологическіе анализы на сложности и безсознательности самыхъ противоположныхъ мотивовъ, уживающихся въ душѣ,—но это еще далеко не значитъ, что онъ прибавилъ „новую главу къ познанію человѣка". Онъ только пошелъ по слѣдамъ Стендаля, направилъ методъ послѣдняго на изученіе человѣческихъ страстей не на широкой аренѣ свободной общественной жизни, а въ узкихъ рамкахъ тепличной жизни салоновъ. Тонкость ощущеній, которую Бурже обнаруживаетъ въ своихъ романахъ, является тоже скорѣе болѣзненной нервностью человѣка, возбужденнаго искусственной атмосферой, окружающей его, чѣмъ природной воспріимчивостью ко всякому движенію души. Если же въ его романахъ, обличающихъ

растлѣніе нравовъ свѣтскаго общества, нѣтъ ироническаго отношенія къ описываемой средѣ, то это едва ли доказываетъ, какъ предполагаетъ критикъ, что Бурже неспособенъ ни на какое проявленіе жестокосердія и умѣетъ только грустить, а не осуждать. Отсутствіе іроніи у Буржé—такой же литературный пріемъ, какъ его умиленіе передъ отвлеченной идеей добродѣтели и заканчивающая нѣкоторые изъ его романовъ теорія всепрощенія.

Думикъ придаетъ такое значеніе философской подкладкѣ романовъ Бурже потому, что онъ видитъ въ нихъ отраженіе ученія Тэна, которое самъ исповѣдуетъ; между тѣмъ Тэнъ имѣлъ лишь временное вліяніе на Бурже и послужилъ ему лишь предлогомъ для романа „Disciple". Освѣщать все написанное Бурже идеями Тэна значитъ идти гораздо далѣе самого автора; Бурже не философъ, не авторъ романовъ à thèse, а любопытствующій хроникёръ свѣтской жизни, воплотившій въ нѣсколькихъ, постоянно повторяющихся типахъ свою теорію любви, какъ страсти, отравляющей душу человѣка. Во всѣхъ романахъ Бурже или нравственно павшій мужчина губитъ полюбившую его чистую женщину, или, напротивъ, полный идеальныхъ стремленій юноша дѣлается жертвой испорченной свѣтской женщины. Это пессимистическое пониманіе любви, съ которымъ плохо клеятся нравственные и въ послѣднихъ книгахъ даже мистическіе порывы Бурже, вполнѣ искренно и полно отражено въ его романахъ. Но, стараясь подмѣтить въ нихъ болѣе глубокое и общее міросозерцаніе, Думикъ несомнѣнно идетъ по ложному пути и приходитъ къ невѣрной оцѣнкѣ творчества Бурже и его значенія въ исторіи современнаго французскаго романа.

Конечно, критикъ, который видитъ въ подражательномъ христіанскомъ умиленіи Бурже примирительную философію, объясняющую смыслъ жизни, долженъ чувствовать удручающую неудовлетворенность по прочтеніи разсказовъ и романовъ Гюи де-Мопасана. Тамъ не только нѣтъ примирительнаго аккорда, но отрицается его возможность въ религіи; въ искусствѣ Мопасанъ видитъ только безплодныя попытки замаскировать ужасъ всепоглощающей смерти, и онъ отказывается успокоиться на неудовлетворяющихъ его объясненіяхъ и теоріяхъ. Жизнь кажется ему безвыходнымъ зломъ, люди безнадежно и безпомощно павшими,—и это онъ съ ужасающей убѣдительностью рисуетъ въ своихъ мрачныхъ романахъ. Думикъ называетъ этотъ искренній и не маскирующій своего невѣрія пессимизмъ отсутствіемъ обобщающей мысли, философскихъ идей, не чувствуя, очевидно, что этотъ плохой философъ—только болѣе требовательный мыслитель, чѣмъ идеалистъ Бурже, и что онъ неспособенъ тѣшиться поэтичностью чувствительныхъ теорій ad usum свѣтскихъ дамъ.

Отрицая философскую сторону творчества Мопасана, Думикъ очень вѣрно характеризуетъ его чисто литературныя качества — „ясное воспрининаніе дѣйствительности и инстинктивное пониманіе сущности, скрывающейся подъ внѣшней формой. Почти всѣ разсказы Мопасана связаны съ какимъ-нибудь истиннымъ происшествіемъ, внутренній смыслъ котораго сразу открывался проницательному взору романиста. Совершенство языка, дѣлающее Мопасана классическимъ писателемъ, всестороннее пониманіе жизни,—все это критикъ добросовѣстно отмѣчаетъ, разбирая отдѣльные разсказы Мопасана и его романы. Онъ говоритъ также о преслѣдовавшей Мопасана мысли о роковой неизбѣжности смерти; но эта мысль, наложившая столь мрачный колоритъ на творчество романиста, не кажется критику достаточной замѣной философскаго міросозерцанія, и онъ резюмируетъ свою характеристику, называя Мопасана большимъ художникомъ, занятымъ воспроизведеніемъ „сотни актовъ великой комедіи жизни", но неспособнымъ возвыситься „до пониманія всякой слишкомъ отвлеченной или слишкомъ сложной идеи" — доступной, конечно, Бурже, судя по очерку, посвященному Думикомъ автору „Mensonges".

Рядъ очерковъ Думика о современныхъ критикахъ, объ историкѣ Лависсѣ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ проповѣдникахъ интересны обиліемъ матеріала и точной формулировкой разныхъ направленій современной мысли.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1894 г.

Исторія одной школы и одного школьнаго района. — Школа-мать и школы-дочери, какъ нормальный типъ развитія школьнаго дѣла.—Независимость суда и „партіи“.— Оффиціальность, какъ синонимъ объективности и безпристрастія. — Еще объ одной профессорской рѣчи.—Юбилей П. Н. Обнинскаго.

Лѣтъ десять или болѣе тому назадъ, лишь только получила право гражданства, благодаря извѣстному распоряженію барона Николаи, такъ называемая школа грамоты, въ разныхъ концахъ Россіи начались попытки установить живое общеніе между этой школой и правильно-организованными земскими училищами. Болѣе способные мальчики и дѣвочки, окончившіе курсъ въ земскихъ училищахъ, подготовлялись, съ помощью своихъ бывшихъ учителей или учительницъ (всего чаще — учительницъ), къ учительской дѣятельности и становились, подъ ихъ же руководствомъ, преподавателями въ сосѣднихъ школахъ грамоты. Около школы-матери группировались, такимъ образомъ, школы-дочери, соединенныя съ нею свободною, добровольною и именно потому тѣсною связью. Таковъ, напримѣръ, былъ ходъ дѣла въ разныхъ уѣздахъ тверской, казанской, пермской губерніи [1]). Дальнѣйшее развитіе организаціи, быстро шедшей впередъ и очень много обѣщавшей, было въ значительной степени парализовано правилами 13-го іюня 1884 г., подчинившими школы грамоты исключительно вѣденію духовенства. О послѣдствіяхъ этой мѣры мы говорили много разъ; мы видѣли, что школы грамоты, предоставленныя самимъ себѣ, мало прогрессировали не только качественно, но и количественно, хотя незамѣнимость ихъ, какъ орудія къ *быстрому* и *повсемѣстному* распространенію грамотности, дѣлалась все болѣе и болѣе очевидной. Чего можно достигнуть при посредствѣ системы, давно оправданной опытомъ, но въ послѣдніе годы какъ бы забытой —это показываетъ какъ нельзя лучше небольшая брошюра г-жи Штевенъ: „Исторія одной школы“, напечатанная недавно по распоряженію г. оберъ-прокурора св. синода.

А. А. Штевенъ, молодая дѣвушка, поселилась, восемь лѣтъ тому назадъ, въ с. Яблонкѣ (арзамасскаго уѣзда, нижегородской губерніи), занялась сначала обученіемъ грамотѣ нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣтей, потомъ стала во главѣ настоящей земской школы. Многіе изъ ея бывшихъ

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 5 „В. Е.“ за 1884 г. и № 3 за 1886 г.

учениковъ продолжали, по окончаніи курса, посѣщать школу—и вотъ, изъ ихъ среды ей и пришло на мысль набрать учителей для школъ грамоты. На первый разъ основана была одна такая школа, въ дер. Петлинѣ, въ 5 вер. отъ Яблонки. „Я слышала,—пишетъ А. А. Штевенъ,—что тамъ есть желающіе учиться, знала, что тамъ имѣется пустой, брошенный кабакъ, и поручила сельскому старостѣ переговорить съ крестьянами объ открытіи у нихъ школы. На должность учителя я прочила старшаго своего ученика и помощника, 16-лѣтняго, способнаго и бойкаго малаго". Петлинскіе крестьяне сначала отказывались, по бѣдности, открыть школу, но потомъ согласились платить по 1 коп. съ души въ мѣсяцъ. „Открыли двери и ставни въ старомъ, низкомъ, закоптѣломъ бывшемъ кабакѣ, вставили и вымыли окна, передѣлали стойку на столы, раздобыли и принесли скамеекъ—и въ новую школу набилось 38 мальчиковъ, жаждущихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала, и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисованными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были взаймы буквари изъ сосѣдней земской школы. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхала въ новую школу и чуть ли не съ замираніемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ на встрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улыбнувшись, мнѣ отвѣтилъ:—слава Богу! Дѣйствительно, вся школа была полна ребятъ; всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались *Николая Ивановича*; они уже выучились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы... Это было зимою съ 1889 на 1890 г. Осенью 1890 г. была открыта вторая школа; помѣщеніе наняли отцы учениковъ, а жалованье учителю взялась платить г-жа Штевенъ. Въ то же время о школахъ было заявлено епархіальному училищному совѣту, который снабдилъ ихъ нѣкоторыми учебниками. Съ осени 1891 г. всѣхъ школъ было уже пять; пришлось назначить небольшую плату за ученье (по 40 коп. за учебный годъ), потому что убѣдить цѣлое общество принять на себя расходы по школѣ не всегда удается. „Особенно много труда положено было учащими и учащимися на Законъ Божій. Въ школахъ грамотности священникъ учить не обязанъ, а потому учитель самъ долженъ былъ достичь того, чтобы ученики твердо знали священную исторію, молитвы и краткій катехизисъ, а также порядокъ и значеніе церковныхъ службъ. Но горячее рвеніе молодыхъ силъ и крестьянская привычка къ упорному труду сдѣлали свое дѣло. Въ маѣ 1892 г. ученики первыхъ двухъ школъ настолько уже подвинулись впередъ, что можно было представить ихъ къ экзамену, и 17 мальчиковъ получили свидѣтельства, съ

правомъ на льготу. Второй экзаменъ для учениковъ школъ грамотности состоялся 19-го апрѣля 1893 г., и на немъ получили свидѣтельства 28 мальчиковъ и одна дѣвочка, изъ четырехъ разныхъ школъ. Экзамены эти весьма были строги по отношенію къ Закону Божію, средней строгости по отношенію къ чтенію и письму, и снисходительны по отношенію къ ариѳметикѣ. Сдавши экзаменъ, многіе ученики поступили доучиваться въ особую группу Яблонской земской школы, и 7 изъ нихъ теперь сами учительствуютъ въ школахъ грамотности". Осенью 1892 г. школъ было уже тринадцать, и поддерживать ихъ на собственныя средства г-жѣ Штевенъ становилось затруднительнымъ. Благодаря поддержкѣ г. оберъ-прокурора св. синода, она получила возможность открыть, осенью 1893 г., еще восемнадцать школъ. Ко времени изданія брошюры А. А. Штевенъ ихъ было, такимъ образомъ, 31, съ 840 учащимися (въ среднемъ—27 на школу); но на этомъ, какъ мы слышали, дѣло не остановилось, и г-жа Штевенъ, заручившись содѣйствіемъ нижегородскаго губернскаго земства, распространяетъ свой школьный районъ все дальше и дальше, даже за предѣлы арзамасскаго уѣзда. Помѣщаются основанныя ею школы отчасти въ небольшихъ деревушкахъ, отчасти въ большихъ селахъ, гдѣ еще нѣтъ правильно организованныхъ училищъ (нѣкоторыя изъ нихъ населены мордвой, мало знакомой съ русскимъ языкомъ). Иногда школа учреждается по желанію самихъ крестьянъ, иногда—вслѣдствіе настойчивыхъ увѣщаній г-жи Штевенъ. Въ послѣднемъ случаѣ школа обыкновенно открывается при небольшомъ числѣ учениковъ (10—12); но „надъ такими, очевидно стоящими позади другихъ деревнями уже смѣются сосѣди, называя ихъ *деревней* по преимуществу", и на одно полу-сердитое заявленіе, что ученье—вздоръ, госпожа Штевенъ знаетъ сотни горячихъ рѣчей о пользѣ ученья и о томъ, что не вѣкъ дураками быть. „Узнавъ, что я желала бы завести у нихъ школу, крестьяне сами собираютъ сходъ, нанимаютъ помѣщеніе для школы, составляютъ списокъ желающихъ учиться и присылаютъ мнѣ бумагу, въ которой просятъ Ея Высокородіе Госпожу Учительшу пожаловать къ нимъ и начать ученье. Случилось разъ, что такая бумага затерялась, и я только черезъ мѣсяцъ, узнавши о томъ, могла исполнить желаніе крестьянъ. Они очень были недовольны этимъ и нашли, что я плохо исполняю свои обязанности—и это ихъ неодобреніе доставило мнѣ еще больше удовольствія, чѣмъ ихъ сердечное спасибо за стараніе въ другихъ случаяхъ". Помѣщеніе школы, съ отопленіемъ, стоитъ отъ 6 до 20 руб. въ годъ; иные хозяева соглашаются устроить у себя школу за одни дрова. Удобное помѣщеніе имѣли только двѣ школы изъ 31. Плата учителю, смотря по его возрасту и опытности — отъ 12 до

40 руб. въ зиму; лучшіе изъ нихъ опредѣляются въ школы наиболѣе многолюдныя. Приплата г-жи Штевенъ на каждую школу составляетъ, въ среднемъ, около 25 руб. въ годъ. Подготовку будущіе учителя и учительницы (первыхъ теперь 26, послѣднихъ—5) по прежнему получаютъ въ Яблонской школѣ, куда земствомъ опредѣлена, въ помощь г-жѣ Штевенъ, вторая учительница, а для усовершенствованія учителей уже дѣйствующихъ устроиваются при той же школѣ, весною—послѣ окончанія, осенью—до начала школьныхъ занятій, дополнительные курсы. „Хорошее это бываетъ время,—говоритъ г-жа Штевенъ.—Дни долгіе, въ классѣ у насъ просторъ и тишина, окна открыты, и въ нихъ широкой волной вливается свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ, пѣніе пѣтуховъ и птичье щебетанье, всѣ краски, и звуки, и запахи, вся безмятежная красота и могучая жизнь сельской природы. И живо чувствуется, что эти молодые ребята, занятые славянскимъ переводомъ или исторіей, составляютъ нераздѣльную часть этой природы, но что они дороже и лучше солнца и неба, зелени и птичьяго щебетанья, потому что призваны внести другую, высшую, духовную красоту въ ея равнодушно сіяющее всевозможными красотами царство... Учителя изъ не-крестьянскихъ сословій часто поступаютъ на учительскую должность только потому, что не имѣютъ другого исхода. Крестьянскій мальчикъ въ этомъ отношеніи вполнѣ свободенъ. У него есть свой домъ и работа; особенныхъ матеріальныхъ выгодъ учительская должность ему не даетъ, и если онъ принадлежитъ къ числу дюжинныхъ натуръ, съ низменными вкусами, онъ самъ не захочетъ браться за это дѣло. Но зато учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ нравится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя, и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но зато отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевной чистотой, и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мать-пустыню, теперь же отчасти нашли мѣсто въ деревенской школѣ".

Конечно, не всѣ учителя и учительницы г-жи Штевенъ подходятъ къ этому типу; не всѣ одинаково способны и усердны, не всѣ задушевно и самоотверженно относятся къ своему дѣлу и къ своимъ ученикамъ—но лучшіе „теперь же и непосредственно вносятъ жизнь въ мертвенность и свѣтъ въ тьму". „Люблю я ѣздить въ такія школы,—восклицаетъ А. А. Штевенъ.—Если пріѣдешь туда вечеромъ, когда учениковъ уже распустили, они, заслышавъ колокольчикъ, съ такой стремительностью сбѣгаются въ школу, словно боятся

потерять самое короткое мгновенье. И пока ждешь, когда они всѣ сбѣгутся, не успѣваешь отвѣчать на громкія, радостныя привѣтствія влетающихъ въ дверь другъ за дружкой ребятъ, не успѣваешь переглядѣть тетрадки, которыя они наперерывъ показываютъ, не успѣваешь давать отвѣты на вопросы, которые они наперерывъ задаютъ и которыхъ, очевидно, много накопилось у нихъ за двѣ недѣли моего отсутствія. Они ловятъ всякое сказанное имъ слово, просятъ имъ еще и еще что-нибудь разсказать, просятъ спросить ихъ по Закону Божію, почитать съ ними, задать имъ задачу. Дѣльно и бодро, съ значительнымъ видомъ, командуетъ ими молоденькій учитель, и глаза его радостно блестятъ, когда ученики отвѣчаютъ удачно; а ребята дружелюбно вертятся вокругъ него, и хотя для нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ по годамъ скорѣе товарищъ, нежели старшій, охотно и часто величаютъ его Григоріемъ Ѳедорычемъ или Иваномъ Ипполитычемъ. И мужики, толпясь у дверей, добродушно смотрятъ на все происходящее, улыбаясь хвалятъ учителя и ученье и разсказываютъ, какъ ревностно занимаются и читаютъ дома ихъ Миши и Пети, и какъ имъ самимъ *лестно* слышать ихъ чтеніе, и что въ училище ребята собираются чуть ли не до свѣта, а расходятся только когда стемнѣетъ, и что даже на улицѣ они стали вести себя замѣтно лучше, чѣмъ прежде... Установленію хорошихъ отношеній между крестьянами и мальчикомъ-учителемъ способствуетъ, между прочимъ, то, что онъ въ домахъ всѣхъ учениковъ поочередно завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ. Перспектива такого кочующаго образа жизни въ началѣ нѣсколько пугаетъ новичка учителя, но крестьяне всегда усердно убѣждаютъ его, что стѣсняться ему нечего, что онъ будетъ для нихъ пріятнымъ гостемъ, что онъ скоро привыкнетъ къ нимъ, какъ къ роднымъ, что они даже благодарны ему будутъ, если за ихъ хлѣбъ-соль онъ вечеромъ займется съ ихъ дѣтьми, или почитаетъ, или разскажетъ имъ что-нибудь. И дѣйствительно, эти вечернія бесѣды и чтенія въ семьѣ нравятся и приносятъ свою долю пользы, а учитель почти всегда остается вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Ставши старше, многіе изъ этихъ юношей, можетъ быть, уже не захотятъ довольствоваться получаемымъ ими скромнымъ вознагражденіемъ и постаряются стать писарями; но такъ какъ и хорошіе волостные писаря крайне намъ нужны, я не буду считать это несчастіемъ". За-одно съ потребностью въ грамотности ростетъ и спросъ на книги. При Яблонской школѣ имѣется небольшая библіотека, откуда книги берутся нарасхватъ [1]); очень охотно также

[1]) С.-петербургскій комитетъ грамотности открылъ въ послѣднее время, какъ извѣстно, подписку на учрежденіе ста народныхъ читаленъ (считая по 250 руб. на

покупаются книги, получаемыя для продажи... Г-жа Штевенъ понимаетъ какъ нельзя лучше, что на школахъ грамоты успокоиваться и останавливаться нельзя, что „нужно стремиться къ безконечно бо̀льшему и лучшему"; но въ ожиданіи того, едва ли близкаго времени, когда вездѣ, въ достаточномъ числѣ, будутъ открыты правильно организованныя училища, она съ полнымъ основаніемъ ожидаетъ немалой службы и отъ школъ грамоты. Безъ этихъ школъ „цѣлыя поколѣнія выростутъ, возмужаютъ, загрубѣютъ и умрутъ, не знавши, что̀ такое ученье, не получивъ и жалкихъ крохъ изъ сокровищъ, которыми другіе пользуются въ избыткѣ".

Чтобы создать, единичными силами и при небольшихъ матеріальныхъ средствахъ, цѣлый школьный округъ, почти равный, по числу учащихся, иным уѣздамъ, чтобы соединить въ своихъ рукахъ завѣдываніе центральной школой, руководство учительскими курсами и управленіе нѣсколькими десятками филіальныхъ школъ, нужна такая энергія, такая преданность дѣлу, такое административное и педагогическое искусство, которыя даются весьма немногимъ. Нельзя не пожелать, конечно, чтобы примѣръ г-жи Штевенъ нашелъ подражателей и въ особенности подражательницъ—но трудно надѣяться, чтобы ихъ было много. Повсемѣстно двинуть впередъ дѣло народнаго обученія, двинуть его впередъ съ той быстротой, которой требуетъ давно назрѣвшая потребность, можно только путемъ взаимодѣйствія личныхъ усилій и общихъ мѣръ, при чемъ перевѣсъ неизбѣжно долженъ оставаться на сторонѣ послѣднихъ... Разсказъ г-жи Штевенъ интересенъ не только самъ по себѣ, но и по тѣмъ мыслямъ, на которыя онъ наводитъ. Замѣтимъ, во-первыхъ, что въ немъ не говорится ни слова о мѣстныхъ священникахъ (школьный районъ г-жи Штевенъ обнимаетъ собою, безъ сомнѣнія, нѣсколько приходовъ). Казалось бы, что именно они, какъ завѣдующіе школами грамоты, должны были бы пойти на встрѣчу частному лицу, такъ успѣшно распространяющему ихъ сферу дѣйствій. Отъ нихъ можно было бы ожидать и участія въ переговорахъ съ крестьянами, и помощи въ устройствѣ новыхъ школъ, и усерднаго преподаванія Закона Божія, или, по меньшей мѣрѣ, руководства неопытными учителями, по необходимости берущими на себя занятіе этимъ важнѣйшимъ школьнымъ предметомъ. Ничего подобнаго мы не видимъ — а слѣдовательно, ничего подобнаго и не было. Припомнимъ слова г-жи Штевенъ: „въ школахъ грамотности священникъ учить не обязанъ, а

каждую), съ тѣмъ, что жертвующій не менѣе 250 руб. имѣетъ право указать, гдѣ именно на эти деньги должна быть открыта читальня. Лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, прислано въ комитетъ, изъ Ниццы, 250 руб. на открытіе читальни именно въ с. Яблонкѣ.

потому учитель самъ долженъ былъ достичь того, чтобы ученики твердо знали священную исторію, молитвы и краткій катехизисъ, а также порядокъ и значеніе церковныхъ службъ". Хорошо уже и то, что начинанія г-жи Штевенъ не встрѣчали, повидимому, противодѣйствія со стороны священниковъ—противодѣйствія весьма возможнаго, въ силу принципа: quieta non movere: чѣмъ меньше школъ грамоты, тѣмъ менѣе вѣроятно „нарушеніе покоя", столь дорогого для многихъ священниковъ. Весьма невелика, во-вторыхъ, была и поддержка, встрѣченная г-жею Штевенъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго училищнаго совѣта; о немъ въ „Исторіи одной школы" упоминается лишь однажды, по поводу снабженія имъ школъ „нѣкоторыми учебниками". Значительная помощь, полученная г-жею Штевенъ (три года спустя послѣ основанія ею первой школы грамоты) изъ центральнаго духовнаго управленія, объясняется, безъ сомнѣнія, именно необыкновенными размѣрами, до которыхъ разрослась дѣятельность г-жи Штевенъ; не въ Петербургѣ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ искать *нормальныхъ* источниковъ для развитія школъ грамоты. Съ другой стороны, успѣхъ предпріятія, задуманнаго г-жей Штевенъ, составляетъ новое и чрезвычайно яркое доказательство въ пользу системы филіальныхъ школъ, заброшенныхъ послѣ изданія правилъ 1884 г. Широкое примѣненіе эта система можетъ получить лишь тогда, когда будетъ возстановлена связь между земской школой и школой грамоты.

Церковно-приходская школа отличается отъ земской, между прочимъ, способами основанія и распространенія. Въ исторіи земской школы никакой роли не играетъ предписаніе свыше; она устроивается только тогда, когда это признаетъ нужнымъ, по собственной иниціативѣ, земское собраніе и, въ большинствѣ случаевъ, только тамъ, гдѣ мѣстное населеніе, опять-таки добровольно, возьметъ на себя часть расходовъ на содержаніе училища. Церковно-приходскія школы, наоборотъ, часто обязаны своимъ существованіемъ *приказу* или, по меньшей мѣрѣ, внушенію, фактически имѣющему много общаго съ приказомъ. Еще недавно, напримѣръ, въ харьковской епархіи возникъ вопросъ о необходимости увеличить число церковно-приходскихъ школъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи епархія оказалась отставшей почти отъ всѣхъ остальныхъ. Епархіальный совѣтъ указалъ цѣлый рядъ мѣстностей, въ которыхъ должны быть открыты церковно-приходскія школы и школы грамоты. Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій, не счелъ возможнымъ сразу приступить къ столь рѣшительной мѣрѣ, но приказалъ настоятелямъ церквей, въ мѣстностяхъ, намѣченныхъ совѣтомъ, представить ему отзывъ: 1) почему при церкви доселѣ нѣтъ церковно-приходской

школы, 2) въ какой приблизительно срокъ школа можетъ быть открыта и въ какомъ видѣ, а если это признано будетъ невозможнымъ, то почему именно, и 3) на какія средства, въ какомъ помѣщеніи, при какомъ составѣ учителей и на какое число учениковъ, можетъ быть открыта школа. Не думаемъ, чтобы на запросъ, такимъ образомъ формулированный, поступило много отрицательныхъ отвѣтовъ. Новыхъ школъ, безъ сомнѣнія, будетъ открыто немало—но многимъ ли изъ нихъ суждено стать центрами для цѣлаго ряда филіальныхъ школъ? Не ясно ли, что школа, родившаяся par ordre, только съ грѣхомъ пополамъ—за рѣдкими исключеніями—справится съ своими ближайшими, непосредственными задачами и даже не подумаетъ о дальнѣйшемъ расширеніи своей сферы дѣйствій?.. Изъ церковно-приходскихъ школъ уже существующихъ многія, очень многія образовались именно такъ, какъ образуются теперь новыя школы въ харьковской губерніи. Къ значительной ихъ части вполнѣ примѣнима слѣдующая картина, начертанная недавно рославльскимъ корреспондентомъ „Смоленскаго Вѣстника“ (см. № 6464 „Новаго Времени“). „Въ нашемъ уѣздѣ,—пишетъ онъ,—учителями церковно-приходскихъ школъ состоитъ немало учениковъ, выгнанныхъ изъ первыхъ классовъ духовной семинаріи за неспособность къ ученью и выдержавшихъ съ грѣхомъ пополамъ пустячный экзаменъ на званіе учителя. Хорошъ учитель, признанный самъ неспособнымъ къ ученью, но въ то же время удостоенный права учить другихъ—это какая-то неразрѣшимая дилемма, возможная только въ церковно-приходскихъ школахъ!.. Состоятъ еще учителями церковно-приходскихъ школъ и діаконы. Діаконъ занимается въ школѣ. Вбѣгаетъ церковный сторожъ или псаломщикъ.—Отецъ діаконъ, батюшка прислалъ за вами—собирайтесь ѣхать служить никольскіе молебны...—Ученики недѣли на полторы распускаются по домамъ, пока по деревнямъ окончатся молебствія...—Отецъ діаконъ, завтра заупокойная обѣдня и поминки... Отецъ діаконъ, пожалуйте хоронить покойника въ Забѣгаевку...—Само собою разумѣется, что учебныхъ дней въ такихъ школахъ бываетъ очень немного“. Можетъ ли подобная школа сдѣлаться школою-матерью по отношенію къ окрестнымъ школамъ грамоты—это не требуетъ объясненія. Есть еще одно весьма важное обстоятельство, мѣшающее церковно-приходскимъ школамъ принять на себя фактическое завѣдываніе школами грамоты. Быстро и прочно довѣріе населенія и расположеніе учащихся школы грамоты завоевываютъ только при условіяхъ аналогичныхъ съ тѣми, которыя описаны въ брошюрѣ г-жи Штевенъ: при мягкомъ, любовномъ отношеніи школы-матери къ своимъ ученикамъ, подготовляемымъ въ преподаватели—отношеніи, всецѣло переносимомъ послѣдними въ филіальныя

школы. Въ земскихъ школахъ такое отношеніе составляетъ общее правило, основанное на традиціи и передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію. Традиція церковно-приходскихъ школъ, примыкающая къ старой, такъ называемой часословной школѣ—совсѣмъ иная. Не даромъ же признано было необходимымъ, года три тому назадъ, запретить учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ примѣненіе мѣръ взысканія, противныхъ требованіямъ гигіены или соединенныхъ съ униженіемъ дѣтей и съ тѣлеснымъ страданіемъ [1]). Земскимъ школамъ такія запрещенія, сколько намъ извѣстно, никогда объявляемы не были, по той простой причинѣ, что въ нихъ не было надобности. Въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ недостаточно, повидимому, однажды установить правило, разумѣющееся, собственно говоря, само собою; необходимы еще напоминанія и настоянія. „Многія епархіальныя училища — читаемъ мы въ „Недѣлѣ“ (№ 20) — получили вторичное подтвержденіе циркуляра училищнаго совѣта св. синода о мѣрахъ взысканія за проступки учащихся. Ставится на видъ отсутствіе гуманности среди воспитательнаго персонала училищъ. Зачастую примѣняются либо вредныя для здоровья наказанія (лишеніе пищи, запрещеніе пользоваться прогулкою или гимнастикою и т. п.), или соединенныя съ нравственнымъ униженіемъ ребенка и причиняющія ему тѣлесныя страданія: стояніе на колѣняхъ, удары линейкой по рукамъ и пр. Циркуляръ внушаетъ примѣнять мѣры взысканія въ духѣ кротости, избѣгая униженія дѣтей и жестокаго съ ними обращенія“. Мы не знаемъ, что̀ слѣдуетъ понимать здѣсь подъ именемъ епархіальныхъ училищъ. Технически это названіе присвоено только среднимъ учебнымъ заведеніямъ для дѣвочекъ духовнаго званія; но гораздо вѣроятнѣе, что въ данномъ случаѣ оно употреблено въ смыслѣ болѣе общемъ. Еслибы, впрочемъ, циркулярное распоряженіе и касалось однихъ только женскихъ епархіальныхъ училищъ, то изъ существованія злоупотребленій дисциплинарною властью въ учебныхъ заведеніяхъ высшей категоріи, находящихся на глазахъ у всѣхъ, въ большихъ городахъ, можно было бы вывести a posteriori еще болѣе обостренное существованіе ихъ въ глуши, въ сельскихъ школахъ.

Чтобы возобновить прерванную работу, нужно возвратиться къ условіямъ, при которыхъ она была предпринята. Какъ только школы грамоты перестанутъ быть исключительнымъ достояніемъ духовенства, какъ только право открывать эти школы и завѣдывать ими будетъ вновь признано за земствомъ, земскія школы станутъ главными разсадниками школъ грамоты; бывшіе ученики первыхъ сдѣ-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „В. Е.“ за 1891 г.

лаются учителями послѣднихъ, сразу поднявъ не только ихъ количество, но и нравственный и умственный ихъ уровень. Между земскими и церковно-приходскими школами возникнетъ, быть можетъ, соревнованіе, весьма полезное для общаго ихъ дѣла. Конечно, учителю или учительницѣ земской школы нельзя и думать о такихъ результатахъ, какихъ достигла г-жа Штевенъ; но въ слишкомъ большомъ увеличеніи числа филіальныхъ школъ, пріуроченныхъ къ одному центру, нѣтъ никакой надобности. Совершенно достаточно, если около земской школы появится 3—5, самое большое—10 школокъ, и то въ такомъ лишь случаѣ, если этого желаетъ учительница или учитель; принужденіемъ здѣсь ничего прочнаго сдѣлать нельзя. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что желающихъ оказалось бы немало, въ особенности еслибы земство назначило небольшое вознагражденіе за добавочные труды по подготовкѣ учителей и посѣщенію школъ грамоты. *Разсчитывать* на подвигъ, на самопожертвованіе, нельзя; въ сферѣ начальнаго обученія, какъ и во всякой другой, герои труда встрѣчаются не часто, и дѣло должно быть организовано такъ, чтобы быть посильнымъ для всякаго добросовѣстнаго труженика.

Мы предвидимъ возможность одного возраженія. Примѣръ г-жи Штевенъ можетъ быть обращенъ въ аргументъ противъ нашего главнаго тезиса: если существующее устройство школъ грамоты не помѣшало ей сдѣлать столь многое въ столь короткое время, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что никакихъ перемѣнъ въ ихъ устройствѣ и не нужно?.. Съ нашей точки зрѣнія этотъ аргументъ уже заранѣе опровергнутъ. Нѣтъ такихъ неблагопріятныхъ условій, которыхъ нельзя было бы преодолѣть или обойти — но это удается только немногимъ, въ немногихъ случаяхъ; нормальною организаціи можетъ быть признана только тогда, когда она приспособлена къ обыкновеннымъ лицамъ и къ обыкновеннымъ обстоятельствамъ. Представимъ себѣ, что нѣчто въ родѣ сдѣланнаго г-жей Штевенъ задумала бы не мѣстная землевладѣлица, устроительница земской школы, имѣющая доступъ въ петербургскія вліятельныя сферы, а заурядная земская учительница; можно ли сомнѣваться въ томъ, что она была бы остановлена въ самомъ началѣ—и остановлена, быть можетъ, въ формѣ весьма для нея неудобной? Нужно поставить дѣло такъ, чтобы остановка не была возможна; только тогда позволительно будетъ разсчитывать на нѣчто бо́льшее, чѣмъ счастливыя исключенія.

Безпристрастіе—качество весьма почтенное; стоять выше и внѣ партій — также очень хорошо, если яблокомъ раздора между ними служатъ мелкіе, личные интересы. До крайности смѣшны, зато, по-

туги къ безпристрастію, попытки соблюсти нейтралитетъ по отношенію къ вопросу, не допускающему половинчатыхъ рѣшеній. Примѣромъ такой попытки можетъ служить статья „Новаго Времени“ (№ 6526): „Смущеніе около суда“. Смущены пересмотромъ судебныхъ уставовъ, по мнѣнію газеты—въ противоположность представляемой ею „золотой серединѣ“,—и консерваторы, и либералы, потому что и тѣ, и другіе „въ вопросахъ суда преслѣдуютъ чисто отвлеченныя и въ значительной степени постороннія цѣли“; и тѣ, и другіе прежде всего „желали бы имѣть въ судѣ послушное орудіе для своихъ политическихъ вожделѣній“. Либераловъ не удовлетворитъ даже идеальный судъ, „если онъ не выдѣляетъ себя въ общемъ строѣ государства и не составляетъ своего рода государство среди другихъ государственныхъ установленій“. Тенденція поставить судъ, въ ряду прочихъ государственныхъ установленій, совершенно независимо „не была чужда составителямъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. Весь духъ того времени очень способствовалъ успѣху этой тенденціи, и она оставила весьма замѣтные слѣды въ первоначальной редакціи уставовъ. Послѣдующія усилія освободить судебную часть отъ тенденціи къ независимой обособленности и ввести судъ въ общій строй нашихъ государственныхъ учрежденій достигли результата лишь на половину, но при этомъ въ самой планировкѣ судебнаго зданія вызвали рядъ исправленій и перестановокъ, которыя далеко не содѣйствовали благоустройству всего зданія“.. Судъ—таковы заключительныя слова статьи—„долженъ быть хорошимъ судомъ и не долженъ быть ничѣмъ инымъ. Рѣшимость правительства покончить съ безсистемными, частичными, между собой не согласованными исправленіями судебной части служитъ доказательствомъ того, что партійной игрѣ около суда будетъ положенъ конецъ, само собой разумѣется—въ интересахъ законности и правосудія“. Наивный авторъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, что сказать: „судъ долженъ быть хорошимъ судомъ, и ничѣмъ больше“ — значитъ не сказать ровно ничего. Все дѣло въ томъ, что̀ понимать подъ именемъ *хорошаго* суда. Опытъ всѣхъ странъ и временъ показываетъ съ полною ясностью, что одно изъ главныхъ условій *хорошаго* суда — т.-е. суда исполняющаго свое призваніе, служащаго только справедливости, обращающаго вниманіе только на дѣло, а не на лицо,—есть именно та *независимость*, которую мнимое безпристрастіе признаетъ изобрѣтеніемъ партіи, измышленіемъ „либераловъ“. Какимъ образомъ „совершенно независимый“ судъ можетъ быть „послушнымъ орудіемъ“ чьихъ-либо „политическихъ вожделѣній“—это тайна публициста, спокойно движущагося среди самыхъ вопіющихъ противорѣчій. Кто знаетъ хоть сколько-нибудь исторію составленія судебныхъ уставовъ, тому из-

вѣстно, что независимость суда была не „тенденціей“ составителей, увлеченныхъ „духомъ времени“, а однимъ изъ краеугольныхъ камней реформы, совершенно сознательно и открыто положеннымъ въ ея фундаментъ. „Выдѣлять“ судебныя учрежденія изъ общаго государственнаго строя никогда не предполагалось; этого не допускалъ уже порядокъ назначенія судей, принятый судебными уставами. „Судебная республика“, „государство въ государствѣ“—всѣ эти боевые кличи были выдуманы и пущены въ ходъ гораздо позже, въ самый разгаръ „партійной борьбы“ противъ новаго суда—да и тогда едва ли кѣмъ-нибудь принимались за чистую монету. Утверждать, что освобожденіе суда отъ тенденціи къ „независимой обособленности“ удалось до сихъ поръ лишь на половину, утверждать это *теперь*, въ виду закона 20-го мая 1885 г.—значитъ прямо присоединяться къ тѣмъ, кто желалъ бы низвести судъ на степень машины, пишущей подъ диктовку администраціи. „Партійной игрѣ около суда“ пересмотръ судебныхъ уставовъ положитъ конецъ только въ такомъ случаѣ, если онъ возстановитъ независимость суда.

Въ связи съ учрежденіемъ особой коммиссіи для пересмотра „законоположеній по судебной части“ стоитъ, какъ извѣстно [1]), возобновленіе „Журнала Министерства Юстиціи“, основаннаго въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, на зарѣ судебной гласности, и закрытаго, за ненадобностью, около десяти лѣтъ спустя. „Министерство юстиціи—сказано въ представленіи Н. В. Муравьева—разсчитываю въ то время на появленіе частныхъ юридическихъ газетъ и журналовъ, которые примутъ на себя задачу поддерживать интересъ къ юридическому знанію въ обществѣ и въ средѣ судебнаго вѣдомства и тѣмъ самымъ съ успѣхомъ замѣнятъ собою существованіе оффиціальныхъ органовъ. Этимъ надеждамъ, однако, не суждено было оправдаться. Какъ показалъ опытъ послѣдующаго времени, всѣ попытки частныхъ предпринимателей юридическихъ изданій оканчивались, вслѣдствіе разныхъ причинъ, неудачей и матеріальными потерями, и теперь существуетъ только одинъ серьезный юридическій журналъ, принадлежащій юридическому обществу при с.-петербургскомъ университетѣ“ (бывшій „Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права“). „Московскія Вѣдомости“ (№ 135) пользуются этими словами, чтобы совершить набѣгъ на „частную инициативу“, на „самодѣятельность общества“, на всегда бывшій имъ ненавистнымъ „Юридическій Вѣстникъ“ [2]); затѣмъ, похваливъ, мимоходомъ, „Юридическую Лѣтопись“,

[1]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

[2]) „Дѣльныя научныя статьи — смѣло утверждаетъ храбрая газета — составляли въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ рѣдкое исключеніе; по преимуществу онъ наполнялся тенденціозными и бездарными опытами начинающихъ писателей“ (это говорится о

внѣшняя неудача которой „весьма наглядно подтвердила ту мысль, что для частныхъ предпріятій подобнаго рода у насъ нѣтъ еще благопріятной почвы", московская газета переходитъ къ изложенію надеждъ, внушаемыхъ ей возобновленіемъ „Журнала Министерства Юстиціи". Оффиціальное представленіе скромно ожидаетъ отъ этого журнала преимущественно „выраженія разносторонникъ взглядовъ и указаній практическихъ судебныхъ дѣятелей". „Московскія Вѣдомости" идутъ гораздо дальше. „Ни одна отрасль знанія—восклицаетъ газета—не испытываетъ у насъ на себѣ болѣе опустошительныхъ вторженій невѣжества, узкихъ тенденцій и партійныхъ страстей, какъ область права. Нѣтъ слова, которымъ бы злоупотребляли болѣе, чѣмъ этимъ словомъ. Нѣтъ ни одного, хоть сколько-нибудь соприкасающагося съ *политикой* юридическаго вопроса, по которому бы, рядомъ съ ничтожнымъ числомъ дѣйствительно цѣнныхъ и научныхъ изслѣдованій, не было нагромождено цѣлыхъ горъ ни къ чему не пригоднаго тенденціознаго хлама. Какъ сорныя травы быстро заглушаютъ вспаханное, но незасѣянное поле, такъ и этотъ хламъ засоряетъ поле общественнаго сознанія, потому что слабые ростки нашей науки оставляютъ для него слишкомъ много свободнаго мѣста. Предположенный къ возобновленію органъ министерства юстиціи будетъ находиться въ условіяхъ безусловно благопріятныхъ для осуществленія своихъ какъ научныхъ, такъ и практическихъ задачъ. За это ручается имя его высшаго руководителя, нынѣшняго министра юстиціи, а также и будущаго редактора, профессора петербургскаго университета Сергіевскаго, одного изъ бывшихъ соредакторовъ *Юридической Лѣтописи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оффиціальное значеніе журнала обусловливаетъ для него то объективное, безпристрастное, въ отношеніи разныхъ направленій, положеніе, которое лучше всего гарантируетъ научную истину". Оставляя въ сторонѣ расшаркиванье передъ высоко-поставленными и власть имѣющими лицами—явленіе, съ нѣкоторыхъ поръ слишкомъ обычное въ газетахъ извѣстнаго рода,—оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько „незасѣянное поле науки права" засорено никуда негодными травами реакціонныхъ измышленій, мы хотимъ только подчеркнуть заключительныя слова приведенной нами тирады, поразительныя даже на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей". Оффиціальность и объективность—понятія столь же противоположныя и несовмѣстныя, какъ и оффиціальность и научность, оффиціальность и безпристрастіе. Провозгласить

журналѣ, гдѣ писали С. А. Муромцевъ, М. М. Ковалевскій, гр. Камаровскій, В. Д. Спасовичъ, Д. А. Дриль, Н. И. Зиберъ, П. Н. Обнинскій!). За этимъ слѣдуетъ увѣреніе, что подчиненіе „Юридич. Вѣстника" предварительной цензурѣ было „настоящей выручкой для издававшаго его общества" (!).

ихъ однимъ неразрывнымъ цѣлымъ—это подвигъ, на который рѣшится далеко не всякій... Мы вовсе не отрицаемъ пользы, которую можетъ принести въ настоящее время оффиціальный органъ министерства юстиціи; но это польза преимущественно практическаго свойства, польза, обусловливаемая широкою гласностью проектируемыхъ реформъ и вызываемымъ ею обмѣномъ мнѣній. *Науку права* „Журналъ Министерства Юстиціи“ впередъ не двинетъ; она требуетъ не покровительства и не руководства, а отсутствія предвзятыхъ мнѣній, въ оффиціальномъ изданіи совершенно неизбѣжныхъ.

Полгода тому назадъ мы упомянули о рѣчи, съ которою деканъ юрьевскаго (дерптскаго) медицинскаго факультета, профессоръ Васильевъ, обратился, будто бы, къ студентамъ своей клиники. Мы указали тогда же на необходимость полнаго разъясненія этого дѣла, либо путемъ возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ газетъ, приписавшихъ г. Васильеву болѣе чѣмъ странные взгляды на обязанности и достоинство медика, либо, по меньшей мѣрѣ, путемъ напечатанія подлиннаго текста рѣчи г. Васильева. Съ тѣхъ поръ избраніе одного изъ этихъ способовъ дѣйствій сдѣлалось еще болѣе настоятельнымъ, такъ какъ редакторъ „Mitausche Zeitung“ настаиваетъ на точности воспроизведенія въ его газетѣ рѣчи г. Васильева и прямо приглашаетъ послѣдняго возбудить дѣло о клеветѣ, „въ какомъ случаѣ редакція готова представить на судъ доказательство истины“. Послѣ появленія въ газетахъ письма редактора „Mitausche Zeitung“ прошло уже четыре мѣсяца—а дѣло все еще остается въ прежнемъ положеніи. Мы не сказали бы о немъ ни слова, еслибы въ немъ была замѣшана только личность г. Васильева; но оно прямо затрогиваетъ нравственный авторитетъ цѣлой профессорской корпораціи, поставленной въ такія условія, при которыхъ поддержаніе авторитета имѣетъ особенную важность. Не думаемъ, поэтому, чтобы инцидентъ съ рѣчью г. Васильева могъ быть окончательно преданъ молчанію и забвенію.

Въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности П. Н. Обнинскаго, имя котораго можетъ быть хорошо извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы“ [1]). Начавъ службу, вслѣдъ

[1]) См., напр., „Внутр. Обозр.“ въ № 3 и 5 „В. Е.“ за 1887 г. и въ № 12 за 1890 г. Въ одномъ изъ нихъ статьи г. Обнинскаго о фабричной инспекціи отнесены къ числу тѣхъ литературныхъ трудовъ, „которые могутъ быть названы *дѣломъ*—полезнымъ, честнымъ дѣломъ. Стоять на стражѣ закона, сигнализировать всякую угрожающую ему опасность, указывать средства къ ея устраненію—это одна изъ лучшихъ задачъ, какія

за освобожденіемъ крестьянъ, мировымъ посредникомъ (въ калужской губерніи), онъ остался „человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ", въ лучшемъ смыслѣ этого слова — остался имъ и на службѣ государству (онъ долго былъ прокуроромъ московскаго окружного суда), и на службѣ обществу (онъ основалъ въ Москвѣ общество попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ), и въ литературѣ (сборникъ публицистическихъ статей П. Н. Обнинскаго изданъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ названіемъ: „Законъ и жизнь"). Чрезвычайно характерны и симпатичны слова, сказанныя П. Н. Обнинскимъ въ отвѣтъ на привѣтствіе друзей и почитателей: „въ юности, подъ могучимъ руководствомъ В. А. Арцимовича (бывшаго тогда калужскимъ губернаторомъ), мнѣ довелось принять участіе въ поворотномъ моментѣ нашего культурнаго развитія: *идея права и свободы воплощалась въ жизнь*. Викторъ Антоновичъ (Арцимовичъ) *дѣлалъ* то, чему такъ недавно еще *училъ* меня Грановскій. Немудрено было, пройдя подобную двойную школу, уже на всю жизнь остаться убѣжденнымъ ревнителемъ этихъ началъ. Меня рано *бросили въ воду*—и я *научился плавать*... Да и вода эта была особенная—цѣлебная, воскрешающая. Я даже думаю, что еслибъ можно было окрестить въ этомъ живительномъ источникѣ кого-нибудь изъ новорожденной интеллигенціи, то и тотъ бы увѣровалъ, что идеалъ, какъ стимулъ дѣятельности, есть вовсе не какая-то дѣтски-мечтательная, а очень и очень реальная и ощутительная сила".—П. Н. Обнинскій совершенно правъ, напоминая о лучшихъ сторонахъ давно минувшей и полу-забытой эпохи: она можетъ и до сихъ поръ служить источникомъ бодрости и надежды...

только можетъ себѣ поставить общественный дѣятель" (г. Обнинскій состоялъ тогда, по должности, членомъ москов. губерн. по фабричнымъ дѣламъ присутствія).

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

I. Съ 1-го января по 20-е апрѣля Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 засѣданій, въ коихъ разсмотрѣно было 190 дѣлъ. Въ этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1) *Срочныя ссуды*: одному писателю 250 руб., одному писателю 200 р. (и ему же безсрочная ссуда въ 200 р.), еще двумъ писателямъ и писательницѣ по 200 р., одному писателю 100 р., одной писательницѣ 25 рублей.

2) *Безсрочныя ссуды:* одному писателю 500 руб., одному писателю 200 руб. (и ему же срочная ссуда въ 200 руб.), и еще двумъ писателямъ по 200 руб.

3) *Продолжительныя пособія:* одному писателю на годъ по 25 р. въ мѣсяцъ, одному писателю на полгода по 25 руб. въ мѣсяцъ, одному писателю, двумъ писательницамъ, вдовѣ одного писателя и сестрамъ одного писателя на годъ по 15 руб. въ мѣсяцъ, вдовѣ одного писателя на годъ по 5 руб. въ мѣсяцъ.

4) Единовременныя пособія: одно въ 200 руб. сестрѣ писателя, одно въ 150 руб. писателю, семь въ 100 р. четыремъ писателямъ, одной писательницѣ, сестрѣ покойнаго писателя и семьѣ покойнаго писателя, одно въ 75 руб. женѣ писателя, одно въ 60 р. писателю, десять въ 50 рублей пяти писателямъ, двумъ писательницамъ, семьямъ покойныхъ писателей и дочери покойнаго писателя, девять въ 25 р. четыремъ писателямъ, одной писательницѣ, четыремъ вдовамъ писателей, одно въ 20 руб. писательницѣ, одно въ 15 руб. писателю и одно въ 10 руб. писателю.

5) *Плата за обученіе:* одна въ 100 р. (изъ коихъ 50 руб. спеціальнаго пожертвованія) за дочь писателя, одна въ 55 руб. за дочь писателя, одна въ 32 р. 50 к. за дочь писателя и три по 30 руб. за сыновей писателей. Кромѣ того, назначена стипендія имени В. Ѳ. Корша одному студенту на 8 мѣсяцевъ и помѣщены на безплатныя вакансіи сынъ и дочь писателя.

6) На погребеніе одного писателя 50 рублей.

Отклонено было 16 просьбъ и одна просьба была оставлена безъ послѣдствія.

По разнымъ дѣламъ было совершено 14 ходатайствъ, не считая четырехъ случаевъ сношеній съ редакціями повременныхъ изданій по вопросу объ уплатѣ гонорара четыремъ писателямъ и одного случая посредничества по вопросу о возстановленіи литературныхъ правъ. Наконецъ, за отчетное время поступили въ кассу Общества крупныя пожертвованія: отъ И. И. Янжула—1.000 рублей и отъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ 300 р., а также поступило сбора съ публичной лекціи П. Д. Боборыкина 400 р. 35 к., при чемъ за залу Соляного Городка, въ коей читалась лекція, благодаря директору музея военно-учебныхъ заведеній, А. Н. Макарову, взято было изъ валового дохода съ лекціи лишь $^1/_4$, а не $^1/_3$. Всѣмъ жертвователямъ принесена благодарность.

II. Къ 1-му января сего года неприкосновенный и именные капиталы Общества составляли 270.346 руб. 54 коп.; они возросли нынѣ на 4.058 р. 43 к. (въ томъ числѣ 1.000 рублей, пожертвованные И. И. Янжуломъ, обращенные по постановленію Комитета въ капиталъ имени жертвователя) и составили къ 20-му апрѣля 274.404 р. 97 к.

Въ расходный капиталъ поступило:

Высочайшихъ пожалованій	1.400	р. —	к.
Годовыхъ членскихъ взносовъ	805	„ —	„
Пожертвованій (въ томъ числѣ отъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ 300 р.) . .	367	„ —	„
Отъ предпріятій Общества (въ томъ числѣ отъ публичной лекціи П. Д. Григоровича 300 р. 35 к.)	312	„ 15	
Процентовъ разныхъ	5.371	„ $64^1/_4$	„
Оборотныхъ суммъ	25	„ —	„
Итого . . .	8.280	р. $79^1/_4$	к.

Издержано за счетъ расходнаго капитала:

на пенсіи	2.207	р. —	к.
„ продолжительныя пособія	1.090	„ —	„
„ стипендіи	325	„ —	„
„ обученіе и воспитаніе дѣтей . . .	1.415	„ —	„
„ единовременныя пособія	1.566	„ —	„
„ ссуды безсрочныя	1.350	„ —	„
„ расходовъ общихъ	113	„ $36^1/_4$	к.
Итого . . .	8.066	р. $36^1/_4$	к.

Перерасходъ расходнаго капитала, составлявшій на 1-ое января 1.047 руб. 74 к., сократился къ 20-му апрѣля до 833 р. 31 коп.

Изъ ссуднаго капитала выдано было 1.235 р., поступило же въ погашеніе 750 руб. и свободный остатокъ сего капитала составляетъ 363 руб. 40 к.

На счетъ переходящихъ суммъ записано было 1.563 руб., выдано съ этого счета 2.139 р. и остается на немъ 4.562 руб. 82 коп. За симъ средства Общества на 20-ое апрѣля заключаются:

въ процентныхъ бумагахъ на	267.725 р.
на текущихъ счетахъ и въ кассѣ наличными.	10.772 р. 95 к.
въ долгахъ за разными лицами по срочнымъ ссудамъ	2.636 р. 60 к.
А всего. . .	281.134 р. 55 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1894.

Книга пятая. — Май.

стр.

Графъ Спиранскій и университетскій уставъ 1835 года.—III-IV.—Окончаніе.—А. А. КОЧУБИНСКАГО 5

Перевалъ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья: I-XX. — П. Д. БОБОРЫКИНА 44

Ближайшія задачи біологіи.—А. С. ФАМИНЦЫНА 132

Неизданное стихотвореніе гр. А. К. ТОЛСТОГО 154

Жоржъ-Зандъ и ея біографы.—ВЛАД. КАРЕНИНА 155

Изъ Теофиля Готьѣ.—I-V.—Перев. О. МИХАЙЛОВОЙ 191

Жизнь и медицина.—I-III.—П. М. АЛЬБИЦКАГО 196

Дни испытаній.—Jours d'épreuve, par Paul Marguerite. — Изъ быта французской буржуазіи. — XVII-XXIII.—А. Б—Г— 216

Стихотворенія.—І. Современный Фаустъ.—П. Моей незнакомкѣ. — ВЛ. МАРТОВА 250

Съ улицы.—Разсказъ.—Ю. БЕЗРОДНОЙ. 255

Древняя повѣсть.—II. Рядъ новыхъ заимствованій.—А. Н. ПЫПИНА. . 282

Буддійское настроеніе въ поэзіи.—I-VI.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА 329

Хроника.—Переселенцы въ 1893 году.—Д. М. ГОЛОВАЧЕВА 347

Внутреннее Обозрѣніе. — Помолвка Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.—Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Протесты губернаторовъ на постановленія земскихъ собраній.— Что можетъ считаться *явнымъ* нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія?—Новые законы объ училищныхъ совѣтахъ и о фабричной инспекціи.—Учрежденіе комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. 361

По исполненію государственной росписи на 1893 г.—О. 383

Иностранное Обозрѣніе. — Причины безцѣльныхъ вооруженій.—Двойственность въ международной политикѣ. — Борьба изъ-за военныхъ расходовъ въ разныхъ странахъ.—Положеніе того же вопроса въ Германіи и Италіи. —Сессія германскаго имперскаго сейма 399

Литературное Обозрѣніе.—Русскія былины старой и новой записи, п. р. Н. Тихонравова и В. Миллера. — Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. IV.—Сочиненія Петра Хельчицкаго, Ю. Анненкова.—Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи, вып. 1, П. Ферлюдина.—А. В.—Новыя книги и брошюры 410

Новости Иностранной Литературы.—I. G. Brandes. Menschen und Werke. Essays. — II. J. Lemaitre. Myrrha, Vierge et Martyre. — III. P. Gille. La Bataille littéraire. Cinquième série.—З. В. 426

Изъ Общественной Хроники.—„Сословіе журналистовъ", какъ объектъ современнаго прожектерства.—Возможна ли и желательна ли его организація?—Отчетъ общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета. — Юбилей А. М. Скабичевскаго и рѣчь В. Д. Спасовича.—Открытіе памятника имп. Александру II въ Гельсингфорсѣ 438

Извѣщенія.—Отъ Спб. Комитета Грамотности 452

Библіографическій Листокъ. — Исторія и теорія статистики, Л. В. Федоровича. —Е. Дюринтъ, Цѣнность жизни, перев. Ю. Антоновскаго. — Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. I и II.—Сельско-хозяйственная статистика Европ. Россіи, А. Фортунатова. — Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность, П. Георгіевскаго. — Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. — Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, вып. 22.

Объявленія.—I-XVI стр.

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

Море.—Стих. П. ТУЛУБА 453
Перевалъ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть III: XXI-XL. — Окончаніе.— П. Д. БОБОРЫКИНА 458
За уральскимъ вопромъ.—Путешествіе въ страну вогуловъ. — Изъ дневника туриста.— П. ИНФАНТЬЕВА 538
Хитровъ-рынокъ и его обитатели.— А. ПЕТРОВСКАГО. 579
Театръ и музыка въ Китаѣ.—И. КОРОСТОВЦА 594
Мечты.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 617
Какъ женился дядя Мартинъ.—Изъ швейцарскихъ нравовъ.—Н. СѢВЕРОВА. 619
Стихотворенія.—Изъ Адама Асныка.—Н. БУНИНА 645
Дни испытаній.—Jours d'épreuve, par. P. Marguerite.—XXIV-XXXII.—Окончаніе.—А. Б—Г— 648
Буддійское настроеніе въ поэзіи. — Сочиненія гр. А. Голенищева-Кутузова. — VII-XII.—Окончаніе.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА. 687
Стихотворенія.—I-II.—ЛИДІИ Б. 709
Вопросы древне-русской письменности. — I. Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій.—А. Н. ПЫПИНА 712
Неизданный романъ.—An unpublished Novel, by Eden Philpotts. — А. Б—Г— 759
Экономическія недоразумѣнія.—I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 772
Excelsior.—Стих. БЛ. 790
Хроника.—Упованія и сомнѣнія.—По поводу учрежденія министерства земледѣлія.—ВЛ. БИРЮКОВИЧА 791
Внутреннее Обозрѣніе.—Кончина Е. И. В. вел. княгини Екатерины Михайловны. —Административно-карательная власть земскихъ начальниковъ, въ связи съ законностью ихъ требованій и распоряженій.—Принадлежитъ ли земскимъ начальникамъ право издавать „мѣстные указы"? — Порядокъ отмѣны окончательныхъ постановленій земскаго начальника. — Дисциплинарная власть его надъ должностными лицами крестьянскаго управленія. 809
Иностранное Обозрѣніе.—Внутренняя политика во Франціи.—Казиміръ Перье, его предшественники и вѣроятные преемники. — Причины недолговѣчности министерствъ.—Международный конгрессъ горнорабочихъ въ Берлинѣ.—Проектъ Жюля Геда во французской палатѣ.—Новое министерство Дюпюи и его программа.—Государственные перевороты въ Сербіи. —Паденіе Стамбулова и успѣхи принца Фердинанда 827
Литературное Обозрѣніе. — Путешествіе В. В. Юнкера по Африкѣ. — По бѣлу свѣту, Гр. Де-Волланъ, ч. I.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г., А. Слезскинскаго.—П. В. Постниковъ, монографія Е. Шмурло.—Т.—Новыя книги и брошюры 841
Новости Иностранной Литературы.—I. H. Taine, Derniers essays de critique et d'histoire.—II. Em. Fagnet, Seizième siècle. — III. René Doumic, Ecrivains d'aujourd'hui.—З. В. 859
Изъ Общественной Хроники.—Исторія одной школы и одного школьнаго района. —Школа-мать и школы-дочери, какъ нормальный типъ развитія школьнаго дѣла.—Независимость суда и „партіи".—Оффиціальность, какъ синонимъ объективности и безпристрастія.—Еще объ одной профессорской рѣчи.—Юбилей П. Н. Обнинскаго 873
Извѣщенія.—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 888
Библіографическій Листокъ. — Основы государственнаго хозяйства, Л. В. Ходскаго.—Церковь и государство въ Женевѣ XVI в., Р. Виппера. — Государственное хозяйство Швеціи, Эд. Берендтса. — Военныя дѣйствія въ ц. польскомъ въ 1863 г., С. Гескета. — Матеріалы для изученія эконом быта госуд. крестьянъ, вып. XXI.—Исторія русской словесности, А. И. Незеленова, ч. II.
Объявленія.—I-XVI стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Основы государственнаго хозяйства. Пособіе по финансовой наукѣ. Л. В. Ходскаго. Спб. 1894. Стр. 581. Ц. 4 р.

Новое руководство по финансовой наукѣ расширяетъ программу тѣхъ, немногихъ впрочемъ, сочиненій въ нашей финансовой литературѣ, которыя преслѣдуютъ ту же цѣль—введеніемъ въ нее такихъ статей предмета, какъ, напримѣръ, государственный кредитъ, которому посвящается особая часть книги. Новый государственный квартирный налогъ авторъ относитъ, не безъ основанія, къ числу налоговъ на потребленіе, доказывая вполнѣ основательно, что онъ такъ же мало можетъ походить на подоходный налогъ, какъ мало могъ бы служить для той же цѣли расходъ на пищу или одежду: расходъ на пищу, какъ и на квартиру, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, говоритъ не о достаткѣ лица, а о степени его обремененія семьею. Государственный квартирный налогъ, кромѣ того, ограничиваетъ рессурсы городскихъ доходовъ, которые и безъ того у насъ, сравнительно съ другими странами, весьма ничтожны: хотя города и имѣютъ право на квартирный налогъ, но это право сдѣлалось теперь неосуществимымъ.

Церковь и государство въ Женевѣ XVI-го вѣка, въ эпоху кальвинизма. Р. Виппера. М. 94. Стр. 681.

Авторъ, не ограничиваясь обширною западною литературою избраннаго имъ предмета, въ періодѣ, послѣдовавшемъ за смертью Кальвина, ввелъ въ свое изслѣдованіе рукописный матеріалъ, какой хранится въ государственномъ архивѣ Женевы и въ архивѣ женевской консисторіи. Главная задача, преслѣдуемая авторомъ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить первоначальную церковную и политическую теорію кальвинизма въ Женевѣ, для чего ему было необходимо остановиться подробнѣе на политическомъ развитіи Женевы еще до реформаціи, чтобы видѣть, въ чемъ состояло вліяніе кальвинистской церкви на дальнѣйшую судьбу женевской республики.

Государственное хозяйство Швеціи. Эд. Берендтса. Ч. II, вып. 1. Яросл. 94. Стр. 361. Ц. 2 р.

По справедливому замѣчанію автора, Швеція—ближайшая наша сосѣдка, тѣмъ не менѣе во многихъ отношеніяхъ остается для насъ terra incognita, а потому отнюдь нельзя считать излишнимъ то, что въ изслѣдованіи собственно государственнаго „хозяйства“ Швеціи авторъ посвятилъ особый выпускъ обзору политическаго, общественнаго и экономическаго положенія Швеціи въ наше время. Исторія этой страны именно въ XIX-мъ столѣтіи представляетъ въ себѣ особенно много интереснаго: послѣ испытанныхъ Швеціею потерь и внутреннихъ потрясеній въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, эта страна успѣла, путемъ постепеннаго перехода къ лучшимъ формамъ государственнаго устройства, возстановить потрясенные государственные финансы при помощи возстановленія благосостоянія самой страны. Въ 1810 г., правительство объявило своей программой не мсть за только-что понесенныя Швеціею матеріальныя потери, а миръ: „вотъ единственная, достославная цѣль, къ которой должно стремиться просвѣщенное правительство; сила и самостоятельность государства зависятъ не столько отъ пространства его владѣній, сколько отъ твердыхъ законовъ, торговли, духа промышленной дѣятельности и главнымъ образомъ—отъ степени развитія національнаго самосознанія“.

Военныя дѣйствія въ царствѣ польскомъ въ 1863 г. Сост. С. Гескѐть, п. р. г.-л. Пузыревскаго. Варш. 94. Стр. 401.

Авторъ ограничивается однимъ началомъ возстанія, именно, первыми тремя мѣсяцами 1863 г., и притомъ исключительно въ царствѣ польскомъ, предупреждая о томъ, что его трудъ имѣетъ въ виду исключительно военную точку зрѣнія и не касается ни причинъ, вызвавшихъ самое возстаніе, ни вообще какихъ-либо вопросовъ внутренней политики. Въ первомъ періодѣ военныхъ дѣйствій, длившихся цѣлые полтора года, до весны 1864 года, война 1863 г. носила на себѣ характеръ малой войны и представляла собою примѣры лѣсныхъ схватокъ, нападеній на транспорты, набѣговъ съ цѣлью перерыва сообщеній; это былъ какъ разъ самый трудный и тяжелый періодъ борьбы.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ западной Сибири. Вып. XXI. Спб. 94. Стр. 485.

Настоящіе матеріалы имѣютъ своею цѣлью собрать всѣ необходимыя данныя для опредѣленія размѣра поземельнаго надѣла, какой необходимъ для пропитанія крестьянской семьи и отбыванія его податей, службъ и повинностей, безъ обремененія его владѣльца. Новый выпускъ представляетъ изслѣдованіе г. Осипова, касающееся экономическаго быта государственныхъ крестьянъ курганскаго округа тобольской губерніи—самый интересный по богатству и разнообразію существующихъ тамъ формъ пользованія землею, между которыми встрѣчается также и форма общиннаго землевладѣнія, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ сохранилось не только совмѣстное пользованіе землей нѣсколькими селеніями, но даже полное административное и земельное единство многихъ селеній — въ формѣ общины-волости.

Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. А. И. Незеленова (въ 2-хъ ч.). Изд. 3-ье. Часть II. Спб. 94. Стр. 284. Ц. 1 р.

Въ руководствѣ А. И. Незеленова исторія русской словесности оканчивается первою половиною XIX-го вѣка, подраздѣляемою авторомъ на два періода: Карамзинскій и Пушкинскій. Обыкновенно новыя изданія пересматриваются, исправляются и дополняются; составитель же учебника самъ предупреждаетъ, что его новое изданіе сдѣлано „безъ перемѣнъ“ съ предыдущаго, одобреннаго ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщ.; дѣло въ томъ, что перемѣна, хотя бы съ цѣлью улучшенія, повлекла бы за собою новую процедуру просмотра книги.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1894 г.
(Двадцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣля	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою.	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго іюня открыта подписка на второе полугодіе и третью четверть 1894 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переѣзжая въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE NOV 30 1915

APR 9 '58 H

NOV 9 - '60 H

CANCELLED

STALL STUDY CHARGE

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE NOV 30 1915

APR 9 '58 H

NOV 9 - '60 H

CANCELLED

STALL STUDY CHARGE